

ФИЛИП ШАФФ

ИСТОРИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ

VI

Средневековое христианство

1294 — 1517 г. по Р.Х.

ИСТОРИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ

HISTORY of the CHRISTIAN CHURCH

Philip Schaff

*Christianus sum. Christiani nihil
a me alienum puto*

VOLUME VI MEDIÆVAL CHRISTIANITY

FROM BONIFACE VIII TO THE PROTESTANT REFORMATION

A.D. 1294 – 1517

BY DAVID S. SCHAFF, D.D.

WM. B. EERDMANS PUBLISHING COMPANY
GRAND RAPIDS MICHIGAN

ИСТОРИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ

Филип Шафф

*Christianus sum. Christiani nihil
a me alienum puto*

ТОМ VI СРЕДНЕВЕКОВОЕ ХРИСТИАНСТВО

От Бонифация VIII до протестантской Реформации

1294 – 1517 г. по Р. Х.

Дэвид Шафф

«БИБЛИЯ ДЛЯ ВСЕХ»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2009

HISTORY OF THE CHRISTIAN CHURCH

Copyright 1910
by CHARLES SCRIBNER'S SONS

Photolithoprinted by
Eerdmans Printing Company
Grand Rapids, Michigan, U.S.A.
ISBN 0-8028-8052-5
Reprinted, February 1994

Перевод: Рыбакова О. А.
Редактирование и верстка: Цыганков Ю. А.
Дизайн обложки: Молчанов А. Ю.

Заказы на книгу, а также все замечания и пожелания
просим направлять по адресу:
196233, Санкт-Петербург, а/я 237
Христианское общество «Библия для всех»,
издательский отдел
Тел. (812) 542-86-61
Эл. почта: bfe@mail.wplus.net
Интернет: <http://www.bible.org.ru>

ISBN 978-5-7454-1151-9

© Русское издание, перевод, оформление, «Библия для всех», 2009

Ректору
и богословскому факультету
Женевского университета,
основанного
ЖАНОМ КАЛЬВИНОМ
и возглавленного его первым ректором
ТЕОДОРОМ БЕЗОЙ,
NOMINA PRÆCLARA,
в знак благодарной признательности
за степень доктора богословия,
которой автор был удостоен
в 350-ю годовщину этого выдающегося
учебного заведения (7-10 июля 1909 г.) ,
и в надежде на еще более полное воплощение
знаменательного женевского девиза
POST TENEBRAS LUX

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот том завершает историю церкви средних веков. Доктор Филипп Шафф однажды сказал, что для Соединенных Штатов средние века — это *terra incognita*, недостаточно исследованная область. Его слова уже неверны, если мы вспомним об образовании, которое дают в наших университетах и богословских семинариях. В Германии за последние двадцать лет изучение этого периода ознаменовалось большим прогрессом, и в настоящее время никакой другой период, за исключением разве что апостольской эпохи, не привлекает такого искреннего интереса ученых и исследователей.

Автор не ставил перед собой апологетической задачи развенчать старые представления, кое-где до сих пор бытующие в наших протестантских кругах, — будто средние века были эпохой суеверий и достойны изучения скорее как курьез, нежели как время, управляемое и движимое всеведущим Провидением. Он пытался изобразить эпоху такой, какой она была, сознавая, что знамения вышших религиозных замыслов существовали бок о бок с проявлениями иерархического высокомерия и схоластических заблуждений. Без Средневековья была бы невозможна Реформация, и эти слова не следует понимать в том смысле, что путь к земле изобилия и солнечного света неизбежно должен проходить через бесплодную пустыню. Мы поступим правильно, если будем считать святого Бернара и Франциска Ассизского, святую Елизавету и святую Екатерину Сиенскую, Жерсона, Таулера и Николая Кузанского выдающимися религиозными деятелями и молиться о том, чтобы эти люди оказали на наше поколение такое же влияние, какое они оказали на своих современников.

Более того, автор никоим образом не собирается выказывать пренебрежение к тем христианам, которые считают так называемые заблуждения протестантизма непреодолимым барьером для христианского общения. Если он и отзывается осуждающе о каких-то личностях, например, о папах конца XV — начала XVI века, то не потому, что они занимали папский престол, а потому, что образ жизни этих людей достоин сурового порицания. Ради единства христианской веры и общения между христианами всех исповеданий и всех веков мы должны быть осторожны в выражениях, чтобы никого не осуждать без учета их внутренней преданности Христу и Его царству, которая вполне может сопровождаться разномыслием в учении или в обрядовых устоях.

В этом томе автор ссылался на труды выдающихся специалистов по Средневековью и исследователей: Грегоровиуса, Пастора, Манделла Крейтона, Ли, Эрле, Денифле, Финке, Шваба, Халлера, Карла Мирбта, К. Мюллера, Кирша, Лозерта,

Янсена, Валуа, Буркхардта-Гейгера, Зибомы и других — протестантов и католиков, живых и уже умерших.

Автор вновь с удовольствием выражает благодарность преподобному Дэвиду Э. Калли, своему коллеге по Западной богословской семинарии, чьи исследования по средневековой истории и ученость сыграли крайне благотворную роль — он прочел рукопись, прежде чем она была отправлена в печать, и корректуру, прежде чем текст принял свою окончательную форму.

Но в первую очередь автор признателен за великую честь реализовать надежду последних лет жизни доктора Филипа Шаффа на то, что его «История христианской церкви» (рассматривающая в первом — четвертом томах первые десять веков ее деятельности, а в шестом и седьмом — немецкую и швейцарскую Реформацию) будет дополнена рассказом о немаловажном периоде 1050 — 1517 годов.

Дэвид С. Шафф
ЗАПАДНАЯ БОГОСЛОВСКАЯ СЕМИНАРИЯ,
ПИТТСБУРГ

ШЕСТОЙ ПЕРИОД
УПАДОК ПАПСТВА И ПРЕДДВЕРИЕ
СОВРЕМЕННОГО ХРИСТИАНСТВА,
ОТ БОНИФАЦИЯ VIII
ДО МАРТИНА ЛЮТЕРА
1294 — 1517

§1. Введение

Два столетия между 1294 и 1517 г., между возвышением Бонифация VIII и моментом, когда Лютер прибил девяносто пять тезисов к двери виттенбергской церкви, знаменуют постепенный переход от средних веков к современности, от всеобщего признания папской теократии в Западной Европе к утверждению национальной независимости, от высшей власти священства к интеллектуальной и духовной свободе личности. Многие уходят в прошлое и появляются признаки нового порядка. Старые установления распадаются. Схоластическая система богословия утрачивает власть над умами людей и даже становится объектом насмешек. Злоупотребления раннего Средневековья вызывают протесты. Раздаются требования реформ, ставящих во главу угла Писание, и ширятся призывы ко всеобщему благополучию человечества. Присущие церкви жизненные силы ищут выражение в новых формах благочестия и милосердия.

Сила папства, которое заявляло о непогрешимости суждения и о господстве во всех областях человеческой жизни, была подорвана из-за ошибок, претензий и обмирщенности самого папства, проявившихся в политике Бонифация VIII, в переносе папской резиденции в Авиньон и в губительном расколе, из-за которого почти полвека в Европе одновременно правили по два, а то и по три папы, причем каждый из них называл себя наместником Бога на земле.

Дух национальной свободы, пробудившийся в эпоху крестовых походов, усилился и успешно сопротивлялся папской власти сначала во Франции, а потом и в других районах Европы. Князья утверждали, что имеют высшую власть над гражданами своих владений, и настаивали на том, чтобы церковь несла свою долю ответственности перед государством. Германия уступила Франции лидерство в Европе. Роль Англии становилась все более и более заметной.

Трактарианская литература XIV века заявила о правах человека и о принципах обычного права, возражая против притязаний папства и догматизма схоластической системы. Светские авторы стали первопроходцами мысли. Начал формироваться практический взгляд на миссию церкви. Данте с беспрецедентной смелостью раскритиковал жизнь пап, поместив некоторых преемников святого Петра в низшие круги ада.

Реформаторские соборы в Пизе, Констанце и Базеле почти на пятьдесят лет (1409 — 1450) превратили Европу в арену церковных и религиозных споров. Хотя им не удалось найти лекарство от бездуховности, распространившейся в церкви, они подали пример свободной дискуссии и своими выдающимися законодательскими постановлениями заявили, что высшая церковная власть исходит не от избранных иерархов, правящих остальной церковью, а коренится в самом теле Церкви.

То, что нет смысла ждать более или менее существенных реформ от папства и иерархии, стало видно в последние годы периода (1460 — 1517), когда церковный Рим являл собой зрелище безнравственности и духовного падения, похожее на состояние Римской империи в период упадка.

Религиозная неуспокоенность и устремленность к более достойному образу жизни воплотились в деятельности Виклифа, Гуса и других вождей, которые, ясно понимая истину и отваживаясь, даже под страхом смерти, провозглашать ее всенародно, намного опередили свой век и подали пример всем последующим эпохам.

В то время как среди иерархов христианской церкви процветали грубые амбиции и nepотизм, полнейшее извращение церковных обязанностей и нарушение

фундаментальных принципов христианской жизни, на севере в церковь вливался чистый поток благочестия и мистики из долины Рейна и Нидерландов неосознанно облагораживали почву, на которой суждено было произрасти зерну Реформации.

Эпоха Возрождения, или возвращения к классической культуре, освободила человеческое сознание. Классическими трудами древности снова стали восхищаться, после того как церковь пренебрегала ими в течение тысячи лет. После обнаружения нового континента на Западе расширились и географические границы европейской цивилизации.

Для нашего поколения, живущего четыре века спустя, открытие Америки и поиски путей в Индию представляются замечательными историческими событиями, неожиданностью и пророчеством. В 1453 г. Константинополь окончательно перешел в руки турок, и христианская империя на Востоке распалась. А далеко на Западе велись приготовления к возникновению нового могущественного государства.

Вместе с тем, в самом конце этого периода под руководством и защитой церкви существовал институт, равный которому по жестокости вряд ли встречался в истории человечества, — инквизиция, и папская, и испанская, которая карала смертью еретиков в Испании и ведьм в Германии.

Как следствие, европейское общество освобождалось от старых обычаев и догм, основанных на непогрешимости видимой церкви, и в то же время сохраняло крайне вредные верования и обычаи, которые церковь сочла возможным одобрить и пропагандировать. Ему еще не хватало талантов и убеждения, чтобы создать новую богословскую систему. Великие схоласты продолжали властвовать в области доктрины. Не было создано новых церковных норм постоянного характера, подобных каноническому праву. Не наблюдалось такой всепоглощающей страсти, как в предыдущий период крестовых походов и деятельности нищенствующих орденов. Не было выдающихся церковных деятелей, подобных святому Бернару и Иннокентию III. Окончание Средневековья было временем интеллектуальных борений, самоуглубления, душевных исканий и подготовки к такому переустройству, осуществить которое самостоятельно этот период просто не мог.

ГЛАВА I

УПАДОК ПАПСТВА И АВИНЬОНСКОЕ ИЗГНАНИЕ. 1294 — 1377

§2. Источники и литература

Труды о периоде в целом см. в т. V (1. 1-3), например, сборники MANSI, MURATORI и Rolls Series; Friedberg, *Decretum Gratiani*, 2 vols., Leipzig, 1879 — 1881; Hefele-Knöpfler: *Conciliengeschichte*; Mirbt: *Quellen zur Geschichte des Papstthums*, 2e ed., 1901; труды GREGOROVIVS и BRYCE, общие истории церкви и учения; GIESELER, HEFELE, FUNK, HERGENRÖTHER-KIRSCH, KARL MÜLLER, HARNACK, LOOFS, SEEBERG; энциклопедии: HERZOG, WETZER-WELTE, LESLIE STEPHEN, ROTHAST и CHÉVALIER; атласы: F. W. PUTZGER, Leipzig, HEUSSI и MULERT, Tübingen, 1905, и LABBERTON, New York. L. PASTOR: *Geschichte der Papste*, etc., 4 vols., 4th ed., 1901 — 1906, и MANDELL CREIGHTON: *History of the Papacy*, etc., London, 1882 — 1894, также освещают период целиком в своих трудах и вступительных главах к ним. Общего сборника церковных трудов, подобного *Latin Patrology* Миня, для этого периода не существует.

К §3, 4. Бонифаций VIII. *Regesta Bonifatii* в ROTHAST: *Regesta pontificum rom.*, II, 1923-2024, 2133 sq. — *Les Registres de Boniface VIII*, ed. Digard, Fauçon et Thomas, 7 Fasc., Paris, 1884 — 1903. — Птолемей из Лукки, *Hist. Eccles.*; Bernardus Guidonis, *Vitae Pontif.*; Amalricus Augers, *Chron. Pontif.*; Ferretus Vicentinus, *Hist. rerum in Italia gestarum* и Villani, *Chronica universale* — все в Muratori: *Rerum Ital. Scriptores*, III. 670 sqq., X. 690 sqq., XI. 1202 sqq., XIII. 348 sqq. — *Selections from Villani*, перев. Rose E. Selfe, ed. P. H. Wicksteed, Westminster, 1897. — Finke: *Aus den Tagen Bonifaz VIII*, Münster, 1902. Приводит ценные документы, pp. i-ccxi. Также *Acta Aragonensia. Quellen... zur Kirchen und Kulturgeschichte aus der diplomatischen Korrespondenz Jayme II, 1291 — 1327*, 2 vols., Berlin, 1908. — DÖLLINGER: *Beiträge zur politischen, kirchlichen und Kulturgeschichte der letzten 6 Jahrh.*, 3 vols., Vienna, 1862 — 1882. Vol. III, pp. 347-353, содержит *Life of Boniface drawn from the Chronicle of Orvieto*, написанную очевидцем, и другие документы. — DENIFLE: *Die Denkschriften der Colonna gegen Bonifaz VIII*, etc., в *Archiv für Lit. und Kirchengeschichte des M. A.*, 1892, V. 493 sqq. — DANTE: *Inferno*, XIX. 52 sqq., XXVII. 85 sqq.; *Paradiso*, IX. 132, XXVII. 22, XXX. 147. СОВРЕМЕННЫЕ ТРУДЫ. — J. RUBEUS: *Bonif. VIIIe familia Cajetanorum*, Rome, 1651. Прославляет Бонифация как идеального папу. — P. DUPUY: *Hist. du différend entre le Pape Bon. et Philip le Bel*, Paris, 1655. — BAILLET (янгенист): *Hist. des désmelez du Pape Bon. VIII avec Philip le Bel*, Paris, 1718. — L. TOSTI: *Storia di Bon. VIIIe de' suoi tempi*, 2 vols., Rome, 1846. Прославление Бонифация. — W. DRUMANN: *Gesch. Bonifatius VIII*, 2 vols., Königsberg, 1862. — Кардинал WISEMAN: *Pope Bon. VIII*, в его *Essays*, III. 161-222. Апологический труд. — BOUTARIC: *La France sous Philippe le Bel*, Paris, 1861. — R. HOLTZMANN: *W. von Nogaret*, Freiburg, 1898. — E. RENAN: *Guil. de Nogaret*, в *Hist. Litt. de France*, XXVII. 233 sq.; также *Études sur la politique Rel. du règne de Phil. le Bel*, Paris, 1899. — DÖLLINGER: *Anagni in Akad. Vorträge*, III. 223-244. — HEINRICH FINKE (профессор из Фрейбурга): как выше. Также *Papsttum und Untergang des Tempelordens*, 2 vols., Münster, 1907. — J. HALLER: *Nogaret und Kirchenreform*, Berlin, 1903. — RICH. SCHOLZ: *Die Publizistik zur Zeit Philipps des Schönen und Bonifaz VIII*, Stuttgart, 1903. — *История церкви*. — GIESELER, HERGENRÖTHER-KIRSCH, 4th ed., 1904, II. 582-598, F. X. FUNK, 4th ed., 1902, HEFELE, 3^d ed., 1902, K. MÜLLER, HEFELE-KNÖPFLER:

- Conciliengeschichte*, VI. 281-364. — RANKE: *Univers. Hist.*, IX. — GREGOROVIVS: *History of the City of Rome*, V. — WATTENBACH: *Gesch. des röm. Papstthums*, 2^d ed., Berlin, 1876, pp. 211-226. — G. B. ADAMS: *Civilization during the Middle Ages*, New York, 1894, ch. XIV. — Ст. Bonifatius, автор HAUCK, в Herzog, III. 291-300.
- К §5. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА ПАПСТВА. DANTE ALLIGHIERI: *De monarchia*, ed. WITTE, Vienna, 1874; GIULIANI, Florence, 1878; MOORE, Oxford, 1894. Англ. перев. F. C. CHURCH, с очерком о Данте (автор — его отец, R. W. CHURCH), London, 1878; P. H. Wicksteed, Hull, 1896; Aurelia Henry, Boston, 1904. — Dante, *De monarchia*, Valla, *De falsa donatione Constantini* и другие антипапские документы приводятся в *De jurisdictione, auctoritate et praeeminentia imperiali*, Basel, 1566. Многие из трактатов, возникших вследствие борьбы между Бонифацием VIII и Филиппом IV, приводятся в MELCHIOR GOLDAST: *Monarchia S. Romani imperii, sive tractatus de jurisdictione imperiali seu regia et pontificia seu sacerdotali*, etc., Hanover, 1610, pp. 756, Frankfurt, 1668. С предисловием, содержащим посвящение электору Иоанну Сигизмунду Бранденбургскому; в DUPUY: *Hist. du Différend*, etc., Paris, 1655, и в Finke and Scholz. См. выше. — Е. ЗЕСК: *De recuperatione terrae Sanctae, Ein Traktat d. P. Dubois*, Berlin, 1906. Общую оценку и критический обзор см. в S. RIEZLER: *Die literarischen Widersacher der Päpste zur Zeit Ludwig des Baiers*, pp. 131-166. Leipzig, 1874. — R. L. POOLE: *Opposition to the Temporal Claims of the Papacy*, в *ero Illustrations of the Hist. of Med. Thought*, pp. 256-281, London, 1884. — FINKE: *Aus den Tagen Bonifaz VIII*, pp. 169 sqq., etc. — DENIFLE: *Chartularium Un. Parisiensis*, 4 vols. — HALLER: *Papsttum*. — Ст. в Wetzler-Welte, Colonna, III. 667-671, и *Johann von Paris*, VI. 1744-1746, etc. — RENAN: *Pierre Dubois in Hist. Litt. de France*, XXVI. 471-536. — HERGENRÖTHER-KIRSCH: *Kirchen-gesch.*, II. 754 sqq.
- К §6. ПЕРЕЕЗД ПАПСТВА В АВИНЬОН. БЕНЕДИКТ XI: *Registre de Benoît XI*, ed. C. Grandjean. — О Клименте V, *Clementis papae V regestum ed. cura et studio monachorum ord. S. Benedicti*, 9 vols., Rome, 1885 — 1892. — ETIENNE BALUZE: *Vitae paparum Avenionensium 1305 — 1394*, посвящено Людовику XIV и занесено в Индекс, 2 vols., Paris, 1693. RAYNALDUS: *ad annum*, 1304 sqq., приводятся оригинальные документы. — W. H. BLISS: *Calendar of Entries in the Papal Registries relating to Great Britain and Ireland*, I — IV, London, 1896 — 1902. — GIOVANNI и MATTEO VILLANI: *Hist. of Florence sive Chronica universalis*, bks. VIII sq. — M. TANGL: *Die päpstlichen Regesta von Benedict XII — Gregor XI*, Innsbruck, 1898. MANSI: *Concil.*, XXV. 368 sqq., 389 sqq. — J. B. CHRISTOPHE: *Hist. de la papauté pendant le XIVe siècle*, 2 vols., Paris, 1853. — C. VON HÖFLER: *Die avignonesischen Päpste*, Vienna, 1871. — FAUÇON: *La Librairie Des Papes d'Avignon*, 2 vols., Paris, 1886 sq. — M. SOUCHON: *Die Papstwahlen von Bonifaz VIII — Urban VI*, Braunschweig, 1888. — A. EITEL: *D. Kirchenstaat unter Klemens V*, Berlin, 1905. — Clinton Locke: *Age of the Great Western Schism*, pp. 1-99, New York, 1896. — J. H. ROBINSON: *Petrarch*, New York, 1898. — SCHWAB: *J. Gerson*, pp. 1-7. — DÖLLINGER-FRIEDRICH: *Das Papstthum*, Munich, 1892. — PASTOR: *Geschichte der Papste seit dem Ausgang des M. A.*, 4 vols., 3^d — 4th ed., 1901 sqq., I. 67-114. — STUBBS: *Const. Hist. of England*. — CAPES: *The English Church in the 14th and 15th Centuries*, London, 1900. — WATTENBACH: *Röm. Papstthum*, pp. 226-241. — HALLER: *Papsttum*, etc. — HEFELE-KNÖPFER: VI. 378-936. — RANKE: *Univers. Hist.*, IX. — GREGOROVIVS: VI. — *История церкви* — GIESELER, HERGENRÖTHER-KIRSCH, II. 737-776, MÜLLER, II. 16-42. — EHRLE: *Der Nachlass Clemens V*, в *Archiv für Lit. u. Kirchengesch.*, V. 1-150. О падении тамплиеров см. литературу в т. V (1), особенно BOUTARIC, PRUTZ, SCHOTTMÜLLER, DÖLLINGER. — FUNK в Wetzler-Welte, XI. 1311 — 1345. — LEA: *Inquisition*, III. FINKE: *Papsttum und Untergang des Tempelordens*, 2 vols., 1907. Т. II содержит испанские документы, ранее не публиковавшиеся и связанные с падением тамплиеров, особенно послания к королю Хайме Арагонскому. Они подтверждают то, что было известно ранее.
- К §7. ПОНТИФИКАТ ИОАННА XXII. *Lettres secrètes et curiales du pape Jean XXII relative a la France*, ed. AUG. COULON, 3 Fasc., 1900 sq. *Lettres communes de p. Jean XXII*, ed. Mollat, 3 vols, Paris, 1904 — 1906. — J. GUÉRARD: *Documents pontificaux sur la Gascogne. Pontificat de Jean XXII*, 2 vols., Paris, 1897 — 1903. — BALUZE: *Vitae paparum*. — V. VELARQUE: *Jean XXII, sa vie et ses œuvres*, Paris, 1883. — J. SCHWALM, *Appellation d. König Ludwigs des Baiern v. 1324, 1906*. — RIEZLER: *D. Lit. Widersacher*. Также *Vatikanische Akten zur deutschen Gesch. zur Zeit Ludwigs des Bayern*, Innsbruck, 1891. — K. MÜLLER: *Der Kampf Ludwigs des Baiern mit der römischen Curie*, 2 vols., Tübingen, 1879 sq. — EHRLE: *Die Spirituellen, ihr Verhältniss zum Franciskanerorden*, etc., в *Archiv für Lit. und Kirchengesch.*, 1885, p. 509 sqq., 1886, p. 106 sqq., 1887, p. 553 sqq., 1890. Также P. J. Olivî: *S. Leben und s.*

Schriften, 1887, pp. 409-540. — DÖLLINGER: *Deutschlands Kampf mit dem Papstthum unter Ludwig dem Bayer in Akad. Vorträge*, I. 119-137. — HEFELE: VI. 546-579. — LEA: *Inquisition*, I. 242-304. — Статьи в Wetzer-Welte, *Franziskanerorden*, IV. 1650-1683, и Armut, I. 1394-1401. Ст. *John XXII* в Herzog, IX. 267-270, и Wetzer-Welte, VIII. 828 sqq. — HALLER: *Papsttum*, p. 91 sqq. — STUBBS: *Const. Hist. of England*. — GREGOROVIVS, VI. — PASTOR: I. 80 sqq.

К §8. Нападки на должность папы. Некоторые из трактатов можно найти в GOLDAST: *Monarchia*, Hanover, 1610, например, *Marsiglius of Padua*, II. 164-312; *Ockam's Octo quaestio-num decisiones super potestate ac dignitate papali*, II. 740 sqq., и *Dialogus inter magistrum et discipulum*, etc., II, 399 sqq. Особые издания приводятся в тексте главы и могут быть найдены под именами Альвара Пелагия, Марсилия Падуанского и др. в ROTHAST: *Bibl. med. aevi*. — *Un trattato inedito di Egidio Colonna: De ecclesiae potestate*, ed. G. U. OXILIA et G. BOFFITO, Florence, 1908, pp. lxxxi, 172. — SCHWAB: *Gerson*, pp. 24-28. — MÜLLER: *D. Kampf Ludwigs des Baiern*. — RIEZLER: *Die Lit. Widersacher der Päpste*, etc., Leipzig, 1874. — MARCOUR: *Antheil der Minoriten am Kampf zwischen Ludwig dem Baiern und Johann XXII*, Emmerich, 1874. — POOLE: *The Opposition to the Temporal Claims of the Papacy*, в *Illust. of the Hist. of Med. Thought*, pp. 256-281. — HALLER: *Papsttum*, etc., pp. 73-89. Англ. перев. *Marsiglius of Padua, The Defence of Peace*, W. Marshall, London, 1636. — М. BIRCK: *Marsilio von Padua und Alvaro Pelayo über Papst und Kaiser*, Mühlheim, 1868. — В. LABANCA, проф. моральной философии из Римского университета: *Marsilio da Padova, riformatore politico e religioso*, Padova, 1882, pp. 236. — L. JOURDAN: *Étude sur Marsile de Padoue*, Montauban, 1892. — J. SULLIVAN: *Marsig. of Padua*, в *Engl. Hist. Rev.*, 1906, pp. 293-307. Исследование рукописей. См. также DÖLLINGER-FRIEDRICH: *Papstthum*; PASTOR, I. 82 sqq.; GREGOROVIVS, VI. 118 sqq., ст. в Wetzer-Welte, *Alvarus Pelagius*, I. 667 sq., *Marsiglius*, VIII, 907-911, etc., и в Herzog, XII. 368-370, etc. — N. VALOIS: *Hist. Litt.*, Paris, 1900, XXIII, 628-623, ст. авторов *Defensor*.

К §9. Финансовая система авиньонских пап. EHRLE: *Schatz, Bibliothek und Archiv der Päpste im 14ten Jahrh.*, в *Archiv für Lit. u. Kirchengesch.*, I. 1-49, 228-365, также *D. Nachlass Clemens V. und der in Betreff desselben von Johann XXII geführte Process*, V. 1-166. — PH. WOKER: *Das kirchliche Finanzwesen der Päpste*, Nördlingen, 1878. — М. TANGEL: *Das Taxenwesen der päpstlichen Kanzlei vom 13ten bis zur Mitte des 15ten Jahrh.*, Innsbruck, 1892. — J. P. KIRSCH: *Die päpstl. Kollektorien in Deutschland im XIV^{ten} Jahrh.*, Paderborn, 1894; *Die Finanzverwaltung des Kardinalkollegiums im XIII u. XIV^{ten} Jahrh.*, Münster, 1896; *Die Rückkehr der Päpste Urban V und Gregor XI con Avignon nach Rom. Auszüge aus den Kameralregistern des Vatikan*. Archiv, Paderborn, 1898; *Die päpstl. Annaten in Deutschland im XIV Jahrh. 1323 — 1360*, Paderborn, 1903. — P. M. BAUMGARTEN: *Untersuchungen und Urkunden über die Camera Collegii Cardinalium, 1295 — 1437*, Leipzig, 1898. — А. GOTTLÖB: *Die päpstl. Kreuzzugsteuern des 13ten Jahrh.*, Heiligenstadt, 1892; *Die Servitientaxe im 13ten Jahrh.*, Stuttgart, 1903. — EMIL GOELLER: *Mittheilungen u. Untersuchungen über das päpstl. Register und Kanzleiwesen im 14ten Jahrh.*, Rome, 1904; *D. Liber Taxarum d. päpstl. Rammer. Eine Studie zu ihrer Entstehung u. Anlage*, Rome, 1906, pp. 106. — HALLER: *Papsttum u. Kirchenreform; also Aufzeichnungen über den päpstl. Haushalt aus Avignonesischer Zeit; die Vertheilung der Servitia minuta u. die Obligationen der Prälaten im 13ten u. 14ten Jahrh.; Die Ausfertigung der Provisionen*, etc., все в *Quellen u. Forschungen*, изд. Королевского Прусского института в Риме (Rome, 1897, 1898). — С. LUX: *Constitutionum apostolicarum de generali beneficiorum reservatione, 1265 — 1378*, etc., Wratislav, 1904. — А. SCHULTE: *Die Fugger in Rom, 1495 — 1523*, 2 vols., Leipzig, 1904. — С. SAMARIN и G. MOLLAT: *La Fiscalité pontifical France au XIVe siècle*, Paris, 1905. — P. THOMAN: *Le droit de propriété des laïques sur les églises et le patronat laïque au moy. âge*, Paris, 1906. Также труд по каноническому праву, Т. HINSCHIUS, 6 vols., Berlin, 1869 — 1897, и Е. FRIEDBERG, 6th ed., Leipzig, 1903.

К §10. Поздние авиньонские папы. *Lettres des papes d'Avignon se rapportant a la France, viz. Lettres communes de Benoît XII*, ed. J. M. Vidal, Paris, 1906; *Lettres closes, patentes et curiales*, ed. G. Daumet, Paris, 1890; *Lettres... de Clement VI*, ed. E. Deprez, Paris, 1901; *Excerpta ex registr. de Clem. VI et Inn. VI*, ed. Werunsky, Innsbruck, 1886; *Lettres... de Pape Urban V*, ed. P. Lecacheux, Paris, 1902. — J. H. ALBANS: *Actes anciens et documents concernant le bienheureux Urbain V*, ed. U. Chevalier, Paris, 1897. Содержит четырнадцать ранних жизнеописаний Урбана. — BALUZE: *Vitae paparum Avenionensium*, 1693. — MURATORI: в *Rer. ital. scripp.*, XIV. 9-728. — CERRI: *Innocenzo VI, papa*, Turin, 1873. MAGNAN: *Hist. d'Urbain V*, 2^d ed., Paris, 1863. — WERUNSKY: *Gesch. karls IV u. seiner Zeit*, 3 vols., Innsb-

ruck, 1880 — 1892. — GEO. SCHMIDT: *Der Hist. Werth der 14 alten Biographien des Urban V*, Breslau, 1907. — KIRSCH: *Rückkehr der Päpste*, как выше. По большей части документы публикуются впервые. — LECHNER: *Das grosse Sterben in Deutschland, 1348 — 1351*, 1884. — C. CREIGHTON: *Hist. of Epidemics in England*, Cambridge, 1891. F. A. GASQUET: *The Great Pestilence*, London, 1893, 2^d ed., под заглавием *The Black Death*, 1908. — A. JESSOPP: *The Black Death in East Anglia* в *Coming of the Friars*, pp. 166-261. — VILLANI, WATTENBACH, p. 226 sqq.; PASTOR, I, GREGOROVIVUS, *Cardinal Alborno*, Paderborn, 1892.

К §11. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПАПСТВА В РИМЕ. Жизнеописания Григория XI в Baluz, I. 426 sqq., и MURATORI, III. 2, 645. — KIRSCH: *Rückkehr*, etc., см. выше. — LEON MIROT: *La politique pontif. et le retour du S. Siege a Rome*, 1376, Paris, 1899. — F. HAMMERICH: *St. Brigitta, die nordische Prophetin u. Ordenstifterin*, Germ. ed., Gotha, 1872. Литературу о св. Бригитте см. в Herzog, III. 239. Труды о Екатерине Сиенской см. в гл. III. Также GIESELER, II, 3, pp. 1-131; PASTOR, I. 101-114; GREGOROVIVUS, VI. См. литературу к §10.

§3. Папа Бонифаций VIII. 1294 — 1303

За благочестивым, но слабым и неспособным отшельником из Мурроне Целестином V, отрeksiмся от папского престола, последовал Бенедикт Гаэтани, из древнего семейства латинских графов, известный в истории как Бонифаций VIII. К моменту избрания ему было почти восемьдесят лет¹, но, как и Григорий IX, он был еще полон сил, обладал мощными интеллектом и волей. Если Целестин имел репутацию святого, то Бонифаций был политиком — властным, беспощадным, лишенным духовных идеалов, ведомым слепой и неутолимой жаждой власти.

Рожденный в Ананьи, Бонифаций, вероятно, изучал в Риме каноническое право, знатоком которого он и был². Он стал кардиналом в 1281 г. и представлял папский престол во Франции и в Англии в качестве легата. На соборе в Париже, созданном для организации нового крестового похода, Бонифаций обратился к нищенствующим монахам с напоминанием, что и он, и они призваны не к придворной известности или учености, а к спасению своих душ³.

Избрание Бонифация папой состоялось в Кастель Нуово, близ Неаполя, 24 декабря 1294 г. Конклав был созван за день до того. Бонифаций не был популярен в народе, и когда несколько дней спустя в Неаполе распространился слух, что Бонифаций умер, то народ отпраздновал это событие с великим ликованием. По пути в Рим понтифика сопровождал Карл II Неаполитанский⁴.

Интронизация сопровождалась празднествами, которые отличались небывалым великолепием. В Латеранский дворец Бонифаций ехал на белом коне, с венцом на голове, в одеянии понтифика. Рядом с ним ехали два правителя, короли Неаполя и Венгрии. За ними следовали Орсини, Колонна, Савелли, Конти и представители других благородных римских семейств. Шествию трудно было прокладывать путь через толпы коленопреклоненных зрителей. Но, как зловещее предзнаменование будущих неудач нового папы, в ходе торжеств над городом разразилась яростная буря, которая погасила все светильники и факелы

¹ Drumann, p. 4, Gregorovivus, etc. Финке (p. 3 sq.), отвергая свидетельство современника, Феррета из Виченцы, на том основании, что «человек с талантами Бонифация просто не мог занимать менее значительное положение» в 60 лет, когда он был сделан кардиналом, заявляет, что Бонифацию было на пятнадцать лет меньше, когда он стал папой.

² А не в Париже, как утверждает Булей без достаточных оснований. См. Finke, p. 6.

³ Финке обнаружил этот документ и приводит его (pp. iii-vii).

⁴ Нет сомнений, что народ радовался, когда пошел слух о смерти папы. Finke, p. 45. А когда объявили о его избрании, то, говорят, люди восклицали: «Бонифаций — еретик, грешник, в нем нет ничего от христианина!».

в церкви. На следующий день папа отобедал в Латеранском дворце, а два короля прислуживали ему.

Пока проходили эти пышные церемонии, Петр из Мурроне почел за лучшее исчезнуть. Не желая рисковать и опасаясь возможного соперничества антипапы, Бонифаций заключил своего несчастного предшественника в темницу, где тот вскоре умер. Причина его смерти не установлена. Партия Целестина обвиняла в ней Бонифация и показывала гвоздь, который, по их словам, бессовестный папа велел вбить Целестину в голову.

С Бонифация VIII начался упадок папства. Когда Бонифаций стал папой, папство находилось на вершине развития. Когда он умер, оно было унижено и подчинено Франции. Бонифаций старался править гордо, во властном духе Григория VII и Иннокентия III, но высокомерие в нем не подкреплялось силой, дерзость — мудростью, притязания — умением распознавать знамения века⁵. Времена изменились. Бонифаций не принял во внимание новый национальный дух, который сформировался в ходе крестовых походов на Востоке и вступил в конфликт со старым теократическим идеалом Рима. Франция, которая теперь владела оставшимися землями графов Тулузских, не собиралась слушаться заальпийских диктаторов. Стремясь сохранить фиктивную теорию папских прав и сражаясь против духа нового времени, Бонифаций утратил престиж, которым апостольский престол пользовался в течение двух столетий, и умер, уязвленный недостойным отношением к себе во Франции.

Французские враги даже обвиняли Бонифация в неверии и отрицании бессмертия души. Конечно, такие обвинения были хулой, но они показывают, насколько упало доверие к папскому сану. Данте, посетивший Рим в период понтификата Бонифация, яростно клеймит его во всех частях своей «Божественной комедии». Он объявляет Бонифация «первоначальником новых фарисеев», узурпатором, который превратил Ватиканский холм в рассадник разврата. Поэт выделит этому папе место рядом с Николаем III и Климентом V среди симонистов в самой скорбной тени, одном из низших кругов ада⁶. Там в земле были прорыты ямы, куда были засунуты головы пап.

...Кто так ногами плакал, в яме сжатый...⁷
 «Кто б ни был ты, поверженный во тьму
 Вниз головой и вкопанный, как свая,
 Ответь, коль можешь», — молвил я ему...

* * *

Он, совестью иль гневом уязвленный,
 Не унимал лежающихся пят.

Современники так описывали понтификат Бонифация: «Он пришел как лис, правил как лев и умер как пес» (*intravit ut vulpes, regnavit ut leo, mortuus est sicut canis*).

Его попытка контролировать дела европейских государств была скорее неудачной, чем успешной, и в этом он похож на Филиппа Красивого Французского. На Сицилии он не смог осуществить план передачи королевства от Арагонского дома королю Неаполя. В Риме он навлек на себя пылкую вражду гордого и могуществен-

⁵Gregorovius (V. 597) называет Бонифация «неудачным напоминанием» о великих папах.

⁶«Туда, где Симон волхв казнится, пленный; И будет вглубь Аланец оттеснен». — *Пай*, XXX. 147 sq. {Здесь и далее «Божественная комедия» цитируется в переводе М. Лозинского (М., 1982). Здесь и далее примечания редактора русского издания помещаются в фигурные скобки или же сопровождаются добавлением «Прим. ред.»}.

⁷*Inferno*, xix. 45 sq. 118.

венного семейства Колонна, попытавшись диктовать им, как распоряжаться фамильными угодьями. Двое из Колонна, Иаков и Петр, кардиналы, были лучшими друзьями Целестина, и вокруг них собирались сторонники этого папы. К их числу принадлежал Якопоне из Тоди, автор *Stabat Mater*, написавший ряд сатирических произведений против Бонифация. Колонна, возмущенные вмешательством папы в их личные дела, выпустили петицию, где отречение Целестина и избрание Бонифация объявлялось незаконным⁸. В ней изобличалось высокомерие Бонифация. Он был представлен похваляющимся, что он выше королей и королевств даже в светских вопросах и что для него не существует закона, кроме его собственной воли⁹. Документ распространяли в церквях. Один экземпляр оставили в соборе Св. Петра. В 1297 г. Бонифаций лишил Колонна их сана, отлучил их от церкви и объявил крестовый поход против них. Два кардинала обратились к собору (средство, к которому в последующие века прибегали многие несогласные с папскими планами). Но плацдармы этого семейства пали один за другим. Судьба последнего из них, Палестрины, была печальной. Два кардинала, с веревками на шее, бросились к ногам папы и выпросили у него прощение, но их имения были конфискованы и отданы племянникам папы и Орсини. Семейство Колонна со временем оправилось от удара и жестоко отомстило своему алчному врагу.

Бонифацию удалось склонить к повиновению немецкого императора Альбрехта. Немецкие посланники были приняты верховным понтификом. Он восседал на престоле с венцом на голове и мечом в руке и восклицал: «Я, я император!» Альбрехт принял свою корону в дар и признал, что папа передал империю от греков германцам и что электоры обязаны уступить право избрания апостольскому престолу.

В Англии Бонифаций столкнулся с яростным сопротивлением. Трон занимал Эдуард I (1272 — 1307). Папа попытался забрать у него корону Шотландии, утверждая, что эта земля является папским леном с глубокой древности¹⁰. Однако английский парламент (1301) быстро и остроумно ответил на это. И английский король не считал нужным отчитываться перед папским престолом за свои мирские деяния¹¹. На этом спор закончился.

А вот конфликт между Бонифацием и Францией заслуживает более детального рассмотрения.

Важным и живописным событием понтификата Бонифация был «святой год», отмечавшийся в 1300 г. Это была удачная выдумка, привлекавшая в Рим толпы паломников и пополнявшая папскую казну. Говорят, даже один старик в возрасте 107 лет проделал путь от Савойи до Рима и рассказал, как его отец брал его на «святой год» в 1200 г. и велел ему посетить это событие век спустя. История интересная, но, похоже, 1300 г. был первым событием подобного рода¹². Булла Бонифация, объявляющая о нем, обещала полное отпущение грехов всем кающимся и исповедующимся, кто посетит собор Св. Петра в течение 1300 г.¹³ Итальянцы должны были оставаться в городе 30 дней, а для ино-

⁸Dupuy, pp. 225-227.

⁹*Super reges et regna in temporalibus etiam presidere se glorians*, etc. (Scholz, p. 338).

¹⁰Tytler, *Hist. of Scotland*, I. 70 sqq.

¹¹Эдуард перенес из Скоуна в Вестминстер священный камень, на котором посвящались шотландские короли. По преданию, он был тем самым камнем, на котором спал Иаков в Вефиле.

¹²Так утверждает Hefele (VI. 315) и другие католические историки.

¹³Potthast, 24917. Булла воспроизведена в Mirbt, *Quellen*, p. 147 sq. Фраза об индульгенции

странцев было достаточно 15 дней. Позже папа распространил действие индульгенции и на тех, кто отправился паломником в Святой город, но умер по пути. Благодатное предложение не касалось только семейства Колонна, Фридриха Сицилийского и христиан, торгующих с сарацинами. Город выглядел празднично. На всеобщее обозрение был выставлен плат святой Вероники, носящий на себе отпечаток лика Спасителя. Собрались невероятные толпы народа. Историк из Флоренции Джованни Виллани, современник событий, свидетельствует на основании личных наблюдений, что в городе постоянно находилось 200 тыс. паломников и что каждый день туда приходило и оттуда уходило по 30 тыс. человек. Пожертвований делалось столько, что два клирика день и ночь находились у алтаря святого Петра, сребрая монеты граблями.

Такой зрелищный и выгодный праздник не мог остаться простым воспоминанием. «Святой год» вошел в традицию. Второе его празднование было назначено Климентом VI на 1350 г. Урбан VI, принимая в расчет краткость человеческой жизни и продолжительность земного служения Господа, постановил, чтобы «святой год» отмечали раз в 33 года. Павел II в 1470 г. сократил этот интервал до 25 лет. Двадцатый раз «святой год» отмечали в 1900 г. при Льве XIII¹⁴. Лев распространил блага празднования и на тех, кто имел желание, но не имел возможности совершить путешествие в Рим.

Бонифаций легко нашел применение сборам «святого года» и другим средствам папской казны. Они позволили ему вести войны против Сицилии и семейства Колонна, а также обогатить своих родственников. Его главным фаворитом был племянник Петр, второй сын его брата Лoeffфреда, графа Казерты. К владениям этого любимчика добавлялось одно поместье за другим, и за четыре года Лев потратил на него громадную сумму, эквивалентную более чем пяти миллионам долларов¹⁵. Непотизм был одним из преступлений, в которых обвиняли Бонифация его современники.

§4. Бонифаций VIII и Филипп Красивый

Одним из основных событий понтификата Бонифация был его губительный конфликт с Филиппом IV Французским, или Филиппом Красивым. Этот монарх, внук Людовика IX, был абсолютно лишен возвышенных духовных качеств, которыми отличался его предок. Он был способным, но вероломным и совершенно не стеснялся в выборе средств для достижения цели. Однако, сколь бы непривле-

гласит: *non solum plenam sed largiorem immo plenissimam omnium suorum veniam peccatorum concedimus*. Villani (VIII. 36) говорит о ней как о «полном и абсолютном отпущении грехов, освобождении от вины и наказания».

¹⁴ Булла Льва от 11 мая 1899 г. предлагала индульгенцию паломникам, посетившим базилики Св. Петра, Латеранского дворца и Санта-Мария-Маджоре. Фрагмент этого документа гласит: «Иисус Христос, Спаситель мира, избрал один лишь город, Рим, превыше всех остальных городов для достойной и более чем гуманной цели и посвятил его Себе». «Святой год» начинался с торжественной церемонии открытия *porta santa*, «святых дверей», ведущих в собор Св. Петра, которые обычно запирают наглухо по окончании праздника. Соответствующая случаю церемония была установлена при Александре VI в 1500 г. Лев провел эту церемонию лично, трижды ударив по двери молотом и произнеши: *Aperite mihi* («Откройся для меня»). Дверь символизирует Христа, открывающего путь для получения духовных благ.

¹⁵ См. Gregorovius (V. 299, 584), который приводит подробный список имений, переданных Бонифацием семейству Гаэтани. Адам из Уска (*Chronicon*, 1377 — 1421, 2^e ed., London, 1904, p. 259) пишет, что «даже постоянно алчущий лис все равно остается худым, вот и Бонифаций, безостановочно объедавшийся симонией, так и не насытился ею до самой смерти».

кательным он ни был, с его правления начинается история современной Франции. В конфликте с Бонифацием он одержал решающую победу. Этот конфликт был повторением конфликта между Григорием VII и Генрихом IV, но в меньшем масштабе и с другим финалом. В обоих случаях папа находился в почтенном возрасте, а монарх был молод и целиком руководствовался эгоистическими побуждениями. Генрих прибег к избранию антипапы, Филипп же полагался на своих советников и на дух новой французской нации.

Наследник теократии Гильдебранда продолжал говорить языком Гильдебранда, но не обладал его моральными качествами. Он претендовал на высшую власть папы в светских и духовных вопросах. В обращении к кардиналам против семьи Колонна он воскликнул: «Как можем мы судить королей и князей, если побоимся выступить против червя! Пусть они погибнут навеки, чтобы они поняли: имя римского понтифика известно по всей земле, и он один владычествует над князьями»¹⁶. Колонна, в одной из прокламаций, обвиняли Бонифация, что он хвалится своей властью над всеми князьями и царствами в мирских вопросах и возможностью поступать как ему угодно вследствие полноты этой власти (*plenitudo potestatis*). В официальном признании императора Альбрехта Бонифаций заявил, что, «как луна не имеет света, кроме того, который она получает от солнца, так и мирские власти получают все, что имеют, от властей церковных». Еще больше претензий Бонифаций предъявил в буллах, выпущенных из-за конфликта с Францией. Папский двор поощрял эти высокомерные заявления. Испанец Арнольд де Вилланова, служивший врачом Бонифация, называет его в своих записках «господом господствующих» (*deus deorum*).

С другой стороны, Филипп Красивый был воплощением государственной независимости. За ним стоял единый народ, его окружали способные государственные деятели и публицисты, отстаивавшие его точку зрения¹⁷.

Конфликт между Бонифацием и Филиппом прошел три стадии: 1) короткую стычку, которая вызвала к жизни буллу *Clericis laicos*; 2) решающее сражение (1301 — 1303), закончившееся унижением Бонифация в Ананьи; 3) яростную борьбу Филиппа против памяти папы, которая закончилась собором во Вьенне¹⁸.

Конфликт начался из-за проблем, связанных с войной между Францией и Англией. Чтобы вооружиться против Эдуарда I, Филипп обложил налогом французских клириков. Они пожаловались Риму, и Бонифаций выразил свое недовольство в булле *Clericis laicos* (1296). Этот документ было велено распространять не только во Франции, но и в Англии. Роберт из Винчелси, архиепископ Кентерберийский, прочел его во всех кафедральных церквях Англии. В первых строках документа неосторожно сказано, что миряне всегда враждебно относились к клиру. Далее говорилось о подчинении государства папскому престолу. Светская власть не должна распоряжаться священниками и средствами церкви. Церковь может делать добровольные дары государству, но любой налог на церковное иму-

¹⁶ *Quomodo presumimus judicare reges et principes orbis terrarum et vermiculum aggredi non audeamus*, etc. (Denifle, *Archiv*, etc., V. 521). Эти и другие цитаты см. в Finke, *Aus den Tagen Bon.*, etc., p. 152 sqq.

¹⁷ Авторы того времени противопоставляли новый, современный им французский народ народу предыдущего периода. Так делает автор трактата 1308 г. в защиту Бонифация VIII (Finke, p. lxxxvi). Он пишет: «Короли современного французского народа уже не следуют по стопам своих предшественников» (*reges moderni gentis Francorum*, etc.). Тот же автор сравнивает Филиппа с Навуходоносором, бунтовавшим против высших сил.

¹⁸ См. Scholz, *Publizistik*, VIII, p. 3 sqq.

щество, взимаемый без согласия папы, получит отпор в виде отлучения или интердикта.

Постановлениями Третьего и Четвертого Латеранских соборов церкви облагались налогами на особые нужды. В 1260 г. Александр IV высвободил клир от этих особых налогов, а в 1291 г. Николай IV предупредил короля Франции, чтобы тот не пользовался в собственных нуждах десятиной, собранной для крестовых походов. У Бонифация было достаточно прецедентов, чтобы делать такие заявления. Но Филипп быстро ответил на буллу, запретив экспорт серебра и золота, лошадей, оружия и других товаров из своего королевства и запретив иностранцам жить во Франции. Эта хитрая мера помешала папской казне получать доходы от Франции и очистила страну от папских эмиссаров. Бонифаций был вынужден пересмотреть свою позицию. В примирительных посланиях, адресованных королю и французским прелатам, он объявил, что его булла была неправильно истолкована. Он не собирался отрицать феодальные и добровольные пожертвования церкви. В случаях необходимости папа готов даровать специальные субсидии. Но и этот документ был столь оскорбительным по тону, что французские епископы просили папу вообще его не отсылать. Папа не внял их просьбе. А чтобы умиротворить Филиппа, Бонифаций выпустил еще одну буллу, 22 июля 1297 г., согласно которой французские короли, достигшие возраста 20 лет, имели право судить, необходимо облагать клир налогом или нет. Месяц спустя он канонизировал Людовика IX, что также было шагом к примирению.

Кроме того, Бонифаций предложил выступить в качестве третьей стороны в споре между Францией и Англией, как частное лицо, Бенедикт Гаэтани. Предложение было принято, но решение не понравилось французскому королю. Папа выразил желание встретиться с Филиппом, но вновь оскорбил короля, попросив у Филиппа одолжить 100 тыс. фунтов брату Филиппа Карлу Валуа, которого Бонифаций назначил командующим папскими войсками.

В 1301 г. раздоры начались снова, когда появился документ, написанный, вероятно, французским адвокатом Пьером Дюбуа¹⁹, который наглядно показал, что замышлял Филипп, ибо вряд ли документ этот мог появиться без его согласия. Автор призывал короля распространить свои владения до стен Рима и дальше и отрицал право папы на светскую власть. Задача понтифика — прощение грехов, молитва и проповедь. Филипп продолжил беззастенчиво захватывать церковную собственность. Лион, на который претендовала империя, он объявил частью Франции. В Рим поступали жалобы на его произвол, и папа послал в Париж Бернара из Сэссе, епископа Памьера, поручив ему призвать короля использовать церковную десятину в подобающих целях — на крестовые походы, и ни на что другое. Филипп выразил недовольство, арестовав папского легата. Гражданский суд судил его как изменника и потребовал сместить его с должности епископа.

Бонифаций ответил буллой *Ausculta fili* («Преклони ухо, сын мой») от 5 декабря 1301 г. В ней он обвинял короля в произволе по отношению к клиру и в разграблении церковного имущества. Папа объявил, что в Риме состоится собор, и призвал явиться на него французских прелатов и самого короля, либо лично, либо в лице представителя. В булле говорилось, что Бог поставил Своего земного наместника выше королей и королевств. Еще больше ухудшило ситуацию то, что

¹⁹ *Summaria brevis et compendiosa doctrina felicitis expeditionis et abbreviationis guerrarum ac litium regni Francorum* (см. Scholz, p. 415).

во Франции распространялась поддельная копия буллы Бонифация, известная как *Deum time* («Побойся Бога»), в которой делались еще более преувеличенные заявления о папских правах. Этот поддельный документ, который предположительно был создан Пьером Флоттом, главным советником короля, был брошен в огонь 11 февраля 1302 г.²⁰ Это было беспрецедентное отношение к папскому бреве. В будущем Лютер бросит в огонь подлинную буллу Льва X, однако между этими двумя поступками мало общего.

Король ответил созывом французского парламента из представителей трех сословий, знати, клира и горожан, которые отвергли папские притязания, пожаловались на назначение иностранцев во французские приходы и заявили о независимости короны от церкви. Пятьсот лет спустя похожий совет из представителей трех сословий выступил против французского королевского дома и объявил об упразднении монархии. В послании к папе Филипп называл его «ваше ослеплённое величество»²¹ и отказывался подчиняться кому бы то ни было в светских вопросах.

Собор, созванный папой, собрался в Риме в последний день октября 1302 г. Там присутствовало 4 архиепископа, 35 епископов и 6 аббатов из Франции. Собор одобрил две буллы. В первой объявлялась анафема всем, кто помешает прелатам совершать путешествия в Рим или возвращаться из этого города. А вторая булла — это самый примечательный из всех папских документов, *Unam sanctam*. Свое название она получила по первым словам, «Мы призваны верить в единую святую католическую церковь». Она знаменует новую эпоху в истории папских заявлений — не потому, что содержала нечто новое, а потому, что в ней с предельной ясностью утверждаются непреложные притязания папства на светскую и духовную власть. Она начинается с заявления о том, что есть только одна истинная церковь, вне которой нет спасения, а папа — это наместник Христа. И тот, кто не подчиняется Петру, не принадлежит и церкви. Церкви подчинены оба меча, духовный и светский. Светский меч используется *во имя* церкви, а духовный — *ею самой*. Духовное сословие может судить мирян, тогда как сами духовники неподвластны человеческому суду. Документ завершается поразительным заявлением, что подчинение римскому понтифику является непременным условием спасения каждого человека.

В этой булле нет ничего такого, о чем раньше не говорили бы Григорий VII и его преемники. Она основана не только на изречениях пап, но и на определениях богословов, таких как Гуго Сен-Викторский, Бернар и Фома Аквинат. Но в *Unam sanctam* высокомерие папства проявилось наиболее неприкрытым и бесцеремонным образом.

²⁰ См. Scholz, p. 357. В подлинности буллы *Ausculta* одно время сомневались, но сейчас она всеми признана. Копия, хранящаяся в Ватикане, поправлена рукой Климента V, который вычеркнул места, особо оскорбительные для Филиппа. Гефеле приводит текст копии, сохранившейся в библиотеке Сен-Виктора.

²¹ *Sciat maxima tua fatuitas in temporalibus nos alicui non subesse*, etc. Hefele (VI. 332) ставит под вопрос подлинность этого документа, но в то же время признает, что он распространялся в Риме в 1302 г. и что сам папа ссылался на него. Считается, что изобретателем этого выражения был Пьер Флотт (Scholz, p. 357). Флотт был бескомпромиссным защитником королевской власти и независимости от папы. Его обращение произвело сильное впечатление на парламент, созданный Филиппом в 1302 г. Вероятно, он был автором антипапского трактата, начинающегося словами *Antequam essent clerici*, текст которого воспроизводится в Dupuy (pp. 21-23). В трактате он утверждает, что церковь состоит не только из клириков, но и из мирян (Scholz, p. 361) и что налоги на церковное имущество не могут считаться вымогательством.

Булла объявляла манихеем любого, кто дерзнет воспротивиться папской власти. Таким образом, Филипп был провозглашен еретиком. И шесть месяцев спустя папа послал кардинала-легата Жана де Муана из Амьена объявить королю о его отлучении за то, что он мешал французским епископам совершать поездки в Рим. Посланец с текстом отлучения был заключен в темницу, а сам легат бежал. Тогда Бонифаций обратился к немецкому императору Альбрехту, велел ему отобрать трон у Филиппа, подобно тому как Иннокентий III призвал французского короля забрать корону у Иоанна, а Иннокентий IV призвал графа Артуа забрать корону у Фридриха II. Альбрехт был достаточно мудр, чтобы отказаться от столь бесперспективного дара. Филипп перехватил папские буллы до того, как они были распространены во Франции. В ответ Бонифаций объявил, что появления буллы на дверях церкви в Риме достаточно, чтобы она вступила в силу.

Французский парламент (июнь 1303) перешел от защиты короля и прав Франции к нападению на Бонифация и на его право занимать папский престол. В 20 статьях парламент обвинил его в симонии, в колдовстве, в безнравственной связи с племянницей, в том, что в его покаях живет бес, в убийстве Целестина и в других преступлениях. Парламент считал нужным созвать общий собор, перед которым папа должен будет предстать лично. Пять архиепископов и 21 епископ подписались под этим документом. Университет и капитул Парижа, монастыри, большие и малые города встали на сторону короля²².

Папа уже готовился предпринять следующий шаг, когда его карьера внезапно прекратилась. На 8 сентября он планировал публично, в церкви Ананьи, со всей доступной церкви торжественностью объявить анафему непокорному королю и потребовать верности от его подданных (в этом же здании Александр III отлучил от церкви Барбароссу, а Григорий IX — Фридриха II). Булла была уже подписана папой, когда, как гром с ясного неба, планы папы были нарушены, а его карьера подошла к концу.

За двести пятьдесят лет, что прошли с тех пор, как Гильдебранд вошел в Рим вместе со Львом IX, папы бывали в плену у императоров, изгонялись из Рима горожанами, бежали, спасая свою жизнь, и умирали в изгнании, но ни одного из них не постигало бедствие столь унижительное и сокрушительное, как то, которое постигло Бонифация. Во Франции был составлен заговор с целью захватить папу и привезти его на собор в Лионе. И 7 сентября мирная жизнь в Ананьи, загородной резиденции папы, была нарушена. Воплощал и, вероятно, замыслил заговор Гильом Ногаре, профессор права из Монпелье и советник короля. Согласно летописцу Виллани²³, родители Ногаре были катарами и были казнены за ересь на костре в Южной Франции. Он был представителем нового класса людей — мрян, способных соперничать в плане знаний с самыми образованными церковными деятелями, и выступал за независимость государства. Ему помогал Шиарра Колонна, который, как и другие представители его рода, нашел убежище во Франции и жаждал отомстить папе за свое изгнание. С небольшим отрядом наемников, среди которых было 300 всадников, они внезапно появились в Ананьи. Бароны Лациума, которым не по душе было возвышение семейства Гаэтани, присоединились к заговорщикам, как и жители Ананьи. Шиарра Колонна захватил и разграбил дворцы двух племянников Бонифация и нескольких кардиналов. Потом он предложил папе жизнь в обмен на выполнение трех требований:

²² Университет выступил за созыв общего собора 21 июня 1303 г. (*Chartul. Univ. Par.*, II. 101 sq.).

²³ VIII. 63. См. Scholz, pp. 363-375, и Holtzmann: *W. von Nogaret*.

восстановить права семьи Колонна, отказаться от папского сана и добровольно сдаться заговорщикам. Условия были отвергнуты, и после трехчасового перерыва атаки и разрушения возобновились. Дворцы сдались один за другим. Была взята папская резиденция. Верховный понтифик, по описанию Виллани²⁴, встретил осаждавших в папских одеяниях, сидя на троне, с венцом на голове и распятием и ключами в руках. Он гордо упрекнул вторгшихся и объявил, что готов умереть за Христа и Его церковь. На требование отречься от папского престола он отвечал: «Никогда. Я папа и умру папой». Шиарра хотел убить его, но Ногаре пресек эту попытку. Дворцы были разграблены, собор сожжен, реликвии если не уничтожены, то захвачены. Одна из реликвий, сосуд, якобы содержащий молоко из груди Марии, был перевернут и разбит. Папа и его племянники пробыли в заточении три дня, так как захватившие их сомневались, везти Бонифация в Лион, отпустить его или убить. Таково было унижение, которое папе пришлось пережить после состоявшегося девятью годами ранее помпезного въезда в Рим при восхождении на престол.

Тем временем настроения жителей Ананьи изменились. Сторонники семьи Гаэтани собрались с силами, освободили Бонифация и изгнали заговорщиков. Восседа наверху лестницы своего дворца, понтифик поблагодарил Бога и народ за избавление. «Вчера, — сказал он, — я был подобен Иову, нищий и без друзей. А сегодня у меня в изобилии есть хлеб, вино и вода». Группа избавителей из Рима препроводила несчастного папу в святой город, где он уже не был больше господином собственной судьбы²⁵. А месяц спустя, 11 октября 1303 г., земная карьера Бонифация закончилась. После его смерти в городе царили мятежи и раздоры. Гаэтани и Колонна воевали друг против друга в Кампанье.

Все свидетельства единодушно сообщают, что смерть Бонифация была достойна жалости. Он умер в тоске и отчаянии, а возможно, и в безумии. Он отказывался от пищи и бился головой о стену. «Он был вне себя», — писал Птолемей из Лукки²⁶, и ему казалось, что все, кто приближался к нему, хотят посадить его в темницу.

Чисто по-человечески мы сочувствуем восьмидесятилетнему старику, умершему в одиночестве и отчаянии. Но всех людей и все человеческие установления рано или поздно ждет суд, принимающий во внимание ошибки и преступления. Унижение Бонифация было лишь отсроченным наказанием за священническое

²⁴ VIII. 63. Доллингер, очень живо рассказывающий об этом, в основном опирается на свидетельства трех очевидцев: члена курии, летописца Орвьето и самого Ногаре. Он отвергает существенную часть рассказа Виллани, которую принимают Ремон, Ваттенбах, Грегориус и другие историки. Данте и Виллани, которые в один голос осуждают высокомерие и nepotизм папы, все же жалели о недостойном обращении с Бонифацием в Ананьи и радовались его избавлению, которое было уподоблено воскресению Христа из мертвых. Данте не упоминает о Шиарре Колонна и других итальянских князьях, участвовавших в заговоре. Описание Данте приводится в *Paradiso*, XX. 86 sqq. («Христос в Своем наместнике пленен, И торжествуют лилии в Аланье [Ананьи]»).

²⁵ Феррет из Виченцы (Muratori: *Scriptores*, IX. 1002) сообщает, что Бонифаций хотел перебраться из собора Св. Петра в Латеранский дворец, но Колонна передали ему, что он состоит под стражей.

²⁶ *Extra mentem positus*. Феррет рассказывает, что Бонифаций впал в ярость, изгрыз свой посох, бился головой о стену, а потом повесился. Виллани (VIII. 63) говорит о «странной болезни», постигшей папу, так что он грыз себя, как безумец. Летописец Орвьето (см. Döllinger: *Beiträge*, etc., III. 353) утверждает, что Бонифаций умер от горя и старческих немощей (*ubi tristitia et senectutis infirmitate gravatus mortuus est*). Милосердно было бы предположить, что старый враг папы, камень, вернулся, чтобы терзать его. От этой болезни его временно исцелил испанский врач Арнольд из Виллановы (см. Finke, p. 200 sqq.).

высокомерие его предшественников и его самого. Он пострадал отчасти из-за иерархической гордости, которую унаследовал, а отчасти — из-за собственного самомнения. Виллани и другие современники представляют кончину папы как заслуженную кару за его беззастенчивый nepотизм, за его напыщенную гордость и за его безжалостную строгость к тем, кто осмеливался противиться его планам, а также за его отношение к слабому отшельнику, его предшественнику. Один из летописцев сообщает, что моряки, проплывавшие мимо Липарских островов, где якобы находился вход в ад, слышали, как злые духи ликуют и восклицают: «Откройте! Откройте! Впустите папу Бонифация в адские области!»

Католические историки, такие как Гергенротер и Кирш, которым дороги идеалы прошлого, делают смелую попытку защитить Бонифация, хотя и не отрицают, что ему не хватало такта, а его речи были слишком грубы. Кардинал Генгенротер ничуть не сомневается²⁷, «что Бонифаций не руководствовался недостойными мотивами, не отклонялся от путей его предшественников и не выходил за границы юридических представлений Средневековья». Финке, также католик, последний по времени из тех, кто изучал личность и служение Бонифация, признает интеллектуальные способности папы, но вместе с тем отмечает его гордость и высокомерие, презрительное отношение к другим людям, вздорный дух и манеры, оставившие его без друзей, nepотизм и жадность. Как говорил современник Бонифация, этот папа собирался умереть, «лишь когда будут повержены все его враги».

Резко контрастирует с общим суждением католических историков мнение Грегоровиуса: «Бонифаций был лишен всех апостольских добродетелей. Это был человек страстного темперамента, склонный к насилию, без веры, недобросовестный, непрощающий, полный амбиций и жажды мирской власти». И таким будет мнение всех, кто не считает себя обязанным защищать институт папства.

Унижение Бонифация VIII было заметной победой государства над папством. Папские желания господствовать над светской властью противоречат правам человека и не соответствуют закону Божьему. Об этом будут заявлять в своих смелых произведениях юристы и поэты Франции и Италии, а полвека спустя — Виклиф. Эти адвокаты независимости государства были истинными преемниками тех правоведов, которые на равнине Ронкальи отстаивали ту же теорию перед Фридрихом Барбароссой. А через двести лет после конфликта между Бонифацием и Филиппом Красивым Лютеру предстояло принять бой за духовную независимость отдельной личности. И эти два принципа, отвергнутые из-за гордости священников и богословских заблуждений средних веков, стали основой современной цивилизации.

Булла Бонифация *Unam Sanctam*

Огромная важность буллы Бонифация *Unam Sanctam*, выпущенной против Филиппа Красивого 18 ноября 1302 г., оправдывает ее воспроизведение как в переводе, так и в латинском оригинале. Это одно из самых известных выступлений пап, и оно столь же изобилует ошибками, как и булла Иннокентия VIII против колдовства, выпущенная в 1484 г. Здесь представлена теория превосходства духовной власти над светской, власти папства — над властью князей, в своем самом категорическом выражении. Вот перевод:

²⁷ *Kirchengesch.*, II. 597 sq. Бонифаций называл французов «псами», а Филиппа — уличным мальчишкой (*garçon*). Его любимым словом было *ribaldus*, «мошенник», и Карла Неаполитанского он называл «подлейшим из мошенников» (*vilissimus ribaldus*). См. Finke, p. 292 sq. Мнение Финке отчасти основано на новых документах, найденных им в Барселоне и других библиотеках.

Бонифаций епископ, раб рабов Божьих. Для руководства в дальнейшем:

Вера наша призывает нас верить и утверждать, что существует только одна Святая Католическая и Апостольская Церковь. Мы твердо убеждены и исповедуем, что вне ее нет ни спасения, ни отпущения грехов, как жених заявляет в Песни песней: «Она, голубица моя, чистая моя; единственная она у матери своей, отличенная у родительницы своей». Эта церковь представляет единое мистическое тело Христа, и глава этого тела Христос, а Христу глава Бог. Есть лишь один Господь, одна вера и одно крещение. Так и во времена потопа был только один Ноев ковчег, символизирующий одну церковь, и он был построен по мере в один локоть, и Ной был единственным кормчим и капитаном, а все живые существа на земле вне ковчега, как мы читаем, погибли. Эту церковь мы почитаем как единственную, как Господь говорил через пророка: «Избавь от меча душу мою и от псов одинокую мою». Он молился за душу Свою, то есть за Себя, главу и тело. И это тело Он называл единым телом, которое есть церковь, так как один жених, одна вера, таинства и любовь церкви. Она — бесшовный хитон Господа, который не был разделен, а был разыгран с помощью жребия. Следовательно, у этой единой и единственной церкви лишь одна глава, а не две — ибо если бы у нее было две главы, она была бы чудовищем, — то есть Христос — и наместник Христа, Петр — и преемник Петра. Ибо Господь сказал Петру: «Паси овец Моих». «Моих» — Он сказал в общем значении, а не в частном, то есть и этих овец, и тех, — под чем следует понимать, что Петру были вверены все овцы. Итак, если греки или кто-то еще говорят, что они не были вверены заботе Петра и его преемников, они должны признать, что не являются овцами Христа, ведь Господь сказал Иоанну: «Будет одно стадо и один Пастырь».

И евангелия учат нас о том, что в ее власти находятся два меча — духовный и светский. Ибо когда апостолы говорили: «Вот, здесь [то есть в церкви] два меча», — то Господь сказал им в ответ не «Двух мечей слишком много», а Он сказал им: «Довольно». И нет сомнений, что любой отрицающий власть Петра над светским мечом не внимает словам Господа, Который говорил Петру: «Вложи меч в ножны». Следовательно, оба меча во власти церкви, то есть и духовный меч, и светский меч; последний используется ради церкви, а первый — самой церковью; первый — священниками, а последний — князьями и королями, но по указанию и с согласия священников. Один меч обязательно должен быть подчинен другому, светская власть — духовной. Ибо апостол сказал: «Нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены»; и они не могли бы быть установлены, если бы один меч не был подчинен другому, если бы низшее не было подчинено высшему. Ибо, согласно Дионисию, божественный закон заключается в том, чтобы низшее, посредством среднего, достигало высшего. Не соответствует закону вселенной, чтобы все вещи в равной мере и мгновенно достигали своей цели, но низшее достигает ее через среднее, а среднее — через высшее. Не подлежит сомнению, что духовная власть превосходит земную по достоинству и славе в той же мере, в какой духовное выше земного. Мы ясно видим это из дара десятины, из служений благословения и освящения, из того способа, которым получают земную власть, и из самого управления подчиненными царствами. Ибо истина свидетель, духовная власть имеет право учреждать власть светскую и судить ее, если та оказывается недостаточно хороша²⁸. О церкви и власти церкви пророчество Иеремии гласит: «Смотри, я поставил тебя в сей день над народами и царствами, чтобы искоренять и разорять, губить и разрушать, созидать и насаждать».

Если земная власть отклоняется от правильного пути, то духовная власть судит ее. А если меньшая духовная власть отклоняется от правильного пути, то низшего по рангу судит тот, кто стоит над ним. Если же высшая власть [папство] отклоняется, ни один человек не может судить ее, но один лишь Бог. Так и апостол свидетельствует: «Духовный судит о всем, а о нем судить никто не может». Но эта власть, хотя она и дана человеку и осуществляется через человека, — не человеческая власть, а божественная, вверенная Петру посредством Божьего слова и подтвержденная для Петра и его преемников Христом, Которому исповедовался Петр — тот самый, кого Христос назвал Камнем. Ибо Господь сказал самому Петру: «Что свяжешь на земле...» и т. д. Следовательно, тот, кто сопротивляется этой власти от Бога, сопротивляется Божьему установлению, если только он не считает, что в мире есть два

²⁸ Этот фрагмент почти дословно основан на Гуго Сен-Викторском (*De Sacramentis*, II, 2, 4).

принципа, — как манихей, учение которых мы объявляем ложным и еретическим. Ибо Моисей свидетельствовал, что Бог сотворил небо и землю не в началах, но «в начале».

И далее, мы утверждаем, определяем, постановляем и объявляем, что каждому человеку для спасения совершенно необходимо подчиняться римскому понтифику.

*Bonifatius, Episcopus, Servus servorum Dei. Ad futuram rei memoriam*²⁹.

Unam sanctam ecclesiam catholicam et ipsam apostolicam urgente fide credere cogimur et tenere, nosque hanc firmiter credimus et simpliciter confitemur, extra quam nec salus est, nec remissio peccatorum, sponso in Canticis proclamante: Una est columba mea, perfecta mea. Una est matris suae electa genetrici suae. [Песн. 6:9] Quae unum corpus mysticum repraesentat, cujus caput Christus, Christi vero Deus. In qua unus Dominus, una fides, unum baptismum. Una nempe fuit diluvii tempore arca, Noë, unam ecclesiam praefigurans, quae in uno cubito consummata unum, Noë videlicet, gubernatorem habuit et rectorem, extra quam omnia subsistentia super terram legimus fuisse deleta.

Hanc autem veneramur et unicam, dicente Domino in Propheta: Erue a framea, Deus, animam meam et de manu canis unicam meam. [Ис. 22:20] Pro anima enim, id est, pro se ipso, capite simul oravit et corpore. Quod corpus unicam scilicet ecclesiam nominavit, propter sponsi, fidei, sacramentorum et caritatis ecclesiae unitatem. Haec est tunica illa Domini inconsutilis, quae scissa non fuit, sed sorte provenit. [Ин. 19]

Igitur ecclesiae unius et unicae unum corpus, unum caput, non duo capita, quasi monstrum, Christus videlicet et Christi vicarius, Petrus, Petrique successor, dicente Domino ipsi Petro: Pasce oves meas. [Ин. 21:17] Meas, inquit, generaliter, non singulariter has vel illas: per quod commisisse sibi intelligitur universas. Sive ergo Graeci sive alii se dicant Petro ejusque successoribus non esse commissos: fateantur necesse est, se de ovibus Christi non esse, dicente Domino in Joanne, unum ovile et unicum esse pastorem. [Ин. 10:16]

In hac ejusque potestate duos esse gladios, spirituales videlicet et temporalem, evangelicis dictis instruimur. Nam dicentibus Apostolis: Ecce gladii duo hic [Лк. 22:38], in ecclesia scilicet, cum apostoli loquerentur, non respondit Dominus, nimis esse, sed satis. Certe qui in potestate Petri temporalem gladium esse negat, male verbum attendit Domini proferentis: Convertite gladium tuum in vaginam. [Мф. 26:52] Uterque ergo est in potestate ecclesiae, spiritualis scilicet gladius et materialis. Sed is quidem pro ecclesia, ille vero ab ecclesia exercendus, ille sacerdotis, is manu regum et militum, sed ad nutum et patientiam sacerdotis.

Oportet autem gladium esse sub gladio, et temporalem auctoritatem spirituali subjeci potestati. Nam cum dicat Apostolus: Non est potestas nisi a Deo; quae autem sunt, a Deo ordinatae sunt [Рим. 13:1], non autem ordinatae essent, nisi gladius esset sub gladio, et tanquam inferior reduceretur per alium in supremam. Nam secundum B. Dionysium lex divinitatis est, infima per media in supremam reduci... Sic de ecclesia et ecclesiastica potestate verificatur vaticinium Hieremiae [Иер. 1:10]: Ecce constitui te hodie super gentes et regna et cetera, quae sequuntur.

Ergo, si deviat terrena potestas, judicabitur a potestate spirituali; sed, si deviat spiritualis minor, a suo superiori si vero supremam, a solo Deo, non ab homine poterit judicari, testante Apostolo: Spirituality homo judicat omnia, ipse autem a nemine judicatur. [1 Кор. 2:16] Est autem haec auctoritas, etsi data sit homini, et exerceatur per hominem, non humana, sed potius divina potestas, ore divino Petro data, sibi per suisque successoribus in ipso Christo, quem confessus fuit, petra firmata, dicente Domino ipsi Petro: Quodcumque ligaveris, etc. [Мф. 16:19] Quicumque igitur huic potestati a Deo sic ordinatae resistit, Dei ordinationi resistit, nisi duo, sicut Manichaeus, fingat esse principia, quod falsum et haereticum judicamus, quia, testante Moyse, non in principiis, sed in principio coelum Deus creavit et terram. [Быт. 1:1]

Porro subesse Romano Pontifici omni humanae creaturae declaramus dicimus, definimus et pronunciamus omnino esse de necessitate salutis.

²⁹ Текст взят из W. Römer: *Die Bulle, unam sanctam*, Schaffhausen, 1889. См. также Mirbt: *Quellen*, p. 148 sq.

Самое поразительное заявление в этом документе — о том, что подчинение папе обязательно для спасения. Некоторые авторы отважно пытались смягчить смысл этой фразы и отнести ее к князьям и королям. Даже такой здравый и уравновешенный автор-католик, как Функ³⁰, выступает за переиначенное толкование, указывая на тесную связь данного утверждения с предыдущими высказываниями посредством частицы *porro* («кроме того») и на то соображение, что французский народ не стал бы негодовать из-за того, что повиновение папе делалось условием их спасения. Однако подавляющее большинство историков-католиков воспринимают эти слова в их буквальном значении³¹. Выражение «каждый человек» с большой натяжкой можно принять за обозначение одних только светских властителей. Кроме того, Бонифаций сделал такое же заявление в послании к герцогу Савойскому (1300), когда потребовал повиновения от каждого смертного — *omnia anima*. Эгидий Колонна перефразировал содержание буллы так: «Верховный понтифик являет собой власть, подчиняться которой должна всякая душа»³². О том, что средневековая церковь принимала этот постулат, свидетельствует Пятый Латеранский собор (1516), который, подтвердив буллу, объявил: «Для спасения обязательно, чтобы все верующие во Христа повиновались римскому понтифику»³³.

§5. Литературные нападки на папство

Ничто не свидетельствует об интеллектуальных изменениях, происходивших в Европе в XIV веке, более красноречиво, чем трактарианская литература того времени, направленная против заявлений папства. Здесь можно выделить три периода. К первому относятся трактаты, связанные с борьбой Филиппа Красивого и Бонифация VIII. Кульминацией этого периода стал 1302 г. Отличительной особенностью этих трактатов было возражение против права папы выступать судьей в светских делах. Второй период начинается, когда понтификом был Иоанн XXII, и продолжается с 1320 по 1340 г. Здесь нападение велось на духовную власть папы. Самым выдающимся автором того времени был Марсилий Падуанский. Третий период начинается с папского раскола и продолжается до конца XIV века. Авторы этого периода подчеркивали необходимость реформ церкви и считали юрисдикцию общих соборов выше юрисдикции папы³⁴.

Публицисты времен Бонифация VIII и Филиппа Красивого то защищали, то открыто атаковали средневековую теорию о господстве папы над королями и народами. Литература, созданная ими, не похожа ни на что из созданного в Европе ранее. В период конфликта между Григорием IX и Фридрихом II Европа была полна эпистолярных призывов и папы, и императора, каждый из которых стремился в выгодном свете представить свое дело перед судом европейского общественного мнения, особенно князей и прелатов. К этому их спору позже подключился ряд

³⁰ В *Kirchengeschichtliche Abhandlungen*, I. 483-489. Эту же позицию занимает и J. Berchtold: *Die Bulle Unam sanctam ihre wahre Bedeutung und Tragweite Staat und Kirche*, Munich, 1887. Аббат Mury (*La Bulle Unam sanctam*, в *Rev. des questions histor.*, 1879) совершил попытку объявить буллу поддельной на основании ее категорических заявлений и туманности формулировок, но кардинал Гергенротер (*Kirchengesch.*, II. 694) объявляет ее подлинность несомненной.

³¹ Hergenröther-Kirsch, Hefele-Knöpfler: *Kirchengesch.*, p. 380, и *Conciliengesch.*, VI. 349 sq. Все, кто писал о Бонифации VIII и о Филиппе Красивом, обсуждают значение документа Бонифация. Среди последних трудов на эту тему — W. Joos: *Die Bulle Unam sanctam*, Schaffhausen, 1896. Finke: *Aus den Tagen Bonifaz VIII*, p. 146 sqq., C-CXLVI. Scholz: *Publizistik*, p. 197 sqq.

³² *Summus pontifex... est illa potestas cui omnisanima debet esse subjecta*.

³³ *De necessitate esse salutis omnes Christi fideles romani pontifici subesse*. Автор Wetzer-Welte (XII, 229 sqq.) признает невозможным понимание этой фразы, которое ограничивает ее смысл светскими правителями.

³⁴ В этой главе я пользовался ясными и учеными трудами Ричарда Шольца и Финке, документами, которые они приводят, а также документами, изданными у Гольдаста. См. ниже. Наиболее полезным вкладом в изучение эпохи Бонифация VIII и папских теорий, распространенных в то время, была публикация трактатов, упомянутых в этом разделе и других, в одном сборнике.

авторов, которые выражали позицию образованных клириков и мирян. Они высказывались решительно и оказывали ощутимое влияние на умы.

Юристы, новая группа отважных людей, подстрекаемых высокомерием заявлений Бонифация, начали сомневаться в правомерности старого порядка, установленного политикой Гильдебранда и Иннокентия III. Они учились в университетах, особенно в Парижском, и некоторые из них, как Дюбуа, были мирянами. Вновь отвоевывала сторонников позиция болонских юристов на поле Ронкальи. Она обогащалась добавлением новых доводов и критической свободой. Был сделан еще один шаг в сторону признания независимости императора. Империя была выведена из власти пап как древнее установление. За Францией и другими государствами признавалась власть в их границах, и они считались свободными от папского принуждения в светских вопросах. Принципы гуманистического закона и естественных прав человека были противопоставлены догматическим заявлениям, основанным на невыверенном или ложном толковании Писания. Метод схоластической софистики был заменен вниманием к здравому смыслу и практическим нуждам общества. Новая теория была основана на авторитете Аристотеля, Писании и исторических фактах. Эти новые авторы стали Иоаннами Крестителями, готовившими путь для более четких и передовых взглядов Марсилия Падуанского и Оккама (которые сделали следующий шаг, ставя под сомнение или даже просто отрицая духовную власть папы), а также для еще более передовых и духовных призывов Виклифа и Лютера. Антипапские трактаты первого десятилетия XIV века оказали непосредственное влияние на протестантскую Реформацию.

Авторы написанных в правление Филиппа Красивого трактатов, которые отстаивали традиционную теорию об абсолютной власти папы во всех вопросах, — это итальянцы Эгидий Колонна, Иаков из Витербо, Арриго (Генрих) из Кремоны и Августин Триумф. Авторы, которые критиковали притязания папы на светскую власть, делятся на две группы. К первой относится Данте, который превозносил империю и положение императора как высшей власти в светских делах людей. Вторая группа была более или менее связана с французским двором. К ней в основном принадлежали французы. Они сомневались во власти императора. Во главе их стоят Иоанн Парижский и Петр Дюбуа. В ряде случаев их имена забыты или точно не установлены, но их трактаты сохранились. Уместно будет сначала рассмотреть позицию Данте, а уже потом представить взгляды, выраженные в папских и антипапских произведениях, которые были явно связаны с борьбой, начатой Бонифацием.

Данте никак не был связан с двором Филиппа Красивого и, похоже, написал свой трактат о правлении, *De monarchia*, руководствуясь общими соображениями, а не из личной симпатии к французскому королю. Его теория содержит взгляды, находящиеся в непосредственном антагонизме по отношению к тем, что пропагандируются в булле Бонифация *Unam sanctam*, и Фома Аквинат, чьим богословским теориям следовал Данте, здесь был отодвинут в сторону³⁵. Незави-

³⁵ Дата написания *De monarchia* точно не установлена. В трактате ничего не говорится о личных делах Данте или о событиях, происходивших в то время в Европе, что могло бы послужить подсказкой. Витте, выдающийся исследователь Данте, относит трактат к 1301 г. Так же делает и У. Р. Черч на том основании, что Данте не упоминает о своем изгнании, которое началось в 1301 г. Сейчас есть тенденция соглашаться с Боккаччо, который связывал этот трактат с избранием Генриха VII или с путешествием Генриха в Рим в 1311 г. В таком случае трактат выступал манифестом в честь возрождения бывшего могущества империи. Обсуждение даты написания трактата см. в Henry: *Dante's de monarchia*, XXXII. sqq.

симось и самостоятельность светского правительства подтверждаются доводами, основанными на разуме, Аристотеле и Писании. Отстаивая свою позицию, автор выдвигает три положения и каждому из них посвящает отдельную главу: 1) Универсальная, всеохватная монархия (или империя, ибо эти термины взаимозаменяемы) несомненна. 2) Власть этой монархии принадлежит римскому народу. 3) Бог непосредственно даровал эту монархию римлянам, и она не была дана им при посредничестве церкви.

Интересы общества, утверждает автор, требуют существования беспристрастного судьи, а только универсальный монарх, не связанный никакими местными узами, может быть беспристрастным. Универсальная монархия принесет с собой мир, тот самый, о котором пели ангелы в ночь рождения Христа, и свободу, величайший дар Бога человеку³⁶. Демократия превращает людей в рабов. Римляне — благороднейший из народов, и они заслужили право властвовать. Это очевидно из истории Энея, их прародителя³⁷, из явных чудес, которые Бог совершил в их истории, и из их всемирного господства. Это право в христианскую эпоху подтверждал Сам Христос, подчинившийся римской юрисдикции, согласившийся родиться подданным императора Августа и пострадать в правление Тиберия. Оно было подтверждено церковью, когда Павел сказал Фесту: «Я стою перед судом кесаревым, где мне и следует быть судиму» (Деян. 25:10). Обществу необходимы два правителя, папа и император. Император обладает высшей властью в светских вопросах, и он должен вести людей к вечной жизни в соответствии с истинами откровения. Но император должен уважать папу, как сын-первенец — своего отца, например, как Карл Великий уважал Льва III³⁸.

Отрицая подчиненность светских властей, Данте отвергает сравнение духовной и светской власти с солнцем и луной³⁹, а также аргументы, основанные на предполагаемом превосходстве Левия над Иудой (по причине того, что Левий был рожден раньше), на приношениях волхвов к яслям и на приговоре, который был вынесен Саулу Самуилом. Данте относил воздействие обоих мечей к духовной сфере. Не сомневаясь в подлинности самого исторического события, он говорил о даре Константина Сильвестру, что император имел право переносить империю на Восток не больше, чем совершать самоубийство. Да и сам папа тоже не имел никакого права принимать этот дар⁴⁰. В «Аде» Данте упоминает об этом соглашении в знаменитых строках⁴¹:

*О Константин, каким злосчастьем миру
Не к истине приход твой был чреват,
А этот дар твой пастырю и клиру!*

³⁶ *Libertus est maximum donum humanae naturae a Deo collatum* (I. 14). Эти слова поразительно совпадают с теми, с которых Лев XIII начинает свою энциклику от 20 июня 1888 г. *Libertas praestantissimum naturae donum* («Свобода, драгоценнейший дар природы»).

³⁷ П. 3. Данте ссылается на свидетельство Вергилия, своего проводника по аду и чистилищу. Он также цитирует гордые строки Вергилия: *Tu regere imperii populos, Romane, memento. Haec tibi erunt artes, pacisque imponere morem Parcere subjectis et debellare superbos* («Римлянин, помни, что тебе было дано править народами. Твоя задача — установить мир, щадить подданных и воевать с высокомерными»).

³⁸ П. 12, 13; iii. 13, 16.

³⁹ Последний раздел книги озаглавлен *Auctoritatem imperii immediate dependere a Deo*.

⁴⁰ III. 10 (*Constantinus alianare non poterat imperii dignitatem nec ecclesia recipere*).

⁴¹ XIX. 115 sqq.:
*Ahi, Constantin, di quanto mal fu matre,
Non la tua conversion, ma quella dote
Che da te prese il primo ricco padre!*

В *Purgatorio* (xvi. 106-112) Данте считает предосудительным слияние посоха и меча.

Универсальная монархия флорентийского поэта осталась нереализованным идеалом, как и республика афинского философа⁴². У Данте не было представления о народных свободах, свойственного нашему веку, однако он сформулировал важный принцип: правительство существует для народа, а не народ для правительства⁴³.

Трактат *De monarchia* был сожжен как еретический (1329) по приказу Иоанна XXII и занесен в Индекс Тридентским собором. В недавнее время он помог итальянским патриотам добиться объединения Италии и отделения политики от церкви в соответствии с выдвинутой Кавуром максимой: «Свободная церковь в свободном государстве».

В первых рядах защитников светской власти папства стоял Эгидий Колонна, называемый также Эгидием Романом (1247 — 1316)⁴⁴. Эгидий был августинцем и стал генералом своего ордена. Он прославился как учитель богословия, и к 1287 г. орден использовал его труды для обучения во всех своих школах⁴⁵. В 1295 г. он стал архиепископом Буржа, ради чего Бонифаций сместил клирика, назначенного на этот пост Целестином. Эгидий принимал участие в Римском соборе 1301 г., который Филипп Красивый запретил посещать французским прелатам. Он был плодовитым автором, и в 1304 г. Парижский университет использовал не менее 12 его богословских трудов и 14 философских произведений.

Трактат, благодаря которому Эгидий в основном известен, — «Власть верховного понтифика» (*De ecclesiastica sive de summi pontificis potestate*). Это был главный труд того времени в защиту папства. Похоже, он был создан в связи с Римским собором, в 1301 г.⁴⁶ Трактат был посвящен Бонифацию VIII. Его основные положения таковы:

Папа судит всех, а его не судит никто из людей (1 Кор. 2:15). Ему принадлежит вся полнота власти, *plenitudo potestatis*. Власть его не ограничена ни мерой, ни числом, ни весом.⁴⁷ Она распространяется на всех христиан. Папа выше всех законов и непогрешим во всех вопросах веры. Он подобен морю, которое наполняет все сосуды; подобен солнцу, которое, как универсальный активный принцип, посылает свои лучи повсюду. Священники существовали раньше царей. Авель и Ной, священники, предшествовали Нимроду, первому царю. Как правление миром сосредоточено в руках одного правителя, Бога, так и в делах воинствующей церкви может существовать только один источник власти, один глава, власть которому принадлежит во всей полноте. Это верховный понтифик. Священство и папство установлены непосредственно Богом. Земные царства, если они не назначены священниками, ведут свое происхождение от узурпации, грабежа и других форм насилия⁴⁸. В этом

⁴² Брюсе (ch. XV), говоря о близившемся упадке императорского влияния на итальянские дела, сентенциозно заявляет, что *De monarchia* Данте была не пророчеством, а эпитафией.

⁴³ *Non cives propter consules nec gens propter regem sed e converso consules propter cives, re x propter gentem* (iii. 14).

⁴⁴ Scholz, pp. 32-129.

⁴⁵ *Chartul. Univ. Paris.*, II. 12.

⁴⁶ Журден, в 1858 г., первым привлек внимание к этой рукописи, а Краус первым сформулировал ее положения в *Oesterr. Vierteljahrsschrift*, Vienna, 1862, pp. 1-33. Среди других трактатов Эгидия — «Правление князей» (*De regimine principum*, 1285, напечатан в 1473). Он тут же был переведен на французский, итальянский, испанский, португальский, английский и даже еврейский язык. «Об отречении папы» (*De renunciatione papae sive apologia pro Bonifacio VIII*, 1297) был откликом на манифест семейства Колонна, где оспаривалось право папы отказываться от своего поста. Список произведений Эгидия см. в ст. *Colonna Aegidius*, в *Wetzel-Weiße*, III. 667-671. См. также Scholz, pp. 46, 126.

⁴⁷ Эгидий цитирует Книгу Премудрости Соломона, 11:21.

⁴⁸ См. Scholz, p. 96 sqq. Шольц утверждает, что в *De regimine principum* представлено другое, следующее Аристотелю мнение, и Эгидий выводит государство из общественного принципа.

отношении Эгидий следовал за Августином (*De civitate*, IV. 4) и Григорием VII. Государство, однако, он объявлял необходимым, как средство, с помощью которого церковь осуществляет свои предначертанные Богом задачи.

Во второй части своего трактата Эгидий доказывает, что, несмотря на Чис. 18:20,21 и Лк. 10:4, церковь имеет право владеть земным имуществом. Левиты владели городами. Фактически, все светские блага находятся под контролем церкви⁴⁹. Как душа управляет телом, так папа правит всеми светскими делами. Десятину платить обязательно. Никто не имеет права владеть даже акром земли или виноградником без соизволения церкви и если он не крещен.

Полнота власти, которой обладает папа, дает ему право самому распределять все бенефиции христианского мира, но, как Бог предпочитает править посредством законов природы, так и папа правит с помощью законов церкви, хотя и не связан ими. Его самого можно назвать церковью. Ибо власть папы духовна, небесна и божественна. Труды Эгидия использовали его последователи, Иаков из Витербо, Августин Триумф и Альвар Пелагий, а также Иоанн Парижский и Жерсон, который оспаривал некоторые из основных его положений⁵⁰.

Вторым из авторов, отстаивавших позицию Бонифация VIII, был Иаков из Витербо⁵¹ (ум. в 1308). Он также был итальянцем, принадлежал к ордену августинцев и прославился как учитель в Париже. В 1302 г. он был назначен Бонифацием на пост архиепископа Беневенто, а несколько месяцев спустя — архиепископом Неаполя. Его «Христианское правление» (*De regimine christiano*) является самым емким из всех трактатов о папстве после трактата Эгидия. Этот труд также был посвящен Бонифацию VIII, к которому автор обращается как к «святейшему господину земных царей». Автор явно признает, что написал трактат из-за нападков на папские prerogatives.

Наместнику Христа, говорит Иаков, принадлежат царственность и священство (*regnum et sacerdotium*). И папа не впервые был наделен светской властью, когда Константин отдал Сильвестру весь Запад во владение. Константин лишь подтвердил право, которое ранее было даровано Христом, сказавшим: «Что свяжешь на земле, то будет связано на небесах». Священники — это цари, а папа — царь царей и в мирских, и в духовных вопросах⁵². Он — епископ земли, высший законодатель. Всякая душа должна подчиняться ему, чтобы спастись⁵³. Благодаря полноте своей власти верховный понтифик может поступать либо в соответствии с законом, либо вопреки ему, если предпочтет таковое⁵⁴.

Арриго Кассалочи, или Арриго из Кремоны⁵⁵, как его обычно называют по месту рождения в Италии (ум. в 1312), упоминается Иоанном Парижским по имени (вопреки обычаю того времени), как автор трактата «Власть папы» (*De potestate papae*)⁵⁶. Арриго был выдающимся специалистом по каноническому праву и консультировал Бонифация. В 1302 г. он был назначен членом делега-

⁴⁹ *Sub dominio et potestate ecclesiae.*

⁵⁰ Scholz, p. 124.

⁵¹ См. Finke, pp. 163-166; Scholz, pp. 129-153.

⁵² Scholz, pp. 135, 145, 147. Эти две prerogatives названы *potestas ordinis* и *potestas jurisdictionis*.

⁵³ Scholz, p. 148.

⁵⁴ *Potest agere et secundum leges quas ponit et praeter illas, ubi opportunum esse judicaverit* (Finke, p. 166).

⁵⁵ {Или также Генри Кремонский.}

⁵⁶ Finke, pp. 166-170; Scholz, pp. 152-165. Финке первым использовал этот трактат. Шольц описывает два манускрипта из Национальной библиотеки Парижа и приводит трактат целиком (pp. 459-471).

ции, которая везла Филиппу Красивому две знаменитые буллы, *Salvator mundi* и *Ausculda fili*. В том же году он стал епископом Редджио⁵⁷. Усилия папских защитников хорошо оплачивались.

Арриго начинает трактат словами из Мф. 28:18, «дана Мне всякая власть», и объявляет, что нападки на светскую юрисдикцию папы, которому подчинена вся земля, начались лишь недавно, и это — дело рук «софистов», которые заслуживают смерти. До недавнего времени эту власть папы никто не отрицал. Арриго старается обосновать свои положения, используя Писание, труды отцов церкви, каноническое право и разум. Сначала Бог правил через Ноя, патриархов, Мелхиседека и Моисея, которые были священниками и царями одновременно. Разве Моисей не наказал фараона? Христос носил оба меча. И разве Он не прогнал менял и не принял терновый венец? Ему была дана власть судить мир (Ин. 5:22). Та же самая власть была дана Петру и его преемникам. Что касается государства, то оно относится к церкви как луна к солнцу, и император обладает лишь той властью, которую готов дать ему папа. Арриго утверждает также, что дар Константина был не передачей прав папе, а подтверждением прав, которыми папа уже обладал в силу небесного дара⁵⁸. Папа передал империю Карлу Великому, а Иннокентий IV заявил о превосходстве пап над королями, низложив Фридриха II. Если в древности или же в недавние времена по отношению к папам проявлялось бесчинство, то это случалось не потому, что им недоставало высшей власти на земле⁵⁹ или же они были подчинены земным князьям. Ни один император не может законно выполнять свои функции правителя без папского освящения. Когда Христос сказал: «Царство Мое не от мира сего», — Он имел в виду лишь то, что мир отказывался повиноваться Ему. А что касается призыва отдавать кесарю кесарево, то Христос не обязан был платить дань императору, и дети Его царства столь же свободны — как утверждал Августин на основании Мф. 27:26 и далее.

Главный труд еще одного защитника папских прерогатив, Августина Триумфа, относится к следующему периоду⁶⁰.

Промежуточную позицию между этими авторами и антипапскими публицистами занимали кардиналы Колонна и их непосредственные сторонники⁶¹. Ревностно выступая против Бонифация VIII, они сомневались в абсолютной власти церкви в светских вопросах и считали обладательницей высшей духовной власти коллегия кардиналов, главой которой был папа.

Среди выдающихся авторов того века был Гильом Дуранте, умерший в 1331 г., защитник галликанства⁶². Он был назначен епископом Менде до того, как достиг канонического возраста. Церковь никогда его не осуждала. В труде, написанном по просьбе Климента V об общецерковных соборах и о борьбе со злоупотреблениями в церкви (*De modo generalis concilii celebrandi et corruptelis in ecclesiis reformandis*) он требовал реформ церкви в ее главе и в членах⁶³, впервые

⁵⁷ Современник замечает, что консистории прямо указали на его заслугу как автора *De potestate papae*, «книги, которая напоминает, что папа обладает высшим господством в светских, а не только в духовных вопросах» (Scholz, p. 155). Трактат был написан, как полагает Шольц, не позднее 1301 и не раньше 1298 г., так как там цитируется *Liber sextus*.

⁵⁸ *Constantinus non dedit sed recognovit ab ecclesia se tenere — confitetur se ab ecclesia illud tenere* (см. Scholz, p. 467).

⁵⁹ *Non defectus juris, sed potentiae*.

⁶⁰ Четыре менее значительных его трактата рассматриваются в Scholz, pp. 172-189. См. §8.

⁶¹ Scholz, pp. 198-207.

⁶² Scholz, pp. 208-223.

использовав выражение, которое стало столь популярным в более позднюю эпоху. Он объявлял папу одним из епископов, которым всем в равной мере была дана власть связывать и разрешать⁶⁴. Епископы — не помощники папы, как считал Иннокентий III, а служители, непосредственно назначаемые Богом и обладающие независимой юрисдикцией. Папа не должен отступать от канонов древней церкви, кроме как с одобрения общецерковного собора. Если же папа склоняется к нововведениям, то должен быть созван общецерковный собор, и таковые должны проходить раз в десятилетие⁶⁵.

Теперь обратимся к авторам, которые оспаривали право папы на светскую власть над народами, и отметим, что большинство из них были клириками и все — юристами. Характерно, что, помимо Аристотеля, Писания и канонического права, они ссылались также на римское право. Мы начнем с нескольких памфлетов, авторство которых точно не установлено.

«Двойная прерогатива» (*Quaestio in utramque partem*), вероятно, была написана в 1302 г. неким французом⁶⁶. В трактате прямо говорится, что две функции, духовная и светская, различны и что папа обладает полнотой власти только в духовной области. Очевидно, что функции эти не объединяются в одном лице, так как Христос отказался быть царем, а закон запрещал левитам владеть мирским имуществом. Каноническое право и римское право признают независимость светской власти. Обе власти принадлежат Богу. Светская власть папы распространяется максимум на наследие Петра. Империя — одна из держав, и она не имеет власти над остальными государствами. Что касается короля Франции, то он обреч бы себя на смерть, если бы признал папу своим господином⁶⁷.

Такую же позицию занимает автор трактата⁶⁸ «Власть папы» (*Quaestio de potestate papae*). Автор настаивает, что светская власть несовместима с должностью папы. Он сравнивает церковь с телом и придает этому сравнению новый смысл. Христос — глава. Нервы и вены — служители церкви и государства. Они зависят непосредственно от главы, Христа. Сердце — король. Папа не назван даже главой. Душа не упоминается. Старое сравнение с телом и душой, представляющими, соответственно, *regnum* и *sacerdotium*, отвергается. Папа — духовный отец, а не господин христианского мира. Моисей был светским правителем, а Аарон — священником. Функции и исполняющие их должностные лица — не одно и то же. Дар Константина, как минимум, не касался Франции, ибо Франция была отделена от империи. Смещение Хильдерика папой Захарией не подтвердило прав на светскую власть, потому что Захария, как умудренный наставник, всего лишь дал баронам совет, и не более того.

⁶³ *Tam in capite quam in membris* (Scholz, pp. 211, 220). Трактат был вновь напечатан в период Тридентского собора и посвящен Павлу III.

⁶⁴ Слова в Мф. 16:19, говорит он, были обращены ко всей церкви, а не к одному лишь Петру.

⁶⁵ Scholz, p. 214.

⁶⁶ Вероятность этой даты доказывается в Scholz (p. 225 sqq.). Riezler (p. 141) неверно относит памфлет к 1364 — 1380 г. Шеффер-Бойхорст акцентирует внимание на том, что автор говорит о канонизации Людовика XI (1297) как случившейся «в его время» и цитирует *Liber sextus* (1298) как вышедшую недавно. Трактат приводится в Goldast, *Monarchia*, II. 195 sqq.

⁶⁷ Scholz, p. 239. 23 февраля 1302 г. Филипп заставил своих сыновей поклясться, что они не будут признавать господином никого, кроме Бога.

⁶⁸ В рукописи он объединен с предыдущим трактатом и с трактатом Иоанна Парижского. Напечатан в Dupuy, pp. 663-683. Автором принято считать Петра Дюбуа, но Scholz (p. 257) выступает против этой точки зрения.

Третий трактат, из числа самых известных произведений подобного рода, «Спор между клириком и рыцарем»⁶⁹, был написан в защиту государства и его права облагать налогом церковную собственность. Автор утверждает, что король Франции обязан следить за тем, чтобы церковным имуществом распоряжались в тех целях, на которые оно было выделено. Король защищает церковь от иноземных врагов, а потому имеет право облагать церковь налогом.

Публицист Иоанн Парижский (ум. в 1306) принадлежал к передовым умам своего времени⁷⁰. Он был доминиканцем и славился как проповедник и учитель. 26 июня 1303 г. он, вместе со 132 другими парижскими доминиканцами, подписал документ с требованием созыва общего собора, о необходимости которого университет открыто заявил за пять дней до того⁷¹. Его взгляды на вечерю Господню навлекли на него обвинение в ереси, и ему было запрещено читать лекции в университете⁷². Он обратился к Клименту V, но умер, прежде чем смог добиться слушания своего дела.

Главным произведением Иоанна был трактат «О власти папы и короля» (*De potestate regia et papali*)⁷³ — почти что проникнутый духом нашего времени.

Иоанн проводит четкое разграничение между «телом верующих», которое есть церковь, и «телом клира»⁷⁴. Единство церкви — во Христе, Который учредил две области, духовную и светскую. Их происхождение одинаково, но на земле они различны. Папа имеет право наказывать за моральные преступления, но только духовными наказаниями. Он не имеет права казнить, заключать в темницу и облагать штрафом. Христос не обладал мирской властью, а потому и папе следует сторониться «древнего заблуждения Ирода»⁷⁵. Константин не имел права наделять Сильвестра светской властью. Иоанн приводит 42 довода в поддержку верховенства папы в мирских делах и все их опровергает.

Что касается места папы в церкви, то папа — представитель тела церкви, но не его господин. Церковь может потребовать от него отчета. Если бы церковь избирала представителей, которые помогали бы верховному понтифику, то это было бы лучшим из правлений. При существующем же положении дел советники папы — кардиналы. Они могут увещевать его, а если он упорствует в своем заблуждении, могут прибегнуть к мирской помощи. Папа может быть смещен императором, как и произошло, когда Генрих III сместил трех пап. Высший

⁶⁹ *Disputatio inter clericum et militem*. Трактат был написан (не Оккамом, которому его ранее приписывали) в период конфликта между Бонифацием и Филиппом. Недавно Riezler (p. 146) назвал автором трактата Петра Дюбуа. Трактат был впервые напечатан в 1475 г. и воспроизведен в Goldast: *Monarchia*, I. 13 sqq. Рукописи есть в Париже, Оксфорде, Кембридже и Праге. См. Scholz, p. 336 sqq. Английский перевод появился под заглавием: *A dialogue betwene a knight and a clerke concerning the Power Spiritual and temporal*, by William Ockham, the great philosopher, in English and Latin, London, 1540.

⁷⁰ Finke, pp. 170-177; Scholz, pp. 275-333.

⁷¹ *Chartul. Univ. Paris.*, II. 102.

⁷² *De modo existendi corporis Christi in sacramento altaris*. *Chartul.*, II. 120.

⁷³ Впервые напечатан в Париже, 1506; есть в Goldast, II. 108 sqq. О трудах, приписываемых Иоанну, см. Scholz, p. 284 sq. Finke (p. 172) говорит: *Ein gesundes beinahe modernes Empfinden zeichnet ihn aus*. Его трактат относится к 1302 — 1303 г. Это мнение Шольца и Финке. Иоанн пишет так, как будто Бонифаций еще жив. Он цитирует «мнения некоторых современников» и называет по имени Арриго из Кремоны. В последней главе трактата Иоанн обильно цитирует *De renuntiatione papae* Эгидия. Scholz (p. 291) полагает вероятным, что трактат Иоанна использовал Данте.

⁷⁴ *Congregatio fidelium... congregatio clericorum*.

⁷⁵ Scholz, p. 315.

церковный авторитет — общецерковный собор. Он может сместить папу. Причиной смещения может стать безумие, ересь, личная некомпетентность или злоупотребление церковной собственностью.

Вслед за Аристотелем и Фомой Аквинатом Иоанн считал, что государство произошло от семьи, а не возникло для борьбы с убийствами и другими формами насилия⁷⁶. Это общество, организованное для защиты и телесного благополучия. Как и другие юристы, он считал империю древним институтом, который, если он продолжит существовать, равен монархиям, но не выше их. Климатические и географические соображения требуют существования разных монархий, которые получают свою власть от Бога. — То есть Иоанн и Данте, согласные в том, что касается независимости государства, расходились во взглядах на сосредоточение светской власти. Данте был сторонником универсальной империи, а Иоанн Парижский — отдельных монархий.

Самый смелый и передовой из этих публицистов, Пьер Дюбуа⁷⁷, был мирянином, вероятно, норманном, и называл себя королевским поверенным⁷⁸. Будучи участником национального собора в Париже в апреле 1302 г., он представлял взгляды Филиппа. Он был еще жив в 1321 г. В ряде трактатов он поддерживал позицию французского монарха, выступая против Бонифация VIII⁷⁹. Франция независима от империи и полностью руководит всеми своими светскими делами. Папа — моральный учитель человечества, «свет миру», но он не имеет власти над светскими делами. Его задача — заботиться о душах, прекращать войны, надзирать за клириками, но дальше его власть не простирается.

Папа и клир поддались обмирщению и заняты самообогащением. Бонифаций — еретик. Прелаты тратят средства церкви на войны и ссоры, перенимают атмосферу княжеских дворов и пренебрегают богословием и душепопечительством. Жадность курии и пап приводит к скандальной симонии и nepотизму⁸⁰. Дар Константина привел к обмирщению клира. Он был незаконным. Единственный способ, которым папа может обозначить свою светскую власть над наследием Петра, — это долгое владение. Первый шаг по направлению к реформе — отказ клира и папы от мирского имущества вообще. Это средство предписывали Арнольд Брешианский и Фридрих II.

Дюбуа критиковал также установление и практику безбрачия. Немногие священники соблюдают отказ безбрачия. Однако те, кто их не соблюдает, все равно сохраняют свои посты, в то время как женатые люди не могут быть рукоположены. И это при том, что апостол позволял всем вступать в брак. Следует предпочесть практику Восточной церкви. Жить в одиночестве слишком тяжело, особенно для монахинь. Дуранте предлагал отменить это правило, а Арнольд из Виллановы подчеркивал святость брачных уз, вспоминая, что именно женатому человеку, Петру, Христос доверил власть над церковью⁸¹.

Дюбуа проявил оригинальность мысли в своих практических советах. Он предложил колонизировать Святую Землю, заселить ее христианами и сделать

⁷⁶ Finke, p. 72; Scholz, p. 324.

⁷⁷ См. Renan: *Hist. Litt.*, XXVI. 471-536; Scholz, pp. 374-444.

⁷⁸ *Advocatus regaliū causarum*.

⁷⁹ Об этих трактатах см. Renan, p. 476 sq.; Scholz, p. 385 sqq.

⁸⁰ Scholz, p. 398.

⁸¹ *Contulit conjugato scilicet beato Petro primatum ecclesiae* (Finke, p. clxxiii). Арнольд критикует миноритов и доминиканцев за то, что они публично учили, будто заявлениям женатых людей о вопросах вероучения верить нельзя (*conjugato non est credendum super veritate divina*).

так, чтобы христианки вступали в брак с сарацинами с целью их обращения. Чтобы добиться обращения всего мира, он советовал Клименту во всех провинциях открывать школы для мальчиков и девочек, где обучение велось бы на разных языках. Девочек следовало учить латыни и основам естественных наук, особенно медицине и хирургии, чтобы они могли оказывать врачебную помощь женщинам, в том числе в тяготах их душевных заболеваний.

Обзор полемической литературы времен Филиппа Красивого показывает, сколь новыми путями следовала человеческая мысль⁸². Папские апологеты настаивали на традиционном толковании ограниченного количества текстов, на непреходящей важности Константинова дара и на переносе империи. Они постоянно цитировали знаменитую буллу Иннокентия, *Per venerabilem*⁸³. С другой стороны, Иоанн Парижский и симпатизировавшие ему публицисты, а также Данте исправляли и расширяли представления о значении Писания и обращали внимание на права человека. Сопротивление, оказанное королем Франции требованиям понтифика, ободряло авторов и побуждало их не сдерживать свою мысль.

На духовную власть папы они не покушались. Критиковалось его право на светскую власть. Вымысел о двух мечях был отвергнут. Государство обладает такой же высшей властью в своей области, как церковь — в своей, и его власть тоже исходит непосредственно от Бога. Константин не имел права отдавать Сильвестру власть над Западом, и его дар не оправдывает папских притязаний. Каждый монарх — верховный владыка в своей стране, а теория верховной власти императора устарела.

Должностные обязанности папы ограничивались. Он может быть смещен за ересь и некомпетентность. Некоторые авторы даже отказывали ему в праве распоряжаться церковным имуществом. Подчеркивалась роль кардиналов как советников и независимая власть епископов. Прежде всего речь шла об авторитете церкви как тела верующих, и ее голос, звучащий в решениях общих соборов, объявлялся более важным, чем голос папы. Взгляды Иоанна Парижского и Петра Дюбуа касательно соборов получили дальнейшее развитие и обрели силу в период папского раскола в конце XIV века⁸⁴. Дюбуа требовал, чтобы на соборах имели право голоса не только клирики, но и миряне. Подвергалось критике правило celibата клириков, привлекалось внимание к распространенным случаям нарушения celibата на практике. Папу и клир призывали посвятить себя духовному благополучию человечества и обращать народы в христианство мирными способами.

Такая свобода высказываний и изменение мышления знаменуют начало одной из величайших революций в истории христианской церкви. Современный мир должен быть благодарен этим публицистам. Те принципы, которые сейчас считаются аксиомой, были новы для христианского сообщества того времени. Поколение спустя Марсилиус Падуанский вновь четко определил их и сделал еще один шаг вперед.

⁸² См. обзор в Scholz, pp. 444-458.

⁸³ Ее вновь и вновь цитирует Арриго из Кремоны (см. Scholz, p. 464 sq., etc.). Текст самой буллы см. в Mirbt: *Quellen*, pp. 127-130.

⁸⁴ Scholz, p. 322; Schwab: *Life of Gerson*, p. 133.

§6. Перемещение папства в Авиньон

Преемник Бонифация Бенедикт XI (1303 — 1304), доминиканец, был кротким и достойным человеком, более склонным к примирению несогласных, чем к навязыванию своей воли. Он отказался от политики своего предшественника, капитулировал перед государством и положил конец конфликту с Филиппом Красивым. Заявления, сделанные Бонифацием, были взяты обратно или видоизменены. Был отменен провозглашенный папой интердикт в адрес Лиона. Палестина была возвращена семье Колонна. Непосредственное помилование не коснулось только Шиарры Колонна и Ногаре, которым было велено явиться в Рим. После краткого понтификата, длившегося восемь месяцев, Бенедикт умер — как говорили, от яда, добавленного в блюдо с инжиром, который папа любил⁸⁵.

В Перудже, где умер Бенедикт, собрался конклав, раздираемый разногласиями. После интервала почти в одиннадцать месяцев французская партия одержала полную победу, выбрав Бертрана де Го, архиепископа Бордо, который принял имя Климента V. В момент своего избрания Бертран находился во Франции. Но Альпы он так и не пересек. Его престол поочередно размещался то в Бордо, то в Пуатье, то в Тулузе, пока наконец в 1309 г. папа не избрал своей резиденцией Авиньон.

Так началось вавилонское пленение (или авиньонское изгнание) папства, продолжавшееся более семидесяти лет и коснувшееся семи пап — Климента V (1305 — 1314), Иоанна XXII (1316 — 1334), Бенедикта XII (1334 — 1342), Климента VI (1342 — 1352), Иннокентия VI (1352 — 1362), Урбана V (1362 — 1370), Григория XI (1370 — 1378). Все они были французами. Это длительное отсутствие понтификов в Риме стало большим ударом для папской системы. Удаленное с родной почвы, папство оказалось отсечено от священных исторических корней, уходивших в глубь веков на тринадцать столетий. Оно больше не вещало из центра христианского мира.

Оставление Вечного города и перемещение на французскую территорию не было случайным. Иннокентий II и другие папы искали убежища во Франции. Во второй половине XIII века апостольский престол, борясь с империей, уповал на помощь Франции. Спасаясь от Фридриха II, Иннокентий IV бежал в Лион (1245). Если Бонифаций VIII стал поворотным пунктом в истории самого папства, то в своем авиньонском пленении папство лишилось уважения в глазах христианского мира. Оно было готово офранцузиться. Не только все папы были французами, но подавляющее большинство кардиналов были французского происхождения. И те и другие немногим превосходили придворных прелатов, подчиненных воле французского суверена. В то же время папы продолжали осуществлять свои права по отношению к другим народам западного христианского мира, свободно провозглашать анафему германскому императору и накладывать интердикты на итальянские города. Конечно, всегда можно сказать: «Где папа, там и Рим», — однако можно только удивляться, что столь тяжкий удар, нанесенный вселенскому характеру папства, не стал непоправимым⁸⁶.

⁸⁵ Феррет из Виченцы, Muratori, IX. 1013. Villani, VIII. 80. В доказательство святости Бенедикта рассказывали, что, уже после его назначения папой, его мать пришла к нему в шелках, а он отказался признавать ее, пока она не переделалась, и только потом ее обнял.

⁸⁶ См. Pastor, I. 75-80. Он называет решение Климента остаться во Франции «нечестивым решением» (*der unselige Entschluss*) и говорит, что перемещение в Авиньон было бедствием и упадком (*die Bedeutung einer Katastrophe, eines Sturzes*). Hefele-Knöpfler (*Kirchengeschichte*, p. 458) объявляет его «решением, полным дурных предзнаменований». Baur (*Kirchengesch. d. M. A.*,

Авиньонские нравы в период пребывания там папской резиденции были темой пересуд по всей Европе. Папский двор обладал всеми качествами светского двора, раздираемого завистью и разного рода заговорами. Некоторые из авиньонских пап оставили по себе добрую славу, но в целом впечатление было отрицательным. Папы были слабыми, если не сказать порочными. Курия славилась своей пресловутой экстравагантностью, продажностью и плотскими удовольствиями. Процветали беззастенчивый nepотизм, взяточничество и симония. Финансовые операции папской семьи достигли небывалого прежде размаха. Индугенции, применявшиеся к любым случаям, были источником все возрастающего дохода. Альвар Пелагий, служитель на папском дворе и твердый защитник папства, в своем *De planctu ecclesiae* жаловался на растраты и торговлю церковными постами при папском дворе, который кишел менями и финансовыми махинаторами. Другой современник, Петрарка, никогда не выступавший против папства как божественного института, сатирически высказывался об Авиньоне, называя его «клоакой всяческих пороков, логовищем всяческой скверны, третьим Вавилоном, Вавилоном Запада». Петрарка не стеснялся в оскорбительных выражениях. Авиньон — «источник скорбей, убежище гнева, школа заблуждений, храм лжи, ужасная темница, ад на земле»⁸⁷. Развращенность Авиньона была слишком вопиющей, и для поиска обвинений против него не требовалось прилагать никаких усилий. Дурная слава Авиньона ставит его в один ряд с дворами Людовика XIV и Карла II Английского.

Во время этого переселения папства Италия обнищала до плачевного положения. Рим, прежде бывший столицей всех городов, целью паломничеств, центром, вокруг которого вращались благочестивые устремления всей Западной Европы, местом, где королевские и княжеские послы искали одобрения амбициозных планов, — этот Рим превратился теперь в арену бесчинств и мятежей. Спорившие между собой партии знати — Колонна, Орсини, Гаэтани и другие — постоянно воевали⁸⁸, борясь друг с другом за господство в муниципальных делах. Нередко их отодвигали в сторону народные вожди, которых они презирали за низкое происхождение. Источники доходов города начисто иссякли. Рим угас и уменьшился в размерах. В нем воцарились скудость и обыденность провинциального города. В 1370 г. его население было менее 20 тыс. человек. В Риме исчезла торговля, которая помогала держаться на плаву молодым городам Северной и Южной Германии и Ломбардии. Во дворцах и общественных местах бал правили запустение и тоска, нарушаемые лишь слабыми увеселительными потугами, которые были для великого города что балаган по сравнению с серьезными военными маневрами. Древние памятники были заброшены или снесены. Папский легат продавал камни Колизея на строительство печей для обжига извести, а мра-

р. 265) сказал: «Перемещение папского престола в Авиньон было роковым поворотным пунктом, начиная с которого папство быстрыми шагами стало двигаться к драматической развязке». См. также Haller, p. 23. Pastor (p. 62) защищает авиньонских пап, как только может, и всячески подчеркивает, что папство развивало миссии в Азии и Африке. Климент VI (1342 — 1352) действительно назначил архиепископа Японии.

⁸⁷ Петрарка говорит, что Авиньон «полон неразберихи разного рода, его осеняют силы тьмы, он содержит все ужасы, какие только существовали и какие может изобрести беспорядочный ум» (Robinson: *Petrarch*, p. 87). Pastor (I, p. 76), похоже, считает свидетельство Петрарки недостаточно ценным, так как оно исходит от поэта с пылким темпераментом, характерным для его страны, а кроме того, Петрарка, несмотря на все свои обвинения, предпочитал жить в Авиньоне.

⁸⁸ Эти безумцы не щадили даже детей. Сторонник семейства Орсини задушил маленького Агапито Колонна в церкви, куда его привел слуга.

мор увозили в другие города, — и говорили, что в Риме мрамора добывают больше, чем в Карраре⁸⁹. Церкви стояли без крыш. У алтарей Латеранского дворца и собора Св. Петра пасли скот. Прекратилось развитие искусства, начавшееся с прибытием Джотто, которого пригласил в Рим Бонифаций VIII для украшения собора Св. Петра. В этот период не было создано ни одного выдающегося архитектурного произведения, за исключением мраморной лестницы церкви Св. Марии (Ara Coeli), которую воздвигли в 1348 г. с надписью в память об избавлении от чумы, и восстановленной Латеранской церкви, пострадавшей от пожара (1308)⁹⁰. По улицам было трудно ходить из-за луж и мусора. Воздух был наполнен гнилыми и губительными запахами. После смерти Климента V Наполеон Орсини уверял Филиппа, что Вечный город находится на грани разрушения, а в 1347 г. Кола ди Риенцо полагал, что Рим уместнее было бы назвать вертепом разбойников, чем местом жительства цивилизованных людей.

Итальянский полуостров, по крайней мере, его северная половина, стал сценой политических раздоров и общественной анархии. Районы страны были полны банд разбойников. Правительство в городах менялось часто и насильственным образом. Высшие должностные лица церкви обеспечивали себе неприкосновенность, платя грабителям деньги, которые они вымогали у нижестоящих служителей. Таковы были непосредственные последствия перемещения папского престола. Италии угрожала судьба Эллады, полное опустошение.

Авиньон, который Климент избрал в качестве своей резиденции, находился в 460 милях (740 км) к юго-востоку от Парижа, к югу от Лиона. Его близость к порту Марселя облегчала сообщение между ним и Италией. Он был приобретен Климентом VI у Неаполя (1348) за 80 тыс. золотых флоринов и оставался папским владением до Французской революции. Еще в 1229 г. папы владели землей поблизости — герцогством Венессен, которое досталось им как часть владений Раймонда Тулузского. Со всех сторон эта частная папская территория граничила с французскими землями. Итальянские епископы призывали Климента обратно в Рим, и итальянские авторы объясняют его отказ страхом, что он будет наказан за свою готовность осудить Бонифация VIII⁹¹.

Коронация Климента состоялась в Лионе в присутствии Филиппа и его брата Карла Валуа, герцога Бретани, а также представителей короля Англии. Филипп и герцог шли по бокам от папского коня. Во время шествия обрушилась древняя стена, в результате чего погибли герцог, брат папы и еще десять человек. Сам папа был сброшен с коня, его тиара упала в пыль, и потерялся крупный карбункул, украшавший ее. Редко папа оказывался в столь неудобном положении, как новый понтифик. Его подчинение правителю, осквернившему папство, представляло собой странное зрелище. Он обязан был своей тиарой косвенно, если не непосредственно, Филиппу Красивому. Он был тем человеком, который был нужен Филиппу⁹². Целью Климента было успокоить гнев короля, притушить воспоминания о Бонифации и выполнить его жестокие требования в отношении рыцарей-тамплиеров. Так что основные дела его понтификата ограничились выполнением этих задач и созывом собора во Вьенне.

⁸⁹ Pastor, p. 78, тж. примеч.

⁹⁰ Иоанн XXII оплатил стоимость этого восстановления за счет серебряной утвари, оставленной Климентом V для нужд римских церквей. См. Ehrle, V. 131.

⁹¹ См. Finke: *Quellen*, p. 92.

⁹² Доллинггер говорит, что Климент поступил на службу королю «весь без остатка» (*er trat ganz in den Dienst des Königs*; Akad. Vorträge, III. 254).

Условия, при которых новый папа получил свою тиару, были навязаны ему самим Филиппом, и, по словам Виллани, король обязал гасконца заплатить за нее цену, которая включала в себя шесть обещаний. Пять из них касались полной отмены всего, что совершил Бонифаций в ходе конфликта с Филиппом. Шестая статья, хранившаяся в тайне, касалась уничтожения ордена тамплиеров. Подлинность этих шести статей ставилась под сомнение, но не может быть сомнений в том, что с самого начала понтификата Климента французский король настаивал на их выполнении папой⁹³. Климент, будучи не в состоянии сопротивляться, подтвердил решения Бенедикта XI и пошел дальше него. Он отпустил грехи королю, 1 февраля 1306 г. отозвал обратно оскорбительные буллы *Clericis laicos* и *Unam sanctam* (так как они были обидны для Франции и требовали подчинения короля папскому престолу, что не было принято до их выхода) и полностью восстановил на постах кардиналов из семейства Колонна.

Обсуждение характера Бонифация VIII и его права занимать папский престол продолжалось целых шесть лет. Филипп выдвинул, помимо прочих, своего брата, графа Людовика из Эвро, свидетелем в защиту обвинения, что Бонифаций умер еретиком. Кардиналы придерживались разных мнений. Семейство Колонна относилось к памяти Бонифация столь же враждебно, сколь пылко поддерживало в своих произведениях память Целестина V. Они объявляли, что папа не имеет права отрекаться от престола, так как это противоречит Божиим законам. Духовный брак папы с церковью не может быть расторгнут. Что же касается существования двух пап одновременно, такая чудовищная ситуация не может быть угодна Богу. С другой стороны, такие авторы, как Августин Триумф, защищали Бонифация и объявляли его мучеником интересов церкви, достойным канонизации⁹⁴. Из ненависти к своему старому врагу Филипп потребовал, вероятно, уже в 1305 г., канонизации Целестина V⁹⁵. Во второй раз, в 1307 г., король лично потребовал от Климента осудить Бонифация. Но папе удавалось тянуть время под разными предлогами. Филипп заявлял, что его волнуют интересы религии, а Ногаре и другие заговорщики настаивали, что нападение на Ананьи было деянием веры (*negotium fidei*). Ногаре выдвинул не менее двенадцати оправданий своего участия в этом нападении⁹⁶. В 1310 г. началось формальное слушание дела. Много свидетелей давало показания против Бонифация — мирян, священников и епископов. Папу обвиняли в том, что он объявлял ложными все три

⁹³ Манси первым выразил сомнение в подлинности этих статей, о которых сообщает Виллани (VIII. 80). Döllinger (*Akad. Vorträge*, III. 254) и Гефеле, вслед за Бутервеком, вообще их отрицают. Гефеле, подробно и тщательно рассмотрев их (VI. 394-403), приводит причины, по которым он считает их итальянской выдумкой. Климент явно говорил, что ничего не знал об обвинениях против тамплиеров до дня своей интронизации. С другой стороны, свидетельство Виллани — ясное и убедительное. В любом случае, оно говорит о том, какие мнения преобладали в начале XIV века. Арчер склонен верить в свидетельство Виллани (*Enc. Brit.*, XXIII. 164). Характеры папы и короля и обстоятельства, при которых Климент был избран, делают такую ситуацию вполне вероятной.

⁹⁴ Dupuy, pp. 448-465. См. Finke и Scholz, pp. 198-207. Среди тех, кто выступил против папы, был Петр Дюбуа. В своей *Deliberatio super agendis a Philippo IV* (Dupuy, pp. 44-47) он объявляет Бонифация еретиком. Этот трактат, вероятно, был написан во время заседания Национальной ассамблеи в Париже в апреле 1302 г. См. Scholz, p. 386. В другом трактате (Dupuy, pp. 214-19) Дюбуа призывал французского короля осудить Бонифация как еретика.

⁹⁵ Мы утверждаем это на основании трактата, найденного и опубликованного Finke (*Aus den Tagen Bon. VIII*, pp. lxix-c), который он относит к 1308 г. См. pp. lxxv, xcvi. Scholz (p. 174) приписывает этот трактат Августину Триумфу.

⁹⁶ Holtzmann: *W. von Nogaret*, p. 202 sqq.

религии (мусульманство, иудаизм и христианство), называл рождение от девы выдумкой, отрицал пресуществование и существование ада и небес и играл в азартные игры.

Климент выпускал одну буллу за другой, заявляя о невинности тех, кто выступал против Бонифация с насильственными мерами. Филипп и Ногаре были объявлены невинными и действовавшими из самых благородных побуждений, когда они выдвигали обвинения против покойного папы⁹⁷. Булла *Rex gloriae* (1311), адресованная Филиппу, утверждала, что светское королевство было основано Богом и что Франция при новом порядке вещей занимает то же место, какое Израиль, избранный народ, занимал при ветхом завете. Заговор Ногаре, приведший к нападению на Ананьи, был задуман для спасения церкви от гибели, в которую ее ввергал Бонифаций, а разграбление папского дворца и церкви произошло вопреки желанию французского канцлера. В нескольких буллах Климент отменил все наказания и заявления против Филиппа и его царства (или, по крайней мере, предполагается, что он так сделал). Чтобы совершенно задобрить короля, он велел убрать из книг Римской церкви все высказывания Бонифация подобного рода. Так преемник Бонифация самым официальным образом отменил все, что сделал Бонифаций⁹⁸. Когда собрался общий собор во Вьенне, там пришлось затронуть и дело Бонифация, бывшее у всех на слуху. После формального рассмотрения, в ходе которого три кардинала защищали обвиняемого понтифика, он был объявлен невинным. Для того чтобы выиграть в этом вопросе и спасти своего предшественника от формального осуждения, Климент, вероятно, вынужден был безоговорочно уступить Филиппу в деле тамплиеров.

После длительных и утомительных процедур этот орден был формально упразднен Климентом в 1312 г. Основанный в 1119 г. для защиты паломников и Святой Земли от мусульман, он пережил времена своей полезности. Его некогда знаменитых рыцарей, религиозное рвение которых было подорвано обогащением и индульгенциями, можно было легко распустили, не вызывая большого шума, однако история их насильственного уничтожения пробуждает всеобщее сочувствие и составляет одну из наиболее волнующих и загадочных страниц этой эпохи. Доллингер называет эту историю «уникальной исторической драмой»⁹⁹.

Филипп Красивый упорно настаивал на уничтожении ордена тамплиеров, и Климент V вынужден был против своей воли объединиться с ним. Король напрасно старался скрыть свои корыстные мотивы под маской религиозного рвения. Филипп выдвинул обвинения против ордена на интронизации Климента, если не раньше. Примерно в то же время, когда вспыхнул бунт из-за обесценивания денег, король укрылся в помещениях тамплиеров в Париже. В 1307 г. он вновь выдвинул свои обвинения перед папой. Климент колебался, и тогда король прибег к насилию. Ночью 13 октября 1307 г. все члены ордена во Франции были арестованы и брошены в темницу, в том числе гроссмейстер Жак де Моле. Дол-

⁹⁷ Автор трактата 1308 г. старается доказать, что некоторые из обвинений в адрес Бонифация ложны или же что приписываемые ему высказывания не делают его еретиком. Например, он говорит об обвинении в том, что Бонифаций называл галлов псами, и заявляет, что предпочел бы быть скорее псом, чем галлом. Довод начинается с цитаты из Ек. 3:19 (р. lxx. sqq.).

⁹⁸ В некоторых случаях крамольные фразы были вычеркнуты, но друзьям Бонифация удалось сохранить несколько копий с оригиналов нетронутыми. См. Hefele-Knöpfler, VI. 460.

⁹⁹ Изложение Доллингером этой темы (*Akad. Vorträge*, III. 244-274) было последним докладом выдающегося историка перед Мюнхенской Академией наук. Стараясь представить тамплиеров с лучшей стороны, он предположил, что, если бы их не трогали, они могли бы установить мир в Средиземноморье, используя свою базу на Кипре.

лингерь решительно заявляет, что, если бы его попросили выбрать из всей мировой истории проклятый день, *dies nefastus*, он назвал бы 13 октября 1307 г. Три дня спустя Филипп объявил, что предпринял это действие как защитник религии, и призвал христианских князей последовать его примеру. Хотя эта затея Клименту не нравилась, ему не хватало мужества, чтобы выступить против короля, так что постепенно он смирился¹⁰⁰. Была задействована система инквизиции. Доминиканцы, ее главные агенты, пользовались благосклонностью Филиппа, а один из них был его исповедником. В 1308 г. государственные власти согласились с королем и его решением судить орден. Климент позаботился о составе суда: епископ каждой епархии, два францисканца и два доминиканца должны были работать вместе. Комиссия, облеченная полномочиями, должна была заседать в Париже¹⁰¹.

Летом 1308 г. папа приказал преследовать тамплиеров, где бы их ни встретили¹⁰². Их обвиняли в ереси, в том, что они плевали на крест, в поклонении идолу Бафомету (так называли Мухаммеда на провансальском диалекте) и в таких отвратительных преступлениях против нравственности, как содомия и целование ягодиц и пупа собратьев по ордену. Членов ордена обвиняли также во встречах с дьяволом, который являлся им, принимая облик черного кота, и в плотских сношениях с бесовками. Юристы и инквизиторы собрали 127 обвинений, и папа разослал их по Франции и другим странам в оправдание преследований.

Под пытками многие несчастные признавались в том, в чем их обвиняли — в частности, в отказе от Христа и в плеваньи на крест. Похоже, у тамплиеров не было высокопоставленных друзей, которые были бы достаточно смелы, чтобы принять их сторону. Король, папа, доминиканский орден, Парижский университет, французские епископы — все были против них. Многие признания, сделанные жертвами гонений, позже зачитывали у костра. Многие тамплиеры отрицали все обвинения¹⁰³. В Париже 36 человек погибло под пытками, 54 человека были сожжены 10 мая 1310 г., а восемь дней спустя — еще четверо. Сотни людей умерли в темнице. Даже злейшие враги признавали, что приговоренные к смерти тамплиеры заявляли о своей невинности до последнего вздоха¹⁰⁴.

¹⁰⁰ В булле *Pastoralis praeeminentiae* (1307). Августин Триумф в трактате о тамплиерах, *De facto Templarorum*, не отрицая обвинений их в ереси, отрицает право короля хватать и пытать лиц, обвиненных в ереси, по собственной инициативе и без согласия церкви. См. этот документ, напечатанный в Scholz, pp. 508-516.

¹⁰¹ Она состояла из архиепископа Нарбонна, епископов Менде, Байе и Лиможа и четырех менее значительных должностных лиц. Заседать в Париже она должна была по требованию Филиппа.

¹⁰² Булла *Faciens misericordiam*. В этом документе папа обвинил гротсмейстера и офицеров ордена в том, что они давали отпущение грехов — а это право принадлежало только священникам. Именно для подтверждения строгих взглядов на отпущение грехов Александр III позаботился о вступлении священников в воинствующие ордена. См. ценный труд Ли, *The Absolution Formula of the Templars*. См. на эту тему также Finke, I. 395-397. Funk (p. 1330) говорит: *Der Pabst kam von jetzt an dem König mehr und mehr entgegen und nachdem er sich von dem gewaltigsten und rücksichtslosigsten Fürsten seiner Zeit hatte ungarnen lassen, war ein Entkommen aus seiner Gewalt kaum mehr möglich*.

¹⁰³ Прути, Луасклер (*La doctrine secrète des Templiers*, Paris, 1872) и другие рассматривают эти практики как часть тайного кодекса, который начал использоваться в XIII веке. Но такой кодекс не был найден, и о нем не упоминалось на судах. Фридрих II объявил, что тамплиеры принимали мусульман в своем доме в Иерусалиме и соблюдали их религиозные обряды. К этому заявлению следует относиться осторожно из-за враждебности Фридриха к ордену, который отказался помочь ему в его крестовом походе (см. М. Парис, *ан.* 1244).

¹⁰⁴ На суде перед епископом Нима в 1309 г. из 32 человек все, кроме троих, отрицали обвинения. В Перпиньяне обвинения отрицали все 25 человек. В Клермоне 40 человек признали вину

В соответствии с приказом Климента, суды проводились в Германии, Италии, Испании, Португалии, на Кипре и в Англии. В Англии Эдуард II сначала отказался применять пытки, которые никогда официально не были узаконены в этой стране, но позже уступил по требованию Климента. В стране появились папские инквизиторы. Синоды Лондона и Йорка объявили обвинения в ереси столь серьезными, что рыцарям невозможно было оправдаться. Их английские резиденции были закрыты, а члены ордена рассеяны по монастырям для покаяния. В Италии и Германии обвиняемые были по большей части объявлены невиновными. В Испании и Португалии не было найдено свидетельств вины, и синод Таррагоны (1310) и другие синоды объявили тамплиеров невиновными.

Последний акт преследований состоялся на соборе во Вьенне, созванном специально для обвинения ордена. Подавляющее большинство членов собора было за то, чтобы созвать новый суд и дать обвиняемым шанс оправдаться, но король был непреклонен. Он напомнил Клименту, что вина рыцарей достаточно доказана, и настаивал на упразднении ордена. Он лично появился на соборе, сопровождаемый большой свитой. Климент боялся его, и силой своей апостольской власти выпустил декрет о роспуске ордена тамплиеров 22 марта 1312 г.¹⁰⁵ Причиной роспуска для Климента послужило то, что орден подозревался в ереси, что многие тамплиеры признались в ереси и других преступлениях, что теперь достойные люди не хотели вступать в орден и что орден больше не был необходим для защиты Святой Земли. Были даны указания для дальнейших процедур роспуска. Виновные должны были быть казнены, а невиновные поощрены за счет доходов ордена. Так знаменитый орден прекратил свое существование.

Конец Жака де Моле, двадцать второго и последнего гроссмейстера ордена тамплиеров, был достоин дней его величайшей славы. На первом суде он признался в отказе от Христа, а также в том, что плевал на крест, и был осужден, но потом взял свои слова обратно. Его дело было пересмотрено в 1314 г. Вместе с Джеффри де Шарне, великим предстоятелем Нормандии, и другими его вывели на площадь перед собором Нотр-Дам и приговорили к пожизненному заключению. Тогда де Моле вышел вперед и объявил, что обвинения против ордена ложны и что он признался под пыткой и по приказу короля. Де Шарне сказал то же самое. Комиссия обещала пересмотреть дело на следующий день, но мстительность короля не знала границ, и в тот же вечер, 11 марта 1314 г., заключенные были сожжены. Рассказывают, что, стоя на костре, де Моле призвал папу и короля встретиться с ним на суде в течение года. Папа умер чуть больше месяца спустя от ужасной болезни, хотя, как говорят, и раскаялся в своем обращении с орденом, а король погиб от несчастного случая на охоте через шесть месяцев. Королю было всего 46 лет, а через 14 лет, когда умер последний из его прямых потомков, трон перешел к дому Валуа.

Что касается имущества ордена, то, согласно папскому декрету, оно передавалось рыцарям-госпитальерам, но тут вновь вмешался Филипп и потребовал 260 тыс. фунтов в качестве возмещения предполагаемых затрат на тамплиеров и

ордена, 28 отрицали ее. В условиях столь противоречивых свидетельств трудно, если вообще возможно, решить, виноваты они были или нет.

¹⁰⁵ *Per viam provisionis seu ordinationis apostolicae* — так сказано в булле, вопреки *de jure*, или наказанию за доказанные преступления. Эта булла, *Vox clamantis*, была найдена бенедиктинцем доктором Гамсом в Испании в 1865 г. См. Hefele-Knöpfler, VI. 625 sqq. Она приводится в Mirbt: *Quellen*, p. 149 sq. Климент утверждает, что выпустил приказ о роспуске ордена «не без горечи и сердечной боли» (*non sine cordis amaritudine et dolore*). В мае последовали еще две буллы о тамплиерах и распределении их имущества.

на расходы по охране заключенных¹⁰⁶. В Испании собственность ордена перешла в компостельский и калатравский ордена. В Арагоне она частично перешла в новый орден, Санта-Мария-де-Монтесия, а в Португалии — в рыцарский орден Иисуса Христа, *ordo militiae Jesu Christi*. Вследствие многократных требований папы большая часть имущества была передана рыцарям святого Иоанна. В Англии в 1323 г. парламент даровал земли ордена госпитальерам, но существенную их долю король присвоил себе. Лондонский Темпль, принадлежавший храмовникам, достался графу Пемброку (1313)¹⁰⁷.

Упорная враждебность Филиппа к тамплиерам и настойчивые гонения на них объясняются его жадностью. Он желал получить богатства храмовников и был готов совершить подобное преступление¹⁰⁸. Он ограбил банки Ломбардии и иудеев Франции и обесценил монету своего королевства. Одолжив 500 тыс. фунтов, чтобы обеспечить приданое своей сестре, он весьма нуждался в деньгах. Он присвоил себе все имущество тамплиеров, какое только мог. Повиновение Климента V легко объяснить. Он был креатурой короля. И когда папа не решался выступить против несчастного ордена, король напоминал ему о Бонифации VIII. Чтобы спасти память своего предшественника, папа пожертвовал жизнью рыцарей¹⁰⁹. Данте, представляя тамплиеров жертвами жадности короля, сравнивает Филиппа с Понтием Пилатом:

*Я вижу — это все не утолило
Новейшего Пилата; осмелев,
Он в храм вторгает хищные ветрила.*¹¹⁰

Дом тамплиеров в Париже был превращен в королевскую резиденцию. Из нее более четырехсот лет спустя отправился на эшафот Людовик XVI.

Собор во Вьенне, пятнадцатый в списке общецерковных, собрался 16 октября 1311 г. и, после трех сессий, закрылся шесть месяцев спустя, 6 мая 1312 г. Климент открыл его приветствием по Пс. 110:1,2 и выделил для рассмотрения три темы: дело ордена тамплиеров, освобождение Святой Земли и реформу церк-

¹⁰⁶ Богатство тамплиеров сильно преувеличивали. Во Франции они были не богаче, чем госпитальеры. Около 1300 г. состояние каждого из этих орденов в стране облагалось налогом в 6000 фунтов. См. Döllinger, p. 267 sq. Томас Фуллер, английский историк, справедливо замечает: «Филипп никогда не стал бы казнить тамплиеров, если бы мог забрать их земли, не приговаривая их к смерти. Но он не мог получить мед, не спалив пчел». Испанская делегация, прибывшая на собор во Вьенне, писала королю Арагона, что главной заботой собора и короля в отношении тамплиеров было распоряжение их имуществом (Finke, I. 360, 374). Finke (I. 111, 115, etc.) объясняет враждебное отношение к ордену откровениями, которые Эскин де Флойран сделал Хайме Арагонскому в 1305 г., но выдвинутые им обвинения уже звучали во Франции.

¹⁰⁷ В 1609 г. судьи Внутреннего и Среднего Темпла за небольшой ежегодный взнос короне получили здания ордена, которые перешли в ее владение при Генрихе VIII.

¹⁰⁸ Данте и Виллани соглашаются с тем, что тамплиеры были невиновны. Так считает и большинство современных историков. Функ заявляет, что их оправдание «было бы, без сомнения, верным решением» (p. 1341). Доллингер весьма решительно настаивает на том, что тамплиеры признавали свою вину только под пыткой (p. 257). В недавнее время, 1907, Финке (I, p. ix. 326 sq., 337) настаивал на их невинности и недостоверности сделанных ими признаний. Он объявил, что те, кто считает их виновными, должны верить в появление дьявола в образе кота. Пруц в своих ранних трудах решил, что они были виновны. Шоттмюллер, Доллингер, Функ и наш доктор Ли решительно выступают за их невинность. Ranke (*Univ. Hist.*, VIII. 622) колеблется и приписывает им доктринальные позиции Фридриха II и Манфреда. Во Франции Мишле был против ордена; Мишо, Гизо, Ренан и Бутарик — за него. Hallam (*Middle Ages*, I. 142-146) не пришел к определенному решению.

¹⁰⁹ См. Döllinger, p. 255, и Gregorovius. Ли рассматривает этот суд и судьбу несчастных рыцарей очень подробно, говоря об их беспомощности перед инквизицией.

¹¹⁰ *Чистилище*, XX. 91.

ви. Документы, касающиеся собора, неполны¹¹¹. Помимо решений о тамплиерах и Бонифации VIII, на соборе осудили бегинок и бегардов и заслушали обвинения против францисканца Петра Иоанна Оливы (ум. в 1298). Олива принадлежал к крылу францисканских спиритуалов. Его книги приказал сжечь в 1274 г. один францисканский генерал, а другой генерал ордена, Бонаграция (1279), созвал комиссию, которая нашла в его произведениях тридцать четыре опасных утверждения. Собор, не объявляя Оливу еретиком, осудил эти положения, приписываемые ему и касающиеся отношений между двумя партиями францисканского ордена, спиритуалов и конвентуалов.

В истории университетского образования и изучения Библии собор важен тем, что он постановил учредить по две кафедры еврейского, арабского и халдейского языков в Париже, Оксфорде, Болонье и Саламанке.

Пока во Франции медленно тянулись разбирательства по делам Бонифация и тамплиеров, Климент пытался установить власть над Италией. Против Венеции он выступил с самыми яростными анафемами и интердиктами за то, что она осмелилась захватить Феррару — территорию, на которую претендовал апостольский престол. Он проповедовал крестовый поход против города святотатцев. Город потерпел поражение, и Феррара была доверена Роберту, королю Неаполя, как папскому наместнику.

Климент сделал все возможное для укрепления власти Франции в папстве. В первый же год своего понтификата он назначил 9 французских кардиналов, и из 24 человек, которых он почтил пурпуром, 23 были французами. Он отдал ненасытному Филиппу церковную десятину за пять лет. Исполняя свои обязательства перед этим монархом, Климент обложил данью церковных деятелей всех рангов и вакантные церковные приходы¹¹². Он щедро раздавал должности своим родственникам. Пять из них стали кардиналами, причем трое были еще очень молоды. Своего брата он сделал ректором Рима. Члены его семьи получили Анкону и другие территории, принадлежавшие папе¹¹³. Распоряжение казной отнимало большую часть времени Климента, и эту интересную тему подробно рассматривает современный ученый-иезуит Эрле. Папская казна, оставленная предшественником Климента, была перевезена из Перуджи во Францию, после чего путешествовала с места на место и из замка в замок, сложенная в сундуки, навьюченные на мулов. А после смерти Климента большие суммы денег, полученные и хранившиеся им, внезапно пропали. Преемник Климента Иоанн XXII начал судиться с доверенными родственниками Климента из-за этих денег. Разбирательство продолжалось с 1318 по 1322 г., вследствие чего было получено много сведений о финансах Климента¹¹⁴.

В завещании Климента (1312) его состояние измеряется суммой 814 тыс. флоринов; 300 тыс. он завещал своему племяннику — виконту Ломани и Овиллара, известному тем, что у него было множество незаконных отпрысков. Эту сумму следовало потратить на крестовый поход. 314 тыс. было завещано другим родст-

¹¹¹ Ehrle (*Archiv für Lit. und Kirchengesch.*, IV. 361-470) опубликовал фрагментарный доклад, обнаруженный им в Национальной библиотеке в Париже. Лучший рассказ об этом соборе см. в Hefele-Knöpfner, VI. 514-554.

¹¹² Haller, p. 46 sqq.

¹¹³ Ehrle, V. 139 sq.

¹¹⁴ Ehrle (p. 147) подсчитал, что ежегодный доход Климента составлял от 200 до 250 тыс. золотых флоринов, из которых он тратил 100 тыс. на нужды своего двора, а остальные 100 или 150 тыс. откладывал. Ehrle (p. 149) приводит фамильное древо Климента.

венникам и слугам. Остальные 200 тыс. шли церквям, монастырям и беднякам. 160 тыс., одолженные королю Франции, так и не были возвращены¹¹⁵.

Тело Климента, согласно его желанию, было похоронено в Узесте. Его казна была разграблена. На суде, устроенном Иоанном XXII, выяснилось, что Климент перед смертью приказал поделить 70 тыс. флоринов поровну между его преемником и коллегией кардиналов. Иоанн посадил виконта Ломани в темницу, и тот вернул 300 тыс. флоринов, половина из которых досталась кардиналам, а другая — папе. Через несколько месяцев после смерти Климента виконт одолжил королю Франции 110 тыс. флоринов, а королю Англии 60 тыс. флоринов.

Родственники Климента показали, что ценят его щедрость, воздвигнув в его честь в Узесте прекрасный саркофаг, стоивший 50 тыс. золотых флоринов. Считается, что папа распоряжается получаемыми средствами в интересах церкви в целом, однако Климент говорил о сокровищах в своих сундуках как о собственных и считал себя вправе распоряжаться ими как ему угодно¹¹⁶.

Что касается частной жизни Климента, то его подозревали в незаконном сожительстве с прекрасной графиней Бруниссендой из Фуа. Из всех пап XIV века он был наименее самостоятельным. Апологет Бонифация VIII, писавший в 1308 г., высказался о нем так¹¹⁷: «Господь допустил избрание Климента, который больше беспокоился о мирских вещах и об обогащении своих родственников, чем Бонифаций, чтобы вследствие этого контраста Бонифаций оказался более достойным похвалы, в то время как в противном случае он мог бы быть осужден. Так горечь познается в сравнении со сладостью, холод — с жарой, добро — со злом». Виллани, критиковавший обоих пап, охарактеризовал Климента как «развратного, жадного до денег симониста, который при своем дворе мог продать за деньги любой бенефиций»¹¹⁸.

Этот папа оказал церкви только одну большую услугу. Он содействовал выпуску книги декреталий, которая известна как *Климентины*. Завершена она была при его преемнике Иоанне XXII.

§7. Понтификат Иоанна XXII. 1316 — 1334

Климент умер 20 апреля 1314 г. Кардиналы собрались в Карпентра, а потом — в Лионе и после промежутка в двадцать семь месяцев избрали на папский престол Иоанна XXII (1316 — 1334). Ему тогда было семьдесят два года, и он был кардиналом-епископом Порто¹¹⁹. Данте обращался к конклаву с просьбой избрать итальянского папу, но французское влияние было неодолимо.

¹¹⁵ Ehrle, pp. 126, 135.

¹¹⁶ Рассказывают, что могила Климента была открыта и разграблена кальвинистами в 1568 или 1577 г. См. Ehrle, p. 139.

¹¹⁷ Finke: *Aus den Tagen Bon. VIII*, p. lxxxviii.

¹¹⁸ *Chronicle*, IX. 59. Виллани рассказывает, что когда умер кардинал, один из племянников Климента, то папа, желая поговорить с ним, обратился к некроманту. И этот магистр темных искусств велел, чтобы бесы отвели одного из капелланов папы в ад, где ему показали дворец, в котором душа Климентова племянника лежала на огненном ложе, а рядом было приготовлено место для самого папы. Тот же Виллани рассказывает, что гроб, в котором лежало тело Климента, сгорел, а вместе с ним и тело папы, до пояса.

¹¹⁹ У Виллани (IX:81) есть сомнительное сообщение, будто кардиналы, устав от того, что не могут сделать выбор, предоставили это право Иоанну. А он, следуя совету кардинала Наполеона Орсини, воспользовался ситуацией и избрал себя. Он был коронован в Лионе.

Говорят, Иоанн был по происхождению сыном сапожника из Кагора, невысокого роста¹²⁰, с писклявым голосом, трудолюбивым и педантичным. В целом, он является самой выдающейся фигурой из пап XIV века, хотя он не был ни самым способным, ни самым достойным. Это был деятельный человек, и папский двор при нем пребывал в постоянном движении. В ватиканских архивах сохранилось 59 томов его булл и других произведений. Он был наставником Анжуйского дома и распространил учительские методы на папские изречения. Он хотел быть не только папой, но и богословом. Он торжественно обещал итальянской фракции в курии, что сядет на осла только для того, чтобы отправиться в Рим, но он так и не покинул Авиньон. Преданность Франции проявилась уже в самом начале его понтификата — он назначил восемь кардиналов, семь из которых были французами.

Понтификат Иоанна запомнился четырьмя особенностями: его ссорой с немецким императором Людовиком Баварским, его осуждением строгой партии францисканцев, его собственной доктринальной ересью и его жадностью.

Борьба с Людовиком Баварским отступает на задний план, если сравнить ее с впечатляющими конфликтами между Гогенцоллернами и выдающимися папами предыдущих веков. Европа без особого интереса наблюдала за длительным спором, который, скорее, показал капризность и слабость и императора, и папы, нежели решил какую-либо важную проблему. После смерти Генриха VII (1313) пять электоров отдали свои голоса Людовику из дома Виттельсбахов, а двое — Фридриху из Габсбургов. Оба обратились к новому папе, желая быть избранными. Фридрих был коронован трирским архиепископом в Бонне, Людовик — архиепископом Майнца в Аахене. В 1317 г. Иоанн же объявил, что, пока трон пустует, папа — законный наместник империи, и не признал Людовика королем римлян на том основании, что тот отказался вверить свое избрание в руки папы.

В сражении при Мюльдорфе (1322) Фридрих попал в плен к своему сопернику. Поворот событий вынудил Иоанна предпринять более решительные действия, и в 1323 г. против Людовика была выпущена первая из череды банальных и многократных жалоб и наказаний, которые источал Авиньон. Папа угрожал ему анафемой, претендуя на право одобрять или отвергать избрание императора¹²¹. Год спустя он отлучил от церкви Людовика и всех его сторонников.

В ответ на эту первую жалобу (1323) Людовик, в присутствии нотариуса и других свидетелей, сделал в Нюрнберге формальное заявление, что он считает империю независимой от папы, обвинил Иоанна в ереси и потребовал созыва общего собора. Обвинение в ереси было связано с тем, как папа обращался со спиритуалами-францисканцами. Осужденные Иоанном выдающиеся спиритуалы Михаил Чезенский, Оккам и Бонаграция поддержали Людовика, нашли убежище при его дворе и защищали его в своих произведениях. Так что политический конфликт осложнился еще и этой путаной церковной проблемой. В 1324 г. Людовик выступил со вторым обращением, написанным в часовне тевтонского ордена в Заксенхаузене. Он вновь попросил о созыве общего собора и повторил обвинение в ереси против папы.

На следующий год (1325) Людовик потерпел серьезное поражение от Леопольда Австрийского, который захотел посадить на немецкий трон Карла IV Фран-

¹²⁰ Заявление Виллани, что он был сыном сапожника, вызывает сомнения. Феррет из Виченцы говорит, что он был «мал, как Закхей».

¹²¹ См. Müller: *Kampf Ludwigs*, etc., I. 61 sqq. *Examinatio, approbatio ac admonitio, repulsio quoque et reprobatio*.

цузского. В Ульмском договоре (1326) он даже выразил свою готовность уступить немецкую корону Фридриху, если сам он будет утвержден в правах на Италию и императорский сан. Но тут Леопольд умер.

Папа назначил Роберта Неаполитанского наместником Рима. Однако Людовик не собирался отказываться от своих притязаний на Италию и, вновь обретший свободу после смерти Леопольда, пересек Альпы и был коронован в январе 1327 г. императором на площади перед собором Св. Петра. Шиарра Колонна, как представитель народа, возложил корону ему на голову, а два епископа провели помазание. Виллани¹²² выражает негодование в связи с этим неслыханным событием — коронация императора состоялась без согласия папы. Людовик был первым средневековым императором, которого короновал народ. Начался формальный суд, и «Иаков из Кагора, называющий себя Иоанном XXII», был осужден как антихрист и смещен с папского престола. Его изображение пронесли по улицам и сожгли¹²³. Иоанн из Корбары, принадлежащий к францисканцам-спиритуалам, был избран на только что опустевший престол под именем Николая V. Он был первым антипапой со времен Барбароссы. Людовик лично возложил венец на голову понтифика, а епископ Венеции провел церемонию помазания. Николай окружил себя коллегией из семи кардиналов. Его обвиняли в том, что он отказался от тех принципов бедности и воздержания в плане одежды и пищи, за которые ранее выступал.

На эти бесчинные деяния Иоанн ответил тем, что объявил Людовика еретиком и призвал к крестовому походу против него, обещая отпущение грехов всем участникам этого похода. Переменчивый Рим скоро устал от своего коронованного мирянами императора, который поступил неразумно, обложив дополнительной данью в 10 тыс. флоринов народ, клир и иудеев города. Людовик удалился на север, Николай последовал за ним со свитой своих кардиналов. В Пизе, в присутствии императора, антипапа отлучил от церкви Иоанна и созвал общий собор, который должен был состояться в Милане. Опять было сожжено изображение Иоанна, прямо в соборе, и его приговорили к смерти за ересь. В 1330 г. Людовик покинул Италию навсегда, а Николай, с веревкой на шее, сдался Иоанну. Он умер в Авиньоне три года спустя. В 1334 г. Иоанн выпустил буллу, которая, по словам Карла Мюллера, стала самым грубым актом насилия, совершенным дотоле папой по отношению к немецкому императору¹²⁴. Согласно этой булле, Италия считалась независимой от императорской короны и королевства (*imperium et regnum*) Германии, и им запрещалось находиться под одним правительством. Эта суровая мера объяснялась их территориальной удаленностью. Так буллой было недвусмысленно объявлено о достижении цели, которую дипломатия Иннокентия III включила в сферу папской политики и которая столь ярко отразилась в борьбе Григория IX и Фридриха II.

Полностью утратив свое положение в Италии и пользуясь в Германии лишь незначительной поддержкой, Людовик попытался заключить мир, но папа был согласен только на полную капитуляцию императора. Иоанн умер в 1334 г., и

¹²² X. 55.

¹²³ Основаниями для низложения Иоанна стали его решения против спиритуалов, использование для подавления Генуи средств и кораблей, предназначенных для крестового похода, присвоение права назначения на церковные должности и проживание вне Рима. Документ есть в Muratori (XIV, 1167-1173). Яркое описание воцарения и характера Иоанна из Корбары см. в Gregorovius, VI. 153 sqq.

¹²⁴ 336 sqq., 376 sqq., 406.

борьба продолжилась в понтификат его преемника, Бенедикта XII. Филипп VI Французский выступил против мер Бенедикта за примирение с Людовиком, и в 1337 г. император заключил союз с Англией против Франции. Германские князья, заявляя о своих правах на империю, приняли знаменитую конституцию в Рензе — местности близ Майнца. Она была подтверждена на рейхстаге во Франкфурте (1338). Конституция отвергала светские притязания папы и заявляла, что избрание императора электорами окончательно и не требует папского одобрения. Так съезд немецких князей впервые заявил о независимости империи.

Германская ассамблея была осуждена интердиктом. В 1342 г. Бенедикт умер. Сражение с Людовиком продолжилось, и сторонники покинули его. Оставалась лишь капитуляция, еще более унижительная, чем подчинение Генриха IV. Людовик искал милости Климента VI, но напрасно. В булле от 12 апреля 1343 г. Климент перечислил многие преступления императора и вновь велел ему отказаться от императорского сана. Людовик написал ему о своей готовности покориться, но в Авиньоне усомнились в подлинности документа, — возможно, преднамеренно, чтобы унижить императора еще больше. Ему были предложены более жесткие условия, но они были отвергнуты рейхстагом во Франкфурте (1344). Однако Германия устала, и она с покорностью выслушала последнюю буллу против Людовика (1346), а также обращение к электорам с призывом провести новые выборы. Электоры, среди которых был Иоанн Богемский, выбрали Карла IV, сына Иоанна. Богемский король был слепым воином и нашел свою смерть на поле битвы в Креси в тот же год. Перед избранием Карл посетил Авиньон и обещал полностью подчиниться требованиям папы. И он продолжал подчиняться в течение своего правления, что оправдало выбор папы. Борьба закончилась со смертью Людовика год спустя (1347), во время медвежьей охоты близ Мюнхена. Это был последний конфликт империи и папства, разворачивавшийся в духе таких ревнителей церкви, как Гильдебранд, Иннокентий III и Григорий IX.

Вернемся к Иоанну XXII. Он также прославился в связи со спором о владении собственностью внутри францисканского ордена — спором, который не затухал с предыдущего периода и велся между двумя партиями — спиритуалами (или францисканцами строгого крыла, обсервантами) и конвентуалами. Завещание святого Франциска, призывавшее к абсолютной бедности и опущенное в «Жизнии» этого святого, написанном Бонавентурой (1263), не было полностью учтено в булле Николая III (1279), которая разрешала францисканцам пользоваться собственностью, хотя и запрещала владеть ею. Строгая партия, спиритуалы, не были этим довольны, и борьба продолжалась. Целестин V попытался установить мир, слив крыло спиритуалов с основанным им орденом отшельников, но мера оказалась безуспешной.

При Бонифации VIII положение спиритуалов осложнилось. Этот папа сместил их генерала, Раймонда Гофреди, поставив на его место Иоанна из Мурро, принадлежавшего к конвентуалам. Петр Иоанн Олива (ум. в 1298), произведения которого были широко распространены, выступил в поддержку буллы Николая, толкуя ее как разрешающую пользоваться собственностью в случае необходимости (*usus pauper*) и противопоставляя это мнение более либеральному мнению конвентуалов, называемому *usus moderatus*. Судьба Оливы типична для спиритуала. После его смерти нападки на его мнения стали более решительными, и в конце концов против него были выдвинуты обвинения во Вьенне. Мурро принял

насильственные меры, сжег произведения Оливы и бросил его сторонников в темницу. Другие выдающиеся спиритуалы бежали. Анджело Кларено на время укрылся в Греции, а в 1305 г. вернулся в Рим под защитой Колонна.

Дело было формально рассмотрено Климентом V, который созвал в Авиньоне комиссию, чтобы решить спор и дать спиритуалам временное избавление от гонений. Рассмотрение продолжалось до собора во Вьенне, где конвентуалы обвинили Оливу, которого к тому времени стали считать чуть ли не святым. Среди обвинений было то, что он считал *usus pauper* сущностью устава миноритов, заявлял, что Христос был еще жив, когда копье пронзило Ему бок, и что разумная душа не имеет формы тела. Память Оливы защищал Убертино да Казале, и собор не вынес никакого приговора ему лично.

В булле *Exivi de paradiso*¹²⁵, выпущенной в 1313 г. и знаменитой в истории францисканского ордена, Климент, похоже, стал на сторону спиритуалов. В ней ордену и всем его членам запрещалось принимать наследство, владеть виноградниками, продавать плоды своих садов, строить дорогие церкви и судиться. Дозволялось только «использование в случае необходимости» (*usus actus* или *pauper*), и не более того. Минориты не должны были носить обувь, они могли ездить верхом лишь в случае необходимости, им предписывалось поститься с 1 ноября до Рождества, а также каждую пятницу, и разрешалось иметь одну накидку с капюшоном и одну — без капюшона. Климент велел новому генералу, Александру из Алессандры, передать последователям Оливы монастыри в Нарбонне, Каркассоне и Безьере, но приказал также инквизиции преследовать спиритуалов, которые отказываются подчиняться.

Несмотря на папский указ, спор в ордене разгорелся с еще большим пылом, когда престол занял Иоанн XXII. В декреталии *Quorundam exegit* и булле *Sancta romana et universalis ecclesia* (30 декабря 1317 г.) Иоанн решительно выступил против спиритуалов. Несколько недель спустя он осудил формальный список их заблуждений и упразднил все монастыри, которыми управляли спиритуалы. С этого момента спиритуалов стали называть фратичелли¹²⁶. Они отказались повиноваться и заявили, что даже папа не имеет права вносить изменения в устав святого Франциска. Михаил Чезенский, генерал ордена, защищал их. Шестьдесят четыре спиритуала были призваны в Авиньон. Двадцать пять отказались подчиниться и были переданы в руки инквизиции. Четверо были сожжены как мученики в Марселе 7 мая 1318 г. Остальные бежали на Сицилию¹²⁷.

Далее спор вошел в строго богословское русло: соблюдали ли заповедь абсолютной бедности Христос и Его апостолы? И из-за этого спора раскол угрожал самому крылу конвентуалов. Михаил Чезенский, Оккам и другие считали, что у Христа и Его последователей не было не только индивидуальной, но и общей собственности. Иоанн же, выступая против этого мнения, ссылаясь на дары волхвов, на то, что у Христа была одежда и Он покупал еду, на кошелек Иуды и на то, что Павел зарабатывал себе на жизнь. В булле *Cum inter nonnullos* (1323) и других буллах Иоанн объявлял ересью утверждение, что Христос и апостолы не владели имуществом. Те, кто выступал против такого толкования, были объяв-

¹²⁵ Неизвестно, рассматривалась ли эта булла на общем соборе во Вьенне. См. Hefele (VI. 550), который считает, что рассматривалась, и Ehrle, *Archiv*, 1885, p. 540 sqq.

¹²⁶ Hefele, VI. 581. Ehrle: *Die Spiritualen in Archiv*, 1885, pp. 509-514.

¹²⁷ См. Ehrle: *Archiv*, pp. 156-158. Он приводит постановления инквизиции против спиритуалов Умбри, поблизости от Ассизи, принятые не ранее чем в 1341 г.

лены в 1324 г. бунтовщиками и еретиками. Иоанн пошел дальше и вернул ордену право владеть имуществом и наследовать его без ограничений (право, которое Иннокентий IV отрицал) и объявил, что, касательно предметов, которые прекращают существование вследствие использования (таких как продукты питания), нет никакой разницы между использованием и владением. В 1326 г. Иоанн объявил комментарий Оливы к Апокалипсису еретическим. Три лидера спиритуалов, Михаил Чезенский, Оккам и Бонаграция, были схвачены и содержались в темнице до 1328 г., когда они бежали и укрылись в Пизе у Людовика Баварского. Как раз в это время Оккам, как сообщают, обратился к императору со знаменитой фразой: «Ты защитишь меня мечом, а я защищу тебя пером» (*Tu me defendes gladio, ego te defendam calamo*). Они были смещены со своих постов и включены в анафему против антипапы, Петра из Корбары. Позже Михаил Чезенский подчинился папе. Говорят, что Оккам тоже сделал это незадолго до смерти. Михаил Чезенский умер в Мюнхене в 1342 г. Он передал печать ордена Оккаму. По свидетельствам, на смертном одре он якобы воскликнул: «Боже мой, что я наделал? Я выступил против того, кто обладает высшей властью на земле! Но призри, Отец, на дух истины, который во мне, который заблуждался не из плотской похоти, а из великой ревности за серафический орден и из любви к бедности!» Бонаграция также умер в Мюнхене¹²⁸.

Позже в XIV веке регулярные обсерванты вновь обрели заметную известность, и в начале XV века слава ордена возродилась благодаря пылким проповедникам Бернардино из Сиены и Иоанна из Капистрано. Папы продолжали заботиться о мире во францисканском ордене, пока в 1517 г. Лев X не прекратил борьбу, продолжавшуюся три столетия, формально признав существование двух разных общин внутри францисканцев. Умеренное крыло было помещено под начало генерала миноритов-конвентуалов, и было подтверждено их право на владение собственностью. Строгое крыло, обсерванты, было вверено попечению министра-генерала Всего Ордена Св. Франциска¹²⁹. Этот последний играл более важную роль в шествиях и других официальных мероприятиях и занимал свой пост в течение шести лет.

Если францисканцы-спиритуалы и желали тайно порадоваться неудачам своих соперников, то такая возможность представилась им, когда Иоанна стали обвинять в ереси. В любом случае, Иоанн был настолько близок к ереси, насколько только может быть папа. Ересь его касалась природы видения райского блаженства после смерти. В проповеди на день всех душ (1331) он объявил, что блаженные после смерти не видят Бога до дня всеобщего воскресения. Он повторил это заявление по меньшей мере в двух других проповедях. Иоанн был весьма склонен к богословским рассуждениям, хотя Оккам объявил его полным невеждой в области богословия¹³⁰. Оккам, Михаил Чезенский и другие объявляли взгляды Иоанна еретическими. Иоанн посадил в темницу английского доминиканца, который критиковал его в проповедях, и был так уверен в собственной

¹²⁸ См. Riezler, p. 124.

¹²⁹ *Magister-generalis fratrum minorum conventualium* и *minister-generalis totius ordinis S. Francisci*. Капуцины, которые являются францисканцами, были признаны отдельным орденом при Павле V (1619). Среди других орденов, которые откололись от францисканцев, можно назвать отцов-реколлектов Франции, из монастыря реколлектов Невера, признанных отдельной организацией при Клименте VIII (1602). Эти монахи отличились миссионерской работой среди индейцев Северной Америки.

¹³⁰ *In facultate theologiae omnino fait ignarus* (см. Müller: *Kampf*, etc., I. 24, note).

правоте, что послал францисканского генерала Герарда Одониса в Париж, чтобы сообщить о своем мнении университету.

Король, Филипп VI, живо заинтересовался темой. Он выступил против папы и созвал собор богословов в Венсенне, чтобы они высказали свое мнение по данному предмету. Собор постановил: если Господь спустился в ад и освободил томившиеся там души, значит, праведные после смерти немедленно получают видение Божественной сущности Троицы¹³¹. Среди сторонников этого решения был Николай из Лиры. Когда официальное объявление о принятом решении достигло папы, он созвал собор в Авиньоне и представил перед ним отрывки из отцов церкви, говорящие за и против этого мнения. Собор заседал пять дней в декабре 1333 г. На нем Иоанн сделал публичное заявление, которое было передано королю и королеве Франции: он не намеревался сказать ничего такого, что противоречило бы мнению отцов и ортодоксальной церкви, а если сказал, то забирает свои слова обратно.

Вопрос был авторитетно улажен Бенедиктом XII в булле *Benedictus deus* (1336), где объявлялось, что блаженные — святые, апостолы, девы, мученики, исповедники, не нуждающиеся в очищении чистилища, — после смерти, до воскресения их тел в момент всеобщего суда, находятся со Христом и Его ангелами и непосредственно созерцают божественную сущность¹³². Бенедикт также сказал, что Иоанн умер, готовя это решение.

Финансовая политика Иоанна XXII и его преемников заслуживает рассмотрения в отдельной главе. Здесь мы упомянем о личном состоянии Иоанна. Он приобрел сомнительную славу благодаря тому, что не только накопил больше средств, чем все его предшественники, но и обладал к моменту смерти сказочным богатством. Грегоровиус называет его авиньонским Мидасом. Согласно Виллани, он оставил после себя 18 млн. золотых флоринов и на 7 млн. флоринов драгоценностей и украшений, то есть в общей сложности 25 млн. флоринов, то есть 60 млн. долларов в современной валюте. Летописец замечает по этому поводу, что все забыли о словах Христа, обращенных к ученикам: «Собирайте себе сокровища на небе»¹³³. Недавние исследования заставляют подозревать, что это давно устоявшееся мнение преувеличено. Состояние Иоанна могло быть не более 750 тыс. флоринов, то есть 2 млн. долларов¹³⁴ в современной валюте. Даже если правильна эта последняя цифра, все равно Иоанн был хитрым финансистом и, возможно, самым богатым человеком в Европе.

Умер Иоанн в возрасте девяноста лет.

¹³¹ Mansi, XXV. 982-984.

¹³² *Divinam essentiam immediate, se bene et clare et aperte illis ostendentem* (Mansi, XXV. 986).

¹³³ XI. 20. Другой автор, Гальванеус де ла Фламма (Muratori, XII. 1009; цит. в Haller, *Papsttum*, p. 104), говорит, что Иоанн оставил 22 млн. флоринов, не считая других, «неучтенных сокровищ». Этот автор добавляет, что в мире не было христианина богаче, чем Иоанн XXII.

¹³⁴ Эта цифра подсчитана в Ehrle, *Die 25 Millionen im Schatz Johann XXII*, Archiv, 1889, pp. 155-166. Она основана на ценности содержимого 15 сундуков, открытых в 1342 г. после смерти Бенедикта XII. В этих сундуках лежали сокровища Иоанна, к тому моменту оцененные в 750 тыс. флоринов. Но неизвестно, потратил Бенедикт что-то из состояния Иоанна или же оно сохранилось в том виде, в каком было оставлено. Например, при посвящении Бенедикт отдал своим кардиналам 100 тыс. флоринов, а римским церквям — 150 тыс., и вполне вероятно, что они были взяты из казны Иоанна. Золотые митры, кольца и другие украшения, накопленные Иоанном, хранились в других сундуках. Виллани же опирается на свидетельство своего брата, флорентийского банкира, работавшего на курию Авиньона. И трудно понять, почему, делая свое заявление, он вдруг захотел так далеко отойти от истины, как счел Эрле.

§8. Нападки на должность папы

Ко времени понтификата Иоанна XXII относится второй период литературной критики папства. Представители этого периода пошли дальше, чем Данте и Иоанн Парижский. Они подвергали сомнениям духовные функции папы. Их нападки были обусловлены конфликтом с Людовиком Баварским и спорами с францисканскими спиритуалами. Двор Людовика стал настоящим рассадником антипапской пропаганды и прибежищем памфлетистов. Марсилий Падуанский был самым умным и смелым из этих авторов, а Оккам — скорее схоласт, чем мыслитель-практик — самым плодотворным. Михаил Чезенский¹³⁵ и Бонаграция также внесли вклад в эту литературу.

Оккам сформулировал свои взгляды в двух трудах, «Диалог» и «Восемь вопросов». Первый из них — громоздкий и громадный¹³⁶. Трудно, если вообще возможно, выделить взгляды автора из массы нескладных рассуждений. Похоже, взгляды эти таковы: папство не является институтом, необходимым для существования церкви. Возникшие условия требуют учреждения национальных церквей¹³⁷. Папа не является непогрешимым. Даже законный папа может быть еретиком. Так было с самим Петром, когда Павлу пришлось скорректировать его иудействующие наклонности, с Либерием, который был арианином, и со Львом, которого обвинял в ложном учении Иларий Пиктавийский. А Сильвестр II вообще заключил договор с дьяволом. Либо Николай III, либо Иоанн XXII был еретиком, так как один из них противоречил другому. Общецерковный собор может заблуждаться, равно как и папа. Так было со Вторым Лионским собором и собором во Вьенне, осудившим истинных миноритов. Собор может объявить папу еретиком или же, если собору не удастся исполнить свой долг, это решение могут принять кардиналы. Если и кардиналам не удастся принять его, то право выявления ереси принадлежит светскому князю. Христос вверил заботу о вере не папе и иерархии, а церкви, и где-то в церкви всегда сохраняется истинная вера. Изначально светская власть не принадлежала папе. Это доказывает дар Константина, ибо то, что он отдал, он отдал впервые. Верховная власть в светских и духовных вопросах не должна принадлежать одному человеку. Император обладает полной властью в силу своего избрания. Его власть не зависит ни от помазания или коронации папой, ни от какого-либо иного земного подтверждения.

Более отчетливыми и передовыми были высказывания Марсилия Падуанского. В его произведениях много нападок на преобладавшую церковную систему. В них заложены принципы нового порядка. В подготовке главного труда, «Защитник мира» (*Defensor pacis*), ему помогал Жан Жанден¹³⁸. Оба автора были клириками, но не монахами. Марсилий родился в Падуе около 1270 г. и посвятил себя

¹³⁵ Riezler, p. 247 sq. Три произведения приведены в Goldast, *Monarchia* II, 1236 sqq. Riezler, *Die literarischen Widersacher der Päpste* — лучшее рассмотрение темы данной главы.

¹³⁶ Рицлер называет «Диалог», напечатанный Гольдастом, почти нечитательным чудищем (*ein kaum übersehbares Monstrum*).

¹³⁷ *Quod non est necesse, ut sub Christo sit unus rector totius ecclesiae sed sufficit quod sint plures diversas regentes provincias* (цит. в Haller, p. 80).

¹³⁸ Müller (I. 368) на основании примечания к рукописной копии из Вены считает его написанным до 24 июня 1324 г. Рицлер относит его к 1324 — 1326 г. Имя Жана Жандена связывается с созданием этой книги в папских буллах, однако повсюду в книге используется форма первого лица единственного числа, *ego*. Согласно Иннокентию VI, на Марсилия большое влияние оказал Оккам, на тот момент ведущий учитель во Франции. Это вполне возможно, так как они общались лично в Париже и при дворе императора и разделяли многие взгляды. См. Haller, p. 78. Жан Жанден, вероятно, умер в 1328 г. См. Riezler, p. 56.

изучению медицины, а в 1312 г. был ректором Парижского университета. В 1325 или 1326 г. он отправился ко двору Людовика Баварского. О причинах этого решения остается только догадываться. Он был врачом императора. В 1328 г. он сопровождал императора в Рим и полностью поддерживал меры, принятые для того, чтобы утвердить власть императора. Он участвовал в церемониях в связи с интронизацией и смещением Иоанна XXII и возвышением антипапы, Петра из Корбары. Папа осудил Марсилию и Жана Жандена¹³⁹ как «сынов погибели, сынов Велиала, вредных личностей, зверей из бездны» и призвал римлян заточить их в темницу. Император сделал Марсилию послом в Риме, и он оставался верен принципам, сформулированным в его трактате, даже тогда, когда император просил авиньонский двор о милости. Людовику пришлось выразить Иоанну XXII готовность отказать в покровительстве Марсилию и вождям спиритуалов, но позже, когда его положение стало лучше, он изменил отношение и предоставил им свою защиту в Мюнхене. Опять же, в послании, адресованном Клименту VI (1343), император отрицал, что поддерживает заблуждения, в которых обвиняли Марсилию и Иоанна, и заявлял, что держит их у себя при дворе, чтобы вернуть их в лоно церкви. Марсилиус умер до 1343 г.¹⁴⁰

Жизнь Марсилию не так интересна, как его книга, посвященная императору. Этот том, написанный за два месяца¹⁴¹, был не менее дерзким, чем ранние произведения Лютера. В средние века ему не было равных в плане оригинальности и смелости заявлений. С ним можно сравнить нападки Джануса на учение о папской непогрешимости во времена Ватиканского собора¹⁴². Его основанный на Писании радикализм уже сам по себе был литературной сенсацией.

Осуждая этот труд (1327), Иоанн XXII объявил противоречащими «апостольской истине и всем законам» заявления о том, что Христос платил дань римскому правительству, считая это Своей обязанностью; что Христос не назначал Своего наместника; что император имеет право сместить папу; и что иерархии изначально не существовало. Марсилиус без стеснения называет Иоанна «великим драконом, древним змеем». Климент VI нашел в книге не менее 240 еретических утверждений и объявил, что не читал худшей ереси, чем труд Марсилию. Папским обвинениям вторил Парижский университет, осудивший положения о том, что Петр не был главой церкви, что папа может быть низложен и что папа не имеет права никого наказывать без согласия императора¹⁴³.

¹³⁹ См. буллу от 23 октября 1327 г. (Mirbt, *Quellen*, p. 152).

¹⁴⁰ В этом году Климент говорил о Марсилию как об умершем (Riezler, p. 122). Вместе с Оккамом, Марсилиус защищал брак сына Людовика с Маргаритой Тирольской, несмотря на близкое родство сторон, которое делало брак невозможным в глазах церкви. Его оправдание приводится в Goldast, II. 1383-1391. Трактат Оккама см. в Riezler, p. 254.

¹⁴¹ Riezler, p. 36. У Гольдаста он занимает 150 страниц ин-фолио. Riezler (193 sq.) приводит список рукописных копий. Вышло несколько французских переводов. Григорий XI в 1376 г. жаловался на один из них. Итальянский перевод 1363 г. есть в рукописном виде во Флоренции (*Engl. Hist. Rev.*, 1905, p. 302). Труд был переведен на английский язык под заглавием *The Defence of Peace translated out of Latin into English* by Wyllyam Marshall (London, R. Wyer, 1535).

¹⁴² Hergenröther-Kirsch (II. 755) говорит: *Unerhört in der christlichen Welt waren die kühnen Behauptungen die sie zu Gunsten ihres Beschützers aufstellten*. Pastor (I. 85) заявляет, что теория Марсилию о всевластии государства уничтожает на корню свободу личности и свободу церкви и по смелости, новизне и остроте превосходит все предпринимавшиеся ранее нападки на положение, которое церковь считала необходимым занять в мире.

¹⁴³ *Chartul. Univ. Paris.*, II. 301.

Defensor pacis был манифестом не только против светских, но и против духовных притязаний папства и против иерархической организации церкви в целом. Его заглавие выбрано умело, под влиянием раздоров между городами и государствами на момент написания книги, которые, как заявлял автор, были вызваны амбициями и вмешательством папы. Спокойствие в христианском мире не наступит, пока в нем признаются ложные права папы. Далее мы приведем основные положения труда¹⁴⁴.

Государство, которое образовалось из семьи, существует для того, чтобы люди могли жить в благополучии и мире. Источник власти — сами люди. Они наделяют правом пользоваться ею правителя, которого выбирают. Функции священства — духовные и воспитательные. Клирики призваны обучать и предостерегать. Нарушая гражданские законы, они держат ответ перед гражданским должностным лицом, как и все остальные. Они должны брать пример со своего Учителя в плане самоотречения. Как сказал святой Бернар, папе не нужно богатство и внешняя роскошь, чтобы быть истинным преемником святого Петра.

Право связывать и разрешать — декларативная, но не судебная функция. Только Бог может прощать грехи и наказывать. Ни один епископ или священник не имеет права отлучать от церкви или препятствовать индивидуальной свободе без согласия народа или его представителя, гражданского законодателя. Право назначать наказания принадлежит сообществу верующих (*fidelium*). Христос сказал: «Если брат твой согрешит против тебя, обратись к церкви». Он не сказал: «Обратись к священнику». Священник может выявлять ересь, но наказывать за ересь должно гражданское должностное лицо, и наказание зависит от того ущерба, который данная ересь наносит обществу. Согласно учению Писания, никого нельзя заставлять соблюдать предписания Божьего закона под страхом гражданского наказания и смерти¹⁴⁵.

Общecerковные соборы — высшие представители христианской церкви, но даже соборы могут ошибаться. В них должны участвовать не только клирики, но и миряне. Только соборы имеют право канонизировать святых.

Что касается папы, то он глава церкви не по Божьему назначению, но только пока он признан государством. Его притязания на полноту власти (*plenitudo potestatis*) противоречат истинной природе церкви. Петр обладал не большей властью, чем остальные апостолы¹⁴⁶. Петр может быть назван князем апостолов только на том основании, что он был старше остальных или более упорен, чем они. И он был епископом Антиохии, а не основателем римского епископата. Его присутствие в Риме вообще не доказано. Превосходство Римского епископа связано с расположением его епархии в столице империи. Что касается власти священника, то папа обладает ею не в большей мере, чем любой другой клирик, как Петр обладал ею не больше, чем остальные апостолы¹⁴⁷.

¹⁴⁴ Mirbt (*Quellen*, pp. 150-152) приводит краткое содержание третьей части *Defensor*. В этой части автор делает резюме предыдущих частей труда. Марсилий цитирует Аристотеля и других классиков, Августина и других отцов церкви, Гуго Сен-Викторского и других схоластов, но игнорирует Фома Аквината и даже не упоминает его имени.

¹⁴⁵ *Ad observanda praecepta divinae legis poena vel supplicio temporali nemo evangelica scriptura compelli praecipitur* (part III. 3).

¹⁴⁶ *Nullam potestatem eoque minus coactivam jurisdictionem habuit Petrus a Deo immediate super apostolos reliquos* (II. 15). Это повторяется снова и снова.

¹⁴⁷ *Non plus sacerdotalis auctoritatis essentialis habet Rom. episcopus, quam alter sacerdos quilibet sicut neque beatus Petrus amplius ex hac habuit ceteris apostolis* (II. 14).

Иерархия придумана людьми. Епископы и священники изначально равны. Власть епископов исходит непосредственно от Христа.

Притязания папы на власть над князьями и народами ложны. Из-за этих притязаний возникает множество национальных конфликтов и войн, особенно в Италии. Если необходимо, император может сместить папу. Это доказывает суд Пилата над Христом. Государство может, из разумных побуждений, ограничить количество клириков. Марсилий отрицал смысл Константинова дара, как до него это делали Данте и Иоанн Парижский, но он не подозревал, что Исидоровы декреталии — бессовестная подделка. Это открытие сделает Лоренцо Валла сто лет спустя.

Что касается Писаний, то Марсилий объявляет их высшим авторитетным источником. И авторитет Писаний происходит не от церкви. Это церковь получает свою власть от Писания. Если возникают споры по поводу толкования, то общий собор должен определить, каково истинное значение Писания¹⁴⁸. Спасение не зависит от повиновения папским декреталиям. Если бы оно зависело от этого, то как бы Климент V мог отменить буллу *Unam sanctam* для Франции и ее короля? Разве в этой булле не говорилось, что подчинение папе — обязательное условие для спасения всякого человека? Разве папа может отменить условие для спасения? Случай с Либерием доказывает, что папа может быть еретиком. Что касается епископов, архиепископов и патриархов, то вряд ли хотя бы один из десяти их разбирается в богословии. А многие клирики низших рангов не знают даже грамматики. Кардиналы и папы избираются не из богословов, а из юристов, *causidici*. Кардиналами назначают даже юношей, которые любят удовольствия и невежественны.

Марсилий неоднократно цитирует такие отрывки, как: «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18:36) и «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22:21). Эти места и другие, такие как Ин. 6:15; 19:11; Лк. 12:14; Мф. 17:27; Рим. 13, он противопоставляет текстам, которые ложно истолковывались как поддерживающие иерархию: Мф. 16:19; Лк. 22:38; Ин. 21:15-17.

Если мы забудем об учении Марсилия про превосходство государства над церковью, то его взгляды весьма близки к тем, которых придерживаются сегодня протестантские церкви. Христос, говорил он, призывал Своих апостолов, учеников и епископов или пресвитеров избегать владения земным имуществом, уча этому Своим примером и на словах¹⁴⁹. Вот основные принципы, выраженные в *Defensor*: высший авторитет Писания, равное положение священства и его подсудность гражданским законам, человеческое происхождение папства, исключительно духовный характер функций священства и верховенство христианского сообщества в государстве или церкви при наделении властью на земле.

Католические историки называли Марсилия предтечей Лютера и Кальвина¹⁵⁰. Один из них назвал Марсилия также «гением, пробудившим современную революцию»¹⁵¹. Оба эти заявления не лишены смысла. Марсилий не предлагал

¹⁴⁸ *Interpretatio ex communi concilio fidelium facta*, etc. (part III. 1).

¹⁴⁹ *Exclusit se ipsum et app. ac discipulos etiam suos ipsorumque successores, consequenter episcopos seu presbyteros, ab omni principatu seu mundano regimine exemplo et sermone* (II. 4).

¹⁵⁰ Döllinger (*Kirchengesch.*, II. 259, 2^d ed., 1843) говорит: «*Defensor* уже намечает кальвинистическую систему в том, что касается церковной власти и конституции». Pastor (I. 85) утверждает: «Если Кальвин и опирался на труды своих предшественников, когда писал о принципах церковного управления, то это был труд проницательного автора XIV века».

¹⁵¹ Pastor (I. 84) считает, что Марсилий, а не Гус заслуживает этой похвалы. Riezler (p. 232) и

никаких реформ. Он провозглашал полную перемену, подобную той, свидетелем которой стал XVI век. В примечании к туринской рукописи сказано, что Жерсон назвал эту книгу прекрасно обоснованной, а автора — знатоком Аристотеля и богословия, который проникает в самую суть вещей¹⁵².

Трактарианина из Падуи и Фому Аквината разделяют всего 50 лет, но разница между едкими эпиграммами первого и неторопливыми, упорядоченными доказательствами второго огромна — в них отчетливо противопоставляются прямота современной мысли и неуклюжесть метода средневековой схоластики. Фоме Аквинату не могло прийти в голову ничего, что выходило бы за узкие рамки толкования Писания, основанного на трудах других схоластов и средневековых пап. Он укреплял то, что было создано раньше. Он пользовался древними неверными толкованиями Писания и не выдвинул ни одной новой идеи об управлении. Марсилий же, не зависящий от деспотизма церковной догмы, вернулся к свободным и гибким принципам апостольского управления церковью. Он ломал штампы, определявшие мышление церкви в течение веков, и, опираясь на Августина, потребовал разумного и гуманного обращения с еретиками. Может быть, еще настанет то время, когда итальянский народ последует за ним, как за вестником лучшего порядка, и отвергнет священническую теорию христианского служения как изобретение людей¹⁵³.

В Германии сильным защитником независимости императора стал Лупольд из Беденбурга (ум. в 1363). Он оставался деканом Вюрцбурга, пока не был назначен епископом Бамберга в 1353 г. Но он не критиковал духовную юрисдикцию апостольского престола. Главным трудом Лупольда стали «Права царства и империи» (*De juribus regni et imperii*), написанные после заявлений в Рензе. Труд этот называли древнейшей попыткой теоретически определить права немецкого государства¹⁵⁴. Лупольд делает своей опорой исторические события.

Определяя права империи, автор утверждает, что выбор осуществляется большинством электоров и что император не нуждается в подтверждении папы. Он получает свою власть от Бога, независимо от папы. Карл Великий был императором и до того, как Лев помазал и короновал его. Клятва, принесенная императором перед папой, была не клятвой в верности, подобной той, что приносят вассалы, а обещанием защищать его и церковь. Папа не имеет права смещать императора. Он может только выразить мнение, что надо низложить его. Право смещать императора принадлежит электорам. Что касается дара Константина, то ясно, что Константин не наделял епископа Рима властью над Западом, ведь Константин поделил правление Востоком и Западом между своими сыновьями. А позже в Риме правили Феодосий и другие императоры. Известие же о предпола-

Haller (p. 77) сравнивают Марсилия с деятелями Реформации в плане остроты мышления, но считают, что он не обладал их религиозным рвением.

¹⁵² *Est liber mirabiliter bene fundatus. Et fuit homo multum peritus in doctrina Aristoteleia, etc.* (*Enyl. Hist. Rev.*, p. 298). Туринская рукопись датируется 1416 г., то есть эпохой Жерсона. В этой рукописи с *Defensor* объединен *De potestate* Иоанна Парижского.

¹⁵³ Если сравнить Марсилия с Виклифом, то Марсилий, будучи проникательным памфлетистом, не создал конкретного богословского учения и не разглядел глубокой закономерности, увязывающей учения о пресуществлении и покаянии с папской тиранией, — как сделал английский реформатор. Но в том, что касается проблемы управления, он пошел так же далеко, как Виклиф, или даже дальше. См. сравнение в Poole, p. 275.

¹⁵⁴ *Der älteste Versuch einer Theorie des deutschen Staatsrechts*, Riezler, p. 180. До нас дошло еще два труда Лупольда. См. Riezler, pp. 180-192.

гаемом даре Константина Сильвестру получено из записей Сильвестра и похоже на апокрифическое.

Но не все авторы критиковали папу. У папства были и сильные литературные защитники. Главными из них были Августин Триумф и Альвар Пелагий¹⁵⁵. Первый посвятил свой главный труд Иоанну XXII, а второй писал по заказу папы. Современный читатель найдет в этих трудах вульгарнейшее изложение крайних претензий папства, которые удовлетворят самый исступленный энтузиазм ультрамонтанина, но потребуют апологии у более здравых католических историков¹⁵⁶.

Августин Триумф, итальянец, родился в Анконе (1243), стал архиепископом Назарета и умер в Неаполе в 1328 г. Он был ревностным защитником Бонифация VIII. Его главный трактат, «Власть церкви» (*Summa de potestate ecclesiastica*), оправдывает Иоанна XXII в его решении о вопросе евангельской бедности и в его оппозиции к власти императора в Италии¹⁵⁷. Папа обладает неограниченной властью на земле. Она так велика, что даже сам он не знает, на что способен¹⁵⁸. Его суд — это суд Бога. Их суды — одно и то же¹⁵⁹. Право папы даровать отпущение грехов так велико, что, если бы он пожелал и были бы исполнены необходимые условия, он опустошил бы чистилище¹⁶⁰.

В духовных вопросах папа может заблуждаться, потому что остается человеком, но когда он впадает в ересь, он перестает быть папой. Собор не может сместить его, как не может никакой другой человеческий суд, потому что папа выше всех и никто не имеет права судить его. Но если он еретик, то он перестает *ipso facto* быть папой, и тогда положение становится таково, как будто один папа уже умер, а его преемника еще не избрали.

Сам папа может избирать императора, если пожелает, и может лишать электоров права избрания или смещать их. Как наместник Бога, он выше всех королей и князей.

¹⁵⁵ О папистских трактатах Петра де Палуде и Конрада из Меренбурга (ум. в 1374) см. в Riezler, p. 287 sqq. Эти труды остаются неопубликованными. *Planctus ecclesiae* Конрада адресован Бенедикту. В нем папа назван вершиной земли, чудом мира, привратником небес, сокровищницей наслаждений, единственным солнцем мира.

*Flos et apex mundi, qui totius esse rotundi
Nectare dulcorum conditus aromate morum
Orbis papa stupor, clausor coeli et reserator,
Tu sidus clarum, thesaurus deliciarum
Sedes sancta polus, tu mundo sol modo solus.*

¹⁵⁶ Pastor, I. 85. Hergenröther-Kirsch (II. 757) жалуется, что эти два автора выходят за границы правдоподобия, «превращая папу в полубога, абсолютного правителя мира». См. Haller, p. 82 sq. Халлер говорит, что простые верующие Италии часто называют папу богом на земле (*un Dio in terra*). Один из менее значительных трактатов, о которых мы уже упоминали, опубликован Финке в *Aus den Tagen*, etc., lxix-xcix, еще три — в Scholz, *Publizistik*, pp. 486-516. См. критику Шольца (pp. 172-189). Finke (p. 250) выражает сомнения в плане авторства.

¹⁵⁷ Об изданиях трактата Триумфа см. Potthast, *Bibl. Hist.*, в разделе Triumphus. Riezler (p. 286) относит трактат к 1324 — 1328 г., Haller (p. 83) — к 1322 г., Scholz (p. 172) — к 1320 г. См. Poole, 252 sq.

¹⁵⁸ *Nec credo, quod papa possit scire totum quod potest facere per potentiam suam* (32. 3), цит. в Döllinger, *Papsthum*, p. 433.

¹⁵⁹ Это знаменитый отрывок: *Sententia papae sententia Dei una sententia est, quia unum consistorium est ipsius papal et ipsius Dei... cujus consistorii claviger et ostiarius est ipse papa*. См. Schwab, Gerson, p. 24.

¹⁶⁰ *Totum purgatorium evacuare potest* (3. 28). Döllinger (p. 451) говорит о трактате Триумфа, что почти на каждой его странице церковь представлена как карлик с головой великана, которая и есть папа.

Испанский францисканец Альвар Пелагий не всегда был так экстравагантен, как его современник-августинец¹⁶¹. Альвар преподавал закон в Перудже. Он бежал из Рима по приближении Людовика Баварского (1328), был назначен папским пенитенциарием в Авиньоне, а позже — епископом португальской епархии Сильвес. Его «Плач о церкви» (*De planctu ecclesiae*)¹⁶² возносит папу до небес и оплакивает бездуховное состояние клира и церкви. Христианский мир, утверждает автор, — это единое царство, у которого может быть только один глава, папа. Тот, кто не принимает его как главу, не принимает и Христа. А тот, кто чистым и верующим оком взирает на папу, видит самого Христа¹⁶³. Без общения с папой нет спасения. Он держит оба меча, как и Христос, и к нему относится отрывок из Иер. 1:10: «Я поставил тебя в сей день над народами и царствами, чтобы искоренять и разорять, губить и разрушать, созидать и насаждать». В плане подзаконности неверующие, по мнению Альвара, также входят в юрисдикцию папы, даже если они фактически не подчиняются ему, и папа может выступать против них, как Бог выступил против содомитов. Идолопоклонники, иудеи и сарацины также подчинены власти папы и его наказаниям. Папа правит, приказывает, распоряжается и судит всех, как ему угодно. Его воля — это высшая мудрость, а то, что он желает совершить, имеет силу закона¹⁶⁴. Где бы ни находился верховный понтифик, там находится и Римская церковь, и его нельзя заставлять оставаться в Риме¹⁶⁵. Он — источник всякого закона и может решать, что правильно, а что нет. Усомниться в этом значит лишиться жизни вечной.

Как наместник Христа, папа обладает властью над государством. Он наделяет князя его мечом. Как тело подчинено душе, так князья подчинены папе. Дар Константина фактически сделал папу монархом Запада. Папа же передоверил империю Карлу Великому. Клятва императора — это клятва в верности и присяга в феодальной зависимости.

Взгляды Августина Триумфа и Альвара уходили корнями в папские заявления и многовековую практику, а также в доводы схоластов. Марсилий же опирался на разумное толкование Писания, и его мнение подтверждалось историческим опытом. По прошествии почти что пятисот лет мнения христианского мира на этот счет продолжают различаться, и часть его по-прежнему рукоплещет крайне экстравагантным излияниям Триумфа и Альвара, а Марсилию, отстаивавшего современную свободу и историческую увязанность Писания, продолжает воспринимать как еретика.

§9. Финансовая политика авиньонских пап

Самая примечательная особенность авиньонского периода папства после его подчинения Франции — развитие папской финансовой системы и бессовестная торговля духовными бенефициями и церковными должностями. Папство приме-

¹⁶¹ Он включил в своей труд целые фрагменты из Иакова из Витербо, *De regimine christiano* (Scholz, p. 151).

¹⁶² Доллингер (p. 433) относит это сочинение к 1329 г., Рицлер — к 1331 г., Халлер — к промежутку между 1330 и 1332 г. Альвар выпустил три издания труда, третье — в Сантьяго (1340).

¹⁶³ *Vere papa representat Christum in terris, ut qui videt cum oculo contemplativo et fidei videat et Christum* (I. 13).

¹⁶⁴ *Apud eum est pro ratione voluntas, et quod ei placet legis habet viogorem* (I. 45).

¹⁶⁵ *Unum est consistonum et tribunal Christi et papae* (I. 29). *Ubique est papa, ibi est Eccles. Rom... Non cogitur stare Romae* (I. 31).

нило на практике теорию о том, что любая духовная услуга стоит чего-то материального. Превращение налогообложения христианского мира в тщательно организованную систему можно отнести к числу достижений Иоанна XXII.

Папский двор по праву претендовал на финансовую поддержку от всех частей Латинской церкви, потому что нес служение для всех них. Эти справедливые притязания вылились в практику, при которой казалось, что христианская церковь существует лишь для поддержания роскоши и удовольствий папского двора. Авиньон превратился в биржу, основной задачей которой была добыча денег, в разветвленное предприятие, где привилегии, называемые дарованными свыше, продавались за золото. Папская система получения денег была более внушительной и сложной, чем при любом светском дворе того времени. Современникам казалось, что торговые сделки в центре христианского мира более уместны, чем религиозные богослужения.

Иоанн XXII от природы обладал склонностью к подсчетам и финансовому надзору¹⁶⁶. Он был родом из Кагора, города, известного своими ростовщиками и финансовыми операциями. Под его покровительством торговля должностями при папском дворе, начавшаяся в предыдущие века, расцвела пышным цветом. Григорий VII боролся с ней, а Иоанн сделал ее законной.

Папы с древних времен получали добровольные пожертвования и лепту святого Петра. Государства, бывшие ленами папского престола, платили ему определенную дань. Для оплаты крестовых походов Иннокентий III ввел систему налогов, охватывавшую всю церковь. Получая средства из этого источника, папский двор полюбил деньги. Они свидетельствовали о его власти, и, сколь бы умеренным ни был папа лично, жадность, как сорняк, распространялась по церкви. Святой Бернар, умерший в 1153 г., отчаянно жаловался на жадность римлян, которые старались извлечь максимальную финансовую пользу из духовных услуг, оказываемых Ватиканом. Введение индульгенций сделало их аппетиты еще более требовательными, а при Иоанне и его преемниках курия превратила эксплуатацию христианского мира в тонкое искусство.

Теория церковных назначений, которой придерживались в авиньонский период, гласила, что, в силу полноты власти апостольского престола, папа имеет право распределять все должности и бенефиции христианского мира. Папа — абсолютный хозяин в своем собственном доме, церкви.

Этот принцип достиг полноты выражения при Клименте IV (1265).¹⁶⁷ Булла Климента объявляла, что верховный понтифик выше всех обычаев назначения на церковные должности, которые противоречат его прерогативам. В частности, Климент принял закон, что назначения на все должности, чины и бенефиции находятся в руках папы, когда пустуют (*apud sedem apostolicam* или *in curia*), то есть когда занимающие их лица посещают папский двор. Этот закон был видоизменен Григорием X на Лионском соборе (1274): у посетивших курию служителей восстанавливалось право их назначения, если папа не делает другого назначения в течение месяца¹⁶⁸. Бонифаций VIII (1295) сделал к закону новые дополнения,

¹⁶⁶ Халлер говорит (р. 103), что отличительной чертой понтификата Иоанна было налогообложение (*der Fiskalismus*). Tangl (р. 40) сравнивает его коммерческое чутье и заботу о высших идеалах, которой руководствовались Григорий VII, Александр III и Иннокентий III. См. т. V, I.

¹⁶⁷ *Licet ecclesiarum*. См. *Lib. sextus*, III. 4, 2. Friedberg ed., II. 102. Lux (р. 5) говорит: *Romanus pontifex supremus collator, ad quem plenaria de omnibus totius orbis beneficiis eccles. dispositio jure naturo pertinet, etc.*

¹⁶⁸ Lux, р. 12; Hefele: *Conciliengesch.*, VI. 151.

вложив в руки папы все приходы, служители которых умерли после двух дней пути по дороге в курию, где бы они в тот момент ни находились¹⁶⁹. Иннокентий IV был первым папой, который в широком масштабе пользовался правом резервирования. В 1248 г. из 20 мест собора в Констанце 17 занимали назначенные папой лица и 14 человек ожидали назначения, которое произошло бы в случае смерти занимающих. В 1255 г. Александр IV ограничил количество таких ожидающих четырьмя на каждую церковь. В 1265 г. Климент IV запретил всякие выборы в Англии до своего особого распоряжения и сохранил право назначения за собой. Тот же понтифик, под предлогом волнений, происходящих на Сицилии, сохранил за собой общее право назначения на все должности в королевстве, принадлежавшее ранее епископам или капитулам. Урбан IV отобрал право избрания на должности у городов гибеллинов в Ломбардии. Мартин IV и Гонорий IV претендовали на то же право по отношению к кафедральным назначениям на Сицилии и в Арагоне. Гонорий IV монополизировал все назначения в Латинской церкви на Востоке, а Бонифаций VIII, ввиду сопротивления Филиппа IV, закрепил за собой право назначения во все «кафедральные и регулярные церкви» Франции. Из 16 французских епархий, бывших вакантными (1295 — 1301), только одно место было заполнено путем привычного избрания¹⁷⁰.

Авторы, поддерживавшие папу, соглашались с высокомерными заявлениями буллы Климента и практикой последних пап. Августин Триумф, писавший в 1324 г., утверждал, что папа выше всякого канонического права и имеет власть распоряжаться всеми церковными местами¹⁷¹. Папская система назначений включала в себя обеспечение, назначение кандидатов и резервирование¹⁷².

Отнимая у капитулов и других выборщиков их права, папа часто объединял с королями и князьями. В авиньонский период регулярное избрание капитулом было исключением¹⁷³. Летописи Англии и Франции полны примеров, когда папа узурпировал право назначения. В 1322 г. папа оставил за собой право назначения на все должности в епископальных, кафедральных церквях и церквях аббатств, а также на должности приоров в епархиях Аквилеи, Равенны, Милана, Генуи и Пизы¹⁷⁴. В 1329 г. папа зарезервировал право назначения на должности в немецких епархиях Метца, Туля и Вердена, в 1339 г. — Кельна¹⁷⁵. В Латинской церкви не было прихода, не зависевшего от папской власти. Для того чтобы удовлетворить всех фаворитов папского двора и всех, о назначении кого просили короли и князья, не хватало мест. Духовные и административные качества на-

¹⁶⁹ Lux, p. 13; Friedberg: *Reservationen* в Herzog, XVI. 672.

¹⁷⁰ Lux, p. 17 sqq., и Haller, p. 38, со ссылкой на источники.

¹⁷¹ *Verum super ipsum jus, potest dispensare*, etc. (цит. в Gieseler, II. 123).

¹⁷² Обеспечение, то есть *providere ecclesiae de episcopo*, сперва означало выдвижение на должность, а позже — право папы заменять лиц, выбранных обычным способом, теми, кого назначал папа по своему желанию. Методы папских назначений описаны в *Liber sextus*, I. 16, 18; Friedberg ed., II. 969. См. Stubbs, *Const. Hist.*, III. 320. «Предоставление бенефициев» — также общий термин для обозначения этой папской привилегии. Обычно в этот период говорили: *de apostol. potestatis plenitudine reservamus*. См. буллу Иоанна от 30 июля 1322 г. в Lux, p. 62 sq. *Rogare, monere, precipere* — слова, которые обычно использует папа Иннокентий III (1198 — 1216), см. Hinschius, II. 114 sq. Александр III использовал выражение *ipsum commendamus rogantes et rogando mandantes* и другие подобные. Hinschius (III. 116) считает, что папы начали настаивать на праве резервации со времен Люция III (1181 — 1185).

¹⁷³ Haller, p. 107.

¹⁷⁴ Lux, p. 61 sq. Этот же автор (pp. 59-106) приводит 57 ранее не публиковавшихся документов о резервациях Иоанна XXII и его преемников.

¹⁷⁵ Kirsch: *Kollektorien*, p. xxv sq.

значаемых не принимались в расчет. Французы, которым отдавали епархии Англии, Германии, Дании и других стран, не знали даже языка этих стран. Марсилий жалуется на «чудовищность происходящего» и, среди прочих неудачных назначений, упоминает французских епископов Винчестера и Лунда, которые не знали английского и датского. Архиепископ Лунда, разграбив свою епархию, вернулся в Южную Францию.

К верховному праву назначения добавилось высшее право на обложение налогом клира и церковного имущества. Высшее право руководить королями, высшее право пренебрегать каноническими уставами, высшее право на назначения в церкви, высшее право облагать налогом церковную собственность — вот благословения, на которые претендовали папы в средние века. Скандалы, связанные с неограниченным правом на налогообложение, приводили к самым отчаянным жалобам клира и мирян и в значительной степени были причиной созыва трех реформаторских соборов в XV веке¹⁷⁶.

Папы претендовали на власть над имуществом церкви задолго до Иоанна XXII. Они собирали налоги на крестовые походы на Восток и на освобождение Италии от восставших против папской власти. Они разрешали князьям и королям брать с церкви налоги на мирские нужды, особенно на войны¹⁷⁷. В булле *Clericis laicos* Бонифаций не ставил под сомнение возможность оказывать государству помощь за счет церковной собственности. Однако он требовал, чтобы его считали высшим арбитром в этих вопросах. И это требование было признано оскорбительным для французского короля и самой Франции. Часто обсуждался вопрос, распространяются ли законы симонии на папу. Фома Аквинат отвечает на него утвердительно. Альвар Пелагий¹⁷⁸ думал по-другому и заявлял, что папа не подчиняется действию законов и канонов, связанных с симонией. Августин Триумф придерживался того же мнения¹⁷⁹. Папа не связан законами. Он выше законов. И его деяния никак нельзя посчитать симонией.

При оценке потребностей папского двора, которые оправдывали налогообложение, авиньонские папы уже не были хозяевами положения. Они зависели от своего аппарата, от голодной орды должностных лиц и подхалимов, днем и ночью круживших вокруг престола. Эти лица не удовлетворялись хлебом. Каждая высокая должность в христианском мире стоила много золота и серебра. Когда папа назначал кого-то на должность, тот обязан был выразить свою признательность. Если папский двор оказывал услугу какому-нибудь князю, назначая на должность его фаворита, то обязательно получал взамен какую-нибудь новую привилегию. Прецедент легко превратился в постоянно действующее правило. Там, где папа один раз нарушал права капитула, он уже не ослаблял хватки и не отказывался от однажды назначенной платы за получение должности. Нас не

¹⁷⁶ См. Hergenröther-Kirsch, II. 762. K. Müller: *Kirchengesch.*, II. 45. Kirsch: *Finanzverwaltung*, p. 70. Pastor, в первом издании своей *Hist. of the Popes*, I. 63, пишет: *Das unheilvolle System der Annaten, Reservationen und Expektanzen hat seit Johann XXII zur Ausbildung gelangt*.

¹⁷⁷ Иоанн следовал курсу Климента V, который позволил поступать так Филиппу Красивому, Карлу Валуа и другим князьям. В 1316 г. он даровал королю Франции десятину и аннаты за четыре года, в 1326 г. — десятину за два года, в 1333 г. — десятину за шесть лет. Английский король в 1317 г. получил долю десятины, предназначенной собором во Вьенне на крестовый поход, и в то же время — половину аннатов. В 1319, 1322, 1330 г. этот властитель опять же получал десятину. См. Haller, p. 116 sq.

¹⁷⁸ *De planctu eccles.*, II. 14 (*papa legibus loquentibus de simonia et canonibus solutus est*).

¹⁷⁹ V. 3 (*certum est, summum pontificem canonicam simoniam a jure positivo prohibitam non posse committere, quia ipse est supra jus et eum jura positiva non ligant*).

должна удивлять жажда стяжательства, процветавшая при папском дворе. Этого следовало ожидать. Она выросла из ложной папской теории и вечных качеств человеческой натуры¹⁸⁰.

Подробности управления папскими финансами Иоанн изложил в двух буллах, от 1316 и 1331 г. Эти буллы касались финансовой политики папства и священной коллегии¹⁸¹. Источники, из которых папство получало свои доходы в XIV веке, были следующими: 1) так называемые «добровольные» пожертвования, которые давались в награду за назначение на церковные должности и другие папские милости — «посещения» (*visitationes*), аннаты, *servitia*; и 2) дань феодальных государств, таких как Неаполь, Сицилия, Сардиния и Англия, и доходы от Папской области в Италии¹⁸². Деньги, полученные таким образом, делились на четыре части: самому папе, коллегии кардиналов и их дворам. При Иоанне XXII так называемые «добровольные» пожертвования стали считаться обязательными. Каждый папский дар имел определенную цену. Существовал прейскурант, который оставался в силе, пока не обновлялись подсчеты доходов от бенефиция. Отвечая на возражения, Иоанн XXII в булле от 1331 г. настаивал, что цены на подобные услуги — это не цены на благодать, но стоимость труда, необходимого для написания соответствующих документов¹⁸³, однако это его заявление не лишило данную практику ее дурного аромата. Цены на услуги были гораздо выше, чем стоимость написания документов, и привилегии доставались далеко не бесплатно.

Выплаты регулярно фиксировались в учетных книгах, которые вели папские придворные секретари. Папский бюджет, записи о котором сохранились в архивах Ватикана, был изучен в подробностях лишь недавно благодаря либеральной политике Льва XIII, а в результате оказалось, что в церковную историю XIV века можно включать новую главу¹⁸⁴.

Эти исследования подтвердили впечатление, которое производят летописи и трактаты XIV века. Папский двор в широком масштабе распоряжался средствами. Сделки велись в соответствии со строгими правилами торговли¹⁸⁵. Авиньон был великим коммерческим центром. Духовные привилегии продавались в виде тщательно сформулированных и подписанных документов. Торговые агенты папы путешествовали по всей Европе.

¹⁸⁰ Kirsch (*Kollektorien*, p. xii sq.) и другие католические авторы защищают финансовую предпримчивость Иоанна на том основании, что, папство, переместившееся в Авиньон, перестало получать доходы от Папской области.

¹⁸¹ Подробности см. в Tangl, p. 20 sqq.

¹⁸² См. т. V. 1.

¹⁸³ *Non habita consideratione ad valorem beneficii, de quo fiet gratia sed ad laborem scripturae dumtaxat* (см. Tangl, p. 21).

¹⁸⁴ Уокер предпринял эти исследования в 1878 г. За ним последовал ряд ученых, таких как Тангл, Готтлоб, Геллер, Халлер, Баумгартен, Шульте и особенно доктор Кириш, профессор церковной истории из католического университета Фрейбурга, Швейцария. Полное описание см. в Baumgarten, pp. v-xiii. Эта тема включает в себя множество расчетов и торговых бреве всякого рода. Сюда относится организация двора, система сборов, шкала расценок, поступление средств в Авиньон, распределение доходов между папой и кардиналами, ценность разной монеты и т. д. Гарампи, хранитель ватиканских архивов, в XVIII веке систематизировал эти записи по странам. См. Kirsch, *Kollektorien*, p. vii, и *Rückkehr*, p. xli-l; Tangl, vi sqq.; Baumgarten, viii, x sqq.

¹⁸⁵ Kirsch (*Kollektorien*, p. vii, note) приводит четыре разные статьи дохода: 1) *census* и посещения, 2) буллы, 3) *servitia communia*, 4) разное. Он перечисляет и статьи расхода, такие как кухня, книги и пергаменты, лошади, путешествия, войны и др.

Архиепископ, епископ и аббат платили за послания, в которых подтверждались их право на должность. Назначенцы на менее важные церковные должности тоже за них платили. Существовали цены на разного рода уступки, услуги и индульгенции, которые предоставлялись мирянам и священникам. Священник, рожденный вне брака; священник, который хотел отсутствовать в своем приходе; священник, который хотел получить рукоположение до канонического возраста, — все это нуждалось в разрешении, а разрешение стоило денег¹⁸⁶. Наибольшие доходы поступали непосредственно в папскую казну и казну двора. Меньшие суммы шли нотариусам, привратникам, отдельным кардиналам и другим должностным лицам. Эти посредники выстраивались в длинный ряд с протянутыми руками. Выражаясь современным языком, действовала сложная система взяточничества. Количество бенефициариев было почти бесконечно. Большое количество низших чинов обычно упоминается в бухгалтерских книгах как «знакомые» папы или кардиналов¹⁸⁷. Нотариусы или переписчики получали обусловленные суммы за каждый документ, который они копировали, и за каждую услугу. Выставив свои непомерные требования, они терзали просителей задержками и другими проволочками, пока те, устав от крикотворства, не сдавались.

Высший клир обычно доставлял в Авиньон свои налоги лично. Для сбора аннатов с низшего клира, десятины и других общих налогов назначались специальные сборщики и их помощники. Эти лица действовали в разных районах Европы. Они получали фиксированную зарплату и посылали собранные средства в главную канцелярию в Авиньон¹⁸⁸. Переправка собранных средств часто была опасным предприятием. Гонцов нередко грабили в пути, а потому эту услугу стали поручать торговым и ростовщическим компаниям, особенно итальянским, у которых были представительства в Северной и Центральной Европе. Из бухгалтерских книг видно, что использовалось много разных видов монеты с разной стоимостью. Интересно сравнить стоимость разных видов монет на основе авиньонских ставок¹⁸⁹.

¹⁸⁶ Tangl, 74 sq.

¹⁸⁷ Пример того, сколько таких лиц приходилось кормить, есть в Tangl, pp. 64-67. Он приводит список выплат, делавшихся агентам, которые искали некие буллы в городе Кельне в 1393 г. Титул «секретарь» стал использоваться только в понтификат Бенедикта XII (1338). Goeller, p. 46.

¹⁸⁸ Иоанн XXII платил сборщикам налогов 5 золотых флоринов в день. Kirsch: *Kollektorien*, VII sqq., XLIX sqq. Кирш приводит официальные бухгалтерские записи папских сборщиков налогов из Базеля (pp. 4-32) и других немецких епархий. Иногда епископ действовал в своей епархии и как сборщик налогов (Goeller, p. 71).

¹⁸⁹ Курс разных видов монеты в XIV веке см. в Kirsch, *Kollektorien*, LXXVIII, и *Rückkehr*, p. xli sqq., Gottlob, pp. 133, 174 sq., etc., Baumgarten, CCXI sqq. Серебряная марка, золотой флорин и турецкий фунт были одними из наиболее распространенных. Одна марка стоила 4 — 5 золотых флоринов, или 8 турецких фунтов. *Grossus Turonensis* равнялся примерно 25 центам в современной валюте. См. Tangl, 14. Разные подсчеты стоимости марки во флоринах см. в Baumgarten, CXXI. Золотой флорин стоил 2,5 доллара, или почти 10 немецких марок в современных деньгах. См. Kirsch, *Kollektorien*, p. lxx; *Rückkehr*, p. xlv; Gottlob, *Servitientaxe*, p. 176; Baumgarten, p. ccxiii; Tangl, 14, etc. Кирш говорит, что покупательная способность денег в XIV веке была в четыре раза выше современной (*Finanzverwaltung*, p. 56). Золотая марка в 1370 г. стоила 62 золотых флорина, серебряная марка — 5 флоринов (Kirsch: *Rückkehr*, p. xlv). Kirsch (*Rückkehr*, pp. l-lxi) приводит очень подробный и ценный список стоимости товаров и заработной платы в 1370 г. на основании расчетных книг Ватикана. Агенты Урбана V купили двух лошадей за 117 золотых флоринов и двух мулов за 90 флоринов. Они заплатили 1 золотой флорин за 12 пар туфель и 1 пару сапог. Сальма пшеницы (равная 733 буханкам хлеба) стоила 4 флорина, или 10 долларов на наши деньги. Смотритель папской конюшни получал 120 золотых флоринов в год. Римский сенатор получал от Григо-

Пожертвования, которые делали прелаты, нанося визиты папскому престолу, назывались *visitationes*¹⁹⁰. Они делились поровну между папской казной и кардиналами. Судя по спискам, архиепископы Йорка каждые три года платили по «300 марок стерлингов¹⁹¹, или 1200 золотых флоринов». Каждые два года архиепископы Кентерберии платили «300 марок стерлингов, или 1500 золотых флоринов»; архиепископ Тура — 400 турецких фунтов; Реймса — 500 турецких фунтов; Руана — 1000 турецких фунтов¹⁹². Архиепископ Армага во время визита 1301 г. уплатил 50 серебряных марок, или 250 золотых флоринов. В 1350 г. коллегия потребовала от Армага уплаты долга за пятьдесят лет¹⁹³. То есть, предположительно, в течение этого периода ни один ирландский епископ не наносил визитов папе. Неизвестно, выполнили они это требование или нет.

Servitia communia, или выплаты, которые делали архиепископы, епископы и аббаты после утверждения их в должности, также записывались по установленному образцу. Добровольное пожертвование окончательно превратилось в обязательную выплату¹⁹⁴. Должностное лицо называлось *electus* {«назначенец»}, пока не выплачивало налог¹⁹⁵. В некоторых случаях налог отменялся в связи с бедностью лица, и в учетной книге делалась запись: «Налогом не облагается в связи с бедностью» (*Non taxata propter paupertatem*). Размер налога, похоже, варьировался — иногда он составлял треть от доходов, иногда был больше¹⁹⁶. В XIV веке епархии выплачивали следующие *servitia*: Майнц — 5000 золотых флоринов; Трир — 7000; Кельн — 10 тыс.; Нарбонн — 10 тыс. На основании новых подсчетов Мартин V в 1420 г. повысил налоги Майнца и Трира до 10 тыс. флоринов, то есть 25 тыс. долларов на наши деньги, так что сумма сравнялась с налогом, который с древности выплачивал Кельн¹⁹⁷. Если занявший должность умирал, не уплатив налог полностью, его преемник должен был возместить недостаток, помимо уплаты за свое собственное назначение¹⁹⁸.

Следующие примеры позволяют составить представление о том, с какими трудностями приходилось сталкиваться епископам и аббатам, путешествуя в Авиньон, чтобы папа утвердил их в должности. В 1334 г. избранному аббату Сент-Огю-

рия IX 500 золотых флоринов в месяц. Сторож папского дворца — 7 золотых флоринов в месяц. Плотники зарабатывали 12 — 18 шиллингов *Provis*, или 60-80 центов (47 таких монет составляли 1 золотой флорин).

¹⁹⁰ *Visitationes ad limina apostolorum*, то есть «посещения Рима».

¹⁹¹ {Это название образуется по аналогии с традиционным русским именованием английского фунта стерлингов. На самом деле, в английском языке никаких «стерлингов» не существует, а само это слово, *sterling*, — просто английское прилагательное, характеризующее фунт как полновесный, полноценный, соответствующий установленной пробе.}

¹⁹² См. Baumgarten, CXXI; Kirsch: *Finanzverwaltung*, p. 22 sq.

¹⁹³ Baumgarten, p. cxviii.

¹⁹⁴ Gottlob, *Servitien*, p. 30 sqq., 75-93; Baumgarten, p. xcvi sqq.

¹⁹⁵ Gottlob, p. 130.

¹⁹⁶ Kirsch (*Finanzverwaltung*) и Baumgarten (p. xcvi) утверждают, что налог равнялся третьей части доходов. Gottlob (p. 120) говорит, что иногда налог был больше.

¹⁹⁷ Baumgarten, p. cvi; Schulte, p. 97 sq. Бывало и так, что после переоценки имущества налог снижался. В 1326 г. налог епархии Бреслау был понижен с 4000 до 1785 золотых флоринов (Kirsch: *Finanzverwaltung*, p. 8).

¹⁹⁸ Такие случаи см. в Baumgarten, p. cviii. И попытки избавиться от этой выплаты были безуспешными. Епископ Бамберга в 1335 г. оставил Авиньон без буллы подтверждения, потому что не уплатил положенную сумму. Причина не упоминается, но в учетной книге написано, что его не следует утверждать в должности епископа, пока соответствующие апостольские послания не будут подобающим образом зарегистрированы и доставлены коллегии (Goeller, p. 69).

стена (Кентербери) пришлось ждать в Авиньоне с 22 апреля по 9 августа, чтобы получить подтверждение, и оно обошлось ему в 148 фунтов стерлингов. Иоанн IV, назначенный в аббаты Сент-Албана, в 1302 г. отправился для посвящения в сопровождении четырех монахов. Он прибыл в Ананьи 6 мая, представил свое дело лично Бонифацию VIII 9 мая, но в Лондон вернулся только 1 августа — все это время потребовалось для подготовки и утверждения необходимых бумаг¹⁹⁹. На продвижение своего дела он потратил 2585 марок, или 10.340 золотых флоринов, то есть 25 тыс. долларов. Мы точно знаем, на что именно была потрачена эта сумма. Записи конкретно указывают: 2258 марок, или 9032 флорина, достались «господину папе и кардиналам». Из этой суммы 5000 флоринов, или 1250 марок, были уплатой за *visitatio*, остальные — платой за *servitio* для кардиналов. Остальные 327 марок, или 1380 флоринов, ушли на регистрацию, плату нотариусам и подарки для кардиналов. Подарок кардиналу Франциску из Св. Марии в Космедине, племяннику Бонифация, стоил более 10 марок, или 40 флоринов.

Еще один избранный аббат Сент-Албана, Ричард II, отправился в Авиньон в 1326 г. в сопровождении шести монахов и уплатил 3600 золотых флоринов. Он был удивлен небольшим размером налога. Аббат Уильям из епархии Отуна 22 октября 1316 г. обязался уплатить Иоанну XXII в качестве налога на утверждение в должности 1500 золотых флоринов и еще 170 — помощникам Иоанна²⁰⁰.

Выплаты низшим церковным чинам, называемые *servitia minuta*, делились на пять разновидностей, четыре из которых шли подчиненным (*familiares* понтифика), а одна — подчиненным кардиналов²⁰¹. Точные суммы *servitia*, или выплат в связи с утверждением в должности, которые получали папа и коллегия кардиналов, вероятно, никогда не будут установлены. Судя по изученным нами отчетам, между 1316 и 1323 г. кардиналы получили из этого источника 234.047 золотых флоринов, то есть около 39 тыс. флоринов в год. Так как такса обычно, хотя и не всегда, делилась поровну между папой и кардиналами, полная сумма, полученная из данного источника, должна была быть в два раза больше²⁰².

Аннаты, будучи налогами, которые папа взимал со служителей, назначенных им лично на низшие церковные должности и приходы, полностью поступали в папскую казну и, похоже, обычно составляли половину доходов от первого года службы²⁰³. Служители назначались на приходы, которые «становились вакантными в курии», то есть на места, зарезервированные папой. Папы время от времени распространяли этот налог на все вакантные приходы определенного района в определенный период. Помимо аннатов, папская казна получала также

¹⁹⁹ *Gesta Abb. monaster. S. Albani*, II. 55 sq. См. полный список его расходов в Gottlob, *Servitien*, p. 174 sqq.

²⁰⁰ Соглашение полностью приводится в Kirsch, *Finanzverwaltung*, pp. 73-77, и в Gottlob, p. 162 sqq.

²⁰¹ См. Gottlob, pp. 102-118; Schulte, p. 13 sqq.

²⁰² Baumgarten, p. cxx.

²⁰³ Иоанн XXII (1316), Бенедикт XII (1335), Климент VI (1342) и Бонифаций IX (1392) выпускали буллы, в которых требовали от таких назначенцев на должность выплачивать в папскую казну половину доходов первого года. См. на эту тему Kirsch, *Kollektorien*, p. xxv sqq. Он упоминает папского сборщика налогов Герарда, который составил список подобных выплат аннатов за 1343 — 1360 годы (*fructus beneficiorum vacantium ad Cameram Apostolicam pertinentes*). Аннаты, или *annalia*, изначально отдавались епископам, когда приходы становились вакантными, но постепенно стали выплачиваться папской казне. См. Friedberg, *Kirchliche Abgaben*, в Herzog, I. 95.

доход от вакантных приходов, зарезервированных для папского назначения, а также доходы в течение того периода, когда священник владел приходом без канонического разрешения. Такие доходы назывались «промежуточными плодами» (*medii fructus*)²⁰⁴.

Личные индульгенции были непостоянным, однако не менее важным источником дохода. Цены зависели от способности сторон платить и предполагаемой ценности папской уступки. Королева Иоанна Сицилийская выплатила 500 турецких грошей, или около 150 долларов, за привилегию брать клятву с архиепископа Неаполя, который был представителем папы. Булла о допуске к церковному общению Маргариты Тирольской и ее мужа, Людовика Бранденбургского, сына Людовика Баварского, стоила принцессе 2000 турецких грошей. Король Кипра был беден и обеспечил своим подданным разрешение на торговлю с египтянами за скромную сумму в 100 турецких фунтов, но должен был уплатить еще 50 фунтов за отправку корабля с грузом в Египет²⁰⁵. Существовала система расценок на папские выписки, разрешающие лицам выбирать себе исповедника и не исповедоваться перед приходским священником.

К этим источникам дохода добавлялись налоги на освобождение Святой Земли (*pro subsidio terrae sanctae*). Вьеннский собор велел выделить в этих целях десятину за шесть лет. Иоанн XXII в 1333 г. повторил буллу Климента. Особые налоги брались также под предлогом освобождения Италии от враждебных элементов и за возврат папских владений, необходимых для переезда папы обратно в Рим. Для этой цели Иннокентий VI выделил десятину с церковей Германии за три года, а Урбан V в 1366 г. вновь обложил десятиной все церкви христианского мира²⁰⁶.

Было бы ошибкой полагать, что церковь всегда с готовностью откликнулась на эти призывы или что сборщикам налогов легко было выполнять свою задачу. Жалобы, которые так часто звучали в Англии в XIII веке, продолжались в течение XIV века. Сопротивление бывало решительным. Часто налоги не платили годами или не платили вообще.

Доходы от феодальных государств и князей, называемые *census*, делились поровну между кардиналами и личной казной папы. Григорий X в 1272 г. первым поделил таким образом дань от Сицилии, составлявшую 8000 унций золота, или около 90 тыс. долларов²⁰⁷. В понтификат Иоанна XXII часто упоминались суммы, выплаченные Сицилией, и их деление на равные части. Суммы были разными в разные годы. В 1304 г. выплата составляла 3000 золотых унций. Дань Сардинии и Корсики была определена в 1297 г. как 2000 марок ежегодно. Она также делилась между двумя казнами²⁰⁸. Папская область и Феррара платили нефиксированные суммы, а дань, обещанная Иоанном Английским, 1000 марок, платилась нерегулярно и в конце концов совсем перестала выплачиваться. Лепта святого Петра, которая относится к этой категории, была нерегулярным источником папских доходов²⁰⁹.

²⁰⁴ Kirsch, *Kollektorien*, p. xxvi. Бенедикт (1335) отнес эти выплаты к папской казне.

²⁰⁵ Tangl, pp. 31, 32, 37.

²⁰⁶ Kirsch, *Kollektorien*, pp. xx, xxi.

²⁰⁷ Kirsch, *Finanzverwaltung*, p. 3; *Rückkehr*, p. xv. В записях упоминается о выплате, сделанной Урбану V в 1367 г. и разделенной на две равные части. В учетной книге, начатой в 1317 г., которая сейчас хранится в Ватикане, сказано, что золотая унция равнялась 5 флоринам, золотой фунт — 96 флоринам. См. Kirsch, *Finanzverwaltung*, p. 71; Baumgarten, p. ccxi.

²⁰⁸ Baumgarten, p. cxlii sq.

²⁰⁹ Baumgarten, CXXVI. sqq.

Ежегодный доход папской казны при Клименте V и Иоанне XXII подсчитан как составлявший от 200 до 250 тыс. золотых флоринов²¹⁰. В 1353 г., как мы знаем, он равнялся по меньшей мере 260 тыс. флоринов, то есть более 600 тыс. долларов.

Этих источников доходов не всегда хватало на расходы папского двора — иногда приходилось занимать средства. Папы одалживали деньги у кардиналов, князей и ростовщиков. Урбан V одолжил у своих кардиналов 30 тыс. золотых флоринов. Григорий XI занял 30 тыс. флоринов у короля Наваррского и 60 тыс. — у герцога Анжуйского. Герцог, похоже, одалживал охотно, и Григорий взял у него в другой раз еще 40 тыс. флоринов²¹¹. Епископы и аббаты часто одалживали средства, чтобы оплатить свое утверждение в должности. Аббат Сент-Альбана в 1290 г. должен был заплатить 1300 фунтов в качестве *servitium* и одолжил 500 из них²¹². Эта привычка сохранялась до времен Реформации, когда одалживаемые суммы, как в случае с Альбрехтом, епископом Майнца, были громадными.

Действия канцелярии Авиньона вызывали громкие жалобы даже у тех современников, которые выступали как апологеты папства. Альвар Пелагий в своем «Плаче о церкви» писал: «Ни один бедняк не может приблизиться к папе. Он будет звать, и никто не ответит, потому что у него нет денег в кошельке. Папа не получает прошений, пока они не пройдут через руки посредников — коррумпированных, берущих взятки официальных лиц, которые стараются вымогать больше, чем положено». В другом месте он говорил, что, входя в папские комнаты, он всегда видел столы, ломившиеся от золота, и клириков, пересчитывавших и взвешивавших флорины²¹³. Об испанских епископах он говорил, что вряд ли среди них найдется сотня тех, кто не брал деньги за рукоположения и распределения бенефициев. В течение XIV века ситуация не улучшалась, а ухудшалась. Дитрих из Нигейма, говоря о Бонифации IX, заявил, что «папа — ненасытная прорва, и по части жадности с ним не может сравниться никто»²¹⁴. Для того чтобы исцелиться от этой болезни, губительной для христианства, папы должны были бы упразднить громадную толпу должностных лиц, которые их окружали. Однако эта обширная организация была сильнее римского понтифика. Фундаментальная теория о правах папы грешила изъятиями. Соборы пытались провести реформы, но тщетно. И помощь в конце концов пришла из неожиданного источника — когда Лютер и другие вожди Реформации открыто взбунтовались против средневековой теории папства и церкви.

²¹⁰ Ehrle, *Process über d. Nachlass Klemens V*, в *Archiv*, etc., V. 147. Доходы Филиппа Красивого составляли в 1301 г. 267.900 фунтов (см. Gottlob, *Servitien*, 133). Gottlob (p. 134) говорит, что доля кардиналов была пропорциональна их собственным выплатам.

²¹¹ Haller, p. 138.

²¹² Говорят, Вальтер де Грей, епископ Ворчестера, одолжил 10 тыс. фунтов в момент своего возвышения (1215). Роджер из Вендовера, которого цитирует Gottlob (p. 136), пишет: *Obligatus in curia Romana de decem millibus libris*, etc. Готтлоб считает, что это относится к римским ростовщикам, а не к римской курии.

²¹³ *De planctu eccl.*, II. 7: *quum saepe intraverim in cameram camerarii domni papae, semper ibi vidi nummularios et mensas plenas auro, et clericos computantes et trutinantes florenos*. См. Döllinger-Friedrich, pp. 86, 420.

²¹⁴ *Insatiabilis vorago et in avaricia nullus ei similis (De schismate, Erler ed., p. 119). Sacra auri fames* преобладала в Авиньоне.

§10. *Авиньонские папы позднего периода*

За схоластическим и осуетившимся Иоанном XXII последовал ученый и правильный Бенедикт XII (1334 — 1342). Он родился в епархии Тулузы, учился в Париже и до возвышения на папский престол был епископом и кардиналом. Если верить Виллани, то его возвышение было делом случая. Кардиналы голосовали за него один за другим, просто не веря, что он будет избран. Но их выбор оказался превосходным. Новый понтифик тут же взялся за реформы. Он отправил по домам всех прелатов, у которых в Авиньоне не было определенных обязанностей, и, к его чести, рассказывали, что, когда родственники обратились к нему в желании обогатиться за счет церковной казны, он отказал им, ответив, что наместник Христа, как Мелхиседек, должен быть лишен отца, матери и вообще родословной. Бенедикту XII принадлежит честь сооружения постоянного папского дворца в Авиньоне, массивного и мрачного здания, больше похожего на крепость, чем на резиденцию. Его стены и башни отличаются колоссальной толщиной и прочностью и способны выдержать любую атаку. Эта заброшенная ныне крепость остается немой свидетельницей, возможно, самого необычного эпизода в истории папства. Кардиналы последовали примеру Бенедикта и построили себе дворцы в Авиньоне и окрестностях.

Климент VI (1342 — 1352), бывший архиепископ Руана, растратил накопленное Иоанном XXII состояние, которым Бенедикт распоряжался осторожно. Климент забыл о своем бенедиктинском воспитании и обетах и жил на широкую ногу, распространив на папский двор вкусы французской знати, из которой вышел. Лошади, роскошный стол, женская компания сделали папский дворец веселым, как королевский двор²¹⁵. Его родственники также не остались без средств. Им досталось двенадцать из двадцати пяти кардинальских должностей, распределенных этим папой (причем одна — брату и одна — племяннику). Климент славился своим красноречием и, подобно Иоанну XXII, проповедовал и после того, как стал папой. В начале его понтификата римляне, прося его вернуться в Рим, послали к нему делегацию, в составе которой был Петрарка. Но Климент, француз до мозга костей, предпочитал французскую атмосферу. Он не поехал в Рим, но был достаточно любезен, чтобы выслушать делегацию и назначить «святой год» для опустошенного и обедневшего города.

К понтификату Климента в Риме относится один из ярких эпизодов средневековой истории этого города — подобная метеору карьера трибуна Колы (Николая) ди Риенцо. Этот провидец плебейского происхождения был одержим идеалами римской независимости и славы благодаря чтению классиков. Его речи льстили народу и возбуждали умы. Он поддерживал права народа, борясь с аристократическими семействами города. Посланный в Авиньон во главе делегации (1343), чтобы доверить папе высшую власть над городом, он привлек внимание Климента искренностью поведения и красноречием. А вернувшись в Рим, он очаровал народ иллюзиями свободы и господства. Римляне вручили ему в Капитолии власть над городом (1347). Кола принял демократический титул трибуна. Из Авиньона Петрарка приветствовал его, как человека, которого искал, и посвятил ему одну из лучших своих од. Трибун попытался распространить влияние

²¹⁵ Pastor (I. 76) говорит: «В понтификат Климента роскошь и веселье царили самым вопиющим образом». Подробное описание Авиньона и папского дворца см. в A. Penjon, *Avignon, la ville et le palais des papes*, pp. 134 (Avignon, 1878); F. Dignonnet: *Le palais des papes en Avignon* (Avignon, 1907).

на всю Италию, разжечь в ней пламя патриотических чувств и призвать ее города сбросить иго тиранов. Успех и слава вскружили ему голову. Опыанный похвалами, он имел дерзость воззвать к суду Людовика Баварского и Карла IV, поставив в заглавие обращения замечательные слова: «В первый год свободы Республики». Его успех продолжался семь месяцев, затем народу надоел этот кумир. Климент объявил ему анафему, и он бежал, чтобы вновь на краткое время появиться при Иннокентии V.

Климент сделал Авиньон папской собственностью, уплатив за него 80 тыс. флоринов Иоанне Неаполитанской. Умеренность суммы объясняется, возможно, тем, что папа оказал этой принцессе услугу, объявив ее невиновной в убийстве ее кузена и первого мужа, Андреа, венгерского принца, и разрешив ей вступить повторно в брак с другим кузеном, князем Тарентума.

В правление этого понтифика завершилась беспокойная карьера Людовика Баварского (1347). Император унился до предела, поклявшись 18 сентября 1343 г. исполнять 28 статей, представленных ему Климентом, и написал папе, что, как младенец жаждет материнского молока, так его душа жаждет милости папы и церкви. Климент же, если такое еще было возможно, лишь усилил проклятия, сулившиеся Людовику двумя предшествовавшими понтификами. Булла от 13 апреля 1346 г., обнародованная лично папой, изобилует неистовствами. В ней папа просит Бога поразить Людовика болезнью, слепотой и безумием. На него призывается гром небесный и пламенный гнев Бога и апостолов Петра и Павла и в этом мире, и в следующем. Все стихии должны ополчиться против него; вселенная должна сражаться с ним, земля — провалиться и поглотить его живьем. На его дом богохульственно призывается опустошение, на его детей — изгнание. Папа желает Людовику увидеть собственными глазами, как его детей погубят его враги²¹⁶.

В понтификат Климента по Европе, от Венгрии до Шотландии и от Испании до Швеции, прокатилась «черная смерть» (1348 — 1349), один из самых ужасных и таинственных бичей человечества. О ней рассказывают все летописцы того периода. Ее описывает Боккаччо во вступлении к своим новеллам. Согласно Виллани, болезнь сопровождалась появлением нарывов в подмышках или в паху, иногда размером с яйцо, жестокой лихорадкой и кровохарканьем. Легкие и горло воспалялись, дыхание становилось зловонным. Описывая это заразное заболевание, современник сказал, что одного больного было достаточно, чтобы заразить всех²¹⁷. Заболевшие жили от силы день или два. Боккаччо был свидетелем того, как чума свирепствовала во Флоренции²¹⁸. Были приняты типичные в то время санитарные меры, такие как поддержание чистоты на улицах и сложные правила для здоровых. Чтобы остановить распространение болезни, проводились публичные богослужения и шествия. Боккаччо рассказывает, что свиньи умирали от болезни после того, как рылись в выброшенной одежде. В Англии чума поразила разные виды скота, и Найтон рассказывает, что в одном районе умерло 5000

²¹⁶ Ужасное проклятие звучит так: *Veniat ei laqueus quem ignorat, et cadat in ipsum. Sit maledictus ingrediens, sit maledictus egrediens. Percutiat eum dominus amentia et caecitate ac mentis furore. Coelum super eum fulgura mittat. Omnipotentis dei ira et beatorum Petri et Pauli... in hoc et futuro seculo exardescat in ipsum. Orbis terrarum pugnet contra eum, aperiatur terra et ipsum absorbeat vivum* (Mirbt: *Quellen*, p. 153). См. Müller: *Kampf Ludwigs*, etc., II. 214.

²¹⁷ Цит. в Gasquet, *Black Death*, p. 46.

²¹⁸ Whitcomb (*Source Book of the Renaissance*, pp. 15-18) приводит перевод.

овец²¹⁹. Уровень смертности был безумно велик. Цифры, хотя и расходящиеся в разных источниках, показывают, что погибли очень многие.

Значительный процент населения Западной Европы оказался жертвой чумы. В Сиене она унесла 80 тыс. жизней; в Венеции — 100 тыс.; в Болонье — две трети населения; во Флоренции — три пятых. В Марселе за один месяц, как сообщают, умерло 57 тыс. человек. Папский город на Роне тоже не был исключением. Пострадали девять кардиналов, 70 прелатов и 17 тыс. лиц мужского пола. Другой автор, каноник, в письме из этого города другу во Фландрию сообщает, что к моменту написания письма умерла половина населения города. От болезни страдали кошки, собаки и куры²²⁰. По предписанию своего врача, Ги из Шолиака, Климент VI не выходил из дома и жег большие костры, как до него делал во время чумы Николай IV.

Ни один из классов общества не спасся. Только в Англии, похоже, высшие слои общества не пострадали. Умерло большое количество клириков — епископы, священники и монахи. Чума унесла по крайней мере одного архиепископа — Брадуардина Кентерберийского. В числе жертв оказались братья короля Швеции Гакон и Кнут. Незахороненные мертвецы валялись на улицах Стокгольма. Говорят, что в море плавали корабли с грузами, все моряки на которых умерли²²¹. Монастыри опустели. На кладбищах не хватало места для захоронения тел, которые сбрасывали в поспешно выкопанные ямы²²². Опасность заражения и зловоние от тел были столь велики, что часто некому было хоронить мертвецов. В связи с этим епископы призывали священников ревностней проповедовать телесное воскресение как один из догматов Католической церкви — что сделал епископ Винчестера²²³. Несмотря на высокую смертность, многие люди погрязали в необузданных кутежах и пьянках, ходили от таверны к таверне и предавались другим излишествам, что видно по рассказам Боккаччо о Флоренции.

В Англии, как подсчитано, жертвой губительной болезни пала половина населения, или 2.500 тыс. человек²²⁴. Согласно Найтону, болезнь проникла в страну через Сауттемpton. Что касается Шотландии, то летописец рассказывает историю, как некие шотландцы, узнав о слабости англичан вследствие болезни, собрались в лесу Селфчирч (Селкирк) и решили напасть на своих бедствующих соседей, но внезапно эпидемия поразила их самих, и почти 5000 человек умерло. Английский король созвал парламент. Английские летописцы подробно рассказывают об упадке, постигшем ремесла в стране. Земля стала «мертвой», потому что некому было возделывать ее. Цена за акр сократилась вдвое, если не больше.

²¹⁹ Knighton, *Chronicon*, Rolls Series II. 58-65.

²²⁰ Цит. в Gasquet, p. 46 sqq.

²²¹ Gasquet, p. 40.

²²² Торольд Роджерс видел останки, найденные при строительстве новой школы богословия в Кембридже, и объявил их захоронением жертв чумы того ужасного времени (*Six Centuries of Work and Wages*, I. 157).

²²³ Gasquet, p. 128.

²²⁴ Так полагают Jessopp (*Coming of the Friars*, Gasquet, p. 226) и Cunningham (*Growth of English Industries and Commerce*, p. 275). Однако Торольд Роджерс в *Six Centuries of Work, etc.*, и *England before and after the Black Death* (*Fortnightly Review*, VIII. 190 sqq.) указывает меньшую цифру. Подсчеты Джессопа основаны на местных документах и списках умерших епархии Норвича. Он считает, что в некоторых местах умерло девять десятых населения. Августинцы Хиверингланда, приор и каноники, умерли все до одного. В Хиклинге остался в живых только один человек. Мы не можем сказать, свидетельствует ли столь высокий уровень смертности среди клириков, особенно в орденах, о порочности и небрежности в плане поддержания чистоты.

Скот бродил по лугам и засеянным полям, и некому было загнать его в стойла. «Страх перед смертью привел к тому, что скот стал очень дешев». Лошадей продавали за половину обычной цены, 40 сольди, откормленного бычка — за 4 сольди. Стоимость труда подорожала. Цены на предметы первой необходимости стали «очень высоки»²²⁵. Удар, нанесенный церкви, был так велик, что прекратилось ее служение, а возможно, и рост. Английские епископы заботились о насущных потребностях людей, выпуская послания, в которых даровали всем клирикам право на отпущение грехов. Священник теперь мог назначать собственную цену за услуги, и вместо 4 или 5 марок, сообщает Найтон, он мог получить 10 или 20, когда распространялась чума. Так как служителей не хватало, стали разрешать рукоположение лиц, не достигших канонического возраста, — например, Батеман, епископ Норвича, выделил для отправления священных обрядов 60 клириков, «хотя они были всего лишь новопостриженными монахами» моложе 21 года. Губительные последствия чумы проявились и в другой сфере. Прекратилось строительство собора в Сиене, который замысливался как один из величайших, и работа над ним до сих пор не возобновилась²²⁶.

Сообщается, что «черная смерть» проникла в Европу с Востока и была принесена на генуэзских судах²²⁷. Она унесла больше жизней, чем любое из сражений или землетрясений в истории Европы, не исключая Сицилийского землетрясения 1908 г.

Несмотря на чуму, а может быть, даже из благодарности за ее прекращение, «святой» 1350-й год, как и «святой год» при Бонифации в начале века, привлек в Рим тысячи паломников. Оставив свои опустошенные города и села, они пришли в Вечный город, чтобы увидеть там такое опустошение, которое, по словам Петрарки (посетившего его в тот же год), могло тронуть даже каменное сердце. Маттео Виллани²²⁸ восхваляет веру сонмов людей, посетивших город. Булла Климента обещала отпущение грехов в том числе и для тех, кто отправится в паломничество без соизволения вышестоящей власти: клириков — без позволения епископа, монахов — без разрешения аббата, жен — без разрешения мужа.

О трех папах, которые следовали за Климентом, мы можем сказать только хорошее. Иннокентий IV (1352 — 1362), уроженец епархии Лиможа, был назначен кардиналом при Клименте VI. Следуя по стопам Бенедикта XII, он уменьшил показную роскошь авиньонского двора, отправил бездельничавших епископов в их епархии и учредил суд *rota* из 21 получавшего зарплату аудитора, чтобы упорядоченно разбираться с делами, представленными перед папским судом. До избрания Иннокентия кардиналы приняли ряд правил, согласно которым коллегия не могла состоять из более чем 20 членов, и кардиналы не могли назначаться,

²²⁵ Knighton, II. 62, 65.

²²⁶ Gasquet, p. 253. Этот автор (pp. viii, 8) сравнивает опустошение в период европейской «черной смерти» с бедствиями, которые произвела бубонная чума в Индии (1897 — 1905), где в этот период умерло 3.250.000 человек. Он подчеркивает, что чума устранила результаты, которых достигла церковь в своем служении, и помешала ее дальнейшему развитию.

²²⁷ Ральф, епископ Бата и Уэльса, в пасторском послании предостерегал против «чумы, которая пришла в соседнее королевство с Востока». Найтон считает, что она пришла из Индии. Thomas Walsingham (*Hist. Angl.*, Rolls Series, I. 273) говорит о ней так: «Начавшись в областях севера и востока, она прокатилась по миру и привела к такому великому опустошению, что вряд ли половина населения уцелела. Города, некогда полные людей, опустели, и чума распространялась так быстро, что живые не успевали хоронить мертвых. В некоторых монастырях уцелело два человека из двадцати. Многие исследователи полагают, что в живых осталось не больше одной десятой человечества».

²²⁸ Muratori, XV. 56.

отстраняться, смещаться или отлучаться от церкви без согласия двух третей коллегии, притом что ни один папский родственник не мог быть назначен на высокий пост (однако Иннокентий, став понтификом, тут же отменил этот пункт как необязательный).

Вскоре после начала своего понтификата Иннокентий освободил Колу ди Риненцо из заключения²²⁹ и послал его и кардинала Эгидия Альвареса из Альборноса в Рим в надежде установить там порядок. Кола был назначен сенатором, но через несколько месяцев был убит в ходе народного восстания, 8 октября 1354 г. Он мечтал о единой Италии за пять веков до того, как произошло объединение разделенных итальянских государств, и его имя по-прежнему остается символом борьбы за народную свободу и национальное единство полуострова.

Тираны и демагоги захватили городскую власть Италии и пили ее кровь. Папская область распалась на мелкие княжества, которыми правили грубые представители знати: Полента в Равенне, Малатеста в Римини, Федерико Монтефельтро в Урбино. Папе угрожала потеря его территории на полуострове. Воинь-авантюристы из разных стран обосновались там и внушали ужас, возглавляя банды разбойников. Анархия прежде всего процветала в самом Риме и в Кампании. Альборнос сражался с маврами и возглавлял епархию Толедо. Он был государственным деятелем и воином. Он вполне мог справиться с трудной задачей и восстановил власть папы²³⁰.

В 1355 г. Альборнос, администратор Рима, возложил корону империи на голову Карла IV. Однако достоинство императора было низведено до такой степени, что папа запретил Карлу входить в город до дня коронации. Петрарка приветствовал его прибытие в Италию, как Данте приветствовал приезд Генриха VII. Но император разочаровал всех, и его возвращение из Италии было бесславным отступлением. Он оказал услугу Богемии, основав Пражский университет²³¹. Он также, в 1356 г., выпустил знаменитую «Золотую буллу», в которой излагались правила избрания императора. Право избрания полностью вверялось в руки электоров. Для выбора было достаточно, чтобы кандидатуру поддержало большинство из них. Папа в документе не упоминался. Местом сбора электоров был сделан Франкфурт. Электорами стали архиепископы Майнца, Трира и Кельна, граф Палатинский, король Богемии, маркграф Бранденбурга и герцог Саксонии²³².

Урбан V (1362 — 1370), в момент избрания бывший аббатом бенедиктинского монастыря Сен-Виктор в Марселе, отличался качествами, которые привели к его канонизации Пием IX (1870). Он первым из авиньонских пап посетил Рим. Петрарка, уже старик, раньше писавший к Бенедикту XII и Клименту VI, обратился к новому понтифику с посланием, в котором призывал его быть верным своей роли Римского епископа и упрекал курию в ее грехах. Зачем Урбану скрываться

²²⁹ Кола странствовал, пока не прибыл в Прагу, где Карл IV схватил его и отправил в Авиньон в 1352 г. Петрарка, который переписывался с ним, говорит, что видел его в Авиньоне, охраняемого двумя стражниками. См. Robinson, *Petrarch*, pp. 341-343 sqq.

²³⁰ Альборнос действовал в Италии в 1353 — 1368 г. Он ввел свод законов, так называемые Эгидиевы конституции, благодаря чему на века получил признание как законодатель Папской области. Текст конституций см. в Mansi, XXVI. 299-307. Gregorovius (VI. 430) называет его «самым одаренным государственным деятелем из когда-либо заседавших в коллегии кардиналов», а Вурм, его биограф, — «вторым основателем Папской области».

²³¹ В 1334 г. Климент отделил епархию Праги от епархии Майнца и назначил там архиепископа.

²³² Брусе (ch. XIV) справедливо замечает, что «Золотая булла» завершила германизацию Священной Римской империи, отделив императорскую власть от папства. См. Miro, *La politique pontificale*, p. 2.

в глуши? Ведь Италия ему верна, а Рим, освященный историей и ставший легендой империи и церкви, — это теократическая столица мира. Карл IV посетил Авиньон и предложил понтифику эскорт, но французский король выступил против этого плана, и его поддержали кардиналы. Среди них осталось только три итальянца. Урбан отправился в дом своих духовных предков в апреле 1367 г. Флот из шестидесяти кораблей, предоставленных Неаполем, Генуей, Венецией и Пизой, перевез вельможного путешественника из Марселя в Геную и Корнето, где его встретили посланники из Рима, вручившие ему ключи от замка Святого Ангела — символ полной власти над городом. По дороге папский эскорт встречали грузы с вином, рыбой, сыром и другим провиантом, посланным из Авиньона, и на всех этапах пути папу ждали лошади из его конюшен на Роне²³³.

В Витербо разразился мятеж из-за высокомерного поведения французов, и папа выпустил интердикт против этого города. В папских учетных книгах упоминается выплата аптекарю за лекарства для папских слуг, раненных во время стычки. Здесь умер Альборнос, которому папство весьма обязано за восстановление порядка в Риме. Легенда гласит, что, когда папа попросил у него отчета о его управлении, он нагрузил карету ключами от городов, которые он возвратил под власть папы, и отправил ее ему.

Урбан предпочел жить в Ватикане, а не в Латеранском дворце. Подготовка к его прибытию включала в себя восстановление дворца и его садов. Часть сада использовалась под посевы, остальное пространство заросло сорняками. Урбан велел высадить там виноградники и плодовые деревья. В папской учетной книге говорится о стоимости этих усовершенствований: 6621 золотой флорин, то есть около 15 тыс. долларов. Пришлось обновить кровлю, полы, двери, стены и другие элементы дворца. В отчете папского казначея Гослина де Праделло сказано, что затраты за период с 27 апреля 1367 г. по ноябрь 1368 г. составили 15.559 флоринов, то есть 39 тыс. долларов²³⁴.

За шестьдесят лет, которые прошли с тех пор, как Климент V перенес папскую резиденцию во Францию, Рим превратился почти что в музей христианских памятников, подобно тому как до этого он был музеем языческих руин. Аристократические семейства оставили город. Латеранский дворец снова сгорел в 1360 г. Собор Св. Петра был в запустении. Улицы были полны мусора и заброшенных луж. Население сократилось до 20 тыс., а возможно, до 17 тыс. человек²³⁵. Петрарка сравнивает возвращение папства в Рим с исходом Израиля из Египта.

Урбан занялся восстановлением церквей. Он выделил 1000 флоринов на Латеранский дворец и 5000 — на собор Св. Павла. Рим вновь начал превращаться в центр европейского общества и политики. Город посетили королева Неаполя Иоанна, король Кипра и император Карл IV. В 1369 г. Иоанн V Палеолог, византийский император, прибыл в Рим, чтобы просить о помощи в борьбе с турками, и публично официально отказался от своих раскольниковских взглядов.

²³³ Kirsch, *Rückkehr*, etc., pp. xii, 74-90. Остановившись на пять дней в Генуе, Урбан получил своевременную помощь — уплату феодальной дани от Неаполя, 8000 унций золота. Кирш в своем интересном и ценном труде публикует сведения из официальных учетных записей, хранящихся в Риме и Авиньоне, и подробно рассказывает о затратах на визиты Урбана и Григория XI. Gregorovius (VI. 430 sqq.) повествует о путешествии Урбана самым высокопарным слогом.

²³⁴ Отчет полностью публикуется в Kirsch, pp. ix sqq., xxx, 109-165.

²³⁵ Döllinger (*The Church and the Churches*, англ. перев., 1862, p. 363) приводит цифру 17 тыс. Gregorovius (VI. 438) указывает несколько большее число.

Казалось, вернулись старые времена, но Урбан этим не удовлетворился. Он не обладал ни смелостью, ни широтой взглядов, чтобы пожертвовать собственными удовольствиями ради обязанностей своего сана. Если бы ему хватило решимости, губительный раскол мог быть предотвращен. А Урбан решил снова вернуться в Авиньон, куда он и прибыл «в час вечерни» 27 сентября 1370 г. Но там он не прожил даже трех месяцев и умер 19 декабря 1370 г., всеми любимый и уже почитаемый как святой.

§11. Возвращение папства в Рим. 1377

Из девятнадцати кардиналов, которые входили в конклав на момент смерти Урбана V, все, кроме четырех, были французами. Выбор сразу же пал на Григория XI, сына французского графа. Его дядя, Климент VI, сделал его кардиналом в 17 лет. Современники хвалили его за моральную чистоту, учтивость и благочестие. Он удостоверял свои симпатии к соплеменникам, назначив 18 французских кардиналов и заполнив французскими служителями места в Италии, на которые назначал папа. В английской истории он известен благодаря осуждению Виклифа. Его понтификат продолжался с 1370 по 1378 г.

С именем Григория связано возвращение папства в его дом на Тибре. Эта перемена не была заслугой папы. Она совершилась против его воли. Он отправился в Рим, но готовился к возвращению в Авиньон, когда внезапно умер.

А вернуться в Рим Григория побудило пламя восстания, которое разгорелось в Центральной и Северной Италии и из-за которого папство могло утратить свои владения навсегда. Итальянцы собирались избрать антипапу — как сообщила Григорию делегация из Рима. И для того, чтобы сокрушить бунт на берегах Тибра, подходило только одно средство, личное присутствие папы²³⁶.

Григорий пять лет вел войну с возмутителями спокойствия в Италии. В северных районах полуострова города были охвачены политической анархией, а жаждавшие приключений папские наемники, самым знаменитым из которых был англичанин Джон Хоквуд, наводили ужас везде, куда бы ни направлялись. В Милане власть захватил свирепый тиран Бернабо. Во Флоренции разгорелся бунт против самого священства — там подняли красный флаг, на котором было написано: «Свобода». Образовалась лига из 80 городов, собиравшаяся упразднить светскую власть папы. 31 марта 1376 г. был принят интердикт против флорентийцев за то, что они приняли участие в заговоре. В этом интердикте были прописаны просто безумные условия. В частности, там объявлялось, что все, кто угодно, имеют право грабить этот город и обращать его жителей в рабство, где бы они ни находились²³⁷. Генуя и Пиза, последовавшие по стопам Флоренции, также удостоились папского проклятия. В 1376 г. в бунт был втянут и папский город Болонья, подстрекаемый его соседом на реке Арно.

Флоренция разжигала пламя восстания в Риме и других папских городах, призывая их свергнуть иго тирании и вернуть себе прежнюю свободу. Распространяемый ею манифест вопиял: «Какой итальянец не исполнится негодовани-

²³⁶ Pastor, Hergenröther-Kirsch, Kirsch (*Rückkehr*, p. xvii; Mirot, p. viii, 7 sq.) и другие историки соглашались с тем, что эта причина была основным движущим мотивом Григория. Mirot (pp. 10-18) утверждает, что Григорий руководствовался тремя соображениями: реформой церкви, восстановлением мира с Востоком, которое было непреложным условием нового крестового похода против турок, и возвращением папства в Рим.

²³⁷ Baluz (I. 435) и Gieseler (IV. 1, p. 90 sq.) приводят текст этой буллы.

ем при виде того, как множество благородных городов служат варварам, которых папа назначает для пожирания богатств Италии?»²³⁸ Но Рим оставался верен папе, как и Анкона. С другой стороны, Перуджа, Нарни, Витербо и Феррара в 1375 г. подняли знамя восстания, и бунт угрожал распространиться на все владения папы. Ненависть к французским служителям усилилась, когда папа послал на подавление бунтов отряд из 10 тыс. бретонских солдат. Их возглавлял кардинал Роберт Женеvский (позже Климент VII), жестокий воин и безжалостный священник. Было ясно как день, говорит Пастор, что только возвращение Григория могло спасти Рим для папства.

К этим гражданским требованиям прибавлялись ясные голоса пророчиц, возносившиеся над смутным гулом бунта и бряцанием оружия, — голоса Бригитты Шведской и Екатерины Сиенской, которые обе были канонизированы как святые.

Петрарка, который почти полвека призывал папу вернуться в Рим, теперь, в конце своей жизни, прямо называл Авиньон сточной канавой земли, возражая одному защитнику французской партии, который сравнивал Рим с Иерихоном — городом, в котором человек оказывается в окружении разбойников. Но Петрарка умер в 1374 г., так и не увидев, как исполнилось желание всей его жизни. Движимый патриотическим инстинктом, он вкладывал в призывы любовь итальянца к своей родине. Бригитта и Екатерина призывали Григория вернуться из соображений, которые были выше национальных, — ради единства христианского мира и ради скорейшего наступления царства Божьего. Опираясь на свои видения и экстатические переживания, они призывали главного епископа церкви быть верным обязанностям священной должности.

После смерти своего мужа святая Бригитта покинула родную Скандинавию и присоединилась к паломникам, которые направлялись в Рим в «святой год» (1350).²³⁹ Прибыв в папский город, она надеялась вновь увидеть и императора, и папу в этом центре духовной и имперской власти, и эта надежда подвигла ее на святые дела и на откровения провидицы. Она ходила из церкви в церковь и несла служение больным или же сидела, прося милостыню, в одежде паломницы. Ее многочисленные откровения навлекли на нее недовольство римлян. Она видела въезд Урбана в город, а когда он объявил о своем намерении вернуться во Францию, заявила, что он скоро умрет, если будет упорствовать в этом решении. Когда Григорий вззошел на престол, она предупредила его, что он умрет рано, если будет жить вдали от резиденции, которую Бог предназначил для верховного понтифика. Но она тоже не дожидая до времени, когда исполнилась ее мечта. Она ревностно осуждала обмирщение пап. Петр, восклицала она, «был назначен пастырем и служителем овец Христовых, а папа рассеивает и терзает их. Он хуже Люцифера, несправедливее Пилата, вероломнее Иуды. Петр вззошел на престол в смирении, Бонифаций — в гордости». Григорию она писала: «В твоей курии царят высокомерие и гордость, ненасытная жадность и вопиющая любовь к роскоши. Это бездна ужасной симонии»²⁴⁰. Ты хватаешь и терзаешь бесчисленное количество овец Господних». И ее по достоинству признали святой. Она умерла в 1373 г. Дочь Бригитты Екатерина отвезла ее тело в Швецию.

²³⁸ Цит. в Mirot (p. 48) и Gregorovius (VI. 466 sqq.).

²³⁹ Бригитта родилась близ Упсалы (1303). См. Gardner, *St. Catherine of Siena*, p. 44 sqq. Доллингер обращает внимание на то, что ее пророчества не исполнились (*Fables and Prophecies of the Middle Ages*, перев. Henry B. Smith, pp. 331, 398).

²⁴⁰ *Vorago pessima horribilis symoniae* (*Revelationes* Бригитты, цит. в Gieseler, Haller, p. 88, и Gardner, p. 78 sq.).

Екатерина Сиенская была более удачлива. Она видела возвращение папства в Италию, но видела и плачевное начало раскола. Эта тосканская пророчица, которую здравый католический историк назвал «одним из самых чудесных явлений в истории»²⁴¹, направляла послание за посланием к Григорию XI, называя его «нежным Христом на земле», увещевая и умоляя по-настоящему исполнять обязанности главы церкви и покончить с изгнанием, которое она представляла как источник всех бед, терзавших христианский мир. «Будь истинным преемником святого Григория, — писала она. — Люби Бога. Пусть тебя не ослепляют твои родственники и друзья. Пусть тебя ни к чему не принуждает окружение. Помощь придет от Бога». Его возвращение в Рим и начало нового крестового похода против турок она представляла как обязательные условия для эффективной церковной реформы. Она просила его вернуться: «...быстро, как нежный агнец. Ответ Святому Духу, Который зовет тебя. Я говорю тебе: приди! приди! приди! И не мешкай, потому что время не ждет. Тогда ты поступишь как закланный Агнец, место Которого занимаешь и Который без оружия в руках победил Своих врагов. Будь мужествен в моих глазах, ничего не бойся. Ответ Богу, призывающему тебя занимать и оберегать престол славного пастыря святого Петра, наместником которого ты являешься»²⁴².

Однажды Григорий якобы получил письмо от некоего верующего, предупреждавшего, что в Риме его отравят. Письмо призывало к кротости и побуждало пожалеть свою семью. Но Екатерина, в пылком послании, доказывала, что только дьявол или один из его посланников могли написать такое письмо, и призывала папу, как доброго пастыря, больше думать о Боге и благополучии своей паствы, чем о собственной безопасности, ибо добрый пастырь, если необходимо, отдает жизнь за своих овец. Слуги Божьи не должны отказываться от духовного служения из страха получить физический вред²⁴³.

В 1376 г. Екатерина встретила лично в Авиньоне, куда отправилась из Флоренции с поручением примирить город с папой. Папская резиденция оказалась не раем небесных добродетелей, как она ожидала, а рассадником адских пороков²⁴⁴. Непосредственной цели своей миссии она не добилась, но ее бескорыстные призывы укрепили Григория в решении вернуться в Рим — решение, которое он уже принял до визита Екатерины, что видно из собственных последних слов папы²⁴⁵.

Еще в 1374 г. Григорий писал к императору, что он намерен вновь утвердить права папства на Тибре²⁴⁶. В Италию поехал служитель папского двора Бертран Раффини, чтобы подготовить Ватикан к приезду папы, но переезд был отложен. Папе трудно было покинуть Францию. Против отъезда возражали его родственники, французские кардиналы и французский король, который по-

²⁴¹ Pastor, I. 103.

²⁴² Scudder, *Letters of St. Catherine*, p. 132 sq.; Gardner, pp. 158, 176, etc.

²⁴³ Scudder, p. 182 sqq.

²⁴⁴ Так Екатерина отзывалась о папском дворе в беседе со своим исповедником. См. Mirbt: *Quellen*, p. 154 (*In romana curia, ubi deberet paradisus esse caelicarum virtutum, inveniebat faectorem infernalium vitiarum*).

²⁴⁵ Mirot (p. 101) вполне уверен в том, что Екатерина не оказала влияния на решение Григория. Так же думают и Пастор, и Гарднер.

²⁴⁶ Более поздние биографы говорят об обете вернуться в Рим, который Григорий принял в начале своего понтификата, но ни один автор той эпохи об этом не упоминает (Mirot, p. 62).

слал в Авиньон делегацию во главе со своим братом, чтобы убедить Григория отказаться от его замысла.

13 сентября 1376 г. отъезд все-таки состоялся. Шесть кардиналов остались в Авиньоне, чтобы заботиться о папских делах. Флот, отплывший из Марселя, был предоставлен Иоанной Неаполитанской, Петром IV Арагонским, рыцарями святого Иоанна и итальянскими республиками, но судов не хватало, чтобы перевезти огромное множество пассажиров, а также их личный багаж и провиант. Папа был вынужден нанять дополнительные галеры и корабли. Фернандес из Эредии, только что избранный гроссмейстером госпитальеров, выступил в роли адмирала. Потребовалось также большое количество наемников для защиты флота в море и во время частых остановок на берегу, а также на случай, если папе понадобится охрана и в самом Риме. Расходы на эту мирную армаду — суда, наемников и груз — аккуратно записаны в бухгалтерских книгах, сохранившихся в Авиньоне и Ватикане²⁴⁷. Одними из первых в расходах значатся суммы, потраченные на большие запасы бургундского и других вин, которые потреблялись по пути или должны были храниться в ватиканских подвалах²⁴⁸. Путешествие обошлось дорого, и неудивительно, что папе пришлось пополнить свои финансы, одолжив 30 тыс. золотых флоринов у короля Наваррского²⁴⁹. Папская казна, 85.713 флоринов, была перевезена из Авиньона в Марсель в двенадцати сундуках, навьюченных на лошадей и мулов, и на кораблях. К этой сумме позже добавились 41.527 флоринов, то есть всего около 300 тыс. долларов в нынешних деньгах. Суда и наемники обходились очень дорого, и капитаны несколько раз завышали цены на свои услуги, с чем папская партия вынуждена была соглашаться. Раймунд из Тюренна, который командовал наемниками, получал 700 флоринов в месяц «за себя лично». Каждый командир со знаменем — 24 флорина в месяц. А каждый улан, в подчинении у которого было три человека, — 18 флоринов. Не забывали и о благотворительности. Дуранд Андреа, папский распределитель милостыни, получил 100 флоринов для раздачи нищим во время путешествия и еще 100 флоринов для раздачи по прибытии папского двора в Рим²⁵⁰.

Казалось, сами стихии препятствуют путешествию. Не успел флот отплыть из Марселя, как разразился свирепый шторм, продолжавшийся несколько недель и осложнивший плавание. Урбан V потратил три дня на то, чтобы добраться до Генуи, а Григорий — шестнадцать. Из Генуи корабли продолжали плыть на юг, до Остии, каждую ночь становясь на якорь близ городов. Из Остии Григорий поднялся вверх по Тибру на лодке и высадился в Риме 16 декабря 1377 г. Это происходило ночью, и берега реки были освещены факелами. Народ с нетерпением ждал папу. Папа высадился у собора Св. Павла, а на следующий день, 17 декабря, отправился в собор Св. Петра в сопровождении ликующих толп. В шест-

²⁴⁷ Kirsch (pp. 169-264) полностью приводит текст бухгалтерской книги. В одном из ее разделов подсчитаны расходы на подготовку экспедиции, в другом — расходы на пути от Марселя в Рим, в третьем — расходы после прибытия в Рим. Еще в одном разделе приведены расходы на подготовку Ватикана — плата работникам и цены на древесину, свинец, железо, ключи и др. На задней стороне обложки этого толстого тома, хранящегося в Ватикане, написано: «*Expensae palatii apostolici, 1370 — 1380*».

²⁴⁸ «Похоже, вина были весьма важной частью запасов, так как накануне отъезда о снабжении ими во время пути позаботились не хуже, чем о заполнении ими подвалов в месте прибытия, Ватикане» (Kirsch, pp. xviii, 171; Miro, p. 112 sq.).

²⁴⁹ Kirsch, p. 184. О других займах Григория (например, 30 тыс. флоринов в 1374 г. и 60 тыс. флоринов в 1376 г.) см. Miro, p. 36.

²⁵⁰ Kirsch, pp. xx, xxii, 179.

вии участвовали группы шутов, которые оживляли зрелище и развлекали народ. Григорий поселился в Ватикане, который с того времени уже неизменно оставался папской резиденцией.

После приезда в Святой город Григорий прожил лишь год. Теплый сезон он провел в Ананьи, где, должно быть, испытывал смешанные чувства, вспоминая события из жизни своего предшественника Бонифация VIII, которые стали непосредственной причиной переноса папской резиденции на французскую землю. Тот год был омрачен жестокостями, которые творил в Чезене кардинал Роберт. Тогда население взбунтовалось против бретонских войск и изгнало их. Кардиналу пришлось искать убежища в крепости. На помощь был призван Хоквуд, и наемники, несмотря на миролюбивые заявления кардинала, набросились на беззащитный народ и устроили резню, шокирующие подробности которой ужаснули всю Италию. Были убиты четыре тысячи человек, даже монахи в монастырских церквях. Еще тысячи людей были изгнаны из города нагими и искали убежища в соседних городах. Но несмотря на это варварство, все больше итальянских городов, а среди них и Болонья, признавали власть папы. Мира попросила даже Флоренция.

Когда Григорий умер (27 марта 1378 г.), ему было всего 47 лет. По его просьбе тело было похоронено в Санта-Мария-Нуова на Форуме. Говорят, в последние часы жизни он сожалел, что внял словам Екатерины Сиенской, и призвал кардиналов не следовать его примеру и не слушать пророчеств²⁵¹. Но тем не менее памятник, воздвигнутый Григорию в Риме двести лет спустя, верен исторической правде: он изображает Екатерину Сиенскую, идущую рядом с папой и как будто бы ведущую его обратно в Рим. Вавилонское пленение папства продолжалось почти три четверти века. И удивительно, что западный христианский мир оставался единым, хотя папа долгое время был практически вассалом Франции. Мало что в истории кажется столь же неестественным, как это добровольное проживание пап в небольшом городке на Роне, вдали от места погребения апостолов и от центров европейской жизни.

²⁵¹ Так пишет Жерсон (*De examinatione doctrinarum*, I, 16, цит. в Gieseler): *Ut caverent ab hominibus sive viris sive mulieribus, sub specie religionis loquentibus visiones... quia per tales ipse reductus*. См. Pastor, I, 113.

ГЛАВА II

ПАПСКИЙ РАСКОЛ И РЕФОРМАТОРСКИЕ СОБОРЫ. 1378 — 1449

§12. Источники и литература

- К §13, 14. ПАПСКИЙ РАСКОЛ. — Оригинальные документы в RAYNALDUS: *Annal. Eccles.* — С. Е. BULAEUS (ум. в 1678): *Hist. univer. Parisiensis*, 6 vols., Paris, 1665 — 1673, vol. IV. — VAN DER HARDT, см. §15. — H. DENIFLE и A. CHATELAIN: *Chartul. universitatis Paris.*, 4 vols., Paris, 1889 — 1897, vols. III, IV, особенно часть, озаглавленную *De schismate*, III. 552-639. — ТЕОДОРИХ ИЗ НИГЕЙМА (Нима): *De Schismate inter papas et antipapas*, Basel, 1566, ed. Гео. ERLER, Leipzig, 1890. Он родился недалеко от Падерборна, умер в 1417 г. и имел исключительную возможность наблюдать за развитием событий. Он был папским секретарем (*notarius sacri palatii*) в Авиньоне, ездил в Рим с Григорием XI, был там в момент начала раскола и сохранял свою должность при трех папах римской линии. В 1408 г. он присоединился к кардиналам в Ливорно и поддержал Александра V и Иоанна XXIII. — См. Н. V. SAUERLAND: *D. Leben d. Dietrich von Nieheim nebst einer Uebersicht über dessen Schriften*, Göttingen, 1876, и G. ERLER: *Dietr. von Nieheim, sein Leben u. s. Schriften*, Leipzig, 1887. АДАМИЗ УСКА: *Chronicon*, 1377 — 1421, 2^d ed. Е. М. THOMPSON, с англ. перев., London, 1904. — MARTIN DE ALPARTILS: *Chronica actitatorum temporibus Domini Benedicti XIII*, ed. Fr. Ehrle, S. J., vol. I, Paderborn, 1906. — Произведения Виклифа, жизнеописания Бонифация IX и Иннокентия VII в Muratori, III. 2, pp. 830 sqq., 968 sq. — P. DUPUY: *Hist. du schisme 1378 — 1420*, Paris, 1654. — P. L. MAIMBOURG (иезуит): *Hist. du grand schisme d'Occident*, Paris, 1678. — EHRLER: *Neue Materialien zur Gesch. Peters von Luna* (Бенедикт XIII), в *Archiv für Lit. und Kirchengesch.*, VI. 139 sqq., VII. 1 sqq. — L. GAYET: *Le Grand schisme d'Occident*, 2 vols., Florence and Berlin, 1889. — C. LOCKE: *Age of the Great Western Schism*, New York, 1896. — PAUL VAN DYKE: *Age of the Renaissance an Outline of the Hist. of the Papacy, 1377 — 1527*, New York, 1897. — L. SALEMBIER: *Le grand schisme d'Occident*, Paris, 1900, 3^d ed., 1907. Англ. перев., London, 1907. — N. VALOIS: *La France et le grand schisme d'Occident*, 4 vols., Paris, 1896 — 1901. — E. GOELLER: *König Sigismund's Kirchenpolitik vom Tode Bonifaz IX bis zur Berufung d. Konstanzer Concils*, Freiburg, 1902. — M. JANSSEN: *Papst Bonifatius IX u. s. Beziehungen zur deutschen Kirche*, Freiburg, 1904. — H. BRUCE: *The Age of Schism*, New York, 1907. — E. J. KITTS: *In the Days of the Councils. A Sketch of the Life and Times of Baldassare Cossa, John XXIII*, London, 1908. — HEFELE-KNÖPFLE: *Conciliengesch.*, VI. 727-936. — HERGENRÖTHER-KIRSCH, II. 807-833. — GREGOROVIVS, VI. 494-611. — PASTOR, I. 115-175. — CREIGHTON, I. 66-200.
- К §15, 16. СОБОРЫ В ПИЗЕ И КОНСТАНЦЕ. — MANSI: *Concilia*, XXVI, XXVII. — ЛАВБАЕУС: *Concilia*, XI, XII. 1-259. — HERMANN VANDER HARDT, проф. евр. языка и библиотекарь из Гельмштадта (ум. в 1746): *Magnum oecumenicum Constantiense Concilium de universali ecclesiae reformatione, unione et fide*, 6 vols., Frankfurt and Leipzig, 1696 — 1700. Монументальный труд, сокровищница исторических материалов, но в их расположении полностью отсутствует порядок. Помимо актов и истории собора в Констанце, здесь приводится много ценных документов той эпохи, например, *De corrupto statu eccles.*, также называемый *De ruina eccles.*, Никола из Кламанжа; *De modis uniendi et reformandi eccles. in concilio universali*; *De difficultate reformationis* и *Monita de necessitate reformationis Eccles. in capite et membris*, — все, вероятно, Теодориха из Нигейма; и *Hist. of the Council*, автор —

DIETRICH VRIE, августинец, находившийся в Констанце (1417). Все это содержится в т. I. Т. II содержит *Consilium pacis: De unione ac reformatione ecclesiae* ГЕНРИХА ИЗ ЛАНГЕНШТЕЙНА, pp. 1-60; *Hist. of the c. of Pisa*, pp. 61-156; *Invectiva in diffugientem Johannem XXIII* и *De vita Johan. XXIII usque ad fugam et carcerem ejus* ТЕОДОРИХА ИЗ НИГЕЙМА, pp. 296-459, etc. Тома сопровождаются ценными иллюстрациями. Т. V содержит великолепную подборку изображений печатей и гербов князей и прелатов, присутствовавших на соборе лично или приславших своих представителей, и четырнадцать представленных там университетов. Труд также содержит биографии Д'Альи, Жерсона, Дзабареллы и др. — LANGENSTEIN: *Consilium pacis*, также приводится в Du Pin, издание трудов Жерсона, 1728, vol. II. 809-839. Трактаты *De difficultate reformationis* и *Monita de necessitate*, etc., также присутствуют в Du Pin, II. 867-875, 885-902, и приписываются Пьеру Д'Альи. Трактаты *De reformatione* и *De eccles., concil. generalis, romani pontificis et cardinalium auctoritate*, также приписываемые Д'Альи, — в Du Pin, II. 903-915, 925-960. — ULRICH VON RICHENTAL: *Das Concilium so ze Costenz gehalten worden*, ed. M. R. BUCK, Tübingen, 1882. — Также MARMION: *Gesch. d. Conc. von Konstanz nach Ul. von Richental*, Constance, 1860. Рихенталь, живший в Констанце, писал на основании личных наблюдений; его повествование причудливо и очень интересно. Первое издание — Augsburg, 1483. Рукопись до сих пор сохранилась в Констанце. — *H. FINKE: *Forschungen u. Quellen zur Gesch. des Konst. Konzils*, Paderborn, 1889. Содержит ценный дневник кардинала Филластра и т. д. — *FINKE: *Actae conc. Constanciensis, 1410 — 1414*, Münster, 1906. — J. L'ENFANT (гугенот, укrywшийся в Берлине, ум. в 1728): *Hist. du conc. de Constance*, Amsterdam, 1714; также *Hist. du conc. de Pisa*, Amsterdam, 1724, англ. перев., 2 vols., London, 1780. — B. HÜBLER: *Die Konstanzer Reformation u. d. Konkordate von 1418*, Leipzig, 1867. — U. LENZ: *Drei Traktate aus d. Schriftencyclus d. Konst. Konzils*, Marburg, 1876. Обсуждает авторство трактатов *De modis*, *De necessitate* и *De difficultate*, приписывая их Теодориху из Нигейма. — B. BESS: *Studien zur Gesch. d. Konst. Konzils*, Marburg, 1891. — J. H. WYLE: *The Counc. of Const. to the Death of J. Hus*, London, 1900. — *J. B. SCHWAB: *J. Gerson*, Würzburg, 1868. — *P. TSCHACKERT: *Peter von Ailli*, Gotha, 1877. — DÖLLINGER-FRIEDRICK: *D. Papstthum*, новое издание, Munich, 1892, pp. 154-164. — F. X. FUNK: *Martin V. und d. Konzil von Konstanz in Abhandlungen u. Untersuchungen*, 2 vols., Paderborn, 1897, I. 489-498. Труды, упоминаемые в §1, особенно CREIGHTON, I. 200-420, HEFELE, VI. 992-1043, VII. 1-375, PASTOR, I. 188-279, VALOIS, IV; SALEMBIER, 250 sqq.; *Eine Invektive gegen Gregor XII, Nov. 1, 1408*, in *Ztschr. f. Kirchengesch.*, 1907, p. 188 sq.

К §17. СОБОР В БАЗЕЛЕ. — *Lives of Martin V and Eugenius IV* в MANSI: XXVIII. 975 sqq., 1171 sqq.; в MURATORI: *Ital. Scripp.*, и PLATINA: *Hist. of the Popes*, англ. перев., II. 200-235. — MANSI, XXIX-XXXI; LABBAEUS, XII. 454 — XIII. 1280. О Екатерине Сиенской — MANSI: XXVIII. 1058-1082. — *Monum. concil. general. saec. XV*, ed. PALASKY, 3 vols., Vienna, 1857 — 1896. Содержит рассказ о Екатерине Сиенской Иоанна Стойкорича из Рагузы, делегата от Парижского университета. Иоанн Сеговийский: *Hist. gest. gener. Basil. conc.*, новое издание, Vienna, 1873. Иоанн, испанец, был выдающимся участником Базельского собора, одним из кардиналов Феликса V. Его произведения см. в HALLER: *Introd. Concil. Basiliense. Studien und Quellen zur Gesch. d. Concils von Basel*, со *Вступлением*. ed. T. HALLER, 4 vols., Basel, 1896 — 1903. AENEAS SYLVIVUS PICCOLOMINI: *Commentarii de gestis concil. Basil.*, написано в 1440 г. с целью оправдания избрания Феликса, ed. FEA, Rome, 1823; также *Hist. Frederici III*, перев. T. ILGEN, 2 vols., Leipzig. Без даты. Эней (позже Пий II) «не всегда говорил и думал одно и то же», как замечает HALLER, *Introd.*, p. 12. — См. VOIGT: *Enea Sylvio de' Piccolomini*, etc., 3 vols., Berlin, 1856 — 1863. — INFESSURA: *Diario della città di Roma*, Rome, 1890, pp. 22-42. — F. P. ABERT: *Eugenius IV*, Mainz, 1884. — WATTENBACH: *Röm. Papstthum*, pp. 271-284. — HEFELE-KNÖPFLE, VII. 375-849. DÖLLINGER-FRIEDRICH: *Papstthum*, 160 sqq. — CREIGHTON, II. 3-273. — PASTOR, I. 209-306. — GREGOROVIVS, VI-VII. — M. G. PEROUSE: *Louis Aleman et la fin du grand schisme*, Paris, 1805. Подробный рассказ о Базельском соборе.

К §18. СОБОР В ФЕРРАРЕ — ФЛОРЕНЦИИ. — АВРААМ КРИТСКИЙ: *Historia*, в лат. перев., Rome, 1521; греч. оригинал был издан по распоряжению Григория XIII, Rome, 1577; новый лат. перев. — Rome, 1612. — SYLV. SYROPULOS: *Vera Hist. unionis non verae inter Graecos et Latinos*, ed. CREIGHTON, Haag, 1660. — MANSI, XXXI, содержит документы, собранные самим Манси, а также акты, опубликованные в NORATIUS JUSTINIAN, XXXI. 1355-1711, из ватиканской рукописи (1638). Греческий и латинский текст напечатаны рядом. — LABBAEUS и HARDUIN также приводят акты Юстиниана и те, что собраны ими самими. —

Т. FROMMANN: *Krit. Beiträge zur Gesch. d. florentinischen Kircheneinigung*, Hale, 1872. — KNÖPFLE, ст. *Ferrara-Florenz*, в *Wetzer-Welte*: IV. 1363-1380. TSCHACKERT, ст. *Ferrara-Florenz*, в *Herzog*, VI. 45-48. — DÖLLINGER-FRIEDRICH: *Papstthum*, pp. 166-171.

§13. Начало раскола. 1378

После смерти Григория XI произошел раскол западного христианского мира, продолжавшийся сорок лет и ставший для церкви более губительным, чем авиньонское пленение. В церкви начиная со времен Григория VII было достаточно антипап, от Виберта из Равенны, избранного по воле Генриха IV, до слабого Петра из Корбары, избранного при Людовике Баварском. А теперь вообще правили две линии пап. Каждая избиралась коллегией кардиналов, одна — в Риме, другая — в Авиньоне, и обе претендовали на звание законных преемников святого Петра.

Григорий XI предвидел путаницу, которая могла возникнуть после его смерти. Он постарался предотвратить катастрофу спорного избрания, а также, вероятно, обеспечить избрание французского папы, поскольку заранее объявил решение конклава действительным, где бы он ни собрался. То есть Григорий, по сути, отменил правило, что конклав должен собираться в том месте, где умер папа. Григорий прекрасно знал, что в Риме не хотят возвращения папства на берега Роны. Столкновение было почти неизбежно. Пока папа лежал на смертном одре, кардиналы в ходе нескольких заседаний старались прийти к согласию по поводу выбора его преемника, но тщетно.

7 апреля 1378 г., через десять дней после смерти Григория, конклав собрался в Ватикане и на следующий же день избрал неаполитанца Бартоломео Приньяно, архиепископа Бари. Из шестнадцати присутствовавших кардиналов четверо были итальянцами, одиннадцать — французами и один, Петр де Луна, — испанцем (позже он стал известен как Бенедикт XIII). Французская партия была ослаблена из-за отсутствия шести кардиналов, оставленных в Авиньоне, и еще одного. Из итальянцев двое были римлянами — Тебальдески, старик, и Джакомо Орсини, самый юный член коллегии. Избрание итальянца, не члена курии, объяснялось отсутствием согласия среди самих французов и волнениями римского народа, который настаивал на избрании папой итальянца.

Французские кардиналы не могли прийти к согласию, кого выдвинуть из их числа. Они раскололись на две партии (одна из которых, лиможская, куда входили Григорий XI и его предшественники, состояла из шести кардиналов). На ситуацию, в которой собрался конклав, также повлияли итальянские толпы вне Ватикана. На площади перед собором Св. Петра царили разброд и беспорядки. Толпа проникала даже в Ватикан, и трудно было расчистить дорогу для кардиналов. Чтобы помешать кардиналам уехать, бандеризы, руководители тринадцати районов, на которые был разделен Рим, завладели городом и закрыли ворота. Толпа, решившая удержать папу на Тибре, гневно выкрикивала угрозы. «Мы хотим, чтобы папой был римлянин или, по крайней мере, итальянец!» (*Romano, romano, lo volemo, o almanco Italiano*). В первую ночь солдаты били своими копьями в потолок комнаты, расположенной под помещением, где собрался конклав, и даже протыкали ими потолок. Под окном с помощью горючих веществ разожгли костер. На следующее утро, когда кардиналы служили мессу в честь Святого Духа и занимались другими упражнениями благочестия, выкрики стали более громкими и угрожающими. Один из кардиналов, д'Эгрефей, прошептал Орсини: «Лучше уж выбрать дьявола, чем умереть».

При таких обстоятельствах был выбран архиепископ Бари. После того как выбор был сделан, шесть кардиналов, ожидая согласия архиепископа, обедали вместе и, казалось, были в хорошем расположении духа. Но толпе не терпелось узнать, чем все закончилось, и Орсини, выглянув в окно, крикнул: «Идите в собор Св. Петра». Эти слова ошибочно приняли за объявление о том, что папой выбран старый Тебальдески, кардинал Св. Петра, и все устремились ко дворцу кардинала, чтобы разграбить его — как было принято, когда кардинала выбирали папой. Толпа ворвалась в Ватикан, в помещение, где собирались кардиналы, и, как пишет Валуа, «начался разбой конклава». Чтобы умиротворить толпу, два кардинала, до смерти запуганные, указали на Тебальдески, усадили его в кресло, возложили белую митру ему на голову и набросили на плечи красный плащ. Старик пытался объяснить, что избран был не он, но толпы продолжали кланяться ему в течение нескольких часов, пока не стало известно, что избран был Приньяно.

Тем временем остальные кардиналы покинули здание и искали убежища, одни — в стенах замка Св. Ангела, а четверо — за пределами города. Настоящий папа ждал признания, в то время как члены избирательной комиссии бежали. На следующий день кардиналы пришли в себя настолько, чтобы снова собраться (все, кроме четырех, которые покинули город), и кардинал Петр де Вернь, используя привычную формулу, объявил толпе из окна: «Я объявляю вам о великой радости. У вас есть папа, он зовется Урбан VI». И 18 апреля перед собором Св. Петра кардинал Орсини короновал нового понтифика.

Архиепископ пользовался доверием Григория XI. Он был известен моральной строгостью и полным соблюдением законов поста и других церковных установлений. Он носил власяницу и имел обыкновение ложиться спать с Библией в руках. В момент его избрания никто не сомневался в том, что он достоин быть папой. Теодорих из Нигейма, находившийся в то время в городе, заявлял, что Урбан был канонически избранным папой. «Это истина, — писал он, — и ее никто не сможет отрицать»²⁵². Урбану подчинились все кардиналы в Риме, и в послании от 8 мая императору и всем христианам было объявлено о его избрании и интронизации. Кардиналы из Авиньона написали Урбану о своем признании и велели вручить ему ключи от замка Св. Ангела. Возможно, никто не усомнился бы в правах Урбана, если бы папа поехал в Авиньон или как-то иначе уступил требованиям французских членов курии. Урбан считал, что причина возникшей оппозиции — его нежелание переезжать во Францию.

Редко выпадает такая прекрасная возможность сделать нечто достойное и славное, какая представилась Урбану VI. Он имел возможность положить конец волнениям в церкви, сохраняя древнюю резиденцию папства и восстанавливая его достоинство, пострадавшее от долгого изгнания. Но Урбан оказался неспособным на это и потерпел неудачу. Он нарушал все законы благоразумия и такта. Казалось, избрание вскружило ему голову. Он оскорблял своих кардиналов, а в результате они перестали его поддерживать. Он мог приобрести поддержку, назначив новых членов коллегии, но даже к этой мере он прибег, только когда уже было слишком поздно. Французский король действительно хотел, чтобы папство вернулось на французскую землю и находилось под контролем французских кардиналов. Но достаточно сметливый папа мог бы одолеть короля, а Урбану VI недоставало этого качества, и священная коллегия,

²⁵² Erler ed., p. 16.

недовольная его оскорблениями, стала смотреть на него как на узурпатора престола святого Петра.

Забываясь о праведном образе жизни, Урбан пользовался любой возможностью, чтобы в публичном выступлении упрекнуть кардиналов в обмирщенности и в том, что они живут далеко от своих епархий. Он запретил им получать назначение более чем из одних рук и принимать подарки от князей. Когда они потребовали вернуть папскую резиденцию в Авиньон, Урбан резко ответил им, что Рим и папство неразделимы и он не станет их разделять. Папство принадлежит не Франции, но всему миру, поэтому и в священную коллегия он будет назначать представителей всех народов.

Недовольные нападками на привычки, предпочтения и национальные симпатии, французские кардиналы, оправдывая свое поведение жарой, один за другим переехали в Ананьи, в то время как Урбан разместил свою летнюю резиденцию в Тиволи. Его итальянские коллеги последовали за ним, но потом они тоже присоединились к французам. Ни один другой папа не оставался в столь полном одиночестве. Французские члены курии, сплотившись, потребовали от папы отречения. Итальянцы сначала предложили созвать собор, но потом уступили. Французская партия выпустила 2 августа декларацию, в которой Урбан объявлялся отступником, а его избрание — недействительным из-за давления, которое оказывалось на кардиналов²⁵³. Там утверждалось, что кардиналы в момент избрания были до смерти запуганы римлянами. И если папа не отречется, они объявят ему анафему. Урбан ответил на это документом, который именуется *Factum*, и настаивал на действительности своего избрания. Удалившись в Фонди, на неаполитанской территории, французские кардиналы провели 20 сентября 1378 г. новые выборы и избрали, из самих себя, Роберта Женеvesкого, сына Амадея, графа Женеvesкого. Он был одним из тех, кто за четыре месяца до того указал на Тебальдески римской толпе. Три итальянских кардинала, предпочитавшие уклониться от обсуждения, не возражали. Говорят, что Урбан выслушал новость со слезами и пожалел о своем бестактном и своевольном поведении. Возможно, он вспомнил о судьбе его соотечественника-неаполитанца Петра из Мурроне, который за сто лет до того утратил папский венец из-за недостатка мирской мудрости. Желая укрепиться на папском престоле, Урбан назначил 29 кардиналов, но было слишком поздно. Уже начался раскол, которого боялся Григорий XI и который можно было бы предотвратить, если бы папский престол занимал более мудрый человек.

Роберт Женеvesкий, которому в момент избрания было 36 лет, получил папский престол, когда его руки еще багровели кровью после бойни в Чезене. Он обладал репутацией политика и сторонника жизни на широкую ногу. Он был посвящен 31 октября под именем Климента VII. Можно было предвидеть, что он попытается перенести папский престол обратно в Авиньон. Сначала он решил низвергнуть Урбана на его собственной территории, но это не получилось. Рим сопротивлялся, и Роберт потерял замок Св. Ангела, находившийся в руках его сторонников, — хотя и после того, как добротные стены замка были разрушены настолько, что впоследствии через них могли перепрыгнуть козы. Он обеспечил себе поддержку Иоанны и Людовика Анжуйского, которого она избрала наследником своего королевства, но война, разразившаяся между Урбаном и Неаполем, была выиграна Урбаном. Герцог Анжуйский был низложен, его преемником был

²⁵³ Документ приводится в Hefele, VI. 730-734.

назначен Карл Дураццо, из королевского дома Венгрии. Сама Иоанна попала в руки Карла и была казнена (1382) по обвинению в убийстве своего первого мужа. Герцог Брюнсвика был ее четвертым избранником. Климент VII даровал герцогу Анжуйскому часть Папской области и звучный, но бессмысленный титул герцога Адрии. Урбан за коронацию Карла (1381) получил в награду господство над Каприей, Амальфи, Фонди и другими местностями, которые он отдал своему беспринципному и недостойному племяннику Франческо Приньяно. Воюя с Неаполем, папа свободно распоряжался казной римских церквей.

Дело Климента в Италии было проиграно. Ему оставалось только уповать на поддерживавшего его Карла V. Он вернулся во Францию морем, через Марсель.

Раскол состоялся. В Западной Европе оказалось два папы, единогласно избранных одной и той же коллегией кардиналов, и каждый из пап претендовал на всю полноту власти понтифика христианского мира. Каждый из пап призвал на голову другого жесточайшие небесные кары. Народы Европы и ее университеты разделились в том, что касается верности или, как это называлось, «повиновения». Парижский университет, сначала нейтральный, высказался за Роберта Женеvesкого²⁵⁴. За него же высказались Савойя, королевства Испании, Шотландии и часть Германии. Англия, Швеция и большая часть Италии поддержала Урбана. Немецкий император Карл IV собирался выступить на стороне Урбана, но умер 29 ноября 1378 г. Урбан также пользовался решительной поддержкой Екатерины Сиенской. Узнав о выборах, состоявшихся в Фонди, она писала Урбану: «Я слышала, что эти бесы в человеческом облике провели выборы. Они избрали не наместника Христа, но антихриста. Дорогой отец, я никогда не перестану считать вас истинным наместником Христа на земле».

Папский раскол, который Пастор называет «величайшим несчастьем для церкви, какое только можно было вообразить»²⁵⁵, вызвал полные негодования протесты лучших людей того времени. Западный христианский мир никогда не знал такого скандала. Бешовный хитон Христа оказался разорванным надвое, и уже нельзя было ссылаться на слова Соломона: «Единственная — она, голубица моя»²⁵⁶. Стали подвергаться сомнению сами притязания папства на свое божественное происхождение. Публицисты, подобно Виклифу, требовали от папы вернуться к апостольской простоте в таких резких выражениях, какие никто раньше не осмеливался использовать. Во многих епархиях было по два епископа, в аббатствах — по два аббата, в приходах — по два священника. Содержание двух пап было великим финансовым бременем, и оба папских двора прибавляли к старым поборам новые, желая обеспечить себя источниками дохода. Агенты Климента VII были повсюду, вербуя ему сторонников, а народы, пользуясь этой ситуацией, укрепляли свое положение в ущерб папской власти.

Ниже приводится список пап римской и авиньонской линий, а также пизанской линии, законность которой сейчас в римском сообществе никто не защищает.

²⁵⁴ Полные документальные свидетельства приведены в *Chartularium*, III. 561-575. Валуа очень подробно рассказывает о приверженцах двух пап, особенно в т. II. Даже в Швеции и Ирландии у Климента было какое-то число сторонников, но Англия, отчасти из-за войн с Францией, была безраздельно предана Урбану.

²⁵⁵ Pastor (p. 143 sqq.) цитирует немецкое стихотворение, в котором живо говорится о связанных с расколом проблемах, и сам же Пастор заявляет, что из всего, что было, этот раскол как нельзя лучше подстегнул к выходу из-под папской власти в XVI веке.

²⁵⁶ Адам из Уска (p. 218) и другие авторы.

Римская линия

Урбан VI (1378 — 1389)
 Бонифаций IX (1389 — 1404)
 Иннокентий VII (1404 — 1406)
 Григорий XII (1406 — 1415),
*смещен в Пизе (1409), отрекся
 в Констанце (1415), умер в 1417 г.*

Авиньонская линия

Климент VII (1378 — 1394)
 Бенедикт XIII (1394 — 1409),
*смещен в Пизе (1409)
 и в Констанце (1417), умер в 1424 г.*

Пизанская линия

Александр V (1409 — 1410)
 Иоанн XXIII (1410 — 1415)
 Мартин V (1417 — 1431),
признается всей Латинской церковью

Вопрос о законности понтификата Урбана VI до сих пор вызывает оживленные споры. Так как ни один папа или собор не принимал на сей счет решения, католические ученые могут обсуждать его без ограничений. Французские авторы склонны оставлять вопрос открытым. Так поступали Боссюэ, Манси, Мартен и современные французские авторы. Валуа с колебаниями, Салембье — решительно выступают за Урбана. Историки, не симпатизирующие Франции, единодушно высказываются в поддержку римской линии — как Гефеле, Функ, Гергенротер-Кирш, Денифле и Пастор. Формальное признание Урбана всеми кардиналами и официальное объявление о его избрании князьям представляется несомненным доводом в пользу законности его избрания. С другой стороны, *declaratio* кардиналов, составленная почти через четыре месяца после избрания Урбана, гласит, что во время голосования кардиналы были запуганы и боялись за свою жизнь. Согласно же каноническому праву, от принуждения избрание делается недействительным — например, принуждение сделало недействительными уступки Пасхалия II Генриху V. Кардиналы утверждают, что намеревались избрать одного из своего числа, но смута была так велика и так угрожала им, что они поспешно избрали Приньяно, чтобы обезопасить себя. Они заявляют, что народ даже кричал: «Давайте уьем их!» (*Moriantur!*). Они были в панике. Когда волнения затихли, кардиналы сели обедать, а после обеда, по их словам, собирались приступить к переизбранию, но вновь поднялись угрожающие беспорядки. Двери помещения, где они заседали, были взломаны, и им пришлось бежать для спасения своей жизни. К этим свидетельствам позже прибавились показания и других кардиналов.

Если бы Приньяно снизошел до уступок французской партии, нет причин полагать, что кто-либо когда-либо вообще поставил бы под сомнение действительность его избрания. Похоже, что до избрания Урбана кардиналов никто не запугивал, они действовали свободно, а уже после голосования почувствовали, что их жизнь находится под угрозой²⁵⁷. И если бы кардиналы голосовали повторно, то, как говорит Валуа, они снова вполне могли бы избрать Урбана. Постоянное сообщение между Карлом V и французской партией в Ананьи показывает, что он активно участвовал в последовавших событиях и сыграл роль в созыве конклава, на котором был избран Роберт Женевский²⁵⁸.

²⁵⁷ Так полагает Pastor, I. 119.

²⁵⁸ Valois (I. 144) много говорит о роли Карла в подготовке раскола и объявляет его ответственным за то, что Франция отвергла Урбана VI. Гергенротер очень хорошо отзываясь о римской линии и весьма дурно — об авиньонской. Климента он называет человеком с безразмерной совестью, а Бенедикта XIII, его преемника, — всегда готовым на словах к величайшей жертве и весьма далеким от нее, когда доходит до дела.

Но, с другой стороны, те же самые кардиналы, которые избрали Урбана, сместили его и, действуя в полном соответствии с закрепленными за ними правами, единогласно избрали его преемником Роберта. Вопрос о праве священной коллегии так поступать остается открытым. Действительно, коллегия однажды приняла отречение Целестина V и избрала ему преемника, когда этот папа был еще жив, — но в том случае папский престол оказался свободным по воле самого папы.

§14. Дальнейшее развитие раскола. 1378 — 1409

Территория Неаполя оставалась главным театром конфликта между папами-соперниками, и Людовик Анжуйский, которого поддерживал Климент VII, продолжал претендовать на трон. В 1383 г. Урбан тайно покинул Рим и отправился в Неаполь, но там его практически держали в заточении, пока он не выполнил требований Карла Дураццо. Потом он вернулся в Ночеру, принадлежавшую его племяннику. Меры, принятые кардиналами в Ананьи, ничему его не научили. Его нездоровая суровость и своеволие сохранились, а в результате он рисковал потерять папский венец. Шесть его кардиналов вступили в заговор против него, желая сместить его или, по меньшей мере, подчинить курии. Заговор был разоблачен, и Урбан объявил интердикт Неаполю, король которого предположительно принимал в нем участие. Кардиналы-преступники были заперты в склепе, а затем подвергнуты пыткам²⁵⁹. Вынужденный покинуть город и укрыться в крепости, неотступный понтифик, как сообщают, по три или четыре раза в день подходил к окну и, при зажженных свечах и звоне колоколов, торжественно объявлял об отлучении осаждавших его войск от церкви. Урбану позволили покинуть крепость. Он проехал через страну со своим двором, достиг Трани и сел на генуэзский корабль, который доставил его в Геную (1386). По пути команда угрожала отвезти его в Авиньон, и неудачливому понтифику пришлось подкупать ее. Попадал ли какой-нибудь правитель в более затруднительное положение, чем Урбан, плывший через Средиземное море?! Пятеро кардиналов, закованных в цепи, нашли свой печальный конец. Адам Астон, английский кардинал, был отпущен Урбаном по просьбе английского короля, но по отношению к остальным предполагаемым заговорщикам папа повел себя с беспощадностью тирана. Летописец из Нигейма, находившийся с папой в Неаполе и Ночере, заявляет, что сердце его было тверже гранита. О смерти прелатов распространялись разные слухи. Одни говорили, что их бросили в море, другие — что им отрубили головы топором. Говорили также, что их тела были покрыты известью, сожжены и зарыты на конюшне.

Тем временем два прелата, получивших от Урбана кардинальское звание, оба итальянцы, перебежали к Клименту VII и были милостиво им приняты.

Покинув Геную, Урбан отправился по дороге из Лукки в Перуджу, после чего с новой армией выступил в Неаполь. Карл Дураццо был приглашен на венгерский трон, но в 1386 г. убит. Карла сменил его молодой сын Владислав (1386 — 1414), но его права оспаривал наследник Людовика Анжуйского (ум. в 1384). Понтифик дошел только до Ферентино, после чего повернул обратно и в карете приехал в Рим, где вновь вступил в Ватикан, за несколько месяцев до смерти, 15 октября 1389 г.

²⁵⁹ Нигейм, р. 91. См. также pp. 103 sq. и 110 о дальнейшей судьбе кардиналов и поведении папы, жестокость которого была достойна фараоновой.

Бартоломео Приньяно разочаровал всех. Его худшим врагом был он сам. Этот человек был начисто лишен здравомыслия и умения мириться. Но, к его чести, надо сказать, что он, по утверждению Нигейма, никогда не торговал церковными должностями. Однако какими бы ни были его заслуги до принятия тиары, как папа, он во всем показал себя несостоятельным и непригодным к исполнению обязанностей понтифика.

Климент VII, который прибыл в Авиньон в июне 1379 г., снисходил до поклонения королям Франции Карлу V (ум. в 1380) и Карлу VI. Он был дипломатичен и гибок там, где его соперник был аполитичен и непримирим. Он умел куртуазно принимать гостей за своим столом²⁶⁰. Его высоко чтит выдающийся проповедник Винсент Феррер. Среди новых кардиналов, назначенных Климентом, был молодой князь Люксембурга, славившийся своей святостью. Говорят, после смерти этого князя (1387) на его могиле совершались чудеса — и это обстоятельство свидетельствовало о законности притязаний авиньонского папы.

Посольство, отправленное Климентом в Богемию, казалось, могло добиться поддержки папства богемским королем Венцеславом, но ничего не получилось²⁶¹. Национальная гордость французов была главной опорой Климента, и он вынужден был поддерживать короля ценой унижения, выполняя королевские требования в том, что касается распределения церковных должностей и налогов на церковное имущество. Для борьбы с расколом Климент предложил созвать общий собор и обещал, что если собор выскажется в его пользу, он сделает Урбана главным кардиналом. Скончался этот первый папа-раскольник внезапно, от апоплексического удара, 16 сентября 1394 г., пережив Урбана VI на пять лет.

Бонифаций IX, преемник Урбана VI, был, как и он, неаполитанцем, и в момент избрания ему было всего тридцать пять лет. Он был представительным и разбирался в искусстве правления, но ему не доставало образования. Он не умел даже писать и едва справлялся с отправлением богослужений²⁶². При нем Неаполитанское королевство подчинилось Риму. Он также обеспечил полное подчинение себе города Рима, и документ, в котором город уступал ему свои республиканские свободы, на протяжении веков оставался основанием отношений между муниципалитетом и апостольским престолом²⁶³. Болонья, Перуджа, Витербо и другие города Италии, признавшие Климента, подчинились ему, так что перед его смертью весь полуостров повиновался ему, кроме Генуи, которую отобрал Карл VI. Люди снова начали обращать свои взоры к Риму.

В 1390 г. назначенный Урбаном VI «святой год» привлек в Рим потоки паломников из Германии, Венгрии, Богемии, Польши, Англии и других стран, равно как и следующий «святой год» (1400), знаменовавший завершение одного и начало другого столетия. Риму эти праздники были выгодны, как и Бонифацию, агенты которого возвращались из всех районов христианского мира с крупными суммами, вырученными при продаже разрешений и индульгенций. Бонифаций прославился своей жадностью и свободной торговлей церковными уступками²⁶⁴.

²⁶⁰ Nieheim, p. 124.

²⁶¹ Valois, II. 282, 299 sqq.

²⁶² *Nesciens scribere etiam male cantabat* (Nieheim, p. 130).

²⁶³ Gregorovius, VI. 647 sqq.; Valois, II. 162, 166 sqq.

²⁶⁴ *Erat insatiabilis vorago et in avaricia nullus similis ei* (Nieheim, p. 119). Нигейм, конечно же, был явно пристрастен в оценках, поскольку не получил должности при Бонифации, но и другие современники говорят то же самое. Адам из Уска (р. 269) пишет, что «Бонифаций, безостановочно объедавшийся симонией, так и не насытился ею до самой смерти».

Он был также знаменит своим непотизмом, обогатил своих братьев Андреа и Джованни и других родственников, дав им должности и богатства. Но римляне легко могли простить эти преступления, принимая в расчет растущее уважение Европы к римской линии понтификов и ослабление авиньонской линии.

Рост влияния Владислава обеспечил избрание еще одного неаполитанца, кардинала Козимо дей Мильорати, который принял имя Иннокентия VII. Ему тоже было только тридцать пять лет в момент избрания на папский престол. Он был знатоком обоих видов права и знал делопроизводство. Члены конклава, приступая к выборам, подписали документ, который обязывал каждого из них, если он станет папой, сделать все возможное, чтобы положить конец расколу. Английский летописец Адам из Уска, который присутствовал на интронизации, завершает живое описание церемонии²⁶⁵ жалобой на опустошение столицы римлян. «Следует пожалеть Рим! — восклицает он. — Ибо некогда Рим полон был князей и их дворцов, а теперь это место трущоб, разбойников, волков, червей и свалок. Его разоряют его собственные жители, которые рвут друг друга на части. Некогда его империя покоряла мир своим мечом, а теперь его священники развлекают город своим фиглярством. О его жителях написано: “Римлянин всех кусает, а кого не может укусить, ненавидит. Он откликается на зов богатого, а перед бедным закрывает ворота”».

Следуя примеру двух своих предшественников, Иннокентий отлучил от церкви авиньонского папу и его кардиналов, поместив их в один список с еретиками, пиратами и разбойниками. В отместку за хладнокровную резню, учиненную его племянником, который убил одиннадцать высокопоставленных лиц города и выбросил их тела в окно, Иннокентия изгнали из Рима, и он с великими трудностями достиг Витербо. Но римляне уже вскоре поняли, что правление Иннокентия лучше, чем правление Владислава, короля Неаполя и папского защитника, так что папу призвали обратно, а вместе с дядей в Ватикан торжественно вступил и его племянник, чьи руки были обгажены кровью.

Последним папой из римской линии был Григорий XII. Анджело Коррер, кардинал собора Св. Марка в Венеции, избранный в 1406 г., уступал в плане упорства и способностей последнему из авиньонских пап, избранному в 1394 г., который больше известен нам как Петр де Луна из Арагона — один из кардиналов, участвовавших в бунте против Урбана VI и в избрании Климента VII в Фонди.

При этих двух понтификах спор в связи с расколом стал еще более острым, а скандал — еще более нестерпимым. Народы Западной Европы были утомлены и страдали от открытой и позорной торговли бенефициями и другими церковными привилегиями, от проклятий одного папы в адрес другого, от раскола епархий и приходов между соперниками, на них претендующими. Парижский университет сыграл здесь ведущую роль, призывая принять меры, и в конце концов ситуация вообще перестала зависеть от пап. На первый план вышли кардиналы. Невзирая на отсутствие канонических прецедентов, они приняли курс, который в итоге привел к воссоединению церкви под одним главой.

До избрания Григория римские кардиналы, числом четырнадцать, снова договорились, что избранный должен принять любые меры для прекращения рас-

²⁶⁵ *Chronicle*, p. 262 sqq. Это один из наиболее полных и интересных рассказов об интронизации пап в средние века. Адам описывает конклав и коронацию и упоминает, как на пути из собора Св. Петра в Латеранский дворец Иннокентий намеренно отвернулся от церкви Св. Климента, рядом с которой стоял бюст папессы Иоанны и ее сына.

кола — вплоть до отречения, если это будет необходимо. Григорию в тот момент было восемьдесят. Основным соображением при его выборе было то, что в таком возрасте люди уже не амбициозны и старик будет более готов отречься ради блага церкви, нежели мужчина в расцвете сил.

Петр де Луна, одна из самых сильных личностей, когда-либо претендовавших на сан папы, обладал духом и способностями Гильдебранда и его тезки Григория IX. Но ему не повезло в том, что он был избран в авиньонской, а не в римской линии понтификов. Если бы он был представителем римской линии, то, вероятно, он отличился бы как один из величайших понтификов. Его национальность также была не в его пользу. Французы не особо стремились поддерживать испанца, и после смерти Климента отношения между французским королем и авиньонским папой тут же утратили сердечность. Петр был проницательным наблюдателем, энергичным и деятельным. Он сознавал достоинство своей должности и ни на дюйм не уступал в плане папских прав. Он удерживал свое место в период правления трех римских понтификов, пережил два реформаторских собора, в Пизе и в Констанце, умер только в начале XV века и до самой смерти претендовал на оказание папских почестей. До избрания он также заключил торжественное соглашение со своими кардиналами, обещая принять все меры для прекращения нечестивого раскола, даже если для этого придется отречься.

Оба папы двигались в верном направлении. Они были такими, каких можно было желать, и им оставалось только отречься — одному из них или обоим, чтобы уступить место новому кандидату. Тогда проблема легко решилась бы и последующие поколения могли бы канонизировать обоих этих понтификов за столь жертвенное самоотречение. Но потребовалось десять лет, чтобы склонить к подобному решению Григория, — и он лишился почти всей своей власти. Что касается Петра де Луна, то он так и не сдался.

Без сомнения, ко времени избрания Григория XII папство переживало один из самых тяжелых кризисов в своей истории. Некоторые, как Лангенштейн, вице-канцлер Парижского университета, говорили, что, возможно, Богу угодно, чтобы существовало два папы — подобно тому как царство Давида разделилось под властью двух правителей²⁶⁶. Но были и люди, открыто заявлявшие, что неважно, сколько пап — два, три, десять, двенадцать или по одному на каждый народ²⁶⁷.

Сначала Григорий был последователен: он заявил, что если необходимо ради благого дела, для единства христианского мира, он готов путешествовать по суше или по морю с посохом паломника или в рыбацкой лодке, чтобы достичь соглашения с Бенедиктом. Он писал своему сопернику на Роне, что, как женщина, которая готова была отказаться от своего ребенка, чтобы не дать расцечь его, так и каждый из них должен быть готов уступить свою власть, чтобы не быть ответственным за продолжение раскола. Он положил руку на Новый Завет и процитировал слова: «Кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится». Он обещал отречься, если Бенедикт сделает то же самое, чтобы кардиналы обеих ветвей могли вместе приступить к новым выборам. Кроме того, он обещал не увеличивать число кардиналов, разве только чтобы их количество было равно количеству авиньонских.

²⁶⁶ Du Pin, II. 821.

²⁶⁷ Письмо от Парижского университета к Клименту VII от 17 июля 1394, *Chartul.* III. 633: *nihil omnino curandum quot papae sint, et non modo duos aut tres, sed decem aut duodecim immo et singulis regnis singulos prefici posse, etc.*

Ответ Бенедикта был умным и не менее демонстративным. Он также жаловался на раскол, который объявлял отвратительным, пагубным и вредным²⁶⁸, но мягко отверг откровенное предложение Григория, считая более предпочтительным другой способ решения проблемы, путь обсуждения (*via discussionis*): кардиналы обеих линий должны собраться, обсудить вопрос и посмотреть, что может быть сделано, и тогда, если будет необходимо, один или оба папы отрекутся. Оба папы в своих посланиях называли себя «рабами рабов Божьих». Григорий обращался к Бенедикту как к «Петру де Луна, которого иные люди в силу этого злосчастливого (*miserabili*) раскола называют Бенедиктом XIII»; Бенедикт же называл папу с Тибра «Ангелом Коррером, которого иные в силу этого пагубного (*pernicioso*) раскола называют Григорием XII». «Мы оба немолоды, — писал Бенедикт. — Время течет быстро; поспеши, и не медли с этим благим делом. Мы оба должны встать на путь спасения и мира».

Всё было прекрасно, но уже скоро все поняли, что оба папы, выражавшие такую готовность отречься и такую веру, хотя бы просто воспользоваться ситуацией с выгодой для себя, когда придет время избрания нового понтифика для управления воссоединенной церковью.

Уже в 1381 г. Парижский университет обратился к королю Франции с призывом настоять на созыве общего собора в целях завершения раскола. Однако герцог Анжуйский велел посадить в тюрьму гонца университета, Жана Ронса, а университету велели более не высказываться на тему воссоединения.

До этого обращения два человека уже предлагали то же самое: Конрад Гельнхаузен и Генрих Лангенштейн, известный также как Генрих Гессенский. Конрад, писавший в 1380 г.²⁶⁹ и своими взглядами непосредственно подводивший к теории о высшей власти соборов²⁷⁰, утверждал, что у церкви есть два главы и Христос никогда не покидает ее, даже если глава на земле умирает или заблуждается. Церковь — это не папа и кардиналы, а сообщество верующих, и это тело получает свою внутреннюю жизнь непосредственно от Христа, то есть нерушимо. Так он ответил тем, кто заявлял, будто в отсутствие папы не может быть никакого собора, и даже если соберутся вместе все прелаты, это будет лишь сборище сектантов.

Генрих Лангенштейн в 1381 г. гораздо выразительнее оправдывал созыв собора без участия папы²⁷¹. Учреждение папства Христом, говорил он, не означает, что участие папы всегда необходимо, даже если дело касается принятия или утверждения законов. Церковь могла учредить папство, даже если бы этого не сделал Христос. И если кардиналы выберут понтифика, не угодного церкви, то церковь может отменить этот выбор. Правомочность собора не зависит от созыва его папой или от папской ратификации. Собор могут созвать и светские князья. Общий собор, как представительство всей церкви, выше кардиналов и выше самого папы. Такой собор не может заблуждаться, а кардиналы и папа — могут.

Позиция Лангенштейна, вице-канцлера Парижского университета, отражает настроения, царившие в этом учебном заведении. Позже их поддерживал Жан

²⁶⁸ *Haec execranda et detestanda, diraque divisio*. Nieheim (pp. 209-213) полностью приводит оба письма.

²⁶⁹ Тракта́т Гельнхау́зена *De congregando concilio in tempore schismatis* см. в Martène-Durand, *Thesaurus nov. anecd.*, II. 1200-1226.

²⁷⁰ Так полагает Pastor, I. 186. См. также Schwab, *Gerson*, p. 124 sqq.

²⁷¹ *Consilium pacis de unione et reformatione ecclesiae in concilio universali quaerenda* (Van der Hardt, II. 3-60, и Du Pin, *Opp. Gerson*, II. 810 sqq.).

Жерсон, один из самых влиятельных людей того века и один из самых достойных на протяжении всех веков. Среди сторонников противоположного взгляда был английский доминиканец и исповедник Бенедикта XIII Джон Хэйтон. Он называл Парижский университет «дочерью сатаны, матерью заблуждения, сеятелем бунта и хулителем папы» и объявлял, что папа не отвечает перед человеческим судом, а только перед Богом и собственной совестью.

В 1394 г. Парижский университет предложил три метода борьбы с расколом²⁷², ставшие платформой для дальнейшего обсуждения вопроса, а именно: *via cessionis*, то есть отречение обоих пап, *via compromissi*, то есть обсуждение комиссией прав их обоих, и *via synodi*, то есть созыв общего собора, который уладит вопрос. Ни одна из инициатив этого знаменитого учебного заведения не прославилась так широко, как данное предложение, наряду с проведенной им деятельностью в целях прекращения раскола. Факультеты предпочитали первый метод — отречение обоих пап, которое они считали простейшим средством. Было предложено, чтобы новые выборы после отречения обоих пап проводились кардиналами, которые занимали этот пост на момент смерти Григория XI (1378) и еще живы, или же совместно кардиналами обеих коллегий.

Последний метод, созыв собора, который университет считал самым сложным, обосновывался его богословами на том основании, что папа подчиняется церкви, подобно тому как Христос слушался Свою мать и Иосифа. Авторитет такого собора состоит в том, что он опирается на слова Христа: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». Его участниками должны быть знатоки богословия и закона из древних университетов и представители орденов, а также епископы, многие из которых необразованны (*illiterati*)²⁷³.

Климент VII выразил недовольство университетом, запретив ему впредь вмешиваться в решение проблемы и осудив кардиналов, которые без его позволения собрались и стали советовать ему воспользоваться одним из трех способов. После смерти Климента король Франции призвал авиньонскую коллегию подождать с выбором преемника, но кардиналы, догадываясь о содержании послания, предусмотрительно не открывали его, пока не избрали Бенедикта XIII. Бенедикт сразу же выразил горячее желание покончить с расколом и разработал план, намереваясь встретиться с Бонифацием IX и заключить с ним соглашение. Но эти миролюбивые предложения были отложены с прибытием послов от короля, которые увещевали обоих понтификов отречься, и все авиньонские кардиналы, кроме двух, высказались за это средство. Но Бенедикт заявил, что такое развитие событий предполагает принуждение и выпустил буллу против него.

Две партии продолжили выражать сильное беспокойство, желая прекращения раскола, но ни одна не хотела уступать. Бенедикт заручился поддержкой Тулузского университета и укрепил свои позиции, сделав епископом Пьера Д'Альи, канцлера Парижского университета. Знаменитый инквизитор Николай Эймерик, также один из кардиналов Бенедикта, был решительным защитником его притязаний на папскую власть. Ситуацию осложнили колебания Карла VI (1380 — 1412), человека слабого, дважды пораженного безумием, брата и дядя которого поделили королевство между собой. Французские соборы попытались решить, какой путь выбрать народу, и третий собор, собравшийся в Париже (1398), на котором присутствовало 11 архиепископов и 60 епископов, единодуш-

²⁷² Chartul., III, p. 608 sqq.

²⁷³ Chartul., I. 620.

но поддерживавших ранее авиньонского папу, принял решение о так называемом отказе в повиновении Бенедикту. Несмотря на эти неудачи, Бенедикт оставался верен себе. Его покинули его кардиналы, он был осажден в своем дворце французскими войсками и ранен. Его одиночество тронуло сердца французов. В них проснулась совесть, и решение об отказе от повиновения папе было аннулировано национальным парламентом 1403 г., который вновь поклялся папе в верности и получил от него полное прощение.

Когда в 1406 г. был избран Григорий XII, споры в связи с расколом достигли апогея. Англия, Кастилия и немецкий король Венцеслав решили объединиться с Францией, чтобы положить конец расколу. Всеобщая смута, призывы Парижского университета и особенно чувства, преобладавшие во Франции, показали Григорию и Бенедикту, что ситуация угрожает выйти из-под контроля. Они согласились встретиться в Савоне на берегу Генуэзской бухты, чтобы обсудить свои разногласия. В октябре 1407 г. Бенедикт в сопровождении военной охраны добрался до Порто Венере и Савоны. Григорий проделал путь до Лукки и отказался двигаться дальше под тем предлогом, что Савона занята французами, и по другим причинам. Нигейм представляет римского понтифика как притворявшегося в течение всего хода дела и полностью подпавшего под влияние своих племянников и других фаворитов, которые пользовались слабостью старика и могли жить в роскоши благодаря его подаркам. В Лукке они предавались танцам и веселью. Автор говорит далее, что Григорий всячески препятствовал воссоединению²⁷⁴. Другой автор утверждает, что Григорий потратил на одни только сладости больше, чем его предшественники — на свой гардероб и стол, и что он, кожа да кости, был похож на тень²⁷⁵.

Партия Бенедикта была ослаблена из-за смерти брата короля, герцога Орлеанского, бывшего его постоянным сторонником. Франция угрожала остаться нейтральной, и Бенедикт, боясь, что его захватит французский командующий в Генуе, отступил в Перпиньян, крепость у подножия Пиренеев, в шести милях (ок. 10 км) от Средиземного моря. В мае того же года Франция вновь решила отказать папе в повиновении, и французская Национальная Ассамблея в 1408 г. одобрила созыв собора. Приближалась последняя стадия спора.

Семь кардиналов Григория порвали с ним и, оставив его в Лукке, отправились в Пизу, где выпустили манифест, заявляя, что разобраться с плохо знающим свое дело папой поможет более хорошо знающий — решить вопрос о наместнике Христа может Сам Христос, и воззвали к решению общего собора. За ними последовали еще двое кардиналов. Григорий только усугубил ситуацию, нарушив свое торжественное обещание и назначив в мае 1408 г. четырех кардиналов, двое из которых были его племянниками. А несколько месяцев спустя он прибавил к коллегии еще десять. Кардиналы Авиньона присоединились к римским кардиналам в Пизе. Их количество достигло тринадцати. Удалившись в Ливорно, на берег красивого итальянского озера с тем же названием, и действуя так, будто папы уже смещены, они, как руководители церкви, созвали общий собор в Пизе 25 марта 1409 г.

В противовес им Григорий созвал свой собственный собор, который должен был собраться в Равенне или Аквилее. Многие из ближайших последователей оставили его, и даже его родной город, Венеция, лишил его своей поддержки.

²⁷⁴ Nieheim, pp. 237, 242, 274, etc. (*manifeste impedire modis omnibus conabantur*).

²⁷⁵ Vita, Muratori, III, II, 838 (*solum spiritus cum ossibus et pelle*).

Тем временем Владислав вошел в Рим и остался там как король. Однако, возможно, это произошло с согласия самого Григория, который надеялся таким образом привлечь к себе симпатии. Бенедикт также воспользовался своей властью верховного понтифика и созвал собор в Перпиньяне 1 ноября 1408 г.

И теперь, когда была предпринята столь смелая инициатива, это слово, «собор», твердо обещало привести к воссоединению церкви и устранить разброд и путаницу, в которые был ввергнут западный христианский мир.

§15. Собор в Пизе

Три собора — в Пизе (1409), Констанце (1414) и Базеле (1431), — созданные в условиях раскола, известны в истории как реформаторские соборы. Они ставили перед собой две задачи: прекратить раскол и провести дисциплинарную реформу в церкви. Первую задачу они осуществили, а в осуществлении второй задачи добились незначительных успехов. Они продемонстрировали верховную власть общецерковных соборов в делах христианского мира и самим своим существованием утвердили теорию консилиаризма — превосходства католических соборов над властью папы.

Пизанский собор знаменует начало новой эпохи в истории западного христианского мира не столько потому, что он чего-либо добился, сколько потому, что на нем впервые выступили против теории папского абсолютизма, который господствовал веками. Собор следовал идеям Жерсона и Лангенштейна, а именно, что церковь остается церковью и без присутствия папы и что общий собор правомочен не только в случае отсутствия папы, но и в случае его протеста. Это собрание интеллектуальной элиты Латинского мира и большей части его представителей направилось в сторону, противоположную той, в которую устремлялись Гильдебранд, Иннокентий III и их преемники. Собор нанес мощный удар по старой системе управления церковью.

Пока Григорий XII оставался в Римини, находя убежище под покровительством Карла Малатесты, а Бенедикт XIII пребывал в затворничестве в Перпиньяне, в Пизанском соборе в назначенный день собрался синод. Там присутствовало 14 кардиналов (впечатляющее количество, которое позже увеличилось до 24), 4 патриарха, 10 архиепископов, 79 епископов и представители еще 116 епископов, 128 аббатов и приоров и представители еще 200 аббатов. Помимо этих прелатов, в соборе участвовали генералы доминиканского, францисканского, кармелитского и августинского орденов, гроссмейстер госпитальеров, которого сопровождали 6 командоров, генерал тевтонского ордена, 300 докторов богословия и канонического права, 109 представителей кафедральных и коллегиальных капитулов и посланники от многих князей, в том числе короля римлян Венцеслава, королей Англии, Франции, Польши и Кипра. Новой и важной особенностью было присутствие представителей от университетов, в том числе Парижа²⁷⁶, Болоньи, Оксфорда и Кембриджа, Монпелье, Тулузы, Анжера, Вены, Кракова, Праги и Кельна. Среди выдающихся личностей был Пьер д'Альи, хотя в актах собора нет свидетельств, что он сыграл на нем важную роль. Жана Жерсона на соборе, похоже, не было.

На второй день миланский архиепископ Филарга (который скоро будет избран папой) произнес проповедь по Суд. 20:7: «Вот все вы, сыны Израилевы,

²⁷⁶ Schwab, p. 223 sq. Обращение Жерсона, которое Манси включает в акты собора, представляет собой риторическое произведение и никогда не произносилось в Пизе (Schwab, p. 243).

рассмотрите это дело и решите здесь...» — и изложил причины, по которым был созван собор. Ги де Мальесек, единственный кардинал, оставшийся в живых с периода, предшествовавшего расколу, председательствовал на первых заседаниях. Потом его сменил патриарх Александрии, пока не был избран новый папа.

Одно из первых выступлений было посвящено торжественному провозглашению веры в Святую Троицу и католической веры, а также того, что все еретики и раскольники вместе с дьяволом и его ангелами попадут в вечный огонь, если до конца этой жизни не вернуться в ряды католической церкви²⁷⁷.

Самым важным вопросом собора было прекращение раскола — *causa unionis*, как его называли, и первым делом были смещены папы-соперники. Было проведено формальное слушание, которое открыли два кардинала и два архиепископа, подошедшие к двери собора, торжественно назвавшие Григория и Бенедикта по имени и призвавшие их предстать перед собором и держать ответ. Эта формальность была повторена трижды, три дня подряд, и папам дали срок до 15 апреля, чтобы явиться на собор.

Затем синод рядом заявлений подтвердил свое право на существование, а на восьмом заседании провозгласил себя «вселенским собором, представляющим всю Католическую церковь, законно и разумно созданную вместе»²⁷⁸. Он следовал пути, намеченному Д'Альи, Жерсоном и другими авторами, которые объявили, что единство церкви состоит в ее единстве с ее Божественным Главой и что церковь силой своей собственной власти имеет право созывать собор в ответ на Божий призыв. Древняя церковь созывала соборы, и в Иерусалиме председательствовал Иаков, а не Петр.

Д'Альи, определенно заявивший о своих взглядах на синоде, собравшемся в Эксе 1 января 1409 г., сказал, что единство церкви зависит от единства ее главы, Христа. Мистическое тело Христа получает от своего Божественного Главы право созывать общецерковный собор через своих представителей, ибо написано: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». Там Христос говорит не «во имя Петра» и не «во имя Павла», а «во имя Свое». То есть, если верующие собираются ради благополучия церкви, Христос находится посреди них.

Жерсон написал свой самый знаменитый трактат о расколе и о праве церкви смещать папу (*De auferibilitate papae ab ecclesia*) в то время, когда заседал Пизанский собор²⁷⁹. В этом подробном труде он говорит, что, в строгом понимании, Христос — единственный Жених церкви. Брак между папой и церковью может быть расторгнут, ибо этот духовный брак — не таинство. Папа может расстаться с церковью и отречься. Церковь также имеет право расстаться с папой, удалив его. Все служители церкви назначаются ради ее благополучия, и, если папа мешает ее благополучию, она может убрать его. Церковь обязана защищать себя. Это может быть сделано посредством общецерковного собора, собравшегося с общего согласия и без желания папы. Такой собор получает свою власть исключительно от Христа. Папа может быть смещен за ересь или раскол. Он может быть смещен даже при отсутствии его личной вины — например, если его захватили в плен сарацины и свидетели сообщили, что он мертв. Тогда должен быть избран другой папа. Но если сообщения о смерти бывшего папы окажутся лож-

²⁷⁷ Mansi, XXVII. 358.

²⁷⁸ Mansi, XXVII. 366.

²⁷⁹ См. Schwab, p. 250 sqq.

ными и он будет освобожден из плена, тогда один или другой папа должен быть смещен, потому что у церкви не может быть больше одного понтифика.

Сразу же после Пасхи на соборе появился Карл Малатеста, чтобы защищать Григория. Комиссия, назначенная кардиналами, представила сорок причин, по которым о согласии между синодом и римским понтификом не могло быть и речи. Григорий должен был либо явиться в Пизу лично и отречься, либо представить свое отречение комиссии, назначенной синодом и посланной в Римини.

На стороне Григория выступал также соперник Венцеслава в борьбе за римскую корону Рупрехт²⁸⁰, который прислал на собор специальное посольство, состоявшее из архиепископа Риги, епископов Вормса и Вердена и других лиц. Они представили двадцать четыре причины, по которым не следует признавать решения собора. Бумага была зачитана епископом Вердена после проповеди на замечательный текст «Мир вам». Самой веской из причин была следующая: если кардиналы сомневаются в законности понтификата Григория, так почему бы им не усомниться и в законности своей собственной власти? (Ведь они были назначены либо Григорием, либо Бенедиктом.)

В документе из тридцати восьми статей, зачитанном 24 апреля, собор выступил против обоих пап, обвиняя их в том, что они обещали отречься и нарушили свои обещания.

На эту тему выступил Петр де Анкорано, профессор обоих видов права из Болоньи, и другие. Петр доказывал, что, продолжая раскол, Григорий и его соперник нарушают закон, а потому требуется созвать собор представителей христианского мира, и за это отвечает коллегия кардиналов. В некоторых случаях кардиналам не остается выбора и они обязаны действовать самостоятельно — например, если папа безумен, впадает в ересь или отказывается созвать собор в момент, когда что-то угрожает ортодоксальному учению. Светские власти имеют право сместить папу, если он не соблюдает закон.

В проповеди на Ос. 1:11 («И соберутся сыны Иудины и Израилевы вместе, и поставят себе одну главу») Петр Плауль, из Парижского университета, твердо заявил, что собор стоит выше папы, и это мнение поддержал его собственный университет, а также университеты Тулузы, Анжера и Орлеана. Ученый канонист Дзабарелла, позже назначенный кардиналом, тоже придерживался этого мнения.

Разбирательство проходило по всем правилам, и, по истечении двух месяцев, 5 июня, было объявлено решение. Оба папы были объявлены «злостными раскольниками, способствовавшими схизме, и злостными еретиками, отошедшими от веры, виновными в злостных и великих преступлениях, в лжесвидетельстве и нарушении клятвы»²⁸¹.

Депутаты, явившиеся из Перпиньяна неделей позже, 14 июня, были освящены собором, когда архиепископ Таррагоны, один из их числа, заявил, что они — «представители почтенного папы Бенедикта XIII». Незадолго до этого Бенедикт проявил неуважение к пизанским отцам, добавив двенадцать членов к своему кабинету. А когда депутаты объявили о своем намерении нанести визит Григо-

²⁸⁰ Электоры в 1400 г. сместили Венцеслава за некомпетентность и выбрали Рупрехта из Палатината.

²⁸¹ *Eorum utrumque fuisse et esse notorios schismaticos et antiqui schimatis nutritores... necnon notorios haereticos et a fide devios, notoriisque criminibus enormibus perjuriis et violentionis voti irretitos*, etc. (Mansi, XXVI. 1147, 1225 sq.). Hefele (VI. 1025 sq.) также приводит решение полностью.

рию и попросили о сопроводительном письме с гарантиями безопасности, то, по сообщениям, Бальтазар Косса (позже Иоанн XXIII), магистр из Болоньи, сказал: «Даже если у них и будет такое письмо, ему все равно захочется сжечь их всех, если он их схватит».

Когда папы-соперники были смещены, собору оставалось выбрать нового папу, и было решено предоставить это право кардиналам, выделив им помещение во дворце Пизанского архиепископа (26 июня). Они выбрали миланского архиепископа Филаргу, который принял имя Александра V. Ему было около семидесяти, он был францисканцем и получил кардинальский сан от Иннокентия VII. Родом он был с Крита и оказался первым греком, носившим тиару, со времен Иоанна VII (705 г.). Он не знал ни своего отца, ни матери, вступил в орден миноритов, будучи нищим, был отправлен в Италию для получения образования, а потом послан в Оксфорд. После избрания папой он, как сообщают, сказал: «Когда я был епископом, я был богат. Когда я был кардиналом, я был беден. И вот сейчас я папа, и снова нищий»²⁸².

Тем временем в Сивидале, возле Аквилеи, проходил собор сторонников Григория. На первом заседании было очень мало участников. Позже появились представители Рупрехта и короля Владислава. Притязания собора не соответствовали его масштабу. Он объявил понтификов римской линии законными правителями христианского мира и назначил нунциев во все королевства. Однако, не забывая о своих былых заявлениях, Григорий вновь пообещал отречься, если его соперники Петр де Луна и Петр из Кандии (Крита) сделают то же самое. Венеция поддержала Александра, и Григорий, вынужденный бежать, переодевшись торговцем, укрылся на одном из кораблей Владислава.

Собор Бенедикта собрался в Перпиньяне за шесть месяцев до того, в ноябре 1408 г. Там присутствовало сто двадцать прелатов, в основном из Испании. Собор закончился 26 марта 1409 г., назначив делегацию из семи человек, которая должна была отправиться в Пизу и вести переговоры о прекращении раскола.

После избрания Александра участники потеряли интерес к собору и стали покидать Пизу, так что кардиналы не смогли сдержать свое обещание — что не распустят собор, пока не примут меры по реформе церкви, «ее главы и членов». Были назначены комиссии для проведения реформ, и Александр 7 августа 1409 г. объявил перерыв в работе, назначив следующий собор на 12 апреля 1412 г.²⁸³

Перед началом работы Пизанского собора было два папы, а после его закрытия их стало три. Шотландия и Испания оставались верны Бенедикту. Неаполь и области Центральной Европы продолжали слушаться Григория. Но большая часть христианского мира была склонна поддерживать Александра. Этому понтифику недоставало сил, необходимых для решения проблемы, да и Парижский университет выступил против него, когда он распространил на нищенствующие ордена право принимать исповедь²⁸⁴. Он умер в Болонье 3 мая 1410 г., так и не вступив в папский город. Распространился слух, что Бальтазар Косса (который станет его преемником) велел его отравить.

²⁸² Nieheim (p. 320 sqq.) рассказывает о юности Александра.

²⁸³ Крейтон слишком сурово относится к Александру и собору в связи с этим прекращением работы без выполнения обещания провести реформы. Hefele (VI. 1042) рассматривает вопрос беспристрастно и показывает, сколь трудно было провести дисциплинарную реформу там, где зло давно уже укоренилось.

²⁸⁴ За свой краткий понтификат Александр распределил безмерное количество церковных даров, и Нигейм метко подмечает, что, когда вода мутная, самое время ловить рыбу.

Как правило, современные католические историки склонны преуменьшать значение пизанского синода, и почти все они считают, что он не был общим. Беллармин, не высказывая окончательного мнения по данному вопросу, считал Александра V законным папой. Жерсон и другие великие современники воспринимали собор как общий — а вместе с ними Боссюэ и другие галликанские историки два века спустя. Современные католические историки рассматривают претензии Григория XII вне какой-либо связи с собором, что само по себе противозаконно и является бунтом против канонического права²⁸⁵.

Но споры о том, был этот собор формально общецерковным или нет, не столь важны, поскольку всеобщим было выраженное на нем мнение, из-за которого этот собор и созвали. Это была отчаянная мера, предпринятая в чрезвычайной ситуации, а вместе с тем и продукт новой, свободной церковной мысли, доброе предзнаменование лучшего века. Пизанский синод показал, что церковь осталась единой, несмотря на присутствие в ней двух понтификов. Собор обличил показушность лозунгов Григория и Петра де Луна. На нем собрались самые выдающиеся мыслители и авторы Европы, которые вели свободное обсуждение. Он сыграл немалую роль в подготовке к тому впечатляющему собору, который состоялся в Констанце пять лет спустя.

§16. Собор в Констанце. 1414 — 1418

После смерти Александра семнадцать кардиналов собрались в Болонье и выбрали Бальтазара Коссу, который принял имя Иоанна XXIII. Он был родом из знатной неаполитанской семьи, начал свою карьеру как воин и, возможно, корсар²⁸⁶, учился обоим видам права в Болонье и был сделан кардиналом при Бонифации IX. Он участвовал в Пизанском соборе. Это был способный человек, но лишенный каких бы то ни было моральных добродетелей и готовый предаться любому пороку.

Поддерживаемый Людовиком Анжуйским, Иоанн вступил в Рим. В битве при Рокка Секка, 14 мая 1411 г., Людовик нанес поражение войскам Владислава. Захваченные боевые знамена были посланы в Рим, вывешены в соборе Св. Петра, а потом сорваны на глазах у народа и проташены в пыли по улицам города с триумфальным шествием, в котором участвовал Иоанн. Владислав быстро оправился от поражения, и Иоанн, с характерной для него беспринципностью, заключил с Владиславом соглашение, признав его королем, в то время как Владислав, со своей стороны, отказался от союза с Григорием XII. Этому понтифику было велено покинуть неаполитанскую территорию, и он на венецианских судах отплыл в Гаэту, бежал в Далмацию и наконец укрылся в Римини у Карла Малатесты, своего последнего политического союзника.

²⁸⁵ Pastor (I. 192) говорит о нечестивом Пизанском синоде (*segenslose Pisaner Synode*). Все ультрамонтанские историки не признают его, и у Гергенротера-Кирша сам созыв и заседание описываются иронически. Историки не оправдывают Григория, который нарушил свои торжественные обещания, но рассматривают собор как совершенно незаконный либо потому, что он не был созван папой, либо потому, что он не был поддержан всеми католическими народами. Nefele (I. 67 sqq.) не относит этот синод к общецерковным, но выделяет его в отдельную категорию. Пастор начинает свой рассказ с речи о высшей власти папства, начинающейся с Петра, и об исключительном праве папы созывать собор. То есть кардиналы, созвавшие этот собор, узурпировали власть, которая им не принадлежала.

²⁸⁶ Nieheim, *Life of John*, в Van der Hardt, II. 339.

Собор в Констанце, второй из реформаторских соборов, был созван по совместному повелению папы Иоанна XXIII и Сигизмунда, короля римлян.

Иоанн вспомнил о постановлении Пизанского собора только после напоминания Парижского университета и созвал собор в Риме в апреле 1412 г. На его заседаниях почти никого не было, и от него мало что сохранилось²⁸⁷. Собор постановил сжечь произведения Виклифа и был распущен 10 февраля 1413 г. Иоанн укрепил свою коллегия кардиналов, прибавив к ней четырнадцать новых членов. Среди них были такие выдающиеся личности, как Д'Альби, Дзабарелла из Флоренции, Роберт Халлум, епископ Солсберийский, и Филластр, декан Реймса.

Владислав, которому надоел договор с Иоанном и который желал создать единое латинское королевство, захватил Рим (1413) и разграбил его. Король въехал в Латеранский дворец и, сидя на коне, смотрел сверху вниз на соборы Св. Петра и Св. Павла, где он приказал выставить пушки. Сами соборы были разграблены, солдаты и их куртизанки пили вино из священных сосудов. Владислав оставил Рим, пораженный тяжким заболеванием. Ходили слухи, что он был отравлен дочерью аптекаря из Перуджи. Умер он в Неаполе в августе 1414 г. Это был один из наиболее выдающихся деятелей Европы в течение четверти века, главный сторонник римской линии понтификов.

Изгнанный из Рима, Иоанн попал в руки Сигизмунда, который тогда находился в Ломбардии. Этот князь, внук слепого короля Иоанна, убитого в Креси, получил венгерский трон через брак с его наследницей. После смерти Рупрехта он был избран римским королем (1411). Благодаря обстоятельствам и собственной энергии он стал одним из самых выдающихся правителей своего времени и главной политической фигурой на соборе в Констанце. У него не было возвышенных и высокоморальных целей, но он был начитан и говорил на нескольких языках, помимо родного, немецкого. Многие правители считали себя выше национальных законов, но Сигизмунд пошел дальше и, согласно свидетельствам, поставил себя выше законов грамматики. Рассказывают, что в первом обращении на соборе в Констанце он склонял латинское слово *schisma*, «раскол», так, будто оно женского рода²⁸⁸. Когда ему процитировали Присциана и других ученых грамматиков, чтобы доказать, что оно среднего рода, он ответил: «Да, но я — император и выше их. Я имею право устанавливать и новую грамматику». Факт, что Сигизмунд в тот момент еще не был императором (ибо он был коронован только в 1433 г.), казалось, опровергает эту историю, однако вполне вероятно, что он говорил на латыни с ошибками, в результате чего и была придумана эта юмористическая история.

Из-за растущих проблем в Богемии, связанных с Яном Гусом, Сигизмунд охотно принял участие в подготовке нового собора. Люди не верили Иоанну XXIII, и казалось, что единственная надежда на прекращение раскола связана с будущим императором. Во многих документах и в речах самого Иоанна он назван «адвокатом и защитником церкви» (*advocatus et defensor ecclesiae*)²⁸⁹.

Два кардинала Иоанна встретились с Сигизмундом в Комо 13 октября 1413 г. и обсудили место и время созыва нового синода. Иоанн предпочитал итальянский город, Сигизмунд — маленький швабский городок Кемптен. Упоминались Страсбург, Базель и другие места, но в конце концов был выбран Констанц,

²⁸⁷ Finke: *Forschungen*, p. 2; *Acta conc.*, p. 108 sqq.

²⁸⁸ Король сказал: *Date operam ut ista, nefanda schisma eradictetur*. См. Wylie, p. 18.

²⁸⁹ См. Finke, *Forschungen*, p. 28. Сигизмунд и сам называл себя так. См. его послание к Григорию (Mansi, XXVIII. 3).

находившийся на немецкой территории. 30 октября Сигизмунд объявил о намечающемся соборе всем прелатам, князьям и ученым христианского мира и 9 декабря скрепил своей печатью документ о его созыве. Сигизмунд и Иоанн встретились в Лоди в конце ноября 1413 г. и еще раз — в Кремоне в начале января 1414 г. Папу сопровождало тринадцать кардиналов. Так два великих светоча мира вновь действовали рука об руку²⁹⁰. Они вместе поднялись на великую Тораццо, возле Кремонского собора, в сопровождении главы города, который позже сожалел, что не воспользовался возможностью и не столкнул их обоих вниз. Формальное объявление о готовящемся соборе было послано Григорию XII, признавшему Сигизмунда римским королем, только в августе²⁹¹. Григорий пожаловался архиепископу Андрею из Спалато, принесшему ему это известие, что его пригласили так поздно и не известили ранее о соборе. Сигизмунд обещал, что, если Григорий будет смещен, он будет хорошо обеспечен²⁹².

Собор, назначенный на 1 ноября 1414 г., продолжался почти четыре года и оказался одним из самых впечатляющих собраний, которые когда-либо созывались в Западной Европе. Это был настоящий парламент народов, съезд ведущих умов того времени, которые сплотились для того, чтобы обсудить ситуацию в духе свободной дискуссии, сформировавшемся благодаря авиньонским скандалам и расколу, и высказаться по самому животрепещущему вопросу — о воссоединении христианского мира под одним не вызывающим сомнения главой²⁹³.

Иоанн с неохотой, но все-таки последовал совету своих кардиналов и обратил свой лик к северу. Он прибыл в Констанц 28 октября 1414 г. В городе тогда жило 5500 человек. Нигейм и другие современники славят красоту той местности, полей и виноградников. Они упоминают также о целебном воздухе и справедливых муниципальных законах по отношению к странникам. Казалось, Сам Господь благословил эти места²⁹⁴. Говорят, подъезжая к Констанцу со стороны Тироля, Иоанн воскликнул: «Вот то самое место, где ловят лисенят!» Он вступил в город с большой торжественностью в сопровождении девяти кардиналов и тысячи шестисот всадников. Он ехал на белом коне, покрытом красной попной. Поводья его держали граф Монферрат и один из римских Орсини. Городской совет послал в резиденцию папы четыре больших бочонка эльзасского вина, восемь бочонков местного вина и другие напитки²⁹⁵.

В первый день ноября Иоанн посетил торжественную мессу в городском соборе. Сам же собор открылся 5-го числа в присутствии пятнадцати кардиналов.

²⁹⁰ Сигизмунд в послании Карлу VI Французскому, объявляя о соборе, пользуется средневековым сравнением с двумя светилами: *Duo luminaria super terram, majus videlicet minus ut in ipsis universalis ecclesiae consistere firmamentum in quibus pontificalis auctoritas et regalis potentia designantur, unaquae spiritualia et altera qua corporalia regerentur* (Mansi, XXVIII. 4).

²⁹¹ Есть свидетельства, что в Италии ходили слухи, будто Сигизмунд собирается судить в Констанце всех трех пап, однако Иоанн в Лоди подарил ему 50 тыс. гульденов, из-за чего он стал поддерживать этого понтифика. Finke: *Acta*, p. 177 sq.

²⁹² Послания Сигизмунда приводятся в Hardt, VI. 5, 6; Mansi, XXVIII. 2-4. См. Finke, *Forschungen*, p. 23.

²⁹³ Funk (*Kirchengesch.*, p. 470) называет его *eine der grossartigsten Kirchenversammlungen welche die Geschichte kennt, gewissermassen ein Kongress des ganzen Abenlandes*.

²⁹⁴ Hardt, II. 308.

²⁹⁵ Richental (*Chronik*, pp. 25-28) ярко описывает въезд Иоанна в город. Этому автору, жителю Констанца, должность которого неизвестна, предоставилась уникальная возможность наблюдать за происходившим и читать официальные документы. Он приводит копии нескольких булл Иоанна и подробным образом рассказывает о нескольких заседаниях, на которых присутствовал (p. 129).

Первое публичное заседание состоялось 16 ноября. Всего публичных заседаний было сорок пять, обычно они начинались в 7 часов утра. Григория XII представляли два депутата, номинальный патриарх Константинополя и кардинал Иоанн Доминичи из Рагузы, человек великой мудрости и выдающегося духа.

Собрание достигло полного размаха лишь с прибытием Сигизмунда — накануне Рождества, сразу после его коронации, которая состоялась 8 ноября в Аахене. С ним была его супруга Барбара и впечатляющая свита. Согревшись, император со свитой направились в собор и на рассвете рождественского дня были приняты папой. Богослужения продолжались восемь, а по другим источникам — одиннадцать часов без перерыва. Сигизмунд, в короне и далматике, выполнял функции диакона и читал Евангелие, а папа вручил ему меч, символизировавший его обязанность защищать церковь.

Констанц стал самым выдающимся городом Европы. Он привлек самых разнообразных лиц, от королей до нищих. Зрелищ такого масштаба Европа раньше не видела. Говорят, количество приезжих в городе составляло 50 — 100 тыс. человек. Рихенталь, этот неутомимый Босвелл Констанцкого собора, сам живший в Констанце, рассказывает о прибытии каждого важного персонажа и описывает его сопровождающих. Половина его «Хроники» — перечень имен. Он ходил из дома в дом, составляя перепись, и к тысячам тех, кого он называет по имени, он добавляет 5000 человек, въезжавших в город и покидавших его ежедневно. Он утверждает, что на коронации Мартина V присутствовало 80 тыс. свидетелей. Места жительства наиболее выдающихся личностей были отмечены их гербами. Пекари, курьеры, лакеи, писари, златокузнецы, торговцы разного рода, даже с Востока, наводнили город, чтобы служить герцогам, прелатам, ученым университетским магистрам и докторам. На соборе присутствовали 33 кардинала, 5 патриархов, 47 архиепископов, 145 епископов, 93 номинальных епископа, 217 докторов богословия, 361 доктор обоих видов права, 171 доктор медицины, а также великое множество магистров искусств из 37 представленных университетов, 38 герцогов, 173 графа, 71 барон, более 1500 рыцарей, 142 переписчика булл, 1700 горнистов, скрипачей и других музыкантов. На улицах или в арендованных домах собой торговали 700 профессиональных блудниц, а уж о количестве тех, что занимались этим тайно, можно только догадываться²⁹⁶. Для приезжих было приготовлено 36 тыс. постелей. За время собора, как говорили, 500 человек утонули в озере. Гус писал: «Этот собор был скопищем порока, и швейцарцы утверждают, что жизни целого поколения не хватит, чтобы очистить Констанц от грехов, совершенных собором в этом городе»²⁹⁷.

Английскую и шотландскую делегацию, не превышавшую дюжины человек, сопровождали 700 или 800 всадников в великолепном убранстве, с флейтистами и другими музыкантами во главе. Их въезд в город стал сенсацией. В числе французской делегации выделялись члены университета и другие ученые мужи²⁹⁸.

²⁹⁶ *Offene Huren in den Hurenhäusern und solche, die selber Häuser gemiethet hatten und in den Ställen lagen und wo sie mochten, doren waren über 700 und die heimlichen, die lass ich belibnen* (Richental, p. 215). Цифры приводятся по Рихенталю, сопровождающему рассказ (pp. 154-215) списком имен. См. также Van der Hardt (V. 50-53), который говорит о 18 тыс. прелатов и священников и 80 тыс. мирян. Позже чьей-то чужой рукой к рассказу Рихенталья было приписано число 72.460.

²⁹⁷ Workman: *Letters of Huss*, p. 263.

²⁹⁸ Usk, p. 304; Rymer, *Foeder.*, IX. 167. Richental (p. 34) говорит о французах: *die Schulpfaffen und die gelehrten Leute aus Frankreich*.

На улицах и в окрестностях города не утихало веселье. Проводились турниры, танцы, акробатические представления, шествия, концерты. Но, несмотря на скопление народа, везде, похоже, поддерживался порядок. По приказу городского совета запрещалось ходить по ночам по улице без света. Некоторые улицы перегораживались цепями. Кричать по ночам было запрещено. Говорят, за все время заседаний собора только два человека были наказаны за уличные ссоры. Повышение цен сдерживалось с помощью строгих тарифов. Буханка белого хлеба стоила пенни, постель на двух человек, с простынями и подушками, — полтора гульдена в месяц, при этом белье должны были менять раз в две недели. Были установлены четкие цены на зерно, мясо, яйца, птицу и другие продукты питания²⁹⁹. Присутствовало великое множество банкиров, среди них — юный Козимо Медичи из Флоренции.

Среди выделявшихся на соборе знатных лиц главное место занимали папа и Сигизмунд. Короля восхваляли в самых неумеренных выражениях. Его сравнивали с Даниилом, спасшим Сусанну, и с Давидом. Он любил удовольствия, был любим женщинами, всегда был кому-то должен и требовал денег, но при этом был заклятым врагом еретиков. О нем говорили, что виклефиты «бегут отовсюду, куда бы он ни приходил»³⁰⁰. Нет сомнений, что последовательностью и успехом собор обязан именно Сигизмунду. Его королева, Барбара, дочь графа Штирии, была высокой и красивой, но репутация ее была сомнительна, и весь город говорил о ее любовных похождениях.

Следующими по рангу участниками собора были кардиналы Д'Альи, Дзабарелла, Филластр, Иоанн из Рагузы и Халлум (епископ Солсбери, который умер во время заседаний и был похоронен в Констанце), епископ Винчестера, дядя английского короля, и Жан Жерсон, главный представитель Парижского университета. Дзабарелла был лучшим авторитетом по гражданскому и каноническому праву в Европе; он был профессором в Болонье, а в 1410 г. стал епископом Флоренции. Он умер во время собора, 26 сентября 1417 г. Филластр оставил после себя ценный дневник, в котором описываются заседания собора. Д'Альи был в течение какого-то времени одним из самых выдающихся людей в Европе. Халлум часто упоминается в постановлениях собора. На работу собора повлияли вовремя написанные трактаты, особенно Дитриха из Нигейма, одного из самых влиятельных памфлетистов конца средних веков³⁰¹.

Темы, которые должен был обсудить собор, касались воссоединения церкви под одним папой и проведения церковных реформ³⁰². Решение против ереси, в том числе осуждение Яна Гуса и Иеронима Пражского, также занимает видное

²⁹⁹ Richental (p. 39 sqq.) подробно описывает эти законы.

³⁰⁰ Де Ври, поэт-историк собора (Hardt, I. 193). Вот описание Энея Сильвия (будущего Пия II): «Он был высоким, ясноглазым, с широким лбом, приятными розовыми щеками и длинной густой бородой. Был остроумен в разговоре, любил вино и женщин, и его обвиняли в тысячах любовных интрижек. Он обладал широтой взглядов и составлял много планов, но был изменчив. Легко впадал в гнев, но легко прощал. Не умел экономить деньги, но щедро их тратил. Делал много обещаний, которые не мог сдержать, и часто обманывал».

³⁰¹ Finke (p. 133) называет его «величайшим публицистом конца средних веков». Трактаты *De modis uniendi, De difficultate reformationis, De necessitate reformationis* все сейчас приписываются ему — см. Finke (p. 133), который вторит Ленцу и с которым согласен Пастор, вопреки Эрлеру.

³⁰² *In hoc generali concilio agendum fuit de pace et unione perfecta ecclesiae secundo de reformatione illius* (Fillastre, *Journal*, в Finke, p. 164). *Haec synodus... pro extirpatione praesentis schismatis et unione ac reformatione ecclesiae Dei in capite et membris* — собственное заявление собора (Mansi, XXVII. 585).

место среди постановлений собора, хотя современники не рассматривали эту тему как отдельную. С самого начала Иоанн утратил своих сторонников. Сенсацию произвел трактат, труд некоего итальянца, где описывались пороки Иоанна как человека и папы. Иоанн из Рагузы и Филластр советовали всем трем папам отречься, и эта идея становилась все более и более популярной. После некоторого промедления к ней склонился и Сигизмунд, а Нигейм решительно выступал за нее в своем трактате о необходимости церковной реформы.

С самого начала участники высказывались совершенно открыто, так что у Иоанна были причины беспокоиться о сохранении своей должности. 7 декабря 1414 г. кардиналы официально предложили ему строго исполнять обязанности папы и воздерживаться от симонии. Д'Альи в своих сочинениях обосновывал вывод о необязательной непогрешимости соборов, что позволяло отменить решение об избрании папы, принятое в Пизе.

С ноября по январь 1415 г. члены собора были склонны избегать решительных действий — так называемая политика *noli me tangere*³⁰³. Однако ими высказывались все более смелые мысли, и обсуждения становились все активнее, пока в начале февраля 1415 г. не стали утверждаться первые примечательные принципы, а именно, правило, требующее голосования народов. Оно было принято для преодоления голоса восьмидесяти итальянских епископов и докторов, которые были верны Иоанну. Несмотря на несогласие Иоанна, решение было принято по образцу, использовавшемуся в Парижском университете, который таким образом управлял своими делами. Согласно этому правилу, которому не следовал ни до, ни после ни один собор, кроме незначительного собора в Сиене (1423), Англия, Франция, Италия и Германия получали по одному голосу в принятии решений собора. А в 1417 г., когда собору подчинились Арагон, Кастилия и Шотландия, право пятого голоса было отдано Испании. Представителей Англии было меньше всего. К германскому представительству были отнесены Скандинавия, Польша и Венгрия. Кардиналы попросили, чтобы их группе было дано отдельное право голоса, но им было отказано. Они были отнесены к народам, к которым принадлежали, и пользовались таким же правом голоса, как и другие люди. Похоже, что первыми это правило стали энергично предлагать англичане во главе с Робертом Солсберийским. Странно, но у нас нет сведений о формальном постановлении собора, согласно которому был введен этот способ голосования³⁰⁴.

Народы собрались, каждый под председательством своего президента, в отдельных залах. Англичане и немцы заседали в разных помещениях монастыря францисканцев. Голоса, принятые большинством среди народа, учитывались на публичных заседаниях собора. Право голосования народов распространялось на разного рода ученых и князей. Д'Альи был сторонником такой процедуры, а Филластр выступал за то, чтобы включить в голосование ректоров и даже клириков низшего ранга. Почему, рассуждал Д'Альи, номинальный епископ должен обладать равными правами с епископом обширной епархии, например, архиепископом Майнца, а доктору, который посвятил все свое время и силы осмыслению обсуждаемых вопросов, отказано в праве голоса? И почему, рассуждал Филластр, аббат, у которого под началом только десять монахов, имеет право голоса, а ректор, который заботится о тысяче или десяти тысячах душ, — не имеет?

³⁰³ *Apud aliquos erat morbus «noli me tangere»* (Fillastre, *Journal*, p. 164).

³⁰⁴ См. Finke, *Forschungen*, p. 31. Richental (pp. 50-53) подробно рассказывает о территориальных границах установленных на соборе пяти народов.

Невежественного короля или прелата он называл «коронованным ослом». Доктора же существовали именно для того, чтобы бороться с невежеством.

Когда появился итальянский трактат, полный обвинений против Иоанна, ситуация дошла до кризисной точки. Стало очевидно, что необходимо отречение всех трех пап, и Иоанн, чтобы избежать худшей участи, согласился отречься при условии, что Григорий XII и Бенедикт тоже отрекутся. Формальное объявление, прочитанное на втором заседании, 2 марта 1415 г., гласило: «Я, Иоанн XXIII, папа, обещаю, соглашаюсь и обязуюсь, приношу обет и клянусь перед Богом, церковью и этим святым собором, по доброй воле и искренне, даровать мир церкви посредством отречения, если другие претенденты, Бенедикт и Григорий, поступят так же»³⁰⁵. При словах «приношу обет и клянусь» Иоанн встал со своего места, преклонил колени у алтаря и оставался на коленях до конца чтения. После его окончания Сигизмунд снял с себя корону, склонился перед Иоанном и поцеловал его ноги. Пять дней спустя Иоанн выпустил буллу, в которой подтверждал свою клятву.

Констанц ликовал. В честь радостной вести звонили колокола. В соборе люди плакали от счастья. В добровольности отречения Иоанна можно усомниться, если принять во внимание чувства участников собора и слух о том, что ему предложили 30 тыс. гульденов за отказ от места папы³⁰⁶.

События приняли тревожный, хотя и забавный оборот 20 марта, когда Иоанн бежал из Констанца. Прежде ходили слухи, что он действительно замышляет нечто подобное. Иоанн поговаривал о переносе собора в Риццу и жаловался на нездоровый воздух Констанца, однако он дал торжественное обещание, что не покинет город до роспуска собора. Чтобы обеспечить это наверняка, Сигизмунд приказал держать ворота запертыми и следить за озером. Но Иоанну и раньше приходилось скрываться. Пренебрегши своей клятвой, он, переодетый слугой, в сером плаще, серой шляпе и с арбалетом у седла, среди бела дня бежал верхом на «маленькой лошаденке»³⁰⁷. Бежал он с двумя спутниками во время турнира, устроенного Фридрихом, герцогом Австрийским. Папа не останавливался, пока не достиг Шаффхаузена. Это место принадлежало герцогу, который был посвящен в тайну и которому папа даровал должность командующего папскими войсками с ежегодной выплатой 6000 гульденов. Иоанн поступил так из отчаяния. Он писал собору, что бежал из страха перед Сигизмундом, поскольку король ограничивал свободу его действий³⁰⁸.

Паника из-за бегства папы была столь велика и разброд среди участников собора был столь подавляющим, что собор, наверно, пришлось бы закрыть, если бы Сигизмунд не принял своевременные меры. Кардиналы и посланники короля и собора поспешили задержать бежавшего папу, который устремился в Лауфенбург, Фрейбург и Брейзах. Иоанн писал к Сигизмунду, выражая свое уважение к нему, но в то же время он писал к Парижскому университету и герцогу Орлеанскому, стремясь возбудить симпатию к себе и вызывая к национальным чувствам французов. Он попытался доказать, что мнением французской делегации пренебрегли, когда собор начал заседание, не дожидаясь двадцати двух депутатов из Парижа. Франция и Италия с двумя сотнями прелатов имели на соборе

³⁰⁵ Hardt, II. 240, тж. IV. 44; Mansi, XXVII. 568. Тж. Richental, p. 56.

³⁰⁶ Согласно рукописи, найденной в Вене (Finke, *Forschungen*, p. 148).

³⁰⁷ Richental (pp. 62-72) красочно описывает бегство и поимку Иоанна.

³⁰⁸ Fillastre; Finke (*Forschungen*, p. 169): *papa dicebat quod pro timore regis Romanorum recesserat*.

каждая по одному голосу, а Англия, которую представляло всего три прелата, тоже один голос. Бог, утверждал он, имеет дело с отдельными людьми, а не с народами. Его упрек вызывало то, что женатые миряне обладали на соборе правом голоса наряду с прелатами и не было рассмотрено дело Яна Гуса, хотя его осудил Парижский университет.

Посланники нашли Иоанна в Брейзахе 23 апреля, и он пообещал вернуться с ними в Констанц на следующее утро, но, с характерной для него склонностью к обману, ночью попытался бежать и спустился из замка по лестнице, переодетый крестьянином. Вскоре его поймали, и Сигизмунд передал его Людовику III Палатинату, чтобы тот его охранял.

Тем временем собор запретил делегатам покидать Констанц до конца заседаний под страхом отлучения и потери должностей. Четвертое и пятое заседания собора, проходившие с 6 апреля 1415 г., знаменуют новую эпоху в истории церковного законодательства. Участники приняли решение, что этот собор, созданный согласно закону и в Святом Духе, является общецерковным. Он представляет всю церковь и получил свою власть непосредственно от Христа, а папа и лица любого ранга обязаны повиноваться ему в делах, касающихся веры, реформы церкви, ее главы и членов. Собор выше любого другого церковного суда³⁰⁹. Это заявление, сформулированное более точно, чем пизанское, стало знаменательнейшим отказом от папистской теории Иннокентия III и Бонифация VIII.

Жерсон, представивший свою позицию перед собором в проповеди 23 марта 1415 г., сказал³¹⁰, что врата ада могли победить пап, но не церковь. Иосиф был поставлен охранять жену своего хозяина, а не обольщать ее, и, когда папа перестал исполнять свои обязанности, церковь получила право наказать его. Собор имеет право продолжаться силой Святого Духа и может, при определенных обстоятельствах, собираться без воли папы и его согласия.

В этих заявлениях были подтверждены принципы, изложенные Нигеймом накануне созыва собора в трактате под заглавием «Союз церкви и ее реформа», а также другими авторами³¹¹. По утверждению Нигейма, церковь, глава которой — Христос, не может заблуждаться, а вот церковь как государство (*respublica*), управляемая папой и иерархией, может ошибаться. Как князь, который не трудится на благо своих подданных, может быть смещен, так может быть смещен и папа, который призван руководить всей церковью... Папа рожден человеком, рожден во грехе — прах от праха, *limus de limo*. Еще несколько дней назад он был сыном крестьянина, а теперь он вознесся на папский престол, но не превратился в безупречного ангела. Не сама должность делает его святым, а Божья благодать. Он не непогрешим. Даже Христос, Который был без греха, оказался подвластен суду, а тем более папа. Нелепо утверждать, что простой человек имеет власть на небе и на земле связывать и разрешать от греха. Ибо человек может быть симонистом, лжецом, блудником, гордецом и хуже дьявола (*pejor quam diabolus*). Что касается собора, то папа обязан подчиниться ему, а если необходи-

³⁰⁹ Hardt, IV. 89 sq., и Mansi, XXVII. 585-590. Постановление гласит: *Haec sancta synodus Constantiensis primo declarat ut ipsa synodus in S. Spiritu legitime congregata, generale concilium faciens, eccles. catholicam militantem representans, potestatem a Christo immediate habeat, cui quilibet cujusmodi status vel dignitatis, etiamsi papalis existat, obedire tenetur in his quae pertinent ad fidem et exstirpationem praesentis schismatis et reformationem eccles. in capite et membris.*

³¹⁰ Hardt, II. 265-273; Du Pin, II. 201 sqq.

³¹¹ Hardt, vol. I (целых 175 страниц). Du Pin, II, 162-201. Этот трактат, ранее приписываемый Жерсону, Ленц и Финке считают произведением Нигейма.

мо, то и отречься ради общего блага (*utilitatem communem*). Общецерковный собор может быть создан прелатами и светскими правителями, и он выше папы. Он может избрать папу, ограничить его власть или низложить его — и папа не может апеллировать против его решения (*potest papam eligere, privare et deponere. A tali concilio nullus potest appellare*). Его каноны неизменны, их может отменить только другой общецерковный собор.

Эти взгляды были революционными. Они показывают, что Марсилий Падуанский и другие трактариане XIV века трудились не напрасно.

Заявив о своем превосходстве над папой, собор приступил к суду над Иоанном XXIII. Против него было выдвинуто семьдесят обвинений, почти во всех известных человеку преступлениях. Он был развратником с юных лет, лгал, не слушался родителей. Он был виновен в симонии, купил должность кардинала, продавал вновь и вновь одни и те же бенефиции, причём продавал их даже детям. Он отдал голову Иоанна Крестителя, которая принадлежала монахиням Св. Сильвестра в Риме, за 50 тыс. дукатов во Флоренцию, торговал поделными буллами, прелюбодействовал с женой своего брата, насиловал монахинь и других дев, был виновен в содомии и других грехах, которые не хочется называть³¹². Что касается учения, то Иоанн XXIII часто отрицал жизнь после смерти.

Когда Иоанн получил весть о своем смещении, о котором было объявлено 29 мая 1415 г., он убрал из комнаты папский крест и заявил, что жалеет о своем избрании папой. Его отвезли в Готтлибен, замок, принадлежащий епископу Констанца, и потом перевели в замок Гейдельберга, где ему прислуживали два капеллана и два представителя знати. Из Гейдельберга граф Палатинат перевел его в Маннгейм, и наконец его отпустили после уплаты 30 тыс. гульденов. Иоанн подчинился своему преемнику Мартину V и в 1419 г. был назначен кардиналом-епископом Тускулума, но после этого назначения прожил всего полгода. Сторонника Иоанна, Фридриха Австрийского, лишили земель, и теперь он был известен как «Фридрих с пустым кошельком» (*Friedrich mit der leeren Tasche*). Козимо Медичи, который управлял финансами Иоанна, воздвиг ему великолепный памятник в баптистерии во Флоренции.

В то же время, когда решалась судьба Иоанна, шел суд и над Яном Гусом. Об этом суде и о трагической смерти Гуса мы расскажем в другой главе.

Иоанна XXIII устранили. Теперь остались два папы, Григорий XII и Бенедикт XIII, которых в трактатах и в обращениях шуточно называли *Errorius* (игра слов, основанная на исходном имени Григория, Анджело Коррер)³¹³ и *Maledictus*. Григорий без промедлений отрекся, исполнив данное собору обещание отречься, если это сделают Иоанн и Бенедикт. Он обещал также признать собор, если там будет председательствовать император. Об отречении было объявлено на четырнадцатом заседании, 4 июля 1415, Карлом Малатестой и Иоанном Рагузским, представлявшим римского понтифика. Булла Григория от 15 мая 1414 г., зачитанная публично, «созывала и признавала общецерковный собор, поскольку Бальтазар Косса, Иоанн XXIII, не присутствует там и не председательствует». Отречение было сформулировано так: «Я отрекаюсь, во имя Господа, от папства и от всех прав, и титула, и привилегий, которые дарованы папе Господом Иису-

³¹² Hardt, IV. 196-208; Mansi, XXVIII. 662-673, 715. Адам из Уска (р. 306) пишет: «Наш папа Иоанн XXIII, лгавший, когда обещал воссоединение, виновный в клятвопреступлениях, убийствах, прелюбодеяниях, симонии, ереси и других крайностях, дважды тайно бежал из трусости и в плебейском наряде, переодетый, но собор отправил его в место постоянного заточения».

³¹³ Нигейм постоянно называет так Григория в своем *De schismate*.

сом Христом, на этом священном синоде и общецерковном соборе, представляющем святую Римскую и вселенскую Церковь»³¹⁴. Теперь кардиналы Григория заняли свои места, а сам Григорий был назначен кардиналом-епископом Порто и папским легатом в Анконе. Он умер в Реканати, возле Анконы, 18 октября 1417 г. Хотя мы осуждаем Анджеоло Коррера за то, что он не спешил отказываться от папства, потомство не может не уважать его за благородный поступок, совершенный им в конце жизни. Поведение его кардинала, Иоанна из Рагузы, во многом способствовало тому, что люди забыли о промахах Григория.

Петр де Луна был настроен иначе. Он делал все, чтобы склонить участников швейцарского собора на свою сторону, но напрасно. Чтобы оказать на него максимально возможное влияние, Сигизмунд, по совету собора, отправился в путь, намереваясь лицом к лицу встретиться с последним из авиньонских пап. На шестнадцатом заседании, 11 июля 1415 г., собор назначил докторов для сопровождения короля, и восемь дней спустя он покинул Констанц, с войском из 4000 всадников.

Сигизмунд и Бенедикт встретились в Нарбонне 15 августа, а потом в Перпиньяне. Переговоры продолжались до декабря. Решение о смещении, объявленное в Пизе, и отказ Франции повиноваться не сокрушили дух старика. К упорству его побуждала более возвышенная цель³¹⁵. Среди предложений, которые папа имел дерзость выдвинуть, было следующее. Он отречется, если только после отречения ему, как единственному кардиналу, оставшемуся в живых со времен, предшествовавших расколу, будет позволено самому выбрать нового понтифика. И не могло быть сомнений, что человек, столь уверенный в своей непогрешимости, выберет самого себя! Бенедикт упорно называл собор в Констанце «собранием». 14 ноября он бежал на Пеньисколу, скалистый мыс недалеко от Валенсии, там вновь осудил швейцарский синод и созвал законный, который должен был собраться в его уединенном убежище в Испании. Его собственные кардиналы устали от конфликта и 13 декабря 1415 г. объявили о его смещении. Винсент Феррер, всю жизнь поддерживавший его, назвал его клятвопреступником. И на следующий месяц королевство Арагон, служившее главной опорой Бенедикта, отказалось повиноваться ему. За ним последовали Кастилия и Шотландия.

Петр де Луна оказался в такой изоляции, в какой только может оказаться смертный. Собор требовал от него безусловного отречения. Это требование поддерживали его бывшие сторонники, испанские делегаты. На тридцать седьмом заседании (1417) он был смещен. По приказу Сигизмунда о решении объявили глашатаи на улицах Констанца. Однако непреклонный испанец отказывался признавать решение синода до самой смерти, постигшей его девять лет спустя, и, сидя в уединенной крепости на Пеньисколе, вел себя как правитель христианского мира. Кардинал Гергенротер завершает описание событий, говоря, что Бенедикт «был папой без церкви и пастырем без овец. Сам этот факт свидетельствует о пустоте его заявлений». Бенедикт умер в 1423 г.³¹⁶, оставив после себя четырех кардиналов. Трое из них избрали каноника Хилья Сандуса де Муноса из Барселоны под именем Климента VIII. Пять лет спустя Хилья отрекся, и Мартин V сделал его епископом Майорки. На этом острове он обладал всей полнотой власти³¹⁷.

³¹⁴ Документ приводится в Hardt, IV. 380. См. разные документы в Hardt, IV. 192 sq., 346-381; Mansi, XXVII. 733-745.

³¹⁵ Пастор, Гефеле и Гергенротер называют это поведение настырностью (*Hartnäckigkeit*). Доллинггер отзываясь о Петре более благосклонно и не без восхищения.

³¹⁶ Valois (IV. 450-454) приводит веские свидетельства в пользу этой даты, а не 1424 г.

Четвертый кардинал, Жан Каррьер, избрал папой себя и принял имя Бенедикта XIV. Он умер в темнице в 1433 г.

Для завершения раскола, продолжавшегося десятилетия, собору оставалось выбрать нового понтифика, после чего он мог приступить к обсуждению реформ в церкви. На сороковом заседании, 30 октября 1417 г., собор решил отложить решение второго вопроса, пока не будет избран новый папа. Кардиналы оказали большое влияние на такой поворот дел. В какой-то момент истории собора ими пренебрегали. Против них писали трактаты, ходил слух, что однажды король даже собирался схватить их всех³¹⁸. Но эти времена прошли. Кардиналы сохранили единство, и их влияние неуклонно росло.

Вакантное место папы было заполнено 11 ноября 1417 г. с избранием кардинала Оддо Колонна, который принял имя Мартина V. Избрание состоялось в «Кауфхаузе», центральном торговом здании Констанца, которое сохранилось до сих пор. Голосовали пятьдесят три избирателя, по 6 депутатов от каждого из 5 народов и 23 кардинала. Здание было ограждено досками и поделено на кельи для избирателей. Вход внутрь был только один. Существовало три ключа, один из которых был дан королю, второй — капитулу Констанца, а третий — собору. Когда стало очевидно, что избрание сильно откладывается, немцы решили вместе с итальянцами голосовать за итальянца, чтобы избежать подозрения в том, что проведение синода на немецкой почве дает им какие-либо преимущества. Потом немцы добились союзничества англичан. Французы и испанцы тоже уступили³¹⁹. Таким образом, новый папа был выдвиженцем всего собора.

Западная церковь снова была объединена под одной главой, но укоренившееся за века представление о должности вселенского папы вряд ли могло выжить в урагане раскола³²⁰. Оддо Колонна, единственный член этого выдающегося семейства, носивший тиару, был иподиаконом в момент своего избрания. Еще поспешнее, чем Фотия, патриарха Константинополя, его рукоположили диаконом 12 ноября, священником³²¹ — 13 ноября и епископом — 14 ноября. Неделью спустя, 21 ноября, его посветили в папы и Сигизмунд поцеловал ему палец на ноге. Во время шествия поводья лошади Мартина держали Сигизмунд и Фридрих Гогенцоллерн, позже ставший маркграфом Бранденбурга. Маркграф заплатил Сигизмунду 250 тыс. марок за свое возвышение, а король использовал эту сумму на затраты, связанные с поездкой к Бенедикту.

Мартин сразу же взял в свои руки обязанности председателя собора, которые после бегства Иоанна исполнял кардинал Вивьер. На повестку дня теперь встали меры по реформе церкви, и здесь были достигнуты кое-какие успехи. Было урезано папское право на индульгенции. Коллегия кардиналов была ограничена

³¹⁷ Mansi (XXVIII. 1117 sqq.) приводит послание Климента об отречении. О двух преемниках Бенедикта и их избрании см. Valois, IV. 455-478.

³¹⁸ Fillastre, *Journal*, p. 224. Трактаты против кардиналов см. в Finke, *Forschungen*, p. 81 sq.

³¹⁹ Richental (p. 116 sqq.) подробно рассказывает об ограждении «Кауфхауза» и выборах, а также о церемониях, которыми сопровождалась интронизация Мартина. Он приводит и занятную историю: перед тем как избиратели собрались, вороны, галки и другие птицы в больших количествах заполнили крышу «Кауфхауза», а когда был выбран Мартин, то их место заняли тысячи зеленушек и других маленьких птах, которые чирикали, пели и прыгали, словно одобряя случившееся (p. 123).

³²⁰ Католические историки считают тот факт, что папство выжило, доказательством его божественного происхождения. Salembier (p. 395) говорит: «История великого раскола могла бы нанести смертельный удар папству, если бы обетования Христа не сделали его бессмертным».

³²¹ {Кардиналами могли назначаться и те, у кого не было священнического сана.}

24 членами. Получили одобрение требования, чтобы разные части церкви были представлены пропорционально, чтобы ни от одного монашеского ордена в коллегии не было больше одного члена и чтобы ни один брат или племянник кардинала не становился членом курии, пока сам кардинал жив. Программ и предписаний было составлено достаточно, но злоупотребления существовали так давно и так глубоко укоренились, что невозможно было согласовать разные мнения членов собора и побудить его к действиям. Делегаты заседали уже больше трех лет, им не терпелось вернуться домой.

Чтобы заменить дальнейшее законотворчество, были предложены так называемые конкордаты. Эти соглашения были призваны регулировать отношения между папством и народами. Существовало четыре разных конкордата, один — с французским народом, один — с немецким народом, каждый на пять лет, один — с английским народом, вечный, от 21 июля 1418 г., и один — с испанским народом, от 13 мая 1418 г.³²² Эти конкордаты устанавливали правила назначения кардиналов и регулировали их количество, ограничивали право папских назначений на должности, регламентировали сбор аннатов и непосредственных налогов, определяли причины для апелляции в Рим и решали другие проблемы. Они были основой системы тайных или открытых договоров, с помощью которых папство с тех пор строило свои отношения с народами Европы. Григорий VII был первым папой, который ввел систему легатов, но он и его преемники вели свои отношения с народами на основании принципа произвола, высшей папской власти и папской непогрешимости.

Собор в Констанце некоторым образом возвысил государство до положения равенства папству в управлении делами церкви. Людовик XIV (1643 — 1715) более полно утвердит галликанскую теорию государственного права управлять делами церкви на своей территории в том, что не касается вопросов учения. Первым решающим шагом к утверждению галликанских свобод было действие синода 1407 г., когда Франция отказалась повиноваться Бенедикту XIII. Он постановил, что капитулы сами могут выбирать себе епископов, а права папы ограничиваются сбором налогов с их епархий. Затем последовало решение собора в Констанце, Прагматическая санкция, принятая в Бурже (1438), и конкордат между Франциском I и Львом X во времена Реформации. В 1682 г. французские прелаты приняли четыре правила, ограничивающих власть папы духовными лицами, — в соответствии с решением собора в Констанце и прецедентами Галликанской церкви — и объявили, что даже в вопросах веры папа не является непогрешимым. Хотя Людовик, властью которого были приняты эти положения, позже отозвал их, они остаются платформой галликанства, противостоящего ультрамонтанской теории непогрешимости и высшей власти папы, и в будущем могут стать основой урегулирования папской проблемы в католическом обществе³²³.

В постановлении, известном как *Frequens*, принятом 9 октября 1417 г., собор объявил, что общецерковный собор должен быть созван через пять лет, затем — через семь лет, а затем — созываться каждые десять лет³²⁴. Это решение было

³²² См. Mirbt, ст. *Konkordat*, в Herzog, X. 705 sqq. Хардт приводит конкордаты с Германией и Англией (I. 1056-1083) и с Францией (IV. 155 sqq.). Mansi, XXVII. 1189 sqq., 1193 sqq.

³²³ См. ст. *Gallikanismus* в Herzog, и *Der Ursprung der gallikan. Freiheiten*, в *Hist. Zeitschrift*, 1903, pp. 194-215.

³²⁴ Creighton (I. 393), приведя соответствующую цитату из Hardt, IV. 1432, ошибочно утверждает, что следующий собор должен был состояться через семь лет, а потом — раз в каждые пять лет.

подсказано Мартином в булле *Frequens* от 9 октября 1417 г. После завершения сорок пятого заседания 22 апреля 1418 г. Мартин распустил собор. Соборы в Базеле — Ферраре и Тренто заседали дольше, как и протестантская Вестминстерская ассамблея в 1643 — 1648 г. Прежде чем распустить собор в Констанце, папа даровал Сигизмунду десятину за год, чтобы возместить ему средства, затраченные на синод.

Собор в Констанце был самым важным синодом средних веков. В нем чувства западного христианского мира проявились заметнее, чем в любом другом соборе когда бы то ни было. Собор предоставил возможность свободных дебатов на темы, важность которых понимали все народы Западной Европы и которые объединяли их. Собор не был ограничен программой, подготовленной папой, как Ватиканский собор 1870 г. Собор был свободен и пользовался своей свободой. Если учение о пресуществлении, принятое Четвертым Латеранским собором (1215), и догмат о папской непогрешимости, принятый Ватиканским собором, содержат в себе элементы, ведущие к постоянному несогласию в церкви, то собор в Констанце объединил латинский христианский мир и положил конец расколу, служившему причиной бесчинств в течение сорока лет. Однако Ватиканским собором 1870 г. было официально отвергнуто его решение, ставящее общецерковный собор выше папы и бывшее поводом для споров в течение веков. Для протестантов решение, принятое в Констанце, — это заметный шаг к правильному определению сути религиозной власти. Лютеру, поставленному Экком в безвыходное положение, оставалось только сослаться на ошибку собора в Констанце, осудившего благочестивого человека Яна Гуса, и отвергнуть непогрешимость соборов, заявив о непогрешимом авторитете Писания, истолкованного по совести.

ПРИМЕЧАНИЕ

Об общецерковном характере собора в Констанце

Современные римо-католические историки отрицают общецерковный характер и авторитет собора в Констанце, за исключением четырех его последних заседаний, с сорок второго по сорок пятое, на которых председательствовал папа Мартин V, — или же, в лучшем случае, за исключением его заседаний начиная с момента, когда Григорий XII одобрил собор в своей булле после побега Иоанна, переставшего председательствовать там. Гергенротер и Кирш (II. 862) говорят, что до авторизации Григория у собора не было руководства, он не представлял Римскую церковь и выступал против воли кардиналов, под которыми авторы понимают кардиналов Григория. Салембе (p. 317) пишет: «Собор стал общецерковным только после тридцать пятого заседания, когда Григорий XII дал на него свое согласие» и т. д. Пастор (I. 198) решительно отстаивает ту же точку зрения и заявляет, что, когда на четвертом и пятом заседаниях собор заявил о своем превосходстве над папой, он не был еще общецерковным. Эта догма, говорит он, вела к установлению нового принципа, совершавшего революцию в древнем католическом учении церкви. Филипп Гергенротер в *Katholisches Kirchenrecht* (p. 344 sq.) высказывает такое же мнение — собор не был законным вплоть до отречения Григория.

Мудрость собора, обеспечившего отречение Григория и низложившего Иоанна и Бенедикта, не оспаривается. Действенность избрания им Мартина V, несмотря на пренебрежение папским правилом, ограничивающим право голосования кардиналов, также признается на том основании, что к моменту избрания Мартина собор был санкционирован Григорием и Григорий был настоящим папой, пока не отрекся.

Серьезное возражение против взгляда, отрицающего правомерность четвертого — пятого заседаний, основано на формальном заявлении Мартина V. На последнем заседании собора, после объявления о его роспуске, состоялось спонтанное обсуждение трактата о положении в Польше и Литве, написанного доминиканцем Фалькенбергом в защиту тевтонских рыцарей и оправдывающего убийство польского короля и всех его подданных. Народы обсудили это произведение и объявили его вопиющей ересью, которую невозможно оставить без осуждения на соборе, чтобы последующие поколения по недосмотру не зачислили это ложное свидетельство в догматы ортодоксии. И вот во время этого спонтанного обсуждения, состоявшегося уже после роспуска собора, Мартин произнес слова, которые представляются нам санкционированием всех принятых собором решений. Чтобы

прекратить спор, он объявил, что поддерживает все решения, принятые собором по вопросам веры: *Omnia et singula determinata et conclusa et decreta in materiis fidei per praesens sacrum concilium generale Constantiense conciliariter tenere et inviolabiliter observare volebat et nunquam contravenire quoquomodo*. Более того, он объявил, что санкционирует и ратифицирует акты, принятые «собором, а не иным способом» (*Ipsaque sic conciliariter facta approbat papa et ratificat et non aliter nec alio modo*). Функ (*Martin V und das Konzil zu Konstanz in Abhandlungen*, I. 489 sqq.), Гефеле (*Concilien-gesch.*, I. 52) и Кюппер (*Wetzer-Welte*, VII. 1004 sq.) сводят смысл этих слов лишь к эпизоду с Фалькенбергом. Функ, узко понимая сочетание «в вопросах веры», исключает из папской санкции решения четвертого и пятого заседаний. Доллингер же (р. 464) полагает, что выражение *conciliariter* («соборным образом») противопоставлено *nationaliter* («народами»), и это выражение следует воспринимать в его буквальном значении — оно касается того, что было совершено собором в качестве такового.

Мартин высказывался на данную тему также в булле *Frequens* от 22 февраля 1418 г., где он признал собор как общецерковный и объявил его постановления обязательными для веры и спасения душ (*quod sacrum concilium Constant., universalem ecclesiam representans approbavit et approbat in favore fidei et salutem animarum, quod hoc est ab universis Christi fidelibus approbandum et tenendum*). Гефеле и Функ указывают, что это заявление не исключает вопросов, не относящихся к вере, — ибо Мартин явно одобрил и другие решения, например, принятые на тридцать девятом заседании. У нас нет свидетельств того, что Мартин когда-либо говорил что-то могущее пролить свет на эти два его изречения.

В конце XV века, как видно из Райнальда (*an.* 1418), стало фигурировать мнение, что Мартин вовсе не намеревался одобрить постановления четвертого — пятого заседаний.

Преемник Мартина V Евгений IV в 1446 г., через тридцать лет после синода, утверждал, что постановления собора должны быть приняты, но в той мере, в какой они не противоречат праву, достоинству и превосходству апостольского престола (*absque tamen praejudicio juris et dignitatis et praeminentiae Apost. sedis*). Папство к тому времени вернуло утраченный престиж, и верховный понтифик был достаточно силен, чтобы вновь говорить о превосходстве апостольского престола над общецерковными соборами. Однако до этого, в булле от 13 декабря 1443 г., он формально признал решения собора в Базеле, самым явным из которых было подтверждение актов собора в Констанце, принятых на четвертом и пятом заседании.

Протестантам представляется, что собор в Констанце вряд ли выбрал бы папой Оддо Колонна, если бы тот выступал против решений собора о высшей власти понтифика. Собор просто уничтожил бы результаты своей работы, избрав человека, которому захотелось бы отменить такое важное решение. Да и Колонна вряд ли мог отрицать власть собора. Это, как говорит Доллингер (р. 159), было бы подобно отказу сына от своих родителей. Достаточно легкий выход из этого трудного положения — тенденция католических историков недавнего времени ставить акцент на том, что общецерковный характер синода был впервые установлен лишь Григорием, — и таким подходом подкрепляется мнение, что папы именно римской линии были законными преемниками святого Петра в годы раскола.

§17. Собор в Базеле. 1431 — 1449

Мартин V оказался способным и вдумчивым управителем, достаточно смелым перед лицом чрезвычайных ситуаций. Он покинул Констанц 16 мая 1418 г. Сигизмунд, выезжавший из города на следующей неделе, предложил ему в качестве папской резиденции Базель, Страсбург или Франкфурт. Франция настаивала на правах Авиньона. Но Колонна был согласен жить только в Риме, и, миновав Берн, Женеву, Мантую и Флоренцию, он вступил в вечный город 28 сентября 1420 г.³²⁵ Задержка была вызвана разгоревшейся борьбой за этот город между силами Иоанны Неаполитанской под командованием Сфорца и смелым капитаном Браччо³²⁶. Мартин обеспечил отказ Иоанны от притязаний на город, признав принцессу королевой Неаполя, и умиротворил Браччо, отдав ему Ассизи, Перуджу, Йези и Тоди.

Когда Мартин достиг Рима, город находился в плачевном состоянии. Он был добычей разбойников. Улицы были полны отхождений и застоявшихся луж. Мосты

³²⁵ Richental, pp. 149 sqq.

³²⁶ *Infessura*, p. 21.

разрушались. Многие церкви стояли без крыш. На землях, прилегающих к собору Св. Павла, паслись коровы и овцы. Волки нападали на горожан прямо в черте города³²⁷. С прибытием Мартина началась новая эпоха. Папа освободил город от разбойников, и люди могли безопасно ходить с золотом в карманах даже за пределами городских стен. Он восстановил Латеранский дворец и обновил в нем полы. Он починил портик собора Св. Петра и сделал в соборе новую крышу, которая обошлась в 50 тыс. золотых гульденов. Бунты в черте города прекратились. Мартин заслуживает уважения как один из главных благодетелей Рима. Его понтификат был периодом мира после долгих лет непрекращавшихся раздоров и кровопролития из-за споров между самими горожанами и вторжений извне. С Мартином завершается средневековая история и начинается век возрождения и прогресса. На могиле Мартина в Латеранском дворце написано, что он был «счастьем для своего времени» (*temporum suorum felicitas*). Так Рим выразил свой долг этому папе.

Мартин проявил интерес к религии, приказав перевезти в Рим останки Моника, матери Августина, и издав буллу о ее канонизации. По прибытии останков Мартин выступил с публичным обращением, в котором сказал: «У нас есть святой Августин, так зачем же нам проникательность Аристотеля, красноречие Платона, репутация Пифагора? Мы не нуждаемся в этих людях. Нам достаточно Августина. Если мы хотим узнать истину, науку и веру, где мы найдем кого-либо более мудрого, ученого и святого, чем святой Августин?»

Что касается обещаний церковных реформ, сделанных в Констанце, то Мартин не обращал на них внимания, и объяснение Пастора, говорящего, что он был слишком занят управлением Римом и благоустройством этого города, его не оправдывает. Старые злоупотребления при распределении должностей и торговля ими продолжались. Папа не собирался отказываться от монархических претензий. Не забывал он и о своих родственниках. Один из его братьев, Джордано, стал герцогом Амальфи, другой, Лоренцо, — графом Альбы. Одного из племянников, Просперо, он облачил в пурпур (1426). Он также выделил своей семье большие земельные участки³²⁸.

В соборе, который, согласно решению Мартина в Констанце, собрался в Павии в апреле 1423 г., принимало участие небольшое количество делегатов. Он был отложен из-за чумы в Сиене и, осудив заблуждения Виклифа и Гуса, был распушен 7 марта 1424 г. Мартин и его преемники боялись соборов и старались по возможности предотвратить их созыв с помощью разнообразных предлогов и отсрочек. Зачем папе было нужно выслушивать наставления и получать приказы? Однако Мартин не мог оставаться совершенно глух к требованиям христианского мира и забыть о своем обещании, данном в Констанце. В Риме стали развешивать листовки с угрозами, требующие от него созыва собора. По принуждению, а не по доброй воле он назначил второй собор, который должен был собраться через семь лет в Базеле (1431), но Мартин умер в том же году, до начала заседаний.

Венецианец Евгений IV, занявший после него папский престол (1431 — 1447), в возрасте двадцати четырех лет был сделан епископом Сиены по решению

³²⁷ Пять крупных волков было убито в ватиканских садах 23 января 1411 г. (Gregorovius, VI. 618).

³²⁸ Pastor (I. 227), пылкий поклонник Мартина, сквозь пальцы смотрит на nepотизм папы, просто отмечая, что в этом плане он выходил за границы подобающего поведения (*er hat das Mass des Erlaubten überschritten*).

своего дяди с материнской стороны Григория XII, а вскоре после этого вошел в курию. В свою бытность папой он в основном старался отстоять высшую власть папства, борясь с консилиаризмом. В это время также была предпринята самая примечательная попытка воссоединить греков с Западной церковью.

В соглашении, которое заключил конклав, возвысивший Евгения, кардиналы обещали, что тот, кто будет выбран, будет действовать в интересах приближающегося общецерковного собора, будет следовать постановлениям собора в Констанце при назначении кардиналов, станет советоваться со священной коллегией по вопросам папской администрации и проведет реформы в церкви. Такое соглашение подписал конклав, избравший Иннокентия VI (1352), и такие соглашения будет подписывать почти каждый конклав после Евгения вплоть до Реформации, но без особого результата, ибо после окончания выборов папы отвергали это соглашение и начинали следовать собственному курсу.

В день, в который должен был начаться собор в Базеле, 7 марта 1431 г., там присутствовал только один прелат, аббат Везелея. Формальное открытие состоялось 23 июля, но кардинал Чезарини, который должен был председательствовать по воле Мартина и Евгения, появился только 9 сентября. Он был вынужден, как папский легат, разбираться с восстанием гуситов в Богемии. Сигизмунд послал на собор герцога Вильгельма Баварского в качестве протектора, и количество участников быстро возросло. Если соотнести количество присутствовавших ученых и прелатов, то ученых было больше, чем в Констанце. Говорят, среди 500 членов собора вряд ли нашлось бы 20 епископов. Остальные были клириками низшего ранга или мирянами. «В древности епископы решали проблемы церкви, теперь это делает паства»³²⁹. Самым интересным персонажем на соборе был Эней Сильвий Пикколомини, прибывший в Базель в качестве секретаря кардинала Капраники. Он участвовал в заседаниях некоторых важных комиссий.

Перед собором были поставлены следующие задачи: завершить намеченное собором в Констанце, проведя реформы³³⁰, и мирно уладить вопрос с богемской ересью. Собор предпринял замечательные усилия для решения обеих задач, но не был поддержан папой и в результате превратился в поле битвы между сторонниками папского абсолютизма и консилиаризма. Споры велись письменно и устно. Николай Кузанский, представитель схоластов, выступил в 1433 г. за высшую власть соборов в своем труде *Concordantia catholica*. Доминиканец Иоанн Туррекремата выступил в поддержку противоположного взгляда и отстаивал учение о папской непогрешимости в своей *Summa de ecclesia et ejus auctoritate*. В течение многих лет этот последний труд был классическим авторитетом, подтверждающим папские претензии.

Проблемы решались не народами, а четырьмя комитетами, каждый из которых состоял из равного количества представителей четырех народов и избирался на месяц. Когда они приходили к согласию по какому-то вопросу, дело представляли на публичном заседании перед всем собором.

Вскоре стало очевидно, что синод не признаёт над собой никакой земной власти и не собирается слушать доводы противоположной стороны. С другой стороны, Евгений не был готов терпеть свободные обсуждения и самоутверждение синода. Он принял неудачное решение отложить синод и перенести его в Боло-

³²⁹ Traversari, цит. в Creighton, I. 128.

³³⁰ *Ob reformationem Eccles. Dei in capite et membris specialiter congregatur* (Mansi, XXIX. 165, etc.).

нию, объявив о собрании кардиналов 18 декабря 1431 г. Булла была обнародована в Базеле месяц спустя и произвела сильное впечатление. Синод тут же ответил, что продолжает свои заседания. Это было бунтом, но на стороне синода были народы и общественное мнение, а также постановления собора в Констанце. Синод настаивал на личном присутствии Евгения, а 15 февраля 1432 г. объявил о своей высшей власти и о том, что папа не имеет права откладывать или переносить общецерковный собор без согласия последнего.

Сигизмунд получил железную корону в Милане 25 ноября 1431 г. В это время он решительно поддерживал притязания собора. Французский синод, собравшийся в Бурже в начале 1432 г., санкционировал их, а Парижский университет писал, что указ Евгения о переносе собора выпущен по дьявольскому наущению. Собор становился все смелее. На третьем заседании, 29 апреля 1432 г., он призвал папу отменить свою буллу и явиться на собор лично. На четвертом заседании, 20 июня, собор объявил, что, если папский престол опустеет, избрание должно проводиться в Базеле и что, оставаясь вдали от Базеля, Евгений не имеет права назначать новых кардиналов. Собор пошел еще дальше. Он обвинил папу в неявке, а 18 декабря дал ему 60 дней на то, чтобы прибыть в город, угрожая в противном случае начать формальное разбирательство против него.

Сигизмунд, который был коронован императором в Риме в следующую весну, 31 мая 1433 г., не был готов к столь категорическим заявлениям. Он вернулся в Базель в октябре, но, независимо от присутствия императора, собор продолжал двигаться в избранном направлении и неоднократно заявлял о своей высшей власти, цитируя постановления собора в Констанце, его четвертого и пятого заседаний. Голос западного христианского мира был против Евгения, как и голос большинства его кардиналов. Под давлением оппозиции и опасаясь переворота, угрожавшего его власти в Риме, папа уступил и в указе от 13 декабря 1433 г. отозвал три буллы — начиная с выпущенной 18 декабря 1431 г. о переносе синода. Он заявил, что действовал по совету кардиналов, но теперь объявляет «общецерковный собор в Базеле законным с момента его открытия». Он отменял, аннулировал и объявлял недействительными любые высказывания или постановления против святого синода или отрицающие его власть³³¹. В то же время папа назначил легатов для председательства на соборе, и собор их принял. Они поклялись, от своего собственного имени, признавать и отстаивать решения собора.

Невозможно было отменить предыдущий папский указ в еще более явной форме. Латинские выражения там подобраны очень тщательно, и католические историки просто воздерживаются от опровержения ясного смысла буллы, которая губительна для учения о папской непогрешимости и признает высший авторитет общецерковных соборов. В лучшем случае они комментируют это постановление как можно короче и либо удовлетворяются заявлением о том, что Евгений не собиравшись признавать подтверждение собором знаменитых решений Констанца, либо высказывают предположение, что папа выпустил этот документ под давлением³³². Но оба мнения необоснованны. Папа не делал никаких исключе-

³³¹ *Decernimus et declaramus generale concil. Basileense a tempore inchoationis suae legitime continuatum fuisse et esse... quidquid per nos aut nostro nomine in prejudicium et derogationem sacri concil. Basileensis seu contra ejus auctoritatem factum et attentatum seu assertum est, cassamus, revocamus, irritamus et annullamus, nullas, irritas fuisse et esse declaramus* (Mansi, XXIX. 78).

³³² Так считают Hergenröther-Kirsch, II. 919, Pastor, I. 288, etc. Funk (*Kirchengesch.*, p. 874) с обычной прямотой говорит, что Евгений в своей булле выражает безусловное согласие с собором (*So verstand er sich endlich zur unbedingten Annahme der Synode*).

ний, подтверждая акты синода «с момента его открытия». Что же касается мнения, будто папу вынудили принять такой указ, следует сказать только, что на тот момент еще не разразился бунт против папы в Риме в мае 1434 г., в котором Колонна приняли заметное участие. Так что никакого принуждения не было — кроме простого понимания, что дело проиграно. Чезарини, Николай Кузанский, Эней Сильвий, Иоанн, патриарх Антиохии, и другие выдающиеся участники собора в Базеле выступали за высшую власть соборов. Они и синод не приняли бы папского документа, если бы в нем говорилось что-то иное. Доллингер завершает свой рассказ словами, что булла Евгения — самое несомненное и безошибочное признание власти соборов, какое только возможно, и что папа подчинился ей.

Евгений был последним папой, не считая Пия IX, которому пришлось бежать из Рима. До него бежать из города приходилось двадцати пяти папам. Переодетый монахом-бенедиктинцем и проделавший часть пути на плечах моряка, он добрался до лодки на Тибре, но был узнан и заброшен градом камней, от которых спасся, лежа пластом на дне лодки и укрываясь щитом. Достигнув Остии, он сел на галеру, отплывавшую в Ливорно. Оттуда он направился во Флоренцию. Он оставался в изгнании с 1434 по 1443 г.

Пытаясь умиротворить гуситов, собор даровал им право пользоваться чашей и сделал другие уступки. Причины их оппозиции церкви были изложены в четырех Пражских статьях. Синод ввел совершенно новый метод обращения с еретиками, гарантировав гуситам и их представителям полное право обсуждения. Решив вопрос о своей власти, синод предпринял меры для реформы церкви, «ее главы и членов». Он ограничил количество кардиналов двадцатью четырьмя и настаивал на наличии у них соответствующих качеств (необходимая мера, так как Евгений сделал кардиналами двух своих племянников). Аннаты, выплаты за паллий, продажа церковных должностей и другие подати, учрежденные апостольским престолом, были упразднены. Право апелляции в Рим было ограничено. Среди прочих мер было подтверждение закона о celibате священников³³³ и запрет на театральные представления и прочие развлечения в церковных зданиях и дворах. В 1439 г. синод выпустил указ о непорочном зачатии, согласно которому Мария всегда была свободна от первородного и реального греха³³⁴. Покушение на папские доходы, повлиявшее на весь его двор, было в какой-то степени смягчено за счет обещания позаботиться о других источниках. Из единовластного главы церкви, непосредственно назначенного Богом и не отвечающего перед человеческим судом, верховный понтифик превратился в исполнителя воли собора. Параллельно был принят комплекс мер в попытке очистить Базель от зол, сопровождающих большие стечения народа, — таких как азартные игры, танцы и изобилие блудниц, которым было запрещено показываться на улицах.

Евгений не оставался праздным, пока собор покушался на его прерогативы и несвойственным для папы образом обращался с еретиками. 1 июня 1436 г. он обратился к князьям Европы, жалуюсь на такие своевольные меры, как отмена папских источников дохода, устранение молитвы за папу из литургии и предоставление права голоса на синоде низшему клиру. В это время проблема союза с греками, приобретая очень большое значение, дала папе возможность вновь утвердить свою власть и прекратить собор в швейцарском городе.

³³³ *De concubinariis* (Mansi, XXIX. 101 sq.).

³³⁴ *Immunem semper fuisse ab omni originali et actuali culpa*, etc. (Mansi, XXIX. 183).

Предложения воссоединения, исходившие от Константинополя, одновременно были сделаны несколькими группами послов, отправленных к папе и собору. Одна встретила с Евгением в Болонье, другая появилась в Базеле летом 1434 г. Обсуждая возможное место встречи представителей двух церковных сообществ, греки предпочитали какой-нибудь итальянский город или Вену. Это вполне подходило Евгению, который даже предложил встретиться в Константинополе, но синод резко сообщил ему, что о городе на Босфоре не может быть и речи. Участники собора предложили Базель, Авиньон или один из городов в Савойе, ослабляя тем самым свои позиции. В 1437 г. в Константинополь прибыли две делегации, одна от собора и одна от папы, предлагавшие разные места встречи.

Когда дело дошло до принятия окончательного решения, собор 355 голосами против 244 решил продолжать заседания в Базеле или, если грекам это неудобно, то в Авиньоне. Меньшинство, руководствуясь желаниями папы, высказалось за Флоренцию или Удине. В булле от 18 сентября 1437 г., подписанной восемью кардиналами, Евгений осуждал синод за переговоры с греками, объявлял его отложенным и, якобы по просьбе греков, переносил его в Феррару³³⁵.

Планы собора были расстроены, хотя его участники еще не понимали своего положения. Воссоединение христианского мира было чрезвычайно важным вопросом. В умах людей оно превосходило по важности реформу церковных злоупотреблений. И все греки отправились в Феррару. Прелаты, находившиеся в Базеле, постепенно удалились за Альпы, в том числе кардиналы Чезарини и Николай Кузанский. Единственным кардиналом, оставшимся в Базеле, был Алеман, архиепископ Арля. Началась открытая борьба между папой и собором, которая могла привести либо к расколу западного христианского мира, либо к полной победе папства. Споры в Базеле были столь ожесточенными, что горожанам приходилось вооружаться и вмешиваться, дабы предотвратить насилие. Консилиаризм сражался за свою жизнь. На двадцать восьмом заседании, в октябре 1437 г., собор объявил папскую буллу недействительной и призвал Евгения в течение шестидесяти дней явиться на собор лично или прислать депутата. Четыре месяца спустя, 24 января 1438 г., собор объявил Евгения смещенным с должности, а 25 июня 1439, на тридцать четвертом заседании, — «устраненным, низложенным, лишенным прав и низвергнутым» как возмутителя спокойствия церкви, симониста и клятвопреступника, несправимого, отошедшего от веры, раскольника и упорствующего еретика³³⁶. До этого, на тридцать третьем заседании, собравшиеся снова торжественно объявили о высшей власти соборов и отрицали право папы откладывать или переносить общецерковный собор. А тех, кто утверждает обратное, собор объявлял еретиками.

Тем временем 8 января 1438 г. открылся собор в Ферраре, и каждый день в нем участвовало все большее количество людей. Карл VII встал на сторону Евгения, хотя французский народ на синоде в Бурже летом 1438 г., по сути, принял реформы, предложенные Базельским собором³³⁷. Это решение, известное как

³³⁵ О «переносе» говорит сам папа: *transferendo hoc sacrum concilium in civitatem Ferrarensium* (Mansi, XXIX. 166). Причины переноса собора в итальянский город и интересные сведения об обсуждении места сбора см. в Haller, *Conc. Bas.*, I. 141-159.

³³⁶ *Eugenium fuisse et esse notorium et manifestum contumacem, violatorem assiduum a tunc contemptorem sacrorum canonum synodaliū, pacis et unitatis Eccles. Dei perturbatorem notorium... simoniacum, perjurum, incorrigibilem, schismaticum, a fide devium, pertinacem hae reticum, dilapidatorem jurium et bonorum ecclesiae, inutilem et damnosum ad administrationem romani pontificii, etc.* (Mansi, XXIX. 180).

³³⁷ Мирбрт приводит часть из них (*Quellen*, p. 160).

Прагматическая санкция, подтверждало высшую власть соборов и их созыв раз в десять лет, упраздняло аннаты и право первых плодов, устанавливало назначение на крупные бенефиции посредством выборов и ограничивало количество кардиналов двадцатью четырьмя. Эти важные постановления, опирающиеся на решения собора в Констанце, стали основой галликанских свобод.

Немецкие князья и церковные деятели либо оставались нейтральными, либо открыто поддерживали Базельский собор. Сигизмунд умер в конце 1437 г., и, перед избранием в качестве преемника его зятя Альбрехта II, электоры во Франкфурте высказались за нейтралитет. Альбрехт прожил лишь два года после своего избрания королем римлян. Его сменил его дядя, Фридрих III. Фридрих несколько лет соблюдал нейтралитет, после чего встал на сторону Евгения.

Не желая, чтобы его решения игнорировали и отменяли, собор в Базеле, назначив комиссию из тридцати двух человек, во главе которой стоял д'Алеман, в 1439 г. выбрал папой Амадея, герцога Савойского³³⁸. После смерти своей жены (1435) Амадей основал орден святого Мавриция и жил с несколькими товарищами в уединении в Рипайле, на берегу Женевского озера. Он был богат и из влиятельной семьи. Он принял имя Феликса V и назначил четырех кардиналов. Через год после избрания, сопровождаемый двумя своими сыновьями, он вступил в Базель и был коронован кардиналом Д'Алеманом. Говорят, что тиара стоила 30 тыс. крон. Так западный христианский мир вновь оказался свидетелем раскола. Феликса поддерживала Савойя и некоторые немецкие князья, Альфонсо Арагонский и университеты Парижа, Вены, Кельна, Эрфурта и Кракова. Фридрих III держался подальше от Базеля и отказался от брака с Маргаритой, дочерью Феликса и вдовой Людовика Анжуйского, за которой давали приданое в 200 тыс. дукатов.

Папе удалось привлечь на свою сторону Фридриха III, римского короля, в основном благодаря продажности главного министра Фридриха Каспара Шлика и предательству Энея Сильвия, который покинул одну сторону и примкнул к другой, так как это было ему выгодно. Из решительного защитника собора он превратился в сторонника Евгения, перед которым он во всем исповедался, а из слуги Феликса — в секретаря Фридриха и оказался самым проникновенным и сговорчивым агентом Евгения. Он был способным дипломатом и чутко улавливал, куда дует ветер.

Архиепископы Трира и Кельна, которые открыто поддерживали собрание в Базеле, были смещены Евгением в 1446 г. В тот же год шесть электоров предложили Евгению свое послушание, если он признает высшую власть общецерковного собора и в течение тринадцати месяцев созывает новый собор на немецкой почве. Следуя совету Энея Сильвия, папа повел себя мудро и продемонстрировал готовность к примирению. Папские делегаты явились на сейм, собравшийся в сентябре 1446 г., и Энею удалось привлечь на сторону папы маркграфа Бранденбургского и других влиятельных князей. В следующем январе он и другие послы прибыли в Рим как представители архиепископа Майнца, Фридриха III и других князей. В результате переговоров был принят конкордат — так называемый конкордат князей (*Fürsten Konkordat*), посредством которого папа восстановил на постах двух смещенных архиепископов, признал высшую власть общецерковных соборов и дал Фридриху право при его жизни назначать епископов Тренто,

³³⁸ Н. Manger, *D. Wahl Amadeos v. Savoyen zum Papste*, Marburg, 1901, p. 94. В 1416 г. Сигизмунд сделал графов Савойских герцогами.

Бриксена, Хура, Гурка, Триеста и Пилзена, а также ему и его потомкам — право заполнять, с одобрения папы, 100 австрийских бенефициев. Эти уступки Евгений ратифицировал в четырех буллах, от 5 — 7 февраля 1447 г. В одной из них, булле *Salvatoria*, объявлялось, что в предыдущих трех буллах папа не имел намерения умалить права апостольского престола, а если его преемники сочтут его уступки противоречащими учению отцов, они могут считать их недействительными. Соглашение было отпраздновано в Риме под звон колоколов и было подтверждено Николаем V в так называемом Венском конкордате 17 февраля 1448 г.³³⁹

Евгений умер 23 февраля 1447 г. и был похоронен рядом с Евгением III в соборе Св. Петра. Он ничего не сделал для проведения реформ в церкви. Как и Мартин V, он любил искусство, вкус к которому развил во время изгнания во Флоренции. Ему удалось сохранить средневековые воззрения на папство и задержать реформу церкви, которая, когда наступило ее время, привела к расколу западного христианского мира, продолжающемуся по сей день.

Базельский собор продолжал тянуться, монотонно и без определенных событий. Больше ничего примечательного на нем не случилось. Противореча сам себе, собор даровал Феликсу десятину. В июне 1448 г. он переместился в Лозанну. От его участников осталась горстка людей. Устав быть синонимом неудачи, собор проголосовал за признание законным папой Николая V, преемника Евгения, и тихо почил 25 апреля 1449 г. Феликс же, вежливо отменив свои буллы с анафемой против Евгения и Николая, отрекся. Он не пострадал и не был вынужден каяться в том, что высокомерно исполнял функции папы. Его сделали кардиналом-епископом Сабини и апостольским наместником в Савойе и других районах, которые закли его решение «повиноваться». Трое из его кардиналов были приняты в курию, д'Алеман прощен. Феликс умер в Женеве в 1451 г.³⁴⁰

С тех пор у римской курии не было антипап. Базельский собор завершил череду трех соборов, основной задачей которых было прекращение папского раскола и борьба со злоупотреблениями в церкви. Раскол был прекращен, но злоупотребления в церкви остались и при последних папах XV века стали более вопиющими, чем когда бы то ни было. Но даже в этом плане соборы не были напрасны, потому что своими решениями они предупредили деятелей протестантской Реформации: не стоит уповать на церковные собрания. Что касается теории высшей власти общецерковных соборов, которую там с таким достоинством отстаивали, то она была гордо отвергнута более поздними папами на практике, объявлена ошибочной на Пятом Латеранском соборе (1516)³⁴¹ и аннулирована догмой о папской непогрешимости, принятой на Ватиканском соборе 1870 г.

§18. Собор в Ферраре — Флоренции. 1438 — 1445

На соборе в Ферраре греки подчинились апостольскому престолу. Этот собор не пытался решать проблему церковных реформ и соперничать с Базельским собором. После шестнадцати заседаний в Ферраре Евгений в феврале 1439 г.

³³⁹ Приводится в Mirbt, p. 165 sqq.

³⁴⁰ В своей булле *Ut pacis* (1449), признавая решение Лозаннского собора в его пользу, Николай V назвал Амадея «своим уважаемым и возлюбленным братом» и признал за Базельско-Лозаннским собором статус общецерковного (*sub nomine generalis concilii* — Labbaeus, XII. 663, 665).

³⁴¹ *Sess. XI. Romanum pontificem tanquam super omnia concilia auctoritatem habentem, conciliorum m indicendorum transferendorum ac dissolvendorum plenum jus et potestatem habere*. Этот собор объявил собор в Базеле «малым собором», *conciliabulum*, или даже «соборчиком», *conventicula* (Mansi, XXXII. 967).

перенес собор во Флоренцию. В качестве причины указывались нездоровые условия в Ферраре, но на самом деле флорентийцы предложили Евгению обеспечить гарантированную поддержку гостями с Востока, удалив их от побережья, — чтобы греки просто не могли вернуться домой до заключения союза. В 1442 г. собор был перенесен в Рим, и два его заседания состоялись в Латеранском дворце. Заседания в Ферраре, Флоренции и Риме прибавляются к первым двадцати пяти заседаниям в Базеле — и все вместе они считаются семнадцатым общецерковным собором³⁴².

Раскол между Западом и Востоком, формально начавшийся в середине IX века, когда патриархами Рима и Константинополя были, соответственно, Николай I и Фотий, усугубился вследствие крестовых походов и захвата Константинополя в 1204 г. Интерес к воссоединению двух ветвей церкви был проявлен во время обсуждения в Бари (1098), когда Ансельма попросили изложить разногласия с греками, и этой теме были посвящены трактаты Фомы Аквината и других богословов. Единственная примечательная попытка воссоединения была сделана на Втором Лионском соборе (1274), когда делегация с Востока заключила соглашение — впрочем, не признанное восточными церквями. В 1369 г. император Иоанн V Палеолог посетил Рим и отказался от раскола, но его действия вызвали неблагоприятный отклик в Константинополе. В Констанце (1418) появлялись послы от Мануила II Палеолога и патриарха Константинополя³⁴³, а в 1422 г. Мартин V послал францисканца Антония Массана на Босфор с девятью статьями, которые должны были стать основой союза. Эти статьи привели к переговорам, которые и завершились в Ферраре.

Ни Евгений, ни греки не заслужили похвал за свое участие в переговорах. Греки действовали исключительно из желания получить помощь Запада в борьбе против турецкого вторжения, а не из религиозного рвения. Что же касается латинян, то им пришлось оплатить все расходы греков во время их путешествия в Италию, пребывания в Италии и на пути обратно. Католические историки без особого энтузиазма описывают бессмысленные достижения Евгения³⁴⁴.

Греческая делегация была велика и внушала надежды. В ее состав входили император и патриарх Константинополя {Иосиф II, а также двадцать митрополитов}. На венецианских судах, нанятых папой, император Иоанн VIII Палеолог прибыл в Венецию в феврале 1438 г.³⁴⁵ Ему оказали блестящий прием, но можно предположить, что удовольствие императора от празднеств было омрачено воспоминаниями о взятии и разграблении его столицы в 1204 г. предками тех, кто его принимал. Иоанн прибыл в Феррару 6 марта. Греческая делегация состояла из 700 человек. Евгений приехал в город 27 января. В булле, зачитанной на синоде, он называл императора своим наивозлюбленным сыном, а патриарха — благочестивейшим братом³⁴⁶. В публичном обращении, произнесенном кардиналом Чезарини, было объявлено о четырех разногласиях двух церковных сообществ: касательно исхождения Святого Духа, касательно использования пресного хлеба в

³⁴² Hefele-Knöpfner, *Kirchengesch.*, p. 477.

³⁴³ Richental (*Chronik*, p. 113) упоминает об их прибытии.

³⁴⁴ Hefele-Knöpfner, *Kirchengesch.*, p. 476; Hergenröther-Kirsch, II. 949; Funk, *Kirchengesch.*, p. 377. Pastor (II. 307) пишет: «Die politische Nothlage brachte endlich die Griechen zum Nachgeben».

³⁴⁵ Рассказ о прибытии императора в Венецию и его пребывании там см. в Mansi, XXXI. 463 sqq.

³⁴⁶ *Dilectissimus filius noster Romaeorum imperator cum piissimo fratre nostro, Josepho Const. patriarcha* (Mansi, XXXI. 481).

евхаристии, касательно учения о чистилище и касательно высшей власти папы. Обсуждения представляли собой печальную картину богословских пикировок и путаницы. Участники не выказывали ни малейшего интереса к религиозным потребностям человечества. Греки тянули время, наслаждаясь гостеприимством своих хозяев. Латиняне настаивали на высшей власти римского понтифика, а гости с Востока, занятые соображениями мирской политики, помышляли лишь о защите своей ослабевшей империи.

Среди самых выдающихся греческих участников были Виссарион, епископ Никеи, Исидор, архиепископ Киевский, и Марк Евгеник, архиепископ Эфеса. Виссарион и Исидор остались на Западе после роспуска собора, и Евгений сделал их кардиналами. А вот архиепископом Эфеса мы восхищаемся за то, что он отказался раболопно склониться перед папой и принять статьи соглашения вместе со своими коллегами. Ведущими лицами среди латинян были кардиналы Чезарини и Альбергати и испанец Туррекремата, который тоже был сделан кардиналом после завершения собора.

Сначала переговоры касались вопросов этикета. Евгений дал личную аудиенцию патриарху, но отказался от церемонии целования ноги. Важной проблемой стало размещение делегатов в зале, и греческий император позаботился о том, чтобы сидения, выделенные для греков, тщательно измерили и чтобы их положение не было менее почетным, чем положение латинян³⁴⁷. Папа обещал содержать своих гостей и каждый месяц выделял тридцать флоринов императору, двадцать пять — патриарху, по четыре — каждому из прелатов и по три — каждому из прочих членов делегации. Но как могли высокомерные латиняне уважать восточного императора и церковных лидеров, прибывших с целью объединения церкви, если гости захотели принимать пособие от папы и быть у него на содержании?!

Первое общее заседание собора состоялось только 8 октября 1438 г. Основную его часть заняло длинное обращение Виссариона, а основную часть второго заседания — еще более длинная речь другого грека. Свой вклад в задержку переговоров внес и император, который большую часть времени охотился. Сначала греки настаивали на том, что ничего не хотят добавлять к первоначальному символу веры. Снова и снова они собирались удалиться, но их останавливал страх перед турками и пустые кошельки³⁴⁸.

Комиссия из двадцати человек, десяти греков и десяти латинян, была назначена для предварительного обсуждения разногласий.

Греки приняли поправку, сделанную к Константинопольскому символу веры на синоде в Толедо (589) и гласящую, что Дух исходит от Отца *и от Сына*, — но с тем условием, что им не надо будет вводить *filioque* в свой символ веры. Они оправдывали свою позицию тем, что, по их пониманию, латиняне заявляли об исхождении Духа от Отца и Сына как из двух первопричин. Обоюдно признанная формулировка гласила: «Дух исходит от Отца и Сына вечно и по сущности как из одного источника и причины»³⁴⁹.

О чистилище было решено, что сразу после смерти блаженные получают возможность узреть Бога (греки такое отрицали). Души в чистилище очищаются

³⁴⁷ Syrophulos. См. Hefele *Conciliengesch.*, VII. 672.

³⁴⁸ Hergenröther-Kirsch (II. 949) особо указывают на согласие греков принимать милостыню.

³⁴⁹ *Aeternaliter et substantialiter tanquam ab uno principio et causa*. А фразы *ex patre et filio* {от Отца и Сына} и *ex patre per filium* {от Отца через Сына} были объявлены идентичными по значению.

болью, и их очищение может ускориться молитвами живых. По настоянию греков было опущено упоминание о физическом огне как очищающем элементе.

Римляне пошли на уступку касательно использования дрожжевого хлеба у греков.

В вопросе евхаристии греки, которые после слов «сие есть Тело Мое» просят, чтобы Дух превратил хлеб в Тело Христа, согласились, что пресуществление происходит при произнесении слов священником, но при условии, что это утверждение не будет фиксироваться в письменных артикулах веры.

Самой сложной проблемой оказалась высшая власть Римского епископа. Статья соглашения признает его «обладающим властью над всем миром, наместником Петра и истинным наместником Христа, главой всей церкви, отцом и учителем всех христиан, которому, в лице Петра, Христос дал общецерковную власть кормить, править и руководить»³⁵⁰. В оригинальном документе эта замечательная уступка была ограничена добавлением слов: «в точности как записано и в актах вселенских соборов, и в святых канонах»³⁵¹. Но позже латиняне изменили эту фразу на «в точности как записано еще в актах вселенских соборов и в святых канонах». Латинская фальсификация превратила даже древние вселенские соборы в свидетельства о высшей власти римского понтифика.

Статьи соглашения были включены в решение³⁵², начинающееся словами *Laetentur coeli et exultat terra* («Да ликуют небеса и радуется земля»). Там объявлялось, что стена, разделявшая Западную и Восточную церкви, сокрушена краеугольным камнем, Христом. Тьма долгого раскола отступила перед лучом согласия. Мать Церковь с радостью смотрит, как ее разлученные дети воссоединяются в духе мира и любви. Союз возможен по вмешательству благодати Святого Духа. Статьи были подписаны 5 июля 115 латинянами и 33 греками, 18 из которых были митрополитами. Архиепископ Марк Эфесский единственный из представителей Востока отказался подписывать документ. Патриарх Константинополя умер за месяц до подписания, но в своих письмах одобрил соглашение. Его тело похоронено в церкви Санта-Мария-Новелла во Флоренции. Все, что осталось нам от этого союза, — его останки и оригинальная рукопись соглашения, хранящаяся в Лаврентийской библиотеке во Флоренции.

6 июля 1439 г. соглашение было публично зачитано в соборе Флоренции. Греческий текст читал Виссарион, латинский — Чезарини. Присутствовал папа, который совершил мессу. Латиняне пели гимны на латыни, греки — на своем языке. Евгений обещал выделить для защиты Константинополя гарнизон на 302 галерах, а если будет необходимо, организовать вооруженную поддержку западного христианского мира. Выплата содержания задерживалась, а потому император пробыл в Европе еще месяц, чтобы получить деньги за пять месяцев, и затем вернулся через Венецию в свою столицу, в которой не был два года.

³⁵⁰ *Diffinimus sanctam apostol. sedem et Romanam pontificem in universum orbem tenere primum et ipsum pontificem Romanum successorem esse B. Petri principis apostolorum, et verum Christi vicarium, totiusque ecclesiae caput, et omnium Christianorum patrem et doctorem existere, etc.* (Mansi, XXXI. 1697).

³⁵¹ *Quemadmodum et in gestis oecumenicorum conciliorum et in sacris canonibus continetur.* Фальсификация фразы состояла в замене *et* {«и»} на *etiam* {«еще»}, так что фраза звучала: *...quemadmodum etiam in gestis, etc.* См. Döllinger-Friedrich, *D. Papstthum*, pp. 170, 470 sq. Доллингер говорит, что в римском издании 1626 г. собор в Ферраре назван восьмым вселенским.

³⁵² Этот документ вместе с подписями приводится в Mansi, pp. 1028-1036, 1695-1701. Hefele-Knöpfler (*Conciliengesch.*, VII. 742-753) считают его таким важным, что полностью приводят греческий и латинский текст оригинала, а также перевод на немецкий язык.

Соглашение, принятое в Ферраре, осталось только на бумаге. Все торжества и ликование от заключения союза стали просто смешны, когда его положения были категорически отвергнуты Константинополем.

По возвращении на Восток участников собора заклеили как азимитов (этим словом греки презрительно называли латинян за использование ими в евхаристии пресного хлеба). Исидор, объявивший о соглашении в Офене, был схвачен и помещен в монастырь, из которого два года спустя бежал в Рим. Патриархи Иерусалима, Антиохии и Александрии составили в Иерусалиме послание (1443), в котором осуждали Флорентийский собор как синод разбойников, а Митрофана, византийского патриарха, — как матереубийцу и еретика.

Статьи соглашения действительно были обнародованы в соборе Св. Софии 14 декабря 1452 г. латинским кардиналом, но шесть месяцев спустя Константинополь был уже в руках мусульман. Греческий собор, собравшийся в Константинополе (1472), официально отверг соглашение.

С другой стороны, весть об успехе римской политики прокатилась по Западной Европе. Положение Евгения укрепилось благодаря этому его пустому триумфу, а влияние Базельского собора пропорционально уменьшилось. Если в Ферраре и Флоренции и не были установлены сердечные отношения между церквями Востока и Запада, то влияние собора было благотворно в другом плане — он способствовал распространению греческой учености и литературы на Западе.

Делегации армян и яковитов прибыли во Флоренцию в 1439 и 1442 г. соответственно. Копты и эфиопы тоже послали делегации. Казалось, наступает время воссоединения разрозненных областей христианского мира³⁵³. Договоренность с армянами, о которой было объявлено 22 ноября 1439 г., гласила, что восточные делегаты признали исхождение Святого Духа от Сына и решение Халкидонского собора, согласно которому Христос обладает двумя природами и, соответственно, двумя волями. Армяне-униаты оказались верны соглашению, но армянский католикос Григорий IX, который попытался навязать союз, был смещен, и турки в 1461 г. посадили армянского патриарха в Константинополе. Союз с яковитами, о котором было объявлено в 1442 г., был отвергнут на Востоке повсеместно. Попытки примириться с коптами и эфиопами оказались напрасными. Евгений отправил послов на Восток, чтобы призвать к объединению маронитов и несториан. Несториане острова Кипр подчинились Риму, а марониты были приняты в римское сообщество век спустя, в 1516 г., во время Пятого Латеранского собора.

7 августа 1445 г. Евгений распустил долгий собор, который начался в Базеле, продолжился в Ферраре и Флоренции и завершился в Латеранском дворце.

³⁵³ См. Mansi, XXXI. 1047 sqq.; Hefele-Knöpfler, VII. 788 sqq. Единственной заметной встречей греческих и западных церковных деятелей с тех пор была Боннская конференция 1875 г., в которой приняли выдающееся участие Доллингер и старокатолики. В ней также участвовали доктор Филип Шафф и несколько англиканских богословов. См. *Creeds of Christendom*, I. 545-554, и *Life of Philip Schaff*, pp. 277-280.

ГЛАВА III

ВЕДУЩИЕ КАТОЛИЧЕСКИЕ МЫСЛИТЕЛИ

§19. Литература

- К §20. ОККАМ И УПАДОК СХОЛАСТИКИ. — Полного издания трудов Оккама не существует. Самые полные списки приводятся в RIEZLER, см. ниже, LITTLE: *Grey Friars of Oxford*, pp. 226-234, и ROTHAST: II. 871-873. GOLDAST, *Monarchia*, II. 313-1296, содержит ряд его трудов, например, *Opus nonaginta dierum*, *Compendium errorum Johannis XXII*, *De utili dominio rerum Eccles. et abdicatione bonorum temporalium*, *Super potestatem summi pontificis*, *Quaestionum octo decisiones*, *Dial. de potestate papali et imperiali in tres partes distinctus*, (1) *De haereticis*, (2) *De erroribus Joh. XXII*, (3) *De potestate papae, conciliorum et imperatoris* (first publ. 2 vols., Paris, 1476). — Другие труды: *Expositio aurea super totam artem veterem*, комментарий к *Isagoge* Порфирия, и *Elenchus* Аристотеля, Bologna, 1496. — *Summa logices*, Paris, 1488. — *Super IV libros sententiarum*, Lyons, 1483. — *De sacramento altaris*, Strassburg, 1491. — *De praedestinatione et futuris contingentibus*, Bologna, 1496. — *Quodlibeta septem*, Paris, 1487. — RIEZLER: *D. antipäpstlichen und publizistischen Schriften Occams* в его *Die literar. Widersacher*, etc., 241-277. — HAUREAU: *La philos. scolastique*. — WERNER: *Die Scholastik des späteren M. A.*, II, Vienna, 1883, и *Der hl. Thos. von Aquino*, III. — STÖCKL: *Die Philos. des M. A.*, II. 986-1021, и ст. *Nominalismus* в *Wetzer-Welte*, IX. — BAUR: *Die christl. Kirche d. M. A.*, p. 377 sqq. — MÜLLER: *Der Kampf Ludwigs des Baiern*. — R. L. POOLE в *Dict. of Natl. Biog.*, XLI. 357-362. — R. SEEBERG в *Herzog*, XIV. 260-280. — A. DORNER: *D. Verhältniss von Kirche und Staat nach Occam in Studien und Kritiken*, 1886, pp. 672-722. — F. KROPATSCHKE: *Occam und Luther* в *Beitr. zur Förderung christl. Theol.*, Gütersloh, 1900. — Ст. *Nominalismus* (STÖCKL) в *Wetzer-Welte*, IX. 423-427.
- К §21. ЕКАТЕРИНА СИЕНСКАЯ. — Ее труды. *Epistole ed orazioni della seraphica vergine s. Caterina da Siena*, Venice, 1600, etc. — Лучшее издание — 6 vols., Siena, 1707 — 1726. — Англ. перев. *Dialogue of the Seraphic Virgin Cath. of Siena*, автор ALGAR THOROLD, London, 1896. — Ее *Letters*, ed. N. TOMMASEO: *Le lettere di S. Caterina da Siena*, 4 vols., Florence, 1860. — *Англ. перев. VIDA D. SCUDDER: *St. Cath. of Siena as seen in her Letters*, London, 1906, 2^d ed., 1906. — Ее биография основана на «Житии», написанном ее исповедником, RAYMUNDO DE VINEIS SIVE DE CAPUA (ум. в 1399): *Vita s. Cath. Senensis*, включено в сиенское издание ее трудов и в *Acta Sancti*. III. 863-969. — Итал. перев. секретаря Екатерины, NERI DE LANDOSSIO, франц. перев. E. CARTIER, Paris, 1863, 4th ed., 1877. — Сокращенный вариант труда Раймунда из Капуи, с аннотациями, *Leggenda della Cat. da Siena*, обычно называемый *La Leggenda minore*, автор TOMMASO D'ANTONIO NACCI CAFFARINI, 1414. — K. HASE: *Caterina von Siena, Ein Heiligenbild*, Leipzig, 1804, новое издание, 1892. — J. E. BUTLER: *Cath. of Siena*, London, 1878, 4th ed., 1895. — AUGUSTA T. DRANE (английский доминиканец): *The Hist. of Cath. of Siena* (составленная на основании оригинальных источников), London, 1880, 3^d ed., 1900, с переводом *Dialogue*. — *St. Catherine of Siena and her Times*, автор *Mademoiselle Mori* (Margaret D. Roberts), New York, 1906; здесь уделяется мало внимания чудесному элементу и полно представлена картина века Екатерины. — *E. G. GARDNER: *St. Catherine of Siena: A Study in the Religion, Literature, and History of the fourteenth century in Italy*, London, 1907.
- К §22. ПЬЕР Д'АЛЛИ. — PAUL TSCHACKERT: *Peter von Ailli. Zur Gesch. des grossen abendländischen Schismas und der Reformconcilien von Pisa und Constanx*, Gotha, 1877, и ст. в HERZOG, I. 274-280. — SALEMBIER: *Petrus de Alliaco*, Lille, 1886. — LENZ: *Drei Traktate aus d. Schrif-*

- tencyclus d. Konst. Konz.*, Marburg, 1876. — BESS: *Zur Gesch. des Konst. Konzils*, Marburg, 1891. — FINKE: *Forschungen und Quellen*, etc., pp. 103-132. — Список произведений Д'Альи см. в TSCHACKERT, pp. 348-365. — Некоторые из них приведены в VAN DER HARDT и в DU PIN, издания трудов Жерсона, I. 489-804, а также *De difficultate reform. eccles.*, и *De necessitate reform. eccles.*, II. 867-903.
- К §23. ЖАН ЖЕРСОН. — *Works*. Лучшее издание — L. E. DU PIN, проф. богословия из Парижа, 5 vols., Antwerp, 1706; 2^d ed., Hague Com., 1728. Мы консультировались со вторым изданием при создании этого тома; Шваб объявил этот труд «обязательным». Он включает материалы о жизни Жерсона и содержании его трудов во вступительном очерке, *Gersoniana*, I. i-cxlv, а также произведения Д'Альи, ЛАНГЕНШТЕЙНА, АЛЕМАНА и других современников. Ряд трудов Жерсона есть в GOLDAST, *Monarchia*, и VAN DER HARDT. — *Vita Gersonis* приводится в HARDT, *Conc. Const.*, IV. 26-57. — *Chartul. Univ. Paris.*, III, IV, разделы *John Arnaud* и *Gerson*. — J. B. SCHWAB: *Johannes Gerson, Prof. der Theologie und Kanzler der Universität Paris*, Würzburg, 1858, — исчерпывающий труд, в котором рассказывается также об истории эпохи, одна из самых подробных биографий, которую можно сравнить с HURTER, *Innocent III*. — A. MASSON: *J. Gerson, sa vie, son temps et ses oeuvres*, Lyons, 1894. — A. LAMBON: *J. Gerson, sa réforme de l'enseignement Theol. et de l'éducation populaire*, Paris, 1888. — BESS: *Zur Gesch. d. Konstanz. Konzils*; ст. *Gerson* в HERZOG, VI. 612-617. — LAFONTAINE: *Jehas Gerson, 1363 — 1429*, Paris, 1906, pp. 340. — J. SCHWANE: *Dogmengesch.* — WERNER: *D. Scholastik d. späteren M. A.*, IV, V.
- К §24. НИКОЛА ИЗ КЛАМАНЖА. — Труды издал J. M. LYDIUS, 2 vols., Leyden, 1013, с *Жизнеописанием*. — *De ruina ecclesiae*, с *Жизнеописанием*, есть в VAN DER HARDT: *Conc. Constanz.*, vol. I, pt. III. — Труды, которых нет у Лидиуса, приводятся в BULAEUS, *Hist. univ. Paris.* — BALUZIUS: *Miscellanea*, и D'ACHERY: *Spicilegium*. — *Жизнеописание* в DU PIN, *Works of Gerson*, I, p. xxxix sq. — A. MÜNTZ: *Nic. de Clem., sa vie et ses écrits*, Strassburg, 1846. — J. SCHWAB: *J. Gerson*, pp. 493-497. — Статьи BESS в HERZOG, IV. 138-147, и KNÖFFSLER, в *Wetzer-Welte*, IX. 298-306. — G. SCHUBERT: *Nic. von Clem. als Verfasser der Schrift de corrupto ecclesiae statu*, Grossenhain, 1888.
- К §25. НИКОЛАЙ КУЗАНСКИЙ. — Издания его трудов, 1476 (место не указано), ed. FABER STAPULENSIS, 3 vols., 1514, Basel. — Нем. перев. ряда трудов сделал F. A. SCHRAPPFF, Freiburg, 1862. — SCHRAPPFF: *Der Cardinal und Bischof Nic. von Cusa*, Mainz, 1843; *Nic. von Cusa als Reformator in Kirche, Reich und Philosophie des 15ten Jahrh.*, Tübingen, 1871. — J. M. DÜX: *Der deutsche Card. Nic. von Cusa und die Kirche seiner Zeit*, 2 vols., Regensburg, 1847. — J. UEBINGER: *D. Gotteslehre des Nic. von Cusa*, Münster, 1888. — J. MARX: *Nik. von Cues und seine Stiftungen au Cues und Deventer*, Treves, 1906, pp. 115. — C. SCHMITT: *Card. Nic. Cusanus*, Coblenz, 1907. Он представлен как астроном, географ, математик, историк, гомилетик, оратор, философ и богослов. — Stöckl, III. 23-84. — SCHWANE, pp. 98-102. — St. FUNK в *Wetzer-Welte*, IX. 306-315.

§20. Оккам и упадок схоластики

Последним великим представителем схоластики был Дунс Скот, умерший в 1308 г. После него схоластический метод постепенно утрачивал популярность. Западную Европу стали волновать новые проблемы, новые интересы привлекали ее внимание. Богословы из учебных заведений и монастырей уступили место богословам-практикам, которые излагали свои взгляды в трактатах и на соборах. Свобода дискуссии покончила с гегемонией догматических утверждений. Авторитет отцов церкви и папства перестал быть исключительным. Мыслители стали искать другие авторитеты в качестве основания для своих изысканий — за точку опоры принималось либо общее суждение современного христианского мира, либо исключительно Писание, либо разум. Новый интерес к литературе и миру природы отвлек от сложных богословских систем, которые, скорее, свидетельствовали об изобретательности богослова, нежели имели практическую ценность для общества. Авторы начали писать на народных языках Европы, в результате их мысли стали больше отвечать насущным потребностям. Рассуждения Роджера Бэкона показывают, что в начале XIV века человеческий разум, насытивший-

ся непонятными метафизическими решениями богословских проблем, великих и тривиальных, обратился к миру более реальному, который можно было использовать как основание для доказательства.

Главными представителями уходящей диалектической схоластики в этот период были Дуранд и Уильям Оккам. Обычно последним схоластом называют Габриэля Биэля из Тюбингена, который умер в самом конце XV века³⁵⁴. Иногда в число средневековых схоластов включают таких людей, как Д'Альби, Жерсон и Виклиф, но они, бесспорно, относятся к другому классу.

Характерная особенность схоластики Дуранда и Оккама — это их четкое разграничение между разумом и откровением. Вслед за Дунсом Скотом они заявляли, что доктрины богословия, строящегося на откровении, не могут быть доказаны с помощью чистого разума. Однако они не выражали ни малейшего сомнения в догматических истинах, принятых церковью.

Второй их особенностью было отсутствие оригинальности. Они работали с тем, что получили. Схоласты предыдущих периодов исчерпали список богословских проблем и обсудили их со всех возможных сторон.

Третья особенность — это пробуждение и возвышение номинализма, принципа, за который выступал Росцелин более двухсот лет назад. Номиналистов также называли терминистами, потому что они представляли слова как термины, которым не обязательно соответствуют понятия и реальность. Универсалия — просто символ или термин для обозначения ряда вещей или их общих качеств³⁵⁵. Универсалия — всего лишь способ умственного восприятия. Парижский университет сопротивлялся распространению номинализма, и в 1339 г. четыре землячества запретили распространять учение Оккама и слушание его изложения в любом виде, как частным образом, так и публично³⁵⁶. В 1473 г. Людовик XI выпустил мандат, запрещающий парижским учителям преподавать номинализм и пользоваться трудами Оккама, Марсилиуса и других авторов. В 1481 г. его закон был отменен.

Дуранд, известный как *doctor resolutissimus* («решительнейший учитель»; ум. в 1334), родился в Пурсене, в епархии Клермона, вступил в доминиканский орден, был сделан епископом Лиму при Иоанне XXII (1317), а потом получил епархии Пюи и Мо. Он критиковал некоторые францисканские установления и теорию Иоанна XXII о видении райского блаженства и в 1333 г. был объявлен комиссией виновным в одиннадцати заблуждениях. Его богословские взгляды изложены в его комментариях к Петру Ломбардскому, начатом в юности и законченном в старости. Он продемонстрировал независимость, критикуя некоторые взгляды Фомы Аквината. Он пошел дальше своих предшественников, ставя Писание выше предания и объявляя его более авторитетным, чем высказывания Аристотеля и других философов³⁵⁷. Все реальное существует в индивидуальном.

³⁵⁴ Зибберг много пишет о Биэле в своей *Dogmengeschichte*. Штекль прослеживает историю схоластики до кардинала Каэтана, который написал комментарий к *Summa theologiae* Фомы Аквината, и включает сюда немецких мистиков, а также Экка, Лютера и других, явно относящихся к иной категории. Профессор Сет в статье *Scholasticism in Enc. Brit.* и Вернер завершают историю схоластики Франциском Суаресом (1617). Однако новая эпоха началась за сто лет до его времени.

³⁵⁵ *Terminus prolatus vel scriptus nihil significat nisi secundum voluntariam institutionem* (Оккам, цит. в Stöckl, II. 962).

³⁵⁶ *Chartul.*, II. 485. Также p. 507, etc.

³⁵⁷ *Naturalis philosophiae non est scire quid Aristoteles vel alii philosophi senserunt sed quid habet veritas rerum*, цит. в Deutsch, p. 97. Комментарий Дуранда к «Сентенциям» Ломбардского был опубликован в Париже, 1508, 1515, etc. См. *Deutsch*, ст. *Durandus* в Herzog, V. 95-104.

Универсалия — не сущность, которая может быть разделена, как кусок дерева может быть разрублен на части. Универсалия как единство, посредством которого объекты сгруппированы в класс, выводится из группы индивидуальных предметов посредством акта мышления. Общее для класса не имеет реального существования вне индивидуального.

В плане учения о евхаристии Дуранд, похоже, не был полностью удовлетворен взглядом, которого придерживалась церковь, и предполагал, что слова «сие есть тело Мое» могут означать «содержится в этом» (*contentum sub hoc*). Такое понимание близко ко взглядам Лютера на восуществление. Этого богослова высоко ценил Жерсон, рекомендовавший его, вместе с Фомой Аквинатом, Бруадарином и Генрихом Гентским, студентам колледжа в Наварре³⁵⁸.

Самым серьезным мыслителем-схоластом XIV века был англичанин Уильям Оккам (ум. в 1319), называемый *doctor invincibilis* (непобедимый доктор) или же, со ссылкой на его склонность к номинализму, *venerabilis inceptor* (почтенный зачинатель). Его произведения, скорее многословные, чем ясные, были весьма распространены в конце XV века, но несколько веков не печатались. Полного их издания не существует. Взгляды Оккама сочетали в себе строго средневековые элементы с элементами, которые используются деятелями Реформации и современными философами. Его отношение к вопросу о францисканцах-спиритуалах вовлекло его в полемику с двумя папами, Иоанном XXII и Бенедиктом XII. Отрицание им папской непогрешимости выглядит не столько как учение, основанное на богословских убеждениях, сколько как выбранное ради подходящего случая оружие, которым он воспользовался в споре для защиты спиритуалов.

О раннем периоде жизни Оккама известно мало. Он родился в Суррее, учился в Оксфорде, вероятно, был там студентом Дунса Скота, вступил во францисканский орден и, должно быть, преподавал в Париже (1315 — 1320). За учение об абсолютной бедности Христа он, по приказу Иоанна XXII, был подвергнут суду, признан виновным и посажен в темницу³⁵⁹. С помощью Людовика Баварского он и его товарищи, Михаил Чезенский и Бонаграция, в 1328 г. бежали в Пизу. С этого момента император и схоласт, как мы уже говорили, защищали друг друга. Оккам сопровождал императора в Мюнхен и был отлучен от церкви. После смерти Михаила Чезенского францисканская печать перешла ему, но на следующий год он отказался от должности, передав ее знаменитому францисканскому генералу Фаринерию. Климент VI предложил ему прощение при условии, что он отречется от своих заблуждений. Неизвестно, принял ли Оккам это предложение. Он умер в Мюнхене и был же там похоронен. Выдающийся англичанин прославился возрождением номинализма, своими политическими теориями и своим определением конечного религиозного авторитета.

Его теория номинализма была детальной и нетерпимой по отношению к реализму великих схоластов начиная с Ансельма. Фактическим существованием обладает только индивидуальное. Универсалии же — это термины или символы, творение человеческого разума (*fictiones, signa mentalia, nomina, signa verbalia*). Они подобны отражению в зеркале. Универсалия выступает как деяние разума (*actus intelligenda*), и ничего более. Если бы идеи существовали в Божьем разуме как отдельные сущности, тогда зримый мир был бы сотворен из них, а не из ничего³⁶⁰.

³⁵⁸ Schwab: *J. Gerson*, p. 312.

³⁵⁹ Заключение длилось четыре года (Müller, *Ludwig der Baier*, p. 208).

Вслед за Дунсом Скотом Оккам учил детерминизму. Абсолютная Божья воля делает вещи такими, какие они есть. Христос мог бы превратиться в дерево или камень, если бы это было угодно Богу. Несмотря на то, что говорит Аристотель, тело может одновременно совершать движения разного рода. В области морали то, что сейчас дурно, могло бы стать благим, если бы Бог пожелал этого.

В области гражданского правления Оккам, поддерживая позицию, принятую электорами в Рензе (1338), заявлял, что император не нуждается в одобрении папы. Должность императора исходит непосредственно от Бога³⁶¹. Церковь — это священническое установление. Она обеспечивает совершение таинств и указывает людям путь к спасению, но не обладает гражданской властью³⁶² (*potestas coactiva*).

Высшим авторитетом для мыслителя является Писание. Такие истины, как Троица и воплощение, не могут быть доказаны разумным путем. Бытие Бога не может быть доказано с помощью так называемой идеи Бога. Разум может доказать как существование многих богов, так и существование единого Бога. Папы и соборы могут заблуждаться. Только Библия непогрешима. Христианин не обязан верить ни во что, чего нет в Писании³⁶³.

Церковь — это сообщество верующих, *communitas* или *congregatio fidelium*³⁶⁴. Римская церковь не идентична Церкви, и христианское сообщество может существовать независимо от Римской церкви. Если бы папа обладал полнотой власти, то закон Евангелия был бы еще более обременительным, чем закон Моисея. Тогда все были бы рабами папы³⁶⁵. Папство — не обязательное установление. По части учения о евхаристии Оккам утверждает, что традиционный взгляд менее вероятен, чем утверждение, что тело Христа присутствует наряду с хлебом. Эта теория импанации, которой учил Руперт из Дейца, приближается к теории Лютера о восуществлении. Однако Оккам принимал точку зрения церкви, потому что она в меньшей степени полагалась на разум и потому что сила Бога безгранична. Иоанн Парижский (ум. в 1308) сравнивал присутствие Христа в дарах причастия с сосуществованием двух природ при воплощении и был смещен со своей кафедры в Парижском университете (1304). Габриэль Биэль придерживался такого же взгляда³⁶⁶.

Взгляды Оккама касательно прав гражданских властей, способности пап заблуждаться, непогрешимости Писания и присутствия Христа в евхаристии часто сравнивают со взглядами Лютера³⁶⁷. Немецкий деятель Реформации говорил об английском схоласте как о «несомненном вожде и самом пронизательном из

³⁶⁰ *Nullum universale est aliqua substantia extra animam existens* (цит. в Seeberg, в Herzog, p. 269). *Quoddam fictum existens objective in mente* (Werner, 115). Выражение *objective in mente* {«объективный в разуме»} — синоним нашего слова «субъективный».

³⁶¹ *Imperialis dignitas et potestas est immediate a solo Deo* (Goldast, IV. 99, Frankf. ed. См. также Dörner, p. 675).

³⁶² Kropatscheck, p. 55 sq., Мф. 20:25 и далее. Климент VI заявил, что Оккам позаимствовал свои политические ереси у Марсилия Падуанского.

³⁶³ См. Riezler, p. 273, и Seeberg, pp. 271, 278. *Christianus de necessitate salutis non tenetur ad credendum nec credere quod nec in biblia continetur nec ex solis contentis in biblia potest consequentia necessaria et manifesta inferri*.

³⁶⁴ *Romana ecclesia est distincta a congregatione fidelium et potest contra fidem errare. Ecclesiae autem universalis errare non potest* (см. Kropatscheck p. 65 sqq., также Dörner, p. 696).

³⁶⁵ См. Werner (III. 120), который цитирует высказывания Скалигера об Оккаме: *omnium mortalium subtilissimus, cujus ingenium vetera subvertit, nova ad invictas insanias et incomprehensibiles subtilitates fabricavit et conformavit*.

³⁶⁶ См. Werner, *D. hl. Thomas*, III. 111; Harnack, *Dogmengesch.*, III. 494; Seeberg, 276.

³⁶⁷ Например, Kropatscheck, особенно стр. 66 sqq., и Seeberg, p. 289.

схоластов» (*scholasticorum doctorum sine dubio princeps et ingeniosissimus*). Он называл его своим «дорогим учителем» и заявлял, что принадлежит к партии Оккама (*sum Occamicae factionis*)³⁶⁸. Но эти два человека были совершенно не похожи друг на друга. Оккам был теоретиком, а не реформатором, и, несмотря на свои смелые высказывания, оставался представителем Средневековья. Он не учредил никакой партии или богословской школы. Лютер же превозносил личную веру в живого Христа. Он обнаружил новые принципы в Писании и превратил их в активные силы индивидуальной и национальной веры и практики. Возможно, Лютер был бы таким, как Оккам, если бы жил в XIV веке, но мы не можем представить себе Оккама деятелем Реформации XVI века. Вряд ли он отказался бы от монашества. Заслуга Оккама в том, что, наряду с Марсилием и другими ведущими мыслителями, он пробудил новый дух свободного обсуждения и был достаточно смел, чтобы выступить против традиционных догм того времени. В этом плане он внес вклад в уничтожение вредной средневековой теории о папской власти.

§21. Святая Екатерина Сиенская

После Франциска Ассизского самая знаменитая из итальянских святых — Екатерина Сиенская (*Caterina da Siena*, 1347 — 1380). Наряду с Елизаветой Тюрингской, которая жила на полтора века раньше, Екатерина Сиенская — самая выдающаяся из святых женщин Средневековья, канонизированных церковью. Она прославилась искренним благочестием и старанием служить интересам церкви и своего народа. Екатерина не оставила после себя ордена, который был бы назван в ее честь. Она была самой общественно активной женщиной в средние века в Италии, однако прошла по улицам и царским дворам своего времени невредимой и незапятнанной. Дочь скромного жителя Сиены, она несла служение нищим и больным. Пророчица небес, она взывала к совести пап и власть имущих. Соотечественники-сиенцы наградили ее прекрасным прозвищем *la beata poplana*, блаженная дочь народа. Хотя многие факты биографии, написанной ее исповедником, могут показаться легендарными и в ее благочестии присутствовал некоторый истерический элемент, она заслуживает восхищения со стороны всех, кого волнуют порывы благородного энтузиазма. Нужно обладать фанатической суровостью, чтобы, читая рассказ о ее неустанных усилиях и ее посланиях, в которых она излила весь пыл своей души, не почувствовать, что эта сиенская святая была самой замечательной женщиной, флорентийским соловьем своего времени и, более того, «одной из самых чудесных женщин, когда-либо живших на свете», как объявляет английский биограф недавнего времени. Мы присоединимся к Грегоровиусу, знатоку средневекового Рима, который говорит: «Екатерина предстает перед нами как ангел. Во тьме той эпохи ее благодатный гений сияет мягким светом. Ее жизнь — более достойная и, без сомнения, более благодатная тема для изучения, чем жизни пап того времени»³⁶⁹.

Екатерина Бенинказа была двадцать третьим ребенком в семье, в которой родилось двадцать пять детей. Ее сестра-близнец Джованна умерла во младенчестве. Ее отец был преуспевающим в своем ремесле красильщиком. Ее мать, Монна Лапа, пережила дочь. Екатерина относилась к ней с дочерней почтительно-

³⁶⁸ Weimar, ed. VI. 183, 195, 600, цит. в Seeberg.

³⁶⁹ Gardner, p. vii; Gregorovius, VI. 521 sqq.

стью, писала ей письма (несколько из них сохранились). Мать была с ней в путешествиях и в Риме в ее последние дни. Екатерина не ходила в школу, читать и писать она научилась уже взрослой.

В детстве она была восприимчива к религиозным впечатлениям и часто ходила в доминиканскую церковь рядом с отцовским домом. О чудесах, совершенных ею в раннем детстве, сообщает ее исповедник и биограф Раймунд из Капуи. Когда ей было двенадцать, родители собирались выдать ее замуж, но Екатерина, чтобы избежать замужества, остригла свои прекрасные волосы. Она стала терциарием доминиканского ордена. Женщин, принадлежавших к терциариям, называли *mantellate* за черные мантии. Раймунд заявляет, что «природа не наделила ее исключительной красотой» и что на лице у нее была рябь от оспы, однако она была привлекательна, всегда в хорошем настроении, пела и смеялась от души. Посвятив себя вере, она жила в великой строгости, бичевала себя трижды в день — один раз за себя, один раз — за живых и один раз — за усопших. Она носила власяницу и железную цепь. Однажды в период великого поста она питалась только хлебом, принимаяемым во время причастия. Она вела такой аскетический образ жизни, занимая одну из комнат отцовского дома. В монастыре она никогда не была. В более поздний период она отказалась от столь крайнего аскетизма.

Уже в юности у Екатерины были видения и откровения. Однажды после многих часов жестоких искушений, во время которых ей хотелось повести себя как все остальные девушки, ей явился Спаситель на кресте и сказал: «Дочь Моя Екатерина, видишь ли ты, как Я страдал ради тебя? Пусть же тебе будет нетрудно пострадать ради Меня». Взмолвленная этим обращением, она спросила: «Где был Ты, Господи, когда меня терзали эти нечестивые искушения?» Он ответил: «В сердце твоём». В 1367 г., по ее собственным словам, Спаситель обручился с нею, надев ей кольцо на палец. После этого она сама видела это кольцо, невидимое для окружающих. За пять лет до смерти она получила стигматы от Самого Христа. Они причиняли ей острую боль, и Екатерина настаивала, что они были реальны для нее, хотя их тоже никто не видел.

Подчиняясь откровению, Екатерина отказалась от привычной уединенной жизни и в возрасте двадцати лет стала появляться в общественных местах и активно заниматься благотворительностью. Это было в 1367 г. Она посещала бедняков и больных и вскоре стала известна всему городу как ангел-служительница. Во время чумы 1374 г. она не отдыхала ни днем, ни ночью, лечила тех, от кого отказались врачи, и даже воскрешала мертвых. Она не забывала и о прокаженных, которые жили за городскими стенами.

Один из примечательных эпизодов ее истории, о котором она рассказывает в одном из посланий к Раймунду, — это случай с Никколо Тульдо, благородным юношей, приговоренным к смерти за неуважительные отзывы о городских властях. Молодой человек был в отчаянии, но под влиянием Екатерины не только пришел в себя, но и стал радоваться грядущей смерти. Екатерина была с ним на плахе и держала его голову. Она пишет: «Я приняла в свои руки голову, которая была мне столь дорога, что сердце не может представить себе этого, а язык — описать». Перед казнью она сопровождала несчастного на мессу, где он впервые принял причастие. Его последними словами были: «Ничто, кроме Иисуса и Екатерины». И когда он произнес их, пишет его благодетельница, «я приняла его голову в свои руки». Позже она видела, как Христос принял его, и писала: «Когда он обрел покой, моя душа тоже успокоилась, и кровь его так благоухала, что я не осмеливалась смыть его кровь, забрызгавшую меня».

Слава о такой женщине не могла не выйти за пределы ее родного города. Соседние города и даже папа в Авиньоне прослышали о ее милосердных делах и откровениях. Екатерина, наставница тех, кто искал утешения в религии, служительница у больных и умирающих, взошла на арену политической жизни Италии и церковного благоустройства. Она пыталась поддержать папство, улучшить нравы клира и установить мир. С рвением пророчицы она призывала Григория XI вернуться в Рим. Она пыталась предотвратить восстание тосканских городов против авиньонских пап и отменить интердикт против Флоренции. Она поддерживала Урбана VI в борьбе с антипапой Климентом VII. Не менее ревностно она требовала от Григория реформы клира, призывала не прибегать к симонии и не прислушиваться к лести при выборе кардиналов и пастырей, настаивала на необходимости «изгнать из стада тех волков, тех бесов во плоти, которые думают только о развлечениях, великолепных пирах и роскошных нарядах». Она также ревностно пыталась разжечь пламя нового крестового похода. Сэру Джону Хоквуду, ландскнехту, устранившему весь полуостров, она писала, что, если ему так нравится сражаться, то он должен направить свое оружие не на христиан, а на неверных. Она общалась на эту тему с королевой Кипра. Вновь и вновь она говорила об этом с Григорием XI, в основном потому, что он «должен нести кровь Агнца проклятым неверным», которые, обратившись, могли бы содействовать искоренению из христианского мира гордости и других пороков³⁷⁰.

По поручению Григория она совершила путешествие в Пизу, чтобы склонить город на его сторону. Она была с почетом принята архиепископом и главой республики и заслужила расположение двух профессоров, которые посетили ее с целью доказать, что она обманывает сама себя или еще хуже. Она сказала им, что для нее не важно знать, как Бог сотворил мир, но «необходимо знать, что Сын Божий принял человеческий облик, жил и умер для нашего спасения». Один из профессоров снял свою малиновую бархатную шапочку, встал перед ней на колени и попросил прощения. Забота Екатерины о больных облекала ее доверием народа. В этой поездке Екатерину сопровождала ее мать и группа единомышленниц.

Большая глава из жизни Екатерины связана с историей Флоренции. В Северной Италии зарождался дух бунта против авиньонского правления, и когда папский легат в Болонье в голодный год запретил подвоз продовольствия во Флоренцию, разразилась война. По приглашению флорентийцев Екатерина прибыла в город в 1375 г., а год спустя была послана в Авиньон для мирных переговоров. Папа принял ее с почестями, но не без колебаний. Другие флорентийские делегаты по прибытии отказались признавать ее полномочия и одобрять ее методы. Кардиналы относились к ней холодно или с презрением, женщины издевались над ней во время молитвы. Племянница папы мадам де Бофор Тюренн, встав на колени рядом с ней, воткнула ей в ногу острый нож, так что Екатерина подскочила.

Теперь дочь красильщика принялась убеждать верховного понтифика, что он должен вернуться в Рим, сопротивляясь махинациям кардиналов, которые этого не хотели. Видя, что ее желание исполняется, она отправилась обратно в Италию, встретила свою мать в Ливорно и прибыла во Флоренцию с поручением от папы. Ее попытка убедить флорентийцев склониться перед наложенным на город приговором об интердикте оказалась успешной. Ее почтение к папскому сану требовало пассивного повиновения. Преемник Григория Урбан VI отменил интердикт. Тогда Екатерина вернулась в Сиену, где продиктовала «Диа-

³⁷⁰ Scudder, *Letters*, pp. 100, 121, 136, 179, 184, 234, etc.

лог», мистический трактат о молитве, послушании, воздержании и других добродетелях. Как утверждала Екатерина, в написании трактата ее наставлял Бог.

Когда, вскоре после избрания Урбана, возникли трудности, понтифик обратил свой взор на Сиену и призвал ее выдающуюся дочь в Рим. Они встретились в Авиньоне. В сопровождении своей матери и других попутчиц она достигла святого города осенью 1378 г. Они поселились в отдельном доме и жили на милостыню³⁷¹. Урбан не прислушался к ее призывам «сражаться только оружием покаяния, молитвы, добродетели и любви», однако ее присутствие оказало благотворное влияние, и однажды, когда разъяренная толпа ворвалась в Ватикан, она выступила в роли миротворца. Вид ее лица и ее слова успокоили бунтовщиков.

Она умерла, лежа на полу, 29 апреля 1380 г. Другьям, стоявшим рядом, она сказала: «Дорогие дети, пусть моя смерть не огорчает вас. Лучше радуйтесь, думая, что я покидаю место многих страданий, чтобы упокоиться в тихом море, вечном Боге, навеки воссоединиться с моим прекрасным и любящим Женихом. Я обещаю, что снова буду с вами и буду более полезна для вас, когда оставлю тьму и перейду в истинный и вечный свет». Снова и снова она шептала: «Я согрешила, о Господь; будь милостив ко мне». Она молилась за Урбана, за всю церковь и своих товарищей, а потом умерла, повторяя: «В руки Твои вверяю дух мой».

К моменту смерти Екатерине Сиенской еще не было тридцати трех лет. Урбан велел устроить пышные похороны. Год спустя голова Екатерины, помещенная в раку, была отправлена в ее родную Сиену, а в 1461 г. ее канонизировал знаменитый сын этого города Пий II, заявивший, что «каждый видевший ее становился лучше». В 1865 г., когда вновь была открыта церковь Санта-Мария-сопра-Минерва в Риме, прах Екатерины пронесли по улицам в серебряной урне, которую поддерживали четыре епископа. У алтаря, посвященного ей в этой церкви, постоянно горят светильники. В 1866 г. Пий IX назвал дочь красильщика святой покровительницей и защитницей Рима, и теперь она делит эту честь с князем апостолом. Как и Петрарка, она была самой пылкой сторонницей возвращения папства в Рим, и ее рвение было исключительно религиозным.

В переписке и «Диалоге» Екатерины отражена история ее души. Сохранилось почти четыреста ее посланий³⁷². Они важны не только как откровения о мыслях и внутренней жизни святой, но являются, после писем Петрарки, главными образцами эпистолярного жанра XIV века. Она писала представителям всех слоев общества — монахам, своему исповеднику Раймунду из Капуи, мужчинам и женщинам, которым нравятся удовольствия этого мира, городским властям, королям и королевам, кардиналам и папам, Григорию XI и Урбану VI. В письмах она дает советы, подробно излагает критерии и причины поступков, уговаривает и увещевает и не боится угрожать Божьим судом, как в случае с королевой Неаполитанской. Ее послания полны мудрых наставлений.

Из переписки видно, что Екатерина была в какой-то мере знакома с Новым Заветом, из которого она цитирует великие предписания и черпает сравнения — например, с чудом превращения воды в вино, с изгнанием менял из храма, с десятью девами и брачным пиром. Наиболее часто она упоминает о крови Христовой, в истинно мистической манере призывая своих адресатов, даже папу и кардиналов, омыться ею, окунуться в нее, напиться ею, облечься в нее и испол-

³⁷¹ Gardner (p. 298) говорит, что один из двух домов, где они жили, показывают до сих пор.

³⁷² Ни одно из них не написано ее собственной рукой, но шесть из них — оригиналы, написанные под ее диктовку (Gardner, p. xii, 373 sqq.).

ниться ею, «ибо Христос искупил нас не золотом, серебром, жемчугом или другими драгоценными камнями, а Своей собственной драгоценной кровью»³⁷³.

Для Екатерины религиозная жизнь была подчинением ее воли воле Бога, посвящением души молитве и деятельной любви. «Я хочу, чтобы вы полностью уничтожили свою собственную волю и прилепились к распятому Христу». Так она писала матери, оплакивавшей своих детей. В послании к затворнику Бартоломео делла Сета она представляла Спасителя говорящим: «Грех и добродетель заключены в расположении воли. Без волеизъявления нет ни греха, ни добродетели». Другому человеку она писала: «Я уже видела многих кающихся, которые не были ни терпеливыми, ни послушными, потому что они научились умерщвлять свое тело, но не свою волю»³⁷⁴.

Ее здравая религиозная философия проявилась в том, что она вновь и вновь настаивала: внешняя дисциплина — не единственный и не всегда лучший путь к победе духа. Если тело слабое или больное, то из соображений благоразумия необходимо отказаться от умерщвления плоти. Она писала: «...Тогда следует не только отказаться от поста, но и есть мясо, а если раза в день недостаточно, то есть его четыре раза в день». Снова и снова она описывает покаяние как средство. «Малое благо покаяния может повредить большому благу внутреннего благочестия. Покаяние отсекает росток, — писала она в замечательном письме к сестре Даниэлле из Орвьето, — но корень всегда остается в тебе, готовый вновь прорасти. Добродетель же вырывает корень».

Хотя Екатерина была монашкой, во многих случаях учебники евангельского христианства оказываются не более верны, чем ее наставления. Эта благородная женщина представляется нам наиболее возвышенной, когда отрицает, что ее собственные правила являются правилами и для других, и осуждает людей, «которые бессмысленно желают мерить все тела одной и той же мерой — которой они меряют себя». В послании к племяннице, Нанне Бенинказа, она сравнивала сердце со светильником, широким вверху и узким внизу. У невесты Христовой должен быть светильник, масло и огонь. Сердце должно быть широким вверху, исполненным святых мыслей и молитв, носящим в памяти Божьи благословения, особенно благословение Крови, которой все мы искуплены. И оно, как светильник, должно быть узко внизу — «не любить земное и не желать получить больше того, что Богу угодно нам дать».

Она постоянно возвращается к христианским добродетелям молитвы и любви. Христианская любовь сравнивается с морем, спокойным и глубоким, как Сам Бог, ибо «Бог есть любовь». Это место проливает свет на непостижимую тайну Воплощенного Слова, Которое из любви отдало Себя в жертву с великим смирением. Мы любим, потому что мы любимы. Христос любит из благодати, а мы любим Его из обязанности, потому что вынуждены так поступать. Чтобы показать нашу любовь к Нему, мы должны служить и любить все разумные существа — людей хороших и плохих, всяких людей, тех, кто поступает с нами дурно, и тех, кто служит нам, ибо Бог нелицеприятен и Его милосердие распространяется на праведников и грешников. Любовь Петра до Пятидесятницы была нежной, но непрочной. После Пятидесятницы он полюбил Бога как сын и терпеливо сносил все невзгоды. Так и мы, если будем бодрствовать, постоянно молиться и ждать десять дней, получим всю полноту Духа. Не однажды в посланиях к Гри-

³⁷³ *Letters*, pp. 54, 65, 75, 110, 158, 164, 226, 263, 283, etc.

³⁷⁴ *Letters*, pp. 43, 162, 152, 149.

горию Екатерина восхваляет любовь как средство от всех зол. «Душа не может жить без любви, — писала она в “Диалоге”, — но должна всегда любить что-то, ведь она была сотворена посредством любви. Привязанность ведет к пониманию, словно говоря: “Я хочу любить, ибо пища моя — любовь”»³⁷⁵.

Такие наставления превращают послания Екатерины в ценный учебник ревностной веры, особенно для тех, кто относится к ним осторожно и сторонится возможности увлечься лежащим в их основе квиетизмом. Они важны не только как откровение благочестивой женщины. В них с дерзновенной смелостью и пылом описано плачевное состояние церкви. Святая призывает пап провести реформы в области назначения священников и разобраться с другими злоупотреблениями. Что касается умиротворения тосканских городов — дела, которое было так дорого сердцу Екатерины, — то она призывала понтифика обратиться к мирным мерам, а не воевать. Отнестись к ним как отец относится к непослушному сыну, проявить милосердие, а не гордость. Тогда даже волки будут лнуть к его груди, как агнцы³⁷⁶.

Что касается возвращения папы в Рим, она настаивала на этом как на его обязанности перед Богом, сделавшим его Своим наместником. Говоря об оппозиции на Роне, чуть ли не физически удерживавшей папу, она призывала его «быть мужчиной», «быть мужественным, свободным от страха и плотской любви к себе или любому другому родному существу», «быть твердым в своем решении, верить и уповать на Христа, несмотря на все злобные предсказания, и вернуться в Рим»³⁷⁷. Эта страстная тосканка полагала, что в бунте против папской власти виноваты порочные наставники и плохие священники — пастыри, исполненные любовью к себе, которые не оберегают Христовых овец от волков и пожирают их сами. Происходящее она объясняла тем, что эти пастыри не следуют за истинным Пастырем, отдавшим Свою жизнь за овец. Сравнивая церковь с садом, она призывала папу вырвать с корнем зловонные растения жадности, нечистоты и гордости, отбросить их, чтобы дурные священники и правители, засоряющие сад, больше не хозяйничали в нем. Она обращалась к Урбану VI с пылкими словами осуждения. «Твои сыновья питаются богатством, которое получают на posto служителей крови Христа, и не стыдятся того, что являются менялами. В своей великой жадности они предаются симонии, покупают бенефиции за дары, лесть или золото». Папскому легату в Болонье, кардиналу д’Эстену, она писала: «Пусть святой отец думает об утрате душ больше, чем об утрате городов, потому что Богу нужны души».

Екатерина уделяла большое внимание ответственности папы перед Богом и страстно упрекала недостойных и продажных служителей, вследствие чего некоторые исследователи называют ее провозвестницей протестантской Реформации. Флаций Иллирик включил ее в список свидетелей истины (*Catalogus testium veritatis*)³⁷⁸. Она пылко призывала провести в церкви повсеместную реформу и восклицала: «Тогда невеста, которая сейчас некрасива и одета в рубище, засияет от красоты и драгоценных камней и будет увенчана венцом всех добродетелей. Все верующие народы будут радоваться тому, что у них прекрасные пастыри, а

³⁷⁵ Scudder, *Letters*, pp. 81, 84, 126 sq.; Gardner, *Life*, p. 377.

³⁷⁶ *Letters*, p. 133.

³⁷⁷ *Letters*, pp. 66, 185, 232, etc.

³⁷⁸ Dollinger (*Fables and Prophecies of the Middle Ages*, p. 330) обращает внимание на то, что пророчества Екатерины не исполнились: «Как мало эти мечты верной девы из Сиены имели общего с реальным ходом истории!»

неверующий мир, привлеченный ее славой, обратится к ней». Неверующие народы будут привлечены в ряды католической паствы (*ovile catholicum*) и обращены к истинному пастырю и епископу душ. Но хотя эти чувства и вызывают восхищение, Екатерина действовала в рамках средневековой церкви. Она действительно ставила набожность ниже покаянных упражнений в любви, молитве и смирении, но никогда не изменяла аскетическим и монастырским представлениям о христианской жизни в пользу свободы в вере. Она обладала духом Савонаролы — духом яростного самопожертвования ради блага своего народа и возрождения христианского мира, — но в воззрениях не выходила за рамки древнего предания. Она жила более чем за сто лет до появления этого флорентийского пророка. Никто не превзошел ее в то время и никто из ее народа не приблизился к ней за век, прошедший между ней и Савонаролой, в страстном желании спасти свой народ и способствовать распространению праведности. Ее голос был голосом пророка, вопиющего в пустыне: «Приготовьте путь Господу!»

Говоря о женщинах, живших в период с 1350 по 1450 г., вместе с Екатериной Сиенской мы вспоминаем и Жанну д'Арк (1411 — 1431). Первая из них была страстной защитницей церкви, вторая — национальной героиней Франции. Орлеанской деве, рожденной в крестьянской семье, было всего двадцать лет, когда ее сожгли на костре в Руане (1431). Она отличалась от своей итальянской сестры привлекательностью черт и крепостью сложения, но тоже считала, что получает сообщения от ангелов и Божьи наставления. Ее бескорыстная преданность стране сначала принесла ей победу, но в конечном итоге привела к пленению и смерти. Ее суд, на котором англичане обвинили ее в ереси и колдовстве, и ее казнь — мрачная страница в истории того столетия. Через двадцать пять лет после ее смерти папа отменил приговор. Французская героиня, знамя которой было вышито лилиями и украшено изображениями сотворения и благовещения, была объявлена блаженной (1909) и сейчас ждет от Рима канонизации³⁷⁹. Возвышенная страсть двух этих женщин, чьи методы, идеалы и судьба были столь разными, ярко сияет на небосклоне того времени, высвечивая низменность и мелочность эгоистических целей их современников.

§22. Пьер д'Альи, церковный и государственный деятель

Одной из самых выдающихся фигур, участвовавших в переговорах о прекращении папского раскола, и вообще одной из самых известных личностей того века был Пьер д'Альи, родившийся в Компьене (1350) и умерший в Авиньоне (1420). Его красноречие, напоминающее нам о Боссюэ и других французских ораторах двора Людовика XIV, помогло ему добиться титула «Орла Франции» (*aquila Francia*)³⁸⁰.

В 1372 г. он поступил в парижский Наваррский колледж как студент богословия, три года спустя написал комментарий на «Сентенции» Петра Ломбардского, а в 1380 г. получил степень доктора богословия. Он сразу же начал искать средства для прекращения раскола и в 1381 г. произнес знаменитое обращение от имени университета перед французским регентом, герцогом Анжуйским, чтобы склонить двор к разрешению папского спора посредством общецерковного собо-

³⁷⁹ {Канонизирована в 1920 г.}

³⁸⁰ Шакерт, Салембье и Финке рассматривают карьеру Д'Альи как богослова, философа и церковного дипломата. Ленц и Бесс подчеркивают ту роль, которую он сыграл как защитник французской политики, направленной против Англии.

ра. К его мнению не прислушались, и он удалился в Нойон, откуда написал послание, якобы от имени дьявола, — сатиру о продолжении раскола, в которой князь тьмы призывал прелатов — своих друзей и вассалов — следовать своему примеру и способствовать разобщению в церкви. Он предупреждал их как их господин, что проведение собора может привести к установлению мира и навлесть на них вечный позор. Он призывал их не уклоняться от превращения церкви в дом торговли и старательно взимать налоги с мяты, аниса и тмина, увеличивать воскрилия своих одежд и поступать в соответствии с примером, который сам им подал³⁸¹.

В 1384 г. Д'Альи возглавил Наваррский колледж, где его учеником был Жерсон, а в 1389 г. стал канцлером университета.

Когда Бенедикт XIII был избран преемником Климента VII, французский король послал Д'Альи в Авиньон с конфиденциальной миссией. Бенедикт склонил его на свою сторону и сделал его впоследствии епископом Пюи (1395) и епископом Камбре (1397). Д'Альи был с Бенедиктом в Генуе (1405) и Савоне (1407), но к этому времени, похоже, уже пришел к заключению, что Бенедикт неискренен в своей вере и готовности отречься, а потому вернулся в Камбре. Но в его отсутствие Камбре решил отказать Авиньону в верности. Д'Альи был схвачен и отвезен в Париж, но король, бывший его другом, защитил его. Оттуда Д'Альи выступил в поддержку созыва общецерковного собора.

В Пизе и Констанце Д'Альи утверждал, что общецерковный собор выше папы и имеет право сместить его. Иоанн XXIII сделал его кардиналом (1411). Он был на соборе, состоявшемся в Риме в следующем году, и тщетно пытался провести реформу календаря. В Констанце он заявлял, что Пизанский собор, хотя он создан Духом и представляет вселенскую церковь, все же мог ошибаться, как и другие великие соборы. Он объявил, что три синода, в Пизе, Риме и Констанце, — это хотя и не один и тот же собор, но они практически едины, как течение Рейна в разных местах составляет одну и ту же реку. Он говорил, что собору в Констанце нет необходимости подтверждать решения собора в Пизе, так как они — одно и то же³⁸².

В рассмотрении дела Иоанна XXIII кардинал выступил против него. Он возглавлял комиссию, которая судила Гуса в вопросах веры 7 и 8 июня 1415 г. и присутствовал при вынесении этому реформатору смертного приговора. В конце собора он, похоже, был одним из трех кандидатов на пост папы, и его поражение огорчило французов³⁸³. Мартин V сделал его легатом в своей резиденции в Авиньоне, где и прошли последние дни жизни Д'Альи.

Д'Альи, как и Оккам, был номиналистом. Помимо трудов по философии, богословию и управлению церковью, он написал произведения по астрономии, географии и пользовавшийся популярностью комментариев на метеорологию Аристотеля³⁸⁴. Его труд по географии, «Картина мира» (*Imago mundi*), написанный в 1410 г., был любимой книгой Колумба. Печатная копия этой книги, с заметками на полях, сделанными рукой самого великого мореплавателя, сохра-

³⁸¹ *Epistola diaboli Leviathan*. Чакерт приводит текст в Appendix, pp. 15-21.

³⁸² Эти мнения выражены в *Capita agendorum*, своего рода программе, которую Д'Альи подготовил для собора (1414). Finke (*Forschungen*, pp. 102-132) не сомневается в авторстве Д'Альи, что подтверждают рукописи из Вены и Рима. Финке приводит резюме статей, оригинал которых приводится в van der Hardt., II. 201 sqq., и Mansi, XXVII. 547.

³⁸³ Tschackert, p. 295.

³⁸⁴ Чакерт дает оценку произведений Д'Альи, pp. 303-335.

нилась в *Biblioteca Colombina* в Севилье. Вероятно, эта книга была с Колумбом во время третьего путешествия в Америку, потому что в письме с Гаити (1498), он приводит пространную цитату из восьмой главы. В основном опираясь на Роджера Бэкона, автор утверждает, что побережье Индии или Китая тянется так далеко в направлении Европы, что, при благоприятном ветре, корабль, плывущий на запад, может достичь его за несколько дней. Эта идея витала в воздухе, но, возможно, впервые она запечатлелась в сознании первооткрывателя Нового Света именно при прочтении труда Д'Альи. Гумбольдт первым указал на ценность этой книги для истории великих открытий³⁸⁵.

§23. Жан Жерсон, богослов и руководитель церкви

В лице Жана Жерсона (1363 — 1429) мы встречаем самого привлекательного и самого влиятельного богослова первой половины XV века. Он был тесно связан с Парижским университетом как его преподаватель и канцлер в тот период, когда университет оказывал максимальное влияние на Европу. Его голос имел большой вес при решении проблем, связанных с папским расколом.

Жан Шарль Жерсон, родившийся 14 декабря 1363 г. в селении Жерсон, в епархии Реймса, был старшим из двенадцати детей. В сохранившемся послании, обращенном к нему³⁸⁶, его мать, благочестивая женщина, изливает свое сердце в молитве о том, чтобы ее дети жили в единстве друг с другом и с Богом. Двое братьев Жерсона стали церковными служителями. В 1377 г. Жерсон прибыл в Париж и поступил в Наваррский колледж. Этот колледж был основан Иоанной, королевой Наварры (1304), и готовил студентов трех отделений: 20 студентов — на отделении искусств, 30 — на отделении философии и 20 — на отделении богословия. Об их содержании также заботились: художникам выделяли по 4 парижских су еженедельно, логикам — 4 су и богословам — 8 су. Обеспечение продолжалось, пока выпускники не получали бенефиции, стоившие, соответственно, 30, 40 и 60 фунтов. Правила разрешали студентам богословия разводить огонь каждый день с ноября по март после обеда и ужина на полчаса. Скамьи были запрещены комиссией, назначенной Урбаном V в 1366 г., как роскошь. В праздничные дни богословы должны были устраивать легкий ужин для своих соучеников из трех классов. Ректор, возглавлявший колледж, раньше выбирался преподавателями университета, но теперь его стал назначать королевский исповедник. Студенты носили специальную форму и тонзуру, говорили между собой на латыни и ели вместе.

Жерсон, возможно, самый выдающийся студент Парижского университета, был верным и полным энтузиазма сыном своей alma mater, называл университет «своей матерью», «матерью света Святой Церкви», «кормилицей всего, что есть мудрого и благого в христианском мире», «прообразом небесного Иерусалима», «источником знания, светочем нашей веры, славой и украшением не только Франции, но и всего мира»³⁸⁷.

В 1382 г., в возрасте девятнадцати лет, он перешел на богословский факультет, а год спустя оказался под началом у Д'Альи, недавно назначенного ректором, и оставался его учеником в течение семи лет. Жерсон был уже известен, и в 1383 г. его избрали прокуратором французского землячества, а в 1387 — чле-

³⁸⁵ См. Fiske, *Discovery of America*, I. 372.

³⁸⁶ Schwab, p. 51.

³⁸⁷ Schwab, p. 59.

ном делегации, которая должна была предстать перед Климентом VII и выступить против Жана де Монсона (этот доминиканец, преследуемый за отрицание непорочного зачатия Марии, не желал покаяться, утверждая, что все осуждающие его осуждают Фома Аквината, и апеллировал к папе). Парижский университет занялся этим делом, и Д'Альи в двух обращениях к папской консистории заявлял, что Фома, хотя и святой, не был непогрешимым. Дело закончилось осуждением Де Монсона. Доминиканцы, отказавшиеся принять это решение, покинули университет и не возвращались в него до 1403 г.

Жерсон утверждал, что Мария была свободна от первородного и фактического греха, но проводил разграничение между нею и Христом: Христос был безгрешен от природы, а Мария (*domina nostra*) — благодаря деянию Божьей благодати. Это учение, говорил он, не может быть выведено непосредственно из Писания³⁸⁸, однако, подобно тому как апостолы знали больше, чем пророки, так и учителя церкви знают то, что было неведомо апостолам.

Когда Д'Альи стал епископом (1395), его ученик занял обе его должности, профессора богословия и канцлера университета. В обсуждениях о прекращении раскола, в которых университет играл ведущую роль, Жерсон сыграл выдающуюся роль своими трактатами, проповедями и публичными речами. Он, по сути, формировал мнение церкви об этой важной проблеме. Предпосылка, от которой он отталкивался, гласила, что мир церкви — обязательное условие для выполнения ее миссии. Это мнение он изложил в знаменитой проповеди, произнесенной в 1404 г. в Тарасконе перед Бенедиктом XIII и герцогом Орлеанским. Князья и прелаты, заявил он, должны повиноваться закону. Церковь была создана ради мира и благополучия людей. Любая церковная власть обязана действовать в интересах мира. Мир так важен, что ради него любой должен быть готов отказаться от сана и положения. Разве Христос не страдал от унижения? Лучше какое-то время жить без папы, чем соблюдать каноны и не иметь мира в церкви, ибо спасение возможно и без папы³⁸⁹. Следует созвать общецерковный собор и благочестиво надеяться, что, решая проблему раскола, собор не ошибется (*pium est credere non erraret*). Как сказал Шваб, никто раньше не проповедовал так перед папой. И проповедь действительно стала сенсационной.

Жерсон хотя и не присутствовал на соборе в Пизе, но внес вклад в обсуждение, написав важные трактаты о единстве церкви (*De unitate ecclesiastica*) и о низложении папы (*De auferibilitate papae ab ecclesia*). Он заявлял, что Христос — глава церкви, и ее монархическое строение неизменно. Должен быть один папа, а не несколько, и его власть несравнима с властью епископов. Как папа может покинуть церковь, так и церковь может покинуть папу. Такое действие может быть предпринято для самозащиты. Должность папы — от Бога, однако папа может быть смещен даже собором, созданным без его согласия. Все церковные должности и служители существуют ради блага церкви, то есть ради мира, который проявляется в любви. Если папа имеет право защищаться, скажем, от обвинения в нечистоте, так почему у церкви нет права защищаться? Собор действует непосредственно властью Христа и Его законов. Собор может высказаться против папы, потому что власть ключей дана не одному человеку, но телу церкви —

³⁸⁸ *In scriptura sacra neque continetur explicite neque in contentis eadem educitur evidenter* (Du Pin ed., III. 1350). Проповеди о зачатии, рождении и благовещении Девы см. в vol. III. 1317-1377. Также III. 941, и Du Pin, *Gersoniana*, I. cviii. sq.

³⁸⁹ *Potest absque papa mortali stare salus* (Du Pin, II. 72). Тарасконская проповедь приводится в Du Pin, II. 54-72. Анализ Шваба см. на pp. 171-178.

unitati. Аристотель говорил, что группа людей имеет право, если необходимо, смещать своего князя. Так может сделать и собор, а тот, кто отвергает решение церковного собора, отвергает Бога, Который направляет действия собора. Папа может быть смещен за ересь и раскол — например, если он не преклоняет колени перед таинством. Он может быть смещен и при отсутствии его личной вины — например (как мы уже говорили), если его взяли в плен сарацины и прошел слух, что он погиб.

На соборе в Констанце, где Жерсон выступал как делегат от французского короля, он вновь и вновь защищал вышеупомянутые позиции, например, в обращении от 23 марта 1415 г. и во втором обращении, 21 июля, когда он отстаивал декрет, принятый собором на пятом заседании. Он вновь утверждал, что папу можно заставить отречься, что общецерковные соборы выше пап и что непогрешимостью обладает только церковь как орган или ее высший представитель, общецерковный собор³⁹⁰.

Имя Жерсона запятнано активным участием в осуждении Яна Гуса. Жерсон не был выше своего века и, пользуясь выражениями Иннокентия III, называл ересь раковой опухолью³⁹¹. Он заявляет, что проявил на судах над Гусом и Виклифом столько усердия, сколько мог³⁹². Он объявил девятнадцать заблуждений, обнаруженных в труде Гуса о церкви, «явно еретическими». Ересь, заявил он, можно пресекать, даже убивая еретиков, если они в ней упорствуют³⁹³. Он отрицал фундаментальное положение Гуса: ничто не может быть принято как божественная истина, если об этом не сказано в Писании. Жерсон также осуждал возможность апеллирования к совести, явно утверждая наивысшее превосходство древних церковных авторитетов и канонического права. И мнение отдельного человека, сколь бы хорошо он ни разбирался в Писании, не имеет веса перед решениями собора³⁹⁴.

В споре об удалении чаши от мирян, связанном с богемской ересью, Жерсон также занял крайнюю позицию, доказывая ее с помощью аргументов, которые представляются нам совершенно недостойными богослова. В трактате на эту тему он заявлял, что, хотя некоторые места из Писания и отцов церкви могут быть приведены в защиту раздачи как хлеба, так и вина, они все же не содержат явной заповеди, а в случаях, когда в Писании дана явная заповедь, ее необходимо понимать как относящуюся лишь к священникам, которые обязаны принимать оба вида причастия, представляющие страдания и смерть Христа во всей полноте. Но от мирян этого не требуется, потому что они причащаются для того, чтобы только воспользоваться плодами смерти Христа, а не для того, чтобы продемонстрировать их. Христос велел принимать оба вида причастия одним только апостолом³⁹⁵. Обычай причащения мирян никогда не был всеобщим, как доказывают Деяния 2:42,46. Принимаемая в ходе таинства сущность тела и крови важнее, чем принимаемые дары (Ин. 6:54). Да и Христос не присутствует целиком ни в одном из даров, а если какие-то из докторов считают иначе, то нужно следовать учению церкви, а не им. С незапамятных времен церковь давала причастие толь-

³⁹⁰ См. Schwab, pp. 520 sqq., 668.

³⁹¹ В проповеди перед собором в Констанце, Du Pin, II. 207.

³⁹² *Dialog. apologet.*, Du Pin, II. 387.

³⁹³ *Ad punitionem et exterminationem errantium*, Du Pin, II. 277.

³⁹⁴ См. Schwab, pp. 599, 601.

³⁹⁵ *Contra heresin de communione laicorum sub utraque specie* (Du Pin, I. 457-468). См. Schwab, p. 604 sqq.

ко в одной форме. Собор в Констанце был прав, когда решил, что одного из даров достаточно для спасительного участия в таинстве. Церковь может изменять внешние обряды, если изменения не затрагивают сущности. Использование же обоих даров, даже если таковое когда-то и было полезным, теперь стало вредным и еретическим.

К этим заявлениям Жерсон добавлял практические соображения, связанные с причащением мирян чашей. Существует опасность расплескать вино. Сосуды могут быть осквернены из-за соприкосновения с длинными бородами мирян. Вино может превратиться в уксус, если дать его больному, и потому перестанет быть кровью Христовой (*et ita desineret esse sanguis Christi*). Да и невозможно из одного сосуда причастить 10 — 20 тыс. человек, как может быть необходимо на Пасху. Есть и другие опасности, связанные с подобной практикой. Из-за причащения под обоими видами может возникнуть представление о равенстве священника и мирян. Или же кто-то решит, будто главная ценность таинства состоит в принятии даров евхаристии, а не в их освящении³⁹⁶. Вот лишь некоторые из тех «скандалных» моментов, которые знаменитый учитель находил в причащении мирян из чаши.

В течение многих лет Жерсона также сильно волновала тема, оправдано ли убийство тирана или вассала-изменника. Он отвечал на вопрос отрицательно, но ему не удалось убедить в своей правоте собор в Констанце. Проблема возникла в связи с отношением к полубезумному французскому королю Карлу VI (1380 — 1422) и попыткой разных фракций взять правление в свои руки.

23 ноября 1407 г. кузен короля Людовик, герцог Орлеанский, был убит по приказу дяди короля, Иоанна, герцога Бургундского. Францисканец и парижский профессор Жан Пти (Иоанн Парвус) оправдывал поступок герцога в обращении, прочитанном перед королем 8 марта 1408 г. А Жерсон, который раньше, похоже, поддерживал убийство тиранов, ответил Пти в публичном обращении и призвал короля запретить его девять положений³⁹⁷. Парижский университет выступил на стороне Жерсона. Пти умер в 1411 г., но спор продолжался. Теория Пти гласила, что каждый вассал, организующий заговор против своего господина, заслуживает смерти духовной и телесной. Он — тиран, и любой человек в праве убрать его с его пагубного пути. И чем выше ранг такого человека, тем больше заслуга такого убийства. Пти основывал свое мнение на трудах Фомы Аквината, Иоанна Солсберийского, Аристотеля, Цицерона и других авторов, ссылаясь на Моисея, Замврия и святого Михаила, сбросившего Люцифера с небес, а также использовал другие примеры. Герцог Орлеанский был виновен в измене королю, и герцог Бургундский был прав, убив его.

Епископ Парижский, поддерживаемый комиссией инквизиции и по указанию короля, осудил Пти и его взгляды. В феврале 1414 г. Жерсон выступил с публичным обращением в поддержку этого осуждения, а два дня спустя положения статьи Пти были сожжены перед Нотр-Дамом. Король ратифицировал решение епископа, и герцог Бургундский апеллировал к Риму³⁹⁸.

³⁹⁶ *Quod virtus hujus sacramenti non principalius in consecratione quam in sumptione* (Du Pin, I. 467).

³⁹⁷ Документы на эту тему приведены в пятом томе сочинений Жерсона. Обращения Жерсона на эту тему, сделанные на соборе в Констанце, приведены во втором томе. См. Schwab, p. 609 sqq., и Bess, *Zur Geschichte, etc. Chartularium* (IV. 261-285, 325 sqq.) содержит девять положений на французском языке, ответ Жерсона и другие материалы, относящиеся к спору.

³⁹⁸ Schwab, p. 620.

Теперь дело было передано собору, который на пятнадцатом заседании, 6 июля 1415 г., пошел на компромисс. Он осудил учение о том, что тирана, при отсутствии судебного решения, может и должен подвергнуть смерти кто-либо из подданных, а тем более предательскими методами и нарушая данную ранее клятву. Имя Пти не упоминалось. Это робкое полусуждение побудило Жерсона сказать, что если бы у Гуса нашелся покровитель, то он не был бы признан виновным. Ходили слухи, что комиссия, назначенная для доклада, шестьюдесятью одним голосом из восьмидесяти признала взгляды Пти позволительными и напомнила, что даже Петр намеревался убить слугу первосвященника и что, если бы Петр знал о мыслях Иуды во время вечера Господней, то он мог бы убить его и был бы оправдан. Говорят, герцог Бургундский не жалел золота, и группировка, возглавляемая епископом Арраса, утверждала, что тирана, который берется за меч, необходимо наказывать мечом³⁹⁹. Жерсон, поддерживаемый Д'Альи, ответил, что тогда заповедь «не убий» запрещала бы убийство только в случае, если бы сопровождалась богодухновенным примечанием «без решения суда». Но заповедь значит «не убивай невинного или не убивай из мести». Жерсон в последний раз настаивал на своем мнении в обращении, зачитанном перед собором 17 января 1417 г., но собор отказался пойти дальше декрета, принятого на пятнадцатом заседании.

В 1418 г. герцог Бургундский получил во владение Париж, и Жерсону был отрезан путь во Францию. Под защитой герцога Баварского он укрылся в Раттенберге, а потом в Австрии. После убийства самого герцога Бургундского, с согласия дофина, 10 сентября 1419 г. он вернулся во Францию, но не в Париж. Он отправился в Лион, где жил его брат Жан, и провел последние годы жизни там, в монашеском уединении. Говорят, дофин даровал ему в 1420 г. 200 ливров в благодарность за служение короне.

Остается охарактеризовать Жерсона как богослова, проповедника и патриота.

В области собственно богословия Жерсон занимает место среди мистиков⁴⁰⁰. Жерсон определяет мистику как «искусство любви», «восприятие Бога на опыте». Такой опыт достигается скорее через смирение и покаяние, чем путем размышлений. Жизнь в созерцании желательна, но, следуя примеру Христа, необходимо сочетать созерцание с действием. Созерцание Бога заключается в знании, которому учит Ин. 17:3: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа». Такое знание связано с любовью. Душа объединяется с Богом через любовь. Мистика Жерсона основана, с одной стороны, на изучении Писания, а с другой — на Бонавентуре и сен-викторских богословах. Жерсон написал специальный трактат, восхваляющий Бонавентуру и его мистические произведения. Он не был близок к немецким мистикам и выступал против Яна Рейсбрука и его ученика Яна Шенхофена, обвиняя их в пантеизме.

Делая акцент на религиозных чувствах, Жерсон, однако, был далек от религиозного визионерства и писал трактаты против опасностей увлечения видениями и откровениями. Как, проверяя подлинность монеты, обращают внимание на ее вес, плотность, цвет, форму и чеканку, так для проверки

³⁹⁹ Mansi, XXVII. 765: *Quilibet tyrannus potest et debet licite et meritorie occidi per quemcumque... non expectata sententia vel mandato iudicis cuiuscumque*. Об участии Д'Альи см. Tschackert, pp. 235-247.

⁴⁰⁰ Мистика Жерсона представлена в таких трактатах, как *De vita spirituali animae* и *De monte contemplationis* (Du Pin, III. 1-77, 541-579).

подлинности видений следует обращать внимание на кротость и честность тех, кто утверждает, что получил их, а также на их готовность учить и учиться. Он хвалил одного монаха, которому предложили показать человека, похожего на Христа, а он ответил: «Я не хочу видеть Христа на земле. Я лучше подожду, когда увижу Его на небе».

Когда на соборе в Констанце обсуждалась канонизация святой Бригитты, Жерсон заявил, что, если видение открывает человеку вещь, которая уже есть в Писании⁴⁰¹, значит, оно ложно, ибо Бог не повторяется (Иов 33:14). Люди сильно жаждут откровений потому, что не изучают Библию. Позже он предостерегал⁴⁰² против женских откровений, так как женщины больше склонны обманываться, чем мужчины.

Писание, учил Жерсон, — это закон церкви, которым она должна руководствоваться до конца света. Если бы можно было доказать, что хоть одна фраза в нем ложна, то было бы ложно все Писание, так как Святой Дух — автор всего его. Для определения смысла текста мало быть знакомым с алфавитом — что явствует из переводов Библии, выполненных вальденсами, бегардами и другими сектантами⁴⁰³. Мысль Писания нуждается в авторитетном подтверждении церковью, на что указывал Августин, говоря: «Я не верил бы в Евангелие, если бы авторитет церкви не принуждал меня к этому».

Как бы ни были велики заслуги Жерсона в других областях, но, как утверждает симпатизирующий ему ученый библиограф Шваб, именно с кафедры он оказал наибольшее влияние на свое поколение⁴⁰⁴. Он проповедовал и на французском, и на латыни. По большей части его проповеди имели практическое значение и были посвящены таким этическим темам, как гордость, праздность, гнев, десять заповедей, великие грехи и артикулы веры.

В последние десять лет жизни, проведенные в затворничестве в Лионе, он продолжал литературную деятельность и писал в основном в духе мистического богословия. Его последний труд был посвящен Песни песней.

Предание гласит, что в последние годы жизни великий учитель преподавал в катехетической школе для детей при соборе Св. Павла в Лионе и что он учил их каждый день молиться о нем, говоря: «Боже, Творец мой, смилуйся над Своим бедным рабом Жаном Жерсоном» (*Mon Dieu, mon Createur, ayez pitié de votre pauvre serviteur, Jean Gerson*)⁴⁰⁵. Для молодежи и, возможно, для подростков, начинавших учиться в университете, он написал свой трактат «Как вести детей ко Христу»⁴⁰⁶. Трактат начинается с объяснения слов: «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне». Далее автор доказывает, насколько лучше предложить Богу свои юные силы, нежели немощи старческого возраста. Жер-

⁴⁰¹ *De probatione spirituum*, Du Pin, I. 37-43; и *De distinctione verarum visionum a falsis*, Du Pin, I. 43-59.

⁴⁰² *De examinatione doctrinarum*. Du Pin, I. 7-22.

⁴⁰³ *Si propositio aliqua J. scripturae posita assertive per auctorem suum, qui est Sp. sanctus, esset falsa. tota s. scripturae vacillaret auctoritas* (цит. в Schwab, p. 314).

⁴⁰⁴ *Gerson hatte seine einflussreiche Stellung vorzugsweise dem Rufe zu danken den er als Prediger genoss* (Schwab, p. 376).

⁴⁰⁵ См. Schwab (p. 773), который и не подтверждает, и не отвергает это предание. Доктор Филип Шафф имел обыкновение сравнивать литературную деятельность Теодора Д. Уолси, президента Йельского колледжа, с деятельностью Жерсона. В последние годы жизни доктор Уолси писал уроки воскресной школы для *Sunday School Times*.

⁴⁰⁶ *De parvulis ad Christum trahendis*. Написан, согласно Швабу, в 1409 — 1412 г. (Du Pin, III. 278-291).

сон говорит о грехах, которых дети должны избегать, в первую очередь блуда, и осуждает принцип, гласящий, что грех простителен, если он тайный (этот принцип выражен в словах *si non caste tamen caute* {латинская аналогия русскому «не пойман — не вор»}).

В трехчастном труде, в котором кратко изложена суть десяти заповедей, рассказывается о семи смертных грехах и содержатся краткие размышления о смерти и о том, как следует встречать ее. Жерсон предоставляет нам нечто вроде катехизиса, хотя и не в форме вопросов и ответов. Как утверждает автор, книга была задумана для необученных помощников приходских священников, которые выслушивают исповеди, а также для родителей, которые должны наставлять детей, для лиц, которые редко посещают богослужения, и для тех, кто заботится о больных в госпитальных⁴⁰⁷.

Титул «наихристианнейшего доктора» (*doctor christianissimus*), присвоенный Жану Жерсону, подчеркивает евангельский характер его учения. Он обладал не только ясным умом, но и религиозным пылом. Относясь к церкви с любовью, которую трудно было превзойти, он прославлял христианское сообщество как обладающее разумом Христа и находящееся под Его непосредственным руководством и отстаивал принцип, что мнение христианского мира, утвержденное на общецерковном соборе, является высшим земным авторитетом в религиозных вопросах.

Жерсон выступал против некоторых суеверий, унаследованных от прошлых эпох. Он подчеркивал авторитет священного текста. В этом отношении, как и в других, он действовал в прогрессивном духе своего времени. Но он еще не дошел до принципов Реформации. Он ничего не знал о личных свободах и о правах совести. Его мышление определялось идеологией церкви. Ему недоставало дерзновенного мышления Виклифа и того духа, который побуждает человека выступать против заблуждений своего времени. Поданный им голос за сожжение Гуса со всей очевидностью показывает, что свет нового века еще не забрезжил в его сознании. И он, в отличие от этих людей, не был предтечей XVI века.

Главный принцип, за который сражался Жерсон, принцип высшей власти общецерковных соборов, потерпел поражение вскоре после смерти великого канцлера. Он был отвергнут сначала папами, а потом и самим общецерковным собором. Но произведения Жерсона часто публиковались и остаются важными литературными памятниками богословия первой половины XIV века⁴⁰⁸. В плане духа и методов Жерсон отличался от схоластов и, можно даже сказать, образует отдельную категорию. Он был самым выдающимся богословом столетия. Такого мнения в конце XV века придерживался знаменитый немецкий аббат и автор Тритемий⁴⁰⁹.

§24. Никола Клеманж, моралист

Третьим из великих светил, прославивших Парижский университет в рассматриваемый период, был Николя Пульвиллен из Клеманжа, родившийся в Клемангисе⁴¹⁰, Шампань, около 1367 г. и умерший в Париже около 1437 г. Застен-

⁴⁰⁷ *Opusculum tripartitum: de preceptis decalogi, de confessione, et de arte moriendi*, Du Pin, I, 425-450. Bess (в Herzog, VI. 615) называет эту книгу «первым катехизисом».

⁴⁰⁸ Первое полное издание сочинений Жерсона — John Koelhoff, 4 vols. Cologne, 1483, 1484. Знаменитый проповедник Гейлер из Страсбурга выпустил второе издание в 1488 г.

⁴⁰⁹ «Он был главным богословом своего времени» (*Theologorum sui temporis longe princeps*, Schwab, p. 779, note).

чивый от природы, он менее активно участвовал в решении великих проблем своей эпохи, чем его современники Д'Альи и Жерсон. Как и последние, он был вовлечен в дискуссии, связанные с расколом, а отличался тем, что весьма ценил изучение Писания и резко изобличал порочность клира. Он поступил в Наваррский колледж в возрасте двенадцати лет и учился у Д'Альи и Жерсона. В области богословия он получил лишь степень бакалавра. Вероятно, он был избран ректором университета в 1393 г. Вместе с Петром из Монстеролио он был одним из главных знатоков классики в университете и имел основания утверждать, что Вергилия, Теренция и Цицерона широко преподают в Париже и публично, и частным образом⁴¹¹.

В 1394 г. Клеманж принял видное участие в подготовке документа, в котором излагались выводы университета по прекращению раскола⁴¹². Документ был адресован «наихристианнейшему королю Карлу VI, ревностному защитнику религиозной ортодоксии, от его дочери, университета». Этот знаменитый документ предлагал три способа прекращения раскола: отречение, суд или общецерковный собор. Стиль был твердым и умеренным — две отличительные черты характера Клеманжа. Раскол объявлялся в нем губительным. На вопрос, откуда происходит власть собора, давался ответ: «Его власть исходит от сообщества верующих; и она исходит от Христа, сказавшего: “Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди вас”»⁴¹³.

Этот парижский профессор был одним из тех, кого выделял проницательный Петр де Луна, а когда Петра избрали папой, Клеманж поддержал его и в письмах призывал действовать в интересах всего христианского мира, как человека, который теперь уже не является одним из многих моряков, а стоит у руля. Клеманж был призван к авиньонскому двору в качестве секретаря, но устал от суматохи и пороков, царивших во дворце и городе⁴¹⁴. В 1406 г. он, похоже, покинул Бенедикта в Генуе и удалился в Лангрю, где был каноником. Но с папой он не порвал, и когда в 1408 г. Бенедикт выпустил буллу, угрожавшую отлучением французскому двору, Клеманжа обвиняли в том, что он ее автор. Но Клеманж отрицал это, однако обвинение в непатриотичном поведении произвело большое впечатление, и он удалился в монастырь картузианцев Вальпрофонд, а потом — в Фонтен дю Боск. В затворничестве он писал письма и трактаты и изучал Библию, сожалея о том, что в прежние годы пренебрегал ею ради трудов классиков.

Клеманж писал Д'Альи о преимуществах жизни затворника (*De fructu eremi*). В другом трактате, *De fructu rerum adversarum*, он говорил о преимуществах трудностей. Но более важен труд, где он жалуется на злоупотребление днем Господним и на умножение праздников, которые отвлекают тружеников от работы, не способствуя их благочестию. Еще в одном трактате, *De studio theologico*, адресованном богослову из Парижа, который спрашивал, должен ли он продолжать свои занятия или стать пастырем, Клеманж говорил о душепопечительстве как о

⁴¹⁰ Такое написание приводит Денифле в *Chartularium*.

⁴¹¹ *Chartul.*, III. pp. 5, xi. В *Chartularium* Клеманж всегда представлен как член факультета искусств (III. 606, etc.).

⁴¹² *Chartul.*, III 617-624.

⁴¹³ *Taedeat me vehementer curiae, taedeat turbae, taedeat tumultus, taedeat ambitionis et morum in plerisque vitiosorum* (цит. в Knöpfler).

⁴¹⁴ *Quid aliud sunt hoc tempore puellarum monasteria, nisi quaedam, non dico Dei sanctuaria sed execranda prostibula Veneris... ut idem hodie sit puellam velare quod ad publice scortandum exponere* (Hardt, I. 38).

важной и деликатной задаче, но советовал спрашивавшему оставаться в университете и прежде всего изучать Писание. Он объяснял упадок церкви пренебрежением к Писанию и заявлял, что месса, шествия и праздники никому не нужны, если сердце не очищено верой.

Клеманж не был на соборе в Констанце, но направил собору письмо, призывая к единству мысли и действия. Он выражал сомнение в том, что общецерковные соборы всегда следуют руководству Святого Духа. Церковь, которую он называл непогрешимой, есть только там, где есть Святой Дух, а достоверно знать о присутствии Духа может один только Бог. В 1425 г. он вернулся в Париж и читал лекции по риторике и богословию.

Репутация Клеманжа основана преимущественно на его резкой критике развращенного клира. Живя в Авиньоне, он имел возможность наблюдать эту развращенность. Его трактат о прелатах, практикующих симонию (*De praesulibus simoniacis*), представляет собой комментарий на слова: «Вы сделали его вертепом разбойников» (Мф. 21:13). Другой трактат, о падении церкви (*De ruina ecclesiae*), — одно из самых известных произведений того века. В нем Клеманж говорит о симонии и о личных пороках, распространенных в Авиньоне, где святыми вещами торгуют ради золота и роскоши. Он описывает развращенность клира начиная с папы и заканчивая нижними чинами священников. Автор считал идеальным положение церкви в первом веке ее существования, когда клирики думали исключительно о духовном. Обретя же собственность и власть, они стали жадными и амбициозными, гордыми и любящими роскошь. Да и сами папы повинны в гордости. Они превозносят свою власть выше власти императора и претендуют на право назначать всех прелатов, распределять все бенефиции христианского мира. Зло, связанное с аннатами и очередями на церковные места, невозможно описать словами. Кардиналы берут пример с пап по части жадности и гордости. Некоторым кардиналам принадлежит до 500 приходов. Чтобы сохранить свою «тиранию», папа и курия вступают в союз с князьями, и Клеманж объявляет это деяние отвратительным блудом. Многие епископы получают большие доходы от епархий, которыми управляют их ставленники и которые они сами никогда не посещают. Каноники и викарии следуют тому же курсу и проводят время в праздности и чувственных удовольствиях. Нищенствующие монахи похожи на фарисеев синагоги. Вряд ли один клирик из тысячи делает то, чего требует от него должность. Они невежественны, скандалят, пьют, играют в кости и прелюбодействуют. Касательно монахинь Клеманж пишет, что вообще не осмеливается говорить о них. Женские монастыри — не Божьи святилища, а позорные дома Венеры, где порочная и распутная молодежь предается своим страстям. Облачение девушки в монашескую накидку, по сути, означает занятия проституцией⁴¹⁵. Церковь опьянена жаждой власти, славы и удовольствий. Суд грядет, и люди должны смиренно склониться перед Богом, Который Один способен устранить все зло и положить конец расколу.

Конечно же, подобные описания следует воспринимать осторожно, и на их основании нельзя делать вывод, что абсолютно все клирики были развращены. Но зло должно было глубоко утвердиться, чтобы человек, занимающий положение Клеманжа, так жаловался на него.

Автор не призывает открыто сражаться со злом, как делали в последующий период немецкие реформаторы, но в качестве лекарства предлагает молитвы,

⁴¹⁵ *Quid aliud sunt hoc tempore puellarum monasteria, nisi quaedam, non dico Dei sanctuaria sed execranda prostibula Veneris... ut idem hodie sit puellam velare quod ad publice scortandum exponere* (Hardt, I. 38).

шествия и посты. Он считал, что церковь должна проявить покорность, если желает восстановиться⁴¹⁶. Это смелое заявление занимает важное место среди литературы, которая оказала столь сильное влияние на общественное мнение в период реформаторских соборов.

Громкие жалобы на нравственную низость папского двора, звучавшие уже в авиньонский период, во время раскола усилились, если такое вообще было возможно. В списке подлежащих искоренению злоупотреблений, принятом на соборе в Констанце 30 октября 1417 г., упоминаются такие должностные преступления курии, как резервация мест, аннаты, продажа индульгенций и ничем не сдерживаемое право апелляции к папскому суду. Отдельные авторы писали на тему целомудрия. Описывая третий Вавилон, Петрарка был еще более строг, чем Клеманж, который писал о ситуации почти век спустя и обвинял папский двор в прелюбодеяниях, изнасилованиях и всевозможном блуде⁴¹⁷. Клеманж заявлял, что во многих приходах от священников даже требовали заводить наложниц, чтобы обезопасить свои семьи. Вопреки всем каноническим законам, Иоанн XXIII дал разрешение на рукоположение внебрачного сына Генриха IV Английского, которому было только десять лет⁴¹⁸. Конечно, случай Иоанна XXIII был исключительным, однако, по словам его биографа Дитриха Нигейма, в Болонье, куда Иоанн был послан как кардинал-легат, двести матрон и дев, в том числе несколько монахинь, оказались жертвами любовных устремлений будущего понтифика. Дитрих Ври в своей «Истории собора в Констанце» говорит: «Насколько мне известно, на выборах верховного понтифика заправляют жадность и симония, да и епископами тоже становятся за плату. Древнее изречение “Даром получили — даром давайте” сейчас самым зlostным образом извращено и звучит так: “Даром я не получил ничего и отдавать тоже не буду. Я купил себе епископство за большие деньги и должен возместить свои нечестивые траты”... Если бы Симон Волхв жил в наше время, он смог бы купить за деньги не только Святого Духа, но и Бога Отца, и Бога Сына»⁴¹⁹. Хотя моральное состояние иерархии и папства во время раскола было плачевным, оно все же было не так растленно, как в последние полвека Средневековья. Реформаторские соборы — лучшее, хотя и не единственное доказательство того, что церковь обладала мощной моральной силой. Сам их созыв был протестом против развращенности клира и лицемерия «главы и членов», от папы до самого последнего священника, и в то же время полным надежды предзнаменованием будущего улучшения.

⁴¹⁶ *Eccles. prius humilianda quam erigenda*. Об авторстве *De ruina* велись споры. Мюнтц отрицал авторство Клеманжа в основном из-за плохого латинского, и Кнопфлер склонен согласиться с ним. С другой стороны, Шуберт и Шваб, которым, с некоторыми колебаниями, вторит Бесс, принимают традиционную точку зрения. Шваб говорит о сходстве между *De ruina* и другими произведениями Клеманжа и полагает, что трактат был написан в 1401 или 1402 г., но опубликован только в 1409 г.

⁴¹⁷ *Mitto stuprum, raptus, incestus, adulteria, qui jam pontificalis lasciviae ludi sunt* (цит. в Lea. *Sacerd. Celibacy*, I. 426). Жиль ли Мюизи, аббат Сен-Мартен-ди-Турней (ум. в 1352), в *Recollections of his Life*, написанных за год до смерти, говорит о хорошем вине, хорошем столе, красивой одежде, а прежде всего — о празднествах, которые в его время занимали монахов больше всего. Кюре и капелланам прислуживали женщины. Этот обычай вызывал беспокойство и ропот, а потому его следовало скрывать. См. C. V. Langlois, *En France au moyen age a après quelques moralistes du temps*, Paris, 1905, pp. 320, 336, etc.

⁴¹⁸ 15 января 1412 г. Под именем Э. Лебурда. Документ см. в *English Historical Review*, 1904, p. 96 sq.

⁴¹⁹ Hardt, I. 104 sqq. Эта жалоба вложена в уста Христа.

§25. Николай Кузанский, ученый и церковный деятель

Среди богословов поколения, пришедшего после Жерсона и Д'Альи, самое видное место занимает немец Николай Кузанский (1401 — 1464). В начале своей деятельности он принимал заметное участие в Базельском соборе, после чего служил Евгению IV и отличился практическими усилиями по проведению реформы в церкви и трудами в области богословия и других отраслей науки.

Сын лодочника, родившийся в Кузе, недалеко от Трира, он покинул родительский дом из-за грубого обращения. Попав под покровительство графа Мандершейдского, он отправился в Девентер, где обучался в школе, которой руководили братья общинной жизни. Он изучал право в Падуе и получил докторскую степень, но оставил занятия правом ради богословия, так как, по словам его оппонента Грегора Хаймбурга, в первом потерпел неудачу. В Падуе он учился у Чезарини, позже кардинала и выдающегося участника Базельского собора.

В 1432 г. он появился в Базеле как представитель графа Мандершейдского, избранного архиепископом Трира, чтобы поддержать дело Ульриха против его соперника Рабана Гельмштатдского, епископа Шпейера, которого папа назначил архиепископом епархии Трира. Николай, находившийся в тесных отношениях с участниками собора, сыграл важную роль в слушании дела гуситов и, вместе с большинством участников, выступал за превосходство собора над папой. Его труд о католическом единстве (*De concordantia catholica*), выражающий его взгляды по этому вопросу и посвященный собору 1433 г., следовал за более ранними трактатами Лангенштейна, Нигейма и Жерсона. Общецерковный собор, вдохновленный Святым Духом, говорит истину и непогрешим. Церковь — это сообщество верующих, *unitas fidelium*, а общецерковный собор — его представитель. Власть папы опирается на согласие церкви. Собор может сместить папу за ересь и по другим причинам и не может быть отложен или распущен без согласия самих участников собора. Петр получил от Христа не больше власти, чем остальные апостолы. То, что было сказано Петру, было сказано и остальным. Все епископы обладают равной властью и достоинством независимо от их юрисдикции — епископской, архиепископской, патриаршей или папской, подобно тому как равны и все пресвитеры⁴²⁰.

Несмотря на эти взгляды, когда возник вопрос о месте встречи с греками, Николай вместе с меньшинством выступил за итальянский город и был членом делегации от меньшинства, посетившей Евгения IV в Болонье и отправившейся в Константинополь. Это было в 1437 г., и начиная с этого момента Николай выступал усердным слугой Евгения и двух его преемников. Эней Сильвий, впоследствии Пий II, называл его Геркулесом среди сторонников Евгения. Эней объявил его также человеком, знаменитым своей всесторонней ученостью и благочестивым образом жизни⁴²¹.

⁴²⁰ Иоанн Туррекремата (ум. в 1468), трактат которого о власти в церкви (*Summa de Eccles. et ejus auctoritate*, 1450) мы уже упоминали, придерживался, в отличие от Николая, крайней ультрамонтанской позиции. Папская власть распространяется на всех христиан всего мира. Папа имеет право назначать всех епископов и смещать их, назначать прелатов на все бенефиции и канонизировать святых. Как наместник Христа, он обладает всей полнотой юрисдикции на земле в светских и духовных вопросах, так как вся власть светских князей происходит от папы (*quod omnium principum saecularum jurisdictionalis potestas a papa in eos derivata sit* — цит. по Gieseler, III, 5, pp. 219-227).

⁴²¹ *Hist. of Fred. III*, 409, нем. перев., II. 227.

Евгений назначил своего нового сторонника легатом для установления мира с немецкой церковью и князьями (задача, которая была выполнена с заключением Венского конкордата, 1447). Его наградой стало вступление в коллегия кардиналов, а в 1452 г. он был сделан епископом Бриксена в Тироле. Здесь он попытался провести реформы в церкви и с той же целью, как папский легат, объехал большую часть Германии.

Попытавшись утвердить все средневековые феодальные права своей епархии, епископ Николай вступил в острый конфликт с Сигизмундом, герцогом Австрийским. Но даже интердикт, объявленный двумя папами, не принудил герцога к повиновению. Он объявил епископу войну, взял его в плен и заставил дать обещание отказаться от древних прав, которыми много лет не пользовались его предшественники. Отпущенный на свободу, Николай объявил свою клятву ничего не значащей, так как он принес ее по принуждению, и в этом его поддержал Пий II. В 1460 г. он поехал в Рим и умер в Тоди, Умбрия, несколько лет спустя.

Николай Кузанский знал греческий и еврейский языки и, наверно, может считаться самым универсальным ученым Германии со времен Альберта Великого. Он интересовался астрономией, математикой и ботаникой, и, как Д'Альи до него, на Базельском соборе он требовал внести поправки в календарь. Литературным произведением, создание которого отняло у него больше всего сил, было богословское исследование *De docta ignorantia* {«Об ученом невежестве»}. Здесь он критикует схоластический метод и показывает, что на его образ мыслей оказала влияние мистика, в духе которой он воспитывался в Девентере. Он подчеркивал ограниченность человеческого разума и неспособность рационально постичь Бога. Вера, которую он определял как состояние души, посланное Богом по благодати, вскрывает истины, которые не постичь разуму⁴²². Его взгляды оказали влияние на Фабера из Этапля, который издавал труды Кузанского и сам был французским предтечей Лютера в плане учения об оправдании верой.

Последние труды, связанные с крестовым походом против турок, который пропагандировал Пий II, привели Николая к изучению Корана и подготовке трактата *De cribatione Alcoran* {«О просеивании Корана»}, в котором он объявлял, что в основе ложных религий лежит истинная религия.

Этот кардинал занимает важное место в истории в основном как церковный посредник и борец с клерикальными и монастырскими злоупотреблениями. Он проповедовал на языке народа. В Бамберге он запретил создавать новые братства, в Магдебурге осудил продажу индульгенций за деньги. В Зальцбурге и других местах он проводил реформы в монастырях и вместе с другими членами семьи основал госпиталь в Кузе на 33 пациентов. Он проявил свой интерес к образованию, позаботившись о подготовке 20 мальчиков в Девентере. За век до Коперника он уже говорил о том, что земля вращается вокруг своей оси. Он приводил причины, по которым Константинов дар следует считать вымыслом, и сомневался в подлинности других частей Лжеисидоровых декреталий.

С другой стороны, кардинал был до мозга костей церковным деятелем и преданным сыном церкви. Как агент Николая V, он ездил по Германии, объявляя об индульгенции «святого года». Говорят, что благодаря ему было продано индульгенций на 200 тыс. гульденов для восстановления собора Св. Петра.

⁴²² *Fides est habitus bonus, per bonitatem data a deo, ut per fidem restaurentur illae veritates obiectivae, quas intellectus attingere non potest* (цит. в Schwane, p. 100).

Янссен, способный и ученый апологет, исследователь Католической церкви последних лет Средневековья, ставит этого благородного и разностороннего человека рядом с Гутенбергом. Если первый отличился в области клерикальной и церковной дисциплины, то второй был изобретателем печатного станка. Мы не хотим умалить важность ревностного служения Николая, но вынуждены сказать, что он не был глашатаем нового века мысли и религии, в отличие от Гутенберга, изобретение которого существенно содействовало развитию культуры и цивилизации⁴²³. Он не обладал даром морального и доктринального убеждения и предвидения, которые сделали монаха из Виттенберга провозвестником и глашатаем радикальной религиозной реформации, о постоянном благотворном воздействии которой свидетельствует ныне большая часть христианского мира.

§26. Народные проповедники

В течение полутора веков, которые завершаются в 1450 г., действовали и местные группы проповедников, и отдельные евангелисты, оказывавшие большое влияние на общины. Немецкие мистики во главе с Экхартом и Иоганном Таулером проповедовали в Страсбурге, Кельне и вдоль Рейна. Д'Альи и Жерсон выступали перед избранной аудиторией, прославив французскую кафедру. Виклиф в Оксфорде и Ян Гус в Богемии привлекли большое внимание своими проповедями и подверглись осуждению со стороны папистской церкви. Гус был одним из ряда выдающихся богемских проповедников. Виклиф же пытался возродить проповедь, отправляя специальных людей, своих «бедных проповедников».

Народные проповедники составляют другую группу подвижников (хотя в этот период среди них не было ни одного, способного сравниться с Бертольдом Регенсбургским, Уайтфилдом своего столетия, умершим в 1272 г.). Среди популярных проповедников того времени самые знаменитые — это Бернардино и Иоанн Капистрано, оба итальянцы, члены обсервантского крыла францисканского ордена, и испанский доминиканец Винченцио Феррер. К более позднему веку принадлежат такие светила кафедр, как Савонарола из Флоренции и Гейлер из Страсбурга.

Пий II восхвалял Бернардино из Сиены (1380 — 1444) как второго апостола Павла. Бернардино оказал заметное воздействие на итальянскую аудиторию и был любим папой Мартином V. Говорят, его голос, поначалу слабый и невнятный, сделался сильным и ясным благодатью Марии, к которой он обратился за помощью. Он был первым викарием-генералом обсервантов. Когда он вступил в ряды этого ордена, в Италии существовало всего несколько общин, но их количество значительно возросло в период его управления. В 1424 г. он пошел в Рим и, как сообщает римский летописец Инфессура⁴²⁴, оказал на народ такое влия-

⁴²³ Janssen, I. 2-6. Здесь мы впервые упоминаем об этом авторе, труды которого выдержали более 20 изданий и стали сенсацией. О его выводах и методах исследования мы подробнее поговорим позже. Здесь же будет достаточно лишь обратить внимание на соблазнительную благовидность его трудов, задача которых — показать, что упорядоченная реформация уже шла в Немецкой церкви, когда появился Лютер, грубо нарушивший своими революционными и «аморальными» тенденциями единство церкви и помешавший проведению постепенных преобразований. Этот вывод Янсена — результат манипулирования историческими материалами и завышенной оценки людей и влияний, которые внешне были почти незаметны в истории развития религии и цивилизации. Сравнение между Гутенбергом и Николаем Кузанским приводит как раз к тем выводам, которые и хотел обосновать Янссен при написании своей книги. Никто не сомневается в том, что изобретение книгопечатания имело далеко идущие последствия. Но автор слишком увлекся, заявляя, будто влияние Николая в области религии было не меньшим.

ние, что люди принесли свои игры и предметы обожания в Капитолий и бросили в огонь. Повсюду, куда он отправлялся проповедовать, перед ним носили знамя с монограммой Христа, IHS, окруженной двенадцатью лучами. Он призывал священников помещать эту монограмму на стены церквей и общественных зданий, и такую монограмму до сих пор можно видеть на городском здании в Сиене⁴²⁵. Августинцы, доминиканцы и Поджио критиковали его за эту практику. В 1427 г. он прибыл в Рим, чтобы ответить на обвинения. Мартин V оправдал его, дал ему разрешение проповедовать повсюду и велел восемьдесят дней нести служение в пределах папского города. В 1419 г. он прибыл в ломбардские города, жители которых были покорены его призывами к покаянию и нередко сжигали свои безделушки и игры на городских площадях. Его тело погребено в Апулии. Он был канонизирован Николаем V (1450).

Иоанн Капистрано (1386 — 1456), юрист, с юных лет служивший в администрации Перуджи, присоединился к обсервантам в 1416 г. и стал учеником Бернардино. Он приобрел репутацию в качестве инквизитора в Северной Италии, обращая и сжигая еретиков и иудеев. Никто не мог превзойти его в ревностном отношении к ереси. В первый раз его назначили инквизитором в 1426 г., в четвертый раз — 23 года спустя, в 1449 г.⁴²⁶

Как один из руководителей ордена, он защищал Бернардино в 1427 г. и был сделан викарием-генералом в 1443 г. Он проповедовал в Вене и в Германии, от Нюрнберга до Дрездена, Лейпцига, Магдебурга и Бреслау, везде производя сенсацию. Он говорил на латыни или по-итальянски, с переводчиком. По свидетельствам, его слушало до тридцати тысяч человек⁴²⁷. Он возил с собой мощи Бернардино и, как утверждают, с их помощью либо самостоятельно совершал много чудес. Его помощники рассказывали о чудесных случаях⁴²⁸. Под влиянием проповедей люди сжигали туфли с острыми носами, карты, кости и другие предметы роскоши и тщеславия. Говорят, тысячи еретиков подчинились его увещаниям. Пий II призвал его проповедовать против гуситов, а позже — против турок. Иоанн присутствовал при осаде Белграда, внес вклад в успешную защиту города и в поражение Мухаммеда II. Он был канонизирован в 1690 г.

Жизнь Винченцио Феррера (ум. в 1419), величайшего из испанских проповедников, приходится на период папского раскола, и он принимал активное участие в развернувшихся спорах. Его имя также связано с даром языков и сектой бичующихся. Этот ревностный миссионер, рожденный в Валенсии, вступил в доминиканский орден и учился в университетах Барселоны и Лериды. Он получил степень доктора богословия, написав трактат о современном расколе в церкви (*De moderno ecclesiae schismate*). Вернувшись в Валенсию, он прославился как проповедник и был назначен исповедником королевы Арагонской Иоланты и советником ее мужа Иоанна I. В 1395 г. Бенедикт XIII призвал его в Авиньон в

⁴²⁴ *Diario*, p. 25. О Бернардино см. в Thureau-Dangin, *St. Bernardin de Sienne. Un prédicateur populaire*, Paris, 1896. Вышло несколько изданий его проповедей (в том числе Paris, 1650, 5 vols., De la Haye).

⁴²⁵ См. Pastor, I. 231-233.

⁴²⁶ Jacob, I. 30 sq. О жизни Иоанна см. E. Jacob, *John of Capistrano. His Life and Writings*, 2 vols., Breslau, 1906, 1907. Pastor, I. 463-468, 691-698; ст. Lempp в Herzog, III. 713 sqq.; Lea, *Inquisition*, II. 552 sqq.

⁴²⁷ В Эрфурте — целых 60 тыс. (Jacob, I. 74).

⁴²⁸ См. Jacob, I. 50 sqq., etc. Эней Сильвий говорил, что не видел ни одного из чудес Иоанна, но не станет отрицать их. Только в Йене Иоанн исцелил тридцать хромых (Jacob, I. 69).

качестве главного пенитенциария и управляющего папского дворца. Два года спустя он вернулся в Валенсию как папский легат. Сначала он с большим пылом призывал к верности Авиньону, но позже, убедившись, что Бенедикт неискренен в своих заявлениях о прекращении раскола, лишил его своей поддержки и стал поддерживать собор в Констанце.

Апостольское служение Феррера началось в 1399 г. Он путешествовал по Испании, Северной Италии и Франции, читая два или три раза в день проповеди на великие темы покаяния и близости суда. Он приобрел репутацию самого успешного миссионера среди иудеев и мусульман. Как сообщают, вследствие его призывов обратилось двадцать пять тысяч иудеев и восемь тысяч мусульман. Он умел говорить только по-испански, но, как утверждают, его проповеди понимали во Франции и Италии, даже несмотря на отсутствие переводчика. Современники признавали за ним дар языков и дар чудотворения. В поездках его сопровождали священники и певцы. Некоторые из исполнявшихся гимнов сочинил сам Винсент. Сообщают, что его аудитории насчитывали до 70 тыс. человек (невероятная цифра!). Говорят также, что он произнес двадцать тысяч проповедей. Он проповедовал также вальденсам в их долинах, остаткам катаров и, как сообщается, обратил многих. Его самого подозревали в ереси, и Эймерик обвинял его за якобы распространяемые заявления о том, что Иуда Искарот повесился, поскольку народ все равно не оставил бы его в живых, и что Бог простил его⁴²⁹. Калликст III канонизировал его в 1455 г. Предание гласит, что Феррер сам обратил внимание на этого члена семейства Борджиа, еще когда тот был молодым священником в Валенсии, и предсказал, что однажды он займет высшую должность, доступную для смертного⁴³⁰.

Группа бичующихся сопровождала Феррера в странствиях. Он сам участвовал в бичеваниях, и шестихвостая плеть, которой он сек себя ежедневно, говорят, до сих пор хранится в картузианском монастыре в Каталонии (*scala coeli*). Жерсон и Д'Альи критиковали Феррера за то, что он поддерживает заблуждение бичующихся. В послании к испанскому проповеднику, написанном в период заседаний собора в Констанце, Жерсон заявлял, что и Ветхий, и Новый Заветы запрещают насилие над телом и в доказательство цитировал Вт. 14:1: «Не делайте нарезов на теле вашем». Он призывал Феррера прибыть в Констанц, но тот не принял приглашения⁴³¹.

⁴²⁹ Lea, *Inquisition*, II. 156, 176, 258, 264.

⁴³⁰ Радзано, собрат-доминиканец, написал первую биографию Феррера (1455). Хрестоматийное жизнеописание — P. Fages, *Hist. de s. Vinc. Ferrer apôtre de l'Europe*, 2 vols., 2^d ed., Louvain, 1901. Лучшая биография написана протестантом — L. Heller, Berlin, 1830. Она рекомендована в Wetzzer-Welte, XII. 978-983.

⁴³¹ О немецкой проповеди XIV века, отличной от мистиков, см. в Linsenmeyer, *Gesch. der Predigt in Deutschland bis zum Ausgange d. 14ten Jahrh.*, Munich, 1886, pp. 301-470; Cruel: *Gesch. d. deutschen Predigt im M. A.*, p. 414 sqq.; A. Franz: *Drei deutsche Minoritenprediger des XII^{ten} und XIV^{ten} Jahrh.*, Freiburg, 1907, pp. 160. Самые известные немецкие проповедники — августинец Генрих из Фримара (ум. в 1340) и Иордан из Кведлинбурга (ум. ок. 1375). О XV веке см. гл. IX.

ГЛАВА IV

НЕМЕЦКИЕ МИСТИКИ

§27. Источники и литература

ОБЩИЕ ТРУДЫ. — *FRANZ PFEIFFER: *Deutsche Mystiker*, 2 vols., Leipzig, 1857, 2^d ed., Göttingen, 1906. — *R. LANGENBERG: *Quellen und Forschungen zur Gesch. der deutschen Mystik*, Bonn, 1902. — F. GALLE: *Geistliche Stimmen aus dem M. A., zur Erbauung*, Halle, 1841. — F. BEVAN: *Three Friends of God, Trees planted by the River*, London. — *W. R. INGE: *Light, Life and Love*, London, 1904. Избранные места из Экхарта, Таулера, Сузо, Рейсбрука и т. д. — Труды приведены под именами Экхарта и т. д. в соответствующих разделах. R. A. VAUGHAN: *Hours with the Mystics*. В течение долгого времени — главный английский источник, неприятный тем, что написан в форме диалога; теперь его вытеснили другие труды. — W. PREGER: *Gesch. der deutschen Mystik im Mittelalter*, 3 vols., Leipzig, 1874 — 1893. — G. ULLMANN: *Reformatoren vor der Reformation*, vol. II, Hamburg, 1841. — *INGE: *Christian Mysticism*, pp. 148 sqq., London, 1899. — ELEANOR C. GREGORY: *An Introd. to Christ. Mysticism*, London, 1901. — W. R. NICOLL: *The Garden of Nuts*, London, 1905. Первые четыре главы посвящены теме мистики вообще. — P. MEHLHORN: *D. Blüthezeit d. deutschen Mystik*, Freiburg, 1907, pp. 64. — *S. M. DEUTSCH: *Mystische Theol.* в Herzog, XIX. 631 sqq. — CRUEL: *Gesch. d. deutschen Predigt im M. A.*, pp. 370-414. A. RITSCHL: *Gesch. d. Pietismus*, 3 vols., Bonn, 1880 — 1886. — HARNACK: *Dogmengesch.*, III. 376 sqq. — LOOFS: *Dogmengesch.*, 4th ed., Halle, 1906, pp. 621-633. — W. JAMES: *The Varieties of Relig. Experience*, chs. XVI, XVII.

К §29. МЕЙСТЕР ЭКХАРТ. — *German Sermons*, в одном томе с проповедями Таулера, Leipzig, 1498, Basel, 1521. — PFEIFFER: *Deutsche Mystiker*, etc., vol. II, приводит 110 немецких проповедей, 18 трактатов и 60 фрагментов. — *DENIFLE: *M. Eckehart's Lateinische Schriften und die Grundanschauung seiner Lehre*, в *Archiv für Lit. und Kirchengesch.*, II. 416-652. Приводит выдержки из латинских произведений. — F. JOSTES: *M. Eckehart und seine Jünger, ungedruckte Texte zur Gesch. der deutschen Mystik*, Freiburg, 1895. — *H. BÜTTNER: *M. Eckehart's Schriften und Predigten aus dem Mittelhochdeutschen übersetzt*, Leipzig, 1903. Приводит 18 немецких проповедей и произведений. — G. LANDAUER: *Eckhart's mystische Schriften in unsere Sprache übertragen*, Berlin, 1903. — H. MARTENSEN: *M. Eckhart*, Hamburg, 1842. — A. LASSON: *M. E. der Mystiker*, Berlin, 1868. Также раздел об Экхарте, автор Lasson, в Ueberweg, *Hist. of Phil.* — A. JUNDT: *Essai sur le mysticisme spéculatif d. M. E.*, Strassburg, 1871; также *Hist. du pathéisme populaire au moyen âge*, 1876. Приводит 18 проповедей Экхарта. Preger, I. 309-458. — H. DELACROIX: *Le mysticisme spéculatif en Allemagne au 14e siècle*, Paris, 1900. — DEUTSCH, статья *Eckhart* в Herzog, V. 142-154. — DENIFLE: *Die Heimath M. Eckehart's* в *Archiv für Lit. und K. Gesch. des M. A.*, V. 349-364, 1889. — STÖCKL: *Gesch. der Phil.*, etc., III. 1095-1120. — PFLEIDERER: *Religionsphilosophie*, Berlin, 2^d ed., 1883, p. 3 sqq. — INGE. — L. ZIEGLER: *D. Phil. und relig. Bedeutung d. M. Eckehart* в *Preuss. Jahrbücher*, Heft 3, 1904. — См. перевод проповеди Экхарта по Ин. 6:44: D. S. SCHAFF, в *Homiletic Rev.*, 1902, pp. 428-431.

ПРИМЕЧАНИЕ. Немецкие проповеди и трактаты Экхарта, опубликованные в 1498 и 1521 г., были его единственными известными произведениями до издания Pfeiffer, 1867. Денифле первым обнаружил латинские произведения Экхарта в монастыре Эрфурта (1880) и в Кузе на Мозеле (1886). Это фрагменты по Бытию, Исходу, Екклесиасту и Книге Премудрости. Иоанн Тритемий в своем *De Scripp. Eccles.* (1492) приводит список работ Экхарта, свидетельствующий, что его литературная деятельность не ограничивалась трудами, которые есть у нас в наличии. В списке присутствует четыре книги о «Сентенциях»,

комментарии на Бытие, Исход, Песнь песней, книгу Премудрости, апостола Иоанна, молитву Господню и т. д.

- К §30. Иоганн Таулер. — *Works*, Leipzig, 1498 (84 проповеди, напечатанные на основании рукописей из Страсбурга); Augsburg, 1508; Basel, 1521 (42 новые проповеди) и 1522; Halberstadt, 1523; Cologne, 1543 (150 проповедей, 23 публикуются впервые, они были найдены в монастыре Св. Гертруды в Кельне); Frankfurt, 1565; Hamburg, 1621; Frankfurt, 3 vols., 1826 (издание, которым пользуется мисс Уинкхорт); ed. J. HAMBERGER, 1864, 2^d ed., Prag, 1872. Лучшее издание. Гамбергер перевел текст на современный немецкий и использовал страсбургскую рукопись, которая была повреждена во время пожара при осаде города в 1870 г.; ed. KUNTZE UND BIESENTHAL (содержит предисл. Arndt and Spener), Berlin, 1842. — *Англ. перев. SUSANNA WINKWORTH: *The History and Life of Rev. John Tauler with 25 Sermons*, с предисловиями (каноника Kingsley и Roswell D. Hitchcock), New York, 1858. — **The Inner Way, 36 Sermons for Festivals, by John Tauler*, перевод со вступлением А. W. HUTTON, London, 1905. — C. SCHMIDT: *J. Tauler von Strassburg*, Hamburg, 1841, и *Nicolas von Basel, Bericht von der Bekehrung Taulers*, Strassburg, 1875. — DENIFLE: *D. Buch von geistlicher Armuth*, etc., Munich, 1877, и *Tauler's Bekehrung*, Münster, 1879. — А. JUNDT: *Les amis de Dieu au 14e siècle*, Paris, 1879. — PREGER, III. 1-244. — F. CONRS: ст. *Tauler* в Herzog, XIX. 451-459.

ПРИМЕЧАНИЕ. Некоторые произведения, ранее приписывавшиеся Таулеру и печатавшиеся вместе с его трудами, сейчас считаются поддельными. Это: 1) *The Book of Spiritual Poverty*, ed. Denifle, Munich, 1877, и ранее — под заглавием *Imitation of Christ's Life of Poverty*, D. Sudermann, Frankfurt, 1621, etc. Денифле указал на несоответствие между учениями в этом труде и учениями в проповедях Таулера. 2) *Medulla animae*, 77 глав. Пререр считает некоторые из них подлинными. 3) Отдельные гимны, в том числе *Es kommt ein Schiff geladen*, который объявляет поддельным даже Пререр, III. 86. Они опубликованы в Wackernagel.

- К §31. Генрих Сузо. — Издание его трудов: Augsburg, 1482, и 1512. — *M. DIEPENBROCK: *H. Suso's, genannt Amandus, Leben und Schriften*, Regensburg, 1829, 4th ed., 1884, с предисл. J. GÖRRES. — H. SEUSE DENIFLE: *D. deutschen Schriften des seligen H. Seuse*, Munich, 1880. — *H. SEUSE: *Deutsche Schriften*, ed. K. Bihlmeyer, Stuttgart, 1907. Первое полное издание, основано на изучении многих рукописей. — Лат. перев. трудов Сузо — L. SURIUS, Cologne, 1555. Франц. перев. — THIROT: *Ouvrages mystiques du bienheureux H. Suso*, 2 vols., Paris, 1899. Англ. фрагменты в *Light, Life and Love*, pp. 66-100. — PREGER: *D. Briefe H. Suso's nach einer Handschrift d. XV Jahrh.*, Leipzig, 1867. — C. SCHMIDT: *Der Mystiker, H. Suso in Stud. und Kritiken*, 1843, pp. 835 sqq. — PREGER: *Deutsche Mystik*, II. 309-419. — L. KÄRCHER: *H. Suso aus d. Predigerorden*, в *Freiburger Diöcesenarchiv*, 1868, p. 187 sqq. — CRUEL: *Gesch. d. deutschen Predigt*, 396 sqq. — Ст. в WETZER-WELTE, H. Seuse, V. 1721-1729.
- К §32. Друзья Бога. — Труды Экхарта, Таулера, Сузо, Рейсбрука. — JUNDT: *Les Amis de Dieu*, Paris, 1879. — KESSEL: ст. *Gottesfreunde* в Wetzer-Welte, V. 893-900. — RULMAN MERSWIN: *Von den vier Jahren seines anfangenden Lebens*, ed. SCHMIDT, в Reuss and Cinitz, *Beiträge zu den Theol. Wissenschaften*, V, Jena, 1854. — Его *Bannerbüchlein* приводится в Jundt, *Les Amis*. — *Das Buch von den neun Felsen*, издание на основании оригинальной рукописи, C. SCHMIDT, Leipzig, 1859, и в сокращенном виде — PREGER, III. 337-407, и DIEPENBROCK: *Heinrich Suso*, pp. 505-572. — P. STRAUCH: ст. *Rulman Merswin* в Herzog, XVII. 20-27. — О «друзе Бога из Оберланда» и его произведениях. K. SCHMIDT: *Nicolas von Basel: Leben und ausgewählte Schriften*, Vienna, 1866, и *Nic. von Basel, Bericht von der Bekehrung Taulers*, Strassburg, 1876. — F. LAUCHERT: *Des Gottesfreundes im Oberland Buch von den zwei Mannen*, Bonn, 1896. — C. SCHMIDT: *Nic. von Basel und die Gottesfreunde*, Basel, 1856. — DENIFLE: *Der Gottesfreund im Oberland und Nic. von Basel. Eine krit. Studie*, Munich, 1875. — JUNDT: *Rulman Merswin et l'Ami de Dieu de l'Oberland*, Paris, 1890. — PREGER, III. 290-337. — K. RIEDER: *Der Gottesfreund vom Oberland. Eine Erfindung des Strassburger Johanniterbruders Nicolaus von Löwen*, Innsbruck, 1905.
- К §33. Ян ван Рейсбрук. — *Vier Schriften*, ed. Arnswaldt, введение — Ullmann, Hanover, 1848. — Предыдущий труд вытеснил J. B. DAVID (проф. из Лувена), 6 vols., Ghent, 1857 — 1868. Содержит 12 произведений. — Лат. перев. Surius, Cologne, 1549. — *F. A. LAMBERT: *Drei Schriften des Mystikers J. van Ruysb., Die Zierde der geistl. Hochzeit, Vom glanzenden Stein* и *Das Buch von der höchsten Wahrheit*, Leipzig. Без даты; около 1906. Выдержки из Рейсбрука в *Light, Life and Love*, pp. 100-196. — *J. G. V. ENGELHARDT: *Rich. von St. Victor u. J. Ruysbroeck*, Erlangen, 1838. — ULLMANN: *Reformatoren*, etc., II. 35 sqq. — W. L. DE

VREESE: *Bijdrage tot de kennis van het leven en de werken van J. van Ruusbroec*, Ghent, 1896. — *М. МАТЕРЛИНК: *Ruysbr. and the Mystics, with Selections from Ruysb.*, London, 1894. Перевод эссе Метерлинка, JANE T. STODDART, содержится в предисл. к его *L'Ornement des noces spirituelles de Ruysb.*, переведено им же с фламандского, Brussels, 1891. — Статья *Ruusbroeck* в HERZOG, XVII. 267-273, VAN VEEN.

- К §34. ГЕРГАРТ ГРООТ И БРАТЬЯ ОБЩИННОЙ ЖИЗНИ. — *Жития* Гроота, Флорентия и их учеников. Фома Кемпийский: *Opera omnia*, ed. SOMMALIUS, Antwerp, 1601, 3 vols., Cologne, 1759, etc., и в неопубликованных рукописях. — J. BUSCH (ум. в 1479): *Liber de viris illustribus*, сборник из 24 биографий виденгеймских братьев, Antwerp, 1621; также *Chronicon Windeshemense*, Antwerp, 1621, оба издания — Grube, Halle, 1886. — G. H. M. DELPRAT: *Verhandeling over de broederschap van Geert Grootte en over den invloed der fraterhuizen*, Arnheim, etc., 1856. — J. G. R. ACQUOY (проф. из Лейдена): *Gerhardi Magni epistolae XIV*, Antwerp, 1857. G. BONET-MAURY: *Gerhard de Groot d'après des documents inédites*. Paris 1878. — *G. KETTLEWELL: *Thomas a Kempis and the Brothers of the Common Life*, 2 vols, New York, 1882. — *K. GRUBE: *Johannes Busch, Augustinerpropst in Hildesheim. Ein kathol. Reformator in 15ten Jahrh.*, Freiburg, 1881. Также *G. Grootte und seine Stiftungen*, Cologne, 1883. — R. LANGENBERG: *Quellen und Forschungen*, etc., Bonn, 1902. — BOERNER: *Die Annalen und Akten der Brüder des Gemeinsamen Lebens im Lichtenhofe zu Hildesheim, eine Grundlage der Gesch. d. deutschen Brüderhäuser und ein Beitrag zur Vorgesch. der Reformation*, Fürstenwalde, 1905. — Ст. K. HIRSCHЕ в Herzog, 2^d ed., II. 678-760 и L. SCHULZE, HERZOG, 3rd ed., III, 474-507, и P. A. THIJM в Wetzler-Weite, V. 1286-1289. — ULLMANN: *Reformatoren*, II. 1-201. — LEA: *Inquisition*, II. 360 sqq. — UHLHORN: *Christl. Liebesthätigkeit im M. A.*, Stuttgart, 1884, pp. 350-375.

ПРИМЕЧАНИЕ. Несколько небольших сочинений Гроота было сохранено Фомой Кемпийским. В своем издании Acquoy Langenberg добавил к его проповедям трактат Гроота о симонии (pp. 3-33), который он нашел в монастыре Френсвенген возле Нордгорна. Он также нашел латинские труды Гроота. Трактат о симонии (*De simonia ad Beguttas*) адресован бегинкам в ответ на вопрос, заданный ему одной из них: является ли симонией покупка места в бегинском монастыре. Автор говорит, что симония «преобладает повсюду» и что церковь не наказывает за нее. Он объявляет, что симония — это приобретение места, связанного с духовными занятиями, и далее применяет этот принцип к гражданским должностям, объявляя симонией приобретение их за деньги. Труд написан на нижненемецком, стиль громоздкий, но интересен для нас тем, что проливает свет на практику того времени.

- К §35. ПОДРАЖАНИЕ ХРИСТУ. — Издание трудов Кемпийского, Utrecht, 1473 (15 произведений, без *Подражания Христу*); Nürnberg, 1494 (20 произведений), ed. J. BADIUS, 1520, 1521, 1528; Paris, 1549; Antwerp, 1574; Dillingen, 1676; ed. H. SOMMALIUS, 3 vols., Antwerp, 1599, 3^d ed. 1615; ed. M. J. РОНЬ, обещано 8 vols.; до сих пор вышло 5 (Freiburg im Br., 1903 sqq.). Лучшее и единственное полное издание. — Гимны Фомы Кемпийского в BLUME AND DREVES: *Analecta hymnica*, XLVIII, pp. 475-514. — Биографические и критические труды. — JON. BUSCH: *Chron. Windesemense*. — H. ROSWEYDE: *Chron. Mt. S. Agnetis*, Antwerp, 1615, и *Cum Rosweydy vindiciis Kempensibus*, 1622. — J. B. MALOU: *Recherches historiq. et critiq. sur le véritable auteur du livre de l'Imitat. de Jesus Chr.*, Tournay, 1848; 3^d ed., Paris, 1856. — *K. HIRSCHЕ: *Prologomena zu einer neuen Ausgabe de imitat. Chr.* (с копией латинского текста из рукописи, датированной 1441 г.), 1873, 1883, 1894. — C. WOLFSGRUBER: *Giovanni Gersen sein Leben und sein Werk de Imitat. Chr.*, Augsburg, 1880. — *S. KETTLEWELL: *Th. a Kempis and the Brothers of the Common Life*, 2 vols., London, 1882. Также *Authorship of the De imitat. Chr.*, London, 1877, 2^d ed., 1884. — F. R. CRUISE: *Th. a Kempis, with Notes of a visit to the scenes in which his life was spent, with some account of the examination of his relics*, London, 1887. — L. A. WHEATLEY: *Story of the Imitat. of Chr.*, London, 1891. — VINCENT SCULLY: *Life of the Venerable Th. a Kempis*, London, 1901. — J. E. G. DE MONTMORENCY: *Th. a Kempis, His Age and Book*, London, 1906 — *C. BIGG в *Wayside Sketches in Eccles. Hist.*, London, 1906, pp. 134-154. — D. B. BUTLER, *Thos. a Kempis, a Rel. Study*, London, 1908. — Ст. *Thos. a Kempis* в лондонском *Quarterly Review*, April, 1908, pp. 254-263.

Первое печатное издание латинского текста *Подражания Христу* — Augsburg, 1472. Вместе с *De viris illust.* Иеронима и трудами Августина и Фомы Аквината. — Первое из многих английских изданий выпустили W. ATKYNSON и МАРГАРИТА, мать Генриха VII: London, 1502, репринт — London, 1828, новое издание — J. K. Ingram, London, 1893. — *The*

Imitat. of Chr., being the autograph MS. of Th. a Kempis de Imitat. Chr. reproduced in facsimile from the orig. in the royal libr. at Brussels. Вступление — С. RUELENS, London, 1879. — *The Imitat. of Chr. Now for the first time set forth in Rhythm and Sentences.* С предисл. LIDDON (каноник), London, 1889. — *Facsimile Reproduction of the 1st ed. of 1471,* историческое введение — С. KNOX-LITTLE, London, 1894. — *The Imitat. of Chr.,* перевод — каноник W. ВЕННАМ, с 12 фотогравюрами со знаменитых картин, London, 1905. — Издание 1881 г., предисл. — ДЕКАН FARRAR. — R. P. A. DE BACKER: *Essai bibliograph. sur le livre de imitat. Chr.,* Liège, 1864. — Дополнительную литературу о *Подражании Христу* см. в примечании в конце §35.

§28. Новая мистика

*В радости внутреннего мира
Или в тяготах скорби от грехов
Он Сам — лучшее доказательство Его бытия,
И Его свидетельство — внутри.*

УИТТБЕР, «Наш Учитель»

В то время, когда схоластический метод терял доверие, а скандалы авиньонского двора и папского раскола сотрясали основания веры в церковь, поток чистого благочестия орошал прирейнские области от Базеля до Кельна и от Кельна до Северного моря. К северу от Альп из монастырей и из рядов мирян звучали голоса, привлекавшие внимание к ценности внутренней религиозной жизни и непосредственного общения Бога с человеческой душой.

Этому религиозному движению недавно было дано имя доминиканской мистики, так как большое количество его представителей принадлежало к доминиканскому ордену. А старое название, немецкая мистика, которое предпочтительнее, указывает на местность, где проявилось это движение, и на язык, на котором мистики, в большинстве своем, писали. Как и протестантская Реформация, это движение родилось на немецкой почве, но, в отличие от Реформации, оно не распространилось дальше Германии и Нидерландов. Его главными центрами были Страсбург и Кельн, а ведущими представителями — теоретик Мейстер Экхарт (ум. в 1327), Иоганн Таулер (ум. в 1361), Генрих Сузо (ум. в 1366), Ян ван Рейсбрук (ум. в 1381), Геерт Гроот (ум. в 1384) и Фома Кемпийский (ум. в 1471). Древнее название сообщества этих благочестивых верующих — «друзья Бога». К этой же группе относятся братья общинной жизни, соратники и последователи Гроота, но они, помимо прочего, занимались организацией практической христианской благотворительности. В некоторых местах бегинки и бегарды проявляли тот же дух веры и милосердия. Небольшая книга под названием «Немецкое богословие» и «Подражание Христу» были одними из лучших плодов этого движения. Жерсон и Николай Кузанский также были склонны к мистике, но их нельзя причислять к одной группе с немецкими мистиками. Их мистика была сопутствующим явлением, а не существенной чертой.

Мистики из окрестностей Рейна образовывали группы, которые не были связаны никакой формальной организацией. Их объединяла только верность общей религиозной цели.

Их религиозная мысль не всегда однородна в плане выражения, но все представители движения всерьез пытались достичь чистоты сердца и жизни посредством единения души с Богом. Мистика — это ступень христианского роста. Это навык благочестия, в отличие от внешнего и формального исполнения религиозных обрядов. Это религиозный опыт, в отличие от чисто интеллектуального сог-

лася с доктриной. Это сознательная попытка души постичь и принять в себя Бога и Христа, суть которой выражена в словах: «Уже не я живу, но живет во мне Христос». По сути это то, что сегодня некоторые называют «личной верой». Возможно, самое краткое определение мистики и будет самым лучшим. Это любовь к Богу, разлитая в сердце⁴³². Здесь важную роль играет интуиция, а пути, предлагающиеся для получения религиозного опыта, — это уход от мира, самоочищение, молитва и созерцание.

Не умаляя важности таинств и не споря об авторитете церкви, немецкие мистики искали лучшего пути. Они подчеркивали важность таких мест, как «приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда» {Ин. 6:35}, «кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим» {Ин. 14:21} и «кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме» {Ин. 8:12}. Слово «любовь» крайне широко используется в их произведениях. Среди характерных терминов, которые часто употреблялись ими, — *Abgeschiedenheit* (так Экхарт называл отказ от мира и всего тленного) и *Kehr* (так Таулер часто называл обращение). Они ставили акцент на рождении свыше и видели в воплощении Христа прообраз проникновения божественного в душу.

Немецкая мистика обладала ярко выраженной индивидуальностью. Иногда ее вожди цитировали «Исповедь» Августина и другие труды — Дионисия Ареопагита, Бернара и Фому Аквината, но они не имели обыкновения ссылаться на человеческие авторитеты, как делали схоласты, которые все свои богословские утверждения подкрепляли цитатами из отцов церкви или высказываниями Аристотеля. Это движение выросло на сухой земле в период великой коррупции и раздора в церкви, причем там, где его следовало меньше всего ожидать. Оно появилось на территории вдоль Рейна, где процветали еретические секты. Это был свежий всплеск благочестия, искренний поиск Бога иными путями, отличными от показной набожности, которую культивировали предписания священников и схоластическая диалектика. Мистики вели людей от звяканья и трезвона церковного символизма обратно к свежим потокам воды, которая дает вечную жизнь.

Если сравнивать немецкую мистику с мистикой начала средних веков и французским квиетизмом XVII века, представленным мадам Гийон, Фенелоном и их предшественником испанцем Мигелем де Молиносом, то все они обладали своеобразием. Вера Бернара проявлялась в страстной и порывистой любви к Иисусу. Мадам Гийон и Фенелон считали целью религии состояние бескорыстной любви, которого достигают в основном через молитву. Бернар же считал, что данная цель недостижима в этом мире.

Мистики с Рейна, как и все истинные мистики, стремились к непосредственному союзу души с Богом. Они хотели, как Экхарт, утратить собственное бытие, растворившись в океане Божественности, или, как Таулер, нерушимого покоя души, или, как Рейсбрук, всецелого влияния божественной природы на нашу, которое воспламеняет божественной любовью, словно огнем. Стремясь к полноте познания Бога, они оставались практичными. Их тихая вера и размышление не были конечной целью. Они испытывали симпатию к людям и чуть ли не с почи-

⁴³² См. Inge, *Engl. Mystics*, p. 37. Этот автор в своем *Christian Mysticism* (p. 5) определяет мистику как «попытку реализовать в мысли и чувстве имманентность временного в вечном и вечного во временном». В другом месте (*The Inner Way*, pp. xx-xxii) он высказывается проще и понятнее. Мистическое богословие — это то знание Бога и божественного, которое исходит не от наблюдения или доводов, а от сознательного опыта. То, как трудно дать определение мистике, видно из определений, которые цитирует Инге (*Christian Mysticism*, Appendix A). См. также Deutsch, p. 632 sq.

танием воспринимали повседневные задачи и труд людей. Они приблизились к мысли, что в ревностном устройении повседневных дел и отношений достигим высший религиозный опыт.

С помощью проповедей, составления и распространения религиозных трудов и в первую очередь с помощью личного примера они помогали постигать тайну и мир внутренней жизни. В верховьях Рейна движение проявилось также в заботе о больных и в активной организации школ для обучения молодежи. Эти школы подготовили страну к протестантской Реформации, воспитав людей с широким кругозором и более обширным кругом симпатий, чем могли воспитать средневековые монастыри.

Чтобы понять дух и смысл немецкой мистики, полезно будет сравнить ее со средневековой схоластикой. Это религиозное движение было противоположно богословию схоластов. Экхарт и Таулер были противоположностью Фоме Аквинату, немецкое богословие — бесконечным аргументам Дунса Скота, а «Подражание Христу» — тяжеловесной многословности Альберта Великого. Роджер Бэкон испытывал неприязнь к мелочной казуистике схоластов и говорил об этом еще до того, как Экхарт начал свою деятельность в Кельне. Схоластика двигалась по проторенной пыльной дороге, а немецкая мистика следовала уединенными тенистыми тропами. Список догматических максим мистики заменили спокойными выражениями сыновней преданности и веры. Спекулятивный элемент еще замечен у Экхарта, но он был нужен ему не для создания правильного учения, а для того, чтобы достичь внутреннего переживания от воздействия Бога на душу. Благочестие для этих людей было не системой тщательно разработанных определений, а состоянием духовного общения, не сложным построением спекулятивной мысли, а простой верой в Бога и хождением Его путями. Они руководствовались не логическими процессами, а прозрением веры⁴³³. Луфс справедливо сказал, что немецкая мистика прежде всех догм и внешних дел подчеркивает необходимость рождения свыше⁴³⁴.

Хотя немецкие мистические авторы, в отличие от богословов-схоластов, не упоминались ни в актах соборов, ни папами, они представляли, если верить свидетельствам Лютера и Меланхтона, важный этап религиозного развития немецкого народа, и Реформация, без сомнений, не случайно возникла на той почве, где мистики жили и писали и где укоренилось их благочестие. Они вечно живы для тех душ, которые продолжают обращаться к трудам вождей этого замечательного благочестивого движения в поисках духовных соратников.

Ведущие особенности мистики XIV — XV веков можно сформулировать следующим образом.

1. Она адресована как клирикам, так и мирянам.
2. Мистики подчеркивали важность обучения и проповеди и, за исключением Сузо, не ставили традиционного акцента на аскетических правилах церкви. Они не советовали умерщвлять плоть. Разница между Петром Дамиани и Таулером очень велика.
3. Они использовали Новый Завет больше, чем Ветхий, и, истолковывая Божьи замыслы, опирались на слова Христа, а не на Песнь песней. В «Немецком

⁴³³ В силу этого контраста Pfleiderer (*Religionsphilosophie*) исключает немецких мистиков из истории немецкой философии, так как их мысли не имели отчетливого систематического выражения. Он, правда, приводит краткую выдержку из Экхарта, но игнорирует Якова Беме.

⁴³⁴ Nicoll (*Garden of Nuts*, p. 31) говорит: «Мы изучаем мистиков, чтобы учиться у них. Не станем скрывать, что это трудный путь. Мистики — самые индивидуальные из авторов», и т. д.

богословии» практически все цитаты взяты из Нового Завета, а «Подражание Христу» начинается со слов Господа. Экхарт и Таулер ссылались на места Нового Завета, и Рейсбрук основывал все свое учение на Мф. 25:6: «Вот, жених идет, выходите навстречу ему».

4. На место церкви с ее таинствами и священством, считавшимися залогом спасения, мистики ставили самого Христа как посредника между душой и Богом, и они возвещали доступность Христа для каждого человека.

5. Они учили, что чистота жизни обязательно сопутствует высшему религиозному опыту и повседневному проявлению той кротости, к которой призывает Евангелие.

6. Еще одной примечательной чертой мистиков было использование народного языка в проповедях и трактатах. Мистики были одними из самых первых мастеров немецкой и голландской прозы. Во вступлении к своему второму изданию «Немецкого богословия» Лютер подчеркнул эту сторону их деятельности, говоря: «Я благодарю Бога за то, что слышал о Нем и узнал Его на немецком языке и что ни я, ни они [приверженцы древнего пути] не узнавали о Нем на латинском и еврейском». В этом отношении мистики XIV — XV веков также были предтечами евангельского движения XVI века. Их практика шла вразрез с мнением того немецкого епископа, который считал немецкий язык чересчур варварским, чтобы объяснять на нем религиозные истины.

Религиозное движение, представленное немецкой и голландской мистикой, — вдохновляющий пример эффективной работы Божьего Духа в далеких и немислимых местах в те времена, когда церковь казалась безнадежно погрязшей в формализме, коррупции клира, иерархическом высокомерии и обмирщенности. Так было и в более поздние времена — когда в маленьком и далеком моравском городе Гернгут Бог породил слабые и казавшиеся безумными силы, которым предстояло смутить омертвевшую ортодоксию немецкого протестантизма и побудить всю протестантскую церковь к проповеди Евангелия во всем мире. От мистиков Рейна не осталось никакой организации, но их пример и произведения продолжают вдохновлять и католиков, и протестантов на благочестие и простую веру.

Предпринимались попытки классифицировать немецких мистиков на основе их спекулятивных и практических тенденций, но строгого разграничения между ними сделать нельзя⁴³⁵. У Экхарта и Рейсбрука преобладал спекулятивный элемент, у Таулера — молитвенный, у Сузо — эмоциональный, у Гроота и других представителей Нидерландов — практический.

⁴³⁵ См. Preger, I. 8, и Ullmann, *Reformatoren*, II. 203. Гарнак заходит слишком далеко, когда отрицает оригинальность немецких мистиков. Об Экхарте он говорит: «Я не привожу фрагментов из его произведений, так как не хочу поддерживать заблуждение тех, кто считает, будто у немецких мистиков можно найти что-то такое, чего мы не можем прочитать у Оригена, Плотина, Ареопагита, Августина, Эриугены, Бернара и Фомы Аквината, или что они образуют новый этап в развитии богословия» (*Dogmengesch.* III. 378). Их проповедь, без сомнения, была нова для их поколения, даже если то, что они говорили, уже было сказано раньше. Они говорили на основании своего собственного духовного опыта. Они не были подражателями. Однако Гарнак далее все-таки воздает должное немецким мистикам за проповедническое служение, признавая их великую ценность для истории учения и истории Немецкой церкви. В той же связи он отрицает разницу между мистикой и схоластическим богословием. «Мистика, — утверждает он, — не может существовать в протестантской церкви, и протестант, который является мистиком и не становится католиком, — дилетант». Это осуждение основано на ошибочной предпосылке, что мистика в сути своей по-затворнически конвентуальна, исключает здравую интеллектуальную критику и практические христианские деяния.

§29. Мейстер Экхарт

Мейстер Экхарт (1260 — 1327), первый в ряду немецких мистиков, по силе суждения превосходил всех религиозных мыслителей своего века и был первым богословом, писавшим по-немецки⁴³⁶. Благодаря философскому складу ума он удостоился от Гегеля титула «отца немецкой философии». Несмотря на осуждение папой его произведений, последующее поколение мистиков чтит его память, но позже его имя было почти забыто. Мосгейм почти не упоминает его. Плодовитый историк Шрек вообще не говорит о нем. Баур в своей «Истории средних веков» посвящает Экхарту и Таулеру всего три строчки в разделе о проповеди и вообще ничего не пишет о немецкой мистике. О нем снова вспомнили в XVIII веке, и сейчас он занимает почетное место в истории Немецкой церкви позднего Средневековья благодаря своему пылкому благочестию и выразительному немецкому слогу⁴³⁷. Наряду с Альбертом Великим и Рупертом из Дейца Экхарт является одним из выдающихся представителей древнего немецкого богословия.

За век до Экхарта в Немецкой церкви также были мистики, а в XII веке благочестивые женщины, Хильдегарда из Бингена и Елизавета из Шенау добавили к пророчеству мистический элемент. В XIII веке бенедиктинский монастырь Хельфты, возле Эйслебена, места рождения Лютера, был выдающимся религиозным центром. Среди его монахинь было несколько Гертруд и Мехтильд, отличавшихся своими религиозными переживаниями и писавших о молитвенной жизни. Гертруда из Хакеборна (ум. в 1292), аббатиса Хельфты, и Гертруда Великая (ум. в 1302) утверждали, что непосредственно общались со Спасителем и получали божественные откровения. Когда одна из Мехтильд спросила Христа, где Его найти, Он ответил: «Можешь искать Меня в скинии и в сердце Гертруды». Начиная с 1293 г. Гертруда Великая стала записывать свои откровения в труде под заглавием «Благочестивые сообщения» (*Insinuationes divinae pietatis*). Мехтильда из Магдебурга (ум. в 1280) и Мехтильда из Хакеборна (ум. в 1310), тоже монахини из Хельфты, также имели видения и описывали их. Первую, бывшую бегинкой в течение тридцати лет, Дейч называет «одной из самых примечательных личностей в религиозной истории XIII века». Мехтильда из Хакеборна, младшая сестра аббатисы Гертруды, в своей книге об особой благодати (*Liber specialis gratiae*) определяет спасение как дар благодати без дел закона. Эта женщина писала на немецком⁴³⁸.

Давид из Аугсбурга (ум. в 1271), инквизитор, писавший об инквизиции (*De inquisitione haereticorum*), писал также и о молитвенной жизни. Эти произведения создавались для монахов, и два из них⁴³⁹ считаются шедеврами немецкой прозы.

⁴³⁶ Имя Экхарта имеет множество вариантов написания в документах. Büttner, p. xxii, — Eckardus, Eccardus, Egghardus; Deutsch и Delacroix — Eckart; Pfeiffer, Preger, Inge и Langenberg — Eckhart; Denifle и Büttner — Ekehart. В его произведениях практически ничего не сказано о его жизни. Кьети-Ф-Эшар первым привел некоторые эпизоды его истории. См. Preger, I. 325.

⁴³⁷ Deutsch (Herzog, V. 149) говорит, что выдержки из проповедей Экхарта могут служить образцом для современных немецких авторов.

⁴³⁸ Флаций Иллирик включает вторую Мехтильду в свой *Catal. veritatis*. О жизни этих женщин и изданиях их трудов см. Preger, I. 71-132, и ст. Deutsch и Zöckler в Herzog. Похоже, Данте использовал некоторые из предсказаний и описаний старшей Мехтильды. См. Preger, p. 103 sq. Mechthild v. Magdeburg: *D. fliessende Licht der Gottheit*, Berlin, 1907.

⁴³⁹ *Die sieben Vorregeln der Tugend* и *Der Spiegel der Tugend*, оба приводятся у Пфайфера вместе

В последние годы XIII века францисканец Лампрехт из Регенсбурга написал поэму под названием «Дщерь Сионская» (Песн. 3:11), где в мистическом духе изображена душа, действующая под влиянием любви и после тщетного поиска удовлетворения в земном приведенная к Богу в вере и надежде. Доминиканцы Дитрих из Фрейбурга и Иоганн из Штернгассена склонялись к той же тенденции⁴⁴⁰. Последний трудился в Страсбурге.

Экхарт проложил новый путь в области немецкой религиозной мысли. Он родился в Хохгейме, возле Готы, а умер, вероятно, в Кельне⁴⁴¹. В последние годы XIII века он был приором доминиканского монастыря в Эрфурте и настоятелем доминиканцев в Тюрингии, а в 1300 г. был послан в Париж читать лекции, получил степень магистра, а потом доктора. Покинув Францию, он стал приором своего ордена в Саксонии — земле, которая в то время простиралась от Нидерландов до Лифляндии. В 1311 г. он снова был послан в Париж в качестве учителя, потом он проповедовал в Страсбурге, был приором во Франкфурте (1320), а оттуда отправился в Кельн.

В 1325 г. архиепископ Кельна Генрих Вирнебургский обвинил его в ереси. В том же году доминиканцы на своем генеральном капитуле в Венеции выслушали жалобы на то, что отдельные народные проповедники в Германии сбивают людей с истинного пути, и послали туда своего представителя для проведения расследования. Генрих Вирнебургский ревностно преследовал еретиков. В 1322 г. был сожжен Вальтер, вождь бегардов, а в 1325 г. немало бегардов погибли на кострах близ Рейна. Возможно, эти сектанты цитировали Экхарта, а потому он и был обвинен в ереси.

Обвинения архиепископа, посланные в Рим, были опровергнуты Николаем Страсбургским, другом Экхарта, который в то время был инквизитором в Германии. В 1327 г. архиепископ снова выступил против неугодного ему проповедника, а заодно и против Николая. Оба апеллировали к папскому суду. В феврале Экхарт сделал публичное заявление в доминиканской церкви в Кельне, где сказал, что всегда избегал ереси в учении и скверны в области нравственности, а также выразил свою готовность раскаяться в заблуждениях, если таковые будут найдены в его трудах⁴⁴².

В булле от 27 марта 1329 г. Иоанн XXII объявил, что из 26 положений, в связи с которыми обвиняли Экхарта, 15 было еретическими, а остальные 11 обладали примесью ереси. Были объявлены еретическими и еще два положения, не упомянутые в булле. В папском решении было написано, что Экхарт признал еретическими 17 осужденных положений, однако в сохранившихся произведениях Экхарта о таком признании ничего не говорится⁴⁴³.

с другими трактатами (подлинность некоторых из них сомнительна). См. Preger, I. 268-283, и Lempv in Herzog, IV. 503 sq.

⁴⁴⁰ Denifle, *Archiv*, etc., II. 240, 529.

⁴⁴¹ До исследований Денифле местом его рождения обычно называли Страсбург. См. Denifle, p. 355.

⁴⁴² *Ego magister Ekardus, doctor sac. theol., protestor ante omnia, quod omnem errorem in fide et omnem deformitatem in moribus semper in quantum mihi possibile fuit, sum detestatus*, etc. (Preger, I. 475-478). Preger (I. 471 sqq.) приводит латинский текст заявления Экхарта от 24 января 1327 г., сделанного перед судом архиепископа, текст его речи в доминиканской церкви, где он отстаивал свою невиновность, и текст документа об отказе суда в обращении с апелляцией в Рим.

⁴⁴³ 26 статей, как показал Денифле, были взяты из латинских произведений Экхарта. Булла Иоанна приводится в Preger, I. 479-482, и в Denifle, *Archiv*, II. 636-640. Preger (I.

Еретическими были признаны следующие положения. Все время, что существовал Бог, существовал и сотворенный Им мир. Мир вечен. Внешние деяния человека сами по себе не являются ни благими, ни божественными. Благими нас делает не плод внешних поступков, а только внутренняя работа Отца в нас. Бог любит душу, а не поступки. Экхарта обвиняли также за утверждение о наличии в душе чего-то, что не было сотворено и не может быть сотворенным, а также за слова, что Бог — не благой, не более благой и не самый благой и что называть Бога благом нельзя — это все равно что белое называть черным.

Экхарт заслуживает изучения как проповедник и как богослов-мистик.

ЭКХАРТ КАК ПРОПОВЕДНИК. Его проповеди произносились в церквях и на монастырских собраниях. Его стиль образен и притягателен, даже обворожителен. Развитие мысли увлекает читателя. Заметное место в проповедях занимает элемент неожиданности. Сохранившиеся проповеди Экхарта написаны на немецком языке. Проповедник избегает латинских терминов, хотя при необходимости изобретает новые немецкие слова. Он часто цитирует Писание, чаще Новый Завет, чем Ветхий, в основном отрывки о рождении свыше, о сыновстве Христа, о верующих и любви. Экхарт мастерски использует примеры, которые в основном берет из области повседневных наблюдений — из мира природы, семейной жизни и торговли. Хотя иногда он впадает в глубокие размышления, он не старается продемонстрировать теоретические тонкости. Напротив, он снова и снова выражает желание быть понятым своими слушателями, которых часто представляет как ведущих с ним диалог и просящих объяснить трудные моменты. В этом диалоге присутствуют пояснения типа «чтобы вам было понятно», а приводя примеры, Экхарт иногда добавляет, что использует их ради пояснения своей мысли⁴⁴⁴.

Вот краткое изложение проповеди на Ин. 6:44, «Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец»⁴⁴⁵. Привлекая к Себе грешника, чтобы обратить его, Бог использует больше силы, чем требуется на сотворение тысячи небес и земель. Грех — это преступление против природы, потому что грехом разрушается образ Божий в нас. Для души грех — это смерть, ибо Бог — истинная жизнь души. Для сердца грех — это беспокойство, ибо вещь пребывает в покое только тогда, когда она находится в своем естественном состоянии. Грех — это заблуждение и слепота, ибо он ослепляет людей, не позволяя им видеть краткость земного существования, зло плотской похоти и длительность адских мук. Грех — это неспособность воспринять благодать. Грех — это адская темница. Люди говорят, что хотят прекратить грешить. Но разве мертвый может сам воскреснуть? Отказаться от греха и обратиться к Богу своими собственными силами невозможно, как невозможно мертвому воскресить себя. Бог Сам должен привлечь к Себе человека. Благодать постоянно истекает из сердца Отца, и Он говорит: «Любовью вечною Я возлюбил тебя».

В природе есть три вещи, которые привлекают к себе, и все эти три вещи были у Христа на кресте. Первая — Его подобие нам. Как птица привлекает к себе птиц той же породы, так Христос привлёк к Себе небесного Отца, так что Отец

365 sqq.), Delacroix (p. 238) и Deutsch (V. 145) настаивают на том, что Экхарт не каялся. Возможно, папа имел в виду слова, произнесенные Экхартом в доминиканской церкви: «Я возьму назад и откажусь, в целом и в частности, если это будет необходимо, от всего, что будет признано неразумным (*intellectum minus sane*)».

⁴⁴⁴ Büttner, p. 14; Pfeiffer, p. 192, etc.

⁴⁴⁵ Pfeiffer, 216.

забыл о Своем гневе, глядя на Его страдания на кресте. Во-вторых, Христос привлекает Своим самоотречением. Как пустая труба легко пропускает через себя воду, так Сын, опустошив Себя и позволив Себе истечь кровью, привлек к Себе всю благодать сердца Отца. Третья привлекающая вещь — это сияющий пыл Его любви, который влечет к себе, как солнце влечет к себе туман от земли.

Исследователь средневековой немецкой проповеди Круэл сказал⁴⁴⁶: «Проповеди Экхарта увлекают читателя новизной и величиим содержания, силой выражения и искренней откровенностью самого проповедника, который вкладывает всю душу в свою проповедь и отдает самое драгоценное из того, что может отдать». У Экхарта были свои заблуждения, но, несмотря на них, «он является самым смелым и серьезным мыслителем на немецкой кафедре — проповедником такого оригинального склада ума, что за все века существования Немецкой церкви равного ему не было».

ЭКХАРТ КАК МЫСЛИТЕЛЬ-БОГОСЛОВ. Экхарт отчасти унаследовал связь со схоластическим методом, но по характеру он сильно отличался от схоластов. Ансельм, Гуго Сен-Викторский, Фома Аквинат и Бонавентура, в трудах которых мистический элемент объединялся со схоластическим, были прежде всего схоластами и старались поставить и разрешить все, какие только возможно, теоретические вопросы. Экхарт же не ставит перед собой такой задачи. Он хочет не столько разумно обучать, сколько достучаться до души и привести ее к близкому общению с Богом. Он не пользуется оружием метафизической ловкости. В его произведениях, насколько они нам известны, отсутствует намерение рассмотреть такие далекие от жизни темы, как иерархию ангельского мира или мотивы поведения обитателей адских регионов. Самые важные темы для него — Бог и отношения души с Ним⁴⁴⁷.

Судя по цитатам, авторитетами, на которые Экхарт больше всего опирался, были Дионисий Ареопагит и святой Бернар, хотя он цитирует также Августина, Иеронима, Григория Великого, Платона, Авиценну и Аверроэса. Обсуждения тем часто предваряются такими выражениями, как «учителя говорят» или «некоторые учителя говорят». Как у мыслителя-мистика, у его было много общего с мистиками, которые ему предшествовали, — неоплатониками и христианами, но он не был формальным подражателем прошлому. Его фундаментальные положения и их формулировки отличаются новизной. Вместо любви к Иисусу и точного разделенных этапов созерцания, на которые ставила акцент школа Сен-Викторского, а также иерархий, лестниц и ступеней Дионисия он превозносит рождение души свыше и сыновство⁴⁴⁸.

⁴⁴⁶ P. 384.

⁴⁴⁷ Денифле полагает, что Экхарт прежде всего схоласт и все, что есть у него хорошего, взято у Фомы Аквината. Эти выводы основаны на латинских трудах Экхарта. Deutsch (V. 15) говорит, что форма выражения мыслей в латинских произведениях Экхарта схоластическая, но суть — мистическая. Delacroix (p. 277 sqq.) отрицает, что Экхарт был схоластом и последователем Фомы. Wetzer-Welte (IV. 11) сожалеет о том, что Экхарт отошел от «здорового богословия схоластики» и впал в туманный неоплатонизм. Если бы Экхарт был раболепным подражателем Фомы, трудно было бы понять, каким образом 28 его положений осудили как еретические.

⁴⁴⁸ Гарнак и, в видоизмененном виде, Делакруа и Лүфс считают богословие Экхарта воспроизведением Эриугены, Дионисия и Плотина. Delacroix (p. 240) пишет: «Во всех основных моментах Экхарт согласен с Платином и Проклом». Но в другом месте он пишет, что Экхарт взял из неоплатонизма отдельные ведущие положения и «развил, преобразил и трансформировал их» (p. 260). Лүфс несколько двусмысленно заявляет: *Die ganze Eckehartsche Mystik ist verständlich als eine Erfassung der thomistischen und augustinischen Tradition unter dem Gesichtswinkel des Areopagiten* (p. 630).

Что касается Бога, то Он есть абсолютное бытие (*Deus est esse*). Бог отличен от ипостасей Троицы. Такое представление напоминает о Жильбере из Пуатье или даже о четверичности Бога, за которую осуждали Петра Ломбардского. Троица — это способ проявления Бога в ходе вечно длящегося процесса. Бог есть простая сущность, таящая в Себе потенциал всех вещей⁴⁴⁹. Бог обладает формой, однако бесформен. Он — существо, но не имеющее бытия. Великие учителя говорят, что Бог выше бытия. Это неправильно, ибо Бога нельзя назвать существующим (*ein Wesen*), как солнце нельзя назвать черным или бледным⁴⁵⁰.

Все сотворенное было сотворено из ничего, однако вечно существовало в Боге. Мастер, создающий произведения искусства, сначала носит свое произведение в себе. Искусство — это мастер внутри мастера. Подобным образом и Первопринцип, который Экхарт называет *Erstigkeit*, воплощает в себе все образы, то есть это Бог в Боге. Творение — вечное действие. Бог сотворял мир все время Своего существования. Без творения Бог не был бы Богом. Бог есть во всем, и все есть Бог (*Nu sint all Ding gleich in Gott und sint Got selber*)⁴⁵¹. Фома Аквинат проводил четкое разграничение между бытием Бога и бытием творения. Экхарт же подчеркивал их единство. Он имел в виду, что образы, или универсалии, существуют в Боге вечно, о чем он отчетливо заявлял: «В Отце заключены образы всех творений»⁴⁵².

Что касается души, то дать ей определение так же трудно, как дать определение Самому Богу⁴⁵³. Ядро души, ее сущность, — это маленькая искорка (*Fünkelein*), свет, который никогда не угасает, несотворенный и не могущий быть сотворенным⁴⁵⁴. Несмотря на эти заявления, немецкий богослов утверждает, что Бог сотворил душу и вложил в нее, изначально, всю Свою чистоту. С помощью искорки душа вступает в союз с Богом и становится более единой с Ним, чем пища с телом. Душа не находит покоя, пока не возвращается к Богу, а для этого она должна прежде умереть для себя, то есть полностью подчиниться Богу⁴⁵⁵. Задача всех проповедей Экхарта, по его словам, — достучаться до этой самой искорки.

Одна из заслуг Экхарта состоит в том, что он уделяет столь большое внимание достоинству души. Такое заглавие носят несколько трактатов⁴⁵⁶. Это достоинство проистекает из Божьей любви и рождения свыше.

Когда речь заходит о боговоплощении, Экхарт повсюду руководствуется практическими, а не метафизическими соображениями. Вторая ипостась Троицы приняла человеческий облик, чтобы человек смог стать сопричастным божественной природе. В выражениях, подобных используемым Григорием Нисским, Экхарт говорил: Бог стал человеком, чтобы мы могли стать Богом (*Gott ist Mensch worden dass wir Gott wurden*). Подобно тому как Бог был сокрыт внутри человеческой природы, так что мы видели одного только человека, так и душа

⁴⁴⁹ Pfeiffer, pp. 254, 540.

⁴⁵⁰ Pfeiffer, p. 268. Этот отрывок — пример путаных определений Экхарта. Он говорит, что Божья *einveltigin Natur ist von Formen formelos, von Werdenen werdelos, von Wesenen weselos und ist von Sachen sachelos* (Pfeiffer, p. 497).

⁴⁵¹ Pfeiffer, pp. 282, 311, 579.

⁴⁵² *In dem Vater sind Bilde aller Creaturen* (Pfeiffer, pp. 269, 285, etc.).

⁴⁵³ *Die Seele in ihrem Grunde ist so unsprechlich als Gott unsprechlich ist* (Pfeiffer, p. 89).

⁴⁵⁴ Pp. 39, 113, 193, 286, etc. Pfeiderer (p. 6) называет эту сущность духом души (*der Geist der Seele*), а Deutsch (p. 152) — *der innerst Seelengrund*.

⁴⁵⁵ Pp. 113, 152, 286, 487, 530.

⁴⁵⁶ *Die Edelkeit der Seele, Von der Würdgheit der Seele, Von dem Adel der Seele* (Pfeiffer, pp. 382-448).

должна быть сокрыта внутри божественной природы, чтобы мы не видели ничего, кроме Бога⁴⁵⁷. Бог с несомненностью порождает Сына из Своей собственной природы, и со столь же явной несомненностью Он рождает Его в душе. Бог — во всем, но только в душе Он — от рождения, и нигде больше Он не явлен так истинно, как в душе. Никто не может познать Бога, кроме едиnorodного Сына. Следовательно, чтобы познать Бога, человек должен, родившись от вечности, стать Сыном. То, что человек становится Богом, так же истинно, как и то, что Бог стал человеком⁴⁵⁸.

Порождение вечного Сына в душе приносит радость, которой никто не может у нас отнять. Князь, потерявший свое королевство и все мирские блага, будет по-прежнему обладать полнотой радости, потому что рождение свыше важнее всего⁴⁵⁹. Бог присутствует в душе, но Он — не душа. Глаз — это не кусок дерева, на который он смотрит, потому что, когда глаз закрыт, он остается тем же глазом, как и прежде. Если бы в процессе созерцания глаз и дерево становились едины, вот тогда мы могли бы сказать, что глаз есть дерево и дерево есть глаз. Если бы дерево было духовной сущностью, как зрение, то можно было бы сказать, что глаз и дерево единосущны⁴⁶⁰. Основа Божьего бытия — это основа моего бытия, а основа моего бытия — основа Божьего бытия. Я так же живу собой, как Бог живет Собой⁴⁶¹. И это порождение Сына Божьего в душе — источник всякой истинной жизни и добрых дел.

Один из терминов, которые Экхарт использует чаще всего для обозначения влияния Бога на душу, — *durchbrechen* («прорваться»), а его любимое слово для определения деятельности души, возносящейся к союзу с Богом, — *Abgeschiedenheit* (полный отказ души от всего временного и зримого). Он говорил: держитесь подальше (*abgeschieden*) от людей, от себя и от всего, что мешает. Носите в сердцах одного лишь Бога и уже затем практикуйте пост, бдения и молитвы — и вы достигнете совершенства. Это *Abgeschiedenheit*, полное отстранение от сотворенного⁴⁶², говорит он в проповеди на эту тему, — «единственное, что необходимо». Прочитав множество произведений языческих и христианских учителей, Экхарт пришел к выводу, что в этом высшая из добродетелей — она выше смирения, даже выше любви, которую Павел славит как величайшую, ибо это качество — принятие Самого Бога, тогда как любовь просто все переносит. Человек, обладающий этим качеством, не может зависеть от мирского. Об этом говорил Павел: «Уже не я живу, но живет во мне Христос». Сам Бог — совершенное *Abgeschiedenheit*.

В другом месте Экхарт говорит, что тот, в чьей душе присутствует Бог, находит Бога во всем и что Бог является ему во всем. Как жаждущий любит воду и ничто другое не кажется ему вкусным, так происходит и с верующей душой. В Боге и только в Боге находит она покой. Бог тоже ищет покоя и находит его именно в таком сердце. Чтобы достичь этого положения *Abgeschiedenheit*, душа

⁴⁵⁷ Р. 540.

⁴⁵⁸ Рр. 158, 207, 285, 345.

⁴⁵⁹ Рр. 44, 478-488.

⁴⁶⁰ Pfeiffer, p. 139.

⁴⁶¹ *Hier ist Gottes Grund mein Grund und mein Grund Gottes Grund. Hier lebe ich aus meinem Eigenen, wie Gott aus seinem Eigenen lebt* (Büttner, p. 100).

⁴⁶² *Lautere, alles Erschaffenen ledige Abgeschiedenheit*. Проповедь см. в Büttner, p. 9 sqq.

должна сначала поразмышлять и создать образ Бога, а потом позволить, чтобы Бог ее преобразил⁴⁶⁴.

Зачем же тогда, спросит кто-нибудь, молитва и добрые дела? В вечности Бог видел все молитвы и добрые дела и знал, на какую молитву Он ответит. Ответы на молитвы были даны в вечности. Бог неизменен, Его нельзя тронуть молитвой. Изменяемся мы. Солнце светит и доставляет взору боль или удовольствие в зависимости от того, больные у человека глаза или здоровые. Солнце не изменяется. Бог правит по-разному в разных людях. В печь помещают разные виды теста, и жар по-разному влияет на них: из одного теста получается пшеничный хлеб, из другого — ржаной.

Экхарт эмфатически настаивает на моральном обязательстве Бога действовать в душе, которая готова принять Его. Бог *должен* проникнуть в бытие такого человека, как солнце пронизывает своими лучами прозрачный и чистый воздух. Бог был бы виновен в великом преступлении (*Gebrechen*), если бы не даровал великое благо тому, кого Он находит опустошенным и готовым принять Его. Христос сказал о Закхее, что обязан войти в его дом. Бог приводит душу в такое состояние, и Он обязан вознаградить ее, даровав ей Себя. «Когда я благословен (*selig*), все пребывает во мне и в Боге; там, где я, там и Бог, и там, где Бог, там и я»⁴⁶⁵.

Экхарт нигде не дает четкого определения оправдания верой, хотя он часто говорит о вере как о небесном даре. С другой стороны, он, похоже, не делает акцента на системе покаяния. Его произведения показывают, что его благочестие сильно отличалось от чисто средневекового. Святая жизнь для него — продукт святого бытия. Надо сначала стать праведником, и только потом совершать праведные поступки. Дела не освящают. Праведная душа освящает производимые ею дела. Пока человек делает добрые дела ради царства небесного, или ради Бога, или ради спасения, или ради какой-нибудь еще внешней причины, он на неверном пути. Посты, бдения, аскетизм не устаивают спасения⁴⁶⁶. Таковы места из произведений мистика, в которых, как может показаться, звучит голос самого Лютера.

Внимание, которое Экхарт уделяет благочестию как состоянию сердца, и пренебрежение заслугами добрых дел вполне заслуживают папского осуждения, гласившего, что Экхарт отверг учение церкви о покаянии, утверждая, будто не внешние дела делают благим, а расположение души, которое созидает нам пребывающий в нас Бог. Иоанн XXII верно распознал направление, в котором двигалась мысль мистика.

Говоря о Марии и Марфе, Экхарт, похоже, радикальным образом отошел от средневекового учения о высшей ценности чистого созерцания. Со времен Августина Рахиль и Мария из Вифании считались представительницами созерцательного, высшего образа жизни. В проповеди о Марии немецкий мистик утверждал, что Мария еще только ходила в духовную школу, тогда как Марфа ее уже закончила и делала добрые дела, служа Господу. Мария же только училась. Она хотела быть такой же святой, как ее сестра. Лучше кормить голодных и делать другие добрые дела, говорит он, чем иметь духовное зрение Павла и ничего не делать. После вознесения Христа Мария научилась нести служение так же, как Марфа, потому что на нее излился Святой Дух. Тот, кто живет в истинном созер-

⁴⁶⁴ Pfeiffer, II. 484.

⁴⁶⁵ Pfeiffer, pp. 27, 32, 479 sq., 547 sq.

⁴⁶⁶ *Niht endienent unserin were dar zuo dass uns Got iht gebe oder tuo* (Pfeiffer, II. 546, 564, 633).

цании, должен проявить его в активной деятельности. Жизнь в чистом созерцании эгоистична. В Экхарте пробуждался современный дух. В его представлении идеальная жизнь никак не отождествлялась со средневековым уходом от мира. В его произведениях ощущается дух евангельской свободы и радости⁴⁶⁷.

Спекулятивный ум Экхарта завел его на грань пантеизма, и неудивительно, что его гиперболические выражения были осуждены папой. Но его пантеизм был христианским пантеизмом, полным соединением души с Богом. Это было не поглощение божественным бытием, ведущее к утрате индивидуальности, а принятие Божественности, изначального принципа Божества. Как человек может лучше передать мысль, что Бог — это всё, а всё — это Бог, если не этими словами, ставшими чем-то вроде девиза для Гегеля: «Око, которым я вижу Бога, — то же самое око, которым Бог видит меня. Мое око и Божье око — одно и то же, и есть только одно зрение, одно понимание, одна любовь»⁴⁶⁸. Однако такие выражения, покушающиеся, как может показаться, на своеобразие и индивидуальность души, все равно были гораздо полезнее, чем та настойчивость, с которой уважаемые учителя церкви рекомендовали исполнение внешних церковных обрядов и таинств.

Гарнак и другие историки возражали, что кельнский богослов не говорил о прощении грехов. На это упущение можно не обращать внимания, если вспомнить, насколько важную роль в его учении играют рождение свыше и положение человека как сына Божьего. Самый главный момент, в котором он отходит от схоластики, состоит в том, что он не опирается на таинства и на авторитет церкви. Он обращается к отдельным христианам, заботясь об их моральном и духовном благополучии. Хотя некоторые его мысли путаны, он не занимается схоластическими абстракциями и не ограничивает постановку проблемы одной только логической точкой зрения. Создается впечатление, что он искренне хочет тронуть сердца людей⁴⁶⁹. Его слова проникнуты *Minne* — любовью, которую он так часто проповедовал. Но в одном он сильно отличался от современных авторов и проповедников. Он не говорил об историческом Христе. Для него Христос в нас является Богом внутри нас, и эта мысль была для него всепоглощающей. При всей возвышенности своего мышления он чувствовал ограниченность человеческого языка и, советуя проявлять умеренность при определении Бога, говорил: «Чтобы постичь глубины Божьей природы, мы должны смириться. Тот, кто хочет узнать Бога, должен сначала узнать самого себя»⁴⁷⁰.

Не будучи ни народным вождем, ни сознательным реформатором, этот древне-немецкий богослов своим служением подготовил путь для Реформации. По форме и содержанию его учение непосредственно побуждало людей отказываться от подвладности священству и обрядовому законничеству и обращаться к внутреннему опыту ради обретения уверенности в том, что они приняты Богом. Пфлайдерер даже утверждает, что дух Экхарта был «духом Реформации, духом Лютера, движение крыл которого мы уже достаточно отчетливо различаем в мыслях

⁴⁶⁷ *Es geht ein Geist evangelischer Freiheit durch Eckart's Sittenlehre welcher zugleich ein Geist der Freudigkeit ist* (Preger, I. 452). См. проповедь о Марии в Pfeiffer, pp. 47-53. Также pp. 18-21, 607.

⁴⁶⁸ *Das Auge das da inne ich Gott sehe, das ist selbe Auge da inne mich Gott sieht. Mein Auge und Gottes Auge, das ist ein Auge, und ein Erkennen und ein Gesicht und ein Minnen* (Pfeiffer, p. 312).

⁴⁶⁹ Об этом хорошо говорит Лассон в Ueberweg, I. 471. Inge (p. 150) пишет, что кристальная честность Экхарта и великая сила его мысли в сочетании с глубокой верой и чистотой души делают его одной из самых интересных фигур в истории христианской философии.

⁴⁷⁰ Pfeiffer, II. 155, 390.

его старшего соотечественника»⁴⁷¹. Хотя Экхарт объявлял о своей готовности исповедаться в любых еретических идеях, которые просочились в его проповеди и произведения, римские судьи были в принципе правы. Еретическим был сам дух Экхарта, побуждавший развенчать авторитет средневековой церкви и возродить забытую истину Нового Завета.

§30. Иоганн Таулер из Страсбурга

*Исполнение Твоей воли настолько важнее похвалы,
Насколько дела важнее слов;
Простая вера находит Твои пути,
Которых нам не найти с помощью символа веры.*

УИТТБЕР, «Наш Учитель»

Среди почитателей Экхарта самыми выдающимися были Иоганн Таулер и Генрих Сузо. У них преобладают экспериментальный и практический элементы, а спекулятивный почти исчезает. Они подчеркивали важность веры как опыта и правила жизни. Не отрицая ни одного из учений или таинств церкви, они делали акцент на непосредственном союзе со Христом и на христианских добродетелях, особенно на терпении, кротости и смирении. Для Таулера была характерна трезвость мышления, тогда как для Сузо — поэтичность и богатое воображение.

Иоганн Таулер, прозванный *doctor illuminatus*, родился в Страсбурге около 1300 г. и умер там же в 1361 г. Говоря о положении своего отца, он однажды заметил: «Если бы, как сын своего отца, я знал когда-то то, что знаю сейчас, я жил бы на отцовское наследство, а не просил милостыню»⁴⁷². Вероятно, уже в 1315 г. он вступил в доминиканский орден. Еще до 1330 г. он отправился в Кельн для обычного трехлетнего обучения. Есть мнение, что оттуда он поехал в Париж для продолжения занятий, но оно не подкреплено никакими свидетельствами. Однако в один из периодов своего служения он посетил французскую столицу. Нет также и достаточно веских доказательств того, что он получил титул доктора или магистра, хотя обычно его называют доктором Иоганном Таулером.

Он был в своем родном городе, когда попал под действие интердикта, выпущенного в 1329 г. во время борьбы между Иоанном XXII и Людовиком Баварским. Доминиканцы пренебрегли интердиктом и продолжали отправлять мессы до 1339 г., когда городской совет изгнал их на три года. Затем мы встречаем Таулера в Базеле, где он вступил в тесные отношения с друзьями Бога и их лидером Генрихом из Нордлингена. Генрих был священником в Баварии, а затем перебрался в этот швейцарский город, где был весьма популярен как проповедник среди клира и мирян, мужчин и женщин. В 1357 г. Таулер был в Кельне, но Страсбург стал основным местом его деятельности. Среди его друзей была Кристина Эбнер, аббатиса монастыря возле Нюрнберга, и Маргарита Эбнер, монахиня из баварского монастыря Мединген — женщины-мистики и визионерки⁴⁷³.

⁴⁷¹ Р. 7. Прегер завершает свое рассмотрение деятельности Экхарта утверждением, что он действительно заложил основы христианской философии (*Er erst hat die christliche Philosophie eigentlich begründet*, I. 458).

⁴⁷² Preger, III. 131. В древнейшей страсбургской рукописи Таулер назван *erluhtete begnodelte Lerer*. См. Schmidt, p. 159. Preger (III. 93) приводит имя ряда лиц с фамилией Таулер, живших в Страсбурге.

⁴⁷³ Кристина написала книгу под заглавием *Von der Gnaden Ueberlast*, где рассказала о напряженной жизни сестер монастыря. Она заявила, что Святой Дух играл на сердце Таулера, как

Таулер умер в гостевом помещении женского монастыря Страсбурга, где находилась его сестра.

Репутация Таулера в его собственную эпоху была основана на его влиянии проповедника, и его проповеди в протестантских церквях, вероятно, читали чаще, чем какого бы то ни было другого представителя Средневековья. Причина такой популярности — убеждение, что этим проповедником руководил дух благовестия, и потому его взгляды были близки ко взглядам деятелей Реформации. Его проповеди, которые произносились на немецком языке, — это простые и понятные определения истины. В них мало аллегорического и вымышленного. Он не пытался продемонстрировать свою ученость или сформулировать какие-нибудь оригинальные теории. Цитируя Августина, Григория Великого, Дионисия, Ансельма или Фому Аквината, он делает это мимоходом. Его сила заключалась в знакомстве с Писанием, в знании человеческого сердца, в простоте стиля и в очевидной искренности⁴⁷⁴. Он был практичным проповедником, говорившим о проблемах повседневной жизни, старавшимся помочь людям в разных занятиях и испытаниях их жизни.

Если верить «Истории жизни и совести Таулера», первому печатному изданию его трудов (1498), то Таулер пережил примечательные духовные изменения в возрасте пятидесяти лет⁴⁷⁵. Под влиянием Николая из Базеля (друг Бога из Оберланда), он вступил в высшую стадию христианского опыта. Таулер уже имел репутацию успешного проповедника, когда Николай, несколько раз послушав его, сказал, что он привязан к букве и что, хотя он и проповедует здоровое учение, но сам лично не чувствует силы учения. Он назвал Таулера фарисеем. Таулер пришел в негодование, но его наставник сказал, что ему недостает смирения и что, вместо того, чтобы искать почестей для Бога, он ищет их для себя. Почувствовав, что критика справедлива, Таулер исповедался в своих грехах и ошибках. По совету Николая он два года не проповедовал и вел уединенную жизнь. По истечении этого периода Николай снова посетил его и призвал вернуться к проповедям. Первая попытка Таулера, предпринятая в общественном месте при большом стечении народа, была неудачной. Вторую проповедь он произнес в женской обители на текст Мф. 25:6: «Вот, жених идет, выходите навстречу ему». Проповедь произвела столь мощное впечатление, что пятьдесят человек упали на землю как мертвые. В период своего затворничества Таулер целиком посвятил себя Богу и после него продолжил проповедовать с неведомой ранее святостью и силой воздействия.

Некоторые выражения Таулера могут произвести впечатление, что он был склонен к квиетистским взглядам, — например, когда он говорит о «погружении в отцовство Бога», о «таянии в огне Его любви», об «опьянении Богом». Но эти образные выражения перемежаются более здоровыми высказываниями о единении души с Богом. Его миссией было призывать людей полностью подчиниться Богу и претворять этот союз в жизнь повседневно и ежедневно.

на лютне, и ей в видении открылось, что его пламенный язык зажжет всю землю. См. ст. *Strauch*, в *Herzog*, V. 129 sq. Также *Preger*, II. 247-251, 277 sqq.

⁴⁷⁴ Шпеклин, страсбургский летописец, сообщает, что Таулер говорил «ясным голосом, с религиозным пылом. Его задачей было заставить людей почувствовать, как незначителен мир. Он осуждал и клириков, и мирян».

⁴⁷⁵ Перевод книги есть в *Winkworth*, pp. 1-73. Там наставник Таулера назван *der grosse Gottesfreund im Oberlande*. См. §32.

Он подчеркивал важность действия Святого Духа, Который просвещает и освещает, Который изобличает грех и действует в сердце, ведя его к самоотречению⁴⁷⁶. Он постоянно говорил об изменениях, производимых Духом, которые называл *Kehr* — обращение. Это слово, которое часто встречается в его проповедях, — почти новое в лексиконе средневековых проповедей. Таулер настаивал также на *Abgeschiedenheit* Экхарта — уходе от мира. Он говорил, что душа, чтобы освятиться, должна стать «бесплодной и пустой от всего сотворенного», избавиться от всего, что «принадлежит творению». Когда душа полна творением, Бог неизбежно будет обходить ее далеко стороной. Такая душа подобна бочонку, наполненному отходами или гниющей пищей. И такой бочонок не может больше использоваться для качественного вина или другого чистого напитка⁴⁷⁷.

Что касается добрых дел, то, если они совершаются вдали от Христа, они никому не нужны. Таулер часто цитировал Ис. 64:6 («Праведность наша — как запачканная одежда»). Своими собственными силами человек не может прийти к Богу. Те, кто никогда не чувствовал тревоги в связи со своими грехами, находятся в самом опасном положении⁴⁷⁸.

Таулер не умалял значения таинств, хотя они и занимают у него второстепенное место. От них нет никакой пользы, если нет изменения во внутреннем человеке. Многие верующие опираются на внешние символы и не постигают внутренней истины, которую эти символы возвещают. Слишком сильно беспокоясь о том, как себя вести на таинстве в присутствии тела Господня, они не принимают его духовно. Несмотря на пост, молитву, бдения и другие упражнения, говорит он, люди ничего не добиваются. Они так радуются себе, что Бог занимает очень мало места в их сердцах или даже не занимает вообще никакого⁴⁷⁹.

Представляется почти невозможным избежать вывода, что Таулер, настаивая на необходимости простой веры, сознательно выступал против наукообразных и самоуверенных методов схоластики. Лучше обладать простой верой (*einfaltiger Glaube*), чем проявлять бессмысленное любопытство касательно Божьих тайн, задаваясь вопросами о том, как наполняются и проистекают разные Нечто и Ничто или в чем сущность искры души. Ариане и савеллиане придерживались удивительных рациональных представлений о Троице, а Соломон и Ориген интерпретировали церковь с удивительным постоянством, но где они сейчас? Главное — подчиниться Божьей воле и искренне следовать праведному пути. «Мудрость изучают не в Париже, а в страданиях нашего Господа», — говорил Таулер. Великие магистры из Парижа читают толстые книги, и это хорошо. Но люди, которые пребывают во внутреннем царстве души, читают истинную Книгу Жизни. Чистое сердце — вот престол Верховного Судьи, светильник, горящий вечным светом, сокровищница божественных богатств, хранилище небесной улады, святилище едиnorodного Сына⁴⁸⁰.

Благочестие и крайне привлекательные проповеди Таулера отличаются ярко выраженным демократическим элементом. Таулер считал почетным любой честный труд и славил благую и усердную работу как проявление подлинной веры. Один, говорил он, «прядет, другой делает обувь, и все это — дары Святого Духа;

⁴⁷⁶ Одна из его проповедей о влиянии Духа, основанная на Ин. 16:7-11, подробно цитируется архидиаконом Хэйром в его *Mission of the Comforter*. См. также Winkworth, pp. 350-358.

⁴⁷⁷ *Inner Way*, pp. 81, 113, 128, 130.

⁴⁷⁸ Winkworth, pp. 353, 475, etc.

⁴⁷⁹ *Inner Way*, p. 200. Winkworth, pp. 345, 360 sqq.

⁴⁸⁰ Preger, III. 132; Winkworth, p. 348.

и я говорю вам, что, если бы я не был священником, я считал бы великим даром способность делать обувь и старался бы делать ее хорошо, чтобы быть образцом для всех». Верность своему делу важнее, чем посещение церкви. Он рассказывал о крестьянине, которого хорошо знал более сорока лет. На вопрос о том, должен ли крестьянин оставить свою работу и идти сидеть в церкви, Господь ответил отрицательно: он должен зарабатывать себе на хлеб в поте лица, и так он почтит свою собственную драгоценную кровь. Благочестие Таулера было сострадательным. Оно не отличалось догматической суровостью. «Я скорее закусил бы свой язык до крови, — говорил он, — чем осудил бы другого человека. Суд мы оставим Богу, ибо привычка осуждать ближнего ведет к самодовольству и высокомерию, которые от дьявола»⁴⁸¹.

Эти черты, а особенно значение, которое Таулер уделял религиозному опыту души и простой вере, заслужили похвалу Лютера, впервые выраженную в посланиях к Ланге и Шпалатину, написанных в 1516 г. Шпалатину он писал, что ни на латинском, ни на немецком языке не нашел более здорового и соответствующего Писанию богословия, чем богословие Таулера⁴⁸².

Таулер был далек от еретических настроений. Страсбург знал, что такое ересь, и доказал свою ортодоксию, сжигая еретиков. Таулер не принадлежал к их числу. Он старался призвать узкий круг верующих отказаться от формальностей обряда и перейти к тесному общению с Богом, но церковь неизменно оставалась для него святой матерью. Он почитал Деву в совершенно средневековом духе. Проповедуя о благовещении, он говорил, что в духе Девы были небеса Бога, в ее душе — Его рай, в ее теле — Его храм. Став матерью Христа, она стала дочерью Отца, матерью Сына, невестой Святого Духа. Она была последней Евой, возродившей все, что утратила первая, и Таулер без колебаний цитировал страстные слова святого Бернара, объявлявшего Марию посредницей между грешником и Христом. Он сам искал ее ходатайства. Он говорил, что, если бы кто-нибудь мог заглянуть в ее сердце, он увидел бы Бога во всей Его славе⁴⁸³.

Хотя Иоганн Таулер и не полностью преодолел религиозные заблуждения средневековой церкви, он занимает достойное место среди благочестивых пастырей вселенской церкви, провозглашавших ценность простой веры, непосредственного общения с Богом и непринужденного повседневного проявления праведности. Он говорил о внутренней жизни и призывал к общению всех тех, для кого чистая вера и каждодневная благочестивая жизнь важнее, чем обряды. Родственной ему душой был Уиттьер, чье непритязательное благочестие проявилось в сердечном признании его незримого друга из XIV века. Этот друг-современник вкладывает в уста Тайнственного Незнакомца, указавшего Таулеру лучший путь, следующие слова:

Я не знаю, каким может быть ад. Я знаю лишь, что не могу утратить присутствие Господа. Одна рука, Смирение, удерживает Его дорогую человечность; другая, Любовь, удерживает Его Божественность. Так что, куда иду я, идет и Он. И лучше огненный ад с Ним, чем золотые врата Рая без Него.

⁴⁸¹ Preger, III. 131; Winkworth, p. 355.

⁴⁸² Köstlin, *Life of M. Luther*, I. 117 sq., 126. Меланхтон в предисловии к франкфуртскому изданию Таулера писал: «Среди современных богословов Таулер — явно первый. Однако, я слышал, некоторые осмеливаются отрицать, что учение этого высокоуважаемого человека было христианским». Беза был иного мнения и называл Таулера визионером. См. Schmidt, p. 160. Preger (III. 194) даже утверждает, что Таулер прямо учил евангельской доктрине об оправдании верой.

⁴⁸³ *The Inner Way*, p. 57 sqq., 77 sqq.

На что Таулер отвечает:

Я получил ответ на свою молитву. Бог послал человека, Которого я давно искал, чтобы наставлять меня в простой вере и мудрости, которой никогда не знали занудливые схоласты.

§31. Генрих Сузо

Генрих Сузо (1295? — 1366), очень эмоциональный человек, с одной стороны, воспринимался как истеричный визионер, с другой — как автор самого совершенного произведения немецкой мистики. Он родился на озере Констанц, возможно, в самом Констанце, был из благородной семьи, но после смерти матери вместо фамилии отца, Берг, взял девичью фамилию матери, Сёзе, латинизированная форма которой звучит как Сузо⁴⁸⁴. В возрасте тринадцати лет он вступил в доминиканский монастырь в Констанце, а с восемнадцати предался самым крайним и болезненным аскетическим упражнениям. В двадцать восемь он учился в Кельне, позже — в Страсбурге.

За поддержку папы в борьбе с Людовиком Баварским доминиканцы Констанца навлекли на себя гнев Людовика и были изгнаны из города. Сузо удалился в Диссекховен, где оставался приором (1339 — 1346). В этот период он начал проповедовать. Последние восемнадцать лет его жизни прошли в доминиканском монастыре в Ульме, где он и умер 25 января 1366 г. Григорий XVI причислил его к блаженным (1831).

Сузо никогда не обладал крепким здоровьем. Кроме того, оно было подорвано строгой дисциплиной покаяния, которой он изнурял себя в течение двадцати двух лет. Об этом рассказывается в его «Автобиографии». Эта суровость, столь резко противоречащая духу нашего времени, была настолько чрезмерной, что заявления Сузо иногда кажутся невероятными. Мы приводим некоторые подробности только для того, чтобы показать, до чего верующие средневековой церкви доводили дисциплину покаяния. Желая носить на себе знак Господа Иисуса, Сузо острым предметом вырезал на своей голой груди монограмму Христа, *IHS*. Три буквы оставались запечатленными там до его смерти, и он говорил: «Когда мое сердце билось, это имя двигалось». Однажды он даже увидел во сне, как лучи славы освещают шрам.

Он носил власяницу и железную цепь. Потеря крови вынудила его отложить цепь, но власяницу он заменил нижней одеждой со 150 острыми гвоздями. Он носил ее днем и ночью, остриями гвоздей к телу. Сузо говорит: часто ему казалось, что он лежит на осином гнезде. Когда он увидел, что его тело покрыто червями, а он не умирает, он воскликнул, что убийца убивает одним ударом, — «но смотри, о нежный Боже (*zarter Gott*), как умираю я!» Однако этого ему было недостаточно. Сузо решил обвязать вокруг шеи часть своего пояса. К поясу он приделал два кожаных кармана, в которые засунул руки. А потом он приказал скрепить их замком до следующего утра. Этой пытке он подвергал себя шестьдесят лет, пока не прекратил ее, вняв небесному видению. Как недалеко ушло благочестие средних веков от извращенных привычек древних отшельников Нитрийской пустыни, истории о которых обычно читал и строгостям которых подражал этот швейцарский монах!

⁴⁸⁴ Bihlmeyer (p. 65) считает вероятной датой рождения Сузо 1295 г. Другие авторы относят его рождение к 1300 г.

Бог, однако, не выказывал Своего неодобрения аскетической системой, так что Сузо, чтобы отметить свое тело новыми свидетельствами благочестия, повесил себе на спину деревянный крест и, в память о 30 ранах Христа, воткнул в него 30 шипов. На этом орудии пытки он лежал по ночам в течение 8 лет. В последний год он приделал к нему 7 острых игл. Долгое время он проходил по два покаянных цикла в день — бил кулаком по кресту, висевшему у него на спине, чтобы иглы и гвозди вонзались в плоть и кровь стекала по ногам. Однако этого подражания бичеванию Христа ему было мало, и он втирал в раны уксус и соль, чтобы усилить страдания. Его ноги были покрыты язвами и распухли, будто он страдал от водянки; плоть высохла, руки дрожали, как у паралитика. И все это, говорил он, терпелось из великой любви к Богу и нашему Господу Иисусу Христу, Чьей агонии он хотел подражать. В течение 25 лет, сколь бы холодными ни были зимы, он не входил в отопляемое помещение и все это время воздерживался от мытья, от водных и паровых бань (*Wasserbad und Schweissbad*). Но это, говорит Сузо, было еще не все, что он делал для умерщвления плоти.

На сороковом году жизни, когда его организм был физически приведен в плачевное состояние, так что оставалось либо умереть, либо отказаться от дисциплины, Бог открыл ему, что его долгая суровость — только благое начало, подавление его непокорной человеческой природы (*Ein Durchbrechen seines ungebrochen Menschen*), и теперь он должен пойти другим путем, чтобы «достичь праведности». Тогда он приступил к работе над внутренним человеком и научился тому, что может дать аскетизм души.

Сузо нигде не осуждает варварские применявшиеся к самому себе пытки — этот надуманный способ удовлетворения Бога, который был отвергнут Реформацией в пользу более здравых правил благочестия.

Сузо постигли и другие страдания, уже не от его собственной руки. Их он сносил с христианской покорностью и пытался исправить связанное с ними зло, неся служение другим людям. Его сестра, монахиня, уступила искушению. Преодолев первое чувство негодования, Сузо искал и нашел ее, с радостью вернул к достойной жизни и имел возможность увидеть ее украшенной всевозможными религиозными добродетелями. Другим крестом, который ему пришлось нести, было обвинение в том, что он стал отцом нерожденного ребенка. На какое-то время из-за этого обвинения его покинули Генрих из Нордлингена и другие близкие друзья. Но он снес оскорбление без горечи и даже помог растить ребенка, когда тот родился.

Главные работы Сузо, в которых мы находим множество образов и сравнений из области природы, — это его «Автобиография»⁴⁸⁵ и труды о вечной мудрости (*Büchlein von der ewigen Weisheit*) и об истине (*Büchlein von der Wahrheit*). К ним следует добавить его проповеди и лекции.

«Автобиография» сохранилась случайно. Сузо рассказал о своем кое-каком опыте Эльзбет Штаглин в ответ на ее просьбу. Эта женщина, дочь одного из главных лиц Цюриха, находилась в монастыре Тоссе, рядом с Винтертуром. Когда Сузо обнаружил, что она записала рассказанное им, он воспринял ее поступок как «духовное воровство» и сжег часть рукописи. А остальное он сохранил, повинаясь полученному свыше указанию, и пересмотрел текст. Сузо называет себя в книге «рабом вечной мудрости».

⁴⁸⁵ Состоит из 53 глав. Diepenbrock ed., pp. 137-306; Bihlmeyer ed., pp. 1-195. Издание Дипенброка предпочтительно для современного читателя из-за того, что текст переведен на современный немецкий.

«Автобиография» — это духовное откровение о себе, в котором автор даже не старается представить внешнюю канву прожитой жизни. Помимо фактов своего религиозного опыта, он излагает ряд правил поклонения, весьма мудрых, и завершает труд вдумчивыми и полезными замечаниями о бытии Бога, написанными в ответ на вопросы Эльзбет⁴⁸⁶.

«Книгу вечной мудрости», составленную в форме диалога между Христом, Вечной Мудростью, и автором, Денифле (кстати, также носящий имя Сузо) назвал высшим плодом немецкой мистики. В ней на немецком языке⁴⁸⁷ записаны размышления по поводу Писания. В нем излагается суть практического богословия, распространенного среди самых благочестивых представителей немецких монастырей в XIV веке.

Сузо заявляет, что человек, лишенный любви, не способен понять воодушевленного любовью, как говорящий по-немецки не понимает фламандца или как слушающий чей-то рассказ об игре на арфе не понимает чувств того, кто слышал эту игру собственными ушами. Спаситель, представленный нам в книге Сузо, утверждает, что проще вернуть обратно прошлое и возродить увядшие цветы или собрать все капли дождя, чем измерить Его любовь (*Minne*) к человеку.

Слуга, пожаловавшись на ожесточение сердец, которые не трогает зрелище креста и любви Божьей, старается понять, каким образом Бог одновременно может быть и таким любящим, и таким строгим. Что касается адских мук, то грешники в этой книге восклицают: «Ах, как мы хотели бы, чтобы существовал мельничный жернов размером с землю и достигающий небес, и чтобы маленькая птичка прилетала раз в десять тысяч лет и отклеивала от жернова частичку размером с десятую часть горчичного зерна, и чтобы она продолжала прилетать, пускай даже один раз в десять тысяч лет, и клевать жернов, пока не склюет весь жернов, но чтобы тогда наша мука закончилась! Однако этого не может быть».

Поговорив об агонии на кресте и о неизмеримой Божьей любви, о небесном блаженстве и о муках ада, Сузо приступает к теме достоинства, заключенного в страдании. В своей «Автобиографии» он говорил, что «каждый любящий — мученик»⁴⁸⁸. Здесь же Вечная Мудрость объявляет, что, если бы все сердца превратились в одно сердце, то это сердце не приняло бы и самой малой награды, которую Он желает дать в вечности за малейшее страдание, перенесенное из любви к Нему... Вечный закон природы гласит, что все истинное и благое мы обретаем через скорбь. Нет ничего более радостного, чем принять страдание. Страдание — это краткая боль и длительная радость. Страдание приносит боль здесь и блаженство в следующей жизни. Страдание уничтожает страдание (*Leiden tödtet Leiden*). Страдание существует, чтобы страдающий не страдал. Тот, кто мог бы взвесить на весах время и вечность, скорее предпочел бы просидеть сотню лет в пылающей печи, чем упустить в вечности малейшую награду, даваемую последнему из страдающих, ибо страдания в печи закончатся, а награда вечна.

Поговорив о преимуществах созерцания как способа достижения небесной жизни, Вечная Мудрость сообщает также Сузо, как умертвить тело и душу, а именно — посредством покаяния и отказа от всего земного (*Entbrechen von allen Dingen*). Необращенный человек переживает агонию умирания. Его руки становятся холодны, лицо бледнеет, глаза начинают слепнуть. Князь ужаса борется с

⁴⁸⁶ Перевод определений приводится в Inge, *Light, Life and Love*, pp. 66-82.

⁴⁸⁷ Сузо пересмотрел свой труд на латыни, под заглавием *Horologium eternae sapientiae*; копия этого труда, похоже, была у Таулера (Preger, II. 324).

⁴⁸⁸ Bihlmeyer ed., p. 13.

его сердцем и наносит ему смертельные удары. Ледяной пот смерти покрывает его тело и вызывает дикий страх. «О как сурово лицо строгого Судьи, как непреклонен Твой суд!» — восклицает он. В воображении или в реальности, он видит полчища черных мавров, приближающихся к нему, чтобы посмотреть, принадлежит ли он им. Его окружают адские звери. Он видит жаркое пламя, поднимающееся над обитателями чистилища, и слышит их крики о том, что малейшая из их мук страшнее, чем величайшие из страданий мучеников на земле. День там — как сотня лет. Они восклицают: «Нас то поджаривают, то кипятят, и мы тщетно молим о помощи». Умиравший человек попадает в мир иной и оттуда молит о помощи друзей, к которым он хорошо относился на земле, — но напрасно.

Этот трактат завершается прекрасным призывом постоянно славить Бога, производит сильное духовное впечатление, но в нем представлена только одна сторона духовной жизни. Он должен быть дополнен и очищен, чтобы картина была верной. Христос пришел в этот мир, чтобы мы обрели вечную жизнь сейчас, имели жизнь с избытком, чтобы радость Его пребывала в нас и наша радость была полной. Терпение перед лицом страданий очищает душу и лик, но страдания не всегда обладают освящающей силой, и уж тем более не стоит умножать их на пустом месте. Увечья не имеют ценности сами по себе, и умение терпеть боль — это лишь одна из христианских добродетелей, а не их венец. Любовь, высшее из совершенств, несет служение радостно, в сердечном человеческом общении и благополучии. Благочестие средневекового типа превратило землю в долину слез. Оно было монашеским. Целых тридцать лет, сообщает нам Сузо, он ни разу не нарушал обета молчания за столом⁴⁸⁹. Иннокентий III, непосредственно перед тем, как стать правителем мира, еще мог написать трактат о презрении к миру. Но благочестие современной церкви радостно. Оно видит благо повсюду в этом мире, сотворенном Богом. А благочестие Сузо было тем, что немцы называют мистикой страдания (*die Mystik des Leidens*). Его путь добровольных мучений был неправильным. Однако, следя за Сузо, мы можем достичь определенных высот религиозного опыта и близости к Богу.

Сузо общался с друзьями Бога и признавал, что многим обязан Экхарту, «высшему учителю», «высокому и святому учителю», из чьих «сладких учений он извлек многое». Он говорит в своей «Автобиографии», что пришел к Экхарту в момент духовного испытания и тот помог ему выбраться из ада тоски, в который он попал. Он использует некоторые из характерных выражений Экхарта, а после смерти кельнского мистика Сузо видел его «в великой славе» и тот призвал его к повиновению. Об этом рассказывается в «Книге об истине» Сузо, которая отчасти была задумана как защита его духовного учителя.

Отрывок о единении души со Христом — пример образного стиля Сузо и уместное завершение этой главы. Христос, в представлении этого швейцарского мистика, заявляет:

Душа, что найдет Меня в своей освященной и полной самоотречения жизни (*abgeschiedens Leben*) и разделит Мою сладость, должна сначала быть очищена от зла и украшена добродетелями, устлана красными розами страстной любви, прекрасными фиалками кроткой покорности, белыми лилиями чистоты. Она заключит Меня в свои объятия, забыв о всякой другой любви — ибо таковых Я избегаю, улетаю от них, как птица от клетки. Эта душа споет Мне песнь Сиона, в которой страстная любовь будет сочетаться с безудержной хвалой. Потом Я обниму ее и она склонится к Моему сердцу⁴⁹⁰.

⁴⁸⁹ *Autobiog.*, ch. XIV, Bihlmeyer ed., p. 38.

⁴⁹⁰ *Von der ewigen Weisheit*, Bihlmeyer ed., p. 296 sq.

§32. Друзья Бога

Друзья Бога вызывают наш интерес благодаря своему религиозному рвению и тому уважению, с которым о них говорили выдающиеся мистики. Эти люди часто упоминаются в произведениях Экхарта, Таулера, Сузо и Рейсбрука, как и на страницах других авторов XIV века. Они окружены тайной, и никому не удалось еще точно описать их учение, их количество и степень влияния. Друзьями раньше называли вальденсов⁴⁹¹, но в XIV веке так стали называть благочестивые сообщества мирян и священников, испытывавших духовную жажду, которую не удовлетворяли церковные богослужения. Они были рассеяны по берегам Рейна от Базеля до Страсбурга и Нидерландов и не были организованной сектой. В этих кружках изучали Писание и искали тесного личного общения с Богом. Они ставили акцент на благочестивой жизни и пропагандировали святость. Свое имя эти люди получили на основании Ин. 15:15: «Я уже не называю вас рабами... Я назвал вас друзьями». Их практика не вела к расколу в церкви и не противоречила церковным установлениям. Они не симпатизировали ересям и выступали против братьев свободного духа. В небольшом трактате «Немецкое богословие» с самого начала обозначена разница между друзьями Бога и «ложными духами», особенно бегардами⁴⁹².

В послании одного друга другому⁴⁹³ кратко представлена их задача: «Душа, любящая Бога, должна оставить мир, отказаться от собственной воли, от всех чувственных желаний и от себя, то есть от собственного своеволия, и таким образом приготовиться выслушать весть о деяниях и служении любви, совершенных нашим Господом Иисусом Христом». Обитель, основанная Рутьманом Мерсвином в Страсбурге, была объявлена убежищем для уважаемых людей, священников и мирян, которые, уверовав в Бога, предпочли бежать от мира и стремились улучшить свою жизнь. Друзья Бога считали себя обладателями секрета христианского образа жизни, солью земли, наставниками остальных людей⁴⁹⁴.

Среди выдающихся друзей Бога были Генрих из Нордлингена, Николай из Левена, Рутьман Мерсвин и «великий друг Бога из Оберланда». Личность друга Бога из Оберланда — одна из самых загадочных в религиозной истории средних веков. Он представлен как вождь, обладавший великой личной силой и влиянием. Он привел Таулера к обращению и написал ряд трактатов, однако неизвестно, существовал ли этот человек в действительности. Рутьман Мерсвин утверждает, что он активно действовал между Базелем и Страсбургом и в Швейцарии, от названия которой, Оберланд, он и получил свое имя. В 1377 г., согласно тому же источнику, он посетил Григория XI в Риме и, подобно Екатерине Сиенской, просил понтифика выступить против злоупотреблений христианского мира. Рутьман долгое время переписывался с ним и тайно хранил его произведения, опубликовав их только за четыре года до своей смерти. Их всего семнадцать, все они рассказывают о природе и необходимости подлинного обращения сердца⁴⁹⁵.

⁴⁹¹ Preger, III. 370; Strauch, p. 205.

⁴⁹² См. осуждение бегинок и бегардов Рутьманом Мерсвином в *Nine Rocks*, chs. XIII, XIV.

⁴⁹³ Напечатано в Preger, III. 417 sq.

⁴⁹⁴ См. последнюю главу «Девяти скал» Р. Мерсвина.

⁴⁹⁵ Два главных произведения — это *Das Buch von den zwei Mannen* (рассказ о первых пяти годах жизни автора после обращения, приводится в Schmidt, *Nic. von Basel*, pp. 205-277) и *Das Buch von den fünf Mannen* (где швейцарец рассказывает о собственной жизни и жизни своих друзей). Полный список произведений см. в Preger, III. 270 sqq., и Strauch, p. 209 sqq.

Этот мистик из Оберланда, как сообщает Рульман, жил в молитве и благочестии, обрел мир, совершал чудеса и имел видения. Прегер ставит его в один ряд с Петром Вальдом как одного из самых влиятельных мирян средних веков, считая его священником, но не получившим рукоположения в церкви. После смерти Рульмана мы больше не слышали о нем.

Рульман Мерсвин, издатель произведений пророка из Оберланда, родился в Страсбурге (1307) и умер там же в 1382 г. Он оставил торговлю и полностью посвятил себя религиозной жизни. Он пережил обращение (*Kehr*). Четыре года он вел отчаянную борьбу с искушениями и подвергал себя строгой аскетической практике, но его исповедник Таулер посоветовал ему отказаться от нее хотя бы на время. В конце этого периода он и встретил человека из Оберланда. После обращения он приобрел и обставил старый монастырь, расположенный на острове близ Страсбурга, называемый *das grüne Wört*. Этот монастырь стал убежищем для клириков и мирян, которые хотели следовать принципам друзей Бога и жить вместе ради духовного совершенствования. В 1370 г., после смерти жены, Рульман сам вступил в этот монастырь, вверенный заботам рыцарей-госпитальеров год спустя. Здесь он продолжал сражаться пером и словом до своей смерти. Похоронен он рядом со своей женой в Страсбурге.

Два главных произведения Мерсвина называются *Das Bannerbüchlein* («Книга знамени») и *Das Buch von den neun Felsen* («Девять скал»). Первое — это призыв покинуть знамя Люцифера и собраться под кроваво-красным знаменем Христа⁴⁹⁶. «Девять скал» (1352) написано в форме диалога и начинается с притчи, в которой бесчисленное множество рыб плывут из горных озер через реки в долинах к морским глубинам. Потом автор говорит, как они пытаются отыскать дорогу обратно в горы. Весь этот процесс подобен тому, как человеческие души покидают Бога и пытаются вернуться к Нему. Автор описывает также «пугающе высокую гору», на которой есть девять скал. Очень малому количеству душ удастся вернуться на эту гору, и кажется, будто добирается до нее лишь одна из тысячи. Далее автор говорит о положении сильных мира сего — пап и королей, кардиналов и князей, и о множестве священников, монахов и монахинь, бегинок и бегардов, людей всех положений и классов общества. Он считает их состояние весьма плачевным — особенно женщин, которые склонны к тщеславию в одежде и манерах, ответственны за моральное падение и грехи мужчин. Многие из этих женщин совершают по сотне смертных грехов в день.

Затем Рульман возвращается к девяти скалам, которые символизируют девять стадий движения души к истоку ее бытия, Богу. Те, кто достиг этих скал, избежали дьявольской сети, а поднявшиеся на последнюю скалу достигли совершенства. Те, кто находится на пятой скале, добрались до состояния полного отказа от собственной воли. Шестая скала символизирует полное подчинение Богу. До девятой скалы добралось крайне малое количество душ — кажется, всего три. Они только и хотят, что почитать Бога, не боятся ни ада, ни чистилища, ни врага, ни смерти, ни жизни.

Друзья Бога думают не только о своем спасении, но и о спасении других людей. Они несут служение в долине внизу, стараясь дать свободу тем душам, которые угодили в сеть. А братья свободного духа мешают их милосердному занятию.

⁴⁹⁶ См. Preger, III. 349 sqq. Текст приведен в C. Schmidt, а также в Diepenbrock, *H. Suso*, pp. 505-572.

Само изложение грубовато, прямых цитат из Писания нет, однако в тексте много библейских образов. Как и в древней аллегории Ермы, евангельские принципы преподносятся здесь в упрощенном виде, чтобы они были понятны определенному кругу людей — подобно тому как в наши дни служение Армии Спасения оказывается понятным для тех, кто не в состоянии уловить смысл в словах Бернара или Жерсона⁴⁹⁷.

Денифле, Штраух и другие критики считают самого Рульмана Мерсвина автором трудов, приписываемых другу Бога из Оберланда, и творцом этого вымышленного персонажа⁴⁹⁸. Их мнение подкрепляется тем, что никто больше не был знаком с этим оберландцем и что после смерти Рульмана все попытки страсбургского братства найти его или хотя что-то узнать о нем потерпели неудачу. С другой стороны, трудно понять, почему Рульман не хранил эти произведения в тайне до своей собственной смерти, если оберландец был вымышленным лицом⁴⁹⁹.

Как бы ни завершился спор об исторической реальности человека из Оберланда, произведения этих двух людей свидетельствуют о той роли, которую миряне могут играть в делах церкви.

§33. Ян ван Рейсбрук

Ян ван Рейсбрук (1293 — 1381) был независим от друзей Бога, но близок им по духу. В 1350 г. он послал друзьям в Страсбург свое «Украшение духовного брака» (*Chierheit der gheesteleker Brulocht*). Он образует связующее звено между друзьями Бога и братьями общинной жизни. Его навещали основатель этого братства Гроот, а также Таулер. Вероятно, он был знаком с произведениями Экхарта, распространявшимися в Нидерландах⁵⁰⁰.

Фламандский мистик родился в селении с тем же именем недалеко от Брюсселя и стал викарием церкви Св. Гудулы в том же городе. В возрасте шестидесяти лет он надел на себя монашеское одеяние, вступив в недавно основанный августинский монастырь Гренендаль («Зеленая долина»), расположенный близ Ватерлоо. Он стал приором монастыря. Большую часть своей жизни Рейсбрук провел в созерцании, хотя не пренебрегал и практическими обязанностями. Прогуливаясь по лесам Суана, он, по его собственным свидетельствам, получал видения и откровения. Он не был ученым. Вскоре после смерти Рейсбрука его коллега-августинец написал его биографию, в которой перечислил массу чудесных

⁴⁹⁷ Strauch (p. 208) и другие рассматривают труды Мерсвина как по большей части компиляции из Таулера и других авторов. Штраух называет их содержание болтовней (*geschwätzig*). «Девять скал» обычно публиковали вместе с трудами Сузо. То, что их автор — Мерсвин, было установлено Шмидтом.

⁴⁹⁸ *Rulman hat den Gottesfreund einfach erfunden* (Strauch, p. 217).

⁴⁹⁹ Прегер и Шмидт — главные защитники исторической реальности человека из Оберланда. Ридер недавно освободил Рульмана от обвинений в подделке и возложил ответственность на Николая из Левена, вступившего в *das grüne Wört* в 1366 г. Он выдвигает обоснования палеографического характера — сходство почерков Николая и предполагаемого оберландца.

⁵⁰⁰ Остается спорным вопрос о том, насколько велико было влияние Экхарта на нидерландских мистиков. Клир старался помешать распространению его трудов. Langenberg (p. 181) цитирует трактат Герхарда Цербоolda фон Цютфена (ум. в 1398) *De libris Teutonicibus*, где сказано, что, хотя полезные книги стоит читать на родном языке, труды и проповеди Экхарта чрезвычайно вредны и их нельзя читать мирянам. Langenberg (pp. 184-204) приводит описания и выдержки из четырех рукописных трудов Экхарта на нижненемецком, скопированных в монастыре Назарета возле Бредеворда, которые сейчас хранятся в королевской Берлинской библиотеке, но имя Экхарта в них не указано.

событий. Сами деревья, под которыми он сидел, были окружены ореолом. Когда он проходил мимо, колокола монастыря звонили сами по себе, а от его мертвого тела исходило благоухание.

Титул *doctor ecstaticus*, который с раннего времени был присвоен Рейсбруку, указывает на его характерную особенность. Он не размышлял о высоких богословских вопросах Божьего бытия, как Экхарт, и не был популярным проповедником повседневного христианского благочестия, как Таулер. Он был мастером созерцания и следил за состояниями своей души на пути частичного и полного слияния с Богом. Его произведения, написанные на его родном языке, были переведены на латынь его учениками Гроотом и Вильгельмом Иорденсом. Его основными произведениями были «Украшение духовного брака», «Зеркало блаженства» и «Самуил», в котором он защищает привычку созерцания, а также «Сверкающий камень», аллегорическое размышление о белом камне из Отк. 2:17, который истолкован как обозначающий Христа.

Рейсбрук ставил акцент на аскетических упражнениях, но больше — на любви. На высших этапах духовного развития душа приходит к Богу «без посредника». На каждой странице он упоминает имя Христа и Его деяния. Христос — наш канон, наш брeвиарий, наша каждодневная книга, принадлежащая и мирянам, и клиру. Рейсбрук старался показать, что не симпатизирует пантеизму, и выступал против еретических взглядов братьев свободного духа и бегардов. Он говорит о четырех видах еретиков, и один из этих указанных им видов презирает установления и таинства католической церкви, Писание, страдания Христа и ставит себя выше Самого Бога. Но и сам Рейсбрук не избежал обвинения в ереси. Жерсон, получивший копию «Духовного брака» от картузианского монаха из Буржа, разглядел в третьей книге пантеистическое учение и написал трактат, где жаловался, что автор, которого он объявлял необразованным человеком, следовал своим чувствам, говоря о тайнах религиозной жизни. Жерсон, однако, убедился, что ошибся, когда в защиту Рейсбрука выступил Ян Шенхофен, один из братьев Гренендаля. Но в своем ответе, написанном в 1408 г., он вновь подчеркнул тот факт, что Рейсбрук был необразован, и снова пожаловался, что автор трактата недостаточно ясно изложил свои мысли⁵⁰¹.

«Духовный брак», главный вклад Рейсбрука в мистическую литературу, — это размышление о словах притчи: «Вот, жених идет, выходите навстречу ему». Автор говорит о трех этапах христианского опыта: активном, внутреннем и созерцательном. На активном этапе душа принимает христианские добродетели и практикует их, борясь с грехом, то есть выходит «навстречу Жениху». Мы должны верить в положения символа веры, но не пытаться полностью понять их. Более тонкие учения Писания мы должны принимать и объяснять так, как они истолковывались для нас в жизни Христа и святых. Человек должен изучать природу, Писание и все творение и извлекать из них пользу. Чтобы понять Христа, он должен, как Закхей, убежать от проявлений тварного мира и вскарабкаться на дерево веры, у которого двенадцать ветвей — двенадцать артикулов символа веры.

Что касается *внутренней* жизни, то она отличается от *активной* преданностью Первопричине и самой истине, а не упражнениям и формальному выражению, отправлению таинств и добрым делам. Здесь душа отказывается от внеш-

⁵⁰¹ Engelhardt (pp. 265-297) подробно рассказывает об этом споре. Послания Жерсона к Варфоломею и Шенхофену и письмо Шенхофена см. в Du Pin, *Works of Gerson*, pp. 29-82. Maeterlinck (p. 4) упоминает о трудности толкования некоторых мест из произведений Рейсбрука.

них отношений и сотворенных форм и созерцает вечную любовь Бога. Аскетизм может здесь оказаться полезным, но он не обязателен.

Этапа *созерцания* достигают немногие. Здесь душа обретает чистоту и ясность, превосходящие природное понимание. Это особое украшение и небесный венец. Никто не может достичь такого состояния посредством обучения и интеллектуальных навыков или дисциплинарных упражнений. Чтобы достичь его, необходимы три вещи. Человек должен добродетельно жить; он должен обладать постоянной любовью к Богу, подобной неугасимому огню; и он должен потеряться во тьме, в которой привыкающие к созерцанию люди уже больше не ищут пути с помощью методов, свойственных творению. В этой мрачной бездне и зарождается непостижимый свет, Сын Божий, в Котором мы «видим вечную жизнь».

Душа, наконец, обретает сущностное единство с Богом, и в бесконечном океане этого единства все сущее подчиняется всеохватному блаженству. В этой мрачной тишине все любящие Бога теряют себя. Здесь они плывут в неукротимых волнах океана Божьего бытия⁵⁰².

Те, кто последует за фламандским мистиком в этом его учении, должны обладать его характером. Они представляются далекими от той спокойной веры, которая не желает не то что испытывать, но даже описывать подобные экстатические состояния до наступления будущего века и удовлетворяется исполнением Божьей воли в каждодневных занятиях этой земной жизни. Выражения, которые Рейсбрук использует (такие как «духовное опьянение»⁵⁰³), небезопасны, да и сам он говорил, что они окажутся неуместными для большинства христиан на земле. Для этого большинства они покажутся духовной истерией и галлюцинацией бредящего самосознания. И хорошо, что величайший из учеников Рейсбрука де Гроот не следовал его ходу рассуждений, а посвятил себя практическим проблемам повседневной жизни и делам милосердия. Экстатические настроения характерны для этого мистика-затворника из Брабанта, но они не являются основным элементом его мысли. Его описания Христа и деяний Христа просто безупречны. Он не говорит о Марии и даже не упоминает ее в своем главном труде. Он призывает к делам, которые проистекают из искренней любви к Богу. Этот параграф будет уместно завершить двумя цитатами.

Даже устремленность вверх должна отступать перед делами любви по отношению к духовному и физическому человеку. Если вы вознеслись в молитве выше, чем даже Петр или Павел, но услышали, что бедняк жаждет, вы должны оторваться от молитвенных упражнений, сколь бы сладки они ни были, и исполнить дело любви. Богу угодно, чтобы мы оставляли Его ради помощи Его членам. Именно в этом смысле апостол соглашался лишиться Христа ради своих братьев. [...]

Всегда перед тем, как удалиться на покой, читайте три книги, которые всегда должны быть у вас с собою. Первая — древний, серый, уродливый том, написанный черными чернилами. Вторая белая и безупречно записана красным цветом, а третья сияет золотыми буквами. Сначала читайте древний том. Это значит думайте о своей прошлой жизни, полной грехов и ошибок, как и жизнь любого из людей. Углубитесь в себя и читайте эту книгу совести, которая будет распахнута на последнем суде Христа. Подумайте, как дурно вы жили, как небрежны были в речах, делах, желаниях и мыслях. Потупив взор, воскликните: «Боже, смилуйся надо мной, грешником!» Тогда Бог изгонит страх и тревогу и даст вам надежду и веру. Затем отложите в сторону древнюю книгу и учите на память слова книги белой. Это непорочная жизнь Христа, Чья душа была чиста и Чье безвинное тело было изъязвлено и окроплено красной, как роза, драгоценной кровью. Буквы этой книги показывают,

⁵⁰² Я следовал немецкому тексту, приведенному в Lambert, pp. 3-160. Избранные места, хорошо переведенные на английский язык, есть в *Light, Life and Love*.

⁵⁰³ См. Lambert, pp. 62, 63, etc.

сколь реальна Его любовь к нам. Смотрите на них с глубоким чувством и благодарите Его за то, что Он Своей смертью открыл для вас врата небес. И наконец, возведите взор ввысь и читайте третью книгу, написанную золотом, — то есть подумайте о славе жизни вечной, в сравнении с которой все земное тает, как свет свечи тает перед великолепием полуденного солнца⁵⁰⁴.

§34. Геерт де Гроот и братья общинной жизни

К счастью для христианства, мистика в Голландии и Северо-Западной Германии не ограничивалась тем направлением, которое она приняла в Гренендале. В конце XIV века, еще до смерти Рейсбрука, она оказалась связана с практической филантропической деятельностью под руководством Геерта Гроота (1340 — 1384) и Флорентия Радевина (1350 — 1400), закончившего Пражский университет. Это были основатели Виндесгеймской конгрегации и сердечной, радушной группы верующих, известной как братья общинной жизни, которых называли также братьями нового благочестия. Они предложили свежий взгляд на союз с Богом, настаивая на том, что люди должны подражать Христу своими деяниями⁵⁰⁵. Они появились в Голландии и распространились вдоль Рейна и в Центральной Германии.

Гроот родился в Девентере, где его отец был бургомистром. Он учился в Париже, преподавал в Кельне и был назначен каноником, получив как средство существования по меньшей мере два прихода, один в Утрехте, а другой — в Аахене. Он жил жизнью мирского человека, пока не был внезапно обращен, под влиянием друга, Генриха из Колькара, картузианского приора. Он отказался от своих церковных приходов и посетил Рейсбрука, оказавшего на него влияние. Фома Кемпийский замечает, что Гроот после визита к Рейсбруку говорил ему: «Твоя мудрость и знание больше, чем мне говорили в моей стране».

В возрасте сорока он начал проповедовать. Толпы людей собирались послушать его в церквях и церковных дворах Девентера, Цволле, Лейдена и в других главных городах Нидерландов⁵⁰⁶. Нередко он произносил по три проповеди в день. Его успех обеспокоил францисканцев, которые добились от епископа Утрехта запрета на проповеди мирян. Гроот попадал под действие этого закона, так как не был рукоположен. Он апеллировал к папе Урбану VI, но папа стал на сторону епископа. Гроот умер в 1384 г., до того, как было получено известие об этом решении.

Гроот решительно осуждал распущенность клира, но, похоже, не критиковал ни одно из учений церкви. Он постился, посещал мессу, подчеркивал важность молитвы и милостыни и подкреплял свои уроки собственным примером. Цитируя одного древнего автора, мы скажем, что он учил жить других своей праведной жизнью (*docuit sancte vivendo*). В 1374 г. он отдал свой дом в Девентере,

⁵⁰⁴ Цит. в Galle, pp. 184-224.

⁵⁰⁵ См. Grube, *Gerh. Groot*, p. 9; Langenberg, p. ix; Pastor, I. 150. По-латински братство называлось *fratres vitae communis, fratres modernae devotionis, fratres bonae voluntatis*, со ссылкой на Лк. 11:14, а также *fratres collationari*, из-за их склонности проповедовать. Имя Гроота пишут как Geert de Groote, Gherd de Groet (Langenberg, p. 3), Gerhard Groot (Grube), etc.

⁵⁰⁶ За защиту ортодоксального учения его называли «молотом еретиков» (*malleus hereticorum*). О применении этого выражения см. Hansen, *Gesch. des Hexenwahns*, p. 361. О славе Гроота как проповедника читайте в Grube, p. 14 sqq., 23. Фома Кемпийский подтверждает популярность Гроота как проповедника (см. Kettlewell, I. 130-134). Среди его опубликованных проповедей одна посвящена теме сожительства священников с женщинами (*De fornicariis*). Список напечатанных речей см. в Herzog, VII, 692 sqq., и Langenberg, p. 35 sqq.

унаследованный от отца, под обитель для вдов и незамужних женщин. Эти женщины получили возможность, не принимая монашеского обета, удалиться от мира и жить в молитвах и добрых делах. Они зарабатывали себе на жизнь ткачеством, прядением, шитьем, заботой о детях и больных. Они могли покинуть общину, когда хотели. Иоганн Бринкеринк дальше развил эту идею женской общины.

Братья общинной жизни возникли таким же образом. После запрета на проповеди мирян Гроот обосновался в Девентере и много времени проводил в доме Флорентия Радевина. Он поручил молодым священникам копировать рукописи. По предложению Радевина они объединились в общину и согласились собирать свои доходы в общий фонд. После смерти Гроота община была более четко организована Радевином. По образцу девентерской обители, которую называли «домом богатого брата» (*het rijke fraterhuis*), были учреждены и другие общины: в Цволле, Дельфте, Льеже, Генте, Кельне, Мюнстере, Марбурге и Ростокке, и многие из них твердо стояли на ногах вплоть до Реформации⁵⁰⁷.

Вторая ветвь этого благочестивого направления, регулярные каноники святого Августина, учрежденная под влиянием Радевина и других друзей и учеников Гроота, имела главные дома в Виндесгейме (освящен в 1387 г.) и на горе Св. Агнессы, близ Цволле. Они больше трудились внутри монастыря, тогда как братья общинной жизни — вне его.

Братья общинной жизни так и не стали орденом, санкционированным церковью. Его члены, среди которых были как клирики, так и миряне, не принимали необратимых обетов и могли покинуть общину, когда хотели. Они выступали против братьев свободного духа и были свободны от обвинений в распущенности поведения и отклонений в учении. Как и их основатель, они отказывались от мирских благ и не вступали в брак. Они зарабатывали на жизнь собственным трудом⁵⁰⁸.

Они шили одежду, занимались садоводством и другими бытовыми делами, но также проповедовали, преподавали в школах и копировали рукописи. Гроот страстно любил книги. Для его библиотеки было скопировано много рукописей. Среди этих мастеров-переписчиков был и Фома Кемпийский. Они переписывали классических авторов, произведения отцов церкви, книги Писания. Делались также сборники из трудов разных авторов, называемые *ripiaria* («бережки реки»). В Льеже переписчики трудились так усердно, что заслужили прозвище *Broeders van de penne*, «братья пера». Фома Кемпийский рассказывает о Грооте, что рядом с его обеденным столом стоял сундук с лучшими книгами, и если блюдо не доставляло ему удовольствия, то он открывал сундук, предлагая своим друзьям пищу для души. Отправляясь в путешествия как проповедник, он брал книги с собой. Время от времени звучали возражения против владения таким количеством книг. Говорили, что их стоит продать, а деньги отдать бедным⁵⁰⁹. Велась также работа по переводу книг Писания и других трудов. Гроот перевел семь псалмов покаяния, заупокойную

⁵⁰⁷ См. Grube (p. 88) и Schulze (p. 492 sqq.), который приводит краткую историю 18 немецких и 20 нидерландских обителей. Последняя из них была учреждена в Камбре (1505).

⁵⁰⁸ Фома Кемпийский в своей книге о Радевине (*Vita Florentii*, ch. XIV) говорит, что труд весьма полезен для духовного развития и помогает укрощать плотские похоти. Когда после смерти одного из братьев обнаружилось, что у него были деньги, ему отказали в погребальной молитве.

⁵⁰⁹ Uhlhorn (p. 373) рассказывает о таком возражении от некоего Кетеля из Девентера. Также см. Langenberg, p. x.

службу и отдельные молитвы, обращенные к Марии. В обителях быстро начали использоваться печатные станки — они упоминаются в связи с Маривалем, близ Гессенгейма, Виндесгеймом, Герцогенбушем, Росток, Лувеном и другими домами.

Школы, созданные братьями общинной жизни, прежде всего предназначались для клириков. Они занимают особое место в истории образования. Редко, если вообще когда-либо, такое внимание уделялось интеллектуальному и моральному воспитанию молодежи. У братьев не только были собственные школы. Они работали и в школах, существовавших ранее. До нас сохранились длинные списки учителей. В их школе в Герцогенбуше одновременно обучалось 1200 учеников, и в ней с самого начала (1424) преподавался греческий язык. В 1524 г. в школе в Льеже было 1600 учеников⁵¹⁰. Школа в Девентере прославилась как одна из самых знаменитых школ грамматики в истории. Там обучались Николай Кузанский, Фома Кемпийский, Иоганн Вессель и Эразм, который поступил в это заведение в 1474 г. и учился греческому у одного из его учителей, Синтия. Эти школы, сделавшие одним из главных принципов обучения преподавание на родном языке, вырастили людей, которые стали родоначальниками современной литературы Северо-Западной Германии и Нидерландов и подготовили почву для грядущей Реформации.

Не меньшее влияние оказали и публичные проповеди братьев на разговорном языке и *collationes*, или объяснения Писания, с которыми они выступали перед группами людей в частных домах. По словам Фомы Кемпийского, Гроот обращался к Писанию как к источнику жизни. Об Иоганне Целле (ум. в 1417), ревностном ректоре школы в Цволле, тот же биограф пишет: «Он часто объяснял ученикам Священное Писание, настаивая на его авторитете и призывая усердно записывать высказывания святых. Также он учил их правильно петь и прилежно посещать церковь, чтить Божьих служителей и часто молиться»⁵¹¹. Сам Целле играл на органе.

Центральной темой обучения была личность и жизнь Христа. «Пусть корнем обучения и зеркалом твоей жизни будет прежде всего Евангелие, ибо в нем изображена жизнь Христа», — говорил Гроот⁵¹². Каждый день особое время уделялось размышлениям на какую-нибудь конкретную религиозную тему: в воскресенье — о небесах, в понедельник — о смерти, во вторник — о милости Божьей, в среду — о последнем суде, в четверг — об адских муках, в пятницу — о страстях Господа, в субботу — о грехах. Они уделяли больше внимания внутренней чистоте и праведности, чем внешнему исполнению обрядов⁵¹³.

Эти замечательные люди, вместе с другими мистиками XIV века, ослабили влияние схоластики и священства — двух главных сил средних веков⁵¹⁴. Они придавали важность идеям, выдвигавшимся еретическими сектами и такими авторами, как Марсилиус Падуанский. Они говорили о достоинстве мирян, а

⁵¹⁰ См. Schmid, *Gesch. d. Erziehung vom Anfang his auf unsere Zeit*, Stuttgart, 1892, II. 164-167; Hirsche в Herzog, II 759; Pastor, I. 152; и Langenberg, p. ix.

⁵¹¹ Kettlewell, I. 111.

⁵¹² Фома Кемпийский, *Vita Gerard.*, XVIII. 11; Kettlewell, I. 166. Он говорил, что жизнь клирика — Евангелие для народа (*vita clerici evangelium populi*).

⁵¹³ См. Langenberg, p. 51.

⁵¹⁴ См. Ullman, II. 82, 115 sq. Schulze (p. 190) не вполне ясно высказывается на эту тему. Kettlewell (II. 440) говорит, что братья были «главными пионерами, проложившими путь Реформации».

также о том, что монашеские обеты не гарантируют чистоты религиозной веры. Они внесли существенный вклад в возникновение того мощного религиозного течения, что прокатилось по Нидерландам. Они распространяли популярную религиозную литературу, применяли учебники молитвы, лекарства и снадобья для души. Письменные своды правил для мирян, где были даны указания по поводу поведения у себя дома и вне его, переходили из рук в руки. Библейские истины выражались в религиозных стихотворениях на народном языке⁵¹⁵.

Некоторые их стихотворения были переводами из *Jesu dulcis memoria* Бернара; в некоторых осуждались празднества, такие как праздник майского дерева и танцы⁵¹⁶.

О братьях одобрительно отзывались Евгений IV, Пий II и Сикст IV. Их хвалили великие учителя кардинал Кузанский, Д'Альи и Жан Жерсон. Но их и осуждали: Грабон, саксонский доминиканец, в последние дни собора в Констанце (1418) выдвинул в их адрес не менее двадцати пяти обвинений. Суть обвинений заключалась в том, что религиозная жизнь высшего порядка невозможна вне орденов, официально санкционированных церковью. Комиссия, назначенная Мартином V, в которую входили Жерсон и Д'Альи, признала обвинения несущественными, и Грабон вынужден был взять их обратно. Комиссия заявила, что в Иерусалиме в те дни, когда первохристианская церковь приняла решение об объединении имущества, не было никакой монашеской организации и что монастырские стены и обеты не обязательны для религиозной жизни высшего порядка. В противном случае сам папа, кардиналы и прелаты не смогли бы достичь высот религиозного опыта⁵¹⁷.

С наступлением эпохи Реформации миссия братства была выполнена и многие из общин влились в новое движение. Лютер живо интересовался обителями, сохранившими свои древние уставы. Когда в 1532 г. на соборе в Херворде, в Вестфалии, предложили упразднить поместные братские и сестринские обители, этот деятель Реформации решительно выступил против: «Поскольку братья и сестры, первыми распространявшие Евангелие среди вас, ведут достойный образ жизни, показывают пример поведения, преданно учат и придерживаются чистого Слова, такие монастыри и обители угодны мне безмерно». И он еще два раза явно выражал одобрение братства, основанного Гроотом⁵¹⁸.

⁵¹⁵ Например, о мудрых и неразумных девах:

*Van vijf juncfrou wen de wis weren
Unde van vijf dwasen wilt nu hir leren.*

⁵¹⁶ См. Langenberg. Стихотворение о танцах, которое он приводит (68 sqq.), начинается словами:

*Hyr na volget eyn lere schone
Teghen dantzen unde van den meybome.*

Далее следует интересное учение, осуждающее танцы и праздник майского дерева {танцы вокруг украшенного цветами столба, устраивавшиеся первого мая}. Одна из причин осуждения танцев такова: танцующие разводят в стороны руки, тем самым показывая неуважение ко Христу, Который принял такую позу на кресте. В дошедшем до нас документе (письме) один монах предостерегает свою племянницу, сбившуюся с пути, против нескромной одежды и дерзкого поведения, привлекающего внимание молодых людей, особенно на соборной площади. Вместе с этим письмом он послал племяннице сборник молитв.

⁵¹⁷ Van der Hardt (*Conc. Const.*, III. 107-121) приводит обвинения Грабона, ответ Д'Альи и Жерсона и текст отказа Грабона от обвинений.

⁵¹⁸ De Wette, *Luther's Letters*, nos. 1448, 1449, vol. IV, pp. 358 sqq.

§35. «Подражание Христу». Фома Кемпийский

Шедевр мистической литературы немецко-голландской школы — это «Подражание Христу», труд Фомы Кемпийского. Вместе с «Исповедью» святого Августина и «Путешествием Пилигрима» Буньяна оно занимает место в самом первом ряду религиозных учебников, а если судить о влиянии книги по ее распространению, то эта маленькая книжка, появившаяся в нидерландском монастыре, была, после Священного Писания, самым влиятельным из всех религиозных произведений христианского мира. Ее прославляли и протестанты, и католики. Иезуиты включили ее в свои упражнения. Доктор Сэмюэл Джонсон однажды, изучая во время болезни голландский язык и читая эту книгу в оригинале, сказал, что мир принял ее с распростертыми объятиями⁵¹⁹. Она была переведена Джоном Весли, способствовала обращению Джона Ньютона, была издана Томасом Челмерсом. Ее читал мистер Глэдстоун «как золотую книгу на все времена», и она была настольной книгой генерала Гордона. Доктор Чарльз Ходж, богослов-пресвитерианин, сказал, что эта книга распространилась по приделам и альковам вселенской церкви подобно благоуханию⁵²⁰.

Количество подсчитанных изданий превышает 2000. Только в Британском музее хранится более 1000 изданий этой книги⁵²¹.

Изначально книга была написана на латинском языке, но французский перевод появился уже в 1447 г., еще в виде рукописи. Первая печатная французская копия вышла в Тулузе в 1488 г. Древнейший немецкий перевод был сделан в 1434 г. и хранится в Кельне. Печатные издания на немецком начались с аугсбургского издания 1486 г. Люди, вошедшие в анналы немецкого благочестия, такие как Арндт (1621), Госснер (1824) и Терштеген (1844), издавали ее с предисловиями. На английском языке труд был впервые напечатан в 1502 г. Перевод частично был сделан Маргаритой, матерью Генриха VII. В 1488 г. появились итальянские переводы в Венеции и Милане, в 1536 — испанский, в Севилье, в 1663 — арабский, в Риме, в 1674 — армянский, также в Риме. Книга была переведена и на другие языки⁵²².

«Подражание Христу» состоит из четырех книг. Его заглавие происходит от названия первой книги, *De imitatione Christi et contemptu omnium vanitatum mundi* (о подражании Христу и презрении ко всей тщете мира). Похоже, книга даже имеет метрическое строение⁵²³. Не все рукописи содержат по четыре книги, и их порядок в разных списках также различен, вследствие чего некоторые исследователи предположили, что не все книги были созданы одновременно. «Подражание Христу» — это молитвенный учебник, призванный помочь душе в ее

⁵¹⁹ Статья *The Worldly Wisdom of Thos. a Kempis in Dublin Review*, 1908, pp. 262-287.

⁵²⁰ *System. Theol.*, I. 79. Мнение Глэдстоуна см. в Morley, II. 186. Butler (p. 191) приводит список из 33 английских переводов, созданных в 1502 — 1900 г. Де Квинси сказал: «Эта книга появилась, когда христианская Европа тосковала о свете с небес. Ни одна из известных человеку книг, за исключением Библии в протестантских странах, не пользовалась такой известностью. Это самое замечательное описание библейских фактов» (цит. в Kettlewell, I).

⁵²¹ Бэкер в своем *Essai bibliogr.* перечисляет 545 латинских изданий и около 900 французских. Более 50 изданий вышло в XV веке. См. Funk, p. 426. Собрание Буллингена, подаренное городской библиотеке Кельна, содержало в момент дарения 400 ее разных изданий. Montmourenci (p. xxii sq.) приводит список 29 изданий (1471 — 1503), с указанием мест.

⁵²² Корнель сделал поэтический перевод на французский язык в 1651 г. В Зульцбахе (1837) появилось и многоязыковое издание. Оно включает в себя латинский текст и переводы на итальянский, французский, немецкий, греческий и английский языки.

⁵²³ Гирш обнаружил в ней ритмическое деление и указал на это в 1874 г.

общении с Богом. В нем сентенциозные высказывания отображают высший христианский опыт. Сплошь и рядом в рассуждениях встречается призыв принимать себя за ничто. Начальная фраза книги «Кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме...» (Ин. 8:12) удачно передает ее содержание. Жизнь Христа представлена как высшая стадия духовности, которой только может достичь смертный. Тот, кто обладает Его Духом, нашел сокрытую для обычных глаз манну. Что может получить мир без Иисуса? Быть без Него — самый настоящий ад. Быть с Ним — сладчайший рай.

Книга дает совет читать Писание, говорит о пользе трудностей и о необходимости подчинения авторитетам, предостерегает против искушений, приводит размышления о смерти, суде и рае. В ней есть размышления о жертве Христа на кресте и о преимуществах общения, а также призыв бежать от тщеты и от пустоты мира и любить Бога, ибо тот, кто любит Бога, знает Его. Христос — больше, чем школьная премудрость. Любящий за одно мгновение воспринимает вечную истину лучше, чем ученый, читающий книги, постигает за десять лет. Христос учит, не путая слова, не противореча Сам Себе, не гордясь Своей репутацией (*sine fastu honoris*) — гласят доводы. Заключительные слова {третьей} книги таковы: «К Тебе возвожу очи мои, на Тебя верно уповая, Боже Мой, Отче всякого милосердия... Покрой и сохрани душу раба Твоего... и благодатью Твоею наставь путем мира в родную страну непрестающего света (*patriam perpetuae claritatis*)».

Жалобное минорное звучание, мягкий убеждающий тон труда привлекали вдумчивые души, ищущие внутреннего религиозного мира и чистоты мыслей, но особенно тех, кто находился под гнетом боли и страданий. Восхваление Христа здесь так безгранично, а упование на Него так бескорыстно, что читающий эту книгу ощущает сопричастность самой сути Евангелия. Однако в этом труде представлена только одна сторона христианского образа жизни. В нем славятся кротость, повиновение, мягкость и пассивные добродетели. В нем не говорится ни о мужественных добродетелях дерзновения и устояния в истине, ни о деятельности христиан на благо их собратьев. Полностью принять дух Фомы Кемпийского и проникнуться им — значит наилучшим образом воплотить монастырскую идею средних веков или, скорее, XIV века. Советы и размышления здесь предназначены прежде всего для тех, кому монастырь стал родным домом, кто не участвует в активной жизни мира и не общается с людьми всех слоев общества. Книга тяготеет к квиетизму и обращена к личному благочестию живущих в уединении. Она не поможет в тех трениях и спорах, которые являются уделом людей обыкновенных. Увещевания Фомы Кемпийского — это призыв скорее терпеть, чем стараться исправить зло в этом мире; скорее молчать, чем обращаться к толпе; скорее мирно жить в затворничестве, чем подавать подобающий мужчине или женщине пример поведения в магазине, на улице или в семье. Автора «Подражания Христу» обвиняли, и не безосновательно, в том, что он пропагандирует эгоистичный тип веры⁵²⁴. Нежные слова Фомы Кемпийского призваны успокоить душу и ввести ее в состояние кроткого удовлетворения, а не пробуждать воинственную добродетель дерзновения и помощи другим. Его послание подобно не яркому свету утреннего, а приглушенному свету вечернего солнца.

⁵²⁴ Так полагает Милман. В *Hist. of Lat. Christ.* (bk. XIV, 3) он пишет: «Единственная и исключительная задача этой книги — очищение и возвышение индивидуальной души, человека, абсолютно изолированного от рода человеческого, живущего в одиночестве, наедине со своими мыслями».

Такая же жалобная нота звучит и в гимнах Фомы, как мы видим из стиха, взятого из «Несчастья этой жизни»:

*Как чудесно было бы,
Если бы человек не чувствовал
и не жаловался на то,
Что жить в этом мире
Значит трудиться, горевать и страдать*⁵²⁵.

На страницах книги часто повторяется имя Христа, вот почему протестанты дорожат ею так же, как и католики. Упоминания о средневековых заблуждениях в области доктрины или практики в ней так редки, что найти их непросто. В любом случае, их обычно исключают из английских изданий, так что английский читатель вообще не может их видеть. Фома говорит о заслуге добрых дел, о пресуществлении (IV. 2)⁵²⁶, о чистилище (IV. 9) и о поклонении святым (I. 13, II. 9, II. 6, 59). Однако эти высказывания подобны крапинкам на мраморе Парфенона.

Фома Кемпийский (1380 — 1471) родился в Кемпене, в 40 милях (64 км) к северо-западу от Кельна, и умер в Цволле, в Нидерландах. Его фамилия была Хемеркен или Хеммерлейн, «Молоточек». Он был последователем Гроота. В 1395 г. его отправили учиться в школу в Девентере, на попечение Флорентия Радевина и братьев общинной жизни. Там он стал умелым переписчиком и зарабатывал себе на жизнь этим ремеслом. Позже он поступил в августинский монастырь на горе Св. Агнессы, близ Цволле, стал священником в 1413 г. и субприором в 1429 г. Его брат Иоганн, человек праведный, поступил в этот монастырь раньше и был приором. Жизнь Фомы, похоже, была спокойной, посвященной размышлениям, сочинительству и копированию книг. Он переписал Библию не менее четырех раз (одна из копий сохранилась в Дармштадте). В его трудах масса цитат из Нового Завета. Под древней картиной, которую считают его портретом, написано: «Во всем я искал спокойствия и нашел его только в уединении и книгах»⁵²⁷. Эти слова вполне соответствуют характеру автора «Подражания Христу», каким его представляет себе мир. Фома дожил до девяноста лет. 11 ноября 1897 г. в церкви Св. Михаила в Цволле, в присутствии архиепископа Утрехта, ему был открыт памятник. Все произведения Кемпийского религиозного характера. Они включают в себя трактаты и размышления, послания, проповеди, жизнеописание святой Людевиги (решительной христианки, которая выдержала суровую борьбу со скорбями), а также биографии Гроота, Флорентия и девяти их товарищей. Труды, подобные «Подражанию Христу», — это его обширные размышления о боговоплощении, а также о жизни и благословениях Спасителя⁵²⁸, раскрываемых в духе преклонения перед Христом.

525

*Mirum est, si non lugeat
Experimento qui probat
Quod vivere in saeculo
Labor, dolor, afflictio.*

(Blume and Dreves: *Analecta hymnica*, XLVIII. 503). Гимны Фомы Кемпийского приводятся в Blume and Dreves, XLVIII. 475-514.

⁵²⁶ {Ибо всякий раз, как созерцаешь ты это таинство и принимаешь Тело Христово, творишь дело своего искупления и становишься участником всего служения Христова.}

⁵²⁷ *In omnibus requiem quaevisi et non inveni nisi (in een huechken met een buexken)*. Франциск Толенский первым выразил мнение, что на этом портрете изображен Фома Кемпийский. То, что Кеттлвелл говорит об активном религиозном служении Кемпийского, является вымыслом (I. 31, 322, etc.). См. Lindsay, *Enc. Brit.*, XIV. 32.

⁵²⁸ Pohl, II. 1-59; V. 1-363.

Следы средневекового богословия хотя и присутствуют в этих произведениях, но без особой навязчивости. Автор вторил своим средневековым предшественникам по части поклонения Марии, о которой он говорил, что все христиане должны взывать к ней, особенно монахи⁵²⁹. Он молится ей как «премилостивейшей», «преславнейшей» Богоматери, называет ее царицей небесной, посредницей между Богом и всем миром, радостью и усладой всех святых и даже золотым ложем для всех святых. Она — покой Бога, врата небесные, рай восторгов, источник благодати, слава ангелов, радость людей, образец поведения, сияние добродетелей, светильник жизни, надежда нуждающихся, спасение слабых, мать сирот. Все должны припадать к ней, как сыновья к материнской груди⁵³⁰.

От этих елейных восхвалений Марии приятно перейти к списку из двадцати трех предписаний, которые голландский мистик озаглавил «Малый алфавит для монаха из Божьей школы»⁵³¹. Вот некоторые из предписаний. Люби быть неизвестным и не иметь репутации. Люби уединение и тишину, и ты обретешь великий покой и чистую совесть. Там, где толпа, там всегда смятение и сердечные тревоги. Выбирай бедность и простоту. Смиряться во всем и пред всем, и все будут относиться к тебе по-доброму. Пусть Христос будет Твоей жизнью, Твоим чтением, Твоими мыслями, Твоими речами, Твоим желанием, Твоей пользой, Твоей надеждой и Твоей наградой. Закхай, брат, спустись с высот своей светской мудрости. Приди и учись в Божьей школе кротости, страдания и долготерпения. Христос научит тебя, и ты в конце концов благополучно достигнешь славы вечного блаженства.

ПРИМЕЧАНИЕ. Авторство «Подражания Христу». Эта проблема была одной из наиболее активно обсуждавшихся в истории литературы. Спор шел между целыми народами. Франция и Италия спорили за эту честь с Нидерландами. Сейчас труд обычно приписывается Фоме Кемпийскому, но есть выдающиеся ученые, которые не соглашаются с этим мнением.

Среди самых последних трактатов на эту тему, не приведенных в списке литературы (§27), можно упомянуть следующие: V. BECKER: *L'auteur de l'Imitat. et les documents néerlandais*, Hague, 1882. Также *Les derniers travaux sur l'auteur de l'Imitat.*, Brussels, 1889. — DENIFLE: *Krit. Bemerk. zur Gersen-Kempis Frage, Zeitung für kath. Theol.*, 1882 sq. — A. O. SPITZES: *Th. a K. als schrijver der navolging*, Utrecht, 1880. Также *Nouvelle défense en réponse du Denifle*, Utrecht, 1884. — L. SANTINI: *I diritti di Tommaso da Kemp.*, 2 vols., Rome, 1879 — 1881. — F. X. FUNK: *Gerson und Gersen in Der Verfasser der Nachfolge Christi in ero Abhandlungen*, Paderborn, 1899, II. 373-444. — P. E. PUYOL: *Descript. bibliogr. des MSS. et des princip. edd. du livre de imitat.*, Paris, 1898. Также *Paléographie, classement, généalogie du livre de imitat.*, Paris, 1898. Also *L'auteur du livre de imitat.*, 2 vols., Paris, 1899. — Статья SCHULZE в HERZOG. — G. KENTENICH: *Die Handschriften der Imitat. und die Autorschaft des Thomas*, в *Brieger's Zeitschrift*, 1902, 18 sqq., 1903, 594 sqq.

Пол приводит список из более чем 35 человек, которым, с большей или меньшей уверенностью, приписывали авторство данной книги. В этом списке присутствуют имена Жана Жерсона (канцлера Парижского университета), Жана Жерсена (знаменитого аббата Верчелли, Италия, жившего около 1230 г.), Вальтера Хилтона, святого Бернара, Бонавентуры, Давида из Аугсбурга, Таулера, Сузо и даже Иннокентия III. Единственные кандидатуры, достойные внимательного рассмотрения, — это Жерсон, Жерсен и Фома Кемпийский, хотя Монморанси склоняется в пользу Вальтера Хилтона. Спорность авторства связана со следующими фактами: 1) в ряде рукописей и печатных изданий XV века нет имени автора; 2) в остальных указаны имена Жерсона, Жерсена, Кемпийского, Хилтона и святого Бернара; 3) в рукописях присутствуют заметные разночтения. Ситуация осложнена тем, что после начала споров имена и даты в рукописях начали подделывать, и подделки эти почти исключительно говорят за французское или итальянское авторство. Причина отсутствия имени автора в большом количестве рукописей объясняется желанием Кемпийского (если на самом деле

⁵²⁹ *De disciplina claustralium*, Pohl ed., II. 313. Молитвы, обращенные к Марии, см. в III. 355-368 и в проповеди о Марии, VI. 218-238.

⁵³⁰ Pohl, III. 357; VI. 219, 235 sq.

⁵³¹ III. 317-322.

автором является он) оставаться инкогнито, в соответствии с его собственным девизом *ama nesciri* («люби быть неизвестным»).

Пол утверждает, что из латинских изданий XV века 28 приписываются Жерсону, 12 — Фоме, 2 — святому Бернару и 6 анонимны. Или, если верить Функу (р. 426), 40 изданий этого века приписываются Жерсону, 11 — Кемпийскому, 2 — Бернару, 1 — Жерсену и 2 анонимны. Шпитцен приводит 15 изданий как приписываемые Кемпийскому. Большинство изданий, в которых автором был назван Жерсон, вышло во Франции, остальные — в Италии или Испании. С изданиями XVI века ситуация уже иная. В 37 латинских изданиях автором назван Кемпийский, в 25 — Жерсон. Что касается рукописей, выполненных до 1450 г., в датах создания которых нет сомнений, то все они ведут происхождение из Германии и Нидерландов. Древнейшая из них, включенная в кодекс, который с 1826 г. хранится в Королевской библиотеке Брюсселя, вероятно, была создана до 1420 г. Кодекс содержит еще 9 произведений Кемпийского, помимо «Подражания», и примечание *Finitus et completus MCCCCXLI per manus fratris Th. Kempensis in Monte S. Agnetis prope Zwollis* («Закончено и дополнено в 1441 г. братом Фомой Кемпийским с горы Св. Агнессы, близ Цволле»). См. Pohl, II. 461 sqq. Так что это копия-автограф. Однако текст «Подражания» написан на более древней бумаге, чем остальные документы, и в нем есть поправки, которые присутствуют в голландском издании первой книги (1420). По этим причинам Функ (р. 424) и другие датируют рукопись 1416 — 1420 г.

Литературный спор об авторстве начался в 1604 г., когда преподобный Педро Манрикес в труде о вечере Господней, вышедшем в Милане, на основании предполагаемой цитаты из Бонавентуры заявил, что «Подражание» древнее этого схоласта. В 1606 г. Беллармин в своем *Descript. eccles.* был более пунктуален и утверждал, что труд уже существовал в 1260 г. Почти одновременно с ним иезуит Россиньоли нашел в монастыре Арона, близ Милана, рукопись без даты, но с именем аббата Жана Жерсена в качестве автора (монастырь некогда принадлежал бенедиктинцам). В 1614 г. бенедиктинец Константин Гаэтан, секретарь Павла V, выпустил в Риме свой труд *Gersen restitutus*, а позже — *Apparatus ad Gersenem restitutum*, где отстаивал мнение, что автором был итальянец. Утверждается, что этот человек был бенедиктинцем, аббатом Верчелли, в Пьемонте, в первой половине XIII века. С другой стороны, августинец Росвейд в своем *Vindiciae Kempenses* (Антверпен, 1617) столь последовательно отстаивал авторство Фомы, что Беллармин взял свои слова обратно. В XIX веке об авторстве Жерсена вновь заявил представитель пьемонтской знати Грегори в своей *Istoria della Vercellese letteratura* (Турин, 1819) и последующих публикациях, и его поддержал Вольфсгрубер из Вены в научном труде (1880). Но Гирш и Функ, без сомнений, правы, говоря, что имя Жерсен — просто ошибочное написание имени Жерсона, и Функ, после вдумчиво проведенной критики, заявляет, что итальянский аббат — вымышленное лицо. Последний английский автор, писавший на данную тему, Монморанси (р. xiii), говорит: «У нас вообще нет свидетельств существования аббата Верчелли по имени Жерсен».

Заявления об авторстве Жерсона обоснованны, и Франция не замедлила выступить в защиту мнения, что эту книгу написал именно канцлер Парижского университета. Изучение древних рукописей, состоявшееся в Париже, не привело к определенным результатам, так что в 1640 г. Ришелье выпустил великолепное издание «Подражания» без имени автора. Однако французский парламент в 1652 г. приказал напечатать книгу под именем Фомы Кемпийского. Но сам вопрос не был решен. В ходе трех заседаний (1671, 1674, 1687 г.), организованных Мабийоном, рукописи вновь были изучены, и исследователи высказались против авторства Кемпийского. Позже Дю Пен, сравнив произведения Жерсона с «Подражанием», пришел к выводу, что трудно сделать определенный выбор между этими двумя авторами и Жерсеном (см. второе издание трудов Жерсона, 1728, I. lix-lxxxiv), но в специальном труде (Амстердам, 1706) он высказался в пользу голландца. Французские издания «Подражания» продолжали выходить под именем Жерсона (например, изд. Erhard-Mezler, 1724, и Vollardt, 1758). С другой стороны, августинец Аморт поддерживал авторство Кемпийского в своей *Informatio de statu controversiae* (Augsburg, 1728) и особенно в своем *Scutum Kempense* (Cologne, 1728). После заявления Шваба (*Life of Gerson*, 1858, pp. 782-786), который говорит, что стиль «Подражания» совершенно отличен от стиля трудов Жерсона, теория об авторстве последнего была наконец оставлена. В первом собрании сочинений Жерсона (1483) «Подражания» нет. Брат Жерсона, приор Лиона, не упоминает «Подражание» в списке трудов канцлера (1423). Сам автор «Подражания» заявляет, что он был монахом (IV. 5, 11; III. 56), и Жерсон должен был бы изменить своему привычному способу изложения, чтобы писать в монашеском духе.

Вопрос об авторстве, казалось, был решен в пользу Кемпийского, но в 1898 и 1899 г. появились публикации Пуйоля, и начался новый этап спора. Пуйоль описывает 348 рукописей и проводит четкое разграничение между рукописями итальянского происхождения и другими. Он указывает также на разночтения в 57 случаях и приходит к выводу, что итальянский текст проще, а следова-

тельно, старше и является оригинальным. Он сам основывал свое издание на тексте Ароны. Пуйолу вторит Кентених, на его аргументы откликнулись Пол и другие.

Теория об авторстве Вальтера Хилтона основана на трех книгах с этим трудом, получившим название *De musica ecclesiastica* в рукописях из Англии, а также на устойчивом английском предании о том, что автором является именно Хилтон. Montmorency (pp. xiv, 138-170), объявляя теорию авторства Хилтона неприемлемой, признается, что не может объяснить свою позицию.

Коротко изложим доводы в пользу авторства Кемпийского.

1. *Внешние свидетельства.* Иоганн Буш в своем *Chronicon Windesemense*, написанном в 1464 г., за семь лет до смерти Кемпийского, явно говорит, что автор «Подражания» — Фома Кемпийский. К этому свидетельству следует прибавить свидетельство Каспара из Пфорцгейма, который сделал перевод труда на немецкий язык (1448); свидетельство Германна Рейда, который встречался с Фомой (1454); и свидетельство Иоганна Весселя, которого привлекла в Виндесгейм слава этой книги. Другие свидетельства см. в Hirsche and Funk, pp. 432-436.

2. *Рукописи и издания.* Сохранилось около 500 рукописей. См. Kantenich, p. 294. Funk (p. 420) приводит 13 рукописей, созданных до 1500 г., в которых автором «Подражания» назван Фома Кемпийский. Мы уже упоминали о копии с автографом в брюссельском кодексе 1441 г. Однако следует заметить, что вывод Гирша, Пола, Функа, Шульце и других о том, что текст является автографом, отрицалось Пуйолем и Кентенихом на основании отличий от других рукописей, в силу которых, как они утверждают, текст не мог быть написан этим автором. Второй автограф, из Лувена (см. Schulze, p. 730), почти так же стар (1420), и на нем написано: *Scriptus manibus et characteribus Thomae qui est autor horum devotorum libellorum* («написано рукой Фомы» и т. д.; Pohl, VI. 456 sq.). Третья рукопись, в которой говорится, что автор — Фома, хранится в Брюсселе и датирована 1425 г.

Что касается печатных изданий XV века, то по меньшей мере в тринадцати Фома представлен как автор — от издания из Аугсбурга (1472) до парижского (1493, 1500).

3. *Стиль и содержание.* Они вполне согласуются с другими произведениями Кемпийского, и ход мыслей аналогичен его «Размышлению о воплощении Христа». Шпитцен, похоже, считает по меньшей мере весьма вероятным, что автор был знаком с трудами Рейсбрука, Яна Шенхофена и других нидерландских мистиков и монахов. Функ упоминает о церковных обычаях, судя по которым книга была написана между XIV и XV веками. Гирш указывает на германизмы в языке автора.

Среди ученых недавнего периода Денифле выступает против авторства Кемпийского и приписывает труд какому-то неизвестному уставному канонику из Нидерландов. Карл Мюллер в кратком примечании (*Kirchengesch.*, II. 122) и Луфс (*Dogmengesch.*, 4th ed., p. 633) объявляют авторство Кемпийского более чем сомнительным. С другой стороны, Шваб, Гирш и Функ полагают, что авторство Фомы почти что неоспоримо. Практически невозможно объяснить, зачем надо было приписывать «Подражание» голландскому мистiku, если он не был его автором. Объяснение, которое дает Кентених (p. 603), представляется крайне неудовлетворительным.

§36. «Немецкое богословие»

Евангельские учения из маленькой книжки, известной как «Немецкое богословие», побудили Уллмана внести ее автора в список реформаторов, живших до Реформации⁵³². Автор был одним из друзей Бога, и ни одно из произведений, вышедших из этого круга, не пользовалось таким почетом и не было так полезно. Наряду с «Подражанием Христу» это было одно из самых полезных произведений немецких мистиков. Его слава основана на похвале Лютера, а также на его собственном превосходном содержании. Лютер выпустил два издания этой книги и дал ей имя, которое сохранилось по сей день, — *Ein Deutsch Theologia* («Немецкое богословие»)⁵³³. Лютер называет автором книги

⁵³² Лучшее немецкое издание — Stuttgart, 1858. Текст взят из Pfeiffer ed., Strassburg, 1851, 3^d ed., без изменений; Gütersloh, 1875, с предисловием Лютера (1518) и предисловием Арндта (1632). Пфайфер использовал рукопись 1497 г., древнейшую из сохранившихся. Лучший английский перевод — Susannah Winkworth, по тексту Пфайфера, London, 1854, Andover, 1856. Андоверское издание содержит вступление миссис Уинкворт, послание от кавалера Бунсена и предисловия каноника Кингсли и профессора Кальвина Э. Стоува.

⁵³³ Полный заголовок Лютера (1518) таков: *Ein Deutsch Theologia, das ist ein edles Büchlein vom rechten Verstande was Adam und Christus sei und wie Adam in uns sterben und Christus in uns erstehen soll* («Немецкое богословие, праведная и благородная небольшая книжка об Адаме и

франкфуртского священника, рыцаря тевтонского ордена, но в течение какого-то времени книга приписывалась Таулеру. Предисловие к древнейшей из рукописей, датированной 1497 г. и найденной в 1850 г., показало, что это невозможно, так как в гл. XIII цитируется сам Таулер. Здесь автор назван франкфуртским священником и настоящим другом Бога.

Лютер говорил, сколь многим обязан учению этой ведущей ко спасению книги, и свидетельствовал, что, не считая Библии и святого Августина, в руки его не попадало другой книги, из которой он больше узнал бы о Боге, о человеке и о всех вещах, а после ее прочтения пожелал бы узнать еще больше. Автор, говорил он, был настоящим израильтянином, бравшим не пену с поверхности, а воду из самых глубин Иордана. Здесь, продолжал он, ясно, как день, излагается учение Писания, которое пылилось под столами в университетах, было обращено в прах и грязь. Со свойственным ему патриотизмом он заявлял, что в этой книге на немецком языке он встретил Христа так явственно, как ни он, ни другие немецкие богословы никогда не встречали на греческом, на латыни или на еврейском.

В «Немецком богословии» представлено греховное и безнадежное состояние человека, совершенство и посреднические деяния Христа, через Которого, как через дверь, человек должен прийти к Богу. В пятидесяти четырех главах труда ничего не сказано ни о Марии, ни об оправдании добрыми делами, ни о заслуге участия в таинствах⁵³⁴. В нем, как ни в одном другом труде немецких мистиков, есть множество цитат из Нового Завета. На его страницах сбившийся с пути человек может найти путь к спасению, изложенный без мистификаций.

Книга начинается со слов апостола Павла: «Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится». Автор заявляет, что существование несовершенного относительно и что «с человеческим “я” и тому подобным будет покончено», когда совершенное будет познано творением. Христос показал нам путь, приняв человеческий облик. В главах XV — LIV показывается, что все люди умерли в Адаме, и теперь, чтобы достичь совершенной жизни, древний человек должен умереть, а новый — родиться. Он должен принять Бога и освободиться от дьявола. Повиновение — первое требование для обретения новой природы. Грех — это непослушание, и чем сильнее «подавляется в человеке он “сам” и его “свое”, его грех и скверна, чем сильнее подавляется собственное “я”, самолюбие и эгоизм, тем больше присутствует в нем Божьего “Я”, то есть Самого Бога». Мы освобождаемся благодаря повиновению. Жизнь Христа — совершенный образец, и мы следуем ему, слушаясь Его призыва все оставить. Мы должны быть едины с Божьей волей и быть готовы действовать или пострадать. Такой человек, сопричастный Божьей природе, будет искренне любить всех людей, делать им добро и получать удовольствие от их благополучия. Знание и свет ничего не значат без любви. Любовь делает человека единым с Богом. В конце автор напоминает, что никто не может прийти к Отцу, кроме как через Христа.

В 1621 г. Католическая церковь занесла *Theologia Germanica* в Индекс запрещенных книг, но если бы каждая книга из перечня запрещенной папством литературы была подобна этому объяснению пути спасения, то страницы Индекса сияли бы неизреченным светом⁵³⁵.

Христе и о том, что Адам в нас должен умереть, а Христос — воскреснуть»). Cohrs (в Herzog, XIX. 626) упоминает 28 изданий, которые вышли в Верхней Германии до 1742 г. Предисловие Лютера приводится в веймарском издании его трудов, pp. 153, 376-378.

⁵³⁴ Доктор Кальвин Э. Стоув говорил, что «в книге представлен основной принцип Евангелия в его обнаженной простоте» (Winkworth ed., p. v).

§37. Английские мистики

В Англии в XIV веке также создавались религиозные произведения, которые были отнесены к области мистической литературы, однако для них не была характерна трансцендентная борьба немецких мистиков, и по большей части они отличаются ярко выраженной практической направленностью.

Труд *Ancren Riwele* был написан для трех сестер, живших затворницами в Тэррент-Кэйнс, Дорсетшир⁵³⁶. (В те дни в Англии было принято строить для затворниц помещение у стены какой-нибудь церкви или в церковном дворе, с окнами, но без выхода.) Эта маленькая книжка религиозных советов была составлена по просьбе сестер и обычно приписывается Симону Гентскому, епископу Солсбери (ум. в 1315). Автор дает два общих наставления: хранить сердце «чистым и незапятнанным злом» и дисциплинировать свое тело, которое «служит этой первой цели и о котором Павел сказал, что телесное упражнение мало полезно». Первая цель — госпожа, вторая — служанка. На вопрос, к какому ордену они принадлежат, сестры должны были отвечать, что к ордену Св. Иакова, ибо Иаков сказал: «Чистое и непорочное благочестие перед Богом и Отцом есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неоскверненными от мира» {Иак. 1:27}. Интересно, что автор призывает затворниц носить теплую одежду и пользоваться теплыми одеялами, а также мыться «так часто, как им хочется». Им запрещалось бичевать себя кожаной плетью или плеткой со свинцовыми наконечниками, если им не посоветует этого их исповедник.

Ричард Ролл (ум. в 1349), автор ряда религиозных трактатов, а также переводов или переложений Псалтири, Иова, Песни песней и Иеремии, внезапно покинул Оксфорд, где учился, недовольный схоластическими методами, вошедшими в моду в университете, и поселился отшельником в Хэмполе, возле Донкастера. Здесь он прославился своим благочестием и чудесами. Он писал на латыни и на английском, а его главные труды — латинские трактаты «Изменение образа жизни» и «Пыл любви». Они были переведены в 1434 — 1435 г. Ричем Майсином. Его труды сохранились во многих рукописях. Ролл восхвалял созерцание, часто пускался в религиозные мечты и теоретизирования, но вместе с тем осуждал пороки и обмирщенность своего времени. Он писал, что на последнем этапе жизни в созерцании человек «видит своим призрачным взором небеса»⁵³⁷.

Юлиана из Норвича, которая умерла в 1443 г., как утверждают, в возрасте 100 лет, также была отшельницей. Ее келья располагалась во дворе церкви Св. Юлиана в Норвиче. Она получила 16 откровений, первое — в 1373 г., когда ей было 30 лет. Она увидела «Бога в сути». Она говорила о важности любви и представляла радостную сторону веры. Бог являлся ей в трех качествах: жизни, света и любви. Инге называет ее рассказ о полученных откровениях «благоухающей маленькой книжкой»⁵³⁸.

⁵³⁵ Штекль и другие католики, хотя не все, критикуют автора *Theologia* и обвиняют его в пантеизме. Бунсен ставит эту книгу на второе место после Библии (Winkworth ed., p. liv).

⁵³⁶ *Ancren Riwele*, ed. J. Morton, Camden series, London, 1853. См. W. R. Inge, *Studies in Engl. Mystics*, London. 1906. p. 38 sqq.

⁵³⁷ C. Horstman, *Richard Rolle of Hampole*, 2 vols. Общество древних английских текстов опубликовало переводы Майсина на английский язык (1896). Дж. Дж. Перри издал его литургию в томе, где содержится йоркский бревиарий (Surtees Soc.). Поэма *Pricke of Conscience* издана Н. В. Bramley (Oxford, 1884). См. Stephen, *Dict. Natl. Biog.*, XLIX. 164-165.

⁵³⁸ *The Revelations of Divine Love*, ed. R. F. S. Cressy, London, 1670, репринт 1843; H. Collins, London, 1817, и Grace Warrack. 3^d ed. Lond., 1909. См. Inge и *Dict. of Natl. Biog.*

«Лестница совершенства», написанная Вальтером Хилтоном, августинским каноником из Тергартона, Ноттингемшир (ум. в 1396)⁵³⁹, рассказывает о разных этапах духовного совершенствования, от простого знания религиозных фактов, подобного воде из Каны, которой предстоит превратиться в вино, до последних стадий созерцания и единения с Богом. Хилтон говорит, что нет никакого большого достижения в том, чтобы «бодрствовать и поститься до боли в голове, или отправиться в Рим или Иерусалим босиком, или строить церкви и госпитали». А достижение заключается в том, чтобы любить грешника и ненавидеть грех. Тех, кто не довольствуется спасением одной лишь своей души, но желает достичь более высокой степени созерцания, охватывает «благая тьма» — состояние, в котором душа свободна и ее не отвлекает ничто земное. Потом мало-помалу начинается появляться свет. Свет брезжит сквозь трещины в стенах Иерусалима, но Иерусалима не достичь одним прыжком. Необходимо преобразование, и силу для этого преобразования дает любовь, которую изливает в душу Бог. Любовь исходит из знания, и чем лучше мы знаем Бога, тем сильнее мы любим Его. Хилтон был знаменит. Ему приписывали авторство «Подражания» Фомы Кемпийского и включали эту работу в рукописи вместе с его *De musica ecclesiastica*⁵⁴⁰.

Все эти произведения, за исключением Ролла, отличаются той здравостью рассуждений, которая вообще характерна для английского мышления. В них нет тумана мистических недомолвок и порывов страстного чувства. В них подчеркиваются темы, общие для всех мистиков позднего Средневековья, — постепенное преобразование силой любви в образ Божий и восшествие, посредством внутреннего созерцания, к полноте общения с Ним. Они показывают, что на английской стороне Ла-Манша принципы подражания Христу понимались не хуже, чем в Нидерландах, и что для достижения подлинного благочестия недостаточно просто выполнять обряды, связанные с таинствами.

Однако английские мистики были изолированы, и они, насколько нам известно, не оказали влияния на подготовку почвы для грядущей Реформации, в отличие от мистиков с Рейна⁵⁴¹.

⁵³⁹ «Лестница» написана на английском; брат-кармелит Томас Фислейв перевел ее на латынь. Есть также мнение, что Хилтон умер в 1433 г.

⁵⁴⁰ «Лестница совершенства» была напечатана в 1494, 1506 г. и в недавнее время (R. E. Guy, London, 1869, и J. B. Dalgairns, London, 1870). См. Inge, pp. 81-124; Montmorency, *Thomas a Kempis*, etc., pp. 138-174; и *Dict. of Natl. Biog.*, XXVI. 435 sqq.

⁵⁴¹ Хотя Montmorency (p. 69) и делает замечание, которое, как я понимаю, не находит подтверждения в произведениях английских деятелей Реформации: «В английском мистическом движении, от которого сохранилось много рукописных трудов, мы находим истоки лоллардизма и Реформации в Англии».

ГЛАВА V

РЕФОРМАТОРЫ ДО РЕФОРМАЦИИ

§38. Источники и литература

- К §39. ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО В АНГЛИИ И Т. Д. — THOMAS WALSHINGHAM: *Hist. Anglicana*, ed. RILEY, Rolls Ser., London, 1869. — WALTER DE HEIMBURGH: *Chronicon*, ed. HAMILTON, 2 vols., 1848 sq. — ADAM MERIMUTH: *Chronicon*, и ROBT. DE AVESBURY: *De gestis mirabilibus Edwardi III*, ed. THOMPSON, со вступлением, Rolls Ser., 1889. — *Chron. Angliae* (1326 — 1388), ed. THOMPSON, Rolls Ser., 1874. — HENRY KNIGHTON: *Chronicon*, ed. LUMBY, Rolls Ser., 2 vols., 1895. — RANULPH HIGDEN (ум. до 1400): *Polychronicon*, перевод — TREVISA, Rolls Ser., 9 vols., 1865 — 1886. — THOS. RYMER (ум. в 1713): *Foedera, Conventiones et Litera*, London, 1704 — 1715. — WILKINS: *Concilia*. — W. C. BLISS: *Calendar of Entries in the Papal Registers relating to G. Britain and Ireland*, vols. II-IV, London, 1897 — 1902. В vol. II освещены 1305 — 1342 г.; в vol. III — 1342 — 1362; vol. IV, 1362 — 1404. Очень ценный труд. — GEE и HARDY: *Documents*, etc. — HADDAN и STUBBS: *Councils and Eccles. Doc'ts*. — STUBBS: *Constit. Hist. of Engl.*, III. 294-387. — *The Hist. of Engl.*, LINGARD, bks. III, IV, и GREEN, bk. IV. — CAPE: *The Engl. Ch. in the 14th and 15th Centt.*, London, 1900. — HALLER: *Papsttum und Kirchenreform*, pp. 375-465. — JESSOPP: *The Coming of the Friars*. — CREIGHTON: *Hist. of Epidemics in England*. — GASQUET: *The Great Pestilence*, 1893. — RASHDALL и другие: *Hist. of Oxford and Cambridge*. — *The Dict. of Nat. Biog.* — Также THOS. FULLER: *Hist. of Gr. Brit.*, общие суждения и меткие высказывания. — LOSERTH: *Studien zur Kirchenpolitik Englands im 14 Jahrh.* в *Sitzungsberichte d. kaiserl. Akademie d. Wissenschaften in Wien*, Vienna, 1897. — G. KRIEHN: *Studies in the Sources of the Social Revol. of 1381*, «Am. Hist. Rev.», Jan.-Oct., 1902. — C. OMAN: *The Great Revolt in 1381*, Oxford, 1906. — TRAILL: *Social Engl.*, vol. II, London, 1894. — ROGERS: *Six Centt. of Work and Wages*. — CUNNINGHAM: *Growth of Engl. Industry*.
- К §40-42. Джон Виклиф. — I. Публикации трудов Виклифа почти все относятся к последней четверти века, они начинаются с создания Виклифского общества (1882), возникшего благодаря призывам немецких исследователей. В 1858 г. Shirley (*Fasc.*, p. xlvii) мог писать: «Из английских произведений Виклифа свет увидели только два коротких трактата», а в 1883 г. Лозерт говорил о его трактатах как о «рассыпающихся в пыль». Рукописи в основном присутствуют в библиотеках Оксфорда, Праги и Вены. *Dialogus* был опубликован в Базеле (1525), а *Wycliffe's Wycket*, на англ. яз., — в Нюрнберге (1546). Репринт — в Оксфорде (1828). — Латинские произведения изданы Виклифским обществом, организованным в 1882 г., в ответ на обращение Будденсига из академии 17 сентября 1881 г. (31 vols., London, 1884 — 1907). — *De officia pastorli*, ed. LECHLER, Leipzig, 1863. — *Dialogus*, ed. LECHLER, Oxford, 1869. — *De veritate sac. Scripturae*, ed. RUDOLF BUDDENSIEG, 3 vols., Leipzig, 1904. — *De potestate papae*, ed. LOSERTH, London, 1907. — Английские труды: *Three Treatises*, J. WYCLFFE, ed. J. H. TODD, Dublin, 1851. — **Select Engl. Works*, ed. THOS. ARNOLD, 3 vols., Oxford, 1869 — 1871. — **Engl. Works Hitherto Unprinted*, ed. F. D. MATTHEW, London, 1880, с ценным вступлением. — *Перевод Библии Виклифа, ed. FORSHALL и MADDEN, 4 vols., Oxford, 1850. — Новый Завет, со вступлением и глоссарием, W. W. СКАЕТ, Cambridge, 1879. — Перевод Иова, Псалмов, Притчей, Екклесиаста и Песни песней (Cambridge, 1881). — Список произведений Виклифа см. в W. W. SHIRLEY: *Cat. of the Works of J. W.*, Oxford, 1865. Он перечисляет 96 латинских и 65 английских произведений. Также LECHLER, его *Life of Wiclif*, II. 559-573, англ. перев., pp. 483-498. — Также список Rashdall в *Dict. of Nat. Biog.*

II. *Биографические труды.* — THOMAS NETTER из Вальдена, кармелит (ум. в 1430): *Fasciculi zizaniorum Magistri Joh. Wyclif cum tritico* («Множество плевелов от Д. Виклифа вместе с пшеницей»), обязательный сборник документов и рассказов, ed. SHIRLEY, с ценным вступлением, Rolls Ser., London, 1858. — Также *Doctrinale fidei christianae Adv. Wicleffitas et Hussitas in his Opera*, Paris, 1532, лучшее издание, 3 vols., Venice, 1757. Вальден не видел в монахах никаких недостатков и был полной противоположностью Виклифа. Он принимал участие в Пизанском соборе, был настоятелем своего ордена в Англии и исповедником Генриха V. — Современные труды, приведенные выше: *Chron. Angliae, Walsingham, Knighton*, etc. — *England in the Time of Wycliffe*, перевод и репринты, Dept. of Hist. Univ. of Pa., 1895. — JOHN FOXE: *Book of Martyrs*, London, 1632, etc. — JOHN LEWIS: *Hist. of the Life and Sufferings of J. W.*, Oxford, 1720, etc., и 1820. — R. VAUGHAN: *Life and Opinions of J. de Wycliffe*, 2 vols., London, 1828, 2^d ed., 1831. — V. LECHLER: *J. von Wiclif und die Vorgesch. der Reformation*, 2 vols., Leipzig, 1873. — *АНГЛ. перев., *J. W. and his Engl. Precursors*, с ценными примечаниями, PETER LORIMER, 2 vols., London, 1878, новое издание, 1 vol., 1881, 1884. — *R. BUDDENSIEG: *J. Wiclif und seine Zeit*, Gotha, 1883. Также *J. W. as Patriot and Reformer*, London, 1884. — E. S. HOLT: *J. de W., the First Reformer, and what he did for England*, London, 1884. — V. VATTIER: *J. W., sa vie, ses oeuvres et sa doctrine*, Paris, 1886. — *J. LOSERTH: *Hus und Wiclif*, Prag and Leipzig, 1883, англ. перев., London, 1884. Также *W.'s Lehre v. wahren u. falschem Papsttum*, в *Hist. Zeitschrift*, 1907, p. 237 sqq. — L. SERGEANT: *John Wyclif*, New York, 1893. — H. B. WORKMAN: *The Age of Wyclif*, London, 1901. — GEO. S. INNES: *J. W., Cin'ti.* — J. C. CARRICK: *Wyc. and the Lollards*, London, 1908. — C. BIGG, в *Wayside Sketches in Eccles. Hist.*, London, 1906. — Другие биографии см. в SHIRLEY: *Fasciculus*, p. 531 sqq.

III. J. L. POOLE: *W. and Movements for Reform*, London, 1889, и *W.'s Doctr. of Lordship in Illustr. of Med. Thought*, 1884. — WIEGAND: *De Eccles. notione quid Wiclif docuerit*, Leipzig, 1891. — *G. M. TREVELYAN: *Engl. In The Age Of W.*, London, 2^d ed., 1899. — POWELL и TREVELYAN: *The Peasants' Rising and the Lollards*, London, 1899. — H. FÜRSTENAU: *J. von W.'s Lehren v. d. Stellung d. weltl. Gewalt*, Berlin, 1900. — HADDAN и STUBBS: *Councils and Eccles. Docts.* — GEE и HARDY. — STUBBS: *Constit. Hist.*, III. 314-374. — Истории CAPES, GREEN и LINGARD, vol. IV. — *The Hist. of the Engl. Bible*, EADIE, WESTSCOTT, MOULTON, STOUGHTON, MOMBERT, etc. — MATTHEW: *Authorship of the Wycliffite Bible*, Engl. Hist. Rev., January, 1895. — GASQUET: *The Eve of the Reformation*, новое издание, London, 1905; *The Old Engl. Bible and Other Essays*, London, 1908. — R. S. STORRS: *J. Wyc. and the First Engl. Bible in Sermons and Addresses*, Boston, 1902. Красноречивое обращение, сделанное в Нью-Йорке в связи с 500-летием появления Нового Завета Виклифа. — RASHDALL в *Dict. of Natl. Biog.*, LXIII. 202-223. — G. S. INNIS: *Wycliffe*, Cinti.

К §43. Лолларды. — Упомянутые выше труды: KNIGHTON, WALSHINGHAM, RYMER, *Foedera, Chron. Angliae*, WALDEN, *Fasc. ziz.*, FOXE, *Book of Martyrs*. Также ADAM USK: *Chronicle*. — THOS. WRIGHT: *Polit. Poems and Songs*, Rolls Ser., 2 vols., London, 1859. — FREDERICQ: *Corp. inquis. Neerl.*, vols. I — III. — REGINALD PECOCK: *The Repressor of overmuch Blaming of the Clergy*, ed. BABINGTON, Rolls Ser., 2 vols., London, 1860. — *The Hist. of Engl. and the Church of Engl.* — A. M. BROWN: *Leaders of the Lollards*, London, 1848. — W. H. SUMMERS: *Our Lollard Ancestors*, London, 1904. — *JAMES GAIRDNER: *Lollardy and the Reform. in Engl.*, 2 vols., London, 1908. — E. P. CHEYNEY: *The Recantations of the Early Lollards*, Am. Hist. Rev., April, 1899. — H. S. CRONIN: *The Twelve Conclusions of the Lollards*, Engl. Hist. Rev., April, 1907. — Ст. *Lollarden* (BUDDENSIEG) в HERZOG, XI. 615-626. — Труды TREVELYAN и FORSHALL и MADDEN, упомянутые выше, и *Oldcastle*, vol. XLII. 86-93, и др. статьи в *Dict. of Nat. Biog.*

К §44-46. Ян Гус. — *Hist. et monumenta J. Hus atque Hieronymi Pragensis, confessorum Christi*, 2 vols., Nürnberg, 1558, Frankfurt, 1715. Я пользовался франкфуртским изданием. — W. FLAJSHANS: *Mag. J. Hus Expositio Decalogi*, Prag, 1903; *De corpore Christi: De sanguine Christi*, Prag, 1904; *Sermones de sanctis*, Prag, 1908; *Super quatuor sententiarum*, etc. — *FRANCIS PALACKY: *Documenta Mag. J. Hus, vitam, doctrinam, causam in Constantiensi actam consilio illustrantia, 1403 — 1418*, pp. 768, Prag, 1869. В основном из неопубликованных источников. Содержит рассказ Петра из Младеновича, который был с Гусом в Констанце. — К. J. ERVEN (архивариус из Праги): *Mistra Jana Husi sebrané spisy Ceske*. Сборник богемских произведений Гуса, 3 vols., Prag, 1865 — 1868. — Перевод посланий Гуса, первое издание — LUTHER, Wittenberg, 1536 (четыре послания и рассказ Лютера о суде над Гусом и его смерти), переиздание — C. VON KÜGELGEN, Leipzig, 1902. — MACKEN-

ZIE: *Huss' Letters*, Edinburgh, 1846. — *H. B. WORKMAN и В. М. POPE: *Letters of J. Hus with Notes*. — Труды о соборе в Констанце см. в MANSI, vol. XXVIII, VAN DER HARDT, FINKE, RICHENTAL и т. д., см. §12. — С. VON HÖFLER: *Geschichtsschreiber der hussitischen Bewegung*, 3 vols., Vienna, 1856 — 1866. Содержит рассказ Младеновича и другие документы той эпохи. — *PALACKY, потомок богемских братьев (ум. в 1876): *Geschichte von Böhmen*, Prag, 1836 sqq., 3^d ed., 5 vols., 1864 sqq. Vol. III первого издания был сокращен в Вене цензором прессы (должность, которая существовала до 1848 г.), так как там Гус был представлен в истинном свете. Однако он произвел такое впечатление, что барону Хелфтерту было поручено написать ответ, который появился в Праге (1867, 287 стр.). В 1870 г. Палаки опубликовал второе издание третьего тома, включившее в себя все изъятые места. — PALACKY: *Die Vorläufer des Hussitentums in Böhmen*, Prag, 1869. — L. KÖHLER: *J. Hus u. s. Zeit*, 3 vols., Leipzig, 1846. — Е. Н. GILLET, проф. Нью-Йоркского университета (ум. в Нью-Йорке, 1876): *Life and Times of J. Huss*, 2 vols., Boston, 1863, 3^d ed., 1871. — W. BERGER: *J. Hus u. König Sigismund*, Augsburg, 1871. — BONNECHOSE: *J. Hus u. das Concil zu Kostnitz*, нем. перев., 3^d ed., Leipzig, 1870. — F. v. BEZOLD: *Zur Gesch. d. Hussitentums*, Munich, 1874. — E. DENIS: *Huss et la guerre des Hussites*, Paris, 1878. — А. Н. WRATISLAW: *J. Hus*, London, 1882. — *J. LOSERTH: *Wiclif and Hus*, также *Beiträge zur Gesch. der Hussit. Bewegung*, 5 небольших томов, 1877 — 1895, репринт с журналов. Также вступление к его изданию *De ecclesia Виклифа*. Также статья *J. Huss* в HERZOG, Encyc., VIII. 473-489. — LECHLER: *J. Hus*, Leipzig, 1890. — *J. H. WYLIE: *The Counc. of Constance to the Death of J. Hus*, London, 1900. — *H. B. WORKMAN: *The Dawn of the Reformation, The Age of Hus*, London, 1902. — LEA: *Hist. of the Inquis.*, II. 431-566. — HEFELE, vol. VII. — *J. B. SCHWAB: *J. Gerson*, pp. 527-609. — TSCHACKERT: *Von Ailli*, pp. 218-235. — W. FABER и J. KURTH: *Wie sah Hus aus?*, Berlin, 1907. — Также *J. Huss*, автор LÜTZOW, N. Y., 1909, и KUHR, Cinti.

К §47. ГУСИТЫ. — MANSI, XXVII, XXIX. — HALLER: *Concil. Basiliense*. — BEZOLD: *König Sigismund und d. Reichskriege gegen d. Husiten*, 3 vols., Munich, 1872 — 1877. — *JAROSLAV GOLL: *Quellen und Untersuchungen zur Gesch. der Böhmisches Brüder*, 2 vols., Prag, 1878 — 1882. — *L. KELLER: *Die Reformation und die älteren Reformparteien*, Leipzig, 1885. — W. PREGER: *Ueber das Verhältniss der Taboriten zu den Waldesiern des 14ten Jahrh.*, 1887. — HAUPT: *Waldenserthum und Inquisition im südöstlichen, Deutschland*, Freiburg i. Br., 1890. — H. HERRE: *Die Hussitenverhandlungen, 1429, в Quellen u. Forschungen d. Hist. Inst. von Rom*, 1899. — *E. MÜLLER: *Böhm. Brüder*, HERZOG, III. 445-467. — E. DE SCHWEINITZ: *The Hist. of the Church known as the Unitas Fratrum*, Bethlehem, 1885. — Также HERGENRÖTHER-KIRSCH: *Kirchengesch.*, II. 886-903.

§39. Церковь в Англии в XIV веке

В Англии XIV века наблюдались такие большие общественные перемены, каких не было ни в одном другом столетии, кроме XIX. Эти перемены в значительной части были вызваны Столетней войной с Францией, которая началась в 1337 г., и ужасным опустошением от «черной смерти». В этом веке английский язык был официально признан государственным и возросло уважение к парламенту, на заседаниях которого требовали права голоса представители богатого бюргерского класса и который окончательно поделился на две палаты в 1341 г. Общественные беспокойства в стране проявились в форме народных речей, стихов и трактатов, заявлявших о правах простонародья и крестьян, а также в восстании, получившем название крестьянского бунта.

Отличительными чертами религиозной жизни Англии в тот период были упорное сопротивление папским притязаниям на юрисдикцию, кульминацией которого стали акт о назначении на бенефиции (Act of Provisors) и появление Джона Виклифа, одного из самых оригинальных и влиятельных представителей Английской церкви.

Промышленную революцию на острове ускорила великая чума 1348 г. Стоимость необходимых для жизни вещей очень сильно выросла. Большие участки земли перешли от мелких помещиков к крупным землевладельцам. Современ-

ник писал, что овцы и крупный рогатый скот «бродили по полям и среди зерна и некому было прогнать их». У крепостных в период общественных беспорядков возникла возможность бежать из рабства. Странствуя или занимаясь независимыми ремеслами, они наслаждались обретенной свободой. Беспорядками были вызваны к жизни знаменитые законы Эдуарда III (1327 — 1377), регулировавшие заработную плату и цены на предметы первой необходимости.

Недовольство народа этими законами и ростом налогов из-за войн с Францией приняло форму организованного восстания. Век феодализма заканчивался. Старые представления о труде и земледелии уступали место более справедливым порядкам. Среди возмутителей спокойствия был Джон Болл, которого Фруассар, с характерным для него аристократическим равнодушием, называет «безумным священником из Кента», поэт Лонгленд и вождь инсургентов (повстанцев) Уот Тайлер. В своих речах Болл воодушевлял народ, говоря о природных правах человека. По какому праву, вопрошал он, «те, кто называет себя лордами, стоят выше нас?! На каком основании они делают нас своими вассалами? Разве все мы не произошли от одного отца и одной матери, Адама и Евы?»⁵⁴².

В стихах Уилла Лонгленда (в его «Жалобе Петра Пахаря») говорилось о страданиях и потребностях труженика. Автор призывал к справедливому отношению, какого брат вправе ожидать от брата. Перед лицом вечности джентльмена и простолюдина ждет одна и та же судьба. «Хотя он подчинен тебе, — писал поэт, — может быть, на небесах он получит более достойное место и больше блаженства, чем ты». Росту чувства национального самосознания и индивидуальной свободы способствовали: победа при Креси, где маленькие железные ядра, использованные впервые, пугали лошадей (1346), договор в Бретиньи, благодаря которому Эдуард получил во владение большие территории во Франции (1360), и подвиги Черного Принца⁵⁴³. Сильное впечатление произвел победный парад, когда французского короля Иоанна {II Доброго} провозвели по улицам Лондона в качестве пленника. Эти события, а также узаконивание английского языка (1362)⁵⁴⁴ внесли вклад в развитие национальных и патриотических настроений, ранее неведомых в Англии.

Восстание, разразившееся в 1381 г., стало мощным подтверждением народного требования покончить с социальным неравенством между классами в Англии. Отряды повстанцев, которые шли на Лондон, были успокоены обещаниями Ричарда II, но кентский отряд, возглавляемый Уотом Тайлером, перед тем, как рассеяться, взял Тауэр и казнил примаса Садбери (он отказался отменить ненавистный налог на обезглавливание). Аббатства Сент-Албан и Эдмондсбери были разграблены, монахи подверглись жестокому обращению, но эти акты насилия были незначительными в сравнении с долгосрочным значением восстания, спо-

⁵⁴² Духом индивидуальной свободы проникнуты строки стиха, который распространялся как лесной пожар:

*When Adam delved and Eva span
Who was then the gentleman?
(Кто был джентльменом
Когда Адам копался в земле, а Ева пряла?)*

⁵⁴³ {Эдвард Черный Принц, сын Эдуарда III, прославившийся военными победами. Считается, что он получил свое прозвище по цвету доспехов, однако это объяснение было выдвинуто лишь в XVI веке.}

⁵⁴⁴ Мандевиль в 1356 г. описал свои путешествия по-французски, а потом перевел на английский, чтобы все представители народа могли его понять. Тревиза, писавший в 1387 г., говорит, что все общеобразовательные школы и английские дети «отказываются от французского и учат английский».

собствовавшего общественному и промышленному процветанию английского народа. Восставшие требовали, чтобы на потребности клира была выделена лишь разумная доля земель и благ, а остатки церковных владений были распределены между прихожанами, и чтобы во всей Англии был только один епископ. Это предполагало разрыв с Римом⁵⁴⁵.

Церковь не могла не ощутить последствия таких перемен. Ее богатство (а согласно подсчетам, ей принадлежала треть земельной собственности в королевстве), праздность и попрошайничество монахов повсеместно вызывали ропот и недовольство. Так как «черная смерть» унесла многих клириков, необходимы были экстренные меры для пополнения их рядов. Епископу Норвича было разрешено заменить умерших, рукоположив 60 молодых людей, не достигших канонического возраста. С ростом цен доходы обширного класса священников стали еще менее адекватными. Архиепископ Ислип Кентерберийский и другие прелаты признавали всеобщую обеспокоенность социальными проблемами в своих пастырских посланиях, однако не проявляли к ним должной симпатии, хотя и осуждали жадность клира. С другой стороны, Лонгленд писал об ухищрениях, к которым приходилось прибегать служителям, чтобы зарабатывать себе на жизнь или копить серебро, исполняя светские, а часто и лакейские роли при королевском дворе и в домах знати⁵⁴⁶.

Внутри английского народа началось движение за ограничение власти епископов, призывающее к большей духовности и эффективности работы клира. Епископы хотя и оставались могущественными, но были лишены части своего престижа решением парламента от 1370 г., согласно которому высшие государственные должности могли занимать только миряне. Первый канцлер-мирянин был назначен в 1340 г. Однако епископ оставался важным человеком, и горе тому приходу, который не подготавливался подобающим образом к его визиту и не звонил в колокола по его прибытии. Архиепископ Арундель, как остроумно замечает Фокс, «раздувал щеки и увольнял всех, кто не встречал его звоном колоколов». У каждой епархии была своя тюрьма, куда епископ сажал провинившихся клириков для покаяния или более серьезных наказаний.

Масса клира была малообразованной. Места в церквях и должности каноников, приносившие хороший доход, если не доставались иностранцам, то считались подходящей наградой для младших сыновей знатных семейств. Прелаты же, с другой стороны, жили в роскоши. Знаменитый епископ Винчестера Уильям Вайкхем держал пятьдесят собственных поместий. В самых крупных из них устраивались официальные резиденции, с холлом и часовней. Прелат перемещался из одного поместья в другое, собирая доходы от своих управителей, распределяя места, рукополагая священников и занимаясь прочими официальными делами. Многие низшие клирики происходили из простолюдинов, которое должно было просить разрешения, чтобы их дети могли ходить в школу. И в день рукоположения их освобождали от феодальной повинности.

Так называемые блага клира продолжали быть источником несправедливости по отношению к народу в целом. К середине XIII века притязания церкви на десятину распространялись не только на урожай с полей, но и на домашнюю

⁵⁴⁵ См. Kriehn, *Am. Hist. Rev.*, pp. 480, 483.

⁵⁴⁶

*Parson and parish priest pleynd to the bishop,
That their parishes were pore sith the pestilence tym,
To have a license and a leve at London to dwelle
And syngen there for symonye, for silver is swete.*

птицу и скот, на улов рыбы и лесную дичь. Священнику почти неизменно оставляли в завещаниях «лучшее животное» или «лучшее из движимого имущества». Церковь получала и не отдавала. Несмотря на акт «мертвой руки» (Mortmain Act), препятствовавший выводу недвижимости из системы государственного налогообложения, в пользу церкви продолжали делать завещания. Однако вместе с тем утвердилось и взимание гражданских налогов с имущества церкви и клира, и епископы, добровольно или по принуждению, одалживали деньги королю. Война с Францией сделала такие налоги обязательными.

Свободно раздавались индульгенции с целью строительства церквей (как в случае с Йоркским собором, 1396), сооружения мостов, мощения дорог и других общественных улучшений. Хотя клиру и было отказано в праве играть в шары и даже в шахматы, служители принимали участие в сельских развлечениях — таких как праздник церковного пива, напоминавшего средневековый день пожертвований, когда все веселились, варили пиво и пили его за здоровье священника и благополучие церкви. Что касается морального облика клира, то мы не должны делать поспешных выводов на основании осуждений его греховности, которые часто грешат преувеличениями. Как бы то ни было, мы уверены, что celibat не был повсеместным требованием, и часто мы находим упоминания о назначении незаконнорожденных клириков. Епископ Квевил из Эксетера жаловался, что женатые священники дают деньги в рост с целью обеспечения своих жен и детей. В последующий период, в 1452 г., Де ла Бэр, епископ Сент-Дэвида, по его собственным словам, ежегодно получал от священников 400 марок за право иметь наложниц — по ноблю (равному одной марке) с каждого⁵⁴⁷. Гоувер в своем *Vox clamantis* мрачными красками описывает привычки клириков и обвиняет их в таких пороках, которые сейчас и упоминаются редко. Церковный историк Кейпс приходит к выводу, что «безнравственность и равнодушие были широко распространены среди клира»⁵⁴⁸. Упадок дисциплины среди братьев и их грубые манеры, отличительная черта времени, вызвали к жизни строгую критику Фитцральфа из Армага, суровое осуждение Виклифа и остроумный сарказм Чосера. Жажда знаний, отличавшая их в начале XIII века, когда они только прибыли в Англию, сменилась самодовольной леностью. Фитцральф, бывший другом Бэллиола и, вероятно, канцлером Оксфордского университета до того, как стал епископом, навлек на себя враждебность монахов, прочитав ряд проповедей против францисканской теории евангельской бедности. Он утверждал, что эта теория не соответствует Писанию и обычаям изначальной церкви. За такую дерзость ему пришлось держать ответ перед Авиньоном, где он, похоже, и умер около 1360 г.⁵⁴⁹ Лонгленд писал о четырех нищенствующих орденах, францисканцах, доминиканцах, кармелитах и августинцах, что они «проповедовали людям ради выгоды, представляли Евангелие так, как им нравилось, из алчности толкуя его по своему усмотрению».

⁵⁴⁷ Gascoigne, цит. в Gairdner: *Lollardy and the Reform.*, I. 262.

⁵⁴⁸ I, p. 253.

⁵⁴⁹ Его *Defensio curatorum contra eos qui privilegatos se dicunt* напечатана в Goldast, II. 466 sqq. См. R. L. Poole, ст. *Fitzralph* в *Dict. of Nat. Biog.*, XIX. 194-198. Четыре книги *De pauperie salvatoris* Фитцральфа были впервые напечатаны Пулом в его издании *De dominio* Виклифа (pp. 257-477). Касательно количества книг Фитцральф утверждает, что в каждом английском монастыре была большая библиотека. С другой стороны, Р. де Бери, автор *Philobiblion*, обвиняет монахов в том, что они утратили интерес к книгам.

Из церковных деятелей этого столетия, за исключением Виклифа, вероятно, самыми заметными были Томас Брадуардин и Уильям Вайкхем, первый — представитель схоластов, а второй — церковной власти. Брадуардин, богослов, философ, математик и астроном, учился в Мертонском колледже, Оксфорд (1325). В Авиньоне, куда он прибыл для посвящения в сан архиепископа Кентерберийского (1349), ему пришлось вытерпеть насмешки. Во время пира, который давал Климент VI, двери распахнулись и в зал въехал клоун на осле, который смиренно попросил у понтифика сделать его архиепископом Кентерберийским. Это оскорбление, задуманное племянником Климента Гуго, кардиналом Туделы, и другими членами курии, напоминало о словах папы, что, если английский король попросит его назначить епископом осла, он не осмелится отказаться. Шутка в дурном свете представляет идеалы курии, но в то же время свидетельствует, что светские власти Англии пытались контролировать назначение на церковные должности. Брадуардин пользовался такой завидной репутацией, что Виклиф и другие современники-англичане называли его «глубоким доктором» (*doctor profundus*)⁵⁵⁰. В своем главном труде о благодати и свободе воли, в виде серии лекций, прочитанных в Мертоне, он заявлял, что церковь следует по стопам Пелагия⁵⁵¹. В философских школах он редко слышал что-либо о благодати, зато там постоянно утверждалось, что мы — *хозяева своей воли*. Он был детерминистом. По его убеждению, все происходящее случается, потому что это необходимо Первопричине. В «Рассказе монастырского капеллана», касаясь божественного предопределения, Чосер замечает:

*До корня не могу я докопаться
И в сложности вопроса разобраться,
Как сделал то блаженный Августин,
Или Бозций, или Бродвардин,
Чтобы решить, предвиденье Господне
Предуказует ли нам и сегодня
Свершить, что Им предопределено,
Иль человеку все ж разрешено
И не свершать того, что Божий разум
Предусмотрел, но не скрепил наказом...*⁵⁵²

Вайкхем (1324 — 1404), образец мирского и аристократического прелата, был беззастенчивым совмстителем должностей. Говорят, что его епархия в Винчестере приносила ему ежегодно 60 тыс. фунтов стерлингов в современных деньгах. Только в 1361 г. он получил пребенды в соборе Св. Павла, Херефорде, Солсбери, Сент-Дэвиде, Беверли, Бромиярде, Вервелл-Абергвилли и в Лланддеви-Бреви, а в следующем году — в Линкольне, Йорке, Уэльсе и Гастингсе. В течение какого-то времени он занимал пост канцлера, но потом впал в немилость. Его память хранят Винчестерская школа и Новый колледж в Оксфорде, которые он основал. В прекрасно организованном Новом колледже, первый камень которого был заложен в 1387 г., могло обучаться 100 человек. Эти дары ставят Вайкхема в один ряд с ведущими покровителями образования в Англии, рядом с кардина-

⁵⁵⁰ Wyclif: *De verit. scr.*, I. 30, 109, etc.

⁵⁵¹ *De causa Dei contra Pelagium et de virtute causarum ad suos Mertinenses*, ed. Henry Saville, London, 1618. Другие труды см. в ст. (Seeberg) в Herzog, III. 350, и (Stephens) в *Dict. of Nat. Biog.*, VI. 188 sq. Также см. S. Hahn, *Thos. Bradwardinus, und seine Lehre von d. menschl. Willensfreiheit*, Münster, 1905.

⁵⁵² {Здесь и далее «Кентерберийские рассказы» в переводе И. Кашкина и О. Румера.}

лом Уолси. Он попал также в историю правил хорошего тона благодаря своему знаменитому высказыванию: «Манеры делают человека»⁵⁵³.

Борьба против притязаний Рима на имущество Английской церкви, характерная для предыдущего периода, продолжалась и сейчас. Матфей Парис⁵⁵⁴ жаловался, что Английская церковь оказалась между двумя жерновами, королем и папой. Это положение сохранялось, с той только разницей, что влияние короля стало преобладать. В постановлениях парламента подчеркивалось право короля диктовать свою волю или накладывать вето в вопросе назначений на церковные должности и говорилось о его суверенной прерогативе облагать налогом церковное имущество. Явная поддержка, которую папа оказывал Франции, воевавшей с Англией, и скандалы в авиньонской резиденции благоприятствовали заявлениям короны о ее власти в данных вопросах. Виклиф часто жаловался, что папа и кардиналы находятся «в союзе с врагами Английского королевства»⁵⁵⁵, а в папских документах авиньонского периода, призывающих английского короля заключить мир с Францией, почти всегда содержатся условия, делающие Францию победительницей. В начале войны (1339) Эдуард III гордо сожалел о сердечной боли, причиняемой знанием о том, что французские войска отчасти содержатся на папские средства⁵⁵⁶.

Тремя самыми важными религиозными событиями в Англии между тем, как Иоанн уступил Иннокентию III свою корону, и законом о главенстве английского короля над церковью (Act of Supremacy) были парламентские акты о «мертвой руке» (Statute of Mortmain, 1279), о «назначенцах» (Statute of Provisors, 1351) и о сожжении еретиков (1401). Акт «мертвой руки» запрещал такое отчуждение земель, которое освобождало бы их владельцев от обязанностей вассальной службы или от уплаты налогов светским властям {была ограничена передача земли собственнику (церкви или корпорации), который не передавал ее по наследству, а держал практически вечно, уменьшая тем самым прежние доходы светской власти}. Акт о назначенцах, обновленный и расширенный актами о прерогативах (Statutes of Praemunire, 1353, 1390 и 1393), запрещавшими апеллировать к папской власти в делах, касающихся назначения на должности и распределения имущества Английской церкви. Этот старый предмет раздора в начале XIV века привел к появлению статута Карлайла (1307)⁵⁵⁷, запрещавшего иноземцам, посещающим религиозные обители Англии, принимать от них деньги для вывоза из страны, в том числе налоги и подати, налагаемые на религиозные организации иностранными учреждениями. В 1343 г. парламент адресовал папе призыв отменить все «резервации, назначения и очереди», которые, как там утверждалось, препятствовали улучшениям церкви и благотворительности. Парламент протестовал также против распределения английских приходов между иностранцами, мотивируя тем, что «некоторые из них — враги страны и не знают языка». Климент VI, отвечая на брове короля и парламента, объявил, что, устанавливая назначения и резервации, он делает это на благо церкви, и призвал Эдуарда вести себя как подобает католическому князю и не допускать, чтобы в его королевстве

⁵⁵³ См. ст. (Tait) в *Dict. of Nat. Biog.*, LXIII. 225-231.

⁵⁵⁴ *Rolls Series*, IV. 559.

⁵⁵⁵ *De eccles.*, p. 332.

⁵⁵⁶ *Walsingham, Hist. Angl.*, I. 200 sqq., также ответ (p. 208 sqq.). Папа Бенедикт в ответе Эдуарду засвидетельствовал свою абсолютную преданность французскому королю и выразил готовность отдать ему свою душу, если бы имел их две (цит. в *Loserth, Stud. zur Kirchenpol.*, p. 20).

⁵⁵⁷ *Gee and Hardy*, pp. 92-94.

творилось что-либо враждебное Римской церкви и церковной свободе. Эту свободу, говорил папа, Эдуард должен «защищать, ибо он ответит за нее на последнем суде». Свобода в данном случае означала свободное и беспрепятственное осуществление папой своих господских прав, на которые претендовали его предшественники начиная с Гильдебранда⁵⁵⁸. Томас Фуллер был близок к истине, когда, характеризуя папские назначения и резервации, писал: «Если освобождалось какое-нибудь место епископа, аббата или хороший приход (*aquila non capit muscas* — «орел не гоняется за мухами»), то папа, с выгодой для себя, назначал на это место преемника, удобного ему. При этом он игнорировал, когда ему было угодно, законно проведенные назначения в монастырях и должным образом поданные ему представления патронов».

Весьма показательный статут о назначениях запрещал папские назначения, резервации и все налоги на церковную собственность, идущие вразрез с обычаями Англии. Статут 1353 г. существенно урезал папскую власть, запретив апеллировать к иностранным судам в делах против английских патронов⁵⁵⁹.

Папа же обращал на эти законы внимание ровно настолько, насколько это было для него выгодно и целесообразно. Он не собирался отказываться от права на все бенефиции христианского мира, на которое претендовал один из его предшественников в булле *Cupientes*, и, когда было возможно, заботился о своих ненасытных кардиналах и других церковных деятелях, кормя их за счет английских приходов, чья тучность вошла в поговорку. В самом деле, Меримут приводит случаи таких назначений, а в папских книгах, напечатанных Блиссом, они так часты, что может возникнуть впечатление, будто понтифик специально старался, чтобы приходы Английской церкви доставались иностранцам. Я посчитал количество таких назначений, упоминаемых у Блисса. На одной странице четверо из девяти назначены папой. Раздел, занимающий две с половиной страницы, объявляет о «назначении каноников, с ожиданием пребенды», в следующие церкви: 7 в Линкольне, 5 в Солсбери, 2 в Чичестере, по одному — в Уэльсе, Йорке, Эксетере, Сент-Патрике, Дублине, Морее, Саутуэлле, Хаудене, Росссе, Абердине, Уилтоне⁵⁶⁰. В 1342 — 1385 г. место декана Йорка по очереди занимали три римских кардинала. В 1374 г. так были распределены должности казначея, настоятеля и двух архидиаконов Солсбери. В конце правления Эдуарда III иностранные кардиналы были настоятелями Йорка, Солсбери и Личфилда, а также Кентерберри (которые считались богатейшими из приходов Англии) и владели бесчисленным количеством пребенд. Епископы и аббаты вынуждены были проводить в Авиньоне целые месяцы и тратить много денег, чтобы добиться подтверждения своего назначения. Иногда выбранного прелата снимали со служения на том основании, что на его должность ранее уже был назначен кандидат. Что касается зарезервированных папой епархий, то Стаббс приводит следующий список, охватывающий лишь небольшой промежуток времени: Ворчестер, Херефорд, Дарем и Рочестер — 1317 г.; Линкольн и Винчестер — 1320 г.; Личфилд — 1322 г.; Винчестер — 1323 г.; Карлайл и Норвич — 1325 г.; Ворчестер, Эксетер и Хере-

⁵⁵⁸ Текст парламентского бреве и послания короля, написанного на французском, см. в Merimuth, p. 138 sqq., 153 sqq., ответ Климента — в Bliss, III, 9 sqq.

⁵⁵⁹ См. тексты этих актов в Gee and Hardy, 103 sqq., 112-123. О возобновлении этого акта в 1390 г. Фуллер образно говорит: «Он подрывал власть папы в стране. Некоторые предыдущие законы только обкорнали папе ногти, а этот обрубал ему пальцы».

⁵⁶⁰ II. 345; III. 54 sq. (пребенды соотносились с доходом, тогда как каноник — это была только должность).

форд — 1327 г.; Бат — 1329 г.; Дарем, Кентербери, Винчестер и Уорчестер — 1334 г. Полностью признавалась система совместительства. Так, Вальтер Лондонский, исповедник короля, по распоряжению папы был сделан деканом Уэльса, хотя, как сказано в папском бреве, он уже имел внушительное количество «бенефициев и пребенд» — в Линкольне, Солсбери, в Св. Павле, в Сен-Мартен-ле-Гран, в Лондоне, Бриджнорте, Гастингсе и Гарсвелле в епархии Солсбери⁵⁶¹. Перемещая епископов из одной епархии в другую, папа оказывал своим фаворитам услуги, которых не мог оказать иначе. Так, переместив в 1374 г. Садбери в Кентербери, папа смог перевести Куртене из Херефорда в Лондон, а Джилльберта — из Бангора в Херефорд и одновременно обогатиться за счет первых плодов четырех епархий.

Несмотря на принятые законы, папские сборщики налогов продолжали проныкать в Англию, однако менее открыто и уверенно, чем в два предыдущих века. В 1379 г. Урбан VI послал Космата Гентилия в качестве своего нунция и главного сборщика налогов с поручением ему и его помощникам собрать причитающиеся Риму платежи, в основном — лепту святого Петра⁵⁶². В 1375 г. Григорий XI призвал архиепископов Кентербери и Йорка собрать налог в 60 тыс. флоринов на защиту земель апостольского престола, от которого, однако, были освобождены английские бенефиции, принадлежавшие кардиналам. Летописец Меримут в примечательном параграфе, в котором он подводит итоги практике курии, кормившейся за счет английских епархий и церквей, подчеркивал упорство и хитрость, с которыми апостольский престол со времен Климента V вымогал золото и богатства у англичан, причисляя их к варварам. Иоанна XXII он представляет как распределявшего все хорошие приходы Англии. При Бенедикте XII положение было не таким плохим, но преемник Бенедикта, Климент VI, был самым бессовестным из пап. Он оставил себе или раздал членам курии самые прибыльные места в Англии. Враги Англии, продолжает Меримут, владели английскими доходами, и в Авиньоне говорили, что англичане несут возложенное на них бремя как смиренные ослы⁵⁶³. Этот расточительный француз угрожал Эдуарду III отлучением, а стране — интердиктом, если сопротивление его назначениям не прекратится и доходы от них не перестанут удерживаться от передачи папскому престолу. Папа умер в 1353 г., до того как успел выполнить свою гневную угрозу. Пока англичане завоевывали Францию силой оружия, итальянские и французские церковные деятели боролись за английские доходы.

В великом имени Виклифа, которое получило известность с 1366 г., патриотизм обрел полноту звучания. Говоря о правах властей в двух обширных тракта-

⁵⁶¹ Bliss, II. 521. Случаи выплаты больших сумм за папские назначения и от выбранных на церковные должности лиц приводятся в Merimuth, pp. 31, 57, 59, 60, 61, 71, 120, 124, 172, etc., Bliss и др. Merimuth (p. 67, etc.) постоянно упоминает о взятках в таких выражениях, как *causa pecunialiter cognita* и *non sine magna pecuniae quantitate*. Иногда папа отказывался от права назначения на должность — как Климент V в 1308 г. отказался от приходов, находившихся *in commendam* у кардинала Св. Сабины и оцененных в 1000 марок. См. Bliss, II. 48. О том, как два кардинала послали в Англию агентов для сбора доходов от своих епархий и как те были арестованы, см. Walsingham, I. 259.

⁵⁶² Bliss IV. 257.

⁵⁶³ *Inter curiales vertitur in proverbium quod Anglici sunt boni asini, omnia onera eis imposita et intolerabilia supportantes* (Merimuth, p. 175). К этому бременю, возложенному на Англию папским престолом, как и во времена Матфея Париса, прибавлялись бедствия, дожди и холода. Меримут рассказывает о великом наводнении 1339 г., когда дождь шел с октября по начало декабря, так что суша превратилась в море. Потом начались жестокие холода, и земля стала сплошным ледяным полем.

тах, Виклиф заявляет, что монарх имеет преимущество над церковью в светских делах на территории своих собственных владений, вплоть до права на захват ее имущества. В лице Виклифа церковь обрела лидера, по стойкости напоминающего Фому Бекета, однако Виклиф не опустился до того, чтобы из любви к своему сану унижать государство перед церковью. Он отражал волю народа, утверждая человеческий здравый смысл в церковной сфере и новозаветные принципы в области духа. Если бы он действовал не в одиночку, он мог бы подорвать папское влияние в Англии на два с лишним века раньше.

§40. Джон Виклиф

*Священник ехал с нами приходской,
Он добр был, беден, изнурен нуждой.
Его богатство — мысли и дела,
Направленные против лжи и зла.
Он человек был умный и ученый,
Борьбой житейской, знанием закаленный.
Он прихожан Евангелием учил
И праведной, простою жизнью жил...*

* * *

*Примером пастве жизнь его была:
В ней перед проповедью шли дела...*

* * *

*Я лучшего священника не знал.
Не ждал он почестей с наградой купно
И совестью не хвастал неподкупной;
Он слову Божью и святым делам
Учил, но прежде следовал им сам.⁵⁶⁴*

ЧОСЕР

Звание «реформаторов до Реформации» было заслуженно присвоено группе христиан, живших в XIV — XV веках и предвосхитивших многие учения Лютера и деятелей протестантской Реформации. Эти люди были одиночками и выделяются среди своих современников: Виклиф в Англии, Ян Гус в Богемии, Савонарола во Флоренции, Вессель, Гох и Везель в Северной Германии. Этих лиц скульптор представил в Вормсе на пьедестале памятника Реформации XVI века. За исключением морального реформатора Савонаролы, они выражали открыто несогласие с церковным обрядом и доктриной и этим отличаются от группы немецких мистиков, которые стремились к спокойному очищению жизни. Они отличаются также от группы церковных реформаторов: Д'Альи, Жерсона, Николы Клеманжа, которые признавали рамки канонического права и не шли дальше исправления злоупотреблений в области управления церковью и ее морали. Виклиф и его последователи были реформаторами доктрины. В некоторых отношениях их предвосхитил Марсилиус Падуанский и другие критики папства начала XIV века.

Джон Виклиф, называемый «утренней звездой Реформации», а к моменту его смерти — еще и «евангельским доктором»⁵⁶⁵, родился около 1324 г. возле селения Виклиф, Йоркшир, в епархии Дарема⁵⁶⁶. В его собственных произведениях

⁵⁶⁴ Этот текст обычно считается описанием Виклифа.

⁵⁶⁵ *Fasciculi*, p. 362.

⁵⁶⁶ Leland (*Itinerary*) относит рождение Виклифа к 1324 г. Будденсиг и Рашдел предпочитают 1330 г. Лиланд, наш основной авторитет в том, что касается места рождения, упоминает

почти ничего не сказано об обстоятельствах его жизни, и непосредственные его современники также мало упоминают о нем. Он был саксонского происхождения. Учился в Оксфорде, который состоял тогда из шести колледжей. Был студентом Баллиола и стал магистром этого колледжа в 1361 г. Он был также связан с Мертон-колледжем и Квин-колледжем и, возможно, был магистром Кентерберри-холла, основанного архиепископом Ислипом⁵⁶⁷. Он по очереди назначался в приходы Филлингем (1363), Ладгершалл (1368) и, по желанию короля, в Люттеруорт (1374). Доходность Люттеруорта оценивалась в 26 фунтов стерлингов в год.

Виклиф занимает выдающееся место как ученый из Оксфорда, патриот, сторонник богословских и практических реформ и переводчик Писания на английский язык. Папский раскол, случившийся в середине его общественной карьеры, оказал влияние на его представления о власти папы.

Насколько известно, до 1366 г. Виклиф ограничивался исполнением своих обязанностей в Оксфорде и своей работой в приходе. В 1366 г. он, как один из капелланов короля, выступил против высшей власти папства в церковных делах королевства. Парламент в тот же год отказал Урбану V в дани, обещанной королем Иоанном, которая не выплачивалась уже 33 года. По заявлению парламента, Иоанн не имел права давать обязательства иностранному правителю без согласия нации. Виклиф если и не принимал участия в заседаниях парламента, то был, без сомнения, тамошним советником⁵⁶⁸.

Летом 1374 г. Виклиф отправился в Бурж (Брюгге) как член королевской комиссии, которая должна была вести мирные переговоры с Францией и решить вопрос о назначении на церковные должности в Англии с папскими представителями. Его имя стоит вторым в списке членов комиссии, после епископа Бангора. В Бурже он впервые близко сошелся с Джоном Гонтским, любимым сыном Эдуарда. Это общение продолжалось несколько лет и в течение какого-то времени защищало Виклифа от нападок со стороны церкви⁵⁶⁹.

По возвращении в Англию он начал выступать как религиозный реформатор. Он проповедовал в Оксфорде и Лондоне против светской власти папы. Как пишет

Спресвел (Хипсвел) и Виклиф-он-Тиз (на расстоянии полумили друг от друга). Существует более двадцати разных вариантов написания имени Виклифа, в том числе Wiclif, принятое Лехлером, Лозертом, Будденсигом и немецкими учеными в целом; Wiclef, Wicliffe, Wicleff, Wycleff, Wycleffe — у Фокса, Милмана, Пула, Стаббса, Рэшделла, Бигга; Wyclif — у Шерли, Мэтью, Сержента, в «Виклифском обществе», в «Обществе древнеанглийских текстов» и т. д. Форма Wyclif встречается в приходской записи 1361 г., когда реформатор был ректором колледжа Баллиола. Древнейшее упоминание в официальном государственном документе, от 26 июля 1374 г., использует форму Wiclif. О месте рождения Виклифа см. Shirley, *Fasciculi*, p. x sqq.

⁵⁶⁷ Некий Виклиф упоминается в связи со всеми этими колледжами. Проблема в том, что могло существовать два Джона Виклифа. Некий Джон из Уайтклайва был ректором Мэйфила (1361), а позже — Хорстед-Кэйнса, где он умер в 1383 г. В 1365 г. Ислип писал из Мэйфила о назначении некоего Джона Виклива ректором Кентерберри-холла. Shirley (*Note on the two Wiclifs*, в *Fasciculi*, p. 513 sqq.) выступает в защиту мнения, что этот Виклиф был другим человеком; ему вторят Пул, Рэшделл и Сергент. Директор Уилкинсон из колледжа Мальборо (*Ch. Quart. Rev.*, октябрь 1877 г.) опровергает это мнение; Лехлер и Будденсиг, два ведущих немецких специалиста по жизни Виклифа, полагают, что существовал только один Виклиф, связанный с колледжами Оксфорда.

⁵⁶⁸ Так считает Лехлер, который приводит веские доводы в поддержку этого мнения. Лозерт, которому вторит Рэшделл, выдвигает возражения и говорит, что впервые Виклиф выступил в роли политического реформатора в 1376 г. (*Studien zur Kirchenpol.*, etc., pp. 1, 32, 35, 44, 60). Серьезная проблема, связанная с таким мнением, состоит в том, что в этом случае почти все произведения реформатора оказываются написанными за промежуток в 7 лет.

⁵⁶⁹ Джон Гонтский, герцог Ланкастера, был младшим братом Черного Принца. Принц, одержав победы во Франции, вернулся на родину и умер от неизлечимой болезни.

автор древней летописи, Виклиф метался из стороны в сторону, облаивая церковь⁵⁷⁰. Вскоре после этого в одном из своих трактатов он назвал Римского епископа антихристом, «гордым и мирским римским священником... самым проклятым из обрубавших монеты и обрезающих кошельки». Он заявлял, что папа «имеет не больше права связывать и разрешать, чем любой другой священник, и что светские лорды могут отбирать имущество клира, если посчитают необходимым». Герцог Ланкастерский, явный враг клира, возглавил движение за конфискацию церковного имущества. Петр Пахарь опирался на общественное мнение, когда восклицал: «Забери у нее земли, Господь, и пусть она живет на десятину». «Добрый парламент» 1376 г., в решения которого Виклиф внес вклад и устно, и письменно, признал справедливыми повсеместные жалобы на иерархию.

Поведение оксфордского профессора стало столь вызывающим, что его должны были осадить. В 1377 г. он был призван к суду Уильямом Куртене, Лондонским епископом, в собор Св. Павла, и слушание дела началось с ожесточенного спора между епископом и герцогом. Они спорили о том, может ли Виклиф сесть или должен быть судим стоя. Перси, лорд-маршал Англии, велел ему сесть, но епископ объявил, что это неслыханное проявление неуважения к суду. Тогда Ланкастер, присутствовавший при этом, поклялся сокрушить гордость Куртене и гордость всех прелатов Англии. «Уж сделайте все от вас зависящее, сэр», — едко отвечал епископ, сын герцога Девонширского. Разгорелась общая перепалка, в которой Ланкастер защищал Виклифа.

Сам папа Григорий XI обратил внимание на нарушителя спокойствия в документе, осуждающем девятнадцать положений из его трудов как ошибочные и опасные для церкви и государства. Фактически, папа выпустил серию из не менее чем пяти булл, обращенных к архиепископу Кентерберийскому, епископу Лондонскому, к Оксфордскому университету и королю Эдуарду III. Обращение к архиепископу Садбери начиналось с лестного восхваления бывшего славного благочестия Англии и ее знаменитых вождей церкви, защитников ортодоксальной веры, наставлявших не только собственный, но и другие народы по части исполнения заповедей Господних. Однако до его слуха дошло, что настоятель Люттерурта впал в такое безумие, что отваживается публично провозглашать ложные положения, угрожающие стабильности всей церкви. Поэтому Его Святейшество призывает архиепископа посадить Джона в темницу и держать в цепях, пока папский суд не вынесет ему окончательного приговора⁵⁷¹. Представляется, что вице-канцлер Оксфорда по меньшей мере сделал вид, что повинует папскому приказу и отправил доктора-еретика в Блэк-холл, но заключение было чисто номинальным.

К счастью, папа Григорий, приказавший заковать Виклифа в цепи и посадить в темницу, был не в силах заковать в цепи саму истину и остановить развитие мысли. В послании к канцлеру Оксфорда Григорий писал, что Виклиф извергает из смрадных подземелий своего сердца самые греховодные и предосудительные ереси, надеясь осквернить ими верующих и увлечь в пропасть гибели, низвергнуть церковь и низложить светскую власть. Нарушитель спокойствия был причислен к одному разряду с такими видными «еретиками», как Марсилиус Падунский и Жан Жанден⁵⁷².

⁵⁷⁰ *Chron. Angl.*, p. 115 sq.

⁵⁷¹ Gee and Hardy, p. 105 sqq.

⁵⁷² *Fasc.*, pp. 242-244.

В Ламбете собрался суд архиепископа, но еще до того, как было названо имя обвиняемого, пришло послание от вдовы Черного Принца, которая приказывала остановить слушание, а лондонские жители физически прекратили его, ворвавшись в зал. В Оксфорде учителя богословия объявили девятнадцать осужденных папой положений истинными, хотя они и звучат непривычно для слуха. Несколько недель спустя, в марте 1378 г., Григорий умер и начался папский раскол. О яростных буллах Григория больше не вспоминали. Помимо прочего, среди девятнадцати осужденных положений были утверждения, что последователи Христа не имеют права вымогать светское имущество посредством церковных поборов, что папские и священнические анафемы не имеют силы, если они противоречат закону Христа, что король может отнимать у церкви светские блага, если на то есть веские основания, и даже что миряне могут законным образом потребовать отставки папы.

На 1378 г. приходится явное начало деятельности Виклифа как реформатора доктрины. Он отстаивал права англичан против покушений извне. Теперь он стал критиковать, в ряде пунктов, богословскую структуру, которую так старательно взлелеяли схоласты и средневековые папы, а также злоупотребления, проникшие в церковь. Одного факта, что христианский мир расколот между двумя папскими дворами, каждый из которых объявляет анафему другому, было достаточно, чтобы подорвать веру в божественное происхождение папства. В проповедях, трактатах и более крупных произведениях Виклиф аргументировал к Писанию и здравому смыслу. Его перо было острым, как дамаский клинок. Он без колебаний использовал иронию и оскорбления, которыми владел мастерски. Прямота и уместность его призывов делали их понятными народу. Он писал не только на латыни, но и на английском. Он обладал такими же твердыми убеждениями и такой же страстной верой, как Лютер, но, с одной стороны, стиль Виклифа не отличается такой образной живостью и сердечной теплотой, как у великого немецкого реформатора, а с другой, лишен его неподобающей грубости. Как Лютер — самый выдающийся автор трактатов, которого породила Германия, так и Виклиф — непревзойденный религиозный памфлетист Англии. Принимая в расчет содержание и целевую аудиторию, его ясные и едкие выпады можно противопоставить ученым и тщательно разработанным трактатам представителей оксфордского движения, возглавляемого Пьюзи, Кеблом и Ньюменом. Если первые зывали к совести, то вторые — к эстетическому вкусу. Первые стремились сокрушить претензии священников, а вторые — выпестовать их.

Но реформатор XIV века был не просто ученым и публицистом. Как и для Джона Весли, для него была характерна практическая направленность, и, как Весли, он пытался заново возвестить Англии чистое Евангелие. В противовес влиянию монахов, которое Виклиф начал критиковать после возвращения из Буржа, он решил подготовить и отправить на служение группу странствующих евангелистов-благовестников. Эти «бедные священники» (*pore priests*), как их называли, были набраны из числа выпускников Оксфорда. Похоже, среди них были и миряне. Мы ничего не знаем ни об их количестве, ни о тех правилах, которыми они руководствовались. Движение началось около 1380 г., и оно, с одной стороны, роднит Виклифа с Геертом Гроотом, а с другой — с Весли и с соотечественником Виклифа более позднего времени, генералом Бутом из Армии спасения.

Хотя эта идея благовестия не привела к созданию постоянной организации, появление «бедных священников» стало сенсацией. Согласно древнему летопис-

цу, вокруг Виклифа в Оксфорде собралось много учеников. Одетые в длинные красновато-коричневые мантии одного образца, они «ходили пешком, распространяя заблуждения своего учителя народу и публично излагая их в проповедях»⁵⁷³. Епископ Куртене назвал их «странствующими проповедниками без разрешения, которые публично учат ошибочным и даже еретическим положениям не только в церквях, но и на площадях и в других мирских местах. Они делают это под личиной великой святости, но без какого бы то ни было позволения от епископа или папы».

В 1381 г., за год до того, как Куртене произнес свои памятные слова, Вальден сообщает, что Виклиф «начал высказываться о таинстве алтаря»⁵⁷⁴. Для того чтобы заявлять что-то новое в этой важной области, была необходима очень большая смелость. И Виклиф в двенадцати тезисах заявил, что учение церкви по этому вопросу не соответствует Писанию и вводит в заблуждение. Впервые с тех пор, как учение о пресуществлении было утверждено Четвертым Латеранским собором, специалист по богословию выразил серьезное сомнение в его истинности. И в этой ситуации борец за истину оказался в одиночестве. Нищенствующие ордена были в гневе. Оксфордские власти, по просьбе архиепископов и епископов, устроили суд, на котором заседали канцлер Бертон и двенадцать докторов. Не упоминая имени Виклифа, судьи осудили заявления о том, что хлеб и вино остаются хлебом и вином после освящения и что тело Христа присутствует в евхаристии только образно или символически. Но Виклиф заявил, что судьям не удалось опровергнуть его доводы, и продолжал проповедовать и преподавать в университете. Однако на королевском совете, к которому он обратился с апелляцией, герцог Ланкастерский выступил против него и запретил ему распространять свои взгляды на данную тему в Оксфорде. В ответ на запрет Виклиф еще более решительно изложил свои взгляды в «Исповеди», которая завершается благородными словами: «Я верю, что в конце концов истина победит».

В тот же год начался крестьянский бунт, но у нас нет свидетельств того, чтобы Виклиф симпатизировал этому движению сколько-нибудь больше, чем Лютер — крестьянскому восстанию 1525 г. Когда бунт закончился, Виклиф предложил отдать имущество церкви высшим классам общества, а не беднякам⁵⁷⁵. Однако в провозглашаемых им принципах уже содержались семена открытого бунта против угнетения. Разве не написал он: «Не существует моральной обязанности платить налог или десятину дурным правителям церкви или государства. Их позволено наказывать или смеять, и можно требовать обратно те богатства, которые клир выманил у бедняков»? Через сто пятьдесят лет Тиндейл скажет: «Во времена Виклифа говорили то, что лицемеры говорят и сейчас: что Слово Божье подстрекает к бунту»⁵⁷⁶.

Появление Куртене на посту архиепископа Кентерберийского не сулило реформатору ничего хорошего. В 1382 г. он созвал синод, известный в истории Англии как «синод землетрясения» — из-за землетрясения, которое случилось во время его заседания. Примаса поддерживали 9 епископов, и, когда земля содрогалась, он с достойной восхищения смелостью истолковал эту шалость природы как благоприятное знамение. Земля, стремящаяся избавиться от новых

⁵⁷³ *Chron. Angl.*, p. 395; также Knighton, II. 184 sq.

⁵⁷⁴ *Fasc.*, p. 104.

⁵⁷⁵ См. Trevelyan, p. 199; Kriehn, pp. 254-286, 458-485.

⁵⁷⁶ Предисловие к *Expos. of St. John*, p. 225, Parker Soc. ed.

вений и настроений, проявила свою симпатию к церковному большинству⁵⁷⁷. Виклиф не присутствовал на синоде в тот момент, но он истолковал ситуацию иначе и заявил, что Господь послал землетрясение, «потому что монахи ввели ересь в таинство Христово, так что земля затряслась в точности как тогда, когда Христос был осужден на телесную смерть»⁵⁷⁸.

Собор осудил 24 положения, приписываемые реформатору, десять из которых были объявлены еретическими, а остальные — противоречащими мнению церкви⁵⁷⁹. «Четыре его главные еретические положения гласили, что Христос телесно не присутствует в таинстве, что устной исповеди не требуется от умирающего, что после смерти Урбана VI Английская церковь не должна признавать папу, а, подобно Греческой, должна сама управлять собой и что власть клириков над светской собственностью противоречит Писанию. Куртене, вслед за решением синода, призвал Ригге, тогдашнего канцлера Оксфорда, бороться с еретическими учениями и учителями. Ригге же, проигнорировав этот призыв, сделал проповедником Репингдона, еще одного сторонника Виклифа, а когда Питер Стокис, «профессор священной страницы», вооружившись посланием архиепископа, попытался заставить его замолчать, студенты и преподаватели Оксфорда угрожали кармелиту шпагами.

Но с Куртене были шутки плохи. Он призвал Ригге и прокторов в Ламбет и заставил их на коленях поклясться, что они предпримут необходимые действия. Парламент поддержал примаса. Новые проповеди были прекращены, однако Виклиф остался неукротенным. Он послал жалобу из четырех статей королю и парламенту, в которой заявлял, что вопросы церковной собственности должны решаться в соответствии с английским законом, что монахи должны иметь право отказываться от уставов своих орденов и следовать уставу Христа и что на вечере Господней присутствуют реальный хлеб и вино, а не только их физические свойства⁵⁸⁰.

Двор больше не собирался поддерживать реформатора, и Ричард II категорически приказал Ригге подавить новое учение. Куртене сам прибыл в Оксфорд, и, возможно, справедливо утверждение о том, что Виклиф лично встречался с прелатом в церкви Св. Фридесвиды. Уничтожению подверглись копии произведений осужденного учителя и сочинения Херефорда. Виклифу запретили проповедовать. Он удалился в свой приход в Люттеруорте. Херефорд, Репингдон, Астон и Бидмен, его сторонники, покалялись. Всей партии был нанесен сокрушительный удар, а вместе с ней — и свободе преподавания в Оксфорде⁵⁸¹.

В Люттеруорте Виклиф продолжал переводить Библию и создавать полемические трактаты, в том числе *Cruciata*⁵⁸² — решительное осуждение крестового похода, который епископ Норвича Генри Спенсер готовил в поддержку Урбана VI против авиньонского папы Климента VII. Воинственный прелат уже проявил свои армейские таланты во время крестьянского бунта. Урбан обещал полное отпущение грехов за один год всем, кто присоединится к войску. В церквях Англии проводили мессы и читали соответствующие проповеди. На предприятие выделялись большие суммы денег. Индულгенцию распространили не только на

⁵⁷⁷ *Sicut in terrae visceribus includuntur aër et spiritus infecti et ingrediuntur in terrae motum (Fasc., p. 272).*

⁵⁷⁸ *Select Engl. Works*, III. 503.

⁵⁷⁹ *Gee and Hardy*, pp. 108-110.

⁵⁸⁰ *Select Engl. Writings*, III. 507-523.

⁵⁸¹ *Fasc.*, pp. 272-333. См. Shirley, p. xliv.

⁵⁸² *Latin Works*, II. 577 sqq.

живых, но и на мертвых. Виклиф заявил, что этот крестовый поход связан с борьбой за мирскую власть, а индульгенцию назвал «мерзостью запустения в святилище». Армия Спенсера достигла континента, но экспедиция оказалась неудачной. В этот период был написан «Триалог», самый важный из богословских трактатов Виклифа. В нем заявлен принцип: если между Библией и церковью есть разногласия, мы должны следовать Библии, а если совесть и человеческие авторитеты находятся в конфликте, то мы должны следовать совести⁵⁸³.

За два года до смерти Виклиф пережил удар, вследствие которого оказался частично парализован, но не стал полностью инвалидом. Возможно, его призывали предстать перед папой. С непреклонной твердостью он ответил верховному понтифику, что из всех людей он больше всего обязан подчиняться закону Христа, а Христос был самым бедным из людей и подчинялся светским властям. Любой христианин должен следовать за Петром, Павлом или любым другим святым лишь в той мере, в которой они подражали Христу. Папа должен отказаться от всей мирской власти и призвать своих клириков к тому же. Затем Виклиф заявил, что, если он заблуждается в своих заявлениях, то готов принять наказание, даже смерть. Если в его власти было бы представить эти взгляды в Риме, он охотно отправился бы туда. Но Бог поместил на его пути препятствие и научил повиноваться Ему, а не людям. В завершение Виклиф молитвенно просил, чтобы Бог наставил Урбана подражать Христу и призывать к тому же своих клириков.

Во время проведения мессы в церкви его вновь поразил удар, и через два или три дня, 29 декабря 1384 г., он скончался, «зажегши огонь, который никогда не угаснет»⁵⁸⁴. Фуллер говорит о его смерти: «Достоин восхищения, что заяц, на которого так часто охотилось столько собак, спокойно умер в своей норе».

Виклиф был худощав и, вероятно, никогда не отличался крепким здоровьем, но он не был аскетом. Он любил хорошо поесть. По характеру он был подвижным, остроумным, безупречным в плане нравственности. По отношению к врагам он был резок, хотя никогда не грубил и не сквернословил. Уильям Торпе, молодой современник из окружения архиепископа Арунделя, свидетельствует, что «он был изможден телесно и весьма слаб, и поведения самого невинного. Очень многие выдающиеся лица Англии общались с ним, нежно его любили, записывали его высказывания и следовали его примеру»⁵⁸⁵.

Чувства, преобладавшие среди иерархии, передает Уолсингем, летописец Сент-Албана, который так характеризует реформатора: «В праздник в честь стра-

⁵⁸³ *Fasc.*, p. 341 sq. Lechler-Lorimer (p. 417) отрицают подлинность этой цитаты. Таких слов вряд ли можно ожидать от Виклифа, если учесть грубый характер этого высказывания о власти и образе жизни папы. Здесь нельзя приводить в пример и слова Лютера о папе в *Der Papst der Ende-Christ und Wider Christ*. Виклиф был независим, но не груб.

⁵⁸⁴ Самый правдоподобный рассказ о смерти Виклифа сделан Джоном Хорном, помогавшим реформатору в течение двух лет. Рассказ был записан доктором Томасом Гасконом на основании свидетельства Хорна, в правдивости которого Хорн поклялся. Вальден дважды обвиняет Виклифа за то, что на путь ереси его толкнуло недовольство, когда его отказались назначить епископом Ворчестера, но больше никто не подтверждает эти сведения, которые кажутся нам маловероятными. Лютера, Кальвина и Нокса тоже несправедливо обвиняли, и уважаемые католические историки не верят этим обвинениям.

⁵⁸⁵ Рассказ о наблюдениях Торпе (Bale, Parker Soc. ed., I. 80-81). Портреты Виклифа приводятся в биографиях Льюиса, Вогена, Лоримера и Сержента. Древнейший (согласно Sergeant, pp. 16-21) взят из Bale, *Summary*, 1548. Все описания сходны между собой. Реформатор представлен в них как одетый в оксфордскую мантию и шапку, длинноротый, с открытым лицом, ясными большими глазами, выдающимся носом и скулами и бледным цветом кожи.

стей святого Фомы Кентерберийского Джон Виклиф, это орудие дьявола, этот враг церкви, этот источник путаницы для простого народа, этот идеал для лицемеров, этот идол для еретиков, этот творец раскола, этот сеятель вражды, этот источник лжи, был поражен ужасным Божиим судом. Его хватил удар, и он продолжал жить до дня святого Сильвестра, когда его коварный дух отправился в обитель тьмы».

Но и после смерти Виклифа не оставили в покое. Согласно постановлению Арунделя, его произведения были запрещены, и этому приказу следовали так тщательно, что Кэкстон и первые английские печатники не выпустили ни одного экземпляра его трудов. Латеранский декрет, датированный февралем 1413 г., приказывал сжечь его книги, а собор в Констанце, от членов которого, таких как Жерсон и Д'Альи, мы могли бы ожидать терпимого отношения, формально осудил его память, приказал эксгумировать его останки и «удалить их от места церковных захоронений». Святой синод, гласило постановление, «объявляет, что Джон Виклиф был известным еретиком, отлучает его от церкви и осуждает его память, так как он умер, упорствуя в ереси»⁵⁸⁶. В 1429 г. под напором Мартина IV это постановление было исполнено Флеммингом, епископом Линкольна.

Слова Фуллера, описывающего исполнение постановления собора в Констанце, запечатлены на страницах английской истории: «Они сожгли его останки и бросили их в Свифт, протекающий рядом ручей. Этот ручей отнес его прах в Эвон, Эвон — в Северн, Северн — в прибрежные моря, а из них он попал в океан. То есть с прахом Виклифа случилось то же самое, что с его учением, которое распространилось сейчас по всему миру».

По всеобщему мнению английского народа, Джон Виклиф, наряду с Джоном Латимером и Джоном Весли, вероятно, более полно, чем любой другой английский религиозный вождь, воплощает независимость мысли, верность совести, здравый религиозный смысл и здравое толкование Евангелия. В истории интеллектуального и морального развития английского народа Виклиф был главным героем Средневековья⁵⁸⁷.

§41. Учение Виклифа

Учение Виклифа ясно представлено во многих его произведениях. Он сыграл выдающуюся роль как ученый, политический деятель, проповедник, новатор-богослов и переводчик Библии, и все эти стороны его деятельности хорошо отражены в его трудах. Из них мы видим, как развивалось его противостояние средневековым заблуждениям и злоупотреблениям. Нападки побудили его обратить внимание на ошибки, которых изначально он не замечал. Но выработать систему, которая противоречит типично средневековой системе богословия, помогло

⁵⁸⁶ Вот часть приговора: *Sancta synodus declarat diffinit et sententiat eundem J. Wicleff fuisse notorium haereticum pertinacem et in haeresi decessisse... ordinat corpus et ejus ossa, si ab aliis fidelibus corporibus discerni possint exhumari et procul ab ecclesiae sepultura jactari* (Mansi, XXVII. 635).

⁵⁸⁷ Грин (в *Hist. of the Engl. People*) прославляет «первого реформатора», а покойный профессор Бигг (*Wayside Sketches*, p. 131) утверждает, «что его верования в основном совпадают с верованиями большинства современных англичан, чем подтверждаются справедливость, ясность и искренность его мысли». Католический историк Англии (Lingard, IV. 192) говорит об интеллектуальных заблуждениях Виклифа, но при этом называет его «необыкновенным человеком, который, подавая пример в моральном отношении, выступал против порока со свободой и строгостью апостола».

ему, прежде всего остального, изучение Писания. Его стиль так выразителен, что требуются усилия, чтобы подавить желание цитировать его большими отрывками.

Хотя высказывания Виклифа всегда понятны, в некоторых из его трудов много повторений. Он не всегда движется по прямой, но отступает то в одну, то в другую сторону, пользуясь возможностью подробно обсудить вопросы, тесно связанные с основной проблемой. Из-за этой привычки чтение крупных его произведений часто превращается в утомительную задачу. Но автор всегда возвращает читателя к основной теме и, как говорят сегодня, не позволяет сбиться с пути.

I. Виклиф как схоласт. Виклиф, без сомнения, был самым выдающимся ученым, преподававшим в Оксфорде со времен Гроссетеста, которого он часто цитировал⁵⁸⁸. Он был хорошо знаком с трудами Златоуста, Августина, Иеронима и других латинских отцов церкви, а также средневековых богословов от Ансельма до Дунса Скота, Брадуардина, Фитцральфа и Генриха Гентского. Он часто цитирует других ученых, но с прошествием лет все чаще ссылается на Писание. Он был умеренным реалистом и объяснял номинализмом все богословские ошибки. Похоже, он попытался избежать детерминизма Брадуардина и заявлял, что учение о необходимости не противоречит свободе воли, которая не может быть ни к чему принуждена. Именно необходимость побуждает творение желать, то есть пользоваться своей свободой, но даже в этот момент оно делает выбор свободно⁵⁸⁹.

II. Виклиф как патриот. В этой роли оксфордский учитель занял позицию, прямо противоположную позиции Ансельма и Фомы Бекета, которые подчиняли Английскую церковь воле папы. За верность теократии Гильдебранда Ансельм готов был отправиться в изгнание, а Бекет погиб. Виклиф же был упорным и бескомпромиссным глашатаем желаний народа, роптавшего против засилья иноземцев со времен Вильгельма Завоевателя и особенно с правления короля Иоанна. Он выступал против всей системы иноземной юрисдикции, а также против притязаний церкви на владение землями, если ее права не будут признаны государством. Он выступал также против того, чтобы клирики занимали гражданские посты, и, когда был убит архиепископ Садбери, заявил, что тот умер во грехе, так как занимал должность канцлера.

Взгляды Виклифа на управление церковью и государством в основном изложены в его трудах на соответствующие темы (*De dominio divino* и *De dominio civili*), а также в его *Dialogus*⁵⁹⁰. В «Божественной власти» обсуждаются условия, на которых люди владеют собственностью и властью, и определяется разница между властью и служением. Господство — не обязательно владение. Это служение. Христос не хотел править, обладая абсолютной властью. Он передавал эту власть другим⁵⁹¹. Что касается Его человеческой природы, то Он был совершеннейшим из слуг.

«Гражданская власть» начинается с заявления, что ни один человек, совершивший смертный грех, не имеет права руководить и что всякий находящийся

⁵⁸⁸ *Op. evang.*, p. 17, etc., *De dom. div.*, p. 215, etc., *De dom. civ.*, 384 sqq., где подробно рассказывается о случае Фридриха из Лаваньи.

⁵⁸⁹ Hergenröther (II. 881) говорит о системе Виклифа как о пантеистическом реализме и фатализме (*D. Lehrsystem des Wiclif ist krasser, pantheistischer Realismus, Fatalismus u. Predestianismus*).

⁵⁹⁰ *De dom. civ.* и *De dom. div.*, издание Виклифского общества, R. L. Poole, London, 1885, 1890. См. предисл. Пула и его очерк *Doctrine of Lordship* в его *Illustrations, etc.*, pp. 282-311. *Dialogus, sive speculum ecclesiae militantis*, ed. A. W. Pollard, 1886.

⁵⁹¹ *Salvator noster noluit esse proprietarie dominans, sed communicative* (p. 204).

в состоянии благодати — настоящий правитель вселенной. Все христиане — господа и слуги друг друга. Если папа или деятели церкви злоупотребляют вверенной им собственностью, государство может лишить их ее. Право на собственность ограничено ее подобающим использованием. Десятина нужна для того, чтобы священники могли исполнять свою миссию. Новый Завет не делает ее законом.

Из последней части первой книги «Гражданской власти» Григорий XI извлек большую часть статей, за которые Виклифа судили. Здесь было найдено основание для знаменитого обвинения — ему приписывали высказывание, что Бог должен слушаться дьявола. Однако под этим утверждением Виклиф понимал лишь необходимость признавать права каждого законного владельца.

III. Виклиф как проповедник. Если принять во внимание постоянную деятельность Виклифа как проповедника и воздействие, производимое его проповедями, то мы должны объявить его самым известным английским проповедником до Реформации⁵⁹². Сохранилось 294 его английских и 224 латинских проповеди. К этим речам следует прибавить его английские толкования молитвы Господней, песней Библии, семи смертных грехов и других тем. За редким исключением проповеди основаны на местах Нового Завета.

Стиль проповедей на английском языке — простой и прямой. Английский реформатор выступал против церковных злоупотреблений не менее открыто, чем Лютер. На каждой странице практическим религиозным разъяснениям сопутствуют красноречивые отрывки с упреками в адрес папы и обмирщенных прелатов. Виклиф осуждает их как антихристов и слуг дьявола — злодея, — так как ради мирской выгоды и удовольствий они отказываются выполнять свой долг и пасти стадо Христово. Проповедник осуждает ложные учения, которых нет в Писании, такие как паломничества и индульгенции. Иногда кажется, что Виклиф противоречит сам себе — он то пренебрегает постом, то говорит, что апостолы рекомендовали его; то отвергает молитвы за усопших, то заявляет о существовании чистилища. Особенно сурово отзывается он о монахах, которые проповедуют из духа стяжательства и не избличают грехи своих слушателей. Нет никого более праздного, чем богатые монахи, с презрением относящиеся к беднякам. Снова и снова в этих проповедях, как и в других трудах, Виклиф призывает отобрать у монахов имущество и раздать его нуждающимся. Как проповедник, Виклиф всегда был смелым защитником прав мирян.

В его труде «Пастырское служение», посвященном обязанностям усердного служителя, и в его проповедях говорится о долге служителя проповедовать. Проповедь Виклиф объявлял «высшим служением», так как даже Христос уделял Свое время главным образом этому занятию. И когда епископы, которые прежде всего обязаны проповедовать, не делают этого и довольствуются тем, что вместо них проповедуют истинные священники, они заново распинают Иисуса. Та самая власть, которая дает священникам право отправлять алтарные таинства, обязывает их и проповедовать. Проповедь Слова — более важное занятие, чем отправление таинств⁵⁹³.

⁵⁹² Loserth (Introd. to *Lat. sermones*, II, p. xx) называет его влияние исключительным. См. проповеди на английском языке в Arnold, *Select Engl. Works*, vols, I, II; на латинском — изд. Лозерта, 4 тома.

⁵⁹³ *Evangelizatio verbi est preciosior quam ministratio alicujus ecclesiastici sacramenti* (*Op. evang.*, I. 375). *Predicatio verbi Dei est solemnior quam confectio sacramenti* (*De sac. scr.*, II. 156). См. также Arnold, *Engl. Works*, III. 153 sq., 464; *Serm. Lat.*, II. 115; *De scr. sac.*, II. 138.

Когда Евангелие проповедовалось как в апостольские времена, церковь росла. В первую очередь следует уделять внимание словам Христа, авторитет которых выше, чем все обряды и заповеди папы и монахов. Снова и снова Виклиф говорит об идеальном слуге, например:

Священник должен вести святую жизнь — в молитве, в устремлениях и мыслях, в благочестивой беседе и честном учении. На устах его всегда должны быть Божьи заповеди и Божье Евангелие. Пусть его дела будут такими праведными, чтобы никто не мог найти в нем вины, а поступки — такими открытыми, чтобы он был истинной книгой для всех грешников и преступников, ведущей их к служению Богу. Ибо пример благочестивой жизни вдохновляет людей больше, чем одна только, пускай и истинная, проповедь на словах.

Главная задача священника — найти замену чудес Христовых, обратив себя и ближнего к Божьему закону⁵⁹⁴. Виклиф говорил, что одной Нагорной проповеди достаточно, чтобы наставить человека, и никакие добавочные требования и традиции людей не нужны.

IV. ВИКЛИФ КАК РЕФОРМАТОР УЧЕНИЯ. В более поздних произведениях Виклифа мы встречаем множество отрицаний вероучительных положений того времени и частую критику церковных злоупотреблений. В прямоте его формулировок невозможно усомниться. Григорий XI нашел в его трудах 19 заблуждений, и с годами этот список рос. Собор в Констанце говорит о 45 заблуждениях, Неттер из Вальдена — о восьмидесяти, богемец Иоанн Люке, оксфордский доктор богословия, — о 266. Коклей, выступая против гуситов, пошел дальше всех, приписывая Виклифу целых 303 ереси, уверенный, что навсегда заклеил позором память реформатора. По мнению Фуллера, столь большие расхождения объясняются тем, что одни принимают в расчет только учения самого реформатора, а другие — и все выводы, которые были сделаны из них позже.

Первые три артикула, упоминаемые на соборе в Констанце⁵⁹⁵, касались вечери Господней. Виклифа обвиняли в том, что, по его утверждению, сущность хлеба не меняется после освящения, что Христос не присутствует в таинстве алтаря в реальном смысле слова и что атрибуты вещи не могут оставаться неизменными после изменения ее сущности. Четвертая статья обвиняла за утверждение, что действия епископа или священника при крещении, рукоположении и освящении не имеют силы, если отправляющий таинство запятнан смертным грехом. Следуют обвинения и в других предполагаемых ересь — например, что после Урбана VI папство должно быть отменено, что клир не должен владеть светским имуществом, что монахи должны зарабатывать себе на жизнь трудом, а не просить милостыню, что Сильвестр и Константин были не правы, когда одарили церковь собственностью, что избрание папы кардиналами — это изобретение дьявола, что для спасения не обязательно верить в превосходство Римской церкви над другими церквями и что все религиозные ордена были учреждены дьяволом.

В большинстве из 45 положений точно отражены взгляды Виклифа. Они лежат на поверхности в его более поздних произведениях, но ими его несогласие с учениями и практикой того времени не ограничивается. Его критику можно разделить на пять категорий: природа церкви, папство, священство, учение о пресуществлении и использование Писания.

⁵⁹⁴ *Debemus loco miraculorum Christi nos et proximos ad legem Dei convertere (De ver., I. 90; Op. evang., I. 368).*

⁵⁹⁵ См. Mansi, XXVII, 632-636, и Mirbt, p. 157 sq.

Церковь в «Гражданской власти» была определена как сообщество избранных — живых, усопших и еще не родившихся, глава которого — Христос. Виклиф рассматривает эту тему практически во всех своих произведениях, которые до нас дошли, а в специальном трактате о церкви, написанном, вероятно, в 1378 г., она кратко определена как сообщество всех предызбранных (*congregatio omnium predestinatorum*). И только Христос — Глава этого Тела. Папа же — лишь глава поместной церкви. Виклиф ставит акцент на Божьем промысле, предвосхищающем, кто избран, а кто подлежит осуждению⁵⁹⁶.

Некоторые лица, писал он, говоря о «святой церкви, понимают под ней прелатов и священников, монахов, каноников, братию и всех обладающих тонзурой, — всех, кто носит венец, — даже если они живут, нарушая Божий закон». Но это неверно. Папы, кардиналы и священники не обязательно принадлежат к числу спасенных. Напротив, даже папа не может с уверенностью сказать, кто избран ко спасению. Этого никто на земле не знает. Папа может быть *prescitus*, осужденным. Такие папы были, и со стороны кардиналов и понтификов богохульственно считать, что само их избрание на должность дает им власть над церковью. Курия — это гнездо еретиков, когда ее члены не следуют за Христом. Это источник яда и мерзость запустения в святилище. Григория XI Виклиф называл ужасным дьяволом (*horrendus diabolus*). Бог в Своей милости приговорил его к смерти и рассеял его союзников, преступления которых выявил Урбан VI⁵⁹⁷.

Хотя английский реформатор нигде не упоминал о видимой и невидимой церкви, он проводил такое разграничение. Воинствующая церковь, говорил он в комментарии на Ин. 10:26, — это смешанное тело. Апостолы ловили два вида рыбы — ту, которая оставалась в сети, и ту, которая уплывала. Так и в церкви одни предопределены к блаженству, а другие — к мукам, даже если в течение какого-то времени они живут благочестиво⁵⁹⁸. Не случайно в своих английских произведениях Виклиф пишет о *Christen men* («церковном народе»), а не о «верных».

Что касается папства, то никто не высказывался об отдельных папах и против папства как института более резко, чем Виклиф. В трактатах последних лет и в проповедях он заклеил папу как антихриста. Самый последний его труд, который он писал, когда смерть застигла его, назывался «Антихрист», и его темой был папа. Виклиф даже назвал папу наместником дьявола⁵⁹⁹. В папстве он видел откровение о человеке греха. Должность папы целиком и полностью порочна (*totum papale officium venenosum*). Он высмеивал обращение «святейший отец». Папа никогда не был необходим церкви и непогрешим. Если бы папы и кардиналы были ввергнуты в ад, верующие прекрасно спаслись бы и без них. Папы были сотворены не Христом, а дьяволом. Папа не имеет исключительного права объя-

⁵⁹⁶ *De dom. civ.*, I. 358. *Ecclesia cath. sive Apost. est universitas predestinatorum. De eccles.*, ed. Loserth, pp. 2, 5, 31, 94, *Engl. Works*, III. 339, 447, etc.

⁵⁹⁷ *De eccles.*, 5, 28 sq., 63, 88, 89, 355, 358, 360.

⁵⁹⁸ *Engl. Works.*, I. 50.

⁵⁹⁹ Критические эпитеты и характеристики см. в *Engl. Works*, ed. Matthew, *De papa*, pp. 458-487, и *The Church and her Members, The Schism of the Rom. Pontiffs*, Arnold ed., III. 262 sqq., 340 sqq., *Triologus, Dialogus*, латинских проповедях, vol. II, и особенно в *Opus evangelicum*, части которого получили название *Christ and his Adversary, Antichrist*. См. введение Лозерта к Lat. Sermon., II, p. iv sq., и *Op. evang.*, vol. II; также его статью *Wiclif's Lehre, vom wahren, und falschen Papsttum, Hist. Ztschrift* (1907) и его издание *De potestate papae*. В этих последних трудах Лозерт представляет несколько иную точку зрения: Виклиф критиковал папство только тогда, когда оно злоупотребляло своим положением. *De potestate*, возможно, был написан в 1379 г. Для его позднейших трудов характерно более суровое отношение к папству.

влять, чему учит Писание, или провозглашать высшие законы. Его отпущение грехов не имеет силы без отпущения грехов Христом. Папы имеют право отлучать от церкви не больше, чем бесы — проклинать. Многие папы прокляты (*multi papae sunt damnati*). Хотя Виклиф весьма категоричен, он, вероятно, не собиравшись совсем отказываться от папства. Но снова и снова он заявлял, что апостольскому престолу надо повиноваться лишь в той мере, в какой он следует закону Христа⁶⁰⁰.

Что касается толкования на Мф. 16:18, то Виклиф полагал, что «скала» обозначает как Петра, так и каждого истинного христианина. Ключи от царства небесного — не металлические ключи, как считают в народе, а духовная власть, вверенная не только Петру, но и всем святым, «ибо все люди, попадающие на небеса, владеют этими Божьими ключами»⁶⁰¹. Виклиф был еще более беспощаден, если такое возможно, к папским притязаниям на политические права. Даже Христос платил дань кесарю. Так должен делать и папа. Когда папа смещает королей, это тирания дьявола. Папа, а вместе с ним и вся его секта (*tota secta*) обнаруживают себя отъявленными еретиками, когда пренебрегают обращенным к Петру призывом пасти стадо и вместо этого начинают, как вельможи, помыкать Божьим наследием.

Дар Константина реформатор объявлял началом всех зол церкви. Император поступил так по внушению дьявола. Обременить церковь даром подсказал ему сатана⁶⁰². В своем трактате о церкви Виклиф постоянно призывает папу, прелатов и священников вернуться к исполнению духовных функций. Они превратились в прелатов и священников кесаря. Церковь покинула Христа, чтобы следовать за кесарем, а теперь она должна оставить кесаря ради Христа. Что касается целования пальца на ноге папы, то в Писании нет для этого оснований и причины.

Виклиф резко критикует папскую практику вымогательства посредством обложения народов данью и налогами. Виклиф говорит, что в приходских церквях было принято торжественно проклинать тех, кто обрубает края у монет и срывает у людей кошельки. Создается впечатление, продолжает он,

что гордый и мирской Римский священник и все его советники — это самые проклятые из обрубавших монеты и обрезающих кошельки — проклятые мошенники и воры, — ибо они отняли у английской бедноты много имущества, а у короля — много тысяч марок за свои духовные услуги. Если бы у королевства была целая гора золота, то этот гордый и мирской священник-сборщик денег быстро потратил бы и ее. Из всех людей Христос был самым нищим по части духа и собственности. Он полностью отказался от мирского господства. Папа должен оставить свою власть мирским лордам и немедленно призвать свой клир сделать то же самое. Я считаю догматом веры, что ни один человек не должен следовать за папой или даже за небесными святыми, а только за Христом⁶⁰³.

Священники и монахи также подвергались решительной критике со стороны Виклифа. Клирики, которые следуют за Христом, — истинные священники, и только они. Эффективность отпущения ими грехов зависит от того, отпущены ли были Христом их собственные грехи. И задача священника — возвестить о прощении, уже дарованном Богом, а не даровать его. Странно и удивительно, говорит он, что прелаты и члены курии «так легко проклинают», в то время как

⁶⁰⁰ *Lat. Serm.*, IV. 95; *De dom. civ.*, 366-394; *De ver. scr.*, II. 56 sqq.; *Dial.*, p. 25; *Op. evang.*, I. 38, 92, 98, 382, 414, II. 132, III. 187; *Engl. Works*, II. 229 sq., etc.

⁶⁰¹ *Op. evang.*, II. 105 sq.; *Engl. Works*, I. 350 sq.

⁶⁰² *De ver.*, I. 267; *Engl. Works*, III. 341 sq.; *De Eccles.*, 189, 365 sqq.; *Op. Evang.*, III. 188.

⁶⁰³ *Engl. Works*, III. 320. Послание к Урбану VI, *Fasc. ziz.*, p. 341; *Engl. Works*, III. 504-506.

Христос говорил, что мы должны благословлять, а не проклинать. Отлучить человека от церкви — еще хуже, чем просто убить его.

Виклиф критиковал также обычай устной исповеди. Подлинного сердечного раскаяния достаточно для отпущения грехов. Во времена Христа не требовалось, чтобы человек исповедовался перед человеком, а в наше время, говорит Виклиф, «исповедь перед Богом не считается необходимой, тогда как принятое нововведение, исповедь перед человеком, признается обязательной для здоровья души». Он говорил об опасностях, связанных с исповедью, в том числе о нецеломудрии священников. Он говорил и об опасностях паломничества, в котором мужчины и женщины, находясь вместе, впадают в искушение великого «разврата»⁶⁰⁴. Целибат священников (этой темы реформатор касался редко) противоречит Писанию, если к нему принуждают. Раз ветхий завет допускал брак священников, то тем более и новый должен не запрещать, а, скорее, одобрять подобную практику.

Виклиф пылко отстаивает прямоту высказываний. Обращаясь к клиру, он посвящает почти сотню страниц своей «Истины Писания» развитию этого принципа. Даже самый незначительный грех недопустим в целях предотвращения большего зла — ни по отношению к себе, ни по отношению к ближнему. Ни при каких обстоятельствах благие намерения не оправдывают лжи. Даже папа не имеет права одобрять или предоставлять неверные толкования ради содействия благому делу. Чтобы добиться благой цели, священник не должен пробуждать в людях ложное чувство страха. Любая ложь — сама по себе грех, и никакими благими намерениями не отменить этого факта⁶⁰⁵.

Монахи навлекли на себя самую резкую критику реформатора, и по мере того, как он приближался к концу своей жизни, его критика становилась все более резкой. Цитаты, где он говорит о пороках монахов, заняли бы целый том. Он писал целые трактаты об их ересь и ложных практиках. Они раболепно исполняли волю папы; они распространяли ложные взгляды на евхаристию; они торговали индульгенциями и «братскими» посланиями, купивший которые якобы наделялся частью соделанных ими добрых дел здесь и перед лицом вечности. На устах у них была ложь, а на руках — кровь. Они втирались в доверие в домах и сбивали женщин с истинного пути. Они жили в праздности. Они пожирали Англию⁶⁰⁶.

Реформатор резко высказывался и о распространенных заблуждениях, связанных с жизнью в созерцании. Это сатана внушил людям представление, будто их обычные фантазии и мечты являются якобы религиозным созерцанием — которым они просто оправдывают свою лень. Иоанн Креститель и Христос покинули пустыню, чтобы жить среди людей. Виклиф даже требовал, чтобы монахам было разрешено отказываться от монашеского устава, если они могут быть полезны в каком-нибудь другом месте⁶⁰⁷.

Первые буквы из названий четырех нищенствующих орденов: кармелиты, августинцы, иаковиты (доминиканцы) и минориты (францисканцы), — образуют слово «Каим», указывая на их происхождение от первого убийцы, Каина. Их

⁶⁰⁴ В *De eucharistia et poenitentia sive de confessione* он также высказывается на эту тему. См. также *Engl. Works*, I. 80, III. 141, 348, 461.

⁶⁰⁵ *De eccles.*, p. 162; *De ver. scr.*, II. 1-99. *Omne mendacium est per se peccatum sed nulla circumstantia potest rectificare, ut peccatum sit non peccatum* (*De ver.*, II. 61).

⁶⁰⁶ *Engl. Works*, III. 420 sqq.; *Op. evang.*, II. 40; *Lat. serm.*, IV. 62, 121, etc.

⁶⁰⁷ См. трактат *Of Feigned Contemplative Life* в Matthew, pp. 187, 196; *De eccles.*, p. 380; *Lat. Serm.*, II. 112.

монастыри Виклиф называл замками Каина. В своем безумолчном негодовании он называл монахов хвостом змея, лютыми волками, сынами сатаны, апостолами антихриста, люциферианами, хуже Ирода, Саула и Иуды. Монахи все время твердят, что и Христос просил воды у колодца. Но они оказали бы большую услугу человечеству, если бы выпрашивали только воду, и ничего больше⁶⁰⁸.

Чосер тоже обвинял нищенствующие ордена и высмеивал их. Во вступлении к своим «Кентерберийским рассказам» он пишет:

*С приятностью монах исповедал,
Охотно прегрешенья отпускал.
Епитимья его была легка,
Коль не скупилась грешника рука...*

* * *

*Коль человек мог быть ему полезен,
Он был услужлив, ласков и любезен,
На откуп отпущения он брал,
К стадам своим других не подпускал.
Хоть за патент платил в казну немало,
Но сборами расходы покрывал он.*

Если для того, чтобы критиковать могущественные монашеские ордена, требовалась смелость, то она была тем более необходима для критики средневековой догмы о пресуществлении. Сам Виклиф называл это учение нововведением, возникшим в церкви с недавних времен (*novella ecclesia*). В своем трактате о евхаристии он славил Бога за то, что Тот избавил его от смешных и скандальных заблуждений⁶⁰⁹. Догму о превращении даров он объявил идолопоклонством, лживой басней. Сам он считал, что Христос присутствует в причастии духовно. Тело Христа, если вообще можно говорить о Его местоположении, находится на небесах. И это тело оказывает воздействие либо же присутствует в гостии как в своем символе⁶¹⁰. Символ представляет (*vicarius est*) тело.

Само тело не присутствует в гостии ни посредством импанаии, ни посредством отождествления, ни тем более пресуществления. Христос присутствует в хлебе, как царь — во всех землях своего царства или душа — во всем теле. При преломлении хлеба Его тело преломляется не больше, чем ломается солнечный луч, когда разбивается стекло. Христос присутствует на преломлении хлеба Своим священным духовным влиянием (*sacramentaliter, spiritualiter et virtualiter*). Пресуществление — величайшая из ересей, противоречащая логике, грамматике и всем естественным наукам⁶¹¹.

Знаменитый спор о том, причащается ли к телу Христову мышь, съев дары таинства, обсуждается на первых страницах его трактата о евхаристии. Виклиф объявляет ложной уже саму предпосылку вопроса, ибо Христос не присутствует в дарах телесно. Животное, съедая тело человека, не съедает его душу. Мнение о том, что священник преломляет истинное тело Христа, то есть Его шею, руки и другие члены, — отвратительное заблуждение. Что может быть более отвратительным (*horribilius*), говорит он, чем ежедневная обязанность священника приносить в жертву тело Господне и обязанность есть саму плоть Христа и пить саму

⁶⁰⁸ *Lat. serm.*, II. 84; *Trial.*, IV. 33; *Engl. Works*, III. 348; *Dial.*, pp. 13, 65, etc.

⁶⁰⁹ *Ab isto scandaloso et derisibili errore de quidditate hujus sacramenti* (pp. 52, 199).

⁶¹⁰ *Corpus Chr. est dimensionaliter in coelo a virtualiter in hostia ut in signo* (*De euchar.*, pp. 271, 303). Вальден (*Fasc. ziz.*) прав, когда излагает позицию Виклифа таким образом: «Гостия — не Христос или какая-то часть Христа, а Его эффективный символ».

⁶¹¹ *De euchar.*, p. 11; *Trial.*, pp. 248, 261.

Его крови! И действительно, что может быть отвратительнее, чем приписываемая человеку возможность переваривать или отгрыгивать тело Христово или же нести Бога в телесной форме в своих руках (что якобы делают священники)? Слова учреждения не следует воспринимать буквально. Ведь Господь, подобным же образом, называл Себя семенем, а мир — полем, и Он называл Иоанна Илией, совсем не утверждая, что они двое — это один и тот же человек. Утверждая, что Он — виноградная лоза, Он имел в виду, что лоза — Его символ, а не воплощение.

Невозможность чуда пресуществления хлеба и вина Виклиф подтверждал философски: сущность вещи не может быть отделена от ее качеств. А если считать, что качества вещи могут присутствовать сами по себе, тогда невозможно сказать, что представляет из себя вещь и существует ли она вообще. Логически, пресуществление требовало бы одновременно и «прекачествления» даров (этот термин, *transaccidentation*, английский реформатор использовал раньше, чем Лютер). Теорию о том, что качества будто бы остаются прежними, когда сущность изменяется, Виклиф объявил «основанной не на Священном Писании, не на разуме, а лишь на том, чему учат новые лицемеры и проклятые еретики, предающиеся собственным фантазиям и мечтам»⁶¹².

Еще одно доказательство свободного мышления Виклифа — его заявление, что Римская церковь, отправляя таинство, не имеет права настаивать на произнесении определенных слов, ибо слова учреждения различаются в разных местах Нового Завета. Что до пользы причащения, то физическое поглощение даров, говорил он, ничего не дает, если душа не насыщается любовью. Выразив надежду на то, что его взгляды поддержат, он завершил свой знаменитый трактат об евхаристии словами: «Разумная истина всё победит» (*Super omnia vincit veritas rationis*).

Отрицая ошибочную систему средневековой церкви, Виклиф сильно опережал свой век и предвосхитил эпоху протестантской Реформации.

§42. Виклиф и Писание

Главной услугой, которую Виклиф оказал своему народу, не считая воздействия своим личным духовным наследием, было его провозглашение высшего авторитета Библии для клира и мирян, а также Библия, дарованная на родном языке. Высказывания, в которых Виклиф представляет Писание как ясный и достаточный учебник спасения и настаивает, что оно имеет простое буквальное значение, были столь же однозначны и верны, как и сделанные Лютером. В трактате о ценности и авторитете Писания, занимающем 1000 печатных страниц⁶¹³, Виклиф видит в Библии учебник, предназначенный Богом для Церкви, и пишет о ней больше, чем написали все средневековые богословы вместе взятые. Никто из схоластов, от Ансельма и Абельяра до Фомы Аквината и Дунса Скота, не придавал Библии такого значения, как Виклиф. Они ограничивали ее авторитет, согласовывая ее содержание с преданием, то есть с учением церкви. Виклиф

⁶¹² *De euch.*, pp. 78, 81, 182; *Engl. Works*, III. 520.

⁶¹³ *De veritate Scripturae*, ed. Buddensieg, со вступлением, 3 vols., Leip., 1904. Издательство (I. p. xci) приводит даты 1387 и 1388 г. Виклиф начинает с длинной цитаты из Августина (I. 6-16). В трактате есть обширные отступления — например, о двух природах Христа (I. 179 sqq.), приветствии Марии (I. 282 sqq.), лжи (II. 1-99), мусульманстве (II. 248-266), функциях прелатов и священников (III. 1-104), etc.

же с беспрецедентной точностью и последовательностью говорил о ее высшем авторитете как авторитете закона Божьего, превосходящем все остальные авторитеты — пап, канонов или отцов церкви. То, что Виклиф утверждает в этом специальном трактате, он повторяет почти в каждом из своих трудов, английских и латинских. И с годами, если такое возможно, он стал подчеркивать эту мысль еще решительнее. В его *Opus evangelicum* (вероятно, самом последнем его творении) мы находим массу самых категорических заявлений об этом.

Кратко описывая содержание «Истины Писания», мы предвосхищаем позицию протестантских реформаторов по отношению к Библии как к закону веры и морали. Для Виклифа Писание — авторитетный источник всех христианских учений. Это закон Христа, закон Божий, Слово Божье, Книга Жизни (*liber vitae*). Это непогрешимый закон Господа, истиннейший, полнейший и вседостаточный⁶¹⁴. В нем есть все, во что нужно верить для спасения. Это вселенская вера, христианская вера (*fides christiana*), главный закон человеческого совершенства, главное основание для провозглашения Христа.

Библия содержит истину, которую следует изучить каждому христианину⁶¹⁵. Она — мера и стандарт всякой логики. Логика, как в Оксфорде, меняется очень часто, каждые двадцать лет, но в Писании есть «да, да» и «нет, нет». Оно никогда не меняется. Оно вечно⁶¹⁶. Любая логика, любой закон, любая философия и этика содержатся в нем. Что касается философии языческого мира, то в ней истинно то, что совпадает со сказанным в Писании. Христианин учится у Аристотеля религиозной философии в той мере, в которой ей учат авторы Писания⁶¹⁷. Греческий мыслитель ошибался, например, когда утверждал, что творение вечно. В нескольких местах Виклиф признается, что сам он когда-то был сбит с истинного пути логикой и жаждой славы, но благодарен Богу за то, что теперь обратился к полному принятию Писания как оно есть и находит в нем всю логику.

По всему этому трактату и в других трудах Виклиф спорит с теми, кто объявляет Священное Писание иррациональным, богохульственным или содержащим множество ошибок и фальсификаций. Таких людей он называл докторами недавнего времени, новомодными докторами (*moderni, novelli doctores*). Подобные обвинения казались бы неправдоподобными, если бы Виклиф не повторял их снова и снова. Более того, эти обвинения оставались правомочными даже 150 лет спустя, когда один священник сказал Тиндейлу: «Лучше жить без Божьего закона, чем без папы». Что может быть отвратительнее (*horribilius*), восклицает Виклиф, чем утверждать, что Божье слово лжет!⁶¹⁸

Высший авторитет Библии основан на ее содержании, ее благотворной цели и свидетельстве Христа о ней. Бог говорит с нами через все книги. Они — единое великое Слово Божье. Каждый слог обоих заветов — истина, а составлявшие текст авторы — не более чем писцы или глашатаи⁶¹⁹. Если нам кажется, что в Писании есть ошибка, это происходит из-за человеческого невежества и грехов-

⁶¹⁴ *Lex domini immaculata... verissima, completissima et saluberrima* (I. 156).

⁶¹⁵ *Illum librum debet omnis christianus adiscere cum sit omnis veritas* (I. 109, 138).

⁶¹⁶ *Aliae logicae saepissime variantur... logica scripturae in eternum stat* (I. 54).

⁶¹⁷ *Christianus philosophiam non discit quia Aristotelis sed quia autorum scripturae sac. et per consequens tamquam suam scientiam quo in libris theologiae rectius est edocta* (I. 22, 29, 188).

⁶¹⁸ I. 151, 200, 394, 408; *Lat. serm.*, 179; *De eccles.*, 173, 318, etc.

⁶¹⁹ *Tota scrip. est unum magnum Verbum Dei* (I. 269). *Autores nisi scribae vel precones ad scrib. Dei legem*, I. 392). Также I. 86, 156, 198, 220 sqq., III. 106 sqq., 143.

ности. Нельзя верить ни во что, не имеющее основания в данной книге, и к ее учению нельзя ничего добавлять⁶²⁰.

Виклиф уделяет много внимания принципам разъяснения Библии, отмечая ошибочные представления отцов церкви и схоластов и заявляя, что истинный смысл — «буквальный и дословный». Иногда в своих проповедях он и сам пользовался другими значениями текста, но здравый смысл вновь и вновь побуждал его подчеркивать, что прямое значение слов главнее всех остальных. Тропологиическое, анагогическое и аллегорическое значения, если их вообще следует затрагивать, должны быть основаны на буквальном. Виклиф признавался, что раньше заблуждался в этом отношении и теперь старался четко их выявить. На самом деле в Писании — один смысл, вложенный в эту книгу жизни Самим Богом для заблуждающихся людей⁶²¹. Ересь — это то, что противоречит Писанию. И сам Виклиф говорил, что готов следовать учению Библии вплоть до мученичества, если это потребуется⁶²².

В течение сотен лет ни один из выдающихся учителей не заявлял о праве мирян на Слово Божье. Оно считалось книгой для клира, и толкованием его значения занимались в основном авторы декретов и папа. Тулузский собор 1229 г. запретил мирянам пользоваться Библией. Осужденные секты XII — XIII веков, особенно вальденсы, придерживались иных правил, но их критики, такие как Алан аб Инсулис, доказывали, насколько опасны эти принципы. Виклиф был сторонником доступности Библии. Эту книгу должны изучать все христиане, ибо «в ней — вся полнота истины». Она дана церкви, а потому ее учение — для всех, как и Сам Христос⁶²³.

Лишать мирян Писания — серьезный грех. А учить их Писанию на их родном языке — первая обязанность священника. По этой причине священники всегда должны знать язык народа. Виклиф выступал против монахов, которые объявляли ересью перевод Божьего Слова на английский язык и объяснение его мирянам. Он критиковал их позицию, напоминая о даре языков в Пятидесятнице и о переводе Иеронима, о практике Христа и апостолов, которые учили народ на их родном языке, и о существовании в его собственную эпоху французского перевода, сделанного, несмотря на все препятствия. Так почему, восклицал он, «англичане не должны сделать того же, ведь у всех лордов Англии есть Библия на французском языке, так что вполне разумно было бы иметь ее и на английском»? Имея английскую Библию, англичане смогут «успешнее следовать за Христом и попадать на небеса»⁶²⁴. Можно ли высказаться об этом более прямо?

⁶²⁰ *Falsitas in proposito est in false intelligente et non in Scrip. sac.* (p. 193). *Nulli alii in quoquam credere nisi de quanto se fundaverit ex script.* (I. 383. *De civ. dom.*, p. 394).

⁶²¹ *De ver.*, 114, 119, 123. *Sensus literalis script. est utrobique verus* (p. 73). *Solum ille est sensus script. quem deus et beati legunt in libro vitae qui est uni talis et alteri viatoribus, semper verus, etc.* (p. 126).

⁶²² *Oportet conclusiones carnis et seculi me deserere et sequi Christum in pauperie si debeam coronari* (I. 357). Также II. 129-131. Принимая в расчет приведенные выше слова, мы понимаем, насколько далеко от истины высказывание Кропачека: *Man wird den Begriff Vorreformatoren getrost in die historische Rumpelkammer werfen können* («Мы можем, недолго думая, отправить идею о реформаторах до Реформации в мусорную корзину истории»). Он делает это замечание, «доказав», сколь мало значило выражение *sola scriptura* в устах средневековых реформаторов (см. *Walter in Litzg.*, 1905, p. 447).

⁶²³ *Illum librum debet omnis Chriatianus adiscere cum sit omnis veritas* (*De ver.*, I. 109). *Fideles cujuscunque generis, fuerint clerici vel laici, viri vel feminae, inveniunt in ea virtutem operandi, etc.* (pp. 117, 136. *Op. evang.*, II. 36).

⁶²⁴ *Matthew, Sel. Works*, p. 429 sq.

Христиане, мужчины и женщины, старые и молодые, должны как следует изучать Новый Завет, и каждый простой человек, обладающий разумением, должен непрестанно изучать текст Священного Писания. Гордость и жадность священников — причина их слепоты и ереси. Они мешают правильно усваивать Священное Писание. Новый Завет — высший авторитет. Он доступен пониманию простых людей и совершенно необходим для спасения.

Виклиф был первым, кто дал народу всю Библию на родном языке. Он не знал еврейского и, вероятно, греческого не знал тоже. Его перевод, выполненный на основании латинской Вульгаты, родился из страстного желания сделать соотечественников-англичан более верующими и более христианами. Переложение библейских книг Ричарда Ролла и стих Нового Завета кентского происхождения, использовавшийся, очевидно, в женском монастыре⁶²⁵, никоим образом не отрицают первенства английского реформатора в этом вопросе. В выполнении поставленной задачи Виклифу помогал Николас Херефорд, который перевел Ветхий Завет и апокрифические книги до Варуха 3:20. Вскоре после смерти Виклифа Перви выполнил пересмотр получившегося текста Библии. Во вступлении Перви явно упоминает о «недавно переведенной на английский язык Библии» и заявляет, что латинские копии больше нуждаются в исправлении, чем этот перевод. Сохранилось сто семьдесят экземпляров этих двух английских Библий, и представляется странным, что до издания Форшалла и Мэддена в 1850 г. они оставались ненапечатанными⁶²⁶. Причина, по которой этот перевод не использовали Кэкстон и другие английские первопечатники, издававшие «Золотую легенду»⁶²⁷ с ее фантастическими и часто неправдоподобными религиозными баснями, была в том, что Виклифа объявили еретиком, а его перевод Писания был запрещен в Англии религиозными властями.

Рукопись, сохранившуюся в Бодлеевской библиотеке, Форшалл и Мэдден объявляют несомненной оригинальной копией самого Херефорда. Эти издатели относят перевод к 1382 и 1388 г. Перви был доллардом, жившим в доме Виклифа и, по свидетельству летописца того времени Найтона, многому у него научившимся. Он был посажен в тюрьму, но в 1400 г. покаялся и стал викарием Гифа. От этого поста он отказался три года спустя. Во второй раз его посадил в тюрьму архиепископ Чичеле (1421); он был еще жив в 1427 г. и, вероятно, умер в тюрьме.

Если верить описанию Найтона в его «Хронике», то современники Виклифа восприняли дарованную им английскую Библию как нововведение и осквернение святыни. Этот неуместный и профанирующий святыню дар сравнивали с метанием жемчуга перед свиньями. Найтон через 20 лет после смерти Виклифа пишет:

Евангелие, которое Христос завещал клиру и докторам церкви, чтобы они, в свою очередь, доносили его до мирян и более слабых лиц, этот магистр Джон Виклиф перевел с латинского языка на английский, не ангельский, а народный (*vulgare*), доступный мирянам и женщинам, умеющим читать, а не только ученым клирикам с соответствующим духовным опытом. Так жемчуг Евангелия был брошен на поппание свиньям, и то, что было дорого клиру и мирянам, стало предметом общей насмешки

⁶²⁵ Текст опубликован в Кембридже, 1902 и 1905 г. (Anna C. Puares: *A Fourteenth Engl. Bible Vs.*).

⁶²⁶ *The Holy Bible, containing the Old and New Testaments with the Apocryphal Books, in the earliest English Versions made from the Vulgate by John Wycliffe and his Followers*. 4 vols., Oxford, 1850. Работа заняла 22 года. Издание содержит вступление Перви и обширное предисловие редакторов. Новый Завет Перви был напечатан Джоном Льюисом (Лондон, 1731) и перепечатан Генри Бэбером (Лондон, 1810), а также в Bagster, *Hexapla*, Lond., 1841. Адам Кларк опубликовал перевод Песни песней, сделанный Виклифом, в своем *Commentary*, 3rd vol., 1823; см. также Lea Wilson, *Wyclif's New Test.*, Lond., 1848.

⁶²⁷ {Иакова из Варацце, см. предыдущий том, §61.}

у тех и других. Драгоценная роль клира превратилась в забаву для мирян, а то, что было для клира и докторов церквей Божиим даром, стало балаганным Евангелием [или общедоступной ценностью]⁶²⁸.

То есть автор здесь явно утверждает, что Виклиф перевел как минимум часть Писания, что перевод этот был новшеством и что английский язык не подходит для передачи Священного Слова. Оно является книгой для клира, но было оскорбительно дерзостью, с которой Виклиф сделал его доступным для мирян.

Труд Виклифа был немедленно осужден церковными властями, но булла, представленная в английском парламенте (1391) и осуждающая английские переводы Библии, была отвергнута благодаря влиянию герцога Ланкастерского. Однако Оксфордский синод 1408 г. принял угрожающее постановление: никто, под страхом отлучения, не может, своей властью, переводить Писание на английский или какой-либо другой язык, если такие переводы не будут одобрены епископом или, при необходимости, поместным синодом. В документе явно упоминается перевод, «сделанный во времена Джона Виклифа». В послании к Иоанну XXIII (1412) архиепископ Арундель воспользовался возможностью, чтобы осудить «этого злосчастного грешника, чья память проклята, предтечу и ученика антихриста, который в довершение своих прегрешений придумал новый перевод Писания на свой родной язык»⁶²⁹.

В 1414 г. чтение английского Писания было запрещено под страхом лишения «земли, скота, жизни и конфискации имущества у наследников навеки». Такое осуждение перевода на разговорный английский язык вполне соответствовало обвинениям, выдвигавшимся Виклифом в адрес папства, и постановлению Тулузского синода 1229 г. Прелаты, вслед за Арунделем, часто осуждали переводы Библии на разговорные языки и их распространение вплоть до разразившейся в XIX веке папской критики библейских обществ, когда Пий VII (1816) объявил их «дьявольскими отродьями, подрывающими основы веры». Утверждение же католических апологетов о том, будто католическая иерархия якобы никогда не выступала против распространения Писания на народных языках, а была против одних только неавторизованных переводов, могло бы изменить протестантскую точку зрения, если бы у нас были хоть какие-то свидетельства о хотя бы каких-то, пускай даже ограниченных, попытках католической церкви поощрять изучение Библии среди мирян и открыть для них страницы Писания. Если мы обратим взгляд на нынешние католические страны Южной Европы и Южной Америки, где католицизму ничего не препятствовало, мы увидим совершенно противоположную картину.

Виклиф в самых ясных выражениях обвинял священников своего времени в том, что они скрывают от мирян Слово Божье и не позволяют услышать его на том языке, на котором народ мог бы его понять. Остается фактом, что со времен Виклифа до эпохи королевы Елизаветы католическая Англия не создала ни одного перевода Библии, и английские реформаторы небезосновательно считали, что католическая иерархия выступает категорически против переводов Библии на английский язык. Тиндейлу пришлось бежать из Англии, чтобы перевести Новый Завет, и все копии первого издания его перевода, какие только удалось

⁶²⁸ *Commune aeternum*. Трудно адекватно передать смысл этого оборота. Далее Найтон упоминает о Гильоме Сент-Амурском, который говорил о неких людях, что они превратили чистое Евангелие в иное евангелие: *evangelium aeternum* или *evangelium Spiritus sancti* (Knighton, *Chronicle*, II. 151 sq.).

⁶²⁹ *Novae ad suae malitiae complementum Scripturarum in linguam maternam translationis practica adinventata* (Wilkins, III. 350).

собрать, были сожжены на английской земле. Хотя нам и говорят, что перевод Тиндейла был сожжен за то, что он был «неавторизованным», не подлежит сомнению факт, что католическая иерархия предприняла первые попытки дать Библию англичанам лишь через много лет после того, как в этой стране началась протестантская Реформация и утвердился протестантизм.

Копии переводов Виклифа и Перви, похоже, распространялись в Англии в значительных количествах. Ими владели представители и высших, и низших слоев общества. Лолларды очень дорожили ими. Великолепная копия была подарена лондонским картузианцам Генрихом VI, другой копией владел Генрих VII. Сэр Томас Мор заявляет, что у Джона Ханна, впоследствии сожженного, была Библия, «переписанная с копии Виклифа и переведенная им на наш язык»⁶³⁰. Эти книги в течение полутора веков помогали духу Виклифа сохранять жизненную силу в Англии, но мы не можем сказать, какое влияние перевод Виклифа оказал на протестантских реформаторов. Неизвестно, пользовались ли они им вообще. Некоторые из мест — например, о сучке и бревне в глазу и об узких вратах, присутствующие в переводе XVI века, похоже, показывают, что, по меньшей мере, эти слова стали общеизвестны благодаря переводу Виклифа⁶³¹. Бесценное наследство, доставшееся англоязычным народам в виде английского перевода Библии, доступной теперь всем, кто умеет читать, образованным и необразованным, мирянам и клирикам, продолжает связываться с именем реформатора XIV века. Один из наиболее способных специалистов по Виклифу последнего времени, Будденсиг, сказал, что призыв чтить Писание как Слово Божье, изучать его и усердно ему повиноваться красной нитью проходит через произведения Виклифа⁶³². Сам не зная об том, Виклиф выразил прямо противоположное Августину мнение, заявив, что авторитет Писания коренится не в суждении церкви, а во Христе.

Если рассмотреть деятельность и взгляды Джона Виклифа, становится очевидно, что почти во всех особенностях учения этот человек предвосхищал Реформацию. Мы убеждаемся в этом тем сильнее, чем тщательнее изучаем его высказывания. Он превозносил проповедь. Он настаивал на распространении Писания среди мирян. Он требовал от клира чистоты и веры. Он отрицал непогрешимость папских высказываний и даже объявлял, что папство не обязательно для существования церкви. Он определял церковь как сообщество избранных. Он доказал, что учение о пресуществлении не соответствует Писанию и неразумно. Он называл священническое отпущение грехов формальным действием. Он не соглашался с распространенным взглядом на паломничества. Он оправдывал брак как почетные отношения между людьми, приводя библейские обоснования. Он считал, что монах должен быть волен отказаться от своего обета и заняться полезным трудом.

Виклиф не формулировал учение об оправдании верой, но он постоянно говорит, например, о том, что вера во Христа есть жизнь. Он отрицал учение о заслугах и считал посредничество Христа достаточным для спасения. Он подошел близко к деятелям Реформации, утверждая, что «вера — это всё богословие» (*fides est summa theologia*) и что только через изучение Писания можно стать христианином⁶³³.

⁶³⁰ More, *Works*, p. 240, цит. в Gairdner, I. 112.

⁶³¹ Forshall and Madden, p. xxxii, и Eadie, pp. 90-94.

⁶³² Buddensieg, предисловие к *De ver.*, pp. xxxii, xxxviii.

Все учения Виклифа основаны на его вере во Христа и призыве следовать за Ним и повиноваться Его закону. Вряд ли будет преувеличением сказать, что имя Христа появляется на каждой странице его произведений. Для него Христос был высшим из философов, сутью всякой философии⁶³⁴.

Насколько мы знаем, Виклиф дошел до своих взглядов независимо. У нас нет сведений о том, что он был связан с какой-либо из средневековых сект, в чем его обвиняли, или же что он опирался на Марсилию или Оккама. Виклиф явно говорил, что почерпнул свои своеобразные взгляды не у Оккама, а из Писания⁶³⁵.

Континентальные реформаторы не воздали Виклифу почестей, в отличие от Гуса. Если бы они больше о нем знали, они больше бы о нем говорили⁶³⁶. Если бы у Лютера был доступ к великолепным изданиям Виклифского общества, он сказал бы об английском реформаторе то же, что сказал о трудах Весселя, когда они попали к нему в руки. За трудами Виклифа не последовало организованной реформации, потому что времена еще не созрели. Тем не менее, несмотря на все сходство между его взглядами и учениями Реформации, можно с достаточными основаниями утверждать, что этот англичанин, будучи евангелистом в речах и патриотом по духу, не переставал быть схоластом. Лютер же был полностью человеком нового времени.

ПРИМЕЧАНИЕ. Авторство первой английской Библии. Недавно приоритет перевода Виклифа был отвергнут аббатом Гаске в двух пространных очерках (*The Old English Bible*, pp. 87-155). Гаске также объявил сомнительным, что Виклиф вообще когда-либо переводил хотя бы часть Библии. Здесь мы можем позволить себе лишь вкратце обсудить эту тему. Помимо свидетельства Найтона, которое сформулировано так ясно, как только может быть, у нас есть свидетельство Яна Гуса (его ответ кармелитам, 1411), что Виклиф перевел на английский язык всю Библию. Никто не утверждал, что Виклиф сделал это в одиночку, и Гус, конечно же, имел в виду, что Виклиф был инициатором работы и главным связанным с ней лицом. Сомнения по поводу первого пункта, приоритета перевода Виклифа, возникли из-за высказывания Томаса Мора в его «Диалоге» (1530)⁶³⁷. Выступая против позиции Тиндейла и реформаторов, Мор говорил: «Вся Библия еще до времен Виклифа была переведена на английский язык добродетельными учеными, и благочестивые люди читали ее почитательно, с верой и здравомыслием». Мор также утверждает, что видел несколько копий этой Библии. Если мы детально рассмотрим это заявление, то вполне может оказаться, что Мор ошибался, так как: 1) Его слова противоречат свидетельству Найтона, если воспринимать его буквально, и словам Гуса. 2) Судя по собственным словам Виклифа, до его перевода Библии на английский язык не существовало. 3) Лолларды связывали свою Библию с именем Виклифа. 4) До Реформации ни один английский автор не упоминал ни об одном переводе, кроме как в связи с временем Виклифа и его именем. Сэр Томас Мор был вовлечен в спор и пытался отстоять мнение, что католическая иерархия не была против переводов Писания и их распространения среди мирян. Что касается аббата Гаске,

⁶³³ См. *De ver. scr.*, I. 209, 212, 214, 260, II. 234. Он проводил разграничение между материальным и формальным принципами, говоря о словах Христа как о чем-то *materiale*, а об их внутреннем смысле — как о чем-то *formale*. Buddensieg (p. xlv) говорит, что Виклиф предчувствовал идею оправдания верой. Согласно Пулу, он сформулировал эту идею в иных словах в своем трактате о власти. Rashdall (*Dict. Natl. Biog.*, LXIII. 221) пишет, что, за исключением учения об оправдании верой, в учениях XVI века мало такого, чего не предвосхитил бы Виклиф.

⁶³⁴ *Summus philos., immo summa philosophia est Christus, deus noster, quem sequendo et discendo sumus philosophi* (*De ver. scr.*, I. 32).

⁶³⁵ *De ver. scr.*, I. 346 sqq. См. Loserth, *Kirchenpolitik*, pp. 2, 112 sq. Buddensieg (*De ver. scr.*, p. viii) говорит: *Was er war wissen wir, nicht wie er es geworden* («Мы знаем, кем он был, но не знаем, как он таким стал»). См. римско-католическое суждение в Hergenröther-Kirsch, II. 878, где взгляды Виклифа связываются с ложной философией вальденсов, апокалиптиков, Марсилию и Оккама.

⁶³⁶ Меланхтон в послании к Миконию заявлял, что Виклиф совсем ничего не знал про учение об оправдании. В другом месте он говорил, что Виклиф неразумно мешал Евангелию с политикой.

⁶³⁷ *Works*, p. 233.

то он, предложив ряд надуманных возражений и отвергая буквальное понимание высказываний Найтона и Арунделя, вообще отрицает, что Виклиф был автором приписываемого ему перевода, изданного Форшаллом и Мэдденом, и объявляет эту Библию одним из более древних переводов, упомянутых Мором. Здесь следует напомнить, и мы поговорим об этом позже, что аббат Гаске представляет в Англии школу Янсена. Эта школа старается доказать, что Католическая церковь целенаправленно усовершенствовалась до появления Лютера, а Лютер и реформаторы помешали этому развитию и преднамеренно извратили представления о церкви своего времени. Доктор Гаске, пользуясь меньшим количеством приемлемых фактов и литературы, чем Янсен, старается представить положение Английской церкви в средние века как здоровое. Он делает это, 1) упоминая о существовании обширной средневековой английской литературы (еще пребывавшей в виде рукописей на момент, когда он заявлял о своей точке зрения); 2) совершенно игнорируя высказывания Виклифа; 3) отвергая свидетельства английских реформаторов; 4) игнорируя лоллардов как недалеких и невежественных людей. И против всех этих свидетельств он выдвигает мнение одного человека — сэра Томаса Мора.

Вторая предпосылка доктора Гаске, на основании которой он полагает, что создание Виклифом перевода Библии сомнительно и даже мало правдоподобно, связана в основном с тем фактом, что Виклиф нигде в своих произведениях не упоминает о таком переводе. Но если мы обратимся к высшему авторитету для самого аббата, сэру Томасу Мору, то увидим, что такое сомнение ничем не оправдано и даже преступно. Мор, говоря о Джоне Ханне, который был сожжен, утверждает, что у того была копия Библии, сделанная «на основании копии Виклифа» (Eadie, I. 60 sq.; Westcott, *Hist. of the Eng. Bible*). Той же позиции, что и автор, в основном придерживаются Gairdner, *Lollardy*, I. 101-117; Sapes, pp. 125-128; F. D. Matthew, в *Eng. Hist. Rev.*, 1895; и Bigg, *Wayside Sketches*, p. 127 sq. До Гаске схожие взгляды выражал Lingard (*Hist. of Eng.*, IV. 196), который ставил акцент на свидетельстве Мора, чтобы опровергнуть влияние Виклифа и отказать ему в почестях, связанных с созданием английского перевода Библии.

Можно ли считать честным участника дискуссии на данную тему, если он игнорирует широко известное отношение Виклифа к ценности Писания для народа и его призывы дать народу Библию посредством проповедей и перевода? Отношение доктора Гаске к «странной личности Виклифа» видно из его слов: «Как можем мы, католики, относиться к его неразумным богословским взглядам, касательно которых мнение совершенно однозначно, или, как миролюбивые граждане, к его диким революционным общественным теориям, которые и без того достаточно говорят за себя?» (*Old Eng. Bible*, p. 88).

Вот два отрывка из перевода Виклифа.

Мф. 8:23-27. And Jhesu steyinge vp in to a litel ship, his disciplis sueden him. And lool! a grete steryng was made in the see, so that the litil ship was hilid with wawis; but he slepte. And his disciplis camen nigh to hym, and raysiden hym, sayinge, Lord, saue vs: we perishen. And Jhesus seith to hem, What ben yhee of litil feith agast? Than he rysynge comaundide to the wyndis and the see, and a grete pesiblenesse is maad. Forsothe men wondreden, sayinge: What manere *man* is *he* this, for the wyndis and the see obeishen to hym.

{Иисус взшел в небольшую лодку, а Его ученики последовали за Ним. И вот, великое волнение сделалось на море, так что маленьким суденышком овладели волны; но Он спал. Его ученики подошли к Нему и разбудили, говоря: Господи, спаси нас, мы погибаем. А Иисус сказал им: Почему у вас опять мало веры? Затем Он, поднявшись, приказал волнам и морю, и стала великая тишь. И люди крайне удивлялись, говоря: Что же *это* за *человек* такой, если ветра и море повинуются Ему?}

Рим. 8:5-8. For thei that ben aftir the fleisch saueren tho thingis that ben of the fleisch, but thei that ben aftir the spirit felen tho thingis that ben of the spirit. For the prudence of fleisch: is deeth, but the prudence of spirit: is liif and pees. For the wisdom of fleische is enemye to God, for it is not suget to the lawe of God: for nether it may. And thei that ben in fleisch: moun not please to God.

{Ибо те, кто от плоти, собирают то, что от плоти, а те, кто от духа, помышляют о том, что от духа. Но плотские помыслы — это смерть, а помыслы духа — жизнь и мир. Ибо мудрость плоти — враг Бога, ведь она не подчиняется Божьему закону, да и никогда не может. И те, кто живет по плоти, не могут угодить Богу.}

§43. Лолларды

Хотя влияние, оказанное Виклифом на Англию, не привело к созданию никакой конкретной и постоянной организации, оно продолжало ощущаться дольше века. Сторонники его взглядов стали известны как виклефиты или лолларды. Лоллардов с именем реформатора связывают уже летописцы того времени Найтон, Уолсингем и Вальден⁶³⁸. Первый термин постепенно уступил место второму, который стал включать в себя всех еретиков Англии.

Термин «лолларды» проник в Англию из Голландии и из земель, окружавших Кельн. Уже в 1300 г. еретики-лолларды были, вместе с бегардами, бегинками, фратичелли, швестрионцами и даже бичующимися, преданы церковной анафеме. О происхождении этого слова, как и названия «гугеноты», ведутся споры. Мнение, что оно происходит от имени голландца Вальтера Лолларда, сожженного в Кельне в 1322 г., сейчас предано забвению⁶³⁹. Современники считали это название произошедшим от *lolium* («плевелы»), с указанием на ложное учение, которое сеяли эти сектанты (так полагает Найтон, а также, вероятно, и Чосер), — или же от их привычки петь, от латинского *laudare* («восхвалять»)⁶⁴⁰. Самая правдоподобная версия гласит, что название лоллардов произошло от нижненемецкого *lullen* или *einlullen* («баюкать»), откуда английское слово *lullaby* («колыбельная»). Однако до нас не дошло ни одной песни лоллардов. Уже через десять лет после смерти Виклифа (1396) Бонифаций IX выпустил буллу против нидерландских «луллардов или бегардов».

Движение сторонников Виклифа было жестоко подавлено инквизицией, организованной епископами и санкционированной парламентом. Из первого поколения еретиков, живших до 1401 г., большинство, если не все, покалялись, когда дело дошло до суда. В XV веке состоялось много судов над лоллардами. Много лоллардов стали мучениками. В начале XVI века их число возросло. Активные меры принимал архиепископ Куртене. При его преемнике Томасе, графе Арунделя, гонения вошли в полную силу. Воинственный епископ Норвича Генри Спенсер охотно присоединился к подавлению ереси, поклявшись казнить на костре или на плахе любого несогласного, который осмелится проповедовать в его епархии. Первое поколение последователей Виклифа в основном раскаялось в своих взглядах, потому что суды над еретиками в Англии были новы и обвиняемые впервые столкнулись с иерархией во всей ее мощи⁶⁴¹.

Но в 1394 г. несогласные оказались уже достаточно сильны, чтобы направить в парламент прошение, состоявшее из двенадцати заключений⁶⁴². В нем Римская церковь была названа махехой Английской. Говорилось, что многие рукополо-

⁶³⁸ В 1382 г. Репингдона называли *Lollardus de secta Wyclif*, а о Питере Стокисе говорили как о выступавшем против «лоллардов и секты Виклифа» (*Fasc.*, 296). Knighton (II. 182, 260) явно называет сторонников Виклифа лоллардами (*Wycliviani qui et Lollardi dicti sunt*).

⁶³⁹ Fredericq, I. 172. Некий Матфей, кости которого были эксгумированы и сожжены, назван *Mattaues Lollaert* (Fred., I. 250). Документы, в которых лолларды связываются с другими сектантами, см. в Fred., I. 228, II. 132, 133, III. 46, etc.

⁶⁴⁰ Ян Хоксем из Льежа (ум. в 1348) в своем *Gesta pontiff. Leodiensium* говорит: *eodem anno (1309) quidam hypocritae gyrovagi qui Lollardi sive Deum laudantes vocabuntur*, etc. (Fred., I. 154). У Чосера в прологе к истории шкипера написано:

...Он проповедник! — Ну и что ж такого?
— Чтобы вещал лоллард Господне слово,
Да это значит поле засорять.

⁶⁴¹ Cheyney, p. 436 sqq.

⁶⁴² Gee and Hardy, pp. 126-132. *Fasc.*, pp. 360-369. См. Gairdner, I. 44-46.

женные священники не посвящены Богом. Разъяснялся вред насильственного celibата. Отрицалось физическое присутствие Христа в евхаристии. Осуждались паломничества и поклонение образам. Исповедь перед священниками и индульгенции объявлялись мерами, изобретенными ради выгоды клира. Помимо Библии, в документе цитируется «Триалог» Виклифа, с упоминанием его имени.

Примерно с 1390 по 1425 г. мы слышим о лоллардах отовсюду, а летописец того времени мог сказать, что, если на дороге встретятся двое, то один из них точно будет лоллардом⁶⁴³. С возвышением на трон Генриха IV из Ланкастеров (1399 — 1413) была введена политика строгости. Кульминация она достигла в 1401 г., когда парламент принял закон о сожжении еретиков, первый акт такого рода в Англии⁶⁴⁴. В постановлении лолларды были названы новой сектой, выступающей против веры церкви в том, что касается таинств, а также против закона Бога и церкви, поскольку узурпирует право проповедников. Постановление запрещало народу проповедовать, создавать школы, молельни и издавать книги. Нарушителей должны были судить в епархиальных судах, если же они признавались виновными и отказывались покаяться, их передавали гражданским властям и сжигали. Сожжение должно было происходить на возвышении, чтобы люди могли видеть наказание и боялись нарушить закон.

Все выдающиеся личности, связанные с ранним периодом виклефитства — Филипп Репингдон, Джон Эштон, Николас Херефорд и Джон Перви, — покалялись. Последние трое вместе с Виклифом названы Найтоном четырьмя архиерейскими.

Репингдон, который в Оксфорде смело поддержал Виклифа и его отношение к таинствам, полностью покался в 1382 г. Потом он был в фаворе, стал канцлером Оксфорда, епископом Линкольна и кардиналом (1408). Он проявил рвение, сурово расправляясь с сектой, взгляды которой ранее поддерживал.

Джон Эштон был одним из самых активных проповедников Виклифа. Говоря о его еретическом рвении, Найтон пишет, что он «выпрыгивал из постели и, как собака, готов был залаять при малейшем звуке». Эштон подчинился суду Куртене, заявив, что «верует, как верует наша мать, святая церковь», и что во время таинства священник держит в руках само тело Христово. Ему возвратили право читать лекции в Оксфорде, но позже он снова связался с еретиками⁶⁴⁵.

Николас Херефорд, помощник Виклифа в подготовке переводов, апеллировал к римскому суду, был осужден там и посажен в темницу. После двух лет заключения он бежал в Англию, снова попал в тюрьму, примирился с церковью и умер картузианцем.

В 1389 г. девять лоллардов покалялись перед Куртене в Лестере. Популярный проповедник Уильям Свиндерби, на проповеди которого в Лестере народ стекался отовсюду, раскаялся, но потом взялся за прежнее, в 1391 г. был судим и осужден. Фокс говорит, что неизвестно, был он сожжен или умер в тюрьме.

Количество приговоренных к смерти по закону 1401 г. в совокупности не было велико. Но его жертвами продолжали становиться в течение 125 лет, до середины правления Генриха VIII. Среди судимых не было известных клириков

⁶⁴³ Knighton, II. 191.

⁶⁴⁴ *De comburendo haeretico*, Gee and Hardy, pp. 133-137.

⁶⁴⁵ Knighton (II. 171 sqq.) приводит текст отречения на английском языке, а в *Fasc.* (p. 329) он есть на латыни. Рассказы Джона Фокса о лоллардах всегда остроумны. Труд Гэрднера — лучший и самый полный из современных. Его мнение о Фоксе см. в I. 159, 336 sqq. Он считает, что Фокс точно передает документы. Всегда полезны статьи из *Dict. of Natl. Biog.*

вроде Ридли и Латимера. Лолларды были скромными людьми, но их упорство показало, сколь велико было влияние учений Виклифа. Первый мученик, бедный капеллан Сент-Осифа Уильям Сотре, умер 2 марта 1401 г., еще до того, как был принят закон о сожжении еретиков. Он покался, а потом снова вернулся к еретическим взглядам. После суда над ним духовный суд велел мэру или шерифу Лондона «предать его огню, чтобы он был сожжен»⁶⁴⁶. Его обвиняли в том, что он отрицал телесное присутствие Христа в евхаристии, осуждал поклонение кресту и учил, что проповедь — это самая важная обязанность священника.

Среди сожженных были: портной Джон Бэдби из Ившема (1410), который встретил свою ужасную участь прикованным внутри бочки, два лондонских торговца Ричард Терминг и Джон Клейдон в Смитфилде (1415), священник Уильям Тейлор в Смитфилде (1423), Уильям Уайт в Норвиче (1428), Ричард Ховеден, житель Лондона (1430), священник Томас Бэгли (1431) и Ричард Уайш (1440), который переписывался с Гусом. Питер Пейн, глава оксфордского колледжа Сент-Эдмундс, спасся бегством (1417) и стал лидером гуситов, приняв в качестве их представителя видное участие в Базельском соборе. По сведениям Фокса, в 1424 — 1430 г. в одном только Норвиче за ересь судили сто человек. Угроза считалась столь большой, что в 1427 г. Ричард Флемминг, епископ Линкольна, основал Линкольнский колледж в Оксфорде для борьбы с ересью. Именно в этом колледже учился Джон Весли — человек, совершивший великий прорыв в Английской церкви.

Случай Уильяма Торпе, которого судили в 1397 г. и вновь, перед Арунделем, в 1407 г., интересен не только сам по себе, но и тем, что на втором судебном заседании говорилось о Виклифе. Архиепископ, обвинив Торпе за то, что он 20 лет странствовал по Северной Европе, распространяя заразу ереси, объявил, что Бог призвал его, архиепископа, уничтожить ложную секту, к которой принадлежит подсудимый, и он, архиепископ, поклялся «наказывать вас с таким тщанием, чтобы и следа от вас не осталось в этой стране»⁶⁴⁷. Слова Торпе о том, что Виклиф был великим священнослужителем своего времени, побудили Арунделя признать, что Виклиф действительно был великим священнослужителем и, по мнению многих, «жил в совершенстве», но многие его богословские выводы прокляты, и прокляты совершенно правильно.

До конца XIV века ряд высокопоставленных мирян при дворе поддерживали учение Виклифа, в том числе сэр Льюис Клиффорд, сэр Ричард Стери и сэр Джон Клэнвоув, все — члены королевского совета, сэр Джон Чейн, спикер нижней палаты, лорд-канцлер сэр Томас Эрпингем и граф Солсберийский⁶⁴⁸. Когда гонения приняли активную форму, эта поддержка по большей части прекратилась. Сэр Джон Олдкастл, известный также как лорд Кобхем из-за своего брака с наследницей имения Кобхем, повел себя иначе. Он оставался верен идее до конца, поощрял проповедников в своем поместье в Кенте, осуждал мессу с пресуществлением, устную исповедь и поклонение образам. Суд Арунделя, перед которым он предстал после многочисленных обвинений, передал его светским вла-

⁶⁴⁶ Джи и Харди приводят приговор, в *Fasc.* рассказывается о заседаниях суда. Неизвестно, по какому закону Сотре был приговорен к сожжению. Профессор Мейтленд в своем *Canon Law* утверждает, что такова была древняя каноническая практика, отраженная в папских буллах. В момент, когда погиб Сотре, парламент еще рассматривал закон *De comburendo*.

⁶⁴⁷ О заседаниях очень подробно рассказывают Фокс и Бэйл, который копирует рассказ Тиндейла (*Sel. Works*, Bp. Bale, pp. 62-133).

⁶⁴⁸ Walsingham, II, 244; Knighton, II. 181; *Chron. Angl.*, p. 377.

стям, «чтобы предать его смерти». Олдкастл был заключен в Тауэр, но бежал и скрывался четыре года. В 1414 г. его обвинили в участии в восстании 20 тыс. лоллардов против короля. Объявленный вне закона, он бежал в Уэльс, где был схвачен три года спустя, привезен в Лондон, повешен и сожжен как изменник и еретик 15 декабря 1417 г.⁶⁴⁹ Джон Фокс увидел в нем «блаженного мученика Христа, славного лорда Кобхема».

Приятно видеть, что, несмотря на все эти суды и казни, Оксфордский университет в 1406 г. хранил добрую память о своем опороченном, но выдающемся покойном представителе, вспоминая о чистоте его жизни, силе проповедей и усердии в занятиях. Но как бы ни жива была память о нем в Оксфорде, пускай даже тайная, парламент был намерен поддержать церковные власти и искоренить его учение. В 1414 г. парламент приказал гражданским властям брать на себя инициативу в искоренении ереси, а городские власти, начиная от лорда-канцлера, должны были пользоваться своим влиянием, чтобы покончить «со всеми ересями, заблуждениями и лоллардством». Этой клятвы с них требовали в течение двухсот лет, пока сэр Эдвард Коук, лорд верховный шериф Бэкингемшира, не отказался приносить ее из-за упоминания в ней лоллардов и не настоял на том, чтобы принципы лоллардов были признаны Английской церковью⁶⁵⁰.

Архиепископ Чичеле, похоже, не менее своего предшественника Арунделя стремился очистить королевство от еретической заразы. В 1416 г. он призывал своих суффраганов дважды в год тщательно допрашивать подозреваемых лиц, а в тех случаях, когда их дела не передаются в светский суд, подвергать их пожизненному или временному заключению, в зависимости от ситуации. Примерно в то же время некий англичанин на суде над Гусом в Констанце, проведя параллель между взглядами Виклифа и судимого беглеца, сказал: «Клянусь душой, если бы я был на вашем месте, я бы отрекся, потому что в Англии все учителя, один за другим, хотя и очень хорошие люди, отреклись по приказу архиепископа, когда их стали подозревать в виклефитстве»⁶⁵¹.

Ересь проникла и в Шотландию. Один из «бедных священников» Виклифа, Джеймс Ресби, был сожжен в Перте (1407), другой — в Глазго (1422). В 1433 г. богемский студент колледжа Сент-Эндрюс Павел Крав был таким же образом наказан за ересь⁶⁵². Шотландский парламент 1425 г. призывал епископов искать еретиков и лоллардов, а в 1416 г. каждый магистр искусств в Сент-Эндрюсе обязан был клясться, что будет защищать от них церковь.

В 1450 — 1517 г. лоллардство существовало почти исключительно в сельских областях, и в хрониках того времени оно упоминается редко. В Эмершеме, одном из его центров, четверых человек судили в 1462 г. Некоторые были приговорены к смерти, например Уильям Барлоу в 1466 г. и Джон Гуз несколько лет спустя. В 1507 г. там были сожжены трое, в том числе Уильям Тилсуорт, глава общины. В критический момент члены общины предали его, и шестьдесят из них помогли

⁶⁴⁹ Walsingham (II. 328) сообщает, что он был повешен как изменник и сожжен как еретик. Usk (p. 317) пишет, что «его притащили к виселице на железной цепи и на ней повесили. Потом его сожгли на сильном огне, и он по справедливости уплатил свой долг обоим мечам». В *Fasciculi* подробно рассказывается о взглядах сэра Джона и о суде над ним. По поводу этой личности существуют самые разные мнения. Фуллер называет его «веселым собутыльником, радостным гулякой и трусом». Шекспир представил его в образе Фальстафа (см. Gairdner, I. 97 sq.).

⁶⁵⁰ Summers, p. 67.

⁶⁵¹ Loserth, *Wiclif and Hus*, p. 175.

⁶⁵² Mitchell, *Scottish Reformation*, p. 15.

нести хворост к его костру. Этот эпизод был известен в районе как «великое отречение». Первой женщиной-мученицей в Англии стала Джоан Браутон, которая была сожжена в Смитфилде (1494) вместе со своей дочерью, Леди Янг. Девять лоллардов публично покаяться в Ковентри (1486), но даже в 1519 г. там было казнено шесть мужчин и одна женщина. Фокс упоминает также Уильяма Свитинга и Джона Брюстера, сожженных в Смитфилде в 1511 г., и Джона Брауна, сожженного в Эшфорде в том же году. Мы можем только догадываться, насколько была распространена тайная верность взглядам Виклифа и его труд. Закон против лоллардов был отменен только в 1559 г.

Об учении и практике лоллардов мы узнаём из их «Двенадцати заключений» и других лоллардских документов, из записей о судах над ними и из «Опровержения в ответ на непомерные обвинения клира» — английского трактата, написанного доктором Пикком, епископом Чичестера, и завершённого в 1455 г. Епископ Пикок, склонный к либеральному мышлению, относился к еретикам иначе, чем Куртене, Арундель и другие прелаты, и пытался спокойно уговорить лоллардов оставить их заблуждения. Он упоминал в связи с ними о «тех, кто разумее» (1 Кор. 14:38; 2 Тим. 2:19), и называл их «мирской партией» или «библейскими людьми». Он предложил рассмотреть их возражения против 11 обычаев и установлений, таких как поклонение образам, паломничества, земельные дары церкви, ранги среди клира, религиозные ордена, месса, клятвы и война. Он пытался также опровергнуть их мнение, что ни одно постановление, которого нет в Писании, не может считаться действительным. Опережая свой век, епископ утверждал, что к огню, мечу и повешению прибегать не следует, пока не были предприняты попытки «чистым разумом привлечь лоллардов к согласию с истинной верой». Его разумный совет навлек на него неприятности, и в 1457 г. архиепископ Бушье подверг его суду и велел покаяться под угрозой сожжения. Пикок предпочел покаяться и сделал это у креста Св. Павла в присутствии архиепископа и тысяч зрителей. Он был облачен в одежды епископа и принес 14 своих произведений для сожжения⁶⁵³. Он был вынужден отказаться от своей епархии, а в 1459 г. был вынужден, по приказу папы, удалиться затворником в аббатство Торни. Его «Угнетатель» был после этого дважды сожжен в Оксфорде.

Похоже, все лолларды отрицали телесное присутствие Христа в хлебе евхаристии и осуждали паломничества, поклонение образам и устную исповедь. Они заявляли также о праве народа читать Писание на своем родном языке⁶⁵⁴. Среди них было распространено выражение «закон Божий». Этот закон они противопоставляли каноническому праву и решениям церковных судов. Некоторые отрицали существование чистилища и даже утверждали, что спасение основано на вере⁶⁵⁵, в подтверждение чего цитировались слова: «Вера твоя спасла тебя». Некоторые отрицали, что брачные узы накладываются действиями священников, а также сомневались в том, что целибат священников необходим и оправдан с точки зрения Писания⁶⁵⁶.

⁶⁵³ Среди этих трудов был «Соблазнитель» (*Provoker*), в котором Пикок отрицал, что апостолы были авторами апостольского символа веры. См. введение к Babington, *Repressor*, в *Rolls Series*, и ст. *Pecock* в *Dict. Natl. Biog.*, XLIV. 198-202.

⁶⁵⁴ Knighton (II. 155) жалуется на то, что у лоллардов было Писание на народном языке. Он говорит, что миряне считали такой перевод *melior et dignior quam lingua latina* {«лучше и достойнее, чем латинский»}.

⁶⁵⁵ Walsingham, II. 253.

⁶⁵⁶ Summers (p. 60) упоминает о неопубликованной лоллардской рукописи из 37 статей, в которой

Лоллардство предвосхищало Реформацию XVI века и готовило английский народ к связанным с нею переменам. Лоллардов поддерживали многие клирики, но по сути это было движение мирян. В первый период Реформации английских лютеран называли последователями Виклифа. В 1523 г. в послании к Эразму Тонстолл, епископ Лондона, говорил о лютеранстве, что «это не какое-то губительное новшество, а только подкрепление, влившееся в большой отряд еретиков-виклефитов»⁶⁵⁷.

§44. Ян Гус из Богемии

За морями, в Богемии, взгляды Виклифа укоренились глубже, чем в Англии, и приняли организованную форму. Здесь английского реформатора называли пятым евангелистом, и на ранних этапах своего существования это движение было известно как виклефитство. Только в более позднее время термины «виклефиты» и «виклефитство» были вытеснены названиями «гуситы» и «гуситство». Главными глашатаями движения были Ян Гус и Иероним Пражский, погибшие на костре в Констанце за свою открыто демонстрируемую верность Виклифу.

Благодаря Гусу Прага прочно обосновалась в истории религиозного прогресса. Известная в своей собственной стране как город святого Иоанна Непомука (ум. в 1383), а в военной истории — как резиденция Валленштейна, католического вождя в Тридцатилетней войне, западному миру Прага известна прежде всего как город Гуса. Благодаря его благородному служению выдвинутые Виклифом принципы стали темой обсуждения общецерковных соборов, оказались причиной вооруженных крестовых походов и предоставили впечатляющую возможность наблюдать упорное сопротивление религиозному угнетению. Виклефитство было забыто в Англии, тогда как гуситство, несмотря на самые ожесточенные преследования иезуитов, влилось чистыми, хотя и небольшими потоками в религиозную историю современности, в основном через моравов Гернгута.

В правление Карла IV, короля Богемии и императора (1346 — 1378), королевство переживало золотой век своей литературной и религиозной истории. В 1344 г. был создано архиепископство Праги, а в 1347 г. произошло событие более чем местного значения — был основан Пражский университет. Первый из германских университетов, он уже вскоре пережил пик своей славы. В городе говорили на чешском и на немецком языках. В конце XIV века он был разделен на пять кварталов. Старый город, где жили в основном немцы, включал в себя церковь Тейн, Каролинум, Вифлеемскую часовню и древние церкви Св. Михаила и Св. Галла. При первом архиепископе Праги Арнесте Пардубице и его преемнике Око Власхеме были предприняты смелые попытки борьбы с церковными злоупотреблениями. В 1355 г. была признана необходимость обучения народа и был принят закон, требующий от приходских священников проповедовать на чешском языке. Популярными проповедниками Конрад Вальдхаузен (ум. в 1369), Милиц Кремзьер (ум. в 1374) и Матиас Янов (ум. в 1394) производили сильное воздействие. Они активно цитировали Писание, призывали чаще причащаться, а Янов, судя по словам Рокичаны на Базельском соборе (1433), похоже, давал чашу и мирянам⁶⁵⁸. Когда Ян Гус начал свою деятельность в университете, он

говорилось о злоупотреблениях клириков, таких как симония, ссоры, принятие светских должностей, клятвы, поклонение образам, плотская евхаристия и узурпация папской власти.

⁶⁵⁷ Trevelyan, p. 349.

⁶⁵⁸ Правдивость заявления Рокичаны отрицает Лозерт (в Herzog, VIII. 588 sq.). О других богемских проповедниках времен Гуса см. Flajshans, *Serm. de Sanctis*, p. iv.

дышал атмосферой, созданной этими пылкими благовестниками, хотя в своих произведениях он нигде их не цитирует.

Тесное общение между Англией и Богемией установилось после брака сестры богемского короля Венцеслава Анны Люксембургской с Ричардом III (1382). Она была образованной принцессой, и у нее были книги с текстами Писания на латыни, чешском и немецком. Еще до этого брака, в 1367 г., философский факультет Пражского университета приказывал своим бакалаврам, помимо наставлений собственных профессоров, пользоваться учебниками докторов из Парижа и Оксфорда. Студенты время от времени отправлялись в английские университеты или даже в шотландский Сент-Эндрюс. Среди тех, кто учился в Оксфорде, был Иероним Пражский. Таким образом, между лекционными залами Виклифа и столицей на реке Влтаве (Молдау) был налажен обмен интеллектуальными достижениями⁶⁵⁹. Взгляды Виклифа и его произведения быстро получили известность в Богемии. В 1381 г. ученый богемский богослов Николай Бицепс уже был знаком с его основными принципами и критиковал их. Гус, отвечая английскому кармелиту Джону Стоуксу (1411), заявлял, что у него и у преподавателей университета есть труды Виклифа и что они читают их уже более 20 лет⁶⁶⁰. Сохранилось пять копий этих произведений, сделанных собственной рукой Гуса (1398). Они были захвачены в ходе Тридцатилетней войны и хранятся в Королевской библиотеке Стокгольма.

Ян Гус родился в чешской семье в 1369 г. в Гусинце, Южная Богемия. Гус значит «гусь», и выдающийся представитель этого имени часто относил его к себе в буквальном значении. Например, он писал из Констанца, что надеется на избавление Гуса из темницы, и просил богемцев, чтобы, «если они любят Гуса», они попросили короля помочь в его освобождении. Друзья тоже называли его Гусем⁶⁶¹. Его родители были бедны, и, когда он учился в Пражском университете, он зарабатывал себе на жизнь пением и ручным трудом. Он получил диплом бакалавра искусств в 1393 г. и богословия — год спустя. В 1396 г. он стал магистром искусств, а в 1398 г. начал читать лекции в университете. В 1402 г. он был избран ректором и занимал этот пост шесть месяцев.

С академическими обязанностями Гус сочетал деятельность проповедника, и в 1402 г. был сделан священником часовни Невинных младенцев Вифлеема. Эта церковь, обычно известная как Вифлеемская, была выстроена в 1391 г. двумя богатыми мирянами с тем условием, что священник по воскресеньям и в праздничные дни будет проповедовать в ней на чешском языке. Новый священник сделал ее знаменитой, точно как в IV веке Григорий Назианзин прославил маленькую церковь Анастасию в Константинополе своими речами против арианской ереси.

⁶⁵⁹ См. Loserth, *Wiclif and Hus*, p. 70. Венцеслав IV, по прозвищу Ленивый, был сыном Карла IV. Его второй женой была София Баварская. Его сводный брат Сигизмунд стал его наследником.

⁶⁶⁰ Flajshans, *Serm. de Sanctis*, p. xxi. Nürnberg. ed., I. 135.

⁶⁶¹ Workman, *Hus' Letters*, pp. 94, 118, 163, 189, 192, 198, 201. Форма *Hus*, почти повсеместно признанная в последнее время немецкими и английскими авторами, изменена Лозертом в его статье в Herzog на *Huss*, что больше соответствует немецкому способу написания имен. По той же причине мы здесь используем форму *Huss*, как более привычную для английского читателя и более соответствующую английскому способу написания имен. Карл Мюллер использует это написание в своей *Kirchengeschichte*. Как точную дату рождения Гуса обычно указывают 6 июля 1369 г., но это мнение недостаточно обосновано (Loserth, *Wiclif and Hus*, p. 65 sq.).

Уже в 1402 г. Гус считался главным сторонником и защитником взглядов Виклифа в университете. Протесты клира против их распространения облеклись в плоть в 1403 г., когда университетские власти осудили 24 положения, подвергнутые анафеме Лондонским собором 1382 г. В то же время было осуждено и еще 21 положение — один из магистров университета, Джон Гюбнер, поляк, якобы нашел их в произведениях англичанина. Проповедь этих 45 статей и обучение им запрещались. Среди пылких защитников Виклифа были Станислав из Цнайма и Стефан Палец. Но больше всего критиков возмущали взгляды Виклифа на вечерию Господню.

Новый этап религиозного спора в Богемии начался, когда архиепископом Пражским стал Сбинко из Газенбурга (1403). В начале его правления Гус пользовался доверием прелата, занимал пост синодального проповедника и должен был докладывать архиепископу о злоупотреблениях, с которыми следует бороться. Он был также назначен членом комиссии из трех человек, которая должна была расследовать чудеса, якобы совершенные реликвией крови Христовой в Вилснаке, куда стекались огромные толпы народа. Комиссия признала чудеса поддельными. Вопрос был рассмотрен в университете, даже в Вене и в Эрфурте, — обсуждалось, оставил ли Христос на земле вообще хоть каплю Своей крови. В трактате «Прославление крови Христовой»⁶⁶² Гус отвечал на этот вопрос отрицательно. Несмотря на доклад комиссии и его мнение, чудеса в Вилснаке продолжались, пока в 1552 г. некий ревностный лютеранин не сломал и не сжег дарохранительницу с реликвией.

Виклефитство было так распространено, что Иннокентий VII в 1405 г. попросил Сбинко принять суровые меры для его искоренения и конфискации трудов Виклифа. В том же году Пражский синод запретил пропаганду взглядов Виклифа и обновил осуждение 45 статей. Через три года Гус, продолжавший осуждать злоупотребления клира и поддерживать богословие Виклифа, был смещен с поста синодального проповедника. В том же году университетские власти, по требованию архиепископа, запретили публичные лекции о «Триалог» и «Диалог» Виклифа, распространение его учения о вечере, а также публичные обсуждения какой-либо из 45 признанных еретическими статей.

В следующем, 1409 году университет покинули три землячества — баварцы, саксонцы и поляки. Остались только чехи. Богемцы ожесточенно потребовали себе три голоса, в то время как у всех остальных землячеств было по одному. Когда Венцеслав согласился с этим требованием, 2000 магистров и студентов покинули университет. Немцы отправились в Лейпциг и основали университет в этом городе. В результате Пражский университет сразу же превратился в провинциальную школу с 500 студентами и так никогда и не вернул себе былого престижа⁶⁶³.

Гус, решительный сторонник использования чешского языка, был признан главой национального движения в университете и избран первым ректором при новом порядке. Он защищал взгляды Виклифа еще более смело. Начиная с этого времени его латинские произведения изобилуют цитатами из английского учите-

⁶⁶² *De Omni Christi sanguine glorificato*, ed. Flajshans, p. 42.

⁶⁶³ См. Rashdall: *Universities of Europe*, I. 211-242. О количестве покинувших университет студентов сообщают по-разному. Мы основываемся на авторитетном мнении Прокопия, летописца XV века. В первый год существования Лейпцигского университета в него было зачислено только 602 студента, и эта цифра представляется маленькой в сравнении с 2000, покинувшими Прагу. Kügelgen (*Die Gefängnisbriefe*, p. ix) приводит неправдоподобную цифру, 5000.

ля и изложениями его идей. Произведения Виклифа широко распространялись в Богемии. Сам Гус перевел «Триалог» на чешский. Его проповеди привлекали толпы людей. Гус писал в 1410 г., что, где бы ни появился проповедник святой истины, в городе, селе или замке, народ собирался туда толпами независимо от мнения клира⁶⁶⁴.

Вслед за буллой Александра V Сбинко в 1410 г. велел конфисковать и сжечь произведения Виклифа и запретил всякие проповеди в несанкционированных местах. Папский документ вызвал протест Гуса и других лиц, пытавшихся доказать Иоанну XXIII, что сжигать книги по философии, логике и на другие небогословские темы неразумно, потому что в таком случае пришлось бы сжечь труды Аристотеля и Оригена. Протест оказался напрасным, и 200 рукописных копий трудов реформатора были сожжены во дворе архиепископского дворца под звон церковных колоколов⁶⁶⁵.

Через два дня после этого мрачного судилища вышел приговор об отлучении от церкви Гуса и всех, кто будет упорствовать и распространять труды Виклифа. Гус, несмотря на указ архиепископа и папскую буллу, продолжал проповедовать в Вифлеемской часовне. Возбуждение всех классов общества было велико. Людей, выступавших против Виклифа, даже избивали на улицах. Народ распевал сатирические баллады, в которых говорилось, что архиепископ ничего не знает о содержании книг, сожженных по его приказу. Проповеди Гуса не успокаивали народ, а только усиливали возбуждение.

Гус не собирался подчиняться и с помощью объявлений дал знать, что будет защищать трактат Виклифа о Троице перед университетом 27 июля. Теперь его дело было передано из суда архиепископа в суд курии, которая потребовала, чтобы обвиняемый предстал перед ней лично, но ее усилия были тщетны. Несмотря на обращения Венцеслава и многих представителей богемской знати, которые своей честью клялись, что Гус — не еретик, Иоанн XXIII передал дело кардиналу Колонна (впоследствии — Мартин V), и тот предал Гуса анафеме за отказ подчиняться каноническому решению.

Приговор Колонна был зачитан со всех кафедр Праги, кроме двух, но преступные проповеди продолжились, и Сбинко подверг город интердикту, который, впрочем, был отменен, когда король пообещал искоренить ересь в своем королевстве. Венцеслав приказал, чтобы «магистру Гусу, нашему возлюбленному и верному капеллану, было позволено мирно проповедовать Слово Божье». В соответствии с соглашением, Сбинко должен был написать папе, что было проведено тщательное расследование и никаких следов ереси в Богемии найдено не было. Это послание сохранилось, но оно не было отправлено.

В начале сентября 1411 г. Гус написал Иоанну XXIII, что полностью согласен с церковью, и просил отменить требование предстать перед курией. В этом послании и в специальном письме к кардиналам⁶⁶⁶ Гус говорил о наказании за ересь и неповиновение. Он, однако, писал Иоанну, что вынужден говорить правду и готов претерпеть ужасную смерть, но не говорить то, что противоречит воле Христа и Его церкви. Его оклеветали. Это неправда, что он говорил, будто материальная сущность хлеба остается неизменной после слов учреждения и что священник, совершивший смертный грех, не может отправлять таинство евхаристии. Сбинко

⁶⁶⁴Workman: *Hus' Letters*, p. 36.

⁶⁶⁵Среди осужденных произведений, которых было всего 17, оказались *Dialogus*, *Trialogus*, *De incarnatione Verbi* и *De dominio civili*.

⁶⁶⁶Письма приводятся в Workman, pp. 51-54.

умер 28 сентября 1411 г. Волнения усилились, когда в Прагу прибыл из Кембриджа Джон Стоукс, известный в Англии как непримиримый враг виклефитства. Он приехал с делегацией, посланной английским королем для заключения союза с Сигизмундом. Присутствие Стоукса позволяло ожидать жесткого столкновения, но англичанин хотя и заявлял о своих взглядах в частном порядке, но отказался от призыва Гуса организовать публичную дискуссию на том основании, что он является мирным представителем дружественного народа⁶⁶⁷.

В том же году (1411) Иоанн XXIII призвал Европу к крестовому походу против Владислава Неаполитанского, защитника Григория XII, и обещал отпущение грехов всем, кто примет в участие в походе либо лично, либо с помощью пожертвований. Тим, декан Пассау, назначенный проповедником этой священной войны, прибыл в Прагу и начал продавать индульгенции. В крупных церквях установили сундуки. Торговля шла полным ходом. Как Викильф за тридцать лет до того в своей *Cruciata* выступал против крестового похода во Фландрию, так и теперь Гус осудил религиозную войну и заявил, что папа не имеет права выдавать индульгенции за участие в ней. В Вифлеемской часовне он осуждал торговлю индульгенциями, а в публичном диспуте заявил, что отпущение грехов мы получаем только через покаяние и что папа не имеет права братья за светский меч. Многие свои положения Гус смело позаимствовал из трудов Викильфа о церкви, об отпущении вины и о наказании⁶⁶⁸. Гуса поддержал Иероним Пражский.

Общественное мнение было на стороне двух этих проповедников, но старые друзья Гуса Станислав из Цнайма и Стефан Палец перестали поддерживать его. Однако его поддерживали народные шествия — в частности, возглавленное Вокком из Вальдштейна: две буллы Иоанна, о крестовом походе и об индульгенциях, были повешены на шею двум студентам, переодетым в блудниц, и провезены по улицам на телеге, а потом публично сожжены⁶⁶⁹. Гус продолжал утверждать, что не поддерживает заблуждений, которые ему приписывают, но король не мог смириться с таким неуважением к папским буллам и велел казнить трех людей скромного положения, Мартина, Иоанна и Станислава (они во всеуслышание заявляли в церкви, что эти буллы ложны, и в доказательство ссылались на Гуса). К ним отнеслись как к мученикам. Их тела привезли в Вифлеемскую часовню, где за них совершили мессу как за мучеников.

Чтобы подтвердить свою ортодоксию, богословский факультет снова осудил 45 статей и добавил к ним еще шесть, взятых из публичных выступлений Гуса. Две последние статьи касались проповеди⁶⁷⁰. Пражский клир потребовал защиты от этого «свирепого волка, виклефита Гуса, презирающего церковные ключи», и курия объявила о его отлучении. Было велено схватить еретика и доставить к архиепископу, а Вифлеемскую часовню сровнять с землей. В дом Гуса надо было бросить три камня в знак вечного проклятия. Таким образом, против реформатора выступили архиепископ, университет, клир и курия, но народ поддерживал его и мешал выполнить папский приговор. Город снова подвергли интердикту. Гус апеллировал к папе, а поскольку решения общецерковного собора всегда неопределенны и в лучшем случае запаздывают, он сразу же воззвал к суду

⁶⁶⁷ Ответ Гуса, *Replica*, и заявление Стоукса есть в Nürnb. ed., I. 135-139.

⁶⁶⁸ Тракта́т Гуса называется *De indulgentiis sive de cruciatu papae Joh. XXIII fulminata contra Ladislaum Apuliae regem*. Nürnb. ed., 213-235.

⁶⁶⁹ Workman: *Hus' Letters*.

⁶⁷⁰ См. ответ Гуса, *Defensio quorundam articulorum J. Wicleff*, и заявление богословского факультета, Nürnb. ed., I. 139-146.

Христову. Он публично заявил, что папа действует властью, которую получил от дьявола.

Чтобы успокоить народ, Венцеслав велел Гусу покинуть город. Это было в 1412 г. Позже Гус сомневался в том, что мудро поступил, вняв этому требованию. Он покинул Прагу не столько из уважения к королю-защитнику, сколько из симпатии к народу, который из-за интердикта лишился духовных привилегий. Возможно, если бы он пренебрег осуждением и отказался повиноваться королю, он проиграл бы и его заставили бы замолчать, бросив в темницу или на костер в его родном городе. В таком случае его деятельность была бы интересна только тем, кто изучает историю его страны, и ему не нашлось бы места в общей истории Европы. Но Гус отправился в изгнание. А между церковными властями в королевстве продолжались споры о достоинствах виклефитства, и национальный синод, созданный для обеспечения мира 13 февраля 1413 г., был распущен, так и не придя к окончательному решению.

Удалившись из Праги, Гус продолжал неустанно проповедовать и писать. Народ собирался послушать его на рыночных площадях, в полях и лесах. Лорды, владевшие огромными замками, защищали его. Вслед за Виклифом Гус настаивал на том, что священники обязательно должны проповедовать, и писал, что любой, кто, повинуясь указу папы или архиепископа, перестает проповедовать, идет наперекор воле Бога и ставит под угрозу свое собственное спасение⁶⁷¹. Он продолжал поддерживать отношения с городом, несколько раз приезжал в него, писал в Вифлеемскую часовню, в университет и муниципальный синод. В этой переписке много цитат из Писания, и Гус напоминает своим друзьям, что Самого Христа осудили как преступника и распяли. От святых угодников не получишь никакой помощи. А пример Христа и Его спасение — достаточные источники утешения и смелости. Первосвященники, книжники, фарисеи, Ирод и Пилат осудили истину и предали Его смерти, но Он воскрес из мертвых и послал вместо Себя двенадцать других проповедников. Так Он сделает снова. Какой же страх, писал Гус, «может разлучить нас с Богом и какая смерть? Что мы потеряем, если ради Него утратим богатство, друзей, мирские почести и нашу несчастную жизнь?.. Лучше хорошо умереть, чем плохо жить. Мы не осмелимся грешить ради того, чтобы избежать казни. Закончить эту жизнь в благодати значит быть избавленным от гибели. В конечном итоге истина победит. Тот, Кто заклан, побеждает и «не даст овладеть вами никакому беззаконию»». В этом духе Гус писал снова и снова. Он заявлял, что «стрелы антихриста» не устроят его, как не должны они страшить и «избранных Праги»⁶⁷².

О своем влиянии в этот период Гус свидетельствовал в Констанце, когда, отвечая Д'Альи, сказал:

Я говорил, что прибыл сюда по доброй воле. Если бы я не захотел приходить, ни тот король [Венцеслав], ни этот [Сигизмунд] не смогли бы заставить меня это сделать — настолько многочисленны и могущественны божеские лорды, любящие меня, в замках которых я мог бы укрыться.

Когда Д'Альи заявил, что это пустая похвальба, Ян из Хлума подтвердил, что все точно так, как говорит подсудимый: «Ряд представителей знати любит его и владеет укрепленными замками, так что они могли бы скрывать его, сколько хотят, и противостоять обоим этим королям».

⁶⁷¹ Workman, *Hus' Letters*, pp. 60, 66.

⁶⁷² Workman, p. 107-120. Уоркмен переводит семнадцать писем, написанных Гусом из изгнания (pp. 83-138).

В этот период изгнания был создан труд Гуса о церкви (*De ecclesia*), самое известное из всех его творений. Он был написан в преддверии национального синода, проведенного в 1413 г., послан в Прагу и прочитан в Вифлеемской часовне 8 июля. Об этом трактате кардинал Д'Альи сказал на соборе в Констанце, что в нем выдвигается такое же бесконечное число доводов против полноты власти папы, как в Коране, книге проклятого Мухаммеда, — против католической веры⁶⁷³.

Эта книга Гуса, наряду с книгой Виклифа, — самое знаменитое произведение о церкви после сочинения Киприана *De ecclesia* и трудов Августина против дона-тистов. В ней Гус давал определение церкви и раскрывал суть ее власти над ключами, после чего опровергал обвинения Александра V и Иоанна XXIII и отвечал пражским богословам Стефану Палецу и Станиславу из Цнайма, которые изменили ему. Вот некоторые из ее основных положений.

Святая католическая церковь — это сообщество всех избранных, усопших, живых и тех, кто еще не родился⁶⁷⁴. Термин «католический» значит «всеобщий». Единство церкви — это единство предопределения и блаженства, единство веры, милости и благодати. Римский понтифик и кардиналы — не церковь. Церковь может существовать без кардиналов и папы — и кардиналов действительно не было в течение сотен лет⁶⁷⁵. Что касается служения, которое Христос вверил Петру, то Гус утверждал, что Христос называл Скалой Себя и Церковь основана на Нем в силу предопределения, — и это тем более истинно, если принять расчет ясное и решительное исповедание Петра. «Сама Скала, *Petra*, сказала камню, *Petro*: “Я говорю тебе, ты — Петр, то есть исповедник истинной Скалы, которая есть Я”. И на Скале, то есть на Себе, Я создам эту Церковь». Таким образом, Гус занял ту же позицию, что и Августин в своих *Retractiones*. Петр никогда не был главой Святой Католической Церкви⁶⁷⁶.

Итак, Гус явно выступил против ультрамонтанской теории церкви и ее главы в целом. Римский епископ, говорил он, был равен остальным епископам, пока Константин не сделал его папой. И только затем он попытался узурпировать власть. Папа может заблуждаться из-за невежества и сребролюбия, и бунтовать против заблуждающегося папы — значит повиноваться Христу⁶⁷⁷. Были папы грешники и еретики. Такой была Иоанна, о которой Гус говорит подробно и упоминает не менее трех раз. Таким был Либерий, о котором также рассказывается подробно. У Иоанны был сын, а Либерий был арианином⁶⁷⁸.

⁶⁷³ Du Pin, *Opp. Gerson.*, II. 901. *De ecclesia* есть в Nürnberg. ed., I. 243-319.

⁶⁷⁴ *Eccl. est omnium praedestinatorum universitas; quae est omnes praedestinati, praesentes, praeteriti et futuri* (Nürnberg. ed. I, 244).

⁶⁷⁵ Обращаясь к Христиану Прахатицу в 1413 г., Гус говорил: «Если папа — глава Римской церкви, а кардиналы — тело, то они сами по себе уже составляют всю Римскую церковь, как все тело человека и его голова составляют человека. Спутники антихриста используют выражения “святая римская церковь” и “папа и кардиналы” как взаимозаменяемые», и т. д. (Workman, *Hus' Letters*, p. 121).

⁶⁷⁶ *Propter confessionem tam claram et firmam, dixit Petra Petro, et ego dico tibi quia tu es Petrus, id est confessor Petrae vertae qui est Christus et super hanc Petram quam confessus es, id est, super me, etc.* (Nürnberg. ed., I. 257). *Petrus non fuit nec est caput s. eccles. cathol.* (p. 263). См. то же толкование у Гуса в *Serm. de Sanctis*, p. 84.

⁶⁷⁷ Nürnberg. ed., I. 260, 284, 294, etc.

⁶⁷⁸ В своих посланиях Гус неоднократно упоминает об Иоанне и Либерии и, в частности, пишет: «Я хотел бы знать, были ли главами Римской церкви еретики папа Либерий, еретики Лев и папесса Иоанна, родившая ребенка» (Workman, *Hus' Letters*, p. 125).

Во второй части *De ecclesia* Гус объявлял буллы Александра и Иоанна XXIII антихристианскими, а следовательно, не требующими исполнения. Булла Александра, запрещающая проповедовать в Богемии везде, кроме соборов, приходских и монастырских церквей, противоречит Евангелию, так как Христос проповедовал в домах, на берегу моря и в синагогах и велел Своим ученикам ходить по миру и проповедовать. Никакое папское отлучение не действительно, если оно мешает подражать примеру Христа и следовать Его учению⁶⁷⁹.

По поводу права папы выпускать индульгенции реформатор приводил довод, на основании которого он уже опровергал две буллы Иоанна, призывающие к крестовому походу против Владислава. Гус отрицал право папы вести войну или браться за светский меч. Если Иоанн собирается следовать за Христом, он должен молиться о своих врагах и говорить: «Царство мое не от мира сего». И тогда ему будет дарована обещанная мудрость, которой не отнимут никакие враги. Власть прощать грехи не принадлежит ни одному смертному, как не принадлежала она и священнику, к которому Христос послал прокаженных. Прокаженные были очищены еще до того, как дошли до священника. А многие папы, швыряющиеся индульгенциями направо и налево, сами находятся под проклятием⁶⁸⁰. Искренней исповеди достаточно для спасения души, если раскаяние чистосердечно.

Отрицая непогрешимость папы и видимой церкви и опровергая право священства открывать и затворять врата царства небесного, Гус порвал со средневековой теорией западного христианского мира. С точки зрения Средневековья, он совершил непростительный грех. Но эти идеи не были новыми, и богемский реформатор не породил их. Он взял их из трудов Виклифа и включал в свои произведения целые параграфы из этих книг. Ни у одного учителя не было более преданного ученика, чем тот, которого английский реформатор приобрел в лице Гуса. Первые три главы *De ecclesia* — не более чем ряд выдержек из трактата Виклифа о церкви. Это относится не только к данному труду, но и к большинству латинских книг Гуса⁶⁸¹. Но Гус не просто переписывал у Виклифа. Идеи, взятые у предшественника, стали его собственными. Цитируя Августина, Бернара, Иеронима и других авторов, он называет их имена. Если он не упоминает Виклифа, заимствуя у него доводы и целые параграфы, то для этого молчания была причина. Все прекрасно знали, что он представлял дело Виклифа и отстаивал взгляды Виклифа, и труды Виклифа были перед глазами членов университетских факультетов. Он не скрывал, что является последователем Виклифа и был готов умереть за то, чему Виклиф учил. В послании к Ричарду Вайшу он выражает

⁶⁷⁹ Nürnb. ed., I. 302.

⁶⁸⁰ *De indulgentiis*, Nürnb. ed., pp. 220-228.

⁶⁸¹ Лозерт написал *Wicliff and Hus*, чтобы показать, как Гус зависел от своего английского предшественника, и во второй части его книги эта зависимость доказывается с помощью сравнения сочинений двух авторов в параллельных колонках. Он говорит (р. 111), что *De ecclesia* — только «облегченное сокращение труда Виклифа на ту же тему». Автор утверждает, что в латинских трактатах Гус «почерпнул все темы из Виклифа» и что «наиболее веские части дословно взяты у его английского предшественника» (pp. xiv, 139, 141, 156, etc.). Неандер ошибался, когда говорил, что влияние Матиаса Янова на Гуса было больше, чем влияние Виклифа. Неандер писал до того, как Виклифское общество приступило к своим публикациям. Даже Palacky (*Church History of Bohemia*, III. 190-197) считал невозможным точно установить, в какой степени произведения Виклифа повлияли на Гуса и был ли он привержен английскому реформатору. Публикации же Виклифского общества, сделавшие такое сравнение возможным, показали, что вряд ли был хотя бы один автор, который зависел бы от другого больше, чем Гус от Виклифа.

благодарность за то, что «под властью Иисуса Христа Богемия получила столько благ от благословенной страны Англии»⁶⁸².

Богемский богослов был преисполнен еретическим духом Виклифа. И вот-вот должен был начаться великий собор в Констанце, которому предстояло судить Гуса.

§45. Гус в Констанце

*Ты был их Скалой, их крепостью и их силой;
Ты, Господь, — их Вождь в решительной битве;
Ты, во мраке ужаса, — их Светоч. Аллилуйя.*

С собором в Констанце связывались великие ожидания, и надежда на прекращение волнений, творившихся в Богемском королевстве, не угасала. Было понятно, что следует принять меры по борьбе с ересью, проникшей в западный христианский мир. В двух посланиях к Конраду, архиепископу Праги, Жерсон свидетельствовал, что в ученых центрах вне Богемии имена Виклифа и Гуса неразрывно связывают друг с другом. Из всех заблуждений Гуса, писал канцлер, «самое опасное гласит, что человек, живущий в смертном грехе, не может иметь власти над христианами. А это положение, как мы прекрасно знаем, Гус взял у Виклифа»⁶⁸³.

Сигизмунд, король римлян и наследник богемской короны, обратился в Констанц в надежде избавиться от гуситства. Он послал депутацию из Ломбардии, чтобы призвать Гуса на собор и в то же время обеспечить ему безопасность в путешествии. Реформатор заявил о готовности прибыть на собор и объявил в Праге о своем решении. В послании к Венцеславу и королеве он подтвердил эту готовность и утверждал, что согласен понести наказание за ересь, если его осудят⁶⁸⁴.

1 сентября 1414 г. Гус написал Сигизмунду, что готов отправиться в Констанц «в сопровождении ваших защитников, и да защитит меня Всевышний Господь». Неделью спустя король ответил ему, выразив уверенность, что после его появления с Богемского королевства будут сняты все обвинения в ереси.

Гус отправился в путь 11 октября 1414 г. и достиг Констанца 3 ноября. Его сопровождали представители богемской знати, Ян из Хлума, Венцеслав из Дубы и Генрих Лакембок. С Яном из Хлума был Младенович, оказавший нам важную услугу, сохранив послания Гуса и позже издав их с примечаниями. Начиная с этого момента переписка Гуса занимает виднейшее место в автобиографической литературе христианской истории. В средние века не было создано ничего, что превзошло бы ее в плане пафоса, простоты выражений и преданности Христу.

В послании к друзьям в Богемии, отправленном накануне отъезда, Гус писал, что в Констанце ему придется столкнуться с епископами, докторами, князьями и уставными канониками — с большим количеством врагов, чем пришлось встретиться Самому Искупителю. Он молился о том, чтобы встретить смерть без греховного страха, если она может послужить ко славе Божьей. Второе письмо должны были открыть только в случае его смерти. Оно было адресовано Мартину, ученику, которого автор, по его словам, знал с детства. Он призывал Мартина бояться Бога, быть внимательным к тому, как он слушает женские исповеди, и

⁶⁸² Workman, *Hus' Letters*, p. 36.

⁶⁸³ Van der Hardt, I. 18; Palacky, *Docum.*, pp. 523-528.

⁶⁸⁴ Эти послания и копию объявления см. в Workman, *Hus' Letters*, p. 140 sqq.

не предаваться слабостям, в которых он был когда-то грешен, вроде игры в шахматы. Его ждали гонения, так как он критиковал жадность и невоздержанность клира. Он завещал Мартину свой серый плащ и просил в случае смерти передать ректору свою белую мантию, а своему верному слуге Георгу — гинею.

Путь проходил через Нюрнберг. По пути Гуса встречали толпы интересующихся. Он сидел в гостиницах с поместными священниками, обсуждавшими с ним его дело. В Нюрнберге магистрат и бургеры пригласили его встретиться в гостинице. Считая, что встречаться с Сигизмундом, который был в Шпейере, не обязательно, группа сразу направилась на озеро Констанц. Прибыв на северный берег, они отослали обратно большую часть своих лошадей для продажи, и это оказалось мудрой мерой, учитывая, что в Констанце лошадей были тысячи⁶⁸⁵.

Прибыв в Констанц, Гус поселился у «второй вдовы из Сарепты», которая держала пекарню для «Белого голубя». Дом сохранился до сих пор. Прибытие Гуса стало великой сенсацией. Он въехал в город, продираясь через громадную толпу. На следующий день Ян из Хлума и барон Лакембок обратились к папе Иоанну XXIII, который обещал не совершать насилия над их другом, даже если тот убьет родного брата папы. Он разрешил Гусу свободно перемещаться по городу, но запретил посещать торжественную мессу. Хотя Гус был отлучен от церкви, он каждый день проводил мессу в собственном доме. Кардиналам не нравилось, что человек, открыто обвиненный в ереси, остается на свободе, и они готовы были оправдать любое несправедливое отношение к Гусу. Личные свободы не имели никакого значения для церковного суда XV века, когда речь шла об обвинении еретика. Не прошло и месяца, как Гуса заключили в тюрьму из-за предполагаемой попытки бежать из города в телеге с сеном⁶⁸⁶. 28 ноября два епископа, из Тренто и Аугсбурга, пришли к нему, требуя предстать перед кардиналами. Дом был окружен солдатами. Гус, после некоторых колебаний, послушался и вышел. Хозяйка стояла у лестницы в слезах. Это было начало конца.

После краткой беседы с кардиналами заключенного увели под стражей, и через неделю он был надежно упрятан в подземелье доминиканского монастыря. Подготовка замков, запоров и прочих мер безопасности заняла несколько дней.

В этой темнице Гус томился три месяца. Его камера была завалена нечистотами. У него начался жар и рвота. Казалось, что скоро они доведут свое мрачное дело до конца. Надо воздать должное Иоанну XXIII. Он прислал к узнику врача, и тот назначил ему клистир, как писал сам Гус. К страданиям от болезни прибавлялись страдания из-за отсутствия книг, в том числе Библии. В течение двух месяцев Гус не писал писем. Он вновь начал писать их в январе 1415 г., и из них ясно видно, каким унижениям его подвергали и как он страдал. Эти письма отправлял его тюремщик.

Что же делал Сигизмунд? 18 октября он выпустил охранное свидетельство. За день до его прибытия в Констанц, 24 декабря, Ян из Хлума обнародовал в соборе ноту протеста, где говорилось, что кардиналы пренебрегли соглашением с королем. Сигизмунд сделал вид, что разгневался и возмущен, но на этом все закон-

⁶⁸⁵ Гус оставил себе одну лошадь на случай, если ему потребуется поехать на встречу с Сигизмундом. В письме из Констанца от 4 ноября он говорил, что лошади там дешевы. Та, что была куплена в Богемии за 6 гиней, была продана за 7 флоринов, то есть за треть первоначальной цены (Workman, *Letters*, p. 158).

⁶⁸⁶ Об обвинении рассказывает Richental (p. 76 sq.). Его истории вряд ли можно верить, так как в ней приводится неверная дата, да и Младенович объявил ее вымышленной. Если бы Гус действительно пытался бежать, об этом обязательно упомянули бы на суде. См. Wylie, p. 139.

чилося. Этот князь служил своей эпохе и легко уступал доводам таких церковных фигур, как Д'Альи, который настаивал на том, что ересь Гуса не должна мешать реформе церкви, бывшей основной заботой собора, и что, не наказывая за заблуждение, мы поддерживаем его⁶⁸⁷. Все уважаемые церковные деятели просили, чтобы Его Величество не поддавался лжи и хитростям виклефитов. Арагонский король писал, что Гуса следует немедленно казнить, даже не прибегая к формальному слушанию.

Во время заключения в монастыре доминиканцев Гус написал для своего тюремщика Роберта трактаты о десяти заповедях, молитве Господней, смертном грехе и браке. Из 13 посланий, сохранившихся от этого периода, большая часть адресована Яну из Хлума, его верному другу. Письма он писал даже ночью, иногда — на обрывках бумаги⁶⁸⁸. В этой переписке выделяются четыре темы: вера Гуса в короля и его честное слово, страстное желание быть выслушанным на открытом заседании собора, ожидание возможной смерти и вера в Бога. Гус боялся, что его приговорят к смерти, не дав возможности встретиться с королем. «Если такова его честь, такова и его милость», — писал он⁶⁸⁹.

Тем временем собор доверил рассмотрение проблемы ереси комиссии во главе с Д'Альи. Она задавала Гусу вопросы и приводила еретические места из его произведений. Стефан Палец, его друг-отступник, нападал на него больше, чем все остальные. В просьбе о «поверенном и адвокате» ему было отказано. Он постоянно думал о смерти. Но как Господь избавил Иону из чрева кита, а Даниила — от львов, так и Гус верил, что Бог избавит и его, если Ему это будет угодно.

После бегства Иоанна XXIII возникло опасение, что друзья освободят Гуса, и ключи от темницы были переданы Сигизмунду. 24 марта епископ Констанца заковал узника в цепи и перевез его в свой замок Готтлибен. Там Гус мог свободно ходить в цепях днем, но по ночам на него надевали наручники и приковывали к стене. Заключение в Готтлибене продолжалось семьдесят три дня, с 24 марта по 5 июня. Если Гус и писал в это время какие-либо письма, они до нас не дошли. По странному стечению обстоятельств беглый понтифик, после того как он был схвачен и возвращен в Констанц, тоже был отправлен в Готтлибен и стал узником вместе с Гусом. Рядом оказались бывший глава христианского мира, осужденный за всевозможные преступления, и проповедник, чья жизнь, по свидетельству всех современников, была почти безупречной. Папа-преступник после краткого заключения был освобожден и получил высокий пост, а Гус был осужден как религиозный преступник и сожжен ради блага ортодоксального богословия.

В Готтлибене Гус страдал от кровотечения, головной боли и других немощей, а иногда от голода. Новая комиссия, назначенная 6 апреля, во главе с Д'Альи, серьезно занялась ересью Гуса и Виклифа, которых собор связывал между собой⁶⁹⁰. Друзья Гуса не забыли про него: 250 моравских и богемских представителей знати 13 мая подписали в Праге документ, который был послан Сигизмунду

⁶⁸⁷ На аудиенции у Сигизмунда Д'Альи протестовал, что *factum J. Hus et alia minora non debebant reformationem eccles. et Rom. imperii impedire quod erat principale pro quo fuerat concilium congregatum* (Fillastre, в Finke, p. 253).

⁶⁸⁸ Читая послание в Вифлеемской часовне, Хаулик воскликнул: «Увы, увы! У Гуса заканчивается бумага». А Ян из Хлума говорил, что одно из писем Гуса было написано «на оборванном треугольном клочке бумаги» (Workman, *Hus' Letters*, p. 196).

⁶⁸⁹ Workman, *Letters*, p. 174, 182, 184, 190.

⁶⁹⁰ См. Fillastre, *Diary*, в Finke, *Forschungen*, pp. 164, 179.

и в котором они протестовали против такого обращения с их «возлюбленным учителем и христианским проповедником», просили выслушать его публично и позволить вернуться домой. Гус уповал на публичное слушание и отправился в Констанц в надежде получить его.

Для того чтобы узнику удобнее было общаться с комиссией, в начале июня его перевели в третью тюрьму — францисканский монастырь. Начиная с 5 — 8 июня в трапезной стали проводиться публичные слушания. В помещении собиралась масса кардиналов, архиепископов, епископов, богословов и лиц менее высокого ранга. Кардинал Д'Альи присутствовал и вел заседания как глава комиссии. 4 мая были осуждены 260 заблуждений, найденных в произведениях Виклифа, что лишило Гуса всякой надежды на оправдание. Его обвиняли за утверждения, что Христос присутствует в освященном хлебе только как душа в теле, что Виклиф был добрым христианином, что спасение не зависит от папы и что право отлучать от церкви имеет один только Бог. Он выразил также надежду, что его душа окажется там же, куда попала душа Виклифа⁶⁹¹. Когда была показана копия его книги о церкви, комиссия закричала: «Сжечь ее!» Когда Гус пытался объяснить свою позицию, ему в ответ кричали: «Долой софистику! Отвечай “да” или “нет”». Как заявил англичанин Джон Стоукс, присутствовавший на заседаниях, ему казалось, будто перед ним сидел сам Виклиф.

Утром 7 июня Гус воскликнул, что Бог и совесть — на его стороне. Д'Альи сказал: «Мы не можем руководствоваться твоей совестью, когда у нас есть другие свидетельства против тебя и свидетельство Жерсона, самого знаменитого учителя христианского мира»⁶⁹². Д'Альи и один из англичан попытались выявить логическую связь между учением о реманенции (сохранении сущности даров причастия) и реализмом. Когда Гус сказал, что это логика, понятная даже школяру, другой англичанин смело заметил: «Гус прав, эта игра слов не имеет никакого отношения к вопросам веры». Сигизмунд посоветовал Гусу подчиниться, говоря, что не станет защищать еретика, который упорствует в своей ереси. Он заявил также, что, пока на свете остается хоть один еретик, он готов собственноручно разжигать костры для их сожжения. Однако он обещал, что на следующий день Гусу представят письменный перечень обвинений.

В ту ночь, как писал сам Гус, он страдал от зубной боли, рвоты, головной боли и камня. 8 июня ему были вручены 39 статей, 26 из которых были взяты из его труда о церкви. Когда он возразил против некоторых положений, Д'Альи зачитал соответствующие отрывки. Когда речь зашла о том, что еретиков не следует казнить, аудитория стала выкрикивать насмешки. Далее Гус, на примере Саула и его неповиновения Агагу, стал доказывать, что короли, совершившие смертный грех, не имеют права царствовать. Сигизмунд, похоже, в этот момент стоял у окна, разговаривая с Фридрихом Баварским. Прелаты, воспользовавшись моментом, закричали: «Скажите королю, что теперь Гус нападает на него». Император обернулся и сказал: «Ян Гус, кто из нас без греха?» Д'Альи заявил, что этому узнику мало вреда, который он наносит духовной жизни, так он пытается вредить еще и монархии. Желая опровергнуть его заявление, Гус спросил, за что

⁶⁹¹ *Utinam anima esset ibi, ubi est anima Joh. Wicleff* (Mansi, XXVII. 756).

⁶⁹² *Nos non possumus secundum tuam conscientiam judicare*, etc. (Palacky, *Doc.* 278). Tschackert (pp. 225, 235) говорит, что Д'Альи пришлось бы отказаться от кардинальского поста, если бы он не критиковал взгляды Гуса. Гус сказал о Жерсоне: *O si deus daret tempus scribendi contra mendacia Parisiensis cancellarii* (Palacky, *Doc.* 97). Жерсон заявил даже, что Гус был осужден за свой реализм. См. Schwab, pp. 298, 586.

же тогда низложили папу Иоанна. Сигизмунд ответил, что Бальтазар был настоящим папой, но его сместили за тяжкие преступления.

Среди 39 статей были еретические утверждения о том, что церковь есть сообщество избранных, что священник должен продолжать проповедовать, даже если его отлучили от церкви, и что тот, кто живет в смертном грехе, не имеет права властвовать. Гус выразил готовность взять обратно свои слова, если ему докажут их неправоту на основании Писания и здравого смысла, а без доказательств ни от чего отрекаться не станет. Когда Сигизмунд начал протестовать, Гус воззвал к Божьему суду. В конце заседания Д'Альи заявил, что о компромиссе не может быть и речи. Гус должен отречься⁶⁹³.

Когда Гус отвечал на обвинения архиепископа Риги, Ян из Хлума смело поддерживал его. Этот поступок напоминает нам о дружеских словах Георга Фрундаберга, обращенных к Лютеру в Вормсе. Гус был благодарен и через день или два написал о том, как приятно было видеть лорда Яна, не постеснявшегося протянуть руку несчастному отверженному еретiku, узнику в цепях, притче во языцех. Обращаясь к собранию после ухода Гуса, Сигизмунд выступил за то, чтобы не принимать повинной от узника, который, если его отпустят, вернется в Богемию и снова будет распространять свои заблуждения. «Когда я был ребенком, — сказал он, — эта секта только что возникла, и посмотрите, что с ней стало сегодня. Мы должны покончить с учителем, а когда я вернусь из путешествия, мы разберемся с его учеником. Как его зовут?» Ему ответили: «Иероним». «Да, — сказал король, — я имел в виду Иеронима».

Гуса, как свидетельствует он сам, в темнице осаждали посланники, пытавшиеся поймать его в ловушку, и те, кто «предлагал ему корзины» для бегства. Некоторые из выдвинутых против него обвинений объяснялись лжесвидетельством, но большинство обвинений не были ложными, и трудно понять, как мог он ждать, что будет освобожден в результате публичного слушания, если учения Виклифа были официально осуждены. Он был уверен, что ни одно из положений, в которых его обвиняли, не противоречит Евангелию Христа, но на соборах царствовало каноническое право, а не Писание. Как сказал ему некий доктор, даже если собор вынесет постановление, что у него только один глаз, он должен будет повиноваться. Гус же ответил: даже если весь мир будет твердить ему это, он не пойдет против своей совести, и сослался на Елеазара из Маккавейских книг, который не стал признаваться в том, что не было правдой⁶⁹⁴. Но он приво-дил в порядок свои дела. Он написал нежные послания своим соратникам в Богемии и Яну из Хлума. Он призывал богемцев слушать только священников с хорошей репутацией, особенно тех, кто усердно изучает Священное Писание. Мартину он советовал старательно читать Библию, особенно Новый Завет.

15 июня собор принял далеко идущее решение лишить мирян чаши. Гус осудил это решение как грех и безумие на том основании, что оно противоречит примеру и заповеди Христа. Хаулику, который отвечал за Вифлеемскую часовню, он писал, чтобы тот не лишал мирян чаши⁶⁹⁵. Он был уверен, что собор может ошибаться. Когда-то участники этого собора целовали ноги Иоанну как образцу добродетели и называли его «святейшим», а потом осудили его как «позорного

⁶⁹³ См. Tschackert, p. 230. Д'Альи настаивал на своем и после того, как покинул Констанц. Виклиф и Гус оставались в его глазах опасными еретиками, *pernitiosi heretici* (Van der Hardt, VI. 16).

⁶⁹⁴ Workman, *Hus' Letters*, pp. 226, 289-241.

⁶⁹⁵ См. Workman, pp. 185, 245, 248.

убийцу, содомита, симониста и еретика». Он цитировал распространившуюся у швейцарцев поговорку, что жизни целого поколения не хватит, чтобы очистить Констанц от грехов, совершенных в этом городе участниками собора.

Тучи над узником сгущались. По приказу собора 24 июня следовало сжечь его произведения, даже написанные на чешском языке, которые, как он почти иронично сообщал, члены собора никогда не видели и не могли прочесть. Своих друзей он просил не пугаться этого, ведь книги Иеремии, которые пророк написал по наставлению Господа, тоже были сожжены.

Интерес Гуса к жителям «его славной страны» и университету на Влтаве, а также чувство благодарности к друзьям, поддержавшим его, оставались неизменными. Его ждала ужасная смерть, но он вспоминал о страданиях апостолов и мучеников, а особенно об агонии Христа, и верил, что пламя очистит его от грехов. Д'Альи однажды высокомерно заявил Гусу, что он должен подчиниться решению 50 учителей церкви и отказаться от своих взглядов, не задавая вопросов. «Вот чудеса! — писал он. — Как будто бы непорочная святая Екатерина отказалась бы от истины и своей веры в Господа, если бы с ней стали спорить полсотни философов!»⁶⁹⁶ В одном из последних писем, обращенных к его альма-матер в Праге, он объявлял, что не отказывается ни от одного из своих положений.

В первый день июля к нему пришли архиепископы Риги и Рагузы и шесть других прелатов, которые еще надеялись добиться от него отречения. Гус письменно заявил, что их надежды тщетны⁶⁹⁷. Новая попытка была предпринята 5 июля кардиналами Д'Альи, Дзабареллой, епископом Халлумом Солсберийским и другими прелатами. Гус завершил спор, сказав, что скорее он будет сожжен тысячу раз, чем отречется, ибо его отречение оскорбит тех, кого он учил⁶⁹⁸.

К нему пришла еще одна депутация, его три друга, Ян из Хлума, Венцеслав из Дубы, Лакембок и четыре епископа. Их послал Сигизмунд. Как мирянин, Ян из Хлума не осмелился давать Гусу советы, но просил его, если он уверен в своем деле, не лгать перед Богом, но держаться до последнего, даже под страхом смерти. Один из епископов спросил, неужели он считает себя мудрее, чем весь собор. Нет, отвечал он, но он покается, только если его убедят на основании Писания, что он заблуждается. «Упрямый еретик!» — воскликнули епископы. Это было последнее частное собеседование. Теперь ему предстояла долгожданная возможность предстать перед собором, и это был его последний день на земле.

После семи месяцев заключения и горьких разочарований в субботу 6 июля Гус был отведен в собор. Было шесть часов утра, и он ждал за дверью, пока не закончилась месса. Потом его впустили в священное здание, но не для защиты, как он надеялся, когда отправлялся в Констанц. Он должен был выслушать приговор, вынесенный ему как церковному изгою и преступнику. Его поставили в середине церкви на специально для этого сооруженное возвышение⁶⁹⁹. Епископ Лоди произнес проповедь по Рим. 6:6, «чтобы упразднено было тело греховное». Уничтожение еретиков было представлено как угодное Богу дело. Проповедник использовал известные примеры о гниющей плоти, о маленькой искре, из которой может разгореться большой пожар, и о распространяющемся раке. Чем сильнее яд, тем быстрее должно быть использовано железо для прижигания. В стиле

⁶⁹⁶ Workman, p. 264.

⁶⁹⁷ Ibid., p. 276.

⁶⁹⁸ *Non vellet abjurare sed millisies comburi* (Mansi, XXVII. 764).

⁶⁹⁹ *Ad medium concilii ubi erat levatus in altum scamnum pro eo* (Mansi, XXVII. 747).

Боссюэ, выступавшего перед Людовиком XIV в более позднюю эпоху, проповедник хвалил Сигизмунда, чье имя на все времена будет прославляться за старание прекратить раскол и уничтожить ересь.

Потом на кафедру поднялась комиссия, включавшая в себя Патрика, архиепископа Корка, назначенная для объявления приговора. Любые выражения чувств, любые возгласы или попытки спорить были строжайше запрещены под страхом отлучения. Было зачитано 30 статей, которые объявили еретическими, обольстительными и оскорбительными для благочестивого слуха. В приговоре Гус был тесно связан с Виклифом⁷⁰⁰. В первой статье Гуса обвиняли за утверждение, что церковь есть сообщество всех избранных, а в последней — что ни один гражданский правитель или прелат, живущий в смертном грехе, не имеет права на власть. Гус просил разрешения выступить, но ему отказали.

Приговор гласил, что «священный собор, помышляющий только о Боге, осуждает Яна Гуса как бывшего и являющегося истинным, настоящим и явным еретиком, учеником не Христа, а Джона Виклифа, тем, кто в Пражском университете и перед клиром и народом объявлял Виклифа католиком и евангельским учителем (*vir catholicus et doctor evangelicus*). Собор лишил его должности священника и, не желая превышать полномочия церкви, передавал его в руки гражданских властей.

Против приговора никто не возразил. Даже Жан Жерсон голосовал за. История запечатлела один эпизод, хотя современники его не подтверждают. Говорят, когда Гус начал говорить, он смотрел на Сигизмунда, напоминая о его обещании неприкосновенности. А король, в регалиях и короне, покраснел, но ничего не сказал.

Приказ о низложении был исполнен шестью епископами, которые сняли с осужденного одеяние и лишили его тонзуры. Потом они надели на него колпак с изображениями дьявола и надписью «ересиарх» и предали его душу дьяволу. Гус, подняв глаза к небу, воскликнул: «А я веряю себя милостивому Господу Иисусу».

Древний девиз, гласящий, что церковь не хочет крови (*ecclesia non sitit sanguinem*), формально был соблюден, но власти прекрасно понимали, чем закончится дело, когда передавали Гуса Сигизмунду. «Идите, возьмите его и поступайте с ним как с еретиком», — с этими словами король вверил пленника попечению Людовика, графа Палатината. Тысяча вооруженных гвардейцев уже была наготове. На улицах толпился народ. Проходя мимо площади, Гус видел костер, на котором жгли его книги. Большую часть толпы не допустили к месту казни, называемому Дьявольским, так как боялись, что обрушится мост. Гус шел уверенно, но здесь, со слезами на глазах, он встал на колени и помолился. Бумажный колпак падал у него с головы, а толпа кричала, чтобы он снова надел его, задом наперед.

Был полдень. Руки приговоренного связали за спиной, его приковали цепью к столбу, за шею. На этом самом месте, незадолго до того, замечает летописец, похоронили надорвавшегося мула одного кардинала. Тело Гуса до подбородка окружили дровами и соломой, которые полили смолой. Ему вновь предложили сохранить жизнь, если он покается. Он отказался, сказав: «Я умру сегодня с радостью, веря в Евангелие, которое я проповедовал». Когда Рихенталь, стоявший рядом, предложил прислать к нему исповедника, он ответил: «Мне не ну-

⁷⁰⁰ Статьи приведены в Mansi, pp. 754 sq., 1209-1211, и Hardt, IV. 408-12.

жен исповедник. Я не совершал смертного греха». Его лицо отвернули от востока. Когда зажгли пламя, он дважды пропел: «Христос, Сын Бога живого, смилуйся надо мной». Потом ветер направил пламя мученику в лицо, и он замолчал. Он умер с молитвой и песней. Для того чтобы исключить возможность сохранения реликвий, в беспощадное пламя кинули одежду и обувь Гуса. Весь пепел собрали и бросили в Рейн.

Когда это происходило, собор продолжал заседать, будто сожжение человека было рядовым делом. А три недели спустя собор объявил своим самым угодным Богу деянием сожжение богемского еретика. В основном за это его и будут помнить последующие поколения.

Ни один из членов собора в Констанце, насколько нам известно, не протестовал против случившегося. С тех пор ни один папа или общецерковный синод не выразил сожалений об этом. Ни один современный католический историк не идет дальше указания, что в основных богословских учениях Гус не был еретиком, хотя приговор над ним строго соответствует принципам канонического права. Пока будет существовать догма о непогрешимости церковной организации и папы, нам не следует ждать извинений. Это протестантское христианство склонно признаваться в своих ошибках и по возможности исправлять их. Когда массачусетский суд обнаружил, что ошибался в случае с салемами ведьмами в 1692 г., он полностью в этом признался и предложил возмещение ущерба их оставшимся в живых потомкам. Судья Сьюэлл, один из зачинщиков гонений, принес трогательное публичное извинение за совершенную ошибку. Тот же самый суд отменил свое решение по поводу Роджера Уильямса. В 1903 г. протестанты Франции поставили в Женеве памятник в знак сожаления за участие Кальвина в вынесении приговора Сервету. Лютер в своем «Обращении к немецкой знати» призвал Римскую церковь признать, что она была неправа, когда сожгла Гуса. Кровь этого невинного все еще взывает к отмщению.

Гус погиб из-за того, что отстаивал позиции Виклифа. В приговоре, вынесенном собором, эти два имени перекликались друг с другом⁷⁰¹. В двадцать пятой из тридцати статей его осуждали за то, что он защищал 45 статей, приписываемых Виклифу. Что именно имелось в виду, здесь не сказано. Мы можем быть уверены в том, что Гус формально не отрицал учение о пресуществлении, хотя его и обвиняли в этой ереси. Его не осуждали также за то, что он считал необходимым давать чашу мирянам, хотя собор категорически это запретил. Его единственным преступлением было определение церкви, отрицание непогрешимости папства и необходимости его существования для церкви. Эти обвинения составляют суть всех 30 статей, кроме двадцать пятой. Лютер сказал резко, но справедливо, что самым ужасным грехом Гуса было объявление о том, что грешный понтифик не является главой Католической церкви⁷⁰².

⁷⁰¹ Buddenseig (*Hus, Patriot and Reformer*, p. 11) говорит: «Все гуситское движение — чистой воды виклефитство». Loserth (*Wiclif and Hus*, p. xvi) говорит, что Гус отдал жизнь прежде всего за учение Виклифа. В обличениях, раздававшихся на соборе в Констанце, их имена связывались воедино. В *Missa Wiclefistarum* сказано: *Credo in Wykleph ducem inferni patronum Boemiae et in Hus filium ejus unicum nequam nostrum, qui conceptus est ex spiritu Luci feri, natus matre ejus et factus incarnatus equalis Wickleph, secundum malam voluntatem et major secundum ejus persecutionem, regnans tempore desolationis studii Pragensis, tempore quo Boemia a fide apostotavit. Qui propter nos hereticos descendit ad inferna et non resurget a mortuis nec habebit vitam eternam. Amen.*

⁷⁰² Примечание к произведениям Гуса, ed. 1537. См. Huss, *Opp.*, Prelim. Statement, I. 4. Чтобы обосновать это мнение, нет необходимости изучать современных историков. Джон Фокс в

Ян Гус поразили самые основания иерархической системы. Он истолковал обращенные к Петру слова Господа так, что нанес смертельный удар папистской теории Льва, Гильдебранда и Иннокентия III⁷⁰³. Его представление о церкви, почерпнутое из Виклифа, содержит в зародыше совершенно новую систему религиозной власти. Он считал Писание высшим авторитетом и говорил, что совесть выше папы, собора и канонического права в вопросе толкования истины. Он претворял эти взгляды в жизнь, продолжая проповедовать, несмотря на неоднократные отлучения от церкви, и критикуя право папы призывать к крестовому походу. Если церковь — сообщество избранных, то Бог правит в Своем народе и этот народ неподвластен никому другому. Говоря так, Гус отодвигал в сторону учения Фомы Аквината.

Просвещенная группа деятелей, разделявших настроения Жерсона и Д'Альи, не поняла виклефитства, потому что оно было бунтом против предполагаемого божественного института, формальной церкви. Жерсон отрицал, что ссылка на совесть оправдывает нежелание повиноваться церковным властям. Вера для него была согласием с церковной системой. Канцлер не только голосовал за осуждение Гуса, но и объявил, что старался добиться приговора над ним. Девятнадцать пунктов из труда Гуса о церкви он объявил «явно еретическими». Однако в более позднее время, гневаясь из-за терпимого отношения к Жану Пти, он сказал, что, если бы у Гуса был защитник, его никогда не осудили бы⁷⁰⁴.

Отправляясь в Констанц, Гус прекрасно знал о том, как наказывают еретиков. Удивительно, что он вообще считал возможным оправдаться посредством публичного выступления перед собором. А если принять во внимание методы инквизиции, то собор проявил к нему неслыханное уважение, позволив появиться на своем заседании. Это было сделано из уважения к Сигизмунду, который собирався отправиться в Испанию, чтобы побудить отречься Бенедикта де Луну⁷⁰⁵.

Что касается гарантий безопасности (*salvo-conductus*) от Сигизмунда, можно сказать лишь, что король не сдержал свое слово. Он больше хотел, чтобы его признали покровителем великого собора, чем защитником богемского проповедника, его будущего подданного. Упоминая об этом торжественном обещании короля, Гус писал: «Христос никого не обманывает, обещая ему безопасность. Он исполняет то, что обещает. А Сигизмунд повел себя как обманщик»⁷⁰⁶. Часто говорили, что король не обещал Гусу безусловной защиты, однако это противоречит документальным свидетельствам. В сентябре 1415 г. собор в Констанце дал официальный ответ критикам, утверждавшим, что казнь Гуса была нарушением торжественного обещания. Собор просто объявил, что в случае с еретиком ника-

своей «Книге мучеников» ясно показывает это, говоря: «Из жизни, поступков и посланий Гуса становится понятно, что он был осужден не за доктринальные заблуждения, так как он не отрицал папского пресуществления, не выступал ни против власти Римской церкви, если она хорошо управлялась, ни против семи таинств, но сам проводил мессу и почти во всех папских мнениях сам был папистом. Он был обвинен только потому, что выступал против помпезности, гордости, жадности и других грехов папы, кардиналов и прелатов церкви», и т. д.

⁷⁰³ Жерсон заявил, что Гус был осужден, в частности, за то, что утверждал: священники, рассеянные по миру, могут управлять церковью в отсутствие единого главы так же, как и при его наличии (Schwab, p. 588).

⁷⁰⁴ Schwab, pp. 588-599, 600. Шваб высказывает превосходные мысли о взглядах Гуса в целом (p. 596 sqq.).

⁷⁰⁵ См. Workman, *Age of Hus*, pp. 284, 293, 364, и Wylie, p. 175 sqq.

⁷⁰⁶ Workman, *Hus' Letters*, p. 269 sq.

кие обещания безопасности недействительны. Нельзя держать обещания, которые губительны для католической веры и церковной юрисдикции⁷⁰⁷.

Охранное свидетельство было стандартным документом, обращенным ко всем князьям и подданным империи, церковным и светским, которое сообщало им, что Гусу должно быть позволено беспрепятственно проделать необходимый путь, пребывать в пункте назначения и вернуться. Иероним, основываясь на приговоре собора, заявил, что охранное свидетельство было нарушено, а когда в 1433 г. легаты Базельского собора попытались возложить ответственность за осуждение Гуса на так называемые лжесвидетельства, то Рокичана спросил, как собор в Констанце вообще мог управляться Духом Святым, если оказалось, что клятвопреступники помыкали решениями собора. И он дал понять, что нарушение охранной грамоты не забыто. А когда через год в Базель прибыли богемские депутаты, они потребовали самым тщательным образом сформулированных охранных грамот от городов Егера, Базеля, от Сигизмунда и других князей. Фридрих Бранденбургский и Иоанн Баварский согласились послать войска для защиты гуситов на их пути в Базель, в Базеле и по дороге домой. Сто шесть лет спустя Лютер вспомнил о неудаче Гуса, говоря о коварстве Сигизмунда — коварстве, которое папская система XVI века повторила бы, если бы на то согласился Карл V⁷⁰⁸.

Гус был реальным предшественником Реформации. Ему приписывали вымышленное пророчество: «Сегодня вы поджарите гуся, но через сто лет из моего пепла родится лебедь, которого вы не сможете поджарить». Это пророчество не было известно авторам той эпохи и, вероятно, возникло уже после того, как Лютер начал свою деятельность. Но Гус нанес тяжкий удар по иерархическим претензиям еще до того, как вошел в силу Лютер. Лютер был тронут историей Гуса, и в Лейпциге, прижатый к стене выпадами Экка, виттенбергский монах открыто заявил, что общецерковные соборы также могут ошибаться, как в случае, когда Гус был приговорен к смерти в Констанце. За годы до того, в Эрфурте, он прочел проповеди богемца и был потрясен тем, что человек, чьи проповеди были столь откровенно евангельскими, окончил жизнь на костре. Но тогда, боясь обвинения в ереси, он быстро отложил книгу⁷⁰⁹. О том, какое мнение о Гусе было распространено во времена Лютера, свидетельствуют слова Добнека, сказавшего Лютеру, что Гус был хуже турка, еврея, татарина и содомита. В издании посланий Гуса, напечатанном в 1537 г., Лютер хвалил его терпение и кротость даже перед лицом унижения, а также смелость, с которой он предстал перед собранием, как агнец среди волков и львов. Если такого человека считать еретиком, «то вообще ни один человек под солнцем не может считаться истинным христианином».

В сборнике 1572 г., хранящемся в Пражской библиотеке, есть гимн в память о Гусе и три медальона, представляющие соотношение Виклифа и Гуса с Реформацией. На первом изображен Виклиф, высекающий искру из камня. Ниже — Гус, разжигающий огонь из искры. На третьем медальоне — Лютер с горящим факелом. Эта последовательность соответствует исторической правде, хотя на

⁷⁰⁷ Mansi, XXVII. 791, 799. Также Mirbt, p. 156. Lea (*Inquisition*, II, p. 462 sqq.) прекрасно описывает всю ситуацию с гарантией безопасности для Гуса.

⁷⁰⁸ Лютер заявил, что охранную грамоту следует уважать, даже если она выдана самому дьяволу. См. Köstlin, *M. Luther*, I. 352.

⁷⁰⁹ Иоганн Захариас, один из профессоров Эрфуртского университета, принял активное участие в дебатах против Гуса в Констанце и получил в награду «красную розу» от папы (Köstlin, *M. Luther*, I. 53, 87).

самом деле Лютер начал свою деятельность реформатора до того, как Гус повлиял на него, и продолжал ее, мало зная о Виклифе.

Сам того не подозревая, Ян Гус внес своей смертью более эффективный вклад в дело религиозной терпимости, чем если бы написал много философских трактатов. Так, смерть Бландины и других мучеников ранней церкви, бывших рабами, содействовала уничтожению рабства больше, чем все сентенции языческих философов. Как и его английский учитель, Гус провозглашал неприкосновенность права на истину. Он заявлял, что привык согласовывать свои взгляды с истиной, какой бы она ни была. Если кто-либо, говорил он, «может наставить меня с помощью Священного Писания или здравого рассуждения, я готов следовать за ним. С самого начала своих изысканий я сделал для себя правилом радостно и смиренно отказываться от прежнего мнения, если в каком-либо вопросе я слышу более разумное мнение»⁷¹⁰.

§46. Иероним Пражский

Через год после смерти Гуса, 30 мая 1416 г., его друг Иероним Пражский был осужден собором и также погиб на костре. Он разделял любовь Гуса к Виклифу, был, вероятно, равен ему в плане учености, но не отличался таким упорством. Жизнь Гуса прошла в Праге и ее окрестностях. Иероним же путешествовал по Западной Европе и бывал в Праге лишь изредка. Гус оставил много трудов, Иероним — ни одного.

Рожденный в благополучном семействе в Праге, Иероним учился в своем родном городе, а потом — в Оксфорде и Париже. В Оксфорде он изучал произведения Виклифа и восхищался ими. Два из них, «Триалог» и «Диалог», он привез с собой в Богемию, не позже 1402 г. В Праге он защищал английского доктора как святого человека, «учение которого больше достойно признания, чем учение самого Августина», вместе с Гусом отстаивал права богемского народа и критиковал папские индульгенции (1412).

Вскоре после прибытия в Констанц Гус написал Яну из Хлума, чтобы тот не позволял Иерониму ни под каким видом присоединяться к нему. Несмотря на предупреждение, Иероним пустился в путь и прибыл в Констанц 4 апреля 1415 г., но друзья уговорили его покинуть город. Он был схвачен в Гиршау 15 апреля и привезен обратно в цепях. Есть причины полагать, что они с Гусом не виделись, хотя Гус упоминает о нем в письме за неделю до смерти⁷¹¹, выражая надежду, что Иероним умрет святым и непорочным и примет муки смелее, чем он сам. Гус был несправедлив к себе. В тяжелый час он вел себя последовательно и героически, в то время как его друг сдался.

11 сентября 1415 г. Иероним торжественно отрекся от союза с Виклифом и заявил о своем согласии с Римской церковью и апостольским престолом. Двенадцать дней спустя он торжественно повторил свое отречение, формулировку которого подготовил собор⁷¹².

⁷¹⁰ *Si aliqua persona ecclesiae me scrip. s. vel ratione valida, docuerit, paratissime consentire. Nam a primo studii mei tempore hoc mihi statui proregula, ut quotiescunque sanio rem sententiam in quacunque materia perciperem, a priori sententia gaudenter et humiliter declinarem.* Виклиф выражал такие же чувства в своем *De universalibus*, который Гус перевел в 1398 г. См. Loserth, p. 253.

⁷¹¹ Workman, *Letters*, p. 266.

⁷¹² Mansi, XXVII. 794 sqq., 842-864.

Но освобождения из темницы не последовало. Собор хотел, чтобы Иероним как можно громче объявил о своем отречении в Богемии и написал о нем Венцеславу, университету и богемской знати. Однако тот разочаровал своих судей. По настоянию Жерсона собор вновь судил упорного еретика. Заседание состоялось в Констанцском соборе 23 и 26 мая 1416 г. Обвинение в том, что он отрицает пресуществление, Иероним не признал, но признался, что дурно поступил, обещав отречься от произведений и учений доброго человека Джона Виклифа и Яна Гуса. Собор причинил великое зло Гусу, который прибыл туда с охранной грамотой. В таких обстоятельствах даже сам Иуда или сарацины должны быть свободны допущены и заслушаны на соборе, без причинения им зла.

30 мая Иеронима снова привели в собор. Епископ Лоди вззошел на кафедру и произнес проповедь, рекомендуя собор наказывать заключенного и призывая в борьбе с еретиками принимать свидетельство любого человека — разбойника, вора или блудницы. После окончания проповеди Иероним вззошел на скамью (*bancum ascendens*) и защищался. Его красноречие признали Поджио и другие присутствующие. Затем «священный синод» объявил его последователем Виклифа и Гуса и постановил отсечь его, как поврежденную и усохшую ветвь (*palmitem putridum et aridum*)⁷¹³.

Иероним вышел из собора с радостным видом. На голове у него был бумажный колпак, разрисованный красными чертями. Низложения не требовалось, равно как и снятия одежд, потому что осужденный был простым мирянином⁷¹⁴. Он умер на том же месте, где Гус. Когда его обложили хворостом, он запел пасхальный гимн *Salva festa dies* («Славься, праздничный день»). Пламя разгоралось медленно, и страдал он больше, чем Гус. Его пепел был брошен в Рейн. Многие ученые оплакивали его смерть, сообщает летописец Рихенталь, потому что он был чуть ли не учнее Гуса. После его смерти собор объединил его имя с именами Виклифа и Гуса, как вождей еретиков.

Поджио Браччолини так описывает выступление Иеронима в соборе:

Удивительно было видеть, в каких выражениях, с каким красноречием, с какими доводами, с каким видом и самообладанием Иероним отвечал своим противникам и каким справедливым он выставлял свое дело... Он был уверен, что не совершил ничего недостойного — так он заявлял публично — и нет причины осуждать его на смерть... Многих людей он задел с юмором, многих — сатирически, многих заставил смеяться, иронизируя над обвинениями, несмотря на собственное скорбное положение... Он напомнил о Сократе, который был несправедливо обвинен своими соотечественниками. Потом он упомянул о пленении Платона, о бегстве Анаксагора, о мучениях Зенона и о несправедливом осуждении многих других язычников... Затем он перешел к еврейским примерам, сначала заговорил о Моисее, освободителе народа, Иосифе, проданном своими братьями, Исаии, Данииле, Сусанне... После, дойдя до Иоанна Крестителя, а затем — Спасителя, он показал, как, в каждом случае, они были осуждены по ложному свидетельству и ложными судьями... Потом он стал славить Яна Гуса, который был приговорен к сожжению, называл его добрым человеком, справедливым и святым, недостойным такой смерти, — и заявлял, что сам готов к любому наказанию... Он говорил, что Гус никогда не был врагом Божьей церкви, но только выступал против злоупотреблений клира, против гордости, высокомерия и помпезности прелатов... Он проявил великий ум — ибо, хотя речь его постоянно прерывали разными замечаниями, он ни одного из них не оставил без ответа, но обрушивался на своих обвинителей и заставлял их смутиться и замолчать... Триста сорок дней он томился в подземелье мрачной башни. Он сам не жаловался на жестокое обращение, но выражал удивление тем, что к нему отнеслись

⁷¹³ Приговор см. в Mansi, XXVII. 887-897. Фокс в своей «Книге мучеников» приводит перевод и прекрасный рассказ о ходе заседания против Иеронима и его мученичестве.

⁷¹⁴ *Laicus*, Mansi, XXVII. 894.

так бесчеловечно. По его словам, в темнице он не имел возможности ничего читать и ничего не видел... Он стоял перед собором, бесстрашный и не сломленный, не только презирающий смерть, но ищущий ее, так что казалось, мы видим нового Катона. О человек, достойный вечной памяти людей! Я не хвалю его слова, если они противоречат церковным представлениям, но я восхищаюсь его ученостью, его красноречием, убедительностью его речей, его меткими ответами... Упорствуя в заблуждениях, он принял свою участь радостно и с готовностью, не боясь ни огня, ни мучений, ни смерти... Когда палачи пожелали разжечь огонь у него за спиной, чтобы он не видел, он сказал: «Идите сюда и разожгите костер передо мной. Если бы я его боялся, я никогда не очутился бы здесь». Так был сожжен этот человек, достойный во всем, кроме веры... Сам Муций Сцевола не перенес сожжение своей руки с такой отвагой, с какой этот человек претерпел сожжение всего своего тела. Сам Сократ не выпил свой яд с такой готовностью, с какой Иероним встретил пламя⁷¹⁵.

Эней Сильвий (впоследствии Пий II) также свидетельствовал о готовности, с которой Гус и Иероним встретили смерть, и говорил, что они шли на костер как на пир и приняли смерть с большей смелостью, чем любой из философов⁷¹⁶.

§47. Гуситы

Новость о казни Гуса потрясла население Богемии. К Гусу стали относиться как к национальному герою и мученику. Последовавший бунт угрожал самому существованию папского правления в Богемии. Ни одно движение несогласия в средние века не приобретало такого размаха. Гуситы (так называли сторонников нового движения) вскоре разделились на две организованные партии, таборитов и каликстинцев, или утраквистов. И те и другие требовали давать чашу мирянам. Третья организация, *Unitas Fratrum*, или богемские братья, возникла в середине XV века, через сорок лет после смерти Гуса. Когда стало известно, что Гус погиб на костре, население Праги забросало камнями дома священников, недружелюбно относившихся к мученику. На самого архиепископа напали в его дворце, и ему пришлось спасаться бегством от народного гнева. Король Венцеслав сначала, похоже, выступил на стороне народной партии.

Собор в Констанце, верный себе, обратился к епископу и клиру Праги с документом, в котором Виклиф, Гус и Иероним были названы нечестивыми, опасными и презренными людьми⁷¹⁷, а власти Праги призывались подавлять тех, кто распространяет их учение.

Насколько уважаем был Гус, стало прекрасно видно на богемском сейме 2 сентября 1415 г., где 452 представителя знати подписали возмущенный протест против решения собора, столь жестоко обошедшегося с их «возлюбленным братом», которого они объявляли праведником и католиком, известным в Богемии по многим годам добродетельной жизни и искренней проповеди Евангелия. Документ завершался провозглашением твердого намерения отстаивать, пускай даже ценой крови, закон Христа и его верных проповедников⁷¹⁸. Три дня спустя знать образовала лигу, которая просуществовала шесть лет. Ее члены обещали обеспечивать свободную проповедь Евангелия в своих владениях и признавать власть прелатов только тогда, когда они действуют согласно Писанию.

⁷¹⁵ Huss, *Opera*, II. 532-534. Palacky, *Mon.* 624-699. Полный перевод есть в Whitcomb, *Lit. Source-Book of the Italian Renaissance*, pp. 40-47.

⁷¹⁶ *Hist. Boh.*, с. 36.

⁷¹⁷ *Improbissimos, et periculosissimos, teterrimosque viros* (Mansi, XXVII. 781-783).

⁷¹⁸ Mansi, pp. 789-91.

В ответ на этот манифест собор 20 февраля 1416 г. призвал подписавших предстать перед ним в течение 50 дней, под страхом объявления послушниками.

Память Гуса чтити и в университете, который 23 мая 1416 г. выпустил воззвание ко всем странам, где Гус прославлялся как учитель, не имевший себе равных⁷¹⁹.

После роспуска собора Мартин V, который еще, как член курии, отлучил Гуса от церкви, принял активные меры по искоренению гуситского движения. В своей булле *Inter cunctos*⁷²⁰ от 22 февраля 1418 г. он приказал наказывать как еретиков мужчин и женщин, поддерживающих «чумное учение ересиархов Жюна Виклифа, Яна Гуса и Иеронима Пражского». Венцеслав объявил о своем намерении подчиниться собору, но многие его советники покинули двор, в том числе государственный деятель Николай из Пистны и военачальник, одноглазый Ян Жижка. Народ был так взволнован, что во время гуситской процессии толпа ворвалась в зал заседаний совета и выбросила из окна семь советников, которые осмелились оскорблять ее участников.

Ситуация приобрела новый оборот после смерти Венцеслава (1419). Подавляющее большинство богемской знати уступило требованию его преемника Сигизмунда лишить мирян чаши, но народ в целом не уступил, и разразилась гражданская война. Монастыри и церкви грабили. Сигизмунд не мог повелевать в этом своем королевстве, а во время его визита в Бреслау случилось событие, которое усилило неприязнь к нему. Торговец Ян Краса, говоривший на улице о невиновности Гуса, был привязан к хвосту лошади, дотащен до костра и сожжен. И гуситские проповедники выступали против Сигизмунда, называя его змеем Апокалипсиса.

Мартин V призвал Европу к крестовому походу против Богемии, предлагая обычные в таких случаях индульгенции, как за два века до него делал Иннокентий III в крестовом походе против катаров Южной Франции. На обещания папского мандата откликнулись 150 тыс. человек со всех концов Европы. Началась война, со всеми ее ужасами. Были опустошены целые провинции. Пять раз крестоносцы вторгались в страну Гуса, и пять раз их прогоняли обратно. В 1424 г. гуситы потеряли своего храбрейшего военачальника, Яна Жижку, но в 1427 г. при его преемнике, Прокопии Расе, прозванном Великим, самом влиятельном священнике Праги, они перешли в наступление и вторглись в Германию.

Уже одерживая победы над иноземными захватчиками, гуситы разделились между собой, не соглашаясь в степени, до которой следует проводить религиозные реформы. Радикальная партия (табориты, от названия крутого холма Табор, в 60 милях к югу от Праги, на котором они построили свой город), отрицала пресуществление, поклонение святым, молитвы за усопших, индульгенции и исповедь перед священником, а также отказывалась от клятв, танцев и других развлечений. Табориты разрешали проповедовать мирянам, в том числе женщинам, и использовали народный язык во всех частях богослужения. Жижка, их первый вождь, владел мечом в духе одного из судей. После его смерти более строгое крыло таборитов стало именовать себя сиротами.

Умеренная партия называлась то пражанами (по главному месту их влияния), то каликстинцами («чашниками», от слова *calix*, «чаша»), то утраквистами (от выражения *sub utraque specie*, «под обоими видами», так как они настаи-

⁷¹⁹ *In omnibus Magister vitae sine pari* (Palacky, *Monum.*, I. 80-82).

⁷²⁰ Mansi, XXVII. 1204-15. Также Mirbt, p. 157 sqq.

вали на причащении мирян вином, а не только хлебом). Пражский университет принял сторону каликстинцев и в 1420 г. одобрил четыре так называемые пражские статьи. В них выражались требования свободно проповедовать Евангелие, причащать мирян от чаши, наказывать за смертные грехи по гражданскому суду и вернуть клир к апостольской бедности. Каликстинцы ограничивали использование чешского языка во время богослужения чтением Писания⁷²¹.

После сокрушительного разгрома католической армии под командованием кардинала Чезарини в Тауссе 14 августа 1431 г. начался третий этап истории богемского движения — переговоры на Базельском соборе и почти полное уничтожение партии таборитов. Это было ново: общецерковный собор обращался с еретиками как с партией, обладающей правами. Ранее же церковь требовала лишь безусловного подчинения. 15 октября 1431 г. собор пригласил богемцев на обсуждение и обещал охранную грамоту делегатам. Им обещали, что не будет никаких уловок и никакого обмана ни на каком основании, будь то власть, приоритет канонического права, решения соборов в Констанце и Сиене или каких-либо других соборов⁷²². Триста делегатов, назначенных богемским сеймом, явились в Базель. По пути, в Эгере, в присутствии ландграфа Бранденбургского и Иоанна, герцога Баварии, они изложили свои условия, которые были посланы вперед и приняты собором⁷²³. Эти условия, в тринадцать статей, касались метода проведения переговоров, прекращения интердикта на время пребывания делегатов в швейцарском городе и права проводить свои религиозные обряды. Богемскую делегацию возглавляли Ян Рокичана из утраквистской партии и таборит Прокопий. Рокичана был пастырем церкви Тейн в Праге.

Собор признал строгие принципы гуситов, призвав базельские власти запретить танцы, азартные игры и появление блудниц на улицах. Богемцы прибыли 4 января 1433 г. Их поселили в четырех тавернах и выделили много вина и провианта. Их формально поприветствовали делегации от собора и от города. Они выполняли собственные обряды. Табориты вызвали особый интерес, так как не использовали в богослужении латынь, отказывались от алтаря и одеяний священников.

На соборе богемцы восхваляли Виклифа и Гуса и не терпели, когда их называли еретиками. Обсуждение было утомительно долгим. Некоторые делегаты представляли свою позицию по два-три дня. Среди главных выступающих был англичанин Питер Пейн, речь которого заняла три дня. Окончательное соглашение из четырех статей, известное как *Campactata*, было ратифицировано депутатами собора и тремя богемскими партиями, которые поддерживали друг друга. В главной статье разрешалось давать чашу мирянам, если они о том попросят, но при этом оговаривалось, что в каждом из даров присутствует весь Христос. Было заявлено, что причащение чашей имеет силу для тех, кто участвует в нем достойно⁷²⁴. Соглашение было ратифицировано богемским сеймом в Иглау 5 июля 1436 г. С Богемии и ее народа было снято церковное осуждение. Аббат Бонниваля, говоря с королем Кастилии о ходе Базельского собора, сказал, что в начале богемцы были похожи на свирепых львов и голодных волков, но, милостью Христовой, после обсуждения превратились в кротчайших агнцев и приняли четыре статьи⁷²⁵.

⁷²¹ Уже в 1423 г. несогласные, называвшие себя гуситами, появились в Северной Германии и Голландии (Fredericq, *Corpus Inq.*, III. 65, 142, etc.).

⁷²² *Sine fraude et quolibet dolo, occulte vel manifeste*, etc. (Mansi, XXIX. 27).

⁷²³ См. Hefele, VII. 476 sq.

⁷²⁴ См. Mansi, XXXI. 273 sqq.

⁷²⁵ Haller, *Concil. Basil.*, I. 291 sqq.

Хотя формально вопрос был улажен, таборитов это не удовлетворило. Утраквисты стали ближе к католикам, начались трения с таборитами, и после масштабной бойни в Праге, в ходе которой, говорят, пострадало 22 тыс. человек, между двумя партиями началась открытая война. Табориты потерпели поражение в битве при Липане 30 мая 1434 г. Прокопий был убит. Этот выдающийся человек много путешествовал, побывал даже в Иерусалиме до того, как стал священником. Он был блестящим руководителем и добился больших успехов в Австрии, Моравии и Венгрии. Табориты утратили влияние, а в 1452 г. потеряли гору Табор, свою главную крепость.

Теперь император вступил во владение своим Богемским королевством и полностью признал священников-утраквистов, обещав им поддерживать избрание епископов по воле народа и обеспечивать подтверждение выборов папой. Рокичана был избран архиепископом Праги на богемском сейме 1435 г., но вскоре после того, в 1437 г., Сигизмунд умер, и архиепископ так и не был признан папой, хотя руководил своей епархией до самой смерти (1471).

Наследником престола стал Альберт Австрийский, зять Сигизмунда и бескомпромиссный католик. В 1457 г. католические епископы короновали Георгия Подибрада, влиятельного представителя знати, и он оставался королем Богемии до 1471 г. Он последовательно поддерживал национальную партию, которая соблюдала Базельское соглашение. Папские власти, отказавшиеся признавать Рокичану, посылали эмиссаров, чтобы обратить еретиков проповедями и чудесами. Самыми примечательными среди них были Фра Джакомо и Иоанн Капистрано. Иоанн, чья чудотворная деятельность не уступала его красноречию, умер от лихорадки после битвы при Белграде.

В 1462 г. Пий II объявил Базельское соглашение недействительным и угрожал отлучением священникам, которые будут давать чашу мирянам. Георгий Подибрад ослушался папской буллы. Четыре года спустя папа выпустил указ, которым пытался лишить этого «сына погибели» короны и призывал венгерского короля, Матфея Корвина, забрать ее⁷²⁶. Матфей взял на себя эту ответственность, принял крест и вторгся в Моравию. Война еще продолжалась, когда умер Подибрад. Вследствие мира в Куттенберге (1485) и соглашения 1512 г. утраквисты сохранили право жить бок о бок со своими католическими близкими. Они продолжали существовать до 1629 г., когда право на два вида причастия было отменено Фердинандом II Австрийским, жестоко и кроваво подавившим все открытые несогласия в Богемии⁷²⁷.

Третье крыло гуситов, *Unitas Fratrum* {«братское единение»}, обычно называемое богемскими {гернгутерскими, моравскими, чешскими} братьями, отличается более почтенной и долгой историей, чем табориты и каликстинцы. Это орга-

⁷²⁶ Пий был гостеприимно принят гуситами на горе Табор, а позже стал относиться к ним с папским высокомерием. Когда он путешествовал по Богемии с миссией от Фридриха III и вынужден был где-то переночевать, он предпочел довериться таборитам, а не их врагам. Хотя он нашел у них приют, он с насмешкой описывал их бедность и крестьянский образ жизни. Некоторые из них были полураздеты, некоторые — завернуты в овечьи шкуры, кто-то ездил без седла, у кого-то не было упряжи. Однако он вынужден был признать, что, не имея обязательной десятины, они снабжали дома своих священников зерном, дровами, овощами и мясом (см. Lea, II. 561).

⁷²⁷ Утраквисты вступили в контакт с Лютером еще в 1519 г. Во времена Лейпцигского диспута два их проповедника из Праги, Ян Подушка и Венцеслав Росдаловски, написали ему. Первый послал также Лютеру в подарок ножи, а второй — труд Гуса «О церкви», переизданный в Виттенберге (1520). Лютер ответил им и послал кое-какие из своих небольших произведений (Köstlin, M. Luther, I. 290).

низация до сих пор существует среди моравов, а ее миссионерская деятельность (с центром в Гернгуте) взбудоражила все протестантское христианство. Мы не знаем точно, как она возникла. Впервые она явно упоминается в 1457 г., и она продолжала расти до времен Реформации. На ее синоде в 1467 г. присутствовало 60 братьев. Ее члены в Праге были подвергнуты гонениям, и король Иржи Подебрад разрешил им селиться в своем имении, называвшемся Литиц, и в селении Кунвальд⁷²⁸. Мартин, священник из Кениггреца, перешел к ним с частью своей паствы, а вскоре возникли и другие общины. Они держались особняком, поклонялись Богу сами и не принимали таинства от католических священников. Они не клялись, отказывались от воинской службы и, похоже, с самого начала прибегали к жребию. Они также отвергали учение о чистилище и не принимали служения от священников, которые вели недостойный образ жизни.

Касательно отношений между этой гуситской организацией с таборитами и австрийскими вальденсами велось много ученых споров, и эта тема до сих пор не прояснена. Нет сомнений в том, что богемские братья были вдохновлены Гусом и что в начале своего существования они вступили в контакт с вальденсами. Вытесненные из Италии, последователи Петра Вальда проникли в Богемию в начале XIV века. Их вождем был Фридрих Рейзер⁷²⁹. Этот проповедник присутствовал на соборе в Базеле (1435) и называл себя «епископом верных Римской церкви, которые отвергают Константинов дар». Он погиб на костре в Страсбурге в 1458 г. вместе с Анной Вейлер. Одно из самых ранних имен, связанных с богемскими братьями, — Петр Хельчицкий, выдающийся религиозный деятель Богемии того времени. Мы знаем, что он обладал авторитетом в их среде, но не более того⁷³⁰.

Братья, считая, что папское священство было развращено с того момента, как Константин сделал свой дар Сильвестру, на синоде 1467 г. избрали Михаила {Брадача}, пастыря Сенфтенбурга, «пресвитером и епископом» и отправили его к вальденскому епископу Стефану для посвящения⁷³¹. Представляется вероятным, что Стефан был рукоположен в Базеле епископами, каноническим образом. По возвращении Михаил посвятил Матфея из Кунвальда, пока сам он, неизвестно сколько времени и по какой причине, не был официально признан. Синод прибег к жребию: на трех из двенадцати шаров написали «он», а девять оставили чистыми. Матфей вытянул один из надписанных шаров⁷³². Матфей, в свою очередь, рукоположил епископами Фому и Илию — они вытащили оставшиеся два шара с надписью «он».

⁷²⁸ Старая моравская школа для девочек близ Ланкастера (в Пенсильвании) названа по имени этой колонии. Там училась жена президента Бенджамина Харрисона.

⁷²⁹ Раннюю историю австрийских вальденсов см. в т. V.

⁷³⁰ Goll (*Untersuchungen*) решительно отстаивает мнение, что богемские братья зависели от вальденсов в плане определенных взглядов, но отрицает, что между двумя сектами была органичная связь. Karl Müller (Herzog Enc., III. 448) приходит к тому же выводу. Он, однако, сомневается в связи Хельчицкого с вальденсами. Голл полагает, что они оказали на него сильное влияние. Preger (*Ueber d. Verhältniss der Taboriten zu den Waldesiern des 14ten Jahrh.*, Munich, 1887) занимает особую позицию, представляя таборитов как наследников богемских вальденсов, с некоторыми видоизменениями. Эти две организации существовали отдельно, когда на сцене появились богемские братья.

⁷³¹ Так пишет Лука Пражский. См. его свидетельство в Goll, pp. 107, 112. De Schweinitz (*Hist. of the Un. Fratrum*, p. 141 sqq.) утверждает, что рукоположение Стефана было каноническим. Мюллер сомневается в этом (Herzog, III. 452).

⁷³² См. Goll, p. 87, и письмо к Рокичане, племянник которого, Григорий, был членом братства в Литице (p. 92). В том, что Михаила посвятил Стефан, нет сомнений. Однако есть некоторые разногласия в деталях.

К 1500 г. богемское братство насчитывало 200 тыс. членов в 300 — 400 общинах, рассеянных по Богемии и Моравии. У них был свой символ веры, катехизис и гимны⁷³³. Говорят, из 60 богемских книг, напечатанных в 1500 — 1510 г., 50 принадлежали членам братства. Новый период его истории начал Лука Пражский (ум. в 1528), плодовитый писатель. Он объяснил Лютеру учение братства о вечере Господней. Братья, в том числе автор гимнов Михаил Вейс, посещали немецкого реформатора, а в 1521 г. у него был их катехизис.

Безжалостные преследования братства и других оставшихся гуситов начались в правление австрийца Фердинанда I, в 1549 г., и продолжались, с некоторыми перерывами, до Тридцатилетней войны, когда по настоянию иезуитов правительство, желая искоренить ересь в Богемии и Моравии, прибегло к мерам, памятным своим бессердечием.

Братья пережили возрождение в лице Моравской церкви, которая возникла, когда Христиан Давид и другие гуситские семьи поселились в 1722 г. на земле, выделенной для них графом Цинцендорфом в Гернгуте. Они сохранили почетное имя своих духовных предков, *Unitas Fratrum*, и прославили его миссионерскими трудами, неся Евангелие в дальние края земли, от Гренландии до Вест-Индии и Гвианы и от колонии прокаженных в Иерусалиме до Тибета и Австралии. В Америке Давид Цейсбергер и другие моравские миссионеры благовествовали среди индейских племен, проявляя благочестивую преданность Яну Гусу, тело которого можно было уничтожить на костре в Констанце, но священная память и влияние которого остались живы.

⁷³³ См. ст. Мюллера о богемских гимнах в *Julian, Dicty*.

ГЛАВА VI

ПОСЛЕДНИЕ ПАПЫ СРЕДНИХ ВЕКОВ. 1447 — 1521

§48. Литература и общий обзор

ТРУДЫ К ГЛАВЕ В ЦЕЛОМ. — *Bullarium*, ed. TOMASETTI, 5 vols., Turin, 1859 sq. — MANSI: *Councils*, XXXI, XXXII. — MURATORI: *Rerum ital. scriptores*. Приводятся жизнеописания пап. — STEFANO INFESSURA: *Diario della città di Roma*, ed. O. TOMMASINI, Rome, 1890. До 1494 г., дневник очевидца. Также в MURATORI. — JOH. BURCHARD: *Diarium sive rerum urbanarum commentarii, 1483 — 1506*, ed. L. THUASNE, 3 vols., Paris, 1883 — 1885. Также в MURATORI. — В. PLATINA (родился в 1421 г. в Кремоне, умер, будучи директором Ватиканской библиотеки, в 1481 г.): *Lives of the Popes to the Death of Paul II*, первое латинское издание, Venice, 1479, английский перевод — W. BENHAM, в *Anc. and Mod. Libr. of Theol.* Без даты. — SIGISMONDO DEI CONTI DA FOLIGNO: *Le storie de suoi tempi 1475 — 1510*, 2 vols., Rome, 1883. Латинский и итальянский текст в параллельных колонках. — PASTOR: *Ungedruckte Akten zur Gesch. der Päpste*, vol. I, 1376 — 1464, Freiburg, 1904. — RANKE: *Hist. of the Popes*. — A. VON REUMONT: *Gesch. d. Stadt Rom.*, vol. III, Berlin, 1870. — *MANDELL CREIGHTON, епископ Лондона: *Hist. of the Papacy during the Period of the Reformation*, II. 235 — IV, London, 1887. — *GREGOROVIVS: *Hist. of the City of Rome*, англ. перев., VII, VIII. — *L. PASTOR, католик, профессор в Инсбруке: *Gesch. der Päpste im Zeitalter der Renaissance*, 4 vols., Freiburg, 1886 — 1906, 4th ed., 1901 — 1906, англ. перев. F. I. Ambrosius, etc., 8 vols., 1908. — WATTENBACH: *Gesch. des röm. Papstthums*, 2^d ed., Berlin, 1876, pp. 284-300. — HEFELE-HERGENRÖTHER: *Conciliengeschichte*, VIII. Продолженный Гергенротером труд Гефеле намного слабее, чем предыдущие тома, написанные самим Гефеле и пересмотренные Хофлером. — *Истории церкви*: HERGENRÖTHER-KIRSCH, HEFELE, FUNK, KARL MÜLLER. — Н. THURSTON: *The Holy Year of Jubilee*. Рассказ об истории и церемониале римского «святого года», London, 1900. — Соответствующие статьи в WETZER-WELTE и HERZOG. Истории Возрождения: BURCKHARDT и SYMONDS. — Более полный перечень трудов см. в исчерпывающих списках, предпосланных первым трем томам Пастора; оценку современных авторов — в Creighton, в конце.

ПРИМЕЧАНИЕ. Труды Крейтона, Грегоровиуса и Пастора — очень подробные. Вряд ли какой-либо исторический период был так тщательно и хорошо изучен сразу тремя историками нашего времени. Пастор и Грегоровиус использовали новые документы, которые сами обнаружили в архивах Мантуи, Милана, Модены, Флоренции, Ватикана и др. Замечания Пастора — это целые тома эрудированных исследований. Крейтон вдумчив, но слишком терпимо относится к порокам пап и не всегда достоверен в деталях. Рассказ Грегоровиуса — проницательный и блестящий. Он беспощадно критикует распущенность римского общества и подкрепляет свое мнение авторитетными свидетельствами. Мастерское и яркое описание Пастора — самый емкий труд об этом периоде. Хотя он написан с ультрамонтанских позиций, в нем беспощадно описывается греховность пап и кардиналов, особенно Александра VI, который никогда с XVI века не был представлен в таких мрачных красках, как здесь.

К §49. НИКОЛАЙ V. — *Жития*: PLATINA и в MURATORI, особенно MANETTI. — INFESSURA: pp. 46-59. — GIBBON: *Hist. of Rome*, ch. LXVIII. *For the Fall of Constantinople*. — GREGOROVIVS: VII. 101-160. — CREIGHTON: II. 273-365. — PASTOR: I. 351-774. — GEO. FINDLAY: *Hist. of Greece*

- to 1864, 7 vols., Oxford, 1877, vols. IV, V. — EDW. PEARS: *The Destruction of the German Empire and the Story of the Capture of Constantinople by the Turks*, London, 1903, pp. 476.
- К §50. Пий II. — *Opera omnia*, Basel, 1551, 1571, 1589. — *Opera inedita*, I. CUGNONI, Rome, 1883. — Его комментарий, *Pii pontif. max. commentarii rerum memorabilium quae temporibus suis contigerunt*, с продолжением кардинала Амманати, Frankfurt, 1614. Последнее издание Rome, 1894. — *Epistolae*, Cologne, 1478, часто переиздавались. Так в *Opera*, Basel, 1551. A. WEISS: *Aeneas Sylvius als Papst Pius II Rede mit 149 bisher ungedruckten Briefen*, Graz, 1897. — *Eine Rede d. Enea Silvio vor d. C. zu Basel*, ed. J. HALLER в *Quellen u. Forschungen aus ital. Archiven*, etc., Rome, 1900, III. 82-102. — PASTOR: II. 714-747, приводит ряд посланий Пия, ранее не публиковавшихся. — *Orationes polit. et eccles.*, MANSI, 3 vols., Lucae, 1755 — 1759. — *Historia Frid. III.* Лучшее издание KOLLAR, Vienna, 1762, нем. перев. ILGEN, 2 vols., в *Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit.*, Leipzig, 1889 sq. — Обращения на конгрессе в Мантуе и буллы *Execrabilis* и *In minoribus* в MANSI: *Concil.*, XXXII, 191-267. — Полный список изданий трудов Пия см. в Potthast, I. 19-25. — PLATINA: *Lives of the Popes*. — ANTONIUS CAMPANUS: *Vita Pii II*, в MURATORI, *Scripp.*, III. 2, pp. 969-992. — G. VOIGT: *Enea Silvio de' Piccolomini als Papst Pius II und sein Zeitalter*, 3 vols., Berlin, 1856 — 1863. — K. HASE: *Aen. Syl. Piccolomini, in Rosenvorlesungen*, pp. 56-88, Leipzig, 1880. — A. BROCKHAUS: *Gregor von Heimbürg*, Leipzig, 1861. — K. MENZEL: *Diether von Isenberg, als Bischof von Mainz, 1459 — 1463*, Erlangen, 1868. — GREGOROVIVS: VII. 160-218. — BURCKHARDT. — CREIGHTON: II. 365-500. — PASTOR: II. 1-293. Ст. *Pius II*, BENRATH в HERZOG, XV. 422-435.
- К §51. ПАВЕЛ II. — *Жития*: PLATINA, GASPAR VERONENSIS и M. CANENSIS из Витербо, оба в MURATORI, новое издание, 1904, III, XVI, p. 3 sqq., с предисловием, pp. i-xlvi. — A. PATRI-TIUS: *Descriptio adventus Friderici III ad Paulum II*, MURATORI, XXIII. 205-215. — АММАНАТИ, продолжение комментариев Пия II, Frankfurt ed., 1614. Гаспар Веронский восхваляет кардиналов и родственников Павла, но не приводит его биографии в собственном смысле слова. Платина, из личной обиды, с пренебрежением отзываясь о Павле II. Биография Каненсия — ответ Платине, она — самая важная. — GREGOROVIVS: VII. — CREIGHTON: III. — PASTOR: II.
- К §52, 53. СИКСТ IV, ИННОКЕНТИЙ VIII. — INFESSURA, pp. 75-283. — BURCHARD, в Thuasne ed., vol. I. — J. GHERARDI DA VOLTERRA: *Diario Romano, 1479 — 1484*, в MURATORI, *Scripp.*, XXIII. 3, также издание 1904. — PLATINA в MURATORI, III, p. 1053, etc. (Пастор считает биографию подлинной, у Крейтона есть некоторые сомнения). — SIGISMONDO DEI CONTI DA FOLIGNO: vol. I. Инфессура более суров к Сиксту IV и Иннокентию VIII. Вольтерра, получивший от Сикста должность, не выносит формального суждения. Сиджизмондо, которого продвигал Сикст, лицеприятен. — A. THUASNE: *Djem, Sultan, fils de Mohammed II d'après les documents originaux en grande partie inédits*, Paris, 1892. — GREGOROVIVS: VII. 241-340. — PASTOR: II. 451-III. 284. — CREIGHTON: III. 56-156. — W. ROSCOE: *Life of Lorenzo the Magnificent*, 2 vols., Liverpool, 1795, 6th ed., London, 1825, etc.
- К §54. АЛЕКСАНДР VI. — Буллы в *Bullarium Rom.* — *Regesta* Александра, 113 томов, в Ватикане, nos. 772-884. К ним не подпускали на протяжении трехсот лет, но в 1888 г. Лев XIII разрешил Пастору изучать и использовать их. — См. предисловие Пастора к его *Gesch. der Päpste*. — INFESSURA. Заканчивается 26 февраля 1494 г. — BURCHARD: vols. II, III. — SIGISMONDO DE' CONTI: *Le storie*, etc. — GORDON: *Life of Alex. VI*, London, 1728. — АББАТ OLLIVIER: *Le pape Alex. VI et les Borgia*, Paris, 1870. — V. NEMEC: *Papst Alex. VI, eine Rechtfertigung*, Klagenfurt, 1879. Оба пытаются спасти этого папу от бесчестия. — LEONETTI: *Papa Aless. VI*, 3 vols., Bologna, 1880. — M. BROSC: *Alex. VI u. seine Söhne*, Vienna, 1889. — C. VON HÖFLER: *Don Rodrigo de Borgia und seine Söhne, Don Pedro Luis u. Don Juan*, Vienna, 1889. — HÖFLER: *D. Katastrophe des herzoglichen Hauses des Borgias von Gandia*, Vienna, 1892. — SCHUBERTSOLDEM: *D. Borgias u. ihre Zeit*, 1907. — REUMONT: *Gesch. der Stadt Rom*. Также ст. *Alex. VI*. в WETZER-WELTE, I. 483-491. — H. F. DELABORDE: *L'expédition de Chas. VIII en Italie*, Paris, 1888. — RANKE: *Hist. of the Popes*. — ROSCOE: *Life of Lorenzo*. — GREGOROVIVS: *Hist. of City of Rome*, vol. VII. Также *Lucrezia Borgia*, 3^d ed., Stuttgart, 1875. Англ. перев. J. L. GARNER, 2 vols., New York, 1903. — CREIGHTON: III. — PASTOR: III. — HERGENRÖTHER-KIRSCH: III. 982-988. — *P. VILLARI: *Machiavelli and his times*, англ. перев., 4 vols., London, 1878 — 1883. — BURCKHARDT и SYMONDS о Возрождении. — E. G. BOURNE: *Demarcation Line Of Alex. VI in Essays In Hist. Criticism*. — ЛОРД АСТОН: *The Borgias and their Latest Historian*, в *North Brit. Rev.*, 1871, pp. 351-367.
- К §55. ЮЛИЙ II. — BULLARIUM IV. — BURCHARD: *Diarium* до мая 1506 г. — SIGISMONDO: vol. II. — PARIS DE GRASSIS, церемониймейстер Ватикана, 1504 г. и далее: *Diarium* с 12 мая 1504 г.,

- ed. L. FRATI, Bologna, 1886, и DÖLLINGER в *Beitäge zur pol. Kirchl. u. Culturgesch. d. letzten 6 Jahrh.*, 3 vols., Vienna, 1863 — 1882, III. 363-433. — A. GIUSTINIAN, венецианский посол: *Dispacci*, 1502 — 1505, ed. VILLARI, 3 vols., Florence, 1876, и RAWDON BROWNING в *Calendar of State Papers*, London, 1864 sq. — FR. VETTORI: *Sommario delta storia d'Italia 1511 — 1527*, ed. REUMONT в *Arch. Stor. Ital.*, Append. B., pp. 261-387. — DUSMENIL: *Hist. de Jules II*, Paris, 1873. — *M. BROSCHE: *Papst Julius II und die Gründung des Kirchenstaats*, Gotha, 1878. — P. LEHMANN: *D. pisaner Konzil vom Jahre, 1511*, Breslau, 1874. — HEFELE-HERGENRÖTHER: VIII. 392-592. — BENRATH: статья *Julius II*, в HERZOG, IX. 621-625. — VILLARI: *Machiavelli*. — RANKE: I. 36-59. — REUMONT: III, pt. 2, pp. 1-49. — GREGOROVIVS: VIII. — CREIGHTON: IV. 54-176. — PASTOR: III.
- К §56. ЛЕВ X. — *Regesta* до 16 октября 1515 г., ed. HERGENRÖTHER, 8 vols., Rome, 1884 — 1891. — MANSI: XXXII. 649-1001. — PARIS DE GRASSIS, см. выше, и ed. ARMELLINI: *Il diario de Leone X*, Rome, 1884. VETTORI: *Sommario*. — M. SANUTO, венецианский посол: *Diarii*, I-XV, Venice, 1879 sqq. — *PAULUS JOVIUS (род. в 1483), был знаком со Львом: *De Vita Leonis*, Florence, 1549. Единственная биография до выхода FABRONI, *Life*, 1797. — *L. LANDUCCI: *Diario Fiorentino 1450 — 1516*, продолжение до 1542, ed. BADIA, Florence, 1883. — *W. ROSCOE: *Life and Pontificate of Leo X*, 4 vols., Liverpool, 1805, 6th ed. (пересмотренное его сыном), London, 1853. Эта книга была хорошо принята и продолжает оставаться ценной. Апология Льва, которого автор считает величайшим папой современности. Занесена в Индекс Львом XII (ум. в 1829). Нем. перев. GLASER и HENKE, с ценными примечаниями, 3 vols., Leipzig, 1806 — 1808. Итал. перев. гр. L. BOSSI, Milan, 1816 sq. — E. MUNTZ: *Raphael, His Life, Work, and Times*, англ. перев. W. ARMSTRONG, London, 1896. — E. ARMSTRONG: *Lor. de' Medici*, New York, 1896. — H. M. VAUGHAN: *The Medici Popes (Leo X and Clement VII)*, London, 1908. HEFELE-HERGENRÖTHER: VIII. 592-855. — REUMONT: III. Pt. 2, pp. 49-146. — VILLARI: *Machiavelli*. — CREIGHTON: IV. — GREGOROVIVS: VIII. — PASTOR: IV. — KÖSTLIN: *Life of Luther*, I. 204-525. — *A. SCHULTE: *Die Fugger in Rom. 1495 — 1523*, 2 vols., Leipzig, 1904. — BURCKHARDT. — SYMONDS.
- ПАПЫ. НИКОЛАЙ V, 1447 — 1455; КАЛЛИКСТ III, 1455 — 1458; ПИЙ II, 1458 — 1464; ПАВЕЛ II, 1464 — 1471; СИКСТ IV, 1471 — 1484; ИННОКЕНТИЙ VIII, 1484 — 1492; АЛЕКСАНДР VI, 1492 — 1503; ПИЙ III, 1503; ЮЛИЙ II, 1503 — 1513; ЛЕВ X, 1513 — 1521.

За периодом реформаторских соборов, который завершился синодом в Базеле — Ферраре, последовал примечательный период истории папства — период пап эпохи Возрождения. Эти понтифики последних лет Средневековья в равной мере славились своими интеллектуальными дарованиями, использованием своей должности ради личного возвышения и удовольствий, а также тем блеском, который они придали Риму, покровительствуя литературе и изящным искусствам. Постановление собора в Констанце о высшей власти вселенских соборов, к которому Евгений IV отнесся как к пустому звуку, было решительно отвергнуто Пием II в булле, запрещающей апелляции против папских решений и провозглашавшей, что авторитет папы абсолютно непререкаем. И в течение 70 лет церковных соборов не созывалось.

Десять понтификов, занимавших престол в 1450 — 1517 г., были самого разного происхождения, от рыбака, как Сикст IV, до представителя великолепнейших аристократических семейств того времени, как Лев X из дома Медичи. Они украшали Рим и Ватикан сокровищами искусства, но при этом, похоже, не отличались той искренней религиозной верой, которая представляется естественной особенностью человека, претендующего на роль главного пастыря христианской церкви на земле. Великие принципы администрации их не волновали. Никакие выдающиеся благочестивые движения не получили их санкции, хотя таковым можно считать предполагаемый крестовый поход для возвращения Константинополя, но здесь были задействованы, скорее, папские амбиции, чем преданность интересам веры.

В этот период nepотизм в Ватикане процветал. Понтифики даровали папские милости своим племянникам и другим родственникам. Начиная с Бонифа-

ция VIII это стало признанной практикой. Тщетно папские конклавы, вслед за постановлением Констанца, принимали протоколы, в которых возраст 30 лет объявлялся обязательным порогом для приема в священную коллегию кардиналов и которые пытались ограничить папский фаворитизм. Игнорируя соображения скромности и религиозные порывы, папы раздавали кардинальские места своим молодым племянникам, внучатым племянникам и сыновьям князей, хотя те были совершенно непригодны к такому служению с точки зрения ума и нравственности. Ватикан осаждали родственники понтификов, жаждущие почестей и прибыли, связанной с должностями. Вот некоторые из лиц, ставших кардиналами до достижения 30 лет. Калликст III назначил кардиналами своих племянников Хуана и Родриго Борджиа (Александра VI), — последнему было 25 лет, — а также маленького сына португальского короля. Пий II — своего племянника, 23 лет, и Франциска Гонзагу, 17 лет. Сикст IV — Иоанна Арагонского, 14 лет, своих племянников Петра и Юлиана Ровере, 25 и 28 лет, и своего внучатого племянника Рафаэля Риарио, 17 лет. Иннокентий VIII — Иоанна Скаффената, 23 лет, Джованни де Медичи, 13 лет. Александр VI, в 1493 г., — Ипполито Эсте, 15 лет, которого Сикст сделал архиепископом Стригонии в возрасте 8 лет, своего сына, Чезаре Борджиа, 18 лет, Александра Фарнезе (Павла III), брата папской любовницы, 25 лет, и Фридриха Казимира, сына польского короля, 19 лет. Лев X, в 1513 г., — своего племянника Иннокентия Чибо, 21 года, и своего двоюродного брата, незаконнорожденного Джулио де Медичи, позже Климента VII, а в 1517 г. — еще трех племянников, один из которых был незаконнорожденным сыном его брата, а также Альфонсо Португальского, 7 лет, и Иоанна Лотарингского, сына герцога Сицилийского, 20 лет. Это неполный список⁷³⁴. Места епископов, аббатов и другие церковные должности отдавались папским детям, племянникам и другим любимцам. Случаи, когда кардинальский пост давался за благочестие или ученость, были редки, в то время как семейства Мантуи, Феррары и Модены, Медичи из Флоренции, Сфорца из Милана, Колонна и Орсини имели легкий доступ в папские покои.

Кардиналы соперничали с королями в погоне за богатством и роскошью. Их дворцы, полные слуг, были обставлены самой великолепной мебелью и драгоценной посудой. Они подавали пример расточительства, которое принесли с собой даже в Ватикан. Подобострастие, с которым ублажались незаконные отпрыски понтификов, не считалось зазорным. Сыновья и дочери знатных домов Италии, Франции и Испании искали возможности вступить с ними в брак по воле своих снисходительных родителей. В Ватикане устраивались свадьбы и другие развлечения. На пиры приглашали блудниц, и в праздничных палатах разыгрывались непристойные комедии.

Щедрые траты папского двора осуществлялись отчасти на те большие средства, десятки тысяч дукатов, которые богатые люди были готовы платить за свое

⁷³⁴ Среди других юных кардиналов были: Джачинто Бобо, позже Целестин III, 18 лет, назначен Гонорием III, 1126; Петр Роджер, позже Григорий XI, 17 лет; Эрколе Гонзага, назначен Климентом VII, 22 лет; внуки Гвидо Сфорца, 16 лет, и Рануччо Фарнезе, 15 лет; два племянника, 14 и 21 года, назначены Юлием III (ум. в 1555), а также Иннокентий дель Монте, 17 лет; Фердинанд Медичи, 14 лет, назначен Пием IV (ум. в 1565); Андрей и Альберт Австрийские, сыновья Максимилиана II, 18 лет, назначены Григорием XIII, и Карл Лотарингский, 16 лет; Александр Перетти, 14 лет, назначен своим дядей, Сикстом V (ум. в 1590); два племянника, 18 лет, назначены Иннокентием IX (ум. в 1591); Маврикий Савойский, 14 лет, и Фердинанд, сын короля Испании, 10 лет, назначены Павлом V (ум. в 1621); племянник, 17 лет, назначен Иннокентием X (ум. в 1655); сын короля Испании, назначен Климентом XII (ум. в 1740).

кардинальство. Когда средства у Ватикана заканчивались, брались займы у Фуггеров и в других банках, а в залог отдавались священные предметы из Ватикана, вплоть до самой тиары. Суммы, которые требовались Александру VI на приданое детям, а Льву X — на племянников, были громадны.

Папы, такие как Сикст IV и Александр VI, бессовестно вовлекали Италию в междоусобные войны ради папских проектов — либо для расширения папских владений, либо для обогащения папских сыновей и племянников. Юлий II был воином и в броне выходил на поле боя. Ни один правитель того времени не вел в дипломатии двойную игру так бесцеремонно, как Лев X. Чтобы достичь своей цели, священный престол даже заключал формальные соглашения с султаном. Папы от Павла II до Льва X, говорит Доллингер, делали все возможное, чтобы опозорить папство и навлечь на Италию ужас бесконечных войн⁷³⁵. Католический глава христианского мира предавал Христа. Разнузданность, скандалы и преступления пап, которые открываются читателю в дневниках Инфессуры, Бурхарда и де Грасси, а также из донесений послов Венеции, Мантуи и других итальянских государств, воспроизведенных у Крейтона, Пастора и Грегоровиуса, делают этот период одним из самых драматичных в истории. Человеческие характеры разыгрывают перед нами сцену за сценой, вызывая всепоглощающий интерес, и при знакомстве с ними кажется, что история приближается к какой-то великой развязке.

В эту эпоху произошли также три события, чрезвычайно важные для истории человечества: падение Византийской империи (1453), открытие Америки (1492) и изобретение книгопечатания, а завершилась она общецерковным собором — Пятым Латеранским, который закрылся всего за несколько месяцев до того, как реформатор с севера потряс основания папского вероустройства и начал новую эпоху.

§49. Николай V. 1447 — 1455

Николай V (1447 — 1455), преемник Евгения IV, руководствовался духом новой творческой эпохи — Возрождения и был первым меценатом из ряда пап, своих единомышленников. Преемники, следуя его примеру, в течение века были главными покровителями искусств и литературы в Европе. Если для Григория VII главным делом жизни была папская теократия, то для Николая — возрождение искусств в Риме. Его понтификат ознаменовался для вечного города началом преобразования, в результате которого из места руин и опустошения он превратился в столицу, украшенную произведениями искусства и архитектурными сооружениями. Николай лично восстанавливал и украшал Ватикан и собор Св. Петра, закладывал фундамент Ватиканской библиотеки и призвал к своему двору ученых и художников⁷³⁶.

Томмазо Парентучелли родился в 1397 г. Он был сыном врача из Сарцаны и не был обязан своим выдвижением знатности семьи. Его отец был беден. Сам он был невысок, с непропорционально короткими ногами, но этот физический недостаток компенсировали интеллектуальные дарования, такт и вежливые манеры. Он учился в Болонье и быстро продвигался в церкви. В 1444 г. он стал архиепископом Болоньи, а по возвращении из Германии, где он был папским легатом

⁷³⁵ *Papstthum*, p. 192.

⁷³⁶ Пастор называет главу о Николае *Nicolas V, der Begründer des päpstlichen Maecenats*.

(1446), получил кардинальную шапку. Четыре месяца спустя он стал папой и, по словам Энея Сильвия, чьи высказывания о выдающихся людях его времени всегда дипломатичны, Томмазо был столь популярен, что все без исключения одобрили его избрание.

Николай оказался свидетелем полного воссоединения западного христианского мира. После отречения Феликса V, к которому он отнесся со скромной и либеральной щедростью, и отказа Германии от нейтралитета у Николая появилась возможность считать папский раскол и подчиненность разным папам делом прошлого.

«Святой год», который отмечали в 1450 г., призван был привязать европейские народы к Риму и заново разжечь огонь веры, который угас за почти что целый век церковных разногласий⁷³⁷. Толпы паломников были крайне велики, и современник, Платина, заявил даже, что такого множества людей святой город еще не видел. По словам Энея, ежедневно из церкви в церковь ходило по 40 тыс. человек. Плат святой Вероники (*lo sudario*), с отпечатком лика Господа, показывали каждое воскресенье, а головы святого Петра и святого Павла — каждую субботу. Большие суммы денег, привезенные паломниками, Николай использовал для осуществления своих планов по украшению церквей и улиц города.

Все авторы указанного периода упоминают о бедствии на мосту Св. Ангела, временно омрачившем празднества «святого года». Была такая давка, что в толпе раздавили мула, принадлежавшего Петру Барбу, кардиналу Св. Марка. Двести человек были затоптаны или утонули после того, как их столкнули с моста или они сами прыгнули в Тибр. Чтобы предотвратить повторение несчастья, папа велел снести несколько зданий, загромождавших проход к мосту⁷³⁸.

По части управления имуществом святого престола Николай был скромен и добился успеха. Он подтвердил право папства на владение Папской областью, вернул Больсену и замок Сполето и обеспечил покорность Болоньи, куда послал Виссариона в качестве папского легата. Заговор Стефана Поркаро, который подражал амбициям Риенцо, был подавлен в 1453 г., и папа остался бесспорным хозяином Рима. Папа мудро выбирал кардиналов — одним из них был Николай Кузанский. Введение в священную коллегию его младшего брата, Филиппа Каландрини, не вызвало неблагоприятных отзывов.

К понтификату Николая относится последняя римская коронация немецкого императора — Фридриха III в 1452 г. Этот монарх, вдохновленным биографом которого стал его советник Эней Сильвий, но который, по свидетельству других, был слаб и лишен воинственного духа и щедрости, первым из Габсбургов принял корону в святом городе и занимал императорский престол дольше, чем какой-либо император до и после него. С коронацией император сочетал свою свадьбу с Элеонорой Португальской.

Путешествие Фридриха в Италию и его пребывание в Риме было редкой возможностью для Энея проявить свой талант в области красочных описаний. Встреча с будущей императрицей, приветствия в адрес его величества, праздник в честь свадьбы и коронации, одевания воинов, звуки рогов, элегантность наряда императора и осмотр им предметов искусства в соборе Св. Петра — все эти и другие сцены Эней описывает с легкостью и изяществом. Португальская принцесса, путешествие которой из Лиссабона заняло 104 дня, высадились в Ливорно

⁷³⁷ Pastor (I. 417 sq.) ставит акцент на этих следствиях «святого года».

⁷³⁸ Infessura, p. 48; Platina, II. 242; Aeneas, *Hist. Frid.*, 172 (перев. Ilgen, I. 214).

в феврале 1452 г., где ее встретил Фридрих, сопровождаемый изысканной группой рыцарей. После развлечений в Сиене, продолжавшихся четыре дня, пришло время отправиться в Рим. Все, кто видел Элеонору, которой было всего шестнадцать лет, славил ее редкую красоту и очарование. Она станет матерью Максимилиана и прародительницей Карла V⁷³⁹.

У ворот папского города Фридриха встретили кардиналы, поздравившие его от имени главы христианского мира, но также потребовавшие от него клятву верности, которую он дал, хотя и без особой охоты. Церемонии, последовавшие за приездом императора, должны были польстить его гордости и в то же время показать власть папы над городом. Николай принял Фридриха на ступенях собора Св. Петра, сидя на престоле из слоновой кости и окруженный стоящими кардиналами. Император встал на колени и поцеловал палец ноги понтифика. 16 марта Николай короновал его железной ломбардской короной и сочетал императорскую чету браком. Потом Элеонора отбыла в собственный дворец, а Фридрих остался гостем Ватикана. Его поселили рядом с папой, чтобы Николай мог часто с ним общаться или же, как ходили слухи, чтобы римляне не могли подойти к нему под покровом темноты с просьбами о восстановлении их свобод⁷⁴⁰. Три дня спустя, 19 марта, на голову Фридриха была возложена корона империи⁷⁴¹. Потом он, вместе с супругой, принял дары причастия из рук папы. На следующей неделе Фридрих отбыл в Неаполь⁷⁴².

Вряд ли в понтификат какого-либо другого папы случалось столь значимое и столь давно предсказывавшееся событие, как падение Константинополя под натиском турок (29 мая 1453 г.). Последний из Константинов погиб во время осады, храбро сражаясь у ворот Св. Романа. Церковь Юстиниана, Святая София, была превращена в мечеть. Крест пронесли по улицам, надев на него шапку янычара, под крики солдат: «Вот христианский Бог!» Эта историческая катастрофа могла бы повергнуть в уныние христианскую Европу, если бы была неожиданной. Упорный натиск турок и их неописуемые жестокости веками донимали Греческую империю. Латинское христианство начало терпеть поражения от рук мусульман за триста лет до того, как была взята Эдесса (1145), произошла роковая битва при Хаттине и пал Иерусалим (1187).

В ответ на призывы греков Николай послал Исидора легатом в Константинополь с 200 отрядами воинов, но настаивал, чтобы в награду за помощь восточному императору в Константинополе были ратифицированы феррарские соглашения о союзе. В длинном сообщении от 11 октября 1451 г. римский понтифик

⁷³⁹ Infessura (p. 52) говорит, что невозможно было преувеличить красоту Элеоноры (*bella quanto si potesse dire*). Aeneas (*Hist. Frid.*, 265) рассказывает о ее смуглой коже, черных блестящих глазах, нежных румяных щеках, умном лице и снежно-белой шее. Она была «во всех отношениях очаровательной особой».

⁷⁴⁰ *Hist. Frid.*, 294; Ilgen, II. 84 sq. Эней приводит другую причину такого гостеприимства папы по отношению к своему господину.

⁷⁴¹ Говорят, в данном случае была использована корона Карла Великого, которую Сигизмунд увез в Нюрнберг. Эней, с привычной для него журналистской любовью к деталям, обращает внимание на божьего льва Карла IV, выгравированного на мече, который также был привезен из Нюрнберга.

⁷⁴² Aeneas (p. 303), который время от времени скрупулезно напоминал, что Фридрих и Элеонора жили в разных дворцах и под разными балдахинами, подробно повествует об их первой брачной ночи в Неаполе. Такого рассказа нам следовало бы ожидать от Боккаччо, но никак не от церковного прелата, однако Эней, как очевидец происходившего, считал себя обязанным вдаваться в самые реалистические подробности — что было характерно для той эпохи и испанских обычаев.

заявлял, что расколы всегда наказывались более сурово, чем любое другое зло. Корей, Дафан и Авирон, которые попытались разделить народ Божий, были наказаны более сурово, чем те, кто вводил идолопоклонство. У империи или церкви не может быть двух глав. Вне единой церкви нет спасения. Тот, кто не вошел в ковчег Ноя, погиб при потопе. Что бы ни утверждалось во всех этих заявлениях, византийский двор находился в слишком опасном положении, чтобы отвергнуть папские условия, и в декабре 1452 г. Исидор в окружении 300 священников объявил в церкви Св. Софии об объединении греческого и латинского христианства. Но даже теперь греческий народ яростно сопротивлялся объединению, и самый влиятельный человек в империи, Лука Нотарас, сказал, что предпочитает тюрбан тиаре. Помощь, предложенная Николаем, была незначительна. На последней неделе апреля 1453 г. десять папских галер отплыли из Неаполя, Венеции и Генуи, но они прибыли слишком поздно, чтобы оказать какую бы то ни было помощь грекам⁷⁴³.

Вторжение азиатов в этот почтенный и некогда влиятельный город на Босфоре оставалось единственной и неизбежной участью империи, правители которой бахвалились тем, что они — преемники Константина, Феодосия, Юстиниана, называли себя христианами в самом что ни на есть православнейшем смысле слова, но при этом наводнили свои дворцы языческой роскошью и непотребствами. Правительство, обосновавшееся в самом имперском месте на земле, безжизненно и вяло старалось доказать свое право на существование, твердя о великих заслугах в далеком прошлом. Внутри страны не наблюдалось никакого христианского рвения. Христианская посвященность была вытеснена обрядовыми формулами. Хотя исследователь христианства и будет сожалеть об утрате этого последнего оплота христианства на Востоке, он не может не усмотреть в разыгравшейся трагедии суд, нависающий над семью недостойными церквями Апокалипсиса. Проблема, возникшая в Европе в связи с появлением Великого Турка, как современники называли Мухаммеда II, еще ждет своего решения с помощью мудрой дипломатии, или силы оружия, или медленного и подспудного развития современных представлений об управлении и правах народа.

Николай V чувствовал, что для последующих поколений несчастье, постигшее Восточную империю, ляжет несмываемым пятном на его понтификате, и другие папы, как, например, Эней Сильвий, разделяли это мнение⁷⁴⁴. Он выпустил буллу, в которой призывал христианские народы к крестовому походу для возвращения Константинополя и называл Мухаммеда II змеем из Книги Откровения. Отпущение грехов обещалось тому, кто шесть месяцев потратит на это святое предприятие или будет содержать своего представителя в течение этого времени. Христиан призывали выделить на поход десятину. Кардиналы должны

⁷⁴³ Pastor (I. 588 sqq.) усердно доказывает, что Николай все-таки пытался помочь грекам. Инфесура клеймит папу за то, что он не сделал больше.

⁷⁴⁴ Эней писал папе 12 июля 1453 г.: «Историки Римских понтификов, дойдя до вашего времени, скажут: “Николай V, тосканец, был папой много лет. Он забрал наследие церкви из рук тиранов, воссоединил разделенную церковь, канонизировал Бернардино, построил Ватикан и великолепно восстановил собор Св. Петра, отпраздновал святой год и короновал Фридриха III”. Но все это будет омрачено скорбным добавлением: “В его понтификат Константинополь был взят и разграблен турками”. Ваше святейство сделало все, что могло. По справедливости вас ни в чем нельзя обвинить. Но невежественное потомство будет винить вас, услышав, что именно в ваше время был утрачен Константинополь». Гиббон замечает, что «понтификат Николая V, могущественного и процветавшего, был омрачен падением Восточной империи» (гл. LXVIII). Однако предотвратить эту катастрофу Николай был не в силах.

были сделать то же самое. Было обещано использовать в этих целях все папские доходы от крупных и малых бенефициев, епископатов, архиепископатов и монастырей.

Но отклик Европы был слабым. Времена энтузиазма к крестовым походам миновали. Турки были жестоки, и их боялись. Собрание, созванное Фридрихом III в Регенсбурге весной 1454 г., на которое сам император не явился, выслушало красноречивый призыв Энея, но отложило решение проблемы до октябрьского рейхстага во Франкфурте. На нем опять не было императора, и рейхстаг опять ничего не решил. И крестовый поход против турок оставался одним из основных пунктов в папской повестке дня вплоть до эпохи Реформации.

Хотя Николай и умер, разочарованный своей неспособностью повлиять на князей и заставить их выступить против турок, он прославился как умный и искренний покровитель литературы и искусств. За это последующие поколения обязаны ему больше, чем Иннокентию III с его армиями крестоносцев. Он похоронен в соборе Св. Петра рядом со своим предшественником, Евгением IV⁷⁴⁵.

Следующего понтифика, испанца Калликста III (1455 — 1458), волновали прежде всего две проблемы: изгнание турок из Константинополя и благополучие семейства Борджиа, к которому он принадлежал. Он был сделан кардиналом при Евгении IV и стал папой в возрасте 77 лет. Со времени его понтификата семейство Борджиа стало играть выдающуюся роль в Риме. Кульминацией их успеха была скандальная карьера амбициозного Родриго Борджиа, в течение 30 лет — кардинала, а затем — папы Александра VI.

Калликст начал свой понтификат с обещания «перед Всемогущим Богом и Святой Троицей наказывать турок войнами, проклятиями, интердиктами, отлучениями и всякими другими способами»⁷⁴⁶. К князьям всей Европы были посланы легаты, которые должны были пробудить их рвение. Папские драгоценности были проданы, золотые и серебряные переплеты с ватиканских книг сняты и обращены в деньги. В определенный час каждый день в Риме звонили колокола, призывая всех молиться о священной войне. Но большинство князей оставались равнодушными, а Франция активно сопротивлялась замыслу. Венеция, которая всегда преследовала свои собственные интересы, заключила договор с турками. Фридрих III был некомпетентен. Слабый флот, который смог собрать папа, отплыл из Остии под командованием кардинала Серампо и одержал несколько малозначительных побед. Доблестный венгр Хуньяди внушил некоторую надежду, совершив блестящий подвиг — освободив Белград 14 июля 1456 г., но радость была омрачена вестью о смерти этого доблестного вождя. Албанец Скандерберг, который год спустя был назначен папским командующим, действительно был храбрецом, но без поддержки Западной Европы практически ничего не мог сделать.

Беззастенчивый nepотизм Калликста превосходил все примеры подобного рода, известные папскому двору прежде. Каталанские искатели приключений устремлялись в Рим и требовали должности от своих соотечественников, принятых на службу у папы. Папа даровал милость за милостью трем сыновьям двух своих сестер — Хуану Миланскому, сыну Екатерины Борджиа, Педро Луису и Родриго, сыновьям Изабеллы. Педро и Родриго, усыновленные дядей, были объектами его неусыпного попечения. Грегоровиус сравнивает членов семейства Борджиа с

⁷⁴⁵ Его эпитафию приводит Mirbt (p. 169).

⁷⁴⁶ Mansi, XXXII. 159 sq.

римскими Клавдиями. От природы они были сильны и красивы, а также чувственны, амбициозны и высокомерны. На их гербе был изображен бык. Несмотря на протесты курии, в 1457 г. Родриго и Хуан Миланский стали кардиналами, оба — молодые люди, которым еще не было тридцати.

Их отвратительные привычки вошли в Риме в поговорку. Родриго, в обход других членов священной коллегии, вскоре стал вице-канцлером (самая прибыльная должность в папском окружении). В то же время кардиналом был назначен маленький сын португальского короля — *figliolo*, как называет его Инфессура.

С поразительной быстротой Педро Луис, остававшийся мирянином, приобрел высшие государственные посты, стал комендантом замка Св. Ангела и герцогом Сполето, получил во владение Терни, Нарни, Тоди и другие папские лены⁷⁴⁷. Поговаривали, что любящий дядя намеревался после смерти Альфонсо Неаполитанского дать своему племяннику и неаполитанскую корону, отодвинув в сторону незаконного сына Альфонсо, дона Ферранте.

После смерти Калликста испанские прихлебатели обратились в бегство. Их дома были разграблены возмущенными римлянами. Педро, предчувствуя опасность, заключил выгодную сделку — продал замок Св. Ангела кардиналам за 20 тыс. дукатов, после чего поспешно отбыл.

Конечно Калликст, как и Гонорий III, мог бы умереть от горя из-за того, что ему не удалось объединить Европу в крестовом походе, но вместо этого он предпочел полностью посвятить себя заботе о благосостоянии своих родственников. Начиная с него в течение более полувека стандартной сферой приложения папских сил была раздача чинов и бенефициев, нужным людям — из соображений личной пользы, а недостойным папской дружбы — за деньги.

§50. Эней Сильвий де Пикколомини (Пий II)

Следующий понтифик, Пий II, — один из исторических деятелей, добившихся успеха. Он не был энтузиастом и не преследовал возвышенных целей, но упорно действовал в своих собственных интересах, а благодаря дипломатической проницательности стал одной из самых выдающихся фигур своего времени. Он действовал больше из необходимости, чем из принципа. Он никогда не плыл против течения⁷⁴⁸. Когда оказывалось, что его сторона проигрывает, он быстро переходил на другую сторону.

Эней Сильвий де Пикколомини родился в 1405 г. в Корсиньяно — селении, расположенном в холмах близ Сиены. Он был одним из 18 детей. Семья его, изгнанная из Сиены, была бедна, но благородна. В 18 лет мальчик начал учиться в соседнем городе, где услышал проповедь Бернардино. Позже он изучал греческий язык во Флоренции. Затем молодому человеку выпал счастливый случай — кардинал Капраника взял его с собой в Базель в качестве секретаря (1431). Грегоровиус замечает, что это был золотой век секретарей. Большинство гуманистов работали в такой должности. Потом Эней поступил на службу к епископу Новаро, которого он сопровождал в Рим. Епископ попал в темницу за участие в заговоре против Евгения VI, а его секретарь бежал. Затем он работал у кардинала

⁷⁴⁷ Pastor (I. 747) говорит, что это было неслыханным делом (*ein solches Verfahren war unerhört*).

⁷⁴⁸ *Enea ist seiner Tage nie gegen den Strom geschwommen* (Haller в *Quellen*, etc., IV. 83).

Альбергати, с которым поехал во Францию. Он также побывал в Англии и Шотландии⁷⁴⁹.

Вернувшись в Базель, Эней стал одним из видных участников собора и часто выступал в роли председателя одного из четырех комитетов, Комитета веры. Его вновь и вновь посылали делегатом в Страсбург, Франкфурт, Тренто и другие города. Собор также назначил его своим главным составителем бреве. В 1440 г. он выступил на стороне синода, продолжавшего заседания в Базеле, и поддержал Феликса V, который сделал его своим секретарем. В том же году он написал трактат об общецерковных соборах⁷⁵⁰. Когда дело антипапы стало проигрывать, он обеспечил себе место при Фридрихе III и преуспел, добываясь благосклонности этого монарха. Латинские эпиграммы и стихи помогли ему завоевать звание придворного поэта, а его дипломатические таланты и гибкость — высшее положение в королевском совете. Сначала он вместе со Шликом, канцлером, выступал за нейтралитет Фридриха по отношению к Евгению и антипапе, но потом, отказавшись от нейтралитета, стал целиком и полностью выступать за его подчинение римскому понтифику. Будучи послан в Рим (1445), он извинился перед Евгением за свои заблуждения в Базеле, объясняя их недостатком опыта. Он сразу стал полезен папе и год спустя был назначен папским секретарем. Он уговорил Фридриха заявить о покорности Евгению, и Эней смог лично объявить об этом папе за несколько дней до его смерти. От Николая V он получил епархии Триеста (1447) и Сиены (1450), а в 1456 г. стал членом коллегии кардиналов.

К моменту избрания папой Энею было 53 года. Он возвысился благодаря такту и прекрасному знанию людей и дел в Европе. Он был абсолютно мирским человеком и умел в одно мгновение оценивать ситуацию. Он был распутным, у него было много любовных связей. Один сын родился у него в Шотландии, другой, от англичанки, — в Страсбурге. Обращаясь к отцу с призывом принять второго сына, он перечислял ему, ничего не скрывая и, похоже, не стесняясь, меры, предпринятые для обольщения матери ребенка. Он говорил о распутстве как о древнем пороке. Сам он не был евнухом и не был бесстрастным. Он никак не мог претендовать на обладание большей мудростью, чем Соломон, и большей святостью, чем Давид. Перо Энея не чуждалось и сочинений о любовных утехах. Его «История Фридриха III» содержит подробности, которые ни один уважаемый автор нашего времени не позволил бы себе описывать. Он даже учил молодежь потворствовать своим желаниям и советовал Сигизмунду, молодому герцогу Тирольскому, чтобы тот не пренебрегал литературой и не отказывал себе в радостях Венеры⁷⁵¹. Об этом совете ему напомнил лично канонист Георг фон Хаймбург на конгрессе в Мантуе. Энею принадлежит знаменитое высказывание, что раньше celibat священников действительно был разумным требованием, но

⁷⁴⁹ Лондон он описывает как самый населенный и богатый город из всех, что он видел. Шотландию он назвал холодной, бесплодной и лишенной деревьев землей.

⁷⁵⁰ *Libellus dialogorum de generalis concilii auctoritate*.

⁷⁵¹ Эней помогал канцлеру Шлику в его амурных похождениях и описал одно из них в известной новелле, *Eurialus et Lucretia*. Начиная с 1444 г. он выражает в своих посланиях желание отказаться от мирского. Он заявлял, что Венеры для него достаточно, но признавался также, что, чем старательнее он бежал от Венеры, тем больше власти она имела над ним. Похоже, отказаться от аморального образа жизни его вынудила физическая немощь. Но он сообщает также — неизвестно, из дипломатических или религиозных соображений, — что начал испытывать раскаяние. Gregorovius (VII. 165), на основании отрывков из разных писем, утверждает, что Пий долго боролся, стараясь отказаться от мирских удовольствий, пока, наконец, изнеможение и болезнь не облегчили эту задачу.

сейчас настало время, когда лучше позволять им жениться. Сам он не вступал в сан клирика до 1446 г., когда был посвящен в иподиаконы. Еще до избрания Пия⁷⁵² конклав обязал будущего папу готовиться к войне с турками, соблюдать директивы собора в Констанце касательно священной коллегии и советоваться с ее членами перед избранием новых епископов и аббатов. О номинациях кардиналов следовало оповещать палату, а их утверждение проводилось большинством голосов. Каждый кардинал, чей доход составлял менее 4000 флоринов, должен был получать по 100 флоринов в месяц до тех пор, пока его доход не увеличится до 4000 флоринов в месяц. Это официальное соглашение было прецедентом, которому кардиналы следовали больше чем полвека.

Здоровье Энея уже было подорвано. Он сильно страдал от камня, подагры и кашля и много месяцев своего понтификата провел в Витербо и на других курортах. В его понтификат не было принято никаких мер, которые вошли бы в историю. Он умел себя подать, был уважаем римлянами, его хвалили биографы той эпохи, и он старался, как мог, ради изгнания турок из Европы. Он сделал сына своей сестры Лаодамии кардиналом в возрасте 23 лет, а в 1461 г. даровал кардинальскую должность Франциску Гонзаге, юноше 17 лет. И похоже, эти назначения не встретили сопротивления.

Для обсуждения крестового похода против турок Пий созвал конгресс князей в Мантуе (1460). По пути туда, в сопровождении Виссариона, Борджиа и других кардиналов, он посетил свое родное селение Корсиньяно и сделал его епископством, изменив название на Пьенцу. Он начал также строить дворец и собор, которые сохранились до сих пор. Сиене он даровал Золотую Розу, которая была помещена в городской герб, и сделал этот город центром митрополии. Он также подарил городу одну из рук Иоанна Крестителя. Флоренция организовала в честь приезда папы искрометные развлечения — театральные постановки, сражения с дикими зверями, гонки львов и лошадей, танцы. Как замечает Пастор, все это было, скорее, мирским, чем религиозным праздником.

Князя не торопились собираться в Мантуе, и конгресс смог начаться только 26 сентября. Посланники от Фомы Палеолога из Морей, брата последнего византийского императора, с Лесбоса, Кипра, Родоса и из других районов Востока готовы были излить чашу своих жалоб. Во вступительной речи, продолжавшейся три часа, Пий призвал князей брать пример со Стефана, Петра, Андрея, Себастьяна, святого Лаврентия и других мучеников, которые были готовы отдать жизнь в священной войне. Вторжение турок лишило христианский мир его прекраснейших мест — Антиохии, где последователи Христа впервые были названы христианами; храма Соломона, где так часто проповедовал Христос; Вифлеема, где Он родился; Иордана, в котором Он крестился; Фавора, где произошло Его преображение; Голгофы, где Он был распят. Если князья хотят сохранить свое собственное имущество, своих жен, своих детей, свою свободу, саму веру, в которой они крещены, они должны принять эту войну и повести её. Иисус Навин одержал победу над своими врагами до захода солнца; Гедеон с 300 воинов рассеял мadianитян; Иеффай с небольшим войском обратил в бегство орды аммонитян; Самсон постыдил гордых филистимлян; Годфрид с горсткой людей уничтожил многочисленную вражескую армию и избивал турок как скот. Папа-оратор страстно восклицал: «О! Если бы здесь был Годфрид, и Болдуин, и Евстахий, и Боэ-

⁷⁵² Избрание произошло посредством *accessus* — то есть жребий ни к чему не привел, и тогда кардиналы стали голосовать устно. См. Hergenröther, *Kath. Kirchenrecht*, p. 273.

мунд, и Танкред, и другие могущественные воины, которые прорвались сквозь ряды турок и вернули Иерусалим с оружием в руках!»⁷⁵³

Собрание было взбудоражено, но, как говорит современник, пыл быстро утих. Кардинал Виссарион, вслед за Пием, произнес речь, которая также длилась три часа. Они были весьма красноречивы, но век крестовых походов миновал. Иерусалимских победителей не было в живых уже почти 400 лет. Изысканные речи не могли породить знаменитое пламя энтузиазма, вспыхнувшего от выступления Урбана II в Клермоне. В данном случае не хватало романтического элемента, которым в былые времена сопровождалось возвращение святого гроба. Да и отвагу турков тоже нельзя было сбрасывать со счетов.

Во время конгресса в Мантуе завязался спор между немецким юристом Грегором Хаймбургом и Пием. Они уже встречались в Базеле. Хаймбург, представитель герцога Тирольского, который посадил в тюрьму Николая Кузанского, выступал против предполагаемого крестового похода. Он открыто оскорбил папу, не сняв в его присутствии шляпу, и в шутку объяснил это оскорбление тем, что боится простудиться. Его господин, герцог, был отлучен от церкви, и он протестовал против этого приговора, апеллируя к общецерковному собору 13 августа 1460 г. Он сам был наказан отлучением, и Пий призвал город Нюрнберг изгнать его как сына дьявола, рожденного отцом всякой лжи. Хаймбург странствовал, пока анафема не была с него снята в 1472 г. Он был сильнейшим из авторов Германии, которые отстаивали базельские решения и высшую власть соборов. Его называли предшественником Лютера и предтечей Реформации⁷⁵⁴. Дитер, архиепископ Майнца, другой сторонник системы реформаторских соборов, заключивший с немецкими князьями соглашение о поддержке базельских постановлений и о созыве общецерковного собора на германской земле, был смещен в 1461 г., подобно тому как Герман, архиепископ Кельна, будет смещен сто лет спустя за меры по реформам в своей епархии.

Пий покинул Мантую в конце января 1461 г. На обратном пути он во второй раз остановился в своей любимой Сиене и канонизировал ее выдающуюся дочь Екатерину⁷⁵⁵. Здесь увеселения Родриго Борджиа приобрели такую широту, что папе даже пришлось упрекнуть его. Кардинал давал пиры, на которые женщин приглашали без мужей. В суровом послании к будущему верховному понтифику Пий отозвался о танцах как о развлечениях, совершавшихся, по его мнению, «с великой распушенностью».

Преследуя собственные интересы, Пий легко отрекался от мнений, которые некогда поддерживал. Это видно из двух булл. В первой, знаменитой булле *Execrabilis*, он объявляет проклятым и неслыханным злоупотреблением апеллировать к собору против решений Римского понтифика, наместника Христа, которому поручено питать Его овец, связывать и разрешать на земле и на небесах. Чтобы избавить церковь от этого губительного яда (*pestiferum virus*), он объявлял о намерении папы проклясть такие апелляции и наложить на апеллирующих проклятие, отменить которое может только сам Римский понтифик и только на смертном одре⁷⁵⁶. Так торжественный принцип, столь многообещающе расцвет-

⁷⁵³ Mansi, XXXII. 207-222.

⁷⁵⁴ Gregorovius, VII. 184. Трактат Хаймбурга *Admonitio de injustis usurpationibus paparum rom. ad imperatorem... sive confutatio primatus papae* и другие его трактаты приводятся в Goldast, *Monarchia*. См. ст. *Gregor v. Heimburg* (Tschackert) в Herzog, VII. 133-135, и цитаты — в Gieseler.

⁷⁵⁵ Полный перевод послания приведен в Gregorovius, *Lucrez. Borgia*, p. 7 sq.

ший в славные дни соборов в Констанце и Базеле, за который столь ревностно сражались Жерсон и Д'Альи, был отменен одним росчерком пера. С этих пор, говорилось в указе, папские решения должны рассматриваться как окончательные.

Три года спустя, 26 апреля 1463 г., теория высшей власти вселенских соборов была отвергнута в еще более категорических выражениях⁷⁵⁷. В подробном письме к ректору и ученым Кельнского университета Пий выступил за монархическую форму управления церковью (*monarchicum regimen*), как имеющую божественное происхождение и преподанную Петру. Как аисты следуют за одним вожаком, как у пчел — одна царица, так и воинствующая церковь имеет в лице наместника Христа главу, который есть всеобщий посредник и судья. Его власть исходит непосредственно от Христа, без промежуточных звеньев. Он — князь (*praesul*) всех епископов, наследник апостолов, преемник Авеля и Мелхиседека. Что касается собора в Констанце, то Пий выразил свое уважение к его указам постольку, поскольку они были одобрены его предшественниками, однако решения общецерковных соборов, утверждал он, все равно должны быть санкционированы верховным понтификом, преемником Петра. Упоминая о своих предыдущих высказываниях в Базеле, он взял обратно все, что противоречило позиции, занятой в булле, и объяснил прежние слова незрелостью ума, юношеской неосторожностью и обстоятельствами своего земного воспитания. *Quis non errat mortalis!* («Какой смертный не ошибается!») — восклицал он и призвал: *Aeneam rejicite, Pium recipite!* («Отвергните Энея и следуйте за Пием!»). Первое, языческое имя ему дали родители, когда у них родился сын. Второе имя он получил при восхождении на папский престол⁷⁵⁸.

Мы вполне можем считать, что Пий, делая такое заявление, был искренним. Длинные параграфы документа, похожего на последнюю волю человека, говорящего от всего сердца, проникнуты глубоким чувством. Вдохновленный достоинством своего сана, папа желал быть в согласии с длинной чередой предшественников, часть которых он упоминает по имени, от Петра и Климента до Иннокентиев и Бонифация. Выпуская четыре века спустя указ о папской непогрешимости, Пий IX не превзошел своего предшественника в искусстве композиции, но обладал преимуществом за счет того, что его решение было уже заранее проштамповано одобрением общецерковного собора. Два документа двух пап по имени Пий — это верх папского высокомерия. Они призваны похоронить теорию о высшей власти общецерковных соборов и непогрешимости их решений.

Вряд ли можно найти две более противоречащие друг другу вещи, чем образованность Пия II и тот помпезный прием, который он оказал в 1462 г. так называемой голове апостола Андрея. Это драгоценное чудо было привезено в Италию Фомой Палеологом, которому, в награду за его набожную благосклонность к папскому престолу, были дарованы Золотая Роза, дворец в Риме и ежегодная выплата в 6000 дукатов. Реликвия была принята с великим почетом. Виссарион и два других члена святой коллегии встретили ее в Нарни и сопровождали до Рима. Папа в сопровождении остальных кардиналов и римского клира

⁷⁵⁶ Mansi, XXXII. 259 sq.; Mirbt, p. 169 sq.

⁷⁵⁷ Mansi, XXXII. 195-203. Гизелер цитирует полный текст. Эней написал послание ректору Кельнского университета на ту же тему 13 октября 1447 г.

⁷⁵⁸ В то самое время, когда Пий выпустил свою буллу, Габриэль Бизль, называемый последним из схоластов, издал трактат о «Повиновении апостольскому престолу», заняв ту же позицию, что и Пий.

вышел ей навстречу до Понте Молле. Пий упал ниц перед черепом, после чего произнес подобающую случаю речь, в которой приветствовал немые останки, благополучно вызволенные из рук турок и наконец нашедшие место среди останков братьев-апостолов. Было устроено шествие, во время которого Пия несли на золотом престоле, и череп был препровожден в место своего последнего упокоения. Улицы были празднично украшены, но по этой части ничто не могло и близко сравниться с изощренностью дворца Родриго Борджиа. Череп поместили в соборе Св. Петра, удалив оттуда, как сообщает Платина, «гробницы некоторых пап и кардиналов, занимавшие слишком много места». Торжества завершились обращением Виссариона, в котором он выразил убеждение, что святой Андрей вместе с другими апостолами будет защищать Рим и призывать князей выступить против турок⁷⁵⁹.

В последние годы понтификата Пий II продолжал заниматься подготовкой крестового похода. Он написал памятное послание к Мухаммеду II с призывом принять веру своей матери и обратиться в христианство, уверяя его, что, как Хлодвиг и Карл Великий были знаменитыми христианскими властителями, так и он станет христианским императором Босфора, Греции и Западной Азии. Ответа не сохранилось. В 1458 г., за год до конгресса в Мантуе, полумесяц восторжествовал над афинским Акрополем. Вся Южная Греция страдала от ужасов и бедствий турецкого гнета. Сербия попала в руки захватчиков в 1459 г., а за ней и Босния (1462).

Князя не обратили внимания на буллу Пия 1463 г., в которой он призывал к крестовому походу, но понтифик хотя и страдал от серьезных телесных немощей, камня и подагры, решительно намеревался подать им праведный пример. Подобно Моисею, он пожелал с какого-нибудь мыса или корабля наблюдать за битвой против врагов креста. Финансовая помощь поступила благодаря обнаружению залежей квасцов в Тольфе, близ Чивита-Веккьи, в 1462 г., доходы от которых поступили в папскую казну и были специально выделены конклавом на крестовый поход в 1464 г. Но все это ни к чему не привело. Пий отбыл из Анконы на носилках, по пути остановился в Лорето, чтобы посвятить Деве золотую чашу. Филипп Бургундский, на которого он прежде всего уповал, не явился. От Фридриха III помощи ждать не приходилось. Существенную поддержку обещали только Венеция и Венгрия. Верховный понтифик поселился на мысе во дворце епископа. Но только два корабля бросили якорь в гавани, готовые выступить в поход. Через несколько дней к ним присоединилось 14 галер, посланных дожем. Пий увидел их издали. Ему не суждено было проявить больше героизма, так как через два дня он умер. Историк сравнивал этого папу, внимание которого было обращено на Восток, с другим человеком, рожденным мореплавателем, вероятно, уже тогда обратившим свой взор на Запад и вскоре отправившимся на столь же хрупких судах навстречу своему знаменательному открытию.

На смертном одре Пий сомневался, следует ли во второй раз совершать елеосвящение, которое было уже принято им в Базеле во время эпидемии чумы. Одними из его последних слов, обращенных к кардиналу Амманати, которого он усыновил, были: «Молись обо мне, сын мой, ибо я грешен. Проси братьев моих

⁷⁵⁹ Pastor (II. 233-236) и Creighton (II. 436-438) подробно рассказывают об этом любопытном проявлении суеверия.

продолжать эту священную экспедицию». Его тело было перевезено в Рим и похоронено в соборе Св. Петра.

Неудача этого неутомимого и необыкновенного человека в последнем предприятии его весьма деятельной карьеры не может не пробудить человеческую симпатию. Пий, весьма практичный в целях и методах, в конце концов увлекся романтической идеей, но оказался не в силах ее реализовать. Он неверно оценил свое время. Его замысел был выработан человеком, привыкшим даже не предполагать возможность неудачи. Давая общую оценку этой личности, мы не можем не сказать, что, если бы он сделал образование и литературное творчество первостепенными приоритетами Ватикана, его понтификат вошел бы в историю папства как нечто исключительное. Всегда будет казаться странным, что он не окружил себя деятелями искусств, как сделал Николай V, и что его интерес к украшению Рима проявился лишь в сооружении незначительных зданий. Его биограф Кампан заявляет, что Пия весьма критиковали за пренебрежение интересами гуманистов, а Филельфо, его бывший учитель греческого, даже выступил по этому поводу с едкой филиппикой. Будучи сам великим литератором, папа оказался очень плохим покровителем литературы⁷⁶⁰. Не стоит забывать о похвале Платины, который говорит: «Папе нравилось в свободное время писать и читать, потому что он ценил книги больше, чем драгоценные камни, ибо в них есть много сокровищ». Похоже, Пий не заботился о том, чтобы культивировать в других то, чем ему самому нравилось заниматься в свободное время. Он удовлетворялся дипломатической миссией папства и прельстился отгоревшим огнем (*ignis fatuus*) крестового похода за освобождение Константинополя.

Платина описывает Пия в начале его понтификата как невысокого седого человека с морщинистым лицом. Он вставал на рассвете и был воздержан в еде. Он славился трудолюбием, был общителен и доступен всем. Римлян своего времени он поражал как человек, лишенный лицемерия. Если смотреть на Энея как на деятеля культуры, то он был грамматиком, географом, историком, новеллистом и оратором. Он повсюду внимательно наблюдал за людьми и событиями. Он набросал крупномасштабный план труда по космографии, так и оставшегося незаконченным⁷⁶¹. Его «Комментарии», освещающие прожитую жизнь с рождения до смерти, — редкий пример автобиографической литературы. Сильное влияние на окружавших его церковных деятелей может быть объяснено только его несомненным интеллектуальным превосходством и явной моральной искренностью. Это одна из самых интересных фигур того века⁷⁶².

⁷⁶⁰ Creighton, II. 491. Pastor (II. 28-31) старается частично опровергнуть это мнение, оправдывая Пия II недостатком средств, от которого он страдал, и его занятостью. Пий основал университеты Нанта, Ингольштадта и Базеля.

⁷⁶¹ *Hist. rerum ubique gestarum cum locorum descriptione non finita* (Venice, 1477, в *Opera*, Basel, 1551, etc.).

⁷⁶² Войт и Венрат строги к Пию II. Они считают религиозность последних лет его жизни искренней, а крестовый поход предпринятым из любви к славе. Характеристика, которую дает ему Грегоровиус, — одна из самых неудовлетворительных, что только вышли из-под пера этого беспристрастного историка. Он говорит: «В нем не было ничего великого. Сказочно одаренный, этот человек с блестящими способностями не был энтузиастом», и т. д. (VII. 164). Пастор посвящает недостаткам юности Энея только одну фразу, но в целом дает ему весьма проникательную оценку. Он усматривает в его призывах к крестовому походу исключительную моральную силу и объявляет его, вместе с Николаем V, самым примечательным из пап XV века.

§51. Павел II. 1464 — 1471

После Пия папский престол занял человек, который не обладал интеллектуальными дарованиями своего предшественника и не стремился к войне против турок. Он был столь же труднодоступен, сколь был доступен Пий, и не торопился заниматься официальными делами. Он бодрствовал по ночам, проводил аудиенции после наступления темноты, и легатам часто приходилось ждать допоздна, даже до трех часов ночи, чтобы быть выслушанными.

Пьетро Барбо, сын сестры Евгения IV, родился в Венеции в 1418 г. Он собирався отплыть на Восток в качестве торговца, когда до Венеции дошло известие об избрании его дяди папой. По совету старшего брата он отказался от поиска мирской прибыли и посвятил себя церкви. Милость Евгения обеспечила ему быстрое продвижение. Он был назначен архидиаконом Болоньи, епископом Червии, епископом Виченцы, папским нотариусом и кардиналом. Избранный на папский престол, венецианец выбрал имя Формоза, потом — Марка, но по совету конклава отказался от обоих, потому что первое намекало на приятную наружность понтифика, а второе — на боевой клич Венеции и могло быть воспринято как политическое оскорбление. Поэтому он принял имя Павла.

Перед началом выборов конклав снова заключил соглашение с требованием продолжения крестового похода и созыва общецерковного собора в течение трех лет. Количество кардиналов не должно было превышать 24, назначать ими надо было лиц не моложе 30 лет, введение более чем одного родственника папы в коллегию запрещалось⁷⁶³.

Став папой, Павел сразу же отодвинул в сторону это официальное соглашение. Кардиналам пришлось подписать другой документ, содержание которого папа закрывал от них рукой. Единственным членом курии, отказавшимся подписывать, был старик Карвайал. С точки зрения папского абсолютизма Павел был совершенно прав. Какое право имел конклав диктовать свою волю верховному понтифику христианского мира, преемнику святого Петра?! Пакт был предательством против «высокой» теории папства. Он подменял папскую монархию олигархией. Павел не созывал ни собора, ни даже конгресса для обсуждения крестового похода против турок и сделал кардиналами трех своих племянников: Марко Барбо (сына своего брата) и Баттисту Дзено и Джованни Миккеля (сыновей двух сестер)⁷⁶⁴. Он ввел в городе ограничения на расходы, связанные с нарядами, пирами и развлечениями, проведением свадеб и похорон и ограничил приданое 800 золотыми флоринами.

Примечательным событием понтификата Павла были волнения, возникшие в Риме в 1466 г. из-за роспуска 70 аббревиаторов (их количество Пий II ограничил семьюдесятью). Это один из эпизодов, которые придают разнообразие истории папского двора и делают ее, в целом, интереснейшей из всех историй. Писцы папского двора делились на два класса, секретарей и аббревиаторов. Первые отвечали за переписку папы более частного характера, вторые — за подготовку бреве, булл и других официальных документов⁷⁶⁵. Увольнение аббревиаторов получило огласку благодаря жалобам одного из них, Платины, и страданиям, которые он вынужден был стерпеть. Этот бесценный биограф пап утверждает, что

⁷⁶³ Документ приведен у Райнальда и Гизелера.

⁷⁶⁴ Pastor (II. 307) полностью оправдывает Павла, отказавшегося выполнять пакт, на том основании, что каждый папа получает всю полноту своей власти непосредственно от Бога.

⁷⁶⁵ Hergenröther, *Kath. Kirchenrecht*, p. 299.

уволенные служители, должность которых считалась пожизненной, 20 ночей осаждали Ватикан, прежде чем добились слушания. Платина, говоривший от лица остальных, угрожал просить князей Европы о созыве общецерковного собора и восстановлении справедливости. Папа же коротко ответил, что имеет право отменять или подтверждать решения своих предшественников, как ему будет угодно.

Несчастный аббревиатор, скорее ученый, чем политик, был брошен в темницу и пробыл там четыре зимних месяца, без огня, закованный в цепи. К несчастью для него, он попал в заключение во второй раз, обвиненный в заговоре и ереси. В этих обвинениях фигурировала также Римская академия — изучавшая греческую философию и обвиненная в пропаганде язычества. Эти обвинения были частично обоснованы, так как руководитель академии Помпоний Лет, сочетавший заботу о своем винограднике с блужданиями по римским руинам и чтением древних классиков, выступал против клира. Этого любителя древностей тоже бросили в темницу. Платина рассказывает, как он и ряд других людей были подвергнуты пытке, а Венезий, вице-канцлер его святейшества, несколько дней смотрел на их мучения «подобно новому Миносу, восседая на покрытом гобеленами сидении, как на свадьбе, — человек священной иерархии, которому каноны церкви запрещали мучать мирян, поскольку иногда это приводит к смерти». После освобождения Платина получил от Павла обещание, что его вернут на должность аббревиатора, но ему пришлось ждать интронизации Сикста IV, который сделал его библиотекарем Ватикана⁷⁶⁶.

Павел энергично выступал против Подебрада и утравкистов в Богемии. Он велел игнорировать все указы короля, сместил его и призвал Матфея Венгерского занять его трон. Павел отказался от предложения Подебрада изгнать турок на том условии, что его признают византийским императором⁷⁶⁷.

В 1468 г. Фридрих III повторно посетил Рим в сопровождении 600 рыцарей, но с этим визитом уже не связывали таких ожиданий, как с предыдущим, когда с императором была португальская инфанта. Не было ни пышных процессий, ни торжественного папского приема. Причащаяся в базилике Св. Петра, Фридрих принял из рук понтифика хлеб, но не «святую кровь», которую, как рассказывает современник, Павел оставил себе, чтобы преподать наглядный урок богемцам, хотя в таких случаях было принято давать оба дара. Преемник Карла Великого и Барбароссы сидел рядом с папой, причем его сидение было на уровне ног папы⁷⁶⁸. Патриций, который описывает эту сцену, замечает, что уважение к папскому сану возросло, тогда как власть Римской империи пала столь низко, что от нее не осталось ничего, кроме имени. И Габсбург, не выказывая никакого сопротивления, поддерживал папское стремя.

Павел не был лишен художественного вкуса, хотя осуждал изучение классиков в римских школах⁷⁶⁹, а Платина объявил его великим врагом и презирателем

⁷⁶⁶ Jacob Volaterra в Muratori, новое издание, XXIII. 3, p. 98.

⁷⁶⁷ Pastor (II. 358 sqq.) предпринимает героическое усилие оправдать Павла, выражавшего явное пренебрежение к крестовому походу против турок. В послании от кардинала Гонзаги, которое Пастор публикует впервые (II. 773), говорится, что Павел потихоньку откладывал четверть своего дохода на поход против турок. Однако в бумагах папы о такой сумме не упоминается.

⁷⁶⁸ Patritius в Muratori, XXIII. 205-215.

⁷⁶⁹ Pastor (II. 347) пытается показать, что Павел был склонен к гуманистическим веяниям. Во время его понтификата, в 1467 году, немецкие книгопечатники Швейнхейм и Паннартс установили в Риме первые печатные станки, хотя и не по инициативе Павла.

учености. Павел был страстным коллекционером драгоценных камней, монет, ваз и других редкостей и с удовольствием показывал свои сокровища Фридриху III. Говорят, Сикст IV нашел 54 серебряных сундука с жемчугом, который был собран этим понтификом, и его стоимость исчислялась 300 тыс. дукатов. Две тиары, сделанные по его заказу, были, как сообщают, украшены драгоценными камнями, стоимость которых была столь же велика. В более поздний период кардинал Барбо нашел в одном из сундуков Павла потайной ящик с сапфирами на 12 тыс. дукатов⁷⁷⁰. Платина, вероятно, повторил распространенную сплетню, когда сообщил, что днем Павел спал, а ночью бодрствовал, разглядывая свои сокровища.

Понтифик не гнушался также чувственных удовольствий и публичных развлечений⁷⁷¹. Потворствуя желаниям народа, он восстановил языческие элементы в карнавальных празднествах, фигуры Вакха и фавнов, Дианы и ее нимф. В длинном списке развлечений карнавальной недели упоминаются соревнования по бегу среди молодых мужчин, стариков и иудеев, а также гонки лошадей, ослов и быков. Павел смотрел на толпу с колокольни Св. Марка, устраивал для нее пир на площади и бросал вниз пригоршни монет. Подобные вещи, говорит Инфессура, доставляли папе удовольствие⁷⁷². Он был внимателен к выбору одежды и, когда появлялся на публике, обычно пользовался косметикой.

Смерть папы объясняли неводержанностью — незадолго до нее он съел две большие дыни. Когда один кардинал спросил Павла, почему тот недоволен, несмотря на все папские почести, Павел ответил, что маленькая ложка дегтя может испортить большую бочку меда. Эти слова напоминают нам о папе-англичанине Адриане, который за 300 лет до того говорил, что даже самая высшая должность христианского мира не способна удовлетворить амбиции человека.

§52. Сикст IV. 1471 — 1484

Три последних папы XV века, Сикст IV, Иннокентий VIII и Александр VI, совершенно забыли об интересах папства и думали лишь о собственных удовольствиях, обогащении и продвижении родственников⁷⁷³. Улицы Ватикана были полны выскочек, претендовавших на признание только потому, что они дети или племянники верховного понтифика.

Основными особенностями понтификата Сикста IV, человека весьма решительного и способного, были высокомерное засилье его многочисленных племянников и войны между итальянскими государствами, в которые он был вовлечен из-за интриг и амбиций тех же племянников. К моменту своего избрания Франческо Ровере был генералом ордена францисканцев. Он родился в 1414 г. и вышел из нижайших слоев общества. Его отец был рыбаком из окрестностей Савоны. Он получил степень доктора богословия в Падуе, преподавал в Болонье, Павии, Сиене, Флоренции и Перудже. Павел II сделал его кардиналом. Говорят, что сильную поддержку в конклаве Сиксту оказал его пресловутый племянник

⁷⁷⁰ Infessura, p. 167.

⁷⁷¹ Цитата, которую приводит Gregorovius (VII. 226), вероятно, преувеличена — там говорится, что его дом был полон наложниц (*ex concubina domum replevit*).

⁷⁷² *Et di queste cose lui si pigliava piacere* (p. 69).

⁷⁷³ *Den nächst-folgenden Trägern der Tiara schien dieselbe in erster Linie ein Mittel zur Bereicherung und Erhöhung ihrer Familien zu sein. Diesem Zwecke wurde die ganze päpstliche Macht in rücksichtslosester Weise dienstbar gemacht* (Hefele-Knöpfler, *Kirchengesch.*, p. 483).

Пьетро Риарио, активно продвигавший его и раздававший серьезные обещания тем, кто за него проголосует.

Попытки заинтересовать князей крестовым походом против турок возобновились, но вскоре были оставлены. По разным европейским дворам разослали кардиналов: Виссарiona — во Францию, Марко Барбо — в Германию, Борджиа — в Испанию, — но там они лишь обнаружили, что правителей волнуют другие заботы или что они не верят в успех предприятия. В 1472 г. папский флот из 18 галер действительно отплыл, под командованием кардинала Караффы, после того как папа благословил его знамена в соборе Св. Петра. На Родосе галеры соединились с 30 кораблями из Неаполя и 36 кораблями из Венеции. Флот разграбил несколько городов и вернулся с трофеями — 25 пленными турками и 12 верблюдами, которые только возбудили любопытство римлян. Экспедиция была снаряжена на средства, вырученные от продажи части драгоценностей Павла II.

Родственники Сикста стали первыми людьми в Риме и вскоре по богатству и помпезности начали соперничать с древними римскими домами и старыми членами священной коллегии или даже затмили их. Благословением и бременем Сикста были 16 племянников и внучатых племянников. Он делал все, что было в его силах, лишь бы они жили хорошо, пользовались влиянием и получали почести. При Пии II хорошо жили сиенцы, а теперь настало время лигурийцев. Понтифику приходилось заботиться о двух братьях и трех, если не четырех, сестрах. Этого заботливого дядю нельзя оправдать, как Калликста III, на основании старческого слабоумия. Сиксту было только 56 лет, когда он получил тиару. Весьма натянутым кажется предположение, будто бы римская знать не могла или не хотела поддерживать этого папу, а потому ему якобы и пришлось создавать новую, благосклонную к нему аристократию⁷⁷⁴.

Сикст лично считал не менее пяти своих племянников и внучатых племянников достойными кардинальской шапочки, а вообще же — кто раньше, кто позже — в коллегию кардиналов вошли восемь из них. Два племянника по очереди побывали префектами Рима. Племянниками, которые получили сан кардиналов, были Пьетро Риарио, в 25 лет, и Джулиано делла Ровере, в 28 лет (1471, оба монахи-францисканцы); Джеронимо Бассо и Кристофоро Ровере (1477); Доминико Ровере, брат Кристофоро (1478); внучатый племянник папы Рафаэле Сансони, в возрасте 17 лет (1477). Два племянника, ставшие префектами Рима, — это брат Джулиано, Лионардо (ум. в 1475), и его брат Джованни (ум. в 1501). Дядя женил Лионардо на незаконной дочери Ферранте, короля Неаполя⁷⁷⁵.

Пьетро Риарио и Джулиано Ровере получали от него бенефиций за бенефицием. Джулиано, человек редких способностей, позже ставший папой под именем Юлия II, был посвящен в архиепископы Авиньона, а потом — Болоньи, он стал епископом Лозанны, Констанца, Вивьера, Остии и Веллетри, а также настоятелем нескольких аббатств. Риарио, который, по слухам, был сыном самого папы, стал епископом Сполето, Севильи и Валенсии, патриархом Константинополя и обладателем других прибыльных должностей. Его доходы составляли 60 тыс. флоринов, или около 2.500.000 франков. Он разъезжал в сопровождении свиты в 100 всадников. Он много тратил. Его имение было королевским. Его любовни-

⁷⁷⁴ Hergenröther-Kirsch, II. 979. Хотя эти уважаемые историки-католики, скорее, робко намекают на такое предположение, нежели настаивают на нем.

⁷⁷⁵ Полезная родословная Ровере приводится в Creighton, III. 100. Пастор не пытается скрыть негодование, которое вызывает у него чрезмерная забота Сикста о своих родственниках (*seine zahlreiche und unwürdige Verwandten*, как он их называет).

цы, которых он и не пытался скрывать, роскошно одевались. Одна из них носила тапочки, расшитые жемчугом. Доминико получил одно за другим епископства Корнето, Тарентеза, Женеви и Турина.

Визит Элеоноры, дочери Ферранте, в Рим в 1473 г., по пути в Феррару на встречу с мужем, Эрколе Эсте, вероятно, был самым великолепным событием, которое город видел со времен первого посещения Фридриха III. Риарио представилась возможность продемонстрировать свое великолепное гостеприимство. В день Святой Троицы неаполитанская принцесса в сопровождении двух кардиналов появилась в соборе Св. Петра, где выслушала мессу, совершенную папой, а в полдень смотрела миракль о Сусанне и старцах, разыгранный флорентийскими актерами. На следующий вечер она принимала участие в пире, который продолжался три часа и в ходе которого декораторы и повара проявили все свое искусство. Авторы того периода в подробностях описывают мягкие диваны и дорогие занавесы, шелковые наряды слуг и роскошные блюда. Три пары кузнечных мехов использовались для вентиляции, предвосхищая современные кондиционеры. И на такие излишества, замечает Инфессура, проматывались сокровища церкви⁷⁷⁶.

В 1474 г., после смерти Пьетро Риарио, павшего жертвой своих эксцессов в возрасте всего 28 лет⁷⁷⁷, в особую милость вошел его брат Джеронимо, мирянин. Сикст готов был вверить его попечению все имущество папского престола, и из-за него он оказался вовлечен в распри с Флоренцией и Венецией. Он приобрел для своего фаворита Имолу за 40 тыс. дукатов и женил его на незаконной дочери герцога Миланского Екатерине Сфорца. Флоренция возражала против покупки Имолы, но Сикст не боялся навлечь на себя недовольство республики и Медичи. Медичи учредили отделение своего банка в Риме и стали папскими банкирами. Сикст нанес этому семейству оскорбление, покровительствуя Пацци, банкирам-соперникам. После смерти Филиппо Медичи, архиепископа Пизы (1474), его преемником был назначен Сальвиати, несмотря на протест Медичи. В конце концов Джулиано де Медичи отказали в сане кардинала. Все это постепенно привело к разрыву между папством и Флоренцией. Лоренцо по прозвищу Великолепный и его брат Джулиано были представителями семейства, прославившегося благодаря банкирским талантам Козимо Медичи. Чтобы поддержать амбиции своего племянника, Джеронимо Риарио, папа был, похоже, готов прибегнуть к насилию. С целью лишить жизни Лоренцо был устроен заговор, один из самых хладнокровных в истории, и к числу его ведущих участников принадлежал Джеронимо. Папа знал о заговоре, обсуждал его детали с одним из заговорщиков, Монтесекко, и, если и не согласился на убийство, задуманное Джеронимо и Пацци, то полностью поддержал замысел схватить Лоренцо и низвергнуть республику⁷⁷⁸.

Ужасная трагедия разыгралась в соборе Флоренции. Когда Монтесекко, капитан папских наемников, нанятый, чтобы осуществить замысел заговорщиков,

⁷⁷⁶ *Diario*, p. 77. На главном пире подавались кабаны, зажаренные целиком, олени, козы, зайцы, фазаны, рыба, павлины вместе с перьями, аисты, журавли, бесчисленные фрукты и сладости. В зал была внесена сахарная гора, из которой вышел человек, жестами изобразивший удивление в связи с тем, что он оказался в таком великолепном окружении.

⁷⁷⁷ Сикст воздвиг ему великолепный памятник в церкви Апостолов. Пьетро и его брат Джеронимо изображены на нем стоящими на коленях и молящимися Мадонне. См. *Pastor*, II. 294 sq.

⁷⁷⁸ *Pastor*, II. 535, *Gregorovius*, VII. 239, *Karl Müller*, II. 130, и *Creighton*, III. 75. Они все соглашались с тем, что Сикст знал о подробностях заговора и одобрял их, за исключением убийства, хотя, впрочем, и не запрещал его явно.

отказался пойти на святотатство и пролить кровь в церкви Божьей, дело было доверено двум священникам, Антонио Маффеи да Вольтерра (секретарю папы) и Стефано Баньореа. Стоявшего на хорах Джулиано де Медичи несколько раз ударили кинжалами в момент представления гостии, и он умер. Лоренцо едва удалось спастись. Когда он входил в собор, Маффеи ударил его. Он был легко ранен, но закрыл рану рукой, обмотав вокруг нее плащ, и бежал вместе с друзьями в сакристию, где забаррикадировался от убийц. Кровопролитие произошло 26 апреля 1478 г.

Город оказался верен семейству, которое так его прославило, и быстро отомстил заговорщикам. Архиепископа Сальвиати, его брата Франческо де Пацци и других повесили на окнах синьории⁷⁷⁹. Двух священников казнили, отрезав им сначала уши и носы. Монтесекко был обезглавлен. Среди свидетелей произошедшего в соборе был молодой кардинал Рафаэле, внучатый племянник папы, который раньше не знал о заговоре. Рассказывают, что лицо его стало смертельно бледным и с годами эта бледность не покинула его.

Сикст с непреклонной решимостью выступил против казни своего архиепископа и недостойного обращения с кардиналом — так как Рафаэле был посажен в тюрьму как сообщник. Он объявил интердикт городу, назвал Лоренцо сыном скверны и учеником погибели (*iniquitatis filius et perditionis alumnus*) и вступил в союз с Неаполем против Флоренции. Людовик XI, правивший Францией, Венецией и другими итальянскими государствами, поддержал Флоренцию. Лоренцо в отчаянии отправился в Неаполь и произвел такое впечатление на Ферранте, что тот передумал и выступил на стороне Флоренции. Папа потерпел поражение. В 1480 г. турки захватили Отранто, итальянскую территорию, и тем самым отвлекли внимание от раздоров. Италии грозила непосредственная опасность. В декабре того же года Сикст простил Флоренцию. Послы города были приняты им перед собором Св. Петра и прикоснулись к его посоху в знак прощения. Шесть месяцев спустя, 26 мая 1481 г., Рима достигло известие о смерти Мухаммеда II. Сикст провел в честь этого специальное богослужение в церкви Мария-дель-Поло⁷⁸⁰. Турки покинули итальянские берега.

Сикст, опять же в интересах своего племянника Джеронимо, захватил Форли, на этот раз оскорбив Феррару. Вместе с Венецией он начал войну против этого города, и в конфликт оказалась вовлечена вся Италия. Но потом союзники опять оставили воинственного понтифика. Венеция и Феррара помирились, не обращая внимания на советы Сикста, а он выразил свое недовольство, подвергнув интердикту царицу Адриатики.

В Риме кровавый папа разжигал рознь между семействами Колонна и Орсини. Ему почти удалось уничтожить всех Колонна с помощью убийств и судов.

Сикст отличился, распространив действие индульгенций на души чистилища. Он ревностно рассылал бреве об индульгенциях⁷⁸¹. Испанская инквизиция была торжественно санкционирована им в 1478 г. Сам будучи францисканцем, он расширил привилегии францисканского ордена в булле, которую этот орден

⁷⁷⁹ См. рассказ легата из Милана, опубликованный в Pastor, II. 785 sq. О молчаливом согласии Сикста с заговором против Медичи Pastor (II. 541) говорит: «Весьма печально, что папа участвует в истории этого заговора».

⁷⁸⁰ Infessura, p. 86.

⁷⁸¹ Pastor (II. 610 sqq.) очень осторожно, даже почти неохотно, говорит об индульгенциях Сикста.

прозвал «великим океаном» (*mare magnum*). Он канонизировал Бонавентуру, официального биографа Франциска Ассизского.

Сикст издал две буллы в связи с поклонением Марии и учением о ее непорочном зачатии, но объявил, что вопрос о ее безгрешности после момента зачатия не решен Римской церковью и апостольским престолом (*nondum ab ecclesia romana et apostolica sede decisum*)⁷⁸². Во всех вопросах, связанных с обрядами и внешними проявлениями религии, он был весьма скрупулезен. Летописец Вольтерра в изобилии перечисляет примеры его набожности. Сикст прославился как покровитель искусств. Он поддержал Платину, который с четырьмя помощниками составил каталог ватиканских архивов в трех томах.

Таким был Сикст IV, беззащитный защитник интересов своих родственников, многие из которых были недостойными и высокомерными, нарушитель спокойствия Италии, мстительный, но щедрый покровитель искусств. Просвещенный римлянин, автор дневника Инфессура⁷⁸³ называет день смерти понтифика счастливейшим днем — в этот день Бог избавил христианский мир от руки нечестивого и неугомонного диктатора, который не боялся Бога, не любил христиан и не отличался милосердием, но был жаден, любил помпезность и действия на показ, был жесток и предавался содомии⁷⁸⁴.

Именно в понтификат Сикста в малоизвестных районах Саксонии и Швейцарии родились два человека, которым суждено было нанести мощный удар по папской власти — люди крестьянского происхождения, грядущие вожди нового духовного движения.

§53. Иннокентий VIII. 1484 — 1492

При Иннокентии VIII дела в Риме обстояли, если такое вообще возможно, еще хуже, чем при его предшественнике Сиксте IV. Иннокентий был легкомысленным человеком, лишенным идеалов, неспособным замышлять или претворять в жизнь что-либо возвышенное. В основном он прославился благодаря открытому признанию незаконной семьи и своей буллой против колдовства.

После смерти Сикста в Риме царил неразбериха. Знать и кардиналы забаррикадировали входы в свои резиденции. Толпа устраивала карнавал на улицах. Дворец Джеронимо Риарио был разграблен. Облегчение наступило, когда соперничавшие семьи Орсини и Колонна договорились удалиться из города на месяц, а Джеронимо отказался от замка Св. Ангела, который защищала его жена, за 4000 дукатов. Только тогда кардиналы получили возможность собраться для избрания нового понтифика.

Конклавы 1484 и 1492 г. католические авторитеты объявили «одними из самых печальных в истории папства»⁷⁸⁵. В конклаве 1484 г. вошли 25 кардиналов, из них 21 итальянец. Главный рассказ о нем принадлежит автору дневника

⁷⁸² Mansi (XXXII. 374 sqq.) приводит буллу о непорочном зачатии от 5 сентября 1483 г., как и Mirbt, p. 170.

⁷⁸³ *In quo felicissimo die, etc.*, pp. 155-158.

⁷⁸⁴ Это обвинение, о котором Инфессура говорит подробно, а Creighton (III. 115, 285) отвергает как недоказанное. Pastor (II. 640) поступает так же, но с меньшей уверенностью. Инфессура был другом Колонна, к которому Сикст был крайне враждебен. Burchard (I. 10 sqq.) очень подробно повествует об аморальном поведении Сикста. Он лично видел очень многое, как церемониймейстер. Пастор отважно пытается оправдать Сикста от большинства обвинений, которые были выдвинуты против него Инфессурой.

⁷⁸⁵ Pastor, III. 178.

Бурхарду, который присутствовал там как должностное лицо. Он вдается в мельчайшие подробности. Был снова принят протокол, который каждый из кардиналов торжественно обещал соблюдать в случае своего избрания папой. Первый пункт протокола гласил, что каждый из членов священной коллегии, чей годовой доход от бенефициев меньше 4000 дукатов (около 200 тыс. франков в пересчете на современные деньги), должен получать по 100 дукатов ежемесячно. Далее следовали пункты о продолжении крестового похода против турок, о реформе римской курии — ее главы и членов, о неназначении кардиналов моложе 30 лет, о запрете на введение в священную коллегию более чем одного родственника правящего понтифика и об ограничении количества ее членов не более 24⁷⁸⁶.

Родриго Борджиа рассчитывал быть избранным папой, и в ожидании этого события он забаррикадировал вход в свой дворец, чтобы тот не был разграблен. Чтобы получить желанное папство, он предлагал крупные взятки, в том числе этот дворец. За кардинала Барбо проголосовало 10 человек, и казалось, что избран будет именно он. Но тогда Джулиано Ровере и Борджиа отказались от своих притязаний и, объединив усилия, ночью ходили из кельи в келью, обещали бенефиции и деньги и обеспечили себе голоса всех кардиналов, кроме шести. По свидетельству Бурхарда, папа, которому предстояло быть избранным, провел всю ночь, подписывая обещания. И на следующее утро два кардинала разбудили тех шестерых, которых не побеспокоили, восклицая: «Пойдемте, выберем папу!» «Кого?» — спросили те. Им ответили: «Кардинала Чибо». «Как же так?» — спросили они. «Пока вы спали, мы собрали все голоса, кроме ваших», — отвечали им.

Новый папа, Лоренцо Чибо, родился в Генуе в 1432 г. и был сделан кардиналом при Сиксте IV в 1473 г. Во время его понтификата мир царил при дворах Италии, но в Риме процветали расточительство клира, продажность курии и повальное беззаконие. «Во мраке Иннокентий был избран, во мраке он живет, и во мраке он умрет», — говорил генерал августинцев⁷⁸⁷. По ночам похищали женщин. Утром на улицах находили убитых. Преступники заранее откупались от правосудия. Грабили даже церкви. Фрагмент истинного креста похитили из церкви Санта-Мария-ин-Трастевере. Говорят, деревянную часть его нашли в одном из виноградников, а серебряное обрамление исчезло. Когда вице-канцлера Борджиа спросили, почему он не насаждает закон, он ответил: «Бог желает не того, чтобы грешник умер, а того, чтобы он платил и жил»⁷⁸⁸. Любимец Сикста IV Джеронимо Риарио был убит в 1488 г. Его вдова, храбрая и мужеподобная Екатерина Сфорца, в то время беременная, защищала его замок в Форли и бросила вызов осадившим замок папским войскам. Она заявила, что даже если убьют ее детей, которые были с ней, у нее есть еще один в Имоле и один — в ее чреве. Герцог Миланский, ее родственник, освободил ее и обратил осаждавших в бегство.

Все церковные должности продавались. Могло ли быть иначе, если сама папская тиара доставалась тому, кто больше предложит?⁷⁸⁹ Назначение 18 новых

⁷⁸⁶ Burchard, I. 33-55.

⁷⁸⁷ Infessura, p. 177. Августинца бросили в темницу за это замечание. Инфессура снова и снова сообщает (pp. 237 sq., 243, 256 sq.), что в городе царил преступность.

⁷⁸⁸ Инфессура рассказывает, как один отец, вступив в кровосмесительную связь с двумя дочерьми, убил их и был освобожден, уплатив 800 дукатов. Gregorovius (VII. 297) говорит об итальянском характере последних тридцати лет XV века: «Ему свойственны дьявольские страсти. Тираноубийство, заговоры и предательство были повсюду. Царил беспредел преступности».

⁷⁸⁹ Funk (*Kirchengesch.*, 373) пишет: *In Rom. schien alles käuflich zu sein.*

папских секретарей принесло в папскую казну 62.400 дукатов. В буллах о создании должностей откровенно сказано, что делалось это для получения средств. 52 человека скрепляли печатями папские буллы. Их называли *plumbatores*, от названия свинцовой печати, которую они использовали. Эта должность стоила 2500 дукатов. Даже должность библиотекаря Ватикана продавалась, а папская тиара отдавалась в заклад. Не стоит удивляться, что во времена всеобщей торговли церковными должностями подделка папских документов превратилась в бизнес. Два папских нотариуса признались, что за два года выпустили полсотни поддельных документов. Несмотря на ходатайства друзей, их повесили и сожгли в 1489 г.⁷⁹⁰

Дети Иннокентия не отличались никакими выдающимися особенностями и не участвовали в интригах. Ходили слухи, что их было 16, все — от замужней женщины.⁷⁹¹ Франческетто и Теорина, похоже, родились до того, как их отец стал священником. Брак Франческетто с Маддаленой, дочерью Лоренцо Великолепного, отпраздновали в Ватикане 20 января 1488 г. Десять месяцев спустя внучка папы Перетта, дочь Теорины, вышла в Ватикане замуж за маркиза Финале. Понтифик сидел за столом вместе с дамами, что не было принято. В 1492 г. еще одна внучка, также дочь Теорины, вышла за герцога Людовика Арагонского.⁷⁹²

Трудно поверить заявлению Инфессуры, который подробно рассказывает, что Иннокентий издал указ, разрешающий клиру и мирянам Рима иметь наложниц. Запрет на сожителство с наложницами был объявлен пагубным для Божьего закона и чести клира, поскольку практически все клирики, от высших до низших, имели наложниц или любовниц. Согласно римлянину, автору дневника, в Риме было 6800 официально зарегистрированных куртизанок, не говоря уже о незарегистрированных.⁷⁹³ Самое малое, что можно сказать в связи с его заявлением, так это то, что оно свидетельствует об упадке нравственности клириков святого города и о неуважении к законам Григория VII. Положение Инфессуры позволяло ему достоверно знать, что происходит в Риме.

Чего следовало ожидать, если нравы верховного понтифика и священной коллегии были столь распущенными? Многие кардиналы вели себя скандально и этим славились. Их дворцы отличались княжеским великолепием и были полны слуг. Они подавали пример экстравагантной одежды и роскошных пиров. У них были свои конюшни, псарни и соколы. Кардинал Сфорца, годовой доход которого, как сообщают, составлял 30 тыс. дукатов, или 1.500.000 франков в современных деньгах, преуспел по части охоты. Кардинал Джулиано пренебрегал целибатом и имел трех дочерей. Кардинал Борджиа, признанный предводитель на всех

⁷⁹⁰ Подробности см. в Burchard, I. 365-368.

⁷⁹¹ Так говорит Марулл в своей эпиграмме:

*Octo nocens pueros genuit totidemque puellas,
Hunc merito poterit dicere Roma patrem.*

(«Незаконно он зачал 8 мальчиков и столько же девочек,
Так что Рим по праву может называть его отцом»).

Burchard (I. 321) называет Франческетто *bastardus*.

⁷⁹² Burchard, I. 323, 488. В 1883 г. в Берлинский музей поступил бюст Теорины с надписью: *Teorina Cibo Inn. VIII P. M. f. singuli exempli matrona formaeque dignitate conjua ria.*

⁷⁹³ Infessura, p. 259 sq. Pastor (III. 269) объявляет слова Инфессуры совершенно неправдоподобными (*gänzlich unglauwürdig*) и обвиняет издателя Инфессуры, Томмазини, за то, что тот позволил напечатать такое свидетельство без примечаний и комментариев. Пастор в своем первом издании (III. 252) объявил свидетельство римского очевидца событий *eine ungeheuerliche Behauptung*.

увеселениях, был широко известен благодаря своим детям, которые пользовались любой возможностью показать себя и развлечься. В высших кругах царила страсть к азартным играм. Кардинал Рафаэль выиграл 8000 дукатов у кардинала Балуэ, который, несмотря на проигрыш, оставил после себя состояние в 100 тыс. дукатов. Этот внук Сикста IV был заядлым игроком. За одну ночь он выиграл у сына Иннокентия, Франческетто, 14000 дукатов. Сын пожаловался отцу, который велел удачливому игроку вернуть выигрыш. Но веселый князь церкви заявил в оправдание, что деньги уже потрачены на строительство его нового дворца.

Единственным родственником, которого Иннокентий ввел в священную коллегию, был незаконнорожденный сын его брата, Лоренцо Чибо. Самым известным потомству назначением было назначение сына Лоренцо Великолепного Джованни де Медичи (впоследствии Льва X).

Еще одно назначение, Д'Обюссона, было связано с историей мусульманского принца Джема. Этот эпизод из анналов папства представляется невероятным, тем не менее он вполне достоверен. Даже автор романа вряд ли смог бы выдумать более гротескный эпизод. После смерти Мухаммеда II его сын Джем потерпел поражение в борьбе за престол со своим братом Баязетом и бежал на Родос. Рыцари-иоанниты обещали держать знатного беглеца в плену на том условии, что султан будет платить им по 45 тыс. дукатов за каждый год его содержания. Ради безопасности Джем был перевезен в одну из резиденций госпитальеров во Франции. Венгрия, Неаполь, Венеция, Франция и папа — все заявили о своих правах на него. Христианский мир никогда не выказывал такого внимания к принцу неверных. Папа выиграл, оказав ценные церковные уступки французскому королю (среди которых было назначение Д'Обюссона кардиналом).

Когда проблема была разрешена, Джема перевезли в Рим, где его со впечатляющими церемониями встретили кардиналы и городские власти. Его личность считалась более ценной, чем знания о Востоке, которые принес Марко Поло в свое время, и прием, оказанный мусульманскому принцу, вызвал больше интереса, чем возвращение Колумба из его первого путешествия на запад. Джем проехал по улицам в сопровождении сына папы на белом коне, которого послал ему папа. Посол египетского султана, бывший тогда в Риме, вышел к нему навстречу и со слезами поцеловал его ноги и ноги его коня. (Папы без колебаний вступали в союз с восточными державами для свержения Мухаммеда II и его династии.) Джем, или Великий Турок, как его называли, был принят папой, окруженным кардиналами. Гордый потомок восточных монархов, однако, отказался целовать ногу верховного понтифика, но пошел на некоторые уступки, поцеловав ему плечо. Его описывают как невысокого и плотного, с орлиным носом и необычно добрым взглядом, любителя иногда выпить, не чуждого при этом определенной интеллектуальной культуры. Сообщали, что он собственноручно убил четверых человек. Тем не менее Джем был лицом слишком важным, чтобы его порочили из-за таких преступлений. Иннокентий выделил ему элегантно обставленные апартаменты в Ватикане, и всеобщему взору предстало странное зрелище: земной глава христианского мира гостеприимно принимал у себя одного из главных сторонников ислама, почти полностью сокрушившего христианские церкви Востока и узурпировавшего престол на Босфоре.

Баязет пожелал уплатить папе 40 тыс. дукатов за гостеприимство к его брату и сопернику. От него в Рим прибыли делегации для того, чтобы обсудить подробности сделки. Говорят, султан пытался отравить брата и папу, подсыпав яд в колодцы Ватикана. Когда посол привез из Константинополя задержанный пла-

теж за три года, 120 тыс. дукатов, Джем настоял на том, чтобы турка раздели, протерли ему кожу полотенцем и чтобы он облизал языком послание «с обеих сторон» в доказательство, что на бумаге нет яда⁷⁹⁴. Джем пережил первого принимавшего его папу, Иннокентия VIII, на три года и часто упоминается летописцами общественных событий в понтификат Александра VI. Он умер в 1495 г., оставаясь пленником.

Другим любопытным событием понтификата Иннокентия был суеверный прием, оказанный святому копыю. Этим оружием Лонгин якобы пронзил бок Спасителя. Его нашел во время крестовых походов монах Варфоломей {Варипсава} в Антиохии. На право обладать им уже претендовали два города, Нюрнберг и Париж. Эта реликвия произвела на тот легковерный век большее впечатление, чем голова святого Андрея. Голова была даром христианского князя, принадлежавшего к отколовшейся Греческой церкви, тогда как копьё было получено от турка, султана Баязета.

Среди кардиналов возник спор, не будет ли мудрее воздержаться от принятия дара, пока не будет изучена подлинность нюрнбергского копыя. Однако папское благочестие не позволяло задавать подобные вопросы. Архиепископ и епископ были посланы в Анкону, чтобы принять этот кусок железа (ибо от копыя сохранился только наконечник). Кардиналы несли его от городских ворот до собора Св. Петра. После мессы папа благословил его. Реликвию принимали во время поста, но, по предложению одного из кардиналов, из некоторых фонтанов по пути процессии било вино, чтобы утолить жажду населения. После торжественного богослужения в Санта-Мария-дель-Пополо, в день Вознесения (1492), турецкий подарок, помещенный в ларец из хрусталя и золота, был поставлен рядом с платом святой Вероники в соборе Св. Петра⁷⁹⁵.

Двумя великими событиями, омрачившими понтификат Иннокентия VIII, были крестовый поход против вальденсов (1487) и булла против ведьм Германии (1484), которые привели к двум ужасным проявлениям жестокости. О них мы будем говорить в другой части.

Иннокентию посчастливилось, вместе со всей Европой, порадоваться изгнанию последних мавров из Гранады (1492). В Риме проводили мессы, в память об этом знаменательном событии была прочитана проповедь в присутствии понтифика⁷⁹⁶. Кардинал Борджиа, с характерной для его народа галантностью, устроил в честь события бой быков, в ходе которого было убито пять животных, — это было первое, но не последнее зрелище подобного рода, которое видел папский город. Иннокентий заболел. Его поили женским молоком⁷⁹⁷. За несколько лет до

⁷⁹⁴ *Totam ab omnibus ejus lateribus lingua sua lambivit* (Infessura, p. 263). Послание от художника Мантеньи к герцогу Мантуи с приведенными в нем любопытными подробностями, от 15 июня 1489 г., см. в Pastor, 1st ed., III. 218. На картине «Спор Св. Екатерины» в *sala dei santi* Ватикана изображен Джем на белом коне. Инфессура и Бурхард с журналистской дотошностью рассказывают о деталях появления Джема в Риме и обращения с ним.

⁷⁹⁵ Infessura (p. 224), а особенно Burchard (I. 482-486) и Sigismondo (II. 25-29, 69), подробно рассказывают о почестях, оказанных этой священнойшей железяке (*sacratissimum ferreum lanceae*). Присутствовавший представитель султана Шамизбурш, как сообщают, вручил папе 40 тыс. дукатов. Сиджизмондо называет копьё *spicula* («маленький наконечник»).

⁷⁹⁶ Burchard, I. 444 sqq.

⁷⁹⁷ До нас дошла душераздирающая история о том, как по предложению врача-еврея в вены умирающего понтифика влили кровь трех мальчиков. Им было по десять лет, и каждому из них пообещали по дукату. Все трое умерли, а врач бежал. Историю рассказывает Инфессура и повторяет Райнальд. Приятно хотя бы то, что Gregorovius (VII. 338), как и Pastor (III. 275 sq.), не верят в нее.

этого, когда думали, что папа умирает, кардиналы нашли 1.200 тыс. дукатов в его сундуках. Теперь они согласились внять просьбе Иннокентия и раздать 48 тыс. дукатов из папского состояния его родственникам.

§54. Папа Александр VI — Борджиа. 1492 — 1503

Понтификат Александра VI, который совпал с завершающими годами XV века и началом века XVI, можно сравнить с понтификатом Бонифация VIII, на рубеже XIII — XIV веков. С Бонифация начался упадок папской власти. Тогда папа подчинился воле французского короля. При Александре же, когда французы вновь стали активно вмешиваться в дела Италии и даже захватили Рим, папство дошло до предела своего морального унижения, невиданного со времен порнокрации X века.

Александр VI, которого мы упоминали уже как кардинала Родриго Борджиа, удостоился титула самого развращенного из пап эпохи Возрождения. Даже католические историки считают, что его распущенность не имела границ, а готовность унижить папство ради достижения личных целей была беспредельна⁷⁹⁸. Если бы его интеллектуальные способности использовались правильно, то его понтификат мог бы стать одним из самых блестящих в истории апостольского престола. Времена созрели. Возможностей было много как никогда. Но не доставало морального принципа. Если бы Данте жил в это время, он написал бы, что Александр VI отказался от большего, чем папа-отшельник Целестин V, и заслужил более ужасное проклятие, чем папа-симонист Бонифаций VIII.

После смерти Иннокентия VIII конклав из 23 кардиналов собрался в Сикстинской капелле. Основными кандидатами были Борджиа и Джулиано Ровере. Они уже соперничали и претендовали на папский престол раньше. Ради успеха предстоящих выборов не жалелось ничего. За духовный венец христианского мира открыто и беззастенчиво предлагались церковные должности и деньги. Французский король поддержал Джулиано — вложил 200 тыс. дукатов в римский банк и еще 100 тыс. — в генуэзский, чтобы обеспечить его избрание. Борджиа не мог предложить больше, но он был хитрее. От него ничего не получили только пять кардиналов, в том числе Джулиано. А у остальных членов священной коллегии была своя цена. Кардиналу Орсини достались Монтичелли и Сориано, престол Картахены и легатство в Марке; Колонна — аббатство Субиако и его крепость; Савелли — Чивита-Кастеллана и престол Майорки; Склафенату — Неппи; Микиэлю — престол Порто; другим кардиналам — богатые бенефиции. Четыре мула, навьюченные золотом, были посланы во дворец Асканио Сфорца, который также получил от Родриго прекрасный дворец и пост вице-канцлера. Даже патриарх Венеции, преклонный возраст которого (а он достиг 95 лет) должен был сделать его выше земных искушений, получил 5000 дукатов. Инфессура саркастически замечает, что Борджиа раздал все свое имение нищим⁷⁹⁹.

⁷⁹⁸ Pastor (III. 278) говорит, что «с того момента, как он стал священником, и до конца своих дней он был в рабстве у демона чувственности». Hefele-Knöpfler (*Kirchengesch.*, p. 485) говорят, что до получения папской должности он был «очень распущенным» (*sehr dissolut*). Проф. Villari (*Machiavelli*, I. 279) называет Александра худшим из пап — его «преступлений было достаточно, чтобы шокировать любое человеческое общество». Грегоровиус и Пастор провели наиболее примечательные исследования данного периода. Они соперничают друг с другом в блестящем описании понтификата Александра и отношений в его семье.

⁷⁹⁹ Р. 281. В донесении герцогине Эсте, которое публикует Pastor (1st ed., III. 879), Джованни Боккаччо, епископ Модены, подсчитывает размах затрат, посредством которых Борджиа ку-

Церемонии, которыми сопровождалась интронизация, отличались таким размахом, что современники не находили им равных в истории. Рядом с Палаццо ди Сан Марко, на пути шествия была воздвигнута статуя быка, символа рода Борджиа. Из глаз, ноздрей и рта этого быка вытекала вода, а изо лба — вино. Родриго был 61 год, и он 37 лет был кардиналом, получив этот сан в 25 лет. Его любимый дядя Калликст III сделал его архиепископом Валенсии, наделил церковными должностями, в том числе должностью вице-канцлера, и сделал наследником своего личного состояния. Его дворец славился великолепием gobelенов и ковров, а также сосудами из золота и серебра⁸⁰⁰. Новый папа обладал личной привлекательностью. Он был высок и хорошо сложен, а манеры его были такими подкупающими, что современник, Гаспарино из Вероны, утверждает: он влек к себе женщин, как магнит железо⁸⁰¹. Мы уже рассказывали о том, как в былые времена Пий II упрекнул Родриго за его похождения в Сиене.

Выдающимися отличительными чертами деятельности Александра на посту верховного правителя христианского мира были его распушенность и страстное желание обеспечить своих детей мирским благосостоянием. В этих двух отношениях он, похоже, не обращал внимания ни на свой официальный статус, ни на совесть. Третьей особенностью было вступление Карла VIII и французов в Италию и Рим. В его понтификат случились два события, всемирное значение которых не зависело от того, кто занимал папский престол, — открытие Америки и казнь флорентийского проповедника Савонаролы. Как во время понтификата Калликста III, в Рим теперь устремлялись испанцы, и миланский посланник писал, что десяти папств не хватило бы, чтобы удовлетворить их жажду общественного признания. Несмотря на протокол, принятый конклавом, и месяца не прошло, как Александр сделал кардиналом своего племянника Хуана Борджиа, а в последующие годы он ввел в священную коллегия еще четырех представителей семейства Борджиа, в том числе своего печально известного сына Чезаре Борджиа, в возрасте 18 лет⁸⁰².

Сначала обратим внимание на родственников и потомков Александра. Уже скоро стало очевидно, что основной целью его понтификата было улучшение благосостояния собственных детей⁸⁰³. Что касается его отцовства, то здесь мы имеем дело не просто со слухами. На то существуют неопровержимые документальные свидетельства.

Александр признал пятерых детей от Ваноццы де Катанейс: Педро Луиса, Хуана, Чезаре, Лукрецию, Жоффрея и, возможно, Педро Лудовико. Сохранились бреве Сикста IV, узаконивающие Чезаре и Лудовико⁸⁰⁴. Две буллы выпустил сам Александр в 1493 г., о происхождении Чезаре. В первой Чезаре объявляется

пил тиару: вице-канцлерство стоимостью 8000 дукатов, города Непи и Чивита-Кастеллана, аббатства Аквилы и Альбано (каждое стоит по 1000 дукатов в год), два крупных аббатства в Неаполитанском королевстве, аббатство Субиако (стоимостью 2000 дукатов в год), аббатства в Испании, 16 епископатов в Испании, престол Порто (стоимостью 1200 дукатов) и многие другие доходные церковные места.

⁸⁰⁰ Этот дворец описан в послании от кардинала Сфорца к его брату, от 1484 г., опубликованном в Pastor, III. 876.

⁸⁰¹ Sigismondo (II. 53) говорит о *majestas formae* Александра.

⁸⁰² Burchard, I. 577.

⁸⁰³ *Seine Kinder zu erhöhen war sein vorzüglichstes Ziel*, — говорит беспристрастный католический историк Funk (p. 373).

⁸⁰⁴ Они приводятся в Burchard (Дополнение к т. III) и датированы 1 октября 1480 г. и 4 ноября 1481 г.

сыном Ванотцы от ее прежнего мужа, чтобы священная коллегия не возражала против принятия в ее члены человека неопределенного происхождения. Во второй Александр объявил его своим собственным сыном⁸⁰⁵. Устав от Ванотцы, которая была на 11 лет моложе его, Александр отверг ее и лично проследил за тем, как она по очереди вступила в брак с тремя мужчинами, — сам устроил первый брак, а потом позаботился о втором и третьем⁸⁰⁶. В более поздней переписке с Лукрецией она подписывалась как «счастливая и несчастная мать» (*la felice ed infelice matre*).

Но Александр признал не только этих детей. Его дочери Джиролама и Изабелла вышли замуж в 1482 и 1483 г.⁸⁰⁷ Еще одна дочь, Лаура, от Джулии Фарнезе, родилась в 1492 г. и была признана его собственным ребенком, а в 1501 г. папа формально признал своим сыном и Хуана, от некоей римлянки. В первой булле он назвал мальчика сыном Чезаре, но во второй признал его своим собственным⁸⁰⁸.

Среди любовниц Александра, после того как он стал папой, самой известной была сестра кардинала Фарнезе Джулия Фарнезе, прозванная Ла Белла за свою красоту. Инфессура неоднократно упоминает о ней как о наложнице Александра. Ее законного мужа умиrotворили, подарив ему несколько замков.

Увеселения, выходки, браки, мирские почести и преступления этих детей ежедневно предоставляли такой материал, который удовлетворил бы самые взыскательные претензии современных любителей сенсаций. Дон Педро Луис, старший сын Александра, и его три брата, следующих по возрасту, начали свою общественную карьеру на службе у короля Испании Фердинанда, который допустил их в высшие ряды знати и продал Гандию, вместе с герцогским титулом, дону Педро. Это галантный юный Борджиа умер в 1491 г. в возрасте 30 лет, накануне путешествия из Рима в Испанию для свадьбы с кузиной Фердинанда. Его брат, дон Хуан, унаследовал поместье и герцогский титул Гандии и с княжеским великолепием женился в Барселоне на принцессе, с которой дон Педро был помолвлен.

Сын Александра, Чезаре Борджиа, был порочным, амбициозным и высокомерным. Анналы Рима и Ватикана в течение целого десятилетия пестрят рассказами о его грехах, интригах и преступлениях. В возрасте шести лет он был

⁸⁰⁵ См. W. H. Woodward, *Two Bulls of Alex. VI, Sept., 1493*, в *Engl. Hist. Rev.*, 1908, pp. 730-734.

⁸⁰⁶ Ванотца пережила Александра на 15 лет и умерла в 1518 г. Ее эпитафия, которую раньше можно было видеть в Санта-Мария-дель-Пополо, гласит: *Vanotiae Cathanae, Caesare Valentiae, Joane Candiae, Jufredo Scylatii et Lucretiae Ferrariae, ducibus filiis*, etc. См. Creighton, III. 163, Pastor, III. 279. Пастор говорит, что отрицать подлинность свидетельствующей о ее сыновьях надписи, как это делает Оливье, смешно (*geradezu lächerlich*). По поводу попытки Оливье реабилитировать Александра см. едкие слова Пастора в первом издании (I. 589). Бурхард постоянно называет Лукрецию *papae filia* (II. 278, 386, 493, etc.), а Жоффрея и остальных мальчиков — его сыновьями. См. также Sigismondo, II. 249, 270, etc. Происхождение Педро Лудовико не установлено так точно, но вполне вероятно, что его матерью была Ванотца.

⁸⁰⁷ Gregorovius (*Lucrezia Borgia*, p. 19, и Appendix, Germ. ed.), где приводится брачный контракт Джироламы.

⁸⁰⁸ Эти две буллы, сохранившиеся в Мантуе и впервые опубликованные в Gregorovius (*Lucr. Borgia*, Appendix, 76-85), вышли в один и тот же день. Burchard (III. 170) называет мать мальчика *quaedam Romana*. Грегоровиус и Пастор, вслед за Бурхардом, не сомневаются в том, что он был родным сыном Александра. Pastor (III. 475) говорит, что булла, несомненно, подлинная. В сатире 1500 г. сказано, что у Александра было 3 или 4 ребенка от Джулии Фарнезе. Согласно Villari (*Life of Savonarola*, p. 376, note), лапский печатный орган в Риме *Civiltà cattolica* от 15 марта 1873 г. признал существование Джованни, шестого или седьмого ребенка Александра.

объявлен готовым к рукоположению. Он стал нотариусом и епископом Памплонны при Иннокентии VIII. Когда его отец был избран папой, он поспешил в Рим из Пизы, где учился, и в день коронации отца был назначен архиепископом Валенсии. Ему было шестнадцать лет.

Дон Жоффрей женился в 13 лет на дочери Альфонсо Неаполитанского и стал князем Сквиллаче.

История дочери Александра Лукреции составляет один из самых пресловутых и трагических эпизодов в анналах XV века.

Самым серьезным международным происшествием в понтификат Александра было вторжение в Италию Карла VIII, короля Франции. Вступительным актом к тому, что стало похоже на полное преобразование Италии, была продажа Черветри и Ангвиллары. Франческетто, сын Иннокентия VIII, решил продать их Вирджинию Орсини за 40 тыс. дукатов. Затем Франческетто, этот папский отпрыск, предался праздной жизни и удалился во Флоренцию. Но Сфорца восприняли передачу этих двух владений как нарушающую равновесие сил на полуострове, и Лудовико и Асканию Сфорца стали призывать Александра ограничить влияние Ферранте, короля Неаполя, который поддерживал Орсини. Ферранте, проницательный политик, воспользовался страстью Александра к обогащению своих детей и переманил его на свою сторону. Он обещал отдать в жены папскому сыну Жоффрею донну Санчу, еще пребывавшую в детском возрасте. Лудовико Сфорца, готовый прибегнуть к любым мерам для достижения собственных амбициозных целей, позвал в Италию Карла VIII и поддержал его притязания на неаполитанскую корону на том основании, что раньше она принадлежала Анжуйскому роду. Он также приветствовал намерение французского короля вернуть Константинополь христианам.

После смерти Ферранте (1494) племянник Александра кардинал Хуан Борджиа сделал королем Неаполя Альфонсо II. Карл, которому было тогда только 22 года, был невысоким, некрасивым, с орлиным носом и непропорционально большой головой. Он выступил в Италию во главе великолепной армии в 40 тыс. человек, вооруженных новейшими артиллерийскими орудиями. Джулиано Ровере, который сопротивлялся политике Александра и бежал в Авиньон, вместе с другими недовольными кардиналами поддержал французов и присоединился к французской армии. Марш Карла через Северную Италию был рядом легких и обычно бескровных побед. Милан распахнул ему свои ворота. Так же поступила и Пиза. Перед вступлением во Флоренцию король был встречен Савонаролой, который отнесся к нему как к Божьему вестнику, пришедшему вызволить Италию из ее нечестивого положения. Рим оказался беспомощным. Посланников Александра, отосланных на переговоры с захватчиком, либо не принимали, либо отправляли обратно без ответа. Папа в отчаянии попросил о помощи турецкого султана Баязета. Переписка между верховным правителем христианского мира и владыкой мусульманского мира была обнаружена, когда схватили папского гонца Джорджо Буссардо с посланиями⁸⁰⁹. У Буссардо было найдено 40 тыс. дукатов — плата Баязета Александру за надзор над Джемом. Александр писал султану, что Карл намеревается забрать Джема во Францию и сделать его адмиралом флота для захвата Константинополя. Баязет в ответ заметил, что такое

⁸⁰⁹ Эти послания полностью приводит Burchard (II. 202 sqq.). Письма Александра Грегоровиус объявляет несомненно подлинными. По поводу писем султана ведутся споры. Ранке не признает их подлинность, а Грегоровиус считает подлинным содержание, но не форму. Creighton (III. 300 sqq.) перечисляет причины, по которым нам следует принять их.

развитие событий принесет больше вреда папе, чем ему. Его другу-папе, к которому он обращается как к Преславнейшему (*gloriositas*), следовало бы освободить вышеуказанного пленника, Джема, от тревог этого мира и отправить в мир иной, где ему будет спокойнее⁸¹⁰. За эту услугу султан готов был уплатить папе 300 тыс. дукатов, на которые, как он предполагал, папа мог бы купить княжества для своих детей.

В последний день 1494 г. французская армия вступила в святой город с 36 бронзовыми пушками. Такой воинской дисциплины и такого вооружения римляне еще не видели, так что они смотрели на армию с восторгом и восхищением. Король потребовал сдать замок Св. Ангела. Александр отказался, заявив, что, если крепость атакуют, он выйдет на стены, окруженный самыми священными реликвиями Рима. Кардиналы Джулиано Ровере, Сфорца и Колонна, въехавшие в город вместе с французскими войсками, призвали короля назначить собор и сместить Александра за симонию. Но, когда дело доходило до манипуляции людьми, Александр намного опережал своих противников. Карлу не хотелось унижать папу, так как тот был необходим ему для осуществления планов, связанных с Неаполем. Была принята договоренность, что Джем будет выдан французам, а Чезаре Борджиа будет сопровождать французские войска в Неаполь как папский легат. Тем временем французские солдаты разграбили город, даже дом Ванотцы. Король расположился в Ватикане, а кардиналы-бунтовщики, за исключением Джулиано, помирились с папой.

Отправившись в Неаполь 25 января 1495 г., Карл взял с собой Джема. Из ворот Рима последний выехал рядом с Чезаре. Эти двое, турецкий претендент и сын понтифика, были близки и часто катались вместе верхом. Через месяц после отъезда из Рима, не добравшись до Неаполя, турок умер. Столица Южной Италии была легкой добычей для захватчиков. Чезаре удалось бежать из французского лагеря. Ловкость и удача сына порадовали Александра и позволили ему вступить в союз против Карла с королем Испании и городами Северной Италии. В 1496 г. этот союз укрепился благодаря присоединению к нему Генриха VII Английского. Несколько месяцев французский король предавался удовольствиям неаполитанской столицы, потом пустился в обратный путь, а после битвы при Форнуово 6 июля 1495 г. покинул Италию. Александр избежал встречи с ним, уехав из Рима, и послал вслед удаляющемуся королю призыв вернуться в собственные владения под страхом отлучения. Призыв этот не ускорил отступление французов и не помешал им вернуться на полуостров через несколько лет⁸¹¹.

Несчастья и скандалы папского семейства не прекратились в период французского вторжения и продолжались после него. Летом 1497 г. произошло загадочное убийство сына Александра, герцога Гандии, которому было 24 года. Это лишь одно из преступлений, постоянно творившихся в Риме. Герцог отужинал с Чезаре, своим братом, и кардиналом Хуаном Борджиа в резиденции Ванотцы. После ужина два брата поехали во дворец кардинала Сфорца. Там они расстались, герцог отправился, как он сказал, по личному делу вместе с человеком в маске, который сопровождал его с прошлого месяца. А на следующий день Александр напрасно ждал своего сына. Вечером, не в силах дольше ждать, он потре-

⁸¹⁰ *Dictum Gem levare facere ex angustis istius mundi et transferre ejus animam in aliud seculum ubi meliorem habebit quietem* (Burchard, II. 209).

⁸¹¹ Французы оставили после себя ужасное наследство — болезнь, которую, как утверждают, они привезли из крестовых походов, а век тому назад, уже при Наполеоне, — опять, из Сирии, и известную как французская болезнь (см. Pastor, III. 7).

бывал расследования. Человека в маске нашли, смертельно раненого. Некий угольщик показал, что после полуночи видел, как к берегу реки подъехало несколько человек, один из них был верхом на белой лошади, на которую было взвалено мертвое тело. Они остановились и сбросили тело в воду. Папа был безутешен и ничего не ел с четверга по воскресенье. Он только что сделал своего сына господином Папской области и Витербо, знаменосцем церкви и герцогом Беневенто. Рассказывая консистории кардиналов о своей потере, отец объявил, что любил дон Хуана больше всего на свете и что, если бы у него было семь папств, он отдал бы их все до одного, только чтобы воскресить своего сына.

Причина этого убийства осталась загадкой. Разных людей бросали в темницу как виновных в нем. Предположительно, герцог был убит каким-то мужчиной, честь которого он задел своими любовными похождениями. Подозревали также Асканио Сфорца, единственного кардинала, который не входил в члены консистории. Но постепенно стали думать, что убийцей был сам Чезаре Борджиа, и итальянский историк Гвиччардини три года спустя рассказывал об этом случае как о братоубийстве. Ходили слухи, что Чезаре завидовал герцогу Гандии за то, что отец любил его больше и заваливал мирскими почестями.

Когда угольщика спросили, почему он сразу не рассказал о мрачной сцене, он ответил, что такие дела случаются часто и что он видел сотню подобных случаев⁸¹².

В первом порыве горя Александр, движимый чувством, похожим на раскаяние, назначил комиссию из шести кардиналов для проведения реформ в курии и церкви. Но пыл реформатора скоро угас, и выдвинутые предложения были отвергнуты как оскорбительные для папы. В следующие два года главной заботой христианского мира были браки и карьера его детей, Чезаре и Лукреции.

Лукреция, рожденная в 1480 г., уже дважды была помолвлена с испанцами, когда отец ее был избран папой и стал искать для нее более достойную пару. В 1493 г. она вышла за Джованни Сфорца, лорда Пезаро, незаконнорожденного. Молодой принцессе был отдан в собственность дворец рядом с Ватиканом, принадлежавший Джулии Фарнезе, любовнице ее отца.

Лукреция жила весело. Вокруг нее собирались молодые матроны Рима. Она ездила в церковь в сопровождении сотни таких матрон. Церемониймейстер папской часовни называет ее прекрасной, веселой, склонной к забавам и смеху⁸¹³. На улицах папского города ее обвиняли в кровосмесительной связи с отцом и братом Чезаре — так сообщали послы, и об этом говорит историк Гвиччардини, но обвинения эти слишком шокирующие, чтобы верить им, и Грегоровиус, самый блестящий современный знаток ее жизни, их отвергает. Чтобы опровергнуть ужасные обвинения, достаточно ее выдающегося последнего брака, с миром и счастьем, которые его сопровождали.

Свадьба с лордом Пезаро была сыграна в Ватикане после проповеди, произнесенной епископом Конкордии. Среди гостей было 11 кардиналов и 150 римских дам. Развлечения продолжались до 5 утра. Были танцы, и разыгрывались непри-

⁸¹² См. рассказ Бурхарда о трагедии (II. 387-390). Gregorovius (VIII. 424) с уверенностью говорит о братоубийстве. Это объясняет, почему Александр прекратил расследование через две недели после его начала и почему они с Чезаре, во время первой встречи после события, не разговаривали друг с другом. Но трудно поверить, что Александр стал бы наделять почестями Чезаре, если бы считал того убийцей, а он наделял. Roscoe (I. 153 sq.) и Пастор отрицают братоубийство; Creighton (III. 388) склоняется к нему. Дон Хуан единственный из всех Борджиа был родоначальником семейства.

⁸¹³ *Filia clarissima, filia jocosa et risoria* (Burchard, II. 280, 493).

стойные комедии. Александр и кардиналы смотрели представление. Современник восклицает: «И все это было во славу Всемогущего Бога и Римской церкви!»⁸¹⁴

Какое-то время Лукреция провела со своим мужем в его владениях, а потом развелась с ним, обвинив в импотенции. Дело о разводе решала комиссия кардиналов. Некоторое время принцесса пробыла в монастыре, а потом вступила в брак с доном Альфонсо, герцогом Бесильи, внебрачным сыном Альфонсо II Неаполитанского. Свадебная церемония снова проходила в Ватикане, а через несколько месяцев герцог был убит.

Тем временем донна Санча, жена Жоффрея, прибыла в город в мае 1496 г. Ее встретили у ворот кардиналы, Лукреция и другие высокопоставленные лица. Папа в окружении 11 кардиналов, с Лукрецией по правую руку, приветствовал своего сына и невестку в Ватикане. Согласно Бурхарду, две принцессы смело заняли скамьи священников в соборе Св. Петра. Позже, как сообщали, два шурина Санчи, герцог Гандии и Чезаре, ссорились из-за нее и владели ею по очереди. Александр отослал ее назад в Неаполь — неизвестно, по этой причине или по какой-то другой. Позже ее вновь принимали в Риме.

Чезаре, хотя его ежегодные доходы и достигали 35 тыс. дукатов, быстро устал от церковной карьеры. Епископ и кардинал-диакон, он признался перед собратьями-кардиналами, что с самого начала испытывал отвращение к рукоположению и принял его только из послушания отцу. Грегоровиус говорит, что эти слова, возможно, были единственной правдой, которую принц вообще когда-либо сказал. Священная коллегия единогласно исполнила просьбу Чезаре. Александр, который теперь старался установить прочные связи между Францией и папством, надеялся, что Людовик XIII, преемник Карла VIII, займется мирской карьерой его сына⁸¹⁵. Людовик был занят разводом со своей уродливой и бездетной женой Иоанной Валуа и собирался жениться на молодой вдове Карла Анне, приданым которой была Бретань. Соглашение оказалось выгодным для обеих сторон. Королю разрешили развестись, а Чезаре стал герцогом Валентинуа, и ему обещали жену из королевского рода.

К отъезду Чезаре из Рима хорошо подготовились. Он увозил с собой богатейшие ткани, золотые и серебряные сосуды, деньги, так что в момент отъезда перед молодым человеком шла вереница мулов, навьюченных вещами, стоимость которых составляла 200 тыс. дукатов. Автор того времени описывает, как Александр стоял у окна, глядя на двигавшийся к западу кортеж, в котором уезжали четыре кардинала. Кортеж ехал через Авиньон. Чезаре выбрал себе в жены Шарлотту д'Альбрет, девушку шестнадцати лет, но, к разочарованию, не получил ее. Вместо нее ему была обещана сестра короля Наваррского. Когда новость об этом браке, заключенном в мае 1499 г., достигла Рима, Александр и испанцы устроили фейерверки в своих домах и на улицах, гордясь таким событием. С этого момента все силы Александра VI были направлены на продвижение этого распущенного человека. История Чезаре Борджиа полна мрачайших моментов, отвратительной чувственности, предательства и жестокости. Никакое преступление не пугало его. Ничто не могло помешать его похотливым амбициям и ненасытной жадности. В конечном итоге его отец, готовый ради продвижения сына

⁸¹⁴ Infessura (p. 286 sq.) завершает свой отчет о свадьбе словами, что всего не будет рассказывать, потому что ему просто не поверят. Рассказ Боккаччо, посланника Феррары, который присутствовал там, приводится в Gregorov., *Lucr. Borgia*, pp. 59-61.

⁸¹⁵ Александр учтиво посетил мессу за упокой души своего старого врага Карла в Сикстинской капелле (Burchard, II. 461).

пожертвовать всем, что было свято в религии и человеческой жизни, стал рабом собственного ребенка и не осмеливался сопротивляться его замыслам.

Скоро герцог вернулся в Италию, сопровождаемый французской армией с Людовиком XII во главе. Последовала сдача Милана и Неаполя. Когда Милан был взят, это лишило Александра бывшего союзника, а кардинал Асканио Сфорца был взят в плен, но в Ватикане приветствовали эту новость. Александр хотел с помощью Людовика создать для своего сына великое герцогство на севере Италии, а в конечном итоге сделать его королем всего полуострова. Неаполь пал отчасти из-за коварства папы, заключившего союз с Людовиком и низложившим неаполитанского короля Фридриха.

Чезаре, получивший от отца гордый титул герцога Романьи и сделанный капитаном-генералом церкви, с помощью 8000 наемников заявил о своих правах на Имолу, Форли, Римини и другие города. Некоторые его победы отмечались в соборе Св. Петра торжественными богослужениями. В то же время Лукреция стала регентшей Неви и Сполето. Заботясь о благополучии своей семьи, папа собирался объявить войну дому Гаэтани и ограбить Колонна, Савелли и Орсини. И никому не позволялось вставать на пути его амбициозного и бессовестного сына. Ему был дарован также символ чистоты характера и возвышенного служения церкви, Золотая Роза.

Празднование «святого года» в первый год нового века, который оказался так богат событиями, привело в святой город сотни тысяч паломников. Громадные суммы, вырученные от них, были отложены на крестовый поход против турок или использованы на продвижение Борджиа. В булле, объявлявшей о празднике, посетившим Рим обещалось отпущение самых тяжких грехов⁸¹⁶. Накануне Рождества 1499 г. Александр ударил в Золотые ворота серебряным молотом, повторив слова Откровения: «Он отвергает — и никто не затворит».

Но благочестивые представления паломников о «святом годе» подорвал Чезаре, вступивший в Рим в феврале с видом завоевателя. Среди праздников, призванных оживить монотонные религиозные обряды, был испанский бой быков. На площади Св. Петра поставили ограждения, и зрители смотрели, как Чезаре, сын папы, убил пять быков. Голову последнего он отсек одним ударом меча.

Атмосфера «святого года» была омрачена еще одним ужасным событием в семействе Борджиа — убийством мужа Лукреции герцога Бесильи, которому она родила сына⁸¹⁷. Он возвращался домой поздно вечером, когда на него напали на ступенях собора Св. Петра и всадили нож в спину. Его отнесли в его дворец, и он поправлялся. Чезаре навещал его несколько раз, но в конце концов велел его задушить (18 августа 1500 г.). Сын папы открыто признавался, что несет ответственность за происшедшее, и оправдывал свое поведение тем, что принц якобы угрожал ему.

Так в папском городе наступил новый век. Однако он стал продолжением предыдущего. Назначение кардиналов превратилось в удобное средство пополнения папских сундуков и осуществления замыслов папской семьи. В 1493 г. Александр добавил к священной коллегии 12 новых членов, в том числе Александра Фарнезе (впоследствии Павел III), брата папской любовницы. Говорят, это позволило папе заработать 100 тыс. дукатов⁸¹⁸. В 1496 г. добавилось еще четверо кар-

⁸¹⁶ Burchard, II. 591-593.

⁸¹⁷ Родриго был крещен в соборе Св. Петра 1 ноября 1499 г. в присутствии 16 кардиналов, находившихся на тот момент в Риме, многих послов и других должностных лиц. В 1501 г. он получил герцогство Сермонету (Burchard, II. 675, 578; III. 170).

⁸¹⁸ Infessura, p. 293.

диналов (все — испанцы, в том числе племянник папы, Джованни Борджиа), и 9 испанцев вошло в кабинет Александра. Когда 28 сентября 1500 г. было назначено 12 кардиналов, Чезаре получил в награду 120 тыс. дукатов. Он открыто говорил, что ему нужны деньги для осуществления его замыслов в Романье. В 1503 г., перед смертью его отца, герцог получил 130 тыс. дукатов еще за 9 кардинальских шапочек. За назначение новых аббревиаторов ему поступило 64 тыс. дукатов. Даже мертвецы не были свободны от поборов. После смерти кардинала Феррари из его наследства было взято 50 тыс. дукатов. А когда умер кардинал Микиэль, племянник Павла II, на счет герцога были перечислены 150 тыс. дукатов.

Одно преступление следовало за другим. Кардинал Орсини, наносивший папе визит, был захвачен в плен. Его дворец разграбили, других членов семейства схватили и конфисковали их замки. Матери кардинала, восьмидесяти лет, пришлось уплатить Александру 2000 дукатов и отдать дорогую жемчужину, собственность любовницы Орсини, которая сама отнесла ее Александру, переодевшись мужчиной⁸¹⁹, только чтобы обеспечить своего сына хлебом насущным. Но несчастный был обречен. Поговаривали, что он был отравлен по приказу Александра⁸²⁰.

Последним из пресловутых достижений Александра, заботившегося о благе семьи, был брак Лукреции с Альфонсо, сыном Эрколе, герцога Феррары (1502). Молодому герцогу было 24 года, он был вдовцом. Предубеждение его отца было преодолено с помощью хороших должностей от французского короля и сокращения дани, которую Феррара должна была платить как папский лен, с 400 дукатов до 100 флоринов, на что коллегия кардиналов дала свое согласие. Во время переговоров Александр, три месяца отсутствовавший в Риме, доверил свою переписку и дела дочери. Вследствие этого назначения коллегия кардиналов оказалась подчинена ей.

Лукреция активно участвовала в переговорах, приведших к помолвке, и в подготовке свадьбы. Когда в начале сентября 1501 г. весть о подписании брачного контракта достигла Рима, Лукреция отправилась в Санта-Мария-дель-Пополо в сопровождении 300 рыцарей и четырех епископов и публично выразила свою благодарность. По пути она сняла с себя плащ, который, как говорили, стоил 300 дукатов, и отдала его шуту. Он надел плащ и ехал по улицам, крича: «Ура прославленной герцогине Феррары! Ура Александру VI!»⁸²¹ Три часа звонил большой колокол на Капитолии. По городу жгли костры, «призывая всех радоваться». Дочери папы, уже четырежды помолвленной и дважды замужней, к моменту этой последней свадьбы был всего 21 год. Посол Феррары говорил, что лицо ее было прекрасно, а манеры очаровывали⁸²². В составе блестящего эскорта, который Эрколе прислал, чтобы сопроводить свою будущую невестку в ее новый дом, были два младших сына герцога, которые воспитывались в Ватикане. Чезаре и 19 кардиналов, в том числе кардинал Ипполито Эсте, встретили эскорт у Портодель-Пополо. Ночь за ночью в Ватикане устраивали танцы и театральные представления. По просьбе своего отца Лукреция исполняла особые танцы. Формальная церемония бракосочетания состоялась 30 декабря в соборе Св. Петра. Дон Фердинанд был представителем своего брата. Впереди невесты в базилику шло

⁸¹⁹ Burchard, III. 236.

⁸²⁰ Так сообщает Пастор, хотя и с некоторыми колебаниями (III. 491). Даже Крейтон (IV. 40) не опровергает это обвинение. Но в другом месте (р. 265) он, похоже, сам себе противоречит.

⁸²¹ Burchard, III. 161 sq.

⁸²² Письмо приводится в Gregor. (*Lucr. Borgia*, p. 212).

50 фрейлин, а по сторонам от нее — герцоги. О ее приближении объявляли музыканты, игравшие в портике. Внутри на своем престоле сидел понтифик, окруженный 13 кардиналами. После проповеди, которую Александр велел сделать покороче, герцог Фердинанд надел кольцо на палец Лукреции. Потом приблизился кардинал д'Эсте. Он возложил на стол еще четыре кольца, с бриллиантом, изумрудом, бирюзой и рубином, а после, по его приказу, открыли шкатулку со множеством изделий из драгоценных камней, в том числе головным убором из 16 бриллиантов и 150 крупных жемчужин. Прелат очень вежливо просил принцессу не отвергать подарок и сообщил, что в Ферраре ее ждет еще много драгоценных камней.

Всю ночь в Ватикане пировали и представляли комедии, одним из ведущих артистов в которых был Чезаре. К чести некоторых кардиналов и других должностных лиц следует сказать, что они удалились в самом начале пира. Вся следующая неделя была полна развлечений, включая бой быков на площади Св. Петра, в котором Чезаре опять участвовал как матадор.

Праздники завершились 6 января 1502 г. Приданое невесты и другой багаж везли 150 мулов. Щедрый отец велел ей забрать с собой все, что только захочется. Ее денежное приданое составляло 100 тыс. дукатов. Блестящая кавалькада, в которой приняли участие все кардиналы, послы и городские власти, сопровождала кортеж до городских ворот и дальше, а кардинал Франческо Борджиа проделал с группой весь путь. Задумываясь об этой свадьбе, мы не можем не испытывать симпатий ко столь заботливому отцу, тогда как нарушение им священных обетов католического священника и верховного понтифика может вызвать только негодование. Александр следил за кавалькадой, пока мог, переходя от окна к окну. О матери невесты никто из авторов не упоминает. Следила ли она за торжествами тайно — или открыто, с возвышения?

Лукреция не вернулась в Рим. Эта знаменитая женщина, судьба которой пробуждает в нас величайший интерес и величайшее сочувствие, покинула страницы истории папства и заняла свое место в анналах благородного дома Эсте. Она заслужила уважение двора и восхищение всего города, вела спокойную, домашнюю жизнь до самой смерти в 1519 г. Мало кто из людей видел собственными глазами за столь краткий период времени столько притворства и преступлений, как она. Ей не было еще сорока, когда она умерла. Древнее представление о ней как о женщине с кинжалом, отравительнице, виновной в кровосмешении, уступило место более сдержанному суждению Ремона и Грегоровиуса, с которыми соглашается и Пастор. Они не объявляют ее безгрешной, но заявляют, что она не была такой уж бессовестной распутницей, и показывают беспристрастному читателю, что отец сделал ее орудием своих амбициозных планов, связанных с семьей, и что она была преданной женой и матерью. Ее сын, Эрколе, правивший до 1559 г., женился на Рене, принцессе, которая приветствовала при своем дворе Кальвина и Клемана Маро.

Наконец смерть Александра положила конец его скандальному правлению. После увеселений, устроенных кардиналом Адрианом, у папы и его сына Чезаре началась лихорадка. Говорили, что яд, приготовленный ими для кардинала, по ошибке или умышленно был положен в их собственные кубки⁸²³. Болезнь понти-

⁸²³ Вопрос о том, был ли именно яд причиной смерти папы, остается открытым. Так считают Gregorovius, Roscoe, I. 193 sq., Reumont, Pastor, III. 499. Creighton, IV. 43, и Hergenröther, III. 987, против теории отравления. Ни Бурхард, ни посол Венеции ничего не говорят о яде. Посол Мантуи, 19-го числа, опровергает это обвинение, которое открыто выдвигали на

фика продолжалась меньше недели. На третий день он начал истекать кровью. На смертном одре он играл в карты с некоторыми из своих кардиналов. Наконец он принял причастие и елеосвящение и умер в присутствии пяти членов священной коллегии. Хорошо информированный автор дневника, Бурхард, отмечает особо, что во время болезни Александр не произнес ни слова о Лукреции или своем сыне, герцоге. Чезаре был слишком болен, чтобы прийти к отцу, но, услышав о его смерти, послал Микелетто требовать у управляющего ключи от папской казны, угрожая в случае отказа удушить кардинала Казанову и выбросить его из окна. Кардинал, перепуганный (*perterritus*), уступил, и убитый горем сын унес с собой 100 тыс. дукатов золотом и серебром.

При оценке деятельности Александра VI следует помнить, что народ и современники были против него⁸²⁴. Ходили слухи, что сам дьявол явился к нему в момент смерти с требованием отдать то, что было ему обещано за 12 лет папства, а Александр ответил: да, он понимает, что настало время платить по счетам⁸²⁵.

Интеллектуальные способности Александра подтверждаются его успехами в дипломатии — он смог организовать политическое возвышение Чезаре Борджиа, с поддержкой Франции, которая когда-то его унизила; он смог привлечь на свою сторону несогласных кардиналов; он обеспечивал свою безопасность с помощью насилия, хотя в конечном счете его все-таки отравили. Мы осуждаем его безмерно за отсутствие принципов. Умственные способности, которые, как говорили, он получил от самого дьявола, не могут заменить моральных качеств. В сердце Александра гнездились коварство, предательство, похоть и убийство⁸²⁶. Он не стеснялся пойти на преступление ради своих амбиций, но и не стремился участвовать в торжественных богослужениях, и даже мессу лично не служил. Чтобы измерить глубину его греховности, говорят, достаточно сравнить его действия с простыми предписаниями: «Не убивай, не прелюбодействуй, не кради». Возвышение на ответственный пост обычно отрезвляет человека, но Родриго Борджиа унизил высшую должность христианского мира ради собственных плотских желаний. Даже если мы не соглашаемся с целями Григория VII и Иннокентия III, их моральные качества не могут не вызвать у нас уважения. А Александр VI был рабом своих чувств, и его умение управлять людьми, сколь бы велико оно ни было, не смягчает того отвращения, которое вызывают у нас его порочные замыслы. Человек может устрашить окружающих с помощью грубой силы, но сила эта остается грубой.

Следует признать, что, когда Родриго стал кардиналом, моральные стандарты жизни в Риме были низки, и римский летописец мог утверждать, что у каждого

улицах. Ranke (*D. röm. Päpste*, p. 35) явно склонен верить в отравление. Так же считает и Насе (*Kirchengesch.*, III. 353). Многие авторы того времени верили в отравление — Гвиччардини, кардинал Бембо, Иовий, кардинал Эгидий и др. Врач Александра назвал непосредственной причиной смерти апоплексический удар. Против теории отравления говорит тот факт, что кардинал Адриан тоже заболел. С другой стороны, есть свидетельства, что тело Александра сразу после смерти раздулось и было обезображено, что изо рта у него шла пена и что Чезаре заболел одновременно с ним с теми же симптомами. Грегоровиус (VII. 521) объявляет эти факты сильнейшими свидетельствами в пользу теории отравления.

⁸²⁴ Есть одно исключение — обращение, сделанное в конклаве после смерти Александра епископом Галлиполи. См. ст. Garnett, *Engl. Hist. Rev.*, 1892, p. 311 sq.; единственная дошедшая до нас копия текста хранится в Британском музее.

⁸²⁵ Герцог Мантуи, который стоял лагерем недалеко от Рима, писал своей герцогине, что в момент смерти папы в его комнате появились семь чертей, что его тело распухло и его вытаскивали из постели с помощью веревки (Gregorovius, *Lucr. Borgia*, p. 288).

⁸²⁶ Епископ Creighton (IV. 44) подчеркивает, что среди пороков Александра не было лицемерия.

священника была любовница и почти все римские монастыри превратились в *lupinaria* — публичные дома⁸²⁷. Но святые традиции сохранялись в священных местах города. Проводились торжественные христианские обряды. Распущенность римских императоров по-прежнему казалась адской в сравнении с жертвой креста. Однако за два года до смерти Александра, 31 октября 1501 г., в Ватикане, по воле Чезаре, состоялась оргия, которую не превзошли даже худшие из императорских пиров. 50 куртизанок танцевали всю ночь в присутствии слуг и других лиц, сначала одетые, потом — обнаженные, а папа и Лукреция смотрели на них. Обнаженные женщины, двигаясь на четвереньках, собирали с земли каштаны, за что получали в награду плащи, туфли, шляпы и другие предметы одежды⁸²⁸.

Для Александра не было ничего святого — ни должность, ни добродетель, ни брак, ни жизнь. Будучи кардиналом, он присутствовал на свадьбе молодой Джулии Фарнезе и, вероятно, именно тогда задумал развратить ее. Несколько месяцев спустя она уже была известна как его любовница. Кардинал Гурка сказал флорентийскому послу: «Когда я думаю о жизни папы и некоторых его кардиналов, я вздрагиваю от того, что нахожусь в курии, и мне не хочется иметь с нею ничего общего, пока Бог не проведет реформы в Своей церкви». Некие немецкие рыцари, когда их пригласили в Рим, написали понтифику, что они — добрые христиане, служат графу Палатину, который поклоняется Богу, любит справедливость, ненавидит порок и никогда не был обвинен в прелюбодеянии. «Мы верим, — продолжали они, — в справедливого Бога, Который свергнет в вечное пламя грабителей, святотатцев, насильников, злоупотребляющих наследием Христа, имеющих наложниц, симонистов и прочих грешников, которые оскорбляют христианскую церковь»⁸²⁹.

Приятно перейти к нескольким поступкам этого последнего понтифика XV века, которые не были продиктованы исключительно эгоизмом или греховными побуждениями. В 1494 г. Александр канонизировал Ансельма, не упоминая, однако, ни про великий трактат этого схоласта об искуплении, ни про его доводы о существовании Бога⁸³⁰. Он пропагандировал культ святой Анны, матери Девы Марии, к которому впоследствии был причастен и Лютер⁸³¹. Он почти богохульственно объявлял, что находится под особой защитой Девы, которая якобы несколько раз избавляла его от смерти — в море и в папском дворце.

В соответствии с более поздней практикой римской католической церкви, Александр ограничил свободу печати, запретив издавать что-либо без согласия епископа⁸³². Во время его понтификата был открыт целый континент на западе, но из его отношения к Америке явствует, что о целях Провидения он не был осведомлен. В двух буллах, от 4 и 5 мая 1493 г., он поделил Америку между

⁸²⁷ Infessura, p. 287.

⁸²⁸ Burchard (III. 167), который рассказывает об этой дикой сцене, умолчал о многих скверных событиях, происходивших в папском дворце. Другие свидетельства об этой оргии можно найти в издании Бурхарда Тюазном. См. также Villari, *Machiavelli*, I. 538. Читая о том, как папа и кардиналы на площади перед собором Св. Петра с замиранием смотрели на опытного канатоходца, державшего на руках ребенка, мы вполне можем поприветствовать это развлечение или огнестись к нему терпимо (Burchard, III. 210), однако душой Александра, похоже, владели мрачные демоны зла.

⁸²⁹ Burchard, III. 110.

⁸³⁰ Mansi, XXXII. 533 sq.

⁸³¹ Кальвин рассказывал, что в детстве мать водила его в аббатство Урскамп, возле Нойона, где хранилась частичка мощей святой Анны, и он целовал реликвию.

⁸³² *Decretum de libris non sine censura imprimendis* (1501; Reusch, *Index*, p. 54).

Португалией и Испанией, проведя границу, с севера на юг, в 100 лигах к западу от Азорских островов. В этих документах Христофор Колумб упоминается как достойный человек, он заслуживает похвалы как умелый моряк, прошедший через великие опасности, трудности и испытания, чтобы обнаружить острова и континенты (*terras firmas*), доселе неведомые. Земли запада, уже открытые и которые лишь предстояло открыть, объявлялись постоянным (*in perpetuum*) владением Испании и Португалии. Папа торжественно объявлял, что дарует им их из чистой щедрости властью всемогущего Бога, которая была дана ему через святого Петра, как наместник Иисуса Христа на земле⁸³³. Невозможно было высказаться более определенно. Как преемник Петра, Александр считал себя вправе распоряжаться Америкой, и его дар имел вечную силу. Это притязание на владение западными землями вполне можно уравнивать с выдумкой о даре Константина Сильвестру из поддельных Исидоровых декреталий⁸³⁴.

Если хоть какой-то булле требовалось подтверждение папской непогрешимости, так именно этой, которая была тесно связана с судьбой великого американского континента, а по сути, с историей мира в целом. Но сказанное в булле от 4 марта было отменено уже год спустя, когда 7 июня 1494 г. был заключен политический договор в Тордесильяс, согласно которому граница пролегла уже в 370 лигах к западу от островов Кабо Верде. Произшедшие после выпуска буллы события начисто опровергли официальный дар верховного понтифика, и сейчас на западном континенте уже ни клочка земли не принадлежит тем королевствам, которым она была навечно дарована папой. Мы не станем здесь мудрствовать о разнице, якобы существующей между доктринальными и дисциплинарными папскими решениями, про которую твердят многие католики, защитники учения о папской непогрешимости. Чтобы опровергнуть эту догму, вполне достаточно буллы Александра об Америке и буллы Иннокентия III, упраздняющей Великую хартию вольностей.

Опровергнуть теорию папства как божественного установления и папские притязания на титул наместника Христа вполне можно на основании одних только качеств и деятельности Александра VI, и от этого довода нельзя отмахнуться с помощью сомнительного толкования слов Господа, обращенных к Петру. Даже если мы забудем о грешных папах IX — X веков, забудем о случае Гонория и о других папах, обвиненных в ереси, забудем о папах-преступниках эпохи Возрождения и обо всех их буллах, грешащих против здравого смысла, таких как булла Иннокентия VIII против колдовства, одного примера Александра достаточно, чтобы опровергнуть эту теорию. Мог ли Бог на 12 лет доверить Свою церковь такому чудовищу? Действительно, католические историки признают связанные с этим трудности, хотя и пытаются найти им объяснение. Кардинал Гергенротер говорит, что «со смертью Александра христианский мир освободился от великой скверны, но даже в этом случае, сколь бы недостойным ни был

⁸³³ *De nostra mera liberalitate... auctoritate omnip. Dei, nobis in beato Petro concessa, ac vicariatus J. Christi, qua fungimur in terris.* Буллу см. в Mirbt, pp. 174–176. Также Fiske, *Disc. of Am.*, I. 454–458; II. 581–593.

⁸³⁴ Pastor (III. 520) старается опровергнуть обвинение Александра в близорукости, истолковывая слова *donamus et assignamus* как относящиеся к тем землям, которые Португалия и Испания уже захватили. Однако сама формулировка буллы делает это невозможным, ибо в ней явно сказано, что Испании и Португалии отдаются и те земли, которые еще только будут открыты в будущем, наряду с теми, что уже открыты (*omnes insulas et terras firmas inventas et inveniendas, detectas et detegendas*). Буллу от 26 сентября 1493 г., в которой Индия отдается Испании, см. в Davenport, *Am. Hist. Rev.*, 1909, p. 764 sqq.

папа, надо следовать его учениям, и даже в этом папе исполнилось обещание, данное престолу святого Петра (Мф. 23:2,3). Александр VI не предписывал церкви ничего, что противоречило бы морали или вере, и никогда не сбивал верующих с истинного пути дисциплинарными декретами, которые, по большей части, превосходны»⁸³⁵.

Пастор пишет в том же духе⁸³⁶: «Несмотря на поведение Александра, чистота учения церкви осталась в неприкосновенности. Провидение словно давало понять, что человек может вредить церкви, но не в его силах уничтожить ее. Как плохое обрамление не уменьшает ценности драгоценного камня, так и греховность священника не может повредить ни отправлению им таинств, ни учениям церкви. Золото остается золотом, держат его в чистых руках или в грязных. Должность папы — выше личностей, занимающих престол. Она не может утратить свое достоинство или, наоборот, приобрести его в зависимости от того, достойны или недостойны владеющие ею. Петр сильно согрешил, однако ему была доверена должность верховного пастыря. С этой точки зрения смотрел на ситуацию папа Лев Великий, когда говорил, что достоинство святого Петра не теряет, даже если его преемник недостойн (*Petri dignitas etiam in indigno haeredo non deficit*)». И Пастор делает слова Льва девизом своей истории.

Примеры, приводимые в таких рассуждениях, сомнительны. Неважно, держат свинец в чистых руках или в грязных, — он все равно остается свинцом. Мутный камень остается мутным, обрамишь ты его в золото или в олово. Личное мнение Льва Великого не может противостоять человечеству, укрепляющемуся в осознании того, что Глава Церкви не допускает хранения священной истины в руках греховности, и неверяет пастырское душепопечение людям нечестивым и с нечистыми устами. Папская теория о наследстве святого Петра, даже если бы ей не противоречили никакие исторические свидетельства, не может оправдать Александра VI, подававшего пример предельной греховности. Истинные преемники святого Петра наглядно показывают, что «Царствие Божие внутри их есть». Так может ли последний понтифик XV века служить примером исполнения заповедей Всемогущего Бога?⁸³⁷

§55. Юлий II, папа-воитель. 1503 — 1513

Преемник Александра Пий III, племянник Пия II и обладатель большой семьи, через месяц после избрания умер от подагры и других болезней. После него избрали Джулиано Ровере, старого соперника Александра, который в качестве

⁸³⁵ Hergenröther-Kirsch, II. 987.

⁸³⁶ III. 503.

⁸³⁷ Пастор в своей длинной оценке (*Gesch. der Päpste*, III. pp. vi, 601 sq., etc.) говорит: «Жизнь этого сластолюбца (*Genussmenschen*), человека необузданных страстей, во всех отношениях противоречила тем требованиям, которые к нему предъявлялись. Он до самого конца безудержно грешил». Ранке пишет (*Hist. of the Popes*, немецкое издание, I. 32): «Всю свою жизнь Александр наслаждался миром, жил в свое удовольствие, удовлетворял свои страсти и амбиции». Оценка Грегоровиуса (*City of Rome*, VII. 525) такова: «В истории Александра невозможно обнаружить никаких принципов, кроме презренного желания любой ценой возвеличить своих детей. Этому плачевному nepотизму и накопительству он приносил в жертву собственную совесть, счастье народов, существование Италии и благо церкви». Епископ Creighton (IV. 43-49) уделяет центральное внимание политическому опыту Александра, его решительности и обходительности манер, но начисто игнорирует его аморальность и святотатство по отношению к своей должности и к себе. Похоже, на него повлиял Роскоу, приписывающий Александру «много великих качеств» (I. 195).

кардинала играл выдающуюся роль более 30 лет. Он оказался самым способным и энергичным понтификом со времен Иннокентия III и Григория IX в XIII веке.

После смерти Александра Чезаре Борджиа попытался взять ситуацию под контроль. Позже он говорил Макиавелли, что предвидел любое происшествие, кроме одновременной болезни его самого и своего отца⁸³⁸. В Риме царило смутное, но Чезаре, несмотря на поддержку послов Франции, Германии, Венеции и Испании, пришлось покинуть город, в который вновь вернулись семьи Орсини и Колонна, оскорбленные Александром.

Избрание Джулиано Ровере, который принял имя Юлия II, состоялось 31 октября 1503 г., после того как он прибег к подкупу. Испанские кардиналы, числом 11, до тех пор находившиеся под влиянием Чезаре, отдали ему свои голоса при условии, что Чезаре будет признан гонфалоньером церкви. Верный папский церемониймейстер, «Дневник» которого мы так часто упоминали, был назначен епископом Орты, но умер два года спустя. Юлий родился в Савоне, в небогатой семье, и был назначен в священную коллегию своим дядей Сикстом IV. Он только что вернулся в Рим после 10 лет изгнания. Получив доход от многочисленных епископств и других должностей, он стал богатейшим из кардиналов. Хотя новый понтифик не отличался особым благочестием, его понтификат оказался облегчением в сравнении с грубыми преступлениями и домашними скандалами эры Александра. Действительно, у него было трое дочерей, одна из которых, Фелиция, вышла за члена семьи Орсини в 1506 г., получив в приданое 15 тыс. дукатов. Но свадьба не праздновалась в Ватикане, и дети понтифика не присутствовали постоянно в его дворце. Юлий позаботился и о своих племянниках. Двое из них вошли в священную коллегию 29 ноября 1503 г., а позже еще двое были удостоены этой чести. Назначив кардиналом испанского ученого Хименеса, Юлий заслужил похвалу своего собственного века и последующих. Он был прирожденным правителем. Внешность у него была достойная и внушительная, взгляд ясный и пронизывающий. Голова у него была седой, а ум — пылким, как у юноши. Он двигался быстро, даже порывисто, и был отважен до дерзости. Поражения, которые смутили бы даже самых смелых, только увеличивали решимость Юлия. Иногда он был резок в выражениях, но это можно оправдать тем, что резкие речи были приняты в то время. Как кардинал, он проявил себя скорее дипломатом, чем святым, а как папа — скорее воином, чем священником. Когда Микеланджело, которому велели отлить бронзовую статую папы, стал изображать Юлия с поднятой правой рукой, папа спросил: «Что же ты вложишь в левую?» «Возможно, книгу», — отвечал художник. «Нет, пусть это будет меч, ибо я не ученый», — сказал папа. Весьма характерный эпизод⁸³⁹.

Понтификат Юлия сразу же принес мир и уверенность священной коллегии и Риму. Если Юлий и не сдержал обещание в течение двух лет созвать собор согласно принятому конклавом протоколу, его можно простить, так как перед ним стояла серьезная задача по укреплению политической власти папского престола. Это была главная задача его понтификата. Он заслуживает титул основателя церковного государства, которое, с незначительными изменениями, владело своей территорией до 1870 г. Добиваясь этого, он посвятил себя освобождению Италии от иноземных захватчиков. На его пути стояли три врага: Чезаре с дес-

⁸³⁸ *The Prince*, ch. VII.

⁸³⁹ Статую поставили перед Сан-Петроньо в Болонье. И в левой руке он держал не книгу и не меч, а ключи. Pastor (III. 569) пишет: *In einer derartigen, Persönlichkeit lag mehr Stoff zu einem Könige und Feldherrn als zu einem Priester.*

потами итальянских городов, французы, которые проникли в Милан и Геную, и испанцы, удерживавшие Неаполь и Сицилию. Предпринимавшиеся им попытки освободить Италию для итальянцев создали ему репутацию итальянского патриота. Его понтификат, как и понтификат Иннокентия III, завершился общецерковным собором.

Чезаре Борджиа вернулся в Рим, был признан гонфалоньером и получил апартаменты в Ватикане. Юлий был в дружественных отношениях с этим князем во Франции, способствовал его браку, и Чезаре писал, что нашел в лице Юлия второго отца. Но теперь, когда Александр умер, Чезаре был подобен кораблю без руля. Он был выскочкой, а Юлий обладал властью и преследовал далеко идущие планы. Сотрудничество между ними было невозможно. Один был коварным и лицемерным, другой — искренним и резким. Вторжение Венеции в Романью одновременно привело к падению Чезаре и к полному восстановлению власти папы над регионом. Для Чезаре наступили тяжелые времена. Он не мог надеяться на поддержку. У него больше не было власти. Юлий потребовал ключи от городов Романьи, говоря, что эта мера необходима для удаления оттуда Венеции. Чезаре уступил и удалился в Остию, замыслив отомстить. Он был схвачен, возвращен в Рим и заключен в замке Св. Ангела, в котором когда-то творил свои мрачные преступления. Он был вынужден отказаться от богатства, полученного после смерти отца, отдать Форли и другие города. Тогда его отпустили на все четыре стороны. Он принял протекцию испанского капитана Гонсальво де Кордова, но по прибытии в Неаполь испанец, с неописуемым коварством, схватил обманутого и отправил его в Испанию в августе 1504 г. Два года он был там узником, потом бежал и прибыл ко двору своего шурина, короля Наваррского. Он был убит при осаде Вианы в 1507 г., в возрасте 31 года. Так закончилась карьера человека, который некогда держал в страхе Рим, которого Ранке называет «виртуозом преступления», а Макиавелли выдает за образец гражданского правителя. Этот автор встречался с Чезаре после возвышения Юлия и говорит в своем «Государе»⁸⁴⁰: «Мне кажется уместным предложить Чезаре Борджиа в качестве примера для всех, кто с помощью фортуны и чужого оружия достиг положения правителя. Ибо он обладал великим умом и великими амбициями и не мог править иначе». Чезаре же отвечал теоретику: «Я никого не ограбил. Я здесь, чтобы играть роль тирана и покончить с тиранами». Если стремление к власти с помощью заговоров и убийств достойно восхищения, если подавление индивидуальной свободы — справедливая задача правления, тогда мы можем смотреть на идеал Макиавелли без осуждения. Есть что-то патетическое в том, что этот бесчеловечный брат до конца был любим своей сестрой, Лукрецией. Она просила освободить его из заключения в Испании; сохранилось письмо Чезаре к ней, в котором он извещает о своем побеге⁸⁴¹. Прослышав о его смерти, Лукреция послала слугу Туллио в Наварру выяснить, правда ли это, и долго молилась о своем

⁸⁴⁰ «Государь» {в одном из переводов — «Князь»}, написанный в 1515 г., был посвящен племяннику Льва X Лоренцо Медичи, поскольку он в то время должен был получить в подчинение большой кусок итальянской территории. См. Villari: *Machiavelli*, III. 372-424. Также Louis Dyer: *Machiavelli and the Modern State*, Boston, 1904. Петр Франциск Юстул из Сполето воспел Чезаре Борджиа в 12 стихотворениях на латинском языке. Юпитер собирался уничтожить мир за его греховность, но понял, что в мире есть один превосходный молодой человек, Чезаре, и послал Меркурия призвать его взяться за оружие ради спасения мира (*Engl. Hist. Rev.*, Jan., 1902, pp. 15-20).

⁸⁴¹ Это письмо приводится в Gregorovius, *Lucr. Borgia*, p. 319.

брате. Возможно, этот прекрасный пример сестринской любви означает, что от природы Чезаре обладал какими-то положительными качествами.

Юлий активно устранял и другие недостатки правления Александра, восстанавливая справедливость. Он вернул Сермонету герцогам Гаэтани. Документ, осуждающий Александра, гласил: «Наш предшественник, желая обогатить собственных родственников и не стремясь к справедливости, обманом и ложью старался лишить Гаэтани их имущества». С решимостью и твердостью Юлий объявил о намерении провозгласить свою законную власть над Папской областью. В сопровождении девяти кардиналов он покинул Рим во главе отряда из 500 человек и отправился провозглашать эту весть. Перуджа быстро согласилась с ним. С помощью французов папа вошел в Болонью, которую подверг интердикту. По возвращении в Рим его приветствовали как победителя. Победоносные войска прошли под триумфальными арками (среди которых была воспроизведена и арка Константина), возведенными на площади перед собором Св. Петра. В сопровождении 28 членов священной коллегии Юлий вознес Богу торжественную благодарность в соборе⁸⁴².

Следующей надо было подчинить Венецию. Папа через послания и легатов тщетно уговаривал дожа отдать Римини, Фаэнцу, Форли и другие части Романьи, попавшие тому в руки. В марте 1508 г. он присоединился к Камбрейской лиге, прочими участниками которого были Людовик XII и император Максимилиан, а позже — Фердинанд Испанский. Это было хладнокровное соглашение о дележе имущества Венеции. Стороны договорились также выступить войной против турок. Франция сохранила за собой Милан, ей отдали Кремону и Брешию. Максимилиану должны были достаться Верона, Падуя и Аквилея. Неаполю — венецианские территории в Южной Италии. Венгрии — Далмация. Савойе — Кипр. Апостольскому престолу — утраченные им земли. Это был грабеж несмотря на то, что в нем участвовал папа. Юлий, обещавший, помимо силы оружия, воспользоваться своими правами священника, вел себя безжалостно и подверг республику интердикту 27 апреля 1509 г. Венеция тщетно зывала к Богу и просила о созыве общецерковного собора, но за ней накопилось достаточно грехов, чтобы ее подвергли такому суровому обращению. Она была вынуждена отдать Римини, Фаэнцу и Равенну и испила чашу унижения до дна. Венеция отказалась от права назначать епископов, распределять бенефиции и взимать налоги с клира без согласия папы. Ей пришлось открыть Адриатику для общей торговли. Ее послы, явившиеся в Рим для публичного извинения за прегрешения гордого государства, были вынуждены простоять на коленях в течение богослужения, проводившегося вне стен Св. Петра и продолжавшегося час. При каждом стихе из *Miserere* папа и 12 кардиналов прикасались к ним золотыми жезлами. После окончания службы двери собора открыли, и было объявлено о прощении⁸⁴³. Когда Венеция в следующий раз попала под папское проклятие, таких мер уже оказалось недостаточно.

Затем Юлий выступил против французов, вероломно вторгшихся в Северную Италию и претендовавших на господство над нею. Прошли те времена, когда папа, кардинал Джулиано Ровере, сопровождал французскую армию Карла VIII.

⁸⁴² Экспедицию описывают де Грасси, новый церемониймейстер папского дворца, ее сопровождавший, а также Эгидий из Витербо.

⁸⁴³ Pastor (III. 643) удовлетворяется простым упоминанием о прощении венецианцев, ничего не говоря об унижительных условиях. Венецианские писакы набросились на Юлия и, помимо прочего, обвинили его в содомии (Pastor, III. 644, note).

Простив Венецию, папа покинул Камбрейскую лигу. Сделав Венецию своей союзницей, он надеялся подчинить священному престолу Феррару. Герцогство процветало при поддержке Франции.

Юлий совершил важный ход, обеспечив себе помощь швейцарцев, которые сражались под знаменами Франции. Этим закаленным горцам, которым сейчас выгодно принимать туристов со всего мира, тогда было выгодно продавать свои услуги наемников. С помощью их могущественного земляка, епископа Шиннера из Ситтена, позже сделанного кардиналом, папа нанял на пять лет 6000 швейцарских воинов. Города, пославшие их, получали по 13 тыс. гульденов в год, каждый воин — по 6 франков в месяц, а офицеры — вдвое большую сумму. Капеллан швейцарских войск Цвингли трижды был в Риме, чего, как патриот, позже весьма стыдился. Потомки этих швейцарских наемников защищали Людовика XVI. Об их героизме напоминает лев Торвальдсена, высеченный из скалы в Люцерне. Швейцарские гвардейцы в желтой форме по сей день патрулируют подходы к Ватикану и его залы⁸⁴⁴.

Французский король Людовик XII (1498 — 1515) попытался противостоять Юлию, подкрепив силу оружия весом религиозной ассамблеи. По его настоянию французские епископы собрались в Туре в сентябре 1510 г. и объявили, что папа отказался от ключей святого Петра, которыми пользовались его предшественники, и схватил меч Павла. Они заявили, что князья имеют право сопротивляться, в том числе не подчиняться и вторгнуться на папскую территорию⁸⁴⁵. Как и во время Филиппа Красивого, так и теперь было запрещено переводить деньги из Франции в Рим, и 9 кардиналов объявили о созыве собора в Пизе 1 сентября 1511 г. Турский собор объявил Юлия «новым Голиафом», а Людовик велел отчеканить монету с девизом: «Сотру имя Вавилона» (*perdam Babylonis nomen*). Кальвин в год своей смерти послал одну из таких монет Рене, герцогине Феррары, в письме от 8 января 1564 г. и заявил, что это лучший подарок, который он в состоянии сделать ей. Рене была дочерью Людовика XII. Юлий отлучил от церкви Альфонсо, герцога Феррары, как сына беззакония и корень погибели. Таким образом, мы видим, как верховный священник христианского мира и наихристианнейший король, первый сын церкви, вновь вступили в конфликт друг с другом.

В начале кампании Юлий слег от болезни, которая казалась смертельной, но, к изумлению двора, вдруг поднялся на ноги и посреди зимы, в январе 1511 г., отправился в лагерь папских войск. Его готовность действовать была разительно непохожа на политику выжидания Людовика, который тратил время на написание писем и созыв церковных собраний, вместо того чтобы выступить в поход. С этого момента и до смерти папа носил бороду, и с нею он представлен на знаменитом портрете Рафаэля⁸⁴⁶. Выпал снег, но Юлий подавал всем пример того, как

⁸⁴⁴ Друг Цвингли Томас Платтер (1499 — 1582) в своей «Автобиографии» рассказывает, как в юности путешествовал по Германии, нищенствуя, и как народ охотно общался с ним, «потому что они очень любили швейцарцев». В Бреслау одна семья хотела усыновить его — отчасти и по этой причине. После поражения при Мариньяно (1515), по словам Платтера, стало принято говорить: «Удача изменила швейцарцам». Однажды близ Дрездена его угостили обедом, после чего позвали к матери семейства, лежавшей на смертном одре. Она сказала Платтеру и его швейцарским товарищам: «Я слышала так много хорошего о швейцарцах, что очень хотелось увидеть хотя бы одного перед смертью». См. Whitcomb, *Renaissance Source-Book*, p. 108; Monroe, *Thos. Platter*, p. 107.

⁸⁴⁵ Mansi, XXXII. 555-559.

⁸⁴⁶ Creighton (IV. 123) необоснованно замечает, что Юлий был первым папой, отпустившим бороду, — хотя многие из ранних епископов Рима, изображенных в соборе Св. Петра, носили бороды. После него бороду носил Климент VII и другие папы.

надо сносить походные трудности. Чтобы довершить поражение французов, в октябре 1511 г. он собрал Священную Лигу, в которую вошли также Испания и Венеция. Позже к этим союзникам присоединились Максимилиан и Генрих VIII Английский. Генриху была вручена Золотая Роза⁸⁴⁷. Поступок Генриха был первым решительным вмешательством Англии в дела общеевропейской политики.

Тем временем французы заседали на Пизанском соборе. Папа предусмотрительно противопоставил его влиянию собор, заседающий в Латеранском дворце. Христианский мир раскололся между двумя враждебными церковными соборами и двумя противоборствующими армиями. Армии столкнулись у стен древнего имперского города Равенны. Племянник французского короля, военачальник французов Гастон де Фуа, которому было всего 24 года, оказался, несмотря на юность, одним из лучших полководцев своей эпохи. Болонья пала под его натиском, Равенне тоже пришлось уступить после кровавого сражения. Французская армия насчитывала 25 тыс. человек, армия Лиги — 20 тыс. Во французском лагере был французский легат кардинал Сансеверино. Верхом и в стальных доспехах он возвышался над шеренгами воинов. В рядах армии союзников присутствовали папский легат кардинал де Медичи, одетый в белое, и Джулио Медичи (позже — Климент VII). Битва произошла в день Пасхи 1512 г. Гастон де Фуа, оказавшийся на земле при падении лошади, был убит опытными испанскими воинами, которых тренировал Гонсальво. Победителя, боевым кличем которого был призыв: «Пусть те, кто любит меня, следуют за мной!», — внесли в город в гробу. Римини, Форли и другие города Романьи открыли свои ворота французам. Кардинал Медичи попал к ним в руки.

Казалось, дело папы безнадежно проиграно, но Юлий был выше поражения. Говорят, он даже воскликнул: «Я ставлю 100 тыс. дукатов и свой венец на то, что изгону французов из Италии». Победа при Равенне оказалась новой Каноссой. Свирепые швейцарцы, число которых кардинал Шиннер увеличил до 18 тыс., продолжили борьбу вместе с венецианцами, а в результате варвары, как Юлий называл французов, были вынуждены отказаться от завоеванного, сдать Милан и постепенно отойти за Альпы. Парма и Пьяченца, из дара Матильды, отошли в руки Юлия, равно как и Редджо. Победа пышно праздновалась в Риме. В замке Св. Ангела стреляли из пушек, во всех церквях служили благодарственные молебны. Папа признал заслуги швейцарцев, подарив им два больших знамени и постоянный титул защитников апостольского престола (*auxiliatores sedis apostolicae*). Так завершилась эта примечательная кампания.

Юлий приобрел у императора Сиену за 30 тыс. дукатов и, с помощью опытных швейцарских войск, взял Флоренцию и вернул к власти Медичи. В декабре 1513 г. Максимилиан, какое-то время вынашивавший чудовищную идею сочетать свой императорский сан с должностью верховного понтифика, объявил, что поддерживает Латеранский собор, и папа согласился воспользоваться всеми доступными ему духовными мерами для полного унижения Венеции. Однако дальнейшему исполнению планов помешала смерть папы. В последние часы своей жизни, говоря с кардиналом Гримани, он ударил тростью об пол и воскликнул: «Если Бог позволит мне жить, я освобожу неаполитанцев от ига испанцев и избавлю от них страну»⁸⁴⁸.

⁸⁴⁷ См. послание папы в честь ее вручения (Mansi, XXXII. 554).

⁸⁴⁸ Pastor, III. 725.

Пизанский собор открылся 1 сентября 1511 г. в присутствии всего двух архиепископов и 14 епископов. Кардиналов было всего шесть: Карвайял, Брисонне, При, д'Альбре, Сансеверино и Борджиа. Университеты Парижа, Тулузы и Пуатье были представлены их докторами. После трех заседаний собор перебрался в Милан. Победа при Равенне внушила ему некоторую уверенность. А когда французы потерпели поражение, он вновь перебрался, на этот раз в Асти, в Пьемонте, где состоялось девятое заседание, после чего он был перенесен в Лион, а там распущен⁸⁴⁹. Гергенротер, Пастор и другие католические историки называют этот собор «соборишком» (*conciliabulum*), как писал Юлий в своих буллах⁸⁵⁰. Среди его актов было осуждение синода, проводимого Юлием в Латеранском дворце. Делегаты даже дерзко призвали папу предстать перед собором и объявили его лишенным всякой духовной и светской власти. Синод также подтвердил постановления пятого заседания собора в Констанце, согласно которым общецерковный собор имел больше власти, чем папа.

Совсем иначе обстояли дела на Пятом Латеранском — последнем общецерковном соборе средних веков и восемнадцатом в списке вселенских соборов, принятом Римской церковью. Он продолжался почти пять лет и закончился как раз накануне момента, когда к двери церкви в Виттенберге были приколоты 95 тезисов. Этот собор примечателен главным образом тем, что он ничего не решил. Единственным из его заявлений, имевшим более чем временный интерес, было подтверждение теории Бонифация о высшей власти Римского понтифика над всеми государствами и частными лицами.

Призывая к созыву синода, Юлий объявил кардиналов, принявших участие в Пизанском соборе, схизматиками и сынами тьмы⁸⁵¹. По весу и количеству участников Пятый Латеранский собор не мог сравниться с собором в Констанце. На первом заседании, 16 мая 1512 г., было 16 кардиналов, 12 патриархов, 10 архиепископов, 70 епископов и 3 генерала орденов. Вступительную речь произнес Эгидий из Витербо, генерал августинского ордена. Он поговорил о недавних героических победах Юлия и восславил оружие света, которое находится в распоряжении собора, — благочестие, молитвы, обеты и наперсник веры. Собор должен был посвятить свои силы примирению христианских князей, чтобы армии христианского мира могли выступить против Мухаммеда, заклятого врага Христа. Затем собор объявил участников Пизанского собора схизматиками и подверг Францию интердикту. Юлий, выслушавший это красноречивое обращение, присутствовал на 4 заседаниях.

На втором заседании Гаэтан долго рассуждал о любимой папской теории двух мечей.

На четвертом заседании венецианец Марчелло произнес в честь Юлия восхваление, равное которому по лести трудно найти в истории хвалебных речей. Оратор утверждал, что Юлию пришлось терпеть невыносимый холод, проводить ночи без сна, страдать от болезни ради интересов церкви, но он изгнал французов

⁸⁴⁹ Hefele-Hergentröther, VIII. 520.

⁸⁵⁰ См. Mansi, XXXII. 570.

⁸⁵¹ В связи с Пизанским собором широко развернулись памфлетисты. Среди авторов, выступавших на стороне папы, был Томас де Вио Гаэта, генерал доминиканского ордена и позже прославившийся как кардинал Гаэтан, который вел диспуты с Лютером. Людовик XII приказал сжечь его трактаты. Гаэтан заявлял, что собор не может считаться общецерковным, если его не поддерживает папа. О литературной перепалке рассказывается в Hefele-Hergentröther, VIII. 470-480.

из Италии, удостоившись великого триумфа. Юлий — это наставник, пастырь, врач, правитель, администратор — словом, Бог на земле⁸⁵².

После пятого заседания, во время которого папа был при смерти, зачитали буллу, в которой строго осуждалась симония во время выборов папы. Остальные заседания собора проходили уже при преемнике Юлия.

Юлию не было 70, когда он умер. Ни один из его современников не пережил столько волнующих моментов. На смертном одре он позвал Пари де Грасси, своего церемониймейстера, и напомнил ему, с каким неуважением на его памяти обращались с телами покойных пап. Некоторых из них оставили нагими, что не подобало делать. Он заставил пообещать, что о его теле позаботятся как следует и обеспечат ему достойное погребение⁸⁵³. Послали за кардиналами. Умиравший понтифик сначала обратился к ним по-латински и призвал избегать симонии на приближающихся выборах, а также напомнил, что они, а не собор, должны избрать ему преемника. Он простил кардиналов-схизматиков, но исключил их из конклава, который должен был собраться после его смерти. Затем, словно для того, чтобы подчеркнуть свое происхождение, он перешел на итальянский — прося кардиналов подтвердить права его племянника, герцога Урбино, на обладание Пезаро и прощаясь с ними. Ему дали последнее лекарство, жидкое золото, но оно не принесло пользы. Он умер 20 февраля 1513 г.⁸⁵⁴

Смерть Юлия была воспринята народом совершенно иначе, чем смерть Александра VI. Город был полон скорби. Покойного понтифика считали патриотом. То, что он сделал для восстановления гражданского порядка в Риме и ради его славы, искупало его недостатки как священника Божьего⁸⁵⁵.

⁸⁵² *Tu pastor, tu medicus, tu gubernator, tu cultor, tu denique alter Deus in terris* (Mansi, XXXII. 761). Hefele-Hergenröther (VII. 528-531) говорит, что выражение «Бог на земле» использовалось и раньше, Григорием II, и является не более чем риторическим украшением. См. также Pastor, III. 725.

⁸⁵³ Де Грасси сообщает, что о смертельной болезни папы ходили разные слухи. Говорили, что он умирает от галльской болезни и что желудок его не выдержал избыточного чревоугодия. Он рассказывает также, что великое множество людей приходило посмотреть на тело папы и поцеловать его ноги (Döllinger, III. 432).

⁸⁵⁴ После смерти понтифика появилась сатира *Julius exclusus*, в которой папа описывался как явившийся к воротам рая с великим грохотом и шумом. Петр заявил, что такой храбрый человек, у которого была такая большая армия и много золота, который так много построил, должен построить и свой собственный рай. В то же время апостол напомнил ему, что фундамент должен быть прочным, чтобы он мог выдержать атаки дьявола. Юлий в ответ высокомерно заявил: он дает Петру три недели на то, чтобы тот открыл ему небесные врата. Если Петр откажется, он начнет осаду рая с армией в 60 тыс. человек. Этот памфлет напоминает мне историю, которую доктор Филипп Шафф рассказывал о Григории XVI (с которым он однажды встречался, будучи молодым выпускником Берлинского университета). Григорий был знаменит среди римлян как знаток вин, и римляне рассказывали, что после смерти Григорий подошел к воротам рая, достал свои ключи и попытался открыть запер, но ключи не подошли. На шум выглянул Петр и, посмотрев на связку ключей, сказал своему наместнику, что тот по ошибке взял ключи от винного погреба, так что пускай он вернется в свой дворец и возьмет нужные ключи.

⁸⁵⁵ Гвиччардини говорит, что Юлий был священником только номинально. В письме, отправленном из Рима 24 февраля 1513 г., которое цитирует Brosch (p. 363), есть слова: *Hic pontifex nos omnes, omnem Italiam a Barbarorum et Gallorum manibus eripuit*, — которые Эгидий и Марчелло использовали до Латеранского собора. См. также Пари де Грасси в Döllinger (p. 482). Pastor (III. 732) и Hergenröther (*Conciliengesch.*, VIII. 535) оправдывают внимание Юлия к войне на том основании, что он сражался за правое дело и за владения, которые принадлежали папам с VIII века. Право папы защищать Папскую область неразрывно связано с самим существованием Папской области. Даже святой Лев IX бывал на войне, говорит Pastor (p. 741).

Ватикану было полезно избавиться от семейных скандалов, от которых он столько времени страдал. Если смотреть на происшедшее с мирской точки зрения, то Юлий возвысил папский престол до положения, равного национальным тронам Европы. Под натиском Лютера папство могло бы разрушиться, если бы Юлий не восстановил его прочность силой оружия. Но Юлий II не имел никакого намерения проводить религиозные реформы, которых требовало время и которые начал Лютер. Неизвестно, какие меры мог бы принять этот папа, сильный волей и уверенный в исполнении своих планов, если бы движение на Севере началось в его время. Именно в его понтификат монахи из Эрфурта в первый и последний раз ступал по улицам Рима. Как раз когда Лютер на коленях поднимался на *scala santa* и обходил церкви, прося, чтобы его родители попали в чистилище и он мог помолиться за них, Юлий договаривался о великолепной тиаре с драгоценными камнями стоимостью 200 тыс. дукатов, которую он впервые надел на годовщину своей коронации в 1511 г. Однако эти два человека, оба скромного происхождения, лучше соответствовали друг другу, чем Лютер и преемник Юлия, Медичи, выросший в роскоши⁸⁵⁶.

При Юлии папские финансы процветали. Хотя на кампании приходилось тратить много денег, он оставил после себя наследство в 400 тыс. дукатов. Часть этого фонда была собрана за счет продажи индульгенций. Юлий превратил в предмет торговли прощение грехов, предлагая получить его на выбор — или немедленно, или в чистилище⁸⁵⁷.

Юлий отличился также как покровитель искусства и культуры. Кому еще удалось собрать вместе три таких таланта, как Браманте, Микеланджело и Рафаэля! Его портрет в галерее Питти, во Флоренции, — важный объект исследования для тех, кто пытается найти в линиях и красках Рафаэля секрет власти понтифика⁸⁵⁸. Художник представил Юлия как бородатого старика, который левой рукой схватился за подлокотник своего кресла. На пальцах у него кольца с драгоценными камнями. Лоб высокий, губы решительно сжаты, во взгляде видны усталость, решимость и властная энергия.

Юлий также занимает определенное место в истории Америки. В 1504 г. он учредил архиепископат и два епископата в Испаньоле, то есть на Гаити. Прелаты, которым были вверены эти диоцезы, так никогда и не побывали за морем. Семь лет спустя, в 1511 г., он отменил это решение и учредил епархии Сан-Доминго и Консепсьон де ла Вега на острове Гаити и епархию Сан-Хуан в Порто-Рико. Все три были отданы под надзор главе Севильской митрополии.

§56. Лев X. 1513 — 1521

Преемником воинственного Юлия II на престоле понтифика стал сладострастный Лев X. Прелата, обладавшего железной волей и ясным умом, сменил человек непостоянный и любящий наслаждения. Лев любил жить в свое удовольствие и был лишен возвышенных целей. Его эпикурейское отношение к высшей

⁸⁵⁶ См. Ranke, *Hist. of the Popes*, I. 35.

⁸⁵⁷ Pastor (III. 575) осуждает Юлия за это: *tadelnswerth erscheint dass das Ablassgeschäft vielfach zu einer Finanzoperation wurde.*

⁸⁵⁸ Набросок к этому портрету хранится во дворце Корсини во Флоренции. В 1889 г. я встретил во Флоренции тюбингенского профессора Вейцсакера, который стоял перед портретом Юлия и изучал его. Я был у него в гостях до того, как он отправился в путешествие, и он сказал мне, что полон предвосхищения от поездки в Италию, так как сможет там изучить портрет одного из самых сильных (*thatkräftig*) пап.

должности христианского мира выражено в письме, которое он вскоре после избрания послал своему брату Джулиано. Он говорит в нем: «Будем наслаждаться папством, ибо его дал нам Бог»⁸⁵⁹. Понтификат последнего папы Средневековья вполне соответствовал его мирской философии. Лев хотел хорошо проводить время. Мысли о духовной миссии его не посещали. В Ватикане не предпринималось никаких попыток защищать интересы истинной веры.

Джованни де Медичи, второй сын Лоренцо Великолепного, родился во Флоренции 11 декабря 1475 г. и получил от жизни все, что ему причиталось. Его семья занимала выдающееся положение, была богата, у него были прекрасные учителя, такие как Полициано. В возрасте 7 лет он принял тонзуру и сразу же, еще будучи ребенком, стал продвигаться по церковной лестнице. Людовик XI Французский подарил ему аббатство Фонте Дольче, а в 8 лет он уже претендовал на сан архиепископа Экса, хотя эта номинация не была подтверждена. В каждой из кафедральных церквей Тосканы у него была должность каноника. Всего у него было 27 должностей, в том числе аббата Монте Кассино и папского нотариуса⁸⁶⁰.

Ему были уготованы высшие церковные посты, и 9 марта 1489 г., еще не достигнув 14 лет, он стал кардиналом-диаконом при Иннокентии VIII. Три года спустя, 8 марта 1492 г., Джованни был формально посвящен в свой сан в Риме. Письмо, которое Лоренцо написал ему в связи с этим событием, полно нежных отеческих советов и предусмотрительных замечаний опытного человека. Оно принадлежит к той же категории, что и письма лорда Честерфилда к его сыну. Лоренцо напоминал Джованни, что его назначение на высокую церковную должность — замечательная удача, но еще замечательнее то, что он оказался не только младшим в коллегии кардиналов, но и первым кардиналом, получившим должность в столь юном возрасте. Можно даже простить Лоренцо ту гордость, с которой он говорит, что это — высшая честь, когда-либо оказанная дому Медичи. Он предупреждал сына, что Рим полон всяческой скверны, и призывал его жить добродетельно, избегать хвастовства, вставать рано — хотя как раз этому совету сын никогда не следовал — и пользоваться возможностью послужить своему родному городу. Лоренцо умер несколько месяцев спустя⁸⁶¹. Молодой прелат был назначен папским легатом в Тоскане и жил в своем родном городе.

Когда умер Юлий, Джованни де Медичи было только 37 лет. В Рим его несли на носилках — из-за язвы, которую ему оперировали, когда собирался конклав. Джованни принадлежал к младшей партии. Благодаря любезным манерам у него было много друзей и не было врагов. Похоже, его избрали без особых усилий с его стороны. Правнук банкира Козимо выбрал имя Льва X. Он был рукоположен на священство 17 марта 1513 г. и на епископство 19 марта. Римляне бурно выразили свое согласие с избранием. На праздник в честь интронизации было потрачено 100 тыс., а может быть, и 150 тыс. дукатов, взятых из накоплений расчетливого Юлия.

⁸⁵⁹ Эти слова подтверждает посол того времени Марино Джорджи, свидетельство которого мы не можем отвергнуть. Свидетельствует о подобном и биограф Льва (в *Cod. Vat.*, 3920), которого цитирует Döllinger (*Papstthum*, p. 484): *volo ut pontificatu isto quam maxime perfruamur*. Pastor (IV. 353) старается опровергнуть свидетельства о том, что Лев так говорил, однако соглашается, что любовь к удовольствиям была его главной и неутолимой страстью (*eine unersättliche Vergügungssucht*, etc.). Hefele-Knöpfler (*Kirchengesch.*, p. 488) говорят в том же духе: *Des neuen Papstes vorzüglichstes Streben galt heiterem Lebensgenuss*, etc.

⁸⁶⁰ См. Vaughan, p. 13 sq.

⁸⁶¹ Это знаменитое письмо приводится в Roscoe, Bohn ed., pp. 285-288, и Vaughan, p. 23 sqq.

В шествии участвовало 250 аббатов, епископов и архиепископов. Альфонсо д'Эсте, отлученный Юлием II, вел белого коня папы — того самого, на котором Юлий год назад ездил в Равенне. На зданиях и арках, украшавших улицы, бок о бок стояли статуи Козьмы и Дамиана, покровителей дома Медичи, и олимпийских богов и нимф. На одной из арок, на Пьяцца ди Парионе, были представлены Персей, Аполлон, Моисей и Меркурий, персонажи из священной и мифологической истории вперемешку — подобно тому как во дворце Александра Севера в III веке стояли бюсты Авраама и Орфея. Епископ (позже — кардинал) Андреа делла Валле поместил на своей арке исключительно древние божества — Аполлона, Вакха, Меркурия, Геркулеса и Венеру вместе с фавнами и Ганимедом. Антонио из Сан-Марино, ювелир, украсил свой дом мраморной статуей Венеры, под которой было написано: «Сначала правил Марс, потом Паллада, Венера же будет править вечно»⁸⁶².

Как правитель, Лев не отличался дерзостью и силой своего предшественника. Он усвоил политику оппортунизма и был непостоянен в отношениях как с союзниками, так и с врагами. Он всегда был готов примкнуть к побеждающей стороне. Чтобы сопротивляться притязаниям французов на Северную Италию, в Мехлине 5 апреля 1513 г. он вступил в союз с Максимилианом, Генрихом VIII и Фердинандом Испанским. К его удовольствию, французы были разбиты Генрихом VIII при Спурсе⁸⁶³, потом они снова были изгнаны из Италии благодаря храбрости швейцарцев у Новары 6 июня. Людовик легко уступил папскому предложению мира и признал авторитет Латеранского собора. Смещенные кардиналы Карвайял и Сансеверино, активно участвовавшие в Пизанском соборе, подписали униженное признание и были возвращены в коллегия. Лев сказал им, что они подобны овцам из Писания, которые заблудились, а теперь найдены. В тайном соглашении, заключенном понтификом и королем Людовиком, к которому позже присоединился Генрих VIII, французскому королю обещалась в жены Мария Тюдор, младшая сестра Генриха, и признавались его права на Северную Италию. Но пока продолжались эти переговоры, Лев тайно пытался посорить Венецию с Францией и расстроить планы французов по повторной оккупации Милана. Людовик внезапно умер 1 января 1515 г. в возрасте 52 лет, за три месяца до свадьбы с шестнадцатилетней Марией.

В том же месяце Лев договорился с Максимилианом и Испанией о том, что Джулиано де Медичи, брат папы, получит Парму, Пьяченцу и Редджио. Лев купил у императора Модену за 40 тыс. дукатов и ежемесячно посылал 60 тыс. дукатов для поддержки армий своих тайных союзников.

В то же самое время папа вел переговоры с Венецией, чтобы изгнать своих испанских союзников из Италии.

⁸⁶² См. Schulte, p. 198 sq., и Reumont, III, part II, p. 67. Перед домом банкира Агостино Киджи стояли фигуры Аполлона и Меркурия и два маленьких мавра с надписью:

Olim habuit Cypria sua tempora, tempora Mavors

Olim habuit, sua nunc tempora Pallas habet.

(«Были свои времена у богини с Кипра и у Марса,

А сейчас царит Минерва»).

⁸⁶³ 15 августа 1513 г. Шотландский король Иаков IV, который женился на сестре Генриха Маргарите, присоединился к французам. Последовало памятное поражение при Флоддене 9 сентября 1513 г. Иаков погиб вместе с цветом шотландской знати. Лев отблагодарил Генриха за победу, вручив ему освященный меч и головной убор, который, по обычаю, папа снимал в день Рождества.

Зять и наследник Людовика Франциск I, воинственный и предприимчивый принц, почти четверть века привлекал к себе внимание, борясь с Карлом V за императорскую корону. Претворяя в жизнь планы Людовика, он с армией в 35 тыс. человек с 60 пушками направился в сторону Милана и под Мариньяно в сентябре 1515 г. одержал сокрушительную победу над 20 тыс. швейцарских наемников⁸⁶⁴. Узнав о неудаче, Лев сначала впал в растерянность, но потом к нему вернулось самообладание и он воскликнул в присутствии венецианского посла: «Нам придется отдать себя в руки короля и молить о милости». Победа, ответили ему, «не повредит вам и апостольскому престолу, ведь французский король — сын церкви». Так и оказалось. Папа без всякого стеснения отказался от своего союза с императором и Фердинандом и поспешил установить наилучшие отношения с Францией.

Они встретились в Болонье. Франциск, сопровождаемый 20 кардиналами, приблизился ко Льву, обнажил голову, трижды поклонился и поцеловал руку и ногу понтифика. На Льве была тиара, сверкающая драгоценными камнями, и мантия, расшитая золотом. Французский оратор рассказал о том, как французские короли с незапамятных времен были защитниками апостольского престола и как Франциск совершил путешествие через горы и реки, чтобы выразить свое повиновение. Три дня понтифик и король жили в одном дворце. Договорились о том, что Лев отдаст французам Парму и Пьяченцу. Был разработан конкордат, занявший место Прагматической санкции. Санкция, появившаяся на соборе в Базеле и ратифицированная синодом в Бурже, доверяла королю назначение всех французских епископов, аббатов и приоров, и в конкордате сохранилось данное условие. С другой стороны, были опущены те положения Прагматической санкции, согласно которым папа был подчинен общецерковным соборам и не имел права собирать аннаты с французских бенефициев.

Избрание преемника императора Максимилиана, который умер в январе 1519 г., подвергло дипломатические способности Льва суровому испытанию. Фердинанд Католик, при котором закончилась власть мавров над Испанией, была открыта Америка и который в 1510 г. получил от Юлия Неаполитанское королевство, умер в 1516 г., оставив наследником своих владений внука, Карла. После смерти дедушки с отцовской стороны, Максимилиана, Карл оказался наследником Нидерландов и земель Габсбургов, то есть естественным претендентом на императорскую корону. Лев предпочитал Франциска, но у Карла было наследное право и поддержка немецкого народа. Чтобы помешать избранию Карла и избежать недовольства Франциска, папа через своего легата Газтана стал подстрекать к избранию либо Фридриха Мудрого, электора Саксонии, либо электора Бранденбурга. Он тайно разузнал замыслы Франциска и позволил архиепископам Трира и Кельна увериться в том, что они будут приняты в священную коллегию, если отдадут свои голоса за французского короля. Но для того, чтобы чувствовать себя уверенно независимо от результата выборов, Лев заключил тайное соглашение с Карлом. Оба кандидата имели одинаковые основания верить, что папа на их стороне⁸⁶⁵. Наконец, когда стало понятно, что Франциск выбыл из

⁸⁶⁴ Эта битва красочно описана в D. J. Dierauer, *Gesch. der schweizerischen Eidgenossenschaft*, 2 vols., Gotha, 1892, vol. II. 451 sqq. Прибытием венецианских войск на второй день сражения была обеспечена победа французам. Из 12 тыс. мертвых, оставшихся на поле, большинство было швейцарцами. Перед битвой горцы, по своему обыкновению, помолились, и их вождь, Штейнер из Цуга, повторив принятую формулу о верности до смерти, посыпал землей головы своих соратников, во имя Троицы.

игры, и когда электоры уже собрались во Франкфурте, Лев написал Гаэтану, что нет смысла биться головой об стену и что следует поддержать избрание Карла. Лев также попросил за поддержку Карла 100 тыс. дукатов⁸⁶⁶. Он послал избранному императору запоздалое поздравительное письмо, полное аллегорических выражений, а в 1521 г. на Вормсском рейхстаге, перед которым предстал Лютер, заключил с Карлом союз против своего бывшего союзника Франциска. Соглашение включало в себя сдачу Милана, Пармы и Пьяченцы. Известие об успехе Карла, который взял эти города, Лев получил лишь незадолго до смерти, 1 декабря 1521. Делу протестантизма союз папы с императором против Франции оказался очень выгоден, так как из-за него император отсутствовал в Германии.

Исполняя обязанности папы, Лев X не забывал об интересах своей семьи. Его младший брат Джулиано стал гонфалоньером церкви и женился на сестре матери Франциска I. Какое-то время он владел Пармой, Пьяченцей и Редджио. Его единственный сын, незаконнорожденный Ипполит (ум. в 1535), позже стал кардиналом.

Теперь мирские надежды династии Медичи были обращены на Лоренцо Медичи, сына старшего брата Льва. После смещения племянника Юлия он стал владеть герцогством Урбино. В 1518 г. он женился на Мадлен де ла Тур д'Оверни, представительнице королевского дома Франции. Подарки Льва молодой чете стоили 300 тыс. дукатов. Среди них было черепаховое ложе, инкрустированное перламутром и драгоценными камнями. Молодые поселились во Флоренции, но оба умерли через год после свадьбы, оставив после себя дочь, Катерину де Медичи, которая прославилась своим участием в истории Франции и в гонениях на гугенотов. После смерти Лоренцо, последнего мужского представителя рода, династия, основанная Козимо де Медичи, прекратила существование.

В 1513 г. Лев принял в священную коллегия своего племянника Иннокентия Чибо и его двоюродного брата Джулио. Иннокентий Чибо, молодой человек 21 года, был сыном Франческетто Чибо (сына Иннокентия VIII) и Маддалены де Медичи, сестры Льва. Он был развратен и совершенно непригоден к церковному служению. Джулио де Медичи (впоследствии Климент VII) был внебрачным сыном дяди Льва, убитого во время заговора Пацци при Сиксте IV (1478). Препятствие в виде его незаконного происхождения было устранено папским указом⁸⁶⁷. Кардинальские шапочки достались также в 1517 г. двум племянникам, Джованни Сальвиати и Николе Ридольфи, сыновьям сестер Льва. Однажды Лев назначил ни много ни мало 31 кардинала. Среди них были Гаэтан, ученый генерал доминиканцев, Эгидий из Витербо, прославившийся благодаря своей речи на Латеранском соборе, и Адриан Утрехтский, преемник Льва на папском престоле. В число кардиналов входил Альфонсо Португальский, ребенок 7 лет, но было сказано, что обязанности свои он начнет исполнять, только когда достигнет 14 лет. Среди других кардиналов были князья, совершенно непригодные к церковному служению⁸⁶⁸.

⁸⁶⁵ Pastor (IV. 185 sq.) категорически осуждает лицемерную дипломатию Льва (*doppelzüngiges Verhalten*). Бreve Льва, в котором он дает Франциску разрешение обещать кардинальские шапочки двум архиепископам, датировано 12 марта 1519 г.

⁸⁶⁶ Половину требовалось уплатить наличными, а другую поместить в депозит у Фуггера (Schulte, p. 196).

⁸⁶⁷ Расследование, проведенное Львом, позволило установить, что мать Джулио, Флорета, и его отец согласились считать друг друга мужем и женой, хотя и не вступали в брак официально.

⁸⁶⁸ Сильвио Пассерини, один из удачливых кандидатов, был королем среди всех охотников за

В 1517 г. Ватикан был повергнут в панику из-за заговора, который возглавлял кардинал Петруччи из Сиены, один из младших кардиналов, близкий к папе. Возмущенный вмешательством Льва в правление его брата в Сиене и смещением герцога Урбино, Петруччи задумал подстроить отравление папы врачом Баттестой де Верчелли, специалистом по язвам. Заговор был раскрыт, и Петруччи, прибывший в Рим с охранной грамотой, которой добился от папы испанский посол, был брошен в «Марокко», глубочайшее подземелье замка Св. Ангела. Когда Льву напомнили об охранной грамоте, он ответил послу, что отравитель не может оставаться безнаказанным. Кардиналы Саули и Риарио были схвачены и также брошены в темницы. Еще двоих кардиналов подозревали в участии в заговоре, но они бежали. Петруччи и врача задушили. Риарио и Саули были прощены. Риарио, свидетель подлого убийства в соборе Флоренции за 40 лет до того, был последним выдающимся представителем семейства Сикста IV. Под пытками было выужено признание, что заговорщики планировали сделать его папой. Лев запросил за прощение кардинала высокую цену: 150 тыс. дукатов требовалось выплатить в течение года и еще 150 тыс. должны будут отдать родственники Риарио в случае, если тот покинет свой дворец. В конечном счете Риарио добился от папы разрешения покинуть Рим и умер в Неаполе в 1521 г.

Одним из самых сенсационных зрелищ за весь понтификат Льва было прибытие делегации из Португалии (1514), которая объявила папе о повиновении ее короля Эммануила. Король послал папе много подарков, в том числе персидских лошадей, молодую пантеру, двух леопардов и белого слона. Ликование толпы, смотревшей на шествие диких зверей, достигло апогея, когда слон, вобрав воду хоботом, стал брызгать ею на окружающих⁸⁶⁹. В благодарность за учтивость короля папа наделил Португалию всеми землями к западу от мысов Бохадор и Нон до Индии.

Пятый Латеранский собор возобновил свои заседания в апреле 1513 г., через месяц после избрания Льва. Собор ратифицировал конкордат с Францией и на восьмом заседании, 19 декабря 1513 г., торжественно подтвердил учение о бессмертии души⁸⁷⁰. Это объявление было сделано в противовес скептицизму арабских философов и итальянских пантеистов. Против постановления голосовал единственный человек, епископ Бергамо, заявивший, что богословам не пристало тратить время на обсуждение теорий философов.

Изобретение книгопечатания было признано собором за небесный дар, предназначенный для прославления Бога и распространения благой науки, но каждая книга должна была получать санкцию управляющего папского двора в Риме, а в других местах — епископа или инквизиторов, обязанных ознакомиться с содержанием книги⁸⁷¹. Так была намечена прямая дорога к осуждению всех книг, неугодных католической иерархии.

бенефициями. Pastor (IV. 139) перечисляет 55 бенефициев, принадлежавших ему согласно *Regesta* Льва, и называет список его назначений «чем-то ужасным» (*wahrhaft erschreckend*).

⁸⁶⁹ О слоне было написано очень много, его воспевали поэты (см. Pastor, IV. 52, note).

⁸⁷⁰ Конкордат вызвал серьезное сопротивление во Франции со стороны как парламента, так и Парижского университета на том основании, что он игнорировал решения соборов в Констанце и Базеле об авторитете соборов, то есть нарушал галликанские свободы. Ректор университета запретил университетскому печатнику издавать документ, но Лев приказал своему легату осудить его и университет, которые «полагают себя мудрецами, но на самом деле безумцы».

⁸⁷¹ *Perpetuis futuris temporibus, nullus librum aliquem seu aliam quamcunque scripturam tam in urbe nostra quam aliis quibusvis civitatibus et diocesibus imprimere seu imprimi facere praesumat* (Mansi, XXXII. 912 sq., также частично в Mirbt, p. 177).

Собор одобрил предложение о крестовом походе против турок и обложил христианский мир десятиной. В Англии Генрих VIII запретил собирать ее. Гаэтан представил это дело в красноречивом обращении на рейхстаге в Аугсбурге (1518). Самым важным из решений собора была булла *Pater aeternus*, одобренная делегатами властью и подписанная Львом (1516)⁸⁷². Здесь вновь подтверждается позиция, определенно занятая Пием II и Сикстом IV — а именно, что Римскому понтифику дана власть над всеми церковными соборами и он открывает, переносит и распускает их по своей воле. Это знаменитое решение было явным повторением и ратификацией *Unam sanctam* Бонифация VIII, где говорится, что для спасения всем христианам необходимо подчинение Римскому понтифику⁸⁷³. К этому было добавлено ужасное заявление: неповиновение папе карается смертью. В подтверждение этого мнения Иннокентий III цитировал Второзаконие 17:12, извращая Вульгату, которая, по его мнению, якобы гласила: «А если кто погупит так дерзко, что не послушает священника, стоящего там на служении перед Господом, Богом твоим, то пусть судья казнит его». Собор же, приводя это утверждение, ошибочно объявил его взятым из Книги Царств⁸⁷⁴.

Следует отметить и то, что «непогрешимый» Лев в своей булле лжесвидетельствовал, утверждая, будто отцы церкви на древних соборах, желая подтверждения своих постановлений, «смирненно молили папу об одобрении». Так он говорил о соборах в Никее (325), Эфесе, Халкидоне, Константинополе (680) и Никее (787). За 214 лет до того, еще когда свою буллу выпускал Бонифаций VIII, ей сопротивлялся Филипп Красивый. А находившийся сейчас на троне французский монарх, Франциск I, уже не возражал. И конкордат был ратифицирован собором.

Собор был распущен 16 марта 1517 г. Решение было принято с минимальным перевесом в два голоса. Авторы с галликанскими симпатиями отрицают его вселенский характер, а кардинал Гергенротер, с другой стороны, сожалеет, что церковь относится к этому собору как мачеха к приемному сыну. Пастор говорит, что до Пятого Латеранского уже было принято достаточно законов, чтобы обеспечить все необходимые реформы, и требовались не законы, а действия. Функция, когда заявляет, что предпринятые собором усилия для реформы церкви вряд ли вообще достойны упоминания⁸⁷⁵.

Оценивая Льва X, надо прежде всего сказать, что он был мирским человеком. Религия не была для него серьезным делом. Он заботился о каждодневном получении удовольствия, а не о благочестии. Он не думал о нуждах церкви. Вряд ли можно было бы подчеркнуть эту особенность в жизни Людовика XIV или Карла II больше, чем подчеркивает ее Пастор, рассказывая о деятельности Льва. Ремон⁸⁷⁶ говорит, что Лев даже не задумывался об обязанности и долге папства реформировать себя и пробудить христианский мир. Нам нет нужды строить

⁸⁷² *Sacro concilio approbante*. Döllinger (*Papstthum*, p. 185) утверждает, что в плане далеко идущего значения ни один из законов, принятых римским синодом, не может сравниться с этой буллой.

⁸⁷³ Mansi, XXXII. 968; Mirbt, p. 178. *Solum Rom. pontificem auctoritatem super omnia concilia habentem et conciliorum indicendorum transferendorum ac dissolvendorum plenum ius et potestatem habere... et cum de necessitate salutis existat omnes Christi fideles Romano pontifici subesse, etc.*

⁸⁷⁴ *Petri successores... quibus ex libri Regum testimonio ita obedire necesse est, ut qui non obedierit, morte moriatur.*

⁸⁷⁵ *Kirchengesch.*, p. 383.

⁸⁷⁶ III, part II, p. 128.

догадки о личных привычках Льва. Они представлены во многих описаниях современников. Лютер, выражая почтительное отношение к сану папы, сравнил его с Даниилом среди львов, однако такая оценка, конечно же, была непреднамеренной ошибкой. Папа возглавлял кардиналов, стремившихся получать удовольствия и щедро тративших деньги. Похоже, Льва нельзя обвинить лишь в отсутствии целомудрия, но было это его качество добродетелью или он просто был таким от природы, сказать невозможно.

Черты, которыми наделила его природа, оставались с ним до конца. Он был добродушным, любезным и доступным. Он часто играл в шахматы или карты со своими кардиналами. За столом он обычно был воздержан, хотя тратил громадные суммы на угощение гостей. Он содержал монаха, который был способен проглотить голубя одним глотком и съесть 40 яиц за один присест. Он уделял большое внимание одежде и любил украшать свои пальцы драгоценными камнями.

О том, чем обязано Льву X искусство, следовало бы писать отдельно. Рим превратился в центр роскоши, искусства и архитектуры, каким позже станет Париж. Город рос с поразительной быстротой. Один оратор говорил: «Новые здания строятся каждый день. Вдоль Тибра и на холме Януса возникли новые кварталы». Луиджи Градениго, венецианский посол, сообщает, что за десять лет после избрания Льва представителями Северной Италии было воздвигнуто 10 тыс. зданий. Дворцы банкиров, знати и кардиналов были полны великолепнейшей мебели. Художников приглашали из Франции и Испании, а не только из Италии. Приглашали также тех, кто мог предоставить окружающим какие-нибудь развлечения.

В Ватикан стекались поэты, музыканты, художники, актеры и шуты. Лев любил общаться с ними и смеялся над их шутками. Он даже соревновался с поэтами в сочинении стихов. В Германии он заказывал музыкальные инструменты, украшенные золотом и серебром. Он обожал утеху разного рода почти с восточной невоздержанностью.

Среди развлечений Льва ведущее место занимала охота, хотя каноническое право и запрещало ее клирикам. К счастью для его репутации, он, будучи папой, не был связан каноническим правом. Как Людовик XIV сказал: «Государство — это я», — так и папа мог сказать: «Каноническое право — это я». Много дней в году он проводил в сапогах со шпорами. Он ловил рыбу в Больсенском озере и других местах. Венецианский посол рассказывает, что он безмерно любил охоту. Он охотился в лесах Витербо и Неппи и в окрестностях Рима, но больше всего любил делать это в своих охотничьих угодьях, на вилле Мальяна. Там для этих целей была выделена специальная территория. Отряды его охотников обычно были многочисленны⁸⁷⁷. Во время одной из охот, организованной Александром Фарнезе, папа был окружен 18 кардиналами, другими прелатами, музыкантами, актерами и слугами. Охотникам помогало шестьдесят или семьдесят собак. Мальяна находилась на расстоянии пяти миль от Рима, на берегу Тибра. Сейчас этот любимый охотничий замок папы превратился в заброшенное поместье. Несмотря на собственную любовь к охоте, этот папа, по просьбе португальского короля, запретил португальскому клиру охотиться.

Театр был еще одной страстью Льва. Он посещал представления во дворцах кардиналов и богатых банкиров, а также в замке Св. Ангела. Представления

⁸⁷⁷ Pastor (IV. 407-415) посвящает восемь страниц рассказу об охотничьих экспедициях Льва и называет его страсть к охоте *leidenschaftliche Jagdliebhabe*.

устраиались и в самом Ватикане. Библиена, один из любимых членов его кабинета, был автором скандальных комедий. Одна из них, *Calandria*, в 1514 г. исполнялась в собственном дворце Льва. В некоторых из пьес присутствовали танцы — как в написанной Ариосто сладострастной *Suppositi*, которую исполняли перед папой в замке Св. Ангела в карнавальное воскресенье. Другой показательной пьесой была *Mandragola* Макиавелли, на современные представления которой во Флоренции молодых людей не допускают⁸⁷⁸. Об одной из этих пьес рассказывает посол Феррары Паолуччи: девушка просит у Венеры послать ей любовника. Тут же на сцене появляются восемь монахов в серых накидках. Венера велит девушке дать им зелье. Появляется Амур и пробуждает спящих своими стрелами. Монахи танцуют вокруг Амура и занимаются любовью с девушкой. Наконец они отбрасывают монашеские одеяния и вместе танцуют мавританский танец. Девушка спрашивает, что они будут делать со своим оружием. Они начинают сражаться друг с другом и погибают все, кроме одного, которому достается девушка как награда за доблесть⁸⁷⁹. И созерцавший все это Лев был первосвященником христианского мира и называл себя преемником апостола Петра!

Веселый папа любил праздники разного рода. Вместе с 14 кардиналами он присутствовал на свадьбе богатого сиенского банкира Агостино Киджи с его любовницей. Этот человек считался самым успешным банкиром того времени в Риме. Короли Испании, Франции и немецкие князья посылали ему подарки и одалживали у него деньги. Говорят, даже султан искал его дружбы. Его доход равнялся 70 тыс. дукатов в год. Он оставил после себя 800 тыс. дукатов. Этому Крезу было только пятьдесят пять лет, когда смерть забрала его. На одном из его пиров использованные едоками золотые тарелки через окно выбрасывались в Тибр (хотя они и попадали при этом в специально установленную сеть). В другой раз, когда на пир были приглашены Лев и 13 кардиналов, каждый нашел свой герб на изготовленном специально для него серебряном блюде. На свадьбе Агостино Лев держал невесту за руку, когда ей на палец надевали кольцо. Понтифик крестил одного из незаконных детей Киджи. Кардиналы не стеснялись пировать с представителями *demi-monde* — например, у банкира Лоренцо Строцци⁸⁸⁰. По части скандалов понтификат Александра так и остался непревзойденным.

С беспечностью мирского человека, испорченного состоянием, легкомысленный Медичи вел себя так, словно ресурсы папской казны неисчерпаемы. Юлий был расчетливым финансистом, а финансами Льва управляли некомпетентные фавориты⁸⁸¹. В 1517 г. его ежегодный доход равнялся почти 600 тыс. дукатов. 420 тыс. дукатов поступали за счет доходов от Папской области и рудников. Залежи квасцов в Тольфе давали 40 тыс. дукатов; Равенна и соляные шахты в Червии — 60 тыс. дукатов; речные ренты в Риме — 60 тыс. дукатов; папские

⁸⁷⁸ Vaughan, p. 177.

⁸⁷⁹ См. Reumont, III, part II, 134 sq.

⁸⁸⁰ Сануто, цит. в Pastor, IV. 384. О некоторых развлечениях, устроенных кардиналом Риарио Корнаро, см. в Vaughan, p. 186 sqq. На одном из пиров кардинала Корнаро было подано шестьдесят пять перемен блюд, по три блюда в каждой перемене, причем все они подавались на серебре. Громадный пирог, из которого вылетали черные дрозды или соловьи, блюда из павлиньих хвостов, кондитерские сооружения, из которых вылезали дети и что-то говорили, — все это изобреталось для развлечения сидевших за гостевыми столами членов священной коллегии.

⁸⁸¹ Веттори, современник, которого цитирует Villari (IV. 4), говорит: «Для его святейшества сэкономить 1000 дукатов было так же невозможно, как для камня — полететь вверх без постоянной помощи». Villari (IV. 45) приводит список громадных долгов Льва.

владения в Сполето, Анконе и Романье — 150 тыс. дукатов. По словам другого современника, папский казначей получал 160 тыс. дукатов из церковных источников. К моменту своего отшествия папа продавал по 2150 бенефициев, что давало громадный ежегодный доход в 328 тыс. дукатов⁸⁸².

Через два года после начала понтификата у Льва уже были серьезные финансовые проблемы. Принимались самые разные меры, чтобы увеличить папские доходы и спасти казну от неумолимо надвигавшегося банкротства. Посредством одного только увеличения служителей на Тибре со 141 до 612 (*porzionari di ripa*) было получено 286 тыс. дукатов. На расширении коллегий *cubiculari* и *scudieri*, ватиканских чиновников, было заработано еще 90 тыс. и 112 тыс. дукатов соответственно. Был создан орден рыцарей святого Петра (*cavalieri di San Pietro*), из 401 рыцаря, и с них была собрана немалая сумма, 400 тыс. дукатов, по 1000 дукатов с каждого. Продажа индульгенций уже не приносила такой прибыли, как когда-то, но доходы из этого источника по-прежнему были велики⁸⁸³. Высшие церковные должности продавались, как во время понтификата Александра. Кардинал Иннокентий Чибо заплатил за свою кардинальскую шапочку 30 тыс., а по другой версии — 40 тыс. дукатов. Франческо Армеллини — сумму в два раза большую⁸⁸⁴.

Для пополнения средств прибегали к помощи банкиров, ростовщиков и богатых кардиналов, делая один заем за другим. В залог отдавались не только гобелены из Ватикана и серебряная посуда, но и церковные бенефиции, драгоценные камни с папской тиары, дорогие статуи святых. Иногда папа платил по 20 процентов с сумм в 10 тыс. дукатов и более⁸⁸⁵. Неудивительно, что за смертью Льва последовал финансовый крах, и ряд кардиналов обанкротились, в том числе кардинал Пуччи, одолживший папе 150 тыс. дукатов. От банкира Бернардо Бини Лев получил 200 тыс. дукатов. Шутили, что Лев растратил средства трех понтификатов — его предшественника Юлия, своего собственного и понтификата своего будущего преемника.

Для банкиров и разнообразных финансистов Рима период правления Медичи был периодом процветания. Говорят, не менее 30 флорентийцев открыли в городе банки и, наряду с Фуггерами и Вельсерами, вели дела с курией. Флорентийцам нравилось, что папа был из рода Медичи. Они устремились в Ватикан, как испанцы — в славные дни Калликста III и Александра VI, сиенцы — в понтификат Пия II, а лигурийцы — когда папой был Сикст IV из Савоны. Они желали покровительства и вели себя так, словно все бенефиции церкви были созданы для них⁸⁸⁶.

⁸⁸² Эти цифры приводят венецианские послы Джорджи и Градениго. Schulte (*Die Fugger*, p. 97 sq.) рассказывает о многих случаях выплаты аннатов и *servitia* через банк Фуггеров.

⁸⁸³ Schulte, I. 174, 223 sqq.

⁸⁸⁴ Pastor (IV. 368) пишет: *Um Geld herbeizuschaffen schreckte man vor keinem Mittel zurück*. Döllinger (*Papstthum*, p. 485) цитирует современника, который утверждает: *Ea tempestate Romae, sacra omnia venalia erant*, etc.

⁸⁸⁵ Эти цифры приведены в Schulte (I. 224-227) на основании свидетельств Сануто и других авторов того времени. Осуждения за ростовничество избегали, представляя займы от банкиров как дары.

⁸⁸⁶ Pastor (IV. 371) замечает об этом: *Der Zudrang der Florentiner in der ersten Zeit dieses Pontificats war ein enormer. Die Begehrlichkeit dieser Leute war grenzenlos*. Фуггеры, которые наиболее активно вели дела с папской казной и священной коллегией, утвердились в Риме с начала понтификата Александра VI. Изначально они перебрались из Лангена в Аугсбург, где повели свое дело как ткачи. Потом они развернули торговлю специями и другими товарами, ввозя их в Европу через Венецию, а также медью и другими металлами — назвавшись «Ульрих

Отец Льва, Лоренцо, говорил о трех своих сыновьях, что Пьеро — глупец, Джулиано добрый, а Джованни хитрый. Последнее было правдой. Лев X был хитрым, и хитрость его была того рода, что позволяет получать временную личную выгоду, пусть даже жертвуя более возвышенными и достижимыми вещами. У него было много друзей, и он получил тиару благодаря любезности и лоску манер. Однако он вовсе не был личностью, лишенной моральных достоинств и способной на любую подлость, как Александр VI, но он никогда не думал ни о чем, кроме собственных удовольствий. Ватикан стал самым роскошным двором Европы. Лев не нес никакого морального служения миру. Любовь к искусству была для него любовью к цвету, очертаниям, красоте, характерной для древнего грека. Его вкус не руководствовался соображениями благодати и возвышенными духовными целями. В отношениях с европейскими государствами и итальянскими городами его дипломатия была такой же лицемерной, как дипломатия любого светского двора. Он не стеснялся одновременно и официально обещать разным лицам совершенно противоположные вещи. Измена была для него естественна, как дыхание⁸⁸⁷.

В то же время Лев соблюдал внешние религиозные требования. Сообщают, что он постился три раза в неделю, не ел мяса по средам и пятницам, каждый день читал свой breviary и обычно перед мессой просил отпущения грехов у исповедника. Но он не был святым и не обладал глубиной религиозных убеждений. В поведении и привычках он не отягощал себя стремлением к благочестию. Покровительствуя искусству и культуре, он, тем не менее, забывал об Ариосто, Макиавелли, Гвиччардини и Эразме. Как благородно было бы принимать этих людей в Ватикане, заменив ими жонглеров, шутов и обжор! Мы не можем оценивать деятельность первосвященника христианского мира так же, как оценивали бы светского князя конца Средневековья. Лев превратил Ватикан в место пиров и фриivolности, а ведь именно в Ватикане громче всех других мест на земле должны были слышаться поступь и голоса Божьих людей! Апостол, которого Лев привык считать своим духовным предшественником, готов был выполнять христианскую миссию вплоть до мученичества, тогда как Лев лишил свою высокую должность ее святости и торговал ею ради получения плотских удовольствий. Если бы он последовал совету своего князя-отца, мирского человека, он избежал бы некоторых упреков, которые высказывают в его адрес.

У нас нет достаточно веских доказательств того, что Лев действительно произнес приписываемые ему слова: «Какой выгодной для нас оказалась эта сказка о Христе!»⁸⁸⁸ — и мы предпочитаем не связывать такое богохульство с именем Медичи. Однако невозможно осудить наместника Христа на земле более сурово, чем это сделал Сарпи, католический исследователь Тридентского собора⁸⁸⁹, который сказал: «Лев был бы идеальным папой, если бы к его прочим положительным качествам прибавилось хоть сколько-нибудь умеренное знание религии и

Фуггер и братья» (Георг и Якоб). Их капитал, судя по налогам, которые они платили, с 1480 по 1501 г. увеличился на 1634 процента (Schulte, p. 3). Переместившись в Рим, дом стал вести дела с папской казной и кардиналами и выступал как посредник в уплате аннатов и *servitia* в казну папы и кардиналов. Точные цифры, записанные в бухгалтерских книгах, приводятся у Шульте.

⁸⁸⁷ См. осуждение этого качества в Pastor, IV. 359 sq.

⁸⁸⁸ *Quantum nobis nostrisque ea de Christo fabula profuerit, satis est omnibus saeculis notum*. Говорят, Лев сказал это кардиналу Бембо. Впервые об этих словах упоминает Bale (*Pageant of the Popes*, ed. 1574, p. 179). Бэйл, епископ Оссори, был кармелитом.

⁸⁸⁹ I:1.

склонность к благочестию, о котором он практически не заботился». Перед смертью Льва папство отчасти утратило поддержку Европы — именно той ее части, которая в дальнейшем способствовала развитию цивилизации. Булла, обращенная этим понтификом против Мартина Лютера в 1520 г., превратилась в безвредный пепел в Виттенберге, причем пепел этот безгласен, в отличие от пепла Яна Гуса. И протестантский мир, созерцая события прошлого, смотрит не на Льва, а на сына простого саксонского рудокопа, который заявил о праве каждого человека на изучение Писания и оказался для истории более важным, чем все обстоятельства, связанные со служением папы и функциями священников. Нередко случалось, что лучшие дары приносили человечеству не те, кто унаследовал великие права, а люди скромного происхождения, творившие Божью волю. Наверное, можно даже сказать, что в конце средних веков Провидение специально допустило к папскому престолу череду понтификов, недостойных духовно и выродившихся морально, чтобы люди во все времена знали: не папству суждено было реформировать церковь и избавить ее от засилья средневековой обрядовости и схоластики. Папы отказались от такой попытки, и ее предприняли другие люди, не обладавшие высокими церковными постами.

ГЛАВА VII

ЕРЕСЬ И КОЛДОВСТВО

§57. Литература

- К §58. — О БРАТЬЯХ СВОБОДНОГО ДУХА. FREDERICQ: *Corpus doc. haer. pravitalis*, etc., vols. I — III. — НАУРТ, ст. в HERZOG, III. 467-473, *Brüder des Freien Geistes*. См. литературу в т. V, I. — О ФРАТИЧЕЛЛИ, F. EHRLE: *Die Spiritualen. Ihr Verhältniss zum Francis-kanerorden u. zu d. Fraticellen* в *Archiv f. K. u. Lit. geschichte*, 1885, pp. 1509-1570; 1886, pp. 106-164; 1887, pp. 553-623. — DÖLLINGER: *Sektengesch.*, II. — LEA: *Inquisition*, III. 129 sqq., 164-175. — WETZER-WELTE, IV, 1926-1885. — О ВАЛЬДЕНСАХ см. литературу в т. V, I. — Также W. PREGER: *Der Traktat des Dav. von Augsburg fiber die Waldenser*, Munich, 1878. — HANSEN: *Quellen*, etc., Bonn, 1901, 149-181, etc. См. полное заглавие ниже. — О БИЧУЮЩИХСЯ см. литературу в т. V, I. Также PAUL RUNGE: *D. Lieder u. Melodien d. Geissler d. Jahres 1349, nach. d. Aufzeichnung Hugo's von Reutlingen nebst einer Abhandlung über d. ital. Geisslerlieder von H. Schneegans u. einem Beitrage über d. deutschen u. niederl. Geissler von H. PFANNEN-SCHMID*, Leipzig, 1900.
- К §59. Колдовство. — Об отношении схоластов и других средневековых авторов смотри т. V, I. — Среди первых авторов последующего периода см. J. BODIN: *Magorum Daemonomania*, 1579. — REG. SCOTT: *Discovery of Witchcraft*, London, 1584. — P. BINSFELD: *De confessionibus maleficarum et sagarum*, Treves, 1596. — M. DELRIO: *Disquisitiones magicae*, Antwerp, 1599, Cologne, 1679. — ERASTUS (из Гейдельберга): *Repititio disputationis de lamiis seu strigibus*, Basel, 1578. — J. GLANVILLE: *Sadducismus triumphatus*, London, 1681. — R. BAXTER: *Certainty of the World of Spirits*, London, 1691. — Авторы недавнего времени. — *T. WRIGHT: *Narrative of Sorcery and Magic*, 2 vols., London, 1851. — G. ROSKOFF: *Gesch. des Teufels*, 2 vols., Leipzig, 1869. — W. G. SOLDAN: *Gesch. der Hexenprocesse*, Stuttgart, 1843; новое издание Heppe, 2 vols., Stuttgart, 1880. — LEA: *History of the Inquisition*, III. 379-550. — *LECKY: *History of the Rise and Influence of the Spirit of Rationalism in Europe*, ch. I. — DÖLLINGER-FRIEDRICH: *D. Papstthum*, pp. 123-131. — A. D. WHITE, *History of the Warfare of Science and Theology in Christendom*, 2 vols., New York, 1898. — *J. HANSEN: *Zauberwahn, Inquisition und Hezenprocess im Mittelalter und die Entstehung der grossen Hexenverfolgung*, Munich, 1900; **Quellen und Untersuchungen zur Gesch. des Hexenwahns und der Hexenverfolgung im M. A.*, Leipzig, 1901. — GRAF VON HOENSBRÖCH: *D. Papstthum in seiner sozialkulturellen Wirksamkeit*, Leipzig, 2 vols., 1900; 4th ed., 1901, I. 380-599. — J. DIEFENBACH: *Der Hexenwahn, vor u. nach Glaubenspaltung in Deutschland*, Mainz, 1886 (последняя глава — *conciones variae* — посвящена проповедям о погоде, бурях, ветре, снах, мышах и т. п.); также *Besessenheit, Zauberei u. Hexenfabeln*, Frankfurt, 1893; также *Zauberglaube des 16ten Jahrh. nach d. Katechismen M. Luthers und d. P. Canisius*, Mainz, 1900. BINZ: *Dr. Joh. Weyer*, Bonn, 1885, 2^d ed., Berlin, 1896. Биография одного из первых оппонентов охоты на ведьм, с замечаниями некоторых из ее сторонников. — BAISSAC: *Les grands jours de la sorcellerie*, Paris, 1890. — H. VOGELSTEIN и P. RIEGER, *Gesch. d. Juden in Rom*, 2 vols., Berlin, 1895 sq. — S. RIEZLER: *Gesch. d. Hexenprocesse in Baiern*, Stuttgart, 1896. — C. LEMPENS: *D. grösste Verbrechen aller Zeiten. Pragmatische Gesch. d. Hexenprocesse*, 2^d ed., 1904. — JANSSEN-PASTOR: *Gesch. d. deutschen Volkes*, etc., vol. VIII, 531-751. — О преследованиях ведьм в издании Пенсильванского университета *Transll. and Reprints*, vol. III.
- К §60. Испанская инквизиция. — См. литературу в т. V, I. HEFELE: *D. Cardinal Ximenes und d. Kirchl. Zustände in Spanien am Ende d. 15 u. Anfang d. 16. Jahrh.*, Tübingen, 1844, 2^d ed., 1851. Также ст. *Ximenes* в Wetzter-Welte, vol. XII. — C. V. LANGLOIS: *L'inq., d'après les*

travaux récents, Paris, 1902. — H. C. LEA: *Hist. of the Inquisition of Spain*, 4 vols., New York, 1906 sq. (Включены Сицилия, Сардиния, Мексика и Перу, но отсутствует Голландия). — E. VACANDARD: *The Inquisition. A criticism and history. Study of the Coercive Power of the Church*, перевод В. L. Conway, London, 1908. — C. G. TICKNOR: *Hist. of Spanish Literature*, I. 460 sqq. — PASTOR: *Gesch. d. Päpste*, III. 624-630.

§58. Еретические и нецерковные движения

В XIV — XV веках очаги ереси переместились из Южной Франции и Северной Италии в Богемию, Северную Германию, Нидерланды и Англию. В Северной и Центральной Европе папская инквизиция, так успешно уничтожившая альбигойцев и подавившая или рассеявшая вальденсов, вступила в новый период своей истории, стараясь сокрушить очередного врага церкви, колдовство. Мы уже говорили о возникновении и развитии двух самых влиятельных и многообещающих проявлений народной ереси — гуситстве и лоллардстве. Другими сектантами, запрещенными церковью, были бегарды и бегинки, появившиеся в XIII веке⁸⁹⁰, братья свободного духа, фратичелли, бичующиеся и вальденсы.

Мы не можем точно сказать, какой была разница между бегардами, бегинками, братьями свободного духа и фратичелли, появившимися с 1300 по 1500 г. Часто эти названия использовались как взаимозаменяемые для обозначения врагов установленного церковью порядка⁸⁹¹. Придворные хроники и другие дошедшие до нас записи показывают, что они были представлены в самых разных областях, но ни их количество, ни положение их членов не оправдывало того беспокойства, которое они вызывали. Ортодоксы легко впадали в панику, когда видели отклонения от системы церковных доктрин и управления. Несогласные появлялись в самых разных местах, а отсюда можно сделать вывод, что в западном христианском мире преобладала религиозная нестабильность. Возможно, они усвоили что-то от милленаризма Иоахима Флорского, а что-то — от духа немецкой мистики. Существовал духовный голод, который не могли удовлетворить церковная аристократическая дисциплина и служение ее священников. Церковные власти не знали другого метода борьбы с ересью, кроме получившего распространение во времена Иннокентия III и Иннокентия IV. Как и прежде, они пытались остановить ересь с помощью тюрьмы, меча и огня.

Братья свободного духа⁸⁹² были заражены пантеистическими представлениями и склонны то к вольности мыслей, то к распушенности поведения. Иногда их отождествляли с бегардами и бегинками. Пантеистический элемент наводит на мысль о связи с Амальриком из Бены или Мейстером Экхартом, но в сохранившихся рассказах о судах нет явных свидетельств, которые поддерживали бы такое мнение. Бегардам и бегинкам также приписывались пантеистические учения.

К общему классу вольных мыслителей принадлежали такие лица, как Маргарита из Генегувена, обычно известная как Маргарита из Порета, бегинка, написавшая книгу о растворении души в Божьей любви и утверждавшая, что, когда достигнуто такое состояние, человек может без угрызений совести поддаваться всему, к чему подталкивает его природа. Она несколько раз впадала в ересь и была сожжена вместе со своими книгами на Гревской площади в Париже (1310)⁸⁹³. Сюда относится также «Человек разумный» (*homines intelligentiae*),

⁸⁹⁰ См. т. V, 1.

⁸⁹¹ Haupt, pp. 467, 471. Bezold: *Gesch. d. deutschen Reform.*, p. 120 sqq.

⁸⁹² *Secta spiritus libertatis, liberi spiritus*, etc.

появившийся в Брюсселе в начале XIV века и обвиненный в том, что учил об окончательном общем спасении всех людей и дьявола⁸⁹⁴.

Фратичелли, также называемые фратричелли («малые братья»), были представителями противоположной тенденции и настаивали на строжайшем соблюдении обета бедности. Будучи изначально последователями францисканских обсервантов, Петра Оливы, Михаила Чезенского и Анджемо Кларено, они упорно сопротивлялись декретам Иоанна XXII, утверждавшим, будто Христос и апостолы владели собственностью. Некоторые из них укрылись в законных францисканских монастырях, а другие основали собственные схизматические группы. Они активно действовали в Италии и Южной Франции. Их представители встречались также в Голландии и даже Египте и Сирии (как заявил Григорий XI, 1375), но было бы ошибкой считать, что их было много. В своей булле *Sancta romana*, вышедшей в 1375 г., Иоанн XXII говорил о «толпе профанов, обычно называемой фратичелли, братьями нищеты, котомочниками (*bizochi*) или бегинами, а также известной под другими именами». Это название не впервые употреблялось в оскорбительном смысле. Виллани называет фратичелли двух чело-век — мастерового из Пармы, Сегарелли, и его ученика, Дольчино из Новары, которые оба были сожжены (Сегарелли в 1300 г., а Дольчино какое-то время спустя). Брат Бонато, глава маленькой религиозной обители в Каталонии, был поджарен с одной стороны, после чего покаялся и был осужден, но потом, в 1335 г., его сожгли живьем⁸⁹⁵. Где бы ни появлялись фратичелли, инквизиция преследовала их. Ряд булл XIV века критиковал их за то, что они отвергают папские эдикты, и осуждал на суровые гонения. Признание, которое от них требовали произнести, звучало так: «Я клянусь, что верю в сердце своем и исповедую, что наш Господь Иисус Христос и Его апостолы при жизни на земле владели вещами, которые в Писании именуются их собственностью, и имели право отдавать, продавать и отчуждать их».

В некоторых местах их оппозиция церкви зашла так далеко, что они создавали свою собственную иерархию⁸⁹⁶. Уставных священников они осуждали как симонистов и прелюбодеев. В некоторых местах народ так уважал их, что инквизиция и гражданские суды были беспомощны и не могли осудить их. Девять из них были сожжены при Урбане V в Витербо, а в 1389 г. Фра Микеле Берти де Кальчи, успешно обращавший в свою веру других, принял такую же участь во Флоренции. Во Франции их тоже жгли на костре. Например, Джованни да Кастильоне и Франчезе д'Арквата были сожжены в Монпелье в 1354 г., а Жан де Нарбонн и Морис — в Авиньоне. По свидетельствам, эти энтузиасты с радостью приняли свою смерть.

В начале XV века фратичелли вновь оказались жертвами инквизиции. В 1424 и 1426 г. Мартин V приказал судить некоторое их количество во Флоренции и Испании. Решительная пропаганда папских проповедников — Иоанна из Капистрано и Иакова из Марки — успешно возвратила многих из этих еретиков в лоно церкви,

⁸⁹³ Fredericq, I. 155-160, II. 63 sqq. Другим автором такого же рода была Мария из Валенсьенна, книгу которой (ок. 1400) инквизиция осудила как труд «невероятно коварный». Жерсон упоминал его в своем трактате о ложных и истинных видениях (Fredericq, II. 188).

⁸⁹⁴ Список их заблуждений см. в Fredericq, I. 267-279. Секта свободных мыслителей, известных как лоисты, процветала в Антверпене в XVI веке. Döllinger (II. 664 sqq.) приводит один из их документов.

⁸⁹⁵ Lea, *Span. Inq.*, III. 190.

⁸⁹⁶ Wetzler-Welte, IV. 1931, цит. Mansi, *Miscell.*, IV. 595-610.

но даже в понтификат Павла II (1466) они все еще были представлены в Риме, где шестерых из них схватили и подвергли пыткам. Их обвиняли в отрицании действительности папских декретов о прощении грехов (всех, кроме индульгенции Порциункулы)⁸⁹⁷. В Северной Европе фратичелли причисляли в лоллардам и бегардам или отождествляли с этими еретиками, но сам термин употребляется редко. Вальтера Лолларда называли «самым грешным ересиархом из фратичелли, человеком, одержимым дьяволом и самыми пагубными заблуждениями»⁸⁹⁸.

Гораздо больший интерес для нас представляют флагелланты (бичующиеся), привлекавшие к себе внимание с помощью одиозной показной демонстрации личного религиозного рвения. Их христианская вера была воинствующей. Они пытались утвердить свою веру делами и больше похожи на армию спасения XIX века, чем на какую-либо из организаций средних веков. У нас нет сведений о том, что они били в барабаны, но они использовали народные песни, специфические телодвижения, жесты и возгласы. У них была форма и некая разновидность военной дисциплины. Они вели постоянный крестовый поход, перенеся умерщвление плоти из монастырей в поля и на площади, чтобы вдохновить грешников на искреннюю войну против плотских страстей. Бичующиеся побивали свои тела, хотя и не всегда при этом наносили удары сатане.

Мы уже рассказывали о первом всплеске их энтузиазма в Италии в 1259 г. Начавшееся в Перудже, движение распространилось по Северной Италии, пересекло Альпы и проникло в Австрию, Прагу и Страсбург⁸⁹⁹. Подобные всплески случались также в 1296, 1333, 1349, 1399 г. и вновь — во времена испанского проповедника Винсента Феррера.

Сначала бичующихся считали безвредными фанатиками, потом — нарушителями церковного мира. В Северной Европе их причисляли к бегардам, лоллардам, гуситам и другим схизматикам или еретикам.

В 1333 г. движение возглавил красноречивый доминиканец Вентурино из Бергамо, и Виллани подробно описывает события. За вождем последовало десять тысяч человек. На головах у них были повязки с монограммой Христа, IHS, а на груди — голуби с оливковой веткой в клюве. Вентурино довел своих последователей до самого Рима и проповедовал на Капитолийском холме. Нищие энтузиасты быстро превратились в посмеище. Вентурино отправился в Авиньон, получил прощение и умер в Смирне в 1346 г.

Но все предыдущие проявления рвения бичующихся были слабы по сравнению со всплесками 1349 г., когда свирепствовала «черная смерть», которая в хрониках того времени и рукописях бичующихся названа «великой смертью» (*das grosse Sterben, pestis grandis, mortalitas magna*). Толпы воинствующих верующих внезапно появились почти во всех областях латинского христианского мира — в Венгрии, Богемии, Италии, Франции, Германии и Нидерландах. Жан дю Фэйт, проповедовавший перед Климентом VI, заявил, что они есть повсюду (*per omnes provincias*) и их невозможно сосчитать (хотя можно определить точное количество отдельных групп — в Генте, Турне, Дорте, Брюгге, Льеже и других городах⁹⁰⁰). В них состояли даже епископы и князья. Существовали и женские группы.

⁸⁹⁷ Lea, *Inquis.*, III. 178; *Aur. Conf.*, III. 377.

⁸⁹⁸ Döllinger, II. 381, 407 sq. В первых трех томах Фредерика термин «фратичелли» встречается только дважды (III. 17, 225).

⁸⁹⁹ T. V, I. Бичующихся называли *Flagellatores, Cruciferi, Paenitentes, Disciplinati, Battisti*, etc., а в Германии и Голландии — *Geissler, Geeselaars, Cruusbroeders, Kreuzbrüder*, etc. У Фредерика ссылки на *Geeselaars* занимают четыре страницы мелким шрифтом (см. Index, III. 297-300).

Больше всего мы знаем о немецких и голландских бичующихся. Хотя подробности в рассказах летописцев разнятся, в основных чертах повествования совпадают. Бичующиеся одевались в белое и носили на своих мантиях, спереди и сзади, и на головных уборах знак креста, отчего они получили название «братья креста». Они ходили из одного места в другое, останавливаясь в каждом месте не дольше, чем на сутки, кроме как в воскресенье, которое они часто делали исключением. Они несли с собой кресты и знамена. При передвижении они пели гимны. На площадях перед церквями и на полях недалеко от городов они располагались лагерем и, обнаженные по пояс, занимались своими дисциплинарными упражнениями, которые выполнялись дважды в день. При этом читалось письмо, которое якобы было написано на каменной скрижали и помещено ангелом на алтарь церкви Св. Петра в Иерусалиме⁹⁰¹. В нем говорилось, что Христос с негодованием смотрит на грехи мира, в особенности на осквернение воскресенья, ростовщичество и прелюбодеяние, но обещает быть милостивым при том условии, что бичующиеся будут собираться и совершать покаянные паломничества продолжительностью тридцать три с половиной дня — по количеству лет Его земной жизни.

После прочтения письма начиналось собственно покаяние. Верующие падали на колени и простирались на земле трижды, бичуя себя и определенными жестами показывая, какому греху каждый из них особенно подвержен. Как подмечают авторы, у каждого из участников был с собой бич или плетка с металлическими наконечниками, которые часто были такими острыми, что их сравнивают с иглами. У наиболее ревностных бичующихся кровь струйками стекала по телу до самых чресл⁹⁰². Удары наносились под ритмичное пение гимнов. «Красные воины» (*milites rubicundi*), как их иногда называли, полагали, что пролитая ими кровь едина с кровью Христа или смешивается с нею. Их покровителем был святой Павел, стигматы которого они считали не угрызениями совести, а телесными ранами⁹⁰³. Во время каждого коленопреклонения они пели гимн, а за время покаяния — четыре гимна.⁹⁰⁴ Они падали на землю ниц и простирали руки в форме креста. Четвертый гимн, который пели во время третьего коленопрекло-

⁹⁰⁰ Fredericq, II. 120, III. 19, 21, 33, etc. Также Förstemann, pp. 74 sqq. Runge, 99-209.

⁹⁰¹ Fredericq, II. 119, III. 22, etc. Runge, 152 sqq.

⁹⁰² *Pointillons de fer; aculeis ferreis; habentes in fine nodos aculeatos; quasi acus acuti infixi* (Fredericq, I. 197, II. 120 sqq., III. 19, 20, 35, etc.). *Le sang leur couloit parmy les rains* (Fredericq, III. 19). Гуго из Рейтлингена говорит об острых железных наконечниках (Runge, p. 25).

⁹⁰³ *Si sanguis istorum militum est justus, et unitus cum sanguine Christi*, etc. (Fredericq, III. 18). *Dicebant quod eorum sanguis per flagella effusus cum Christi sanguine miscebatur* (II. 125).

⁹⁰⁴ Первый, призывающий к покаянию, начинался со слов:

*Nun tretet herzu wer buesen welle
Fliehen wir die heisse Hölle.
Lucifer ist böß Geselle
Wen er habet mit Pech er ihn labet.
Darum fliehen wir mit ihm zu sein.
Wer unser Busse wolle pflegen
Der soll gelten und wieder geben.*
Присоединяйтесь к нам все, кто кается,
Давайте избежим адского огня.
Люцифер — плохой товарищ,
Он покрывает смолой того, кого хватает.
Давайте убежим от него.
Пусть к тому, кто пройдет через наше покаяние,
Вернется то, что было у него отнято (Hugo von Reutlingen, p. 36).

нения, был плачем о наказании, которое ждет в аду ростовщика, лжеца, убийцу, разбойника, человека, который не постится в пятницу и не соблюдает воскресенье. Такие люди осуждались, а дальше следовала молитва Марии⁹⁰⁵. Каждый кающийся указывал на свой основной грех. Пьяница подносил палец к губам. Клятвопреступник поднимал вверх два пальца, словно принося клятву. Прелюбодей падал на живот. Игрок шевелил рукой, как будто бросая кости.

Когда свирепствовала «черная смерть», 120 этих кающихся воинов, отправившись из Голландии, пересекли Ла-Манш и прошли через Лондон и другие английские города с красными крестами на одежде и плетках, наконечники которых были остры, как иглы⁹⁰⁶. Но им не удалось завоевать много последователей.

Бичующиеся неизбежно должны были навлечь на себя оппозицию со стороны церковных властей. Средневековая церковь не терпела независимых обрядов или организаций, как и независимости в учении. Во Франции против бичующихся выступали с самого начала. Парижский университет выступил с обращением против них, и Филипп VI запретил их манифестации на французской территории под страхом смерти. Более жестокий удар нанес им глава христианского мира Климент VI, издавший буллу от 20 октября 1349 г. Согласно одному документу, бичующиеся, числом 2000, выступили из Базеля и прибыли в Авиньон. Требовалось дать этому событию оценку. И перед тем, как издать свою буллу, Климент и его кардиналы выслушали проповедь парижского доктора Жана дю Фэйта на данную тему. Проповедник осудил 13 учений и практик бичующихся, в том числе пролитие их собственной крови (что, как он утверждал, подобало жрецам Ваала) и убийство иудеев за то, что они якобы отравили колодцы, положив начало эпидемии чумы. Климент объявил движение бичующихся делом дьявола, а ангельское письмо — подделкой. Он осудил этих воинов за то, что они не признают священников и считают свое покаяние эквивалентом паломничеству «святого года» в Рим, назначенному на 1350 г.⁹⁰⁷ Булла была послана архиепископам Англии, Франции, Польши, Германии и Швеции. Их призывали, если будет необходимо, сокрушать новый бунт против установлений церкви с помощью светских властей.

Встретившись с таким противодействием, бичующиеся не могли просуществовать долго. Строгие законы против них были приняты фламандскими городами и архиепископами — например, Праги и Магдебурга. Страсбург запретил публичные бичевания на улицах. Еще в 1353 г. архиепископ Кельна указал, что все священники, которые покровительствуют бичующимся, должны исповедоваться в этом грехе под страхом отлучения⁹⁰⁸.

На нас производят впечатление четыре особенности движения бичующихся в период «черной смерти» — их организация, роль, которую играли у них миряне,

905

*Das Hilf uns Maria Königin,
Dass wir deines Kindes Huld gewin.*
Мария, Царица, помоги нам, молим,
Заслужить милость твоего Сына (Hugo von Reutlingen, в Runge, p. 38).

906 Так утверждает Роберт из Эйвсбери (*Rolls Series*, p. 407 sqq.).907 Булла Климента приводится в Fredericq, I. 199-201, и в переводе Förstemann, p. 97 sqq. Проповедь дю Фэйта весьма интересна. Это один из наиболее важных документов, приведенных во Fredericq, III. 28-37. Дю Фэйт объяснял «черную смерть» заражением воздуха небесными телами (*infectionem aeris creatam a corporibus coelestibus*). Заявление Парижского университета утрачено. См. Chartul., III. 655 sqq.

908 Fredericq, II. 116, etc. Городские власти, например, Турне, иногда считали нужным повторять свои законы против бичующихся до трех раз.

использование музыки и, в целом, их религиозный и этический характер. В Италии у этих людей были свои организации и до указанного периода. Такие братства встречались практически во всех итальянских городах. В Падве их было шесть, в Перудже и Фабиано — по три, но, похоже, движение тогда еще не было в оппозиции к церковным властям. Некоторыми манифестациями руководили священники. Постоянные организации были тесно связаны с доминиканцами и францисканцами, заботились о бедных и больных.

С другой стороны, на севере проявился дух независимости клира. Это очевидно из уставов немецких и голландских групп, которые были распространены во время великой чумы и последующие годы. Чтобы войти в организацию, требовалось примириться с врагами, необходимо было согласие мужа или жены, а для слуг — согласие их хозяев, строгое повиновение вождям, которые назывались учителями или ректорами, и способность самостоятельно оплачивать свои расходы. Во время кампаний, которые продолжались по 33 с половиной дня, бичующиеся не должны были просить милостыню, мыться и стирать одежду, бриться, говорить с женщинами и лежать на пуховых перинах. Им запрещено было носить оружие и бичевать себя до грани болезни или смерти⁹⁰⁹.

Перед едой и после нее надо было произносить пять раз *Pater noster* и *Ave Maria*. В течение всей своей жизни члены организации должны были бичевать себя каждую пятницу — три раза в день и один раз ночью. Ассоциации назывались братствами. Их члены должны были называть друг друга не «друзьями» (*socium*), а «братьями» «ввиду того, что все были сотворены из одной плоти и выкуплены одной ценой»⁹¹⁰.

Во главе братств стояли миряне и, как мы уже указывали, подчеркивалось равенство всех братьев перед Богом и крестом. Это движение, по сути, было движением мирян, выражением духа недовольства классом священников в Северной Германии и Нидерландах⁹¹¹. Некоторые из обетов запрещали поклонение образам, отрицали учение о пресуществлении, индульгенции, священническое миропомазание, иногда заменяли водное крещение кровавым. Один из уставов, из 50 статей, объявляет, что тело Христа не присутствует телесно в таинстве, а «индульгенции ничего не стоят и вместе со священниками осуждены Богом». Двадцать шестая статья гласит: «Лучше умереть в пыли и поту, чем после помазания елеем священника»⁹¹².

Немецкие гимны, как и уставы бичующихся, призывают молиться, умерщвлять плоть, а также готовиться к смерти, отказываться от греха, примиряться с врагами и возвращать незаконно приобретенные богатства. Такие особенности отмечают летописцы.

Этим религиозным деятелям принадлежит заслуга возрождения народных религиозных песен. Пение было характерно уже для раннего движения бичующихся (1259).⁹¹³ У них были гимны на латинском, итальянском, французском,

⁹⁰⁹ *Usque ad mortem vel infirmitatem*. См. особенно 35 статей Брюгге (Fredericq, II. 111 sqq.); 50 статей в Förstemann, p. 164 sqq., и несколько уставов в Runge (115 sqq.). Гуго из Рейтлингена (в Runge, 27) упоминает о строгом запрете на мытье (*balnea fratri non licet ulli tempore tali*).

⁹¹⁰ Fredericq, III. 15, Runge, pp. 25, 41, 118, etc.

⁹¹¹ Runge, pp. 130, 215.

⁹¹² Förstemann, p. 165 sqq.

⁹¹³ Шнеерганц говорит, что количество их гимнов в рукописях итальянских библиотек «чрезвычайно велико». Он приводит список таких библиотек и список опубликованных *laude*. См. также Runge, pp. 50-64. Но мы предполагаем, что были популярны и использовались лишь некоторые из них.

немецком и голландском языках. В Италии они назывались *laude*, в Германии — *leisen*. Итальянские гимны, как и немецкие, возвещали, что Бог судит грешников, зывали к Марии, призывали «братьев» наказывать себя, исповедоваться в грехах и жить в мире и братстве. Они молили Деву ходатайствовать перед Сыном, чтобы Тот покончил с «горькой смертью и чумой» (*Gesu ne tolga via l'aspra morte e pistilentia*)⁹¹⁴. Большинство гимнов проникнуто мыслями о смерти и бедствиях человечества, но призывы к Марии очень нежны. К ней относятся самые разнообразные аллегории — от голубя до врат рая, от розы до подлинного лекарства от всех болезней. Песнопения итальянских и северных бичующихся, похоже, формировались независимо друг от друга⁹¹⁵.

На севере бичующиеся группы использовали при покаянии одни и те же песни, но во время марша песнопения различались⁹¹⁶. Большая часть слов их песен известна, но только недавно была обнаружена музыка, под которую бичующиеся пели свои гимны. В рукописи Гуго из Ретйлингена, датированной 1349 г. и найденной в Санкт-Петербурге, приводится 8 таких мотивов вместе с текстами и рассказом о движении⁹¹⁷. Слушатели, описывая впечатление, которое производили мелодии, упоминают об их приятности, упорядоченном ритме (*ordine miro hymnos cantabant*) и пафосе, способном «тронуть каменные сердца и вызвать слезы на глазах у самых стойких»⁹¹⁸.

В целом, бичующихся во время «черной смерти» 1349 г. следует рассматривать как подлинно народное религиозное движение.

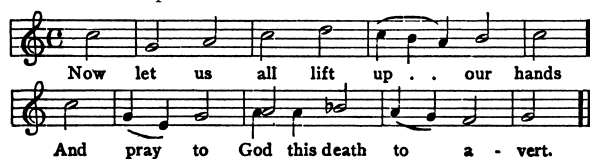
Следующий всплеск манифестаций бичующихся приходится на 1399 г. По большей части он был ограничен территорией Италии. Бичующиеся, носившие мантии с красными крестами, появились в Генуе, Пьяченце, Модене, Риме и других итальянских городах. До нас дошел ряд рассказов — то благосклонных к ним лиц, например, «нотария из Пистойи», то неблагосклонных, как фон Нигейм. Согласно автору из Пистойи, движение началось после видения, которое было послано крестьянину из Дофине. Это свидетельство интересно, так как показывает, какие роли в популярном поклонении играли Христос и Мария. Крестьянин, после полуденного обеда, увидел Христа в образе молодого человека. Христос попросил у него хлеба. Крестьянин сказал, что хлеба у него не осталось, но Христос попросил его поискать — и он нашел целых три буханки! Тогда Христос велел ему пойти бросить буханки в ручей, протекавший неподалеку. Крестьянин послушался и пошел к ручью, но на пути ему явилась женщина, одетая в белое и вся в слезах. Она сказала вернуться к молодому человеку и сообщить, что его мать запретила это делать. Крестьянин вернулся, но Христос

⁹¹⁴ См. пример в Runge, p. 68 sqq.

⁹¹⁵ Schneerganz (p. 85) решительно отвергает всякую связь.

⁹¹⁶ Fr. Chrysander, цит. Runge, p. 1. Образцы гимнов и рассказы о пении см. в Runge, Förstemann, p. 255 sqq., Fredericq, I. 197; II. 108, 123, 127-129, 137-139, 140; III. 23-27.

⁹¹⁷ В этом интереснейшем документе, изданном Рунге, приводится оригинальная музыка. Вот две строки с переводом немецкого текста: «Теперь давайте все поднимем руки и помолимся Богу, чтобы Он отвратил от нас смерть».

⁹¹⁸ См. Runge, pp. 27, 140, 157.

повторил Свое приказание. Тогда женщина опять велела крестьянину отправиться обратно. В конце концов он бросил в ручей одну из буханок, и женщина, Мария, сказала ему, что ее Сын чрезвычайно разгневан грехами мира и решил наказать людей, даже уничтожить, а каждая буханка означала треть человечества. Так что гибель одной трети уже была определена. Если же крестьянин бросит в ручей остальные две буханки, погибнет все человечество. Крестьянин пал на колени перед плачущей Девой, и она сообщила ему, что попросила своего Сына помедлить с судом. Он сделает это, если крестьянин и другие люди будут устраивать шествия, бичевать себя, молить о милости и мире и рассказывать о полученном им видении⁹¹⁹.

Крестьянин нашел 17 сторонников, и они стали ядром нового движения. Отряды бичующихся ночевали в монастырях и на территории церквей, пели гимны (*laude*, из-за которых их также называли *laudesi*) и бичевали себя плетью, как их предшественники. Их походы якобы сопровождалась чудесами. Среди чудес было кровоточившее распятие. Некоторые из рассказчиков, например фон Нигейм, объясняют кровотечение тем, что в трещины распятия заливалась кровь, а потом дерево вымачивалось в елее и помещалось на солнце. Тогда кровь проступала. Этот проникательный наблюдатель сообщает, что отряд бичующихся пересек весь полуостров. Пятнадцать тысяч человек, в сопровождении епископа Модены, совершили поход в Болонью, население которой оделось в белое. Народ и клир Рима был увлечен их демонстрациями. Даже члены священной коллегии и представители всех классов общества облачались в мешковину и белые одежды. Папа дал им свое благословение и показал плат святой Вероники. Нигейм особо упоминает их пение и новые песни (*nova carmina*). Но историк папского раскола усматривал в этом движении только зло и обман⁹²⁰. Он осуждает то, что по ночам они спали все вместе, мужчины и женщины, юноши и девушки. Во время маршей они обрывали плоды с деревьев и оскверняли церкви и монастыри, в которых останавливались, своими нечистотами. Конец движению был положен, когда в Риме сожгли одного из его ведущих пророков.

За буллой Климента VI последовали, в 1372 г., осуждение от Григория XI, который связал бичующихся с бегардами, и постановление собора в Констанце. В трактате, представленном перед собором в 1417 г., Жерсон утверждал, что секта заменяет бичеванием таинство покаяния и исповеди⁹²¹. Он призвал епископов подавлять ее жестоких и кровожадных членов, которые осмеливаются проливать собственную кровь и считают себя равней мученикам древности. Десяти заповедей достаточно. Новые бремена не нужны. И Сам Христос учил об этом, говоря: «Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди»⁹²². Этот суд богословов бичующиеся еще могли пережить, но безжалостные преследования инквизиции в XV веке положили конец их движению. На судах над ними настаивал в Тюрингии доминиканский агент Шенфельд (1414). В одном месте (в Сангерхаузене, близ Эрфурта) 91 человек был сожжен одновременно, в другой раз — еще 22. Жертвы этой второй группы сожженных умерли, провозглашая, что все зло в церкви исходит от греховности клира.

⁹¹⁹ См. Förstemann, p. 111 sqq.

⁹²⁰ *Omnem populum mirabiliter deceperunt* (*De schismate*, II. 26. Erler's ed., p. 168 sq.).

⁹²¹ *Contra sectam flagellantium*. Du Pin ed., 659-664. Van der Hardt, III. 99 sqq.

⁹²² Мф. 19:17. — *Прим.изд.*

Движение бичующихся возникло потому, что церковь того времени не удовлетворяла потребностей верующих. И положительные стороны этого движения не должны затеняться его крайностями. Гуго из Рейтлингена завершает свой рассказ о вспышке 1349 г. словами: «Много доброго было связано с братьями-бичующимися, и это объясняет, почему они привлекали к себе такое внимание».

Группа сектантов, которых авторы того времени иногда отождествляют с бичующимися, была известна как танцоры. Эти люди появились в Аахене и других немецких и голландских городах уже в 1374 г. В Кельне их было 500. Как и бичующиеся, они шествовали из города в город. Они танцевали и прыгали (*dansabant et saltabant*) полуголыми, иногда скованные попарно, нередко — в церквях, где они предпочитали места перед образами Девы. Бывало, они умирали от изнеможения. В Голландии танцоров называли также фрискерами или фриллисами (от *frisch*, «шевелитесь!»; этим словом они подбадривали друг друга в своем танцевальном подвижничестве)⁹²³.

К другому классу независимых религиозных движений принадлежат вальденсы, которые, хотя и были осуждены как еретики, продолжали существовать во Франции, Пьемонте и Австрии. Их по-прежнему обвиняли в том, что они позволяют женщинам проповедовать, отрицают реальное присутствие Христа в дарах причастия, не признают клятвы, елеосвящения, крещения младенцев, отвергают учение о чистилище и молитвы об умерших⁹²⁴.

За некоторыми исключениями вальденсов Италии и Франции не трогали до конца XV века, а герцоги Савойи были склонны защищать их в их альпийских жилищах. Но агенты инквизиции были бдительны, и говорят, что францисканец Борелли сжег в 1393 г. 150 человек в Гренобле, в Дофине, за один день. Папа Иннокентий VIII начал безудержный крестовый поход против этих не приносящих вреда людей, подобно тому как его предшественник с тем же именем, Иннокентий III, начал крестовый поход против альбигойцев. В своей знаменитой булле от 5 мая 1487 г. папа призвал короля Франции, герцога Савойского и других князей выступить в вооруженный поход против них и сокрушить их, «как ядовитых змей»⁹²⁵. Булла начиналась с заявления о том, что Его Святейшество намеревается спасти из бездны заблуждения тех, ради кого принял муки Владыка и Творец. Понтифику, похоже, не приходило в голову, что он обрекал людей на мучения и смерть, хотя ему лично ничего не угрожало, тогда как Спаситель, на Которого он ссылался, отдал ради этих же людей собственную жизнь.

О последовавшем крестовом походе историк вальденсов Леджер пишет, что все их прежние страдания были «цветами и розами» в сравнении с тем, что им пришлось перенести теперь. Карл VIII охотно принялся исполнять папский указ и послал против вальденсов своего капитана, Гуго де ла Палу. Армия крестоносцев насчитывала 18 тыс. человек.

Горцы-еретики бежали на почти недоступное плато, называемое Пре де Тур, куда атакующие не могли проникнуть, сдерживаемые градом их стрел и камней. А на французской стороне Альп крестовый поход шел успешно. В Валь де Луиз 70 или, по другому рассказу, 3000 человек, бежавших в пещеру Балм де Водуа,

⁹²³ О плачевном их влиянии на мораль сообщают летописцы, один из которых утверждает, что во время всплеска этого движения забеременели 100 незамужних девушек. См. Fredericq, I. 231 sq., III. 41, etc. Танцоров называли также *Chorizantes* и *Tripudiantes*.

⁹²⁴ Döllinger, II. 365 sqq. Здесь *barbs* («дядья», «мужи», религиозные вожди вальденсов) представлены как дающие разъяснения об учении своего народа.

⁹²⁵ Булла приведена в Comba, *The Waldenses of Italy*, p. 126 sq.

были отравлены дымом от костров, зажженных у входа в нее. Многие вальденсы покалялись, и французские вальденсы были практически уничтожены. Их имущество было поделено между епископом Эмбруна и светскими князьями. Еще в 1545 г. 22 селения, где жили французские вальденсы, были разграблены и сожжены по приказу парламента Прованса. После объединения Италии в 1870 г. к этому древнему и уважаемому народу проявили терпимость и он начал спускаться с горных склонов, на которых вынужден был прожить пятьсот лет.

В Австрии судьба вальденсов была в большей или меньшей степени переплетена с судьбой гуситов и богемских братьев. В некоторых областях Северной Германии, например, в Бранденбурге в 1480 г., члены секты были подвергнуты суровым гонениям. В Нидерландах их сажали в темницы, изгоняли и жгли на костре⁹²⁶.

Средневековый страх перед ересью проявился в том, что еретикам приписывали разнообразные злодеяния. Иногда термины «вальденсы» и «вальденсианство» употребляются как синонимы ведьм и колдовства. Мы не можем объяснить, каким именно путем термины *Vauderie*, *Vaudoisie*, *Vaudois*, *Waudenses* и *Valdenses* приобрели такое значение, но оно было распространено от Лиона до Утрехта, и в папской булле Евгения IV (1440) говорится, что ведьм Савойи называют «вальденсами»⁹²⁷. Подробный трактат о вальденском идолопоклонстве⁹²⁸ (*Valdenses ydolatrae*), написанный в 1460 г. и рассказывающий о суде над вальденсами в Аррасе, обвиняет их в сношениях с бесами и полетах на метле, смазанной тайным снадобьем.

§59. Колдовство и наказание за него

Вероятно, в истории человечества нет главы более отталкивающей, чем в та, где рассказывается о дикой вере в колдовство и о безжалостных наказаниях за него в Западной Европе в век перед началом Реформации и последующее время⁹²⁹. Во второй половине XIV века церковь и общество панически устрешились ведьм, и христианский мир вдруг мгновенно наполнился одержимыми, подчиняющимися непреодолимому влиянию сатаны. Эта мания из Рима и Испании распространилась в Бремен и Шотландию. Папы, юристы, врачи и деятели церкви всех уровней призывали к репрессивным мерам против ведьм, а протестовали в средние века только жертвы, подвергаемые пыткам и погибающие на костре. Ни один из деятелей Реформации ни слова не сказал об этой практике. Напротив, Лютер свято верил в реальность влияния бесов и считал, что их адепты заслуживают смерти на костре. Кальвин не возражал против женевских законов о ведь-

⁹²⁶ Fredericq, I. 26, 50, 351 sqq.; 501 sq., 512; II. 263 sqq.; III. 109. Этот автор, I. 357 sqq., приводит проповедь каноника из Турне против учений вальденсов. Ее весьма хвалили в то время. Французский перевод есть в Hansen, *Quellen*, p. 184 sq.

⁹²⁷ См. буллу в Hansen, *Quellen*, p. 18; см. также pp. 408 sqq., большой отрывок об использовании термина *Vauderie* по отношению к колдовству. В XIV веке так называли противоестественные преступления, какие во Франции именовали термином *Bougerie*, изначально относившимся к катарской ереси.

⁹²⁸ Этот документ частично приводится во Fredericq, III. 94-109, а полностью — в Hansen, pp. 149-182. В нем присутствуют такие отвратительные подробности, какие только можно себе вообразить.

⁹²⁹ Лемпенс называет преследования ведьм величайшим преступлением всех времен (*das grösste Verbrechen aller Zeiten*). Ведьм называли *fascinare*, *strigimagae*, *lamiae*, *phytonissae*, *strigae*, *streges*, *maleficae*, *Gazarii* (то есть катарами), *Valdenses*, etc. О происхождении немецкого термина *Hexe* см. J. Francke в Hansen, *Quellen*, pp. 615-670.

мах. Возможно, непосредственной причиной принятия в 1562 г. нового английского закона по этой части была проповедь епископа Джувела перед королевой Елизаветой⁹³⁰. Бакстер доказывал реальность колдовства в своей «Несомненности мира духов». На берегах Новой Англии также нашлись жертвы этого заблуждения — в Салеме в 1692 г. и век спустя, в 1768 г. Джон Весли, вспоминая о случаях своего собственного времени, заявлял, что «отказаться от признания колдовства значит, по сути, отказаться от Библии».

Учреждая инквизицию в 1215 г., Иннокентий III не упоминал о волшебстве и колдовстве. Это умолчание можно объяснить двумя причинами. О преследовании колдунов уже заботилось государство, тогда как непосредственной опасностью для церкви в век Иннокентия считалась именно еретическая скверна, сравнительно новое явление для средних веков.

Колдовство было одной из форм *maleficium* (этим общим латинским термином в средние века обозначали занятия демонологией и темными искусствами), но у него были и свои отличительные черты⁹³¹. Ведьмы летали по воздуху, встречались с дьяволом на так называемых шабашах и предавались самым низменным формам плотского греха. Некоторые из этих особенностей упоминаются в *canon episcopi* — епископском каноне, впервые появившемся в X веке и включенном Грацианом в его сборник канонического права (1150). Но этот канон объявлял ошибочной веру в то, что грешные женщины по ночам летают по воздуху в свите языческой богини Дианы, которой они служат (и это — несмотря на признания самих женщин в подобных деяниях)⁹³². Иоанн Солсберийский (ум. в 1182) считал эти ночные полеты иллюзией, которую внушил женщинам сатана. Но другой англичанин, Вальтер Мэп, в том же веке, рассказывал о диких оргиях бесов с еретиками, которым дьявол является в образе кога⁹³³.

С середины XIII века характерные качества колдовства начали всерьез привлекать к себе внимание церковных властей. В понтификат Григория IX (1227 — 1241) им стало очевидно, что дьявол, не довольствуясь одним только распространением в Западной Европе доктринальных ересей, решил ослабить христианство и новым проявлением своего коварства — волшебством и колдовством. Происходили странные случаи, которые быстро выявлялись инквизиторами ереси. Доминиканец Шантимпре рассказывает о дочери графа Шваненбургского, которая каждую ночь летала по воздуху, несмотря на то, что однажды ночью некий францисканец пытался удержать ее. В 1275 г. одна женщина из Тулузы под пытками призналась, что много лет находилась в половой связи с бесом и родила

⁹³⁰ В протестантской Шотландии использовали железный ошейник и кляп. Последний суд против ведьм в Англии прошел в 1712 г. В Севилье за колдовство казнили женщину в 1781 г., в Гларусе — в 1782. Доктор Дифенбах в своем *Aberglaube, etc.*, пытается доказать, что вера в колдовство больше укоренилась в протестантских кругах, чем в Католической церкви. Funk (*Kirchengesch.*, p. 419), Hefele (*Kirchengesch.*, p. 522) и другие католические историки стараются представить роль, сыгранную протестантами в охоте на ведьм, как равнозначную роли католиков.

⁹³¹ Александр Галесский выделяет восемь разновидностей *maleficium*. Мартин V и Евгений IV называют представителей темных искусств *sortilegi, divinatores, demonum invocatores, carminatores, conjuratores, superstitiosi, augures, utentes artibus nefariis et prohibitis*. См. Hansen, *Quellen*, p. 16 sqq. Совет епископов Генриха IV, собравшийся в Вормсе в 1076 г., смещая Григория VII, обвинил его в колдовстве и в сговоре с дьяволом.

⁹³² *Sceleratae mulieres... credunt se et profitentur nocturnis horis cum Diana paganorum dea et innumera multitudo mulierum equitare super quasdam bestas, etc.* (Hansen, *Quellen*, p. 88 sq.).

⁹³³ См. Т. V, I, и Hansen, *Zauberwahn*, p. 144.

чудовище, полуволка-полузмею, которого два года кормила, убивая детей. Ее сожгли по приговору гражданского суда.

Но собственно эра колдовства началась в XV веке. Примерно с 1430 г. оно стало считаться отдельным культом. Ему дали четкое определение, описав во многих трактатах. Была тщательно разработана система наказаний для ведьм, методы их выявления и суда над ними. Это были уже не эпизодические и исключительные случаи. Ведьмы стали считаться гильдией или сектой, которой руководил сатана для уничтожения веры на земле.

Вероятно, ответственность за распространение этой дикой мании в основном лежит на папах. Папы один за другим поддерживали и поощряли веру в широту колдовского влияния. Ни один папа не пытался ее опровергнуть⁹³⁴. Один за другим папы призывали инквизицию наказывать ведьм.

Начало истории папских указов на эту тему относится к 1233 г., когда Григорий IX, обращаясь к епископам Майнца и Гильденштейма, позаимствовал народную веру в бесов в ее вульгарнейшей форме⁹³⁵. Дьявол, утверждал Григорий, появляется в образе жабы, призрака и черного кота. В слишком непристойных выражениях, чтобы повторять их здесь, он подробно описывал оргии, происходящие при встрече мужчин и женщин с бесами. Там, где не помогают лекарства, следует использовать железо и огонь. Гниющую плоть надо отсекают. Разве Илия не перебил четырех жрецов Ваала? Разве Моисей не казнил идолопоклонников?

До конца XIII века даже самих пап обвиняли в общении с духами и колдовстве — как Иоанна XXI (1276) и Бонифация VIII. Бонифаций в 1303 г. велел судить английского епископа Вальтера из Ковентри и Личфилда за то, что тот заключил личный договор с дьяволом и имел обыкновение целовать ему задние части. При его преемнике Клименте серьезные обвинения в сношениях с дьяволом выдвигались против рыцарей-тамплиеров. В своем труде *De maleficiis* врач Бонифация VIII Арнольд из Виллановы с научной дотошностью живописал облоупки сатаны, портящего отношения между супругами. Из пап XIV века наиболее примечателен Иоанн XXII, который верил во всевозможные магические искусства и приказывал инквизиторам судить людей, вступающих в сговор с дьяволом⁹³⁶.

Нога в ногу с папскими заявлениями шествовал научный авторитет схоластов. Фома Аквинат (ум. в 1274), опираясь на Августина, говорил о сожительстве людей с бесами как о реальности, а также утверждал, будто старухи взглядом могут передать молодым некое злое влияние. И если кто-либо захочет опровергнуть утверждение об ужасных повсеместных средневековых верованиях в колдовство, ему придется как минимум переделать буллы Льва XIII и Пия X⁹³⁷, объявляющие Фому авторитетом католического богословия.

⁹³⁴ Michelet (p. 9) пишет: «Я совершенно достоверно утверждаю, что ведьмы появились в тот век великого отчаяния, которое было порождено церковными деятелями. И ведьмы — это их собственное преступление». Döllinger (*Papstthum*, p. 123) говорит, что колдовство, в разных его проявлениях с XIII по XVII век, является не чем иным, как «продуктом веры в абсолютный авторитет папы. Это может показаться парадоксальным, но это нетрудно доказать». Hoensbroech (I, 381) категоричен, но справедлив, когда заявляет: «В течение всего этого периода папа был покровителем веры в колдовство и ее глашатаям, распространяя ее и подтверждая».

⁹³⁵ Перевод буллы Григория, *Vox rama*, есть в Hoensbroech, I. 215-218. См. также Döllinger, *Papstthum*, pp. 125, 144.

⁹³⁶ Так, в 1326 г. Иоанн выступил против тех, кто *cum morte foedus ineunt et pactum faciunt cum inferno*. Текст этого и других папских документов см. в Hansen, *Quellen*, pp. 1-37.

⁹³⁷ Его булла *Pascendi gregis*, 1907.

В схоластических догматах находили подтверждение и папские волеизъявления, стремившиеся закрепить за церковным судом по меньшей мере равное с государственным судом право на задержание и наказание адептов темных искусств. Инквизиция пользовалась учебниками по решению дел о колдовстве уже в 1270 г.⁹³⁸ Знаменитый вопросник Бернара Гюи (1320) содержит процессуальные нормы ведения дел о колдовстве. Однако канонистам было нелегко определить, с какого момента *maleficium* становится преступлением, за которое полагается смертная казнь. Ольдрад, профессор канонического права в Болонье, Падуе и Авиньоне, пытался, около 1325 г., провести точную грань между двумя видами деяний и выражал мнение, что колдовство должно рассматриваться как ересь лишь тогда, когда оно сильно отдает ересью. Такой же позиции придерживался до него Александр IV (1258 — 1260). Последний шаг был сделан, когда Эймерик в своем инквизиторском учебнике и специальных трактатах (1370 — 1380) заявил о близком родстве *maleficium* и ереси и открыл дверь для более сурового преследования ведьм.

К этой трехсторонней авторизации преследований добавляется великое влияние Парижского университета, который в 1378 г., через два года после выхода труда Эймерика, в 28 статьях заявил о реальности *maleficium*.

Второй период в истории нашей темы, начиная с 1430 г., уже изобилует трактатами и заявлениями пап о колдовстве.

Жерсон, ведущий богослов своего века, заявлял, что само сомнение в существовании злого чародейства — это ересь и грех, а Евгений IV в нескольких документах, начиная с 1434 г., подробно говорил о тех, кто заключает соглашения с бесами и приносит им жертвы⁹³⁹. Колдовству суждено было занять в сознании людей то место, которое в век Иннокентия III занимала ересь. Мания повсеместности колдовства распространилась по латинскому христианскому миру при папах эпохи Возрождения, от Пия II до Климента VII, и никто не выступал против нее. От гуманиста Пия II следовало бы ожидать большего, но и он в 1459 г. осуждал колдунов Бретани. Насколько далеко готов был пойти Ватикан в поддержке нелепейших суеверий, видно из буллы Сикста IV (1471), в которой понтифик закрепил за собой право производить и освящать восковые фигурки агнцев, которые, при прикосновении к ним, надежно уберегали от пожара и кораблекрушения, бури и града, грома и молнии, а также охраняли женщину в момент родов⁹⁴⁰.

Среди документов о колдовстве, созданных папами и исходящих из других источников, особое место занимает булла *Summis desiderantes*, выпущенная Иннокентием VIII в 1484 г. Эта знаменитая прокламация, почти из 1000 слов, была выпущена в ответ на вопросы, заданные папскому престолу немецкими инквизиторами. В ней, в самых ясных выражениях, распространенные верования о бесовской одержимости признаются неоспоримыми. Как писал понтифик, до его сведения дошло, что в епархиях Майнца, Кельна, Трира, Зальцбурга и Бремена есть множество людей, которые, отказавшись от католической веры, вступили в связь с бесами. С помощью чар, заклинаний и другой скверны они мешают родам, уничтожают семя животных, плоды земли, лозы и огорода. От них страдают мужчины и женщины, стада и отары, деревья и травы. Мужчины и женщины не

⁹³⁸ Hansen, *Zauberwahn*, pp. 241, 263 sq., 271.

⁹³⁹ *Principis tenebrarum suasus et illusiones caecitate noxia sectantes demonibus im molant, eos adorant, etc. illis homagium faciunt, etc.* (Hansen, *Quellen*, p. 17).

⁹⁴⁰ *Cereae formae innocentissimi agni* (Hansen, etc., *Quellen*, p. 21 sq.).

могут зачинать детей, мужа и жены — исполнять супружеские обязанности. Ввиду таких бедствий папа приказывал доминиканцам Генриху Инститорису и Якобу Шпренгеру, профессорам богословия, повести наступление на злодеев, верша суд и наказание. Он призывал епископа Зальцбурга устранять всяческие препятствия их работе, а через несколько месяцев просил архиепископа Майнца оказать им активную поддержку. В другом документе Иннокентий хвалил Сигизмунда, архиепископа Австрии, графа Тирольского и других за помощь, которую они оказали инквизиторам, старавшимся искоренить колдовство.

Таким образом, сожжение ведьм было объявлено конкретной политикой папского престола, и инквизиторы выполняли его инструкции с неумолимой и безжалостной суровостью⁹⁴¹.

Одних только призывов Иннокентия, столь отвратительных для разумного современного человека, уже самих по себе было бы достаточно, чтобы опровергнуть учение о папской непогрешимости, даже если бы не существовало случаев с арианином Либерием или монофелитом Гонорием. Пастор и Гергенротер утверждают, что Иннокентий якобы не объявлял официально о реальности колдовства, когда, исходя из донесений, осуждал его и приказывал за него наказывать⁹⁴². А на тот случай, если кому такого объяснения будет недостаточно, эти авторы заявили, что данное папское решение носит дисциплинарный характер и имеет не больше силы, чем любые другие папские решения по недогматическим вопросам. Это их разграничение основано на хорошо известном заявлении католических канонистов о том, что папа непогрешим лишь в вопросах веры, но никак не в вопросах дисциплины. Разницу между этими двумя понятиями пускай изучают сами придумавшие ее богословы-казуисты. А историческим фактом остается то, что булла Иннокентия разнесла порочную веру в колдовство по сознанию Европы и привела тысячи невинных жертв на костер. Недалек от истины доктор Уайт, говорящий, что из всех документов, выпущенных Римом, будь то императорским или папским, булла Иннокентия причинила больше всего страданий⁹⁴³. Иннокентий мог бы проявить свою непогрешимость понтифика, отрицая или, по крайней мере, усомнившись в достоверности свидетельств. Одно его слово могло бы предотвратить невыразимые ужасы. И ни один из его преемников на папском престоле не выразил никакого сожаления в связи с этим документом и не занес в Индекс запрещенных книг *Malleus maleficarum*, официальный учебник инквизиторов по делам о колдовстве, в большинстве изданий которого полностью воспроизводилась булла Иннокентия.

Непосредственные преемники Иннокентия последовали его примеру. Лица или государства, сопротивляющиеся репрессивным мерам против ведьм, причинялись к злодеям. Например, Лев X угрожал церковными наказаниями Венеции, если та не окажет ему активной поддержки. Брешия после папского упрека изменила свое отношение колдовству, и за год там нашлось и было отправлено на костер 70 человек.

⁹⁴¹ См. Hansen, p. 27-29. Döllinger-Friedrich (p. 126) пишет: «Mit Inn. VIII beginnt das regelmäßige Verbrennen der Hexen».

⁹⁴² *Gesch. der Papste*, III. 266 sqq., Hergenröther-Kirsch, II. 1040 sq. Vacandard (*Inquisition*, p. 200) придерживается того же мнения и пишет: «Иннокентий, конечно же, не имел намерения заставить церковь верить в явление, упоминаемое им в булле, но его личное мнение повлияло на канонистов и инквизиторов того времени», и т. д.

⁹⁴³ *Warfare of Science and Theology*, I. 351.

Не считая буллы Иннокентия, самое важное и печальное наследие от эпохи гонений на ведьм — это уже упомянутый *Malleus maleficarum*, «Молот ведьм». Доктор Ллй назвал его «самым мощным орудием суеверия, когда-либо созданным в мире»⁹⁴⁴. Эти два документа стали официальной литературой, определившей развитие и методы нового крестового похода.

«Молот ведьм», опубликованный в 1486 г., был создан доминиканцами-инквизиторами Генрихом Инститорисом, немецкое имя которого было Крамер, и Якобом Шпренгером. Мы не стали бы их ни в чем обвинять, если бы они были необразованными людьми. Но они занимали высокие положения в своем ордене и в Кельнском университете. Их книга делится на три части. В первой доказывалось, что колдовство существует. Во второй говорится о формах его проявления. В третьей описаны правила обнаружения и преследования ведьм. В последней четверти XV века мир, судя по этой книге, был более подвержен влиянию дьявола, чем в любой из предыдущих веков. Его наполнила скверна всякого рода. Рассказывая о привычках ведьм и другой нечисти, авторы ссылались на Писание и на учение церкви, особенно на Августина и Фому Аквината. Ведьмы и колдуны, отец которых — дьявол, объединились в организацию или секту. Они встречаются каждую неделю на шабашах и воздают честь дьяволу, целуя его в задние части тела. Он появляется среди них в образе кота, козла, пса, быка или черного человека, в зависимости от его прихоти и обстоятельств. Бесы обоих полов в изобилии представлены на этих собраниях. Там издеваются над крещением и евхаристией и попирают крест. После пышного пира гасят свет, и, по приказу дьявола: «Совокупляйтесь, совокупляйтесь!» — его последователи предаются неопишуемому разврату. Причем дьявол — сторонник строгой дисциплины, и он сурово наказывает отступников.

Люди, принадлежащие к этому сообществу, владеют всевозможными колдовскими искусствами. Они летают по воздуху. Они убивают некрещенных детей, мешая им попасть на небеса. На их шабашах едят таких детей. Авторы трактата утверждают, что не может быть никаких сомнений в плотской связи с так называемыми суккубами и инкубами. Цитируем: «Все колдуны и ведьмы обычно предаются плотской похоти с бесами»⁹⁴⁵. Этой конкретной теме посвящены две полные главы. К ней авторы возвращаются снова и снова.

Подтверждая реальность своих обвинений, авторы говорят о личном обширном опыте: во всех 48 случаях сжигавшиеся ими ведьмы признавались, что предавались такому отвратительному блуду от 10 до 30 лет.

В книге перечисляются и меры уклонения от бесовских чар — молитва Господня, крест, святая вода, соль и церковные формулы экзорцизма. Предохранительной мерой называется и внутренняя благодать⁹⁴⁶.

⁹⁴⁴ *Inquisition*, III. 543.

⁹⁴⁵ *Hoc est commune omnium maleficarum spurcitas carnales cum daemonibus exercere (Malleus, II. 4)*. Автор подробно рассказывает, как это происходит. К мужчине бес приближается как *suscubus*, к женщине — как *incubus*. Многие из этих подробностей слишком неприличны, чтобы их повторять. Цитируются такие отрывки Писания, как Быт. 6:2 и 1 Кор. 11:10, согласно которым женщина якобы должна носить на голове покрывало, чтобы защищаться от похотливых взглядов бесов. Бесы же, превращаясь в *succubi* и *incubi*, руководствуются не плотской похотью, а, по словам автора, желанием сделать свою жертву уязвимой перед пороками разного рода.

⁹⁴⁶ Приводится много примеров, свидетельствующих об их эффективности. Например, некий житель Равенсбурга, которого искушал дьявол в облике женщины, весьма обеспокоился происходящим и в конце концов вспомнил, что священник говорил ему с кафедры. Он посыпал себя солью и сразу же освободился от влияния дьявола.

Указания по преследованию ведьм, в третьей части трактата, весьма точны. Чтобы выдвинуть обвинение, было достаточно слухов. Обвиняемый должен был подвергнуться унижительной процедуре. Его тело брили, особенно в самых интимных местах, на тот случай, чтобы там на спрятался бесенок или чары. Правила, как избежать чар, существовали и для инквизиторов. Инститорис и Якоб Шпренгер поздравляли себя с тем, что за всю долгую карьеру им удалось избежать этого несчастья. Если некий защитник ведьмы проявлял слишком большое рвение, это считали свидетельством того, что и сам он находится под ее влиянием. Одним из средств изобличения был лист бумаги, имеющий длину тела Христа, на котором были написаны семь крестных слов. Его привязывали к телу жертвы на время мессы, после чего жертву подвергали пыткам. Эта мера почти неизбежно приводила к признанию. Рекомендовалось также пытать жертву раскаленным железом, но его следовало использовать осторожно, так как бесы покрывали руки ведьм особой растительной мазью, предохранявшей их от жара. Приводился подобный случай в Констанце. Женщина сумела сделать шесть шагов, неся раскаленное железо, а потому ее пришлось освободить.

Из всех разделов этого учебника особо печальной славой пользуется оценка, которую авторы дают женщинам. Если кто-то еще считает, что безбрачие — верный путь к чистоте мыслей, пусть прочтает, что говорят о женщине и браке эти средневековые авторы, священники и монахи, сами соблюдавшие celibat и предположительно хранившие целомудрие. Их нечестивые выражения свидетельствуют о греховности помыслов и речей. В самом заглавии, *Malleus maleficarum*, используется слово женского рода, «ведьма», потому что, по мнению авторов, именно женщины особо тяготеют к одержимости и ко вступлению в отношения с бесами⁹⁴⁷. Мнение авторов резко контрастирует с современным представлением о религиозности женщин. Они даже производят слово *femina*, «женщина», от *fe* и *minus*, то есть *fides minus*, «меньшая в вере». Они заявляют, что слезы, обман и коварство — сама суть женской природы⁹⁴⁸. Женщина обманывает, так как она сотворена из ребра Адама, а оно было изогнуто.

Длинная глава, I. 6, посвящена доказательству того, что женщина хуже мужчины. Ее союз с бесами описывается с явным удовольствием. В древние времена, утверждают авторы, сожительство с бесами происходило против воли женщины, но теперь оно происходит с ее полного согласия и даже при пылком желании с ее стороны. Авторы благодарят Бога за то, что они мужчины. Немногие представители их пола, говорят они, соглашаются на столь непристойные отношения с бесами — в пропорции один мужчина на десять женщин. Это потому, что мужчина от природы обладает силой разума (*vigor rationis*). Чтобы доказать греховность женщин и их пагубную роль в истории, Инститорис и Шпренгер цитируют все дурное о женщинах, что только смогли найти у авторов, библейских и классических, отцов церкви и схоластов, Катона, Теренция, Сенеки, Цицерона, Иеронима. Часто цитируются слова Иисуса, сына Сирахова: «От жены начало греха и чрез нее мы все умираем»⁹⁴⁹. Елена, Иезавель и Клеопатра — примеры губительного влияния, которое вело к падению царств, и эти катастрофы были неизбежно вызваны женскими кознями.

⁹⁴⁷ *Haeresis dicenda est non maleficorum sed maleficarum, ut fiat a potiori denominatio*. См. Hansen, *Quellen*, 416-444, и *Zauberwahn*, 481-490.

⁹⁴⁸ {Эти три названных здесь Шаффом женских качества входят в английскую поговорку и перечислялись рядом уже у Чосера в прологе батской ткачихи.}

⁹⁴⁹ Сир. 25:27. — *Прим. изд.*

Авторы последнего периода Средневековья считали, что Бог допускает тлетворное вмешательство сатаны в брачные отношения чаще, чем в какую-либо другую сферу, по той причине, что первый грех был совершен через супружеское соитие. Здесь авторы то и дело цитируют Фома Аквината⁹⁵⁰. Проповедники, равно как и писавшие о колдовстве авторы, с презрением относились к женщине. Как считал Гейлер из Страсбурга, среди сжигаемых по обвинению в колдовстве на одного мужчину приходится десять женщин потому, что женщины болтливы и развязны. Он цитировал Амвросия, писавшего, что женщина — врата дьявола и путь скверны (*janua diaboli et via iniquitatis*). Другой известный проповедник XV века Иоанн Нидер упоминал десять случаев, в которых сожительство мужчины и женщины является смертным грехом, а в латинском трактате о моральной проказе причислял к ней и брачные узы⁹⁵¹. За век до этого епископ Альварес из Пелайо в своем *De planctu ecclesiae*, написанном в Авиньоне, перечислял 102 греха, свойственных женщине, в том числе сожительство с бесами. Прелат даже утверждал, что знает об этом на личном опыте. Так поступали, говорит он, монахини в монастырях, и он напрасно пытался положить этому конец.

«Специалисты» считали, что около 1300 г. появилась «новая секта ведьм»⁹⁵², а авторы XV — XVI веков пытались доказать, что две их характерные особенности, полеты по воздуху и сношения с бесами, — это не иллюзия воображения, а подлинная реальность⁹⁵³. К свидетельствам самих ведьм добавлялись наблюдения церковных должностных лиц⁹⁵⁴. Говорилось и о других дьявольских делах — убийстве некрещенных детей, поедании их плоти после посвящения ее дьяволу, попрании гостии⁹⁵⁵. Одна женщина в 1457 г. призналась, что практиковала это последнее занятие в течение 30 лет.

Самыми популярными местами, где каждую неделю проходили шабаши, были Брокен, Беневенто, Комо и области за Иорданом. Здесь ведьмы и бесы собирались тысячами и предавались своей разнузданности. Ведьмы переходили из одного колдовского сообщества в другое, как им нравилось⁹⁵⁶. Приериас утверждает, что в оргиях участвовали дети восьми — десяти лет.

⁹⁵⁰ *Com. ad Sent.*, IV. 34, qu. I. 3, *quia corruptio peccati prima... in nos per actum generantem devenit, ideo maleficij potestas permittitur diabolo adeo in hoc actu magis quam aliis*. См. Hansen: *Quellen*, pp. 88-99. Отвечая на вопрос, почему женщины больше подвержены влиянию колдовства, чем мужчины, Александр Галесский заявил, что женщина обладает меньшей силой ума, чем мужчина (*minus habet discretionem spiritus*).

⁹⁵¹ См. Hansen, *Quellen*, p. 423 sqq. Викильф, похоже, относился к женщинам не так критически, как авторы, писавшие на век позже, однако он говорит в *Lat. Serm.* II. 161: *Femina super in malicia multos viros... veritas est quod natura feminea est virtute inferior*, etc. («Женщина превосходит по порочности многих мужчин... и женская природа действительно менее добродетельна»).

⁹⁵² *Ista secta strigiarum*. Так полагал Бернард из Комо, за которым следовали Никола Жакьер, Приериас и др. Hansen, *Quellen*, pp. 282, 319.

⁹⁵³ Туррекремата, испанский доминиканец и канонист, не соглашается с мнением, что летающих женщин возглавляют Диана и Иродиада, — по той причине, что Диана никогда не существовала, и Иродиада, вероятно, не разрешалась покидать ад.

⁹⁵⁴ См. реалистические описания Жакьера, Приериаса, Варфоломея из Спины и т. д. *Quellen*, p. 136, etc.

⁹⁵⁵ Жакьер, Видман из Кемната, Варфоломей из Спины и т. д. *Quellen*, pp. 141, 234, 327 sq.

⁹⁵⁶ *Valdenses ydolatrae* (*Quellen*, pp. 157, 165). Поэт Мартин ле Франк, секретарь Феликса V, в своем *Champion des dames* (ок. 1440) говорит о 10 тыс. ведьм, собиравшихся на шабаш в долину Валлис, и от шестисот из них было получено признание, что они сожительствовали с бесами (*Quellen*, 99-104).

Иногда невинным, хотя и похотливым свидетелям этих сцен приходилось трудно. Так было с инквизитором Комо, Варфоломеем из Хомата и несколькими его товарищами. Они решили увидеть все сами и наблюдали из укрытия за шабашем в Мендризио. Председательствовавший дьявол, как будто не догадываясь об их присутствии, распустил собрание, но тут же созвал всех обратно, непрошенных гостей вытащили из укрытия, и бесовское отродье наполнило их таким вожделением, что они прожили после этого только 15 дней⁹⁵⁷. Как правило, дьявол принимал облик кота или козла. Если сборище проходило в помещении, он обычно спускался по лестнице хвостом вперед. Ведьмы целовали ему зад, пировали, потом гасили свет и устраивали дикие оргии. Уже в 1460 г. появились картины, изображавшие женщин, летающих по воздуху на палках, метлах, козлах или бесах. В Нормандии одержимых называли ездящими на метле (*scobaces*)⁹⁵⁸. Бесы учили их делать мазь из пепла жабы, вскормленной облатками, из крови убитых младенцев и из других ингредиентов. Ею они намазывали свои метлы для облегчения полета. Согласно врачу Иоанну Гартлибу, который называет это снадобье «мазью Фарелиды» (Иродиады), оно изготавливалось из семи разных трав, каждую из которых требовалось собрать в определенный день недели и смешать с птичьим или животным жиром⁹⁵⁹.

Популярность темы ведьмовских чар в литературе подтверждается цитатами из 70 произведений, приведенными у Хансена, но на этом список не заканчивается⁹⁶⁰. Большинство авторов были доминиканцами. «Молот ведьм» печатали много раз. До 1520 г. вышло 13 изданий. В 1574 — 1669 годах — 16. Самым знаменитым из литераторов первой половины XV века был Иоанн Нидер (ум. в 1438), автор *Formicarius*, или «Муравьиного трудолюбия». Он был членом доминиканского ордена, профессором богословия в Вене и участником Базельского собора. Такие авторы, как Жакьер, не удовлетворялись написанием одного трактата⁹⁶¹. Фигурировавший в истории Лютера Сильвестр Приериас (ум. в 1523) и Варфоломей из Спины (ум. в 1546) занимали важные посты при папском дворе⁹⁶². Эти два человека разъясняли буллу Иннокентия VIII и цитировали «Молот ведьм». Гейлер из Страсбурга повторял с кафедры самые ужасные обвинения против ведьм. Пико делла Мирандола, биограф Савонаролы, написал на эту тему целую книгу. Он заявлял, что в существовании ведьм можно сомневаться ничуть не более, чем в существовании Америки⁹⁶³.

⁹⁵⁷ Об этом случае рассказывает знаменитый охотник на ведьм инквизитор Бернард из Комо в своем *De strigiis*. (Hansen, *Quellen*, pp. 279-284).

⁹⁵⁸ От *scoba*, «метла». См. трактат *Errores Gazariorum seu illorum qui scobam vel baculum equitare probantur* (*Quellen*, pp. 118-123).

⁹⁵⁹ *Quellen*, p. 131 sq. Этот специалист по медицине заявляет, что люди часто превращались в жаб и кошек. Если такой кошке отрубали лапу, то оказывалось, что у ведьмы отрублена нога. Этот средневековый практик рассказывает, что своими глазами видел в Риме, как жгли такую женщину и что подобное часто случалось в папском городе. Гартлиб был медиком-советником герцога Альберта III Баварского. Его *Buch aller verbotenen Kunst, Unglaubens u. d. Zauberei* была написана в 1456 г.

⁹⁶⁰ Хансен посвящает 60 страниц в своем *Quellen* заглавию, дате написания и авторам *Malleus*. Прекрасный перевод на немецкий — J. W. R. Schmidt: *Der Hexenhammer*, Berlin, 3 vols., 1906.

⁹⁶¹ *Flagellum haereticorum fascinariorum*, «Бич еретиков». Отрывки см. в Hansen, 133-144. *Tract. de calcinatione daemonum seu malignorum spirituum* хранится в виде рукописи в Брюсселе.

⁹⁶² *De strigimarum daemonumque mirandis* (Rome, 1521) и *De strigibus et lamiis* (Venice, 1535). Hansen, pp. 317-339.

⁹⁶³ *Strix sive de ludificatione daemonum*, 1523. См. Burckhardt-Geiger: *Renaissance, Excursus*, II.

Гонения на ведьм сначала приобрели широкий размах в Швейцарии и Северной Италии, потом — во Франции и Германии. Первое сожжение в Риме произошло в 1424 г.⁹⁶⁴ В епархии Комо, в Северной Италии, 41 человек был сожжен в течение года после выхода буллы Иннокентия VIII. В 1500 — 1525 г. в этой области судили в среднем по тысяче женщин в год и казнили в среднем по сотне. В 1521 г. Приериас заявлял, что Апеннины полны ведьм и скоро их количество превысит количество верующих.

Во Франции кармелит Гильом Аделин, одна из главных жертв, был профессором в Париже и принимал участие в Базельском соборе. Схваченный инквизицией в 1453 г., он признался в том, что он «вальденс» (Vaudios), посещал синагоги и воздавал почести дьяволу. Несмотря на то, что потом он отрекся от показаний, его держали в темнице до самой смерти⁹⁶⁵. В Бриансоне (1428 — 1447) 110 женщин и 57 мужчин были казнены за колдовство через сожжение или утопление.

В Германии Гейдельберг, Форцгейм, Нюрнберг, Вюрцбург, Бамберг, Вена, Кельн, Метц и другие города стали центрами, где процветала эта безумная мания и многие были казнены по обвинению в связи с бесами. За пять лет, предшествующих 1486 г., Генрих Инститорис и Шпренгер отправили на костер 48 человек. Гейдельбергский придворный проповедник Маттиас Видман, из Кемната, объявил «катарок, или еретичек-ведьм», самой проклятой сектой, которую следует предавать «обильному огню без всякой жалости». Он сообщает, что ведьмы ездили на котах, козлах, метлах, веслах и других предметах и что он видел сожжение многих из них в Гейдельберге. В 1540 г., за шесть лет до смерти Лютера, четверо ведьм и колдунов были сожжены в протестантском Виттенберге. В 1545 г. 34 женщин сожгли или четвертовали в Женеве. В Англии к этим несчастным применяли закон о сожжении еретиков (1401), и многие были преданы огню. Но на английской почве в средневековый период гонения никогда не приобретали такого размаха, как на континенте, и там за колдовство наказывала не церковь, а государство.

По подсчетам Луиджи из Парамо, выдающегося инквизитора с Сицилии, который многих осудил на сожжение, за 150 лет, предшествующих 1597 г. (дате написания его трактата о происхождении и развитии инквизиции), за колдовство было казнено 30 тыс. человек⁹⁶⁶.

Ведьм осуждали на бичевание, изгнание и сожжение или же, как в Кельне, Страсбурге и других местах, утопление. Самыми распространенными формами пыток были тиски для больших пальцев и дыба. При пытке на дыбе руки узника связывали за спиной веревкой, которая продевалась в шкив на потолке. Тело

359-362. Официальное папское мнение конца XVI века изложено канонистом Франческо Пенней, который умер в Риме в 1612 г. Он работал в папской комиссии по пересмотру «Декреталий» Грациана и заявлял, что полеты ведьм по воздуху и их сожительство с бесами несомненно доказаны. См. выдержки из его *Com. on Eymericus Directorium*. Hansen, *Quellen*, p. 358 sq.

⁹⁶⁴ Infessura, Tommasini ed., p. 25. О другом сожжении в Риме (1442) см. Burckhardt-Geiger, II. 359. О колдовстве в Италии см. этого же автора, II, p. 255-264. Подробные списки судов (1245 — 1540) есть в Hansen, *Quellen*: о церковных судах — pp. 445-516; о гражданских — pp. 517-615. В 1623 г. Григорий XV возобновил практику приговаривать за соглашения с дьяволом к пожизненному заключению.

⁹⁶⁵ Hansen, *Quellen*, pp. 467-472. О знаменитом случае Жилия де Реца, прообраза Синей Бороды, см. Lea, *Inq.*, III. 468-487.

⁹⁶⁶ Другие цифры см. в Hansen, *Zauberwahn*, p. 532 sqq., Hoensbroech, I. 500 sqq., и Lecky, I. 29 sqq. Говорят, в Трире сожгли семь тысяч. В 1670 г. в Швеции было схвачено 70 человек, и большая часть из них была сожжена.

медленно поднимали, иногда оставляли подвешенным или внезапно сбрасывали на пол. У обвиняемых не было адвокатов в современном смысле слова. Одного лишь подозрения церковного или гражданского суда было достаточно, чтобы с почти абсолютной неизбежностью вынести человеку приговор. Под пыткой жертвы были готовы признаться в чем угодно, сколь бы неправдоподобным и отвратительным ни было обвинение. Иногда смерть, даже при условии отлучения от церкви, казалась предпочтительнее, чем долгая агония, так как предсмертные страдания продолжались максимум несколько часов или даже могли быть сокращены до нескольких минут. Леки писал, что несчастных не ждали ни мученический венец, ни небесная слава. Церковь не сочувствовала им и не молилась за них. Лишенные сострадания и молитв, они проходили через допросы хладнокровных инквизиторов и погибали в огне.

Те, кто защищал предполагаемых ведьм или выступал против судов над ведьмами, рисковали жизнью. В 1593 г. голландский священник Корнелий Лоос Каллид был посажен в Трире в тюрьму, так как оспорил осуждение женщины, которая под пытками признала себя ведьмой. За четыре года до этого, в 1589 г., доктор Дитрих Флейд, советник из Трира, был сожжен за то, что критиковал гонения на ведьм⁹⁶⁷.

Вера в демонологию и разнообразные темные искусства была наследием, которое церковь получила от древнего римского мира. Под влиянием северных мифологий эта вера только усилилась. Но невозможно отрицать, что для подтверждения безумного средневекового страха перед злыми духами использовались отрывки Писания, особенно из Ветхого Завета. Встреча Саула с аэндорской волшебницей, несчастья, которые дьявол навлек на Иова, истории из Левита и Второзакония, случаи из апокрифов и повествования Нового Завета о бесах упоминались и применялись буквально и неустанно.

Эта долгая история начинается единоборствами древних отшельников с бесами, изобилует сообщениями о личных встречах средневековых монахов с бесами в своих часовнях или кельях и заканчивается ужасными процессами инквизиции над ересью. Но, к счастью, нынешние просвещенные страны поставили точку в этой истории благодаря современному более разумному образу мыслей и лучшему пониманию христианского закона любви. В нашем изложении мы постараемся показать, как сильно может заблуждаться христианское общество, и укрепить в нынешнем поколении чувство благодарности за то, что сейчас преобладают лучшие помыслы. Возможно, описать эти несправедливости надо было хотя бы ради тех, кто пострадал от них. В конце главы мы позволим высказаться одной из жертв, бургомистру Бамберга, хотя он и пострадал через сто лет после завершения средних веков, в 1628 г. Обвиненный на основании ложных свидетельств, под пыткой он признался в том, в чем его обвиняли. Вот что он написал затем своей дочери:

Множество добрых ночей тебе, возлюбленная дочь Вероника. Невинным я попал в темницу, невинным и умру. Ибо тот, кто попадает в тюрьму по обвинению в колдовстве, должен стать колдуном или терпеть пытки, пока сам не выдумает что-нибудь и (да сжалится над ним Бог!) не обвинит в чем-нибудь сам себя. Я расскажу

⁹⁶⁷ Döllinger-Friedrich, pp. 130, 447. О покаянии Лооса в изложении Делрио см. *Phil. Trsll. and Reprints*, III. В послании, написанном в 1629 г., канцлер епископа Вюрцбургского сообщает, что неделей ранее прекрасная девушка 19 лет была казнена как ведьма. Он пишет и о детях трех-четырёх лет, числом 300, которые имели сношения с дьяволом. Он сам видел, как к смерти приговаривали семилетних детей и талантливых учеников 12 и 15 лет (*Phil. Trsll.*, etc., III).

тебе, что со мной делали... Пришел палач и засунул мои пальцы в тиски, связав руки вместе, так что кровь текла из-под ногтей и повсюду, и четыре недели я не мог пошевелить руками, ты видишь это по почерку... Потом они раздели меня, связали руки за спиной и подвесили меня. Я не понимал, где земля, где небо. Они проделывали это восемь раз и снова отпускали меня, так что я ужасно страдал... [Далее он перечисляет признания, которые он вынужден был сделать.]... Теперь, дорогое мое дитя, ты знаешь обо всех моих признаниях, из-за которых я должен умереть. Все это полная ложь. Я вынужден был сказать это из страха перед дыбой, потому что они не перестают пытаться человека, пока тот не признается в чем-либо... Дорогое дитя, спрячь это письмо, чтобы люди не нашли его, а то меня будут пытаться безжалостно, а тюремщиков обезглавят... Мне понадобилось несколько дней, чтобы написать это, потому что я не владею руками. Прощай, ибо твой отец Иоганн Юний больше не увидит тебя⁹⁶⁸.

Булла Иннокентия VIII *Summis desiderantes*.

5 декабря 1484 г.⁹⁶⁹

Innocentius episcopus, servus servorum dei, ad perpetuam rei memoriam. Summis desiderantes affectibus, prout pastoralis sollicitudinis cura requirit, ut fides catholica nostris potissime temporibus ubique augeatur et floreat ac omnis haeretica pravitas de finibus fidelium procul pellatur, es libenter declaramus ac etiam de novo concedimus per quae huiusmodi pium desiderium nostrum votivum sortiar effectum; cunctisque propterea, per nostrae operationis ministerium, quasi per providi operationis saeculum erroribus exstirpatis, eiusdem fidei zelus et observantia in ipsorum corda fidelium fortium imprimatur.

Sane nuper ad nostrum non sine ingenti molestia pervenit auditum, quod in nonnullis partibus Alemaniae superioris, necnon in Maguntinensi, Coloniensi, Treverensi, Saltzburgensi, et Bremensi, provinciis, civitatibus, terris, locis et dioecesis complures utriusque sexus personae, propriae salutis immemores et a fide catholica deviantes, cum daemonibus, incubis et succubis abuti, ac suis incantationibus, carminibus et coniurationibus aliisque nefandis superstitionibus, et sortilegis excessibus, criminibus et delictis, mulierum partus, animalium foetus, terra fruges, vinearum uvas, et arborum fructus; necnon homines, mulieres, pecora, pecudes et alia diversorum generam animalia; vineas quoque, pomeria, prata, pascua, blada, frumenta et alia terra legumina perire, suffocari et extinguere facere et procurare; ipsosque homines, mulieres, iumenta, pecora, pecudes et animalia diris tam intrinsecis quam extrinsecis doloribus et tormentis afficere et excruciare; ac eosdem homines ne gignere, et mulieres ne concipere, virosque, ne uxoribus, et mulieres, ne viris actus coniugales reddere valeant, impedire; fidem praeterea ipsam, quam in sacri susceptione baptismi susceperunt, ore sacrilego abnegare, aliaque quam plurima nefanda, excussus et crimina, instigante humani generis inimico, committere et perpetrare non verentur in animarum suarum periculum, divines maiestatis offensam ac perniciosum exemplum ac scandalum plurimorum. Quodque licet dilecti filii Henrici Institoris in praedictis partibus Alemaniae superioris... necnon Iacobus Sprenger per certas partes lineae Rheni, ordinis Praedicatorum et theologiae professores, haeretici pravitatis inquisitores per literas apostolicas deputati fuerunt, prout adhuc existunt; tamen nonnulli clerici et laici illarum partium, quaerentes plura sapere quam oporteat, pro eo quod in literis deputationis huiusmodi provinciae, civitates dioeceses terrae et alia loca praedicta illarumque personae ac excessus huiusmodi nominatim et specificè expressa non fuerunt, illa sub eisdem partibus minime contineri, et propterea praefatis inquisitoribus in provinciis, civitatibus, dioecesis, terris et locis praedictis huiusmodi inquisitionis officium exequi non licere; et ad personarum earundem super excessibus et criminibus antedictis punitionem, incarcerationem et correctionem admitti non debere, pertinaciter asserere non erubescunt... Huiusmodi inquisitionis officium exequi ipsasque personas, quas in praemissis culpabiles reperierint, iuxta earum demerita corrigere, incarcerare, punire et multare... Quotiens opus fuerant, aggravare et reaggravare auctoritate nostra procuret, invocato ad hoc, si opus fuerit, auxilio brachii saecularis.

⁹⁶⁸ Перевод взят из *Phila. Trsll. and Reprints*, vol. III.

⁹⁶⁹ Перепечатано из Hansen, *Quellen*, pp. 25-27. Латинский текст есть также в Soldan, p. 215, и Mirbt, p. 171 sq. Немецкий перевод — в Schmidt, pp. xxxvi-xli, и Hoensbrooch, I, 384-386. Английский перевод — в *Phila. Trsll. and Reprints*, vol. III.

§60. Испанская инквизиция

*Имя Торквемады, омраченное тучами,
Тускло дымится на фоне далекого прошлого,
Подобно сгоревшей башне над почерневшей пустошью,
Подсвеченной снизу углями горящего хвороста.*

ЛОНГФЕЛЛО

Испанская инквизиция — олицетворение земной несправедливости. Ее ужасы омрачают историю Испании в целом. Организованная для того, чтобы избавить испанские королевства от заразы ереси, она распространила свои методы на испанские владения в Европе, Сицилии и Голландии, а также на испанские колонии в Новом Свете. После брака Филиппа II с Марией Тюдор инквизиция обеспечила себе временное признание в Англии. К числу ее жертв относятся иудеи, мавры, протестанты и пользователи темных искусств. Ни одна страна в мире не заботилась о сохранении чистоты католической веры так, как Испания в XV — XVIII веках, и ни одна церковная организация не имела более неограниченной власти, чем испанская инквизиция. Она, как и папская инквизиция, организованная Иннокентием III, считала своей конечной целью искоренение ереси, но отличалась от этого более раннего института тем, что управлялась судом, назначенным испанским королем, непосредственно ему подчиненным и действующим независимо от епископов. Папская инквизиция контролировалась апостольским престолом, который назначал служителей, руководствовавшихся ее уставами, и эти служители в определенной степени согласовывали свои действия с епископами.

Испанские королевства, воевавшие с маврами-язычниками, не желали уступать вторжению катаров и других еретиков с севера. Угрозой для ортодоксальной безмятежности были также иудеи — и те, которые крепко держались за веру своих предков, и те, что по собственному желанию или по принуждению совершали христианские обряды. Нигде в Европе не было столько иудеев и нигде они не были столь процветающими торговцами и не занимали таких высоких должностей, как испанские врачи и придворные советники. Иудейская литература средневековой Испании — это отдельная и выдающаяся тема в истории еврейского искусства. Не во власти церкви было избавить страну от иудеев, которые твердо держались веры своих предков. Они подчинялись государству, и, согласно каноническому праву, нельзя было мешать иудеям отправлять их религиозные обряды. Но, принимая крещение, иудеи и мавры оказывались подчинены церковной дисциплине. Обращенных иудеев в Испании называли *conversos* или *ma-ranos*, «новообращенными». Именно с ними в первый период своей истории разбиралась испанская инквизиция. А когда стало распространяться учение Лютера, она занялась протестантами, однако обращенные в христианство иудеи составляли большую часть ее жертв вплоть до самого конца ее истории (1834).

С самого начала испанское законодательство было направлено на унижение иудеев и на отделение их от христианского населения. Общецерковный собор во Вьенне (1312) осудил испанский закон, согласно которому для признания иудея виновным требовалось свидетельство другого иудея. Испанские синоды, такие как в Вальядолиде и Таррагоне (1322, 1329), явно свидетельствовали о нетерпимости, с которой Испанская церковь относилась к иудейскому народу. Еврейские общины, которые жили отдельно, в собственных кварталах, называемых *Juderías*, часто грабились, в них устраивалась резня, их синагоги разрушали или превращали в церкви. Подсчитано, что в 1391 г. в Кастилии было убито 50 тыс. иудеев. Потом это безумие распространилось и на Арагон⁹⁷⁰.

Такие враждебные чувства объяснялись высокомерием потомков Авраама по плоти, их упорным соблюдением собственных традиций и непомерными процен-тами, которые взимали их ростовщики. Недовольные государственным процен-том, который в Арагоне составлял 20 процентов, а в Кастилии — 33 и одну треть, евреи часто заставляли узаконивать еще более высокие проценты. Суеверное и полное страхов христианское население обвиняло их в святотатственном исполь-зовании облаток и в убийстве христианских детей, кровь которых была якобы нужна им для колдовства. Принимались все более строгие законы. Иудеи долж-ны были носить определенную одежду, им запрещалось брить бороду и подстри-гать волосы кругом. Им запрещалось работать в христианских домах, практико-вать медицину и вести сельскохозяйственные работы. Они редко занимались и торговлей, а только ростовничеством, которое, согласно каноническому праву, было запрещено христианам.

Совместное правление Фердинанда (1452 — 1516) и Изабеллы (1451 — 1504) — начало новой эпохи в истории иудеев Испании, как тех, что сохранили веру своих предков, так и большинства, которое заявило о своем переходе в лоно христианской церкви⁹⁷¹.

Наделяя Фердинанда и Изабеллу титулом «католических» (1495), Алек-сандр VI в качестве одной из причин назвал изгнание иудеев из Испании (1492). Учреждение испанской инквизиции, которая начала свою деятельность за двена-дцать лет до того, было направлено непосредственно против *conversos*, лиц иудей-ского происхождения и членов церкви, которые в душе и втайне оставались иудеями.

Папская инквизиция еще не была организована в Кастилии, а в Арагоне она была слаба. После собора в Тортозе (1429) посыпались жалобы, что *conversos* не крестят своих детей, ходят в синагоги и соблюдают иудейские праздники, пороча тем самым христианскую веру. В том, что такое лицемерие действительно имело место, нет сомнений, так как Базельский собор клеймит его. В то же время возмущение народа усиливалось из-за пылких призывов клириков, таких как монах Альфонсо Испанский, который в своем *Fortalicium fidei* («Укреплении веры») рассказывает о предполагаемых случаях убийств иудеями детей и заявля-ет о праве церкви крестить детей иудеев без согласия их родителей⁹⁷². Рассказы-вали, что перед возвышением Изабеллы ее исповедник Торквемада, бич ерети-ков, добился от нее клятвы, что она сделает все возможное для искоренения ереси в своем королевстве. Позже, прислушавшись к этому же призыву церкви, Фердинанд и его супруга попросили у папского престола основать инквизицию в Кастилии.

Сикст IV, сидевший тогда на престоле святого Петра, не колебался в таком важном вопросе и 1 ноября 1478 г. издал буллу об учреждении этого испанского суда. Он разрешил испанским королям назначать трех епископов или других

⁹⁷⁰ Lea, I. 100 sqq., 107 sq.

⁹⁷¹ Фердинанд вместе со своим отцом, Иоанном Наваррским, управлял Арагоном с 1469 г. В том же году он женился на Изабелле, сестре Генриха IV, короля Кастилии. После смерти Генриха право Изабеллы на трон оспаривала Хуана, которая называла себя дочерью Генриха, но народ считал ее дочерью Бельтрама де ла Куэва и называл *La Beltraneja*. Последовавшая граждан-ская война завершилась в 1479 г., когда Хуана удалась в монастырь, а Изабелла была безоговорочно признана королевой. Правление Фердинанда и Изабеллы считается одним из наиболее славных в анналах испанской истории. Внук Фердинанда от его дочери Хуаны, Карл V, унаследовал его владения.

⁹⁷² Lea, I. 15.

церковных служителей, чтобы те судили еретиков; в то же время монархи могли удалять или заменять этих лиц, как им будет угодно. После двух лет задержки комиссия была учреждена в 1480 г. В нее вошли два доминиканских богослова, Михаил де Морильо и Иоанн из Сен-Мартена, и послушник монастыря Сан-Пабло, Севилья. Комиссия заседала при муниципальном совете Севильи. Вскоре задержанных по ее приказу оказалось уже так много, что их невозможно было держать в Сан-Пабло, где изначально расположился суд, и он перебрался в главную крепость города, Триану, просторные темные подземелья которой подходили для того мрачного дела, для которого она была избрана.

Пережив этап организации, инквизиция начала свою работу с издания так называемого Эдикта благодати⁹⁷³. Он давал еретикам 30 — 40 дней на то, чтобы сделать признание, покаяться и получить прощение. Сколь бы гуманной ни была эта мера, она использовалась также для выявления духовных преступников, поскольку кающиеся, которых называли *penitentes*, должны были под клятвой называть имена других еретиков. Кающихся подвергали унижениям — например, на первом *auto de fe* в Толедо (1486), когда 750 кающихся обоих полов должны были пройти по улицам города со свечами в руках и обнаженными головами. Когда они вошли в собор, им объявили, что у них конфискуют пятую часть собственности и теперь они не будут иметь права занимать общественные должности. Первое *auto de fe* в Севилье состоялось 6 февраля 1481 г., через шесть месяцев после назначения суда. На нем были сожжены заживо шесть мужчин и женщин. Отвратительное зрелище предвляла проповедь, которую произнес брат Альфонсо де Охеда. Ужасная чума, разразившаяся в городе, не помешала заседаниям суда, который временно переместился в Арасену. Там на первом холокосте погибло 23 человека. По словам современника, к 4 ноября 1491 г. 298 человек были преданы огню, а 79 приговорены к пожизненному заключению⁹⁷⁴. Суд Сюэдад-Реалья (1483) за два года осудил на сожжение 52 еретика, в 1485 г. он перебрался в Толедо. В Авиле в 1490 — 1500 г. 75 человек было сожжено живьем, а также было эксгумировано и сожжено 26 мертвых тел. Иногда всех *conversos* изгоняли, как в Гвадалупе по приказу генерального инквизитора Дезы в 1500 г. Из Кастилии инквизиция перенесла свои операции в Арагон, где тремя ее основными центрами были Валенсия, Барселона и Сарагоса, а затем и на Балеарские острова, где она была особенно активна. Первое сожжение в Сарагосе имело место в 1484 г., когда двое мужчин были сожжены живьем, а одна женщина — символически, и в Барселоне — в 1488 г., когда живьем были сожжены четыре человека.

Сикст IV продолжал следить за деятельностью организованного им суда. В послании к Изабелле от 13 февраля 1483 г. он убеждал королеву, что дело это угодно его сердцу. В том же году, желая сделать суд более эффективным, Фердинанд возвысил его до положения пятого государственного совета, под названием *Concejo de la Suprema y General Inquisicion*. Эта организация, обычно называемая *suprema*, должна была заботиться о делах веры по всему королевству. Для той же цели была создана должность генерального инквизитора (1483), который получил право удалять и назначать членов инквизиции. Первым генеральным инквизитором был Томас де Торквемада, в то время — приор монастыря Санта-Крус в Сеговии. Этот фанатик, имя которого стало синонимом бескомпромиссной религи-

⁹⁷³ Lea, II. 457-463.

⁹⁷⁴ Lea, I. 165.

озной нетерпимости и бессердечной жестокости, к тому времени уже получил титул инквизитора от папы (1482). Он принялся выполнять свои обязанности с редкостной энергией и выработал правила, отличающие испанскую инквизицию.

Возглавленная Торквемадой, инквизиция стала первой властью в Испании после королевской. Ее решения были подобны ударам громадного молота, и никто, кроме монарха, не осмеливался перечить им. В 1507 г., после смерти Дезы, третьего генерального инквизитора, Кастилия и Арагон были подчинены разным судам. Кардинал Хименес (1436 — 1517), член францисканского ордена и одна из наиболее выдающихся фигур в истории Испанской церкви, стал генеральным инквизитором Кастилии. Его достижения в качестве архиепископа Толедо бледнеют в сравнении с его славой ученого и покровителя литературы. Но вместе с тем он старался избавить свою страну от еретической скверны, и при этом никогда не поддавался искушению воспользоваться своей властью в эгоистичных целях или обогащаться за счет конфискованного имущества *conversos*, в чем обвиняли Торквемаду.

При Адриане Утрехтском, первом генеральном инквизиторе Арагона, суды двух королевств опять объединились (1518). Когда к ним добавилась Наварра, покоренная Фердинандом, весь Иберийский полуостров, за исключением Португалии, оказался подчинен одному лицу. Адриан был наставником Карла V и преемником Льва X на папском престоле. После его правления черед генеральных инквизиторов не прерывалась до 1835 г., когда умер последний обладатель этой должности, Херонимо Кастельян-и-Салас, епископ Таразона⁹⁷⁵.

Множество раз обсуждался интересный вопрос, является ли испанская инквизиция папским или государственным институтом. Предпринимались попытки снять с верховного понтифика ответственность за ее организацию и руководство. Однако на самом деле это было преимущественно церковное учреждение, созданное по воле Сикста IV и постоянно поддерживаемое папами. С другой стороны, учреждения инквизиции желали Фердинанд и Изабелла, и деятельность инквизиции после получения папского разрешения проходила под контролем испанского монарха. Насколько мы знаем, папы никогда не возражали против негуманных методов испанских судов. Им не нравилось лишь то упорство, с которым Фердинанд держал административную власть в собственных руках, не позволяя никому вмешиваться в распределение конфискованного имущества⁹⁷⁶. Апостольский престол сердечно одобрял деятельность инквизиции. Это видно по

⁹⁷⁵ Список приводится в Lea, I. 556-559.

⁹⁷⁶ Гёфеле в своей *Life of Cardinal Ximenes*, p. 265 sqq., заявляет, что испанская инквизиция была государственным учреждением, *Staatsanstalt*. Он указывает, что генеральный инквизитор назначался королем и инквизиторы действовали от его имени. Ranke (*Die Osmanen u. d. span. Monarchie in Fürsten u. Völker*, 4th ed., 1877) называет ее «королевским институтом, который был вооружен духовным оружием». С другой стороны, испанские историки Орти-и-Лара и Родриго называют инквизицию папским институтом. Пастор в основном придерживается последнего мнения, когда настаивает на преобладании религиозного элемента в ее деятельности и говорит о булле Сикста IV с ее авторизацией. Он пишет: *So erscheint d. span. Inquisition als ein gemischtes Institut mit vorwiegend kirchlichem Charakter* (1st ed., II. 542-546, 4th ed., III. 624-630). Wetzler-Welte (VI. 777) считает так же и цитирует Орти-и-Лару, который говорит: «Инквизиция сплавила воедино папский меч и светскую власть королей». Доктор Ли подчеркивает смешанный характер организации и говорит, что главное — не ее происхождение, а то, какая партия получила от нее больше преимуществ. Однако инквизиция сыграла достаточно важную роль в истории папства как божественного или человеческого института, чтобы мы могли настаивать на папской ответственности за появление и поддержку этой печально известной организации. Функ говорит: «Предположение, будто испанская инквизиция была прежде всего государственным институтом, не представляется обоснованным».

многим документам, и Сикст V 22 января 1588 г. явно взял на себя ответственность за создание этого испанского суда. Сикст IV и его преемники вновь и вновь пытались подчинить его себе, но Фердинанд упорно не позволял им этого. Когда, например, в булле от 18 апреля 1482 г. папа приказал, чтобы подозреваемые сообщали имена свидетелей и обвинителей, чтобы заключенных держали в епископских тюрьмах, чтобы они апеллировали к апостольскому престолу и чтобы после признания перед епископом прекращались всякие гонения, Фердинанд резко выступил против такого вмешательства и намекнул, что причина этих предложений — золото *conversos*, попадающее в распоряжение курии. Эта папская акция была лишь одним из этапов борьбы за Священную Палату⁹⁷⁷. Фердинанд был готов настаивать на своем вплоть до разрыва с Римом, но не разрешать апелляции, которые ослабили бы супрему. Сикст в своем ответе пошел на компромисс. Год спустя, в октябре 1483 г., Фердинанд получил все, о чем просил, и назначение Торквемады было подтверждено.

Королевская власть над инквизицией сдерживалась также посланиями об отпущении грехов, которые рассылались, согласно обычаю, папским уполномоченным. Они не только действовали в отношении личной совести, но также обязывали прекращать гражданское судопроизводство. Фердинанд стал решительно протестовать против их использования в Испании, когда Сикст в 1484 г. подтвердил право пенитенциария. Но и здесь Сиксту пришлось уступить — по крайней мере, отчасти, и Александр VI, а позже — Климент VII (1524) объявили такие послания недействительными, если они противоречат решению испанского суда. Испания склонна была поступать по-своему и приобрела практическую независимость от курии⁹⁷⁸.

Принцип прежней инквизиции, согласно которому епископы были равны инквизиторам по власти или даже выше их, в Испании был оставлен, несмотря на неоднократные попытки папы возродить его. Иннокентий VIII (1487) полностью подчинил епископов инквизиторской организации. Когда Александр (1494) аннулировал эту буллу и потребовал от инквизиторов согласовывать свои действия с епископами, Фердинанд не смирился с такой переменной. Под его защитой супрема и ее агенты отстаивали свою независимость.

В деле конфискации имущества монарх, подобным же образом, настаивал на своем праве руководить распределением. Он использовал его на выдачу зарплат инквизиторам и их агентам, на пополнение национальной казны, а то и для подарков своим фаворитам.

С той заботой, которую Фердинанд уделял уничтожению ереси, могло сравниться лишь его неотступное и пристальное внимание к расширению собственных владений. С большим удовольствием он наблюдал за публичными сожжениями, призванными распространять католическую веру. Он изучал рапорты, которые посылали ему инквизиторы, и иногда выражал свое удовлетворение их работой, делая им денежные дары. В завещании, написанном за день до смерти, он просил своего наследника Карла V усердно поддерживать этот суд. Завещание гласило, что «все прочие добродетели — ничто, если нет веры, которой мы спасаемся, а посему мы велим славному принцу, нашему внуку, всеми силами тру-

⁹⁷⁷ Lea, I. 235; II. 103 sqq.

⁹⁷⁸ Lea (II. 116, etc.) настаивает на двуличности папства, от Сикста IV до Юлия II: папы «одной рукой продавали послания об отпущении грехов, а другой объявляли их недействительными». Булла Сикста от 1484 г. была подтверждена Павлом III в 1549 г. И непогрешимое папство не может отказаться от этих слов.

даться ради уничтожения и искоренения ереси в наших королевствах и владениях, назначая служителей, боящихся Бога и чистых совестью, которые руководили бы инквизицией справедливо и правильно, ради служения Богу и прославления католической веры, и которые столь же ревностно уничтожали бы секту Мухаммеда»⁹⁷⁹. Основной причиной, по которой Фердинанд и Изабелла учредили этот суд, была, несомненно, религия.

Похоже, против деятельности инквизиции никогда и никто массово не протестовал. В Арагоне кортесы Барселоны предложили немного смягчить ее строгие законы (1512) — например, лишить инквизиторов права носить оружие и освободить женщин от конфискации имущества в случае, если их муж или отец будет объявлен еретиком, но Фердинанд и епископ Энгерра, арагонский генеральный инквизитор, были освобождены Львом X (1514) от данной ими клятвы соблюдать эти правила. После возвышения Карла V делались попытки бороться с самыми несправедливыми из законов инквизиции, например, соблюдением тайны в отношении имен свидетелей, а в 1520 г. кортесы Вальядолида и Корунны открыто призвали к исправлению некоторых правил. Молодому королю было предложено 400 тыс. дукатов, предположительно, от *conversos*, если тот согласится на это. В 1528 г. королевство Гранада с той же целью предлагало ему 50 тыс. дукатов, но король не согласился, и в 1517 г., под влиянием Хименеса, Кастильский собор заявил Карлу, что сам мир в Испании зависит от существования инквизиции. Кардинал даже написал личное послание к королю, в котором заявил, что в случае вмешательства в дела инквизиции тот покроет свое имя позором⁹⁸⁰.

Самая главная попытка взять под контроль деятельность инквизиции была предпринята в Сарагосе. Она привела к убийству главного инквизитора, Петра Арбуэса. Это был акт отчаяния, в котором обвинили *conversos*. Арбуэс был убит в соборе 25 января 1485 г. Роковой удар нанесла ему сзади, когда он молился, стоя на коленях. Он знал, что его жизни угрожает опасность, и не только носил кольчугу и шлем, но и брал с собой копье. Он прожил еще сутки. Чудеса, совершавшиеся у его гроба, свидетельствовали о святости убитого священника. Священный колокол Вильелы звонил, хотя никто его не трогал. Кровь Арбуэса на полу собора стала жидкой через две недели после случившегося. А через два года народное уважение к инквизитору проявилось в сооружении великолепной гробницы в память о мученике. И 29 июня 1867 г. Католическая церковь буллой Пия IX воздала ему почести канонизации. Подобно тому как убийство папского легата Петра из Кастельно в начале крестового похода против альбигойцев (1208) укрепило Иннокентия в намерении искоренять ересь даже силой оружия, так и убийство Арбуэса лишь усилило хватку испанской инквизиции в Арагоне. Его убийц и всех их пособников нашли. Им отсекали руки на пороге собора, а потом дотащили до рыночной площади, где они были обезглавлены и четвертованы или сожжены живьем⁹⁸¹.

После убийств, совершаемых инквизицией, главным ее злодейством была конфискация имущества. Собственность *conversos* была искушением для алчных инквизиторов и короны. Суд инквизиции существовал за счет добычи от еретиков. «Наставления» Торквемады 1484 г. содержали конкретные правила по поводу распоряжения имуществом еретиков. Никаких ограничений на их изъятие

⁹⁷⁹ Lea, I. 214. О том, как Фердинанд выражал свое удовлетворение сожжением еретиков, например, после холокоста в Вальядолиде в сентябре 1509 г., см. Lea, I. 189, 191, etc.

⁹⁸⁰ Lea, I. 217.

⁹⁸¹ Lea, I. 250 sqq.; Wetzler-Welte, *Petrus Arbues*, vol. IX.

не было, разве что земли, переданные до 1479 г., освобождались от конфискации, чтобы избежать проблем с титулами. Собственность покойных еретиков, даже пролежавших в могилах по пятьдесят лет, находилась во власти суда. Женщинам милостиво сохранялось приданое, если их мужья были еретиками, но если еретиками были отцы, приданое они теряли. Казалось бы, дети еретиков имеют право на милосердное отношение, но клирики активно выступали за изъятие их имущества. Епископ Симанкаса утверждал, что христианское население имеет моральные права на такое имущество. «Наставления» 1484 г. велят, чтобы детей, несовершеннолетних на момент конфискации, распределяли по благочестивым семьям. Объявлялось, что король намерен, если они вырастут добрыми христианами, наделить их милостыней, особенно девочек, чтобы они могли выйти замуж или стать монахинями⁹⁸².

Конфискации подлежали даже постельные принадлежности и одежда жертв. Одно из милостивых правил гласило, что крепостные осужденных еретиков должны получать свободу. Земли продавались на аукционе через 30 дней после конфискации, но цена часто бывала низкой, то есть приобретающие их пользовались особыми привилегиями. Фердинанд и его преемник Карл щедро раздавали такую собственность. Если бы эти средства были использованы на войну с маврами, как сначала предлагал Торквемада, можно было бы утверждать, что мотивы суда бескорыстны, но такого не было. Фердинанд не только получал средства для своей обанкротившейся казны, но и покупал охотничьи дома, жемчуг и другие вещи лично для себя. Фламандские фавориты Карла V меньше чем за десять месяцев послали домой 1.100 тыс. дукатов, в основном за счет подаренных средств, конфискованных священным судом⁹⁸³. Доктор Ли, заслуга которого состоит в том, что он показал, до каких размахов доходила конфискация имущества, описывает денежные сделки инквизиции как «карнавал грабежа». Несмотря на заботу о чистоте веры, инквизиторы даже не стеснялись заключать договоры, согласно которым еврейские общины за определенную плату получали защиту от обвинений. Первая такая сделка была заключена в Валенсии в 1482 г. Однако король без колебаний нарушил этот договор и позволил схватить и осудить несчастных *conversos*, его заключивших. Не было закона, который требовал бы держать слово, данное еретикам. Случалось также, что осужденные *conversos* покупали свободу от службы на галерах или от ношения опознавательного знака еретика, санбенито (*sanbenito*)⁹⁸⁴.

Уже в 1485 г. Фердинанд и Изабелла смогли воздвигнуть королевский дворец в Гвадалупе, стоивший 2.732.333 мараведи, за счет конфискованного имущества. В памятной речи, обращенной к Карлу V, Тристан де Леон утверждал, что эти правители получили от еретиков не менее 10 млн. дукатов. На свои предприятия, такие как строительство монастыря Св. Фомы в Авила, Торквемада смог потратить громадные суммы, предположительно полученные от жертв, которых он в своем религиозном рвении осуждал на лишение имущества, а часто и жизни⁹⁸⁵. Когда ресурсы еретиков в Испании начали истощаться, пришлось использовать добычу инквизиций Мексики и Перу, чтобы финансы инквизиции под-

⁹⁸² Lea, II. 336.

⁹⁸³ Петр Мученик, цит. в Lea, II. 381.

⁹⁸⁴ Lea, I. 217; II. 353, sq., 400-413.

⁹⁸⁵ Lea, II. 363.

держивались на том уровне, к какому она привыкла. Уже с начала существования она стала заботиться о своих финансах, делая крупные инвестиции⁹⁸⁶.

После смерти Фердинанда власть супремы возросла. Она требовала к себе уважения, немногим меньшего, чем корона. Ее высокомерие в плане руководства шло бок о бок с притязаниями на святость ее цели и божественную власть. Саму инквизицию называли святой палатой, здание, ею занимаемое, — святым домом (*casa santa*), торжественное мероприятие, в ходе которого суд официально появлялся на публике и объявлял о своем решении, — деянием веры (*auto de fe*).

Супрема действовала на основании принципа, сформулированного Парамо: инквизитор был главным лицом в своем районе. Он представлял как папу, так и короля⁹⁸⁷. С одной стороны, он претендовал на право арестовывать кого пожелает, без ограничений со стороны гражданских властей; с другой, он требовал, чтобы его подчиненные были освобождены от любых задержаний и насилия.

В плане торговли и экспорта инквизиция требовала освобождения от обычных податей, которые платил народ в целом. Среди других привилегий, на которые претендовали ее члены, было освобождение от военной службы и право носить с собой днем и ночью смертоносное оружие. В заявлении апостольского престола (1515) подтверждается ее право арестовывать самых высокопоставленных представителей знати в стране, если они осмелятся критиковать ее prerogatives или мешать ее агентам. При необходимости она могла прибегнуть к кровопролитию. Ее юрисдикция распространялась не только на низшие церковные чины, но и на членов орденов. После долгой борьбы это право было подтверждено эдиктами Пия IV и Пия V (1559, 1561). От ее власти были свободны только епископы. Но исключение это было, скорее, кажущимся, чем реальным, потому что инквизиция имела право обвинять подозреваемых епископов перед папским престолом. Первыми такими обвиненными стали прелаты иудейского происхождения Давила из Сеговии (1490) и Аранда из Калаорры (1498). Обоих судили в Риме. Давилу оправдали, а Аранду посадили в темницу замка Св. Ангела, где он, предположительно, умер в 1500 г. Самым знаменитым из подозреваемых епископов был архиепископ Толедо Варфоломей из Каррансы (1503 — 1576). Его держали в тюрьме 17 лет, частично в Испании, частично в Риме. Этот случай стал известен всей Европе.

Карранса проводил последние обряды для Карла V и был какое-то время фаворитом Филиппа II, но этот вероломный князь выступил против него. Отчасти завидуя почестям Каррансы (как считали), а в основном — из-за его несдержанных речей генеральный инквизитор Вальдес решил судить архиепископа. Когда вышел комментарий Каррансы к катехизису на испанском языке, его автор был схвачен с разрешения апостольского престола (1559). Два года прелата держали в тайной темнице, а потом судили. После отсрочки Пий IV (1564) назначил комиссию из выдающихся представителей, чтобы расследовать его дело, а Пий V перевел его в 1567 г. в Рим, где его девять лет продержали в замке Св. Ангела. При преемнике Пия V Григории XIII Карранса был вынужден отречься от своих предполагаемых заблуждений, был смещен с должности на пять лет и отправлен в один из римских монастырей, где потом умер. Такое недостойное обращение и кара, постигшие примаса Испании, — лучшее доказательство дерзости и великой власти инквизиции.

⁹⁸⁶ Lea, *The Inq. in the Span. Dependencies*, p. 219.

⁹⁸⁷ Ли посвящает этой теме главу, *Supereminence*, I. 350-375.

Процедура инквизиции была основана на правилах, составленных Торквемадой (1484, 1485), называемых «Севильскими наставлениями», и на его же «Вальядолидских наставлениях» (1488 и 1498). Эти старые кодексы позже стали называться «Древними наставлениями» и оставались в силе, пока не были вытеснены кодексом 1561 г., подготовленным генеральным инквизитором Вальдесом.

Торквемада сосредоточил власть над инквизицией в руках супремы, которой были подчинены все районные суды. Постоянные суды находились в Севилье, Толедо, Вальядолиде, Мадриде (Корте), Гранаде, Кордове, Мурсии Льерене, Куэнке, Сантьяго, Логроньо и на Канарах — под властью Кастилии, и в Сарагосе, Валенсии, Барселоне и Майорке — под властью Арагона⁹⁸⁸.

Среди должностных лиц числились два инквизитора, ассессор (или консультант по вопросам канонической процедуры), альгвасил (или исполнитель, который осуществлял приговоры суда), нотариусы, которые вели записи, и цензоры, или *califadores*, которые принимали взвешенные решения по вызывающим разногласие вопросам. Было также должностное лицо, которое занималось конфискацией имущества еретиков и за него отвечало. Ему был подчинен еще ряд лиц, таких как *familiares*, или доверенные агенты. Инквизиторами могли быть миряне, если они были холосты. Чтобы занимать какое-либо из этих мест, надо было также обладать *limpieza*, чистотой крови, без какой бы то ни было мавританской или иудейской примеси, не иметь родственников-еретиков и незаконного происхождения. Это своеобразное требование приводило к бесконечным исследованиям родословных перед назначением⁹⁸⁹.

У каждого суда было собственное помещение, в том числе комната для аудиенций, комнаты для инквизиторов, библиотека с архивом, камера для пыток (*el secreto de la Inquisicion*) и тайные темницы. Фамилиары пользовались дурной славой. Они действовали как шпионы, выявляли случаи ереси и докладывали о них. Их рвение устрашало всю страну, и кортесы Монсона в 1512 г. призывали уменьшить их количество.

В своей процедуре инквизиция исходила из предпосылки, что обвиняемый виновен, пока он не докажет свою невиновность. Аресты происходили на основании слухов или чьего-то обвинения. Подобные доносы считались достойным делом. Даже детям доносы представляли как их обязанность. В наставлениях 1484 г. предписано смягчать наказание для несовершеннолетних, которые доносят на своих родителей-еретиков, а епископ Симанкас говорил, что священная обязанность сына — донести на своего отца, если тот виновен⁹⁹⁰. Нарушителю духовных законов разрешалось иметь адвоката. Тайна была основной особенностью процедуры. После ареста заключенного помещали в одну из тайных темниц (*carceres secretas*) и лишали всякого общения с близкими. Ему не показывали никаких документов по его делу. Он не знал, кто его обвиняет и кто выступает свидетелями. В выборе свидетелей инквизиция действовала с большой свободой. Принимались даже показания отлученных от церкви, иудеев, сохраняющих свою веру, и еретиков. В пользу же обвиняемого могли свидетельствовать только ортодоксальные верующие, но ни один из его родственников вплоть до четвертого колена свидетельствовать не мог. Ересь считалась ужасным проступком. С ней следовало бороться любыми методами. Ответственность держали девочки с 12

⁹⁸⁸ Список временных судов см. в Lea, I. 541-555.

⁹⁸⁹ Ли посвящает этой теме целую главу, II. 285-314. Со временем *limpieza* стала в Испании обязательным условием для того, чтобы занимать какую бы то ни было церковную должность.

⁹⁹⁰ Lea, II. 485.

лет, а мальчики — с 14. Старость не освобождала от ответственности перед строгим судом⁹⁹¹.

Жертвы обвинялись в малейших отклонениях, на слове или на деле, от строго католических обычаев — например, в том, что отказывались есть свинину, посещали дом, где учат мавританским обычаям, говорили, что исцеляет сама Дева, а не ее образ, или что иудеи и мавры могут быть спасены, если искренне верят в истинность иудейских и мавританских учений⁹⁹². К пыткам прибегали не только для того, чтобы получить доказательства виновности. Даже если показаний свидетелей было достаточно, чтобы установить факт вины, обвиняемого все равно пытали — чтобы заставить его признаться, чтобы душа его освободилась от бремени тайного греха, чтобы он выдал своих сообщников и чтобы другие не впадали в ересь, получая урок того, как он наказан. Самыми распространенными методами были пытка водой и дыба. В первом случае жертву, крепко связанную, клали на скамью и придавали телу наклонное положение. Челюсти разжимали, засовывали в горло льняную ткань и медленно лили на нее воду из кувшина, попадавшую так во внутренности⁹⁹³. Иногда в ходе пытки заливалось семь или восемь кувшинов. Дыбу, также называемую *garrucha*, мы уже описывали. В Испании было принято привязывать к ногам что-нибудь тяжелое и подвешивать тело так, чтобы земли касались только большие пальцы ног. Испанские правила требовали также, чтобы тело медленно поднимали и опускали (это усиливало боль).

За ересь, помимо духовных мер (постов и паломничеств), наказывали конфискацией имущества, тюремным заключением, публичным бичеванием, галерами, ссылкой и смертью. Конфискация и сожжение распространялись на умерших, против которых также можно было выдвинуть обвинение в ереси. В Толедо 25 июля 1485 г. более 400 покойников были символически сожжены. Нередко во время аутодафе вообще не страдало живых жертв. В случае осуждения покойных их имена стирали с могильных камней, чтобы «никакой памяти не осталось о них на лице земли, кроме записи нашего приговора». Их потомки по мужской линии, в том числе внуки, не имели права занимать бенефиции и общественные посты, ездить верхом, носить оружие, шелка и украшения.

Бичевание проходило в общественных местах. Жертвы были обнажены по пояс. Сек их палач. Такому обращению подвергали старух в возрасте 86 лет и тринадцатилетних девочек. Галеры в качестве метода наказания были санкционированы Александром VI в 1503 г. Приговор пожизненного заключения часто смягчали — либо из милосердия, либо по финансовым причинам. До 1488 г. 5000 человек были осуждены на длительное заключение⁹⁹⁴.

Saco bendito, или санбенито, — еще одна характерная особенность испанской инквизиции. Санбенито представлял собой накидку серого или желтого цвета с большим крестом спереди и сзади, как предписывал Торквемада. Унижение наказанных таким образом усиливалось из-за того, что после снятия санбенито его вывешивали в церкви и надписывали имя носившего и приговор. Чтобы избежать такого публичного позора, потомки осужденных часто старались поменять свои имена, но вскоре закон запретил это делать. Прецедент санбенито находили

⁹⁹¹ Lea (II. 137) приводит случаи обвинения женщин, которым было 78, 80 и 86 лет.

⁹⁹² Lea, III. 8, 14, etc.

⁹⁹³ В Париже воду обычно просто вливали в рот. Использовали также масло и уксус. Количество воды составляло от 9 до 18 пинт {1 пинта — около полулитра}. La Croix, *Manners, Customs and Dress of the M. A.*, N. Y. 1874, глава о наказаниях, pp. 407-433.

⁹⁹⁴ Lea, III. 140-159.

в одеждах, которыми наши прародители прикрыли свою наготу, и в рубищах, которые в ранней церкви надевались в знак покаяния.

Аутодафе, последний акт инквизиторской процедуры, свидетельствовал о неумоимости этого суда и одновременно демонстрировал всем присутствовавшим, что их может ждать по окончании земной жизни на вечном суде. Еретиков после инквизиторского суда выставляли на всеобщий позор⁹⁹⁵ и в первый раз официально объявляли им об их приговоре. Церемониал происходил на общественных площадях, где за счет городских властей воздвигались платформы и сцены. Такие случаи считались праздничными. В назначенный день осужденные шли до площади процессией, которую возглавляли доминиканцы и другие лица, несшие зеленые и белые кресты, в сопровождении должностных лиц инквизиции. Придя на площадь, они рассаживались на скамьях. Читалась проповедь. Народ и король, если он присутствовал, приносили клятву поддерживать инквизицию. Потом объявлялись приговоры. Нераскаявшихся еретиков передавали гражданским властям. На них надевали *benitos*, где были написаны их имена, и их везли на ослах к *brasero*, месту сожжения, обычно вне городских стен, где их предавали огню. Остальных еретиков отводили обратно в тюрьму инквизиции. Агенты инквизиции присутствовали на сожжениях и описывали их для истории религиозного суда. Торжественные аутодафе обычно начинались в 6 утра и часто продолжались до самого вечера.

Теоретически, суд не выносил смертных приговоров. Древний обычай церкви и каноническое право запрещали это. Власть суда заканчивалась на том, что он передавал преступника светским властям. По древнему обычаю, вынося приговор неисправимому еретiku, суд даже просил светское должностное лицо избежать кровопролития и проявить милосердие, но эта мольба была чисто формальной. Государство хорошо понимало, каковы его обязанности, ведь если светское лицо не подвергало смерти еретика, осужденного духовным судом, то оно само наказывалось отлучением. Такие случаи не пересматривались. Никто не искал новых свидетельств и даже не спрашивал, на каком основании был вынесен приговор. Обязанностью светских лиц было привести приговор в исполнение, а не судить. Если человека объявляли еретиком, это было синонимом приговора к сожжению на костре. Однако инквизиция не только передавала еретиков государству, но, как признает даже Вакандар, иногда и сама выносила приговор сожжения⁹⁹⁶.

Государство и церковь считали аутодафе столь почетным делом, что их посещали короли. Аутодафе устраивались в честь свадеб князей или их выздоровле-

⁹⁹⁵ Описание *auto* см. в Lea, III. 214-224.

⁹⁹⁶ Lea (III. 185 sq.) цитирует приговор Менсии Альфонсо, которую судили в Гвадалупе в 1485 г.: «Как член дьявола, она должна быть отведена на место сожжения, чтобы светские должностные лица городского суда могли казнить ее в соответствии с обычаем данного королевства». Павел III (1547) и Юлий III (1550) наделили клириков правом приговаривать к нанесению увечий и к смерти, когда власти, как в случае с венецианским правительством, медлили привести в исполнение церковный приговор. Вакандар говорит: «Некоторые инквизиторы, понимая бессмысленность слов *ecclesia abhorret a sanguine*, вообще забывали о них и смело принимали на себя всю полноту ответственности за свои приговоры. Инквизиция — это реальный суд, он зажигает костры... Ошибкой было бы утверждать, что церковь совершенно не участвовала в осуждении еретиков на смерть. Ее участие не было непосредственным и прямым, но, даже называя его косвенным, оно все равно было реальным и действенным» (р. 180). Этот же автор неверно представляет историю, когда объявляет, что ответственным за отношение папы к ереси было законодательство Фридриха II (р. 211). Иннокентий III приговаривал альбгойцев к смерти задолго до появления «Конституций» Фридриха.

ния от болезни. Фердинанд имел обыкновение на них присутствовать. Когда Карл V посетил Валенсию в 1528 г., там было устроено публичное действо, в ходе которого 13 человек были казнены реально, а 10 — символически. В 1560 г. в честь брака Филиппа II с Изабеллой Валуа в Толедо устроили аутодафе, а в 1564 г., когда этот монарх был в Барселоне, в его честь устроили представление, в ходе которого были казнены 8 человек. Такие зрелища посещались королями до 1701 г., когда Филипп V подал положительный пример, отказавшись присутствовать на одном из них.

Последним человеком, казненным испанской инквизицией (26 июля 1826 г.), был школьный учитель Кайетано Риполл. Суд над ним продолжался почти два года. Его обвинили в том, что он деист и в своей школе заменяет слова «*Ave Maria purissima*» на «Восславим Бога». Он спокойно умер на виселице, повторяя: «Я умираю, примирившись с Богом и человеком»⁹⁹⁷.

Но инквизиции было мало уничтожать еретиков. Она обратила свое внимание и на вредные произведения⁹⁹⁸. В Севилье в 1490 г. Торквемада сжег большое количество еврейских Библий, а немногим позже, в Саламанке, сжег их еще 6000. Через десять лет, в 1502 г., Фердинанд и Изабелла приняли закон, запрещающий печатать, ввозить в страну и продавать книги, не разрешенные епископом или специально назначенными королевскими судьями. В 1521 г. Адриан велел представлять инквизиции все лютеранские произведения. С тех пор испанский суд решительно стоял на страже чистоты печати. Первый официальный индекс запрещенных книг, составленный университетом Лувена (1546), был одобрен генеральным инквизитором Вальдесом и супремой. Его велели издать уже с дополнением. Это был первый *Index Expurgatorius*, напечатанный в Испании. Все копии Писания на испанском языке конфисковывали и сжигали. Жестокий закон 1558 г. приказывал карать книготорговцев, которые хранят или продают запрещенные книги. Им грозила конфискация имущества или смерть. Все библиотеки Испании вплоть до XIX века подвергались строгому контролю инквизиции. О влиянии такой цензуры на испанскую культуру доктор Ли говорит: «Интеллектуальное развитие, которое в XVI веке обещало сделать испанскую литературу и образование самыми выдающимися в Европе, было остановлено и задумано. Искусства и науки были преданы забвению, а репутация, которую Испания приобрела среди народов, метко отражена в распространенной поговорке, что Африка начинается уже на Пиренеях».

Общее количество жертв, которых испанская инквизиция предала огню и другим наказаниям, оценивают по-разному. Детальные статистические таблицы созданы только сейчас, но нет сомнений, что количество жертв было еще большим. Историк Льюренте приводит следующие цифры. С 1480 по 1498 год, когда умер Торквемада, 8800 человек было сожжено живьем, 6500 — символически и 90.004 подвергнуто другим наказаниям. С 1499 по 1506 г. 1664 человека было сожжено живьем, 832 — символически и 32.456 подвергнуто другим наказаниям. В 1507 — 1517 г., при кардинале Хименесе, 2536 человек было сожжено

⁹⁹⁷ Испанская инквизиция была введена в 1487 г. и на Сицилии, где столкнулась с серьезным сопротивлением парламента, а в 1492 г. — на Сардинии. В Новом Свете ее жертвами были протестанты, *conversos*, двоеженцы и прелюбодеи. Мексиканская и перуанская инквизиции были упразднены в 1820 г. Даже в 1774 г. в Боготе судили одного врача, который, «первый и единственный в этом королевстве, а возможно, и во всей Америке», открыто выступил в поддержку системы Коперника.

⁹⁹⁸ Lea, глава о цензуре, III. 481-548; Ticknor, *Span. Lit.*, I. 461 sqq.

живьем, 1368 — символически и 47.263 подвергнуто другим наказаниям. Этот автор утверждает, что всего до 1524 г. было сожжено живьем 14.344 человека, символически — 9372, подвергнуто другим наказаниям или освобождено в качестве кающихся — 195.937. В 1524 г. на крепости Триана в Севилье была помещена надпись: «В году 1481, при понтифике Сиксте IV, в правление Фердинанда и Изабеллы, здесь возникла инквизиция. До 1524 г. более 20 тыс. еретиков признались в своем отвратительном преступлении на этом месте и почти 1000 были сожжены». Судя по сохранившимся записям, до 1501 г. в Толедо 297 человек были сожжены живьем и 600 символически, а 5400 осуждены на другие наказания или прощены. Однако документов, на основании которых мы можем произвести полные подсчеты, не сохранилось (или, по крайней мере, они нам не известны). В любом случае, тысячи людей были сожжены живьем и десятки тысяч подвергнуты другим наказаниям⁹⁹⁹.

Возникновение испанской инквизиции совпало по времени с моментом, когда Испания заняла выдающееся место среди народов Европы. По истечении восьми веков ее территория впервые была полностью освобождена от мусульман. Слава ее легионов не имела себе равных. Испанские корабли бороздили моря и возвращались из Нового Света, нагруженные богатствами. Испанские дипломаты действовали в Италии. Однако религиозное рвение страны не смогло противостать упадку ее жизненных сил. Ничто не могло помешать испанской католической ортодоксии, но Испания вышла из общего потока современной культуры и прогресса. Преследуя политику религиозной исключительности и гордости, она мешала независимости мысли и силе морального убеждения. Одно за другим она теряла свои территориальные приобретения, от Нидерландов и Сицилии до Кубы и Филиппин на востоке. Испания уничтожила ересь в собственных пределах, но застой парализовал ее национальную жизнь, и народы, исповедующие протестантизм, который она до сих пор называет ересью, давно отняли у нее венец королевь мира торговли и культуры, изобретений и мореплавания. На современной карте можно видеть лишь жалкие крохи былой империи, в которой, как хвалились испанцы XVI века, никогда не заходило солнце. Но это сокращение территорий и ресурсов не вызывает у нас осуждения. Напротив, мы с симпатией приемлем надежду на новое возрождение земли Фердинанда и Изабеллы посредством укоренения там интеллектуальной и религиозной свободы, которая пробудила энергию других европейских народов и поставила их на путь прогресса и новых достижений.

⁹⁹⁹ См. Hoensbroech, I. 139, цит. Льоренте. Доктор Ли говорит о явной склонности древних авторов преувеличивать достижения инквизиции. Он, хотя и с некоторыми колебаниями, сомневается в точности цифр Льоренте и цифр, которые приводит ранний секретарь суда, Сурита, утверждающий, что только в одной Севилье до 1520 г. 4000 было сожжено, а 30 тыс. примирились с церковью. См. данные у Ли в IV. 513-624. Падре Гамс в своей *Kirchengesch. Spaniens* заявляет, что количество сожженных до 1504 г. составило 2000, но он исключает из этого числа тех, кто был сожжен не за ересь, а за другие преступления. См. Lea, IV. 517.

ГЛАВА VIII

ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ

§61. Литература эпохи Возрождения

Подробный список литературы см. в VOIGT: *Wiederbelebung des elam. Alterthums*, II. 517-529, до 1881 г., и PASTOR: *Gesch. der Päpste*, I, pp. xxxii-lxiii, III, pp. xlii-lxix. Также в этом томе, §48. Гейгер добавляет список литературы в своем *Renaissance und Humanismus*, pp. 564 sqq. На издания многих гуманистов есть ссылки внизу страниц. — М. УИТСОВ: *A Lit. Source-Book of the Ital. Renaiss.*, Phila., 1898, pp. 118.

ОБЩИЕ ТРУДЫ. — *G. TIRABOSCHI, иезуит, библиотекарь герцога Модены (ум. в 1794): *Storia della Letteratura Italiana*, 18 vols., Modena, 1771 — 1782; 9 vols., Roma, 1782 — 1785; 16 vols., Milan, 1822 — 1826. В т. V римского издания говорится о Данте, Петрарке и Боккаччо. — HEEREN: *Gesch. d. class. Lit.*, etc., 2 vols., Götting., 1797 — 1802. — ROSCOE: *Life of Lorenzo De' Medici and Life and Pontificate of Leo X.* — J. CH. L. SISMONDI (ум. в 1842): *Hist. des Républiques Itat.*, Paris, 1807 — 1818, 5th ed., 10 vols., 1840 — 1844. Англ. перев., Lond., 1832, и *Hist. de la renaiss. de la liberté en Italie*, 2 vols., 1832. — J. MICHELET (ум. в 1874): *Renaissance*, седьмой том его *Hist. de France*, Paris, 1867. — *J. BURCKHARDT (проф. из Базеля, ум. в 1897): *Die Cultur der Renaissance in Italien*, Basel, 1860; 3rd ed. L. GEIGER, 1878. 9th ed., 1904. Ряд философско-исторических очерков о шести аспектах итальянского Возрождения, а именно: новое представление о государстве, развитие индивидуальности, возрождение классической античности, открытие мира и человека, новая формация общества, преобразование морали и религии. Англ. перев. — Middlemore, по третьему изданию, 2 vols., Lond., 1878, 1 vol., 1890. Также его *Cicerone; Anleitung zum Genuss der Kunstwerke Itat.*, 4th ed. BODE, Leipz., 1879; 9th ed., 2 vols., 1907. — *G. VOIGT: *Wiederbelebung des classischen Alterthums oder das erste Jahrhundert des Humanismus*, 1859; 2 vols., 3rd ed., 1893. — T. D. WOOLSEY (президент Йельского колледжа, ум. в 1889): *The Revival of Letters in the 14th and 15th Centuries*. Ряд ценных статей по поводу первого издания Войта, в *New Englander*, 1864 и 1865. — M. MONNIER: *La Renaiss. de Dante a Luther*, Paris, 1884. Награжден Французской академией. — *P. VILLARI: *Nic. Machiavelli e i suoi tempi*, 3 vols., Flor., 1877 — 1882; английский перевод жены автора, 4 vol., Lond., 1878 — 1883. Вступительная глава об эпохе Возрождения, новое издание, 2 vols. 1891. — J. A. SYMONDS: *Renaissance in Italy*, Lond., 1877 sqq.; 2^d, более компактное издание, 7 vols., 1888. Part I, *The Age of the Despots*; Part II, *The Revival of Learning*; Part III, *The Fine Arts*; Part IV, *Ital. Literature*, 2 vols.; Part V, *The Cath. Reaction*, 2 vols. Самый полный английский труд на данную тему, основан на оригинальных источниках, но с некоторыми повторениями. Также его *Life of Michelangelo*, etc. См. ниже. — G. KOERTING: *Gesch. der Lit. Italiens im Zeitalter der Renaiss.*, Leipz., vol. I, 1878, Петрарка; vol. II, 1880, Боккаччо; vol. III, 1884, предтечи и основатели Возрождения. — *L. GEIGER, проф. из Берлина: *Renaissance u. Humanismus in Ital. und Deutschland*, Berlin, 1882, 2nd ed., 1899 (Oncken, *Allg. Gesch.*). — МИССИС ОЛИФАНТ: *The Makers of Florence*, Lond., 1888. Очерки о Данте, Джотто, Савонароле, Микеланджело. — P. SCHAFF: *The Renaissance*, N. Y., 1891, pp. 182. — *GREGOROVIVS: *Hist. of the City of Rome*, vols. vi-viii. — *PASTOR: *Gesch. d. Päpste*, особенно vols. I. 3-63; III. 3-172. — CREIGHTON: *Hist. of the Papacy*. — P. and H. VAN DYKE: *The Age of the Renaissance*, 1377 — 1527, N. Y., 1897. — K. BRANDI: *D. Renaiss. in Florenz u. Rom*, 2nd ed., Leipz., 1900. — W. S. LILLY: *Renaiss. Types*, Lond., 1901. — E. STEINMANN: *Rom u. d. Renaiss.*, von Nik. V. — Leo X, 2nd ed., Leipz., 1902. *JOHN OWEN: *The Skeptics of the Ital. Renaiss.*, Lond., 1893. — J. KLACZKO: *Rome and the Renaiss.*, перев. Dennie, N. Y., 1903. — P. VAN DYKE: *Aretino, Th. Cromwell and Maximilian I*, N. Y., 1905. — L. SCHMIDT:

- D. Renaiss. in Briefen v. Dichtern, Künstlern, Staatsmännern u. Frauen.* — J. S. SANDYS: *Hist. of Class. Scholarship*, 3 vols. — A. BAUDRILLART: *The Cath. Ch., the Renais. and Protestantism*, Lond., 1908. — IMBART DE LA TOUR: *L'église cathol.: la crise et la renaiss.*, Paris, 1909.
- К §63. — О ДАНТЕ. Лучший итальянский текст *Div. Commedia* издан ВИТТЕ. В этом томе мы используем издание Fraticelli, Flor., 1881. См. также издание Toynbee, Lond., 1900. Самые последние и лучшие итальянские комментарии — SCARTAZZINI, Leipz., 3 vols., 1874 — 1894, 3rd, small ed., 1899, P. G. CAMPI, Turin, 1890 sqq., и W. W. VERNON, основано на Бенвенуто да Имолла, 2 vols., Lond., 1897. — Англ. перев. Dante, *Div. Com.*: в стихах — преп. Н. F. CARY, 1805, etc., испр. изд. — О. KUHN, N. Y., 1897. — J. C. WRIGHT, Lond., 1843, etc.; LONGFELLOW, 3 vols., 1867, etc.; E. H. PLUMPTRE, 2 vols., Lond., 1887 sqq.; T. W. PARSONS, Bost., 1896. — H. K. HASelfoot, Lond., 1899. — M. R. VINCENT, N. Y., 1904. — В прозе: J. A. CARLYLE, Lond., 1848, etc.; W. S. DUGDALE, *Purgatorio*, Lond., 1883. — A. J. BUTLER, Lond., 1894. — G. C. NORTON, Boston, 1892, новое издание, 1901. — P. H. WICKSTEED, Lond., 1901 sqq. — H. P. TOZER, Lond., 1904. — *G. A. SCARTAZZINI (родом из Граубюндена, служитель реформатской церкви): *Prolegomeni della Div. Com.*, etc., Leipz., 1890. Англ. перев. *A Companion to Dante*, A. J. BUTLER, Lond., 1893; *Dante Handbuch*, etc., англ. перев. *Handbook to Dante*, etc., T. Davidson, Bost., 1887. — E. A. FAY: *Concordance to the Div. Com.*, Cambr., Mass., 1880. — P. SCHAFF: *Dante and the Div. Com.*, в *Literature and Poetry*, 1890, pp. 279-429, со списком литературы по Данте, pp. 328-337. — TOZER: *The English Concordance on Dante's Div. Com.*, Oxf., 1907. — *E. MOORE: *Studies in Dante*, 3 vols., Lond., 1896 — 1903. — Жизнеописания Данте: *Dante and his Early Biographers*, резюме пяти биографий, подг. E. MOORE, Lond., 1880. Перевод жизнеописаний Боккаччо и Бруни, WICKSTEED, Hull, 1898. — F. X. KRAUS, Berl., 1897. — P. VILLARI: *The First Two Centt. of Florent. Hist. The Republic, and Parties at the Time of Dante*. Английский перевод L. Villari. — *WITTE: *Essays on Dante*, перев. Lawrence и Wicksteed. — Очерки о Данте, *R. W. CHURCH, 1888, и *LOWELL. — M. F. ROSSETTI: *Shadow of Dante*, Edin., 1884. — OWEN: *Skeptics of the Ital. Renaiss.* — J. A. SYMONDS: *Introd. to the Study of Dante*, Lond., 1893. — D. G. C. ROSSETTI: *Dante and Ital. Poets preceding him*, 1100 — 1300, Boston, 1893. — C. A. DINSMORE: *The Teachings of Dante*, Bost., 1901. — C. E. LAUGHLIN: *Stories of Authors' Loves*, Phila., 1902. — A. H. STRONG: *Dante*, в *Great Poets and their Theol.*, Phila., 1897, pp. 105-155. — Ст. *Dante* со списком литературы в SCHAFF-HERZOG, III. 853 sqq. (M. R. VINCENT).
- О ПЕТРАРКЕ: *Opera omnia*, Venice, 1503; Basel, 1554, 1581. — *Epistolae*, издание на латыни и итальянском, Fracassetti, Flor., 1859 — 1870, в нескольких томах. *Canzoniere* или *Rime in Vita e Morte di Mad. Laura* часто издавались отдельно: Marsand, Leopardi, Carducci и другие, а также во всех сборниках итальянских классиков. — *Sonnets, Triumphs and other Poems*, с жизнеописанием T. CAMPBELL, Lond., 1889 — 1890. — Жизнеописания: BLANC, Halle, 1844. — MÉZIERES, Paris, 1868, 2^d ed., 1873. — GEIGER, Leipz., 1874, — KOERTING, Leipz., 1878, pp. 722. — MARY A. WARD, Bost., 1891. — F. HORRIDGE, 1897. — *J. H. ROBINSON, R. W. ROLFE, N. Y., 1898. — L. O. KUHN, *Great Poets of Italy*, 1904. — E. J. MILLS: *Secret of Petr.*, 1904. — R. DE NOLHAC: *Petr. and the Art World*, 1907.
- О БОККАЧЧО: *Opere volgari*, ed. MOUTIER, 17 vols., Flor., 1827 — 1834, *Le Lettere edite ed inedite*, перев. FR. CORRAGINI, Flor., 1877. — Жизнеописания Боккаччо: MANETTI, BALDELLI, LANDAU, KOERTING, Leipz., 1880. GEIGER: *Renaissance*, pp. 448-474. — *OWEN: *Skeptics*, etc., pp. 128-147. — N. H. DOLE: *Boccaccio and the Novella in a Teacher of Dante*, etc., N. Y., 1908.
- К §64. — Жизнеописания пап, см. §48. Жизнеописания Козимо де Медичи — FABRONI, Pisa, 1789; K. D. EWART, Lond., 1899; Лоренцо — FABRONI, 2 vols., Pisa, 1784; ROSCOE; VON REUMONT; B. BUSER, Leipz., 1879; CASTELNAU, 2 vols., Paris, 1879. — VAUGHAN: *The Medici Popes*, 1908. — G. F. YOUNG: *The Medici, 1400 — 1743*, Lond., 1909. — LOR. DE' MEDICI: *Opere*, 4 vols., Flor., 1825, *Poesie*, ed. Carducci, Flor., 1859. — E. L. S. HORSBURGH: *Lor. the Magnificent*, Lond., 1909.
- К §66. — G. VASARI, ученик Микеланджело (ум. в 1574): *Lives of the More Celebrated Painters, Sculptors and Architects*, 1550; лучшее издание Milanese, 9 vols., Flor., 1878 — 1885. Компактное изд., 1889. Англ. перев., новое издание, 1878, 5 vols. в Bohn's Library. На труде Вазари основаны многие работы в данной области. — BENVENUTO CELLINI, златокузнец и скульптор из Флоренции (ум. в 1570): *Vita scritta da lui medesimo*. В автобиографии живо представлена жизнь итальянского художника того периода. Нем. перев. — GOETHE; англ. перев. ROSCOE и SYMONDS, Lond., 1890. — A. LUIGI LANZA (ум. в 1810): *The Hist. of Painting in Italy, from the Period of the Revival of the Fine Arts to 1800*. Перевод T. Roscoe,

- 3 vols., Lond., 1852. — W. LÜBKE: *Hist. of Sculpture*, англ. перев. Bunnett, 2 vols., 1872; *Hist. of Art*, ed. R. STURGIS, 2 vols., N. Y., 1904. — J. A. CROWE и G. B. CAVALCASELLE: *Hist. of Painting in Italy, etc., to the 16th Cent.*, Lond., 1864 — 1867, ed. Douglass, Lond., 3 vols., 1903 — 1908. — МИССИС JAMESON и ЛЕДИ EASTLAKE: *Hist. of our Lord as exemplified in Works of Art*. — МИССИС JAMESON: *Legends of the Madonna as repres. in the Fine Arts; Sacr. and Leg. Art; Legends of the Monastic Orders as expressed in the Fine Arts*. — H. TAINE: *Lectures on Art*, Paris, 1865 sq. — 1st series: *The Philos. of Art*. 2nd series: *Art in Italy*, etc. Перев. Durand, N. Y., 1875. — A. WOLTMANN и K. WOERMANN: *Hist. of Anc., Early Christian and Med. Painting*. Перев. Colvin, Lond., 1880, с иллюстрациями. — E. MÜNTZ: *Hist. de l'Art pendant la Renaiss.*, 5 vols., Paris, 1889 — 1905. Первые три тома посвящены Италии, четвертый — Франции, пятый — остальным странам. *Les Antiquités de la ville de Rom*, 1300 — 1600, Paris, 1886. — *Hist. of Archit.*, авторы FERGUSON и R. STURGIS. — C. H. MOORE: *Character of Renaiss. Archit.*, N. Y., 1905. — R. LANCANI: *Golden Days of the Renaiss. in Rome*, 1906. — A. K. PORTER: *Med. Archit. Its Origin and Development*, 2 vols., N. Y., 1909. — Жизнеописание Микеланджело: *H. GRIMM, 2 vols., Berl., 1860, 5th ed., 1879. Англ. перев. Bunnett, 12th ed., 2 vols., Bost., 1882; A. SPRENGER: *Raffaele u. Michelangelo*, 2nd ed., 1883; C. CLEMENT, Lond., 1883; J. A. SYMONDS, 2 vols., N. Y., 1892; F. HORRIDGE, 1897; C. HOLROYD, 1903. — Жизнеописание Рафаэля: RULAND, Lond., 1870; LÜBKE, Dresden, 1881; MÜNTZ, перев. Armstrong, 1888; CROWE и CAVALCASELLE, 2 vols., Lond., 1882 — 1888; MINGHETTI, нем. изд., Breslau, 1887; *H. GRIMM, перев. S. H. Adams, Bost, 1888; KNACKFUSS, перев. Dodgson, N. Y., 1899.
- К §68, 69. — K. HAGEN: *Deutschland literarische und religiöse Verhältnisse im Reformations-Zeitalter*, Erlang., 1841 — 1844, 38 vols., 2^d ed., Frankf., 1868. — T. JANSSEN-PASTOR: *Gesch. des deutschen Volkes*, 18th ed., I. 77-166, II. См. его список книг в алфавитном порядке, I, pp. xxxi-iv. — GEIGER: *Renaiss. u. Humanismus*, pp. 323-580. — ZARNCKE: *D. deutschen Universitäten im MA.*, Leip., 1857. — PAULSEN: *Germ. Universities*, etc., перев. Perry, Lond., 1895. — G. KAUFMANN: *Gesch. d. deutschen Universitäten*, 2 vols., Stuttg., 1888 — 1896. — Монографии об университетах см. в списке литературы в Rashdall and Schmid, pp. 51-54.
- О РЕЙХЛИНЕ: *Briefwechsel*, ed. L. Geiger, Tübing., 1875. Монографии о Рейхлине: MAYERHOF, Berl., 1830; LAMAY, Pforzheim, 1855; GEIGER, Leipz., 1871; A. HORAWITZ, Vienna, 1877. — О конфликте Рейхлина с кельскими доминиканцами и участии в нем Гуттена см. STRAUSS: *U. von Hutten*, pp. 132-164; BÖCKING, II. 55-156. — N. PAULUS: *D. deutschen Dominikaner im Kampfe mit Luther*, Freib., 1903, p. 94 sqq., 119 sqq. — JANSSEN, II. 40 sqq.
- Об ЭРАЗМЕ: *Opera*, ed. B. Rhenanus, 9 vols., Basel, 1540, Le Clerc, 10 vols., Leyden, 1703 — 1706. — *Epistolae*, ed. ALLEN, Oxf., 1906. Англ. перев. — *F. M. NICHOLS, 2 vols., Lond., 1901 — 1904. В англ. перев. *Praise of Folly*, Lond., 1876. *Colloquies*, Lond., 1724, новое издание, 2 vols., 1878. *Enchiridion*, Lond., 1905. — *Bibl. Erasmiana*, 5 vols., Ghent, 1897 — 1907 sqq. Жизнеописание Эразма: H. DURAND DE LAUR: *Er. précurseur et initiateur de l'esprit mod.*, 2 vols., Paris, 1872. — *R. B. DRUMMOND, 2 vols., Lond., 1873. — *F. СЕЕВОМ: *The Oxf. Reformers*, Lond., 1887, etc. — AMIEL, Paris, 1889. — J. A. FROUDE, 1896. — *E. EMERTON, N. Y., 1899. — A. B. PENNINGTON, Lond., 1875, 1901. — E. F. H. CAPEY, Lond., 1903. — *J. A. FAULKNER, Cincinnati, 1907. — A. RICHTER: *Erasmienstudien*, Dresden, 1901. — GEIGER, 526 sqq. — JANSSEN, II. 1-24.
- Об образовании в целом: RASHDALL, *Universities*, II, pp. 211-285. — K. A. SCHMID: *Gesch. d. Erziehung*, Stuttg., 1892, II. 51-126. — J. MÜLLER: *Quellenschriften zur Gesch. d. deutschsprachl. Unterrichts his zur Mitte d. 16 Jahrh.*, Gotha, 1882.
- Об УЛЬРИХЕ ФОН ГУТТЕНЕ: E. BÖCKING: *Ulrichi Hutteni opp.*, 7 vols., Leipz., 1859 — 1870. — S. SZAMATOLSKI: *Huttens deutsche Schriften*, 1891. — D. F. STRAUSS, автор *Life of Jesus: U. von Hutten*, 3 vols., Leipz., 1858, 1 vol., 1871, англ. перев., Lond., 1874. Также *Gespräche von U. von Hut.*, *Epp. obscurorum virorum* на немецком, Leipz., 1860. — J. DECKERT: *Ul. v. Hutten's Leben u. Wirken*, Vienna, 1901.
- К §70. — IMBART DE LA TOUR (проф. в Бордо): *L'église catholique: la crise et la renaissance*, Paris, 1909, vol. II (его *Les origines de la réforme*), vol. I (*La France moderne*, 1905). Должно выйти 4 тома. — SCHMID: *Gesch. d. Erziehung*, II. 40 sqq. — H. M. BAIRD: *Hist. of the Huguenots*, I. 1-164. — BONET MAURY, ст. *Faber* в Herzog, V. 715 sqq. — Труды о Парижском университете и французской литературе: H. VAN LAUN: *Hist. of French Lit.*, 3 vols. in one, N. Y., 1895, pp. 259-296. — *Hist. of France*, MARTIN и GUIZOT.
- К §71. — F. СЕЕВОМ: *The Oxford Reformers, Colet, Erasmus, More*, Lond., 1887. — Труды Колета, с переводом и примечаниями, LURTON, 5 vols., Lond., 1867 — 1876. — *Lives of*

Colet, S. KNIGHT, 1823. — J. H. LUPTON: *Life of Dean Colet*, Lond., 1887, новое издание, 1908. — Ст. в *Dict. Natl. Biogr.*, Colet, Fisher, etc. — *Hist. of Engl.*, LINGARD и GREEN. — *Hist. of the Engl. Ch.*, GAIRDNER и CAPE. — WARD-WALLER: *Cambr. Hist. of Engl. Lit.*, vol. III, Cambr., 1909. — H. MORLEY: *Engl. Writers*, vol. VII, 1891. — MULLINGER: *Hist. of Univ. of Cambridge*. — Издания трудов сэра Томаса Мора см. в *Dict. Natl. Biogr.*, XXXVIII, 445 sqq. — Жизнеописания Мора: ROPER, написано в правление Марии Тюдор, издано в Париже, 1626; STAPLETON, Douay, 1588; E. MORE (внук), 1627; T. E. BRIDGETT (католик), 2nd ed., 1892; W. H. HUTTON, 1895. — W. S. LILLY: *Renaiss. Types*, 1901, III, Erasmus, IV, More. — L. EINSTEIN: *The Ital. Renaiss. in England*. — A. D. INNES: *Ten Tudor Statesmen*, Lond., 1906. Переводы Мора рассматриваются на стр. 76-111. — A. F. LEACH: *Engl. Schools at the Reformation*, Lond., 1896. — Английские труды епископа Фишера: J. FISHER, ed. MAJOR, Lond., 1876. — BRIDGETT, *Life of Fisher*, 1888.

§62. Пробуждение интеллектуальных сил

Споры, которые возникали на реформаторских соборах и которым эти соборы способствовали, были достойным проявлением пробуждавшейся свободы мысли и стремления избавиться от церковных злоупотреблений. А движение, получившее название Возрождения, было еще более масштабной и успешной попыткой, приведшей к достижению свободы от интеллектуального рабства, в которое продали человеческую личность богословие и иерархия церкви. Сознание Италии и Западной Европы в целом устало от монашеского идеала жизни и односторонних целей схоластической системы, которые превозносили всё небесное, принижая или отменяя земное. Возрождение настаивало на ценности жизни в этом мире и прославляло ту область, в которой проявляет себя интеллект человека, его эстетические и общественные вкусы. Оно пыталось обеспечить достойное признание человека как владеющего этой землей. Монаха сменил просвещенный наблюдатель, а отшельника-созерцателя — гражданин земли. Человеческие чувства стали прославляться больше, чем монастырские видения и тонкости богословской диалектики. Наблюдение вытеснило метафизику. Возрождение подчеркивало важность исторических достижений. Оно призвало человека восхититься собственными творениями, шедеврами классической литературы и памятниками искусства. Оно заставляло его изучать творения в природе и наслаждаться ее совершенством. Как отличается от кажущегося или реального равнодушия к окружению (например, у монаха-бенедиктинца) отношение Леона Баттисты Альберти (ум. в 1472), который свидетельствовал, что вид прекрасного пейзажа не раз избавлял его от печали!¹⁰⁰⁰

В узком смысле понятие Возрождения можно свести к возрождению культуры Греции и Рима и к пробуждению изящной литературы и искусств. Иногда о Возрождении именно так и говорят — как о возрождении искусств. Христиан веками учили, что литература классической древности полна искушений и опасностей. А теперь люди открыли глаза и с детским восторгом радовались, усваивая классических авторов и историю. Вергилий вновь пел «Энеиду», а Гомер — «Илиаду» и «Одиссею». Цицерон вновь произносил свои речи, а Платон учил своей философией. Это было воистину новое интеллектуальное и художественное рождение, охватившее Италию. Недаром оно так и называется — Возрождение. Но эпоха Возрождения этим не ограничивалась. Это был бунт против монашеского аскетизма и схоластики — против систем, которые мешали свободному потоку физического энтузиазма и интеллектуального исследования¹⁰⁰¹. Человек отказал-

¹⁰⁰⁰ Geiger-Burkhardt, I. 152.

¹⁰⁰¹ См. категоричные заявления в Owen, pp. 72-96. Этот автор прослеживает корни Возрождения вплоть до освобождающего влияния крестовых походов на сознание Европы.

ся от нездорового умерщвления плоти, которое долгие годы считалось самым достойным нравственным способом существования на земле, и начал получать удовольствие от всего, что есть в природе.

Волна энтузиазма поднялась в Италии, распространилась на север до Германии и дошла до Шотландии. К северу от Альп это движение получило название гуманизма, а его представителей называли гуманистами (от *literae humanae* или *humaniores* — гуманитарных наук, изучающих человека как владеющего видимым миром). В более широком смысле движение Возрождения включало в себя возникновение новой литературы и искусства, развитие рациональной критики, переход от феодализма к новому устройству общества, развитие современных языков Европы как средства выражения мыслей высшего порядка, освобождение разума, развитие человеческих интересов, изобретение книгопечатания, открытия мореплавателей и изучение Америки и Востока, теорию Солнечной системы Коперника и Галилея, — словом, все прогрессивные события последних двух столетий средних веков, обратившие на себя внимание нашей современной цивилизации.

Самую проницательную характеристику этого замечательного движения дает Мишле, который определил его как открытие мира и человека. Буркхардт, ведущий исследователь итальянского Возрождения, освещает эти два аспекта с философской точки зрения.

Эпоха Возрождения продолжалась с начала XIV по середину XVI века, от Роджера Бэкона (ум. в 1294) и Данте (ум. в 1321) до Рафаэля (ум. в 1520) и Микеланджело (ум. в 1564), Рейхлина (ум. в 1522) и Эразма (ум. в 1536). Больше века это движение в Италии не пользовалось покровительством церкви. Позже, начиная с понтификата Николая V и до пап из рода Медичи, Льва X и Климента VII, папский двор покровительствовал ему. По этой причине последних пап Средневековья называют папами Возрождения. Движение при дворах можно разделить на три периода: век великих итальянских авторов, Данте, Петрарки и Боккаччо; время с 1400 по 1460 г., когда преобладал интерес к классической литературе; и период с 1460 по 1540 г., когда преобладал интерес к развитию изящных искусств. В первый период были созданы бессмертные литературные произведения, во второй переводили и серьезно изучали Платона и других классиков, а в третий в Италии создавались великие шедевры живописи, скульптуры и архитектуры.

Некоторые авторы прослеживают начало движения вплоть до Фридриха II. Этот властитель отличался уровнем культурного развития и гибкостью интеллекта, редкими для той эпохи. Он писал, знал много языков, был склонен к просвещенным идеям в области правления и законодательства, покровительствовал образованию и искусствам. За разнообразие интересов его называли первым современным человеком¹⁰⁰². Но с его смертью литературная деятельность его двора прекратилась. В Италии в XIII веке были поэты, однако возрождение культуры следует отсчитывать со впечатляющей личности Данте. Необходимость наступления эпохи Возрождения — поразительный факт истории человеческого развития и он требует объяснения. Запрет церкви на изучение классических авторов древности и древних институтов препятствовал классическим исследованиям и чтению в течение тысячи лет. Еще до того момента, как Иероним, воспитанный на изучении классиков, все-таки заявил, что христианам не подобает их изучать,

¹⁰⁰² Burckhardt, I. 4. См. т. V, ч. I, нашей «Истории».

Тертуллиан уже относился к ним неблагосклонно. За Иеронимом последовал Кассиан. Алкуин, главный ученый IX века, отказался о Вергилия как от сборника лживых басен. В конце X века папа упрекнул Арнульфа Орлеанского, сказав, что апостол Петр не был знаком с Платоном, Вергилием и Теренцием и что Богу угодно было сделать Своими служителями не философов и ораторов, а простых необразованных селян. Приняв к сведению этот аргумент со столь авторитетными образцами, церковный деятель почел своим долгом отвернуться от избранных страниц древних римлян и греков. Время от времени в монастырях тайно и с удовольствием читали лишь отдельных авторов, таких как Теренций.

В XII веке казалось, что начинается новая эпоха развития литературы, когда древнее знание вновь даст плод. Труды Аристотеля стали известнее благодаря переводам арабов. Возникли школы, где читали классических авторов. Абельяр считал Вергилия пророком. Было заново открыто римское право. Оно изучалось в Болонье и других центрах науки. Иоанн Солсберийский, Гроссетест, Петр Блуасский и другие авторы свободно цитировали Цицерона, Ливия, Тацита, Светония, Овидия и других латинских авторов. Но глава западного христианского мира усматривал в этом движении серьезную угрозу богословию и религии. Он быстро заклеил новые тенденции проклятием, и Парижский университет в своих самых первых уставах, навязанных папой, исключил литературу Рима из учебной программы.

Но такой произвол и насилие не могли вечно держать сознание Европы в своих узах. Разум искал удовлетворения потребностей, которые не могли довольствоваться ни тонкостями схоластических обсуждений, ни суровыми представлениями монахов. Новое движение пустило корни прежде всего в Италии, этой прекрасной наследнице римских традиций. Слава исторического и литературного прошлого Италии вновь расцвела после долгого периода упадка, и культ прекрасного, для которого рождены итальянцы, вновь стал свободно исповедоваться. Несмотря на неоднократные вторжения, страна оставалась итальянской. Ломбарды, готы, норманны захватывали ее, но эти захватчики романизировались больше, чем тевтонизировались итальянцы. Феодальная система и готическая архитектура не были родными к югу от Альп. И в новую эпоху представлялось естественным, чтобы поэты и ораторы древней Италии вновь заговорили в той земле, которая побывала наложницей у всех народов. Литература и закон Греции и Рима опять легли в основу воспитания латинской и тевтонской рас, готовя их взрастить семена современной цивилизации.

Коренным понятием эпохи Возрождения был индивидуализм, противопоставленный власти священников. Его высвобождающее воздействие проявилось у Роджера Бэкона, который отказался от раввинистической изоционности схоластов и стал заниматься тайнами естественных наук и земными исследованиями на основе данных Рубрука и своих личных прозрений, а более полно — в лице Данте, Марсилиа Падуанского и Виклифа, которые сопротивлялись традиционной власти папства. Индивидуализм активно прокладывал себе путь в обсуждениях реформаторских соборов. Он дал мощный импульс управлению ломбардских городов, которые гордились своей независимостью. Их власть сокрушила имперскую политику Фридриха Барбароссы и Фридриха II. Отчасти благодаря слабости империи, а отчасти благодаря папской политике, для эгоистичных интересов которой было выгоднее иметь дело со свободными и спорящими друг с другом государствами и республиками, чем с объединенным итальянским королевством, подчиненным единому светскому главе, эти независимые самоуправ-

ляющиеся образования пустили столь глубокие корни, что почти тысячу лет сопротивлялись процессу объединения, который, в случае Франции, Великобритании и Испании, привел к консолидации сильных королевств уже вскоре после завершения крестовых походов. На олигархической или демократической основе деспоты и солдаты удачи обеспечили себе контроль над итальянскими государствами благодаря своим врожденным способностям. Индивидуализм отодвинул в сторону обязательность благородного происхождения, так что в XIV — XV веках незаконнорожденных глав государств было столько же, сколько и законнорожденных. Пий II писал, что в Италии, любящей перемены, «нет ничего постоянного и не существует древних династий; слуга легко может стать королем»¹⁰⁰³.

В вольной республике Флоренции, где индивидуализм нашел широчайшую сферу для самоутверждения, Возрождение укоренилось раньше всего и произвело на свет свои лучшие творения. Ее муниципалитет, для которого современный дух перемен и прогресса был характерен в большей мере, чем для какого-либо другого средневекового организма, радовался и содействовал новым и блестящим проявлениям этой силы — и в области управления, и в области литературы, и даже в области религии, как в случае Савонаролы. Там родились Данте и Леонардо да Винчи, там Макиавелли разрабатывал свои теории о государстве, и там творил Микеланджело. Медичи поощряли все, что прославляло их город. Когда на папский престол вззошел Николай V, Рим стал соперничать со своей северной соседкой как центр развития искусств и культуры. Новые вкусы и задачи нашли также выражение в Ферраре, Урбино, Неаполе, Милане и Мантуе.

Но сколь бы славными ни были достижения эпохи Возрождения, оно оказалось последним движением европейского масштаба, в котором главенствующая роль принадлежала Италии и папам. Если бы за эстетическим и интеллектуальным энтузиазмом последовало религиозное пробуждение, то Италия вполне могла бы остаться во главе других народов. Но она не родила пророков. Ни один реформатор не попытался увести ее от мертвых религиозных форм к живому потоку духовной жизни, от церемоний и реликвий — к Новому Завету.

Распространившись на север, в Германию, Голландию и Англию, движение Возрождения обрело более серьезный облик. Там не было поэтов и художников высшего ранга, однако Рейхлин и Эразм были учеными, эрудиция которых не только привлекала внимание в то время, но и стала благом для последующих поколений и внесла непосредственный вклад в Реформацию. А к югу от Альп культуре покровительствовал особый класс, и она приобрела вид развлечения избранных, хотя на самом деле с восхищением любоваться получающимися произведениями искусства должны были все классы общества.

Таким образом, эпоха Возрождения устремлялась к духу свободного исследования, утверждала достоинство разума, расширяла горизонты способностей человека как гражданина мира, освобождала от пыли веков литературные сокровища и памятники древней Греции и Рима, устанавливала новый стиль научного описания, основанный на наблюдении и подрывавший диалектическую отвлеченность схоластической философии, отводила более важную роль мирянам и акцентировала внимание на ценности естественной морали и естественных отношений человека с человеком. Для монаха красота была ловушкой, женщина — искушением, удовольствие — грехом, а мир — суетой сует, тогда

¹⁰⁰³ Цит. в Burckhardt, I. 27. Этот автор говорит об *Epidemie für kleine Dynastien* в Италии.

как гуманист дышал духом космополитизма и воспитывал в себе универсальные симпатии. Данте, в духе римских авторов позднего периода, восклицал: «Мой дом — это мир»¹⁰⁰⁴.

§63. Данте, Петрарка, Боккаччо

Данте, Петрарка и Боккаччо символизируют рождение и славу итальянской литературы и открывают новый литературный и художественный век. Петрарка и Боккаччо относятся в основном к сфере литературы, а Данте — к области литературы, религиозной мысли и публицистики. Период, в который они жили, продолжался более ста лет, от рождения Данте в 1265 г. до смерти Боккаччо в 1375 г.

Данте Алигьери (1265 — 1321), первый из итальянских и величайший из средневековых поэтов, представил нам в своей «Божественной комедии» (*Divina Commedia*), задуманной в 1300 г., поэтический взгляд на моральную вселенную, рассматриваемую с точки зрения вечности (*sub specie aeternitatis*). Он родился во Флоренции и под руководством своего учителя Брунетто Латини (которого позже хвалил) читал Вергилия, Горация, Овидия и других латинских авторов. В жарком конфликте между партиями, развернувшемся в его родном городе, он сначала принял сторону гвельфов против гибеллинов, выступавших за императорский режим в Италии. В 1300 г. он был избран одним из *priori*, или глав городского совета, одобрил строгие меры, применявшиеся к политическим оппонентам, и, проведя немного времени на этой должности, был сослан. Его угрожали сжечь живьем, если он осмелится вернуться в город. Он странствовал, был в Париже, а возможно, и еще западнее, потом обосновался в Равенне, где и умер. Его кости покоятся там до сих пор. После его смерти Флоренция воздала ему высшие почести, хотя Равенна отказалась отдать его тело. Флоренция создала кафедру для разъяснения его «Божественной комедии» (первым эту кафедру возглавил Боккаччо), а также воздвигла своему выдающемуся сыну впечатляющий памятник в церкви Санта-Кроче и статую на площади перед ней. В 1865 году вся Италия присоединилась к Флоренции в праздновании шестисотой годовщины рождения Данте. Никогда еще его великую поэму не изучали как произведение искусства более широкие круги населения и с более глубоким энтузиазмом, чем сегодня. Она останется пророческим голосом Божьего суда и милости до тех пор, пока люди не перестанут выражать свои религиозные чувства.

Данте был мирянином, был женат и имел семерых детей. Эпохальным событием его жизни стала встреча с Беатриче. Ему было девять лет. Она была на несколько месяцев младше его. Они встретились на празднике в доме ее отца, где ее, по словам Боккаччо, нежно звали Биче. Видение Беатриче — ибо у нас нет сведений о беседах между ними — наполнило душу Данте ощущением чистоты и блага, которое вытеснило все дурные мысли¹⁰⁰⁵. Девять лет спустя он снова увидел ее, а в следующий раз, уже в своих поэтических мечтах, он увидел ее в раю. Беатриче вышла замуж и умерла в возрасте 24 лет в 1290 г.

После этого видения началась новая жизнь Данте, *vita nuova*, которую он описывает в одноименной книге. Образ Беатриче осветил ему путь. Ее чистый дух был его проводником. Во время первой встречи, пишет поэт, «она явилась ко

¹⁰⁰⁴ Burekhardt, I. 145.

¹⁰⁰⁵ *Vita Nuova*, 10, 11. См. Scartazzini, *Handbuch*, p. 193.

мне облаченной в благороднейший скромный и идущий ей малиновый цвет, в венке, одетая, как подобало ее юному возрасту». Рожденная таким образом любовь, говорит Чарльз Элиот Нортон, «продолжалась с детских лет Данте до самой его смерти и постоянно служила утешением его сердцу, несмотря на горькие разочарования»¹⁰⁰⁶. В последний раз поэт говорит о ней как о стоящей рядом с Рахилью в высших небесных сферах.

Прекрасная у ног ее жена.

Под ней Рахиль...

Рай, xxxii. 6.

Если бы Данте написал только свой трактат против светской власти папства, *De monarchia*, его имя заняло бы место лишь в списке памфлетистов XIV века. А «Божественная комедия» превращает его в главного поэта всего средневекового мира. Эта бессмертная поэма — зеркало средневекового христианства и цивилизации и в то же время — труд универсального значения и непреходящего интереса. В нем подводятся итоги средневековых религиозных представлений и в то же время представлен свободный критический дух современного мира¹⁰⁰⁷. Это автобиография Данте, отражающая его личный опыт¹⁰⁰⁸.

В поэме рассказывается о средневековой Италии и ее разнообразных героях, многие из которых представляют лишь местный и временный интерес. Но в то же время «Комедия» — это духовная биография человека в трех его состояниях: греха, раскаяния и спасения. В ней описано паломничество в мир духов, за пределы этой жизни, из темного леса искушения через бездну адского отчаяния по ступеням очищения чистилища к царству блаженства. Хотя в первых двух областях в роли проводника поэта выступает Вергилий, представитель земного разума, в небесных областях его ведет Беатриче, символ божественной мудрости и любви. *Inferno* повествует о грехе и несчастье; *Purgatorio* — о раскаянии и надежде; *Paradiso* — о святости и счастье. Ад пугает ужасами и скорбями. Чистилище трогает покаянными слезами и молитвами. Рай восхищает чистотой и миром. Чистилище — это промежуточное состояние. Оно пройдет, а небеса и ад пребудут вовеки. Ад — это безнадежная тьма и отчаяние. Кульминация небесных переживаний — блаженное видение Святой Троицы, которое возвышеннее всего, что может вообразить себе человек или ангел. Здесь представлены крайние противоположности: ужас и восхищение, тьма и свет, Божий суд и Божья любовь. В раю святые образуют безупречную белую розу, чашечка которой — озеро света, окруженное невинными детьми, восхваляющими Бога. Вероятно, это возвышенное представление было навеяно розетчатыми окнами готических соборов

¹⁰⁰⁶ *Vita Nuova*, Norton's trsl., p. 2.

¹⁰⁰⁷ *Die Komödie ist der Schwanengesang des Mittelalters, zugleich aber auch das begeisterte Lied, welches die Herankunft einer neuen Zeit einleitet* (Scartazzini, Dante Alighieri, etc., p. 530). См. Geiger, II. 30 sq. Church (p. 2) называет ее «первой христианской поэмой, с которой начинается европейская литература, как с «Илиады» началась литература Греции и Рима». Данте знал не больше дюжины греческих слов и, на языке родного народа, назвал свою великую эпическую и дидактическую поэму *комедией*, или «деревенской поэмой» (от *κῶμη*, «вилла», вероятно, не думая о более естественной этимологии данного слова, от *κῶμος*, «веселье»).

¹⁰⁰⁸ «Все мучения, мною описанные, всё горе и страдания, не вызывающие сочувствия, я вынес здесь, на земле — в городе Флоренции» (*Allen Schmerz, den ich gesungen, all die Qualen, Greu' und Wunden Hab' ich schon auf dieser Erden, hab' ich in Florenz gefunden.* — GEIBEL: *Dante in Verona*). Одна из лучших поэм о Данте написана Уландом. См. также произведения Теннисона, Лонгфелло и др.

или же тем фактом, что святой Бернар и другие средневековые богословы и поэты называли Деву Марию розой.

Следуя геоцентрической космологии птолемеевской системы, поэт поместил ад внутри земли, чистилище — в южном полушарии, а небеса — на небесной тверди. Ад — это зияющая бездна, расширяющаяся кверху и состоящая из десяти кругов. Чистилище уподоблено горе, на которую восходят души. Небеса состоят из девяти кругов, вершина которых — эмпирей, где пребывает чистая божественная сущность.

Среди обитателей этих областей духовного и грядущего мира Данте помещает известных лиц своего собственного поколения и предыдущих веков. Он не щадит ни гвельфов, ни гибеллинов, ни пап, ни императоров и всем воздает по заслугам. Наказания, по его мнению, зависят от природы греха, а награда — от степени добродетели. С поразительной искренностью и богатством воображения он устанавливает соответствие между внешностью и моральным характером. Трусов и равнодушных, не знавших ни славы, ни позора, в преддверии ада гоняет крутящийся стяг и жалят осы и слепни. Развратников носит ураганный ветер в полной темноте. Они испытывают жгучую плотскую похоть, но не могут удовлетворить ее.

*То адский ветер, отдыха не зная,
Мчит сонмы душ среди окрестной мглы
И мучит их, крутя и истязая...
Туда, сюда, вниз, вверх, огромным роem.
Ад, V. 31-43*

Обжоры лежат на земле, осыпаемые градом и заливаемые потоками нечистот. Богохульники страдают на равнине горящего песка, в то время как огненные искры медленно опускаются на их тела, подобно хлопьям альпийского снега. Гневливые вечно терзают друг друга.

*И я увидел, долгий взгляд вперяя,
Людей, погразивших в омуте реки;
Была свирепа их толпа нагая.
Они дрались, не только в две руки,
Но головой, и грудью, и ногами,
Друг друга норовя изгрызть в клочки.
Ад, VII. 109 sqq.*

Симонисты, которые продавали веру за деньги и превратили храм Божий в вертеп разбойников, брошены в ямы вниз головой. Ноги их торчат наружу, и их мучают огнем. Архиретиков держат в раскаленных докрасна могилах, а тиранов — в потоке кипящей крови, и кентавры стреляют в них, когда они пытаются подняться. Предатели погружены в ледяное озеро вместе с сатаной, архипредателем и воплощением эгоизма, коварства и низости. Сами их слезы превращаются в лед, символ предельного ожесточения, а сатана вечно жует своими тремя пастьями трех архипредателей, Иуду, Брута и Кассия. Мильтон представляет сатану как архангела, который даже в аду гордится и в гордости восклицает: «Лучше царить в аду, чем служить на небесах». Поэт внушает читателю чувство восхищения неукротимыми амбициями Люцифера и его сверхчеловеческой силой. У Данте же сатана вызывает отвращение и ужас, а надпись над воротами ада заставляет читателя содрогаться:

*Я увожу к отверженным селеньям,
Я увожу сквозь вековечный стон,
Я увожу к погибшим поколениям...
Входящие, оставьте упованья.¹⁰⁰⁹*

Из этой области мрака и скорби Вергилий ведет поэта в чистилище, где брезжит рассвет. Это царство, утверждает поэт, ближе к нашей жизни, чем к аду или раю¹⁰¹⁰. Здесь есть надежда. Слышны песни, а не стоны. Появляется корабль, ведомый ангелом и полный духов, поющих гимн искупления. Приближается Катон. Он призывает Вергилия и Данте омыться на берегу от всех нечистот ада и поспешить дальше. В чистилище они проходят семь ступеней, которые соответствуют семи смертным грехам. Две низшие — гордости и зависти, две высшие — тщеславию и любви к роскоши. У всех кающихся на лбу отпечатано семь букв «Р» (первая буква слова *peccata*, «грехи»). Они одна за другой исчезают по мере того, как кающиеся переходят со ступени на ступень, пока огонь искупления не очищает их от всякого порока. Здесь наблюдается такое же соответствие грехов и наказаний, как в «Аду», но с противоположным эффектом, так как здесь грешники каются в содеянном и получают прощение. Их страдания воспитывают их, пока «исцеляющая рана не будет излечена». Так, гордые, на первой и самой нижней ступени, изнемогают под тяжелым грузом, пока не научатся смирению. Слабые, на четвертой ступени, упражняются посредством постоянной быстрой ходьбы. Жадные и расточительные, со связанными вместе руками и ногами, лежат лицом в пыли, плача и стеная. Обжоры страдают от голода и жажды, чтобы научиться умеренности. Развратники бродят в огне, который должен освободить их от чувственных страстей.

Когда Данте и его проводник-римлянин подходят к раю, проводник не может идти дальше, и вместо него Данте ведет Беатриче. Духи получают славу в зависимости от степени своего совершенства. Перед глазами поэта проходят богословы, мученики, крестоносцы, справедливые князья и судьи, монахи и мистики-созерцатели. На девятом небе Беатриче занимает свое место рядом с Рахилью и оставляет поэта, передав его святому Бернару. Данте видит Марию, Еву, Сарру —

...Ту, чей Правнук, обращаясь к Богу,
Пел «Miserere», скорбь греха вкусив¹⁰¹¹,

Он видит Гавриила, Адама, Моисея, Иоанна Крестителя, Петра, святого Августина и других святых. Потом праведный мистик подводит его к Марии, которая, в ответ на его молитву, показывает ему Бога в эмпирии, но то, что он видит, невозможно описать словами. Все святые наслаждаются наградой блаженного видения.

Данте не противоречил ортодоксальной вере своего века и точно следовал учениям великой богословской книги Фомы Аквината¹⁰¹². Он принимал все характерные догматы средневекового католицизма — о чистилище, о поклонении Марии, о заступничестве святых, об эффективности папских индульгенций и о божественности института папства. Он чтит монашеский образ жизни и в возвышенных выражениях славил Бенедикта, святого Франциска и Доминика. Но он отвергал все традиции, вольно отзываясь о преемниках Петра на апостольском

1009

*Per me si va nella città dolente;
Per me si va nell'eterno dolore;
Per me si va tra la perduta gente...
Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate.*

1010 Strong, p. 142.

1011 Паў, XXXII. 11-12. — Прим. изд.

1012 «У Данте нет ни следа неудовлетворенности доктриной. Он уважает все стороны учения церкви в доктринальных вопросах, авторитетно изложенных... У него нет ни следа свободного изыскания и частного суждения» (Moore, *Studies*, II. 65, 66).

престоле. В этом его также наставляла возлюбленная Беатриче. Проблемы церкви он объяснял ее стремлением к светской власти. Анастасий II обречен у него на вечные муки за ересь, Николай III, Бонифаций VIII и Климент V — за симонию, Целестин V — за трусость, которая проявилась в отречении от поста понтифика, ряд других пап — за жадность.

Следуя богословию Августина и Фомы Аквината, Данте поместил в ад всех язычников, кроме двух — Катона Утического, который пожертвовал жизнью ради свободы и несет стражу у входа в чистилище, и справедливого императора Траяна, которого, как считалось, через 500 лет после смерти вызволил из ада своими молитвами папа Григорий I. В адских областях, у внешней их границы, есть место для младенцев, которые умирают, не получив крещения, будь то отпрыски христианских или языческих родителей. Они не страдают от боли, но навеки остаются лишенными блаженного видения. Рядом с ними содержались достойные представители ветхозаветных времен, пока Христос после распятия не сошел в ад и не освободил их. Там Иоанн Креститель пробыл два года после того, как понес мученичество (*Рай*, XXXIII. 25). В верхних областях лишенного надежды ада сравнительно комфортное место выделено для благородных языческих поэтов, философов, государственных деятелей и воинов, в то время как нечестивых христиан мучают в нижних кругах — в зависимости от степени их вины. Язычники, просвещенные от природы, страдают только от скорби, но не терпят мучений. Вергилий говорит:

*Тот Бога чтит не так, как мы должны.
Таков и я. За эти упущенья,
Не за иное, мы осуждены,
И здесь, по приговору высшей воли,
Мы жаждем и надежды лишены*¹⁰¹³.

Данте лишь начал свою поэму на латыни, и Джованни дель Вирджилио, преподаватель латинской литературы в Болонье, упрекал его за то, что он отказался от языка Древнего Рима ради вульгарного тосканского диалекта. Поджио также жаловался на это. Но поэт защищал такой выбор в своей неоконченной книге «Красноречие на разговорном языке» (*De vulgari eloquio*)¹⁰¹⁴. написав же *Commedia*, *Vita nuova*, *Convivio* и свои сонеты на родном флорентийском диалекте, он стал родоначальником итальянской литературы и открыл путь культуры для мирян. Через три года после смерти поэта уже появились первые комментарии к «Божественной комедии» (например, Грациоло де' Бамбальоло, 1324), а сто лет спустя кафедры для ее изучения были учреждены во Флоренции, Венеции, Болонье и Пизе.

Второй услугой, которую Данте оказал в своей поэме созиданию грядущей культуры, было новое обращение к античности при сочетании языческих и христианских элементов. Конечно же, их ценность не объявлялась тождественной, однако мифологические басни переплетались у него с библейской историей, а классические реминисценции — с христианскими. Его терпимость показала, что он — человек нового века, хотя он и продолжал твердо придерживаться средневекового богословия¹⁰¹⁵.

Но главная заслуга Данте — во вдохновляющем изображении святости и любви Бога. Грех, извращающий волю, наказывается грехом, действующим в буду-

¹⁰¹³ *Ад*, 4:38-42. — *Прим. изд.*

¹⁰¹⁴ Англ. перев. A. G. F. Howell, London, 1890.

¹⁰¹⁵ См. Burckhardt-Geiger, I. 219.

щем мире, и болью. Спасение дается через «Агнца Божьего, Который взял на Себя наши грехи, пострадал и умер, чтобы мы жили». Поэма, как мощная проповедь, то угнетает, то восхищает душу. Выражаясь словами самого поэтического из ее переводчиков, Лонгфелло, «эта священная песнь подобна гласу судных труб, и какие человеческие симпатии, какое нежное сострадание пробуждает она в вашем сердце!»

Франческо Петрарка (1304 — 1374) был самым образованным человеком своего времени. Его итальянские сонеты и песни — шедевры итальянской поэзии, но он относился к ним несерьезно и предпочитал, чтобы его запомнили по его латинским произведениям¹⁰¹⁶. Он с энтузиазмом относился к литературе античности и во многом способствовал ее изучению. Его родители, изгнанные из Флоренции, переехали в Авиньон, бывший тогда резиденцией папства, и Франческо жил там до 1333 г. Он был рукоположен в священники, но не чувствовал склонности к этому занятию. Он получил несколько церковных бенефициев — приора, каноника и архидиакона, позволявших ему жить, не обременяя себя обязанностями. Он был придворным и пользовался благосклонностью князей, пап и прелатов. Он называл папскую резиденцию на Роне Западным Вавилоном, призывал пап вернуться в Рим и приветствовал Колу ди Риенцо как апостола национальной свободы. В его произведениях есть всплески патриотизма, но, с другой стороны, автор противоречил себе, с легкостью пользуясь гостеприимством итальянских деспотов Мантуи, Падуи, Римини и Феррары, а также виконтов Миланских. В 1350 г. он подружился с Боккаччо и оставался его другом до самой смерти.

Несмотря на обеты священника, Петрарка сожительствовал с женщинами и имел по крайней мере двух внебрачных детей, Джованни и Франческу, пятно на происхождении которых было удалено с помощью папских булл. В более зрелые годы, особенно после паломничества в Рим в «святой год» (1350), он освободился от рабства греха. «Сейчас я ненавижу скверну, — писал он к Боккаччо, — неизмеримо больше, чем я любил ее когда-то, так что теперь, когда мои мысли обращаются к ней, я испытываю стыд и ужас. Иисус Христос, мой Освободитель, знает, что я говорю правду. Ему я часто молился со слезами. Он подал мне руку сострадания и помог мне приблизиться к Себе». Петрарке очень нравилась «Исповедь» святого Августина, копию которой он всегда носил с собой.

В «Презрении к миру» (*De contemptu mundi*), написанном в 1343 г., Петрарка признается в своих величайших грехах — любви к славе и желании обессмертить свое имя. Гуманисты унаследовали этот основной грех древних греков и римлян. Такое стремление стало для них всепоглощающей страстью. Они встретились с нею у Цицерона, самого читаемого из всех латинских классиков. Данте желал получить лавры поэта и часто говорил о жажде славы как побудительной причине своих действий (*lo grand disio della eccellenza*)¹⁰¹⁷. Петрарка также мечтал об известности. И в конце концов Парижский университет и римский сенат предложили ему венец поэта. Он принял венец от римского сената и был увенчан на Капитолийском холме в Риме 8 апреля 1341 г. в присутствии Роберта, короля Сицилии. Петрарка считал этот момент величайшим в своей жизни, кульмина-

¹⁰¹⁶ Из его 317 сонетов и 29 канцон все, кроме 31, — эротического содержания. Ради благозвучия автор сменил свою фамилию с *Petrarco* на *Petrarca*.

¹⁰¹⁷ «Благородная жажда славы» (*Par.*, xi. 85-117). См. об этом в Burckhardt-Geiger, I. 154 sq. Pastor (I. 4 sq.) обращает особое внимание на то, как гуманисты искали славы при дворах и среди народа.

цией карьеры. Позже, в порыве благочестия, он отнес свой венец в собор Св. Петра и возложил его на алтарь апостола.

Петрарку называют первым современным ученым и литератором, родоначальником итальянского Возрождения. В отличие от Данте, он презрительно относился к схоластической и мистической учености и возвращался назад к источнику языческой древности. Он изучал древность не как филолог или антиквар, но как человек, обладающий вкусом¹⁰¹⁸. Он восхищался греческими и римскими авторами из-за их красноречия, изящества и отточенности стиля. Цицерон и Вергилий были его кумирами, отцами красноречия, знатоками латинского языка. Он обратился к Платону. Он проводил разграничение между религией Нового Завета, истолкованной Августином, и учением схоластов. Петрарка положил начало изучению и поискам античных книг и произведений искусства. Он усердно искал древние рукописи. В 1345 г. он обнаружил в Вероне несколько писем Цицерона, а также фрагмент из Квинтилиана, неизвестный вплоть до X века. Он бережно хранил копию Гомера, хотя не мог прочесть сам текст. Греческий он знал очень слабо, а тому немногому, что знал, научился от неверующего калабрийца Варлаама. Он первым собрал частную библиотеку, в которую входило 200 томов. Он первым подумал о том, чтобы искать книги в древних монастырях. Он собирал древние монеты и медали и выступал за сохранение древних памятников. Похоже, он составил первую средневековую карту Италии¹⁰¹⁹.

Немногие авторы насладились плодами своих трудов в такой полноте, как Петрарка. Он ежедневно получал хвалебные послания из всех областей Италии, из Франции, Германии и Англии. Ему доставляло удовольствие, что император Византии знал его произведения. Карл IV трижды приглашал его в Германию, чтобы послушать речи и научиться у него мудрости. Папа Григорий XI, узнав о его смерти, приказал изготовить хорошие копии всех его книг. Пришедшее за ним поколение чтит его не как поэта, воспевшего чужую жену Лауру (красоту и миловидность которой он славил в страстных стихах¹⁰²⁰), но как ученого и мудреца.

Имя Джованни Боккаччо (1313 — 1375), третьего из триумвирата итальянских светочей XIV века, также занимает выдающееся место в переходный период от Средневековья к эпохе Возрождения. Боккаччо был тесно связан с двумя своими великими предшественниками, с Данте — как его биограф, а с Петраркой — как его близкий друг. Он стал родоначальником легкой и элегантной итальянской прозы. Мало кто из авторов может сравниться с ним в реалистичности повествования¹⁰²¹. Вот почему существует поговорка, что Данте восхищаются, Петрарку прославляют, а Боккаччо читают. Он писал и стихи, но не они сделали его знаменитым.

Вероятно, Боккаччо родился в Чертальдо, на расстоянии двадцати миль (32 км) от Флоренции. Он был незаконнорожденным сыном флорентийца и парижанки. Шесть лет он занимался торговлей и еще шесть — правом (позже он сам считал этот период потерянным впустую временем), а потом посвятил себя лите-

¹⁰¹⁸ Robinson (*Life*, p. 336) говорит: «Любовь Петрарки к Цицерону и Вергилию проистекает из того, что можно было бы назвать основополагающим гуманистическим порывом, наслаждением свободной игрой ума с идеями вдохновляющими и прекрасными».

¹⁰¹⁹ См. Burckhardt-Geiger, II, *Excursus* LXI.

¹⁰²⁰ О любви Петрарки к Лауре см. Koerting, p. 686 sq., и Symonds, *Ital. Lit.*, I. 92, а также *The Dantesque and Platonic Ideals of Love*, в *Contemp. Rev.*, Sept., 1890.

¹⁰²¹ Symonds (*Ital. Lit.*, I. 99) говорит: «Боккаччо первым заменил литературу для ученых слоев общества и аристократии литературой для народа» и т. д.

ратуре. Несколько лет он провел при неаполитанском дворе, где влюбился в Марию, замужнюю дочь короля Роберта, и она уступила его мольбам. Позже он описал ее любовь к себе в *L'Amorosa Fiametta*. Таким образом, все три великих итальянских автора увековечили свою любовь к женщинам, состоявшим в браке с другими людьми, однако между вдохновенной любовью Данте к Беатриче и чувственной любовью Боккаччо лежит громадная пропасть¹⁰²². Боккаччо был неженатым мирянином и свободно предавался любовным связям. Трое его детей от неизвестных матерей умерли раньше него.

В пожилом возрасте он, как и Петрарка, пережил нечто вроде обращения и с рвением проповедника предостерегал других против тщеславия, роскоши и соблазнов, связанных с женщинами. Он охотно вычеркнул бы все аморальные места из своих произведений, но было слишком поздно. Он был обращен монахом-картузианцем, который подошел к нему в Чертальдо. Этот монах, на основании видения другого монаха, угрожал Боккаччо скорой смертью, если тот не отречется от своих безбожных произведений. Устрашенный такой перспективой, автор решил отказаться от писательского ремесла и посвятить себя покаянию. Петрарка, прослышав о таких настроениях, написал ему, что следует принять все хорошее из наставлений монаха, но не отказываться от занятий, которые он называл пищей здорового ума.

Боккаччо соперничал со своим современником в плане ревностного отношения к античным классикам. Труды многих из них он скопировал собственноручно и завещал своему отцу-исповеднику, чтобы тот передал их августинскому монастырю Святого Духа во Флоренции. Боккаччо знал начатки греческого и поручил калабрийскому греку по имени Леонтий Пилат сделать дословный перевод «Илиады» и «Одиссеи» для исследователей. Его интерес к книгам виден из рассказа о его визите в Монте Кассино. Он пожелал увидеть библиотеку, и монах отвел его в пыльную комнату, где не было дверей, а на окнах росла трава. Многие рукописи были испорчены. Монахи, как рассказал провожатый, имели обыкновение вырывать из книг листы и отдавать их детям для псалтирей либо продавать женщинам в качестве амулетов на руку.

В 1373 г. флорентийская синьория назначила Боккаччо читать лекции по «Божественной комедии» с зарплатой в 100 гульденов золотом. Он дошел только до 17-й песни «Ада», когда умер.

Труды Боккаччо на латыни в основном представляют собой компиляции из древней мифологии (*De genealogia deorum*) и биографии. Есть среди них и географические (*De montium, silvarum, lacuum et marium nominibus*). В своем *De claris mulieribus* он приводит биографии 104 выдающихся женщин, в том числе Евы, мифической папессы Иоанны и королевы Иоанны Неаполитанской, которая была тогда еще жива. Его самый популярный труд — «Декамерон», «книга десяти дней», которую в более поздние годы он хотел бы уничтожить или очистить от аморальных и фривольных элементов. Это его поэзия в прозе. Ее можно было бы назвать «Человеческой комедией» (*Commedia Humana*) в противовес Дантовской «Божественной комедии» (*Commedia Divina*). Книга состоит из 100 историй, рассказанных во время чумы 1348 г. десятью молодыми людьми из Флоренции, среди которых было семь женщин и трое мужчин. После описания ужасов чумы читатель переносится в прекрасный сад, в нескольких милях от города, где эта

¹⁰²² Лучшее издание *La Vita di Dante*, с критическим исследованием текста и введением в 174 страницы, выпустил Francesco Marci-Leone, Florence, 1888.

компания, сквозь смех и слезы, рассказывает истории — от морализаторских басен до непристойностей о любовных похождениях. Одна из известных историй — об иудее Аврааме, которого попытались обратить в христианство. Он отправился в Рим, чтобы лично изучить дело. Увидев, что все священники развратны, что кардиналы живут с наложницами и пируют в богатстве и роскоши, он пришел к выводу, что христианство непременно должно быть религией божественного происхождения, потому что иначе оно не выжило бы при такой развращенности христианской столицы, и решил принять крещение. «Декамерон» повествует о безнравственности священников и монахов, а также мирян, мужчин и женщин. В нем высмеиваются брак, исповедь, лицемерие монахов и поклонение реликвиям. Остроумная насмешка над церковными установлениями была новым элементом в литературе, к тому же Боккаччо писал на языке, который понимал народ. Неудивительно, что Тридентский собор осудил этот труд за безнравственность, а еще больше — за насмешки над клиром и монахами. Но это не могло помешать его распространению. Любопытное исправленное издание, одобренное папой, вышло во Флоренции в 1573 г. Там были сохранены все недостойные эпизоды, все нечестивые персонажи, но священники и монахи были заменены мирянами, что спасало честь церкви¹⁰²³.

Данте, Петрарка и Боккаччо проложили путь к признанию ценности природных дарований человека, раскрывая его сердечные привязанности. Они пылко любили природу и изображали ее. Петрарка описывал горы и морскую бездну, а также Рим, Неаполь и другие места Италии, в которых он любил бывать¹⁰²⁴. Предполагается, что его повествование о восторге, который он испытал при восхождении на гору близ Воклюза, — это первое описание такого рода во всей истории литературы. И в перечисленных отношениях, касающихся оценки человека и мира, эти авторы открыли новую эру.

§64. Развитие классических исследований в XV веке. *Меценаты и покровители*

Энтузиазм по отношению к классическим исследованиям и памятникам античности достиг в Италии пика в середине и во второй половине XV века. Появилось много выдающихся ученых, однако никто из них не достиг того уровня просвещенности, который отличал трех великих итальянских авторов предыдущего века. Хотя рвение, с которым эти люди относились к изучению авторов Греции и Рима, достойно похвалы, им угрожала опасность превратиться в педантов и подражателей прошлому. Их интерес распространялся на весь спектр античной литературы — на поэзию и философию, на художественные произведения, на труды по географии и истории. Италия, казалось, отвергла все прочие сферы учености ради древних классиков. Цицерон считался образцом стиля. Его век называли «бессмертным и чуть ли не небесным»¹⁰²⁵.

Итальянские гуманисты, возрождавшие интерес к древней литературе и философии, оказали достаточно большие услуги своей эпохе, чтобы сделать ее вы-

¹⁰²³ Pastor (I. 6 sqq.) пытается опровергнуть обвинение в том, что вначале Возрождение было исключительно индивидуалистическим движением и развивалось независимо от церкви. Он подчеркивает тот факт, что Петрарка и Боккаччо были милостиво приняты папами и рассказали в конце жизни.

¹⁰²⁴ См. Burckhardt-Geiger, II. 18 sqq.

¹⁰²⁵ Burckhardt-Geiger, I. 277.

дающей, даже если мы уже не читаем больше их трудов. К XV веку относится формирование важного научного подхода — литературного и исторического критицизма. Первым его представителем был Салутато (ум. в 1406), который пришел к выводу, что Сенека не мог быть автором приписываемых ему трагедий. Кульминации же этот подход достиг в лице Лоренцо Валлы, усомнившегося в авторстве Апостольского символа веры и в Константиновом даре. Падение Константинополя в 1453 г., ознаменовавшее середину века, стало лишь случайным событием для истории распространения греческой литературы на Западе, которое было бы доведено до конца даже в том случае, если бы город продолжал оставаться в руках греческих императоров.

К обнаружению и копированию рукописей, возглавляемому такими людьми, как Поджио или монах Николай Трирский, в 1429 г. привезший в Рим дюжину дотоле не опубликованных комедий Плавта, добавлялось открытие княжеских библиотек во Флоренции, Риме, Урбино и других городах. Возникло много переводов греческих авторов на латынь и еще больше — тех и других на итальянский язык. Обнаружение утраченной или полузабытой литературы — великая заслуга итальянского Возрождения перед современным миром. Однако в плане неустанной литературной активности эта эпоха пошла еще дальше, подражая литературным формам античности. Отличительной чертой времени стали речи, помпезные и величественные. Княжеских послов стали называть ораторами, а приемы, которые давали таким посланникам, начинались с классических обращений. Речи произносились в связи с получением реликвий, на похоронах и свадьбах (эпитамены), даже на посвящениях епископов. На одной помолвке Филельфо начал свою речь словами: «Аристотель, странствующий учитель...». Гейгер пишет, что речи этого латиниста, самого выдающегося в то время, представляют собой отвратительную смесь из классических и библейских цитат¹⁰²⁶. Нередко эти приукрашенные речи продолжались по два или три часа. Ораторская слава Пия II помогла ему взойти на папский престол.

Возродились все формы классической поэзии — от эпоса до эпиграммы, от трагедии до сатиры. Путь прокладывали «Африка» Петрарки, эпос о Сципионе, и «Тезеида» Боккаччо. Предпринимались даже попытки продолжить или восстановить античные литературные произведения. Маффео Веджо, при Мартине V, написал тринадцатую книгу Вергилия; Бруни восстановил вторую декаду Ливия. Поэты не только пересказывали древние мифологии, но и населили Италию новыми богами и нимфами. Особенно активно они воспевали влиятельных людей своего времени, князей и пап. «Борджиада» была посвящена Александру VI, «Борсеада» — Борсо, герцогу Эсте, «Сфорциада» — одному из виконтов Милана, «Лоренциада» — Лоренцо де Медичи. Самый неприятный для нашего слуха панегирик — поэтические излияния Эрколе Строщи на смерть Чезаре Борджиа. В этом восхвалении говорится, что Рим возложил свои надежды на семейство Борджиа — Калликста III, Александра VI и, наконец, на Чезаре, деяния которого прославляет поэт.

В области исторических повествований также начался новый этап. Изучались и записывались летописи городов и истории отдельных людей. За историей Флоренции (сначала на латыни, Леонардо Бруни, затем — до 1362 г., братьев Виллани, которые писали на итальянском, затем — Поджио, до 1455 г.) следовали другие истории, в том числе ценные римские «Дневники» Инфессуры и Бурхар-

¹⁰²⁶ I. 261 sq.

да, «История Венеции» (1487 — 1513) Бембо и труды Макиавелли и Гвиччардини, писавших по-итальянски. В 1463 г. Флавио Бьондо создал энциклопедический труд в трех частях об истории, обычаях, топографии и памятниках Рима и Италии (*Roma instaurata*, *Roma triumphans* и *Italia illustrata*). Леонардо Бруни написал биографии Цицерона и Аристотеля на латыни, а Данте и Петрарки — на итальянском. Страсть к сочинительству отразилась в донесениях венецианских, мантуанских и других послов при дворах Рима или Эсте, а также в тщательно продумывавшихся письмах, которые на самом деле представляют из себя законченные очерки, по большей части написанные на латыни и содержащие комментарии к книгам и объектам литературного интереса — Полициано, Бембо и другим. Этот литературный жанр возродил Петрарка. Любовь к латинской культуре проявилась также в том, что детям давали античные имена, такие как Агамемнон и Ахилл, Аталанта и Пентесилея. Один художник назвал свою дочь Минервой, а сына — Апеллесом. Было также принято брать латинские имена. Сансеверино, несмотря на незаконнорожденное происхождение, гордо называл себя Юлий Помпоний Лет. Этот обычай распространился и на Германию, где Шварцерд поменял свою немецкую фамилию на Меланхтон, Хаусшейн — на Эколампадий, Рейхлин — на Капнион, Бухманн — на Библиандер. Гуттен, Лютер и Цвингли, придерживавшиеся более патриотических взглядов, сохранили свои немецкие имена. Педанты заслуживают более серьезного порицания. Они переделывали на языческий лад священные термины и заменяли христианские идеи мифологическими. Святых они называли *dii* и *deae*; их статуи — *simulacra sancta deorum*, святыми изображениями богов; Петра и Павла — *dii titulares Romae* или *S. Romulus* и *S. Remus*; монахинь — *vestales virgines*; небеса — *Olympus*; кардиналов — *augurs*; коллегию кардиналов — *Senatus sacer*; папу — *pontifex maximus*, а его проклятия — *dirae*; тиару — *infula Romulea*; и, наконец, Бога — *Jupiter optimus maximus*!¹⁰²⁷ Эразм протестовал против такого абсурдного педантизма, характерного для гуманизма в его «детском» состоянии. Другим признаком культа античности было подражание римским погребальным обычаям, даже в церквях. Когда в 1443 г. умер Бруни, приоры Флоренции устроили ему публичные похороны «по обычаю древних». Перед тем как его тело было погребено в церкви Санта-Кроче, Манетти произнес погребальную речь и возложил лавровый венок на голову покойного.

Великое уважение к древности проявилось также в том, как города и отдельные лица относились к реликвиям классических авторов. Падуя считала, что в ней похоронен Ливий, а Альфонсо Неаполитанский гордился тем, что обладает одной из рук этого покойного историка. В Неаполе находилась настоящая или предполагаемая могила Вергилия. Парма хвалилась тем, что в ней покоятся кости Кассия. Комо претендовало на обоих Плиниев, но Верона доказала, что старший принадлежит ей. Альфонсо Неаполитанский, проезжая через Абруцци, почтил присутствием Сульмону, место рождения Овидия.

Во всех крупных итальянских городах имелись латинские школы. Среди знаменитых учителей были Витторино да Фельтре, которого Гонзага Мантуанский призвал к своему двору, и Гварино из Вероны. Отпрыски заграничных князей приезжали в Мانتую, чтобы послушать Фельтре, который в то время обучал также 70 бедных, но талантливых детей. Ученики заучивали наизусть и переводили тексты латинских авторов. Их обучали также математике и философии. К

¹⁰²⁷ Burckhardt-Geiger, I. 274; Symonds, II. 396 sqq.

литературным упражнениям Фельтре добавлял гимнастические. Он подавал своим ученикам благой пример целомудрия и воздержанности. Его сравнивали с пеликаном, который кормит птенцов собственной кровью. Пастор, который называет этого учителя величайшим итальянским педагогом эпохи Возрождения, скупулесно замечает, что каждый день перед началом занятий он посещал мессу.

Гуманистам удалось обеспечить себе поддержку богатых и могущественных лиц. Никогда литература не имела более щедрых и умных покровителей, чем в Италии в XV веке. Козимо и Лоренцо де Медичи во Флоренции и Николай V в Риме сравнивались с Меценатом и превзошли его. В других городах также находились покровители литературы, но некоторые из них были, скорее, просто расточительными, нежели проявляли подлинный интерес к развитию культуры. Существовал спрос на гуманистов. Папы нуждались в секретарях, князья поддерживали ораторов и поэтов, которые умели вести утонченную переписку, составлять речи, сочинять оды на торжественные случаи и прославлять их деяния. Леонардо Бруни, Валла, Бембо, Садолето и другие гуманисты были секретарями или составителями примечаний при дворе папы Николая V и его преемников.

Козимо Медичи (ум. в 1464), самый щедрый покровитель искусств и литературы, какого видела Европа за более чем тысячу лет, был богатейшим банкиром республики Флоренция. Он был образован, начитан, обладал вкусом, амбициями и активно интересовался литературой. Мы уже писали о его присутствии в Констанце во время собора. Он много путешествовал по Франции и Германии. После временного изгнания он в течение 30 лет правил Флоренцией в качестве республиканского князя-купца. Он поощрял ученых финансово и заботился о приобретении рукописей, не выказывая снисхождения к ним (что всегда портит впечатление от щедрости дарителя), но уважая их высшую ценность. Его литературный секретарь, Николо де Никколи (1364 — 1437), привлекал во Флоренцию образованных людей. Ему удалось собрать (по большей части скопировать) 800 кодексов. Под его покровительством Поджио проводил поиски в некоторых монастырях Южной Германии и нашел в Сен-Галлене первое полное собрание Квинтилиана. Библиотека Никколи, при посредничестве Козимо, была отдана Сан-Марко и составляет часть библиотеки Медичи. С той же щедростью просвещенного человека Козимо покровительствовал изящным искусствам. Он был большим поклонником благочестивого художника Фра Анджелико, которому велел изобразить историю распятия на одной из стен часовни Сан-Марко. Среди ученых, живших во Флоренции под покровительством Козимо, были платонист Фичино, Леонардо Бруни и Поджио. В последний год своей жизни Козимо велел читать себе «Этику» Аристотеля и перевод «Высшего блага» Платона, сделанный Фичино. Он внес вклад в сооружение церквей и монастырей, а также в строительство величественных зданий, превративших Флоренцию в итальянские Афины.

Внук и достойный наследник Козимо, Лоренцо Медичи (ум. в 1492) хорошо знал латынь и греческий. Его учили Ландино, Аргиропулос и Фичино. Он был человеком изысканной культуры, сам писал неплохие стихи, его песни распевали на улицах Флоренции. Он был достойным семьянином. Он любил играть со своими детьми и очень любил сына, Джованни (впоследствии Льва X). Украшением его двора были Микеланджело и Пико делла Мирандола. Из-за его щедрости сам он и республика в 1490 г. оказались на грани банкротства.

Федерико де Монтефельтро, герцог Урбино (ум. в 1482) и Альфонсо Неаполитанский также заслуживают особого упоминания как покровители учености. Федерико, ученик Витторино да Фельтре, был ученым, поклонником патристичес-

кого и классического образования. Он разбирался также в музыке, живописи и архитектуре. На него одновременно работало от 30 до 40 переписчиков. Он потратил 40 тыс. дукатов на создание библиотеки, которая в 1657 г. вошла в состав Ватиканской.

Альфонсо особо покровительствовал скептику Лоренцо Валла и безнравственному Беккаделли (1394 — 1471). При его дворе были и греческие ученые — Георгий из Трапезунда и младший Хрисолор. Он с удовольствием слушал литературные, философские и богословские лекции и диспуты, которые проводились в его библиотеке. Он выплачивал большие суммы денег литераторам, дал Беккаделли 1000 золотых гульденов за его *Hermaphrodita*, а Фацио — 1500 гульденов за его *Historia Alphonsi*, помимо его ежегодной зарплаты в 500 гульденов. Говорят, когда он сделал Манетти своим секретарем, он сказал, что готов поделиться с учеными последней коркой хлеба.

При Николае V (1447 — 1455) гуманизм одержал победу в центре Римской церкви. Николай был первым и лучшим папой эпохи Возрождения и ее самым щедрым сторонником, в Риме гуманизм не укоренился так глубоко, как во Флоренции. Гуманизм всегда был в большей или меньшей мере чужд папскому городу¹⁰²⁸. Николай проникся духом гуманизма во Флоренции, где работал частным учителем. В течение 20 лет он был секретарем кардинала Никколо Абергати, путешествовал по Франции, Англии, Бургундии, Германии и Северной Италии. Во время этих путешествий он собрал редкие книги, в том числе Лактанция, Григория Назианзина, Иринея, 12 посланий Игнатия и послание Поликарпа. Многие рукописи он скопировал лично. Он помогал приводить в порядок книги, собранные Козимо. Его понтификат был золотым веком архитекторов и писателей. На те громадные суммы, которые заработал Рим благодаря «святому году» (1450), он смог реализовать свою страсть к архитектуре и литературе. В одном только банке Медичи на папском счету лежали 100 тыс. флоринов. Николай дал достойным авторам работу в качестве переписчиков, переводчиков или секретарей, но он заставлял их работать день и ночь. Он посылал агентов во все районы Италии и другие страны, даже в Россию и Англию, на поиски редких книг. Потом эти книги копировались на пергамент, роскошно переплетались и снабжались серебряными застешками. Так он собрал труды Гомера, Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Платона, Аристотеля, Полибия, Диодора Сицилийского, Аппиана, Филона Иудея и греческих отцов церкви — Евсевия, Василия Великого, Григория Назианзина, Златоуста, Кирилла Александрийского и Дионисия Ареопагита. Он пробудил энтузиазм к переводу греческих авторов и собирался обогатить Запад переводами всех сохранившихся памятников эллинистической литературы. Саймондс говорит, что Рим превратился в фабрику переводов с греческого на латынь. Николай заплатил Валле 500 скуди за латинский перевод Фукидида, Гуарино — 1500 за перевод Страбона. Николе Перотти, переведшему Полибия, он подарил кошелек с 500 новыми папскими дукатами (дукат равнялся по стоимости 12 франкам) и сказал, что этой суммой нельзя по достоинству оценить заслуги автора. Он предложил 5000 дукатов за обнаружение еврейского текста Евангелия от Матфея и 10 тыс. золотых гульденов за перевод Гомера, но безуспешно. Марсуппини и Ораций предоставили лишь фрагменты «Илиады», а перевод первых 16 книг Валлы был прозаическим переложением. Он назначил своему секретарю и биографу Манетти зарплату в 600 дукатов, хотя тот и отсут-

¹⁰²⁸ Gregorovius, VII, 539; Symonds, *Rev. of Learning*, II. 215.

ствовал в Риме. Другого такого щедрого и просвещенного любителя книг на престоле святого Петра никогда не бывало.

Непреходящим памятником Николаю стала Ватиканская библиотека, которая, с более поздними дополнениями, представляет самое ценное в мире собрание редких рукописей восточной, греческой, латинской и церковной литературы. Среди ее величайших сокровищ — Ватиканский кодекс греческого Нового Завета. Папские библиотеки и архивы существовали и раньше, сначала в Латеранском дворце, потом — в Ватиканском, но звания основателя Ватиканской библиотеки заслуживает все же Николай. Он купил для нее около 5000 томов ценных классических и библейских рукописей — громадное по тем временам собрание. Кроме того, у него была частная библиотека, в основном состоявшая из книг латинских классиков. В то время ни одна другая библиотека не достигала 1000 томов. У Виссариона их было только 600, у Никколи во Флоренции — 800, у Федерико из Урбино — 772. Сейчас в Ватикане хранится 30 тыс. рукописей и около 100 тыс. печатных трудов. Свободный доступ в архивы Ватикана впервые был открыт при Льве XIII.

Папы более позднего периода эпохи Возрождения больше интересовались искусством и архитектурой, чем литературой. Испанец Калликст III, согласно вызывающему сомнения сообщению Веспасиано, считал, что его предшественник, собирая книги, напрасно тратил церковную казну. Он отдал несколько сотен томов старому кардиналу Исидору Киевскому и расплавил серебряные украшения, которыми скреплялись многие рукописи, чтобы отлить монеты. Их предполагалось потратить на проповедовавшуюся им войну против турок.

Казалось, от гибкого дипломата и литератора Пия II гуманисты могут ожидать многого, но получили они мало. И так произошло не потому, что Эней Сильвий боялся соперников. После того как его избрали папой, он объезжал город Рим, Тускулум, Альбу, Остию и другие места в поисках древнеримских дорог и акведуков и изучая древние памятники. Он был поэтом, новеллистом, полемистом, историком, космографом. Он ко всему относился с увлечением, будь то гонки на лодках, охота или сокровища великих городов Флоренции и Рима. Его наблюдательность была столь же велика, сколь широки были его интересы. Казалось, ничто не ускользало от его взора. Все человеческое было ему интересно. Его описания городов и людей (например, во «Фридрихе II» и в «Истории Богемии») привлекают внимание читателя проницательными суждениями, вниманием к характерным и любопытным деталям¹⁰²⁹. Новеллы и оды Пия проникнуты духом моральной распущенности, а его комедия *Chrisis*, в стиле Теренция, рассказывает о женщинах с дурной репутацией и может быть приравнена к самым развратным произведениям гуманистов. Его речи занимают три тома. Сохранилось также более 500 его посланий.

При Павле II, как видно из рассказа Платины, для папских придворных гуманистов наступило трудное время. Сикст IV (1471 — 1484) занимает определенное место в истории Ватиканской библиотеки. Он переместил ее в четыре новых прекрасных зала. Он обеспечил ее постоянным финансированием, позаботился о назначении переписчиков латинских, греческих и еврейских текстов, сделал библиотекарями двух известных ученых, Бусси и Платину, и отделил книги от архивов¹⁰³⁰. Легкомысленный Лев X, плоть от плоти дитя Возрождения,

¹⁰²⁹ Burekhardt-Geiger, II. 21.

¹⁰³⁰ Pastor (II. 655 sqq.) подробно рассказывает об услугах, оказанных библиотеке этим папой.

уважал Бембо и других авторов, однако покровительствовал не только серьезной, но и фривольной литературе. В послании, напечатанном в первом издании первых шести книг «Анналов» Тацита (1515), обнаруженных в вестфальском монастыре Корвей (1508), он писал, что «с юных лет привык считать изучение классики самым прекрасным и полезным среди всего богатства, полученного человеком от Творца, — конечно, за исключением знания о Самом Боге и поклонения Ему. Ведь классика не только украшает и наставляет человека в жизни, но и может быть применена и полезна в любой практической ситуации».

В качестве характерных нововведений итальянского Возрождения следует упомянуть так называемые академии Флоренции, Рима и Неаполя. Эти организации в чем-то соответствовали современным научным ассоциациям. Самая известная из них, Платоновская академия во Флоренции, была основана Козимо де Медичи. Среди ее членов была знать Флоренции и некоторые лица из других городов. В день рождения Платона, 13 ноября, там устраивали пир и обсуждение его произведений. Академия возрождала и распространяла знание о возвышенных истинах платонизма, и из нее выросли другие академии Флоренции, отличавшиеся более литературным и общественным характером¹⁰³¹. Расцвета славы она достигла при Лоренцо.

Академия в Риме, основателем которой был Помпоний Лет, не ограничивалась изучением Платона и его философии, но преследовала более общие литературные цели. На собраниях обсуждались классики, представлялись речи и пьесы. Хотя Лет был наполовину язычником, представители Александра VI присутствовали на его похоронах (1498). Кардинал Садолето в XVI веке считался в Римской академии одним из лучших учителей молодежи. Академия в Неаполе, основанная Иовианом Понтаном, в основном занималась проблемами стиля. Профессор Джебб достаточно верно охарактеризовал Флорентийскую академию как преимущественно философскую, Римскую — как античную, а Неаполитанскую — как литературную¹⁰³².

§65. Греческие учителя и итальянские гуманисты

Возрождение изучения греческого языка, которым пренебрегали в течение восьмисот или более лет, было вызвано не интересом к оригинальному тексту Нового Завета, а желанием познакомиться с Гомером, Платоном и другими классическими греческими авторами. Греческого языка ни в коей мере не знал даже Григорий Великий. Собор во Вьенне рекомендовал создать кафедры по его изучению, но эта рекомендация ни к чему не привела. Возрождение интереса к языку сопровождалось обнаружением греческих рукописей, созданием грамматик и словарей и переводом греческих классиков.

Мы не станем останавливаться на таких сомнительных странствующих учителях, как калабрийцы, у которых брали уроки Петрарка и Боккаччо, и начнем список преподавателей греческого с Эммануила Хрисолора (1350 — 1415). Он учил во Флоренции, Милане, Падуе, Венеции и Риме. Примирившись с Латинской церковью, он был взят в качестве переводчика на собор в Констанце, где и умер. Он написал первую греческую грамматику, напечатанную в 1484 г. Первый словарь был составлен монахом-кармелитом Джованни Крастоне из Пьячен-

¹⁰³¹ R. Rocholl, *D. Platonismus d. Renaissancezeit*, в Brieger, *Zeitschr. für K.-gesch.*, Leipzig, 1892, pp. 47-106.

¹⁰³² *Cambr. Hist.*, I. 560.

цы. Он вышел в 1497 г. Сейчас, когда у нас есть все необходимые пособия для изучения греческого языка, мы даже не можем себе представить трудности, с которыми сталкивался любой изучающий этот язык без элементарной помощи грамматики и словаря в то время.

Мощный импульс к изучению греческого языка был дан собором в Ферраре (1439), где присутствовала большая делегация Восточной церкви и обсуждались доктринальные разногласия христианского мира. Его протоколы вышли на двух языках. Среди тех, кто посетил собор и остался на Западе на какое-то время или навсегда, были Плифон, настоящее имя которого было Гемист Георгий (1355 — 1450), и Виссарион (1403 — 1472). Козимо де Медичи часто слушал Плифона. Благодаря его лекциям о Платоне у Козимо возникла идея создать Платоновскую академию во Флоренции.

Виссарион, епископ Nikei, насовсем остался в Латинской церкви и стал членом коллегии кардиналов при Евгении IV. Когда его обсуждали как возможного кандидата на папский престол, кардинал Авиньона возразил, что он грек и носит бороду. Он умер в Равенне. Как и все греки, Виссарион был богословом, склонным к философии, и его больше интересовала метафизическая тайна вечного исхождения Духа, нежели практическое воздействие Духа на сердца людей. Он защищал Платона от обвинений в аморальности и предполагаемой враждебности к ортодоксальным учениям, указывая на веру этого философа в сотворение и бессмертие души, цитируя благосклонные отзывы о нем Василия, Августина и других отцов церкви и представляя его как связующее звено между язычеством и христианством. Дворец Виссариона в Риме был местом сбора ученых. Потратив 15 тыс. дукатов (или, как утверждает Платина, 30 тыс.), он собрал ценную библиотеку, которую в 1468 г. отдал Венецианской республике¹⁰³³.

Георгий Трапезундский (1395 — 1484) прибыл в Италию около 1420 г., выразил свое согласие с папской церковью, учил красноречию и философии Аристотеля в Венеции и Риме и был назначен папским писцом при Николае V. Это был тщеславный, любящий спорить и раздражительный человек. Он ссорился с Валлой, Поджио, Феодором Газа, Виссарионом и Перотти. Пятьдесят скудо, которые Сикст IV дал ему за перевод «Истории животных» Аристотеля, он презрительно бросил в Тибр. Его главным трудом было сравнение Аристотеля и Платона, причем в пользу первого.

Феодор Газа, соперник Георгия, был родом из Фессалоники, прибыл в Италию в 1430 г., преподавал в Ферраре, а потом перешел на службу к папе Николаю. Он был ревностным платоником, перевел на латынь несколько греческих трудов, а несколько произведений Цицерона — на греческий и написал греческую грамматику.

Иоанн Аргиропулос, поклонник Аристотеля, философ и переводчик, 15 лет с большим успехом преподавал во Флоренции, а потом в Риме, где Рейхлин слушал его лекцию о Фукидиде. Он умер в 1486 г., объевшись дынями.

Ведущими из греков, эмигрировавших в Италию после падения Константинополя, были Каллист, Константин Ласкарис и его сын Иоанн. Иоанн Андроник Каллист преподавал греческий в Болонье и в Риме (1454 — 1469) и принимал участие в диспутах между сторонниками Платона и Аристотеля. Потом он переехал во Флоренцию и наконец во Францию — в надежде найти там более щед-

¹⁰³³ *Bessarionis Opera* в Migne, *Patrol. Graeca*, vol. CLXI. Биографии Виссариона: Henri Vast, Paris, 1878, и H. Rocholl, Leip., 1904.

рое вознаграждение за труды. Говорили, что он прочел всех греческих авторов и привез с собой из Греции шесть сундуков рукописей. Константин Ласкарис, принадлежавший к высокопоставленному семейству Восточной империи, учил греческому языку Ипполиту, дочь Франческо Сфорца, а позже — жену Альфонсо (сына Фердинанда I Неаполитанского). Он составил для нее греческую грамматику. Это была первая печатная книга на греческом (1476). В 1470 г. он перебрался в Мессину, где учредил процветавшую школу, и умер в конце века. Среди его учеников был кардинал Бембо из Венеции.

Его сын, Иоанн Ласкарис (1445 — 1535), по поручению Лоренцо Медичи собирал рукописи в Греции и надзирал за печатанием греческих книг во Флоренции. Он сопровождал Карла VIII во Францию. В 1513 г. Лев X призвал его в Рим, и он открыл там греко-латинскую школу. В 1518 г. он вернулся во Францию и собирал библиотеку Фонтенбло для Франциска I.

Среди тех, кто отличился на поприще собирания греческих рукописей, был Джованни Ауриспа (1369 — 1459), который в молодости отправился в Константинополь, чтобы изучать греческий. Он покупал и продавал сочинения с изощренностью опытного книготорговца. В 1423 г. он вернулся из Константинополя с 238 томами, в том числе Софокла, Эсхила, Платона, Ксенофонта, Плутарха, Лукиана. Так он спас эти книги от безжалостного уничтожения их турками до того, как Константинополь постигла катастрофа 1453 г.

После XV века изучение греческого в Италии пришло в упадок, но его подхватили и усовершенствовали гуманисты к северу от Альп.

Изучение еврейского языка, который не был предан забвению в Европе благодаря иудейским ученым (особенно в Испании), также было возобновлено в Италии в XV веке, но возвращение к нему вызвало оппозицию. Когда Леонардо Бруни узнал, что Поджио изучает еврейский язык, он написал, что такое изучение не только бесполезно, но и определенно вредно. Манетти, биограф Николая V, перевел с еврейского Псалтирь и собирал еврейские рукописи для этого понтифика. Монах-камальдул Траверсари выучил еврейский язык и в 1475 г. начал печатать еврейские книги на итальянских печатных станках. Кафедры для изучения еврейского языка были основаны в Болонье (1488) и Риме (1514).

Переходя от списка греческих учителей к итальянским гуманистам, мы упомянем лишь несколько наиболее выдающихся имен и особо отметим их отношение к церкви.

Леонардо Бруни (1369 — 1444), ученик Хрисолора, дает нам возможность понять, сколь чрезвычайной сенсацией стало возрождение греческого языка. Он оставил все прочие занятия ради изучения Платона и Демосфена. Он был папским секретарем в Риме, а в течение какого-то времени — канцлером Флоренции, писал послания, речи, истории, философские очерки и делал переводы с греческого, в том числе «Этики», «Политики» и «Экономики» Аристотеля, «Федона», «Критона», «Апологии», «Федра», «Горгия» и «Посланий» Платона, шести жизнеописаний Плутарха. Люди из других городов приходили во Флоренцию специально для того, чтобы увидеть его. Он был благочестивым католиком¹⁰³⁴.

Франческо Поджио Браччолини (1380 — 1459) был секретарем Мартина V, потом — Николая V и жил в основном во Флоренции и Риме¹⁰³⁵. Он был самым

¹⁰³⁴ *Lionardo Bruni Aretini Epistolae*, ed. Mehus, 2 vols., Flor., 1742.

¹⁰³⁵ *Opera Poggii*, Basel, 1513, и другие издания. *Epistolae Poggii*, ed. Tonelli, 3 vols., Flor., 1832, 1859, 1861. Shepherd: *Life of Poggio*. Пастор критикует Поджио (I. 33 sqq.) в самых решительных выражениях.

известным гуманистом своего времени, страстно любил классическую древность и литературную полемику. Он в основном преуспел в латыни, но знал также греческий и немного еврейский. Он с энтузиазмом искал книги. Он поехал в Констанц как папский секретарь, нашел там полную копию *Institutiones* Квинтилиана и обследовал близлежащие бенедиктинские аббатства Рейхенау и Вейнгартен на предмет древних рукописей. В Клуни и других французских монастырях он нашел неизвестные ранее речи Цицерона. Он посетил и «варварскую Англию». Хотя Поджио почти 50 лет служил курии, он презирал монахов и высмеивал их, подрывая уважение к церкви, которая поддерживала его. В своем «Диалоге против лицемерия» он собрал ряд скандальных историй об уловках и обмане, которые монахи практикуют во имя религии. Мы уже цитировали его смелый рассказ о мученичестве еретика Иеронима Пражского. Когда был избран Феликс, Поджио не постеснялся использовать оскорбительные термины. Он называл антипапу новым Цербером, золотым тельцом, рыкающим львом, первосвященником скверны. Не менее суров он был по отношению к Базельскому собору, избравшему Феликса. Из-за самомнения и несдержанности Поджио постоянно с кем-то ссорился. Он обменивался со своими оппонентами самыми остроумными оскорблениями. Он был не только язвитель, но и вел безнравственный образ жизни. Он жил с наложницей, которая родила ему 14 детей. Когда его упрекали в этом, он флиртовал, отвечая, что лишь подражает распространенным среди клира привычкам. В возрасте 54 лет он оставил ее и женился на флорентийской девушке 18 лет, от которой у него было четверо детей. Его «Фацеции» (*Facetiae*, или «Книга шуток»), сборник непристойных историй, приобрел невероятную популярность.

Генерал ордена камальдулов Амброджо Траверсари (1386 — 1439) сочетал аскетическое благочестие с интересом к языческой литературе. Он собрал в Венеции 238 рукописей и переводил греческих отцов церкви. Вероятно, это был первый итальянский монах со времен Иеронима, который изучал еврейский.

Карло Марсуппини из Ареццо, называемый Карло Аретино, принадлежал к тому же самому кругу, но был явным язычником и умер без исповеди и таинств. Однако он был весьма уважаем как учитель и канцлер Флоренции. Его с почетом похоронили в церкви Санта-Кроче в 1463 г., где в его честь воздвигнут памятник.

Франческо Филельфо (1398 — 1481) был одним из первых знатоков латинского и греческого языка. Современники весьма восхищались им и при этом ненавидели. Он посетил Грецию, вернулся в Италию с большим количеством рукописей, преподавал красноречие и греческий в университете Флоренции. В нем сочетались худшие и лучшие черты эпохи Возрождения. Он был высокомерным, подлым, эгоистичным, жадным. Он считал себя равным Вергилию и Цицерону, если не выше их. В плане злословия, недостойных сатирических приемов и оскорблений он соперничал с Поджио. Из-за своих ядовитых высказываний он вступал в скандальные литературные ссоры с Никколо, Поджио, представителями семейства Медичи и другими людьми. Его изгнали из Флоренции, но в старости Лоренцо призвал его обратно, и он умер через несколько недель после возвращения, в возрасте 83 лет. Он всегда просил у князей платы за свои стихи, содержал несколько слуг и имел шесть лошадей. От трех его жен у него родились 24 ребенка. Он был неблагодарен по отношению к своим благодетелям и предавал друзей¹⁰³⁶.

¹⁰³⁶ Его биография — Rosmini, 3 vols., Milan, 1808; *Epistolae Filelfi*, Venet., 1502.

Марсилио Фичино (1433 — 1499), один из тех, кто прославил двор Лоренцо Великолепного, был рукоположенным священником, ректором двух церквей и каноником собора Флоренции. Он красноречиво проповедовал платоническое Евангелие своим «братьям во Платоне» и перевел орфические гимны, «Гермеса Трисмегиста» и некоторые из трудов Платона и Плотина — выполнив колоссальную по тому времени работу. Он верил, что божественный Плотин первым открыл богословие божественного Платона и «мистерии древних» и что они совместимы с христианством. Однако он не смог обнаружить в произведениях Платона тайну Троицы. Он писал в защиту христианской веры, которую считал единственной подлинной верой, и создал труд о бессмертии души, которое доказывал, приводя 15 доводов против Аристотеля. Он был невысокого роста, часто болел и был беден по вине нечестных слуг и жадных родственников.

Полициано издал «Пандекты» Юстиниана, перевел Эпиктета, Гиппократ, Галена и других авторов, а также опубликовал курсы лекций об Овидии, Светонии, Плинии и Квинтилиане. Его лекции пользовались популярностью в Англии и Германии, а среди его слушателей были Гросин, Линакр и Рейхлин.

Трое выдающихся итальянских гуманистов, чья жизнь приходится на первый период Реформации, были кардиналами: Пьетро Бембо (1470 — 1547), Джакомо Садолето (1477 — 1547) и Алендер (1480 — 1542). Все трое владели изящным латинским стилем. Бембо в течение 22 лет сожительствовал с женщиной, и у него было трое детей. Кардинал Садолето больше всего известен благодаря своему вежливому и хитроумному посланию, которое призывало женеццев отказаться от Реформации и на которое ответил Кальвин¹⁰³⁷.

Мы не случайно будем говорить о Лоренцо Валле (1406 — 1457) и Пико делла Мирандола (1463 — 1494) в последнюю очередь. Среди гуманистов XV века эти люди больше всего походили на современных мыслителей. Первый был представителем критической науки, второй — широких гуманистических симпатий, сочетавшихся с пылким благочестием.

Лоренцо Валла, единственный выдающийся гуманист, рожденный в Риме, преподавал в Павии, был секретарем неаполитанского короля и служил при дворе Николая V¹⁰³⁸. Он имел несколько бенефициев и был похоронен в Латеранском соборе, но был скептиком и косвенно поддерживал эпикурейскую мораль. Он обладал классической и богословской эрудицией и достиг почти такого же влияния, как Эразм несколько поколений спустя. Он был прирожденным критиком и одним из первых борцов за право частного суждения. Он освободился от пут схоластической традиции и непогрешимого церковного авторитета, и в этом отношении Беллармин назвал его предтечей Лютера. Лютер, который был мало знаком с трудами Валлы, весьма уважал его, заявляя, что на протяжении многих веков ни в Италии, ни во вселенской церкви не рождались подобные ему¹⁰³⁹. Валле с трудом удалось избежать суда инквизиции. Он считал, что монахи не

¹⁰³⁷ *Sadoleti opp.*, Moguntiae, 1607; Verona, 1737, 4 vols. В своем *Concilium de emendanda Ecclesia* (1538) Садолето признает, что в церкви существует много злоупотреблений и необходима ее реформа, но он тщетно надеялся, что таковая будет исходить от папы.

¹⁰³⁸ Valla, *Works*, Basel, 1540, J. Vahlen; *L. Valla*, Vienna, 1864, 2^a ed., 1870; Voigt, I. 464 sqq. См. Benrath в Herzog, XX. 422 sqq.

¹⁰³⁹ *Cui nec Italia nec universa ecclesia multis seculis similem habuit non modo in omni disciplinarum genere sed ex constantia et zelo fide Christianorum non ficto*. См. его *Respons. ad Lovan. et Colon theol.*, март 1520, Weimar ed., VI. 183. В этом ответе богословам Лувена и Кельна, осуждавшим его произведения, Лютер также упоминает о несправедливых обвинениях против Пико делла Мирандола и Рейхлина.

обладают монополией на «религиозность» и критиковал их тройной обет. В своих «Аннотациях к Новому Завету», опубликованных Эразмом в 1505 г., он осмелился исправлять Вульгату Иеронима. Он сомневался в подлинности трудов, приписываемых Дионисию Ареопагиту, и отвергал как подделку послание Христа к королю Авгарю, которое Евсевий признавал подлинным. Усомнившись в апостольском происхождении Апостольского символа веры и (ок. 1440) разоблачив Константинов дар как вымысел, он выступил против того, во что твердо верили на протяжении веков. Объявив Константинов дар «противоречивым, невозможным, нелепым, варварским и смешным»¹⁰⁴⁰, он выбил из рук иерархии оружие, которым она давно пользовалась. Его критика была основана на достоверно известных событиях и обличала явную поддельность и средневековый характер языка. Не удовлетвовавшись опровержением подлинности Константинова дара, Валла воспользовался этой темой, чтобы критиковать светскую власть папства в целом. Таким образом, он выступил против самой сути средневековой теократии. В плане смелости и ярости произведения Валлы можно сравнить с антипапскими трудами Лютера. Он не пошел настолько далеко, чтобы отрицать духовную власть и божественность института папства, но обвинял Римского епископа в том, что тот превратил Петра в Иуду и принял предложенные дьяволом царства мира сего. Он объявил папу ответственным за политические раздоры в Италии и за ее несчастья, восстания и гражданские войны, тем самым предвосхищая Макиавелли. Он утверждал, что князья имеют право лишать папу его светских владений, которыми он давно уже злоупотребляет. Существуют сомнения в чистоте побуждений Валлы. В то время, когда был написан этот трактат, Валла находился на службе у Альфонсо, который был в ссоре с Евгением IV.

К сожалению, этические принципы и поведение Валлы не говорили в пользу его богословия. Его споры с Поджио полны скандальных подробностей. В ходе этих споров Валлу обвиняли в соблазнении и педерастии¹⁰⁴¹. Его «Диалоги Цицерона о похоти», написанные, вероятно, в 1431 г., — это косвенная атака на христианскую мораль. Валла отстаивал платоническую идею об общих женах. Требования природы благи и похвальны, и голос природы он считал голосом Бога. Когда Поджио обвинил его в том, что он обольстил служанку своего шурина, он, несколько не стыдясь, признал это обвинение справедливым.

Пико делла Мирандола, самый развитый гений из всех появившихся после Дунса Скота, умер, едва достигнув тридцатилетнего возраста. Схоласты пошли дальше него в плане диалектических тонкостей, но намного уступали ему в плане независимости мысли, и в данном качестве Пико предвосхитил грядущую эпоху. Он изучал каноническое право, богословие, философию и гуманитарные науки в Ферраре. Он также изучал еврейский, халдейский и арабский языки¹⁰⁴². На двадцать третьем году жизни он отправился в Рим и опублико-

¹⁰⁴⁰ *De falso credita et ementita Constantini donatione*. Хорошо написанная рукописная копия из Ватикана датируется 1451 г. Трактат напечатан в *Opera* Валлы, 761-795, и в Brown, *Fasciculus rerum*, Rome, 1690, pp. 132-157, франц. перев. — A. Bonneau, Paris, 1879. Лютер получил копию этого труда от друга в феврале 1520 г. и укрепился в своем отвержении папства, против которого беспощадно выступил летом того же года в своем «Обращении к немецкой знати» и в «Вавилонском пленении церкви».

¹⁰⁴¹ *Invectivae in Vallam et Antidoti in Poggium*. Вульгарный стиль нападок, характерный для многих гуманистов, к сожалению, был позаимствован Лютером и его католическими противниками, равно как и Кальвином.

¹⁰⁴² «Тезисы» Пико, Rome, 1486, и Cologne. Его *Opera*, Bologna, 1496, вместе с трудами его племянника — John F. Pico, Basel, 1572 и 1601. — G. DREYDORFF: *Das System des Joh. Pico von Mir.*,

вал 900 тезисов по разным вопросам. В некоторых из них он предвосхищал взгляды протестантов — например, говорил, что не следует поклоняться образам или кресту и что слова «Сие есть тело Мое» следует понимать символически (*significative*), а не физически. Он также считал, что магия — это наука и что каббала подтверждает учение о Троице и Божественности Христа. Эти мнения вызвали подозрение, и 13 из его тезисов были осуждены Иннокентием VIII как еретические. Но, подчинившись суду церкви, он был оправдан, и Александр VI снял с него все обвинения.

Пико был не только эрудирован. Он отличался искренней верой и был склонен к аскетизму. Последние годы краткой жизни он посвятил изучению Библии, чтобы проповедовать Христа по всему миру. Он был поклонником Савонаролы, обвинявшего его в том, что он не стал полноценным монахом, и считавшего, что он попадет в чистилище. Из всех гуманистов Пико отличался самыми возвышенными представлениями о достоинстве и судьбе человека. В своем *De dignitate hominis* он утверждал, что Бог поместил человека в мир, чтобы тот свободно изучал все, что есть в мире, и, наделенный свободой воли, мог либо деградировать до состояния зверя, либо возвыситься до богоподобного существования. Он считал, что в христианской вере содержится высшая истина. Он — автор знаменитого высказывания: *Philosophia veritatem quaerit, theologia invenit, religio possidet* — «философия ищет истину, богословие ее находит, а вера ею обладает».

Мирандола оказал заметное влияние на Иоганна Рейхлина, с которым встретился в 1490 г. и которого убедил в том, что каббала содержит безграничную мудрость. Им также восхищался Цвингли. Он единственный, говорит Буркхардт, «решительно отстаивал науку и истину всех веков против одностороннего внимания к классической древности. В его лице мы можем видеть, сколь благородные изменения произошли бы с итальянской философией, если бы не вмешалась контрреформация и не положила конец прогрессу интеллектуального движения»¹⁰⁴³. Джордано Бруно, один из последних представителей философского Возрождения, был осужден римской инквизицией как еретик и сожжен на Кампо де Фьори в 1600 г. К величайшему неудовольствию папы Льва XIII, поклонники Джордано Бруно в 1889 г. воздвигли на этом месте статую в его память.

§66. Художники

Haec est Italia diis sacra. — Плиний.

Итальянский гуманизм воспроизводил прошлое, тогда как итальянское искусство было оригинальным. Итальянское творчество — архитектура, скульптура и живопись — по-прежнему делают Италию главным в мире центром художественных исследований и доставляют наслаждение. Среди итальянских авторов только Данте мог бы сравниться по величию с Микеланджело, Рафаэлем и Леонардо да Винчи. Развитие искусства началось в век Данте с Чимабуэ и Джотто, но, когда итальянский гуманизм пришел в упадок, итальянская живопись и скульптура пережили эпоху своего величайшего расцвета. Такого созвездия гениев в области изобразительного искусства, как породила Италия в этот период,

Marb., 1858. — GEIGER, 204 sqq. — Его жизнеописание (автор — его племянник), J. Fr. Pico. Перев. с лат. Thos. More, 1510. Издание со вступлением и примечаниями — J. M. Rigg, Lond., 1890.

¹⁰⁴³ I. 217. См. также II. 73, 306 sq.

продолжавшийся более трех столетий, не наблюдалось больше нигде. Они творили во Флоренции и Риме, но их магическое влияние распространилось и на многие другие итальянские города, в том числе на Венецию, которая оставалась равнодушной к литературному движению. И здесь Рим опять позаимствовал у Флоренции художников, таких как Джотто и Фра Анджелико, скульпторов, таких как Гиберти, Донателло, Брунеллески и Микеланджело.

В то время как Италия XV века (или кватроченто, как называют его итальянцы) выражала свои художественные представления в красках, мраморе и церковных куполах, шедевры античной скульптуры, небрежно предававшиеся земле на протяжении веков, извлекались на свет, вызывая восхищение и изумление нового поколения. То, что происходило в век Николая V с поиском рукописей, в век Юлия II происходило с поиском классических греческих статуй. На одной только обширной вилле императора Адриана в Тиволи, которая тянулась на несколько миль и имела на своей территории театр, лицей, храм, базилику, библиотеку и ипподром, была обнаружена громадная сокровищница произведений искусства. Статуи находили на дне Тибра, привозили из Греции, извлекали из римских терм, где их значимость не могла быть оценена по достоинству. В понтификат Александра VI был обнаружен Аполлон Бельведерский, при Юлии II — торс Геркулеса, скульптурная группа Лаокоона¹⁰⁴⁴ и ватиканская Венера. Греческий идеал человеческой красоты вернулся и вдохновлял художников на создание творений, подобных античным.

Многие стали коллекционировать древности вслед за Петраркой. Павел II хранил богатую коллекцию древностей в своем дворце Сан-Марко. Во Флоренции Лоренцо де Медичи активно занимался поиском произведений античного искусства. Музей на Капитолийском холме в Риме, где Николай V, похоже, полностью восстановил дворец сената, был создан в 1471 г., и одним из самых первых его сокровищ стала статуя Марка Аврелия. Ватиканский музей был создан Юлием II. К этим музеям и музеям во Флоренции прибавились галереи частных коллекционеров.

В архитектуре художники эпохи Возрождения так и не переняли суровую северную готику. В 1452 г. Леон Баттиста Альберти представил Николаю V копию своего труда об архитектуре, *De re aedificatoria*, основанного на изучении римских памятников. Николай был первым из великих строителей Рима. Его проекты осуществлялись с большим размахом.

В искусстве эпохи Возрождения прославление средневекового католицизма смешано с очарованием классического язычества, а библейская история — с греческой и римской мифологией. Первые художники XIV — XV веков были более простыми, более целомудренными и более ревностными верующими, чем художники XVI века, достигшие больших высот в искусстве. Католический тип благочестия проявился в преобладании картин с Мадонной, которая держит Младенца Спасителя в руках или на коленях, а также изображений святого Себастьяна и других святых. Небесная красота и земная чувственность шли рука об руку, но последняя часто довлела над первой. Одни и те же знаменитые живописцы, говорит Готорн в «Мраморном фавне», «с одинаковой готовностью брались то за изображение обнаженной женщины, которую они называли Венерой, то за представление высшей и нежнейшей женственности в образе матери Спасителя, од-

¹⁰⁴⁴ Обнаружение Лаокоона в одном из виноградников Рима было «настоящим юбилеем». Микеланджело увидел эту статую одним из первых. Садолето воспел ее в стихах на латыни. См. описание в Klaczko (W., 93-96).

нако в первом занятии они добились более существенных успехов». Художник рисовал то Вакха, вступающего в брак с Ариадной, то Марию на Голгофе. Микеланджело создал Пьету для собора Св. Петра, но он же изобразил похищение Ганимеда для Виттории Колонна и изваял пьяного Вакха для римлянина Якопо Галли. Магдалина Тициана в галерее Питти, Флоренция, — это одновременно и сладострастная женщина с обнаженной грудью и распущенными волосами, и кающаяся святая, смотрящая в небеса. О Сандро Боттичелли Вазари пишет, что «во многих домах он изобразил множество обнаженных женщин». Но если среди писателей один лишь Данте взял христианский сюжет для своей поэмы, то гений художников и скульпторов повсеместно черпал сюжеты из обоих заветов и из церковной истории, создавая лучшие произведения.

Если мы посмотрим на длинный список выдающихся скульпторов, художников и архитекторов, прославивших Италию в эпоху Возрождения, мы с удивлением увидим, до сколь преклонного возраста удавалось доживать многим из них, но, в то же время, насколько быстро оканчивалась жизнь некоторых, уже покрытых неувядающей славой. Микеланджело дожил до 89 лет, а Корреджо умер, когда ему еще не было 44. Тициан всего года не дожил до своего столетия, а Рафаэля смерть взяла раньше, чем ему исполнилось 37. Он — прекрасный пример того, сколь многое можно создать за короткое время — подобно Моцарту в музыке и Блезу Паскалю в литературе. Опять же, некоторые из великих художников дают великолепный пример сочетания самых разнообразных талантов. Леонардо да Винчи и Микеланджело преуспели как архитекторы, скульпторы, художники и поэты. Леонардо был, помимо того, химиком, инженером, музыкантом, торговцем и глубоким мыслителем, «предвестником всех современных чудес и идей, тонким и универсальным гением, необычным и неустанным исследователем». Не случайно на его памятнике в Милане написано: «Человек, возродивший искусства и науки»¹⁰⁴⁵. Его настенная фреска с изображением тайной вечери в Милане, лучше всего известная по гравюре Рафаэля Моргена, является, несмотря на свое плачевное состояние, великолепным воспроизведением одного из величайших событий истории. Участники вечери изображены сидящими за столом трапезной, подобно монахам (а не возлежащими). Каждая голова заслуживает отдельного исследования. Что касается Микеланджело, то Тэйн назвал его, наряду с Данте, Шекспиром и Бетховеном, одним из четырех величайших умов в мире искусства и литературы.

Разделяя эпоху 1300 — 1550 г. на два периода — раннее Возрождение, до 1470 г., и позднее Возрождение, после этой даты, — мы обнаружим, что вначале центром итальянского искусства была Флоренция, а расцвета славы оно достигло в Риме при Юлии II и Льве X¹⁰⁴⁶. Ранний период начинается с Чимабуэ, который умер около 1302 г., и с Джотто (1276 — 1336), друга Данте. История гласит, что Чимабуэ нашел Джотто, которому было тогда десять лет, когда тот рисовал на камне овцу кусочком угля и, с согласия отца мальчика, взял его с собой во Флоренцию. Эти два художника расписывали собор, воздвигнутый в память свя-

¹⁰⁴⁵ Taine, *Lectures on Art*, I. 16. Lübke (*Hist. of Art*, II. 280 sq.) говорит: «Леонардо был одним из тех редких созданий, которые природа наделяет всеми возможными совершенствами. Поразительно красивый, он обладал достоинством и в то же время невероятной физической силой. А в умственном отношении он был одарен как мало кто другой», и т.д. См. также Symonds, III. 314.

¹⁰⁴⁶ Юлий приказал изготовить для себя грандиозную гробницу, но он не был надежен в плане оплаты, на что жалуется Микеланджело. См. Kłaczko, p. 62.

того Франциска Ассизского. В Санта-Кроче и в других священных местах Флоренции можно созерцать фрески Джотто. Тот, кто видел портрет Данте его работы, никогда его не забудет, — как и тот, кто видел Беатриче Ченчи кисти Гвидо Рени. Саймондс замечает, что Джотто и его ученики за немногим более полувека зафиксировали на стенах церквей и общественных зданий Италии, без преувеличения, все основные представления Средневековья¹⁰⁴⁷. Фра Анджелико да Фьезоле (1387 — 1455) — самый религиозный из художников этого периода. Его изображения святых и ангелов так чисты, что просто лучатся состоянием святости.

Можно только изумляться тому, сколько блестящих художественных свершений пришлось на понтификат Юлия II. В это время процветали учитель Рафаэля Перуджино (1446 — 1524), Леонардо да Винчи (1452 — 1519), Рафаэль (1483 — 1520), Микеланджело (1475 — 1564), Корреджо (1493 — 1534), Андреа дель Сарто (1487 — 1531) и Тициан (1477 — 1576), все — итальянцы.

Немецкий биограф говорит, что о карьере Рафаэля можно вкратце сказать следующее: «Он жил, любил, работал и умер молодым»¹⁰⁴⁸. Он был привлекателен и обладал приятным характером, был свободен от зависти и ревности, скромн, великодушен, терпеливо выслушивал критику, был всегда готов учиться и учить, помогал бедным художникам. Он и Микеланджело работали недалеко от Ватикана, Микеланджело — в Сикстинской капелле, Рафаэль — в станцах и лоджах. Их ученики ссорились между собой, оскорбляя мастеров-соперников, но сами мастера были выше зависти, свойственной недалеким умам. Эта благородная пара подобна Шиллеру и Гете среди поэтов. Казалось, Рафаэль сошел на землю из высшего мира. По мнению Вазари, в нем сочеталось столько редких дарований, что он больше походил на бога во плоти, нежели на простого человека. Портреты, изображающие его в детстве, юности и возмужалом возрасте, столь же индивидуальны и производят такое же сильное впечатление, как Данте работы Джотто и Беатриче Ченчи работы Гвидо Рени.

Как и Гете, Рафаэль был исключительно одарен судьбой. Он избежал испытаний, которые обычно ждут художников, — бедности, унижений и пренебрежительного отношения. Он занимал должность папского камергера и мог выбирать между кардинальским постом и браком с племянницей кардинала Биббиены, в приданое которой давали 3000 золотых крон. Но он откладывал свадьбу из года в год, предпочитая опасную свободу холостой жизни. Его современник и поклонник Вазари говорит, что, когда Рафаэль почувствовал приближение смерти, он, «как добрый христианин, отпустил свою любовницу, позаботился о достойном содержании для нее, а потом принес последнюю исповедь».

Лучшие работы этого художника посвящены религиозным персонажам и событиям. Посетив Флоренцию после сожжения Савонаролы, он проникся от своего друга, Фра Бартоломео, уважением к этому реформатору морали и уделил ему, подобно Данте, место среди великих учителей церкви на своей фреске *Theologia* в Ватикане. Его мадонны — это совершенство человеческой привлекательности и чистоты. Глядя на его Мадонну де Сан Систо в Дрездене (Сикстинскую Мадонну, названную так потому, что на картине присутствует Сикст IV), мы не можем оторвать глаз от печального, но торжествующего лица

¹⁰⁴⁷ *The Renaissance*, III. 191.

¹⁰⁴⁸ *Seine Geschichte ist in den vier Begriffen enthalten: leben, lieben, arbeiten und jung sterben.*

Девы-матери, сосредоточенного взгляда херувимов и сострадания на лице Божественного Младенца.

Гримм говорит, что мадонны Рафаэля — не итальянки, а женщины, поднимающиеся над национальными особенностями. Мадонны да Винчи, Корреджо, Тициана, Мурильо и Рубенса обладают национальными чертами тех народов, к которым принадлежали художники, но только Рафаэль сумел донести до нас тип женской красоты, принадлежащий Европе в целом¹⁰⁴⁹.

Последнее, величайшее и чистейшее из произведений Рафаэля — «Преображение» в Ватикане. Работая над ним, он умер, в страстную пятницу, в свой день рождения. Это полотно повесили над его гробом и несли в храм Пантеона, где его останки похоронены в выбранном им самим месте, рядом с его нареченной, Марией ди Биббиена. На картине мы видим самый божественный облик из всех, являвшихся когда-либо на земле. Он парит высоко в воздухе, облекшийся в прозрачный свет, с вытянутыми руками. По правую руку Ему поклоняется Моисей, по левую — Илия, представляющие Ветхий Завет закона и обетования. Три любимых ученика простерлись на земле. Они не в силах смотреть на сияющее великолепие небес. Поразительный контраст к этой небесной сцене дан в образе мальчика-эпилептика, с блуждающим взглядом, искаженными чертами лица и судорожно напряженными членами, поддерживаемого страдающим отцом и сестрой. Мать умоляет девятиерых учеников о помощи, а они, бессильные и укоряемые книжниками, указывают на гору, куда удалился Иисус. Связывая эти две сцены, художник следовал евангельскому повествованию (Мф. 17:1-14; Мк. 9:2-14; Лк. 9:28-37), и эта связь постоянно присутствует в христианском опыте земной жизни. Отводя взор от горы Преображения, мы неизбежно сталкиваемся с земной нищетой и, беспомощные в собственных силах, снова взираем на небо как единственный источник избавления.

Нет на земле такой скорби, которой не могли бы исцелить небеса.

Микеланджело Буонарроти был на 10 лет старше Рафаэля и пережил его на 44 года. Создавая скульптуры и картины, он черпал вдохновение из Ветхого Завета, из Данте и Савонаролы. Он прославил Данте в двух возвышенных сонетах, слушал волнующие проповеди Савонаролы против греха и порока и стал свидетелем его мученичества. Вазари и Кондиви в один голос утверждают, что в нравственном отношении Микеланджело был безупречен. Он жаловался на развращенность папского двора.

*Ибо Рим продолжает убивать и продавать Христа при дворе,
Где нет условий для возрастания добродетели*¹⁰⁵⁰.

Труды этого художника колоссальны. О них невозможно судить в соответствии с обычными принципами. Среди них есть живописные работы, как фрески в Сикстинской капелле собора Св. Петра, архитектурные, как купол Св. Петра, и скульптурные, как статуи Моисея в Риме и Давида во Флоренции. Его Пьета в соборе Св. Петра — мраморная скульптурная группа, изображающая Деву Марию, которая обнимает распятого Спасителя, — сразу же сделала его первым скульптором Италии¹⁰⁵¹. Его «Страшный суд» на алтарной стене Сикстинской капеллы отражает распространенное средневековое представление о Христе как

¹⁰⁴⁹ Raphael, p. 428 sqq.

¹⁰⁵⁰ Symonds, III. 516.

¹⁰⁵¹ См. описание в Grimm, I. 186 sqq.

о гневном суде. Это произведение соответствует «Аду» Данте¹⁰⁵². Последний труд художника в мраморе — незаконченная Пьета в соборе Флоренции. Его последний рисунок изображает распятие. В последних стихотворениях он прощался с бранными удовольствиями жизни, обращался к Богу как к единственной реальности и находил единственное утешение в распятом Спасителе. В них верно отражена самая суть евангельского учения об оправдании.

В день смерти Микеланджело во Флоренции родился Галилео Галилей. Золотой век искусства уходил. Приближался век науки.

Среди великих церквей Италии — соборов Милана, Венеции, Пизы, Сиены, Флоренции и Рима — собор Св. Петра особо выделяется своими размерами, собранными в нем сокровищами искусства и впечатляющими церковными ассоциациями¹⁰⁵³. Этот центральный собор христианского мира был освящен только в 1626 г. Урбаном VIII. Николай V планировал его крупномасштабную реконструкцию, но сделано было немного, пока за дело не взялся Юлий II. Среди архитекторов, участвовавших в проработке этого строения, наибольшую роль сыграли Браманте и Микеланджело. 18 апреля 1506 г. Юлий II заложил первый камень, согласно проекту Браманте. Кардинал Содерини провел мессу, и старый папа по лестнице спустился в траншею, выкопанную на том месте, где сейчас стоит статуя святой Вероники. Пари де Грасси говорит: многие боялись, что почва обвалится, и папа, перед тем как освятить фундамент, попросил стоявших наверху не подходить слишком близко к краю. При Льве X Рафаэль был единственным архитектором, работавшим над собором, и он уже собирался отойти от плана Браманте, когда смерть помешала его проектам. Микеланджело, который взялся за дело в 1535 г., завершил строение, создав самый великолепный в Европе купол, соперничающий с куполом Св. Софии¹⁰⁵⁴.

§67. Возрождение язычества

Возрождение литературы и развитие искусства не привели ни к улучшению нравственности в Италии, ни к освобождению от религиозного формализма. Великие современные историки этого периода — Войт, Буркхардт, Грегоровиус, Пастор, Крейтон и Саймондс — все в мрачных красках описывают упадок веры и морали, хотя Пастор пытается спасти церковь от обвинения в полном пренебрежении обязанностями и оправдать средневековую иерархию и богословие, на которые возлагается ответственность за полужыгическое Возрождение.

В средневековом богословии место личной совести человека было занято священством, и священники вовсе не собирались освобождать Италию от религиоз-

¹⁰⁵² Grimm (II. 224) говорит о выражении лица Христа как невероятно отталкивающим, но в то же время замечает, что если изображать Христа как судью на страшном суде, то именно таким оно и должно быть.

¹⁰⁵³ Pastor (III. 54-9) вслед за Редтенбахером приводит список самых важных произведений церковной архитектуры в Италии в 1401 — 1518 г.

¹⁰⁵⁴

*That vast and wondrous dome,
To which Diana's marvel was a cell, —
Christ's mighty shrine above his martyr's tomb.*
{«Этот громадный и чудесный купол,
В сравнении с которым чудо Дианы было лачугой, —
Величественная святыня Христа над могилой Его мученика»}.
К этим строкам Байрона можно присовокупить строки Шиллера:
*Und ein zweiter Himmel in den Himmel
Steigt Sanct Peter's wundersamer Dom.*

ного формализма, который вел к застою мысли и моральному упадку. Они были развращены в душе и в жизни, в том числе те, кто занимал высшие посты христианского мира¹⁰⁵⁵. Гуманизм показал, что клирики Италии неискренни, что мораль церкви пребывает в развращении, но он не только не предпринял серьезных попыток исправить это плачевное состояние, а, напротив, внес вклад в дальнейший упадок морали, возрождая язычество, то эпикурейское, то стоическое, которое проявилось как в жизни, так и в произведениях многих его выдающихся деятелей. Грегоровиус был прав, когда вынес свой ужасный приговор: единственным финалом итальянского Возрождения было язычество¹⁰⁵⁶.

Поклонение классическим формам влекло за собой принятие и классических идей. Немало гуманистов и художников сочетали культуру с христианской верой и посвящали свой гений делу истины и добродетели. Траверсари строго соблюдал устав монашеского ордена. Манетти, Леонардо Бруни, Витторино да Фельтре, Фичино, Садолето, Фра Анджелико, Фра Бартоломео, Микеланджело и другие были благочестивыми христианами. Траверсари сначала колебался, переводить ли ему классических авторов, а когда стал это делать, оправдывал себя мыслью, что, чем лучше люди будут понимать языческих авторов, тем ярче проявится превосходство христианской системы. Но Поджио, Филельфо, Валла и большинство других авторов эпохи Возрождения, как Ариосто и Макиавелли, были равнодушны к религии или даже относились к ее проявлениям презрительно. Культура подменила собой христианство, а поклонение искусству и страсть к красноречию подменили собой уважение к истине и святости. Гуманисты, тайно или демонстративно, приносили жертвы богам Греции и Рима, а не Богу Библии. Но они не были достаточно независимы, чтобы открыто поправить ортодоксию, ведь в таком случае они рисковали бы попасть в руки инквизиции и погибнуть на костре¹⁰⁵⁷. Те, кто наиболее активно нападал на церковных деятелей своего времени, часто раскаивались в этом в конце жизни, как Боккаччо и Банделло, и принимали перед смертью елееосвящение. Так было и с Макиавелли, который принял утешение от церкви, подвергшейся его критике, и с полужызычником Помпонию Летом из Рима, и с печально известным Сиджизмондо Малатестой из Римини, который не только покровительствовал развитию культуры, но совершал всевозможные преступления.

Хотя выносить окончательное суждение о моральной чистоте целого поколения всегда опасно, даже в случае XV века, мы достаточно ясно представляем себе ситуацию из литературы и биографий представителей высших слоев общества, литераторов, пап и князей. Возрождение в Италии не породило своего Фомы Кемпийского. Ни один преданный мистик не пытался провести реформы в монастырях и среди клира, хотя в то время и были искренние проповедники, призывавшие к моральной реформе, подобно вопиющим в пустыне. Когда мы говорим о неспособности религии принести плод праведности в стране пап и во время великой литературной и художественной активности, не следует забывать также и об этической дезинтеграции церкви и общества в другие периоды и в других странах — например, во Франции при Людовике XIV.

Гуманисты были естественными врагами монахов. Мы не можем осуждать их за это. Монахи как класс пренебрегали образованием, хвалились своим благоче-

¹⁰⁵⁵ См. Burckhardt-Geiger, II. 178 sqq.

¹⁰⁵⁶ VII. 536.

¹⁰⁵⁷ Voigt, II. 213.

стием, демонстрировали напоказ свое гордое смирение и постоянно ссорились друг с другом. Боккаччо и новеллисты не стали бы делать монахов и монахинь героями непристойных историй, если бы монашеский образ жизни не находился в упадке. Поджио, Филельфо, Валла, Банделло, Макиавелли, Ариосто, Аретино и Эразм, а также автор *Epistolae virorum obscurorum* с едкой иронией и сарказмом клеймили лицемерие и пороки монашеского класса и превращали его представителей в предмет насмешки. Монахов обвиняли в распутстве, лицемерии, в том, что они творили ложные чудеса для невежественного и легковверного народа. Был распространен слух о том, что монахини — это собственность монахов¹⁰⁵⁸. В литературе XV века встречается масса подобных обвинений, и Савонарола самым страстным образом критиковал клириков за отсутствие веры и за грехи. Макиавелли открыто заявляет: «Мы, итальянцы, все неверующие и развращенные» — и добавляет: «Мы таковы, потому что представители церкви подают нам самый дурной пример». Пастор заявил, что гуманисты, которые сами жили во грехе, не могут быть судьями священства. В определенном смысле это верно, и, если бы у нас были только слова гуманистов, мы могли бы считать их мнение обыкновенным предубеждением. Но их высказывания подтверждаются скандалами при папском дворе и условиями жизни в Риме — причем Рим был не хуже, чем Венеция, Флоренция и другие итальянские города. Тот же самый выдающийся историк пытается парировать нападки авторов-гуманистов и оправдать иерархию, указывая на длинный список из 89 святых, живших в 1400 — 1520 г.¹⁰⁵⁹ Это число впечатляет, но, помимо Бернардино Сиенского, Фра Анджелико, Якопо делла Марко и Иоанна из Капистрано, немногие из них известны всеобщей истории, а последние двое отличались особенностями, которые здравый смысл человечества не склонен именовать святостью. Пастор также упоминает о завещаниях умирающих, которые выделяли средства на церковные цели, но это может говорить не столько о здоровом благочестии, сколько о суеверном страхе. В конечном итоге клирики все-таки несли ответственность за происходящее и были виноваты, и не случайно их высмеивали сатирики и философы того времени.

Хотя гуманисты осуждали класс священников, многие, даже большинство из них самих жили, вопиющим образом нарушая законы нравственности. Они были склонны к скептицизму и явному язычеству. Поклоняясь древности, они придавали системе Платона такое же значение, что и системе христианства, или даже считали ее выше. Они выступали за возвращение к позывам природы, к порывам естественного, чувственного человека. Их философским принципом было *sequere naturam* («следовать за природой»). Ожесточенный спор о сравнительных достоинствах двух греческих мыслителей, Аристотеля и Платона, был начат Плифоном, который обвинил Аристотеля в атеизме. Сражение продолжалось много лет, причем спорившие самым яростным образом нападали друг на друга. Защищая

¹⁰⁵⁸ Geiger, II. 182-4.

¹⁰⁵⁹ Pastor, I. 44 sqq., III. 66-8. Вряд ли можно представить себе более отрицательный портрет священника, чем живший в то время дон Николо де Пелагайт ди Фирарола. Он стал главарем банды разбойников. В 1495 г. его поймали и держали в Ферраре, в клетке под открытым небом. Он совершил убийство в тот день, когда провел свою первую мессу, и был прощен Римом. Позже он убил четырех мужчин и женился на двух женщинах, которые путешествовали вместе с ним. Он изнасиловал бесчисленное количество женщин и держал их в плену, убивал и грабил людей. Но был ли этот священник хуже, чем Иоанн XXIII, которого христианский собор обвинил во всевозможных преступлениях, или чем Александр VI, папские одеяния которого скрывали чудовищную порочность?

Платона, Фичино превознес этого философа так высоко, что он затмил принципы Писания. Фичино на полном серьезе предлагал включить в литургию, наряду с местами Писания, фрагменты из произведений Платона¹⁰⁶⁰.

Пьетро Помпонацци, популярный учитель философии Аристотеля в Падуе и Болонье, формально усомнился в бессмертии души. Его трактат, опубликованный в 1516 г., был сожжен францисканцами в Венеции, но в Риме и Флоренции ему удалось избежать осуждения благодаря вмешательству Бембо и Джулио де Медичи. Философия материализма была так распространена, что Пятый Латеранский собор за три года до этого, 19 декабря 1513 г., посчитал необходимым подтвердить учение о бессмертии души и велел преподавателям университетов пресекать доводы материалистов. В век Юлия II и Льва X в Риме правил скептицизм и священники между собой смеялись над религиозными вымыслами, как некогда поступали авгуры в древнем городе¹⁰⁶¹.

Главное обвинение против гуманизма гласит, что ему не доставало определенной серьезной морали, присутствующей в христианской системе. Но гуманизм и не собирался оправдывать себя морально или как-то возрождать этические принципы. Он выродился в интеллектуальную и эстетическую роскошь, привычку самовозвышения для немногих, ничего не делая для улучшения общества в целом и явно не заботясь о таком улучшении. Гуманисты были склонны к высокомерию, тщеславию, были лишены принципов и человеческого достоинства. Они завидовали и ревновали, вступали в непривлекательные личные ссоры друг с другом, лебезили перед богатыми и могущественными. Полициано, Филельфо и Валла выпрашивали подарки и места с помощью малодушной лести. С презрением относясь к религиозным функционерам, они не умели подражать добродетельному самоотречению монашества и не уважали права других людей, как того требует христианское учение. Под влиянием Возрождения сформировалось то иллюзорное представление о чести, которое играло столь важную роль в некоторых районах Европы и которое, в условиях самой утонченной культуры, может скрывать под собой самый крайний эгоизм¹⁰⁶².

Не было ссор более грубых, чем литературные войны между выдающимися писателями. Поджио и Филельфо пускали в ход отравленные кинжалы презренности. Саймонде говорит: «Оскорбления Поджио слишком ужасны, чтобы можно было осквернить ими эти страницы». Поджио, не удовлетворяясь нападениями на литературные способности Филельфо, обвинял его в худших пороках, хулил его жену и мать. В споре Поджио с Георгием Трапезундским борцы за истину давали друг другу пощечины и дергали друг друга за волосы. Георгий обвинил Поджио в том, что тот приписал себе чужие переводы Ксенофонта и Диодора. Валла и Фацио обменялись восемью томами оскорблений. Безольд был вынужден признать, что подобные раздоры свидетельствуют о полном моральном упадке более явно, нежели цинизм итальянской поэзии¹⁰⁶³.

В конце рассматриваемого периода литература эпохи Возрождения в избытке содержала в себе места, оскорбительные для нравственности и достоинства. Поджио было уже 70 лет, когда он выпустил свою непристойную «Книгу шуток» («Фацеции»), которая до 1500 г. была издана 26 раз и была трижды переведена

¹⁰⁶⁰ См. Pastor, III. 117; Symonds, II. 208, etc.

¹⁰⁶¹ Gregorovius, VIII. 300. Прекрасный рассказ о Помпонацци и его взглядах см. в Owen: *Skeptics*, pp. 184-240.

¹⁰⁶² См. Burckhardt-Geiger (II. 155 sqq.) и его цитату из Рабле.

¹⁰⁶³ *Die vollendete sittliche Verkommenheit* (Bezold, p. 200).

на итальянский язык. О произведениях Поджио Буркхардт говорит: «В них достаточно грязи для того, чтобы у читателя возникло предубеждение против гуманистов в целом». Эпиграммы Филельфо, *De jocos et seriis*, согласно его биографу Розмини, содержат «ужасные непристойности и выражения, свойственные для улиц и борделей». Беккаделли и Аретино открыто проповедовали раскрепощение плоти. Они не стеснялись приукрашивать распущенность и прославлять ее в изысканных стихах, за которые их хвалили князья и прелаты. «Гермафродита» Беккаделли отчаянно критиковали монахи с кафедры, а гуманисты радостно приветствовали. Козимо разрешил, чтобы этот непристойный труд посвятили ему. Император Сигизмунд в Сиене вручил автору лавровый венок. Умер Беккаделли в Неаполе в 1471 г., уже старым, но все еще популярным. В ответ своим критикам, осуждавшим непристойность творений, Беккаделли приводил в пример античных авторов. Николоа дали почитать экземпляр его знаменитого произведения. Он продержал его девять дней и вернул, не осудив. Пьетро Аретино (ум. в 1557), самого непристойного из итальянских поэтов, называли *il divino Aretino*. Его поощряли Карл V, Франциск I и Климент VII. Он даже осмелился претендовать на пост кардинала, но его постигла печальная кончина. Баделло (ум. в 1562) в своих *Facetiae* описывает моральный упадок общества. Скверна повсюду. О распутстве в монастырях он рассказывает как об обычном явлении. И этот человек был епископом!¹⁰⁶⁴

Макиавелли, флорентийский политик и историк, поклонявшийся способностям и силе, почитатель Чезаре Борджиа, выстроил на принципах Возрождения политическую систему абсолютного эгоизма. При этом он требовал, чтобы правитель притворялся, будто соблюдает пять добродетелей — для обмана невежественных¹⁰⁶⁵. Многие гуманисты делали вид, что они стоики, но под этой личиной скрывалось эпикурейство.

Авторы новелл и пьес не только беззастенчиво рассказывали об общественных и частных пороках, но и изображали их так, чтобы они вызывали веселье и смех. Авторы эпохи Возрождения не писали трагедий. Главной их темой была неверность замужних женщин, потому что за незамужними очень внимательно следили и к ним было трудно подобраться. Авторы восхищались любовниками, которые умело добивались своего, а обманутые мужья превращались в объект насмешки. Они писали о куртизанках и публичных домах¹⁰⁶⁶.

В «Мандрагоре» Макиавелли Каллимако, находившийся в Париже, возвращается во Флоренцию, решая сделать своей любовницей Лукрецию, о красоте которой он наслышан. Притворившись врачом, он убеждает ее мужа, жаждавшего иметь наследника, позволить ему применить напиток из мандрагоры, который избавит его жену от бесплодия и в то же время убьет любовника. Воздействуя на сознание мужа с помощью тещи и исповедника Лукреции, согласившегося участвовать в заговоре за взятку, он добивается своей цели. Пьеса прославляет порок и прелюбодеяние. И это была одна их пьес, которые с удовольствием смотрел Лев X! В 1513 г., несмотря на то, что театр был уже сто лет как запрещен церковью, этот понтифик открыл театр в Капитолии. Несколько лет спустя он смотрел представление комедии Ариосто *Suppositi*. Декорации были изготовлены

¹⁰⁶⁴ Он написал текст к ряду непристойных картин Джулио Романо (Symonds, *Ital. Lit.*, II. 383 sqq.). Reumont (*Hist. of Rome*, III, part II. 367) называет Аретино «*die Schandsäule der Literatur*».

¹⁰⁶⁵ Принципы, описанные в его «Государе», подробно обсуждаются в Villari, *Machiavelli*, II. 403-473, и Symonds, *Age of the Despots*, p. 306 sqq.

¹⁰⁶⁶ См. Symonds, *Ital. Lit.*, II. 174 sqq.

Рафаэлем. Присутствовало 2000 зрителей, Лев сидел в ложе с моноклем в руке. Сюжет комедии строится на обольщении девушки слугой ее отца. Одним из первых кардиналов, которые начали устраивать театральные представления в своих дворцах, был Рафаэле Риарио.

Интеллектуальная свобода в Италии приобрела форму разнузданного стремления к чувственным удовольствиям. Осуждая девственность, которой требовала церковь, Беккаделли объявлял ее грехом против природы. Природа есть благо, и он призывал мужчин нарушать закон, вступая в связь с монахинями¹⁰⁶⁷. От гетер человечеству больше пользы, чем от монастырских затворниц. Мы уже отмечали, что положение незаконнорожденного больше не мешало занимать высокие посты в государстве или церкви. Эней Сильвий говорил, что большинство правителей Италии были рождены вне брака¹⁰⁶⁸. Когда, будучи папой, он в 1459 г. прибыл в Феррару, там его встретило восемь князей, ни один из которых не родился в законном браке. Появление в конце XV века в Италии французской (галльской) болезни, казалось, должно было сделать всех более осторожными. Ходили слухи, что Юлий II, не скрестивший ноги во время публичного богослужения на одном из празднеств, был одной из ее жертв¹⁰⁶⁹. Аретино писал, что в те распущенные времена кузены и родственники обоих полов, братья и сестры вступали друг с другом в бесчисленные связи и не испытывали никаких угрызений совести¹⁰⁷⁰.

Естественно, все слои общества были отравлены пороком, раз папский двор, исток христианства, был таким развращенным. Застолья в Ватикане при Александре VI и легкомыслие двора Льва X были таким примером, который мог губительно подействовать на самые твердые моральные устои. Некий монах-шут веселил собравшихся за столом Льва своей невероятной прожорливостью, проглотив целиком голубя и съев сорок яиц и двадцать каплунов за один присест! Сын Иннокентия VIII был женат на представительнице дома Медичи, а сын Александра — на представительнице королевского дома Франции. Его дочь Лукреция была отдана замуж в не менее гордое семейство Эсте. Сикст IV взимал налоги с публичных домов, то есть практически легализовал их ради увеличения доходов курии. В 1490 г., если верить данным Инфессуры, в Риме существовало 6800 продажных женщин. Это громадная цифра в соотношении с количеством населения. Этот же римский летописец утверждает, что вряд ли в Риме нашелся бы священник, который не содержал бы наложницу «во славу Бога и христианской веры». Куртизанки прибывали из всех областей Италии и Испании. Они жили в Риме в большей роскоши, чем гетеры в Афинах, и носили классические имена — Диана, Лукреция, Камилла, Джулия, Костанца, Империя, Беатриче. Во время прогулок и посещений церкви их сопровождали поэты, графы и прелаты. Когда же красота их увядала, они обычно заканчивали свою жизнь в богадельнях¹⁰⁷¹.

В Италии был также распространен порок древнего мира, который обычно не называли по имени. В педерастию обвиняли гуманистов и если не самих пап, то,

¹⁰⁶⁷ *Non est nefas se virginibus sanctimonialibus immiscere* (Pastor, I. 21).

¹⁰⁶⁸ *Frederick III*, перев. Ilgen, II. 135 sqq.

¹⁰⁶⁹ Burckhardt-Geiger, II. 161, 343 sqq. Symonds, II. 477. Говорили, что *mal francese* появилась в Неаполе в 1495 г. Она была подобна лесному пожару. Считается, что во время крестовых походов сифилис на Востоке распространяли французы.

¹⁰⁷⁰ *Cortigiana*, цит. в Symonds, *Ital. Lit.*, II. 191.

¹⁰⁷¹ Reumont, III, pt. II. 461 sqq.; Gregorovius, viii, 306 sqq.; Burckhardt-Geiger, II. 331-336.

по крайней мере, папских сыновей, например, Пьерлуиджи Фарнезе, сына Павла III. В своей седьмой сатире Ариосто, умерший в 1533 г., даже заявляет, что порок этот был характерен почти для всех гуманистов. За приверженность к нему был смещен один венецианский посол. В нем обвиняли также венецианского летописца Сануто. Подобные обвинения выдвигались также против Полициано, Валлы, Аретино, римских академиков. Худшего и придумать нельзя, столь отвратительным представляется это преступление против нравственности основному человеческому инстинкту. Неудивительно, что Саймондс говорит: «Итальянское общество было обессилено пороками худшими, чем языческие»¹⁰⁷².

К разврату добавлялись любовь к роскоши, азартные игры, вендетта, или кровная месть, наемные убийства. Жизнь стоила недорого, когда все руководствовались похотью и жадной властью. Кардиналы собирали бенефиции, чтобы иметь средства для удовлетворения своих запросов¹⁰⁷³. В середине XVI века Италия, по словам Буркхардта, пребывала в состоянии морального кризиса, и выход из этого состояния не могли найти даже лучшие ее представители. Саймондс, написавший несколько томов об эпохе Возрождения, считает, что «почти невозможно преувеличить моральную развращенность Рима в начале XVI века». А Грегоровиус добавляет, что «богатейшая интеллектуальная жизнь процветала в трясине порока»¹⁰⁷⁴.

Папы достаточно нетерпимо относились к явной ереси и нападкам на свои прерогативы. Мы прекрасно видим это по их реакции на тезисы Лютера и на проповеди Савонаролы. В то же время они не обращали внимания на явный разврат и на тайную измену. В иерархических интересах они сохраняли закон о безбрачии священников, но разрешали прелатам нарушать его и сами открыто признавали своих незаконнорожденных детей и наложниц. К сожалению, и гуманисты, за некоторыми исключениями, погружались в преобладавший повсюду разврат. В их принципах не было ничего такого, что могло предотвратить подобное поведение. Художники в целом были не лучше ученых. Они, если такое возможно, еще свободнее относились к вопросам сексуальной нравственности. Мы заявляем это не из духа враждебности к церкви средних веков, а из желания соблюдать верность историческим фактам. А факты приводят нас к выводу, что церковная организация также может ошибаться и даже распространять порок и суеверие примером поведения своих прелатов и принятием не соответствующих Писанию канонов. Реальностью несколько не подтверждается и привлекатель-

¹⁰⁷² *Rev. of Learning*, 407; Geiger, II. 176; Excursus II, 348 sqq.; Pastor, III. 101 sqq.; Voigt, II. 471; Gregorovius (viii, 308) пишет: «Мы вызвали бы у читателя отвращение, если бы попытались описать неукротимые пороки римского общества в развратные времена Льва X. Моральная развращенность того века, одно из самых характерных последствий которой носит имя *Symphylis*, достаточно известна». Банделло, цитируемый Буркхардтом, говорит: «Одна современная женщина отравляет мужа, чтобы удовлетворить свою похоть, полагая, будто вдова может делать все, что пожелает. А другая, боясь, что будет раскрыта ее любовная измена, устраивает так, чтобы ее любовник убил ее мужа. И хотя отцы, братья и мужья стараются уничтожить позор ядом, мечом и прочими средствами, женщины все равно продолжают следовать своим страстям, не думая о своей чести и жизни». В другом месте, в более мягком тоне, он восклицает: «Сколь прискорбно, что мы вынуждены ежедневно слушать, как один мужчина убил свою жену, подозревая ее в неверности, другой убил свою дочь, так как она состояла в тайном браке, третий велел убить свою сестру, потому что она не хотела выходить замуж за того, за кого он хотел ее выдать! Какая жестокость — самим претендовать на полную свободу действий, но не позволять женщинам делать то же самое!»

¹⁰⁷³ Burckhardt-Geiger, II. 172 sqq.; Pastor, III. 128.

¹⁰⁷⁴ Burckhardt-Geiger, II. 153; Symonds, *Rev. of Learning*, p. 406; Gregorovius, viii, 282.

ное, но ошибочное мнение, будто литература и искусство, не проникнутые принципами христианской веры, способны искупить себя или очистить общество. Они не делали этого в дни процветания в Греции и Риме, и точно так же они не сделали этого в Италии.

Сравнивая наш век с эпохой Возрождения, мы можем быть благодарны ему хотя бы за одно достижение¹⁰⁷⁵. Наш век отказался от веры в астрологию, что в основном связано с развитием астрономической науки. Фома Аквинат считал, что астрология — это полноправное искусство, если ее используют для предсказания природных событий, таких как засуха и дождь, но она становится бесовским культом, когда ею пользуются для предсказания поступков и судьбы людей¹⁰⁷⁶. В ранний период она причислялась к ереси. Виновные в занятиях астрологией представляли перед инквизицией. В 1324 г. Чекко д'Асколи доказал, что распятие Христа было неизбежным в связи с расположением созвездия Весов, но ему пришлось отречься от своего мнения. Его астрольбия и другие инструменты были сожжены по решению суда Флоренции (1327). Несмотря на насмешки Петрарки, астрологический культ продолжал существовать. Канцлер Д'Альи верил в него. Практически все папы и итальянские князья позднего Возрождения имели при себе астрологов или в большей или меньшей степени верили в астрологию — например, Сикст IV, Юлий II и Лев X, а также Павел III некоторое время спустя. Юлий II отложил свою коронацию на несколько недель, до 26 ноября 1503 г., так как астролог назвал именно этот день счастливым. Людовико Миланский ждал благоприятных небесных знамений, прежде чем предпринять что-либо серьезное¹⁰⁷⁷.

С другой стороны, Савонарола осуждал эту веру, и ему вторили Пико делла Мирандола и Эразм¹⁰⁷⁸. Свободе человеческих поступков астрология противопоставляла фаталистические представления о мире. Это чувствовали в то время, и Маттео Виллани говорил не раз, что «никакое созвездие не способно принудить свободную волю человека или извратить Божий промысел». Еще до конца XV века культ астрологии был осужден и уничтожен во Франции (1494), но в Германии, несмотря на распространение системы Коперника, он находил последователей еще более ста лет. Великий католический вождь Тридцатилетней войны Валленштейн перед лицом препятствий продолжал следовать указаниям небесных тел, и Шиллер вкладывает в его уста слова:

*Звезды не лгут. То, что случилось,
Противоречит движению светил и судьбе;
Искусство не обманывает нас. Это лживое сердце
Наполняет ложью истину, которую возвещают небеса.*

Бунт против власти средневекового священства и схоластической диалектики был великим и необходимым движением, проистекавшим из здравых намерений человечества. Итальянское Возрождение возглавило этот бунт. Оно дало свободу

¹⁰⁷⁵ См. Burckhardt-Geiger, II. 235 sqq.; ст. *Astrologie* в Wetzzer-Welte, I. 1526 sqq.; Pastor; и Lea, *Inquisition*, III. 437 sqq.

¹⁰⁷⁶ *Summa*, II. 2, 95; Migne ed., III. 729-731.

¹⁰⁷⁷ Villari, *Machiavelli*, I. 275.

¹⁰⁷⁸ Villari, *Life and Times of Savonarola*, p. 183. Савонарола в одной из проповедей сказал: «Разве вы не видите, что церковью управляют астрологи? Не существует такого прелата или великого лорда, который не общался бы с каким-нибудь астрологом, определяющим час и мгновение, когда ему выезжать из дома или предпринимать какое-либо дело. Эти великие лорды и шагу не осмеливаются сделать без согласия своего астролога». См. замечания в Baudrillart (p. 507) о неспособности культиры развеять обольщение астрологии.

личности, и в этом отношении его деятельность ценна, но свобода эта не была должным образом ограничена. Она была дикой и легко впадала в крайности, так что Макиавелли вполне мог сказать: «Италия — самое порочное место в мире». Как и в прежние времена, в X веке, в эпоху Оттонов, ограничение свободы пришло с севера. Когда итальянские помыслы пренебрегли христианскими идеалами, когда казалось, что вера может угаснуть, а общественной нравственности больше не существует, в Виттенберге прозвучал голос, который выступал против монашеского аскетизма и схоластики, но в то же время утверждал индивидуальную свободу, управляемую совестью и уважением к Богу.

§68. Гуманизм в Германии

Гуманистические исследования проникли в Германию поздно. Им препятствовало не столько невежество священников и предрассудки, как в Италии, сколько схоластическое богословие, царившее в университетах. Немецкий гуманизм можно считать родившимся с изобретением печатного станка (ок. 1450). Период его процветания приходится на конец XV века и продолжается только примерно до 1520 г., когда он был поглощен более популярным и мощным религиозным движением, Реформацией, тогда как итальянский гуманизм был вытеснен папской контрреформацией. К северу от Альп эта новая культура заметно отличалась от итальянской. Университеты и школы играли намного более важную роль, чем на юге. Представители новой культуры были учителями — даже Эразм, который преподавал в Кембридже и был близок к профессорам из Базеля. В период развития движения новые университеты возникали от Базеля до Ростка. Опять же, в Германии не было князей-покровителей искусств и наук, которые по уму и щедрости сравнились бы с папами Возрождения и Медичи. Новая культура также не была исключительно аристократической. Она распространяла знания повсюду. Активно создавались начальные и общеобразовательные школы. Когда влияние итальянского Возрождения стало ощущаться на севере, там, фактически, уже присутствовало сильное и независимое интеллектуальное влияние школ, организованных братьями общинной жизни. В гуманистическом движении немецкий народ был не просто раболепным подражателем. Он получил определенный импульс с юга, но проложил свой собственный путь. Если бы Италия была внимательна к урокам севера, вероятно, сегодня ее народ намного больше преуспел бы в области учености и образованности.

На севере гуманизм поступил на службу к религиозному прогрессу. Немецкие ученые были не такими блестящими и изысканными, но их намерения были серьезнее, а знания точнее, чем у их итальянских предшественников и современников. На юге внимание литераторов привлекли древние классики. На севере все было иначе. Там не существовало такого всепоглощающего желания перевести классиков на народный язык, как в Италии. Север не подражал и итальянской литературе с ее вольными нравами. «Декамерон» Боккаччо был впервые переведен на немецкий язык врачом Генрихом Штайнховелем (ум. в 1482). К северу от Альп внимание ученых было прежде всего сосредоточено на Ветхом и Новом Заветах. Греческий и еврейский языки изучались не из любви к культу античности, а для того, чтобы лучше понимать основы христианской системы. Так была выполнена подготовка к самым конструктивным переменам протестантской Реформации.

То, что можно сказать о немецкой науке, можно сказать и об искусстве Германии. Художники — Альбрехт Дюрер, который родился и умер в Нюрнберге (1471 — 1528), Лукас Кранах (1472 — 1553) и прежде всего Ганс Гольбейн (1497 — 1543) были свободны от языческого элемента и внесли вклад в развитие Реформации. Кранах жил в Виттенберге после 1504 г. и рисовал портреты Лютера, Меланхтона и других вождей протестантизма. Гольбейн иллюстрировал некоторые из новых произведений и нарисовал портреты Эразма и Меланхтона. Его Мадонна, которая сейчас находится в Дармштадте, выглядит как немка. На голове у нее венец, а печальное лицо Младенца у нее на руках выражает заботу обо всем мире.

Связующим звеном между учеными Италии и Германии можно в первую очередь назвать Энея Сильвия. Он жил при дворе Фридриха III в Базеле и был одним из секретарей собора, благодаря чему к северу от Альп его хорошо знали еще до того, как он был избран папой. Однако посредничество осуществлялось не одним-единственным человеком. Слава Возрождения по торговым путям проникла из Северной Италии в Аугсбург, Нюрнберг, Констанц и другие немецкие города. Благодаря визитам Фридриха III и кампаниям Карла VIII, а также восшествию на престол Неаполя князей Арагона немцы, французы и испанцы попадали во все крупные города итальянского полуострова. Паломники постоянно стекались в Рим, а испанские папы привлекали в этот город массу испанцев. По мере того как слава итальянской культуры распространялась, ученые и художники стали совершать путешествия в Венецию, Флоренцию и Рим, вдохновляясь новым временем.

Итальянцы считали Германию варварской страной. Они презирали немецкий народ за его невежество, грубость, невоздержанность в еде и питье. Эней полагал, что немецкие князья и знать больше беспокоятся о лошадях и собаках, чем о поэтах и ученых, и больше любят свои винные погреба, чем муз. Кампан, остроумный поэт при папском дворе, которого Павел II послал легатом на Регенсбургский рейхстаг, а Пий II сделал епископом, ругал Германию за ее грязь, холодный климат, нищету, кислое вино и плохую пищу. Он жаловался, что его несчастный нос вынужден обонять все запахи этой страны, и радовался за свои уши, которые не понимали того, о чем говорили немцы. Но вскоре эти впечатления были вытеснены новыми. В Германии и Голландии появились выдающиеся ученые. Даже если Италия и оказала на Германию интеллектуальное влияние, то именно Германия дала миру печатный станок. Это событие стало самым важным в истории интеллектуальной культуры после изобретения алфавита.

Еще до того, как почувствовалось влияние нового движения, древние германские университеты уже процветали: Пражский был основан в 1347 г., Венский — в 1365, Гейдельбергский — в 1386, Кельнский — в 1388, Эрфуртский — в 1392, Вюрцбургский — в 1402, Лейпцигский — в 1409 и Ростокский — в 1419. Во второй половине XV века к ним прибавились университеты Грейсвальда и Фрейбурга (1456), Трира (1457), Базеля (1459), Ингольштадта (1472), Тюбингена и Майнца (1477) и Виттенберга (1502). Ингольштадтский университет перестал существовать как независимое учреждение, слившись с Мюнхенским университетом (1826), а Виттенбергский переместился в Галле. В большинстве университетов было по четыре факультета, хотя папы не спешили санкционировать основание богословского отделения — как в случае с Веной и Ростоком, где эти отделения возникли по воле светских князей. Хотя религиозные влияния в тот век были сильны, общественные и моральные привычки студентов вовсе не были

похвальными. Лютер говорил, что, отправляя своих детей в университет, родители обрекают их на гибель, а в статье Лейпцигского университета конца XV века говорится, что студенты приезжали из дома послушными и благочестивыми, но «одному лишь Богу ведомо, какими они возвращались обратно»¹⁰⁷⁹. В 1510 г. студенты Эрфурта доставляли столько беспокойств, что горожане и крестьяне наставили пушки на здание университета, а когда студенты бежали, сокрушили его стены, причинив большой ущерб университетским архивам и библиотеке.

В богословии тон задавали схоласты. Диалектический метод преобладал во всех отраслях знаний. Новое учение, противоречащее схоластическому методу, многими было принято в штыки и потому не одержало окончательной победы, пока не началась эпоха Реформации. Можно считать, что Эрфурт первым приветствовал новую культуру. В 1466 г. он принял Петера Лудера из Кислау, который побывал в Греции и Малой Азии, а ранее занимал кафедру в Гейдельберге (1456). Он был знатоком Вергилия, Иеронима, Овидия и других латинских авторов. В Эрфурте учился Агрикола. Там преподавал греческий язык Николас Маршалк, под руководством которого в Германии была напечатана первая греческая книга (1501). Там преподавал Иоганн из Везеля. Там была *alma mater* Лютера, который среди своих профессоров особо упоминал Трутветтера как человека, наставлявшего его в изучении Писания¹⁰⁸⁰.

Гейдельберг, устав которого был учрежден электором Рупрехтом I и папой Урбаном VI, не проявил большой симпатии к новому движению, но электор-палатин Филипп (1476 — 1508) собрал при своем дворе некоторых его представителей, в том числе Рейхлина. Какое-то время Рейхлин преподавал в Ингольштадте, а в 1492 г. профессором поэзии и красноречия там был назначен Конрад Цельтес.

В 1474 г. в Базеле была создана кафедра поэзии. Базельский университет был основан Пием II, и среди первых его профессоров были два итальянца, Финариенсис и Публиций. В конце века там преподавал Себастьян Брант, среди знаменитых студентов были Рейхлин и реформаторы Леон Юд и Цвингли. В 1481 г. в Тюбингене была стипендия *oratoria*. До самого конца столетия здесь преподавал Габриэль Биэль. Через год после смерти Биэля Генрих Бебель начал читать лекции о поэзии. Одним из выдающихся учеников Бебеля был Филипп Меланхтон, который учился и преподавал в этом университете (1512 — 1518). Рейхлин был вызван из Ингольштадта в Тюбинген (1521) преподавать еврейский и греческий языки, но умер несколько месяцев спустя.

Лейпциг и Кельн оставались неприступными оплотами схоластики вплоть до появления Лютера, когда Лейпциг перешел на другую сторону баррикад. Последний немецкий университет средних веков, Виттенберг, основанный Фридрихом Мудрым и находившийся под покровительством Девы Марии и святого Августина, приобрел всемирную славу благодаря своим профессорам Лютеру и Меланхтону. Греческий в нем стали преподавать только в 1518 г., когда Меланхтон, быстро ставший главным знатоком греческого в Германии, был призван возглавить одну из его кафедр, в возрасте 21 года. Как свидетельствует Лютер, его

¹⁰⁷⁹ Schmid, II. 83.

¹⁰⁸⁰ Köstlin, *Leben Luthers*, I. 45. Rashdall (II, pp. 245) говорит об Эрфурте как о первом университете, созданном по образцу Парижского, где не было разделения на землячества. Он был упразднен в 1816 г. Немецкие университеты финансировались в основном за счет надделения пребендами.

лекции сразу же привлекли к себе общее внимание. Их приходили слушать богословы всех рангов.

Как места средоточия новой культуры, Нюрнберг и Страсбург, вероятно, занимали еще более важное место, чем другие университетские города. В этих двух городах, также как в Базеле и Аугсбурге, находились самые процветающие немецкие типографии. В конце XV века в Нюрнберге, источнике изобретений, были четыре латинские школы. Там жили художник Альбрехт Дюрер и меценат Виллибальд Пиркгеймер.

В течение века, который предшествовал Реформации, народное образование было развито в Германии больше, чем в других странах. Главные школы братской общинной жизни находились в Цолле, Девентере, Герцогенбуше и Льеже. Школы были во всех крупных городах¹⁰⁸¹. В Девентере школу посещало 2200 человек. Меланхтон учился в латинской школе в Форцгейме (нынешний Баден). Здесь Рейхлин встретился со своим молодым внучатым племянником, вручил ему греческую грамматику и обещал «Словарь», если Меланхтон подготовит несколько латинских стихов к его возвращению. Нет нужды говорить, что мальчик подготовился и получил книгу. Город Шлеттштадт в Эльзасе был известен как центр классических исследований. Здесь Платтер познакомился с учением Сапида, и эта школа считалась лучшей из всех им основанных. В 1494 г. в Везеле трудились пять преподавателей, которые учили чтению, письму, арифметике и пению. Однажды на Рождество клирики этого города поздравили учеников, вручив каждому по отрезу ткани на новую одежду и немного денег¹⁰⁸². Начальные, или «тривиальные» школы, как их называли из-за преподавания *тривиума* — грамматики, риторики и диалектики, — постепенно расширяли свою программу. Перед Реформацией в таких школах в Льеже и Шлеттштадте было по восемь классов¹⁰⁸³. Греческий начинали учить с четвертого класса.

Среди известных преподавателей был Александр Гегий, который учил в Девентере почти четверть века, до самой своей смерти в 1498 г. В возрасте 40 лет он не стеснялся сидеть у ног Агриколы. Он ставил классические занятия в центр программы и отменил старые учебники. Требоний, который учил Лютера в Эйзенахе, относился к числу достойных преподавателей. Пенитенциарии того времени призывали родителей уберечь своих чад от беготни по улицам и посылать их в школы¹⁰⁸⁴. Лютер призвал власти саксонских городов учреждать школы для мальчиков и девочек. Он выступал за то, чтобы расписание занятий включало в себя не только историю и латынь, но также пение и игру на инструментах.

Главными гуманистами Германии были Рудольф Агрикола, Рейхлин и Эразм. Двух последних мы рассмотрим отдельно, как первопроходцев изучения Библии, *venerabiles inceptores* современных библейских исследований.

Рудольф Агрикола, настоящее имя которого было Рулоф Гюисман, родился возле Гронингена в 1443 г. и умер в 1485 г. В свое время он пользовался величай-

¹⁰⁸¹ Bezold, p. 204.

¹⁰⁸² Janssen, I. 27.

¹⁰⁸³ Schmid, II. 112.

¹⁰⁸⁴ Похоже, для воспитания безжалостно применялись побои. Лютер рассказывает, что его часто порол. Больше всего известен случай с Гансом Бутцбахом. В детстве он имел обыкновение прогуливать занятия. Когда учитель, некий бакалавр искусств из Эрфурта, обнаружил это, он велел раздеть мальчика, привязал его к столбу и сек до крови. Мать ребенка, услышав крики, поспешила в школу и, распахнув дверь, увидела, что мальчик лежит на полу без сознания (Schmid, II. 125).

шим уважением как ученый. Его восхваляли Эразм и Меланхтон. Для гуманизма Германии он сделал то же, что Петрарка в Италии. Агрикола, кстати, написал первую биографию Петрарки на немецком, но в плане праведности жизни он опережал итальянского поэта. Агрикола учился в Эрфурте, Лувене и Кельне, после чего отправился в Италию и провел какое-то время в университетах Павии и Феррары. Он отказался от места профессора и предпочел служить при дворе Филиппа Палатината в Гейдельберге. Он брал пример с Цицерона и Квинтилиана. В последние годы жизни он обратил свое внимание на изучение философии и еврейского языка. Подобно Пико делла Мирандола, он был похоронен в монашеском клобуке. На его могиле в Гейдельберге написано, что он познавал Бога и истинную веру в Спасителя, читая Писание.

Еще одним гуманистом был Якоб Вимфелинг (1450 — 1528) из Шлеттштадта, преподававший в Гейдельберге. Он сурово критиковал злоупотребления клириков, но в конце жизни предпочел изучение Вергилия и Горация, Седулия и Пруденция. Поэт Себастьян Брант, автор «Корабля дураков», начал свою карьеру как преподаватель права в Базеле. Муциан Руф, умерший в Готе в 1526 г., в своей переписке объявил, что христианство старо как мир и что Юпитер, Аполлон, Церера и Христос — только разные имена одного сокрытого Бога¹⁰⁸⁵.

Видное место в немецкой литературе последних лет Средневековья занимает Иоанн Тритемий (1462 — 1505), аббат бенедиктинского монастыря в Спонгейме, который под его руководством приобрел репутацию ученой академии. Тритемий собрал библиотеку из 2000 томов и написал патрологию, или энциклопедию отцов церкви, а также создал каталог знаменитых людей Германии. Прелаты и представители знати приезжали к нему, чтобы получить разъяснения и почитать собранных им латинских и греческих авторов. Эти и другие лица внесли вклад в развитие движения, главными светочами которого были Рейхлин и Эразм и которое естественным образом привело к протестантской Реформации¹⁰⁸⁶.

§69. Рейхлин и Эразм

На своей фреске, посвященной Реформации, на стенах Берлинского музея, Каульбах уделил выдающееся место Рейхлину и Эразму. Они представлены в группе гуманистов, бок о бок, с книгами в руках, в плащах и капюшонах ученых. При этом они не обращают внимания на центральную фигуру картины — Мартина Лютера. Художник был верен исторической правде. Эти два выдающихся немецких ученых подготовили путь для Реформации и современного исследования греческих и еврейских Писаний, но оставались членами Римской церкви, родились и умерли в ее лоне. Ульрих фон Гуттен справедливо назвал их «двумя очами Германии». Им, особенно Эразму, обязаны все великие деятели Реформации: Лютер, Кальвин, Цвингли, Эколампадий, Меланхтон и Беза.

Иоганн Рейхлин (1455 — 1522), известный также под латинским именем Капнион¹⁰⁸⁷, родился в Форцгейме и учился в Шлеттштадте, Фрейбурге, Париже, Базеле, Орлеане, Пуатье, Флоренции и Риме. Он учился греческому у греков,

¹⁰⁸⁵ Bezold, p. 226.

¹⁰⁸⁶ Другими немецкими гуманистами были Крот Рубеан (1480 — 1540), Георг Шпалатин (1484 — 1545), Беат Ренан (1485 — 1547), Эобан Гессе или Гесс (1488 — 1540), Вадан (1484 — 1551), Глазман, или Лорити из Глара (1488 — 1563), и Бонифаций Амербах (1495 — 1562); последние трое — из немецкой Швейцарии.

¹⁰⁸⁷ От *κάπνιον* («дымок»), греч. соответствие слову *Reuchlin*, уменьшительному от *Rauch*, «дым».

еврейскому — у Иоганна Весселя и иудейских раввинов Германии и Италии. Он приобрел много еврейских и раввинистических книг и записывал, когда и где нашел их, чтобы эти записи напоминали ему о радости первого знакомства с ними. Юрист по профессии, он практиковал право в Штутгарте и всегда называл себя *legum doctor*. Сначала он служил Эбергарду, графу Вюртемберга, которого сопровождал в Италию в 1482 г., как позже сопровождал и его сына (1490). Он выполнял дипломатические поручения и получил от императора Максимилиана сан графа Палатината. После смерти Эбергарда он перебрался в Гейдельберг (1496), где электор Филипп сделал его главным наставником своей семьи. Его третий визит в Рим (1498) был сделан по поручению электора. Он вновь вернулся в Штутгарт, а в 1520 г. его вызвали оттуда в Ингольштадт в качестве преподавателя греческого и еврейского с зарплатой в 200 гульденов. В 1521 г. он покинул город из-за чумы и был назначен лектором в Тюбингене. Он умер следующей весной в Либенцелле, в Шварцвальде.

Рейхлин рекомендовал Меланхтона как профессора греческого языка Виттенбергскому университету, тем самым неосознанно внес вклад в развитие Реформации. Меланхтон был знаком практически со всеми отраслями науки того времени, но особенно хорошо знал греческий и еврейский. Он переводил труды с греческого на латынь, перевел часть «Илиады» и две речи Демосфена на немецкий. Первый важный труд Меланхтона вышел в Базеле, когда ему исполнилось 20 лет. Это был *Vocabularius breviliquus*, латинский словарь, который выдержал 25 изданий (1475 — 1504). Меланхтон также составил греческую грамматику, но прежде всего он отличился как первопроходец еврейского языка среди христиан Северной Европы. Он создал научную базу для его изучения, написав еврейскую грамматику и словарь, *De rudimentis hebraicus*, которые опубликовал за свой счет в Форцгейме в 1506 г. Распространялись они медленно, и в 1510 г. 750 экземпляров из 1000 оставались невостребованными. Второе издание вышло в 1537 г. Автор завершил свой труд гордыми словами Горация о памятнике, который более долговечен, чем медь¹⁰⁸⁸. В 1512 г. он издал псалмы покаяния с близким к тексту латинским переводом и грамматическими примечаниями. Этим трудом пользовался Лютер. (В Италии же печатание еврейских книг началось еще в 1475 г.)

Рейхлин объявлял еврейский древнейшим из языков — языком, на котором общались с людьми Бог и ангелы. Несмотря на древность, это богатейший язык, и из него произошли все остальные языки, как из первоисточника. Рейхлин жаловался, что многие пренебрегают изучением Писания, предпочитая изучать красноречие и поэзию¹⁰⁸⁹. Рейхлин также изучал греческую философию, неоплатоников и пифагорейскую мистику. Он был убежден в ценности иудейской каббалы, которую считал источником тайной мудрости. В этой редкой области наук он считал себя обязанным Пико делла Мирандола, которого называл «величайшим ученым своего века». Он опубликовал результаты своих исследований в двух книгах. Одна из них, *De verbo mirifico*, вышла в Базеле в 1494 г. и выдержала восемь изданий. Другая, *De arte cabbalistica*, вышла в 1517 г. «Чудотворное

¹⁰⁸⁸ «Stat [Exegi] monumentum aere perennius» {слова Горация, знакомые русскому читателю по пушкинской строке: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»}. Рейхлин также откомментировал трудную теорию еврейской системы ударений в *De accentibus et orthographia lingum hebr.* (1518). См. также Geiger, *Das Studium der hebr. Sprache in Deutschland v. Ende des 15ten bis zur Mitte des 16ten Jahrh.*, Breslau, 1870, и его Reuchlin, 161, etc.

¹⁰⁸⁹ См. цитату в Janssen, II. 40.

слово» — это еврейский тетраграмматон, *IHVH*, произносимое имя Бога, которому поклоняются ангелы, которого страшатся бесы, к которому припадает душа вселенной. А слово *Iuscys, Ihsvh*, — лишь расширение *IHVH* посредством добавления буквы *s*. Имена Яхве и Иисуса — связующее звено между Богом и человеком, бесконечным и конечным. Таким образом, мистическая традиция иудеев подтверждает христианское учение о Троице и Божественности Христа. Рейхлин в каждом имени, в каждой букве, в каждом числе Ветхого Завета усматривал глубокий смысл. Из трех букв слова *bara*, «творить» (Быт. 1:1)¹⁰⁹⁰, он выводил тайну Троицы. Из одного стиха Исхода — 72 неизреченных имени Бога. В Пр. 30:31 он находил пророчество о том, что Фридрих Мудрый Саксонский станет преемником Максимилиана на престоле императора Германии, и это пророчество не исполнилось. Мы можем улыбаться, читая о столь фантастических выводах, но они вдохновляли и побуждали изучать скрытую мудрость Востока, которую возродил Рейхлин.

Из-за своего интереса к иудеям и раввинистической литературе Рейхлин оказался вовлечен в спор, охвативший всю Европу и ставший причиной декретов Кельнского и других университетов, архиепископа Майнцского, генерального инквизитора Германии Хугстратена, императора Максимилиана и папы Льва X. Главными оппонентами Рейхлина были монахи, во главе которых стоял Иоганн Пфефферкорн, крещеный иудей из Кельна. Спор начался из-за трактата Рейхлина о несчастьях иудеев (*Missive warumb die Juden so lang im Elend sind*, 1505). Он объявил, что упрямство иудеев, которые распяли Христа, и их упорное богохульство являются справедливой причиной их скорбей, но призвал не преследовать, а обращать их. В ряде трактатов Пфефферкорн выступил против этой позиции. Он, наоборот, требовал, чтобы его бывших собратьев по вере, как заклятых врагов Христа, насильно заставляли слушать христианские проповеди, чтобы им запретили заниматься ростовщичеством и уничтожили их ложные иудейские книги¹⁰⁹¹. Этот пылкий антисемит отстаивал свою точку зрения так же ревностно, как несколько лет спустя Экк будет отстаивать дело папы против Лютера. Максимилиан, двор которого Пфефферкорн посетил трижды, Хугстратен и Кельнский университет встали на его сторону, и император позволил ему сжигать все иудейские книги, конечно, кроме Ветхого Завета. Максимилиан передал дело на рассмотрение епископа Майнца. Рейхлин был призван к нему для защиты своей позиции и отстоял Талмуд, каббалу и другие иудейские произведения, кроме *Nizahon* и *Toledoth Jeshu* {«Жизнь Иисуса»}, которые после должного рассмотрения и юридически правомерного приговора следовало уничтожить, потому что они содержат хулу на Христа, Его мать и апостолов. Он посоветовал императору приказать всем немецким университетам учредить кафедры еврейского языка с программой на десять лет¹⁰⁹².

Пфефферкорн, которого Рейхлин называл «волом или ослом», ответил яростным нападением в труде под названием «Ручное зеркало» (*Handspiegel wider und gegen die Juden*, 1511). Обе стороны предстали перед императором, и Рейхлин ответил трудом «Очки» (*Augenspiegel*), на что его антагонист отвечал своим «Стеклом для обжига» (*Brandspiegel*). Во Франкфурте было запрещено продавать *Augenspiegel*. Далее Рейхлин выпустил «Защиту против всех хулителей» (1513),

¹⁰⁹⁰ {Евр. אָרָבָה}.

¹⁰⁹¹ *Judenspiegel; Judenbeichte; Osternbuch; Judenfeind*, 1507-09.

¹⁰⁹² «*Rathschlag, ob man den ruden alle ihre Bücher nehmen, abthun und verbrennen soll*», Stuttgart, Nov. 6, 1510.

которых, в духе той эпохи, называл козлами, бешеными собаками, свирепыми волками, лисами, свиньями, мериными, ослами и сынами дьявола¹⁰⁹³. Он апеллировал к Фридриху Мудрому и обеспечил себе поддержку Карлштадта и Лютера. Будущий реформатор говорил о Рейхлине как о невинном и ученом человеке и осуждал инквизиторское рвение кельнских богословов, которые «могли бы найти на любой улице Иерусалима гораздо более пагубные преступления, нежели надуманный иудейский вопрос». Богословский факультет Кельна, в основном состоявший из доминиканцев, осудил 43 положения Рейхлина как еретические (1514). Парижский университет присоединился к решению. Призванный на суд Хугстратена, Рейхлин апеллировал к папе. Хугстратен удовлетворился публичным сожжением *Augenspiegel* в Кельне 10 февраля 1514 г. Молодой епископ Шпейера, которому Лев X поручил разобраться с делом, оправдал Рейхлина, призвал Хугстратена прекратить дело и уплатить издержки, 111 гульденов, 24 апреля 1514 г.¹⁰⁹⁴, но неугомонный инквизитор обратился с новой апелляцией, и Лев назначил для решения спора кардинала Гримани, а потом комиссию из 24 человек. Все члены комиссии, кроме Сильвестра Приериаса, выступили за Рейхлина, которого теперь поддерживали двор Максимилиана, немецкие «поэты» в целом и Ульрих фон Гуттен. Против него выступал доминиканский орден. Комиссия уже собиралась вынести благоприятное для Рейхлина решение, когда 23 июня 1520 г. вмешался сам Лев. Он осудил книгу Рейхлина «Очки» за дружеское отношение к иудеям, вынудил автора уплатить все расходы по разбирательству и хранить молчание впредь. Монахи победили, и Пфеефферкорн, поддержанный папским авторитетом, отпраздновал свой триумф над ученостью и терпимостью, выпустив специальный трактат (1521).

Великий знаток еврейского языка не выказал симпатий к Реформации, которая тем временем уже дала знать о себе в Виттенберге. Он даже перестал общаться с Меланхтоном, а свою библиотеку, которую ранее завещал ему, оставил родному городу Форцгейму. Однако он не дал и доктору Экку во время визита в Ингольштадт сжечь произведения Лютера. Его спор с Пфеефферкорном показал, сколь силен был в Германии дух обскурантизма, но одновременно содействовал появлению большого количества памфлетов и посланий в защиту Рейхлина. Сторонник изучения еврейского языка нашел поддержку у Эразма, Муциана, Петтингера, Пиркгеймера, Буша, Вадияна, Глареяна, Меланхтона, Эколампация, Гедиона и других — в общей сложности у 43 выдающихся ученых, которых стали называть рейхлинистами.

Среди произведений рейхлинистов, направленных против оппонентов новой учености, наиболее выдающееся место занимают «Послания темных людей» (*Epistolae virorum obscurorum*). Это имитация переписки монахов-доминиканцев, изобличающая их мракобесие, невежество и вульгарность, составленная на их варварском немецко-латинском жаргоне, который называли кухонной латынью (*Küchenlatein*) и который невозможно было адекватно перевести. Труд вышел анонимно, но в основном был написан Ульрихом фон Гуттенем и Кротом Рубеаном, немецкое имя которого было Иоганн Ягер. Эти авторы были

¹⁰⁹³ Janssen (II. 51), оправдывая инквизиторский процесс и действия Кельнского университета, направленные против Рейхлина, ставит акцент на этих эпитетах.

¹⁰⁹⁴ О Хугстратене, который умер в 1527 г. и был родом из Брабанта, см. в Paulus, *Die deutschen Dominikaner*, etc., pp. 86-106. Помимо прочего, он написал книгу о колдовстве и две книги (1525 и 1526) против трактатов Лютера о вавилонском пленении и христианской свободе (Paulus, p. 105).

друзьями Лютера, но Крот позже порвал с Реформацией, подобно Эразму и другим гуманистам.

Ульрих фон Гуттен (1488 — 1523), порвав с монастырем, куда его отправил отец шестью годами ранее, бессистемно обучался в Кельнском университете, приобрел любовь к гуманистической культуре и путешествовал по Италии. В 1517 г. он вернулся в Германию и занял место при дворе любившего удовольствия Альбрехта, архиепископа Майнца, покровителя новой учености. Максимилиан вручил ему венец поэта, а Эразм приветствовал его как будущего великого эпического поэта Германии, но позже Гуттен навлек на себя вражду со стороны этого ученого, который после смерти Гуттена высмеивал его в сатире. Вместе с Францем фон Сикингеном он был готов защищать Лютера в Вормсе. Отлученный от общества, большую часть своей жизни после 1520 г. и до самой смерти он провел в затворничестве в Шлеттштадте, Базеле и Цюрихе, под защитой Цвингли.

Живя в Кельне и в Риме, Гуттен имел возможность лично наблюдать обскурантизм доминиканцев и других врагов прогресса, а также состояние папского двора. В 1517 г. он издал трактат Валлы о том, что дар Константина — вымысел, и, с неподражаемой иронией, посвятил его Льву X. В плане насмешки и презрительного отношения он, по словам Янсена, превзошел все, что до тех пор писалось в Германии против папства. Уже в 1513 г. Гуттен сочинял в Италии эпиграммы, в которых называл Юлия II «развратителем земли, язвой человечества»¹⁰⁹⁵. Его латинская поэма «Триумф Рейхлина» (1518) была написана в защиту этого исследователя еврейского языка. В ней он требовал сурово наказать Пфедферкорна. В книге есть любопытная гравюра, изображающая триумфальный вход Рейхлина в его родной Форцгейм и его победу над Хугстратеном и Пфедферкорном с их идолами суеверия, варварства, невежества и зависти¹⁰⁹⁶.

Десять «Посланий темных людей», написанные сначала на латыни, а потом переведенные Гуттенем на немецкий, с гениальным, а нередко и грубым юмором требуют ограничения папской тирании, роспуска монастырей, употребления анатов и земель упраздненных монастырей и бенефициев на создание фонда для нуждающихся. Автор не щадит монахов, рассказывая об их любовных похождениях. Святой плащ из Трира он называет паршивой старой тряпкой, а реликвии трех волхвов из Кельна — телами трех вестфальских крестьян. В четвертом послании, «О римской троице», перечислено то, из чего состоит «римская троица». В Риме смеются над тремя вещами: над примером древних, над папством Петра и над страшным судом. Три вещи встречаются в святом городе в изобилии: древности, яд и руины. Три вещи продаются: Христос, церковные должности и женщины. Три вещи не нравятся римлянам: единство князей, рост образованности среди народа и разоблачение римских обманов. Три вещи отвратительны их слуху: общецерковные соборы, реформация клира и прозрение немцев. Три вещи считаются у них самыми драгоценными: красивые женщины, породистые лошади и папские буллы. Рим действительно производил такое впечатление, ведь Гуттен лично бывал там, где один и тот же паллий архиепископа перепродавали по два раза на дню! И разве не были так называемые «благодатные надежды», которые раздавал папа, особым знаком его милости к немцам?¹⁰⁹⁷ Остроумие Гуттена было близко народу, вызывало смех в образованных кругах и гнев у самодовольных сторонни-

¹⁰⁹⁵ Strauss, I. 99 sqq.

¹⁰⁹⁶ Böcking, III. 413-448. Geiger, *Reuchlin*, p. 522, приводит факсимиле.

¹⁰⁹⁷ Strauss, *Hutten's Gespräche*, pp. 121-3, etc., 143.

ков старины. Как рыцарь, он затронул новую струну — тему национальной немецкой гордости. Позже Лютер будет мастерски играть на ней.

То, что Рейхлин сделал для изучения еврейского языка, Эразм, бывший на двенадцать лет младше, сделал для изучения греческого. Эразм ввел систему греческого произношения, которая носит его имя. Он издавал и переводил греческую классику и произведения отцов церкви, познакомив с ними ученых севера. Он создал ключ к критическому изучению греческого Нового Завета, *magna charta* христианства. Он был современником протестантской Реформации и оказал бесценную помощь этому движению, издав Новый Завет, отказавшись от схоластических тонкостей в его толковании и критикуя обрядовую религиозность своего века. Но, когда дело дошло до того, чтобы открыто выступить на чьей-либо стороне, он выразил недовольство курсом, которым следовали реформаторы, видя в нем путь насилия и переворота. Он умер в изоляции, не имея сторонников. Католикам он был не нужен. Протестантов он отверг сам¹⁰⁹⁸.

Дезидерий Эразм (1466 — 1536) родился в Роттердаме от внебрачной связи. Вероятно, отец его в то время был священником¹⁰⁹⁹. Учиться он начал в Девентере, в возрасте девяти лет. Учил его Гегий. Его родители умерли, когда ему было 13. В 1481 г. он учился в школе в Герцогенбуше, где провел три года. Об этом времени он говорил как о потраченном впустую. В более поздних посланиях он вспоминает школьные годы без энтузиазма и благодарности. Он странствовал, потом, против воли, его убедили поступить в монастырь в Штейне. Позже он объявлял этот шаг самым неудачным решением своей жизни. Монастырской жизнью он объяснял свои физические недомогания. Но в этом опыте, без сомнения, были и положительные стороны. Он познакомился с бытием монахов изнутри, и, возможно, испытанное им в молодости благотворное моральное воздействие помогло ему вести благочестивую жизнь впоследствии. Благодаря своим способностям он заручился покровительством епископа Камбре, который пожелал взять его с собой в качестве переводчика в Италию, где надеялся получить пост кардинала. В Италию молодому ученому попасть не удалось. Епископ послал его в Париж, хотя и не особо позаботился о финансовой поддержке. Ему удавалось зарабатывать на жизнь, обучая нескольких молодых англичан. С их помощью Эразм впервые посетил Англию (1499). Похоже, этот визит продолжался всего два или три месяца¹¹⁰⁰.

В Оксфорде молодой ученый встретился с Колетом и сэром Томасом Мором. Под влиянием первого он стал уделять греческому языку больше внимания, чем раньше. Последующие годы он провел во Франции и Голландии, писал свою книгу историй и пословиц (*Adagia*), которая вышла в 1500 г., а также «Руководство воинствующего христианина» (*Enchiridion militis Christiani*), вышедшее в 1502 г. В 1505 г. он опять оказался в Англии и оставался там три года. Потом он получил возможность совершить путешествие в Италию с двумя сыновьями гентуэзского врача Генриха VII Баттисты Боэрио. В Турине он получил степень

¹⁰⁹⁸ В следующем томе приводится подробное описание деятельности Эразма, его произведений и богословской позиции. Он относится не только к средним векам, но и к современному периоду — в той же, если не в большей мере, и мы обязательно должны осветить здесь основные моменты его жизни и исторических взглядов, даже если частично повторим то, что будет сказано о нем в другом месте.

¹⁰⁹⁹ В своей автобиографии Эразм открыто говорит, что был рожден вне брака и, похоже, намекает, что его отец был в то время священником. См. Nichols, *Letters*, I. 14. Другого мнения — что его отец стал священником позже — придерживаются Froude (p. 2) и большинство авторов.

¹¹⁰⁰ Nichols, I. 224.

доктора, несколько месяцев пробыл в Венеции, работая в области книгопечатания, посетил Болонью, Рим и другие города. В его переписке ничего не сказано о том, чтобы его как-то взволновала культура, искусство или природа Италии; ни разу не упоминаются пейзажи Альп, которые он пересекал.

Ожидая назначения на прибыльную должность от Генриха VIII, Эразм вернулся в Англию (1509), где оставался пять лет. По пути туда, для развлечения, он написал свою *Encomium moriae* («Похвалу Глупости»), получившую такое латинское название из-за того, что он думал о сэре Томасе Море, когда у него возник этот замысел. Книга была завершена в доме Мора и была иллюстрирована весьма реалистическими картинами Гольбейна¹¹⁰¹. Во время этого пребывания в Англии Эразм работал в Кембридже в качестве «профессора богословия леди Маргарет» и преподавал греческий. Ему платили 65 долларов в год, что Эмертон называет солидной суммой. Он был в близких отношениях с Колетом, который тогда был деканом Св. Павла, Мором, Фишером, епископом Рочестера, архиепископом Уорхемом и другими англичанами. Лорд Маунтджой платил ему ежегодную ренту, а архиепископ Уорхем предоставил приход в Алдингтоне в 1411 г. (в течение какого-то времени Эразм владел им, а потом обменял на ежегодную ренту в 20 фунтов стерлингов от архиепископа)¹¹⁰².

В 1515 — 1521 г. он жил в разных городах Нидерландов. В это время он полностью избавился от монашеского обета, частичное освобождение от которого дал ему Юлий II несколькими годами раньше¹¹⁰³. Теперь слава Эразма превосходила славу всех прочих ученых Европы. Куда бы он ни отправился, везде ему оказывали великие почести. Князья, ученые и прелаты почитали его. Меланхтон обращался к нему в поэме «Эразм, лучший и величайший» (*Erasmus optimum, maximum*). Его издание греческого Нового Завета появилось в 1516 г., а в 1518 начали выходить его *Colloquies* («Разговоры запросто») — дневники о встречах с людьми и о восприятии вещей.

Когда Лев выпустил свою буллу против Лютера и в Нидерландах начались гонения, Эразм перебрался в Базель, где некоторые из его трудов уже были напечатаны в типографии Фробена. Сначала ему понравилось новое местожительство, и он издал, одного за другим, отцов церкви: Иларию (1523), Ириния (1526), Амвросия (1527), Августина (1528), Епифанию (1529), Златоуста (1530). Но когда город, под влиянием Эколампадия, стал протестантским, Эразм оказался перед необходимостью выбирать, на чьей он стороне. Он мог быть обвинен в том, что противоречит собственным взглядам, не поддерживая реформаторов, и он удалился в католический город Фрейбург в Брейсгау (1529). Его *Colloquies* были запрещены во Франции и сжигались в Испании. Сорбонна осудила его труды как содержащие 32 еретических учения. С другой стороны, Павел III предложил ему сан кардинала, но он отказался, сославшись на возраст.

После смерти Эколампадия он вернулся в Базель (1535), страдая от камня и катара. Последним его трудом было издание Оригена. Он умер, восклицая: «Иисус Христос, Сын Божий, помилуй меня!» — но без священника и елеосвящения (*sine lux, sine crux, sine Deus*, как выразились обрадованные доминиканцы Кельна на своей испорченной латыни). Он был похоронен в протестантском соборе Базеля. Студенты несли его гроб на плечах — как сообщает нам

¹¹⁰¹ Nichols, II. 2 sqq., 262.

¹¹⁰² См. замечания по этому поводу в Emerton, p. 184 sqq.

¹¹⁰³ Nichols, II. 148 sq., 462.

его друг и почитатель Беат Ренан. На похоронах присутствовали городские власти, все профессора и студенты.

Эразм был князем гуманистов, самым влиятельным и полезным ученым своего века. В сфере гуманитарных наук он воистину царил как монарх с непрерываемым авторитетом. Блестящий гений сочетался в нем с классической и библейской ученостью, остроумием и тонким вкусом. Все, что он написал, интересно. Он много путешествовал, вследствие чего стал гражданином мира, подлинным космополитом. Он переписывался с учеными всех стран, которые прислушивались к нему, как к оракулу. Его книги были популярны и распространялись, как сегодня распространяются модные романы. Когда пошел слух, что Сорбонна осуждает его *Colloquies*, некий парижский издатель тут же поспешил выпустить 24 тыс. экземпляров этого труда. Он получал доход от издания своих произведений, ежегодную ренту в 400 гульденов как советник Карла V (этот титул он получил в 1516 г.), а также постоянные дары от покровителей и поклонников¹¹⁰⁴.

Если бы Эразм ограничился научными работами, он, будучи первым классиком своего времени, оказал бы влияние только на свою эпоху и его имя стояло бы в одном ряду с именами Полициано в Италии и Будея¹¹⁰⁵ во Франции, труды которых больше никто не читает. Но случилось иначе. Его книги оказали влияние на далекое будущее. Он сыграл важнейшую роль в освобождении мышления европейцев от уз невежества и суеверия, разоблачил безжизненный формализм религии. Он взрыхлил замерзшую интеллектуальную почву Германии. Эразм распространял к северу от Альп дух исторического критицизма, представителем которого на юге был Лоренцо Валла. О Валле же он говорил, что тот «непревзойден по части остроты ума и цепкости памяти»¹¹⁰⁶. Но в значительной степени роль Эразма обусловлена влиянием его учеников и почитателей — Цвингли, Эколампадия и Лютера.

Разрыв Эразма со старыми средневековыми церковными представлениями проявился в четырех отношениях. Он критиковал монахов за их невежество, гордость, отсутствие целомудрия и осуждал бездушные религиозные обряды; он практиковал критический метод изучения Писания; он издал первый Новый Завет на греческом языке; он выступал за перевод Библии на народные языки того времени.

Практически во всех своих трудах Эразм, в духе сатиры или в серьезном тоне, выступал против лицемерных претензий монашества своего времени и против бессмысленных и пустых религиозных обрядов. В своем издании Нового Завета он часто возвращается к этим темам. Например, в примечании к Мф. 19:12 он говорит о священниках, «которым разрешено блудить и которые могут свободно содержать наложниц, но не имеют жен»¹¹⁰⁷. Наибольшей остротой отличается его сатира на клириков в «Похвале Глупости». В этой самой читаемой книге Эразма Глупость, в образе женщины, обращается к слушателям всех слоев и сословий общества. Особенно красноречиво и подробно она говорит о священниках, монахах, богословах и папе. Заявив с непревзойденной иронией, что из всех классов общества ей меньше всего подвержены богословы, Глупость рассказывает далее, что они способны дать самые исчерпывающие ответы на самые сложные вопро-

¹¹⁰⁴ См. Drummond, II. 268.

¹¹⁰⁵ (Гильом Буде (1467 — 1540), возродивший классические исследования во Франции (лат. Guglielmus Budaeus, Будей). Из-за сходства фамилий его иногда путают с Иоганном Будде (1667 — 1729), немецким протестантским богословом и философом (Johann Franz Budde, лат. Johannes Franciscus Buddeus, Буддей).)

¹¹⁰⁶ Nichols, I. 64.

¹¹⁰⁷ Ряд цитат см. в Froude, 123 sqq.

сы — например, как свойства гостии могут сохраняться при изменении ее сущности, сколько времени потребовалось для зачатия Спасителя во чреве Девы, мог ли Бог стать не мужчиной, а женщиной, бесом, зверем, растением или камнем. Самим апостолам понадобилось бы вновь подвергнуться просвещающему влиянию Духа, если бы они жили в это время и столкнулись со столь фантастической метафизикой.

Что касается монахов, имя которых указывает на уединение, то теперь их можно встретить на каждой улице и дороге. Они самым внимательным образом относятся к своим поясам, капюшонам и тонзурам, но легко затевают ссоры, и в конечном итоге им придется искать новые небеса, так как на старые, приготовленные для чистых сердцем, их не пустят. Что касается папы, то даже Лютеру не удалось обрисовать так отчетливо, как Эразму в своих едких высказываниях, ту громадную пропасть, которая лежит между идеалом поведения преемника святого Петра и реальными папами. Эразм говорит, что папы самым вольным образом используют оружие Духа — интердикты, большие и малые отлучения, свирепые буллы и тому подобное, — и прибегают к нему с неукротимой яростью, когда кто-либо покушается на власть престола святого Петра. Своей похотью и греховностью они огорчают Святого Духа и вновь заставляют раны Спасителя кровоточить¹¹⁰⁸. В своем *Enchiridion* он говорит, что названия «апостол, пастырь и епископ» указывают на обязанности, а не на власть, а слова *papa* и *abbas* — это не что иное, как титулы любви. Торговля индульгенциями, поклонение святым и другие средневековые злоупотребления подвергались резкой критике со стороны Эразма.

Вдобавок к собственным комментариям и переложениям Нового Завета он выпустил первое печатное издание «Аннотаций» Валлы, увидевшее свет в Париже в 1505 г. Его великой заслугой было привлечение внимания к простому смыслу Писания. Он призывал людей «читать живое и проникнутое Духом изображение Христа в священных книгах, а не падать ниц перед Его деревянными и каменными статуями, даже если они украшены золотом. Разве могут Альберт Великий, Фома Аквинат и Оккам сравниться с Тем, Кого Отец Небесный называл Своим возлюбленным Сыном?!» О схоластах он говорил: «Я предпочел бы быть благочестивым богословом, каким был Иероним, а не таким непобедимым, как Скот. Разве им удалось обратить хоть кого-то из еретиков изощрениями своего ума?»¹¹⁰⁹

Выход греческого Нового Завета, изданного Эразмом в 1516 г. в Базеле, ознаменовал начало новой эпохи в изучении и понимании Писания. Это деяние было более ценно для дела веры, чем все прочие литературные труды Эразма, взятые вместе, и даже больше, чем все переводы и оригинальные произведения писателей эпохи Возрождения. Труд был посвящен Льву X — человеку, которому Эразм продолжал лстить (как в послании, где он посвящает ему свое издание Иеронима), но который из всех людей больше всего был склонен мешать провозглашению истинного Евангелия. Книга в 672 страницы содержит в одном столбце греческий текст, а в другом — латинский перевод самого Эразма, с примечаниями. Его издавали поспешно, чтобы опередить публикацию Нового Завета Комплутенской полиглотты, которая на самом деле была напечатана в 1514 году, но начала публично распространяться только в 1520. Издатель использовал три рукописи XII века, которые до сих пор хранятся в библиотеке Базельского университета и содержат

¹¹⁰⁸ См. пренебрежительные замечания Эразма о папстве в связи с процессией Юлия II в Болонье, когда на одной из арок было написано: «Юлию II, сокрушившему тирана» (Faulkner, p. 82 sqq.).

¹¹⁰⁹ *Paraclesis ad lectorem*, предисловие к Новому Завету Эразма.

заметки Эразма на полях и красные отметки печатника, указывающие на соответствие страниц в печатной версии. Эразм даже не потрудился скопировать рукопись, а отправил ее печатнику в оригинале, снабдив многочисленными примечаниями на полях¹¹¹⁰. Рукопись Апокалипсиса была позаимствована у Рейхлина и пропала, но была вновь обнаружена в 1861 г. доктором Диличем в библиотеке Эттинген-Валлерштейна в Майхингене, Бавария. Последний лист был поврежден и восстановлен Эразмом, который перевел последние шесть стихов из Вульгаты на посредственный греческий, ибо он был скорее латинистом, чем эллинистом.

В общей сложности Эразм выпустил пять изданий греческого Нового Завета: 1516, 1519, 1522, 1527 и 1535 года. Кроме того, более 30 неавторизованных репринтов появилось в Венеции, Страсбурге, Базеле, Париже и других городах. Эразм внес в текст некоторые улучшения, но никогда не пользовался более чем восемью рукописями. Четвертое и пятое издания стали основой для *textus receptus*, который оставался главным до времен Лахмана и Трегеллеса. Его примечания и переложения Нового Завета, кроме Апокалипсиса, были переведены на английский, и в 1547 г. каждый приход получил по экземпляру этого перевода. Цвингли собственноручно скопировал послания Павла из первого греческого издания в монастыре Эйнсидельн (1516). На основании второго издания (1519) Лютер сделал свой немецкий перевод в Вартбурге (1522), а Тиндейл — английский перевод (1526).

Таким образом, Эразм внес непосредственный вклад в подготовку переводов Библии на народные языки, за что он так решительно выступал в своем предисловии к первому изданию греческого Нового Завета. Он выразил там надежду, что Писание будет переведено на все языки и попадет в руки всех читателей, чтобы поддержать и утешить пахаря за плугом, ткача за станком, путника в странствии, женщину за прялкой. Он объявлял прискорбным тот факт, что тысячи образованных христиан никогда не читали Новый Завет. Издавая греческий текст, он хотел дать богословам возможность исследовать первоисточник христианства. Как высшая похвала, звучат слова Эколампадия о том, что он научился у Эразма истине: «В священных книгах следует искать только Христа» (*nihil in sacris scripturis praeter Christum quaerendum*)¹¹¹¹.

Бытовала поговорка, которую упоминает и сам Эразм, — что он снес яйцо, которое высидел Лютер. Его отношения с виттенбергским реформатором и с движением Реформации описаны в седьмом томе этой истории. Здесь же мы скажем лишь то, что Эразм выступал за реформу посредством постепенного обучения и мягкого убеждения в рамках старой церковной системы. Он не одобрял насильственные меры Лютера и Цвингли и боялся, что они сильно повредят делу образования и утонченной культуры, которые были ему более дороги, чем религия.

С Лютером они никогда не встречались. Эразм решительно опровергал свою ответственность за взятый Лютером курс и объявлял, что ему некогда читать книги Лютера. Однако в послании к Цвингли он признавал, что склонялся к большинству положений Лютера еще до появления последнего. Истина же состо-

¹¹¹⁰ *Praecipitatum fuit verius quam editum*, — говорит сам Эразм в предисловии. Во втором издании также есть несколько страниц с ошибками. Некоторые из них перешли и в перевод Лютера. В третьем издании присутствует поддельный отрывок о трех небесных свидетелях (1 Ин. 5:7), чтобы устранить всякую возможность оскорбления (*ne cui foret ansa calumniandi*). {У Эразма добавлены слова, дошедшие и до нас в седьмом и восьмом стихах Синодального перевода: «на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и Сии три суть едино. И три свидетельствуют на земле».

¹¹¹¹ Nichols, II. 535.

ит в том, что Эразм был критическим исследователем, а не человеком действия. Он не обладал и пылом убеждения. В лучшем случае, он был моралистом. Он не проходил через такой религиозный опыт, как Лютер, и Лютер уже в ранний период писал Ланге, что Эразм, к его сожалению, мало знает о Божьей благодати. Начало XVI века было периодом, когда одной критики было мало. Эразм не был склонен к битвам. Его благочестие было недостаточно глубоко, чтобы он порвал со старым порядком. Он льстил папе, хотя в своих произведениях насмехался над ним. Разница между Эразмом и Лютером ярче всего проявляется в их отношении ко Льву X, которого Эразм, когда ему было это выгодно, славил как образец культуры¹¹¹². Эразм не видел, что для перемен мало литературы и сатиры. Пришло время, когда требовалась готовность к мученичеству, а религиозные убеждения Эразма были недостаточно сильны, чтобы он решился пострадать за свои принципы. Эмертон правильно говорит, что в самых спорных вопросах у Эразма было одно мнение для друзей и другое — для мира. Он был лишен пыла и смелости, которые необходимы, чтобы стать героем веры. «Эразм был человеком в себе». Эта меткая характеристика часто повторяется в «Посланиях темных людей». Лютер обращался к немецкому народу и сражался за него. Эразм же вызывал восхищение утонченной публики благодаря своей учености и уму. Народ его не знал. Лютер говорил на немецком, а Эразм хвастался, что итальянский язык он знает так же слабо, как индийский, и плохо говорит на немецком, французском и английском. Он гордился своей латинской образованностью.

Эразм не собирался расставаться с Римом, как и его английские друзья Джон Колет и Томас Мор. Он заявлял, что никогда не отходил от взглядов церкви и не собирается это делать. «Согласие с мнением церкви настолько важно для меня, что я согласился бы с арианами и пелагианами, если бы церковь одобрила их учение». Так он писал в 1526 г. после открытого спора с Лютером о свободе воли. Но Римская церковь так и не простила его. Все его труды были занесены в Индекс запрещенных книг двумя папами, Павлом IV в 1559 году и Сикстом V в 1590 году, как умышленно еретические. В 1564 году финальным решением Тридентского собора этот приговор был отменен и все его труды убрали из Индекса, кроме *Colloquies*, «Похвалы Глупости», «Христианского брака» и еще одного или двух. Это решение было подтверждено Климентом VIII (1596). С тех пор ситуация не изменилась¹¹¹³.

Католический историк немецкого народа Янссен в портрете Эразма, обрисованном мрачными красками, изображает его как тщеславного и высокомерного, неблагодарного к своим благодетелям, всегда готового занять нейтральную позицию в спорных вопросах и льстившего великим ради подарков. Янссен привлекает внимание к тому, как радовался Эразм, получая в дар золотые и серебряные кубки и другие ценные вещи. Эразм писал, что его сундуки «полны подарков, кубков, чаш, ложек, часов, и некоторые из них — из чистого золота; колец же столько, что не сосчитать». Янссен говорит, что Эразм только в одном отношении превзошел своих итальянских предшественников, критиковавших церковь. Итальянцы издевались и насмехались, но воздерживались от лицемерного благочестия, Эразм же часто прибегал к нему после того, как всаживал свой кинжал в грудь оппонента¹¹¹⁴. В Англии

¹¹¹² Nichols, II. 198, 314, 522.

¹¹¹³ См. Emerton, pp. 454-5.

¹¹¹⁴ Janssen, II. 9 sqq. В списке имущества Эразма упоминаются мебель, одежда, скатерти, ночные колпаки, подушки, кубки, серебряные сосуды, золотые кольца и деньги (722 золотых гульдена, 900 золотых крон и т. д.). См. Sieber, *Inventarium über die Hinterlassenschaft des Erasmus vom 22 Juli, 1536*, Basel, 1889.

старый пуританин Тиндейл также не щадил Эразма, но говорил, что «его язык раздувает из маленьких комаров огромных слонов и превозносит выше звезд всякого, кто проявит к нему хоть немного благосклонности»¹¹¹⁵. Но никто не понимал Эразма и суть его миссии лучше, чем Лютер. Этот деятель Реформации, однажды назвавший его «нашим украшением и надеждой» (*decus nostrum et spes*), дал ему точную характеристику в послании к Эколампадию (1523): «Эразм совершил то, для чего он и был предназначен. Он заменил древними языками пагубные схоластические умозаключения. И подобно Моисею, он, вероятно, так и умрет в земле Моавитской... Эразм сделал достаточно, чтобы победить зло, но ему не суждено ввести народ в землю обетованную».

§70. Гуманизм во Франции

Гуманизм проник во Францию из Италии, но не превращался в четко очерченное движение до XVI века. Будей (1467 — 1540) был главным представителем классических исследований, а Фабер (Stapulensis), или, как его звали по-французски, Лефевр д'Этапл, был главным представителем христианской культуры (1469 — 1536). Оба были еще живы в период Реформации¹¹¹⁶. Во Франции, как и в Германии, страсть к классике никогда не приобрела такого значения, как в Италии. Во Франции Возрождение достигло зрелости уже после того, как в Германии Реформация развернулась во всей полноте, а на Итальянском полуострове возрожденческие силы уже иссякли.

Интеллектуальное движение началось после завершения Столетней войны между Францией и Англией. В 1464 г. Петр Рауль написал для герцога Бургундского историю Трои. В то время французы еще считали себя потомками Гектора. Университеты, за исключением Парижского, не приняли участия в движении. Его центром и источниками были отдельные авторы и типографии в Париже, Лионе, Руане и других городах. Первыми французскими гуманистами обычно считают Гильома Фише и Гагена. Фише ввел в Париже «римское красноречие» и создал типографию в Сорбонне. Он переписывался с Виссарионом, в его библиотеке были книги Петрарки, Гварино из Вероны и других итальянцев. Гаген скопировал и откорректировал Светония (1468) и других латинских авторов. Были переведены на французский «Книга шуток» Поджо и некоторые произведения Валлы. В правление Людовика XI, которого называли «первым христианским королем», французские поэты прославляли его деяния. Среди литераторов Франции поклонение королевской власти занимало то же место, что культ античности в Италии¹¹¹⁷.

Первыми учителями греческого, совершенно забытого во Франции, были Григорий Тифernas, приехавший в Париж в 1458 г., Иоанн Ласкарис, который вернулся туда вместе с Карлом VIII, и Германион из Спарты, учениками которого были Рейхлин и Будей. Импульс к началу новых исследований дал итальянец Алендер, который позже прославился своим общением с Лютером в Вормсе. Он читал лекции о Платоне в Париже (1509) и выпустил латинско-греческий сло-

¹¹¹⁵ *Pref. to Pentateuch*, Parker Soc. ed., p. 395.

¹¹¹⁶ Imbart, II. 382. Оуэн в своем *Skeptics of the French Renaissance*, Lond., 1893, говорит о Монте, Петре Раме, Паскале и других лицах, проникнутых духом свободного исследования и живших после периода, который мы рассматриваем в этом томе.

¹¹¹⁷ Imbart, II. 364-372. Людовика XI славили и считали превосшедшим Ахилла, Александра Великого и Сципиона, самым могущественным после Карла Великого.

варь. В 1512 г. его ученик Ватабль опубликовал греческую грамматику Хрисоло-ра. Гильом Будей, вероятно, самый знаменитый знаток греческого в свое время, основал Коллеж-де-Франс (1530) и наконец побудил Франциска I позаботиться о преподавании еврейского и греческого. Парижский университет в конце XIV ве-ка пришел в упадок, и Эразм горько жаловался на пищу, моральные устои и интеллектуальные стандарты колледжа Монтагю, который посещал. Будей при-зывал сочетать изучение Писания с изучением классиков. Он говорил о Еванге-лии от Иоанна: «Что же это, если не почти совершенное святилище истины!»¹¹¹⁸ Он упорно возражал против взгляда, будто изучение языков, на которых написа-на Библия, ведет к лютеранству.

Лефевр обучался в Париже, Павии, Падуе и Кельне. В течение некоторого времени он пожил во всех великих итальянских городах. Он знал греческий и немного еврейский. В 1492 — 1506 г. он издавал труды Аристотеля и Раймунда Луллия, а затем, под покровительством Брисонне, епископа Мо, обратил внимание на богословие. Он хотел противопоставить «Сентенциям» Петра Ломбардского сис-тему богословия, в которой было бы отражено только учение Писания. В 1509 г. он опубликовал свой *Psalterum quintuplex*, сборник пяти латинских переводов Псалти-ри, в том числе пересмотренный им самим текст и комментарий. В 1512 г. он издал пересмотренный латинский перевод посланий Павла с комментарием. В этом труде он заявлял об авторитете Библии и отстаивал учение об оправдании верой, хотя полностью не признавал далеко идущее значение этого утверждения¹¹¹⁹. Он также сомневался в заслуге добрых дел и целибата священников. В предисловии к Псал-тири Лефевр говорит: «Я давно занимался гуманистическими исследованиями и редко затрагивал божественные темы в своих книгах, но потом они засияли передо мной таким светом, что мирские исследования показались мне тьмой в сравнении с ними». Через три года после появления Нового Завета Лютера вышел французский перевод Лефевра (1523). Он сделан на основании Вульгаты, как и его перевод Ветхо-го Завета (1528). В 1522 и 1525 г. вышли его комментарии к четырем евангелиям и сборным посланиям. Первый комментарий был внесен в Индекс запрещенных книг Сорбонной. Оппозиция свободному духу исследования и Реформации, подстре-каемая Сорбонной и одобряемая французскими королями, вынудила его бежать в Страсбург, а потом к либеральному двору Маргариты Ангулемской.

Среди тех, кто общался с Лефевром, были Фарель и Кальвин, женеvские реформаторы. Тем временем Клеман Маро (1495 — 1544), первый настоящий поэт французского литературного возрождения, создал свой стихотворный пере-вод Псалтири на французский и перевел «Метаморфозы» Овидия. Французские князья для собственного удовольствия распевали псалмы. Позже их стали петь во время богослужений, в Женеве и среди гугенотов. Когда Кальвин штудировал гуманитарные науки и закон в Бурже, Орлеане и Париже (ок. 1520), его обучали Кордые и Л'Этуаль, канонисты, и Мельхиор Вольмар, учитель греческого. Эти имена будущий реформатор вспоминал с благодарностью и уважением. Он стра-стно предался изучению гуманитарных наук и послал Эразму копию своего труда о «Милосердии» Сенеки, в котором он часто цитирует древних классиков и отцов церкви. Если бы он не принял новые религиозные взгляды, возможно, он славил-ся бы теперь как выдающийся представитель французского гуманизма.

¹¹¹⁸ Imbart, II. 545.

¹¹¹⁹ Imbart (II. 394) говорит: «Он уделил необычайно большое внимание учению об оправдании верой, но при этом не жертвовал и делами». Этот автор сравнивает Лефевра и Эразма. См. собственное предисловие Лефевра и Bonet-Mauray в Herzog, V. 715.

§71. Гуманизм в Англии

Пользуйся временным; желай вечного. — Джон Колет.

Гуманизм проник в Англию непосредственно из Италии, но в значительной степени его распространению способствовал Эразм тремя своими визитами в Оксфорд и Кембридж, а также тесной и длительной дружбой с ведущими английскими представителями движения. История английского гуманизма связана прежде всего с университетами, где разворачивался конфликт между новой и старой ученостью, а также она связана со школой Св. Павла в Лондоне, которую основал Колет. Для английского гуманизма были характерны осторожность и сдержанность, свойственные английскому характеру вообще. Он никогда не отличался таким языческим блеском, как итальянское литературное движение, и такой классической глубиной, как немецкий гуманизм. В области изящных искусств, за исключением книгопечатания, он остался невосприимчив к континентальным влияниям. Английский гуманизм, как и богословие английской Реформации, перенимал то, что сделали другие. Он не был творческим. С другой стороны, он уделял большее внимание религиозному и этическому элементам, чем гуманистические круги в Италии, но меньшее, чем в Германии. Его главными руководителями были Джон Колет и сэр Томас Мор, с которыми был тесно связан Эразм. Его высокопоставленными покровителями были архиепископ Кентерберийский Уорхем, кардинал Уолси и Джон Фишер, епископ Рочестера¹¹²⁰.

Английское литературное пробуждение непосредственно предшествовало английской Реформации, хотя его первые вожди умерли в лоне Католической церкви. Первый толчок к развитию движения был дан в последней четверти XV века английскими студентами, посетившими Италию. Было принято, чтобы английские архидиаконы ездили в Италию для изучения канонического права. Ричард де Бери и Петр де Блуа проявили интерес к книгам и к светским латинским авторам. Итальянцы, в том числе Поджио и Полидор Виргил¹¹²¹, бывали в Англии, некоторые даже преподавали там, но подлинными провозвестниками нового движения стали Уильям Селлинг, Томас Линакр и Уильям Гросин.

Селлинг, из оксфордского колледжа Всех Душ, впоследствии приор церкви Христа в Кентерберии (1471 — 1495), посетил Италию в 1464 г. и в Болонье учился у Полициано. Из этой или другой, более поздней поездки он привез несколько греческих рукописей и ввел изучение греческого в Кентерберии. Линакр, умерший в 1524 г., самый прославленный медик в Англии того времени, учился при Селлинге в Церкви Христа, а потом в Оксфорде, где ему преподавал греческий Корнелио Вителли, первым открыто обучавший этому языку в Англии в конце средних веков. Потом он отправился во Флоренцию, Рим и Падую, где получил диплом по медицине. Вернувшись в Англию, он был рукоположен священником, а потом стал врачом Генриха VIII. Он перевел на английский труды Галена¹¹²².

Когда Линакр учился во Флоренции, в этот город приехал Гросин. Он преподавал греческий в Оксфорде до 1488 г., а вернувшись с континента, начал читать

¹¹²⁰ Уолси выделил средства от 20 закрытых им монастырей на содержание школы в Ипсвиче и Кардинальского колледжа в Оксфорде. В 1516 г. Фокс, епископ Винчестера, основал колледж Корпус Кристи в том же университете, чтобы преподавать новые знания.

¹¹²¹ Он составил «Историю Англии» и презрительно описал в ней Уолси, мстя за то, что тот отказал ему в своей благосклонности.

¹¹²² О его заслугах перед медициной см. W. Osler, *Thos. Linacre*, Cambr., 1908, pp. 23-27.

там лекции по греческому (1491). Эту дату историк Грин и считает началом нового периода. Гросин читал лекции о псевдо-Дионисии и, вслед за Лоренцо Валлой, отказался от предания, которое принимало его за Дионисия Ареопагита, ученика апостола Павла. Он и Линакр были близкими друзьями Эразма, и Эразм называл их, вместе с Колетом и Мором, четырьмя представителями серьезной и уравновешенной учености¹¹²³.

В конце XV века англичане по-прежнему оставались «варварским» народом в глазах итальянцев¹¹²⁴. Эразм, не понаслышке знавший, что такое хорошая школа, так отзывался о школьных учителях Англии: «убогие, захудалые, а иногда даже не в своем уме». В университетах повсеместно изучали Дунса Скота и пользовались древними методами работы и учебниками, но уже вскоре схоласты были вытеснены оттуда, а произведения «утонченного доктора» были разбросаны во дворах Оксфорда, где их топтали ногами.

Что касается греческого языка, то некоторые, по сообщению Вуда, выступали против него как занятия «опасного и достойного осуждения». Даже когда начало нового века осталось далеко позади, сэр Томас Мор все еще обращался к руководству Оксфорда, осуждая его за сопротивление изучению греческого языка¹¹²⁵. Курс лекций, вызвавший недовольство Мора, предполагалось прочитать в великий пост, и направлен он был против изучения не только греческих, но и латинских классиков. Какое право, возмущался Мор, «имеет проповедник осуждать латынь, о которой знает очень мало, и греческий, о котором не знает вообще ничего? Как он может знать богословие, если он не знает еврейского, греческого и латыни?» В конце своего письма Мор угрожал руководству университета наказанием со стороны Уорхема, Уолси и даже самого короля, если будут чиниться препятствия новым наукам. Мор снова и снова обличал служителей церкви, взбуждаемых распространением нового знания. Лайли, директору школы Св. Павла, он писал: «Неудивительно, что ваша школа вызывает столько споров. Она подобна деревянному коню, который погубит варварскую Трою». Но если были люди, считавшие новые знания опасными, были также и те, кто, подобно Фишеру из Рочестера, начинал изучать греческий в возрасте 60 лет. Вместо всеми уважаемых «Сентенций» Петра Ломбардского учебником богословия в английских университетах становилось Писание.

Наибольший вклад в этот процесс внес Джон Колет. Хотя это имя не так часто упоминается на страницах Лингарда, сегодняшние авторы присоединяются к Тиндейлу, Латимеру, другим реформаторам середины XVI века и признают его главным первопроходцем в освоении нового знания в Англии, образцом благородных жизненных целей и искренней преданности делу культуры.

Будущий декан Св. Павла был сыном сэра Генри Колета, несколько раз занимавшего пост лорд-мэра Лондона, и одним из его 22 детей. Он пережил всех членов своей семьи, кроме матери, а когда почувствовал, что сам стареет, воздал ей должное, выразив восхищение ее духовностью и счастливой старости. Думая о ней, мы вспоминаем славную мать Джона Весли. Молодой Колет провел три года в Оксфорде (1493 — 1496)¹¹²⁶, а потом отправился в Италию, по выражению

¹¹²³ Nichols: *Erasmus' Letters*, I. 226. Сэр Томас Мор в послании к Колету от ноября 1504 г. писал: «Я буду проводить время с Гросином, Линакром и Лайли. Первый, как ты знаешь, руководит моей жизнью в твое отсутствие, второй руководит моими занятиями, третий — мой самый дорогой друг».

¹¹²⁴ Seebohm, p. 283.

¹¹²⁵ См. это послание в Froude, *Erasmus*, 139.

Эразма — «как торговец, ищущий хороший товар». Нам остается только догадываться, где именно он получал знания, но архиепископ Паркер, два поколения спустя, говорит, что он «долгое время учился в чужой стране, в первую очередь Священному Писанию». Вернувшись в Оксфорд он, хотя и не был рукоположен священником, начал публично разъяснять греческие послания апостола Павла. Эти лекции он читал бесплатно. В то же самое время «профессор богословия леди Маргарет» читал лекции по *Quodlibet* Дунса Скота. Позже Колет разъяснял также Первое послание к коринфянам.

В этот период он еще не освободился окончательно от старых академических канонов и был склонен отвергать чтение классических авторов, в произведениях которых отсутствовало «спасительное влияние Христа и в которых не был представлен Христос... Книги, где нет Христа, — бесовская пища»¹¹²⁷. О том, какое впечатление производили его разъяснения, мы узнаём от самого Колета, описывающего, как к нему пришел один священник. Этот священник, сидя перед камином Колета, вытащил из-за пазухи небольшую копию посланий, изготовленную им собственноручно. Затем, в ответ на его просьбу, хозяин начал излагать золотые истины первой главы Римлян¹¹²⁸. В своих разъяснениях Колет часто выражает восхищение Павлом.

В Оксфорде в 1498 г. Колет встретил Эразма, который был примерно одинакового с ним возраста, и познакомился также с Мором, которого называл «редким гением». То, что он общался с этими людьми, подтверждает его склонность к новому учению. Он читал лекции по «Иерархиям» Ареопагита, но вскоре согласился с мнением Гросина о более поздней дате их создания. Он отказался от распространенной высокой оценки Фомы Аквината, объявив последнего «высокомерным в своей попытке дать определение всему» и «искавшим все учение Христа своей мирской философией»¹¹²⁹. Несколько лет спустя в послании к Эразму он критиковал современных богословов, тратящих свою жизнь на пустые логические трюки и диалектические изощрения. Эразм, отвечая ему, заявил, что богословие, которое некогда было уважаемым, стало «глупым, нищим и оборванным».

Как декан Св. Павла (это назначение получено им в 1504 г.), Колет выделяется в качестве борца со злоупотреблениями клириков, смелого проповедника и щедрого покровителя образования. Уставы для кафедрального клира, выпущенные им, подчеркивают, что реформа необходима «во всех отношениях, в жизни и в религии». В старом уставе, в котором четко определялась роль декана в процессиях и его место на хорах, не говорилось, что одной из его обязанностей является проповедь. Колет читал публичные лекции по посланиям Павла, но вскоре перестал ладить со своим капитулом. Кафедральная школа не соответствовала его стандартам, и средства, полученные им после смерти отца, он потратил на оборудование школы Св. Павла (1509)¹¹³⁰. Первоначальные здания сгоре-

¹¹²⁶ Вероятно, в колледже Магдалины. См. Lupton, 23 sqq. Этот же осторожный автор пишет про учебу Колета в Лондоне. О фактах из карьеры Колета лучше всего написано в послании Эразма к Иусту Ионе.

¹¹²⁷ Цит. в Lupton, p. 76.

¹¹²⁸ Послание к аббату Винчкомба, где Колет описывает визит этого священника, см. в Lupton, p. 90 sqq., и Seebohm, p. 42 sqq.

¹¹²⁹ Seebohm, p. 107.

¹¹³⁰ Зибом указывает 1510 г. По поводу даты основания и первоначального названия школы см. *London Times*, July 7, 20, 1909 (дискуссия между М. Э. Дж. Мак-Доннеллом и Гардинером, попечителем и почетным библиотекарем Св. Павла). Колет иногда называл ее Школой Иисуса. Здания были достроены в августе 1510 г. Сейчас школа расположена в Хаммерсмите.

ли во время лондонского пожара, новые были построены в 1666 г. Согласно уставу, обучение было бесплатным, изначальное количество учеников равнялось 153, потом возросло в три раза. Преподавались «качественная литература, латинская и греческая», но особенно творения христианских авторов, которые «писали в мудрости своей на ясной и благопристойной латыни». Возвышенное представление основателя об идеальном учителе и его моральных и литературных качествах, отраженное в его уставах для старой кафедральной школы, было следующим: «Он должен быть праведным и уважаемым человеком, обладающим большой и подтвержденной ученостью». Наряду с обучением благочестивой литературе он должен был «внушать восприимчивым умам учеников святую нравственность и учить их не только грамматике, но и добродетели»¹¹³¹.

Школа Св. Павла была первой грамматической школой в Англии, в которой преподавали греческий. Список ее учителей открывается Уильямом Лайли, одним из немногих англичан того периода, способных учить греческому. Он обучался в Оксфорде, потом совершил путешествие в Иерусалим и вернулся в Англию через Италию. Он умер в 1522 г. По его завещанию Колет раздал все его книги, «печатные и на бумаге», бедным учащимся школы.

Как проповедник, декан Св. Павла был смел и верен Писанию. Среди его слушателей были лолларды. Сам Колет, похоже, читал произведения Виклифа, а также другие «еретические» труды¹¹³². Две его знаменитые проповеди были произнесены перед советом Оксфордского университета (1511) и в связи с получением Уолси кардинальского поста. Речь перед советом сохранилась полностью. В ней Колет решительно призывает к реформе клира¹¹³³. Для проповеди был взят текст Рим. 12:2: «Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь». Он говорил о гордости и амбициях клира, осуждал его стремление к высоким церковным и государственным постам. Некоторые клирики ходили на праздники и пиры, посещали спортивные состязания и представления, занимались охотой¹¹³⁴. Если бы священники были добродетельны, добродетелен был бы и народ. «Наше благочестие, — восклицал проповедник, — наставило бы их на праведный путь более успешно, чем все запреты и отлучения. Они жили бы благой и святой жизнью, хорошо знали бы Писание и в основном и прежде всего были бы исполнены страха Божьего и любви к небесной жизни».

С позиции канонов того века проповедник был неосторожен, и Фитц-Джеймс, епископ Лондона, призвал его на суд, но обвинения были сняты архиепископом. Колета обвиняли в том, что он осуждал поклонение образам и утверждал, что Павел был беден и не имел епископских доходов. Говорили также, что, осуждая чтение проповедей по бумажке, Колет выступал против самого Фитц-Джеймса,

¹¹³¹ Уставы приводятся в Lupton, Appendix A, p. 271 sqq. О «Морфологии», которую Колет подготовил для школы, см. Lupton, Appendix B. Противопоставляя более позднюю латынь латыни классических авторов, язычников и отцов церкви, Колет называл первую «скорее пачкотней, чем литературой». В одном из правил было сказано, что ученики сами должны доставать себе свечи, причем восковые, а не из жира. О епископе, который выступал против школы Св. Павла как «вместилища идолопоклонства», см. в послании Колета к Эразму (Nichols, II. 63).

¹¹³² Первый вывод мы делаем из слов Эразма о его визите в Уолсингем, второй — из недвусмысленного высказывания Эразма в послании к Иусту Ионе.

¹¹³³ Текст есть в Lupton, Appendix C.

¹¹³⁴ Lupton (p. 183) говорит, что Колет вполне мог упомянуть случай с неким архидиаконом, который, посещая приорию Бридлингтона, взял с собой 97 лошадей, 21 собаку и трех соколов. Описание Колета (из «Иерархий» Дионисия), каким должен быть священник, см. в Lupton, p. 71; Seebohm, p. 76.

который имел такую привычку. Латимер, который примерно в это время находился в Кембридже, сказал в проповеди несколько лет спустя, что «в те дни у доктора Колета были неприятности и его бы сожгли, если бы Бог не внушил иного сердцу короля».

Когда вышел греческий Новый Завет Эразма, Колет сердечно поздравил его. В послании к голландскому ученому с благодарностью за получение экземпляра книги он выражал сожаление о том, что недостаточно хорошо знает греческий, чтобы читать его, и говорил, что желает учиться у него этому языку. Здесь же он предсказывает, что «имя Эразма никогда не будет предано забвению». Эразм написал Колету, что начал заниматься еврейским, но отказался от этой затеи, «испуганный непривычностью слов и неспособностью человеческого ума овладеть множеством предметов»¹¹³⁵. А более молодой ученый из Тюбингена Филипп Меланхтон воздал должное *Novum instrumentum* в греческих стихах, которые передал Эразму Беат Ренан. Фокс, епископ Винчестера, заявил, что узнал из этой книги больше, чем из десятка комментариев.

Незадолго до смерти Колет намерился удалиться в благочестивое уединение в Шене. Решение это было принято в связи с ухудшением здоровья и проблемами, которые навлекли на него его свободные высказывания. Однако он не успел осуществить свой замысел. Он был похоронен на территории Св. Павла. Примечательно, что он ничего не завещал церкви и не просил проводить мессы за свою душу. Эразм очень ценил этого своего друга и еще при его жизни писал, что в Англии «нет человека более благочестивого, который лучше бы знал Христа». После смерти Колета в одном из писем он восклицает: «Какого человека потеряла Англия, какого друга потерял я!» В трудные моменты Эразм часто обращался к Колету с просьбами¹¹³⁶. В его *Colloquies* интереснее всего для англосаксов описание путешествия, которое два друга вместе совершили к святилищам Фомы Бекета и Богоматери в Уолсингеме. Лучшая часть этого описания — скептический юмор, с которым они сомневались в подлинности пальца Петра, молока Девы, туфли святого Фомы и других показанных им реликвий.

Хотя Колет пошел весьма далеко, требуя реформы клира, приветствуя возрождение гуманитарных наук, осуждая древние схоластические диспуты и выступая за изучение Писания, вполне вероятно, что он не встал бы на сторону Реформации¹¹³⁷. Ему было пятьдесят, когда началась Реформация. О нем можно без преувеличения сказать, что он был очень близок к тому идеалу благочестия и праведности, которого требовал от христиан. Он говорил, что «добрые дела и справедливость более угодны Богу, чем молитвы или жертвоприношения»¹¹³⁸. Невозможно отозваться о Колете лучше, чем сделал Дональд Лаптон в своей «Истории современных протестантских богословов» (1637): «Этот великий декан Св. Павла учил и жил как апостол Павел»¹¹³⁹.

Сэр Томас Мор (1478 — 1535) не только умер в лоне Католической церкви, но умер смертью мученика, отказываясь признать превосходство английского короля, оспаривающего власть папы. Он учился в Оксфорде, занимался правом в

¹¹³⁵ Nichols, I. 376, II. 287. Позже, по словам Мора, Колет продолжил занятия (Nichols, II. 393).

¹¹³⁶ Nichols, II. 25, 35 sqq., 72, 258, etc.

¹¹³⁷ Gasquet (*The Eve of the Reformation*, p. 6) настаивает, что противоположное мнение «абсолютно ложно и вводит в заблуждение».

¹¹³⁸ *A Right Fruitful Admonition concerning the Order of a Good Christian Man's Life*. Тракта́т Колета воспроизводится в Lupton, *Life*, p. 305 sqq., по изданию 1534 г.

¹¹³⁹ Lupton, *Life of Colet*, p. 143.

Лондоне и возвысился до поста королевского канцлера. Мы не будем перечислять здесь его профессиональные достижения и заслуги перед государством, а отметим лишь то, что он сделал для возрождения знаний и религиозного движения Англии. Мор был образцом верующего и рассудительного мирянина. Он носил власяницу, но насмехался над суевериями своей эпохи. Приняв высокий пост, он поклялся, что «прежде всего будет верен Богу, а после Бога — королю». В то же время он, вместе со своими близкими друзьями Эразмом и Колетом, активно участвовал в создании нового фундамента для обучения классикам, латинским и греческим. Он был верен церкви, во главе с папой, однако в своей «Утопии» изобразил идеальное общество, в котором религия является прежде всего семейным делом, где нет ни исповеди перед священниками, ни подаваемого ими отпущения грехов.

За исключением «Утопии» все подлинные труды Мора были религиозными. Большинство из них — это полемические трактаты, призванные опровергнуть новые учения Реформации, которые в Англии стали открыто защищать задолго до смерти Мора. Мор был обезглавлен в 1535 г., и, если мы вспомним, что английский Новый Завет Тиндейла был опубликован в 1526 г., нам будет ясно, сколько времени Мор взаимодействовал с протестантским движением. Сам Тиндейл был задушен и сожжен через год после казни Мора. В ответ на труд Саймона Фиша «Мольба нищих», яростную критику идеи чистилища, Мор выпустил свое «Моление душ», или «Бедные простые души, выгнанные из чистилища». Здесь души представлены как молящие о том, чтобы их не оставили мучиться в смертной тоске из-за забвения живущими и дали очиститься. Фиш был приговорен к смерти и сожжен (1533). Как главный защитник своей стороны, Мор выступал также против Джона Фрита, который был приговорен к сожжению в 1533 г., и против Тиндейла, обличая «ложный английский перевод Нового Завета, недавно подделанного Тиндейлом». Мор сделал и такой странный вывод: «Виклиф, Тиндейл, брат Барнс и другие подобные им люди образуют ту самую причину, по которой Писание необходимо держать подальше от народа»¹¹⁴⁰. Мор утверждает, что еретические книги ввозили с континента в Англию «в огромных количествах». Он назвал Томаса Хилтона, священника из Кента, одним из еретиков, которые должны попасть на костер, «в зловонный котел дьявола». Преступление Хилтона заключалось в том, что он отрицал пять таинств. И он был сожжен в 1530 г.¹¹⁴¹ Как было принято в то время, полемические труды Мора полны грубых эпитетов. Он называет своих оппонентов «свиньями», «адскими псами из дьявольской своры», «обезьянами, танцующими для развлечения Люцифера»¹¹⁴². В своем труде против Тиндейла и Фрита он выступал за паломничества, за поклонение образам и за индульгенции. По свидетельству канцлера, Мор находился в Баркинге (1498), когда там был обнаружен ряд реликвий, «утаивавшихся

¹¹⁴⁰ См. Gasquet, *Eve of the Reform.*, p. 215 sqq.

¹¹⁴¹ О том, как относились к еретикам в некоторых районах Англии, можно судить по письму к Эразму (1511) от Аммония, латиниста и секретаря Генриха VIII. Автор говорит: «Неудивительно, что дров так мало и стоят они так дорого, ведь понадобилось устраивать столько сожжений для еретиков». На соборе 1512 г. один старый священник выступал за сожжение еретиков и с нарастающей громкостью повторял: *haereticum hominem devita* {Титу 3:10}, утверждая, что *devita* означает искоренение из жизни (*de vita tolli*), и превратив таким образом эти слова в явную заповедь уничтожать еретиков. Об утверждении, что Мор не относился к еретикам с жестокостью, см. его *Engl. Works*, p. 901 sqq. Мартиролог Фокс объявил Мора «ожесточенным гонителем добрых людей и проклятым врагом евангельской истины».

¹¹⁴² Доктор Линдси в *Cambr. Hist. of Engl. Lit.*, III. 19.

с самых пор, как аббатство сожгли неверующие», и заявлял о первостепенной важности самого факта, что «эти реликвии являются останками святых людей, которых почитают, а то, кому они принадлежат, не так уж и важно»¹¹⁴³.

Однако Мор выступал против некоторых суеверий — например, он ополчился на францисканского монаха, который публично проповедовал, что «тот, кто будет ежедневно с помощью Псалтири молиться Пресвятой Деве, не будет осужден». Мор отрицал учение Августина о том, что младенцы, умершие некрещеными, осуждены на вечные муки, и писал Эразму, что *Epistolae obscurorum virorum* Гуттена доставили удовольствие всем в Англии и что «в грубых ножнах этого труда скрывается превосходный клинок»¹¹⁴⁴. Из-за его близости к Колету и Эразму некие монахи в 1519 году попытались обратить его в свою веру.

Лев XIII объявил Мора блаженным (1886). Вместе со святым Эдмундом, епископом Фишером и Фомой Бекетом он является одним из главных английских мучеников, почитаемых английскими католиками. Он умер, «не желая обречь свою душу на вечное проклятие» и выражая надежду, что, «как святой Павел и святой Стефан встретились на небесах и стали друзьями, так случится и с ним и его судьями». Гэрднер замечает, что «ни один человек не встречал несправедливое осуждение с более замечательным присутствием духа»¹¹⁴⁵. Мы не можем не согласиться с этим утверждением, однако не следует забывать о факте, что Мор, каким бы джентльменом он ни был в душе, безжалостно относился к тем, кого считал еретиками, а в своих произведениях обращался к ним с эпитетами столь же резкими, как и те, которые использовал Лютер. Но параллельно с этим его следует похвалить за то, что он поддерживал реформу образования и одобрял греческий Новый Завет Эразма. Он написал специальное послание к профессору из Лувена Дорпию, критикуя его за нападки на критические исследования Эразма и за осуждение любых попыток пересмотреть старый латинский текст.

«Утопия» Мора, написанная на латыни и напечатанная в 1516 г. с предисловием Будея, ураганом пронеслась по Европе. Ее называли также *Nusquam*, или «Нигдения». Взяв в качестве прецедента «Республику» Платона, автор намеревался показать, каковы недостатки европейского и в особенности английского общества. В идеальном государстве Мора, расположенном на острове, соблюдают договора и выполняют обещания. Здесь пахари, плотники, извозчики, угольщики и другие труженики по справедливости делятся платой за труд со знатью, златокузнецами и ростовщиками, которые называются непроизводительными классами. «Заговор богачей, которые забирают себе государственные богатства», не допускается. В «Утопии» каждый ребенок получает хорошее образование. Время физического труда ограничено шестью часами. Ширина улиц — 20 футов (6 м). Возле каждого дома есть сад и проточная вода. Бойни расположены за пределами города. Все наказания, в целях назидания и наставления в вере, производятся внутри семьи. На острове продолжают существовать старые религии, потому что христианство введено там недавно, но Мор, явно противореча своей

¹¹⁴³ Gasquet: *The Eve of the Reformation*, p. 378.

¹¹⁴⁴ Nichols, II. 428. См. также Seebohm, pp. 408, 416, 470.

¹¹⁴⁵ *Hist. of the Engl. Church in the 16th Cent.*, etc., p. 160. Одна из трогательных сцен в истории последних переживаний лиц, осужденных на мученичество, развернулась, когда Мор был на пути в Тауэр. О ней рассказывает первый биограф Мора Роупер (Lumby ed., p. liii). Любимая дочь Мора Маргарет, желая еще раз показать отцу, как она его любит, прорвалась через ряды охраны, обняла отца, поцеловала его и получила его благословение. Вновь оказавшись отделена от него стражей, она во второй раз прорвалась к нему, чтобы обнять.

более поздней практике гонителя, объявляет, что «ни одного человека не карают за его веру». Священниками там становятся и женщины, но они являются, скорее, «блюстителями и руководят поклонением», нежели выполняют собственно священнические функции. Исповедь приносится не им, а главе семьи. Жена простирается ниц и исповедуется перед мужем, а дети — перед обоими родителями. Священники состоят в браке.

Мог ли подозревать Мор, что через десять лет после публикации его знаменитой книги из нее будут брать тексты в поддержку крестьянского бунта в Германии?¹¹⁴⁶ В этой книге сформулированы некоторые из общественных надежд и чаяний нашего века. Автор выразил распространенные настроения своего поколения, недовольного законами, ограничивающими заработную плату, присвоением благ богатыми, превращением полей в овцеводческие фермы и новой войной на континенте, в которую оказалась вовлечена Англия¹¹⁴⁷.

Джон Фишер, казненный на плахе на несколько месяцев раньше Мора за отказ принести клятву и признать наследником потомка Екатерины Арагонской, умер в возрасте 79 лет. Декан Перри назвал его «самым ученым, самым сознательным и самым преданным из епископов того времени». В 1511 г. он рекомендовал Эразма в Кембридже в качестве преподавателя греческого. По пути на эшафот этот добрый человек держал в руках Новый Завет, вновь и вновь повторяя слова: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единственного истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа». «Такой учености для Него достаточно», — говорил он.

Протестантский мир с почтительным уважением относится к Гросину, Колету, Мору и Фишеру. Конечно же, они не смогли в полной мере оценить тот свет, который распространялся по Европе, однако они пошли достаточно далеко, как зачинатели более рациональной системы образования, нежели та, что была основана на схоластическом методе, и занимают достойное место в истории развития религиозной мысли¹¹⁴⁸.

В Шотландии протестантская Реформация распространилась еще до того, как Возрождению удалось оказать на нее свое собственное влияние. Джон Мэйджор (ум. ок. 1550) написал комментарий на «Сентенции» Петра Ломбардского. Его называют «последним из схоластов». Но он одновременно был и связующим звеном с новым литературным движением, через Джорджа Бьюкенена, его ученика в Сент-Эндрюсе. Мэйджор оставался верен Римской церкви. Бьюкенен, пробыв шесть месяцев в португальской тюрьме как еретик, вернулся в Шотландию и принял Реформацию. Согласно профессору Хьюму-Брауну, его латинское стихотворное переложение псалмов «вплоть до недавних лет читали в Шотландии во всех школах, где изучалась латынь»¹¹⁴⁹.

¹¹⁴⁶ *Cambr. Hist. of Engl. Lit.*, p. 20. Прекрасный обзор «Утопии» см. в Seebohm, pp. 346-365, а также в W. B. Guthrie, *Socialism before the French Revol.*, pp. 54-132, N. Y., 1907. Латинское издание и перевод на английский — в *Dict. of Natl. Biogr.*, p. 444. Прекрасное издание перевода Робинсона (1556) было выпущено профессором Ламби (*Cambr.*, 1879). Роупер (зять Мора и протестант) составил «Жизнь Мора», с предисловием (Roper, *Life of More*). См. также Lupton, *The Utopia*, Oxf., 1895. Изданы репринт латинского издания (1518) и английского издания (1551).

¹¹⁴⁷ См. Lumby, *Introd.*, p. xiv, и Guthrie, p. 96 sq.

¹¹⁴⁸ Разумеется, автор может лишь с великодушной терпимостью отнестись к мнению аббата Гаске, который не находит в протестантской Реформации ничего достойного похвалы и завершает свою главу *Revival of Letters in England* (в *The Eve of the Reform.*, p. 46) такими словами: «Гуманистическое движение в Англии, равно как и в Германии, потерпело крах из-за религиозных трудностей в лице тех, кто кичился своей принадлежностью к адептам истинной учености, образования и воспитания» (имеются в виду Колет, Эразм, Фабер и Мор). Проницательные замечания о влиянии английского гуманизма на протестантское движение см. в Seebohm, pp. 494 sqq., 510.

¹¹⁴⁹ См. главу *Reformation and Renaissance in Scotl.*, Hume-Brown, в *Cambr. Hist. of Eng. Lit.*, III, 156-186. Об одаренном Алесии, который лучшее время своей жизни занимался преподаванием в Германии, см. в A. F. Mitchell, *The Scottish Reformation*, Edinb., 1900.

ГЛАВА IX

ПРОПОВЕДЬ И НАРОДНОЕ БЛАГОЧЕСТИЕ

§72. Литература

- К §73, 74. Труды Эразма, Колета, Тиндейла, Гейлера Страсбургского и другие источники, упоминаемые в примечаниях. LEA: *Hist. of Cler. Celibacy*. Также *Hist. of Span. Inq.* — *Hist. of The Engl. Ch.*, CAPES и GAIRDNER-TRAILL: *Social Hist. of Engl.*, vol. II. — SEEBOHM: *Oxf. Reformers*. — GASQUET: *The Old Engl. Bible and Other Essays*, Lond., 2^d ed., 1907. Также *The Eve of the Reformation*, pp. 245 sqq. — CRUEL: *Gesch. d. deutschen Predigt, im MA*, pp. 431-663, Detmold, 1879. — KOLDE: *D. relig. Leben in Erfurt am Ausgange d. MA*, 1898. — LANDMANN: *D. Predigtum in Westphalen In d. letzten Zeiten d. MA*, pp. 256. — SCHÖN: ст. *Predigt* в Herzog, XV. 642-656. JANSSEN-PASTOR: *Hist. of the Ger. People*, vol. I. — PASTOR: *Gesch. d. Päpste*, I. 31 sqq., III. 133 sqq. — HEFELE-HERGENRÖTHER: *Conciliengesch.*, vol. VIII.
- К §75. ULLMANN: *Reformers before the Reformation*, 2 vols., Hamb., 1841 sq., 2^d ed., Gotha, 1866, англ. перев., 2 vols., Edinb., 1855; также *J. Wessel, ein Vorgänger Luthers*, Hamb., 1834. — GIESELER, II, part IV. 481-503. Многочисленные выдержки из их произведений. — HERGENRÖTHER-KIRSCH, II, 1047-1049. — JANSSEN-PASTOR: I. 745-747. — HARNACK: *Dogmengesch.*, III. 518, etc. — LOOFS: *Dogmengesch.*, 4th ed., 655-658. — О ГОХЕ: его *De libertate christ.*, etc., ed. Corn. Graphaeus, Antw., 1520 — 1523. — О CLEMEN: *Joh. Pupper von Goch*, Leip., 1896, и статьи в Herzog, VI. 740-743, и в Wetzler-Welte, VI. 1678-1684. — О ВЕЗЕЛЕ: его *Adv. indulgentias* в Walch, *Monumenta medii aevi*, Götting., 1757. — Описание суда над ним в AENEAS SYLVIVS: *Commentarium de concilio Basileae*, и D'ARGENTRÉ: *Col. Nov. judiciorum de erroribus novis*, Paris, 1755; также BROWNE: *Fasciculus*, 2^d ed., Lond., 1690. — Статьи в Herzog, CLEMEN, xxi, 127-131, и Wetzler-Welte, VI. 1786-1789. — О ВЕССЕЛЕ: первое издание его трудов *Farrago rerum theol.*, сборник его трактатов, который вышел в Нидерландах ок. 1521 г. (2^d ed., Wittenb., 1522), содержит послание от Лютера (3^d — 4th edd., Basel, 1522, 1523). Полное издание его трудов включает в себя жизнеописание — A. HARDENBERG (проповедник из Бремена, ум. в 1574), Groningen, 1614. — MUURLING: *Commentatio historico-Theol. de Wesseli cum vita tum meritis*, Trajecti ad Rhenum, 1831; также *de Wesseli principii ac virtutibus*, Amsterd., 1840. — J. FRIEDRICH (католик): *J. Wessel*, Regensb., 1862. — Статьи *Wessel* в Herzog, VAN VEEN, xxi. 131-147, и в Wetzler-Welte, XII. 1339-1343. — P. HOFSTEDE DE GROOT: *J. Wessel Ganzevoort*, Groningen, 1871.
- К §76. НИКОЛАЙ ДЕ ЛИРА: *Postillae sive Commentaria brevia in omnia biblia*, Rome, 1541 — 1543, 5 vols., *Introd.* — WYCLIF: *De veritate scrip. Sac.*, ed. Buddensieg, 3 vols., Leipzig, 1904. — GERSON: *De sensu litterali scrip. sac.*, Du Pin ed., 1728, I. 1 sqq. — ERASMUS: вступление к греческому Новому Завету, 1516. — L. HAIN: *Repertorium bibliographicum*, 4 vols., Stuttg., 1826 — 1838. ED. REUSS (ум. в 1891): *D. Gesch. d. heil. Schriften N. T.*, 6th ed., Braunschweig, 1887, pp. 603 sqq. — F. W. FARRAR: *Hist. of Interpretation*, Lond., 1886, pp. 254-303. — S. BERGER: *La Bible Française au moyen âge*, Paris, 1884. GASQUET: *The Old Engl. Bible*, etc.; *Eve of the Reformation*. — F. FALK: *Bibelstudien, Bibelhandschriften und Bibeldrucken*, Mainz, 1901; *Die Bibel am Ausgange des MA, ihre Kenntnis und ihre Verbreitung*, Col., 1905. — W. WALTHER: *D. deutschen Bibelübersetzungen des MA*, Braunschweig, 1889 — 1892. — A. COPPINGER: *Incunabula bibl. or the First Half Cent. of the Lat. Bible, 1450 — 1500*, с 54 факсимиле, Lond., 1892. — *The Hist. of the Engl. Bible*, авторы WESTCOTT, EADIE, MOULTON, KENYON, etc. — JANSSEN-PASTOR: *Gesch. des deutschen Volkes*, I. 9 sqq. — BEZOLD:

Gesch. der Reformation, pp. 109 sqq. — R. SCHMID: *Nic. of Lyra*, в Herzog, XII. 28-30. — Ст. *Bibellesen und Bibelverbot* и *Bibelübersetzungen* в Herzog, II. 700 sqq., III. 24 sqq. Другие труды упоминаются в примечаниях.

К §77. I. Источники. Латинские и итальянские произведения Савонаролы состоят из проповедей, трактатов, посланий и нескольких поэм. Самое крупное собрание рукописей и оригинальных изданий хранится в Национальной библиотеке Флоренции. Там есть 15 изданий «Триумфа Креста», вышедших в XV — XVI веках. Послания *spirituales et asceticae*, ed. QUÉTIF, Paris, 1674. Проповеди были собраны другом Савонаролы Лоренцо Виволи и публиковались сразу после того, как проповедник произносил их. Лучшее издание — *Sermoni e Prediche*, Prato, 1846. Также издание G. BACCINI, Flor., 1889. Подборка, сделанная VILLARI и CASANOVA: *Scelta di prediche e scritti, G. Sav.*, Flor., 1898. — Нем. перев. 12 проповедей и поэмы *de ruina mundi*, H. SCHOTTMÜLLER: Berlin, 1901, pp. 132. A. GHERARDI: *Nuovi documenti e studii intorno a Savon.*, 1876, 2^d ed., Flor., 1887. — «Триумф Креста», издание на латыни и на итальянском, L. FERRETTI, O. P., Milan, 1901. Англ. перев. с этого издания — J. PROCTER, Lond., 1901, pp. 209. — *Exposition of Ps. LI and part of Ps. XXXII* (латинский текст с английским переводом E. H. PEROWNE), Lond., 1900, pp. 227. — Поэзия Савонаролы, изд. C. GUASTI, Flor., 1862, pp. xxii, 1864. — Рудельбах, Перренс и Виллари приводят фрагменты в оригинале. — E. C. BAYONNE: *Oeuvres spir. choisies de Sav.*, 3 vols., Paris, 1880. — Древнейшие биографии: P. B. URLAMASSINI (ум. в 1519), основана на более старом латинском жизнеописании, труде свидетеля (изд. Mansi, 1761); G. F. PICO DELLA MIRANDOLA (племянник прославленного ученого с тем же именем), завершено в 1520, опубликовано в 1530 (ed. Quétif, 2 vols., Paris, 1674). Об этих трех изданиях см. VILLARI, *Life of Sav.*, pp. xxvii sqq. — Также J. NARDI (современник): *Le storie della città di Firenze, 1494 — 1531*, Flor., 1584. LUCA LANDUCCI (благочестивый флорентийский аптекарь, пылкий почитатель Савонаролы): *Diario Fiorentino, 1450 — 1516*, Florence, 1883. Реалистическое описание Флоренции, проповедей и смерти Савонаролы.

II. СОВРЕМЕННЫЕ ТРУДЫ. Подробный список литературы см. в ROTHAST: *Bibl. Hist. med.*, II. 1564 sqq. — Жизнеописания: RUDELBACH, Hamb., 1835. — MEIER, Berl., 1836. — K. HASE в *Neue Propheten*, Leip., 1851. — F. T. PERRENS, 2 vols., Paris, 1853, 3^d ed., 1859. — MADDEN, 2 vols., Lond., 1854. — ОТЕЦ V. MARCHESI, Flor., 1855. — *PASQUALE VILLARI: *Life and Times of Savon.*, Flor., 1859 — 1861, 2^d ed., 1887, первый англ. перев. L. Horner, второй англ. перев. Villari, Lond., 2 vols., 1888, 1 vol. ed., 1899. — RANKE в *Hist. biogr. Studien*, Leip., 1877. — BAYONNE: Paris, 1879. — E. WARREN, Lond., 1881. — W. CLARK, Prof. Trinity Col., Toronto, Chicago, 1891. — J. L. O'NEIL, O. P.: *Was Sav. really excommunicated?* Bost., 1900; *H. LUCAS, St. Louis, 1900. — G. MCHARDY, Edinb., 1901. — W. H. CRAWFORD: *Sav. the Prophet in Men of the Kingdom series.* — *J. SCHNITZER: *Quellen und Forschungen zur Gesch. Savon.*, 3 vols., Munich, 1902 — 1904. Vol. II, *Sav. und die Fruerprobe*, pp. 175. — Также *Savon. im Lichte der neuesten Lit.* в *Hist.-pol. Blätter*, 1898 — 1900. — H. RIESCH: *Savon. u. s. Zeit*, Leip., 1906. — ROSCOE в *Life of Lorenzo the Magnificent.* — E. COMBA: *Storia della riforma in Italia*, Flor., 1881. — P. SCHAFF, ст. *Savon.* в Herzog, II, 2^d ed., XIII. 421-431, и BENRATH, 3^d ed., XVII. 502-513. — CREIGHTON: vol. III. — GREGOROVIVS: VII. 432 sqq. — *PASTOR: 4th ed., III. 137-148, 150-162, 396-437: *Zur Beurtheilung Sav.*, pp. 79, Freib. im Br., 1896. Эта брошюра была написана в ответ на резкую критику отношения Пастора к Савонароле в первом издании его «Истории», особенно со стороны Люотто и Феретти. — P. LUOTTO: *Il vero Savon. ed il Savon. di L. Pastor*, Flor., 1897, p. 620. Люотто написал также *Dello studio di scrittura sacra secondo G. Savon. e Léon XIII*, Turin, 1896. — FERRETTI: *Per la causa di Fra G. Savon.*, Milan, 1897. — МИССИС OLIPHANT: *Makers of Florence*. GODKIN: *The Monastery of San Marco*, Lond., 1901. — G. BIERMANN: *Krit. Studie zur Gesch. des Fra G. Savon.*, Rostock, 1901. — BRIE: *Savon. und d. deutsche Lit.*, Breslau, 1903. — G. BONET-MAURY: *Les Précurseurs de la Réforme et de la liberté de conscience... du XIIe et XIIIe siècle*, Paris, 1904, содержит очерки о Вальде, Бернаре Клервоском, Петре Достопочтенном, святом Франциске, Данте, Савонароле и др. — Романтическое описание Савонаролы можно прочитать в поэме Lenau, *Savonarola*, 1844, тж. Geo. Eliot в *Romola* и в трагедии Alfred Austin, *Savonarola*, Lond., 1881, с длинным предисловием, в котором проводится неуместная, если не сказать кощунственная, параллель между флорентийским проповедником и Христом.

К §78. См. цитаты в примечаниях.

- К §79. G. UHLHORN: *Die christl. Liebesthätigkeit im MA*, Stuttg., 1884. — P. A. THIEJM: *Gesch. d. Wohltätigkeitsanstalten in Belgien*, etc., Freib., 1887. — L. LALLEMAND: *Hist. de la charité*, 3 vols., Paris, 1906. Том III освещает период X — XVI веков. — T. KOLDE: ст. *Bruderschaften* в Herzog, III. 434-441. — A. BLAIZE: *Des monts-de-piété et des banques de prêt sur gage*, Paris, 1856. — H. HOLZAPFEL: *D. Anfänge d. montes pietatis 1462 — 1515*, Munich, 1903. — TOULMIN SMITH: *Engl. Gilds*, Lond., 1870. — THOROLD ROGERS: *Work and Wages*, ch. XI sqq. — W. CUNNINGHAM: *Growth of Engl. Industry and Commerce*, bk. II, ch. III. sqq. — LECKY: *Hist. of Europ. Morals*, II. — STUBBS: *Const. Hist.*, ch. XXI. — W. VON HEYD: *Gesch. d. Levanten-handels im MA*, 2 vols., Stuttg., 1879. — Ст. *Aussatz* и *Zins u. Wucher* в Wetzer-Welte, I. 1706 sqq., XII. 1963-1975. — JANSSEN-PASTOR, I. 451 sqq. — PASTOR: *Gesch. d. Päpste*, III.
- К §80. Источники — Фома Аквинат, папские буллы об индульгенциях, произведения Виклифа, Гуса, Весселя, Иоанна из Пальтца, Иакова из Ютербока и др. Много материала приводится в W. KÖHLER: *Dokumente zum Ablassstreit*, Tüb., 1902, и в A. SCHULTE: *D. Fugger in Rom*, 2 vols., Leipz., 1904. Т. II содержит документы. — Авторитетный католический труд — FR. BERINGER: *Die Ablässe, ihr Wesen u. Gebrauch*, pp. 860, 64, 13th ed., Paderb., 1906. — Также NIC. PAULUS: *J. Tetzel, der Ablassprediger*, Mainz, 1899. — Лучшие протестантские труды — H. C. LEA: *Hist. of Auric. Conf. and Indulgences in the Lat. Ch.*, 3 vols., Phil., 1896. — T. BRIEGER, ст. *Indulgenzen* в Herzog, IX. 76-94, и Schaff-Herzog, V. 485 sqq., также *D. Wesen d. Ablasses am Ausgange d. MA*, обращение в университете. Бригер обещал более подробно осветить эту тему в книге. — SCHAFF: *Ch. Hist.*, V, I. p. 729 sqq., VI. 146 sqq.

§73. Клер

После 1450 г. клер был более благообразен по части нравственности и образования в сравнении с веком авиньонского пленения и папского раскола. В предыдущую эпоху клирики пали так низко, что невозможно было пасть еще ниже, сохранив при этом хотя бы видимость веры. Одним из здоровых признаков более позднего периода был тот факт, что, в духе истинной веры, Савонарола в Италии и такие люди, как Буш, Томас Мурнер, Гейлер из Страсбурга, Себастьян Брант и аббат-бенедиктинец Тритемий в Германии, осуждали или высмеивали некомпетентность и обмирщенность священников. Картины, которые они рисовали вместе с Эразмом, были довольно мрачными. Однако среди клириков как высших, так и низших уровней было много людей, искренне заботившихся о благополучии народа и подававших пример чистоты поведения.

Первой причиной распушенности клира (ибо клер в целом оставался распушенным) было непомерное требование безбрачия, и нарушение этого требования уже само по себе ослабляло институт священства. Второй причиной был захват знатью прибыльных церковных должностей, которые отдавались детям без учета их моральной и интеллектуальной пригодности. К проблемам, связанным с двумя этими причинами, добавлялись те, которые возникали из-за беззастенчивого обладания несколькими приходами. Рим не оказывал клиру никакой помощи по части сдерживания амбиций. Епископские резиденции Толедо, Констанца, Парижа, Майнца, Кельна и Кентербери никак не могли служить примером семейного и религиозного порядка, поскольку в жизни высших чинов христианского мира творилось то же самое, что в новеллах Боккаччо.

Серьезные обсуждения поведения клириков на соборах в Констанце и Базеле выявили болезнь, но не нашли лекарства от нее. Кардинал Дзабарелла и Жерсон предложили даже разрешить клиру вступать в брак, если все попытки заставить священников отказаться от наложниц окажутся тщетными¹¹⁵⁰. В программе ре-

¹¹⁵⁰ Lea, *Cler. Celibacy*, II. 25. Gerson, *Dial. naturae et sophiae de castitate ecclesiasticorum*. Du Pin ed., II. 617-636.

формы церкви, предложенной Сигизмундом в Базеле, предполагалась такая уступка, и Пий II, один из участников этого синода, объявил, что причины для восстановления права на брак для священников в эти дни более веские, чем те, по которым он был запрещен в прошлые века. Необходимость ослабления строгого правила признается в указах Евгения IV (1441) и Александра VI (1496), которые освободили некоторые воинствующие ордена от обета безбрачия. То там, то тут священники, подобно Лаллье из Парижа в конце XV века, осмеливались открыто (как Виклиф за век до того) выступать за полную отмену безбрачия, но Сорбонна отказала Лаллье в степени доктора из-за этого предложения.

В Испании попытки синодов и прелатов пресечь аморальное поведение клира не увенчались успехом. Наконец вмешались светские власти. Фердинанд и Изабелла неоднократно выпускали указы против сожительства священников с женщинами (1480, 1491, 1502, 1503). Указы эти насаждались столь энергично, что в некоторых районах клирики жаловались на светских представителей власти, которые вламывались в их дома насильно и уводили их женщин¹¹⁵¹. В своей «Истории испанской инквизиции» доктор Ли посвящает отдельную главу этим просьбам священников. Судя по донесениям епископов, священники часто были неграмотными и даже не знали латыни. Прелаты вели мирской образ жизни и владели несколькими приходами. Доходы епархии Толедо составляли от 80 до 100 тыс. дукатов, и доходы от распределения подчиненных ей приходов составляли еще столько же. Достаточно одного примера, чтобы показать, какого размаха достигло владение несколькими приходами в Испании. Гонсалес де Мендоса, будучи еще ребенком, получил приход Иты. В двенадцать он был архидиаконом Гвадалахары, одного из богатейших бенефициев Испании. Позже он стал епископом Сегуэнсы, а также архиепископом Севильи и Толедо. Гонсалес был доблестным рыцарем, а в 1484 г., когда он вел армию на завоевание Гранады, он взял с собой своего внебрачного сына Родриго, который позже, в присутствии Фердинанда и Изабеллы, вступил в брак с племянницей Фердинанда. В 1476 г., когда освободился пост архиепископа Сарагосы, король Хуан II попросил Сикста IV дать это место его сыну Альфонсо, шестилетнему ребенку. Сикст отказался, но после оживленного спора сохранил добрые отношения с королем, сделав мальчика постоянным управляющим епархии.

Во Франции епископ Анжера в официальном обращении к Карлу VIII (1484) заявил: религиозные ордена так низко пали в нравственном отношении, что стали хуже мирян¹¹⁵². Вот пример сочетания нескольких должностей в одном лице. Иоанн, сын герцога Лотарингии (годы жизни: 1498 — 1550), был назначен помощником епископа Метца (1501), стал полноправным епископом семь лет спустя, а потом, одно за другим, получил епископства Туля (1517), Теруанна (1518), Валенса и Ди (1521), Вердена (1523), Альби (1536) и вскоре Макона, затем Ажена (1541) и Нанта (1542). К этим должностям добавились архиепископства Нарбонна (1524), Реймса (1533) и Лиона (1537). Он владел также не менее чем девятью аббатствами, в том числе Ключи. Он отказался от епархий Вердена и Метца ради своего племянника, но вновь получил их в 1548 г., когда племянник женился на Маргарите д'Эгмонт¹¹⁵³. В 1518 он стал кардиналом. В течение XV века епископами Женевы побывали 10-летний мальчик и юноша 17 лет. Верная Римской

¹¹⁵¹ Lea, *Inq. of Spain*, I. 15 sqq.

¹¹⁵² Другие свидетельства см. в Lea, *Cler. Celibacy*, II. 8 sqq.

¹¹⁵³ См. Lea в *Cambr. Mod. Hist.*, I. 660.

церкви сестра Жанна де Жюсси в XVI веке свидетельствует о распущенности епископов и клира швейцарского города и обвиняет их в прелюбодеяниях¹¹⁵⁴.

В Германии, вследствие усилий мистиков, ситуация в церкви была лучше, но все равно моральные и интеллектуальные недостатки клира были таковы, что католические историки, как и протестантские, сурово их критикуют. Католик Янссен говорит, что «распутство клира немецких соборов, его грубость и невежество вошли в поговорку. От XV века до нас дошло очень много жалоб на безнравственность немецкого клира». Фикер, протестант, говорит о «невероятной безнравственности священников и монахов». Безольд, также протестант, утверждает, что «в XV веке обмирщенность клира достигла предела»¹¹⁵⁵. Современник, Якоб Вимфелинг, вероятно, склонялся к уравновешенной оценке ситуации. Он был строг к клиру, однако говорил о многих превосходных прелатах, канониках и викариях, известных своим благочестием и добрыми делами. Он знал немецкого клирика, который одновременно владел 20 приходами, в том числе 8 должностями каноника. К архиепископству Майнца Альбрехт Гогенцоллерн добавил епархию Гальберштадта и архиепископство Магдебурга. За епархию Майнца он заплатил 30 тыс. гульденов золотом, заняв эти деньги у Футгеров.

Епископов обвиняли в том, что они следуют последней моде в одежде и шьют ее себе из самых роскошных тканей, что они держат лошадей и охотничьих собак, окружают себя слугами и пажам, отрачивают бороды и длинные волосы, носят зеленые и красные туфли и обувь с дырочками, в которые продеты ленты. Их часто видели в кольчугах, шлемах, с мечами. Они фигурировали в списках участников турниров¹¹⁵⁶.

Обычай сохранения высших должностей церкви для аристократов целиком и полностью поддерживался законом. Уже в 1281 г. в Вормсе и в 1294 в Оснабрюке человек не мог стать деканом, если не имел знатного происхождения. Должность епископа и пребенды занимали только благородные лица в Базеле (1474), Аугсбурге (1475), Мюнстере и Падерборне (1480) и Оснабрюке (1517). То же самое правило существовало в Майнце, Гальберштадте, Мейссене, Мерсенбурге и других епархиях. В начале XVI века в Германии для вступления в капитул кандидат должен был доказать, что не менее 16 его предков принимали участие в турнирах, а уже в 1474 г. для вступления в капитул Кельна требовалось, чтобы кандидат назвал 32 знатных представителей своей семьи. Из 228 епископов, по очереди занимавших 32 немецких престола в период с 1400 по 1517 г., только 13 не были знатными. Все восемь человек, владевших престолом Мюнстера в 1419 — 1514 г., были графами или герцогами. То же самое можно сказать и о 10 архиепископах Майнца (1419 — 1514), о 7 епископах Гальберштадта (1407 — 1513) и 5 архиепископах Кельна (1414 — 1515)¹¹⁵⁷. Обычай отдавать высокие посты знати с иронией осуждали Гейлер из Страсбурга и другие современники. Гейлер объявлял, что Германия безумна, раз делает епископами не самых благочестивых и ученых, а лишь тех, кто, «по их словам, принадлежит к благородным семействам». Протестантская Реформация вновь провозгласила демократический характер церковного служения.

¹¹⁵⁴ Цит. в Lindsay: *The Reformation*, II. 90. Об итальянских монастырях Савонарола говорил, что монахини в них хуже блудниц.

¹¹⁵⁵ Janssen, I. 681, 687, 708; Ficker, p. 27; Bezold, pp. 79, 83.

¹¹⁵⁶ См. Hefele-Hergenröther: *Conciliengesch.*, VIII, раздел *Kleidung*, и Butzbach: *Satirae elegiacae*, цит. в Janssen, I. 685 sqq.

¹¹⁵⁷ Janssen (I. 689-696) приводит полный список этих епископов.

Невозможно было ожидать возвышенных идеалов в низших рядах клира, если те, кто занимал высшие посты, получали их не благодаря своему благочестию или личным достижениям, а в награду за свое происхождение. Удивительно, что среди священников низших рангов еще сохранялась истинная вера. Священников было слишком много. В каждой семье по несколько сыновей хотели стать клириками. Часто религии посвящали себя люди, которые из-за своих физических недостатков не могли добиться успеха на мирском поприще. Гейлер из Страсбурга заявляет с негодованием, что, как люди посвящали святому Вельтену больных цыплят, а святому Антонию больных свиней, так они отдавали в священники своих самых неспособных детей.

Как правило, сельские священники в Германии того периода не имели университетского образования. Летописец Феликс Фабер из Ульма в 1490 г. заявлял, что из 1000 священников вряд ли хоть один видел своими глазами университетский город, а бакалавры или магистры были среди них редкостью. Люди этого периода говорили об образованных священниках со вздохом — как о том, что встречалось лишь в «добрые старые времена».

От Альп до Скандинавии священники часто сожительствова­ли с женщинами. В некоторых районах Германии, таких как Саксония, Бавария, Австрия и Тироль, это было всеобщим правилом. Меньше всего таких случаев наблюдалось в Рейнской области. В некоторых местах Швейцарии и других местностях прихожане заставляли молодых священников брать себе наложниц, чтобы обезопасить свои собственные семьи. Двое швейцарских деятелей Реформации, Леон Юд и Буллингер, были сыновьями священников, а Цвингли, выдающийся священник, грешил до того, как начал свою карьеру реформатора. Как говорили в поговорке, подверженность священников позывам их похоти — это турок, которого труднее изгнать, чем турков с Востока.

Мы не можем точно сказать, насколько успешными были сознательные попытки провести реформу монастырей в Германии в последние годы Средневековья. Иоганн Буш самым энергичным образом стремился к этой цели почти пятьдесят лет в Вестфалии, Тюрингии и других областях. То, о чем он рассказывает, звучит почти невероятно. Женские монастыри зачастую были не лучше публичных домов. Иногда знатные люди регулярно посещали их. Рассказывали, что один вельможа, путешествовавший со слугой, остановился на ночь в монастыре. После ужина монахини украсили зал, изящно оделись и развлекали гостя танцами¹¹⁵⁸. Томас Мурнер даже говорит, что женские монастыри превратились в места отдыха знати¹¹⁵⁹. Танцы во время заседания Кельнского рейхстага (1505) открывали архиепископ и аббатиса, а также монахини из монастырей Св. Урсулы и Св. Марии. На это представление смотрел король Максимилиан. Проповедники, такие как Гейлер Страсбургский, предупреждали о моральных опасностях, подстерегающих людей, которые приняли монашеский обет¹¹⁶⁰. Жизнь в мона-

¹¹⁵⁸ Janssen, I. 726. Bezold (p. 83), конечно, заходит слишком далеко, когда называет монастыри университетами самой бесстыдной безнравственности — *Hochschulen der gräuelichsten Unsittlichkeit*.

¹¹⁵⁹ *Sind jetzt allgemein Edelleute Spital* (Janssen, I. 724).

¹¹⁶⁰ *Die jungen Mönchlein*, — говорил он, — *und Nönnlein die du machest, die werden Huren und Buben*. Молодые монахи и монахини становились разбойниками и блудницами. А если вспомнить о непристойном средневековом праве феодала на первую брачную ночь (*jus primae noctis* или, как это называли, *droit de marquetterie*), то священническая знать Южной Франции иногда без стеснения требовала такой же привилегии в своих владениях (Lea, *Celibacy*, I. 441).

стыре стали называть «неизбежным призванием». Времена Реформации приближались, а протесты против аморальности клира и монастырей не прекращались, как видно из произведений Ульриха фон Гуттена и Эразма.

Хотя практика сожительства священников с женщинами не соответствовала канонам, епископы были готовы превратить даже ее в средство получения дохода и обложили ее налогом. В епархии Бамберга за каждого ребенка, рожденного от священника, следовало уплатить налог в 5 гульденов. Говорят, за один-единственный год так была собрана немалая сумма в 1500 гульденов. В 1522 г. подобный налог, в 4 гульдена, принес в казну епископа Констанца 7500 гульденов. В том же году Нюрнбергский рейхстаг жаловался папе на неукротимое беззаконие со стороны молодых священников, которые соблазняют женщин, причем в большинстве епархий налогом облагался уже весь клир независимо от того, содержали священники наложниц или нет¹¹⁶¹. Если учесть эти факты, то Лютер вполне обоснованно призывал монахов и монахинь уходить из монастыря и вступать в брак, когда они оказывались неспособными одержать победу над неподобающими мыслями. С другой стороны, не следует забывать, что никому еще не удалось доказательно обвинить этого деятеля Реформации в чувственных излишествах.

Что касается Англии, нас поражает, как мало создавалось там религиозной литературы в 1450 — 1517 г. в сравнении с Германией¹¹⁶². До нас дошло немного трудов, по которым мы можем судить о состоянии клира. Отчасти мы основываемся на свидетельствах английских гуманистов и деятелей Реформации, отчасти на рассказах о посещении монастырей и об их упразднении при Генрихе VIII. В одном документе, составленном по просьбе Генриха V в Оксфордском университете (1414), говорится о необходимости реформы церкви, а в одной из статей осуждается «нешуточный разврат клира, о который претывается церковь»¹¹⁶³. В середине века (1455) архиепископ Бурше распорядился провести реформу клира — в его документе говорится о браках священников, об их сожительстве с женщинами и о вопиющем невежестве, в котором они иногда уличались. В конце века (1489) архиепископ Мортон изучил моральные нравы монастырей, оказавшиеся неудовлетворительными. Например, древнее аббатство Сент-Албан выродилось настолько, что было немногим лучше публичного дома для монахов. Монахини в двух приориях, подчиненных аббатству, превратились в открытых куртизанок. Лолларды требовали, чтобы священникам разрешили вступать в брак. Когда в 1494 г. Роберт Блакейтер, архиепископ Глазго, привлек к суду 30 лоллардов, одно из основных обвинений против них гласило, будто они утверждали, что в первоапостольской церкви у священников были жены¹¹⁶⁴. В самом конце XV века Колет восклицал: «О сколь отвратительны грехи этих несчастных священников, которых великое множество в наш век, которые не боятся отправляться из объятий скверной блудницы прямо в церковный храм, к алтарю Христову, к таинствам Божиим!»¹¹⁶⁵ В знаменитом трактате «Мольба ни-

¹¹⁶¹ Lea, II. 59.

¹¹⁶² Gee and Hardy (*Documents, etc.*) приводят только два церковных постановления периода с 1402 по 1532 г.

¹¹⁶³ Wilkins, *Concil.*, III. 360-365.

¹¹⁶⁴ Capes (*Engl. Ch. in the 14th and 15th Centt.*, p. 259) говорит, что многие клирики были женаты законным образом.

¹¹⁶⁵ Seeböhm, p. 76. По поводу рассказа Гуттена о визите в Норвич см. Traill: *Social Engl.*, II. 467 sqq. Он приходит к выводу, что «хотя монахи не делали ничего хорошего, но они не делали и вреда». Однако в том же томе (p. 565) см. обвинения против священников Глостера.

щих», написанном накануне британской Реформации, клир обвинялся в том, что не имеет иных серьезных занятий, кроме нарушения мира в семьях и развращения женщин¹¹⁶⁶.

Что касается владения несколькими приходами, то в Англии оно, похоже, было столь же распространено, как и в Германии. Доктор Шербурн, предшественник Колета на посту декана Св. Павла, был примечательным примером такого священника, но в этом отношении его превзошли Мортон и Уолси. Что касается невежества английского клира, то достаточно упомянуть свидетельство епископа Хупера, который во время посещения Глостера (1551) обнаружил, что 168 священников из 311 не способны назвать десять заповедей, 40 священников не знают, где в Писании находится молитва Господня, а 31 священник не может сказать, кто ее произнес¹¹⁶⁷.

В Шотландии состояние клира в период перед Реформацией, вероятно, было таким же плачевным, как и в других районах Западной Европы¹¹⁶⁸. Внебрачный сын Иоанна IV был назначен епископом Сент-Эндрюса в возрасте 16 лет. Внебрачные сыновья Иакова V (1513 — 1542) владели аббатствами Холируд, Кельсо, Сент-Эндрюс, Мелроуз и Колдингем. Епископы открыто сожительствовали с женщинами и выдавали своих дочерей за представителей знати. В брачном контракте старшей дочери кардинала Битона, которая выходила замуж за герцога Крауфорда (1546), кардинал признал ее своей дочерью. Говорят, что ночь, когда его убили, он проводил со своей любовницей Марион Огилви.

Несмотря на упадок монастырских нравов, среди монахов XV века господствовало преувеличенное представление об освящающем воздействии монашеского обета. По свидетельству Лютера, монахи в его время делили христиан на совершенных и несовершенных. К первым относились сами монахи. Их обет считался вторым крещением, которое очищало от всякой скверны, восстанавливало Божий образ в человеке и делало его подобным ангелам. Монастырское начальство Лютера внушало ему, что после принятия обета он становится чист, как младенец. Об этом втором рождении свыше учили святой Бернар и Фома Аквинат. Фома утверждал как вполне возможное, что человек, «вступающий в религию», то есть принимающий монашеский обет, получает отпущение грехов¹¹⁶⁹.

¹¹⁶⁶ Фроуде датирует этот трактат 1528 г. Шестнадцатая жалоба звучит так: «Станет ли женщина трудиться, чтобы заработать 3 пенса в день, в то время как она может получить по меньшей мере 20 пенсов в день за то, что проведет час с монахом или священником? Станет ли женщина работать за 4 пенса в день, если она может получить не менее 12 пенсов, став сводней для священника или монаха?»

¹¹⁶⁷ См. James Gairdner в *Engl. Hist. Rev.*, Jan. 1905.

¹¹⁶⁸ Доктор Туллох говорит в своей книге (*Luther and other Leaders of the Reformation*): «Не было другого места, где клир впал бы в такую вопиющую и мрачную скверну, а римская католическая вера была бы так извращена, как в Шотландии».

¹¹⁶⁹ Бернар в Migne, 182:889, Фома Аквинат, *Summa*, II. 2, q. 189. Denifle (*Luther und Lutherthum*, I. 208) выдвигает против Лютера чудовищное обвинение в сознательной лжи и мошенничестве в связи с его отношением к этому «монашескому крещению». Kolde (*Denifle's Beschimpfung M. Luthers*, Leipzig., 1904, pp. 33-49) доказывает, что Лютер прав. Но в их споре никак не учитывается утверждение, которое делает Joseph Ries (*Das geistliche Leben nach der Lehre d. hl. Bernard*, p. 86): Бернар и церковь считали, что даже вне монастырских стен могут быть совершенные верующие, а в монастырях — люди, находящиеся в несовершенном состоянии.

§74. Проповедь

Двумя ведущими проповедниками Европы в последние 50 лет средних веков были Джироламо Савонарола из Флоренции и Иоганн Гейлер из Страсбурга. В начале XV века Жерсон, вследствие невежества клира, советовал ограничить количество проповедей¹¹⁷⁰, но непосредственно перед Реформацией наблюдалось возвращение к практике проповеди в Германии и движение в этом направлении в Англии. Эразм, ученый-космополит, призывал проповедовать, и призыв этот был услышан во всех частях Западной Европы.

В Германии значение проповеди подчеркивали постановления синодов и гомилические учебники. Здесь можно упомянуть синоды в Эйхштадте (1463), Бамберге (1491), Базеле (1503), Мейссене (1504). В известном «Учебнике искусства проповеди» Сурганта проповедь восхваляется как наилучшее средство для приведения людей к покаянию и для воспламенения христианской любви. Она названа «путем жизни, лестницей добродетели и вратами рая»¹¹⁷¹. Объявлялось, что не прислушаться к словам, произнесенным с кафедры, — такой же грех, как и пролить каплю освященного вина. В пенитенциариях и молитвенных учебниках того времени акцент ставится на обязанности посещать проповеди равно как мессы. Те, кто уходит из церкви до начала проповеди, объявлялись заслуживающими отлучения. В пенитенциарии Вольфа (1478) говорится, что пренебрежение проповедью — это нарушение четвертой заповеди. О важности проповедей свидетельствует следующая легенда. Некий добрый человек встретил дьявола, который нес мешок, где находились банки с мазиями. Показав самую черную банку, дьявол сказал, что пользуется мазью из нее, чтобы обратить людей в сон во время проповеди. А проповедники, продолжал он, этому весьма мешают, и часто одна-единственная проповедь лишает его власти над душами, которые принадлежали ему по 30-40 лет¹¹⁷².

К концу XV века во всех крупных немецких городах и в ряде мелких проповеди читались регулярно¹¹⁷³. Было принято строить кафедры, как в Майнце (1465), Базеле (1469), Страсбурге (1478), Констанце, Аугсбурге, Штутгарте и других городах. Популярны проповедники привлекали большие аудитории. Так было с Гейлером Страсбургским, служение которого продолжалось 30 лет. Говорят, что 10 тыс. человек собрались послушать проповеди босоногого монаха Якоба Мене из Кельна, когда он был во Франкфурте. Люди заглядывали в окна и забирались на орган, чтобы услышать его. Мене обычно проповедовал в 7-8 часов утра, а потом после обеда. Однажды в страстную пятницу он проповедовал пять часов, с трех до восьми вечера. По словам Лютера, города рады были уплатить странствующим монахам 100 гульденов за серию проповедей в честь великого поста.

Другим признаком возросшего интереса к проповедям служат гомилические энциклопедии того времени, в которых были собраны материалы из Библии, из отцов церкви, из классических авторов, а также из области сказок и преда-

¹¹⁷⁰ *Contra vanam curiositatem*, Du Pin ed., 1728, I. 106 sqq.

¹¹⁷¹ *Manuale curatorum predicandi praebens modum* (1503), цит. в Janssen, I. 38.

¹¹⁷² Wolff и Augsburger, *Beichtbüchlein*, ed. Falk, pp. 78, 87; *Gute Vermaninge*, ed. Bahlmann, p. 78; Николас Рум из Ростока, цит. в Janssen, I. 39. *Der Spiegel des Sünders* (ок. 1470). См. также Geffcken, p. 69. *Seelentrost*, 1483, etc.

¹¹⁷³ Cruel (pp. 647, 652) завершает рассказ о немецкой проповеди средних веков выводом, что следует отказаться от старого представления о скудости проповедей в Германии XV века. Сегодня с мнением Круза соглашается большинство протестантских авторов.

ний. Сюда следует добавить *plenaria*, сборники из евангелий и посланий с глоссами и комментариями. *Plenarium* Гильерма, профессора из Парижа, до 1500 г. выдержал 75 изданий. Издавались также сборники образцовых проповедей. Некоторые из них были широко распространены. Сборник Иоганна Найдера (ум. в 1439) выдержал 17 изданий. Тексты у него были поделены на три раздела. Сборник францисканца Иоганна из Вердена (ум. в Кельне ок. 1450) издавался 25 раз. Книга Иоганна Герольта «Проповеди ученика» (*Sermones discipuli*) была издана до 1500 г. 41 раз; подсчитано, что она была распространена в количестве не менее 40 тыс. экземпляров¹¹⁷⁴. Один из самых популярных сборников назывался *Parati sermones* («Проповеди готового человека»), он был анонимным. Его заглавие основано на 1 Петра 4:6, «готов (*paratus*) судить живых и мертвых», и Пс. 118:60: «спешил [был готов] и не медлил соблюдать заповеди Твои». Комментируя слова «Итак, не будьте нерассудительны, но познавайте, что есть воля Божия»¹¹⁷⁵, автор говорит, что такой мудрости учат нас животные. 1. Лев замечает хвостом свои следы, чтобы охотник не выследил его. Так и мы должны покаянием устранять следы своих грехов, чтобы нас не поймал дьявол. 2. Змея закрывает оба уха, чтобы противостоять обольщению, одно — хвостом, другое — прижимая к земле. Так и мы не должны слушать дьявола, думая о смерти и вечности. 3. У муравья мы должны учиться трудолюбию, заботе о будущем. 4. Есть рыба, которая прилипает к скалам во время шторма. Так и мы должны держаться Камня, Иисуса Христа, думая о Его страстях и спасаясь тем самым от бушующих волн мира сего. Подобными материалами доказывалось пробуждение гомилетического инстинкта: проповедники старались привлечь внимание народа и поделиться с людьми библейской истиной.

Речи немецких проповедников XV века писались то на латыни, то на немецком языке. Самыми знаменитыми латинскими проповедниками были Габриэль Биэль (проповедник из Майнца, а затем профессор в Тюбингене, ум. в 1495) и Якоб Ютербок (1383 — 1465, картузианский приор из Эрфурта и профессор в тамошнем университете)¹¹⁷⁶. Среди известных проповедников, которые выступали на немецком языке, были уже упомянутый Иоганн Герольт из Базеля, францисканец Иоганн Гритч, проповеди которого выдержали 26 изданий до 1500 г., францисканец Иоганн Медер из Базеля, чьи речи о блудном сыне на великий пост 1494 г. были изданы 36 раз, и Ульрих Крафт, пастор из Ульма (1500 — 1516), автор двух книг — «Духовная битва» и «Ноев ковчег».

Более знаменит, чем другие, был Гейлер из Страсбурга, обычно называемый по месту рождения его отца Гейлером из Кайзерсберга {фон Кайзерсберг}. Он родился в Шаффхаузене (1445) и умер в Страсбурге (1510). Гейлер и его предшественник Бертольд из Регенсбурга прославились как самые влиятельные проповедники средневековой Германии. Более четверти века он выступал на кафедре страсбургского собора и был главным из проповедников севера. Он учился в университетах Фрейбурга и Базеля, потом стал профессором в Фрейбурге (1476). Проповеди быстро сделали его известным. Его позвали проповедовать в Страсбург, и он согласился, договорившись выступать каждое воскресенье и по всем

¹¹⁷⁴ Jannsen, I:43.

¹¹⁷⁵ Еф. 5:17. — *Прим. изд.*

¹¹⁷⁶ Ullman (*Reformers, etc.*, I. 229 sqq.) относит Ютербока к реформаторам до Реформации — в основном из-за его трактата *De septem ecclesiae statibus*.

праздникам и дням поста. Он перестал проповедовать за два месяца до смерти и был похоронен в соборе, в котором звучали его проповеди¹¹⁷⁸.

«Страсбургский глашатай», как называли Гейлера, прославился выступлениями в защиту моральных и социальных реформ. Он не выступал за изменения в учении. Когда в 1500 г. его призвали объяснить его публичное заявление о том, что городские советники «все от дьявола», он выпустил 21 статью с требованием запретить азартные игры, закрыть питейные заведения, соблюдать субботу и праздничные дни, заботиться о госпиталях и ограничивать попрошайничество монахов.

Он был народным проповедником. Он то развлекал, то поражал слушателей анекдотами, игрой слов, описаниями, притчами, остроумными фразами, юмором и сарказмом¹¹⁷⁹. Он выступал против народных безумств и моды, критиковал священников, «многие из которых ни разу в жизни не совершали мессу», а также монастыри, где «нельзя было найти ни веры, ни добродетели и царил распущенный, похотливый, греховный и полный всяческого легкомыслия образ жизни»¹¹⁸⁰. Он вполне поддерживал средневековые суеверия. Он твердо верил в астрологию, призраков и ведьм.

Стиль Гейлера может показаться грубым в наши времена хорошего тона, но в то время он был вполне уместен. Его слушали все слои общества. Максимилиан пришел послушать Гейлера, когда приехал в Страсбург. И всем было совершенно ясно, о чем именно говорит проповедник. В цикле из 65 проповедей о страстях он развил сравнение между Христом и имбирным пирогом — немецким *Lebkuchen*. Христос состоит из бобов, принимаемых в пищу для обретения божественности, фруктов, принимаемых в пищу для тела, и пшеницы, принимаемой в пищу для души. К этим составляющим добавляется мед милосердия. Все это попадает в печь страдания, делится священниками на много частей и раздается народу. В других проповедях он сравнивал совершенных христиан с колбасами.

В семи наиболее любопытных проповедях о *Der Hase im Pfeffer* (идиоматическое выражение со значением «где собака зарыта»), основанных на Пр. 30:26, «Кролики¹¹⁸¹ — народ слабый», он проводит 14 сравнений между кроликом и добрым христианином. По холму кролик лучше бежит вверх, чем вниз. Так должен поступать и добрый христианин. У кролика длинные уши. Так должно быть и у христианина, особенно у монаха, чтобы слышать то, что говорит Бог. Кролика надо поджаривать. Христианин также должен пройти через горнило испытаний. Кролик — худосочный зверек, его надо готовить с салом. Так и христианин должен окружить себя любовью и верой, чтобы не обжечься в горниле. В 64 речах, произнесенных за два года до смерти, Гейлер представил духовные уроки, которые мы можем получить у муравьев. В другой серии он говорил о 25 грехах языка. В 20 проповедях для деловых людей он описал шесть рыночных

¹¹⁷⁸ Биографии Гейлера написали аббат L. Dacheux, 1876, и Lindemann, 1877. Более ранние биографии Беата Ренана и др. см. в Lorenzi, I. 1. Проповеди Гейлера издавали Dacheux, *Die ältesten Schriften G.'s*, Freib., 1882, и Ph. de Lorenzi, 4 vols., Treves, 1881 — 1883, с жизнеописанием. См. также Cruel, *Deutsche Predigt*, pp. 538-576; H. Hering: *Lehrbuch der Homiletik*, p. 81 sq., и Kawerau, в Herzog, VI. 427-432, Janssen, I. 136 sqq.

¹¹⁷⁹ Замечательный пример игры слов — использование им слова *Affe*, «обезьяна», по отношению к десяти разновидностям уловок дьявола. См. Cruel, p. 543. Слово «епископ», *Bischof*, он объявлял происходящим от *Beiss-schaf*, «кусать овец», так как прелаты скорее питались за счет паствы, чем пасли ее.

¹¹⁸⁰ Kawerau, VI. 428.

¹¹⁸¹ *Синод*. «горные мыши». — *Прим. изд.*

дней, а дьявола изобразил как корабейника, разносящего свои товары. Он прочитал 17 проповедей про льва, царя зверей, рассматриваемого по очереди как символ доброго человека, мирского человека, Христа и дьявола. Двенадцать из этих проповедей касались коварной деятельности дьявола. Серия о Человеческом Древе включала в себя не менее 163 проповедей, которые читались с начала великого поста 1495 г. по конец великого поста 1496 г.

В последние два года XV века Гейлер произнес 111 гомилий по «Кораблю дураков» Себастьяна Бранта (*Narren-schiff*), все на основании Ек. 1:15 по тексту Вульгаты, где написано: «Дураков нет числа». По просьбе Гейлера Бранта перевели в Страсбург из Базеля, где он был профессором. В его знаменитом труде безумства того времени описаны в помощь образа корабля дураков — крупнейшего транспортного средства, известного автору. Брант с чувством юмора помещает себя в кресло председателя собрания, а остальные дураки собираются перед ним. Он сам выступает в роли дурака из книги. Помимо прочих безумств, им раскритикованных, можно упомянуть действия нищенствующих орденов, торговлю реликвиями и индульгенциями, умножение бенефициев в руках одного лица¹¹⁸². Гомилии Гейлера в плане чувства юмора не уступают поэзии Бранта. Оба были близки к жизни. Ни один проповедник средних веков не сохранял популярность так долго, как Гейлер из Страсбурга, и ни один популярный поэт, даже Вилл Лангланд, не был более востребован массами, чем Себастьян Брант.

В этот период было принято проповедовать в нефе церкви, а не с хоров. Проповедники отмеряли время своей проповеди с помощью песочных часов, как позже стали делать в Новой Англии¹¹⁸³. Иногда проповеди были слишком длинными. Герхард Гроот во время великого поста проповедовал даже по три часа, а некоторые из выступлений Иоганна Гронде продолжались по шесть часов. К счастью, он делил их на две части, с коротким перерывом, что было, как мы предполагаем, полезно и для проповедника, и для слушателей. Гейлер, который сначала был склонен проповедовать, не обращая внимания на время, позже стал ограничивать свои проповеди одним часом.

Критика, которой проповедники подвергали обычаи того времени, показывает, что человеческая натура была в основном такой же, как сейчас, и что не следует считать тот век «добрыми старыми временами». В проповедях высмеивались самые разнообразные привычки. Там говорится о пьянстве и обжорстве, о танцах и об уличных комедиях, об одежде женщин и о праздности сыновей из богатых семейств, о ростовщичестве и о показных посещениях церкви. Вновь и вновь Гейлер из Страсбурга возвращался к ленивым сыновьям богачей, которые устраивали ссоры и причиняли вред окружающим, одевались более нелепо, чем женщины, «считали себя значительными персонами, потому что их отцы были богаты». Он особо говорил о женщинах и их украшениях. Он осуждал их пояса, шелковые или расшитые золотом, которые иногда стоили по 40-50 гульденов, их накладные бюсты и роскошные гардеробы, позволявшие переодеваться два раза в течение дня и надевать третье платье вечером, на танцы или представление. Он выступал против их длинных волос, распущенных и украшенных лентами, и маленьких шляп, какие носили мужчины. Предостерегая от опасности, он приводил в пример Авессалома и Олоферна — первый запутался волосами в ветвях

¹¹⁸² См. Lorenzi, II. 1-321.

¹¹⁸³ Cruel, цит. Surgent, p. 635. Эразм (в *Praise of Folly*, p. 95) говорит о проповеднике, который «тратил песок в своих часах на рассказывание забавных историй».

дерева, а второй был ослеплен украшениями Иудифи. Гейлер призывал городские власти прийти на помощь обществу и проповеднику и принять законы против этого зла¹¹⁸⁴.

Другой проповедник, Холлен, осуждал длинные шлейфы, которые носили женщины, словно «обоз дьявола», ибо ни у людей, ни у ангелов хвостов нет, они есть только у бесов. Что касается танцев, особенно в кругу, то такими развлечениями руководил дьявол: чем выше подпрыгивают танцоры, тем глубже они упадут в ад, и чем крепче они держат друг друга за руки, тем теснее будут узы дьявола, которыми они окажутся скованы. Танцы представлялись проповедникам весьма развратным занятием.

Эразм, высмеивая проповеди своего времени, говорил о невежестве проповедников, об их неуклюжих вступлениях, о неоправданном использовании разного рода историй, старушечьих басен и фривольных тем (*aniles fabulae et questiones frivolaе*). Знаменитый отрывок, в котором великий ученый пренебрежительно отзывается о проповедях монахов, начинается так:

Все их проповеди — просто театральные представления, смешные и забавные. Благый Господь! Как они жестикулируют! Как возвышают и понижают голос! Какие интонации, какие крики, какое пение, какие возгласы, какие гримасы, как они кривят рты и строят рожи, искажая свою наружность! И это свое ораторское искусство они передают из поколения в поколение, как тайну избранных!¹¹⁸⁵

Эразм заслуживает похвалы за то, что распознал потребность времени. Он выступал за возрождение проповеди и миссионерство проповедников среди языческих народов. Его взгляды изложены в «Екклесиасте», или «Проповеднике», — труде, написанном во фрейбургский период и занимающем 275 страниц¹¹⁸⁶, каждая из которых в два раза больше страниц данной книги. Главной задачей проповеди объявляется наставление. Каждый проповедник — глашатай Христа, Который Сам был великим проповедником. Задача проповедника более возвышенна, чем королевская. «Среди даров Духа нет дара более благородного и благотворного, чем проповедь. Распространять небесную философию и быть вестником Божьей воли — вот самая главная задача церкви». Это вполне соответствует уважению Эразма к должности учителя. Он прославляет назидательный аспект проповеди. В послании к Сапиду (1516) он говорит: «Быть учителем значит быть следующим по значению лицом после царя»¹¹⁸⁷.

Об английской кафедре мы можем сказать немного. Проповеди произносились в Сент-Пол-Кросс и в других местах, но у нас нет свидетельств о том, что это была распространенная практика. В Англии не издавались сборники проповедей. Колет — единственный английский проповедник XV века, чья деятельность имеет историческое значение. Наставление Ламбетского синода 1281 г., обращенное к священникам и требующее от них обучать народ, было практически единственным обращением такого рода. В 1466 г. архиепископ Йорка Невилл лишь повторил это наставление.

В Шотландии история проповеди начинается с Нокса. Доктор Блэйки замечает, что за три века, предшествовавших Реформации, в Шотландии вряд ли най-

¹¹⁸⁴ См. главу Круэла о полемике в проповедях (pp. 617-629 и Janssen, I. 440 sqq.). Проповедник из Ульма Иоанн Капистрано (ок. 1450) был помещен олдерменами под стражу за то, что слишком пылко осуждал господствовавшее в одежде роскошество и другие сомнительные обычаи общества.

¹¹⁸⁵ *Praise of Folly*, 141 sqq.

¹¹⁸⁶ Basel, ed. 1540, pp. 643-917.

¹¹⁸⁷ Nichols, *Erasmus' Letters*, II. 235.

дется хоть одна христианская проповедь, достойная упоминания. В этой стране не было ни Виклифа, ни Ансельма¹¹⁸⁸. Гамильтон и Вишарт, непосредственные предшественники Нокса, были мирянами.

Аббат доктор Гаске в главе о забытом английском проповеднике (см. *Old Eng. Bible and other Essays*) приводит выдержки из рукописной проповеди Томаса Брантона, епископа Рочестера (1372 — 1389). Доктор Гаске говорит, что мы очень мало знаем о средневековой проповеди в Англии, а потом (р. 54) замечает, что, возможно, это и к лучшему, поскольку проповеди были скучными и их следовало терпеть как необходимое зло. В главе об обучении и проповеди (*Eve of the Reformation*, pp. 244-284) он возвращается к этой теме, но сама глава наилучшим образом свидетельствует о литературном бесплодии Английской церкви в последние годы Средневековья, а также о скудости проповедей и общественного образования. Большую часть главы (pp. 254-280) занимают цитаты из сэра Томаса Мора, из трактата *Dives et Pauper* и других трактатов, показывающие, что учение о поклонении образам и святым не преподавалось в его вульгарной форме, а миракли были полезны как средство популярного религиозного обучения. Доктор Гаске ставит акцент на «простом наставлении», которое обеспечивалось английским священством в средние века в противовес формальным проповедям, которые, как он заявляет, «вероятно, были не так уж и часты, как в наше время». Он делает поразительно утверждение (р. 245), будто религиозное обучение как средство общественного и морального усовершенствования не было одной из первостепенных задач Реформации. Однако усилия Лютера, Кальвина и Нокса, желавших учредить школы во всех деревнях, и содержание катехизисов, которые подготовили и в большом количестве выпустили их коллеги-реформаторы, начисто опровергают этот домысел. А как сбросить со счетов их постоянные проповеди? Лютер проповедовал изо дня в день. Одним из первых признаков Реформации в Женеве было открытие Сен-Пьера и Сен-Жервеа для ежедневной проповеди. Кальвин включил учителей в состав членов правительства.

§75. Вероучительные реформы

В северо-западной Германии появилась группа богословов, которые, с одной стороны, территориально и по образованию были тесно связаны с братьями общинной жизни, а с другой, предвосхищали грядущий век, предлагая реформу вероучения. Из-за этой последней причины Иоганн Гох, Иоганн Везель и Вессель из Гансфорта по праву причислялись, наряду с Виклифом и Гусом, к реформаторам до Реформации¹¹⁸⁹. Эразм не занимает места рядом с ними, так как в искренности его сатиры, направленной против церемоний и положения церкви, всегда сомневались. Савонарола не предлагал вероучительных изменений. Среди новых взглядов, привнесенных кем-то одним или всеми тремя этими людьми, были постулаты о высшем авторитете Писания, о способности папы ошибаться, о достаточности Божьей благодати для спасения независимо от посредничества священника, о различии между видимой и невидимой церковью. Но, если бы не случилось протестантской Реформации, вряд ли кто-нибудь, кроме современников, услышал бы их голоса.

Иоганн Пуппер (1400 — 1475), обычно называемый Иоганном Гохом или Иоганном из Гоха по месту рождения, деревушке в низовьях Рейна недалеко от Клеве, похоже, учился в одной из школ братьев общинной жизни, а потом в Кельне и, возможно, в Париже. Он основал августинскую обитель близ Мехельна

¹¹⁸⁸ W. G. Blaikie: *The Preachers of Scotland*, p. 36.

¹¹⁸⁹ Этой группе посвящен примечательный труд (Ullmann, *The Reformers before the Reformation*), опубликованный в 1841 г. Автор, вслед за Флацием, Уолшем и другими учеными, причислял их к предтечам Реформации. Hase (*Kirchengesch.*, II. 551), Köstlin (*Leben Luthers*, I. 18), Funk (p. 382) и другие придерживаются этой классификации. Loofs (*Dogmengesch.*, p. 658) отстаивает другую точку зрения. Он говорит, что «они не были реформаторами до Реформации, однако их пример свидетельствует, что в последние годы средних веков подготовка к Реформации велась не только методом от противного». Janssen (I. 745) считает их последователями Гуса.

и оставался ее главой до самой смерти. Его произведения были опубликованы только после начала Реформации. Он предвосхитил это движение, говоря о высшем авторитете Библии. Он заявлял о необходимости принимать отцов церкви лишь в той мере, в какой они следуют каноническому Писанию. В отличие от трудов философов и схоластов, Библия для него — книга жизни, тогда как труды философов и схоластов — книги смерти¹¹⁹⁰. Он также сомневался в заслуге монашеских обетов и не находил большой разницы между высшей и низшей моралью, на чем ставило акцент монашество. То, что включено в высшую мораль, доступно всем христианам, а не является исключительной собственностью монахов. Он отвергал католическое мнение об оправдании, но не сформулировал четкой евангельской теории¹¹⁹¹.

Иоганн Рухрат фон Везель (ум. в 1481) выступал против иерархии и индульгенций. На суде его обвиняли в том, что он ставил под сомнение практически все явно католические учения. Он родился в Обервезеле на Рейне, между Майнцем и Кобленцем. Он преподавал в Эрфуртском университете, а в 1458 г. был избран вице-ректором. Лютер свидетельствовал о его влиянии, говоря: «Я помню, как магистр Иоанн Везалия руководил Эрфуртским университетом, создавая труды, благодаря изучению которых я также стал магистром»¹¹⁹². Покинув Эрфурт, он был профессором в Базеле и кафедральным проповедником в Майнце и Вормсе.

В 1479 г. Везель, по обвинению в ереси, предстал перед инквизицией Майнца¹¹⁹³. Помимо прочего, его обвиняли за утверждение, что Писание — это единственный достойный доверия авторитетный источник, что имена предопределенных ко спасению записаны в книге жизни и не могут быть стерты оттуда церковными анафемами, что от индульгенций нет никакого прока, что Христу не угодны посты, паломничества и целибат священников, что тело Христа может пребывать в хлебе без изменения сущности последнего, что папам и соборам не надо повиноваться, когда их решения не соответствуют Писанию, что избранные Богом спасаются независимо от папы и священников и что все, кто имеет веру, будут наслаждаться блаженством в той же мере, что и прелаты. Везель также проводил разграничение между видимой и невидимой церковью и определял церковь как собрание верующих, объединенных любовью (*collectio omnium fidelium caritate copulatum*). На суде его обвиняли в общении с гуситами. По части исторической критики он опережал свою эпоху. Он сомневался в некоторых положениях Афанасьевского символа веры, не признавал, что термин «католический» применим к Апостольскому символу веры, и считал добавление *filioque* к символу веры («и от Сына») неоправданным. Учения об индульгенциях и о накоплении заслуг он называл не соответствующим Писанию благочестивым вымыслом. Избранные спасены исключительно благодатью Божьей (*sola Dei gratia salvantur electi*).

¹¹⁹⁰ Иоганн писал: *Sola scriptura canonica fidem indubiam et irrefragabilem habet auctoritatem*. Автор в Wetzer-Welte признает, что он с пренебрежением относился к схоластам в целом и к Фоме Аквинату в частности. В одном месте Иоганн называет Фому «князем заблуждения» (*princeps erroris*).

¹¹⁹¹ Ullmann (I. 91, 149 sqq.) утверждает, что Иоганн уже говорил об оправдании одной лишь верой. Клеман и автор в Wetzer-Welte считают иначе. Уолш (цит. в Ullmann, p. 150) приводит несколько пунктов, в которых Иоганн из Гоха предвосхитил Реформацию.

¹¹⁹² Католические авторы (такие как Funk, p. 390, Wetzer-Welte и Janssen, I. 746) говорят о Везеле как об одном из лжеучителей средних веков и находят много учений Реформации в его трудах.

¹¹⁹³ Подробный рассказ о суде см. в Ullman, I. 383-405.

По просьбе Дитера из Изенбурга, архиепископа Майнца, университеты Кельна и Гейдельберга отправили своих представителей на суд над ним. Обвиняемый был уже пожилым человеком, и, стоя перед судом, он опирался на посох. У него не было сил настаивать на своих «еретических» заявлениях, а потому он согласился подчиниться «матери церкви и учениям докторов». Последовало публичное отречение в соборе. Его книги были сожжены¹¹⁹⁴. Этого оказалось недостаточно для искупления его вины, и его приговорили к пожизненному заключению в августинском монастыре Майнца, где он и умер.

Среди засвидетельствованных на суде высказываний Везеля, которые показались богохульством ревностным церковным деятелям того времени, можно упомянуть следующие. «Освященный елей не лучше, чем то масло, на котором пекут пироги на кухне». «Если ты голоден, ешь. Можно съесть жирного каплуна в пятницу». «Даже если Петр и ввел пост, он сделал это лишь для того, чтобы подороже продавать свою рыбу в постные дни». Каким-то монахам он сказал: «Не религия (то есть не монашеский обет) спасает, а Божья благодать» (*religio nullum salvat sed gratia Dei*).

Еще ближе к позиции реформаторов подошел Вессель Гансфорт (обычно называемый Иоганном Весселем¹¹⁹⁵), родившийся в Гронингене в 1420 г. и умерший в 1489 г. В своем предисловии к произведениям Весселя (1522) Лютер писал: «Если бы я читал Весселя раньше, мои враги говорили бы, что Лютер взял все у Весселя, — настолько похожи наши мысли». Вессель посещал школу в Цволле, где встретил Фому Кемпийского из соседнего монастыря с горы Св. Агнессы. Рассказывают, что, когда Фома стал говорить с Весселем о Деве, Вессель ответил: «Отец, почему бы тебе не поговорить со мной о Христе, ведь именно Он призывает к Себе обремененных грехами людей?» Вессель продолжил образование в Кельне, где изучал греческий и еврейский, в Гейдельберге и Париже. Его звали в Гейдельберг преподавать, но он отказался. В 1470 г. он был в Риме. Рассказывают, что, когда Сикст IV пригласил его последовать распространенному обычаю посетителей Ватикана и подать прошение, немецкий ученый ответил, что хотел бы получить еврейскую или греческую рукопись Библии из Ватиканской библиотеки. Папа со смехом сказал: «Почему же ты не просишь о епископском месте, неразумный?» И Вессель ответил: «Потому что оно мне не нужно».

Какое-то время Вессель провел в Базеле, где встретился с Рейхлином. В 1473 г. епископ Утрехта писал Весселю о распространившихся намерениях лишить его жизни и звал обратно в Голландию. Последние годы, начиная с 1474, Вессель провел с братьями общинной жизни на горе Св. Агнессы и в женском монастыре в Гронингене. Там же, в месте своего рождения, он и похоронен. Его последние слова были: «Я не знаю никого, кроме Иисуса Христа Распятого».

Вессель славился своей великой ученостью. Он избежал суда инквизиции, но после смерти его яростно раскритиковал за трактат об индульгенциях Якоб Хек, декан Наальдвика. Ни одно из произведений Весселя не было опубликовано до начала Реформации. Хотя он не сформулировал учения об оправдании верой, он объявлял, что папы и соборы могут заблуждаться, и определял церковь как сообщество верующих. Церковь получает свое единство не от папы (*unitas eccle-*

¹¹⁹⁴ Во время суда Везель признал своими следующие произведения: 1. *Super modo obligationis legum humanarum ad quemdam Nicolaum de Bohemia*. 2. *De potestate actus*. 3. *De jeuniis*. 4. *De indulgentiis*.

¹¹⁹⁵ Его имя, Иоганн, оспаривается Муурлингом и в Wetzter-Welte, а Паулюс доказывает, что оно ошибочно. Гансфорт, или Гезеворт, — название селения, откуда происходила его семья.

siae sub uno papa tantum accidentalis est, adeo ut non sit necessaria). Он подчеркивал важность веры принимающего причастие или, даже скорее, его жажды получить причастие, однако он не отрицал ценности жертвоприношения мессы и причастия. Он считал, что отпущение грехов священником не имеет судебной силы¹¹⁹⁶. Такой вещи, как сверхдолжная заслуга, не существует, потому что каждый обязан делать все, что может. А делать меньше — значит грешить. Ключи от неба принадлежат всем верующим. Полное отпущение грехов — отвратительный вымысел папства ради пополнения казны.

В 1522 г. голландский юрист ван Хоэн вместе с другими жителями Нидерландов послал Лютеру копии некоторых трудов Весселя¹¹⁹⁷, и в предисловии к их виттенбергскому изданию Реформатор написал, что раньше он, подобно Илии в древности, считал себя единственным Божиим пророком, оставшимся на земле, но оказалось, что у Бога были и тайные пророки, такие как Вессель.

Эти три немецких богослова, Гох, Везель и Вессель, медленно двигались к возрождению учений об истинной церкви и об оправдании одной лишь верой во Христа. Сами того не зная, они стояли на пороге Реформации.

§76. Джироламо Савонарола

Ecce gladius Domini super terram cito et velociter.

В последнем десятилетии XV века Флоренция, похоже, превращалась в образцовый город, в идеал христианской морали, в теократию, правителем которой признавался Христос. Главным деятелем этого движения был Джироламо Савонарола, приор доминиканского монастыря Св. Марка, самый влиятельный проповедник средних веков и один из самых знаменитых проповедников праведности со времен апостола Павла. На фоне сумеречного морального состояния своего поколения он светится как простирающееся по небосводу полыхание северного сияния, таинственное и впечатляющее, но быстро исчезающее. Его лозунгом был возглас пророка: «Кто выдержит день пришествия Его и кто устоит, когда Он явится?»

Савонарола, родившийся в Ферраре 21 сентября 1452 г., умер во Флоренции 23 мая 1498 г. Он был третьим из семи детей. Он выбрал профессию своего деда и стал изучать медицину, но потом отказался от этого занятия, угнетенный развращенностью общества и отчаянием от нежелания главы семейства Строцци, живущих в Ферраре, отдать ему в жены свою дочь. В возрасте 23 лет он тайно покинул отчий дом и отправился в Болонью, где принял облачение доминиканца. Через два дня после прибытия в Болонью он писал отцу, объясняя причину внезапного отъезда:

Я не мог более выносить развращенность ослепленного народа Италии. Повсюду я видел, как добродетель попирают, а порок возвеличивают и прославляют. Со всей страстью моего сердца я ежедневно возносил краткую молитву Богу, чтобы Он вывел меня из этой юдоли скорбей. «Открой мне путь, — восклицал я, — путь, по которому я должен идти, чтобы душа моя вознеслась к Тебе!» — и Бог в Своей безграничной милости показал мне путь, хотя я и недостоин такой исключительной благодати¹¹⁹⁸.

¹¹⁹⁶ См. Ritschl, *The Christian Doctr. of Justification and Reconciliation*. Edinb. ed., p. 481 sq.

¹¹⁹⁷ В письме, сопровождающем дар, Хоний писал: слова «Сие есть тело Мое» означают, что хлеб представляет Его тело. Ответ Лютера см. в Köstlin, *Luthers Leben*, I. 701. О более поздних изданиях трудов Весселя см. в Doedes, pp. 435, 442. Doedes (*Studien u. Kritiken*, 1870, p. 409) спрашивает: «Кто еще во второй половине XV века обладал такой искренней верой и таким евангельским знанием, как этот человек, постоянно учившийся у Господа Иисуса Христа, и ни у кого другого?»

Он просил отца утешить мать и указывал ему на свое стихотворение о презрении к миру, оставленное им среди бумаг. Из этого письма и нескольких писем к матери, которые до нас дошли, видна привязанность молодого монаха к родителям, братьям и сестрам.

В монастыре Савонарола изучал Августина и Фому Аквината, а также Писание, части которого он запомнил наизусть. Во Флоренции сохранилось два экземпляра Библии со многочисленными собственноручными заметками Савонаролы на полях, между строками и на дополнительных листах¹¹⁹⁹. Назначенный настоятелем, он говорил о важности изучения Библии на еврейском и греческом языке.

В 1481 г. он был послан во Флоренцию, где вступил в монастырь Св. Марка. Монастырь был восстановлен Козимо Медичи. Его стены расписал Фра Анджелико. К моменту прибытия Савонаролы город под блестящим покровительством Лоренцо Великолепного достиг вершины своей славы и как центр культуры, и как центр легкомысленных развлечений.

Первые попытки молодого монаха создать во Флоренции кафедру не увенчались успехом. В Сан-Лоренцо на его проповедях в честь великого поста присутствовало всего 25 человек. Народ предпочитал Фра Мариано да Дженадзано, августинца. Первая известность пришла к доминиканцу после проповедей в честь великого поста 1486 г., которые он читал в Брешии по книге Откровение. Он нарисовал в воображении слушателей сцену, как один из 24 старцев поднимается и осуждает город за его грехи. В 1489 г. Лоренцо вновь пригласил Савонаролу во Флоренцию по предложению Пико делла Мирандола, который слышал красноречивое выступление Савонаролы в Редджио. В следующие девять лет жизни Савонарола нес активное служение в городе на Арно. Наряду с Екатериной Сиенской он прославился как один из благочестивейших людей, когда-либо ходивших по улицам Флоренции. В первую половину этого короткого периода он конфликтовал с Лоренцо, во вторую — с Александром VI и в течение всего этого времени старался своими поразительными предостережениями и пророчествами привести город к пробуждению и сделать его образцом гражданской и общественной праведности. Начиная с 1 августа 1490 г., когда он вышел на кафедру Св. Марка, люди уже толпами собирались послушать его — и в монастыре, и в соборе. В 1491 г. он стал приором своего монастыря. Помимо проповедей, он писал философские труды, а также трактаты о смирении, молитве и любви к Иисусу. Он был среднего роста, смуглолицый, со сверкающими темно-серыми глазами, пухлыми губами и орлиным носом. Хотя его черты сами по себе можно было бы назвать резкими, они привлекали внимание благодаря серьезному сосредоточенному выражению и сиянию его глаз.

Проповеди Савонаролы были подобны вспышкам молнии и ударам грома. Его миссия заключалась, скорее, в том, чтобы искоренить распущенность и разврат, нежели в том, чтобы дать утешение прощения и направить к общению с Богом. Он больше говорил об ужасе Божьего гнева, чем об освежающих потоках Божьего сострадания. В его проповедях присутствовали нежные слова о Божьей любви и милости, но плача по греховности эпохи в них было больше, чем кротких призывов. Он сам описывал свои методы так: «Я подобен грозовому граду. Укрывайтесь,

¹¹⁹⁸ Из Schottmüller, pp. 2, 3. Этот же автор приводит два послания Савонаролы к его матери.

¹¹⁹⁹ Один из них — Вульгата, напечатанная в Базеле (1491), другой напечатан в Венеции (1492). См. Luotto, *Dello Studio*, etc. Этот автор увязывает между собой совет Льва XIII изучать Библию и ту роль, которую придавал ей Савонарола как авторитетному источнику.

чтобы он не пал на вас и не поразил вас. Помните, что я сказал вам: наденьте на голову шлем, облекитесь в добродетель, и град не будет вам страшен»¹²⁰⁰.

Во времена его величайшей популярности толпы часами ждали прибытия проповедника у дверей собора, а Виллари подсчитал, что его выступления слушало по 10 — 12 тыс. человек. Голос Савонаролы влиял на чувства подобно ветру, колышущему колосья на поле. Слушатели то пылали от негодования, то умилялись до слез. «Я расплакался и не мог остановиться» — пишет один из них. Сам Савонарола выкладывался до предела и часто после проповеди бывал в совершенном изнеможении. Он обращал свои слова к клиру, высшему и низшему, а также к народу. Нередко взрывы его негодования обрушивались на дворец Лоренцо. Клириков он критиковал за жадность, с которой они захватывали пребенды и золото, за тягу к показным церемониям, а не к внутренней любви души. О Флоренции он отзывался с большой нежностью и часто восклицал: «О моя Флоренция!» Женева была городом Кальвина, Эдинбург — городом Нокса, а Флоренция была городом Савонаролы. О неискренности клира он говорил:

В наше время прелаты и проповедники прикованы к земле любовью к земным вещам. Они больше не заботятся о душах. Они удовлетворяются получением доходов. Проповедники проповедуют, чтобы угодить князьям и получить от них похвалу. Они принесли великий вред. Они не только разрушили церковь Божью, а еще и создали новую церковь, по своему собственному образцу. Отправляйтесь в Рим и посмотрите! В домах великих прелатов беспокоятся только о поэзии и об ораторском искусстве. Идите туда и посмотрите! Вы увидите, что они держат в руках книги человеческой учености и рассказывают друг другу, как наставлять людей с помощью Вергилия, Горация и Цицерона... У древних прелатов было мало золотых митр и чаш, а то немного, чем они владели, они отдавали на нужды бедных. Но наши прелаты ради обладания чашами лишают бедных единственного средства к существованию. И разве это новость для вас? О Господи, что же Ты делаешь?! Восстань же и приди, чтобы вызволить Свою церковь из рук дьявола, из рук тиранов, из рук нечестивых прелатов!¹²⁰¹

Савонарола нередко был склонен к взлетам фантазии, вытеснявшей спокойное и логичное объяснение. Вечером перед произнесением своей последней проповеди на адвент 1492 года он увидел в небесах руку с мечом, на котором была надпись: «Вот меч Господень внезапно и мгновенно поразит землю» (*Ecce gladius Domini super terram cito et velociter*). Неожиданно меч обратился к земле, небо потемнело, и с него дождем ниспали мечи, стрелы и пламя. Ударил гром. Голод и смерть воцарились в мире. Видение завершилось обращением к проповеднику. Ему было велено рассказать о случившемся. Снова и снова в последующие годы жизни он упоминал об этом пророческом видении¹²⁰². В память о полученном видении была даже отлита медаль, на одной стороне которой изображен Савонарола, а на другой рука с мечом в небесах, обращенным на город внизу.

Надпись на небесном мече свидетельствует о характере проповедей Савонаролы. Они были импульсивными, образными, неожиданными, поражающими воображение, а не обдуманнными и назидательными. Однако они производили сильнейшее впечатление на людей разных слоев общества. Пико делла Мирандола-старший описал, какое чудесное воздействие они оказали на него самого. Одна-

¹²⁰⁰ Проповедь от 14 марта 1498 г. (Schottmüller, p. 111). Roscoe (*Life of Lorenzo*, ch. VIII) пишет: «Божье слово из уст Савонаролы нисходило на слушателей не как небесная роса, а как уязвляющий град, сокрушающий ураган, губительный меч».

¹²⁰¹ Villari, I. 183 sqq.

¹²⁰² Например, 1 ноября 1494 г. См. Schottmüller, p. 28 sqq. Слова *cito et velociter* повторила Савонароле Дева в его видении о небесах (1495).

жды во время проповеди на Быт. 6:17 («И вот, Я наведу на землю потоп водный») Пико почувствовал, что его охватывает дрожь, а волосы становятся дыбом. Здесь можно, конечно, вспомнить о проповедях валлийского проповедника Крستمаса Эванса и об обращениях Уайтфилда к лорду Честерфилду и Франклину, однако одной только образности проповедей, сколь бы яркими и причудливыми они ни были, явно недостаточно, чтобы объяснить влияние флорентийского проповедника. Он сам пылал религиозным рвением. Он был сильно чувствующим и глубоко верующим человеком. Он обладал видением мистика и различал за внешними обрядами внутренние движения духовной силы.

В его проповедях обязательно присутствовал библейский элемент. Хотя Савонарола не был экзегетом, в своих мыслях и описаниях он всегда руководствовался Библией. Его знаменитые проповеди были посвящены ковчегу, исходу, Откровению Иоанна, а также пророкам Аггею, Иезекиилю, Амосу и Осии. Он настаивал на авторитете Писания. «Я проповедую возрождение церкви, — говорил он, — и руководствуюсь только Писанием»¹²⁰³.

Другим элементом, который придавал проповедям Савонаролы такую силу и мощь, было пророчество. Савонарола не просто объяснял, что такое праведность. Он объявлял себя пророком, открывавшим вещи, которые, по его собственным словам, «выходят за грань познания, присущего творению». Этот элемент мог бы быть признаком слабости, если бы ему не сопутствовало столь великое влияние личности, ориентированной на благородные цели. Суровые предостережения Савонаролы часто бывали так ужасны, что сам проповедник дрожал, произнося их. Однажды он бодрствовал всю ночь и молился, чтобы его освободили от обязанности провозглашать вверенное послание, но тщетно. И проповедь, произнесенная после этого, была названа им ужасающей.

Вера Савонаролы в то, что ему небом предназначено быть глашатаем особого откровения свыше, проявилась не только в его проповедях, но и, уже более спокойно, в двух его трудах — в «Учебнике откровений» (1495) и в «Диалоге об истине и пророчестве» (1497). (Последний трактат, вместе с рядом проповедей Савонаролы, был занесен в Индекс.) В первом автор свидетельствовал, что уже давно, под действием Божьего вдохновения, предвидит будущее, но, помня о словах Спасителя, «не давайте святыни псам», не торопится открывать свои видения. О вверенной ему миссии он говорил так: «Господь послал меня сюда и сказал мне: “Я поставил тебя стражем Италии... и ты будешь слушать слово из уст Моих и будешь вразумлять их от Меня”» (Иез. 3:17). Даже если мы будем считать, что Савонарола ошибочно объявлял себя пророком и провидцем, нам легко будет простить ему это заблуждение за его страстное рвение и чистоту мотивов, которыми он руководствовался. Он относил и к своим пророчествам слово Христа, полагая, что ни одна йота и ни одна черта не пройдет из них, пока они не исполнятся.

Из всех полученных видений наиболее известно его видение о посещении рая (март 1495 г.). Перед началом путешествия несколько дам выразили желание сопровождать его. От компании Философии и Риторике он отказался. Веру, Простоту, Молитву и Терпение он взял с собой. По пути ему встретился дьявол в облачении монаха¹²⁰⁴. Сатана воспользовался возможностью, чтобы представить

¹²⁰³ Rudelbach (pp. 333-346) подробно рассказывает об отношении Савонаролы к Библии и цитирует одну из его проповедей по Исходу: «Богословы нашего времени всё осквернили своими неуместными спорами, как смолой. Они не знают Библии, не знают даже названий ее книг».

¹²⁰⁴ Lucas (pp. 55-61) приводит перевод этого рассказа. См. также Perrens, II. 167-177.

ему возражения против сверхъестественного характера его предсказаний: Савонароле, говорил он, следует перестать проповедовать добродетель и осуждать пороки, ему нужно вообще отказаться от пророчества. Пророчество всегда должно подтверждаться чудесами. Кроме того, истинные пророки были святыми, и дьявол спросил Савонаролу, чувствует ли он, что достиг высокой степени святости. Потом дьявол попытался доказать, что пророчества Савонаролы исполнялись не всегда. Но к этому моменту они уже дошли до райских врат, и сатана предусмотрительно ретировался. Стены рая — в описании Савонаролы — сделаны из алмазов и других драгоценных камней. На десяти знаменах, которые развевались над ними, были написаны молитвы Флоренции. Повсюду были господства и начальства. С помощью ангелов посетитель поднялся по лестнице до престола Девы, которая дала ему венец и драгоценный камень, а затем, с Иисусом на руках, молила Троицу за Савонаролу и флорентийцев. Ее просьба была удовлетворена, и флорентийцам была обещана эпоха процветания, которой будет предшествовать период скорбей. И в это новое время город станет могущественным и богатым, как никогда.

Возникает вопрос, был ли Савонарола настоящим пророком или же обманывал себя, принимая собственные фантазии, вызванные религиозным рвением, за непосредственные откровения от Бога¹²⁰⁵. Александр VI, помимо всего другого, обвинил Савонаролу в «нелепом объявлении себя пророком»¹²⁰⁶. В «Учебнике откровений» Савонарола говорил о четырех доказательствах того, что он истинный пророк, — о его собственной внутренней уверенности, об исполнении его пророчеств, о том, что они способствуют моральному преображению Флоренции, и о том, что их принимают благочестивые люди города. Его пророчества, говорил он, основаны не на астрологии, так как он отвергал ее, и не на нездоровых фантазиях, что не соответствовало бы его исчерпывающему знанию Писания, а также не исходят от сатаны, так как сатана ненавидит его проповеди и не может предвидеть будущее.

Для нас же единственная достоверная проверка — это исторический факт. Исполнились ли пророчества Савонаролы? Двумя его пророчествами, на исполнении которых ставился акцент, были политическая революция во Флоренции, которая действительно произошла, и приход из-за Альп Карла VIII. Савонарола видел в Карле нового Кира, обещающего освободить Флоренцию от политической зависимости и стать началом эпохи гражданской свободы. Он предсказывал и последующий уход Карла. Коммин, посетивший Савонаролу в монастыре Св. Марка после испытаний, последовавших за приходом Карла в Италию, отправился назад, пораженный благочестием и пылом монаха, и заявил, что Савонарола уверенно предсказал ему и королю «то, во что в то время никто не верил, но что исполнилось позже»¹²⁰⁷. С другой стороны, не исполнились такие твердые обещания, как распространение владений Флоренции вплоть до Пизы (сделанное 28 мая 1495 г.) и быстрое обращение турок и мавров (3 мая 1495 г.). О последнем Савонароле якобы сообщила Дева во время его визита в рай. Так как ряд торжественных пророческих обещаний не исполнился, можно заподозрить, что и ос-

¹²⁰⁵ Луотто утверждает, что нам следует выбирать между подлинными пророчествами и намеренным обманом, и смело поддерживает первое мнение. Пастор, Виллари, Лукас и другие показывают, что перед нами не стоит столь узкой дилеммы.

¹²⁰⁶ В письме к Савонароле от 21 июля 1495 г. См. текст в O'Neil, p. 10 sqq. Ответ Савонаролы см. там же, на стр. 26.

¹²⁰⁷ Villari, I. 855, и Bonet-Maury, p. 232.

тальные были всего лишь предсказаниями чуткого наблюдателя, внимательно следившего за развитием событий. Многие люди верили Савонароле как пророку, но по мере усложнения обстановки они все более настойчиво стали требовать, чтобы он подтвердил свои заявления чудесами. Даже те его предсказания, что исполнились, исполнились лишь отчасти — например, приход из-за Альп Карла VIII не привел к длительному улучшению ситуации в Италии, как ожидал Савонарола. Об этом хорошо говорит профессор Боне-Мори. Так называемый пророческий дар Савонаролы был всего лишь политической и религиозной интуицией¹²⁰⁸. Некоторые из его предсказаний по духу были совсем не христианскими — например, об унижении Пизы. Флорентийцы были польщены тем вниманием, которое пророк уделял их городу, и его предсказаниями о земной власти и небесной славе Флоренции. В «Учебнике откровений» Савонарола восклицает: «Так как Флоренция находится в центре Италии, как сердце — в центре тела, то и Бог предпочел избрать ее, чтобы она была центром, из которого пророческие провозвестия распространяются по всей Италии».

Савонарола и Лоренцо любили Флоренцию одинаково страстно, хотя первый желал прославить ее через праведность, а второй — через мирскую власть и блеск культуры. Эти два человека не пришли к согласию. Лоренцо попытался завоевать расположение проповедника личным вниманием и лестью. Он даже посетил мессу в монастыре Св. Марка, но Савонарола не дал обмануть себя красивыми речами и остался врагом флорентийских излишеств. Лоренцо говорил: «В моем доме поселился незнакомец, но зайти ко мне он считает унижением». А монах, когда к нему пришли и сказали, что Лоренцо гуляет по монастырскому саду, отвечал: «Разве он звал меня? Пусть гуляет или уходит — как ему будет угодно».

Пятеро влиятельных жителей Флоренции предложили Савонароле изменить тон его публичных выступлений. Он понял, что они пришли по просьбе Лоренцо, и просил их сказать князю, чтобы он покался в своих грехах, ибо Господь нелицеприятен и не щадит могущественных мира сего. Лоренцо велел Фра Мариано публично возразить Савонароле. Тот сделал это с кафедры в день Вознесения (1491). Сам Лоренцо присутствовал при этом, но обвинения проповедника ни к чему не привели. Популярность Савонаролы была велика как никогда. Приор Св. Марка восклицал: «Хотя я пришелец в этом городе, а Лоренцо — первый человек в государстве, я останусь здесь, а он уйдет».

Ни один из эпизодов карьеры Савонаролы по моральному величию и драматическому интересу не превосходит его появления у смертного одра Лоренцо Великолепного в 1492 г. В истории случалось мало подобных сцен. Когда блистательный правитель Флорентийского государства понял, что дни его сочтены, он не захотел предстать перед тайнами смерти и будущего без отпущения грехов, которое мог дать только священник, и когда приблизился час смерти Лоренцо, он не обманывал себя. Напрасно его врач, Ладзаро из Павии, прибег к последней медицинской мере — напитку из растворенных драгоценных камней. Лоренцо попрощался с Пико делла Мирандола и другими друзьями-литераторами, потом

¹²⁰⁸ Так считают Lucas (pp. 69 sq.), Pastor, Creighton (III. 248), который объявляет «пророческие заявления иллюзией», и Виллари. Последний автор говорит: «Возможно, опьяненный радостью из-за исполнения своих ранних предсказаний Савонарола по мере того, как его положение во Флоренции в последние годы жизни становилось сложнее, был вынужден все решительнее настаивать на своем даре, как если бы он был реален» (I. 362 sqq.). Рудельбах выделяет большую главу для освещения пророчеств Савонаролы (pp. 281-333). Пастор подробно обсуждает предполагаемый пророческий дар Савонаролы в *Gesch. d. Päpste*, III. 146 sqq., и опровергает мнение Луотто в своем *Zur Beurtheilung*.

дал последние наставления своему сыну Петру. Оставалось только провести последние обряды отпущения грехов и елеосвящения. Исповедник Лоренцо был рядом, но Лоренцо позвал приора Св. Марка. «Это единственный честный монах, какого я знаю», — заявил он. В результате Савонаролу позвали к смертному одру Лоренцо в Каредджи, в двух милях от города. Умиравший хотел исповедаться в трех преступлениях: в разграблении Вольтерры, в грабеже на Монте делле Фанчулле и в безжалостных репрессиях против участников заговора Пацци. Вестник духовного мира обещал отпущение грехов на трех условиях. Первым была вера в милость Божию. Умиравший дал согласие. Вторым было требование вернуть богатства, нажитые нечестным путем, или обязать сыновей сделать это. Умиравший дал согласие и на это. Третьим было требование вернуть Флоренции ее свободы. На это Лоренцо не ответил и отвернулся к стене. Священник ушел, а уже через несколько часов, 8 апреля 1492 г., правитель Флоренции предстал перед всемогущим Судьей, Который судит не по внешности, а по сердцу и Чья милость вечна.

Говорили, что если бы Савонарола был менее строг, то он мог бы оказать весьма сильное благотворное влияние на умирающего князя, еще подвластного религиозному воздействию¹²⁰⁹. Но кто в подобных случаях способен узнать, каков Божий замысел? Возможно, твердые требования Савонаролы пробудили в Лоренцо желание умолять Бога о прощении, в то время как елеосвящение церковным служителем могло бы успокоить совесть умирающего и внушить ему ложную уверенность. В любом случае, влияние монаха из монастыря Св. Марка на народ возросло.

Начиная с 1494 г. Савонарола был на пике популярности, и даже такой хладнокровный свидетель, как Гвиччардини, говорит о его влиянии как об исключительном. К этому времени относятся вторжение Карла VIII, изгнание Медичи из Флоренции и учреждение в городе теократического правления.

«Он придет из-за Альп и выступит против Италии подобно Киру», — предсказывал Савонарола о французском короле Карле VIII. Когда французская армия подошла к границам Флоренции, он воскликнул: «Смотрите, пришел меч! Пророчества исполнились, вот и бич! Смотрите на воинство Господне! О Флоренция, времена пения и танцев подошли к концу. Настало время пролить море слез из-за твоих грехов».

Флоренция с готовностью внимала ему. Пьеро Медичи отправился во французский лагерь, уступил требованию короля выплатить 200 тыс. флоринов и отдать Пизу, Ливорно и Сарцану, но Савонарола метал громы и молнии, обрушиваясь с кафедры на дом Медичи. Город решил изгнать Медичи и послал делегацию к Карлу. В ее составе был и Савонарола. В своем обращении, которое сохранилось, монах напоминал монарху, что его величество — это орудие Господа, посланное, чтобы избавить Италию от бед и провести реформу церкви. Карл вступил во Флоренцию, но, тронутый ходатайством Савонаролы, сократил дань

¹²⁰⁹ Так считает Pastor (III. 141). Рассказ о беседе Лоренцо с Савонаролой основан на свидетельствах Бурламакки и Мирандола. Полициано в послании к Якопо Антикварию иначе освещает три требования и ничего не говорит о том, чтобы Савонарола якобы просил вернуть Флоренции ее свободы. Он добавляет также, что, уходя, Савонарола благословил умирающего. Версию Полициано принимают Roscoe, ch. X, Creighton, III. 296-299, и Lucas, 83 sq. Версии, приведенной выше, придерживаются Villari, 168 sqq., W. Clark, p. 116, и строгий критик Hase, p. 20. Ранке не считает возможным выяснить правду, а Reumont (II. 443), отрицавший этот рассказ в первом издании своего *Lorenzo de' Medici*, во втором уже колеблется. Пастор основывается на этой истории, но выражает сомнение в ее правдивости в примечании.

до 120 тыс. флоринов и остановил французских солдат, приступивших к грабежам. Король, похоже, прислушался также к резким словам монаха, сказавшего: «Внимай голосу слуги Божьего и продолжай свое путешествие дальше без промедления».

Когда Карл, разграбив Рим и оккупировав Неаполь, вернулся в Северную Италию, Савонарола написал ему пять угрожающих посланий, в которых говорилось, что, если он не сделает для Флоренции того, о чем шла речь, Божий гнев обрушится на его голову. Речь шла о свободах для Флоренции и о возвращении Пиизы под ее власть. В послании от 25 мая 1495 г., в котором Савонарола просил Карла быть благосклонным к Флоренции, он заявлял: «Бог избрал этот город, решил возвеличить и возвысить его, и тот, кто прикоснется к нему, прикоснется к зенице ока Божьего». Конечно же, с точки зрения благополучия Италии французское вторжение не было проявлением воли Провидения. Хотя на знаменах этой армии и было написано *Voluntas Dei* («Волей Божьей») и *Missus Dei* («Посланник Божий»), Карл думал о расширении своих территорий, а вовсе не о сокрушении уз городского деспотизма.

Настало время реализовать во Флоренции идеальное правление Савонаролы, теократию со Христом во главе. Изгнание Медичи сделало возможной реорганизацию государства и учреждение новой конституции, в основном созданной Савонаролой, вследствие чего он полностью погрузился в гражданскую политику и междоусобицы городских партий. Не следует забывать, что эта городская конституция заслужила похвалу Гвиччардини и других итальянских политиков. Она была доказательством замечательного влияния монаха. По его настоянию был принят также закон, отменявший преследования против сторонников Медичи. Ландуччи писал в своем дневнике, что, если бы не Савонарола, улицы города были бы залиты кровью. В своей великой проповеди по Аггею во время адвента 1494 г. и по Псалтири в 1495 г. Савонарола решительно, как кормчий, устремляется в море политики. «Господь выгнал мой корабль в открытое море», — восклицал он с кафедры. Когда Бог поручал ему эту обязанность, он сказал: «Я буду проповедовать, если должен, но зачем мне вмешиваться в управление Флоренции?» А Господь сказал ему в ответ: «Если ты хочешь сделать Флоренцию святым городом, ты должен утвердить ее на прочном основании и дать ей правительство, которое способствует праведности». И проповедник занялся этим делом. Он выступил с кафедры в поддержку добродетели как основы здравого правления и демократии как ее формы. «Среди северных народов, — утверждал он, — много силы и мало ума. Среди южных — много ума и мало силы, и там иногда правление одного деспота может быть лучшим видом правления. Но в Италии, и прежде всего во Флоренции, где сила и интеллект встречаются с избытком, где люди проникательны и неутомимы, — правление одного может привести только к тирании».

Что касается предложенной им схемы, то за образец он взял Великий совет Венеции, за исключением его главы, дожа, который избирался пожизненно. Великий совет Флоренции должен был состоять как минимум из 1500 человек, достигших возраста 29 лет, плативших налоги и принадлежавших к классу, называемому *beneficiati*, то есть людей, занимающих городской пост лично или чей отец, дед или прадед занимали городской пост. Этим высшим советом избирался Совет восьмидесяти, члены которого должны быть не моложе сорока лет. В случае незаконных действий синьория могла направить запрос Великому сове-

ту, который собирался раз в неделю и был скорее избирающим, чем совещательным органом.

Место верховного дожа или правителя Савонарола оставил Самому Богу. «Только Бог, — восклицал он с кафедры, — только Бог будет твоим королем, о Флоренция, как был Он царем Израиля при ветхом завете». А свои проповеди по Аггею Савонарола завершил таким возгласом: «О Флоренция! Пусть твоим новым главой станет Иисус Христос!» Виллари, биограф Савонаролы недавнего времени, говорит о «недужинных пронизательности и мудрости, проявленных им во всех основных законах, которые он предложил для нового государства». Он не входил в состав совета, однако был вдохновителем всего народа¹²¹⁰.

В последний период карьеры Савонарола сражался с Александром VI. Конфликт начался с требования, выдвинутого папой 25 июля 1495 г., — чтобы Савонарола прибыл в Рим и ответил на выдвинутые против него обвинения. Затем папа запретил ему проповедовать и отлучил от церкви. Завершился же конфликт назначением папской комиссии, которая осудила Савонаролу на смерть как еретика.

Приказ Александра, призывающий Савонаролу в Рим, был связан с заявлением, что его предсказания будущих событий основаны на божественном откровении¹²¹¹. В то же время папа выразил свою великую радость по поводу сообщения о том, что из всех тружеников виноградника Господня Савонарола — самый ревностный, и обещал принять его в вечном городе с любовью и братской привязанностью. Савонарола не откликнулся на приглашение понтифика, объяснив свой отказ слабым здоровьем и опасностями, которые будут подстерегать его на пути в Рим. Его старый соперник, проповедник Фра Мариано де Дженнадзано, и другие враги в Риме интриговали против него, а Медичи быстро оказались в фаворе у папы.

В первом послании Александра, запрещающем Савонароле проповедовать, от 9 сентября 1495 г., осуждалось нездоровое безумие Савонаролы, который смешивал итальянскую политику с притязаниями на роль особого Божьего вестника. Савонарола ответил на обвинения и, с согласия синьории, продолжал проповедовать. В третьей булле, от 16 октября 1495 г., понтифик запрещал ему проповедовать публично и частным образом. Пастор замечает: «Было ясно как день, что Савонарола виновен в непокорности папской власти»¹²¹².

В течение пяти месяцев монах тихо жил в своем монастыре, но 17 февраля 1496 г., по призыву синьории, он вновь поднялся на кафедру, чтобы прочесть проповеди на великий пост. Он смело заявил, что папа может ошибаться. «Папа, — сказал он, — может велеть мне то, что противоречит закону христианской любви или Евангелию. Но, если он поступает так, я могу сказать ему: “Ты не пастырь. Не Римская церковь ошибается, а ты”». С этого момента он как никогда раньше начал выступать против развращенности папского города. В проповеди по Амосу 4:1 28 февраля 1496 г. он восклицал: «Кто такие упитанные телицы васанские на холмах Самарии!? Я говорю, что это куртизанки Италии и Рима. Разве таких не существует!? Одной тысячи их мало для Рима. Но и десяти тысяч, и двенадцати тысяч, и четырнадцать тысяч тоже слишком мало для Рима. Готовься, о Рим, ибо велика будет кара твоя!»¹²¹³.

¹²¹⁰ Одним из предложений Савонаролы было облагать налогами только недвижимость, и, похоже, он не возражал против налогов на собственность церкви (Landucci, p. 119; Villari, I. 269, 298; II. 81).

¹²¹¹ См. документ в Lucas, p. 180, и O’Neil, p. 9 sq. Оригинал есть у Рудельбаха.

¹²¹² *Zur Beurtheilung*, p. 66. Пастор опровергает мнение Люотто.

Видя, что угрозами Савонаролу не утихомирить, Александр решил прибегнуть к подкупу — искусству, в котором он был специалистом. Через доминиканца, посланного во Флоренцию, он предложил брату монастыря Св. Марка кардинальский пост, но Александр ошибся. В проповеди, произнесенной в августе 1496 г., Савонарола объявил, что ему не нужна ни митра, ни кардинальская шапочка, а нужен лишь дар, который Бог дает Своим святым, — смерть, багряный от крови венец. Лукас, как ни странно, объясняет предложение кардинальского поста не коварством и хитростью, а якобы доброй волей Александра, который ценил «искреннего, но сбившегося с пути человека».

Карнавалы 1496 г. и последующих двух лет замечательным образом свидетельствуют о влиянии Савонаролы на умы народа. Карнавал, который раньше был связан с дикими гуляньями, стал почти что религиозным праздником. Мальчишки привыкли веселиться на карнавалах, прибегая к варварским крайностям — они выпрашивали у старших деньги на развлечения, танцевали вокруг костров и без разбору бросали камнями в людей и дома. Это «празднество камней», которое синьория не смогла упразднить, Савонарола и его помощники заменили религиозным праздником. Происшедшее в народе стали называть преобразованием мальчишек. Савонарола создал отряды из ребят в разных районах города и определил для них места у стен собора. Эти «мальчишки Фра Джироламо», как называет их Ландуччи, маршировали по улицам, распевая гимны, сочиненные Савонаролой и Бениввени, а также стояли на выделенных для них местах, собирая пожертвования для бедных.

В последний день карнавала 1497 г. состоялось так называемое сожжение мирского имущества. Молодые энтузиасты, вдохновленные проповедями Савонаролы, ходили из дома в дом и просили людей отдавать свои безделушки, непристойные книги (например, Овидия и Боккаччо), игральные кости и другие азартные игры, арфы, зеркала, маски, косметику и портреты красивых женщин, а также другие предметы роскоши. Все это было сложено на площади города пирамидой под 30 м высотой и диаметром у основания более 70 м. Утром в тот день толпы людей прослушали мессу, которую проводил Савонарола. Юноши отправились процессией по улицам к груде мирских вещей, в то время как другие, взявшись за руки, танцевали вокруг этой груды. Затем под пение религиозных песен было совершено «сожжение анафемы». Это необычное зрелище сопровождалось звоном колоколов и звуком труб. Люди вспоминали о том, как в Эфесе жгли книги с чародейными заклинаниями после проповеди Павла. То же самое повторилось в последний год жизни Савонаролы (1498).

Савонаролу обвиняли в том, что он не симпатизировал Возрождению, и опровергнуть это обвинение не так-то просто. Как утверждает Буркхардт, историк данного движения, Савонарола оставался монахом. В одном из своих произведений он говорит об опасностях литературы и о том, что Платон и Аристотель находятся в аду. И такое мнение высказывалось в городе, где была основана Платоновская академия! К Вергилию и Цицерону он относился еще терпимо, но Катутлла, Овидия и Теренция запрещал¹²¹⁴.

Одно время казалось, что под влиянием проповедей приора вся Флоренция стала благочестивой. Жены оставляли мужей и уходили в монастыри. Женатые

¹²¹³ Итальянский текст см. в Perrens, I. 471 sq. Проповеди этого периода посвящены Амосу, Захарии, Михею и Руфи. Согласно Бурламакки, султан велел перевести некоторые из них на турецкий язык (Villari, II. 87).

¹²¹⁴ *Die Kultur d. Renaissance*, II. 200 sq.

люди принимали обет воздержания от исполнения супружеских обязанностей, и Савонарола мечтал о том, что когда-нибудь город достигнет состояния такого совершенства, что в нем вообще перестанут вступать в брак. Люди ежедневно принимали причастие. Молодые люди посещали мессу и носили символ евхаристии. Фра Бартоломео бросил в огонь свои наброски обнаженных фигур и какое-то время считал, что грешно заниматься рисованием руки, которые всегда должны быть сложены в молитве. Однако такое напряжение не могло продолжаться вечно. Это был всплеск энтузиазма, но не пробуждение. Реакция была неизбежна, и даже удивительно, что народ с таким доверием относился к Савонароле до самого конца его жизни.

Александр не нравились флорентийские реформы. Он хотел любой ценой заставить Савонаролу замолчать. В городе ходили слухи о заговоре по восстановлению власти Медичи. Несколько заговорщиков были казнены. Враги республики признались, что их целью было убить Савонаролу и распространять листовки и стихотворения, высмеивающие его и угрожающие ему. На стенах монастыря вешали оскорбительные плакаты. Однажды кафедру собора осквернили навозом и накрыли ослиной шкурой, а то место, по которому проповедник обычно ударял рукой, утыкали гвоздями. Ландуччи говорит об этом случае как о «великом скандале». В соборе даже собирались убийцы, которых усмирила лишь стража, поставленная синьорией. Но монах из монастыря Св. Марка, похоже, был неустрашим. Однако в синьории начались споры, поддерживать ли его.

Савонарола, если такое возможно, еще активнее стал критиковать грехи церкви. Он восклицал: «О падшая церковь, ты показала свое безумие всему миру! Блуд твой умножился в Италии, во Франции, в Испании и во всех прочих областях. Ты осквернила таинства симонией. В древности священники еще называли своих незаконных детей племянниками, а сейчас они прямо называют их сыновьями». Александр не мог не заметить намек на себя и не мог потерпеть подобного, ведь речь шла о репутации высшего должностного лица христианского мира. Евгений III мог признать, что пророк выше папы, когда его увещевал святой Бернар, но флорентийский пророк дошел до личных оскорблений. Он утратил чувство меры. 12 мая 1497 г. Александр отлучил его от церкви за «нежелание повиноваться нашим апостольским увещаниям и повелениям» и как «подозреваемого в ереси». Осужденного было запрещено слушать, даже общаться с ним¹²¹⁵.

Месяцем позже в послании, обращенном «ко всем христианам, избранным Божьим», Савонарола выразил готовность подчиниться власти церкви, но отрицал необходимость повиноваться приказам ее начальства, если те противоречат законам милосердия и Божьему закону. «И с этих пор, — восклицает пуританский современник Ландуччи, — мы были лишены Слово Божье». Синьория, поддерживая Савонаролу, написала Александру о чистоте его характера и о здравости учения, а его соратники, такие как Пико делла Мирандола-младший, выпустили труды в оправдание его поведения. Пико делла Мирандола-старший и Полициано, которые оба умерли за год — два до того, проявили свое уважение к Савонароле, облачившись на смертном одре в доминиканские одеяния.

В это время Савонарола выпустил свой «Триумф Креста», в котором говорится об истинности и разумности католической веры¹²¹⁶. Автор на основании чис-

¹²¹⁵ Булла приведена в Villari, II. 189 sq.; Pastor, III. 411 sq.

¹²¹⁶ Опубликован в 1497 г. на латинском и этрусском языках. Этрусский перевод сделан самим Савонаролой.

той логики доказывает существование Бога и бессмертие души, после чего объясняет учение о Троице, которое выше человеческого разумения, и статьи апостольского символа веры, которому уделяется большое внимание. Труд завершается опровержением мусульманства и других ложных религий.

Савонарола не проповедовал с кафедры и не отправлял таинств до Рождества 1497 г., когда он трижды провел мессу в монастыре Св. Марка. 11 февраля он вновь поднялся на кафедру в соборе. Он сообщил большому собранию людей, что священник — всего лишь орудие Всемогущего и что без присутствия Бога любой прелат или даже папа — это всего лишь «сломанный железный инструмент». «Если повеление прелата противоречит нормам благочестия и милосердия, его не только не надо слушаться — а он подлежит анафеме». В другой раз он сказал, что папа может быть введен в заблуждение не только недостоверными рассказами, но и по причине собственной греховности, как было в случае с Бонифацием VIII, который был грешным папой, начал свое правление подобно лису и завершил подобно псу¹²¹⁷. С этого момента многие, из уважения к церкви, перестали посещать проповеди Савонаролы. Среди них был и благоверный Ландуччи, который говорит: «Прав я был или нет, но я был среди тех, кто перестал туда ходить. Я верил в него, но не хотел рисковать, слушая его, потому что он был отлучен от церкви». Враги Савонаролы сделали своим боевым кличем слова Григория Великого *Sententia pastoris sive justa sive injusta timenda est* («Высказывания пастыря следует уважать, справедливы они или нет»)¹²¹⁸. Савонарола же все более дерзко обвинял деятелей церкви в грехах. Тонзура, восклицал он,

...скрывает под собой всяческую скверну. Причем скверна начинается в Риме, где клир насмехается над Христом и святыми. И они даже хуже турок и хуже мавров. Они торгуют таинствами. Они продают бенефиции тому, кто больше всех заплатит. Разве у римских священников нет куртизанок, и лакеев, и лошадей, и собак? Разве нет у них дворцов, которые полны ковров и шелков, благовоний и слуг? Но разве это похоже на церковь Божию?

У каждого римского священника, говорил он, есть наложница. Они уже говорят не о племянниках, а о своих сыновьях и дочерях. Савонарола даже пытался доказать с кафедры, что папское бревно об отлучении исходит от дьявола, так как оно мешает жить благочестиво.

Стало очевидно, что дело проповедника безнадежно. Его нападки на мораль клира и Ватикана настроили против него могущественных служителей церкви. Его политика вызвала раскол во Флоренции. Его заявления, все более и более резкие, заставляли народ ждать перемен и возбуждали критические настроения, а с ними не мог долго справляться ни один религиозный учитель без непосредственного и чудесного вмешательства Бога. Савонарола призывал небеса в свидетели того, что он «готов умереть за своего Бога», и призывал Бога отправить его в адское пламя, если мотивы его не чисты и дело не вдохновенно. В другой раз он призывал Господа поразить его на месте, если он не искренен. Ландуччи сообщает, что собственными ушами слышал некоторые из этих крайне преувеличенных заявлений.

У папы оставалось в запасе еще одно оружие, чтобы укротить Савонаролу, — интердикт. И он угрожал интердиктом Флоренции, если синьория не отправит этого «сына лукавого» в Рим или не посадит его в темницу. В первом случае Александр обещал отнестись к Савонароле как отец к сыну, если он покается,

¹²¹⁷ Pastor, *Beurtheilung*, p. 71 sqq.; Villari, II. 252.

¹²¹⁸ См. Schnitzer, *Feuerprobe*, p. 144.

ибо он «желал не смерти грешника, а изменения выбранного им пути и продолжения его жизни»¹²¹⁹. Он призывал синьорию не позволять Савонароле «быть мухой в молоке, мешающей развивать отношения с Римом», и перестать «терпеть этого вредного червя, пригретого ею».

Через послания и легатов синьория продолжала попытки опровергнуть обвинения Александра и защитить Савонаролу. Но хотя все ее члены сохраняли уверенность в чистоте побуждений монаха, большинство стало считать, что удобнее заставить проповедника замолчать, чем навлекать на себя папскую анафему. На публичном собрании, созванном синьорией 9 марта 1498 г., где обсуждалось, какие предпринять действия, многие настаивали на соображениях целесообразности. Папа, как наместник Христа, получил свою власть непосредственно от Бога, и его надо слушаться. Вторым соображением были финансовые затруднения городских властей. Десятина была необходима, а приказ о ней мог исходить только от папы. Некоторые предлагали оставить вопрос на рассмотрение самого Савонаролы, ведь он лучший из людей, каких видел этот мир на протяжении 200 лет. Другие смело объявляли, что послания Александра вызваны ухищрениями врагов Флоренции, а содержащаяся в них критика несправедлива и прислушаться к ней не стоит¹²²⁰. 17 марта 1498 г. Савонароле сообщили о решении синьории: ему следует впредь воздерживаться от проповедей, — и на следующий день он произнес свою последнюю проповедь.

В последней проповеди Савонарола признал, что обязан повиноваться решению. Он уже думал о последнем средстве, оставшемся в его распоряжении. С кафедры он уже упоминал об этом средстве — созыве общецерковного собора. Сохранились послания, которые он намеревался отправить королям Испании, Англии, Франции, Германии и Венгрии, призывая их созвать собор. В них он торжественно заявлял, что Александр — не папа, ибо он не только купил свою должность и ежедневно продает бенефиции, но его явные пороки доказывают, что он — не христианин. Похоже, послания эти так и не дошли до адресатов, однако отдельные лица разослали предварительные уведомления своим друзьям при разных дворах, чтобы подготовить их¹²²¹. Одно, адресованное Карлу VIII, было перехвачено в Милане и переправлено папе. Теперь у Александра было документальное доказательство бунта флорентийца против папской власти. И тут события приняли неожиданный оборот.

По Флоренции прокатился слух, что для доказательства правдивости заявлений Савонаролы решено прибегнуть к огненной ордалии¹²²². Вызов был брошен францисканцем Франческо да Пулия в проповеди в Санта-Кроче, где он назвал доминиканца еретиком и лжепророком. Если Савонарола не пострадает от огня, это будет явным знаком, что Флоренция должна последовать за ним. Вызов был принят Фра Доменико да Пешиа, монахом монастыря Св. Марка и близким другом Савонаролы, который славился праведностью своей жизни. Он занял место своего друга, утверждая, что Савонароле предназначены более великие дела. Тогда Франческо да Пулия удалился, и его место неохотно занял другой францисканец, Джулиано Рондинелли. Сам Савонарола не одобрял ордалии. Это было

¹²¹⁹ См. послания Александра в Perrens, I. 481-485; Pastor, III. 418 sq. О'Нил их не приводит.

¹²²⁰ См. Schnitzer, *Feuerprobe*, p. 38 sqq.

¹²²¹ Оригиналы см. в Perrens, I. 487-492. Отрывки приведены в Villari, II. 292 sq. См. также Hase, p. 59, Creighton, III. 237. Виллари говорит, что в подлинности посланий нет никаких сомнений.

¹²²² Рассказ Ландуччи о *fuoco* (p. 165 sqq.) наиболее красочен. Рассказ Черретани см. в Schnitzer ed., 59-71.

попыткой совершить чудо. Он никогда не творил чудес и не считал их важными. Правоту его дела, утверждал он, доказывают праведные плоды. Но народу, как говорит автор из Ромолы, «огненная ордалия представлялась самым доходчивым и простым доказательством», и Савонарола не мог пойти против мнения народа, так как это повредило бы его популярности. В истории Флоренции святые люди не раз доказывали свою веру с помощью огненных ордалий. Так было во время спора об инвеституре со святым Джованни Гвадальберти в близлежащем Сеттимо и с монахом Петром в 1068 г., а полвека спустя — с другим Петром, который оправдал себя от обвинения в пренебрежительном отношении к кресту, пройдя без вреда для себя по девяти раскаленным лемехам¹²²³.

Синьория согласилась на ордалию и назначила ее на 7 апреля. Было решено, что, если Фра Доменико погибнет, Савонарола отправится в изгнание в течение трех часов. Две стороны, Доменико и Рондинелли, представили свои заявления синьории. В заявлении доминиканца были следующие положения. Церковь нуждается в обновлении. Она будет наказана. Флоренция будет наказана. Это случится в один день. Отлучение Савонаролы от церкви недействительно, и тот, кто игнорирует это отлучение, не грешит¹²²⁴.

Друзья Савонаролы с энтузиазмом отнеслись к ордалии. Когда он объявил о ней в проповеди, многие женщины восклицали: «Я согласна, я согласна!» Другие монахи Св. Марка и сотни молодых людей заявляли о готовности пройти сквозь пламя из уважения к своему духовному вождю.

Александр с большим интересом ждал новостей из Флоренции. Трудно сказать, что именно он думал. Он неодобрительно высказался об ордалии, однако не мог не понимать, что она предоставляет ему простой способ избавиться от врага его власти. (После окончания ордалии он похвалил Франческо и францисканцев в самых цветистых выражениях и заявил, что францисканцы не могли сделать для него ничего более приятного¹²²⁵.)

Приближавшийся суд вызывал весьма острый интерес. Во Флоренции и Риме ни о чем другом не говорили. Подготовка велась полным ходом. На городской площади навалили две груды хвороста длиной примерно по 20 м, шириной по метру у основания и высотой около метра¹²²⁶. Древесина была пропитана смолой и маслом. Расстояние между кострами составляло полметра, чтобы между ними мог пройти человек. Все входы на площадь были блокированы отрядом в 300 человек под командованием Маркуччо Сальвиатиса и двумя другими отрядами, по 500 человек каждый, расположенными в разных местах. Люди начали собираться ночью накануне ордалии. Окна и крыши соседних домов были полны нетерпеливых зрителей.

Мероприятие было назначено на одиннадцать часов. Доминиканцы торжественной процессией прибыли на место, производя впечатление. Фра Доменико, на повозке, был одет в огненно-красный бархатный плащ. Савонарола, в белом,

¹²²³ См. Schnitzer, *Feuerprobe*, p. 49 sq.

¹²²⁴ Schnitzer, p. 54.

¹²²⁵ Schnitzer (p. 64 sq.), который подробно освещает события, и Villari (II. 306 sqq.) соглашаются в том, что Александр полностью симпатизировал ордалии. Они считают также, что за предположение об ордалии и за широкое распространение слухов о ней в основном, если не целиком, несут ответственность «беснующиеся» (*arrabbiati*). Pastor (III. 429) представляет Александра как не одобрявшего ордалию.

¹²²⁶ У авторов того времени приводятся разные цифры. Landucci (p. 168) говорит о длине в 50 *braccia* {локтей}, ширине 10 и высоте 4; Bartolomeo Cerretani (Schnitzer ed., p. 62) — о ширине в 1 *braccio* и высоте 2.

несущий дароносицу с гостией, вел за собой остальных монахов, а за ними следовало великое множество мужчин, женщин и детей с зажженными свечами. Когда настал момент для начала шествия, Савонарола произнес проповедь. Он снова сообщил народу, что дело его не требует чудес. Он всегда старался доказать правоту праведными делами и еще раз напомнил, что, как и на горе Кармил, чудесного вмешательства следует ждать лишь в ответ на молитву и смирение.

В истории позднего Средневековья было мало зрелищ, столь же интересных для взора и воображения, как состоявшееся в тот день. Там присутствовал величайший проповедник эпохи, самая возвышенная в моральном отношении личность со времен Яна Гуса и Жерсона. Там пытались доказать невиновность древним способом, вид которого был непривычен для просвещенного поколения флорентийцев. Таких увлекательных развлечений не предлагалось даже в век прославленных представлений Медичи.

Толпа ждала. Миновало назначенное время. Наблюдалось непонятное движение монахов, которые входили во дворец синьории и выходили из него. Позже о случившемся рассказывал сам Савонарола, а также другие свидетели. Францисканцы не позволили Фра Доменико взойти на костер в красном плаще и в другой одежде, которая на нем была, на том основании, что она могла быть заколдована. Поэтому ему пришлось полностью раздеться и надеть на себя другую одежду. На том же основании они настаивали, чтобы он держался подальше от Савонаролы. Нетерпение толпы возрастало. Францисканцы опять зашли в зал синьории и устроили долгое совещание. Они увидели в руках Доменико деревянное распятие и настаивали на том, чтобы он оставил его, так как оно тоже может быть заколдовано. Савонарола заменил его гостией, но францисканцы утверждали, что гостию не подобает проносить сквозь пламя. Они воззвали к синьории, но Савонарола отказывался уступить. Он говорил, что физические признаки гостии могут сгореть, но сущность освященного хлеба останется неприкосновенной. Вдруг налетела буря, пошел дождь, а потом внезапно прекратился. Ордалия не начиналась. Толпа становилась неуправляемой и бурлила. Приближалась ночь. Синьория отменила ордалию.

Власть Савонаролы осталась в прошлом. Очарование его имени исчезло. Зрелище обернулось фарсом. Народ стал вести себя все более угрожающе, и страже с трудом удавалось помешать толпе наброситься на Савонаролу, когда процессия двигалась обратно в монастырь Св. Марка.

Вполне правдоподобно мнение о том, что в тот день политические враги Савонаролы, «беснующиеся» (*arrabbiati*), помогали францисканцам и что задержка на площади, вызванная возражениями, была лишь уловкой для того, чтобы совсем помешать ордалии¹²²⁷. Говорят, заговорщики держали наготове кинжалы, чтобы убрать Савонаролу с дороги, но народ не задумывался над такими вещами. Савонарола не выдержал испытание. Если бы он был искренним и уверенным в своем деле, рассуждали люди, он мог бы войти на огненную тропу сам и встретить лицом к лицу ее опасности. Даже если бы он не вышел оттуда невредимым, он погиб бы, доказав свое моральное превосходство. Именно готовность Лютера к испытаниям в Вормсе принесла ему доверие народа. Если бы он колебался в 1521 г. в присутствии Карла V, он утратил бы народную поддержку, а именно это произошло с Савонаролой в 1498 г. на площади Флоренции. Наши современники

¹²²⁷ Schnitzer (p. 159 sq.) утверждает, что синьория и францисканцы вместе «путали карты».

согласны с флорентийским народом. Савонароле не доставало героических качеств. Ему было лучше умереть, чем быть обвиненным в трусости.

Флоренция была в гневе оттого, что ею манипулировали. На следующий день толпа штурмовала монастырь Св. Марка. Синьория проголосовала за немедленное изгнание Савонаролы. Ландуччи, который плакал и продолжал молиться за него, говорит: «Казалось, ад разверз свои врата». Савонарола выступил с речью, в которой прощался со своими друзьями. Толпу невозможно было остановить. Она ворвалась в монастырь и разграбила его. Фра Доменико и приор были схвачены и приведены к гонфалоньеру. По пути их оскорбляли. Потом их заперли в отдельных помещениях. Через день или два Фра Сильвестро, благодаря видениям которого назначалась ордалия, также был схвачен. «Невозможно было сказать ни слова в защиту Савонаролы, — пишет Ландуччи. — Такого человека немедленно растерзали бы».

Папа, получив официальные известия о событиях во Флоренции, поздравил синьорию, даровал городу полное отпущение грехов и выделил желанную десятину за три года. Он потребовал также, чтобы Савонаролу послали в Рим для суда, но в то же время разрешил городу допрашивать трех монахов, не пренебрегая, по необходимости, и пытками¹²²⁸. Была назначена комиссия для допроса заключенных. Прибегли к пыткам. Савонаролу привязали к веревке, продернутой в блок, руки ему связали за спиной, потом его поднимали вверх и внезапно отпускали веревку, позволяя ему упасть. За один день с ним проделывали такое 14 раз. Муниципалитет организовал два отдельных суда, 17 апреля и 21-23 апреля. Несчастный человек, доведенный мучениями до состояния бреда, сделал признания, которые позже, в здравом уме, опроверг как ложные¹²²⁹. Он даже отрицал, что он пророк. На таких пылких почитателей, как аптекарь Ландуччи, это признание произвело удручающее впечатление. Ландуччи писал 19 апреля 1498 г.:

Я присутствовал при чтении протокола суда над Савонаролой, которого все мы считали пророком. Но он сказал, что он не пророк и что пророчества его не от Бога. Услышав это, я был изумлен и ошеломлен. Сильная боль охватила мою душу, когда я увидел крушение этого великолепного здания, возведенного на хлипком фундаменте лжи. Я считал, что Флоренция станет новым Иерусалимом, законы которого будут примером благочестия (*buona vita*) и от которого пойдет обновление церкви, обращение неверных и утешение верующих, а теперь я понял обратное и успокаивал себя словами: «На все воля Твоя, о Господи!» (*in voluntate tua, Domine, omnia sunt posita*)¹²³⁰.

Для нового суда Александр создал свою собственную комиссию, куда входили Турриано, венецианский генерал доминиканцев, и Франческо Ромолино, епископ Илерды, позже кардинал. В письмах из Рима говорилось, что комиссия обязана «приговорить Савонаролу к смерти, даже если он — второй Иоанн Креститель». Александр вполне мог сделать подобное заявление. Вскоре после прибытия во Флоренцию Ромолино объявил, что костер близок и что приговор, приготовленный заранее, у него с собой.

Фра Доменико держался великолепно. Он упорно восхвалял своего друга и руководителя. Фра Сильвестро, не выдержав мучений на дыбе, обвинял своего

¹²²⁸ *Etiam per torturam*. Письмо Александра приводится в Lucas, p. 372.

¹²²⁹ Достоверность рассказов о суде над Савонаролой и о его признаниях сомнительна, так как они были искажены передающим их Сером Чекконе. См. Pastor, III. 432 sq. Ландуччи говорит, что крики пытаемых Доменико и Сильвестро были слышны в городской темнице с девяти утра и до ночи.

¹²³⁰ *Diary*, p. 173.

учителя в разнообразных грехах. Другие монахи монастыря Св. Марка написали Александру, обвиняя своего приора как самозванца. Так часто поступают те, кто хвалит нас в моменты благополучия. Чтобы спасти себя, они отвергают и хулят своих благодетелей. И монахи получили свою награду — в виде папского прощения.

Точные обвинения, на основании которых Савонаролу приговорили к смерти, не установлены и не так уж важны, ибо частично они были сфабрикованы специально для этого случая. Хотя Савонарола не грешил против Божьего закона, он часто оскорблял людей. Папская комиссия обвинила его в том, что он еретик и раскольник. Но он не был еретиком. В самом крайнем случае его можно признать бунтовщиком против римской власти, который выступил против буллы *Execrabilis* папы Пия II, когда решил воззвать к собору¹²³¹.

В перерывах между пытками Савонарола писал свои «Размышления» на два покаянных псалма, 31-й и 50-й. Здесь проявилась пылкая религиозность его натуры. Великий проповедник приближается к престолу благодати как нуждающийся грешник и молит о том, чтобы просящему хлеба не дали камень. Он упоминает о Закхее, Марии Магдалине, хананеянке, Петре и блудном сыне. «Избавь меня, — восклицает он, — как Ты избавил бесчисленное множество грешников от челюстей смерти и от врат ада, и мой язык громко воспоет Твою праведность!» Лютер, опубликовавший эти разъяснения в 1523 г. с благородным вступлением, называет их «образцом евангельского учения и христианского благочестия, ибо в них Савонарола предстает перед нами не как монах-доминиканец, верящий в свои обеты, в устав своего ордена, в свой клобук, в мессы и добрые дела, а как облекшийся в броню праведности и вооруженный щитом веры и шлемом спасения — не как член ордена проповедников, а как обычный христианин»¹²³².

По просьбе трех заключенных, которых содержали порознь в течение трех недель, им было позволено встретиться вечером накануне казни. Встреча состоялась в зале синьории. Когда Савонарола вернулся в свою камеру, он заснул на груди у Никколини из братства Баттути, задачей которого было служение заключенным. Никколини сообщает, что сон Савонаролы был спокоен, как сон младенца. Проснувшись, осужденный провел остаток ночи в молитве. На следующее утро друзья встретились вновь и вместе приняли таинство.

Они были приговорены к повешению, после которого тела следовало сжечь, чтобы «душа полностью отделилась от тела». Казнь состоялась на площади, на которой, за два месяца до того, собралась толпа, чтобы наблюдать огненную ордалию. Савонаролу и его друзей вели к месту казни без плащей, босыми, со связанными руками. Епископ Вероны по указанию папы отпустил им грехи. Объявляя об отлучении Савонаролы, прелат сказал: «Я отлучаю тебя от церкви воинствующей и от церкви побеждающей» (*separo te ab ecclesia militante et triumphante*). «От воинствующей, но не от побеждающей, — отвечал Савонарола, — на это нет твоей воли» (*Militante, non triumphante: hoc enim tuum non est*). В молчании он наблюдал, как умерли Фра Доменико и Фра Сильвестро, последними словами которого были: «Иисус, Иисус!». Потом он сам взобрал на помост. Толпа

¹²³¹ См. жалкие послания папской комиссии к Александру в Lucas, pp. 434-436.

¹²³² Weimar ed., XII. 248. За два года, прошедшие после смерти Савонаролы, вышло двадцать три издания этой книги. Не прошло и полувек, как она была переведена на испанский, немецкий, английский и французский языки. В Италии она распространялась как брошюра, и ее выдавали приговоренным к смерти. Она включена в Солсберийский букварь (1538) и в букварь Генриха VIII (1543).

продолжала оскорблять его. Тела были сожжены, а пепел брошен в Арно, чтобы его нельзя было использовать как реликвию.

Комиссия Александра признала Савонаролу «скопищем самой отвратительной греховности и нечестивым чудовищем (*omnipedium nequissimum*), которого невозможно назвать ни человеком, ни монахом». Благочестивый Ландуччи, думая о его смерти, вспоминал распятие и, наблюдая за казнью, снова жаловался на крушение своих надежд, обещавших обновление церкви и обращение неверных (*la novazione della chiesa e la conversione degli infideli*).

Савонарола был одной из самых примечательных личностей, которых родила Италия. Современный христианский мир, и католический, и протестантский, ставит его имя в один ряд с именами религиозных светочей всех стран и народов. Он был проповедником праведности и патриотом. Среди духовных деятелей Италии он занимает особую нишу, отличающую его и от великих пап — таких как Григорий VII и Иннокентий III, и от поэтов Италии и мира — таких как Данте, и от святого Франциска Ассизского, и от Фомы Аквината. В Италии были и другие проповедники — Антоний Падуанский, Бернардино Сиенский, но их обращения имели местное и узкоцерковное значение. А у Савонаролы мы находим нечто общее с Арнольдом Брешианским. Оба они призывали к реформе, оба смешивали политические идеалы с духовной деятельностью и оба погибли, осужденные папским престолом.

Интеллектуальные дарования и способности Савонаролы не были чрезмерны, но он обладал великим даром морального убеждения, красноречием, бескорыстной любовью к своей стране. Он был всецело предан делу праведности. Как администратор, он не имел успеха. Савонарола не обладал мудростью и тактом государственного деятеля, но, к сожалению, он предпринял попытку создать новое правительство, хотя для этой задачи был меньше всего пригоден¹²³³. Он был проповедником праведности и занимает место в «славном сообществе пророков». Он был человеком одного порядка с Иезекиилем и Исаией, Нафаном и Иоанном Крестителем (протестанты поместили бы в эту компанию и Джона Нокса).

Савонарола был истинным католиком. Он не отрицал ни единой догмы средневековой церкви, но он больше опирался на основы учения Христа, чем на церковные формулы. В своих проповедях он поднимался выше обрядов и обычаев. Он требовал пробуждения сердца. Его бунт против власти папы и призыв к собору — серьезный камень преткновения для тех католиков, которые полагают возможным выносить благоприятное суждение об этом приоре монастыря Св. Марка. В булле Юлиана II *Cum tanto divino* (1505) любое избрание папы, обеспеченное за счет симонии, объявляется недействительным. Если бы у буллы было обратное действие, то Александр не был бы истинным папой¹²³⁴.

Многие современники отзывались о нем благосклонно. Гвиччардини называл его спасителем своей страны (*salvatore di patria*) и говорил, что «никогда во Флоренции не было такого благочестия и веры, как в его дни, а после его смерти казалось, что все добрые дела, какие были сделаны, были сделаны по его предложению и с его помощью». Макиавелли выразился так: «Народ Флоренции никогда не был безграмотным и грубым, однако он был убежден, что устами Савона-

¹²³³ См. превосходные замечания по этому поводу в Burckhardt: *Renaiss.*, II. 200.

¹²³⁴ Pastor (III. 436) говорит, что Савонарола в теории всегда хранил верность католической догме. Единственными отступлениями от нее были неповиновение папе и обращение к собору. Отец Проктор в предисловии к «Триумфу Креста» (р. xvii) называет Савонаролу «католичейшим из католиков».

ролы говорит Бог. Я не стану решать, было так или не было, но отзываться об этом великом человеке следует с почтением».

На следующий день после смерти Савонаролы женщины молились на том месте, где он умер. В течение многих лет туда приносили цветы. Пико делла Мирандола завершает его биографию детальным сравнением Савонаролы и Христа. Оба были посланы Богом. Оба пострадали за истину вместе с двумя другими людьми. По воле Юлия II Рафаэль, через 12 лет после смерти Савонаролы, изобразил этого проповедника среди святых в своей работе *Disputa*. Филипп Нери и Екатерина де Риччи¹²³⁵ чтит его, а Бенедикт XIV, похоже, считал его достойным канонизации¹²³⁶.

Внутри доминиканского ордена отношение к его величайшему проповеднику было разным в разное время. Из уважения к папскому решению в течение ста лет со смерти Савонаролы его имя было забыто. Доминиканский генерал Систо Фабри из Лукки в 1585 г. запретил всем монахам и монахиням упоминать его имя и велел отдавать начальству отчет обо всем, что связано с ним или вызывает восхищение им. Во второй половине XIX века, когда приближалась 400-я годовщина его казни, католики, и особенно доминиканцы, во всех частях света отстаивали его право на память и пытались подготовить его канонизацию. В попытке возразить на все доводы противников были составлены сложные аргументы, доказывающие, что приговор отлучения со стороны Александра был, оказывается, вовсе не отлучением¹²³⁷. Здравомыслящие и вдумчивые историки-католики Гефеле и Нофлер без колебаний объявляют его казнь преднамеренным убийством¹²³⁸.

По общему согласию протестантов Джироламо Савонарола отнесен к предтечам Реформации. Так считает Ранке. Савонарола не поддерживал отличительное протестантское учение об оправдании верой. Римская церковь была для него матерью всех церквей, а папа — ее главой. В своем «Триумфе Креста» он явно утверждает, что семь таинств были учреждены Христом и что Христос «полностью и по сущности присутствует в каждом из даров причастия». Однако он был новатором, а его внимание к теме Божьей благодати соответствует учению Реформации. Все протестанты согласились бы с его словами¹²³⁹:

¹²³⁵ Кардинал Капечелатро в своей «Жизни святого Филиппа Нери», переведенной отцом Поупом, говорит: «Филипп часто читал труды Савонаролы, особенно “Триумф Креста”, и использовал их для наставления своих духовных детей» (I. 278, цит. в Proctor, Preface, p. 6). По поводу Екатерины де Риччи см. ее жизнеописание: F. M. Capes, Lond., 1908, pp. 48, 49, 53, 270 sq. Она восхищалась Савонаролой и восхваляла его. Это стало главным возражением против ее беатификации в 1716 г., но обвинения против Савонаролы были тогда опровергнуты.

¹²³⁶ Villari, II. 417, вслед за Швабом и другими католическими авторами. Пастор отрицает такое истолкование слов Бенедикта в *Beurtheilung*, p. 16 sq. Так же считает и Лукас.

¹²³⁷ Отец О’Нил, доминиканец, в своем труде *Was Savonarola really excommunicated?*, p. 132, придерживается такой позиции и говорит: «Александр не отлучал от церкви Савонаролу». Но на самом деле в своих посланиях к синьории Александр ссылался на буллу об отлучении. Он явно формулирует там причины отлучения и призывает священников Флоренции обнародовать свой приговор 12 мая 1497 г. под угрозой церковных санкций в адрес их самих. Однако О’Нил заявляет, что папское решение, основанное на ложном обвинении, недействительно (p. 175 sqq.).

¹²³⁸ *Rechtlos hingemordert* (*Kirchengesch.*, p. 503). Заявление Ранке о том, что превращение Савонаролы в героя — это будто бы доминиканская легенда, «созданная после смерти проповедника», неприемлемо в свете последних исследований выдающегося специалиста по Савонароле католического профессора Шнитцера. См. его *Feuerprobe*, p. 152.

¹²³⁹ Проповедь VIII в Prato ed., цит. Рудельбах. Байонн написал в 1879 г. труд, чтобы ответить на это обвинение и подготовить почву для канонизации Савонаролы.

Неправда, что Божья благодать получается за счет предыдущих заслуг, как будто дела и заслуги есть *причина* предопределения. Напротив, они есть *результат* предопределения. Скажи мне, Петр, скажи мне, Магдалина, почему вы в раю? Признайтесь, что не по собственным заслугам вы обрели спасение, а милостью Божьей.

В «Размышлениях» много похожих отрывков. «Не своими заслугами, о Господь, и не собственными делами они были спасены, чтобы ни один человек не хвалился, но потому, что это было угодно Тебе». Говоря о разъяснении псалмов Савонаролы, Лютер сказал, что, хотя в богословии Савонаролы и есть что-то наносное, оно представляет собой чистый и прекрасный пример того, во что следует верить, надеясь на Божью милость и не уповая на дела. Немецкий деятель Реформации сердечно восклицал: «Христос канонизировал Савонаролу, даже если мы не сделали этого из-за пап и папистов»¹²⁴⁰.

Скульптор, автор памятника Реформации в Вормсе, выделил ему место у ног Лютера, рядом с Виклифом и Гусом. Когда католики, услышав о том, написали, что неуместно помещать флорентийского доминиканца в такую компанию, Ритчль посоветовался об этом с Хазе. И почтенный историк церкви ответил: «Неважно, считают они Савонаролу еретиком или святым. Он в любом случае был предтечей Реформации, и Лютер признавал его как такового»¹²⁴¹.

Тот, кто посетит Флоренцию в наши дни, обнаружит, что там повсюду незримо присутствуют две личности: Данте, которого Флоренция изгнала, и Савонарола, которого она казнила. Но дух палачей исчез, и все флорентийцы упоминают теперь о Савонароле с нежным восхищением и любовью. В 1882 г. синьория поставила ему памятник в Зале пятисот. Здесь, в нескольких метрах от места своей казни, он изображен в доминиканском облачении и в капюшоне. Левая рука опирается на голову льва, а в правой он держит распятие, и его ясный взор обращен вверх. 22 мая 1901 г. город почтил память монаха, установив на месте его казни круглую бронзовую табличку с его портретом. На открытии этого мемориального знака присутствовало много народа, и один из венков был возложен доминиканцами.

В келье Савонаролы в монастыре Св. Марка есть медальон с головой монаха, и еще один — на монастырской стене в том месте, где его схватили. Нередко там можно увидеть букет свежих цветов — доказательство того, что память флорентийского проповедника и патриота еще жива.

Таким был этот человек, «Савонарола, лучащийся своим звездным взглядом из-под капюшона»¹²⁴².

§77. Изучение и распространение Библии

Единственный библейский комментарий средних веков, более или менее соответствующий нашим представлениям об экзегетике, был создан Николаем Де Лирой (ум. в 1340). Толкования схоластов были, скорее, искажением Писания, нежели их объяснением. В их руках Писание стало рабом догмы. Они не имели представления ни о грамматической критике, ни о критике текста и не имели навыков, необходимых для грамматического изучения оригинального еврейского и греческого текста. Комментарии, созданные в эпоху процветания схоластики, были либо сборниками цитат из отцов церкви, так называемыми катенами

¹²⁴⁰ *Canonizat eum Christus per nos, rumpanter etiam papae et papistae simul* (Weimar ed., XII. 248).

¹²⁴¹ *Kirchengesch.*, II. 566.

¹²⁴² Браунинг, «Окна дома Гвидо».

(*catenae*), самой известной из которых была catena Фомы Аквината на евангелия, либо, если это были оригинальные труды, скопищами разнообразных вымыслов и напоминали заросли тропических лиан, сквозь которые невозможно пробиться к Иисусу Христу и к смыслу человеческой жизни. Громоздкие толкования на Псалтирь, Иова и другие библейские книги, выполненные такими богословами, как Руперт из Дейца, Бонавентура и Альберт Великий, в настоящее время представляют собой интеллектуальные курьезы или, в лучшем случае, учебники монастырского благочестия. В них говорится о чем угодно, только не об историческом и простом значении, которое вкладывали в текст Библии ее авторы. Особенно это касается Песни песней, в которой схоласты выискивали описания Девы Марии¹²⁴³. Говорят, Фома Аквинат умер в момент, когда составлял комментарии к этой книге.

В традиционном средневековом толковании семь смыслов Тихония были сведены к четырем: буквальному, аллегорическому, моральному и анагогическому. Формула гласила:

*Litteralis gesta docet; quid credas, allegoria;
Moralis quid agas; quo tendas anagogia.*

Фома Аквинат, полностью в соответствии с этим методом, говорил, что «буквальный смысл Писания многозначен, а его духовный смысл трехзначен, то есть он аллегорический, моральный и анагогический»¹²⁴⁴. Буквальный смысл учит тому, что случилось, аллегорический — тому, во что мы должны верить, моральный — тому, что мы должны делать, а анагогический наставляет о том, чего следует ждать. Последние три смысла соответствуют вере, надежде и любви. Гуго из Шера сравнивал их с четырьмя покровами скинии, четырьмя ветрами, четырьмя крыльями херувимов, четырьмя реками рая, четырьмя ножками стола Господня. Вот примеры. Буквально Иерусалим — это город в Палестине; аллегорически — церковь; морально — верующая душа; анагогически — небесный Иерусалим. Исход из Египта исторически — факт, аллегорически — искупление Христово, морально — обращение души, анагогически — уход в небесную страну. В начале своей деятельности декан Колет прибегал к этому методу. Того же нам следовало ожидать и от Савонаролы. Буквальные небо, землю и свет в Бытии 1:1,2 он объяснял как означающие: аллегорически — Адама, Еву и свет благодати, или евреев, язычников и Иисуса Христа; морально — душу, тело и активный разум; анагогически — ангелов, людей и видение Бога. В более поздние годы Колет, в ответ на послание Эразма, который настаивал на обилии значений библейского текста, отказался от своей прежней позиции и объявил, что обилие это заключается не во множестве смыслов, а в существовании одного, самого истинного¹²⁴⁵. В лучших своих местах Эразм подчеркивал важность единственного исторического смысла, применяя к толкованию Библии то же правило, которое он применял к толкованию других книг.

Даже когда Реформация уже шла полным ходом, старый иррациональный метод толкования еще практиковался. Епископ Лонгланд в проповеди на Притчи 9:1,2, произнесенной в 1525 г., объяснял слова «приготовила у себя трапезу» как означающие, что премудрость подала на своем духовном пире четыре блюда:

¹²⁴³ Такой здравомыслящий автор, как Реусс (р. 607), говорит, что комментариям на Песнь песней не было числа.

¹²⁴⁴ *Summa*, I. 1, art. x.

¹²⁴⁵ См. Lupton, p. 104, и Seebohm, pp. 30, 124 sq., 445-447.

историю, тропологию, анагогию и аллегория¹²⁴⁶. Три года спустя, в 1528 г., Тиндейл, переводчик Библии на английский язык, так говорил о средневековой системе экзегетики и о новой системе поиска буквального смысла Писания:

Паписты выделяют в Писании четыре значения: буквальное, тропологическое, аллегорическое и анагогическое. Буквальное значение вообще превратилось в ничто, ибо папа захватил его и сделал своей собственностью. Отчасти он скрыл его за ложным и противоречивым преданием, церемониями и сознательным обманом. Но вы должны понимать, что Писание имеет только один смысл, буквальный, и этот буквальный смысл есть корень и основание всего, якорь, за который надо держаться, чтобы не заблудиться и не сбиться с пути¹²⁴⁷.

Решительный шаг по направлению к новой экзегетике сделал Николай Де Ли́ра в своих беседах (*Postillae*), кратком комментарии ко всей Библии¹²⁴⁸. Комментатор, которого Виклиф называет тщательным и умелым разъяснителем Писания (*tamen copiosus et ingeniosus postillator Scripturae*)¹²⁴⁹, родился в Нормандии около 1270 г. и стал профессором в Париже, где оставался до самой смерти. Он знал греческий и научился еврейскому от одного раввина. Так как он знал еврейский язык, ходили ложные слухи, будто его мать была еврейкой. Де Ли́ра сделал новый латинский перевод, основанный непосредственно на оригинальном тексте, и иногда даже осмеливался предпочесть иудейские комментарии комментариям отцов церкви. Он признает в своем «Вступлении», что многим обязан произведениям рабби Раши.

Основная заслуга Де Ли́ры заключается в том, что он придавал большую важность буквальному значению Писания. Он настаивал, что только этот смысл должен приниматься во внимание при определении догмы. На практике же он допускал и второстепенный смысл, мистический или символический, про которые, однако, говорил, что ими злоупотребляют настолько, что просто душат (*suffocare*) буквальный смысл. Писание следует понимать в его буквальном значении, точно как обычно понимаются и наши собственные слова¹²⁵⁰. Его методы подготовили путь для новой библейской экзегетики и помогли покончить с изобиловавшей вымыслами порочной системой истолкования у схоластов, которые не знали ни греческого, ни еврейского. Его трудами пользовались не только Виклиф и Жерсон¹²⁵¹, но также и Лютер, который признавал его заслуги в продвижении буквального толкования Библии.

Хотя Виклиф не писал толкований к книгам Писания, он откомментировал молитву Господню, десять заповедей и многие тексты, и объяснения его имеют сугубо практический и народный характер. В своем трактате об «Истине Писания» он иногда объявляет, что обнаружение буквального значения — единственная задача здоровой экзегетики¹²⁵². Поколение спустя Жерсон был склонен настаивать

¹²⁴⁶ Farrar, p. 295.

¹²⁴⁷ *The Obedience of a Christian Man*, Parker Soc., p. 303 sq. Автор *Epp. obscurorum virorum* говорит, что слышал лекцию о поэзии, в которой стихотворения Овидия объяснялись *naturaliter, literaliter, historialiter et spiritualiter*. В своем предисловии к Пятикнижию Тиндейл говорит: «Писание имеет только один простой, буквальный смысл, свет которого совершенно невыносим для сов» (р. 394).

¹²⁴⁸ Труд Де Ли́ры был напечатан 8 раз до 1500 г. Издание, вышедшее в Риме в 1471 — 1473 г., состоит из пяти томов.

¹²⁴⁹ *De veritate scr. sac.*, I. 275. Виклиф цитирует Де Ли́ру (II. 100, etc.).

¹²⁵⁰ Prol. 2. *Omnes presupponunt sensum Lit. tanquam fundamentum, unde sicut aedificium declinans a fundamento disponitur ad ruinam expositio mystica discrepans a sensu lit. reputanda est indecens et inepta*. См. Reuss, p. 610.

¹²⁵¹ Du Pin ed., 1728, I. 3, etc.

на буквальном смысле как основополагающем, но не пошел дальше высказывания о том, что буквальный смысл следует принимать в той мере, в какой он согласуется с учениями церкви¹²⁵³.

Позже в XV веке свободный критический дух, порожденный литературным Возрождением, нашел в области экзегетики таких приверженцев, как Лоренцо Валла, Эразм, Колет, Везель и Вессель. Мы уже говорили, что Валла не только сомневался в подлинности истории о даре Константина, но и критиковал Августина и Вульгату Иеронима. Эразм пошел еще дальше, удалив из своего греческого Нового Завета (1516) поддельный фрагмент о трех свидетелях (1 Ин. 5:7), хотя и восстановил его в издании 1522 г. Он указал на несоответствие между предполагаемым высказыванием Стефана и рассказом в Книге Бытия, а также сомневался в авторстве Послания к евреям, в апостольском происхождении 2 и 3 Иоанна и в том, что Иоанн был автором Апокалипсиса.

Несмотря на существование подобных взглядов, Сорбонна в 1526 г. объявила заблуждением любые сомнения в авторстве какой-либо из книг Нового Завета. Эразм советовал всем, кто исследует Писание, хорошо изучить латинский, греческий и еврейский языки, а также другие предметы, особенно природные объекты — животных, растения, драгоценные камни и географию Писания¹²⁵⁴.

Ближе всех к экзегетическим принципам и доктринальным положениям реформаторов подошел француз Лефевр из Этапля, переводы Нового и Ветхого Завета которого предвещают эпоху Лютера. Лютеру и другим деятелям Реформации оставалось придать должный вес буквальному или историческому значению. А начиная со здоровой грамматической экзегетики Жана Кальвина мы отсчитываем уже новый период в толковании Священного Писания.

Первые типографии, от Лиона до Парижа и от Венеции и Нюрнберга до Кельна и Любека, сразу начали издавать Библию целиком или ее части, в большинстве своем — латинский текст. Первая печатная латинская Библия, вышедшая в Майнце без даты, в двух томах, появилась до 1455 г. и называется Библией Гутенберга, по имени печатника, или Библией Мазарини, так как экземпляр был найден в библиотеке кардинала Мазарини. До 1520 г. вышло не менее 199 ее печатных изданий. Из них 156 были латинскими, 17 немецкими (3 из немецких вышли в Нидерландах), 11 итальянскими, 2 богемскими и одно русским¹²⁵⁵. В Испании вышло два издания — лимузинское, в Валенсии (1478), и комплутенское, кардинала Хименеса (1514 — 1517). Англия намного отстала. Первый печатный Новый Завет там вышел только в 1526 г., хотя Кэкстон открыл свою типографию в Вестминстере в 1477 г.

К печатным изданиям всего Писания следует добавить его части, которые выходили в виде *plenaria* и *psalteria* — евангелий и Псалтири¹²⁵⁶, а также *postil-*

¹²⁵² *Sensus lit. scripturae est utrobique verus* (De ver., I. 73, 122).

¹²⁵³ Gerson, *De sensu lit. scr. sac.* Du Pin ed., 1728, I. 2 sq.: *sensus lit. semperest verus and sensus lit. judicandus est prout ecclesia a Sp. S. inspirata determinat et non ad cujuslibet arbitrium.*

¹²⁵⁴ *Paraclesis*.

¹²⁵⁵ Falk (pp. 24, 91-97) приводит полный список, с местами издания. Вальтер перечисляет 120 рукописей Библии в немецком переводе. В библиотеке Ленокс в Нью-Йорке есть копия Библии Мазарини. Первой книгой с указанием даты издания, места издания и имен печатников был *Psalterium*, изданный Фустом и Шеффером 14 августа 1457 г. См. Copinger: *Incunabula biblica or the First Half Century of the Latin Bible*, Lond., 1892.

¹²⁵⁶ Часто печаталась только краткая выдержка из Псалтири. Такие сборники были задуманы как учебники благочестия и, возможно, использовались также для заучивания текстов. См. Falk, p. 28 sqq.

lae, содержащих текст Писания с комментариями. В 1470 — 1520 г. было напечатано не менее 103 *postillae*¹²⁵⁷.

О тиражах отдельных изданий Библии мы можем только строить догадки. Неизвестно также, были ли такие книги распространены среди мирян¹²⁵⁸.

Новый путь, который проложил Эразм, издав свой Новый Завет, некоторые считали опасным. Дорпий, один из профессоров Лувена, в 1515 г. предвосхитил выход этой книги, упрекая Эразма за его смелый проект и объявляя признанный церковью текст Вульгаты свободным «от всякой примеси лжи и ошибок». Это, утверждал он, очевидно, так как церковь во все века принимала его, а отцы церкви использовали. Другой представитель лувенской кафедры, Латром, написал памфлет, в котором говорилось, что знание греческого и еврейского языка совсем не обязательно, чтобы исследовать Писание. В Англии Новый Завет Эразма по ряду причин критиковал Ли, архиепископ Йорка. Стэндиш, епископ Сент-Асафа, произнес во дворе собора Св. Павла ожесточенную проповедь о дерзости Эразма, выпустившего подобный труд. Кельнский университет был особенно разгневан попыткой Эразма, и Конрад из Херсбаха писал¹²⁵⁹:

Они открыли язык, называемый греческим, которого нам следует остерегаться. Это мать всех ересей. В руках многих лиц я видел книгу, которую они называют Новым Заветом. Это книга, полная терний и яда. Касательно же еврейского языка, братья мои, несомненно то, что изучающие его рано или поздно становятся иудеями.

Но среди людей, читавших текст Эразма, был Мартин Лютер, и он изучал это издание, чтобы разрешить проблемы, волновавшие его душу. Например, он просил своего друга Шпалатина {Георга Буркхардта} посоветоваться с Эразмом касательно высшей роли праведности закона, которую, по его мнению, великий ученый истолковал неверно в своих аннотациях на Римлян в *Novum Instrumentum*. Он полагал, что Эразм передумает, если прочитает труды Августина. Лютер говорил, что Августина, который знал один язык, он предпочитает Иерониму, знавшему пять языков.

До самого конца своей истории средневековая церковь официально не поощряла распространение Библии среди мирян. Напротив, она постоянно выступала против этого. В 1199 г. Иннокентий III в послании к епархии Метца, где еретики пользовались Писанием, напоминал, что по древнему закону животное, прикоснувшееся к священной горе, следовало забить камнями до смерти, и точно так же простым и необразованным людям нельзя прикасаться к Библии или брать на себя смелость возвещать ее учение¹²⁶⁰. Постановление Тулузского синода 1229 г., строго запрещающее мирянам читать Ветхий и Новый Завет в оригинале либо в переводе¹²⁶¹, так никогда не было ни отменено, ни отозвано ни папой, ни другим

¹²⁵⁷ Falk, p. 32. Слово *postilla* происходит от *post illa verba sicut textus evangelii* {«далее следует текст Евангелия»}. Их использование восходит к XIII веку.

¹²⁵⁸ Janssen (I. 23, 75) пытается доказать, что тиражи были велики. В подтверждение этого он приводит издание латинской грамматики Кохлея (1511), вышедшее тиражом в 1000 экземпляров, и труд Бартоломея Арнольди (1517), тиражом 2000 экземпляров. Себастьян Брант заявлял, что экземпляров Писания есть множество во всех странах, а гуманист Чельти — что священники при желании могут найти экземпляр Библии в любой таверне. У Тиндейла 6000 экземпляров Нового Завета вышли одним тиражом. Типография Кобергера, в Нюрнберге, гордилась тем, что выпустила не менее 25 изданий Библии в 1475 — 1520 г. Вульгата продавалась в Лондоне уже в 1580 г.

¹²⁵⁹ Hase, *Ch. Hist.*, II. 2, p. 493. Faulkner, *Erasmus*, p. 127 sqq. Послание Дорпия приводится в Nichols, II. 168 sqq.

¹²⁶⁰ Migne, CCXIV:695 sq.

¹²⁶¹ *Ne praemissos libros laici habeant in vulgari translatos arctissime inhibemus* (Mansi, XXIII. 194).

синодом. Ни до, ни после изобретения книгопечатания Библия не была свободно распространявшейся книгой. Жерсон действовал вполне в духе политики церкви, когда заявлял о множестве причин, по которым Писание не следует переводить на народные языки, помимо исторических разделов и тех мест, где есть моральное учение¹²⁶². В Испании Фердинанд и Изабелла были сторонниками строго церковной точки зрения, когда, накануне Реформации, под страхом суровой кары запрещали перевод Писания или обладание его копиями. За решительным постановлением английского архиепископа Арунделя, который в начале XV века запретил читать английский перевод Виклифа, последовало известное выступление архиепископа Бертольда Майнцского против распространения немецкой Библии в конце того же столетия (1485). Позиция Виклифа, утверждавшего, что Писание, как единственный авторитетный источник сведений о вере и жизни, должно свободно распространяться, в конце Средневековья поддерживалась только одним ученым, Эразмом, но он был под подозрением и готов был подчиниться суду церковной иерархии. Виклиф сказал: «Божий закон следует преподавать на самом известном языке, ибо это — Божья мудрость». Эразм же в своем *Paraclesis*¹²⁶³ произнес не менее смелые слова:

Я совершенно не согласен с теми, кто не хочет, чтобы Священное Писание читали необразованные люди в переводе на их собственный народный язык, как будто сила христианской веры заключается в человеческом невежестве. Совещания королей лучше держать в тайне, а Христос желал, чтобы Его тайны были как можно более открыты. Я хотел бы, чтобы немощнейшая из женщин могла прочесть евангелия и послания Павла. И я хотел бы, чтобы они были переведены на все языки, чтобы их читали и понимали не только шотландцы и ирландцы, но и турки с сарацинами. Я хочу, чтобы крестьяне пели стихи из них, следуя за плугом, чтобы ткач нашептывал их под гул своего станка, чтобы путник отдыхал после утомительного дня, читая их повествования.

За исключением высказываний Эразма, призывы к распространению Писания среди всех слоев общества в 1450 — 1520 г. были весьма редки, и католикам, несмотря на все предпринятые усилия, удалось найти их лишь несколько. Однако те немногочисленные случаи, о которых мы знаем, показывают, что, по крайней мере, в Германии и Нидерландах, народ жаждал распространения Библии на родном языке. Так, предисловие к немецкой Библии, выпущенной в Кельне в 1480 г., призывает всех христиан читать Библию с молитвой и с искренними намерениями. Ее учения ясны и понятны, хотя даже самые ученые люди не в состоянии постичь ее мудрость во всей полноте. Пускай ученые читают Вульгату Иеронима, а необразованный и простой народ может и должен пользоваться кельнским изданием, написанным на добром немецком языке. Учебник поклонения «Врата небес» (*Die Himmelsthür*, 1513) объявлял, что проповеди должны побуждать народ к усердному чтению немецкой Библии. В 1505 г. Якоб Вимфелинг говорил, что простые люди читают оба завета на своем родном языке, а потому и сами священники не должны пренебрегать чтением слова Божьего¹²⁶⁴.

Такие свидетельства уравниваются предостережениями об опасностях распространения Писания среди народа. Брант высказывался в этом духе, как и Гейлер Страсбургский, говоривший, что давать Писание в руки мирянам — все

¹²⁶² *Prohibendam esse vulgarem translationem librorum sac, etc. (Contra vanam curiositatem, Du Pin ed., I. 105).*

¹²⁶³ Basel ed., V. 117 sq.

¹²⁶⁴ Falk, p. 18. Janssen (I. 72) сообщает: грамотный крестьянин Ганс Вернер так хорошо знал Библию, что с ходу мог найти в ней тот или иной текст.

равно что давать в руки детям нож и просить их нарезать хлеба. Он считал «почти греховным печатать священный текст на немецком языке»¹²⁶⁵. Нападки архиепископа Бертольда на немецкие переводы Библии и их распространение среди народа, без сомнения, отражают общий настрой иерархии Германии и всей Европы¹²⁶⁶. В своем знаменитом эдикте германский примас заявлял, что немецкий язык — слишком варварский, чтобы передавать на нем возвышенные мысли греческих и латинских авторов, писавших о христианской вере. Библию не следует давать простым и необразованным людям, а тем более женщинам¹²⁶⁷. Он говорил о неразумных людях, которые используют Божий дар книгопечатания для издания запретных книг, и объявлял, что те, кто печатает священные тексты, руководствуются тщеславием или жадностью. В своем рвении архиепископ зашел так далеко, что вообще запретил переводы греческих и латинских авторов, а также торговлю их трудами без санкции докторов университетов Майнца или Эрфурта. Нарушение эдикта каралось отлучением, конфискацией книг и штрафом в 100 гульденов.

Этот декрет оказался так эффективен, что после 1488 г. и до 1522 г., когда Лютер опубликовал свой Новый Завет, вышло только четыре издания немецкой Библии, а все старые немецкие переводы, казалось, были забыты¹²⁶⁸. В Англии запрет Арунделя настолько отражал настроения народа, что в течение целого столетия не было предпринято ни одной попытки перевести Библию на английский, и первый экземпляр английского перевода был напечатан на английской земле только в 1530 г.¹²⁶⁹ Сэр Томас Мор, который писал на пороге английской Реформации, воспринимал декрет Арунделя как направленный против неверных переводов и пытался объяснить запрет на перевод Виклифа его ошибками. Он хотел опровергнуть обвинение в том, что церковь скрывала Библию от народа, но каким бы ни был смысл его слов (см. §42 в этом томе), факт остается фактом: Англия не торопилась обзаводиться печатным текстом Библии на родном языке, и католики выпустили такую Библию только в конце XVI века.

Тиндейл свидетельствует о нежелании старой гвардии иметь Библию на английском: «Одни паписты утверждают, будто бы невозможно перевести Писание на английский язык, другие — что миряне юридически не могут иметь ее на родном языке, а третьи — что из-за этого все они станут еретиками»¹²⁷⁰. Даже когда новые взгляды уже возобладали в Англии, Библия все еще боролась за

¹²⁶⁵ *Es ist fast ein böß Ding dass man die Bibel zu deutsch druckt*. Цит. Frietsche-Nestle в Herzog, II. 704.

¹²⁶⁶ Текст приводится в Mirbt, *Quellen zur Gesch. d. Papsttums*, p. 173.

¹²⁶⁷ *Quis enim dabit idiotis et indoctis hominibus et femineo sexui*, etc.

¹²⁶⁸ Reuss, p. 534. Последние четыре издания древней немецкой Библии выходили в Аугсбурге (1490), в Любеке (1494) и снова в Аугсбурге (1508, 1518).

¹²⁶⁹ Нам следовало бы ожидать заявлений о переводах Библии от Пикокка в его *Repressor of Overmuch Blaming of the Clergy*, 1450-1460, и он делает это в ходе опровержения позиции лоллардов, считавших, что все, во что необходимо верить и что необходимо делать, можно найти в Писании. А затем добавляет: «Нигде в Священном Писании не сказано, что Новый и Ветхий Завет должны быть написаны на английском языке для мирян и на латинском для клира» (Rolls Series, I. 119).

¹²⁷⁰ *Pref. to the Pentateuch*, Parker Soc. ed., Tyndale, *Doctr. Works*, p. 392. Арундель не указывал на ошибки в переводе Виклифа. Аббат Гаске (*The Old Engl. Bible*, p. 108, и *Eve of the Reform.*, p. 209 sqq.) пытается доказать, что Библия не была в Англии запрещенной книгой до Реформации. Однако свидетельств в защиту доступности Писания, которые он приводит, столь мало, что его дело представляется безнадежным. Dixon (*Hist. of the Ch. of Engl.*, I. 451) говорит, что Арундель «объявил войну английским переводам».

право быть читаемой. Перевод Тиндейла, напечатать который в Англии не удалось, был, по требованию Уолси, запрещен Генрихом VIII, а знаменитое сожжение во дворе Св. Павла в 1527 г. всех его экземпляров, которые смог собрать епископ Тонстолл, навсегда останется немой упреком всем тем, кто пытается доказать, будто бы церковные власти поощряли свободное распространение Слова Божьего. Тиндейл сказал: «Сжигая Новый Завет, паписты сделали то, чего я от них ждал; и если они сожгут меня, они не сделают ничего нового». То, чего он боялся, случилось, когда он был казнен в Вилворде (1536)¹²⁷¹. Тонстолл, без сомнения, выступал как представитель целого класса священства, когда упрекал Тиндейла за предложение переводить Библию и говорил: «Мы предпочли бы жить без Божьих законов, но не без папы». Мученика Хьюма повесили, найдя при нем английскую Библию. В 1543 г. в Англии читать Писания было разрешено только перед знатью. Шотландские власти присоединились к английским, когда синод в Сент-Эндрюсе (1529) запретил ввозить Библию в Шотландию.

Что касается Франции, то, по свидетельству знаменитого печатника Робера Стефана (родился в 1503 г.), в пору его молодости доктора Сорбонны знали о Новом Завете только по цитатам из Иеронима и Декреталиям. Он сказал, что он кое-что узнал о Новом Завете, лишь когда ему было уже больше пятидесяти лет. Лютер был уже зрелым мужчиной, когда впервые увидел латинскую Библию. В 1533 г. жителям Женева запрещалось читать Библию на немецком или французском языках, а все переводы должны были сжигаться¹²⁷². Если бы церковная иерархия победила, то строгая книжная инквизиция распространилась бы на все страны. В 1535 г. Франциск I закрыл типографии и объявил, что печатать религиозные книги без разрешения Сорбонны во Франции — это уголовное преступление. Римская католическая иерархия и до, и после Реформации выступала против свободного распространения Библии. В XIX веке папы один за другим подвергали анафеме библейские общества. В Испании, Италии и Южной Америке наказания распространителей Библии и сожжения самой Библии происходили вполне в духе указов Арунделя, Бертольда и епископа Тонстолла. Не следует также забывать, что, когда в 1870 г. Рим стал столицей Италии, папский закон потребовал изымать у всех входящих в папский город людей Библии, которые у них окажутся с собой.

С другой стороны, благодаря действиям реформаторов книги стали известны и свободно предлагались всем слоям общества. О том, как реформаторы собирались использовать книгопечатание для распространения веры и знаний, выразительно и интересно говорит мартиролог Фокс¹²⁷³:

Папе остается либо отменить книгопечатание, либо искать для себя новый мир, которым он сможет править, а иначе, пока стоит этот мир, книгопечатание приведет к упразднению его должностей. Папа и кардиналы должны понять, что в свете книгопечатания мир начинает прозревать и рассуждать... Бог открыл книгопечатание для проповеди, и этот голос папам не удастся заткнуть при всем могуществе их тиары. С помощью книгопечатания, равно как с помощью дара языков и исключи-

¹²⁷¹ Кохлей доложил английским властям о присутствии Тиндейла в Виттенберге и о его намерении выпустить английский Новый Завет и тем самым постарался предотвратить «ввоз этого опасного товара». Тонстолл утверждал, что обнаружил в Новом Завете Тиндейла не менее 2000 ошибок. См. Fulke, *Defence*, Parker Soc. ed., p. 61. Tyndale (*Pref. to the Pent.*, p. 373) говорит: «Паписты, чье Писание раньше ограничивалось лишь трудами Дунса и тому подобными дявольскими учениями, теперь выискивают ошибки в моем переводе, считая ими даже отсутствие точки над *i*».

¹²⁷² См. Baird, *Hist. of the Huguenots*, I. 57; Lindsay, *The Reformation*, II. 80.

¹²⁷³ *Book of Martyrs*, V. 355.

тельного посредничества Святого Духа, учение Евангелия звучит для всех народов и стран под небом, и то, что Бог открывает одному человеку, становится известно многим, а то, что известно одному народу, открывается всем.

ПРИМЕЧАНИЕ. Янссен и аббат Гаске стремятся доказать, что средневековая церковь не была против распространения ни латинской Вульгаты, ни Библии в переводах на народные языки. Доказательства, которые они выдвигают, натянутые и недостаточно веские. Они совершенно игнорируют громадное количество свидетельств в пользу обратного — например, свидетельства о том, как народ принял немецкое и английское Писание, вышедшее из рук реформаторов, и массу свидетельств реформаторов на этот счет. Гаске пытается опровергнуть доводы, основанные на эдикте Арунделя, но ничего не говорит о требовании Виклифа распространять Библию среди народа, из которого следует, что Библии у народа не было. Доктор Барри, принадлежащий к той же школе, в *Cambr. Mod. Hist.*, I. 640, говорит о «широчайшем чтении Библии в XV веке» и утверждает, что «только когда начались проблемы с лютеранами, такие проповедники, как Гейлер из Кайзерсберга, косвенно усомнились в уместности бесконтрольного чтения Библии на народных языках». Мы можем только удивляться размаху этого преувеличения, ведь Библии в основном были на латинском языке, на котором народ вообще не умел читать, а сам Гейлер умер в 1510 г., то есть за семь до того, как Лютер перестал быть благочестивым монахом-августинцем и могли начаться «проблемы с лютеранами». К тому же, «косвенные сомнения» Гейлера фактически были не чем иным, как безудержным протестом против чтения Библии. Янссен и Пастор (I. 23 sqq., 72 sqq., VII. 535 sqq.) выискивают сделанные вскользь свидетельства в пользу того, что народ в 1480 — 1520 г. все-таки читал Писание, но, насколько я в состоянии видеть, они напрочь отказываются упоминать о «предостережениях» Бранта, Гейлера и других деятелей, возражавших против чтения Библии мирянами, а в единственной сделанной ими ссылке на пресловутый указ Бертольда мы находим фразу, где архиепископ говорит о божественном происхождении искусства книгопечатания (*divina quaedam ars imprimendi*, I. 15).

§78. Народное благочестие

В последнее столетие Средневековья на религиозную жизнь мирян оказывали воодушевляющее воздействие некоторые новые изобретения, особенно в Германии. Там усилия по наставлению мирян в вопросах христианской веры были более жизненными и активными, чем в любом другом районе западного христианского мира.

В ответ на потребности народа создавались иллюстрации ко многим ранним изданиям Библии. Лучшие примеры таких изданий — кельнская Библия 1480 г., любекская Библия 1494 г. и венецианская Библия Малерми 1497 г. Пятнадцать из семнадцати немецких Библий, изданных до Реформации, были иллюстрированными.

Эта потребность нашла и более широкое выражение в области ознакомления людей с Писанием. Она привела к появлению так называемых *biblia pauperum*, Библий для бедных. Сначала это были отдельные листки, потом книги, содержащие до 40 — 50 изображений библейских сцен¹²⁷⁴. Похоже, сначала они были задуманы, чтобы помочь священникам обучать народ. На располагавшихся рядом рисунках были представлены эпизоды из двух заветов, пророческие символы и их исполнение. Так, обрезание Авраама, Иакова и Христа было изображено на трех картинках, причем на третьей запечатлено, как священник делает обреза-

¹²⁷⁴ Ed. Reuss, *D. deutschen Historienbibeln vor d. Erfindung d. Bücherdrucks*, 1855. — J. T. Berjeau, *Biblia pauperum*, Lond., 1859. — Laib u. Schwarz, *D. Biblia pauperum n. d. original in d. Lyceumbibl. zu Constanx, Zürich*, 1867. — Th. Merzdorf, *D. deutschen Historienbibeln nach 40 Hdschriften*, Tüb., 1870, 2 vols. — R. Muther, *D. ältesten deutschen Bilderbibeln*, 1883. — Falk, *D. Bibel an Ausgange d. MA*, p. 77 sqq. — *Biblia pauperum n. d. Wolfenbüttel Exemplare jetzt in d. Bibl. nationale*, ed. P. Heintz, *mit Einleitung über d. Entstehung d. biblia pauperum*, W. L. Schreiber, Strass., 1903. — Ср. *Bilderbibel* в Herzog, III. 214, и *Historienbibel* в Herzog, VIII. 155 sqq., а также *Bib. pauperum* в Wetzer-Welte, II. 776 sq. — Reuss, *Gesch. d. N. T.*, 524 sqq.

ние Христу. Рисунки сопровождалась объяснениями на латинском, немецком или французском языках.

Приведем пример того, какого рода информацию содержала подобная литература. Когда Адам умирал, он послал Сифа в сад за лекарством. Херувим дал ему ветвь с древа жизни. Когда Сиф вернулся, он обнаружил, что его отец умер и похоронен. Он посадил ветвь на могиле, и через 4000 лет из нее выросло дерево, на котором был распят Спаситель.

Лучшие из этих иллюстрированных библейских повествований находятся в Констанце¹²⁷⁵, Сен-Флориане, Австрия, и в библиотеках Мюнхена и Вены. Название *biblia pauperum*, возможно, было взято из Бонавентуры или из высказывания Григория Великого о том, что изображения — это Библия народа. В 1509 г. Лукас Крахнах выпустил в Виттенберге серию иллюстраций, посвященных страстям.

Заметной и вселяющей надежду новостью в Германии было появление многочисленных молитвенных учебников и религиозных наставлений, которые стали выходить вскоре после изобретения книгопечатания. Эта литература свидетельствует о рациональном интересе к религиозному обучению, хотя прежде всего она была предназначена не для обучения молодежи, а для помощи при молитве и для священников и мирян в момент приближения смерти¹²⁷⁶. Эти книги по большей части написаны на немецком. Вероятно, они были широко распространены. Они показывали простым христианам, что Божьи законы предназначены для повседневной жизни, и обучали основным положениям христианской веры. Некоторые из заглавий дают представление о намерениях авторов: «Наставник души» (*Der Seelenführer*), «Путь на небеса» (*Die Himmelstrasse*), «Утешение души» (*Der Seelentrost*), «Советник сердца» (*Der Herzmahner*), «Колокол молитвы» (*Das andächtige Zeitglöcklein*), «Тропа к вечному блаженству» (*Der Fusspfad zur ewigen Seligkeit*), «Огород души» (*Das Seelenwürgärtlein*), «Виноградник души» (*Der Weingarten der Seele*), «Духовная охота» (*Die geistliche Jagd*). Другая разновидность изданий была известна под общим названием *Beichtbüchlein* (*libri di penitentia*, или книги покаяния).

Кратко о намерениях создателей таких книг говорится в подзаголовке *Seelenführer*¹²⁷⁷, а именно: «Наставник души, полезная книга для каждого христианина, для благочестивой жизни и достижения святой смерти». Эта литература заслуживает внимательного рассмотрения потому, что она, как правило, мало изучалась исследователями позднего Средневековья, и потому, что она свидетельствует о ревностном желании немецкого клира распространять практическую веру среди народа. В *Himmelswagen*, «Небесной карете», вера, любовь, покаяние, терпение, мир, кротость и послушание были представлены как лошади. Троица — это возничий, а сама карета — милость Божья.

¹²⁷⁵ Экземпляр из Констанца, который хранится в музее Розенгартена, содержит много рисунков с пояснительными примечаниями на каждой странице. Меня особенно поразило изображение входа Христа в Иерусалим.

¹²⁷⁶ Bezold (p. 112) говорит о ряде таких учебников как *massenhaft*, а доктор Barry, *Cambr. Hist.*, I. 641, с риторической неточностью заявляет, что они продавались на книжных рынках. См. J. Geffcken, *D. Bibelcatechismen d. 15 Jahrh.*, Leipz., 1855. — B. Hasak, *D. christl. Glaube d. deutschen Volkes beim Schlusse d. MA*, Regensb., 1868. — P. Bahlmann, *Deutschland's kathol. Katechismen his zum Ende d. 16 Jahrh.*, Münster, 1894. — F. Falk, *D. deutschen Sterbebüchlein bis 1520*, Col., 1890. Также *Drei Beichtbüchlein nach den 10 Geboten*, Münster, 1907. Также *D. Druckkunst im Dienste d. Kirche bis 1520*, Col., 1879. — F. W. Battenberg, *Joh. Wolff, Beichtbüchlein*, Giessen, 1907. — Janssen-Pastor, I. 82 sqq. — Achelis, *Prak. Theol.*, II. 497 sqq. — Wiegand, *D. Apost. Symbol in MA*, p. 50 sqq.

¹²⁷⁷ Напечатана в Майнце, Peter Schöffner, 1498, 47 pp.

В этих небольших книгах в разных вариантах разъясняются 10 заповедей, 14 положений символа веры (на столько он был поделен), молитва Господня, заповеди блаженства, смертные грехи, пять органов чувств, дела милосердия и другие вопросы. «Утешение души», которое в 1474 — 1523 г. выдержало 16 изданий¹²⁷⁸, рассматривает 10 заповедей, 7 таинств, 8 заповедей блаженства, 6 дел милосердия, 7 духовных даров, 7 смертных грехов и 7 основных добродетелей, а также «знания, достойным которых считает меня Бог». Эта маленькая книжка была очень полезна, но истина иногда преподается в ней в удивительно образной форме. Например, там говорится о человеке, душа которого после смерти оказалась не в теле, а в сундуке с деньгами, и о девушке, которую во время танцев в пятницу поразил дьявол, но потом она обещала отказаться от греховных путей и исцелилась.

«Путь на небеса» состоял из 52 глав. В первых двух главах говорилось о вере и надежде, о радостях избранных и о страданиях грешников, а в заключительных 4 главах описаны святая смерть, как дьявол искушает умирающих и какие вопросы следует задавать больным. «Зеркало христианина» Дитриха Кольде, один из самых популярных учебников, в первых двух из 46 глав освещает Апостольский символ веры, а в последней — признаки доброго христианина. Первое издание появилось до 1476 г., двадцать третье — в Дельфте в 1518 г.¹²⁷⁹

Во многих учебниках говорится о ценности семейной веры. Родителей призывают учить детей символу веры, 10 заповедям, молитве Господней, молиться утром и вечером, водить их в церковь на мессу и проповеди. В «Наставнике души» сказано: «Дом христианина должен быть первой школой для молодежи и ее первой церковью».

«Путь на небеса»¹²⁸⁰, написанный Стефаном фон Ландскроном, или Ланцкранна, деканом Вены (ум. в 1477), весьма привлекательно описывает дом христианина. Глава семьи, как образец для подражания, ходит в церковь со своей женой, детьми и слугами каждое воскресенье и слушает проповедь. Вернувшись домой, он вспоминает с домашними тему проповеди и слушает, как они повторяют десять заповедей, молитву Господню и перечисляют семь смертных грехов. Затем, подкрепившись напитком, *Trinklein*, они поют песню, обращенную к Богу, Марии или одному из святых. «Утешение души» советует родителям расспрашивать своих домашних по поводу положений веры и того, о чем дети узнают в школе или в церкви. «Распорядок жизни христианина»¹²⁸¹ призывает родителей держать детей подальше от улиц, отправлять их в школу, осмотрительно выбирать им учителей, а прежде всего праведно жить самим и «прокладывать путь» своим детям, практикуя все добродетели.

Самая подробная и достойная упоминания из книг покаяния, задуманных специально для подготовки к исповеди, — труд Иоганна Вольфа. Этот праведник, капеллан церкви Св. Петра во Франкфурте, написал свою книгу в 1478 г.¹²⁸²

¹²⁷⁸ См. список изданий в Bahlmann, p. 13 sq. Кельнское издание 1474 г. хранится в Лондонском музее.

¹²⁷⁹ Bahlmann, pp. 17-19. Первая датированная рукописная копия относится к 1470 г.

¹²⁸⁰ Bahlmann (p. 7) указывает как вероятную дату его составления 1450 г. Первое печатное издание, аугсбургское, вышло в 1484 г. См. также Geffcken, pp. 107-119.

¹²⁸¹ Бахлманн приводит его текст полностью (pp. 63-74).

¹²⁸² См. Falk, *Drei Beichtbüchlein*. Учебник Вольфа приводится на стр. 17-75. Фальк приводит также книгу покаяния, напечатанную в Нюрнберге (1475, pp. 77-81), и учебник, напечатанный в Аугсбурге (1504, pp. 82-96).

Он весьма интересовался распространением религиозных знаний. На его могиле, которая была обнаружена в 1895 г., он назван «доктором десяти заповедей», а десять заповедей представлены в виде десяти изображений. Каждая обозначена рукой с поднятым пальцем или несколькими пальцами. Такие изображения встречались довольно часто и вывешивались в конце средних веков на стенах церквей.

Книга Вольфа, учебник повседневной христианской жизни, подробно описывает 10 заповедей, а также поступки и мысли, которые являются их нарушением, и предлагает грешнику соответствующую проступку исповедь. Например, исповедуясь в нарушении четвертой заповеди, грешник говорит: «Я занимался в пятницу грубым трудом, возделывал землю, удобрял поля, колол дрова, прят, шил, покупал и продавал, танцевал, вовлекал людей в танец, играл в игры и занимался другими греховными вещами. Я не слушал мессы и проповедь и не нес служение Всемогущему Богу». За объяснением десяти заповедей следует список из пяти основных грехов (ростовничество, убийство, воровство, содомия и невыплата денег работникам), шести грехов против Святого Духа, семи дел милосердия, таких как посещение больных, предоставление одежды нищим и погребения мертвым, также разъясняются таинства, заповеди блаженства, семь даров Святого Духа и покаяние. Труд завершается описанием преимуществ, которые можно извлечь из частого повторения десяти заповедей, и опровержением тринадцати причин, которыми люди объясняют свой отказ повторять их и постоянно следовать их наставлениям (например, что их текст будто бы трудно запомнить).

Эти учебники, предназначенные для обстоятельного обучения взрослых и детей, знаменуют новую эпоху в истории религиозного образования. От древней церкви до нас не дошло ни одного катехизиса. Катехумены, к которым были обращены речи Августина и Кирилла, были взрослыми. В XIII веке синоды начали призывать к подготовке сводов религиозных знаний для мирян. Так поступали синоды в Ламбете (1281), Праге (1355) и Лаворе, Франция (1368). Синод в Тортозе (1429) велел своим прелатам подготовить краткий комpendium с точными определениями того, что необходимо знать народу и что должны объяснять ему пастыри каждое воскресенье в течение года. Жерсон приближался к катехетическому методу (см. в этом томе §23) и после своих многолетних занятий заявил, что реформа церкви должна начинаться с детей (*a parvulis eccelsiae reparatio et ejus cultura incipienda*)¹²⁸³. В своем труде *Tripartite* он охватывает десять заповедей, исповедь и размышления для умирающих. Катехизисы в форме вопросов и ответов появились только в период лютеранской Реформации. Сам термин «катехизис», применительно к такому учебнику, был впервые использован Лютером (1525), а первой книгой с таким названием стал катехизис Андреаса Альтхаммера, вышедший в 1528 г. Два катехизиса Лютера вышли год спустя. Первая католическая книга с таким названием была подготовлена Георгом Вицелием (1535).

В Англии создавались аналоги немецких книг покаяния — буквари (*Prymers*)¹²⁸⁴, первый из которых относится к 1410 г. Они распространялись на латы-

¹²⁸³ Труды Жерсона, Du Pin ed., III. 280. Лютер, в том же духе, писал в 1516 г. (Weimar ed., I. 450, 494), что если в церкви должно наступить пробуждение, то оно должно начинаться с обучения детей. От более раннего периода до нас дошла только одна книга, соответствующая описанному выше учебникам, — сочинение монаха из Вейсенберга, IX века. См. две статьи о катехизисах в *Presb. Banner*, Dec. 31, 1908, Jan. 7, 1909, автор D. S. Schaff.

¹²⁸⁴ Maskell, *Monumenta ritualia*, 2^d ed., 1882, III, pp. ii-lxvii, и репринт одного букваря, III. 3-183. Доктор Эдуард Бартон издал три букваря, изд. 1535, 1539, 1545, Оксфорд, 1834. См. также Proctor, *Hist. of the Bk. of Com. Prayer*, p. 14 sq. Проктор называет букварь «книгой, которую

ни и на английском и предназначались для наставления мирян. Они содержали календарь, часы, посвященные Деве, литанию, молитву Господню, символ веры, десять заповедей, 7 покаянных псалмов, 7 смертных грехов, молитвы и другие темы. Эта книга упоминается в «Петре Пахаре» и нередко в XV веке как широко известная¹²⁸⁵. «Азбука» также заслуживает упоминания. Это приспособление для изучения алфавита и молитвы Господней состояло из прямоугольной доски с ручкой, которую держали, как сегодня держат ручное зеркальце. С одной или с обеих сторон были вырезаны или напечатаны буквы алфавита и молитва Господня. Азбуки, вероятно, не были распространены до конца XVI века, но появились они в середине XV века¹²⁸⁶.

Еще ближе к катехетической идее подошел Колет, приведший основные религиозные знания в приложении к своей начальной грамматике, которая должна была использоваться в школе Св. Павла. Там есть Апостольский символ веры, молитва Господня, объяснение любви к Богу и ближнему, 46 особых «предписаний для жизни» и две молитвы. Обычно этот сборник называют *Catecheyzon*¹²⁸⁷.

Религиозные наставления представлялись также в виде серий картин, называвшихся «Танцами смерти», и через миракли¹²⁸⁸. В «Танцах смерти», постоянном *memento mori*, смерть представлена в образе скелета, который является людям любой профессии и любого класса общества. Нет людей таких святых или таких могущественных, чтобы они избежали ее вмешательства, и нет людей столь смиренных, чтобы она не обратила на них внимания. Смерть представлена то серьезно, то комически. Она то вежливо уводит свою жертву, то держит ее под ручку, то тащит или бьет ее. Где-то на картинке обязательно присутствовали песочные часы, мрачно напоминающие зрителю, что время его жизни неизбежно истечет. Эти изображения делали на мостах, домах, окнах церковных зданий и стенах монастырей. Древнейшие образцы присутствуют в Миндене (1383), в Париже во дворе францисканского монастыря (1425), в Дижоне (1436), в Базеле (1441), в Кройдене, в лондонском Тауэре, в соборе Солсбери (1460), в Любеке (1463)¹²⁸⁹.

В XV веке в Германии и Англии наблюдался расцвет религиозной драмы¹²⁹⁰. Актерами теперь были миряне. Представления проходили на площадях и ули-

Английская церковь одобряла для индивидуального назидания народа в течение 150 лет перед Реформацией». A. W. Tuer, *Hist. of the Horn Book*, 2 vols., Lond., 1896. Иллюстрированные и очень красивые издания.

¹²⁸⁵ Maskell (III, pp. xxxv-xlix) говорит, что название *Prymer* возникло уже в начале XIV века.

¹²⁸⁶ Вероятно, их название, *Horn-book*, происходит от животного рога, которым закрывали таблицу для защиты ее от грязных пальцев. Азбуки, говорит Тьюэр, активно использовались в Англии, Шотландии и Америке до конца XVIII века. Потом они совершенно исчезли, так что даже Глэдстоун заявлял, что «ничего не знает о них» (Tuer, I, p. 8).

¹²⁸⁷ Текст есть в Lupton, *Life of Colet*, pp. 285-292.

¹²⁸⁸ G. Peignot, *Recherches sur les Danses des morts*, Paris, 1826. — C. Douce, *The Dance of Death*, London, 1833. — Massmann, *Literatur der Todtentänze*, etc., Leipzig, 1841. — R. Fortoul, *Les Danses des morts*, Paris, 1844. — Smith, *Holbein's Dance of Death*, London, 1849. — G. Kastner, *Les Danses des morts*, Paris, 1852. — W. Bäumker, *Der Todtentanz*, Frankfurt, 1881. — W. Combe, *The Engl. Dance of Death*, new ed., 2 vols., N. Y., 1903. — Valentin Dufour, *Recherches sur la danse macabre, peinte en 1425, au cimetiere des innocents*, Paris, 1873. — Wetzter-Welte, *Todtentanz*, XI, 1834-1841.

¹²⁸⁹ Уильям Данбар, шотландский поэт, создал юмористическое произведение *The Dance of the Sevin Deidlie Synnis* (1507?), — вероятно, описание пирушки, состоявшейся при дворе во вторник на масленицу. Каждый из кардинальских грехов исполняет там танец. Ward-Waller, *Cambr. Hist. of Lit.*, II, 289, etc.

¹²⁹⁰ Помимо литературы, приведенной в т. V, см. F. E. Schelling, *Hist. of the Drama of Engl., 1558 — 1642, with a Résumé of the Earlier Drama from the Beginning*, Boston, 1908.

цах. Люди смотрели на них из окон домов и стоя на улице. В 1412 г. во время представления пьесы о святой Доротее на рыночной площади в Баутцене крыша одного из домов обрушилась и 33 человека погибло. Шутовство и фарс теперь стали обязательными чертами представления. Они облегчали восприятие, не препятствуя религиозной полезности пьес. Дьявол стал объектом постоянных издевательств и насмешек. Люди находили в таких представлениях назидание, которого, возможно, не могли получить от священника. Разыгрывались разнообразные сцены, от сотворения мира и грехопадения Люцифера до последнего суда и от смерти Авеля и жертвоприношения Исаака до Распятия и Воскресения.

Миракли и моралите, разыгрываемые актерами в живую, были для средних веков тем же, что «Путешествие Пилигрима» для пуритан. Они исполнялись от Рима до Лондона на свадьбах, при визитах князей и просто для развлечения народа. Мы знаем, что их представляли перед Сигизмундом и прелатами во время торжественных заседаний собора в Констанце, что в доме епископа Солсберийского в 1417 г. разыгрывалась пьеса о Рождестве и избиении младенцев, а в соборе Св. Петра в 1473 г. представляли пьесу о Сусанне и старцах в честь Леоноры, дочери Ферранте Неаполитанского. Во время популярной пьесы по притче о десяти девах в Эйзенахе (1324) маркграф Фридрих был так тронут мольбами пяти неразумных дев и их неспособностью получить помощь от Марии и святых, что воскликнул: «Так чего же стоит христианская вера, если грешники не могут получить милость при ходатайстве Марии?» По рассказам, вскоре после этого он впал в меланхолию и умер.

Из четырех английских циклов мираклей — в Йорке, Честере, Ковентри и Таунли, или Уэйкфилде, — Йоркский цикл восходит к 1360 г. и содержит от 48 до 57 пьес. Честер и Ковентри были традиционными центрами религиозной драмы. Подвижную сцену на колесах катили по улицам. Часто представление устраивали гильдии: цирюльники, дубильщики, штукатуры, мясники, торговцы специями и свечами¹²⁹¹. Профессия актера стала оплачиваемой начиная с XIV века.

Честерский цикл был посвящен теме Ноева ковчега — популярной по всей средневековой Европе. После того как Бог объявил патриарху о Своей воле, три его сына и их жены предложили помочь ему в строительстве ковчега. Только жена Ноя не участвовала в работе и ворчала, в то время как остальные трудились. Ной, несмотря на свое знаменитое терпение, воскликнул:

*Господи, как раздражительны эти женщины,
И, осмелюсь сказать, они не так уж кротки!*

Но ничего не изменилось, и патриарх продолжил работать молотом и топором, приговаривая:

*Я скрепляю вместе эти доски,
Чтобы спасти нас от непогоды,
Чтобы мы могли уплыть далеко-далеко
И спастись от потопа¹²⁹².*

Когда ковчег был закончен, во все его отсеки были определены животные и птицы. По мере их размещения супруга Ноя опять стала ругаться, и Ной попросил Сима успокоить ее:

¹²⁹¹ Поллок приводит список из 48 гильдий Йорка со списком пьес, которые разыгрывала каждая из них (pp. xxxi-xxxiv). У нас есть сведения о представлениях, которые проходили более чем в сотне английских городов и сел (Pollock, p. xxiii).

¹²⁹² Текст см. в Pollock, p. 8 sqq. Супругу Ноя было принято изображать как сварливую женщину. Так делает Чосер в «Рассказе мельника».

Сим, сынок, смотри, твоя мать сердится.

Сим сказал ей, что они уже вот-вот отплывут, но она не хотела заходить в ковчег, так что им всем вместе пришлось затащить ее внутрь.

Одна из лучших английских пьес, «Обыватель» (*Everyman*), посвящена теме неизбежности смерти и суда¹²⁹³. Бог посылает к Обывателю Смерть. Стараясь противостоять ей, Обыватель зовет своих друзей — Общение, Богатство, Силу, Красоту и Добрые дела, чтобы те помогли ему или, по крайней мере, сопровождали его в пути. Но они все отказываются. Тогда он обращается к Покаянию и так говорит ему о власти священников:

*Бог дал священнику больше власти,
Чем любому ангелу на небесах.
Пятью словами он освящает
Тело Божье, плоть и кровь для причастия,
И держит в руках своего Творца.
Священник связывает и разрешает все узы
На земле и небесах,
Он совершает все семь таинств.*¹²⁹⁴

Такие пьесы были впечатляющими проповедями, популярной школой нравственности и религиозных знаний, средневековой Чатауквой¹²⁹⁵. Их продолжали ставить в Англии до XVI века и даже в правление Иакова I, когда их вытеснила современная драма. Последний пример религиозной средневековой драмы — пьеса о страстях, представленная в Обераммергау, на холмах Баварии. Вслед за обетом, принятым во время серьезной эпидемии 1634 г., «Обывателя» представляли с тех пор каждые десять лет, а потом и чаще. После 1860 г. на эти представления стали собираться толпы зрителей из далеких стран. Очередной показ назначен на 1910 г. Авторы отзываются о пьесе как о впечатляющей проповеди в виде доходчивых сцен, как о ревностном поклонении простосердечных и благочестивых католиков из далекой горной деревушки.

Паломничества и поклонение реликвиям в XV веке были не менее популярны, чем в предыдущие периоды средних веков¹²⁹⁶. В Германии и Англии распространялись справочники для паломников со словарями, географическими и другими сведениями¹²⁹⁷. Иерусалим продолжал привлекать князей и прелатов, а также лиц менее высокого положения. Фридрих Мудрый Саксонский, осторожный, но верный друг Лютера, тоже присоединился к паломникам конца Средне-

¹²⁹³ Текст см. у Поллока. Пьеса была вновь поставлена в Нью-Йорке зимой 1902 — 1903 г. и шла в трех театрах, вызвав временный интерес.

¹²⁹⁴ *God hath to priest more power given
Than to any angel that is in heaven.
With five words, he may consecrate
God's body in flesh and blood to take
And handleth his Maker between his hands:
The priest bindeth and unbindeth all bands
Both in earth and in heaven,
He ministers all the sacraments seven.*

¹²⁹⁵ {Существовавшая с конца XIX века христианская школа в штате Нью-Йорк, первоначально — для подготовки учителей воскресных школ.}

¹²⁹⁶ См. Erasmus, *Praise of Folly, Enchiridion and Colloquies*. — Gasquet, *Eve of the Reformation*, pp. 365-394. — G. Ficker, *D. ausgehende Mittelalter*, Leipzig, pp. 69-73. — H. Siebert (католик), *Beiträge zur vorreformatorischen Heiligen-und Reliquienverehrung*, Frei b. im Br., 1907. — Bezold, p. 105 sqq., Janssen-Pastor.

¹²⁹⁷ Falk-Druckkunst, pp. 33-37; 44-70 etc. Siebert, p. 55 sq. — Wey, *Itineraries*, ed. Roxburghe Club, 1857.

вековья. Уильям Уэй из Англии, который побывал в Святой Земле в 1458 и 1462 г., рассказывает нам, как паломники пели «О, благой град Иерусалим» (*Urbs beata*), высаживаясь в Иоппии. Сэр Ричард Торкингтон и сэр Томас Тэппе, оба служители церкви, совершили путешествие туда в тот самый год, когда Лютер прибил свои «Тезисы» к двери церкви. В «святые» 1450 и 1500 годы в Рим стекались толпы народа, жаждавшие увидеть святой город и обеспечить себе небесные блага, обещанные верховным понтификом. Местные святилища также привлекали постоянный поток паломников.

В число популярных святынь Германии входили святая кровь в Штернберге (с 1492 г.), образ Марии в Гримментале (с 1499 г.), исцелявший от «французской болезни», голова святой Анны в Дюрене (с 1500, эта реликвия была украдена из Майнца). Святая плащаница из Трира увидела свет в 1512 г. Как и в дни процветания крестовых походов, в Германии опять началась эпидемия детских паломничеств — например, в 1457 г. большие толпы детей отправились в монастырь Св. Михаила в Нормандии, а в 1475 г. — в Вилснак, где хранилась кровь, которая по-прежнему считалась святой, несмотря на разоблачения Николая Кузанского¹²⁹⁸. Самыми знаменитыми местами паломничества в Германии были Кельн с его останками трех волхвов и Аахен, где хранились одежда Марии, пеленки Иисуса и перевязь, которая была на Нем при распятии, а также другие бесценные реликвии. Некоторое представление о популярности паломничеств можно получить, посмотрев на приводимые цифры, хотя они могут быть преувеличены. В 1466 г. 130 тыс. человек посетило праздник ангелов в Эйнсидельне, Швейцария, а в 1496 г. привратник в Аахене насчитал 146 тыс. прибывших¹²⁹⁹. За 14 дней, в течение которых реликвии были выставлены на обозрение, в казну церкви Св. Марии в Аахене было пожертвовано 85 тыс. гульденов.

Были популярны и внушительные религиозные процессии, такие как шествие в Эрфурте (1483) во время засухи. Оно продолжалось с 5 утра до вечера. Толпы переходили из церкви в церковь. Среди участников было 948 школяров (весь университет), 2141 мирянин, 312 священников, монахи пяти монастырей и группа из 2316 девушек с распущенными волосами и со свечами в руках. Немецкие синоды обращали внимание на злоупотребления паломничествами и старались пресекать эти злоупотребления¹³⁰⁰.

Английские паломники, не удовлетворяясь путешествиями в Рим, Иерусалим и святые места собственного острова, обратили свои стопы также к могиле святого Иакова из Компостеллы, Испания. В 1456 г. Уэй отправил семь кораблей с паломниками в этот испанский город. Среди популярных английских святынь были церкви Св. Эдмунда в Бери, Св. Этельриды в Эли, святой капюшон в Боксли, святая кровь в Гэйлсе и, самые популярные из всех, могила Фомы Бекета в Кентербери, а также церковь Нашей Блаженной Госпожи в Уолсингеме. Дорога в Уолсингем была такой оживленной, что говорили, будто Провидение поместило Млечный Путь на небесах именно так, чтобы он святил прямо над ней и

¹²⁹⁸ См. рассказ очевидца, священника-летописца Конрада Штолле из Эрфурта (Ficker, p. 69 sq.).

¹²⁹⁹ Bezold, 105 sq., Janssen, I. 748. См. ст. *Relic worship in the Heart of Europe*, в *Presb. Banner*, Sept. 16, 1909, D. S. Schaff, о посещении Эйнсидельна, куда в 1908 г. прибыло 160 тыс. паломников, и Аахена, где «великие реликвии», выставаемые раз в семь лет, были продемонстрированы 9-21 июля 1909 г. и, согласно франкфуртской прессе, привлекли 600 тыс. паломников.

¹³⁰⁰ Janssen (I. 748-760) объясняет популярность паломничеств в Германии «зудом странствий» (*currendi libido*).

направлял верующих к святому месту. К этим двум святыням устремлялись непрерывные процессии верующих странников, в том числе королей и королев, не говоря уже о менее выдающихся личностях. Мы уже упоминали об описании Эразма в его *Colloquies*. В Уолсингеме ему показали святилище Девы, украшенное драгоценными камнями, серебром и золотом и озаряемое горящими свечами. Там была калитка, проходя через которую паломник должен был пригнуться, но рассказывали, что однажды, с помощью Девы, через нее проехал верхом рыцарь в броне, спасающийся от преследования. Особенно подробно хладнокровный ученый описывает застывшее молоко Девы. Когда он спросил, по каким причинам это молоко считают подлинным, ему указали на удостоверяющую надпись высоко на стене. Но благословения Уолсингема на этом не заканчивались. Эразму удалось получить в свое распоряжение еще и среднюю фалангу одного из пальцев апостола Петра.

В Кентерберии Эразм и Колет видели череп Бекета, весь покрытый серебром, за исключением того места, где его пронзил роковой кинжал. Колет тут же вспомнил, как Фома был добр к бедным при жизни, и сказал, что этот святый, находящийся на небесах, возможно, был бы не прочь, чтобы сокровища, собранные на его могиле, раздали в качестве милостыни. Когда был открыт сундук и монах вытащил наружу носовой платок архиепископа, Колет мгновение подержал его в руках, а потом с отвращением бросил. Фома Кемпийский говорил, что те, кто увлекается паломничествами, редко бывают святы (*raro sanctificantur, qui multum peregrinatur*)¹³⁰¹. В одной из немецких книг покаяния есть восклицание: «Увы! Как редко люди отправляются в паломничества по праведным причинам!» Через двадцать пять лет после визита Эразма и Колета каноники Уолсингема, обвиненные в подделке реликвий, были отвезены в Челси и сожжены по королевскому приказу, а могила святого Фомы опустошена и разбита.

Святых продолжали чтить. У каждого святого была своя определенная профессия, как в шутку говорил Эразм. Одному молились в случае зубной боли, другому — для облегчения родов, третьему — о помощи в долгом путешествии, четвертому — о защите скота. Каждое утро люди просили святого Христофора защитить их от смерти в течение дня, святого Роха — уберечь их от заразы, святого Георгия и святую Варвару — не дать им оказаться в руках врагов. Эразм считал, что этим сказочным святым молятся больше, чем Петру и Павлу, а может быть, и самому Христу¹³⁰². Сэр Томас Мор, защищая поклонение святым, выражал свое изумление «безумием еретиков, которые ропщут против обычая церкви Христовой».

Прекрасный пример того, как Рим поощрял поклонение реликвиям, — исключительный прием, оказанный папой эпохи Возрождения, Пием II, голове святого Андрея.

В Германии князья, наряду с прелатами, собирали священные мощи и другие предметы, якобы обладавшие чудесной силой, поклонение которым часто награждалось почти безграничной милостью прощения грехов. В Германии XV века, как и в Англии во дни Чосера, монахи были поставщиками этого товара, от костей Валаамовой ослицы до соломы из яслей Христа и перьев из крыл архангела Михаила. Николас Муффель из Нюрнберга горевал, что за 33 года поисков смог собрать только 308 реликвий. К сожалению, эти реликвии не уберегли его

¹³⁰¹ *Imit. of Christ*, I. 1, ch. 23. См. Siebert, p. 55.

¹³⁰² *Praise of Folly*, pp. 85, 96, и *Enchiridion*, XII, p. 135.

от преступления — воровства, за которое он и попал на виселицу¹³⁰³. В Вене демонстрировались такие раритеты, как фрагмент ковчега, капля пота из Гефсиманского сада, частичка ладана, который был подарен Христу волхвами с Востока. Альбрехт, архиепископ Майнца, способствовал обнаружению не менее 8133 священных фрагментов и 42 целых тел святых. Эта коллекция, размещенная в Галле, включала в себя гостию (собственное тело Христа, которое Христос Сам принес в жертву, когда находился в могиле), статую Девы с полной бутылкой ее молока, висевшей у нее на шее, несколько сосудов, использовавшихся в Кане, вместе с вином, которое Иисус сотворил из воды, щепотку подлинной манны, собранной евреями в пустыне, и горсть земли с поля в Дамаске, из которой Бог сделал Адама.

Самой примечательной была коллекция Фридриха Мудрого Саксонского¹³⁰⁴. Сохранилось подробное описание ее сокровищ, сделанное Андреасом Мейнгардом, который тогда только что стал магистром искусств. А по пути в Виттенберг (1507) Андреас встретил Рейнгарда, еще только собиравшегося поступить в университет. Электор, совершая путешествия в Иерусалим, собрал немалое количество священных предметов — 5005 штук. В течение года коллекция выставлялась в *Schlosskirche*, где Мейнгард и его попутчик осматривали ее с восхищением и слепой верой. Там были терний из венца Христа, туника, принадлежавшая Иоанну Крестителю, молоко из груди Девы, камень с Голгофы, фрагмент стола, за которым проходила последняя вечеря, куски скалы, на которой стоял Христос, когда оплакивал Иерусалим и собирался вознестись на небеса, полностью сохранившиеся мощи одного из вифлеемских младенцев, один из пальцев святой Анны, «благословеннейшей из бабушек» (*beatissimae aviae*), обломки жезлов Аарона и Моисея, фрагмент пояса Марии и немного соломы из вифлеемских яслей. Мейнгард справедливо замечает, что, если бы деды могли воскреснуть из мертвых, они подумали бы, что сам Рим переместился в Виттенберг. Каждая из этих реликвий уменьшала поклоняющемуся период прощения грехов на 100 дней. Доверчивость Фридриха, который собирал все это, и народа в целом показывает, в какой атмосфере воспитывался Лютер и чего ему стоило начать борьбу против укоренившихся верований своего поколения.

Почтительное отношение к Деве в эпоху великих схоластов достигло апогея, и невозможно было обращаться к ней в более лестных выражениях, чем это делают в своих трудах Альберт Великий и Бонавентура. С Марией было проще договориться, чем с ее Сыном. В *Hortulus animae* («Сад души») рассказывается история о клирике, который привык с верой произносить каждый день *Ave Maria*. Ему явился Христос и сказал, что Мать очень довольна молитвами священника и очень любит его, но ему не следовало бы забывать и о молитвах, непосредственно обращенных к Сыну. Книга «Небесная карета» призывает грешников искать убежища под покровом Марии, где они обретут всю полноту милосердия и прощения¹³⁰⁵. Эразм замечал, что люди, слепо преданные Марии и молящиеся ей по любому поводу, ставят мать впереди Сына¹³⁰⁶. В 1456 г. Калликст III рекомендовал использовать *Ave Maria* для защиты от турок. В английских букварях присутствовали следующие приветствия:

¹³⁰³ Bezold, p. 99; Siebert, p. 59.

¹³⁰⁴ *Die Universität Wittenberg nach der Beschreibung des Mag. Andreas Meinhard*, ed. J. Hausleiter, 2^d ed., Leipzig, 1903.

¹³⁰⁵ Siebert, p. 39.

¹³⁰⁶ *Praise of Folly*, p. 85.

Благословенна ты, Дева Мария, родившая Господа, Творца мира. Ты зачала Того, Кто сотворил тебя, и остаешься вечно Девой. Благодарение Богу.

Приветствуем тебя, звезда морей, святая мать Божья, вечная дева, блаженные врата небес¹³⁰⁷.

Учение о непорочном зачатии в его крайнем проявлении, согласно которому Мария с самого начала была свободна от первородного греха, было утверждено собором в Базеле¹³⁰⁸, но такое решение еще не было санкционировано всей церковью. Сикст IV (1477 и 1483) заявил, что вопрос об этой догме остается открытым и священный престол еще не высказался на эту тему. Однако Парижский университет в 1497 г. ревностно выступил в защиту данной доктрины и обязал своих членов дать клятву, что они будут ее придерживаться. Эразм, сравнивая хитросплетения схоластов с писаниями апостолов, отмечал, что схоласты пылко выступали за непорочное зачатие, тогда как апостолы, которые лично знали Марию, никогда не пытались доказать, что она была свободна от первородного греха¹³⁰⁹.

К поклонению Марии добавлялось поклонение Анне, матери Марии. Предположительные имена родителей Марии, Анны и Иоахима, были взяты из апокрифического Евангелия Иакова и апокрифического Евангелия детства Иисуса. Иероним и Августин относились к этой информации с подозрением, а также сомневались, что эта пара сочеталась браком в Вифлееме, жила в Назарете, получила от ангелов уведомление о рождении Марии и что Анна после смерти Иоахима вступила в брак во второй и в третий раз. Крестоносцы привезли с собой в Европу связанные с Анной реликвии, и постепенно она стала признанной святой. Ее культ быстро распространялся. Александр VI был преданным поклонником Анны. В ее память строили церкви и госпитали. Тритемий написал книгу, восхваляя ее, а художники, такие как Альбрехт Дюрер, изображали ее рядом с Марией¹³¹⁰. Ее считали святой покровительницей рожениц и рабочих на медных рудниках. Сам Лютер был одним из ее пылких почитателей. Альбрехту из Майнца и Фридриху Мудрому посчастливилось иметь в своих коллекциях по пальцу этой святой¹³¹¹.

Если судить об уважении к святым по священной поэзии, то Дева Мария была главным персонажем, к которому зывали о помощи верующие средних веков. На основании великолепного сборника, выпущенного Блюмом и Древсом (*Analecta hymnica*, ныне занимающего почти 8000 страниц), мы можем сравнить то внимание, которое авторы гимнов и секвенций уделяли, соответственно, Богу, Марии и прочим святым. В томе XLII содержатся 336 гимнов, из которых 37 адресованы Христу, 110 — Марии и 189 — другим святым. В томе XLVI Марии посвящено 102 гимна. Мы выбрали эти тома наугад. Вот вступительные строки некоторых из тысяч гимнов, восхваляющих ее добродетели и действенность ее ходатайства:

¹³⁰⁷ См. Maskell, III. 63.

¹³⁰⁸ *Nunquam actualiter subjacuisse originali peccato, sed immunem semper fuisse ab omni originali et actuali culpa* (Mansi, XXIX. 183).

¹³⁰⁹ *Praise of Folly*, p. 126.

¹³¹⁰ Janssen, I. 248. См. E. Schaumkell, *Der Cultus der hl. Anna am Ausgange des MA*, Freib., 1896. J. Trithemius, *De laudibus S. Annae*, Mainz, 1494.

¹³¹¹ День святой Анны был назначен Григорием XIII (1584) на 26 июля. На американском континенте есть большая церковь, посвященная святой Анне, — в Бо-Пре, на Сент-Лоренсе, близ Квебека. Там тоже хранится один из ее пальцев. Наверное, ни одно из католических святыниц Северной Америки не славится чудесными исцелениями в такой степени, как эта канадская церковь.

*Pulchra regis regia
Regens regentem omnia*¹³¹²

*Salve deitatis cella
Virgo virginum
Maria, nostra consolatrix*¹³¹³.

*Mater altissimi regis
Tu humani altrix gregis
Advocata potissima
In hora mortis ultima*¹³¹⁴.

*Gaude, mater Anna
Gaude, mater sancta
Cum sis Dei facta
Genetrix avia*¹³¹⁷.

Анне также уделяется большое внимание в гимнах позднего Средневековья и XVI века¹³¹⁵. Вот начало двух из них:

*Dulcis Jesu matris pater
Joachim, et Anna mater
Justi, natu nobiles*¹³¹⁶.

В Англии пение священных гимнов, похоже, не было распространено до XVI века. Пение псалмов в дни Анны Болейн было новшеством, и от него получали большое удовольствие при дворе, как позже, в правление Елизаветы, — на улицах. Большое количество священных произведений, написанных в Германии, Франции и Нидерландах, было предназначено для поклонения в монастыре, а не для народного использования¹³¹⁸. Но пение активно практиковали во время паломничеств и шествий, а также в церквях, и на двадцать первом заседании Базельского собора прозвучали жалобы на то, что богослужение прерывается пением гимнов на народном языке. Германия играла ведущую роль в создании светской популярной музыки. Начиная с 1470 — 1520 г. в немецких типографиях было напечатано почти 100 гимнов, многие из них — на оригинальные мелодии. Иногда гимны были на немецком языке от начала до конца, иногда — с чередованием латыни и немецкого. В конце средних веков пение религиозных гимнов стало более активным. Реформация утвердила общецерковное пение и породила сборники гимнов¹³¹⁹.

Эти дополнительные элементы христианского поклонения и назидания добавились к обычным богослужениям в церкви — к отправлению мессы, которое было центром поклонения, к исповеди и проповеди. Век был полон веры, но раздавались и сомневающиеся голоса. Автор XV века пишет об Англии¹³²⁰:

¹³¹² «Прекрасная царица Царя, царящая над Тем, Кто царит над всем» (Blume and Dreves, XLII. 115).

¹³¹³ «Приветствуем, вместилище Бога, Дева из дев, Мария, наша Утешительница» (XLV. 117).

¹³¹⁴ «Мать всевышнего Царя, попечительница о стаде, могущественнейшая защитница в последний смертный час» (XLV. 118).

¹³¹⁵ В томе XLII сборника Blume and Dreves ей посвящено 10 гимнов, в томе XLIII — 9, в томе XLIV — 8.

¹³¹⁶ «Отец дорогой матери Иисуса Иоахим и ее мать Анна, праведные и благородные от рождения» (XLII. 154).

¹³¹⁷ «Радуйся, мать Анна, радуйся, святая мать, ибо ты стала бабушкой Бога» (XLIII. 78).

¹³¹⁸ «Кембриджский список», рукопись из Кембриджа, содержит 12 гимнов. Иоанн из Данстебла основал школу музыки в начале XV века (Traill, *Social Engl.*, II. 368 sq.). Maskell (*Mon. rit.*, III. 1 sqq.) приводит ряд английских гимнов, напечатанных в букварях первой половины XVI века.

¹³¹⁹ Баумкер приводит 71 гимн с оригинальными мелодиями, напечатанный до 1520 г. О средневековых гимнах см. Mone, *Lateinische Hymnen d. MA*, 3 vols., Freib., 1855; Ph. Wackernagel, *Das deutsche Kirchenlied von der ältesten Zeit*, etc., 2 vols, Leipz., 1867. W. Bäumker, *D. kathol. deutsche Kirchenlied in seinen Singweisen*, 3 vols., Freib., 1886 — 1891, и *Ein deutsches geistliches Liederbuch mit Melodien aus d. 15ten Jahrh.*, etc., Leipz., 1895, Janssen, I. 288 sqq. Также ст. *Kirchenlied and Kirchenmusik* в Herzog, X.

¹³²⁰ *Italian Relation of Engl.*, Camden Soc. ed., p. 23.

У людей разные мнения о религии... однако все они ходят каждый день на мессу и много раз произносят *Pater noster* на публике. Женщины носят в руках длинные четки, а все, кто умеет читать, носят «Часослов нашей Царицы» и негромко, с выражением веры, читают молитвы из него в церкви. Они всегда слушают мессу в своей приходской церкви по воскресеньям и щедро дают милостыню, не забывая о долге добрых христиан.

Век более осмысленного благочестия, менее слепо подчиняющегося человеческому авторитету, еще не наступил.

§79. Дела милосердия

Благотворительность и человеколюбие, проистекающие из самой сути христианской веры, процветали в конце средних веков. Стараясь вдохновить свое поколение на добрые дела, Лютер утверждал, что «в старые добрые папские времена все были милосердны и добры. Тогда были обильны пожертвования, завещания и госпитали»¹³²¹. Учреждались организации для заботы о нуждающихся и больных, основывались колледжи и бursы, предоставлялась защита должников от бессовестных ростовщиков.

В средние века городские власти редко задумывались о том, что количество больных можно сократить, поддерживая в городе определенные санитарные нормы. Население Англии было в десять раз меньше нынешнего, и очень многие болели. Ни одна эпидемия не была такой губительной, как «черная смерть», пронесшаяся по Европе, но эпидемии чумы случались часто даже в Англии — например, в 1406, 1439, 1464, 1477 г. А за голодом 1438 г., получившим название великого, на следующий год последовала и великая чума, называемая также беспощадной (*pestilence sans merci*). В 1464 г., по свидетельству летописи Кройленда, тысячи людей «погибли, как закланные овцы». Эпидемия после 1485 г. повторилась в 1499 и 1504 г. Во время первой эпидемии в Лондоне умерло 20 тыс. человек. В 1504 г. умер мэр города. Болезнь наступала внезапно, сопровождалась ознобом и резким покраснением кожи, а также жаждой, которая побуждала страждущих пить очень много воды. Из-за столь неумеренного употребления жидкости они сильно потели¹³²².

О больных и нуждающихся заботились монастыри, гильдии и братства, а также отдельные помощники и государственные организации. В Англии забота о бедных считалась одной из основных обязанностей церкви. Архиепископ Стрэтфорд (1342) приказал постоянно выделять на их нужды часть десятины. О пренебрежении бедными говорили как об одном из вопиющих упущений иностранного клира.

Завещания средств в пользу бедных (распространенная в Англии форма благотворительности) часто делались с большим размахом. Тело герцога Гонта оставалось непогребенным 40 дней, и каждый день раздавалось по 50 марок, а в последний, сороковой день, — 500 марок. Епископ Скирленд пожелал, чтобы между моментом его смерти и похоронами прошло 200 дней. Некий торговец мануфактурой из Йорка завещал ста беднякам постели. Один текстильщик со-

¹³²¹ Uhlhorn, p. 439. Janssen (II. 325 sq.) слишком прямолинейно трактует жалобу Лютера о том, что при старой системе люди были щедрее и больше заботились о нуждающихся, чем при новой, и использует эти слова для доказательства негативного влияния протестантизма. Riezler (*Gesch. Baierns*, цит. в Janssen, I. 679) говорит: «Христианский дух любви к ближнему был особо активен в XV веке и проявлялся в делах благотворительности, на которые этот век был богат, как никакой другой». См. также Bezold, p. 94.

¹³²² См. C. Creighton в *Social England*, II. 412, 475, 561.

вершил сомнительный акт благотворительности — оставил одежду собственного изготовления 13 беднякам при том условии, что они будут дежурить у его гроба в течение 8 дней. Существовали дома, говорит Торольд Роджерс, где всем работникам выдавали хлеб и пиво, приюты, где заботились о больных, особенно о прокаженных, где их одевали и кормили. Один из сохранившихся госпиталей, в Сен-Кроссе, в Винчестере, был создан для стариков и нуждающихся¹³²³. Повар Кетель, из братства общинной жизни, биографию которого написал Фома Кемпийский, говорил, что лучше продать все книги монастыря в Девентере и раздать средства бедным.

Госпитали¹³²⁴ в начале изучаемого периода находились на особом попечении рыцарей тевтонского ордена и в течение всего этого периода продолжали привлекать внимание бегинок. Бегинки обычно работали сиделками в частных домах — в Кельне, Франкфурте, Трире, Ульме и других немецких городах, получая плату за свои услуги¹³²⁵. В этот период возникли обители бегинок в Брюгге, Генте, Антверпене и других городах Бельгии и Голландии. В XV веке также сильно возросло количество муниципальных госпиталей и приютов — это был плод гражданского духа, созревший в Северной Европе. В таких городах, как Кельн, Любек и Аугсбург, было по несколько госпиталей. *Hotel de Dieu* в Париже перешел на попечение муниципалитета только с 1505 г. Иногда основатели госпиталя требовали, чтобы желающий воспользоваться его услугами был в состоянии наизусть прочитать молитву Господню, символ веры и *Ave Maria*. Например, так было с госпиталем Св. Антония в Аугсбурге. В данном случае основатель позаботился и о себе: поступающие пациенты должны были произнести сто раз *Pater noster* и сто раз *Ave Maria* на его могиле, а каждый последующий день произносить каждую из этих молитв по пятнадцать раз¹³²⁶. Дамиан из Левена и его жена, которые финансировали госпиталь в Кельне (1450), потребовали, чтобы «там заботились о самых бедных и больных из Кельна или других мест».

В Риме существовала не одна благотворительная больница. Сохранился фундамент госпиталя кардинала Джованни Колонна в Латеранском дворце, основанной в 1216 г. В своей «Истории пап» (III. 51) Пастор приводит список госпиталей и других благотворительных заведений в разных районах Италии и справедливо утверждает, что их существование свидетельствовало о влиянии христианства. Английские гильдии, изначально основанные в экономических и промышленных целях, также заботились о своих больных и неимущих членах. Гильдия «Корпус Кристи» в Йорке предоставляла 8 постелей беднякам и выплачивала одной женщине 14 шиллингов и 4 пенса в год за заботу о них. Гильдия святой Елены в Беверли постоянно заботилась о 3-4 бедняках¹³²⁷.

¹³²³ Rogers, *Work and Wages*, p. 417. Stubbs, *Const. Hist.*, ch. XXI. Capes, *Engl. Ch. Hist. in the 14th and 15th Cent.*, pp. 276 sq., 366 sq.

¹³²⁴ {Первоначально не существовало строгого разделения между больницей и приютом, что, собственно, показывает и происхождение слова «госпиталь» — от средневекового латинского *hospitale*, «дом для гостей», «странноприимный дом».)

¹³²⁵ Uhlhorn, p. 383 sq.

¹³²⁶ Uhlhorn, p. 333. Об условиях поступления в госпитали и о медицинских услугах см. Allemand, III. 192 sqq.

¹³²⁷ В 1400 г. был основан госпиталь для сумасшедших в Валенсии (Lecky, *Hist. of Europ. Morals*, II. 94 sq.). В Оксфорде и Кембридже были госпитали для жертв эпидемий. У университетов на континенте часто также были свои госпитали. Томас Платтер, в XVI веке, говорит о подобном госпитале в Бреслау. Город платил 16 гейлеров за заботу о каждом пациенте. Конечно, санитария в этих заведениях была далека от современных стандартов. О госпитале в Бреслау

Прокаженных в последние годы Средневековья стало меньше, но приюты для них продолжали активно создавать (так называемые лазареты, по имени Лазаря, который якобы страдал от этой болезни). Лазареты для прокаженных учреждались в Англии Ланфранком, Матильдой, королевой Генриха I, в Сен-Жиле, королем Стефаном в Бертоне, Лестершир, и другими вплоть до правления Иоанна. Святой Гуго из Линкольна, как и Франциск Ассизский, выделялись своим вниманием к прокаженным. Но, похоже, больных проказой в Англии XIV века уже не оставалось, и трудно было заполнить места в лазаретах. В 1434 г. было велено, чтобы в большой даремской больнице для прокаженных держали наготове две постели на случай, «если таковые обнаружатся в наших краях»¹³²⁸ (а изначально в больнице было 60 мест). В Германии прокаженные встречались и в конце XVI века. Томас Платтер писал: «Когда мы прибыли в Мюнхен, было так поздно, что мы не смогли войти в город, а были вынуждены остановиться в доме для прокаженных»¹³²⁹.

Попрошайничество было одним из проклятий Англии и Германии, а в Южной Европе оно продолжает быть проклятием и сегодня. Просить милостыню не считалось зазорным. Сами нищенствующие монахи освящали это вредное явление, пользуясь своим религиозным авторитетом. Паломники и студенты также просили милостыню. Себастьян Брант приводит перечень разного рода церковных попрошаек. Они ходили по свету с мешками, в которые с неистощимой жадностью складывали яблоки, сливы, яйца, рыбу, цыплят, мясо, масло и сыр — «так что эти мешки казались бездонными»¹³³⁰.

В Германии города давали разрешение на попрошайничество¹³³¹. Брант высмеивал привычку просить подавание, а Гейлер Старбургский призывал городские власти ограничить или вообще запретить. В Англии нищенство было узаконенной профессией.

По мере того как монастыри беднели, а заработная плата уменьшалась, нищета и попрошайничество распространялись. Английские законы о труде в конце данного периода (1495 и 1504) приказывают попрошкам, не способным работать, возвращаться в родные города, где они смогут попрошайничать беспрепятственно¹³³².

В то время, когда в Германии, богатейшей стране Европы, быстро увеличивалось количество церковных зданий, многие церкви Англии, из-за экономического кризиса, практически разрушились или были превращены в овины и конюшни, о чем часто упоминает сэр Томас Мор. Жадность знати и аббатов, превративших обширные поля в пастбища для овец, лишила людей рабочих мест и вызвала многочисленные общественные беды. С другой стороны, парламент часто прини-

Платтер (Monroe, *Life*, p. 103 sq.) говорит: «За нами хорошо ухаживали, у нас были хорошие постели, но там было много червей размером со зрелое конопляное семя, так что я и другие предпочитали лежать на полу, а не на кроватях».

¹³²⁸ Geo. Pernet, *Leprosy in Quart. Rev.*, 1903, p. 384 sqq. C. Creighton, *Soc. Engl.*, II. 413. См. том 5 нашей истории, стр. 242-244 и др. по указателю. Об ужасном размахе кожных заболеваний и обилии преступлений в Англии XIII века (специально для тех, кто считает средние века якобы счастливым временем) см. Jessopp, *Coming of the Friars*, p. 101 sqq.

¹³²⁹ Monroe, *Thos. Platter*, p. 107.

¹³³⁰ *Der Bettler Sack wird nimmer voll;
Wie man ihn füllt, so bleibt er hohl.*

¹³³¹ Uhlhorn, pp. 483, 456. Подобное разрешение было выпущено в Вене в 1442 г. Эберлин из Гюнцбурга заявляет даже, что в Германии 14 человек из 15 тунеядствуют.

¹³³² Stubbs, ch. XXI; *Social Engl.*, II. 548-550. Cunningham, p. 478 sq.; Rogers, pp. 416-419.

мал законы об одежде (например, в 1463 и 1482 г.), ограничивая земледельцев и тружеников в затратах на платье. Различные законы о труде, принятые в течение XV века, подавляли и угнетали те слои общества, которые зависели от каждодневного ручного труда¹³³³.

Несмотря на строгие синодальные постановления, которые принимались вновь и вновь, христиане занимались ростовщичеством наряду с иудеями. Все великие схоласты XIII века обсуждали тему ростовщичества и объявляли его грехом на основании Лк. 6:34 и других текстов. Они утверждали, что проценты противоречат закону любви к ближнему и закону естественной справедливости, ибо при использовании вес и ценность денег не возрастает, а, наоборот, снижается. Ростовщичество — проявление жадности, которая есть смертный грех¹³³⁴. Средневековые соборы также осуждали занятие христиан ростовщичеством, и общецерковный собор во Вьенне объявил противоположное мнение ересью. Гейлер из Страсбурга изложил официальную точку зрения церкви, говоря, что ростовщичество всегда греховно. Христианину не подобает брать с должника больше, чем он одолжил. Гейлер осуждал также замену процентов поросенком или каким-нибудь другим подарком.

Иудеи брали непомерные проценты. В Флоренции в 1430 г. это было двадцать процентов, а в 1488 — тридцать два с половиной¹³³⁵. В Северной Европе они были намного выше, от сорока трех и одной трети до восьмидесяти и даже ста. Городские власти брали деньги в долг. Клирики, монастыри и церкви отдавали в залог священные сосуды. Город за городом в Германии и Швейцарии изгонял иудеев: Шпейер и Цюрих (1435), Женева (1490), Нюрнберг, Ульм и Нордлинген (1498 — 1500). Из истории великих банков второй половины XV века видно, как активно одалживали деньги папы, прелаты и светские князья.

Для облегчения положения бедствующих, которые вынуждены были одалживать на все необходимое, в последний век Средневековья были предприняты откровенно филантропические меры (*montes pietatis*) — появились благотворительные фонды¹³³⁶. Это были фонды добровольных пожертвований. Идея была широко распространена в Италии, где первые подобные институты возникли в Перудже (1462) и Орвьето (1463). Городские советы помогали таким фондам, внося свой вклад. Например, совет Перуджи внес 3000 гульденов (однако когда в данном случае обнаружилось, что совет не в состоянии внести эту сумму полностью, он оштрафовал на 1200 гульденов иудеев, получив предварительно разрешение от Пия II). Иногда средства предоставляли епископы, как в Пистойе (1473), где 3000 гульденов дал епископ Донато де Медичи. В Лукке некий торговец, разбогатевший на сделках с иудеями, сделал поистине царский взнос в 40 тыс. золотых гульденов. В Губбио на все наследства начислялся налог в один процент в пользу местного фонда, а уклонение от его уплаты облагалось штрафом еще в один процент.

Папы проявили живой интерес к новому виду благотворительности, санкционировав некоторые фонды и предлагая индульгенции вкладчикам. У нас есть

¹³³³ См. Traill, *Soc. Engl.*, II. 388, 392-398. О строительстве церковных зданий в Германии см. в Janssen, I. 180 sq.; Bezold, p. 90; Ficker, p. 65.

¹³³⁴ Фома Аквинат, *Summa*, II. 2, q. 78.

¹³³⁵ Pastor, *Gesch. d. Päpste*, III. 83 sq. По поводу Германии см. Janssen, I. 460 sqq.

¹³³⁶ Их также называли *montes Christi*, *monte della carità*, *mare di pietà*. См. Holzapfel (pp. 18, 20) о сборах средств на погребение, *montes mortuorum*, и о фондах, которые предоставляли вспоможение матерям при рождении детей (*montes dotis*). Холцапфель приводит первоисточники о добровольных пожертвованиях в фонды (pp. 3-14).

сведения о 16 папских авторизациях с 1463 по 1515 г. от таких пап, как Пий II, Сикст IV, Иннокентий VIII, Александр VI, Юлий II и Лев X. Санкция Иннокентия VIII, данная Мантуанскому фонду (1486), побудила проповедников призывать народ к поддержке фонда. Вкладчикам обещалось полное отпущение грехов на 10 лет, а тем, кто выступал против проекта, угрожали отлучением. Сикст IV, хваля фонд своего родного города Савоны (1479), объявил, что его достойной целью должна быть не только поддержка бедняков, но и помощь богатым, которые заложили свое имущество. Он предложил полное отпущение грехов за каждый вклад в 100 гульденов. В 1490 г. Савонский фонд вырос до 22 тыс. гульденов, а минимальная сумма вклада была повышена до 100 дукатов¹³³⁷.

Управление этими фондами вспоможения осуществлялось директорами, которыми обычно становились клирики и миряне по назначению муниципальных советов. Счета сводились каждый месяц. В Перудже процент предоставляемых займов снизился с 12 в 1463 г. до 8 год спустя. В Милане в 1488 г. он сократился с 10 процентов до 5. Пять процентов взимались в Падуе, Виченце и Пизе, 4 — во Флоренции. Размеры займов зависели от предоставляемой в залог собственности. Нет сомнения в том, что эти фонды были эффективны, и отчасти благодаря их существованию проценты по займам в Италии к концу XV века сократились с 40 до 4 и 10¹³³⁸. Однако многие осуждали существование подобных фондов, говоря, что оно противоречит традиционному запрету на ростовщичество.

Ведущее место в распространении данного движения занимали францисканцы, а главным его апостолом был францисканец Бернардино да Фельтре (1439 — 1494). Этот популярный оратор выступал во всех крупных городах Северной Италии — в Мантуе, Флоренции, Парме, Падуе, Милане, Лукке, Вероне, Брешии. Всюду, куда бы он ни отправился, его критиковали проповедники и учителя канонического права. Во Флоренции спор между вещавшими с кафедр проповедниками был таким оживленным, что велено было устроить публичное обсуждение. На нем присутствовали Лоренцо де Медичи, учителя права, клирики и множество мирян. В результате архиепископ запретил выступать против *monti* под угрозой отлучения. Оппозиция ссылалась на заповедь Второзакония 24:12 и далее — о том, что, если человек отдает в залог плащ, то этот плащ следует возвратить до захода солнца, а также на слова Господа в Луки 6. Но ей отвечали, что деньги одалживаются бедным не ради обогащения фонда или отдельных лиц, но чтобы сделать им доброе дело. Савонарола поддерживал это нововведение¹³³⁹, а Пятый Латеранский собор осудил. Так же 50 лет спустя поступил и Тридентский собор.

Попытка ввести итальянские установления в Германии оказалась безуспешной. Вместо них там были учреждены банки муниципальных советов, как во Франкфурте¹³⁴⁰. В Англии эта идея также не укоренилась. Там столь решительно выступали против одалживания средств под проценты, что, по настоянию канцлера Мортонa, парламент выступил против и принял строгие меры, а в правление Генриха VII был принят закон, по которому одалживание денег под проценты

¹³³⁷ Holzapfel, pp. 10-12, 44, 64, 70.

¹³³⁸ Holzapfel, p. 134.

¹³³⁹ Villari, I. 294 sqq.; Holzapfel, pp. 124, 135. Согласно Холцапфелю, в Италии в 1896 г. насчитывалось 556 *monti di pietà*, а сумма одолженных ими средств составляла 78 млн. лир (16 млн. долларов).

¹³⁴⁰ Holzapfel, p. 102 sqq.; Janssen, I. 464, 489.

считалось уголовным преступлением и сделки между должником и кредитором объявлялись недействительными.

Благотворительностью занимались также религиозные братства той эпохи. Эти организации развивались с поразительной скоростью, и их не надо путать с гильдиями, которые были организациями ремесленников, призванными делать добрые дела, а также защищать трудящихся и их монополию на ремесло. Братства были связаны с церковью и отчасти управлялись священниками, хотя в некоторых из них, например, в Любеке, священников принципиально не было. Как и гильдии, эти организации строились на принципе взаимопомощи¹³⁴¹, но ставили акцент на бескорыстном сочувствии к нуждающимся. Лютер однажды заметил, что уже не оставалось ни одной часовни и ни одного святого, не связанных с братством. Фактически, имена святых обретали популярность именно благодаря названиям братств. В 1450 г. в Германии практически при каждом монастыре нищенствующих монахов существовало братство. Часто в городах было по несколько таких организаций. В Виттенберге их было 21, в Любеке — 70, во Франкфурте — 31, в Гамбурге — 100. Каждый уважаемый житель Германии принадлежал к одному или нескольким братствам¹³⁴². Лютер принадлежал к трем братствам в Эрфурте — Св. Августина, Св. Анны и Св. Екатерины.

За умерших членов братства живые постоянно молились. О больных заботились в госпиталях, им выделялись там специальные постели. Иногда братства существовали по принципу страховых компаний. В Падерборне, если брат терял свою лошадь, каждый член братства жертвовал ему шиллинг или два, если же он терял свой дом, каждый вносил три шиллинга или установленное количество бревен.

Как существовали гильдии подмастерьев и мастеров, так существовали братства бедных и кротких и братства тех, кто жил благополучно. Даже у прокаженных были свои братства, и одно из них обладало правами на источник в Висбадене. В Цюлпихе существовало братство нищих и калек, основанное в 1454 г. (вступительный взнос в нём составлял 8 шиллингов, а для вдов — половину этой суммы)¹³⁴³.

В случае с итальянскими братствами часто бывает трудно отличить общество, организованное в целях благотворительности, от общества в честь какого-то святого. Гильдии Северной Италии, как правило, ставили акцент на исполнении религиозных обязанностей, таких как посещение мессы, исповедание грехов и воздержание от клятв. У римских обществ были свои святые покровители: у кузнецов и златокузнецов — святой Элигий, у мельников — Павлин Ноланский, у бочаров — святой Иаков, у трактирщиков — святой Власий и святой Юлиан, у каменщиков — святой Григорий Великий, у цирюльников и врачей — святой Козьма и святой Дамиан, у художников — святой Лука, у аптекарей — святой Лаврентий. Папы поощряли существование братств и возвышали некоторые из них до положения архибратств. Первым этого удостоилось братство Св. Спасителя в Риме. Во Флоренции религиозные братства также процветали. В начале

¹³⁴¹ В конституции гильдии Св. Марии в Линне есть слова: «Если сестра или брат из этой гильдии обеднеет, он должен получать от каждого другого брата или сестры по пенни в день». У гильдии Св. Екатерины, в Лондоне, было такое же правило (Smith, *Engl. Gilds*, p. 185).

¹³⁴² Дегенгард Пфаффингер, советник Фридриха Мудрого, состоял в 35 братствах. Kolde, 437; Uhlhorn, p. 423.

¹³⁴³ Uhlhorn, p. 422.

XVI века там существовало не менее 73 братств, причем некоторые из них были даже братствами детей¹³⁴⁴.

Общество, применяя принципы христианского милосердия, не собиралось ждать наступления нынешней эпохи. Конечно, благотворительные организации XV века были не так развиты, как сегодняшние, но для увеличения их размеров не находилось и весомых оснований. Города были невелики, и там вполне можно было оказывать индивидуальную помощь другому человеку, не боясь обмана.

§80. Торговля индульгенциями

Ничто, кроме жизни самих пап, не унижало Западную церковь более явно, чем торговля индульгенциями. Прощение грехов покупалось и продавалось за деньги, и эта «священная» привилегия привела к расколу западного христианского мира, подобно тому как позже вечера Господня стала причиной основного разделения между протестантскими церквями.

Изначально индульгенция представляла собой частичную или полную отмену всех дел покаяния, которые священник требовал после исповеди. Именно такое определение ей и дают сегодня католические авторитеты¹³⁴⁵. В XIII веке индульгенция стала считаться освобождением от самого наказания за грех — и на земле, и в чистилище. Еще позже, по крайней мере, в широких кругах населения, индульгенция стала восприниматься как освобождение от вины греха и от наказания. Сокровищница заслуг, находящаяся в распоряжении христиан (*thesaurus meritorum*), узаконенная Климентом VI в 1343 г., — это совокупность духовных достижений, состоящих из безграничных заслуг Христа, заслуг Марии и сверхдолжных заслуг святых, которые использует церковь, поскольку ей даны ключи от этого хранилища. Говорилось, что одной капли крови Христа достаточно для спасения всего мира, однако Христос пролил даже не каплю, а всю Свою кровь, да и Мария была безгрешна. И церковь, черпающая из этого изобильного запаса заслуг, имеет право отпускать грехи грешникам. Само слово «ключи» предполагает наличие запертого сокровища, доступ к которому обеспечивается этими ключами¹³⁴⁶. Властью даровать индульгенции обладали папы и епископы. Закон Иннокентия III, призванный бороться со злоупотреблениями, ограничивал время, в течение которого епископы могут даровать прощение, 40 днями (так называемыми «карантинами»¹³⁴⁷). Согласно декрету Пия X, выпущенному 28 августа 1903, кардиналы, даже если они не священники, могут предоставлять индульгенции в своих церквях на 200 дней, архиепископы — на 100, а епископы — на 50.

Распространение индульгенций на чистилище Сикстом IV было естественным продолжением учения о том, что молитвы и прочие ходатайства живых могут служить во благо душам умерших. Как однозначно заявлял Фома Аквинат, такие души еще относятся к юрисдикции церкви на земле. И если индульгенции

¹³⁴⁴ Pastor, IV. 30-38.

¹³⁴⁵ См. Paulus, J. Tetzl, p. 88, и Beringer, p. 2 (иезуит, труд которого об индульгенциях санкционирован Советом об индульгенциях коллегии кардиналов). Оба автора настаивают, что индульгенция не дает прощения грехов, а только отменяет наказание после того, как вина уже прощена. См. также тематический обзор в этой «Истории», V, §118; VI, §9.

¹³⁴⁶ *Nota in hoc quod dicit, claves, innuit thesauros quia omne carum clauditur et seratur potest tamen clavibus adiri* (Иоанн из Пальтца, *Coelifodina*, в Köhler, p. 57).

¹³⁴⁷ {Из фр. от лат. *quadraginta*, «сорок».}

могут быть дарованы живым, так почему их благое действие не может распространяться и на чистилище, которым также управляет церковь?

Первая булла Сикста, дарующая отпущение грехов умершим, вышла в 1476 г. для церкви Сента. Тем, кто уплатит определенную сумму (*certam pecuniam*) на ремонт храма, она обещала, что их родственники или друзья в чистилище получают облегчение страданий. Эта инициатива папы вызвала критику, и во второй булле, на следующий год, понтифик заявлял, что он имеет полное право даровать такое отпущение, поскольку облечен всей полнотой власти свыше (*plenitudo potestatis*), а значит, и правом черпать из хранилища заслуг¹³⁴⁸.

К злоупотреблениям, возможность которых предоставлялась в связи с этим учением, добавилось народная вера в то, что буква индульгенции освобождает и от вины, и от наказания за грех. Выражение «полное отпущение грехов» (*plena* или *plenissima remissio peccatorum*) вновь и вновь встречается в папских буллах — от знаменитой индульгенции Порциункулы, дарованной Гонорием III францисканцам, до последних часов, когда папа еще пользовался неоспоримой властью в западном мире. Заслугой покойного доктора Ли было то, что он обратил внимание на эту никем не замечавшуюся тонкость, связанную со средневековыми индульгенциями. Современные католические авторитеты, такие как Паулюс и Берингер, не отрицая использования выражения *a poena et culpa*, утверждают, что папы якобы вообще не собирались даровать прощение от вины греха без сердечного раскаяния¹³⁴⁹. Это выражение часто использовалось в трактатах и повседневных разговорах¹³⁵⁰. Иоанн из Пальтца в своей *Coelifodina* (детальной апологии индульгенций, написанной в конце XV века) утверждал, что индульгенции даются властью ключей, которая удаляет вину и освобождает от наказания. Эти ключи открывают сокровищницу церкви для ее детей¹³⁵¹. И Лютер лишь выражал популярное мнение, когда в письме к Альбрехту из Майнца (1517) жаловался на то, что люди воспринимают букву индульгенции как освобождающую их от всякого наказания и вины (*homo per istas indulgentias liber sit ab omni poena et culpa*). Подобные индульгенции распространялись не только на континенте, но и в Англии. Например, индульгенция Льва X для госпиталя Санта-Спирито в Риме, в английском издании, гласила: «Святая и великая индульгенция и полное отпущение грехов *a culpa et poena*»¹³⁵². Популярное мнение

¹³⁴⁸ Текст булл см. в Lea, III. 585 sqq., и Köhler, pp. 37-40. Булла, приписываемая Калликсту III (1457), также санкционирует отпущение грехов умершим. Паулюс считает ее подлинной. О мнении Габриэля Бизля про заявления Сикста об индульгенциях в пользу мертвых см. Köhler, p. 40.

¹³⁴⁹ Paulus, 97 sq., и Beringer, p. 11. Они либо объясняют это выражение как относящееся к наказанию, словно в папских текстах написано: *a poena culpa delicta*, либо относят его к простительным грехам. См. т. V, §118. Юбилейная булла Бонифация VIII (1300) была истолкована одним кардиналом как говорящая не только о наказании, но и о вине: *duplex indulgentia culpa videlicet et poenae*. Köhler (p. 18 sq.) приводит текст этой буллы. Иоанн XXIII признавал, что часто отпускал грехи *a culpa et poena*.

¹³⁵⁰ Оно используется в «Петре Пахаре» (см. Lea, *Sacerd. Celibacy*, I. 444), в Landucci (1513), *l'indulgenza di colpa e pena* (Badia ed., p. 341), в Oldecop (1516), который слушал Тетцеля (см. его послание в Paulus, p. 39), etc. Олдкоп говорил, что бросившие деньги в сундук и исповедовавшиеся в грехах получали «прощение всех своих грехов и освобождались от боли и вины». Другие примеры и общий обзор темы см. в Lea, III. 67-80.

¹³⁵¹ Köhler, p. 59.

¹³⁵² См. Maskell, *Monum. rit.*, etc., III. 372 sqq. Эти индульгенции в Англии печатались на отдельных листах, вероятно, в типографии Винкина де Ворде. Таков английский репринт, объявляющий об индульгенции на 2560 дней, дарованной Юлием II всем, кто внесет вклад в крестовый поход против сарацин и других врагов христианства.

не разграничивало вину и наказание, а если бы и разграничивало, то вполне удовлетворилось бы освобождением от страданий, которые влечет за собой грех. Если посредством папской индульгенции душа чистилища могла получить мгновенное освобождение и улететь в сферы небесного блаженства, то вопрос вины уже просто не имел значения.

Задолго до времен Тетцеля Виклиф и Гус осуждали использование выражения «от наказания и вины». Так делал и Иоганн Вессель. Осуждая буллы об индульгенциях для тех, кто отправится в крестовый поход против Владислава, выпущенные в 1412 г., Гус почти дословно повторил слова Виклифа¹³⁵³. Виклиф решительно осуждал самомнение папы, даровавшего полное отпущение грехов за участие в крестовом походе Генриха де Спенсера. Священники, утверждал Виклиф, не имеют права даровать прощение без искупления вины на деле, и все папские прощения ничего не значат, если грешники не ведут достойный образ жизни. Если бы папа имел власть отпускать грехи без всяких условий, он мог бы воспользоваться своей властью, чтобы простить грехи всем людям. Далее английский реформатор заявлял, что христианскому священнику дана власть лишь объявлять о прощении грехов, как в древности священники объявляли человека прокаженным или очищенным от проказы, но не могли исцелить его. Он говорил, что «любимая папская фантазия о духовном сокровище на небесах, которым каждый папа может распоряжаться по своей воле, — это просто их мечта, не имеющая под собой никаких оснований»¹³⁵⁴. Такая власть сделала бы папу господом всех святых и Самого Христа. Виклиф осуждал вымысел о том, что папа может «освобождать людей от страданий и греха в этом мире и от страданий в мире грядущем, обещая им после смерти отправиться на небеса, не страдая. Слепые ведут слепых, и все они падают в озеро». Что же касается прощения грехов за деньги, это значило бы, что праведность покупается и продается. Виклиф ссылается на одно свидетельство о том, что однажды Урбан VI даровал индульгенцию на 2000 лет¹³⁵⁵.

Эразм гениально критиковал индульгенции. В своей «Похвале Глупости» он говорил об «обмане прощений и индульгенций». Священники подсчитывали время пребывания той или иной души в чистилище и продлевали или сокращали этот срок в зависимости от покупательной способности людей. Имея возможность так легко купить прощение, любой известный грешник, любой разбойник, грабитель или берущий взятки судья мог за свое несправедливо нажитое добро обеспечить себе искупление ложных клятв, похоти, кровопролития, разврата и других тяжких преступлений и, уплатив положенную цену, опять браться за старое. Тиндейл сформулировал расхожее представление в ответе сэру Томасу Мору: «Люди в состоянии угасить ужасное адское пламя, заплатив полтора пенса»¹³⁵⁶.

Справедливости ради необходимо сказать, что, хотя последние папы Средневековья выпускали большое количество индульгенций, в сохранившихся папских копиях выражение «от вины и наказания» отсутствует¹³⁵⁷. Тем не менее,

¹³⁵³ Nürnb. ed., 1715, vol. I. 212-267; *Defens. quor. artt. J. Wyclif et Reply of the Prag. Theol. faculty*, I. 139-146.

¹³⁵⁴ *De schis. pontif., Engl. Works*, ed. Arnold, III. 1262.

¹³⁵⁵ *Engl. Works*, Arnold ed., I. 210, 354; *De eccles.*, p. 561.

¹³⁵⁶ См. Gasquet, *Eve of the Reformation*, p. 384.

¹³⁵⁷ Иаков из Ютербока в своем *Tract. de indulg.* (ок. 1451) говорит, что не помнит, чтобы он видел или читал когда-либо папское брове, обещающее индульгенцию *a poena et culpa* (Köhler, p. 48).

судя по некоторым их выражениям, освобождение от вины предполагалось. Точно так же, справедливости ради, следует отметить, что индульгенции обычно упоминают покаяние как обязательное условие для получения благодати: «...искренне раскаиваясь и исповедовавшись» (*vere poenitentibus et confessis*).

В последнее столетие Средневековья средства от продажи индульгенций шли на всевозможные добрые дела: крестовые походы против турок, строительство церквей и больниц, сохранение реликвий, восстановление городов, пострадавших от пожара, например, Брюкса, починку мостов и дамб, как, например, индульгенция, о которой просил Карл V. Из вырученных денег от 33 до 50 процентов поступало Риму. В основном, если не исключительно, такая благотворительная торговля велась на территории германских народов на континенте — от Швейцарии и Австрии до Норвегии и Швеции. Англии, Франции и Испании она почти не коснулась. В Испании кардинал Хименес видел в подобной практике опасность для церковной дисциплины. От Англии же папа обычно получал средства под другими предложениями¹³⁵⁸.

В распространении папских индульгенций видную роль сыграл дом Фуггеров. Иногда он брал 5 процентов, а иногда процент строго не определялся. Этот могущественный банк, выполнявший любые поручения, часто организовывал и само получение индульгенций от Рима. Хранение сундуков с деньгами, вырученными от продажи индульгенций, также было важным делом, и здесь Фуггеры тоже шли в первых рядах. Ключи от таких сундуков часто раздавались двум или трем лицам, одно из которых представляло банк.

Среди наиболее известных индульгенций, средства от продажи которых пошли на строительство немецких церквей, — это индульгенции за строительство башни в Вене (1514), за восстановление собора в Констанце, понесшего большой урон от пожара (1511), за строительство доминиканской церкви в Аугсбурге (1514), за восстановление собора в Трире (1515) и за строительство церкви Св. Аннаберги (1517), в котором был очень заинтересован герцог Георг Саксонский. Половина средств, полученных на это строительство, поступила в Рим. В большинстве случаев Фуггеры владели ключами от сундуков и передавали деньги в папскую казну. Епархии Констанца, Хура, Аугсбурга и Страсбурга были территориями, на которой продавались индульгенции для восстановления собора в Констанце. Не менее четырех булл об индульгенциях было вышущено в 1515 г. для Трира, в том числе о паломничестве к святой плащанице, которая была обнаружена в 1512 г. и должна была выставляться раз в 7 лет¹³⁵⁹.

Среди известных госпиталей, на нужды которых выпускались индульгенции (то есть фонды которых пополнялись за счет торговли ими), были госпитали Нюрнберга (1515), Страсбурга (1518) и Санто-Спирито в Риме (1516).

Обеим церквям Виттенберга были дарованы индульгенции, и особая индульгенция была предоставлена ради сохранения реликвий, собранных электором Фридрихом. Посещение каждой из 5005 реликвий было связано с прощением грехов на 100 дней. Еще по 100 дней отпущения давалось за проход по каждому из 8 коридоров между сундуками, содержащими их. Так как всего в Галле было 8133 реликвии и 42 раки с мощами, посещение одного только этого города поз-

¹³⁵⁸ Подробности см. у Шульте в его труде о банке Фуггеров. Он — главный специалист по данному вопросу. В книге приводится поразительный свод цифр и фактов, основанных на исследовании первоисточников.

¹³⁵⁹ В Трире также хранились гвоздь от распятия, половина посоха святого Петра и череп святой Елены.

воляло получить миллионы и миллиарды дней отпущения — срок, по длительности сопоставимый с геологическими эпохами современной науки. А если точнее, то эти реликвии могли дать прощение на 39.245.120 лет и 220 дней плюс 6.540.000 «карантинов», каждый по 40 дней.

В Риме, местожительстве верховных понтификов, торговля индульгенциями, как и следовало ожидать, велась особенно бойко. Они были многочисленны, как капли дождя. По словам нюрнбергского коллекционера реликвий Николаса Муффеля, каждый раз, когда выставлялись черепа апостолов или плат святой Вероники, присутствовавшие при этом римляне получали прощение грехов на 7000 дней, другие итальянцы — на 10 тыс. дней, чужеземцы — на 14.000 дней. В данном отношении милость церковных властей была воистину безгранична. Не только живые искали отпущения, но и умирающие просили в своих завещаниях, чтобы некий их представитель отправился в Ассизи, или Рим, или другое место, чтобы обеспечить для их душ блага предлагаемых там индульгенций.

Замечательно благодатным действием считались также и молитвы. Согласно книге покаяния «Радость души», верующий, молящийся Марии, получал прощение грехов на 11 тыс. лет. Некоторые молитвы могли освободить 15 душ из чистилища и столько же живых грешников от их грехов. Согласно одному из декретов Александра VI, трижды произнесенная молитва к святой Анне приравнялась к 1000-летней индульгенции для смертных грехов и 20.000-летней — для простительных. В «Саде души» сказано, что одна из индульгенций Юлия II обещала 80 тыс. лет прощения тем, кто произнесет молитву к Деве, приведенную в книге. Неудивительно, что Зиберт, католический автор, вынужден был написать: «Вся атмосфера позднего Средневековья проникнута погоней за индульгенциями»¹³⁶⁰.

Индульгенция, выпущенная Александром VI в 1502 г., была призвана помочь рыцарям тевтонского ордена в борьбе с русскими. Она была возобновлена Юлием II. В территорию, на которой осуществлялся сбор средств, входили Кельн, Трир, Майнц, Бремен, Бамберг и другие епархии. Было собрано много денег, и папская казна получила из этого источника треть своего дохода. Проповеди продолжались до 1510 г., и Тетцель принимал активное участие в кампании¹³⁶¹.

Остается поговорить о самой важной из всех индульгенций — предназначенной для сбора средств на строительство собора Св. Петра в Риме. В ней были заинтересованы два примечательных папы, Юлий II и Лев X, и именно она вызвала протест Лютера, который потряс сами основания папской власти. Это кажется парадоксальным, но главный памятник всей христианской архитектуры был построен отчасти на доходы от скандальной торговли отпущением грехов.

18 апреля 1506 г., вскоре после того, как был заложен краеугольный камень собора Св. Петра, Юлий II выпустил буллу, в которой обещал отпущение грехов тем, кто внесет вклад в строительство (*fabrica*, как это называлось). Восемнадцать месяцев спустя, 4 ноября 1507 г., он поручил Джеронимо Торньелло, францисканцу-обсерванту, надзирать за провозглашением буллы в 25 так называемых цисмонтанских провинциях, которые включали в себя Северную Италию, Австрию, Богемию и Польшу. Более поздним декретом к ним была добавлена Швейцария¹³⁶². Германия не была включена в эти территории — вероятно, по той

¹³⁶⁰ *Reliquienverehrung*, pp. 33 sq., 60 sq.

¹³⁶¹ Полный рассказ см. в Paulus, *Tetzel*, pp. 6-23.

¹³⁶² В памфлете под названием *Simia* (Милан, 1517 г., цит. в Klaczko, *Rome and the Renaissance*, p. 25) его автор, Андреа Гарна из Салерно, утверждает, что святой Петр не впустил на небеса архитектора Браманте за то, что тот разрушил апостольскую церковь в Риме, сама древность

причине, что ряд булл об индульгенциях уже действовал на большей ее части. Согласно специальному предписанию, Уорем, архиепископ Кентерберри, назначался главным надзирающим за сбором средств в Англии.

После смерти Юлия его дело продолжил Лев X.

В Германии проповедь индульгенций на строительство собора Св. Петра началась в понтификат Льва X и была тесно связана с возвышением Альбрехта Гогенцоллерна в епархиях Майнца, Магдебурга и Гальберштадта. Альбрехт, брат Иоахима, электора Бранденбурга, был избран в 1513 г. архиепископом Магдебурга и епископом Гальберштадта. Возражения, связанные с его возрастом и соединением двух престолов в одних руках (что, впрочем, касалось и предшественника Альбрехта), были отвергнуты Львом X, выслушавшим доводы немецкого посольства.

В 1514 г. Альбрехта почтили также назначением на пост архиепископа Майнца. Последний архиепископ этой епархии, Уриэль из Геммингена, умер за год до того. Епархии не везло с архиепископами. Бертольд из Генненберга умер в 1504 г., Иаков из Либенштейна — в 1508. Эти частые смены престолообладателей требовали тяжких налогов, которые позволили бы прелатам выплатить свою дань святому престолу — по 10 тыс. дукатов за каждую смену прелата, с различными добавлениями. Вняв увещаниям электора Иоахима и банка Фуггеров, Лев санкционировал избрание Альбрехта на престол Майнца. Альбрехт был посвящен в епископы, и таким образом три престола оказались в руках человека, которому было всего 24 года.

Но для утверждения Альбрехта на посту архиепископа необходимо было уплатить высокую цену. Эта цена, 10 тыс. дукатов, была назначена римскими властями, а не немецким посольством, которое продолжало вести дело. Предложение исходило от самого Ватикана, причем в тот самый момент, когда Латеранский собор голосовал за меры по реформе церкви. Папа обещал индульгенцию для территорий архиепископа. Электор Иоахим проявил некоторые угрызения совести в связи с этой «покупкой», но не возражал. Шульте заявляет, что, если бенефиций хоть раз был продан за золото, то это было именно в случае с Альбрехтом¹³⁶³.

Булла об индульгенциях вышла 31 марта 1515 г. В ней молодому немецкому прелату даровалось право отпускать грехи половине Германии в течение 8 лет. Булла разрешала «полное прощение (*plenissimam indulgentiam*) и отпущение всех грехов» живым и мертвым. В частной бумаге, исходящей от Льва и написанной две недели спустя, 15 апреля, упоминаются 10 тыс. дукатов, которые Ватикан предложил уплатить за утверждение Альбрехта в должности и которые Лев уже получил к тому моменту¹³⁶⁴. А чтобы выплатить 30 тыс. дукатов, которые стоили все его церковные должности, Альбрехт одолжил средства в банке Фуггеров и прибег к двухлетнему налогу в две пятых дохода, которым он обложил священников, монастыри и другие религиозные структуры своих епархий. В 1517 г. «из уважения к его святейшему папе, а также ко спасению и утешению своего

которой побуждала даже самых неверующих людей обратиться к Богу. А когда небесный привратник обвинил его в готовности уничтожить сам мир и погубить папу, архитектор исповедался и заявил, что его ошибка вызвана следующим фактом: «Юлий не стал залазить в свой карман, чтобы оплатить строительство новой церкви, а положился на индульгенции и на средства от исповеди». Пари де Грасси называл Браманте «разрушителем» (*architectum Bramantem seu potius Ruinantem*).

¹³⁶³ См. его рассказ о сделке, I. 115-121.

¹³⁶⁴ Schulte, I. 125. Булла Льва от 31 марта приводится в Köhler, pp. 83-93. Даже католик Paulus (Tetzel, p. 31) заходит настолько далеко, что говорит о «злосчастной сделке, которая и для Льва, и для Альбрехта была в первую очередь финансовой».

народа» Иоахим открыл свои владения для торговцев индульгенциями. Именно тогда и прославился Тетцель — благодаря этой булле и своим проповедям. Олдок, писавший в 1516 г., на основании личных наблюдений говорит, что народ, желая избавиться от вины и наказания за грех и освободить своих родственников и друзей из чистилища, целыми днями сносил деньги в его сундук.

О том, как Тетцель продавал индульгенции, и о протесте Лютера будет рассказано в томе об истории Реформации. Нам здесь лишь остается заметить, что народ верил в действие индульгенций даже на те грехи, которые еще не совершены. И такую веру, похоже, поощряли проповедники, хотя у нас нет документальных доказательств того, что какие-либо папские власти обещали нечто подобное. Если принять во внимание письменное обращение Лютера к архиепископу Майнца от 31 октября 1517 г., то торговцы индульгенциями заявляли: нет такого великого греха, который не могла бы искупить эта индульгенция, и она могла бы искупить даже грех насилия над Девой, если бы таковое было возможно. В конце жизни, в 1541 г., деятель Реформации утверждал, что торгующие прощением «продают его и за будущие грехи»¹³⁶⁵. Одна история гласит, что некий саксонский рыцарь пришел к Тетцелю и предложил ему 10 талеров за грех, который он собирается совершить. Тетцель ответил, что папа предоставил ему право даровать такое отпущение, но стоить оно будет 30 талеров. Рыцарь уплатил эту сумму, а через какое-то время подстерел Тетцеля и забрал у него все деньги, вырученные за продажу индульгенций. На увещевания Тетцеля грабитель отвечал, что впредь тот пускай лучше думает перед тем, как даровать отпущение еще не совершенных грехов¹³⁶⁶.

Торговля индульгенциями и прощением грехов — это последний акт церковной истории Средневековья. Мы видим, как накануне Реформации папа официально закреплял свою власть в обеих сферах, гражданской и духовной, а также притязал на право раздавать спасение всему человечеству и параллельно возгревал непомерные запросы своего мирского двора за счет торговли священными предметами. Насколько глубоко укоренился этот губительный принцип, видно из буллы, выпущенной Львом 9 ноября 1518 г., через год после того, как Лютер прибил свои тезисы к двери церкви в Виттенберге. Эта булла угрожала анафемой всякому, кто откажется верить и проповедовать, что папа имеет право даровать индульгенции¹³⁶⁷.

¹³⁶⁵ Иоанн из Пальтца упоминает о предложении такого рода, см. цит. в Paulus (*Tetzel*, p. 136); там же см. и о попытке Паулуса отвергнуть эти утверждения.

¹³⁶⁶ Одна из интересных историй о прощении грехов, прозвучавшая с кафедры, гласит: некие паломники по пути встретили дерево, на котором висели пять душ. По возвращении они обнаружили, что четыре из них исчезли. Оставшаяся сказала, что ее товарищи были освобождены друзьями, а у нее нет ни одного друга. Тогда один из путников совершил паломничество в Рим ради этой несчастной души, и душа тут же отправилась на небеса. Мораль истории звучала так: «Пусть уж лучше душа освобождается от огня чистилища за то, что кто-нибудь прочитает ради нее 50 раз *Pater noster*».

¹³⁶⁷ Булла приводится в Mirbt, p. 182.

ГЛАВА X

ЗАВЕРШЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ЛИТЕРАТУРА. Можно воспользоваться следующими трудами на эту тему. HALLER: *Papstthum u. Kirchenreform.* — DÖLLINGER-FRIEDRICH: *D. Papstaum.* — G. KRÜGER: *The Papacy*, англ. перев., N. Y., 1909. — LEA: *The Eve of the Reformation*, в *Cambr. Hist.*, I: 653-692. — BEZOLD: *Gesch. d. deutschen Reformation*, pp. 1-244. — JANSSEN-PASTOR: vol. I, II. — PASTOR: *Gesch. d. Päpste*, III. 3-150, etc. — GREGOROVIVUS: vols. VII, VIII. — G. FICKER: *Das ausgehende MA u. sein Verhältniss zur Reformation*, Leipz., 1903. A. SCHULTE: *Kaiser Maximilian als Kandidat für d. päpstlichen Stuhl 1511*, Leipz., 1906. — O. SMEATON: *The Medici and the Ital. Renaissance*, Cincinnati. — Труды, которые уже упоминались: TH. ROGERS и CUNNINGHAM. — W. H. HEYD: *Gesch. d. Levantenhandels*, 2 vols., Stuttg., 1859.

Ни один период в истории христианской церкви не имеет более четкого окончания, чем Средневековье. В каком бы свете мы ни рассматривали протестантскую Реформацию, несомненно одно: новая эпоха началась с того момента, когда Лютер прибил к дверям церкви в Виттенберге свои тезисы, и все попытки найти другое начало не увенчались успехом, будь то правление Филиппа Красивого, падение Константинополя в 1453 г. или изобретение книгопечатания. Хотя изобретение книгопечатания оказалось очень важным для распространения знаний, личность и деяния Лютера навсегда останутся источником, из которого произошли новые образцы человеческой мысли и поведения в Западной Европе¹³⁶⁸.

А вот начало Средневековья определить не так просто. Его исчисляли от правления Карла Великого, основателя Священной Германской империи, покровителя знаний, создателя свода законов. Но лучшей отправной точкой может послужить понтификат Григория Великого, которого называют также последним из отцов церкви и первым из средневековых пап. Именно с этого момента разногласия между Восточной и Западной церковью, уже достаточно большие вследствие высокомерия Римских епископов, быстро превращаются в непреодолимые.

Собственно Средневековье легко можно поделить на три периода, но следует признать, что первый, с 600 по 1050 г., — это период неустойчивый, для которого не характерно упорядоченное развитие. Средневековье как период великих идей, осознающий свою силу и порождающий движения, оказавшие громадное влияние на историю церкви, начинается с Гильдебранда. После того как этот монах прибыл в Рим, церковные дела вошли в строго определенное русло. В последующие 500 лет голос верховного понтифика возвышался над всеми остальными голосами и управлял всеми движениями, возникавшими в церкви. В этот период полностью сформировалась система вероучения, называемая средневековой. Это было время великих массовых движений, крестовых походов, нищенствующих орденов, готической архитектуры, университетов, канонического права, системы таинств и реформаторских соборов.

¹³⁶⁸ Gregorovivus (VII. 273) справедливо замечает, что «Реформация теоретически и практически положила конец всеобщей власти папства и завершила средние века как эпоху мировой истории».

Третий период средних веков, которому посвящен данный том, — это одновременно и продукт предыдущего периода Григория VII и Иннокентия III, и источник зарождения нового движения. Священники сохраняют свою силу, папство остается главным судом и властью в Европе, но уже слышны протесты, решительные и исходящие из разных мест — Праги, Парижа, Оксфорда. Они не ниспровергают старые институты, но потрясают веру в их апостольское происхождение и вечное бытие. Эти последние два столетия средневекового мира не отличались пылким рвением по части крестовых походов, и все попытки пап возродить прежние душевные порывы оказались тщетными. Пий II, смотрящий с обрывов Анконы на море в надежде увидеть там корабли, направляющиеся на покорение Востока, представляет собой трогательное зрелище человека, старающегося претворить в жизнь мечту прошлого, в то время как практичные умы его современников уже не питали подобных иллюзий.

Реформаторские соборы попытались разрушить то, что построили Гильдебранд и Иннокентий III и обосновал Фома Аквинат, — власть верховного понтифика над церковью и обществом. И система схоластов была сломлена. Виклиф, сам наделенный схоластической проницательностью, принадлежал к тому новому классу людей, которые игнорируют выводы диалектической философии по чисто практическим соображениям. И наконец, эпоха Возрождения начисто покончила с некоторыми характерными представлениями средних веков, возбудив интерес человека ко всему Божьему творению и возвысив тех, кто в этой земной сфере деятельности создавал великие произведения литературы и искусства, произносил великие речи и творил государственные дела.

Этот последний период средних веков в контексте всеобщей истории представляется периодом предчувствий и отдельных частных воплощений более свободного и разумного способа мышления и жизни, нежели тот, который был унаследован от прошлого. Период, начавшийся с Гильдебранда и продолжавшийся до Бонифация VIII, дал нам больше выдающихся личностей — творцов, пленявших силой интеллектуального убеждения, — но меньше полезных людей. Он создал единую догму и преуспел в силовых политических методах, но не смог окончательно похоронить права человека и принцип свободы мысли и совести, которыми Бог наделил человечество.

Хотя в завершающий период Средневековья и предпринимались попытки сбросить узы косного церковного принуждения, они ни к чему не привели. Отдельные реформаторы и пророки подготовили путь для нового времени, но они не смогли установить новый порядок в свою собственную эпоху. Эта задача была уготована для Лютера.

Когда мы в ретроспективе рассматриваем отличительные особенности завершающих столетий Средневековья, нас прежде всего поражает процесс консолидации народов Западной Европы, которые постепенно вписались в русло их современных границ. Казалось, завоевание пришедшей в упадок Византийской империи открыло туркам свободный путь в Европу. Афинский акрополь был занят в 1458 г. Было захвачено Отранто на итальянском побережье. Возникла угроза для Вены. Вся Европа испытывала те же чувства, что и Лютер, когда он молился: «Господи Боже, избавь нас от убийственной жестокости турка!» Хотя многие оплакивали потерю города на Босфоре, состояние восточного христианского мира не баловало надеждами и не предвещало никакого прогресса, ни богословского, ни социального.

Папство, которое претендовало на всю полноту власти, не отказалось ни от одного из своих притязаний, но сама его история доказала, что притязания эти вымышленные и что они не имеют никакого отношения к Божьему промыслу.

Редко в истории случались более впечатляющие зрелища, чем реформаторские соборы. После авиньонского периода и века папского раскола соборы старались побороть злоупотребления папской системы и ограничить их. Именно такое авторитетное решение принял первый общецерковный собор, проходивший на немецкой земле, — собор в Констанце. Его весомость была обусловлена его сторонниками, самыми выдающимися богословами и канонистами того времени, а также тем, что на нем совместно высказали свое мнение университеты и народы латинского христианского мира. Но решения этого собора оказались не прочнее паутины. Несогласия, проявившиеся в долгой череде едких трактатов, начавшейся с трактата Гельнхаузена, были легко отмечены умелой рукой самого папы. Гельнхаузен заявил, что для устранения проблем папского двора надо созвать общецерковный собор¹³⁶⁹. Этому заявлению Пий II противопоставил свою буллу *Execrabilis*, и его преемники продолжали игнорировать волю латинского христианского мира, который призвал папу поделиться властью.

Но о созыве собора говорили многие. Об этом заявляли Филипп Красивый и французский парламент (1303). Об этом говорили университеты Парижа и Оксфорда, а также великие церковные деятели Франции. К этому призывали Виклиф, Гус и Савонарола. Да, их усилия не достигли цели, но церковь обратилась здесь к своей способности мыслить, и свободные обсуждения повелись более активно.

У самых экстравагантных притязаний папства по-прежнему имелись свои защитники. Августин Триумф и Альвар Пелайо заявляли, что нельзя апеллировать к Богу в противовес папскому суду, ибо папа и Бог всегда согласны друг с другом, и тот, кто взирает на папу внимательно и с верой, взирает на Самого Христа, а там, где папа, там и церковь. Более того, папа выше канонического права. Однако эти люди просто повторяли то, что гласило распространенное предание. Данте говорил по-другому, как и Марсилиус Падуанский, который сомневался, что Петр вообще бывал в Риме. Он настаивал на том, что миряне — это тоже важная часть церкви.

Скандальные биографии пап, имена которых относятся к последнему разделу истории средних веков, таковы, что в наше время этих людей не приняли бы в достойное общество и изобличили бы как преступников. Они были клятвопреступниками и прелюбодеями. Они руководствовались жадностью и собственными страстями. Они были немилосердны. Их обвиняли в убийствах. Они болели постыдными заболеваниями. В желании расширить собственную территорию или обеспечить властью и титулами собственных детей и племянников папы настраивали государства Италии друг против друга и позволяли им терзать друг друга. Лютер был недалек от истины, когда в своем воззвании «К христианскому дворянству немецкой знати» объявлял: «Жадность Рима — это величайший из грабителей, когда-либо ходивших по земле. Всё отправляется в бездонный римский мешок, причем во имя Бога». Во всей истории трудно обнаружить более вопиющее противоречие между словом и делом, чем у последних пап средних веков.

¹³⁶⁹ *Conclusio principalis ista est quod pro remediando et de medio auferendo schismate moderno expedit, potest et debet concilium generate convocari* (Gelnhausen, в Martène, *Thesaur. Nov. anec.*, Paris ed., 1717, II. 1203).

Свободе мысли папство продолжало противопоставлять так называемое божественное предназначение. «De monarchia» Данте была сожжена Иоанном XXII. Евангельский учебник «Theologia Germanica» был занесен в Индекс. Климент VI так проклинал немецкого императора, что было бы святотатством просто повторить эти проклятия. Эккарта называли еретиком. Кости Виклифа выкопали из могилы и сожгли. Гус был сожжен. Савонарола был сожжен. Бесчисленное количество могил в Испании и Германии свидетельствуют против папства как божественного установления.

Валла говорил вновь и вновь, что папство ответственно за все несчастья Италии и является ее худшим врагом. Этот институт пал так низко, что император Максимилиан I всерьез подумывал о том, как бы самому стать избранным папой и сочетать в одном лице власть над церковью и государством. Если даже такая мысль была возможна, так каким же было реальное положение дел? Католический историк Янссен (III. 77) говорит: «Двор Льва X с его экстравагантными тратами на игру в карты, театры и всяческие мирские развлечения еще меньше был похож на двор верховного блюстителя церкви, чем дворы немецких церковных лидеров, например, Альбрехта из Майнца. Скверна Рима превосходила скверну христианских пастырей Германии». Разве не выражены надежды многих людей, желавших занять высший пост христианского мира, в словах, которые произнес после избрания Лев: «Давайте насладимся положением папы»? Если биографии этих последних пап были недостойными, то их отношение к духовным привилегиям было святотатственным. Рим поощрял крестовые походы, но сам не посылал крестоносцев. В Риме все продавалось и покупалось. Даже прощение грехов предлагалось за деньги.

В папских кругах никто не стремился проводить реформы. С гораздо большим успехом можно было бы искать зерно на выгоревшем поле. Вполне возможно, что именно благодаря Реформации не прекратило существование само папство. Об этом дважды упоминает в одной и той же работе Буркхардт¹³⁷⁰. Обладатели папского поста дискредитировали все свои возвышенные заявления. Однако в последние часы Средневековья папство с громадным самомнением и совершенно официально подтверждало свои претензии на высшую власть над душами и телами людей, над церковью и государством. Уже после начала Реформации придворный распорядитель Приериас так говорил о превосходстве папы над Писанием: «Тот, кто не верит в учение Римской церкви и Римского понтифика как в непогрешимое правило веры, на которое опирается авторитет даже самого Священного Писания, тот еретик». А быть еретиком значило быть вне закона. И Приериас называл Лютера «животиной с бессмысленным взглядом и странными фантазиями».

Но в эту же эпоху действовали и силы другого характера. Мистики искали Бога тайными путями. Не отвергая системы тайств, они обращали внимание на состояние сердца как вместителя веры. «Подражание Христу» было написано как учебник на все времена. Церковь определила себя как сообщество верующих, и эта идея противопоставлялась теории, которую выработала католическая иерархия. Четвертый Латеранский собор осудил проповеди вальденсов, но народ все больше требовал наставлений, а не только священнодействия мессы, и в катехетических учебниках большое внимание уделялось проповеди. Альбигойцы

¹³⁷⁰ *Renaissance*, I. 136, II. 185. Ficker (p. 13) говорит о «неизмеримой выгоде, которую Католическая церковь получила от Реформации».

были полностью уничтожены, но принципы лоллардов и гуситов продолжали распространяться, хотя и маленькими ручейками. Инквизиция еще делала свое дело, но в Германии возникли школы для детей всех слоев общества. Миряне заявили о своих правах в области образования и культуры. Эти влияния незаметно подготавливали почву для новых учений.

В XV веке на Европу как никогда прежде начала оказывать влияние торговля. Промышленные изменения, происходившие в этот момент, заслуживают внимательного изучения как фактор, подготовивший умы к интеллектуальным и религиозным новшествам. Это справедливо по меньшей мере по отношению к немецкому народу. Исследования и развитие торговли не раз предшествовали миссионерскому процессу, но ни одна из эпох не похожа в этом плане на XIX век больше, чем средние века, — когда действовали гуманистические силы разного рода. Это было время революции в методах торговли, в образе жизни и в ее ценностях. Мир стал совершенно иным. Наблюдалась определенная неуспокоенность в кругах ремесленников и крестьян. Эта неустанная активность должна была вдохновить и породить активность в области церковной и приучить умы к мысли о возможности изменений в ней.

Из Италии, порты которой были отправной точкой для флота в период крестовых походов, центр торговли переместился в города к северу от Альп и на португальское побережье. Нюрнберг, Ульм, Аугсбург и Констанц в Южной Германии, Брюгге, Антверпен и другие города на Нижнем Рейне и во Фландрии, города Ганзейского союза превратились в оживленные рынки, где выставлялись новые и чудесные творения мануфактуры и куда свозились товары со всего мира через Лондон, Лиссабон, Лион и Венецию. Энергичность и предприимчивость обогащали Германию. У ее торговых домов были свои представительства и склады в Венеции, Антверпене и других портах¹³⁷¹.

Были введены и процветали методы деловой активности, подобные тем, которые создают сегодня серьезные проблемы экономистам и моралистам. На сцену вышли торговые компании и монополии. Они напугали сторонников старых, феодальных форм размахом и смелостью своих операций. В Аугсбурге и других немецких городах процветали трастовые компании¹³⁷². Отдельные лица и корпорации ввозили зерно, вино, серебро, медь, железо, сахар, лен, кожу, перец и даже мыло, потому что им уже пользовались в те дни. Среди великих торговых и ростовщических фирм того времени были Хохштеттеры, Эбнеры и Фугтеры. Они вели дела с размахом. Например, Амвросий Хохштеттер из Аугсбурга в один из сезонов скупил всю древесину ясеня, в другой — все зерно, в третий — все вино. Также практиковалось искусство обмана. Торговцы не брезговали и мелочами — например, примешивали к перцу кирпичную пыль. Продукты могли

¹³⁷¹ О перемещении центра торговли с Левантом из Венеции в Лиссабон в начале XVI века см. Heyd, II. 505-540. Хейд говорит, что обнаруженный португальцами путь в Индию в обход мыса Доброй Надежды *hatte wie ein Donnerschlag am heiteren Himmel die Gemüther der Venetianer berührt*. Чтобы конкурировать с торговцами Лиссабона, венецианцы в 1500 г. предложили прокопать канал на Суэцком перешейке, и турки начали заниматься этим проектом в 1529 г. Мануэль, король Португалии, в 1505 г. разместил свой военный флот в Калькутте, чтобы венецианцы не смогли помешать вывозу индийских товаров в Португалию. О немецком торговом совете в Венеции (*fondaco dei Tedeschi*) см. Heyd, II. 520, etc.

¹³⁷² Эней Сильвий в 1458 г. писал: «Немецкий народ превосходит все остальные по богатству и силе». Он отмечал, что ни один город Европы не сравнится с Кельном по величию. В Нюрнберге он обнаружил, что простые горожане живут в домах, в которых рад был бы поселиться король Шотландии.

внезапно вырасти в цене. В 1510 г. в Германии вино подорожало на 49 процентов, зерно — на 32 процента. Имперские рейхстаги откликнулись на козни торговцев и постарались бороться со злом, регулируя цены на товары¹³⁷³. Муниципалитеты делали то же самое. Проповедники, такие как Гейлер Страсбургский, обвиняли монополистов в том, что они не боятся ни Бога, ни человека, и призывал изгонять их из городов. Профессора юриспруденции (гражданское право тогда еще не выделилось в самостоятельную отрасль) изобличали монополистов как паутину для уловления невинных¹³⁷⁴. Это был быстро развивавшийся век. То, что происходило, было ново. Люди тосковали по добрым старым временам. Процветали спекулянты. Многие мечтали о легкой наживе, но тот, кто вкладывал средства в компании, часто терял всё. Однако можно заметить, что владельцам компаний удавалось избегать потерь, которые несли простые и ничего не подозревавшие инвесторы. Когда городской совет начинал заниматься торговыми вопросами, путаница лишь возрастала. Бывало и так, что крупные торговцы, разорявшие своими сделками остальных людей, играли важную роль в делах церкви.

К богатству, полученному от производства и торговли с другими странами, прибавлялись богатства от недавно обнаруженных серебряных, медных и железных рудников в Богемии и Саксонии. О жадности говорили как об одном из главных пороков того времени. В некоторых местах торговлю осуждали как противоречащую бесхитростным предписаниям Евангелия¹³⁷⁵.

Богатству сопутствовали роскошества в одежде и еде. Городские власти принимали законы против них. Императорский парламент старался установить некоторые ограничения. Вимфелинг говорит, что столовые приборы из золота встречались часто и что сам он ел в Кельне из золотых блюд. На рейхстагах нередко раздавались жалобы, что мужчины разоряются, тратя все средства на одежду для себя и для женщин из своей семьи.

В Германии крестьяне носили только определенные виды одежды, стоимость которой не должна была превышать конкретной суммы¹³⁷⁶. Женщины также доставляли хлопот городскому совету, решавшему, каким количеством юбок и других предметов туалета и украшений могут владеть дамы, не причиняя вреда

¹³⁷³ Например, рейхстаг в Кельне (1512). В то же время он объявил, что его акты не призваны мешать объединению торговцев в торговые компании. Рейхстаг в Инсбруке (1518) сделал то же самое и обвинял торговые компании в том, что они вытесняют с рынка мелких торговцев и назначают цены произвольно. Тритемий выступал за законы, которые защищали бы народ от проявлений алчности, и объявлял, что человек, покупающий мясо, зерно и другие продукты питания, чтобы продать их по завышенной цене, — обыкновенный преступник. См. Janssen, II. 102, sq.

¹³⁷⁴ Так говорит Кристофер Купшнер из Лейпцига в трактате о ростовщичестве (1508). Он настаивает на том, что городские власти должны выступать против торговых компаний и богатых торговцев, которые с помощью агентов в других странах покупают шафран, перец, зерно и другие товары и продают их по самой высокой цене. Согласно секретарю одной компании, Конраду Мейеру, капитал Фуггеров за 7 лет возрос на 13 млн. флоринов.

¹³⁷⁵ Некий проповедник в 1515 г. заявил, что царивший тогда дух спекуляции возник недавно, всего десяток лет назад, и что в былые времена его не существовало (Janssen, II. 87).

¹³⁷⁶ Рейхстаги 1498 и 1500 г. запрещали ремесленникам носить золото, серебро, жемчуг, бархат и вышитые ткани. Им было запрещено тратить больше полфлорина за ярд ткани для пошива курток и плащей. Законы об одежде насаждались также в Италии. Вошли в моду мягкие постели, парики и другие новшества. Женщины целыми днями сидели на солнце, чтобы у них выгорели волосы. Во Флоренции деньги даже душили одеколоном (см. Burckhardt-Geiger, II. 87 sqq.). Иоанн из Арунделя, утонувший в море в 1379 г., держал 52 новых наряда из парчи и шелка. Согласно акту парламента 1463 г., рыцари и другие лица не имели права носить туфли или сапоги с носками длиной более двух дюймов (*Soc. Engl.*, II. 426 sqq.).

обществу и платежеспособности своих снисходительных мужей. Совет Ратисбона, например, установил в 1485 г. правило, что жены и дочери известных горожан должны иметь не более восьми платьев, шести длинных плащей, трех нарядов для танцев, одной расшитой накидки с не более чем тремя комплектами рукавов из шелка, бархата и парчи, двух жемчужных обручей для волос стоимостью не более 12 флоринов, одной золотой диадемы с жемчугом, трех покрывал стоимостью 8 флоринов каждое и т. д. Но к чему приводить здесь полный список? Мы полагаем, что женщины-то хорошо знали, как выполнять эти требования, хотя и критиковали городские советы за то, что те занимаются не своим делом. Гейлер из Страсбурга, говоря о новшествах своего экстравагантного века, указывал, что женщины переодеваются по два раза в течение одного дня, носят длинные шлейфы, которые тянутся по земле, прикрепляют павлиньи перья на шляпках и на длинных распущенных волосах. Он оплакивал эти времена как греховные. Однако приятно отметить, что один летописец того времени хвалит привычку мыться по меньшей мере «раз в две недели».

В среде ремесленников и крестьян волнения проявлялись в виде забастовок и восстаний. В ходе забастовок они боролись за сокращение времени работы, за лучшее питание и лучшую оплату. Бывало, между муниципалитетом и гильдией борьба велась годами. Иногда город лишался всех представителей определенного ремесла разом, как Нюрнберг в 1475 г. лишился оловянных дел мастеров. Говорят, чаще всех бастовали портные.

Новый общественный порядок принес больше всего трудностей крестьянам. Они становились жертвами жадности и насилия со стороны землевладельцев, которые захватывали их поля и нарушали традиционные, но неписанные права, лишали их права на рыбную ловлю и охоту, на сбор хвороста в лесу. Церковь также есть за что осуждать. Одной пятой земель в Германии владели монастыри и другие религиозные учреждения, и крестьянские вожди призывали монахов и священников раздать свои земли. В песнях, которые пелись во время шествий, они взывали ко Христу, прося Его предотвратить убийство ими священников. Крестьянская война 1525 г. была вызвана вовсе не злоупотреблением личной свободой, которую ввела Реформация. Это было одно из длинной череды восстаний. Говорили, что, если бы Реформация не началась и не отвлекла внимание народа, в Германии в XVI веке вполне могла бы произойти такая социальная революция, каких в мире было очень мало¹³⁷⁷.

В Англии беспокойство проявлялось не менее явно и положение тружеников было не менее плачевным. В XIV веке их проблемы вызвали восстание Уота Тайлера. В знаменитом статуте о работниках 1350 г. плата жнецов определялась в 3 пенса за день; в статуте 1444 г., век спустя, она была повышена до 5 пенсов. Каннингем говорит, что законы 1495 г. были задуманы для того, чтобы помешать повышению оплаты поденных рабочих. Английское законодательство обычно старалось предотвратить искусственное повышение цен. В самом конце средних веков (1515) был принят закон, согласно которому рабочий день летом начинался в 5 часов утра и заканчивался в 7 или 8 часов вечера, а зимой продолжался все светлое время. Законодательство пыталось ограничить цены, чтобы помешать росту крупных предприятий. В 1504 г. были официально осуждены обман

¹³⁷⁷ Ficker, p. 107 sq.; Müller, *Kirchengesch.*, II. 196 sq. Среди крестьянских вождей наиболее известен был волынщик из Никласхаузена. В последней четверти XV века среди крестьян распространялись трактаты, призывающие их сопротивляться угнетению правящих классов и требующие секуляризации церковных земель.

и подделка товаров, некачественный труд и неточные весы. Генрих VII выступал против непомерных цен, назначаемых гильдиями за свои услуги. С распространением овечьих пастбищ многие крестьяне потеряли работу¹³⁷⁸. Автору «Утопии» акт парламента 1515 г., определяющий размер заработной платы, показался «не более чем заговором богатых против бедняков»: «трудящийся был обречен на жизнь столь несчастную, что в сравнении с ней завидной казалась даже жизнь животных».

Открытие Нового Света и другие достижения мореплавателей (португальские моряки обогнули мыс Доброй Надежды) также нагнетали беспокойство. Природные горизонты расширялись. Открылись новые торговые возможности, а мыслящие люди стали задавать себе вопрос, не подлежит ли также пересмотру и география духовного мира, узаконенная в схоластических системах. Да и сама Библия обрела новое рождение и стала вызывать интерес. Люди задавали вопросы о ней, ведь она также была для них новым миром. Торговля, предприимчивость, мысли, возникшие в последние 70 лет Средневековья, были намного более жизненными, чем те, что распространились вследствие крестовых походов по рассказам крестоносцев. Когда началась Реформация, центрами нового религиозного движения стали главные деловые центры Германии и Англии: Нюрнберг, Ульм, Аугсбург, Женева, Страсбург, Франкфурт, Любек и Лондон.

Возрождение, как мы уже говорили, также было существенным фактором, который содействовал мощному развитию в последнее столетие средних веков. Все человеческие способности были признаны достойными уважения. Европа пробудилась от глубокого сна. Как пишет в своих трудах историк Тейн, «люди открыли глаза и стали видеть». Эпоха Возрождения явила человеческому взору землю и самого человека. Схоласты забыли и о том, и о другом, но и в их сфере открылся новый мир. Ульрих фон Гуттен, говоря о схоластике и о веке в целом, воскликнул: «О столетие, в которое исследования процветают и души пробуждаются! Как приятно жить в такое время!»

Но Провидение, породив эпоху Возрождения, похоже, пожелало показать, что интеллектуальная и художественная культура может процветать как раз в то время, когда мораль и общество приходят в упадок. В итальянском обществе не наблюдалось никакого пробуждения, никакого очищения его дворцов и монастырей. Внешние признаки цивилизации не мешали внутреннему упадку. Итальянский характер, говорит Грегоровиус, «в последние тридцать лет XV века предается дьявольским страстям. Тиранубийство, заговоры и предательство наблюдались повсеместно». В период величия Афин небольшое количество людей отличалось возвышенным интеллектом, а большинство — моральным упадком. И сегодня искусство тоже не очищает само по себе. Эпоха Возрождения не знала, что такое покаяние, и не испытывала в нем потребности. Восхищенный ученик Савонаролы Пико делла Мирандола выступил перед Пятым Латеранским собором с докладом о том, что, если прелаты «не поспешат исцелить раны церкви, Христос отсечет гнилые члены огнем и мечом. Христос выгнал менял из храма, так почему же Лев не изгонит тех, кто поклоняется многочисленным золотым тельцам?» Как замечает Ранке, в Италии «любой, кто считался образованным человеком, придерживался в той или иной мере ошибочных представлений о христианстве».

На севере не было своего Данте, Петрарки, Боккаччо или Фомы Аквината, но там были свои Таулер и Фома Кемпийский, и там был напечатан первый Новый

¹³⁷⁸ Rogers, p. 143; Cunningham, pp. 399, 457 sq., 468 sqq., 476 sqq., 484.

Завет на греческом языке. Это было явной подготовкой к новой эпохе, подобно тому как греческий язык подготовил распространение христианства через проповедь апостолов в I веке. Немецкие печатники в 1467 г. достигли Рима и Барселоны. В своем труде о новом изобретении (1507) Вимфелинг говорит: «Как в древности апостолы отправлялись в путешествия, так и сейчас апостолы священного искусства из Германии отправляются в другие страны и печатают там книги, провозглашая Евангелие, проповедуя истину и мудрость»¹³⁷⁹. Германия стала интеллектуальным рынком Европы. Ее представители пересекли Северное море и прибыли в то небольшое королевство, которое стало оплотом протестантизма. И Лев Х тчетно выступал против свободного распространения книг¹³⁸⁰.

Издание Нового Завета на греческом языке и изобретение книгопечатания (а это изобретение разделяет историю на два периода и одновременно связывает все столетия воедино) были двумя главными орудиями Провидения, приготовившими путь для Мартина Лютера. Но этот путь ему пришлось искать самому. Не открытия сделали его реформатором, вождем нового века. Эразм, которого безжалостно осуждает Янссен, оставался морализатором. Ему не хватало страсти и героизма, чтобы стать религиозным реформатором. Религиозный реформатор должен быть вдохновляем свыше. Рейхлин, Эразм и Гутенберг подготовили внешнюю форму греческой и еврейской Библии, а Лютер открыл ее содержание и сделал его известным.

Таковы были силы, действовавшие в завершающий период средних веков. Абсолютная власть папства была подтверждена официально. Церковная иерархия, по сути, подменила собой церковь. Религиозные разногласия подавлялись силой, а не исправлялись посредством убеждения и наставления. Внутреннее единство было заменено принуждением. Народное благочестие оставалось ограничено прежними формами и укрепилось на своих позициях весьма прочно. Но уже журчали ручейки обновления, проистекавшие из свежих источников живой воды и бежавшие бок о бок с древними церемониями, особенно на севере. Литературное пробуждение подтолкнуло разум к осознанию его законных прав. Развитие мысли значительно ускорилося с возникновением книгопечатания. Развитие торговли способствовало социальному оживлению. Но, судя по жизни пап, на которую мы смотрим с высоты нынешнего века, представляется явно неуместным ожидать, что Рим мог выступить на стороне реформ. Реформаторские соборы удовлетворялись тем, что пытались видоизменить управление церковью. Однако, хотя люди не замечали этого, зрели новые богословские идеи и звучали пророческие голоса, даже если руководство церкви и не прислушивалось к ним. Необходимо было не новое управление, не новые правила, а пробуждение, и его не могла дать иерархия. Его мог послать только Бог¹³⁸¹.

Факты, изложенные в данном томе, не оставляют пространства для спора современным историкам Римской церкви Янссену, Денифле, Пастору, Николаусу, Паулюсу и доктору Гаске, которые не жалея сил пытались доказать, что,

¹³⁷⁹ *De arte impressoria*. Печатник Гутенберг жил в 1397 — 1468 г. Его зять Шеффер умер в 1502 г.

¹³⁸⁰ В своей булле от 4 мая 1515 г. (см. Mirbt, p. 177).

¹³⁸¹ См. сентенциозное высказывание в Sohm, *Kirchengesch.*, 15th ed., 1907, p. 122 sq. Колет, который был в Италии в понтификат Александра VI, говорил: «Если Посредник, Который сотворил церковь из ничего и основал ее для Себя, не вмешается как можно скорее, наша лишенная порядка церковь будет близка к смерти... Все ищут своего, а не того, что угодно Иисусу Христу, не небесного, а земного, — но это приведет их к смерти, а не к вечной жизни» (Seeböhm, p. 75).

когда разразилась Реформация, в церкви уже проводились упорядоченные реформы. Реформацию они выдают за немислимое бедствие для цивилизации, за отступничество от христианства, за бунт против власти, поставленной Богом. Но Реформация как раз обнажила суть тех якобы прогрессивных перемен, которыми занималось католичество, и неудивительно, что папы от Пия IX до Льва XIII подвергли анафеме протестантизм как вредную чуму и мать всех современных зол в церкви и государстве. Стараясь подтвердить это суждение, нынешние католические апологеты не только говорят о «добрых старых временах» (хотя эти эпитеты убедительно опровергаются представителями XV века¹³⁸²), но и чернят личность немецкого реформатора, игнорируют свидетельства современников, которые знали его явно лучше, и нещадно искажают слова самого Лютера. Имбарт де ла Тур, самый последний французский историк этой школы, говоря о 1517 г., восклицает: «Эра мирных реформ подходила к концу. Начиналась эра религиозной революции»¹³⁸³.

Лефевр д'Этапль не был одинок в своем мнении, когда произносил следующие ставшие популярными слова:

Знамена времени показывают, что Христова реформа близка, и сейчас, когда Бог открывает новые пути для проповеди Евангелия благодаря открытиям португальцев и испанцев, мы не можем не уповать и на то, что Он посетит также Свою церковь и вызовет ее из той скверны, в которую она ныне погрузилась.

«Философия Христа» (как называл Эразм Евангелие в своем *Paraclesis*, предпосланном изданию Нового Завета) была в значительной степени затуманена диалектическим богословием схоластов. Люди нуждались в Евангелии, и епископ Изернии, проповедуя на двенадцатом заседании Пятого Латеранского собора, заметил весьма правильно: «Евангелие — это источник всякой мудрости, всякого знания. Из него проистекает вся высшая добродетель, всё, что божественно и достойно восхищения. Именно из Евангелия, говорю я. Из Евангелия». Эти слова были произнесены накануне Реформации, но этому средневековому собору не удалось предложить реальное средство против религиозного вырождения. Реформатор пришел не из Рима, а с севера — словно из еще одного Назарета. Ангел Божий вынужден был вновь сойти и взволновать воды купальни, чтобы растревожить совесть одного человека, который оказался сильнее, чем вся богословская мудрость, и мудрее, чем правители видимой церкви.

Средние века примечательны смелой предприимчивостью мысли и действия. Они составляют важную часть истории церкви. Мы признаем свой долг перед ними, но отвергаем их суеверия и заблуждения, поскольку уже вступили на путь более осмысленного поклонения и более всеобъемлющего человеколюбия — путь, ведущий в век, когда все, кто исповедует Евангелие, сольются в одно единством своей веры в Сына Божьего.

¹³⁸² К другим свидетельствам этого тома добавьте *Enchiridion* Эразма (p. 11 sq.).

¹³⁸³ П. 579. Пример неверного изображения событий — Denifle, *Luther u. Luthertum*. Автор берет отдельную фразу из проповеди Лютера: *Die Begierde ist gänzlich unbesiegbar* («Страсть невозможно преодолеть») — и на ее основании делает вывод о якобы распущенном образе жизни реформатора. Что может быть более ужасно и менее достойно порядочного человека и ученого, если Лютер в этой самой проповеди как раз и хотел показать, что Христос наделяет человека отсутствующей у него силой преодолеть зло, и призывал искать помощи у Христа? В своих последних трудах Денифле превзошел Янссена. Лев XIII хвалил Янссена как «светоча исторической науки и человека великой учености», а Пий X оказал честь Денифле, приняв первый экземпляр его книги из рук автора.

Указатель имен

- Аахен (Ахен, *фр.*
 Экс-ла-Шапель) 48, 102,
 180, 326, 467
 Абеляр 218, 357
 Абердин 201
 Абруцци 369
 Авгарь 378
 Август, император 30
 Августин 32-33, 56, 58, 113,
 142, 154, 156, 158, 162, 165,
 168, 181, 184, 190, 199, 211,
 218, 223, 237-238, 249, 329,
 332, 362-365, 374, 394, 402,
 415, 434, 455-456, 463, 470, 477
 Августин Триумф 29,
 32-33, 41, 43, 59-60, 62-63, 487
 Аверроэс 162
 Авиль 341, 345
 Авиньон 11, 14, 38-40, 48-51,
 53, 60-61, 64-67, 69-71, 74-79,
 81, 83-85, 88-89, 94, 112, 117,
 131-132, 135-136, 145,
 150-151, 198-199, 201-202,
 276, 287, 290, 319-320, 322,
 330, 334, 364, 374
 Авиценна 162
 Авраам Критский 82
 Австралия 256
 Агапито Колонна 39
 Агостино Киджи 307, 313
 Агрикола, Рудольф
 (Рулоф Гюисман) 394-396
 Адам Астон 88
 Адам из Уска 19, 81, 86,
 89-90, 107
 Адриан 293, 350, 380
 Адриан IV 275
 Адриан Утрехтский
 309, 342
 Адриатика 278, 300
 Адрия 86
 Ажен 420
 Азорские острова 296
 Аквила 284
 Аквилея 62, 94, 98, 300
 Алан аб Инсулис 220
 Аланья (Ананьи) 24
 Алдингтон 402
 Алеандер 377, 407
 Александр III 23, 43, 61-62
 Александр IV 21, 62, 330
 Александр V 81, 87,
 98-99, 234, 237
 Александр VI 19, 257-261,
 265, 275, 283-284, 290, 292,
 294, 296-297, 304, 314-315,
 340, 343, 348, 368, 373,
 379-380, 386, 389, 420, 434,
 437, 441, 470, 476, 482, 493
 Александр Великий
 407
 Александр Галесский
 328, 334
 Александр Гегий 395
 Александр из
 Алессандры 51
 Александр Перетти 260
 Александр Север 307
 Александр Фарнезе
 260, 291, 312
 Александрия 96, 123
 Алеман 117-119, 125
 Алесий 416
 Алкуин 357
 Альба 113, 372
 Альбано 284
 Альбергати 121, 267
 Альберт III Баварский
 335
 Альберт Австрийский
 254, 260
 Альберт Великий 148,
 157, 159, 404, 453, 469
 Альби 420
 Альборнос 74-75
 Альбре 303
 Альбрехт (Альберт) I
 18, 20, 23
 Альбрехт II 118
 Альбрехт
 Гогенцоллерн 483
 Альбрехт Майнцский
 69, 400, 421, 469-470, 479,
 488
 Альвар Пелагий 15, 32,
 39, 59-60, 63, 69
 Альварес из Пелайо
 334, 487
 Альпы 38, 49, 117, 302, 320,
 326, 356-358, 375
 Альфонсо, сын
 Хуана II 420
 Альфонсо П
 Неаполитанский 266,
 287, 290, 292, 369-371, 375,
 378
 Альфонсо Арагонский
 118
 Альфонсо д'Эсте 307
 Альфонсо де Охеда 341
 Альфонсо Испанский
 340
 Альфонсо
 Португальский 260, 309
 Альфонсо Феррарский
 301
 Амадей Женевский 85
 Амадей Савойский
 118-119
 Амальрик из Бены 318
 Амальфи 86, 113
 Амброджо Траверсари
 376
 Амвросий 334, 402
 Америка 12, 52, 137, 222,
 256, 261, 285, 295-296, 305,
 308, 335, 350, 459, 464, 470
 Амманати 258, 271
 Аммоний 414
 Аморт 188
 Амстердам 188
 Амьен 23
 Анаксагор 250
 Ананьи 16, 20, 23-24, 41-42,
 67, 80, 85, 87-88
 Анастасий II 363
 Анастасия 232
 Ангвиллара 287
 Анджело Кларено 51,
 319
 Анджело Коррер 90, 92,
 107-108
 Андреа, брат
 Бонифация 90
 Андреа Венгерский 71
 Андреа Гарна из
 Салерно 482
 Андреа делла Валле
 307
 Андреа дель Сарто 382
 Андреас Альтхаммер
 463
 Андреас Мейнгарт 469
 Андрей Австрийский
 260
 Андрей из Спалато 101
 Анжер 95, 97, 420
 Анкона 46, 59, 77, 108, 271,
 283, 314, 486
 Анна Болейн 471
 Анна Вейлер 255
 Анна Люксембургская
 232
 Ансельм 120, 127, 162, 168,
 211, 218, 295, 430
 Антверпен 188, 319, 473,
 489
 Антиохия 56, 123, 268, 283
 Антоний Массан 120
 Антоний Падуанский
 422, 450
 Антонио из
 Сан-Марино 307
 Антонио Маффей да
 Вольтерра 278
 Апеннины 336
 Аппиан 371
 Апулия 150
 Арагон 45, 62, 90, 104, 108,
 339-342, 344, 347, 393
 Аранда из Калаорры
 346
 Арасена 341
 Аргиропулос 370
 Ариосто 313, 315, 385-386,
 388, 390
 Аристотель 29-31, 34, 36,
 56, 58, 113, 124, 126, 128,
 136, 139-140, 156, 219, 234,
 357, 368-371, 374-375, 377,
 386-387, 408, 442
 Арль 117

- Армаг 66, 198
 Арндт 184, 189
 Арнест Пардубиц 231
 Арно 76, 434, 450
 Арнольд Брешианский 36, 450
 Арнольд из Биллановы 20, 24, 36, 329
 Арнульф Орлеанский 357
 Арона 188-189
 Аррас 141, 327
 Арриго из Кремоны (Арриго Кассалочи, Генри Кремонский) 29, 32-33, 35, 37
 Аргуа 23
 Арундель 197, 209-210, 222, 225, 228-230, 457-460
 Арчер 41
 Асканио Сфорца 284, 287, 289, 291
 Ассизи 51, 112, 482
 Асти 303
 Астон 208
 Аугсбург 189, 240, 311, 314, 393, 395, 421, 425, 458, 462, 473, 481, 489, 492
 Афины 370, 389, 492
 Африка 350
 Бавария 167, 253, 405, 422, 466
 Баделло 388
 Баден 395
 Базель 11, 65, 82, 95, 100, 111-120, 123, 147, 155, 167-168, 175, 193, 248, 253, 255, 259, 266-267, 269-272, 308, 310, 322, 352, 392-397, 400, 402, 404-405, 419-421, 425-426, 428, 431-432, 434, 464, 470
 Байе 43
 Байонн 451
 Байрон 384
 Бакстер 328
 Балеарские острова 341
 Балуэ 282
 Бальм де Водуа 326
 Бальтазар Косса (Иоанн XXIII) 98-99, 107, 243
 Бамберг 58, 66, 148, 336-337, 423, 425, 482
 Бангор 202, 204
 Банделло 385-386, 390
 Барбара 102-103
 Барбаросса 23, 49, 274
 Барбо 275, 280
 Бари 83-84, 120
 Баркинг 414
 Барлоу, Уильям 229
 Барнс 414
 Барри, доктор 460
 Барселона 25, 108, 150, 286, 341, 344, 347, 350, 493
 Бартоломей Арнольди 456
 Бартоломео делла Сета 133
 Бартоломео Приньяно 83, 89
 Бартон, Эдуард 463
 Бат 73, 202
 Батеман 73
 Баттеста де Верчелли 310
 Баттиста Бозрио 401
 Баттиста Дзено 273
 Баттути 449
 Баумгартен 64
 Баумкер 471
 Баур 159
 Баутцен 465
 Бафомет 43
 Бахлманн 462
 Баязет 282-283, 287
 Беат Рена 396, 403, 413, 427
 Беатриче 359-360, 362-363, 366
 Беатриче Ченчи 382
 Беверли 199, 473
 Беза 170, 396
 Безольд 387, 421
 Безьер 51
 Беккаделли 371, 388-389
 Белград 150, 254, 265
 Беллармин 99, 188, 377
 Бельгия 473
 Бельтрам де ла Куэва 340
 Бембо 293, 315, 369-370, 373, 375, 377, 387
 Бенвенуто да Имола 353
 Беневенто 32, 289, 334
 Бенедикт XI 14, 38, 41
 Бенедикт XII 38, 50, 53, 65, 67, 70, 73-74, 127, 202
 Бенедикт XIII 81, 83, 87, 92-93, 95, 97, 107, 110, 136, 138, 150
 Бенедикт XIV 109, 451
 Бенедикт Газтани 16, 21
 Бенедикт де Луна 247
 Бенедикт, святой 362
 Бенивьени 442
 Берг 171
 Бергамо 310
 Бери, Р. де 198
 Бери 467
 Берингер 479
 Берн 112
 Бернабо 76
 Бернар Гюн 330
 Бернар из Сэссе 21
 Бернар Клервский 7, 12, 61, 156, 158, 170, 177, 187, 238, 361-362, 418, 424, 443
 Бернард из Комо 334-335
 Бернардино да Фельтре 476
 Бернардино Сиенский 52, 149-150, 264, 266, 386, 450
 Бернардо Бини 314
 Бертольд из Генненберга 483
 Бертольд Майнцкий 457-460
 Бертольд Регенсбургский 149, 426
 Бертон 207, 474
 Бертран де Го 38
 Бертран Раффини 78
 Бесилья 290-291
 Бесс 135, 146
 Бетховен 381
 Библиена 313, 382
 Библиандер 369
 Бигт 203, 210
 Бидмен 208
 Битон 424
 Биэль, Габриэль 126, 128, 270, 394, 426, 479
 Бландина 249
 Блисс 201
 Блэйки 429
 Блэк-холл 205
 Блюм 470
 Бо-Пре 470
 Богемия 74, 89, 100, 114, 149, 203, 231-234, 238-240, 243, 249-256, 274, 318, 320, 482, 490
 Богота 350
 Боккаччо, Джованни 29, 71-72, 263, 352-353, 356, 359, 364-368, 373, 385-386, 392, 419, 442, 492
 Боккаччо, епископ Модены 284
 Боккаччо Феррарский 290
 Боксли 467
 Болдуин 268
 Болл, Джон 196
 Болонья 46, 72, 76, 80, 89, 95, 97-99, 103, 114, 117, 131, 134, 146-147, 261-262, 273, 275-276, 298, 300, 302, 308, 325, 330, 357, 363, 374-375, 387, 402, 404, 409, 433
 Больсен 262
 Бонавентура 50, 141, 162, 187-188, 279, 453, 461, 469
 Бонаграция 46, 48, 52, 54, 127
 Бонато 319
 Боне-Мори 438
 Бонифаций VIII 11, 13-14, 16-17, 20, 25, 28, 31-33, 36, 38, 40-41, 45-47, 50, 59, 61-62, 67, 80, 106, 259, 284, 311, 329, 363, 444, 479, 486
 Бонифаций IX 67, 69, 81, 87, 89, 93, 99, 226
 Бонифаций Америкс 396
 Бонниваль 253
 Борджиа 151, 265, 268, 276, 280-281, 283-286, 291, 303, 368
 Борелли 326
 Борсо 368
 Босвелл 102
 Босния 271
 Боссюэ 87, 99, 135, 245
 Босфор 117, 120, 264, 271, 282, 486
 Ботичелли, Сандро 381
 де Бофор Тюрени 131
 Бохадор 310
 Боэмунд 269

- Бозций 199
 Брабант 179, 399
 Брадуардин
 Кентерберийский 72,
 127, 199, 211
 Браманте 305, 384, 482
 Бранденбург 74, 109, 308,
 327, 483
 Брант 428, 457, 460, 474
 Брантон, Томас 430
 Браун, Джон 230
 Браунинг 452
 Браутон, Джоан 230
 Браччо 112
 Бредевурд 177
 Брейзах 105-106
 Брейсгау 402
 Бремен 327, 330, 417, 482
 Бреслау 66, 150, 252, 301,
 473
 Бретань 40, 290, 330
 Бретины 196
 Брешия 300, 331, 434, 476
 Бриансон 336
 Бригер 419
 Бригитта Шведская 16,
 77, 142
 Бриджнорт 202
 Бридлингтон 412
 Бриксен 119, 148
 Брисонне 303, 408
 Брокен 334
 Бромнорд 199
 Брунеллески 380
 Брунетто Латини 359
 Бруни, Леонардо 353,
 368-370, 375, 385
 Бруннисенда из Фуа 47
 Бруно, Джордано 379
 Брюгге (гж. см. Бурж)
 204, 320, 323, 473, 489
 Брюкс 481
 Брюнсвик 86
 Брюссель 177, 188-189,
 319, 335
 Брюстер, Джон 230
 Буденсиг 193, 203-204,
 223
 Будей 403, 407-408, 415
 Булей 16
 Буллингген 184
 Буллинггер 422
 Бунсен 189-190
 Буньян 184
 Бургундий 371
 Бурж (гж. см. Брюгге)
 31, 110, 115, 117, 178, 204,
 206, 308, 408
 Буркхардт, Дж. 356, 379,
 384, 388, 390, 442, 488
 Буркхардт, Георг 456
 Буркхардт-Гейгер 8
 Бурламакки 439, 441
 Бурхард 261, 280, 283, 286,
 289-290, 293-295, 368
 Буршье 423
 Буссардо 287
 Бусси 372
 Бутарик 45
 Бутервек 41
 Бухманн 369
 Буш, Иоганн 189, 399,
 419, 422
 Бушье 230
 Бьюкенен, Джордж 416
 Бэбер, Генри 221
 Бэгли, Томас 228
 Бэдби, Джон 228
 Бэйл 228, 315
 Бэкер 184
 Бэкингемшир 229
 Бэкон, Роджер 125, 137,
 157, 356-357
 Бэллиол 198, 203-204
 Вавилон 39
 Вадан 396, 399
 Вазари 353, 381-383
 Вайш, Ричард 238
 Вакандар 349
 Валенс 420
 Валенсия 108, 150-151,
 276, 285, 287, 341, 345, 347,
 350, 455, 473
 Валентинуа 290
 Валленштейн 231, 391
 Валлис 334
 Валуа 8, 44, 84, 86-87
 Валь де Луиз 326
 Вальден 194, 207, 209, 217,
 226
 Вальдес, инквизитор
 346-347, 350
 Вальпрофанд 144
 Вальтер 455
 Вальтер, бегард 160
 Вальтер де Грей 69
 Вальтер из Ковентри
 329
 Вальтер Лоллард 226,
 320
 Вальтер Лондонский
 202
 Вальтер Мэп 328
 Вальядолид 339, 344, 347
 Ваноцца де Катанейс
 285-286, 288
 Варлаам 365
 Вартбург 405
 Варфоломей
 (Варипсава) 283
 Варфоломей из
 Каррансы 346
 Варфоломей из Спины
 178, 334-335
 Варфоломей из
 Хомата 335
 Василий Великий 371,
 374
 Ватабль 408
 Ватерлоо 177
 Ватикан 22, 61, 64-65, 68,
 75, 78-80, 83-84, 88, 90, 132,
 257, 281
 Ваттенбах 24
 Везелей 114
 Везель, Иоганн Рухрат
 фон 203, 394-395, 417,
 431-433, 455
 Вейнгартен 376
 Вейссенберг 463
 Вейцсакер 305
 Великобритания 358
 Веллетри 276
 Вельсеры 314
 Вельтен 422
 Венгрия 16, 71, 86, 89, 104,
 254, 271, 282, 300, 320, 445
 Венезий 274
 Венесен 40
 Венеция 46, 49, 72, 75, 90,
 94, 98, 120, 160, 184, 261,
 264-265, 271, 273, 276-278,
 282, 284, 293, 298-302, 307,
 314, 331, 363, 373-376, 380,
 384, 386-387, 393, 402, 405,
 434, 440, 455, 489
 Венрат 272
 Венсенн 53
 Вентурино из Бергамо
 320
 Венцеслав IV
 Ленивый 89, 94-95, 97,
 232-234, 236, 239, 250-252
 Венцеслав из Дубы
 239, 244
 Венцеслав
 Росдаловски 254
 Вербелл-Абергвили 199
 Вергилий 30, 144, 355, 357,
 359-360, 362-363, 365,
 368-369, 376, 394, 396, 435,
 442
 Верден 62, 97, 420
 Вернер 126
 Верона 285, 300, 365, 369,
 449, 476
 Вероника 19, 262, 283
 Верцелли 187-188
 Весли, Джон 184, 206,
 210, 228, 328, 410
 Веспасиано 372
 Вессель из Гансфорта
 (Иоганн Вессель) 203,
 224, 417, 419, 430, 432-433,
 455, 480
 Вест-Индия 256
 Вестминстер 18, 455
 Вестфалия 183, 422
 Веттори 313
 Вефиль 18
 Виана 299
 Виберт из Равенны 83
 Вивьер 109, 276
 Видман из Кемната
 334
 Византия 365
 Виклив, ректор
 Кентербери-холла 204
 Виклиф 11, 25, 29, 58, 76,
 81, 86, 100, 113, 126, 139,
 143, 149, 193-195, 198-200,
 202-239, 241-243, 245-253,
 334, 357, 412, 414, 419-420,
 430, 452, 454, 457-458, 460,
 480, 486-488
 Вилворд 459
 Виллани 23-25, 41, 45,
 47-49, 53, 70-71, 319-320,
 368
 Виллари 418, 435, 437-438,
 441, 445
 Виллибальд
 Пиркгеймер 395
 Вилснэк 233, 467
 Вильгельм Баварский
 114

- Вильгельм Завоеватель 211
 Вильгельм Иорденс 178
 Вильела 344
 Виндестейм 181-182, 189
 Винкин де Ворде 479
 Винсент (Викентий, Винченцио) Феррер 89, 108, 149-150, 320
 Винтертур 172
 Винчестер 63, 72, 103, 197, 199, 201-202, 409, 413, 473
 Винчкомб 411
 Вирджиний Орсини 287
 Висбаден 477
 Виссарион 121-122, 262, 268-271, 276, 372, 374, 407
 Витербо 75, 77, 89-90, 258, 268, 289, 312, 319
 Витте 29
 Виттельсбахи 48
 Виттенберг 149, 254, 303, 316, 336, 392-394, 399, 459, 461, 469, 477, 481, 484-485
 Витторино да Фельтре 369-370, 385
 Виттория Колонна 381
 Вифлеем 232, 268, 470
 Виченца 273, 476
 Вишарт 430
 Владислав Неаполитанский 88, 90, 95, 98-100, 235, 238, 480
 Влтава 232, 244
 Воген 209
 Войт 272, 352, 384
 Вок из Вальдштейна 235
 Воклоз 367
 Вольтерра 258, 279, 439
 Вольф 425, 462-463
 Вольфсгрюбер 188
 Вормс 97, 203, 243, 328, 400, 407, 421, 431, 447, 452
 Ворчестер 69, 201, 209
 Ври, Дитрих 82, 103, 146
 Вуд 410
 Вурм 74
 Вьенна 20, 40, 42, 44-45, 50-51, 54, 63, 339, 373, 475
 Вюртемберг 397
 Вюрцбург 58, 336
 Габсбурги 48, 262, 274, 308
 Гаген 407
 Гаити 137, 305
 Гакон 72
 Гален 377, 409
 Галилео Галилей 356, 384
 Галле 393, 469, 481
 Галлиполи 294
 Гальберштадт 421, 483
 Гальванеус де ла Фламма 53
 Гамбергер 153
 Гамбург 477
 Гамильтон 430
 Гамс 44, 351
 Гандия 286, 288-290
 Ганс Бутцбах 395
 Ганс Вернер 457
 Гансфорт 432
 Гарампи 64
 Гардинер 411
 Гарднер 78
 Гарнак 158, 162, 166
 Гарсвелл 202
 Гартлиб, Иоанн 335
 Гаске 224-225, 416, 430, 458, 460, 493
 Гаспар Веронский 258
 Гаспарино 285
 Гастингс 199, 202
 Гастон де Фуа 302
 Газта 99
 Газтан, кардинал 303, 308-309, 311
 Газтани 19, 23-24, 39, 291, 300
 Гвадалахара 420
 Гвадалупа 341, 345, 349
 Гварино из Вероны 369, 407
 Гвиана 256
 Гвидо Рени 382
 Гвидо Сфорца 260
 Гвиччардини 289, 293, 304, 315, 369, 439-440, 450
 Гегель 159, 166
 Гегий 401
 Гедион 399
 Гезеворт 432
 Гейгер 352, 368
 Гейдельберг 107, 317, 336, 394, 396-397, 432
 Гейлер из Страсбурга (из Кайзерсберга) 143, 149, 334-335, 417, 419, 421-422, 425-429, 457, 460, 474-475, 490-491
 Геллер 64
 Гельмштадт 81
 Гельхаузен 92, 487
 Генгенротер 25
 Генри Кремонский 32
 Генри Спенсер 208, 226
 Генрих I 474
 Генрих III 35
 Генрих IV 20, 50, 83, 146, 227, 328, 340
 Генрих V 87, 194, 423
 Генрих VI 223
 Генрих VII 29, 48, 74, 154, 184, 223, 288, 401, 476, 492
 Генрих VIII 45, 227, 302, 307, 311, 402, 409, 414, 423, 449, 459
 Генрих Бебель 394
 Генрих Вирнебургский 160
 Генрих Гентский 127, 211
 Генрих де Спенсер 480
 Генрих из Колькара 180
 Генрих из Нордлингена 167, 172, 175
 Генрих из Фримара 151
 Генрих Инститорис 331-333, 336
 Генрих Лакембок 239
 Генрих Лангенштейн (Генрих Гессенский) 82, 92
 Генрих Сузо 153, 155, 167, 171
 Генрих Штайнховель 392
 Гент 181, 320, 473
 Генуя 49, 62, 75-76, 79, 88-89, 94, 136, 144, 264, 280, 299, 324
 Георг, слуга Гуса 240
 Георг Вицелий 463
 Георг Саксонский 481
 Георг Фрундеберг 243
 Георг Шпалатин 396
 Георгий Гемистос 374
 Георгий Подибрад 254
 Георгий Трапезундский 371, 374, 387
 Герард, сборщик налогов 67
 Герард Одонис 53
 Гергенротер 25, 28, 87, 108, 111, 257, 296, 303, 311, 331
 Гергенротер-Кирш 87, 99
 Герман Кельнский 269
 Германи Рейд 189
 Гермес Трисмегист 377
 Гермоним из Спарты 407
 Гернгут 158, 231, 255-256
 Геродот 371
 Гертруда Великая 159
 Гертруда из Хакеборна 159
 Герцогенбуш 182, 395, 401
 Гесс 396
 Гессенгейм 182
 Гете 382
 Гефеле 22, 41, 87, 108, 112, 257, 342, 451
 Ги де Мальсесек 96
 Ги из Шоллака 72
 Гиберти 380
 Гизелер 270, 273
 Гизо 45
 Гийон 156
 Гильдебранд 20, 23, 29, 50, 91, 95, 201, 211, 247, 485-486
 Гильденсгейм 329
 Гильерм 426
 Гильом Аделин 336
 Гильом Дуранте 33
 Гильом Ногаре 23
 Гильом Сент-Амурский 222
 Гильом Фише 407
 Гишпократ 377
 Гирш 184, 188-189
 Гиршау 249
 Гиф 221
 Глазго 229, 423
 Глареан 396, 399
 Гларус 328
 Глостер 423-424
 Глэдстоун 184, 464

- Гогенцоллерны 48
 Годфрид 268
 Голл 255
 Голландия 180, 226, 253, 318-320, 322, 326, 339, 358, 393, 401, 432, 473
 Гольбейн, Ганс 393, 402
 Гольдаст 28, 54-55
 Гомер 355, 365, 371, 373
 Гонзага Мантуанский 369
 Гонзаги 274
 Гонорий I 296, 331
 Гонорий III 260, 266, 479
 Гонорий IV 62
 Гонсалес де Мендоса 420
 Гонсальво де Кордова 299
 Гораций 359, 396-397, 435
 Гордон 184
 Гослин де Праделло 75
 Госснер 184
 Гота 160
 Готорн 380
 Готтлибен 107, 241
 Готтлоб 64, 69
 Гоувер 198
 Гох 430-431
 Грабон 183
 Градениго 314
 Гранада 283, 344, 347, 420
 де Грасси, Пари 261, 300, 304, 384, 482
 Граубюнден 353
 Грациан 328, 335
 Грациоло де Бамбальоло 363
 Грегори 188
 Грегоровиус 7, 24-25, 53, 129, 257, 261, 265-266, 272, 284, 286-287, 289-290, 293, 297, 384-385, 390, 492
 Грейсвальд 393
 Гренендаль 177-178, 180
 Гренландия 256
 Гренобль 326
 Греция 51, 271, 355, 357, 375-376, 380, 391, 394
 Григорий I Великий 162, 168, 363, 373, 444, 461, 477, 485
 Григорий II 304
 Григорий VII 17, 20, 22, 32, 61, 83, 110, 261, 281, 294, 328, 450, 486
 Григорий IX 16, 23, 28, 49-50, 65, 91, 123, 298, 328-329
 Григорий X 61, 68
 Григорий XI 16, 38, 55, 69, 75-76, 78, 81, 83-85, 93, 131-132, 175, 202, 205, 212-214, 260, 319, 325, 365
 Григорий XII 87, 90-92, 94-95, 99, 101-102, 105, 107, 111, 114, 235
 Григорий XIII 82, 260, 346, 470
 Григорий XV 336
 Григорий XVI 171, 304
 Григорий Назианзин 232, 371
 Григорий Нисский 163
 Григорий Тифernas 407
 Гримани 302, 399
 Гримм 383
 Гримменталь 467
 Грин 210, 410
 Гронинген 395, 432
 Гроот, Геерт (Гергард) 154-155, 158, 177-183, 186, 206, 428
 Гросин, Уильям 377, 409-411, 416
 Гроссетест 211, 357
 Гуарино 371
 Губбио 475
 Гуго де ла Палу 326
 Гуго из Линкольна 474
 Гуго из Рейтлингена 321, 323-324, 326
 Гуго из Шера 453
 Гуго Сен-Викторский 22, 26, 56, 162
 Гудула 177
 Гуз, Джон 229
 Гумбольдт 137
 Гурк 119, 295
 Гус, Ян 11, 57, 100, 102-103, 106-107, 111, 113, 136, 139, 141, 143, 149, 194-195, 203, 224, 228-229, 231-240, 242-252, 254, 316, 419, 430, 447, 452, 480, 487-488
 Гусинец 232
 Гутенберг 149, 455, 493
 Гуттен 354, 369, 400, 415
 Гуттон 423
 Гэйлс 467
 Гэрднер 227, 415
 Гюбнер, Джон 233
 Д'Альи, Пьер 82, 93, 95-96, 100, 103-104, 124-126, 135-138, 141, 144, 147-149, 151, 183, 203, 210, 236-237, 241-244, 247, 270, 391
 Д'Обюссон 282
 Давид из Аугсбурга 159, 187
 Давид Цейсбергер 256
 Давила из Сеговии 346
 Далмация 99, 300
 Дамаск 469
 Дамниан, святой 307, 477
 Дамниан из Левена 473
 Данбар, Уильям 464
 Даниэлла из Орвьето 133
 Дания 63
 Данте Алигьери 11, 14, 17, 24, 29-31, 35-37, 45, 47, 54, 57, 74, 159, 284, 352-353, 356-367, 369, 379, 381-384, 418, 450, 452, 487-488, 492
 Дарем 201-203
 Дармштадт 186, 393
 Де Квинси 184
 Де ла Бэр 198
 Де Шарне 44
 Девентер 147-148, 180-182, 186, 395, 401, 473
 Деза 341-342
 Дезидерий Эразм 401
 Дейч 159
 Делакруа 162
 Делрио 337
 Дельфт 181, 462
 Демосфен 375, 397
 Денифле 7, 87, 143, 152-153, 160, 162, 173, 177, 189, 493-494
 Джакомо Орсини 83
 Джакомо Садолето 377
 Джанус 55
 Джачинто Бобо 260
 Джебб 373
 Джем, мусульманский принц 282-283, 287-288
 Джеронимо Бассо 276-277
 Джеронимо Риарио 277-280
 Джеронимо Торньелло 482
 Джессоп 72
 Джеффри де Шарне 44
 Джи 228
 Джильберт 202
 Джиролама 286
 Джованна 129
 Джованни, сын Петrarки 364
 Джованни Ауриспа 375
 Джованни Борджиа 292
 Джованни Виллани 19
 Джованни Гвадальберти 446
 Джованни да Кастильоне 319
 Джованни де Медичи 260, 282, 306, 370
 Джованни дель Вирджилио 363
 Джованни Колонна 473
 Джованни Кростоне 373
 Джованни Миксьель 273
 Джованни Сальвиати 309
 Джованни Сфорца 289
 Джон из Гонта 204
 Джон из Уайтклайва 204
 Джон Ханн 223, 225
 Джонсон, Сэмюэл 184
 Джордано, герцог Амальфи 113
 Джорджи 314
 Джорджо Буссардо 287
 Джотто 40, 352, 379-382
 Джувел 328
 Джулиано 306
 Джулиано Медичи 277-278, 307
 Джулиано Ровере 276, 280-281, 284, 287-288, 297-298, 300
 Джулиано Рондинелли 445
 Джулио 309
 Джулио Медичи 260, 302, 309, 387
 Джулио Романо 388

- Джулия Фарнезе 286, 289, 295
 Дзабарелла 82, 97, 100, 103, 244, 419
 Ди 420
 Дижон 464
 Дилич 405
 Диодор Сицилийский 371, 387
 Дионисий Ареопagit 26, 156, 158, 162, 168, 371, 378, 410-412
 Дипенброк 172
 Диссеховен 171
 Дитер Майнцский 269, 432
 Дитрих из Нигейма 69, 103
 Дитрих из Фрейбурга 160
 Дифенбах 328
 Добнек 248
 Доллингер 24, 40, 42, 45, 60, 77, 108, 112, 116, 122-123, 261
 Дольчино из Новары 319
 Доминик 362
 Доминико Ровере 276-277
 Донателло 380
 Донато де Медичи 475
 Донкастер 191
 Дорпий 415, 456
 Дорсетшир 191
 Дорт 320
 Дофине 324, 326
 Дреус 470
 Дрезден 150, 301, 382
 Дублин 201
 Дунс Скот 125-128, 157, 211, 218, 378, 410-411, 459
 Дуранд 126-127
 Дуранд Андреа 79
 Дуранте 36
 Дю Пен 188
 Дюбуа 29, 36-37, 41
 Дюрен 467
 Дюрер, Альбрехт 393, 395, 470
 Евгений III 119, 443
 Евгений IV 112-113, 147, 183, 259, 261, 265, 273, 327-328, 330, 374, 378, 420
 Евгений VI 266
 Евсевий 371, 378
 Евстахий 268
 Егер 248
 Египет 68, 75, 319, 453
 Екатерина, дочь Бригитты 77
 Екатерина Арагонская 416
 Екатерина Бенинказа 129
 Екатерина Борджиа 265
 Екатерина де Риччи 451
 Екатерина Сиенская 7, 16, 77-78, 80, 82, 86, 124, 129, 132, 135, 175, 434
 Екатерина Сфорца 277, 280
 Елена 333
 Елизавета из Шенау 159
 Елизавета Тюрингская, святая 7, 129
 Епифаний 402
 Ерма 177
 Жак де Моле 42, 44
 Жакьер 334-335
 Жан де Муан 23
 Жан де Нарбонн 319
 Жан Каррьер 109
 Жан Пти (Иоанн Парвус) 140-141, 247
 Жан Ронс 92
 Жанден, Жан 54-55, 205
 Жанна д'Арк 135
 Жанна де Жюсси 421
 Женева 112, 119, 246, 277, 336, 408, 420, 430, 435, 459, 475, 492
 Жерсен, Джованни 187-188
 Жерсон, Жан 7, 32, 58, 80, 82, 92, 95-96, 99, 103, 106, 125-127, 136-144, 147, 149, 151, 155, 177-178, 183, 187-188, 203, 210, 239, 242, 245, 247, 250, 270, 318, 325, 330, 419, 425, 447, 454, 457, 463
 Жиль де Рец 336
 Жиль ли Мюизи 146
 Жильбер из Пуатье 163
 Жоффрей 285-286
 Журден 31
 Заксенхаузен 48
 Зальцбург 148, 330-331
 Замврий 140
 Захария 34
 Зенон 250
 Зиберг 126
 Зиберт 482
 Зибом 8, 411
 Зульцбах 184
 Иаков I 466
 Иаков IV 307
 Иаков V 424
 Иаков из Варацце 221
 Иаков из Витербо 29, 32, 60
 Иаков из Кагора 49
 Иаков из Компостеллы 467
 Иаков из Либенштейна 483
 Иаков из Марки 319
 Иаков из Ютербока 419, 480
 Ившем 228
 Иглау 253
 Игнатий 371
 Иезавель 333
 Иерихон 77
 Иероним 154, 162, 211, 220, 238, 333, 356-357, 376, 378, 394, 404, 455-457, 459, 470
 Иероним Пражский 103, 231-232, 235, 248-249, 252, 376
 Иерусалим 43, 96, 123, 183, 192, 254, 256, 263, 269, 321, 399, 412, 453, 461, 466-467, 469
 Изабелла Валуа 350
 Изабелла Испанская 340
 Изерния 494
 Израиль 75, 441
 Иларий из Пуатье 402
 Иларий Пиктавийский 54
 Илерда 448
 Имбарт де ла Тур 494
 Имола 277, 280, 291
 Инге 156, 191
 Ингольштадт 272, 393-394, 397, 399
 Иннокентий II 38
 Иннокентий III 12, 17, 23, 29, 34, 49-50, 61-62, 95, 106, 139, 174, 187, 200, 247, 252, 265, 294, 296, 298-299, 311, 318, 326, 328, 330, 339, 349, 450, 456, 478, 486
 Иннокентий IV 23, 33, 38, 52, 62, 73, 318
 Иннокентий V 71
 Иннокентий VI 38, 54, 68, 114
 Иннокентий VII 81, 87, 90, 98, 233
 Иннокентий VIII 25, 258-260, 275, 279, 283-284, 287, 296, 306, 309, 326, 330, 335-336, 338, 343, 379, 389, 476
 Иннокентий IX 260
 Иннокентий X 260
 Иннокентий дель Монте 260
 Иннокентий Чибо 260, 309, 314
 Инсбрук 257, 490
 Инфессура 149, 258, 261, 264, 266, 275, 277, 279-281, 283-284, 286, 368, 389
 Иоанн I 150
 Иоанн II Добрый 196
 Иоанн IV 67, 424
 Иоанн V Палеолог 75, 120
 Иоанн VII 98
 Иоанн VIII Палеолог 120
 Иоанн XXI 329
 Иоанн XXII 14, 28, 31, 38, 40, 46-47, 49-51, 53-55, 59, 61-65, 67-70, 126-127, 160, 165, 167, 202, 319, 329, 488
 Иоанн XXIII 81, 87, 98-100, 105, 107, 136, 146, 222, 234-235, 237-238, 240-241, 243, 386, 479
 Иоанн Английский 23, 68, 474
 Иоанн Антиохийский 116
 Иоанн Арагонский 260
 Иоанн Аргиропулос 374
 Иоанн Баварский 248
 Иоанн Богемский 50
 Иоанн Бургундский 140
 Иоанн Везалия (Иоганн Везель) 431
 Иоанн Доминичи 102

- Иоанн Златоуст 211, 371, 402
 Иоанн из Арунделя 490
 Иоанн из Вердена 426
 Иоанн из Данстебла 471
 Иоанн из Корбары 49
 Иоанн из Мурро 50
 Иоанн из Пальтца 419, 478-479, 484
 Иоанн из Рагузы 103-104, 107-108
 Иоанн из Сен-Мартена 341
 Иоанн Капистрано 52, 149-150, 254, 319, 386, 429
 Иоанн Ласкарис 375, 407
 Иоанн Лотарингский 260, 420
 Иоанн Люке 213
 Иоанн Наваррский 340
 Иоанн Непомук 231
 Иоанн Нидер 334-335
 Иоанн Парвус 140
 Иоанн Парижский 29, 32, 34-37, 54, 57-58, 128
 Иоанн Сеговийский 82
 Иоанн Сигизмунд Браденбургский 14
 Иоанн Склафенат 260, 284
 Иоанн Солеберийский 140, 328, 357
 Иоанн Стойкорич 82
 Иоанн Тритемий 143, 152, 396, 419, 470, 490
 Иоанн Туррекремата 114, 121, 147, 334
 Иоанна Валуа 290
 Иоанна Наваррская 137
 Иоанна Неаполитанская 71, 75, 79, 86, 112, 366
 Иоанна, папесса 90, 237, 366
 Иоанна Сицилийская 68
 Иоахим Бранденбургский 483
 Иоахим Флореский 318
 Иовиан Понтан 373
 Иовий 293
 Иоганн Бринкеринк 181
 Иоганн Везель 430
 Иоганн Вессель 182, 189, 397, 432
 Иоганн Герольт 426
 Иоганн Гох (Иоганн Пуппер) 203, 417, 430-431, 433
 Иоганн Гритч 426
 Иоганн Гронде 428
 Иоганн Захариас 248
 Иоганн из Штеригассена 160
 Иоганн Медер 426
 Иоганн Найдер 426
 Иоганн Пфефферкорн 398-400
 Иоганн Таулер 149, 153, 155, 167
 Иоганн Целле 182
 Иоганн Юний 338
 Иоганн Ягер 399
 Иоланта Арагонская 150
 Иоппия 467
 Иордан 190, 268, 334
 Иордан из Кведлинбурга 151
 Иосиф II 120
 Ипполита, дочь Франческо Сфорца 375
 Ипполито Эсте 260, 292, 309
 Ипсвич 409
 Иржи Подебрад 255, 274
 Ириней 371, 402
 Ирландия 86
 Иродиада 335
 Исидор Киевский 121, 123, 263-264, 372
 Ислеп
 Кентерберийский 197, 204
 Испания 71, 86, 98, 104, 108, 151, 188, 247, 260, 276, 284, 286, 288, 296, 298-299, 302, 307, 312-313, 319, 327, 339-340, 342-348, 350-351, 358, 375, 389, 402, 420, 443, 445, 455, 457, 459, 467, 481, 488
 Испаньола 305
 Ита 420
 Иуст Иона 410, 412
 Йези 112
 Йена 150
 Йорк 66, 199, 201-202, 429, 456, 465, 472-473
 Кабо Верде 296
 Кавур 31
 Каетан 126
 Казанова 294
 Казерта 19
 Каим 216
 Кайетано Риполл 350
 Кайзерсберг 426
 Калли, Дэвид Э. 8
 Калликст III 151, 259-260, 265, 276, 285, 314, 368, 372, 469, 479
 Каллимако 388
 Каллист, Иоанн Андроник 374
 Кальвин 57, 209, 246, 293, 295, 301, 327, 377-378, 396, 408, 430, 435, 455
 Калькутта 489
 Камбре 136, 181, 401
 Кампан 272, 393
 Кампанья 24
 Кампо де Фьори 379
 Кана 469
 Канары 347
 Каненсий 258
 Каннингем 491
 Каносса 302
 Капечелатро 451
 Капнион 369, 396
 Капраника 114, 266
 Каприя 86
 Караффа 276
 Карвайал 273, 303, 307
 Каредджи 439
 Каркассон 51
 Карл II Английский 39
 Карл II Неаполитанский 16, 25, 311
 Карл IV 48, 50, 71, 74-75, 86, 231-232, 263, 365
 Карл V 86-87, 89, 248, 263, 308, 340, 342-346, 350, 388, 403, 447, 481
 Карл VI 89, 93, 101, 140, 144
 Карл VII 117
 Карл VIII 285, 287, 290, 300, 326, 375, 393, 407, 420, 437-439, 445
 Карл Валуа 21, 40, 63
 Карл Великий 30, 33, 58, 60, 263, 271, 274, 407, 485
 Карл Дураццо 86, 88
 Карл Лотарингский 260
 Карл Малатеста 74, 95, 97, 99, 107
 Карлайл 200-201
 Карло Аретино 376, 386
 Карло Марсуппини из Ареццо 376
 Карлштадт 399
 Кармил 447
 Каролиnum 231
 Карпентра 47
 Карранса 346
 Каррара 40
 Картахена 284
 Каспар из Пфюртгейма 189
 Каспар Шлик 118
 Кассиан 357
 Кассий 369
 Кастиль Нуово 16
 Кастилия 94, 104, 108, 253, 339-342, 347
 Каталония 151, 319
 Катерина де Медичи 309
 Катон Утический 251, 333, 362-363
 Катулл 442
 Каульбах 396
 Кауфхауз 109
 Квебек 470
 Квевил из Эксетера 198
 Квинтилиан 365, 370, 376-377, 396
 Кебл 206
 Кейпс 198
 Кельн 62, 65-66, 74, 95, 118, 149, 153, 155, 157, 160, 167, 171, 180-181, 184, 186, 226, 269, 308, 322, 326, 330, 336, 377, 394, 396, 398-400, 402, 408, 419, 421, 425-426, 430, 432, 455, 457, 467, 473, 482, 489-490
 Кельсо 424
 Кембридж 35, 72, 95, 221, 235, 392, 402, 409, 413, 416, 471, 473
 Кемнат 336
 Кемпен 186

- Кемптен 100
 Кент 196, 228, 414
 Кентених 189
 Кентерберри 66-67, 201-202, 409, 419, 467-468, 483
 Кентерберри-холл 204
 Кетель из Девентера 181, 473
 Кеттлвелл 186
 Киджи 313
 Кингсли 189
 Кипр 44, 68, 75, 95, 123, 131, 268, 300, 307
 Киприан 237
 Кир 437, 439
 Кирилл Александрийский 371, 463
 Кириш 7, 25, 64-65, 75, 111
 Китай 137
 Клавдии 266
 Кламанж 81, 125
 Кламенгис 143
 Кларк, Адам 221
 Клеве 430
 Клейдон, Джон 228
 Клеман 431
 Клеман Маро 293, 408
 Клеманж, Никола 81, 125, 144-146, 203
 Клеопатра 333
 Клермон 43, 126, 269
 Климент IV 61-62
 Климент V 14, 17, 22, 33, 35, 38, 40, 42, 45, 51, 57, 63, 69, 75, 202, 363
 Климент VI 19, 38, 40, 50, 55, 67, 70, 72-74, 76, 127-128, 199-200, 202, 320, 322, 325, 478, 488
 Климент VII 77, 85-91, 93, 131, 136, 138, 208, 260, 301-302, 309, 330, 343, 356, 388
 Климент VIII 52, 108, 406
 Климент XII 260
 Климент Гуго 199
 Клиффорд, Льюис 228
 Клэнвоув, Джон 228
 Клони 376, 420
 Кнопфлер 146
 Кнут 72
 Кобергер 456
 Кобленц 431
 Кобхем 228-229
 Ковентри 230, 465
 Козимо дей Мильорати 90
 Козимо Медичи 103, 107, 277, 306, 309, 353, 370-371, 373-374, 388, 434
 Козьма 307, 477
 Коклей 213
 Кола (Николай) ди Риенцо 40, 70, 74, 262, 364
 Колдингем 424
 Колет 354, 401-402, 406, 409-417, 423-424, 429, 453, 455, 464, 468, 493
 Коллизей 39
 Коллеж-де-Франс 408
 Колонна 16, 18-20, 24, 31, 33, 38-39, 41, 51, 116, 234, 260, 278-279, 284, 288, 291, 298
 Колумб 136, 282, 296
 Кольде, Дитрих 462
 Коммин 437
 Комо 100, 334-336, 369
 Компьен 135
 Кондиви 383
 Конкордия 289
 Конрад Вальдхаузен 231
 Конрад Гельнхаузен 92
 Конрад из Мегенбурга 59
 Конрад из Херсбаха 456
 Конрад Мейер 490
 Конрад Пражский 239
 Конрад Цельтес 394
 Конрад Штолпе 467
 Консепсьон де ла Вега 305
 Константин Великий 30, 32, 35-37, 54, 57-60, 213, 215, 237, 255, 264, 296, 300, 400, 455
 Константин Газтан 188
 Константин Ласкарис 374-375
 Константинополь 12, 102, 109, 117, 120, 122-123, 147, 232, 259, 263-265, 272, 276, 282, 287, 311, 368, 374-375, 485
 Констанц 11, 62, 81-82, 87, 91, 95, 99-103, 105-115, 118, 120, 136, 139-140, 142, 145-146, 151, 171, 183, 194-195, 210, 213, 229, 231-232, 236-237, 239-244, 246-249, 251, 253, 256, 259-260, 268, 270, 276, 303, 310, 325, 333, 370, 373, 376, 393, 419, 423, 425, 461, 465, 481, 487, 489
 Конти 16
 Коперник 148, 350, 356, 391
 Корвей 373
 Кордова 347
 Кордье 408
 Корнелий Лоос
 Каллид 337
 Корнелио Вителли 409
 Корнель 184
 Корнето 75, 277
 Корреджо 381-383
 Корсика 68
 Корсини 305
 Корсиньяно 266, 268
 Корунна 344
 Космат Гентилий 202
 Космедин 67
 Коук, Эдвард 229
 Кохлей 456, 459
 Краков 95, 118
 Крамер 332
 Кранах, Лукас 393, 461
 Краус 31
 Крауфорд 424
 Крейтон 98, 257-258, 261, 292, 384
 Кремона 101, 257, 300
 Креси 50, 100, 196
 Кристмас Эванс 436
 Кристофер Купшнер 490
 Кристофоро Ровере 276
 Крит 98
 Кройден 464
 Кройленд 472
 Кропачек 220
 Крот Рубеан 396, 399
 Круэл 162, 425, 429
 Ксенофонт 371, 375, 387
 Куба 351
 Куза 147-148, 152
 Кунвальд 255
 Кургене 202, 205, 207-208, 226-227, 230
 Куттенберг 254
 Куэнка 347
 Кьетиф-Эшар 159
 Кэкстон 210, 221, 455
 Ла Белла 286
 Ла-Манш 192, 322
 Лавор 463
 Ладгершалл 204
 Ладзаро из Павии 438
 Лайли 410, 412
 Лакембок 240, 244
 Лактанций 371
 Лаллье из Парижа 420
 Ламбет 206, 208, 463
 Ламби 416
 Лампрехт из Регенсбурга 160
 Ланге 170, 406
 Ланген 314
 Лангенштейн 82, 91, 95, 125, 147
 Лангланд, Вилл 428
 Лангра 144
 Ландино 370
 Ландуччи 440, 442-445, 448, 450
 Ланкастер 204-205, 255
 Ланфранк 474
 Лаодамия 268
 Лаптон, Дональд 413
 Лассон 166
 Латимер, Джон 210, 228, 410, 413
 Латром 456
 Лаура 286, 365
 Лауфенбург 105
 Лахман 405
 Лациум 23
 Лебурд, Э. 146
 Лев I Великий 54, 297
 Лев III 30
 Лев IX 23, 304
 Лев X 22, 52, 110, 259-261, 282, 299, 305-306, 309, 312, 315, 331, 342, 344, 356, 370, 372, 375, 381, 384, 387-391, 398-400, 404, 406, 476, 479, 482-483, 488, 493
 Лев XII 259

- Лев XIII** 19, 30, 64, 258, 329, 372, 379, 415, 434, 494
Левант 489
Леджер 326
Лейден 154, 180
Лейпциг 150, 233, 248, 394, 490
Леки 337
Лемпенс 327
Ленокс 455
Ленц 106, 135
Леон Баттиста Альберти 355, 380
Леон Юд 394, 422
Леонардо да Винчи 358, 379, 381-383
Леонора 465
Леонтий Пилат 366
Леопольд Австрийский 48
Лерида 150
Лесбос 268
Лестер 227
Лестершир 474
Лефевр д'Этапль (Фабер Стапуленсис) 407-408, 455, 494
Лехлер 203-204
Ли 7, 43, 45, 332, 342, 345-347, 350-351, 420, 456, 479
Либенцель 397
Либери 54, 57, 237, 331
Ливий 357, 368-369
Ливорно 81, 94, 116, 131, 262, 439
Лидиус 125
Лиланд 203
Лимож 43, 73
Лиму 126
Линакр 377, 409-410
Лингард 410
Линдси 414
Линкольн 199, 201-202, 210, 227-228
Линн 477
Лион 21, 24, 38, 40, 47, 141-142, 188, 303, 327, 407, 420, 455, 489
Липан 254
Липарские острова 25
Лиссабон 262, 489
Литва 111
Литиц 255
Лифляндия 160
Личфилд 201, 329
Лландевн-Бреви 199
Логроньо 347
Лоди 101, 244, 250
Лозанна 119, 276
Лозерт 7, 193, 203-204, 212, 214, 231-232, 238
Ломань 46-47
Ломбардия 39, 45, 62, 100, 239
Лонгин 283
Лонгланд, епископ 453
Лонгленд 196-198
Лонгфелло 339, 360, 364
Лоос 337
Лоренцо Альба 113
Лоренцо Валла 57, 368, 370-371, 374, 377-378, 385-387, 390, 400, 403-404, 407, 410, 455, 488
Лоренцо Виволи 418
Лоренцо Медичи (Великолепный) 277-278, 281-282, 299, 306, 309, 315, 353, 368, 370, 373, 375-377, 380, 434-435, 438-439, 476
Лоренцо Строцци 313
Лоренцо Чибо 280, 282
Лорето 271
Лоример 209
Лорити из Глара 396
Лотарингия 420
Лоффред 19
Луасклер 43
Лувен 153, 182, 189, 350, 377, 396, 415, 456
Лудовико Сфорца 287
Луиджи Градениго 312
Луиджи из Парамо 336
Лука Нотарас 264
Лукас 437, 442, 451
Лукиан 375
Лукка 88, 94, 451, 475-476
Лукреция 285-287, 289-295, 299
Лунд 63
Луотто 418, 437-438, 441
Лупольд из Беденбурга 58
Луфс 157, 162, 189
Льеж 181-182, 320, 395
Льоренте 350-351
Льюис 209, 221
Любек 455, 458, 464, 473, 477, 492
Людевига, святая 186
Людовик III Палатинат 106, 245
Людовик IX 19, 21
Людовик XI Французский 34, 126, 278, 306, 407
Людовик XII 291, 300-301, 303
Людовик XIII 290
Людовик XIV 14, 39, 110, 135, 245, 311-312, 385
Людовик XVI 45, 301
Людовик Анжуйский 85, 88, 99, 118
Людовик Арагонский 281
Людовик Баварский 48, 52, 54-55, 60, 68, 71, 83, 127, 167, 171
Людовик Бранденбургский 68
Людовик из Эвру 41
Людовик Орлеанский 140
Людовико Миланский 391
Люксембург 89
Лютер 11, 22, 25, 29, 55, 57, 69, 111, 126-129, 148-149, 157-159, 165-166, 170, 183, 189-190, 194, 203, 206-207, 209, 212, 218, 224-225, 243, 246, 248-249, 254, 256, 269, 295, 303, 305, 309, 316, 327, 335-336, 339, 369, 377-378, 390, 393-408, 415, 417, 423-425, 430-433, 447, 449, 452, 454-456, 458-460, 463, 466-467, 469-470, 472, 477, 479, 482, 484-488, 493-494
Люттергуорт 204-205, 208
Люций III 62
Мабийон (Мабильон) 188
Маврикий Савойский 260
Магдебург 148, 150, 322, 421, 483
Маддалена де Медичи 281, 309
Мадлен де ла Тур д'Оверни 309
Мадрид 347
Мазарини 455
Майнц 48, 50, 66, 69, 74, 104, 118, 269, 329-331, 393, 398, 400, 419, 421, 425-426, 431-432, 455, 458, 461, 467, 469-470, 482-484
Майорка 108, 284, 347
Майсин 191
Майхинген 405
Мак-Доннелл, Дж. 411
Макнавелли 298-299, 313, 315, 358, 369, 378, 385-386, 388, 392, 450
Макон 420
Максимилиан I 263, 300, 302, 307-308, 397-400, 422, 427, 488
Максимилиан II 260
Малерми 460
Мальборо 204
Мальян 312
Мандевиль 196
Манделл Крейтон 7
Манетти 369, 371, 375, 385
Маннгейм 107
Манси 41, 82, 87, 95
Мантеньи 283
Мантуя 112, 257-258, 260-261, 267-269, 271, 283, 286, 293-294, 358, 364, 369, 476
Мануил II Палеолог 120
Мануэль 489
Манфред 45
Марбург 181
Маргарита Ангулемская 408
Маргарита д'Эгмонт 420
Маргарита из Генегуvena 318
Маргарита из Порета 318
Маргарита Тирольская 55, 68
Мариваль 182
Марино Джорджи 306
Мариньяно 301, 308
Марлон Огилви 424
Мария из Валенсьенна 318
Мария Тюдор 307, 339, 355
Марк Аврелий 380
Марк Евгений 121
Марк Эфесский 122

- Марко Барбо 273, 276
 Марко Поло 282
 Маркуччо Сальвиати 446
 Марсильи Падуанский 15, 28-29, 37, 54-55, 57-58, 60, 63, 107, 126, 128-129, 182, 203, 205, 224, 357, 487
 Марсилио Фичино 377
 Марсуппини 371
 Мартен 87
 Мартин, ученик Гуса 239
 Мартин IV 62, 210
 Мартин V 66, 87, 102, 107-109, 111-112, 119-120, 136, 149-150, 183, 234, 252, 319, 328, 368, 375
 Мартин ле Франк 334
 Мартин, священник из Кениггреца 255
 Марулл 281
 Марчелло 303-304
 Маттас Янов 231, 238
 Матильда 302, 474
 Маттео Виллани 73, 391
 Маттиас Видман 336
 Матфей Венгерский 274
 Матфей из Кунвальда 255
 Матфей Корвин 254
 Матфей Лоллард 226
 Матфей Парис 43, 200, 202
 Маунтджой 402
 Маффен 278
 Маффео Веджо 368
 Мединген 167
 Медичи 259-260, 277-278, 302, 305-307, 309, 315, 356, 358, 370-371, 376, 389, 392, 439-441, 443, 447
 Мейнгарт 469
 Мейссен 421, 425
 Мейстер Эххарт 152, 155, 159, 318
 Мейтленд 228
 Мексика 318, 345
 Меланхтон 157, 170, 224, 369, 393-397, 399, 402, 413
 Мелроуз 424
 Мелхиседек 33, 70
 Мельхиор Вольмар 408
 Менде 33, 43
 Мендризо 335
 Менсия Альфонсо 349
 Меримут 201-202
 Мерсвин 175-177
 Мерсенбург 421
 Мерстон 199
 Мессина 375
 Метерлинк 154
 Метц (Мец) 62, 336, 420, 456
 Мехелль 430
 Мехлин 307
 Мехтильда из Магдебурга 159
 Мехтильда из Хакеборна 159
 Меценат 370
 Мигель де Молинос 156
 Мидас 53
 Микеланджело Буонарроти 298, 305, 352-354, 356, 358, 370, 379-385
 Микелетто 294
 Микиэль 284, 292
 Миконий 224
 Милан 49, 62, 76, 115, 184, 188, 257, 260, 278, 287, 291, 299-300, 302-303, 307-309, 358, 368, 373, 381, 384, 445, 476, 482
 Милиц Кремзьер 231
 Милман 185, 203
 Мильтон 361
 Минден 464
 Минос 274
 Минь 13
 Мирандола 379, 439
 Мирбт, Карл 7, 117
 Митрофан 123
 Михаил Брадач 255
 Михаил Вейс 256
 Михаил де Морильо 341
 Михаил Чезенский 48, 51-52, 54, 127, 319
 Мишле 45, 356
 Мишо 45
 Младенович (Петр из Младеновича) 195, 239-240
 Мо 126, 408
 Модена 257, 260, 284, 307, 324-325, 352
 Мозель 152
 Моисей 33-34, 140, 250
 Молдау 232
 Моника 113
 Монморанси 187-188
 Монна Лапа 129
 Монпелье 23, 95, 319
 Монсон, Жан де 138, 347
 Монте делле Фанчулле 439
 Монте Кассино 306, 366
 Монтень 407
 Монтесекко 277-278
 Монтичелли 284
 Монферрат 101
 Мор, Томас 223-225, 355, 401-402, 406, 409-411, 413-416, 430, 458, 468, 474, 480
 Моравия 254, 256
 Морген, Рафаэль 381
 Морей 201
 Морей 268
 Морис 319
 Мортон 423-424, 476
 Мосгейм 159
 Моцарт 381
 Мурильо 383
 Мурнер, Томас 419, 422
 Мурро 50
 Мурроне 16
 Мурсия Льерене 347
 Муурлинг 432
 Мухаммед 43, 237
 Мухаммед II 150, 264, 271, 278, 282
 Муциан Руф 396, 399
 Муций Сцевола 251
 Мэдден 221, 225
 Мэйджор, Джон 416
 Мэйфилд 204
 Мэтью 203
 Мюллер 7, 49, 189, 232, 255-256
 Мюльдорф 48
 Мюнстер 181, 421
 Мюнтц 146
 Мюнхен 50, 52, 55, 127, 461, 474
 Наальдвик 432
 Наварра 127, 299, 342
 Навуходоносор 20
 Назарет 59, 177, 470, 494
 Найтон 71-73, 221-222, 224-227
 Нанна Бенинказа 133
 Нант 272, 420
 Наполеон 288
 Наполеон Орсини 40, 47
 Нарбонн 43, 51, 66, 108, 420
 Нарни 77, 266, 270
 Неандер 238
 Неаполь 16-17, 32, 40, 46, 68, 75, 88, 90, 112, 264, 276, 287-288, 291, 373, 393
 Невер 52
 Невилл 429
 Неппи 284, 291, 312
 Неттер, Томас (тж. см. Вальден) 213
 Нигейм 81-82, 88-89, 94, 98, 101, 103-104, 106-107, 146-147, 324-325
 Нидерланды 12, 155, 160, 175, 177, 180, 182-183, 186-189, 192, 308, 318, 320, 323, 327, 351, 402, 417, 433, 455, 471
 Никей 121, 311, 374
 Никколи 370, 372
 Никколини 449
 Никколо Абергати 371, 376
 Никколо Тульдо 130
 Никласхаузен 491
 Никола Жакьер 334
 Николай I 120
 Николай III 17, 50, 54, 363
 Николай IV 21, 72
 Николай V 49, 119, 148, 150, 257, 259, 261, 264, 267, 272, 356, 358, 370-371, 374-375, 377, 380, 384
 Николай Биццес 232
 Николай де Лира 53, 417, 452, 454
 Николай из Базеля 168
 Николай из Левена 175, 177
 Николай из Пистны 252
 Николай Кузанский 7, 114, 116-117, 125, 147-149, 155, 182, 262, 269, 467

- Николай
 Страсбургский 160
 Николай Трирский 368
 Николай Эймерик 93,
 151, 330
 Николас, католический
 историк 493
 Николас Маршалък
 394
 Николас Муффель 468,
 482
 Николас Рум 425
 Николас Херефорд 221,
 227
 Николе Перотти 371
 Николе Ридольфи 309
 Николо де Никколи 370
 дон Николо де
 Пелагайт ди Фирарола
 386
 Николя Пульвиллен из
 Кламанжа (Никола
 Клеманж) 143
 Ним 43, 81
 Нимрод 31
 Нитрийская пустыня
 171
 Новара 307
 Новаро 266
 Ногаре 23-24, 38, 41-42
 Нойон 136, 295
 Нокс 209, 429-430, 435, 450
 Нон 310
 Норвегия 481
 Норвич 72-73, 191, 197, 201,
 208, 226, 228, 423
 Нордгорн 154
 Нордлинген 167, 475
 Нормандия 44, 335, 454,
 467
 Нортон, Чарльз Элиот
 360
 «нотарий из Пистойи»
 324
 Нотр-Дам 44, 140
 Ноттингемшир 192
 Нофлер 257, 451
 Ночер 88
 Ньюмен 206
 Ньютон, Джон 184
 Нюрнберг 48, 150, 167,
 193, 240, 263, 269, 283, 336,
 393, 395, 455-456, 462, 468,
 475, 481, 489, 491-492
 О'Нил 445, 451
 Обераммергау 466
 Обервезель 431
 Оберланд 153, 168, 175-177
 Овидий 357, 359, 369, 377,
 394, 408, 442, 454
 Овиллар 46
 Олдо Колонна 109, 112
 Оккам (Уильям из
 Оккама) 29, 35, 48, 51-52,
 54-55, 124, 126-129, 136,
 224, 404
 Око Власким 231
 Оксфорд 35, 46, 95, 98, 127,
 149, 191, 193, 199, 204-208,
 211, 219, 227-230, 232, 249,
 401, 409-413, 463, 473,
 486-487
 Олдкастл, Джон 228-229
 Олдкоп 479, 484
 Олливье 286
 Ольдрад 330
 Ораций 371
 Орвьето 24, 475
 Ориген 158, 169, 234, 402
 Орлеан 97, 396, 408
 Орсини 16, 18, 39, 83-84,
 101, 260, 278-279, 284, 287,
 291-292, 298
 Орти-и-Лара 342
 Оснабрюк 421
 Оссори 315
 Остия 79, 116, 265, 276, 299,
 372
 Отранто 278, 486
 Оттоны 392
 Отун 67
 Оуэн 407
 Офен 123
 Павел II 19, 258-259, 261,
 273, 275-276, 292, 320, 372,
 380, 393
 Павел III 33, 260, 291, 343,
 349, 390-391, 402
 Павел IV 406
 Павел V 52, 188, 260
 Павел Крав 229
 Павия 113, 275, 377, 396,
 408
 Павлин Ноланский 477
 Падерборн 81, 421, 477
 Падуга 54, 58, 147, 275, 300,
 323, 330, 364, 369, 373, 387,
 408-409, 476
 Палаки 195
 Палатин 295
 Палатинат 97, 107
 Палестрина 18, 38
 Памплона 287
 Памьер 21
 Паннартс 274
 Паолуччи 313
 Парамо 346
 Париж 16, 21, 23, 32, 35-36,
 40-43, 45-46, 53-54, 70, 93, 95,
 105, 118, 125-127, 136-137,
 141, 143-145, 160, 167, 169,
 180, 188, 232, 249, 283, 303,
 312, 318, 336, 348, 355, 359,
 388, 396, 401, 404-405,
 407-408, 419, 426, 430, 432,
 454-455, 464, 473, 486-487
 Паркер 411
 Парма 302, 307-309, 319,
 369, 476
 Парфенон 186
 Паскаль, Блез 381, 407
 Пассау 235
 Пастор 7, 77-78, 86-87, 99,
 103, 108, 111, 113, 257-258,
 261, 268, 272, 274, 276, 279,
 281, 284, 286, 289, 292-293,
 297, 303, 311, 331, 342, 370,
 375, 384, 386, 418, 437-439,
 441, 451, 460, 473, 493
 Пасхалий II 87
 Патрик 245
 Паулос 432, 479, 484, 493
 Пацци 277, 309, 439
 Педро Лудовико 285-286
 Педро Луис 266, 285-286
 Педро Манрикез 188
 Пезаро 289, 304
 Пейн, Питер 228, 253
 Пелагий 199
 Пемброк 45
 Пенсильвания 255
 Пеньискола 108
 Перви, Джон 221, 223,
 227
 Перетта 281
 Перотти 374
 Перпиньян 43, 94-95,
 97-98, 108
 Перренс 418
 Перри, Дж. 191, 416
 Перт 229
 Перу 318, 345
 Перуджа 38, 46, 60, 77,
 88-89, 100, 112, 150, 275,
 300, 320, 323, 475-476
 Перуджино 382
 Петер Лудер из
 Кислау 394
 Петингер 399
 Петр IV Арагонский
 79
 Петр Арбуэс 344
 Петр Барб 262
 Петр Блауский 357, 409
 Петр Вальд 176, 255, 418
 Петр Дамиани 157
 Петр де Анкорано 97
 Петр де Вернь 84
 Петр де Луна 83, 90-92,
 98-99, 108, 144
 Петр де Палуде 59
 Петр Достопочтенный
 418
 Петр Дюбуа 29, 34-35, 37,
 41
 Петр из Кандии 98
 Петр из Кастельно 344
 Петр из Корбары 52, 55,
 83
 Петр из Младеновича
 194
 Петр из Монстеролио
 144
 Петр из Мурроне 17, 85
 Петр Иоанн Олива 46,
 50, 319
 Петр Ломбардский 126,
 135, 163, 408, 410, 416
 Петр Мученик 345
 Петр Пахарь 196, 205,
 464, 479
 Петр Плауль 97
 Петр Рам 407
 Петр Рауль 407
 Петр Ровере 260
 Петр Роджер 260
 Петр Франциск Юстул
 299
 Петр Хельчицкий 255
 Петрарка 39, 70, 73-75, 77,
 132, 146, 352-353, 356, 359,
 364-369, 373, 380, 391, 396,
 407, 492
 Петруччи из Сиены 310

- Пиза** 11, 49, 52, 62, 75-76, 81, 87, 91, 94-95, 97-98, 104, 108, 127, 131, 136, 138, 277, 287, 301, 363, 384, 437-440, 476
- Пий II** 82, 103, 132, 147-150, 183, 251, 254, 258-260, 266, 270-273, 276, 285, 297, 311, 314, 330, 358, 368, 372, 393-394, 420, 449, 468, 475-476, 486-487
- Пий III** 259, 297
- Пий IV** 260, 346
- Пий V** 346
- Пий VII** 222
- Пий IX** 74, 116, 132, 270, 344, 494
- Пий X** 329, 478, 494
- Пико делла Мирандола** 335, 370, 377-378, 391, 396-397, 434-435, 438, 443, 492
- Пико делла Мирандола-младший** 443, 451
- Пикок** 230, 458
- Пилзен** 119
- Пиренеи** 94, 350
- Пиркгеймер** 399
- Пистойя** 324, 475
- Питти** 305, 381
- Пифагор** 113
- Плавт** 368
- Платина** 258, 262, 271-275, 279, 372, 374
- Платон** 113, 162, 250, 355-357, 365, 370-371, 373-375, 377, 386-387, 407, 415, 442
- Платтер, Томас** 301, 395, 473-474
- Плинии** 369
- Плиний** 377, 379
- Плифон** 374, 386
- Плотин** 158, 162, 377
- Плутарх** 375
- Поджо Браччолини** 150, 250, 363, 368, 370, 374-376, 378, 385-388, 407, 409
- Пол** 187, 189
- Поленга** 74
- Полибий** 371
- Полидор Виргил** 409
- Поликарп** 371
- Полициан** 387, 390, 403, 409, 439, 443
- Полициано, Анджелио** 306, 369, 377
- Поллок** 465-466
- Польша** 89, 95, 104, 111, 322, 482
- Помпонации** 387
- Помпонию Лет** 274, 373, 385
- Понте Молле** 271
- Понтий Пилат** 45, 57, 77
- Порто** 47, 108, 284
- Порто Венере** 94
- Порто-дель-Пополо** 292
- Порто-Рико** 305
- Португалия** 44-45, 296, 310, 342, 489
- Порфирий** 124
- Порцинкула** 320, 479
- Поуп** 451
- Прага** 35, 74, 95, 193-195, 231, 233-237, 239, 241, 244, 249, 251-255, 320, 322, 463, 486
- Пре де Тур** 326
- Прегер** 153, 167, 176-177
- При** 303
- Приериас, Сильвестр** 334-336, 399, 488
- Приньяно** 84, 87
- Присциан** 100
- Прованс** 327
- Прокл** 162
- Проконий Раса** 233, 252-254
- Просперо** 113
- Пруденций** 396
- Прутц** 43, 45
- Птолемей из Лукки** 13, 24
- Пуатье** 38, 303, 396
- Публиций** 394
- Пуйоль** 188-189
- Пул** 198, 203-204, 211, 223
- Пурсен** 126
- Пуччи** 314
- Пфайфер** 159, 189
- Пфаффингер, Дегенгард** 477
- Пфлайдерер** 166
- Пьемонт** 188, 303, 326
- Пьенца** 268
- Пьер Дюбуа** 21, 36
- Пьер Флотт** 22
- Пьерлунджи Фарнезе** 390
- Пьеро Медичи** 439
- Пьетро Аретино** 388-390
- Пьетро Барбо** 273
- Пьетро Бембо** 377
- Пьетро Помпонации** 387
- Пьетро Риарио** 276-277
- Пьюзи** 206
- Пьяцца ди Парione** 307
- Пьяченца** 302, 307-309, 324, 373
- Пуои** 126, 136
- Рабан Гельмшадтский** 147
- Рабле** 387
- Равенна** 62, 74, 94, 300, 302-303, 307, 313, 359, 374
- Равенсбург** 332
- Рагуза** 82, 102, 244
- Радевин** 181
- Радзанно** 151
- Раймонд Гофреды** 50
- Раймонд Тулузский** 40
- Раймунд из Капуи** 124, 130, 132
- Раймунд из Тюренна** 79
- Раймунд Джуллий** 408
- Райнальд** 112, 273, 283
- Ральф** 73
- Рануччо Фарнезе** 260
- Ратисбон** 491
- Раттенберг** 141
- Рафаэле Риарио** 260, 389
- Рафаэле Сансони** 276, 278
- Рафаэль** 301, 305, 354, 356, 379, 381-384, 389, 451
- Рафаэль, кардинал** 282
- Рашдел** 203
- Раши, рабби** 454
- Регенсбург** 265
- Редджио** 33, 302, 307, 309, 434
- Редтенбахер** 384
- Реймс** 66, 100, 137, 420
- Рейн** 12, 136, 149, 155-158, 160, 175, 180, 192, 246, 250, 430-431, 489
- Рейнгард** 469
- Рейсбрук, Ян ван** 141, 152-153, 155-156, 158, 175, 177-180, 189
- Рейхенау** 376
- Рейхлин** 354, 356, 358, 369, 374, 377, 379, 394-401, 405, 407, 432, 493
- Реканати** 108
- Ремон** 24, 293, 311
- Рена** 293
- Ренан** 45
- Рене** 301
- Рензе** 50, 58, 128
- Репингдон** 208, 226-227
- Ресби, Джеймс** 229
- Реусс** 453
- Риарио Корнаро** 310, 313
- Рига** 97, 243-244
- Ригте** 208
- Ридер** 177
- Ридли** 228
- Римини** 74, 95, 97, 99, 291, 300, 302, 364, 385
- Рипайль** 118
- Ритчль** 452
- Рихенталь** 82, 102, 245, 250
- Рицлер** 54, 60
- Рицца** 105
- Рич Майсин** 191
- Ричард II** 67, 196, 208
- Ричард III** 232
- Ричард де Бери** 409
- Ричард Ролл** 191
- Ричард Торкингтон** 467
- Робер Стефан** 459
- Роберт, тюремщик** 241
- Роберт Блакейтер** 423
- Роберт Женеvский** 77, 85-87
- Роберт из Винчелси** 20
- Роберт из Эйвсбери** 322
- Роберт Неаполитанский** 46, 49
- Роберт Сицилийский** 364
- Роберт Солсберийский** 104
- Роберт Халлум** 100
- Роберт Чезенский** 80
- Робинсон** 416

- Роджер из Вендовера 69
- Родос 268, 276, 282
- Родриго Борджиа 260, 265-266, 269, 271, 280, 284-285, 291, 294, 342
- Родриго Испанский 420
- Розенгартен 461
- Розмини 388
- Рокичана, Ян 231, 248, 253-255
- Рокка Секка 99
- Ролл 191-192, 221
- Романья 291-292, 299-300, 302, 314
- Ромола 446
- Ромолино 448
- Рона 72, 75, 80, 91, 134, 364
- Рондинелли 446
- Ронкалья 25, 29
- Росвейд 188
- Роскоу 297
- Росс 201
- Россиноли 188
- Росток 181-182, 392-393, 425
- Росцелин 126
- Роттердам 401
- Роупер 415-416
- Рочестер 201, 402, 409, 430
- Руан 66, 70, 135, 407
- Рубенс 383
- Рубрук, Гильом 357
- Рудельбах 418, 438, 441, 451
- Рулоф Гюисман 395
- Рульман Мерсвин 175-177
- Рунге 324
- Руперт из Дейца 128, 159, 453
- Рупрехт 97-98, 100, 394
- Рэшделл 203-204
- Сабина 119
- Савелли 16, 284, 291
- Савойя 18, 86, 117-119, 300, 326-327
- Савона 94, 136, 275, 298, 314, 476
- Савонарола 135, 149, 203, 285, 287, 335, 352, 358, 379, 382-383, 386, 390-391, 418-419, 421, 425, 430, 433-453, 476, 487-488, 492
- Садбери 196, 202, 205, 211
- Садолето 370, 373, 377, 380, 385
- Саймондс 371, 382, 384, 387, 390
- Саксония 74, 160, 279, 308, 422, 490
- Саламанка 46, 350
- Салем 328
- Салембье 87, 111, 135
- Салутато 368
- Сальвиати 277-278
- Сан-Доминго 305
- Сан-Лоренцо 434
- Сан-Марко 370, 380
- Сан-Пабло 341
- Сан-Петронио 298
- Сан-Хуан 305
- Сангерхаузен 325
- Санкт-Петербург 324
- Сансеверино 302-303, 307, 369
- Санта-Кроче 359, 369, 376, 382, 445
- Санта-Крус 341
- Санта-Мария-де-Монтесия 45
- Санта-Мария-дель-Пополо 278, 283, 286, 292
- Санта-Мария-ин-Трастевере 280
- Санта-Мария-Маджоре 19
- Санта-Мария-Новелла 122
- Санта-Мария-Нуова 80
- Санта-Мария-сопра-Минерва 132
- Санто-Спирито 479, 481
- Сантьяго 60, 347
- Сануто 313-314, 390
- Сапид 395, 429
- Сарагоса 341, 344, 347, 420
- Сардиния 64, 68, 318, 350
- Сарпи 315
- Сарцана 261, 439
- Саули 310
- Саутгемптон 72
- Саутуэлл 201
- Сбинко из Газенбурга 233-234
- Светоний 357, 377, 407
- Свиндерби, Уильям 227
- Свитинг, Уильям 230
- Свифт 210
- Себастьян Брант 394, 396, 419, 428, 456, 474
- Северн 210
- Севилья 137, 184, 276, 328, 341, 347, 350-351, 420
- Сегарелли 319
- Сеговия 341
- Сегуэнса 420
- Седулли 396
- Селкирк 72
- Селлинг, Уильям 409
- Селфчирч 72
- Сен-Виктор 22, 74
- Сен-Галлен 370
- Сен-Жервез 430
- Сен-Жиль 474
- Сен-Кросс 473
- Сен-Мартен-ди-Турней 146
- Сен-Мартен-ле-Гран 202
- Сен-Пьер 430
- Сен-Флориан 461
- Сенека 333, 368, 408
- Сент 479
- Сент-Албан 67, 196, 209, 423
- Сент-Асаф 456
- Сент-Дэвид 198-199
- Сент-Лоренс 470
- Сент-Огюстен (Кентерберн) 66
- Сент-Осиф 228
- Сент-Патрик 201
- Сент-Пол-Кросс 429
- Сент-Эдмундс 228
- Сент-Эндрюс 229, 232, 416, 424, 459
- Сенфтенбург 255
- Сер Чекконе 448
- Серампо 265
- Сербия 271
- Сервет 246
- Сергент 203-204, 209
- Сермонета 291, 300
- Сеттимо 446
- Сивидаль 98
- Сигизмунд 100-106, 108-109, 111-112, 114-115, 118, 148, 232, 235-236, 239-245, 247-248, 252, 254, 263, 267, 331, 388, 420, 465
- Сиджизмондо Малатеста 258, 283, 385
- Сиена 384, 388
- Сикст IV 183, 258-261, 274-275, 279-280, 282, 285, 298, 309-311, 314, 330, 340-343, 351, 372, 374, 382, 389, 391, 420, 432, 470, 476, 478
- Сикст V 260, 343, 406
- Сильвес 60
- Сильвестр I 30, 32, 35, 37, 59, 210, 213, 255, 296
- Сильвестр II 54
- Сильвио Пассерини 309
- Симанкас 345, 347
- Симон Волхв 17, 146
- Симон Гентский 191
- Синтий 182
- Сирия 288, 319
- Систо Фабри 451
- Ситтен 301
- Сицилия 17, 19, 51, 62, 64, 68, 299, 318, 336, 339, 350-351
- Скалигер 128
- Скандерберг 265
- Скандинавия 77, 104
- Сквиллаче 287
- Скирленд 472
- Скоун 18
- Смирна 320
- Смитфилд 228, 230
- Содерини 384
- Сократ 250-251
- Соломон 169
- Солсбери 103, 191, 199, 201-202, 464
- Сорбонна 402-403, 407-408, 420, 455, 459
- Сориано 284
- Сотре, Уильям 228
- София Баварская 232
- Софокл 375
- Спенсер 209
- Сполето 262, 266, 276, 291, 299, 314
- Спонгейм 396
- Спрессвел 203
- Спурс 307

- Стаббс 201, 203
 Станислав из Цнайма 233, 235, 237
 Стери, Ричард 228
 Стефан, вальденский епископ 255
 Стефан Палец 233, 235, 237, 241
 Стефан Поркаро 262
 Стефан фон Ландскрон (Ланцкранна) 462
 Стефано Баньореа 278
 Стокгольм 72, 232
 Стокис, Питер 208, 226
 Стоув, Кальвин Э. 189-190
 Стоукс, Джон 232, 235, 242
 Страбон 371
 Страсбург 100, 112, 149, 153, 155, 160, 167-168, 170-171, 175-177, 255, 267, 320, 322, 336, 395, 405, 408, 425-428, 481, 492
 Стригония 260
 Строцци 433
 Стрэтфорд 472
 Стэндиш 456
 Суан 177
 Субиако 284
 Сузо 152-153, 157-158, 167, 171-175, 177, 187
 Сильмона 369
 Сургант 425
 Сурита 351
 Суррей 127
 Суэцкий перешеек 489
 Сфорца 112, 260, 281, 285, 287-288
 Сципион 368, 407
 Сюдад-Реаль 341
 Сьюэлл 246
 Сёзе 171
 Тангл 64
 Танкред 269
 Таразона 342
 Тараскона 138
 Тарентез 277
 Тарентум 71
 Таррагона 44, 97, 339
 Таулер 7, 152-153, 156-159, 167-171, 173, 175-178, 187, 190, 492
 Таунли 465
 Таусс 253
 Тауэр 196, 229, 415, 464
 Тацит 357, 373
 Тебальдески 83-85
 Тейлор, Уильям 228
 Тейн 231, 253, 492
 Темплъ 45
 Теннисон 360
 Теодорих из Нигейма (Нима) 81-82, 84
 Теорина 281
 Тергартон 192
 Теренций 144, 333, 357, 372, 442
 Терминг, Ричард 228
 Терни 266
 Тертуллиан 357
 Теруанн 420
 Терштеген 184
 Тетцель 479-480, 482, 484
 Тиберий 30
 Тибет 256
 Тибр 76, 78-79, 83, 92, 116, 262, 312-314, 374, 380
 Тиволи 85, 380
 Тилсуорт, Уильям 229
 Тим 235
 Тиндейл 207, 219, 222-224, 228, 405, 407, 410, 414, 417, 454, 456, 458-459, 480
 Тироль 101, 148, 422
 Тихоний 453
 Тициан 381-383
 Тоди 112, 148, 266
 Толедо 74, 121, 341-342, 346-348, 350-351, 419-420
 Тольфа 271, 313
 Томас, граф Арунделя 226
 Томас Гасконъ 209
 Томас де Вио Газта (кардинал Газтан) 303
 Томас Тэппе 467
 Томмазини 281
 Томмазо Парентучелли 261
 Тонстолл 231, 459
 Тораццо 101
 Торвальдсен 301
 Тордесильяс 296
 Торквемада 339-345, 347-348, 350
 Торни 230
 Торольд Роджерс 72, 473
 Торпе 209, 228
 Торгоза 340, 463
 Тоскана 306
 Тоссе 172
 Траверсари 375, 385
 Трани 88
 Траян 363
 Требоний 395
 Тревиза 196
 Трегеллес 405
 Тренто (Тридент) 111, 118, 240, 267
 Триана 341, 351
 Триест 119, 267
 Трир 66, 74, 118, 147, 308, 330, 336-337, 393, 400, 467, 473, 481-482
 Тристан де Леон 345
 Трутветтер 394
 Тудела 199
 Туллио 299
 Туллох 424
 Тулуза 38, 70, 95, 97, 184, 303, 328
 Туль 62, 420
 Турин 188, 277, 401
 Турне 320
 Турриано 448
 Тускулум 107, 372
 Тьюэр 464
 Тэйн 381
 Тэррент-Кэйнс 191
 Тюазн 295
 Тюбинген 126, 393-394, 397, 413, 426
 Тюрингия 160, 325, 422
 Уайт, Уильям 228, 331
 Уайтфилд 149, 436
 Уайш, Ричард 228
 Убертино да Казале 51
 Удине 117
 Узест 47
 Уилкинсон 204
 Уилтон 201
 Уильям, аббат 67
 Уильям Вайкхем 197, 199
 Уильям Куртене 205
 Уильям Торпе 209
 Уильям Уэй 467
 Уильямс, Роджер 246
 Уинкуорт 153, 189
 Уиттьер 155, 167, 170
 Уланд 360
 Ульман 189
 Ульм (Штутгарт) 49, 171, 422, 426, 429, 473, 475, 489, 492
 Ульрих фон Гуттен 147, 354, 396, 399-400, 423, 492
 Ульрих Крафт 426
 Ульрих Фуггер 314
 Умбрия 51, 148
 Уокер 64
 Уолси, Теодор Д. 142, 200, 409-410, 412, 424, 459
 Уолсингем 209, 226, 412-413, 467-468
 Уолш 430-431
 Уорем 483
 Уоркмен 236
 Уорхем 402, 409-410
 Уорчестер 202
 Уот Тайлер 196, 491
 Упсала 77
 Урбан II 269
 Урбан IV 62
 Урбан V 15, 38, 65, 68-69, 74, 76, 79, 137, 204, 319
 Урбан VI 19, 84, 87, 89-90, 131-132, 134, 180, 202, 208, 213-215, 394, 480
 Урбан VIII 384
 Урбино 74, 304, 309-310, 358, 368, 370
 Уриэль из Геммингена 483
 Урскамп 295
 Уск 81
 Утрехт 180, 186, 327, 432
 Уэй 467
 Уэйкфилд 465
 Уэльс 73, 199, 201-202, 229
 Фабер (Жак Лефевр д'Этабль) 148, 407, 416
 Фабиано 323
 Фальк 462
 Фалькенберг 111-112
 Фальстаф 229
 Фарелида 335
 Фарель 408

- Фаринерий** 127
Фарнезе 286
Фацио 371, 387
Фаэнца 300
Федерико де Монтефельтро, герцог Урбино 74, 370, 372
Феликс V 82, 118, 262, 267, 334
Феликс Фабер 422
Фелиция 298
Фельтре 369-370
Фенелон 156
Феодор Газа 374
Феодосий 58, 264
Фердинанд I Австрийский 256
Фердинанд II Австрийский 254
Фердинанд Испанский 260, 286, 300, 307-308, 340-346, 350-351, 420, 457
Фердинанд Медичи 260
Ферентино 88
Феретти 418
Фернандес из Эредии 79
дон Ферранте 266, 276-278, 287, 465
Феррара 46, 68, 77, 82, 111, 117, 119-120, 122-123, 259-260, 277-278, 290, 292-293, 301, 313, 358, 364, 374, 378, 386, 389, 396, 433
Феррари 292
Феррер 151
Феррет из Виченцы 16, 24, 38, 48
Фессалоника 374
Фикер 421
Филарга 95, 98
Фильефо, Франческо 272, 368, 376, 385-388
Филипп II 339, 346, 350
Филипп IV Французский (Красивый) 14, 17, 19-20, 25, 28-29, 31, 33, 37, 40, 42, 62-63, 69, 301, 311, 485, 487
Филипп V 350
Филипп VI Французский 50, 53, 322
Филипп Бургундский 271
Филипп Каландрини 262
Филипп Нери 451
Филипп Палатинат 394, 396
Филипп Репингдон 227
Филиппины 351
Филиппо Медичи 277
Филластр 82, 100, 103-104
Филлингем 204
Филон Александрийский 371
Финариенсис 394
Финке 7, 16, 25, 28, 32, 35, 45, 59, 106, 135-136
Фислейв, Томас 192
Фитц-Джеймс 412
Фитцральф 198, 211
Фичино 370, 385, 387
Фиш, Саймон 414
Фише 407
Фишер Джон, епископ Рочестера 402, 409-410, 415-416
Флавио Бьондо 369
Фландрия 72, 235, 489
Флаций Иллирик 134, 159, 430
Флейд, Дитрих 337
Флемминг 210, 228
Флодден 307
Флорентий Радевин 154, 180-181, 186
Флоренция 19, 55, 71-72, 76, 78, 80, 82, 100, 103, 107, 112, 116-117, 119-120, 122-123, 131, 149, 203, 257, 260, 266, 268, 275, 277-278, 287, 302, 305-306, 309-310, 313, 319, 353, 358-360, 363-377, 380-384, 386-388, 391, 393, 396, 409, 418, 425, 433-435, 437-440, 442, 444-448, 450-452, 475-477, 490
Флорета 309
Фокс, Джон 197, 203, 227-230, 246, 409, 413-414, 459
Фома Аквинат 22, 29, 36, 56, 58, 63, 120, 126-127, 138, 140, 154, 156-158, 162-163, 168, 218, 247, 329, 332, 334, 362-363, 391, 404, 411, 419, 424, 431, 434, 450, 453, 475, 478, 486, 492
Фома Бекет 203, 210-211, 413, 415, 467-468
Фома Кемпийский 154-155, 180-182, 184-189, 192, 385, 432, 468, 473, 492
Фома Палеолог 268, 270
Фонди 85-86, 90
Фонте Дольче 306
Фонтен дю Боск 144
Фонтенбло 375
Форли 278, 280, 291, 299-300, 302
Формоз 273
Форнуово 288
Форцгейм 336, 395-397, 399-400
Форшалл 221, 225
Фотий 109, 120
Фра (брат) Анджелико 370, 380, 382, 385-386, 434
Фра (брат) Бартоломео 382, 385, 443
Фра (брат) Джакомо 254
Фра (брат) Джироламо 442
Фра (брат) Доменико да Пешиа 445-449
Фра (брат) Мариано да Дженадзано 434, 438, 441
Фра (брат) Микеле Берти де Кальчи 319
Фра (брат) Сильвестро 448-449
Франклин 436
Франкфурт 50, 74, 112, 118, 160, 265, 267, 309, 398, 425, 462, 473, 476-477, 492
Франц фон Сикинген 400
Франциск I 110, 308-309, 311, 375, 388, 408, 459
Франциск Ассизский 7, 129, 279, 362, 382, 418, 450, 474
Франциск Гонзага 260, 268
Франциск, кардинал 67
Франциск Суарес 126
Франциск Толенский 186
Франчезе д'Арквата 319
Франческа 364
Франческетто Чибо 281-282, 287, 309
Франческо Армеллини 314
Франческо Борджиа 293
Франческо да Пулия 445-446
Франческо де Пацци 278
Франческо Пенья 335
Франческо Приньяно 86
Франческо Ровере 275
Франческо Ромолино 448
Франческо Сфорца 375
Фредерик 320
Фрейбург 13, 64, 105, 393, 396, 402, 426
Френсвенген 154
Фридрих I Барбаросса 25, 357
Фридрих II 23, 28, 33, 36, 38, 43, 45, 49, 349, 356-357, 372
Фридрих III Мудрый 118, 254, 262, 264-265, 267, 271, 274-275, 277, 308, 393-394, 398-399, 466, 470, 477
Фридрих Австрийский 105, 107
Фридрих Баварский 242
Фридрих Бранденбургский 248
Фридрих Гогенцоллерн 109
Фридрих из Лаваньи 211
Фридрих Казимир 260
Фридрих Рейзер 255
Фридрих Сицилийский 19
Фрит, Джон 414
Фробен 402
Фроуде 424
Фруассар 196
Футгер, Георг 314
Футгер, Якоб 314
Футтеры 261, 309, 314, 421, 481, 483, 489-490
Фукидид 371, 374
Фуллер, Томас 45, 201, 209-210, 213, 229
Функ 28, 45, 87, 112, 188-189, 311, 342
Фуст 455
Фэйт, Жан дю 320, 322
Хазе 452
Хаймбург, Грегор 147, 267, 269
Хайме Арагонский 14, 45
Халкидон 311
Халлер 7, 59-61, 64
Халлум
Солсберийский 103, 244

- Хаммерсмит 411
 Хансен 335
 Харди 228
 Хардт 110
 Харрисон, Бенджамин 255
 Хаттин 263
 Хауден 201
 Хаулик 241, 243
 Хаусшейн 369
 Хейд 489
 Хелферт 195
 Хельфта 159
 Хемеркен 186
 Хеммерлейн 186
 Херворд 183
 Херефорд 199, 201-202, 208
 Херонимо Кастельян-и-Салас 342
 Хиверингланд 72
 Хиклинг 72
 Хилтон, Вальтер 187, 189, 192, 414
 Хилтон, Томас 414
 Хиль Сандус де Муноса 108
 Хильдегарда из Бингена 159
 Хильдерик 34
 Хименес 298, 342, 344, 350, 455, 481
 Хипсвел 203
 Хлодвиг 271
 Ховеден, Ричард 228
 Ходж, Чарльз 184
 Хоквуд, Джон 76, 80, 131
 Холируд 424
 Холлен 429
 Холцапфель 475-476
 Хоний 433
 Хорн, Джон 209
 Хорстед-Кэйнс 204
 Хохгейм 160
 Хошштеттер, Амвросий 489
 Хошштеттеры 489
 ван Хоэн 433
 Хрисолор 371, 375, 408
 Христиан Давид 256
 Христиан Прахатиц 237
 Христофор 468
 дон Хуан 286
 Хуан II 420
 Хуан Борджиа 260, 285, 287-288
 Хуан Миланский 265-266
 Хуана 340
 Хугстратен 398-400
 Хуньяди 265
 Хупер 424
 Хур 119, 481
 Хьюм 459
 Хьюм-Браун 416
 Хэйр 169
 Хэйтон, Джон 93
 Хэмполь 191
 Цвингли 301, 369, 379, 394, 396, 400, 403, 405, 422
 Цволле 180-182, 186, 188, 395, 432
 Целестин III 260
 Целестин V 16, 41, 50, 88, 284, 363
 Цербольд фон Цютфен, Герхард 177
 Цинцендорф 256
 Цицерон 140, 144, 333, 355, 357, 364-365, 367, 369, 374, 376, 378, 396, 435, 442
 Цюлпих 477
 Цюрих 172, 400, 475
 Чакерт 136
 Чатауква 466
 Чезаре Борджиа 260, 285-286, 288-291, 294, 298-299, 368, 388
 Чезарини 114, 116-117, 120-122, 147, 253
 Чезена 80, 85
 Чейн, Джон 228
 Чекко д'Асколи 391
 Челмерс, Томас 184
 Челси 468
 Чельти 456
 Черветри 287
 Червия 273, 313
 Черретани 445
 Чертальдо 365-366
 Черч 29
 Честер 465
 Честерфилд 306, 436
 Чивита-Веккья 271
 Чивита-Кастеллана 284
 Чимабуэ 379, 381
 Чичеле 221, 229
 Чичестер 201, 230
 Чосер 198-199, 203, 217, 226, 465, 468
 Шакерт 135
 Шамизбуриш 283
 Шампань 143
 Шантимпре 328
 Шарлотта д'Альбрет 290
 Шафф, Филип 7-8, 123, 142, 304
 Шаффхаузен 105, 426
 Шваб 7, 125, 138, 142, 146, 188-189, 247, 451
 Шварцвальд 397
 Шварцерд 369
 Швейнхейм 274
 Швейцария 64, 175, 279, 336, 396, 422, 467, 475, 481-482
 Швеция 71-72, 77, 86, 322, 336, 481
 Шекспир 229, 381
 Шене 413
 Шенфельд 325
 Шербурн 424
 Шерли 203
 Шеффер 455, 493
 Шеффер-Бойхорст 34
 Шиарра Колонна 23-24, 38, 49
 Шиллер 382, 384, 391
 Шиннер из Ситтена 301-302
 Шлеттштадт 395-396, 400
 Шлик 267
 Шмидт 177
 Шнеерганц 323
 Шнитцер 451
 Шольц, Ричард 28, 31-33, 35, 59
 Шотландия 18, 71-72, 86, 98, 104, 108, 229, 267, 327-328, 356, 416, 424, 429, 459, 464, 489
 Шоттмюллер 45
 Шпалатин, Георг 170, 456
 Шпейер 147, 240, 399, 475
 Шпеклин 168
 Шпитцен 188-189
 Шрек 159
 Штаглин, Эльзбет 172
 Штейнер из Цуга 308
 Штекль 126, 190
 Штернберг 467
 Штирия 103
 Штраух 177
 Штутгарт (Ульм) 397, 425
 Шуберт 146
 Шульте 64, 314, 481, 483
 Шульце 189
 Эбергард 397
 Эберлин из Гюнцбурга 474
 Эбнер, Кристина 167
 Эбнер, Маргарита 167
 Эбнеры 489
 Эвон 210
 Эгер 253
 Эгидий Альварес 74
 Эгидий из Витербо 300, 303, 309
 Эгидий Колонна (Эгидий Роман) 28-29, 31-32, 35, 293, 304
 д'Эгрефей 83
 Эдвард III 196
 Эдвард Черный Принц 196
 Эдесса 263
 Эдинбург 435
 Эдмондсбери 196
 Эдмунд 415
 Эдуард I 18, 20
 Эдуард II 44
 Эдуард III 196, 200-202, 205
 Эйзенах 395, 465
 Эйнсидельн 405, 467
 Эйслебен 159
 Эйхштадт 425
 Экк 111, 126, 248, 398-399
 Эккарт 488
 Эколампадий 369, 396, 399, 402-403, 405, 407
 Экс 96, 306
 Эксетер 201
 Экхарт 149, 152-153, 156-167, 169, 174-175, 177-178
 Элеонора 262, 277
 Эли 467
 Эллада 40

- Эльзас 395
 Эмбрун 327
 Эмертон 402, 406
 Эмершем 229
 Эммануил 310
 Эммануил Хрисолор 373
 Энгер 344
 Эней 30
 Эней Сильвий 82, 103, 114, 116, 118, 147, 150, 251, 262-264, 266-267, 270, 372, 389, 393, 489
 Эобан Гессе 396
 Эпиктет 377
 Эразм Роттердамский 182, 231, 315, 354, 356, 358, 369, 377-378, 386, 391-393, 395-396, 399-417, 419, 423, 425, 428-430, 453, 455-457, 468-470, 480, 493-494
 Эриугена, Иоанн Скот 158, 162
 Эрколе Гонзага 260
 Эрколе Строцци 368
 Эрколе Эсте 277, 292-293
 Эрле 7, 46, 53
 Эрлер 103
 Эрпингем, Томас 228
 Эрфурт 118, 150, 152, 160, 233, 248, 305, 325, 394-396, 426, 431, 458, 467, 477
 Эскин де Флойран 45
 Эсте, семейство 284, 389
 Эсте, герцог 368
 д'Эстен 134
 Эсхил 375
 Эттинген-Валлерштейн 405
 л'Этуаль 408
 Эфес 311
 Эштон, Джон 227
 Эшфорд 230
 Юлиан, святой 191
 Юлиан II 450
 Юлиан Ровере 260
 Юлиана из Норвича 191
 Юлий II 258-259, 261, 276, 298, 305, 307, 343, 380-382, 384, 387, 389, 391, 400, 402, 404, 451, 476, 479, 482
 Юлий III 260, 349
 Юлий Помпоний Лет 369
 Юстиниан 82, 263-264, 377
 Якоб Вимфелинг 396, 421, 457, 490, 493
 Якоб Мене 425
 Якоб Хек 432
 Якоб Шпренгер 331-333, 336
 Якоб Ютербок 426
 Яков Беме 157
 Якопо Антикварио 439
 Якопо Галли 381
 Якопо делла Марко 386
 Якопоне из Тоди 18
 Ян Жижка 252
 Ян из Хлума 236, 239-241, 243-244, 249
 Ян Краса 252
 Ян Подушка 254
 Ян Хоксем из Льежа 226
 Ян Шенхофен 141, 178, 189
 Янг 230
 Янссен, Иоганн 7, 149, 225, 400, 406, 421, 460, 488, 493-494
 Япония 38

Тематический указатель

- Ausculat filii** 21, 33
auto de fe 341, 346
Biblia pauperum 460
Clericis laicos 20, 41, 63
conversos 339-345, 350
Cruciata 208, 235
Cum inter nonnullos 51
Cupientes 201
De concordantia cath. 147
De monarchia 14, 29, 31, 360, 488
De planctu ecclesiae 39, 60, 334
Defensor pacis 54, 56
Deum time 22
Execrabilis 258, 269, 449, 487
Exivi de paradiso 51
filioque 121, 431
Frequens 110-112
Pater aeternus 311
Romola 418
Salvator mundi 33
Salvatoria 119
servitia 64, 66-67
Summis desiderantes 330, 338
thesaurus meritorum 478
Unam sanctam 22, 25, 29, 41, 57, 311
Unitas fratrum 251, 254, 256
usus pauper 50-51
visitationes 66
аббревиаторы 273-274, 292
августинцы 31-32, 60, 72, 82, 150, 198, 216, 280, 434, 460
авиньонские папы 38-39, 63, 74, 89-91, 94, 108, 131, 208
азимиты 123
аллегория 168, 177-178, 220, 309, 324, 453-454
альгвасил 347
анагогия 220, 453-454
анафемы 22-23, 38, 46, 48, 52, 71, 85, 119, 206, 226, 233-234, 269, 431, 442, 444-445, 459, 484, 494
аннаты 63-65, 67, 110, 116, 118, 145-146, 308, 314, 400
антипапы 14, 17, 20, 22, 29, 33, 49, 52, 54-55, 76, 83, 119, 131, 267, 376, 378
апокалиптики 224
Апостольский символ веры 230, 368, 378, 431, 444, 462, 464
ариане 54, 169, 232, 237, 331, 406
астрология 391, 427, 437
Афанасьевский символ веры 431
бандеризы 83
бегарды 46, 142, 155, 160, 175-176, 178, 226, 318, 320, 325
бегинки 46, 154-155, 159, 226, 318, 473
бенефиции 32, 47, 60-62, 64-65, 69, 90, 107, 118-119, 134, 137, 145, 147, 195, 201-202, 265-266, 276, 280, 284, 300, 308-309, 314, 348, 364, 377, 390, 400, 420, 428, 444-445, 483
библиотеки 22, 25, 32, 46, 81, 122, 177, 181, 184, 188, 193, 198, 221, 232, 248, 257, 261, 274, 281, 323, 347, 350, 352, 365-366, 368, 370-372, 374-375, 380, 394, 396, 399, 404-405, 407, 411, 418, 432, 455, 461
бичующиеся 150-151, 226, 318, 320-326
благотворительность 79, 130, 155, 200, 472-473, 475, 477
богемская ересь 114, 139, 246
богемские братья 195, 251, 255, 327
«Божественная комедия» 17, 359-360, 363, 366
болезни 24, 44, 69, 71-72, 171, 184, 204, 240, 267, 288, 293-294, 297-298, 301, 303-304, 323-324, 350, 389, 419, 467, 472, 474
больницы 192, 470, 473-474, 477, 479, 481
братства 148, 177, 180, 183, 255-256, 323-324, 449, 472-473, 477-478
братья общинной жизни 147, 155, 177, 180-182, 186, 392, 395, 430, 432
братья свободного духа 175-176, 178, 181, 318
бреве 22, 64, 200-202, 267, 273, 278, 285, 308, 444, 477, 480
бревнарии 178, 191, 315
букварь 449, 463, 469, 471
вальденсы 142, 151, 175, 220, 224, 255, 283, 317-318, 326-327, 336, 488
Вестминстерская ассамблея 111
визионерство 141
виклефиты 103, 226-227, 229, 231, 233, 235-236, 241, 246-247
Возрождение 12, 29, 113, 127, 135, 256-259, 261, 284, 296, 323, 351-352, 355-358, 365, 367-368, 370-373, 375-376, 379-381, 384-385, 387-388, 390-393, 404, 407-408, 413-414, 416, 429, 433, 436, 442, 455, 468, 486, 492
восуществление 127-128
Вульгата 221, 311, 378, 405, 408, 428, 434, 455-457, 460
галликанство 33, 99, 110, 118, 310-311
гальская болезнь 304, 389
гильдии 329, 465, 472-473, 477, 491-492
гости 121, 217, 240, 278, 334, 404, 447, 469
греческий язык 148, 182, 266, 373-376, 394, 397, 401, 403, 410, 434, 493
гуситы 114, 116, 147, 150, 195, 213, 228, 231, 239, 246, 248, 251-256, 318, 320, 327, 431, 489
«Декамерон» 366-367, 392
диоцезы 305
доминиканцы 35-36, 38, 43, 52, 93, 95, 111, 114, 124, 126, 130, 138, 149-151, 155, 160, 167, 171, 183, 198, 216, 240-241, 303, 309, 320, 323, 325, 328, 331-332, 334-335, 341, 349, 354, 399-400, 402, 433-434, 442-443, 445-446, 448-449, 451-452, 481
донатисты 237
друзья Бога 155, 167, 174-177, 189
еврейский язык 31, 46, 148, 158, 190, 221, 371-372, 375-376, 378, 392, 394, 396-401, 408, 410, 413, 432, 434, 454-456
евхаристия 121-123, 127-128, 140, 207, 216-218, 227-228, 230, 234, 332, 443
единосущие 164
законничество 166
«Золотая булла» 74
иаковиты 216
импанация 128, 217

- индугенции** 18-19, 39, 42, 61, 65, 68, 89, 109, 146, 148, 198, 208-209, 212, 216, 227, 235, 238, 249, 252, 278, 305, 314, 320, 323, 362, 404, 414, 419, 428, 431-432, 475, 478-484
инквизиция 12, 43, 45, 51, 140, 159, 226, 247, 278, 317-319, 325-326, 328-330, 336-337, 339-351, 377, 379, 385, 391, 420, 431-432, 459, 489
инкубы 332
интердикты 21, 38, 46, 50, 75-76, 88, 131, 148, 167, 202, 234-236, 253, 265, 278, 300, 303, 404, 444
иоанниты 282
ипостаси 163
кабала 379, 397-398
каликстинцы 251-254
камальдулы 375-376
Камбрийская лига 300-301
капуцины 52
картузианцы 144, 151, 178, 180, 223, 227, 366, 426
катары 23, 151, 252, 327, 336, 339, 402
катены 452-453
катехизисы 143, 256, 346, 430, 463
катехумены 463
квиеизм 134, 156, 168, 185
книгопечатание 149, 261, 310, 356, 402, 409, 457-461, 485, 493
колдовство 23, 25, 135, 279, 296, 317-318, 327-332, 334, 336-337, 340, 399
конвентуалы 46, 50-52
конклав 16, 38, 47, 76, 83-84, 87, 90, 114, 260, 268, 271, 273, 275, 279, 284-285, 294, 298, 304, 306
конкордаты 110, 118-119, 148, 308, 310-311
консилиаризм 95, 114, 117
Константинов дар 37, 57, 148, 255, 368, 378
контрреформация 379, 392
копты 123
кортесы 344, 347
котомочники 319
лоджи 382
лонсты 319
- долларды** 192, 194, 221, 223-231, 318, 320, 412, 423, 458, 489
люцифериане 217
манихей 23, 27
мараведи 345
марониты 123
«мертвая рука» 198, 200
милленаризм 318
минориты 36, 51-52, 54, 98, 216
миракли 277, 430, 464-465
митрополии 120, 122, 268, 305
монофелиты 331
моравы 158, 231, 241, 254-256
наложницы 146, 198, 275, 281, 286, 295, 357, 367, 376, 389-390, 403, 419, 422-423, 444
некроманты 47
непорочное зачатие 116, 138, 279, 470
непотизм 11, 19, 24-25, 36, 39, 90, 113, 259, 265, 297
несториане 123
номинализм 126-127, 136, 211
нотарии 48, 65, 67, 273, 281, 287, 306, 324, 347
обсерванты 50, 52, 149-150, 319, 482
ордалии 445-449
паллий 116, 400
паломничества 39, 73, 212, 216, 223, 227, 230, 321-322, 348, 360, 364, 414, 431, 466-468, 471, 481, 484
пелагиане 406
пениitenciарии 60, 151, 343, 395, 425
Платоновская академия 373-374, 442
«Подражание Христу» 155, 157-158, 184-186, 189, 488
полиглотты 404
попрошайничество 197, 427, 474
Прагматическая санкция 110, 118, 308
пребены 199, 201-202, 394, 421, 435
- пресуществление** 42, 58, 111, 122, 186, 207, 213, 217-218, 223, 246, 250, 252, 323
приоры 62, 72, 369
рейхлинисты 399
рейхстаги
 - в Аугсбурге 311
 - в Вормсе 309
 - в Инсбруке 490
 - в Кельне 422, 490
 - в Нюрнберге 423
 - в Регенсбурге 393
 - во Франкфурте 50, 265
реколлежы 52
реманенция 242
ростовщичество 314, 321, 340, 398, 428, 463, 475-476, 490
савеллиане 169
салемиские ведьмы 246
санбенино 345, 348
святое копье 283
«святой год» 18-19, 70, 73, 77, 89, 148, 257, 262, 264, 291, 322, 364, 371
симония 17, 19, 23, 36, 39, 47, 63, 77, 89, 104, 106-107, 117, 131, 134, 145-146, 154, 230, 244, 284, 288, 295, 304, 319, 361, 363, 443, 450
синоды
 - в Базеле 259, 425
 - в Бамберге 425
 - в Бурже 115, 117, 308
 - в Вальядолиде 339
 - в Йорке 44
 - в Лаворе 463
 - Ламбетский 429, 463
 - в Лондоне 44
 - в Мейссене 425
 - в Пизе 99
 - в Праге 233, 463
 - в Сент-Эндрюсе 459
 - в Таррагоне 44, 339
 - в Толедо 121
 - в Тортозе 463
 - в Тулузе 222, 456
 - в Эйхштадте 425
 - в Эксе 96
соборы
 - в Авиньоне 53
 - в Базеле 11, 82, 111-112, 114-119, 123, 147-148, 228, 231, 248, 253, 255, 308, 335-336, 340, 402, 470
- I Ватиканский 55, 111, 119
 - в Венсенне 53
 - во Вьенне 20, 40, 42, 44-45, 51, 54, 63, 68, 339, 373, 475
 - в Йорке 198
 - в Кастилье 344
 - в Константинополе 123, 311
 - в Констанце 11, 62, 81, 100, 102, 108, 110-112, 114-115, 118, 136, 139-140, 142, 145-146, 151, 183, 195, 210, 213, 237, 239, 246-248, 250-251, 253, 259, 268, 270, 303, 310, 325, 373, 419, 465, 481, 487
 - в Кремоне 101
 - III Латеранский 21
 - IV Латеранский 21, 111, 207
 - V Латеранский 28, 119, 123, 261, 303, 309-310, 476, 483, 492, 494
 - II Лионский 54, 61, 120
 - в Лозанне 119
 - в Лондоне 233
 - в Милане 303
 - в Никее 311
 - в Париже 16, 36, 93
 - в Перпиньяне 95, 98
 - в Пизе 11, 94-96, 98-100, 136, 138, 194, 301-303, 307
 - в Равенне 94
 - в Риме 31, 100, 136
 - в Рицце 105
 - в Сиене 104, 253
 - в Тортозе 340
 - в Тренто (Триденский) 31, 33, 315, 367, 406, 476
 - в Тулузе 220
 - в Туре 301
 - в Ферраре 117, 119, 122, 374
 - во Флоренции 120, 123, 310
 - в Халкидоне 123, 311
 - в Херворде 183
 - в Эфесе 311
спиритуалы 46, 48-52, 54-55, 127
станцы 382
старокатолики 123
суеверия 7, 143, 271, 330, 332, 390, 400, 403, 414-415, 427, 494
суккубы 332

- супрема** 343, 346-347, 350
табориты 251-255
тамплиеры 14, 40-46, 329
«Танец смерти» 464
танцоры 326, 429
терминисты 126
терциарии 130
тетраграмматон 398
трактарианство 11, 28, 107
тривиум 395
«Триумф Креста» 418, 443, 450-451
- тропология** 220, 454
ультрамонтанство 59, 99, 110, 147, 237, 257
университеты 7, 15, 23, 29, 31, 35, 43, 46, 53, 55, 64, 74, 82, 86, 90-95, 97-98, 100, 102-106, 115, 118, 126, 128, 135-138, 140, 142-145, 150, 180, 187-188, 190-191, 195, 198, 205, 207, 229, 231-236, 238, 244-245, 248, 250, 252-253, 270, 272, 303-304, 310, 317, 322, 330, 332, 350, 354, 357, 364, 376, 387, 392-400, 404, 407-410, 412, 419, 422-423, 426, 431-432, 456, 458, 467, 469-470, 473, 485, 487
- «Утопия»** 415
утраквисты 251-254, 274
фамилиары 347
францисканцы 43, 46, 48-54, 60, 95, 98, 104, 120, 126-127, 140, 149, 160, 180, 198, 216, 242, 275-276, 278, 319, 323, 326, 328, 342, 387, 415, 426, 445-447, 464, 476, 479, 482
фратичелли (фратричелли) 51, 226, 317-320
фрилисы (фрискеры) 326
холокост 341, 344
- целибат** 37, 116, 198, 216, 227, 230, 267, 281, 333, 408, 431
«черная смерть» 71, 73, 195, 197, 320, 322, 324, 472
чистилище 30, 45, 53, 59, 121, 174, 176, 186, 212, 230, 255, 278, 305, 326, 360-363, 379, 414, 478-480, 482, 484
чудотворение 151
швестрионцы 226
экзорцизм 332
яковиты 123

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
§1. Введение	11
ГЛАВА I	
УПАДОК ПАПСТВА И АВИНЬОНСКОЕ ИЗГНАНИЕ.	
1294 — 1377	
§2. Источники и литература	13
§3. Папа Бонифаций VIII. 1294 — 1303	16
§4. Бонифаций VIII и Филипп Красивый	19
§5. Литературные нападки на папство	28
§6. Перемещение папства в Авиньон	38
§7. Понтификат Иоанна XXII. 1316 — 1334	47
§8. Нападки на должность папы	54
§9. Финансовая политика авиньонских пап	60
§10. Авиньонские папы позднего периода	70
§11. Возвращение папства в Рим. 1377	76
ГЛАВА II	
ПАПСКИЙ РАСКОЛ И РЕФОРМАТОРСКИЕ СОБОРЫ.	
1378 — 1449	
§12. Источники и литература	81
§13. Начало раскола. 1378	83
§14. Дальнейшее развитие раскола. 1378 — 1409	88
§15. Собор в Пизе	95
§16. Собор в Констанце. 1414 — 1418	99
§17. Собор в Базеле. 1431 — 1449	112
§18. Собор в Ферраре — Флоренции. 1438 — 1445	119
ГЛАВА III	
ВЕДУЩИЕ КАТОЛИЧЕСКИЕ МЫСЛИТЕЛИ	
§19. Литература	124
§20. Оккам и упадок схоластики	125
§21. Святая Екатерина Сиенская	129
§22. Пьер д'Альи, церковный и государственный деятель	135

§23. Жан Жерсон, богослов и руководитель церкви	137
§24. Никола Клеманж, моралист	143
§25. Николай Кузанский, ученый и церковный деятель	147
§26. Народные проповедники	149

ГЛАВА IV

НЕМЕЦКИЕ МИСТИКИ

§27. Источники и литература	152
§28. Новая мистика	155
§29. Мейстер Экхарт	159
§30. Иоганн Таулер из Страсбурга	167
§31. Генрих Сузо	171
§32. Друзья Бога	175
§33. Ян ван Рейсбрук	177
§34. Геерт де Гроот и братья общинной жизни	180
§35. «Подражание Христу». Фома Кемпийский	184
§36. «Немецкое богословие»	189
§37. Английские мистики	191

ГЛАВА V

РЕФОРМАТОРЫ ДО РЕФОРМАЦИИ

§38. Источники и литература	193
§39. Церковь в Англии в XIV веке	195
§40. Джон Виклиф	203
§41. Учение Виклифа	210
§42. Виклиф и Писание	218
§43. Лолларды	226
§44. Ян Гус из Богемии	231
§45. Гус в Констанце	239
§46. Иероним Пражский	249
§47. Гуситы	251

ГЛАВА VI

ПОСЛЕДНИЕ ПАПЫ СРЕДНИХ ВЕКОВ.

1447 — 1521

§48. Литература и общий обзор	257
§49. Николай V. 1447 — 1455	261
§50. Эней Сильвий де Пикколомини (Пий II)	266
§51. Павел II. 1464 — 1471	273
§52. Сикст IV. 1471 — 1484	275
§53. Иннокентий VIII. 1484 — 1492	279
§54. Папа Александр VI — Борджиа. 1492 — 1503	284
§55. Юлий II, папа-воитель. 1503 — 1513	297
§56. Лев X. 1513 — 1521	305

ГЛАВА VII ЕРЕСЬ И КОЛДОВСТВО

§57. Литература	317
§58. Еретические и нецерковные движения	318
§59. Колдовство и наказание за него	327
§60. Испанская инквизиция	339

ГЛАВА VIII ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ

§61. Литература эпохи Возрождения	352
§62. Пробуждение интеллектуальных сил	355
§63. Данте, Петрарка, Боккаччо	359
§64. Развитие классических исследований в XV веке. Меценаты и покровители	367
§65. Греческие учителя и итальянские гуманисты	373
§66. Художники	379
§67. Возрождение язычества	384
§68. Гуманизм в Германии	392
§69. Рейхлин и Эразм	396
§70. Гуманизм во Франции	407
§71. Гуманизм в Англии	409

ГЛАВА IX ПРОПОВЕДЬ И НАРОДНОЕ БЛАГОЧЕСТИЕ

§72. Литература	417
§73. Клир	419
§74. Проповедь	425
§75. Вероучительные реформы	430
§76. Джироламо Савонарола	433
§77. Изучение и распространение Библии	452
§78. Народное благочестие	460
§79. Дела милосердия	472
§80. Торговля индульгенциями	478

ГЛАВА X ЗАВЕРШЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 485

УКАЗАТЕЛИ	495
---------------------	-----